

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

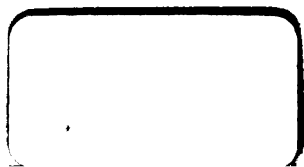
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ.

—44—

ТОМЪ СОРОКЪ ПЯТЫЙ.

—4524—

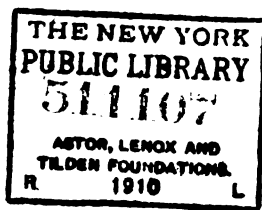
МОСКВА.

Въ университетской типографіи
(КАТКОВЪ и К°).

1863.

4-
17610

Дозволено цензурой в Москвѣ, 28 июля 1863 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКЪ ПЯТАГО ТОМА.

М А Й.

Старообрядческіе Архіереи. IV. П. И. Мельникова.	5
Взбаламученное Море. Романъ нъ шести частяхъ. Часть третья. А. Ѳ. Писемскаго.	43
Задача присяжныхъ въ двѣхъ уголовного суда. С. И. Баршева.	115
О духовныхъ семинаріяхъ. По поводу предполагаемыхъ преобразованій. Тулаева.	135
Мелодія. Стихотвореніе. А. А. Фета.	188
Сельская жизнь въ Англіи или воспоминанія французскаго изгнанника. (<i>La vie rurale en Angleterre.</i>)	
Окончаніе.	189
Малорусскомъ литературномъ языкѣ и объ обученіи на немъ. А. А. Иванова.	244
Чиновникъ. Быль. Новинской	268
Очерки.—Гимназіи сороковыхъ годовъ. Г. М. Лосева.	300
Народныя движенія въ Подоліи и на Волыни въ 1768 и 1789 годахъ. П. К. Щербальскаго.	322
О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи. Глава II. В. П. Безобразова.	362
Современныя движенія въ расколѣ.	385
По поводу статьи „Роковой вопросъ“.	398
Мнимое и дѣйствительное.	419

І Ю Н Ъ.

Старообрядческіе архіереи. (Окончаніе.) <i>П. И. Мельникова.</i>	429
Замѣтка по поводу статьи г. Мельникова „Старообрядческіе архіереи“. <i>С. М. Соловьева.</i>	507
Поляки на Закарпатской Украинѣ въ XVIII вѣкѣ. I—V. <i>К. Е. Козловскаго.</i>	509
Разсвѣтъ. Стихотвореніе. <i>Ф. И. Иванова.</i>	560
Взбаламученное Море. Романъ въ шести частяхъ. Часть четвертая. <i>А. Ф. Писемскаго.</i>	561
О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи. Глава II. (Окончаніе.) <i>В. П. Безобразова.</i>	637
Магдалина. Повѣсть. I—V. <i>Сосногорова.</i>	682
Робкій человекъ. Очеркъ. <i>Г...</i>	724
Переписка Екатерины II съ гр. Н. И. Панинымъ. <i>П. К. Щербальскаго.</i>	748
Посетковъ. По вновь открытымъ документамъ. <i>М. П. Погодина.</i>	763
О литературномъ языкѣ у Славянъ. <i>Д—й П.</i>	791
Современные рыцари.—I. Безкорыстный реформаторъ. <i>Б. Адамантова.</i>	817
О народной грамотности и распространенія просвѣщенія въ народѣ. <i>Н. Ф. Щербини</i>	831

СТАРООБРЯДЧЕСКІЕ АРХІЕРЕИ ¹

IV. Епископъ Епифаній.

Пока Стародубье и Вѣтка, не жалѣя ни денегъ, ни трудовъ, хлопотали въ Яссахъ объ епископѣ, великороссійскіе старообрядцы нашли себѣ архіерея въ самой Москвѣ.

Въ концѣ 1731 года между московскими старообрядцами разнесся неясный, въ началѣ, слухъ, что при синодальной конторѣ содержится подъ арестомъ одинъ колодникъ, привезенный изъ Кіева, что хотятъ его послать куда-то далеко въ заточеніе и что этотъ загадочный колодникъ—чуть ли не архіерей. Въ то время подобный слухъ не могъ показаться невѣроятнымъ: по вліянію Прокоповича, не задолго до того, одинъ епископъ (Левъ Воронежскій) свѣченъ былъ кнутомъ, а четверо (Игнатій Коломенскій, Георгій Ростовскій, Варлаамъ Кіевскій, Сильвестръ Казанскій) были лишены сана. Стали старообрядцы разузнавать, какой это архіерей, и за что онъ посаженъ. Начали они ходить въ синодальную контору и покупать у сторожей свиданія съ таинственнымъ лицомъ. Видать: сидитъ старецъ въ оковахъ, небольшого роста, приземистый, толстый, съ блѣднымъ, широкимъ лицомъ, съ сѣрыми глазами, съ большою черною бородою и съ черными, съ просядью, волосами².

— Кто ты такой? спрашивали старообрядцы у колодника.

— Омуренный епископъ Епифаній, отвѣчалъ онъ.

¹ См. Русскій Вѣстникъ № 4.

² Такъ примѣты его описаны въ указѣ Св. Синода 30 марта 1733 года

— За что же тебя посадили за приставы?

— За то что въ Яссахъ, въ чужомъ государствѣ, посвящался.

— Какъ твое дѣло?

— Ссылають въ Соловецкій монастырь подь смиреніе¹.

Это дѣйствительно былъ епископъ Епифаній, посвященный предвѣстникомъ уже известнаго намъ Автонія, яскимъ митрополитомъ, Георгіемъ. Вотъ похождения этого человека, чрезвычайно замѣчательнаго по превратности судьбы. Онъ былъ Малороссіянинъ, родился въ Кіевѣ около 1685 года, учился въ школахъ при кіевскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, поступилъ въ чело монашествующей братіи Кіево-Печерской лавры и былъ нареченъ Епифаніемъ. По отцѣ звали его Яковлевичъ. Черезъ нѣсколько времени Епифаній былъ посвященъ въ іеромонахи. Кіевскій архіепископъ Варлаамъ Ванатовичъ былъ къ нему благосклоненъ, приблизилъ къ себѣ и сдѣлалъ экономомъ своего архіерейскаго дома². Будучи знатокомъ въ приказныхъ дѣлахъ, Епифаній завѣдывалъ въ то же время у Ванатовича и его канцеляріей. Были у него въ Кіевѣ близкіе родственники, все люди бѣдные, постоянно нуждавшіеся въ средствахъ къ жизни; онъ ихъ очень любилъ и почти все, что ни добывалъ, отдавалъ имъ. Къ тому же, хотя и монахъ, грѣшный человекъ — охотникъ былъ до молоденькихъ женщинъ и притомъ любилъ выпить. На все это нужны были деньги и притомъ не малые. И, вотъ, однажды послалъ архіепископъ Варлаамъ своего любимаго эконома въ Козельскій монастырь³ по какимъ-то хозяйственнымъ дѣламъ. Тамъ Епифаній положилъ въ свой карманъ 240 руб. монастырской казны, сумма довольно значительная по тому времени. Эти деньги отдалъ онъ роднѣ. Въ то же время обличенъ былъ въ

¹ Иона Курносый. Разговоръ здѣсь какъ и въ другихъ мѣстахъ удержанъ буквально.

² Преез. Макарій (*Исторія русскаго раскола*, стр. 301) говоритъ, что Епифаній былъ простой монахъ Козельскаго монастыря, но изъ дѣла о немъ производившагося, изъ *Посланія керубенскимъ отцовъ* (раскольн. рукопись) и изъ Ионы Курносаго видно, что Епифаній былъ іеромонахомъ и экономомъ кіевского архіерейскаго дома. Н. И. Надеждинъ въ своемъ сочиненіи *О заграничныхъ раскольникахъ* называетъ Епифанія монахомъ Кіевопечерской лавры.

³ Козельскій Георгіевскій монастырь въ четырехъ верстахъ отъ гор. Козельска, Черниговской губерніи и въ 70 вер. отъ Кіева, на берегу р. Остра, основанъ въ 1654 году.

растяганіи одной дѣвушки¹. Какъ ни любилъ Епифанія Варлаамъ, однако дѣлъ замѣть никакъ не могъ: очень ужь они огласились по Кіеву и производили большой соблазнъ какъ въ Софійскомъ домѣ, такъ и въ Лаврѣ. Началось сѣдствоіе, но пока домашнее. Предвидя неизбѣжно дурной исходъ дѣла, Епифаній рѣшился лучше бѣжать куда-нибудь чѣмъ быть разстриженнымъ или сидѣть въ лаврской тюрьмѣ. Должность эконома Софійскаго дома была весьма почетная; онъ имѣлъ большое вліяніе на духовенство всей обширной Кіевской епархіи—и вдругъ съ такого мѣста, да въ тюрьму. Но куда бѣжать? Сыщутъ вездѣ. И рѣшился онъ направить стопы свои за границу. Изъ находившихся въ его вѣдѣніи дѣлъ Кіевской митрополіи отрѣзалъ онъ на всякій случай отъ какой-то грамоты Львовскаго (что въ Галиціи) православнаго епископа вѣсную печать, вырѣзалъ поддѣльную печать кіевскаго митрополита и съ ними отправился въ кіевскую губернскую канцелярію выправлять себѣ заграничный паспортъ, будто бы для осмотра зарубѣжныхъ домовыхъ вотчинъ митрополитскаго дома бывшихъ неподалеку отъ Триполя². Какъ софійскому эконому, часто вѣдывшему для осмотра зарубѣжныхъ вотчинъ, губернская канцелярія выдала ему паспортъ безпрепятственно. Перебравшись благополучно за границу, Епифаній не зналъ, что затѣмъ ему дѣлать: заторно и не безопасно было ему воротиться въ Кіевъ; горько было также лишиться выгоднаго экономскаго мѣста и притомъ удалиться, быть-можетъ, навсегда, отъ роднаго мѣста и любимыхъ родственниковъ. Въ этомъ раздумьѣ пришла ему мысль: сдѣлаться бродячимъ архіереємъ. Въ то время, при полномъ господствѣ уни въ южнорусскихъ и западнорусскихъ областяхъ, бывшихъ подъ польскимъ владыче-

¹ Въ Дѣлѣ о Епифаніи сказано: „обличень въ блудодѣланіи“, а у Іоанн Курносаго: „за непорядки, пьянство, и за растяганіе насильно чистыя дѣвы изъ свѣченства и эконометва своими обличающими извержена бывша, и по имѣреніи, по сердцу сказующа на своихъ важное дѣло, изловленъ и сидѣлъ долго, приговоренъ къ розмыску, и носѣвшавшу милостивому указу отъ розмыску и сидѣнія свободенъ.“

² Мѣстечко Триполь въ Кіевскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Днѣпра, на устьѣ рѣки Красной, извѣстно еще съ 1093 г. Самый Триполь принадлежалъ Россіи съ 1681 года, но митрополитыи мѣстности, близъ него находившіяся, были въ тогдашнихъ польскихъ еще владѣніяхъ. Теперь Триполь замѣчательнъ только живописными видами, если подѣзжать къ нему изъ Кіева.

отвѣтъ, нерѣдко встрѣчались такіе безудѣльные православные епископы, которые, иногда съ разрѣшенія даже епархіальныхъ уніатскихъ архіереевъ, бродили по православнымъ приходамъ для отправленія богослуженія. Особенно такихъ епископовъ довольно встрѣчалось въ Подоліи, на Волини и въ Галиціи, гдѣ населеніе было сплошь православное, за исключеніемъ помѣщиковъ и шляхты. Уніаты и уніатскіе епископы съ пренебреженіемъ обращались съ этими „бискупами хлопской вѣры“, но въ крестьянскихъ (хлопскихъ) хатахъ для такихъ пастырей всегда былъ готовъ искренній, радушный пріемъ. Для полученія епископскаго сана Епифаній отправился въ Яссы, къ тамошнему митрополиту Георгію. Въ Бессарабскомъ городѣ Сорокахъ написалъ онъ подложную грамоту отъ имени Львовскаго православнаго епископа къ Георгію и привѣсилъ къ ней выкраденную въ Кіевѣ Львовскую епископальную печать, написалъ такіа же подложныя грамоты будто бы отъ Варлаама Ванатовича къ яскому митрополиту и молдавскому господарю и привѣсилъ къ нимъ подложныя, имъ вырѣзанныя еще въ Кіевѣ, печати. Представившись обоимъ въ Яссахъ, онъ показывалъ тому и другому тоже подложный, составленный будто бы жителями Чигирима, приговоръ о желаніи имѣть Епифанія у себя епископомъ. Въ подложной грамотѣ, писанной отъ имени Варлаама, Епифаній выражалъ то недовольство Кіевлянъ, которое затаенно существовало въ нихъ со времени отчисленія Кіева и Малороссіи изъ вѣдѣнія константинопольскаго патріарха. Учрежденіе святѣйшаго синода и изданіе „Духовнаго регламента“, въ которомъ находили не мало антиканоническаго, еще болѣе усилило недовольство мѣстнаго духовенства. Прежде кіевскіе митрополиты были „экзархами патріаршаго ерону“ и малымъ чѣмъ рознились отъ автокефальныхъ первостоятелей церкви. Теперь они были поставлены на ряду съ прочими архіереями и даже изъ митрополитовъ низведены на степень архіепископскую. Упразднивъ самъ патріарха, Петръ I уничтожалъ постепенно и митрополитчиі каяедры, такъ что къ апрѣлю 1724 года, по смерти Тихона Казанскаго, во всей Россіи не было ни одного митрополита. Оставался въ живыхъ Симъвестръ Смоленскій; его перевели въ Тверь епископомъ. Оскорбительно это было и вообще для русскаго духовенства, а для Кіева, гдѣ рядъ митрополитовъ восходилъ до днѣи

самого Св. Владиміра, это было больше чѣмъ оскорбленіе. Прежде въ Кіевѣ митрополитъ правилъ церковью самостоятельно, а теперь по указу его императорскаго величества изъ святѣйшаго правительствующаго синода. Прежде въ Кіевѣ сѣзжались къ митрополиту южнорусскіе православные епископы, теперь кіевскій владыка самъ долженъ былъ ѣздить на чреду священнослуженія въ далекіи и новый Петербургъ. Членами святѣйшаго синода были не только архіереи, но и архимандриты, даже протопопы и іеромонахи¹; между тѣмъ какъ архіереи первенствовавшей со дней Св. Владиміра каедры не были синодальными членами и находились въ зависимости не только отъ петербургскихъ архіереевъ, но и отъ тамошнихъ протопоповъ. Все это въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ расписалъ Епифаній въ подложномъ письмѣ отъ Ванатовича. „Избраніе во епископа, по правиламъ апостольскимъ и Свв. вселенскихъ соборовъ, писалъ онъ, должно происходить въ присутствіи *митрополита*, какъ 19 правило святаго Антиохійскаго помѣстнаго собора повелѣваетъ. По 4 правилу перваго вселенскаго собора утверждати епископа довлѣтъ *митрополиту* и тогда лишь совершается рукоположеніе. Поставленный же *безъ соизволенія митрополита* не долженъ быть епископомъ по 6 правилу Перваго Вселенскаго, что въ Никеи, собора. А у насъ нѣтъ митрополита нигдѣ, во всей Великой и Малой Россіи, и азъ смиренный, владыка и пастырь святыхъ, славныхъ и великихъ церкви кіевскія и всея Малой Россіи — точію *архіепископъ*, власти епископы поставлять, по божественному писанію, не имѣю.“ Въ заключеніе присоединена была просьба *архіепископа* Ванатовича къ *митрополиту* Георгію совершить епископомъ Епифанія, мужа богоговѣйна, съ давняго времени испытанна въ словѣ вѣры и въ житіи, сообразномъ правому слову, какъ подобаетъ по 12 правилу Лаодикійскаго помѣстнаго собора, безбрачнаго же и прошедшаго низшаго степеня служенія богоговѣино и не зазорно. Цѣль посвященія Епифанія въ епископы объяснялась

¹ Напримеръ: Іоаннъ, протопопъ Троицкой церкви въ Петербургъ по 1823 годъ; Петръ, протопопъ Петропавловской крѣпости по 1726; іеромонахъ Варлаамъ Овсянниковъ, въ послѣдствіи лашенный сана, іеромонахъ Теофілъ Кроликъ, іеромонахъ Анастасій Кондоиди, Грекъ выхвачшій изъ Молдавіи съ княземъ Калеміромъ до 1728 года; протопопъ Іванъ московскаго Успенскаго собора съ 1730 по 1733 годъ, протопопы московскаго Благовѣщенскаго собора Іванъ (1730 — 1737), Петръ (1738 — 1747).

тѣмъ, чтобъ онъ могъ рукополагать во священники и диаконы для зарубежныхъ приходоѡ кievской митрополіи, о которыхъ и знать не хотѣли ни петербургскій синодъ, ни великороссійскія власти.

Посланіе въ такомъ духѣ написанное, не могло не польстить самолюбію молдовахійскаго митрополита. Подкрѣплено оно было „великими подарунками“, которые, по свидѣтельству Ивана Алексѣева, поднесъ Епифаній и митрополиту и господарю¹. Кіевскій экономя достигъ желаемого: въ Ясскомъ кафедральномъ соборѣ 22-го іюля 1724 года Георгій возложилъ на него омофоръ. Получивъ епископскій санъ, Епифаній писалъ къ львовскому и владимірскому (на Волыни) уніатскимъ епископамъ, прося ихъ позволенія жить въ ихъ епархіяхъ и посвящать въ попы и затѣмъ отправился въ Украину. Здѣсь онъ познакомился съ раскольниками, которые нуждаясь въ священникахъ, просили Епифанія посвятить избранныхъ ими лицъ. Епифаній согласился, разумѣется, не даромъ, и въ продолженіе какого-нибудь мѣсяца поставилъ имъ 14 поповъ и дьяконовъ. Въ сентябрѣ того же 1724 года онъ былъ схваченъ людьми прежняго своего благодѣтеля Ванатовича и посаженъ подъ арестъ въ Кіевѣ.

Кіевскій архіепископъ донесъ объ Епифаніи святѣйшему синоду. Синодъ потребовалъ его въ Петербургъ. Весной 1725 года, Епифаній былъ привезенъ въ столицу; но не до него тогда было святѣйшему синоду: вступленіе на престолъ Екатерины I и процессъ новгородскаго митрополита Θεодосія, на нѣкоторое время отдавали рѣшеніе его дѣла. Сентября 3-го наконецъ синодъ лишилъ Епифанія священства и монашества и какъ мірянина предалъ гражданскому суду въ юстицъ-коллегіи. И здѣсь дѣло продолжалось не малое время: лишь въ іюнѣ слѣдующаго 1726 года послѣдовалъ о немъ приговоръ „высокаго сената“, по которому „вѣлно онаго Епифанія для поминовенія блаженныя и вѣчностойныя памяти Императорскаго Величества (Петра I²), по мнѣнію юстицъ-коллегіи, отъ розыска и наказанія учинить свободна; только за оныя его важныя вины на волю его не освобождать, но сослать въ Соловецкій

¹ *Исторія о бѣгствующемъ священникѣ въ Лятовиславъ русск. ист. и древн. т. IV. сѣнь, стр. 66.*

² *А не Екатерины I († 1737) какъ сказано у пресвященнаго Макарія въ Исторіи русскаго раскола стр. 302.*

монастырь и держать тамо до смерти необходимо и употреблять въ работу, въ какую будетъ удобенъ¹. Изъ юстицъ-коллегіи препроводили Епифанія въ синодъ, и черезъ семнадцать дней послѣ сенатскаго приговора, синодъ, или вѣрнѣе Теофанъ Прокоповичъ, еще разъ помиловалъ земляка своего: для того же поминовенія Петра I, велѣно возвратити ему клобукъ и камилавку и быть попрежнему монахомъ.

Въ Соловахъ прожилъ Епифаній почти три года, въ числѣ монастырской братіи. Не сидѣлось пылкому чернецу на уединенномъ островѣ Бѣлаго моря. Исполнилось пять лѣтъ, какъ онъ все сидѣлъ да сидѣлъ въ заточеніи то въ Кіевской лаврѣ, то

¹ Изслѣдованіе поступковъ Епифанія производилось въ святѣйшемъ синодѣ и перечень ихъ отосланъ въ сентябрѣ 1726 г. въ юстицъ-коллегію. Вотъ онъ:

„1) Будучи въ Кіевской епархіи, въ Козельскомъ монастырѣ забралъ монастырской казны 240 рублей и родственникамъ своимъ роздалъ монастырское имущество. 2) Облеченъ въ блудодѣланіи. 3) Взялъ изъ кіевской канцеляріи паспортъ о пропускѣ его на заставѣ черезъ караулъ, будто до Триполя для смотрѣнія домовою вотчины, и проѣхавъ караулъ, бѣжалъ за границу лодкой. 4) За Днѣпромъ будучи, въ городѣ Сорокѣ, написалъ своеручно письмо отъ лица кіевскаго архіерея къ яскому митрополиту, чтобы тотъ посвятилъ его во епископа, и именемъ его подѣ тѣмъ письмомъ подписался и печать софіійскую нарисовалъ, и вырѣзалъ и то письмо самъ воровски запечаталъ. Также другія фальшивыя письма писалъ же, будто люди города Чигириня желаютъ и просятъ его къ себѣ во епископа. 5) Въ томъ же письмѣ написалъ онъ ложныя на Св. синодѣ казеты, а имѣло: все де духовенство на Украйнѣ желаетъ попрежнему митрополита, а Св. синодъ, невидимо чего ради, убавилъ чести митрополіи Кіевской и учинилъ архіепископство, запретили де во всей Россіи за патриарховъ молиться и почитать ихъ, а наипаче де отъ синода установлено—кіевскому архіерею ѣздитъ къ Москвѣ на годовую священо-служенія чреду; а въ Кіевѣ де для поставленія поповъ быть некому. 6) Пріѣхавъ въ Яссы подаль вышневсаянню митрополиту оное письмо своеручно, имъ самимъ писанное и тѣмъ митрополитомъ по тому письму во епископа на Украйну, въ Чигиринъ въ 1724 году, іюля 22-го дня посвященъ. 7) Отѣхавъ отъ того митрополита изъ Яссъ, посвятилъ на Украйнѣ въ іеродиаконъ и поповъ больше четырнадцати человекъ раскольниковъ. 8) Онъ же, будучи въ Волосекской землѣ, писалъ ко львовскому и володимірскому епископамъ письма, — а оные епископы уніаты, — рекомендуя себя подѣ ихъ протекцію и прося о позволеніи житія въ ихъ епархіяхъ, для посвященія въ попы.“ Все это составлено на основаніи сношеній съ яскимъ митрополитомъ кіевскаго архіепископа, которому синодъ велѣлъ войти въ эти сношенія. Въ архивѣ Св. синода дѣла объ Епифаніи нѣтъ, оно находится въ сенатскомъ архивѣ. Выдержки изъ него напечатаны у Андрея Іоаннова Журавлева (*Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 228—243), но Андрей Іоанновъ, какъ видно, замѣтновалъ его изъ кіевскаго консисторскаго архива.

въ петербургской крѣпости, то на Соловецкомъ островѣ, гдѣ хотя и пользовался онъ свободой, но ни подъ какимъ предлогомъ не могъ съѣзжать съ острова. Тянуло чернеца на волю, туда, на далекій югъ, на берега дѣвпровскіе, въ Кіевъ, гдѣ бы можно было повидаться съ горячо любимыми родственниками, въ задѣвпровскую Украйну, гдѣ бы можно было снова архіерействовать. Каждое дѣло, какъ извѣстно, на Соловецкій островъ стекается множество богомольцевъ на поклоненіе Свв. Зосимѣ и Савватию. Толпами приплываютъ они въ монастырь въ кербасахъ, толпами и отплываютъ на матерую землю. Какъ-то, увидивъ удобное время, Епифаній, въ іюль 1729 года, вмѣшался въ толпу отъѣзжавшихъ богомольцевъ и благополучно переправился на материкъ. Въ Соловкахъ его хватились; началась тревога, послали погоню, но Епифанія и слѣдъ простылъ. Много труда и немало лишеній принялъ онъ, странствуя по Архангельскимъ пустынямъ, бродя окольными путями, для избѣжанія поисковъ, наконецъ присталъ къ богомольцамъ, которые, помолясь въ Соловкахъ, шли на другой конецъ Россіи поклониться святой Кіевопечерской лаврѣ, и Кіевскимъ печерскимъ угодникамъ. Въ Кіевѣ Епифаній былъ тайно принятъ своими родными, съ которыми такъ давно не видался, о которыхъ изболѣло его сердце и въ Петропавловской крѣпости и на Соловецкомъ островѣ. Долго оставаться въ Кіевѣ ему было опасно, и пошелъ онъ опять знакомыми дорогами за рубежъ, а одѣтъ былъ въ монашескомъ платьѣ, и сказывался іеромонахомъ Софійскаго дома, Антоніемъ. Пришелъ онъ на заставу и уже получилъ-было дозволеніе на пропускъ, но дѣло вдругъ приняло неожиданный оборотъ. Въ то время какъ Епифаній говорилъ съ заставнымъ офицеромъ, въ заставномъ домѣ прилучился одинъ монахъ Красногорскаго Зазуловскаго монастыря¹, который, на бѣду нашего странника, лично зналъ и Антонія, и самого Епифанія. Зазуловскій монахъ сказалъ тихонько офицеру, что прохожій его обмануть хочетъ, что онъ вовсе не Антоній, а извѣстный Епифаній, что онъ взятъ былъ въ Петербургъ, и по суду заточень въ Соловки. Епифанія задержали на форпостѣ и отправили подъ крѣпкимъ карауломъ въ Кіевъ. Здѣсь

¹ Красногорскій Зазуловскій монастырь находился въ подгородной городѣ Володолоша (Полтавской губерніи) слободѣ Зазуловкѣ. Упраздненъ въ 1786 году.

началось о бѣглецѣ новое дѣло. Почему-то не сочли нужнымъ или возможнымъ держать его подъ стражей въ Кіевѣ; отправили въ Переяславль и посадили въ тамошнемъ Михайловскомъ монастырѣ¹. Здѣсь монастырская братія была вся знакома бывшему кіевскому отцу-эконому: все друзья да пріатели, помнявшіе хлѣбъ-соль Епифанія, когда онъ былъ во времени. Надзоръ за нимъ былъ слабъ, больше все кутали смиренные иноки, помняючи прежнее житье-бытье Епифанія, убажая своего „братика“ и браня на чемъ свѣтъ стоитъ правительство за то, что оно унижаетъ духовенство и вздувало еще вмѣшиваться въ управленіе монастырскими вотчинами, во чтò не только что гетмань, да и сами короли польскіе, за ихъ панованье въ Кіевѣ, не вмѣшивались. Съ вѣдома ли, безъ вѣдома ли добрыхъ своихъ пріателей, Епифаній изъ монастыря „утікъ“. Выбравшись благополучно изъ Переяславля, благополучно перешелъ онъ и рубежъ, спустившись по Днѣпру на лодкѣ. Въ заднѣпровской Украинѣ, въ вотчинахъ Пустынно-Николаевскаго монастыря², началъ онъ было ужъ и обѣдни во-архіерейски служить, но отслужилъ ихъ не очень много. Его схватили и опять привезли въ Кіевъ. Дѣло его, по обыкновенію, тянулось, и не ранѣе 1731 года Епифаній, по требованію святѣйшаго синода, отправленъ былъ въ Москву, гдѣ и посаженъ подъ арестъ въ синодальной конторѣ, въ арестантской, по тогдашнему названію въ „бѣдности“. Въ этой „бѣдности“ содержался чигиринскій епископъ цѣлые полтора года: съ ноября 1731 до половины февраля 1733 г. Въ это время и познакомились съ нимъ московскіе старообрядцы.

— Хочешь ли ты къ намъ? спрашивали они Епифанія.

¹ Михайловскій монастырь былъ въ городѣ Переяславлѣ (Полтавской губерніи). Основанъ въ 1089 году и былъ въ XI и XII ст. престольною митрополіей кіевскою, ибо кіевскіе митрополиты тогда жили болѣе въ Переяславлѣ, да и монастырь Михайловскій былъ въ то время гораздо лучше Кіевопечерской лавры. Потомъ онъ былъ кафедральнымъ монастыремъ епископовъ переяславскихъ—теперь же городской соборъ уѣзднаго города.

² Пустынно-Николаевскій монастырь находился въ Кіевѣ, на берегу Днѣпра. Онъ основанъ былъ Св. Владиміромъ тотчасъ по принятіи христіанства. Во время отъема монастырскихъ имуществъ оставленъ первокласснымъ, а въ 1831 году императоромъ Николаемъ I переданъ въ вѣдѣніе кіевскаго коменданта съ переименованіемъ сей древней обители въ всенный соборъ. Братія при этой перемѣнѣ переведена въ Кіево-Слуцкій монастырь.

— Куда?

— У насъ есть монастырь въ Польшѣ. Слыхалъ ли? На Вѣткѣ.

— Да вѣдь вы раскольники?

— Мы только по старопечатнымъ книгамъ послѣдуемъ.

И пошам толки, и совѣщанія, и ооглашенія. Все, какъ водится.

Задумался Епифаній. Какъ ни противны были ему церковныя отщепенцы, но впереди ему было двѣ дороги: въ соловецкую тюрьму, изъ которой ужъ въ вѣкъ не убѣжать, и архіерейство, богатство и—что для него важнѣе всего—возможность помогать своимъ бѣднымъ кievскимъ родственникамъ. Для нихъ онъ готовъ былъ на все.

Приходили къ нему старообрядцы не разъ и не два, и все соблазнили на переходъ въ расколъ. Епифаній, не любившій раскольниковъ, долго колебался.

— Хорошо бы такъ, какъ говорите вы, сказалъ онъ наконецъ.—Но какъ же тому быть? Вѣдь я подъ судомъ и подъ неволею.

— Ты только дай намъ слово, что хочешь къ намъ, отвѣчалъ ему,—только согласишься быть нашимъ епископомъ, а ужъ на волѣ будешь. Это дѣло наше.¹

Епифаній согласился и далъ слово. И стали ходить къ нему въ „бѣдность“ каждый день московскіе старообрядцы и благословенія отъ него просили. „Онъ же приходившихъ къ нему всякаго чина людей благословлялъ и отправлялъ въ епитрахили часы по чину священническому.“² Старообрядцы учили непривычнаго Кіевлянина своимъ старымъ обрядамъ, чтобы послѣ, когда будетъ священнодѣйствовать на Вѣткѣ, не произвелъ бы какого-нибудь соблазна никоніанскимъ своимъ служеніемъ.

Вмѣстѣ съ Епифаніемъ содержался въ Московской синодальной „бѣдности“ архимандритъ Спасо-Преображенскаго, что въ Казанскомъ кремлѣ, монастыря, отецъ Питиримъ³. Онъ

¹ Разговоръ изъ Юлы Курносаго.

² Дѣло юстицъ-коллегіи въ сенатскомъ архивѣ.

³ Питиримъ былъ келейникъ митрополита казанскаго Сильвестра, большаго изъ роду Воынскихъ, осмидесятилѣтняго старика, враждовавшаго съ казанскимъ губернаторомъ, едва ли не родственникомъ своимъ, извѣстнымъ Артеміемъ Петровичемъ Воынокимъ. Сильвестръ былъ подчиненъ вліянію Питирима. Членъ святѣйшаго синода (1725—1736) архимандритъ

идѣть и слышалъ все и репортовалъ обо всемъ по начальству. Это было 26 іюня 1732 года. Епифанія съ тѣхъ поръ стали держать строже, но дельга старообрядцевъ были видно слышны доносовъ Питиримовыхъ и попрежнему доставляли богатымъ старообрядцамъ доступъ въ „бѣдность“ къ будущему ихъ архипастырю.

Января 8, 1733 года, состоялось въ Москвѣ рѣшеніе по дѣлу Епифанія. Вотъ оно: „Монаха Епифана Яковлева, учива ему жестокое наказаніе плетми, отослать въ Соловецкій монастырь на его коштъ и тамо содержать его всегда скована, не выпуская отнюдь изъ монастыря, и о томъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода конторы въ С.-Петербургу святѣйшему правительствующему синоду вѣдѣніе того же января 9 дня сообщено.“

Въ Петербургѣ взглянули на дѣло Епифанія гораздо строже. „Февраля 22, святѣйшій правительствующій синодъ, разсуждавъ онаго Епифанія вины, и что уже за показанными къ нему, какъ бы святѣйшаго правительствующаго синода

Спасо-Преображенскаго въ Казани монастыря Іоанн (потомъ растрига Іоасафъ Самыльковъ) былъ обличенъ Сильвестромъ въ расхищеніи монастырскаго имущества. Питиримъ во время производствъ надъ Іоанномъ свидѣствіи, по словамъ Арт. Петр. Воыльскаго, который называлъ его плутомъ, „деправная выписка сочинилъ, и подъячихъ архіерейскаго приказа сарказовать неволю и страхомъ привудилъ.“ Сильвестръ этого любимаго своего назначилъ на мѣсто Іоанна Самылькова архимандритомъ Спасо-Преображенскаго монастыря. Вражда двухъ Воыльскихъ, Казанскаго губернатора и митрополита, происходила въ 1730 году. Въ это время въ синодѣ производилось дѣло о воронежскомъ епископѣ Львѣ Юраевѣ. По просякамъ всемогущаго тогда Проконевича къ этому дѣлу былъ привлеченъ членъ синода, коломенскій митрополитъ Игнатій (Смола), который „за медленіе дѣла о Львѣ Юраевѣ“, по лишеніи сана, былъ сосланъ въ Свияжскій монастырь Казанской епархіи. Здѣсь Сильвестръ митрополита и завершилъ его Питиримъ обращались съ Игнатіемъ, не какъ съ растрогомъ, а какъ съ архіереемъ, причемъ однажды Сильвестръ, порицая дѣяствія Анны Іоанновны, наложившей при самомъ началѣ царствованія четырехъ архіереевъ (Льва Воронежскаго, Игнатія Коломенскаго, Георгія Ростовскаго, Варлаама Кіевскаго) выразился рѣзко. За это онъ отправленъ былъ въ Петербургъ, гдѣ 31-го декабря 1731 г. наложень и заточень въ Александровской лаврѣ, гдѣ и умеръ. Его несчастію много содѣйствовалъ врагъ его, тогда сильный, Артоній Воыльскій. Питиримъ же, наперсникъ Сильвестра, былъ отправленъ въ Москву, гдѣ и содержался при конторѣ синода и одновременно съ Епифаніемъ. (См. Дѣло святѣйшаго синода о воронежскомъ епископѣ Львѣ. Ср. Ученія Императорскаго Москов. Общ. Исторіи и Древностей 1862 года, IV, смѣсь, стр. 125 и 126.)

милосердіями, дерзнулъ изъ оного Соловецкаго монастыря уйти, и съ немалымъ трудомъ пойманъ, и чтобы потому жь и нынѣ обыкновенной утечки учинить не могъ, *приказали*: синодальное января 8 дня объ ономъ монахѣ Епифаніи опредѣленіе отменить, и его Епифанія паки въ Москву, въ канцелярію святѣйшаго синода возвратить: и по возвращеніи, за продерзости его монашескаго чина лишить, и съ прописаніемъ всѣхъ винъ его отослать въ свѣтскій судъ, для ссылки на сибирскіе горные заводы въ вѣчную работу, при указѣ, безъ продолженія времени.“ Вѣдвіе изъ синода послано въ Москву, 26 февраля; получено 5 марта. Но Епифаній въ это время скакалъ уже на перемѣнныхъ подставныхъ лошадяхъ въ зарубежную Вѣтку.

Московскіе старообрядцы снеслись съ Вѣтковцами о согласіи Епифанія, перейдя въ расколъ, сдѣлаться архипастыремъ всего старообрядства. Вѣтковскій игуменъ Власій и все тамошнее общество духовныхъ и мірскихъ было очень радо, тѣмъ болѣе что водвореніе у нихъ Епифанія скрѣпило бы тѣснѣе московскихъ старообрядцевъ съ вѣтковскими, въ то время, по причинѣ нѣкоторыхъ обрядовыхъ споровъ, замѣтно поколебавшееся. Московскіе употребили всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства и не малые деньги чтобы приговоръ надъ Епифаніемъ былъ немедленно исполненъ. Епифанія высѣкли плетью и послали въ Соловки, не дожидаясь отвѣта изъ Петербурга. Это было 14 февраля.

Замѣчательно, что Епифанія, высѣченнаго плетью, везуть въ Соловки на его счетъ, не по пересылкѣ, какъ обыкновенно отправляли подобныхъ людей, а на почтовыхъ лошадяхъ (ямскихъ подводахъ). Правда его везли скованнаго, подъ карауломъ двухъ солдатъ (Николая Лапандина и Семена Честнова), но везли на двухъ подводахъ: на одной сидѣлъ Епифаній съ солдатомъ, на другой его имущество съ другимъ караульнымъ. Не такъ возили въ то время другихъ посылаемыхъ въ ссылку людей. Вѣроятно, все было предусмотрено и предупреждено старообрядцами.

Повезли Епифанія на Ярославль. Нѣсколько старообрядцевъ, у которыхъ за атамана былъ нѣкто Артемій Андреевъ, на вольныхъ лошадяхъ, запряженныхъ въ кибитки парами, выѣзжали изъ Москвы одновременно съ пересыльнымъ Епифаніемъ. Дорогой они сказывались купцами и такъ пригоняли время, чтобы каждый разъ останавливаться на ночлегъ на

одномъ постояломъ дворѣ съ колодникомъ. Тогда этаповъ еще не было: по селамъ и деревнямъ, да и въ самихъ городахъ, пересылаемыхъ колодниковъ обыкновенно помѣщали въ частныхъ домахъ, большею частію на тѣхъ же постоянныхъ дворахъ, на которыхъ останавливались и проѣзжавшіе по своимъ надобностямъ. Такимъ образомъ и доѣхали старообрядцы до Ярославля, гдѣ и ночевали вмѣстѣ съ Епифаніемъ съ 16 на 17 февраля. Чѣмъ свѣтъ поднялись они и выѣхали изъ Ярославля часами тремя раньше Епифанія. Не доѣзжая первой станціи по вологодскому тракту, Вокшерскаго Яму, они своротили въ сторону, въ Коломинскій лѣсъ¹, верстахъ въ 25 отъ Ярославля, и засѣли вблизи дороги. Одна пара съ мнимокупцами осталась въ Ярославлѣ и выѣхала изъ города вмѣстѣ съ Епифаніемъ. Ъхала она впереди. Зима тогда была свѣжняя, вьюжная, въ февралѣ нанесла большіе сугробы; дорога изъ Ярославля въ Вологду была узенькая: ѣздили по ней гуськомъ. Когда доѣхали до условленнаго мѣста засады,—это было на разсвѣтѣ—передняя пара остановилась, старообрядцы поставили свою кибитку поперекъ дороги и вывернули оглоблю. Наѣзжаютъ повозки съ Епифаніемъ и солдатами. Ни разѣхаться, ни объѣхать нельзя. Ямщикъ Дмитрій Ивановъ, везшій Епифанія, закричалъ „прочь съ дороги! Чтò сталъ?“ Начались обычные перебранки. Вдругъ, слышавъ крикъ Дмитрія Иванова, высыпали старообрядцы изъ-за лѣса, кто съ дубиной, кто съ кольями. А атаманъ мнимыхъ разбойниковъ Артемій Андреевъ былъ впереди и кричалъ:

— Кола ихъ! Руби завертки! Руби гужи! Вяжи солдатъ!

Окружили повозку; солдаты не защищались. Дмитрій Ивановъ и другой ямщикъ, Иванъ Ивановъ, стояли у лошадей, понутивъ головы. Дѣлать было нечего: разбойниковъ много.

— Эй ты, голоусый! крикнулъ Артемій Андреевъ, солдату.— Кто у васъ тутъ сидитъ?

¹ Деревня Вокшерскій Ямъ, подлѣ села Сандырева находится въ Романовскомъ уѣздѣ въ 30-ти верстахъ отъ Ярославля. Коломинскій (а не Коломенскій, какъ у преосв. Макарія въ *Исторіи русскаго раскола*, стр. 302) лѣсъ и волокъ начинаются верстахъ въ 18 отъ Ярославля. Деревня Коломино, по имени которой лѣсъ этотъ называется, вправо отъ большой ярославско-вологодской дороги, на границѣ Ярославскаго и Романовскаго уѣздовъ. На специальной картѣ Шуберта она есть.

Соддать не отвѣчалъ; Артемій хватилъ дубиной по кубиткѣ и крикнулъ ясакъ:

„Лишпы, макуйте!“¹

Мнимые разбойники мигомъ выбрали изъ повозки имущество Епифанія. Вытащили и его самого.

„Заколоть его!“ крикнулъ Артемій Андреевъ. На Епифанія бросились. „Постой, стой!“ крикнулъ атаманъ. Здѣсь на дорогѣ нельзя: кровь на снѣгу замѣтять.“

И, бросивъ въ сани колодника, умчали его въ лѣсъ. Оста-

¹ Это на такъ-называемомъ тарабарскомъ языкѣ, который въ извѣстныхъ случаяхъ, а также и въ перепискѣ, до сихъ поръ употребляется раскольниками. Это тотъ же русскій языкъ, но согласныя буквы въ каждомъ словѣ замѣняются однѣ другими, гласныя остаются тѣ же. Вотъ ключъ тарабарскаго языка:

б,	в,	г,	д,	ж,	з,	к,	л,	м,	н,
щ,	ш,	ч,	ц,	х,	ф,	т,	с,	р,	п.

Надо брать *б* вмѣсто *щ*, *щ* вмѣсто *б*, *с* вмѣсто *ш* и т. д. Есть люди бѣгло говорящія на этомъ языкѣ. Тарабарскій языкъ давно у насъ въ употребленіи: есть памятникъ его, относящійся даже къ XV вѣку (см. Востокова *Описание Румянцовскаго Музея* стр. 255). *Лишпы! макуйте!* значитъ: *свиньи! ратуйте!* Нынѣ раскольники для секретной переписки, а иныя и устно, употребляютъ три тайные языка: *тарабарскій*, *офельскій* и *иносказательный*. Офельскій—это языкъ ходебщиковъ, трапичниковъ, Вязниковцевъ, которые съ тесемками, пуговками и всякимъ другимъ мелочнымъ товаромъ кустарной промышленности ходятъ по Россіи отъ Кяхты до Варшавы. Языкъ этотъ образовался болѣе 150 лѣтъ и раздѣляется на нѣсколько вѣтвей: собственно *офельскій* (во Владимирской губерніи), *галицанскій* (въ Галичѣ Костромской губерніи) и *матрайскій* (въ Нижегородской и Рязанской губерніяхъ). Языкъ этотъ, подобно языку петербургскихъ мазуриковъ, приволажскихъ праховъ и т. п. искусственный: слова придуманы (например *Стось*—Богъ, *грутець*—отецъ, *озгрань*—городъ), грамматика русская. Въ иносказательномъ языкѣ каждое слово имѣетъ не прямое, а другое условное значеніе. Нертѣдко соединяютъ иносказательный языкъ съ тарабарскимъ. Для разговора на такомъ языкѣ нужно необыкновенно быстрое соображеніе. Вотъ примѣръ двойнаго тайнаго языка раскольниковъ: „*ры тумиси лось ца лылюю, кюлуиси на мочозтажъ и лынаси шъ лумътъ*.“ По переводу съ тарабарскаго языка это будетъ: „мы купили соль, да сырую, просушили на рогожахъ и сыпали въ сусѣкъ“. На иносказательномъ языкѣ *соль* значитъ священникъ (мы едемъ соль земли), *сырал*—неисправленный, великороссійскій, *сушитъ*—исправить, совершить пріемъ бѣглаго попа, *рогожка*—Рогожское кладбище въ Москвѣ, *сылать*—помѣстить, водворить, *сусѣкъ* часовня, молельня. Такимъ образомъ приведенная фраза означаетъ „мы достали попа, но не исправленнаго, исправили его въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ и помѣстили при часовнѣ.“ Иногда, но это уже только въ письмѣ употребляется тройное тайнописаніе, т. е. и тарабарское и иносказательное и офельское.

лись на дорогѣ два солдата, да два ямщика и сначала придумать не могли, что за разбойники, что у нихъ колодника отбили, а рѣзать въ лѣсъ утащили¹.

На другой день, т. е. 18 февраля, и солдаты и ямщики явились въ ярославскую провинціальную канцелярію. Оба солдата и ямщикъ Иванъ Ивановъ показали, что у нихъ Епифанія воровскіе люди отбили, а ихъ, солдатъ, били и увѣчили. Другой же ямщикъ Дмитрій Ивановъ на допросъ показалъ и на очныхъ ставкахъ уличалъ солдатъ и своего товарища, что они Епифанія отпустили своею волею, а воровскіе люди того колодника не отбивали и воровскихъ людей они не видали. Изъ этого можно заключить, что Честновъ и Лапандинъ были подкуплены старообрядцами, а также и ямщикъ Иванъ Ивановъ. Солдатъ отправили въ Петербургъ въ синодъ „для подлиннаго сдѣдствія;“ затѣмъ виновные были преданы военному суду, наказаны шпицрутенами и сосланы въ „сибирскіе гварнизоны“.

Между тѣмъ какъ изъ синода во всѣмъ епархіальнымъ архіереемъ и по всѣмъ ставропигіальнымъ монастырямъ разсылались циркулярные указы (30 марта) „о крѣпкомъ колодника старца Епифанія во всѣхъ мѣстахъ розысканіи, о поимкѣ и о присылкѣ его въ Св. синодъ, въ Москву, подъ опаснымъ и добрымъ конвоемъ,“—Епифаній былъ уже за рубежомъ. Везли его однако не торопясь: больше трехъ мѣсяцовъ. Отбили его 18 февраля, а доставили вътковскимъ отцамъ 28 мая. Вероятно, опасаясь розысковъ по горячимъ сѣдамъ, держали Епифанія гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, въ самой Москвѣ, или въ ея окрестностяхъ, а когда опасность поимки на дорогѣ миновала, повезли свою добычу за рубежъ. На Вѣткѣ были рады дорогому гостю. Игуменъ Власій и Варлаамъ Казанскій, уже отростившій бороду въ прежнюю мѣру, думали: „ну, теперь онъ насъ въ епископы поставитъ.“ Монахи вѣтковскіе тому были рады, что теперь, при архіерее, монастырь ихъ еще больше процвѣтетъ, прославится и разбогатѣетъ отъ подаваній, какъ изъ Россіи, такъ и отъ зарубежныхъ старообрядцевъ. Рады были и причетники и бѣльцы: „поставитъ, говорили, насъ владыка святой въ попы, и жены наши матушки попады будутъ.“ Но тогда же среди мірянъ и другія рѣчи слышались. *Епифанъ* родомъ изъ Кіева, гово-

¹ Иона Курлясовъ. Разговоры и крики удержаны буквально.

рили они, мнится, не обливанецъ ли онъ, не опоганить бы намъ души свои его архіерействомъ. Вообще водвореніе епископа на Вѣткѣ было, повидимому, дѣломъ одного старообрядческаго духовенства — монаховъ, поповъ и причетниковъ. Міряне, кажется, были въ сторонѣ. Поэтому-то вѣтковскіе отцы и не держали пока Епифанія въ самой Вѣткѣ, а помѣстили его въ какой-то пустынкѣ, бывшей неподалеку. Пришлось старцу, уже девять лѣтъ переходившему изъ тюрьмы въ тюрьму, и здѣсь жить болѣе года почти какъ въ темничномъ заключеніи. Скучно было ему; не такой жизни онъ ожидалъ. До того была ему тяжела такая жизнь, что онъ, просидѣвъ цѣлый годъ въ пустынкѣ, писалъ въ Кіевъ письма, прося взять его отъ раскольниковъ и предавая себя въ руки правительства. Письма эти, посланныя лѣтомъ 1734 года, разумѣется, секретно и отъ мірянъ и отъ вѣтковскихъ отцовъ, имѣли, какъ увидимъ, весьма важныя послѣдствія; но не получая на нихъ долго отвѣта и даже не зная навѣрное, дошли ли они по назначенію, Епифаній покорился своей участи...

Между тѣмъ міряне, провѣдавъ, что сидитъ въ пустынкѣ архіерей, привезенный московскими старообрядцами изъ Ярославля, стали ходить къ нему и допытываться кто онъ такой, откуда, какого града былъ епископъ, и слыша его малороссійское произношеніе, тотчасъ спрашивали: „А тебя какъ крестили? Обливали или погружали въ три погруженія?“

А Епифаній дѣйствительно, какъ кажется, былъ крещенъ обливательнымъ крещеніемъ; и такъ какъ былъ онъ человекъ простодушный, безхитростный, и могъ, пожалуй, наговорить проходящимъ и такого, отъ чего по людямъ пойдетъ большая молва и крамола, то главные затѣйщики дѣла, московскіе старообрядцы, что отбивали его въ Коломинскимъ лѣсу и привезли за рубежъ, учили его какъ отвѣчать любопытнымъ и что говорить въ Θεодосіевой, вѣтковской церкви, когда будутъ его принимать и исправлять. „Когда будутъ тебя вопрошать: како крещенъ, обливанъ ли или погруженъ, то скажи: „погруженъ“; а вопросятъ: ты какъ вѣдаешь? скажи: малыя дѣти, на улицѣ играя, „утопленникомъ“ дразнили, и отецъ и мать дразнили сызмаленька „утопленникомъ“.“¹

Былъ созванъ соборъ на Вѣткѣ въ тамошнемъ монастырѣ.

¹ Иона Курносый.

Игуменъ Власій предсѣдательствовалъ, засѣдали священно-иоки: Іовъ, Варлаамъ Казанскій, Варсонофій, Исаія, Савва, казначей Павелъ и рядовые старцы. Было на соборѣ не мало и мірскихъ людей. Совѣщались о томъ, какъ и ка-кимъ чиномъ принять Епифанія. Единогласно рѣшили при-нять Епифанія, по исправѣ и проклятiа имъ всѣхъ ересей, требовать, чтобъ онъ рукоположилъ другаго епископа „да корень епископства возрастетъ.“ Затѣмъ, не при-ступая къ приему, они послали вѣрныхъ людей въ Петербургъ, въ Москву, въ Кіевъ, въ Яссы, чтобы подкупами и прось-бами добыть вѣрныя справки изъ дѣлъ о личности Епифа-нія. Справки собирались довольно долго—болѣе года, а Епи-фаній все сидѣлъ, да сидѣлъ, какъ въ затворѣ какомъ, въ пустынкѣ, скучалъ, томился неволею, бранился съ старо-обрядцами. „Ужь лучше бы было мнѣ въ Оловкахъ сидѣть чѣмъ у васъ въ этой раскольнической темницѣ“, говорилъ онъ имъ. „Потерпи, владыко святыи, отвѣчали ему — скоро такого дѣла сдѣлать не можно.“ И врёде любилъ Епифаній выпить, теперь же въ горѣлкѣ отказу не было: только пост-ное ѣсть, а пей водку сколько душѣ угодно. И сталъ Епифа-ній съ горя да съ печали пить темную, и допился до водянки. Очень сталъ хворать, а все пилъ.

Между тѣмъ справки объ немъ вѣрными людьми были со-браны. До того, что Епифаній обокралъ Козельскій мона-стырь, составлялъ подложныя письма и растаилъ какую-то дѣвочку, старообрядцамъ дѣла не было. Обокралъ и обманулъ онъ „враговъ Божиихъ, никоніанъ“ разсуждали они, это не грѣхъ; дѣвочка—и это не грѣхъ, а только паденіе; изъ пи-санія видно, что многіе святыя отцы впадали въ блудъ, да угодили Богу покаяніемъ. Извѣстный выводъ старообряд-цевъ всѣхъ толковъ!.. Важно было для Вѣтковцевъ то, что Епифаній, по справкамъ, оказался не самозванцемъ, что онъ дѣйствительно былъ хиротонисанъ митрополитомъ Георгіемъ. Одного не могли дознаться никакими справками: об-ливанъ Епифаній, или въ три погруженія крещенъ. А это было всего важнѣе для старообрядцевъ: если онъ обливанъ, то его сѣдуетъ крестить вновь. А по правиламъ вселен-скихъ соборовъ, кто крестится вновь, тотъ хиротоніи не со-храняетъ.

Въ то, довольно продолжительное, время, которое употреб-лено было вѣтковскими отцами на собраніе справокъ о лич-

ности пріобрѣтеннаго ими епископа, они сдѣлали и другое дѣло. Желая, чтобъ отысканный послѣ столь долгихъ и тщетныхъ ожиданій епископъ былъ принятъ всеми старообрядцами поповщинскаго толка единодушно, чтобы не произошло между ними изъ-за него какого-либо раздора или раздѣленія, вѣтковскіе, отцы „да будетъ то дѣло общимъ дѣломъ всего христіанства древляго благочестія,“ писали въ Москву и къ старшимъ отцамъ на Керженецъ; а также по городамъ— въ Тверь, въ Торжокъ, въ Казань, въ Тулу и другіе. Все происходило въ глубочайшей тайнѣ. Съ Стародублянами сносились не только письменно, но лѣсами неоднократно ходили къ нимъ за рубежъ для совѣта. Съ Керженца былъ полученъ рѣшительный отказъ признать Епифанія за епископа. Тамошніе отцы писали вѣтковскимъ, что они „къ совѣту ихъ пристати, яко Богу неугодну, не токмо не спасительну, но и народодушенпагубну отказашась, не соизволивше.“¹ Въ Стародубьѣ одни были согласны на пріемъ Епифанія, другіе нѣтъ; такое же разногласіе было и въ Москвѣ и Торжкѣ. Но Тверь и Тула согласились; Казань, едва ли не по вліянію керженскихъ жителей, отказалась. Всѣ эти переговоры и ссылки Вѣтки съ разными старообрядческими общинами продолжались годъ и два съ половиною мѣсяца. Много было дорогъ извѣзжено, много денегъ на поѣздки и всякія хлопоты истрачено. Наконецъ 6 августа, въ день Преображенія Господня, 1734 года, Епифаній былъ привезенъ изъ пустыньки на Вѣтку и торжественно принятъ въ старообрядство.² Черный попъ Іовъ,³ старшее духовное лицо на Вѣткѣ (игуменъ Ваасій не

¹ Іова Курносый.

² Иванъ Алексѣевъ, *Исторія о бѣгствующихъ священствѣ въ Литовскихъ русской исторіи и древности*, т. IV, смѣсь, стр. 65. Онъ говоритъ, что Епифаній, „въ нѣкихъ пустынькахъ“, до пріема пробылъ десять недѣль, значить, съ конца мая по 6 августа. Но онъ ошибается ровно на одинъ годъ, полагая, что Епифаній отбытъ въ Коломенскомъ мѣсту, въ февраль 1734 г., между тѣмъ какъ изъ дѣла объ Епифаніи видно, что это было въ 1733 г.

³ Попъ Иванъ, въ постриженіи Іовъ. Онъ былъ взятъ при „первой выгонкѣ“ раскольниковъ и раззореніи Вѣтки въ 1735 году. Іовъ былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ учителей и проповѣдниковъ старообрядства на Вѣткѣ. По опредѣленію Св. синода 21 декабря 1736 года, онъ, закованный въ кандалы, былъ отправленъ въ Николаевскій (въ Переславль Залѣскомъ) монастырь „для достоюжнаго о его суевѣріи разглагольствія и увѣщанія къ соединенію святѣй, правослѣдной церкви, пожего того монастыря настоятель то съ нимъ разглагольствіе имѣть можетъ.“ Въ этомъ

иґлаз священства) привелъ Епифанія къ исправѣ. Принимаемый епископъ торжественно, при всемъ духовенствѣ и огромномъ степеніи народа, проклялъ ереси¹ и затѣмъ былъ введенъ въ алтарь Покровской церкви игуменомъ Власіемъ и Варлаамомъ Казанскимъ. Не выходя изъ церкви, онъ соборнѣ отслужилъ обѣдню по

монастырѣ Іовъ долженъ былъ содержаться въ цѣпяхъ. Но такъ какъ онъ, „по доволѣиоу утѣщенію отъ раскольническаго своего заблужденія ко обращенію ко святой церкви явился непокоривъ и состоялъ въ раскольнической своей ереси не прерателъ,² то по опредѣленію Св. синода 11 февраля 1737 года сосланъ въ Валадѣйскій Иверскій монастырь для несходнаго въ кельѣ заключенія подъ крѣпкимъ карауломъ и съ пресѣченіемъ всякихъ сношеній съ другими лицами. Здѣсь Іовъ и умеръ, но когда, неизвѣстно.

¹ Вотъ формула исправы, которую читаютъ принимаемые въ расколъ попы и читали архіереи: Епифаній въ 1734 и Аизросій въ 1846 г.

„Предстоятель каудетъ начало (семь поклоновъ), и потомъ приходящій также семь поклоновъ. Предстоятель начинаетъ, глагола: *За молитвы святыхъ, Царю небесный, Трисятое и по Отче нашъ,—Прійдите поклонимся* трыжды, псаломъ 50: *Помилуй мя Боже*. И поставляетъ его передъ церковію, откровенно главу имуща. И повелитъ ему исповѣдаться явъ и отрицатися, и укоряти, и проклинати богомерзкую вѣру, въ ней же былъ и вса законы ихъ, и обычаи, въ нихъ же созратшася и окверншася. И начинаетъ проклинати ереси отъ яковитовъ, сице глагола: *Азъ, имарекъ, отъ гнусна яковитовъ и хандцарскія ереси, и отъ мудрствующихъ съ латыни и приобщающихся отчасти еретическому и папешскому ученію—ядесь приходу ко истинному, православному христіанскія вѣры закону, предавшему отъ Св. апостола и утвержденному богомсланными отцы святыхъ вселенскихъ седми соборовъ. Приходу же не отъ нужды, или бѣды, или тѣсноты, или страха, или ялога, или нѣкоей вещи, на мя подвизающій, или чести ради мирскія, и благодарованій якихъ общаваемыхъ, или лѣностию, или лицемеріемъ, но отъ всел души и сердца чиста и неблаженна, Христа любяще и того истинна вѣры явотнаго закона желая получить. Прежде отрицаюся мудрствующихъ и сообщающихся отчасти еретическому ученію. Проклинаю отрѣкшихся Іеуса и почитающихъ его равноухимъ, вѣрующихъ во Іисуса и святую аманую троецвѣтелу четверцыхъ: да будутъ прокляты. Проклинаю творящихъ развратно святое крещеніе, аще и во имя Отца и Сына и Святаго Духа глаголютъ, но обаче крещаютъ водою во едино погруженіе, а трыжды не погружаютъ, или же только обливаютъ водою; и почитающихъ всякое омываніе крещеніемъ, а въ трехпозружительномъ нужды ять: да будутъ прокляты. Аще кто ся не креститъ въ два перота, яко же и Христосъ, да будутъ прокляты. И творимое нѣкое благословеніе, ятлю пероты, а Хрестомъ предавное двуперстное почитающихъ отъ нѣкого черта издаваемыхъ:—да будутъ прокляты. Проклинаю богомелавидную и бауднаго образа прелесть, еже остригати браду, но и всегда по сдряющихъ остригати брады своя, и усы притинати постригаам и брит-*

старопечатнымъ книгамъ. Затѣмъ, служа довольно часто, онъ посвятилъ 12 поповъ и 6 дьяконовъ, и сварилъ миро¹.

Великая была радость на Вѣткѣ. Всѣ духовныя лица ликовали и много гордились тѣмъ, что наконецъ добыли епископа, имѣютъ наконецъ святителя и архипастыря. „Нельзя теперь про насъ сказать, что церковь наша хрома: всѣ три чина имѣемъ:— и честное діаконство и боголюбивыхъ іереовъ и самого преосвященнаго епископа,“ говорили они. Поповъ рукоположенныхъ Епифаніемъ немедленно разослали по городамъ и волостямъ,— разумѣется, за хорошія деньги, данныя за то общинами старообрядцевъ, — и крѣпко надѣялись все старообрядство

вами. Проклинаю вся враги креста Христова, нарицающихъ „брыскимъ“, а кланяющихся латинскому кресту; иже не исповѣдуютъ безкровныя жертвы суда тѣлеса Господа нашего Іеуса Христа. Иже еще ясть млеко и яйца въ великій постъ въ субботу и недѣлю; съ ними же и иную всякую ересь проклимаю, явную и неявную, и иже прежде соборовъ, или послѣжде на церковь благочестивую возсташа, и люди Господни отѣхати и отторгати начинающе, вси еретицы сопротивно мысляще святымъ всемъ вселенныя седми соборовъ: да будутъ прокляты.“

„И вопрошаетъ предстоятель: „обѣщавшиася Христу?“ И отвѣщаетъ ширекъ: „обѣщаваюся Христу.“ И глаголетъ: *вспую во единого Бога Отца* весь до конца, трижды. *Господи помилуй* сто; и паки глаголетъ: „И тако вѣрую и исповѣдую святую единосущаю Троицу истинною любовію, всею душею моею, и всѣмъ сердцемъ моимъ, и всѣмъ помышленіемъ моимъ, не имѣя въ себѣ никакого лукавства. И тако покоряюся, и прилагаюся благочестивому преданію святыхъ отецъ право исправльшихъ слово истины, иже на всѣхъ седми соборѣхъ вселенскихъ и помѣстныхъ. И тако причитаюся святѣй и апостольстѣй церкви, единомудренно со всѣми православными, душевное тщаніе имѣя. требую совершенно святымъ, истиннымъ покаяніемъ очищенія отъ всякихъ еретическихъ соvrащеній и оскверненій, всякихъ прегрѣшеній плотскихъ и душевныхъ. Еще же желаю, со страхомъ и трепетомъ и радостію сердечною, причастникъ быти святыхъ и животворящихъ таинъ тѣла и крове Христа Бога нашего, яко да будетъ ми во освященіе души и тѣлу моему, и до кончаныя живота моего въ наслажденіе живота вѣчнаго и царствія небеснаго, молитвами Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и присмо дѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ, иже отъ вѣка Богу угодившихъ. Аминь.“ (Рукописный сборникъ конца XVIII столѣтія писанный на Иргизѣ)

¹ Иоанн Курносый: „во время пріятія Епифаніева и посвященія ѣмъ поповъ и діаконввъ и селеніа мѣра и масла.“ Стало-быть Епифаній варилъ миро не въ великій четвертокъ, какъ саѣдуетъ по уставу. Онъ былъ пріятъ 6 августа 1734 года, а великій четвертокъ 1735 г. былъ 3 апрѣля, Вѣтка же была залята Сытиннымъ и Епифаній взятъ 1 апрѣля, то-есть во вторникъ на страстной недѣлѣ. Да притомъ еще ранѣе коваго 1735 года у Епифанія были уже большіе мелады съ Вѣтковцами и онъ богаѣе не служилъ въ Поѣровской церкви.

такимъ средствомъ подчинить своему вліянію и власти. Одного попа повезъ въ Москву самъ Варлаамъ Казанскій, имѣвшій большой вѣсъ у тамошнихъ старообрядцевъ. Игуменъ Власій со всѣмъ соборомъ вѣтковскимъ приговорили, чтобы Варлаамъ, утвердивъ всѣхъ московскихъ старообрядцевъ въ правильности архіерейства Епифаніева и подчинивъ такимъ образомъ усиливавшуюся московскую общину Вѣткъ, пріѣхалъ какъ можно скорѣй домой, гдѣ Епифаній долженъ былъ хиротонисать его въ епископа. Таково было желаніе и мнѣнїе Вѣтки, изложенное въ особомъ приговорѣ, зарученномъ многочисленными подписями.

Скучно было Епифанію у старообрядцевъ. Десять лѣтъ онъ уже архіереємъ и почти всѣ десять лѣтъ провелъ въ тюрьмахъ кіевскихъ, московскихъ, въ петербургской крѣпости, въ Соловкахъ, а потомъ еще годъ и два съ половиной мѣсяца въ пустынькѣ, гдѣ его тоже держали почти какъ колодника. Не лучше ему пришлось и въ самой Вѣткѣ. Онъ былъ совершенно чуждъ раскольниковъ, не только не раздѣлялъ ихъ убѣжденій, но и ставъ во главѣ ихъ, кажется, довольно смутно понималъ изъ-за чего они отдѣлились отъ церкви. Все разъединяло его съ новою его паствой: и образъ жизни, и привычки. Сердце его лежало къ Києву, а тутъ долженъ былъ онъ выстаивать длинныя церковныя службы, къ которымъ не привыкъ въ Києвѣ, вести строгую жизнь и ни подъ какимъ видомъ не давать воли своему веселому, пылкому характеру. Тоска по родственникамъ мучила его; и хотя вѣтковскія дѣвицы, по отзыву самихъ старообрядцевъ, не отличались цѣломудріемъ, Епифаній же былъ охотникъ до женщинъ, но за епископомъ зорко слѣдили сотни глазъ и ему рѣшительно было невозможно завести съ какою-либо вѣтковскою красавицей нѣжныхъ связей. А больше всего противны были Епифанію обряды Вѣтковцевъ. Уже былъ онъ принятъ ими въ общеніе, уже служилъ обѣдни и рукополагалъ поповъ, какъ два уніата, жившіе по сосѣдству съ Вѣткой, перешаи въ расколъ, и, какъ обливанцы, на основаніи заповѣди Филарета патріарха, крещены старообрядческимъ попомъ въ три погруженія. Противно на это было смотрѣть Епифанію. Когда новокрещенные выходили изъ церкви, позвалъ онъ ихъ къ себѣ въ келію и принялся кричать, понося ихъ непотребными словами: „Благочестивое крещеніе, говорилъ онъ имъ, отложили, рас-

кольничьимъ крестились во второе. А первое-то вамъ развѣ не крещеніе было?¹

И былъ большой соблазнъ отъ того на Вѣткѣ. Пошли объ этомъ слухи и на сторону. „Какой же это епископъ, говорили міряне,—это не пастырь, а волкъ.“ Много журили вѣтковскіе отцы своего епископа за такую выходку. Епифаній отмалчивался. Оттого-то и хотѣлось вѣтковскимъ отцамъ, чтобы онъ поскорѣй посвятилъ имъ Варлаама. Тогда бы Богъ съ нимъ, съ Епифаніемъ, дали бы ему денегъ и пустили бы на всѣ четыре стороны: иди куда знаешь,—и зажили бы съ своимъ епископомъ, отъ всей души и всего сердца преданнымъ старому обряду.

Не понравился Епифаній иноку Аѳанасію, древнему старцу, жившему въ Вѣткѣ чуть ли не съ первыхъ годовъ ея существованія. При самомъ заведеніи Вѣтки былъ онъ уставщикомъ, и когда попъ Θεодосій освящалъ Покровскую церковь, онъ надписывалъ антиминосъ старицы Меланіи. Больше сорока лѣтъ былъ Аѳанасій уставщикомъ, зналъ правила и уставы лучше всѣхъ, строго наблюдалъ за совершеніемъ „уставной службы“ въ вѣтковской церкви и теперь, на старости лѣтъ, увидя какъ старые уставы нарушаются завезеннымъ на Вѣтку епископомъ, много спорилъ, много ссорился съ игуменомъ и отцами и, не стерпя больше „злочинія церковнаго“, ушелъ изъ Вѣтки въ Россію. Аѳанасій пробрался въ Москву, гдѣ Варлаамъ Казанскій утверждалъ тогда старообрядцевъ въ правильности Епифаніева епископства. И въ Москвѣ, и въ Гуслицях² ходилъ старецъ Аѳанасій изъ дома и въ домъ и разказывалъ старообрядцамъ что дѣется на Вѣткѣ, съ того дня какъ владыкою тамошнимъ учинился Епифаній. Онъ утвердительно называлъ его „вѣдомымъ обливанцемъ“; много говорилъ и противъ Варлаама Казанскаго, главнаго поборника Епифаніева, ходившаго съ попомъ его поставленія. „Блюдитесь, говорилъ старецъ, блюдитесь опасно ихъ, яко не сущимъ попамъ имъ, но волкамъ.“ А Варлаама знали и почитали въ Москвѣ очень многіе, знали его и по городамъ околomosковнымъ и по волостямъ. Вездѣ у него было много

¹ Гола Курносый.

² Гуслицы или Гуслицкая волость, въ Богородскомъ уѣздѣ Московской губерніи, почти сплошь населяемая раскольниками поповщинскаго толка.

духовныхъ дѣтей и его очень уважали за строгую, подвижническую жизнь, за горячую преданность старымъ обрядамъ и „древлему благочестію“, за его слово учительное, „преизячно философією и мудростію христіанскою украшенное“. Ходя съ Епифаніевымъ попомъ изъ дома въ домъ, ночуя то тамъ, то тутъ, онъ каждое утро, возставъ отъ сна, и каждый вечеръ, ложась спать, по молитвѣ, сначала самъ благословлялъ своего спутника, а потомъ отъ него принималъ благословеніе. И дѣлалъ это всегда такъ, чтобы всѣ видѣли и не сомнѣвались бы о попѣ Епифаніева рукоположенія: такой же де онъ, какъ и я, попъ. Служа всенощныя и молебны по домамъ старообрядцевъ, Варлаамъ всегда на ектеніяхъ поминалъ епископа Епифанія, и если кто изъ его духовныхъ дѣтей изъявлялъ хоть малѣйшее сомнѣніе въ правильности Епифаніева архіерейства, тому онъ съ яростію говаривалъ: „проклять тотъ буди, кто изъ сыновъ моихъ духовныхъ и дочерей къ Епифаніевымъ ставленнымъ попамъ не пойдетъ подъ руку и на духъ! Богъ благословитъ! Мы рачимъ и стараемся, чтобы священство умножить и благочестіе расплодить, а вы мятежъ чините!“ Но какъ ни великъ былъ авторитетъ Варлаама, а много въ Москвѣ и въ Гуслицяхъ явилось сомнѣвающихся въ Епифаніи. Стали толковать ужъ и о томъ: „да ужъ сохранилось ли древнее благочестіе на Вѣткѣ, не пошли ли старообрядцы за рубежомъ широкимъ путемъ никоніанства?“ А это все уставщикъ Аѳанасій разсѣивалъ сомнѣніе. Не мало употребили московскіе и гуслицкіе старообрядцы денегъ на то, чтобы собрать подъ секретомъ самыя точныя справки объ Епифаніи въ синодальной конторѣ и списать копіи со всѣхъ дѣлъ о немъ производившихся. Нашли, что дѣйствительно онъ посвященъ яскимъ митрополитомъ въ епископы, а обаванъ онъ или крещенъ въ три погруженія, того доискаться не могли, а между тѣмъ молва, что Епифаній обаванецъ, росла болѣе и болѣе. А распускалъ ее все-таки тотъ же Аѳанасій.

Разъ въ Гуслицяхъ призвалъ Варлаамъ Аѳанасія къ себѣ на квартиру. Аѳанасій не ухоронился, пришелъ.

— Какъ ты смѣешь, закричалъ Варлаамъ,—учить моихъ дѣтей духовныхъ, чтобы не ходили они къ попамъ Епифаніевымъ? Какъ ты смѣешь ихъ волками нарицать?

— Волки они и есть, смиренно, но рѣшительно отвѣчалъ Аѳанасій.

Пылкій Варлаамъ не вытерпѣлъ, схватилъ палку и началъ колотить сѣдаго, дряхлаго старика. И билъ его сколько хотѣлось. Аѳанасій, по иноческому смиренію, не защищался отъ ударовъ, но какъ ни горячился, лютуя надъ нимъ Варлаамъ, Аѳанасій кротко, но громко, одно говорилъ:

— Волки они, а не пастыри стада Христова, и Епифаній-обливанецъ такой же волкъ!

Были свидѣтели этого происшествія. Слухъ о побояхъ, претерпѣнныхъ престарѣлымъ вѣтковскимъ уставщикомъ отъ дюжей руки Варлаама Казанскаго, распространился по Москвѣ и во всей Гуслицкой волости. Пали вѣсти о томъ и на Вѣтку. Нигдѣ не хвалили Варлаама, и еще сильнѣе пошло сомнѣніе въ правильности Епифаніева архіерейства. На Вѣткѣ также произошелъ большой раздоръ изъ-за него. Мы уже сказали, что приѣмъ Епифанія былъ дѣломъ поповъ и монаховъ; міряне мало принимали въ немъ участія. Теперь, когда пошли слухи объ его обливанствѣ, о томъ что онъ не настоящій архіерей, не такой какой имъ требуется, міряне заволновались. Поступокъ Епифанія съ увіатами (быть можетъ и дѣйствительно Епифаній на тотъ разъ выпилъ лишнюю чарку горѣлки, какъ старались оправдать его отцы предъ мірянами) увеличилъ ропотъ волненія и раздоры. Во главѣ враговъ Епифанія сталъ нѣкто Заверткинъ, крѣпкій ревнитель „древляго благочестія“, бѣжавшій за рубежъ съ Керженца, другъ и почитатель Аѳанасія уставщика. Онъ всенародно порицалъ Епифанія, называя самый приѣмъ его великимъ соблазномъ для всей старообрядческой церкви и браня вѣтковскихъ отцовъ, еще державшихъ сторону своего епископа. Онъ и другіе міряне укоряли Власія и соборныхъ старцевъ за то, что они такого волка пустили въ стадо Христово, твердо пребывавшее дотолѣ въ „древлемъ благочестія“. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе народа стало чуждаться Епифанія, а рукоположенныхъ отъ него поповъ и діаконовъ не пускали близко и къ домамъ своимъ, и стали отбирать у нихъ даже силою данныя имъ отъ Епифанія ставленныя грамоты. Были и такіе міряне, которые преданы были Епифанію. „И бысть, говоритъ Іона Курносый, мятежъ и молва на Вѣткѣ не мала: сталося раздѣленіе между собою у нихъ даже до драки.“ Сойдутся бывало противники на улицѣ; одни станутъ похвалять Епифанія и хвастаться тѣмъ, сколь великую славу получило мѣсто ихъ, богоспасаемая Вѣтка, отъ водво-

ренія въ ней епископа, а принадлежавшіе къ совѣту Заверткина пойдутъ спорить и укорять ихъ, говоря, что Епифаній обливанецъ и сущій еретикъ, не пастырь добрый, а евангельскій воакъ въ овчей шкурѣ. Пойдутъ споры, книги изъ домовъ вытащатъ, отъ книгъ доказательства каждый свои читаетъ, а толпа увеличивается, и словопреніе обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что спорщики примутся въ кулаки да за дубины и пойдеть свалка и бой. Бывали и тяжкія увѣчья, даже смертоубійства изъ-за Епифанія. И день за день таково было на Вѣткѣ. Епифаній пересталъ служить, ибо Заверткинъ и его сообщники громко кричали на улицахъ: „за волосы его, пса, вытащу изъ святаго алтаря, убью до смерти, только смѣй онъ служить“.

Нѣкоторые изъ братіи, особенно же казначей Павелъ, сами стали сомнѣваться въ искренности перехода въ старую вѣру Епифанія и въ томъ, что онъ крещенъ правильнымъ крещеніемъ, и стали сознавать вины свои, говоря, что не дѣло сдѣлали, съ такими хлопотами, съ такими издержками добывъ себѣ не хорошаго епископа. Епифаній сидѣлъ въ своей кельѣ, какъ заточенникъ, пилъ и перебраивался, но всегда съ обычнымъ своимъ добродушіемъ.

По старообрядческимъ общинамъ въ Великой Россіи тоже не мало было споровъ и толковъ, по поводу Епифаніева архіерейства. Керженецъ, Казань, Поволжье, Демидовскіе заводы еще болѣе утвердились „въ своемъ противленіи новопреданному архіерейству“. Въ Москвѣ и въ Гуслицяхъ произошло большое раздѣленіе, и съ каждымъ днемъ рѣдѣли ряды людей, бывшихъ сначала за Епифанія. Варлаамъ, побивъ Леанасія, много потерялъ авторитета. Тверь, Торжокъ и Ржевъ были совершенно равнодушны къ дѣлу. Стародубье почти поголовно отступилось отъ Епифанія.

Вѣтковскіе отцы лучше другихъ, отдаленныхъ отъ нихъ, оновѣрцевъ, знали поведеніе своего епископа. Но чтобы не погрѣшить, рѣшились они предварительно искутить своего архипастырл. Главное, хотѣлось имъ вывѣдать отъ него: обливалъ онъ или въ три погруженія крещенъ; еще хотѣлось имъ узнать, искренно ли онъ принялъ старообрядство и не держится ли въ тайнѣ никоміанства, исполняетъ ли установленныя посты, келейное правило и другіе уставы. Хотя они, послѣ соблазнительнаго поступка Епифанія съ униатами, послѣ ропота мірянъ и укоровъ Заверткина съ товарищами,

значительно охладѣли къ Епифанію, но совершенно отступиться отъ него и торжественно, передъ всѣмъ народомъ, сознаться въ винѣ своей, въ той опрометчивости, съ которою они приняли къ себѣ Епифанія за архипастыря, рѣшились не прежде, какъ по совершенномъ увѣреніи въ томъ, что онъ дѣйствительно обливанецъ, или что не исполняетъ положенныхъ правилъ принятаго имъ старообрядчества. Призвалъ къ себѣ казначей Павелъ Епифаніева келейника и говорить ему:

— Искуси ты его не пожелаетъ ли курочки ясти.

Келейникъ, истый Вѣтковоецъ, принялся за искушеніе. Говорить однажды онъ сидѣвшему какъ въ темницѣ, воли и власти не имѣющему, епископу, и крѣпко разболѣвшемуся:

— Неможешь ты, святой владыко, все хвораешь, худо кушаешь. Не желаешь ли курочки жареной?

— Свѣдають ваши, грустно отвѣчалъ Епифаній,—крамолить будутъ. Вѣдь у васъ епископы не вкушаютъ....

— Я не монахъ, а бѣлецъ, отвѣчалъ келейникъ; маѣ можно ѣсть курочку. Повели, владыко святой, я, пожалуй, припасу, какъ бы про себя, а ты и покушай.

Лакомый епископъ охотно согласился на предложеніе своего келейника. Давно не ѣдалъ онъ вкусной пищи. Келейникъ такъ и сдѣлалъ, какъ говорилъ. Ожаривши монастырскую курочку, подавъ на столъ епископу; но въ то самое время когда Епифаній занялся запретнымъ блюдомъ, по знаку, не примѣтно для него, данному искусителемъ-келейникомъ, вошли одинъ за другимъ казначей Павелъ съ другими старцами. Вошли, посмотрѣли, и слова не сказавъ, пошли вонъ изъ кельи, будто за надобностію какою приходили, да не во время. А Епифаній, какъ скоро они ушли, пеняетъ келейнику.

— Чтѣ бы тебѣ дверь-то запереть, а ты не заперъ.

А келейникъ его, какъ малаго ребенка, уговариваетъ:

— Ничего, владыко святой. Ты, вѣдь, больше ихъ—они тебѣ не указъ.

Епифаній согласился съ келейникомъ.

Казначей Павелъ съ прочими свидѣтелями соблазнительной трапезы вѣтковского епископа, не пустили дѣла въ огласку. Имъ нужнѣе всего было то, чтобы навѣрное узнать, обливанецъ Епифаній или погруженецъ, и дѣйствительно ли онъ привержецъ къ старообрядству. Дали келейнику, которому добродушный епископъ совершенно вѣрился, новое наставленіе.

Однажды Епифаній, здоровье котораго таяло какъ свѣчка, сидѣлъ грустный, задумчивый. Подошелъ къ нему келейникъ.

— А что, владыко святой, спрашиваетъ,—есть ли у тебя родственники въ Кіевѣ?

Этотъ вопросъ за живое тронулъ Епифанія. У него вся душа была въ родныхъ. Сердце у него было доброе и довѣрчивое, и пустился онъ въ откровенные разговоры съ келейникомъ.

— Есть же, кажу, отвѣчалъ онъ со вздохомъ,—есть племянники и внучата есть...

На то келейникъ ему:

— Худое тебѣ житье здѣсь, владыко. Не влюбилъ тебя и попы и старцы.

— И самъ я вижу, что не влюбилъ, отвѣчалъ Епифаній,— и что дѣлать право не знаю и не придумаю.

— Да напиши ты къ своимъ письма, сказалъ келейникъ, уведомя о себѣ, что живъ. Они о тебѣ обрадуются и попекутся о тебѣ.

Простъ онъ былъ человекъ, замѣчаетъ, передавая этотъ разговоръ, Иона Курносый; повѣрилъ келейнику. Сейчас же сѣлъ за столъ и сталъ писать письмо. Написавъ, говорить:

— Я, кажу, написалъ, да съ кѣмъ же пошлю?

— Повѣрь мнѣ, владыко, письмо твое, сказалъ келейникъ,— а добрыхъ людей отыщу.

Довѣрчивый, простодушный Епифаній отдалъ письмо, а келейникъ прямо его къ казначею Павлу.

Читаютъ вѣтковскіе отцы письмо Епифанія. Пишетъ онъ, какъ раскольники его обольстили, и какъ разбоємъ на пути отнять, и какъ въ Польшу его препроводили, и привезли до своихъ *еретическихъ вертеповъ*, гдѣ церковь ихъ и раскольнической монастырь и слобода жителей раскольниковъ. Учинили меня раскольникъ епископомъ, и поставилъ имъ по ихъ просьбѣ двѣнадцать поповъ и шесть дьяконовъ, чего душа моя раскольниковъ изъ младенчества ненавидѣла. Они же меня и возненавидѣли и держатъ подъ карауломъ. И не иное что помышляю себѣ отъ нихъ токмо какъ смерть¹.

Тогда на Вѣткѣ и послѣдніе оставшіеся у Епифанія сторонники отступились отъ него. Но нашлись благопріятели въ иномъ мѣстѣ.

Неподалеку отъ Вѣтки было мѣстечко (нынѣ уздный

¹ Иона Курносый.

городъ) Гомель, населенное тоже русскими выходцами, раскольниками. Гомельскіе старообрядцы и численностью, и богатствомъ, и связями превосходили вѣтковскихъ, но Вѣтка все-таки была какъ бы столицей всего старообрядства, ибо въ ней въ одной была церковь, въ ней одной служилась обѣдня. Пребываніе при ней архіерея еще болѣе возвысило эту слободу, и Гомелю, при всемъ богатствѣ невозможно было съ нею соперничать. Завидуя Вѣткѣ и не будучи очевидцами соблазновъ, которые тамъ производилъ Епифаній, но узнавъ объ охлажденіи къ нему Вѣтковцевъ, міряне Гомеля предложили ему переселиться къ нимъ. Епифаній съ радостью согласился. Построили они деревянную церковь, во всемъ подобную вѣтковской; Епифаніевы попы освятили ее во имя Преображенія Господня, а Епифаній, ещедо размовки въ вѣтковскими отцами освятившій нѣсколько антиминсовъ, послалъ одинъ для гомельской церкви¹. Когда вѣтковскіе міряне стали чуждаться поповъ и дьяконовъ Епифаніева рукоположенія, гомельскіе жители приняли ихъ всѣхъ и рѣшились во что бы то ни стало сдѣлать свою Преображенскую церковь кафедральнымъ соборомъ старообрядческаго епископа. И усиленнѣе прежняго звали Епифанія къ себѣ. Но Вѣтка не давала его, ибо не дешево ей стоилъ Епифаній. Гомельскіе жители хотѣли купить у Вѣтковцевъ архіерея и денегъ не жалѣли, но Вѣтковцы не брали никакихъ тысячъ за Епифанія, предвидя, что въ случаѣ пріобрѣтенія Гомельцами епископа, много убавится блеска вѣтковской церкви.—Да отдайте же намъ

¹ Иона Курносый. Онъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія говоритъ, что самъ Епифаній освятилъ эту церковь, а въ другомъ, что Епифанію некогда было освятить ее, а святили Варлаамъ Казанскій съ попами Епифаніева поставленія. Последнее извѣстіе болѣе сообразно съ ходомъ дѣла. Послѣ первой выгонки зарубежныхъ раскольниковъ гомельская церковь (1735) была перевезена въ Стародубье, но не потонула, какъ вѣтковская, ибо строена была не изъ дуба. Объ этомъ Иона Курносый такъ разказываетъ: „Она церковь сложена, по совѣту неправильныхъ поповъ своихъ (то-есть Епифаніемъ рукоположенныхъ), Иоакима и священника Матвѣя, сложена паотами, по той же рѣцѣ (Сожу) приплавивше къ слободѣ, поставивша, какъ и на мѣстѣ стояла. И приспѣвшу времени священія, Иоакимъ попъ повелѣлъ свящати сыну своему духовному Матвѣю. Онъ собравъ соборъ отъ обливандцевъ Епифаніева согласилъ, какъ и онъ Матвѣй, и съ ними оную церковь освятить и сталъ въ ней служить и пречистыя тайны совершать.“ Поставлена была эта церковь въ двухъ верстахъ отъ слободы Клинцовъ.

епископа Епифанія, когда онъ вамъ не надобенъ, говорили гомельскіе старообрядцы.

— Не отдадимъ. Онъ ваши души опоганитъ, потому что онъ обливанецъ. Погибнете вы душами вашими, когда его возьмете, отвѣчали Вѣтковцы.

— Не ваше дѣло; коли грѣхъ, такъ тотъ грѣхъ на насъ будетъ. Отдайте Епифанія и берите что хотите.

— Не надо намъ никакихъ тысячъ, стояли на своемъ Вѣтковцы, а Епифанія-обливанца не отдадимъ, грѣха на себя не примемъ: соблазна въ васъ не усладимъ, сказано бо въ Св. писаніи: „горе тому человѣку, имъ же соблазнъ въ міръ придетъ, утѣ тому человѣку да обѣсится камень жерновый о выю его и вверзится въ море.“ И подь такую клятвою самого Господа нашего Ісуса Христа быть мы не хотимъ и обливанца еретика вамъ въ пастыри не отдадимъ.

И много было ссоры, много было раздора и крамолы между вѣтковскими и гомельскими старообрядцами; нерѣдко бывали между ними и драки. Священнодѣйствовавшіе въ гомельской Преображенской церкви попы, особенно же бѣлый Іоакимъ и черныи Матвѣи, оба рукоположенные Епифаніемъ, стали во главѣ Гомельцевъ. Пріѣхалъ изъ Москвы Варлаамъ Казанскій и много уговаривалъ Вѣтковцевъ отдать Епифанія Гомельцамъ, когда имъ не угоденъ. Вѣтковцы и слушать не хотѣли. Тогда гомельскіе слобожане, желая чтобы въ наступающій великій четвертокъ (3 апрѣля) Епифаній сварилъ въ ихъ церкви муро, собрались въ вербное воскресенье (30 марта) и пошли къ Вѣткѣ—вооруженною рукой добывать муроварителя.

Но дѣло вдругъ приняло неожиданный оборотъ. Апрѣля 1 1735 не стало ни Вѣтки, ни Гомеля, ни епископа Епифанія....

Мы уже сказали, что лѣтомъ 1734 года, когда непринятый еще въ старообрядчество, Епифаній проживалъ въ пустынкѣ, онъ, стосковавшись по горячо любимымъ племянникамъ и внучатамъ, писалъ къ нимъ въ Кіевъ письмо. Въ это письмо вложилъ онъ другія два: одно къ старинному своему пріятелю, духовнику софійской каѳедры, Іакову, другое къ самому Рафаилу, тогдашнему архіепископу кievскому. Епифаній, кажется, не сознавалъ вполнѣ своей виновности ни передъ церковью, ни передъ правительствомъ, и писалъ эти письма прося взять его отъ раскольниковъ, поставая условіемъ чтобъ ему „при софійской каѳедрѣ житіе имѣть свободное, попрежнему,“ (то-есть какъ было до перваго побѣга его въ 1724 году)....

Съ кѣмъ и какъ отправилъ онъ эти письма, мы не знаемъ, но, не получая на нихъ долго отвѣта, онъ, наконецъ, въ августѣ принялъ старообрядство, ставилъ поповъ, святилъ муро и антимисы и, разумѣется, не сказывалъ никому про посланныя письма. А дѣло по поводу ихъ въ Кіевѣ и въ Петербургѣ шло своимъ обычнымъ чередомъ. „Невѣдомый человекъ,“ то есть по всей вѣроятности, племянникъ или внукъ Епифанія, подалъ письма духовнику Іакову, а духовникъ архіепископу, 12 іюля 1734 года. Черезъ два мѣсяца, 18 сентября, Рафаилъ донесъ объ этомъ синоду, и потомъ, вслѣдствіе синодскаго указа, писалъ къ Епифанію письмо и звалъ къ себѣ въ Кіевъ. Это было уже въ началѣ 1735 года. Черезъ кого кіевскій архіепископъ пересылался съ старообрядческимъ вѣтковскимъ епископомъ, и получилъ ли даже послѣдній письмо отъ Рафаила, не знаемъ; но извѣстно, что Епифанію никакъ не удавалось, по приказу Рафаила, секретно уйдти отъ старообрядцевъ. Въ это время изъ-за него разгорѣлась вражда между Вѣткой и Гомелемъ, и Вѣтковцы держали несчастнаго Епифанія въ кельѣ, какъ въ тюрьмѣ, уже совсѣмъ безвыходно. Хотя и не знали они, что Епифаній хочетъ бѣжать въ Кіевъ, но крѣпко боялись, чтобъ онъ не ушелъ въ Гомель.

Когда въ Петербургѣ узнали о пребываніи Епифанія на Вѣткѣ, правительство Анны Ивановны озаботилось не столько о „колодникѣ Епифаніи, скраденномъ воровскими людьми въ Коломинскомъ лѣсу,“ не столько о томъ, что у старообрядцевъ явился наконецъ давно желанный ими архіерей, сколько о зарубежныхъ раскольническихъ поселеніяхъ. Уже нѣсколько лѣтъ знали въ Петербургѣ, что въ однихъ слободахъ Вѣтковскихъ живетъ болѣе 40.000 бѣглыхъ русскихъ людей, и сверхъ того заселены такими же бѣглыми старообрядцами слободы въ Кіевскомъ воеводствѣ по рѣкѣ Припети ¹, на Волыни въ окрестностяхъ Житомира и Новграда Волынскаго, ² въ Подоліи по берегамъ рѣкъ Буга ³ и Днѣстра ⁴ и даже въ Бессарабіи и Молдавіи. Не столько политическія, сколько

¹ Чернобожь, Замощье, Краславка.

² Роговка, Ягоденка, Желѣзняки, Пилипы, Коровицы.

³ Слобода Борская, Курникъ, Краслявка, Ефимовка, Перепеличье, Черлятиль, Жуковцы, Петроши, Жемитковцы, Людовка, Матѣйковская, Пеньковка, Бушиава, Сорокодубье, Шуры.

⁴ Ставучаны, Хребтовка или Хребтѣва, Филипоны, Кулишовка, Грубое, Вѣтрявка, Чобурчи.

экономическія соображенія побудили русское правительство внимательнѣе заняться этимъ дѣломъ. Еще въ 1733 году имевшей императрицы Анны Ивановны было объявлено зарубежнымъ раскольникамъ, чтобъ они возвращались въ Россію безбоязненно, что государыня вины ихъ имъ отдаетъ и ихъ совершенно прощаетъ. Но ни одинъ изъ зарубежныхъ старообрядцевъ не воспользовался этимъ приглашеніемъ; напротивъ, многіе изъ старообрядцевъ жившихъ въ Россіи, избѣгая тяжелыхъ податей и частыхъ рекрутскихъ наборовъ, значительными толпами устремились за границу. Въ 1734 году приглашеніе было повторено, но также безуспѣшно. Тогда рѣшено было принять самыя энергическія мѣры относительно вѣтковскихъ слободъ и, во что бы то ни стало, возвратити бѣжавшихъ туда на родину. Польша въ это время давно уже отжила красныя дни свои и быстро клонилась къ паденію, раздираемая внутренними междуусобіями. Политическія обстоятельства благопріятствовали правительству Анны Ивановны: въ 1733 году умеръ польскій король Августъ II и начались обычныя шляхетскіе рокоши и усобицы въ Рѣчи Посполитой, по случаю избранія новаго короля. Для поддержанія кандидатура саксонскаго курфюрста Августа противъ Станислава Лещинскаго, поддерживаемаго Франціей, императрица послала въ Польшу русскія войска подъ командою фельдмаршала Ласси. Русскіе заняли самую Варшаву, наше войско стояло и въ Литвѣ, и въ Польшѣ, и русское правительство распорядилось за литовскимъ рубежомъ какъ у себя дома. Не считали нужнымъ и входить въ какія-либо дипломатическія сношенія: просто велѣли полковнику Якову Григорьевичу Сытину, стоявшему съ своимъ драгунскимъ полкомъ въ Стародубѣ, — „очистити Вѣтку“, для чего и дали ему подъ команду отрядъ, состоящій изъ пяти полковъ.¹ Съ ними, въ февраль 1735 года Сытинъ перешелъ границу. Это никого не удивило: ни коренныхъ жителей Бѣлорусскаго края, ни раскольниковъ.

Московскіе старообрядцы предостерегали Вѣтковцевъ. Но на Вѣткѣ не воѣ послушались этихъ предостереженій. Впрочемъ, многіе ушли далѣе: на Волинь, въ Подолю и даже въ Молдовлахію. Февраль и мартъ полки Сытина переходили вокругъ Вѣтковскихъ слободъ изъ селенія въ селеніе, а въ этихъ слободахъ

¹ Драгунскій, два казацкихъ, и два тысячныхъ: Стародубскій, и Черниговскій

никто и не догадывался, что опасность действительно близка и неизбежна. Полаки окружают наконецъ слободы со всѣхъ сторонъ; а между Вѣткой и Гомелемъ идутъ ссоры и драки изъ-за Епифанія, и самъ виновникъ этихъ ссоръ, большой, измученный душевною пыткой, сидитъ въ заперти и ждетъ не дождется какъ бы убраться куда-нибудь изъ Вѣтки.

Марта 30-го, гомельскіе жители, какъ уже сказано, пошли на Вѣтку отбивать вооруженною рукою для своей церкви святителя Епифанія. Но дорогой видать они на другой день, что полаки Сытина со всѣхъ окружающихъ мѣстъ двинулись и идутъ на Вѣтку и на другія слободы. Спрашиваетъ гомельская рать у солдатъ: куда они идутъ? — „Походъ сказанъ, въ Бѣлую Церковь,“ отвѣчаютъ солдаты. Походъ, въ Бѣлую Церковь, действительно былъ, нарочно невѣрно, объявленъ солдатамъ, чтобъ они не разболтали настоящей цѣли похода. А Сытину надо было отвлечь вниманіе раскольниковъ, и затѣмъ внезапно и разомъ окружить слободы, чтобы въ располхъ захватить всѣхъ слобожанъ безъ изъятія. Гомельцы, однако, видно, догадались къ чему идетъ дѣло и воротились домой. Рано утромъ 1 апрѣля Вѣтка была окружена войсками. Къ Покровской церкви и къ монастырю приставили караулы, отцовъ привели къ Сытину. Епифаній былъ въ числѣ ихъ.

— Гдѣ вашъ епископъ? строго спросилъ командиръ у отцовъ вѣтковскихъ.

Они указали на Епифанія. А тотъ стоитъ ни живъ ни мертвъ, не понимая что вокругъ него дѣлается. Сытинъ подошелъ къ Епифанію подѣ благословеніе и сказалъ:

— Ты не бойся, преосвященный, государыня послала насъ тебя выручить.

Епифаній ожилъ. Радостью загорѣлись его живые, черные глаза. Перекрестился онъ и сказалъ, съ низкимъ поклономъ Сытину:

— Слава Богу! Благодарю нашу всемилостивѣйшую государыню и въ вѣкъ долженъ за нее Бога молить.

Отцовъ разсадили по кельямъ подѣ караулъ, а Епифанію дали нѣкоторую свободу и обращались съ нимъ почтительно, какъ съ действительноымъ архіереемъ.

Когда разсѣло, вошелъ Сытинъ въ Покровскую церковь и велѣлъ выносить книги и записывать число ихъ, а также образа, ризы, сосуды, снялъ съ колокольни колокола и заперъ

читать церковь¹. Всего въ слободахъ захватилъ онъ сорокъ тысячъ народа. Такимъ образомъ совершилась *первая вѣтковская выгонка*.

Епифаній былъ крѣпко нездоровъ. У него, какъ уже было сказано, развилась водяная болѣзнь. Съ конвоемъ, состоявшимъ изъ драгунъ, подъ командой поручика, отправили его въ Кіевъ, но имущество осталось на Вѣткѣ: 250 рублей денегъ, одежда разная, серебра на 300 рублей, саккосъ, омофоръ, митра. Дорогой обращались съ нимъ хорошо, поручикъ и солдаты называли его не иначе какъ преосвященнымъ; вообще были внимательны къ нему, предупредительны. Поручикъ былъ особенно почитателемъ къ Епифанію; по всей вѣроятности, онъ и не звалъ, что сопровождаетъ лишеннаго сана іеромонаха и считалъ его за дѣйствительнаго архіерея. Добродушный Епифаній искренно полюбилъ поручика, и дорогой, откровенно разговаривая съ нимъ о своемъ житьѣ-бытьѣ у раскольниковъ, со слезами благодарилъ императрицу за то, что приказала она его выручить, по его выраженію изъ того вертепа, въ которомъ былъ онъ два года, яко Даниилъ во рвѣ львиномъ. Бѣдвякъ былъ и въ самомъ дѣлѣ увѣренъ, что войска приходили въ Вѣтковскія слободы единственно для его выручки. Въ первыхъ числахъ мая привезъ его поручикъ въ Кіевъ. Здѣсь Епифанія посадили въ крѣпость. Тутъ только увидалъ онъ, что не жить ему свободно при софійской каедрѣ, на чтò онъ такъ сильно надѣялся. Такое разочарованіе до того потрясло больнаго старика, что онъ слегъ въ постель и уже не вставалъ. Мая 31-го написалъ онъ письмо къ архіепископу Рафаилу. Говоря что чувствуетъ приближеніе смертнаго часа, Епифаній просилъ прислать къ нему духовника. Его исповѣдали, приобщили и на другой день онъ умеръ. Такъ кончилась многмятежная жизнь Епифанія, исходившаго русскую землю отъ Дуная до Бѣлаго моря и пересидѣвшаго въ десяти тюрьмахъ, не считая пустыньки и Вѣтки.

Умирая, онъ все просилъ, чтобы взять оставшееся у него на Вѣткѣ имущество и отдать его племянникамъ и внукамъ. Добрый старикъ не позабылъ и приласкавшаго его

¹ Иова Курносый.

дорогой поручика. У него ничего не было въ крѣпости, кромѣ пуховыхъ подушекъ. Онъ завѣщаль ихъ офицеру ¹.

Епифанія схоронили возлѣ церкви Св. Θεодосія въ Киево-печерской крѣпости. Отпѣвали какъ мірскаго человѣка.

Варлаамъ Казанскій, самый горячій, самый ревностный защитникъ Епифанія, остался вѣренъ ему и по смерти. Будучи высланъ въ Россію, онъ поселился съ попами Епифаніева поставленія и съ большею частію гомельскихъ приверженцевъ покойнаго въ слободѣ Клинцахъ. ² Сюда перевезли они гомельскую Преображенскую церковь и въ двухъ верстахъ отъ слободы, рядомъ съ нею, поставили другую во имя Николая Чудотворца. При этихъ церквахъ устроили старообрядческой Николо-Пустынской монастырь существовавшій до пятидесятихъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Варлаамъ клятвенно всѣхъ увѣрялъ, что Епифаній старообрядство принялъ искренно и въ немъ умеръ, не принявъ передъ смертію православнаго священника ³. То же проповѣдывали и попы Епифаніева поставленія, Іоакимъ и Матвѣй. Последний былъ настоятелемъ Николо-Пустынскаго монастыря. Они пѣвали по Епифанію панихиды, какъ по епископѣ „древляго благочестія“, и даже распускали молву, будто онъ принялъ кончину мученическую, крѣпко стоя за старую вѣру. Скоро огласили его святымъ и начали ходить въ Кіевъ на поклоненіе его могилѣ. Варлаамъ жилъ не болѣе года въ Стародубѣхъ. Когда узнали о его прошломъ и о томъ какое значеніе имѣеть онъ у раскольниковъ, его арестовали и по опредѣленію синода, 11 февраля 1737 года, отправили въ заточеніе въ Нижегородскій Печерскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ.

Попы Іоакимъ, Матвѣй и другіе, поставленные Епифаніемъ, продолжали священнодѣйствовать въ Клинцахъ. Въ этомъ посадѣ число принимавшихъ правильность Епифаніева архіереяства до того было значительно, что въ 1789 году они выстроили въ посадѣ еще церковь Михаила Архангела, которую и освятить, 10 февраля, бѣглый отъ великороссійской церкви попъ Данило Воскобойниковъ ⁴. Попъ Епифаніева

¹ Іона Курносый и указъ синода къ Рафаилу 21 іюля 1735 года.

² Нынѣ Клинцовскій посадъ Черниговской губерніи.

³ Іона Курносый.

⁴ Андрея Іоаннова Журавлева *Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 337.

поставленія, Іаковъ, дожилъ въ Клинцахъ до 1790 года. Онъ былъ послѣднимъ.

Почитавшіе за свято память Епифанія и принимавшіе поповъ его рукоположенія въ XVIII столѣтіи были извѣстны подѣ именемъ *епифановщины*. Ихъ было довольно въ Стародубѣ, особенно въ Клинцахъ¹, гдѣ образовалось ихъ средоточіе. Не мало ихъ было въ возобновленной Вѣткѣ и другихъ зарубѣжныхъ мѣстахъ, были въ Москвѣ и въ Гусацахъ. Явились они даже и на Керженцѣ, гдѣ при жизни Епифанія и слышать о немъ не хотѣли. Въ Никанориной обители Оленевскаго скита (Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи), уничтоженной въ 1853 году, до послѣдняго дня существованія этой обители, свято сохранялась память Епифанія, и его имя было записано въ синодикахъ рядомъ съ именемъ Павла Коломенскаго. Такіе синодики случалось намъ видѣть и у нѣкоторыхъ старообрядцевъ Владимірской, Московской и Черниговской губерній.

Въ настоящее время, когда возникла въ Бѣлой Криницѣ старообрядческая іерархія, извѣстная болѣе подѣ именемъ *австрійства*, добрая память о добродушномъ Епифаніи восстановлена во мнѣніи всѣхъ принявшихъ эту новую іерархію. Они не хотятъ вѣрить, чтобъ Епифаній тяготился своимъ положеніемъ на Вѣткѣ, чтобъ онъ тайно переписывался съ Киевомъ, даже съ самимъ архіепископомъ Рафаиломъ, и чтобъ умеръ онъ возвратившись въ нѣдра православної церкви. Ихъ ни мало не соблазняетъ его обличеніе, такъ много смущавшее ихъ прадѣдовъ, они совершенно объ этомъ умалчиваютъ и представляютъ Епифанія

¹ Монастырь епифановщины, Николо-Пустыньскій, существовалъ до послѣдняго времени, но уже находился въ самомъ жалкомъ состояніи. Вотъ что писалъ о немъ извѣстный ученый статистикъ нашъ К. И. Арсеньевъ, въ 1850 году обозрѣвавшій стародубскіе старообрядческіе монастыри: „Монастырь Никольскій, въ 2 верстахъ отъ Клинцовъ, не пользуется никакимъ уваженіемъ окрестныхъ жителей: въ немъ живетъ 6 монаховъ и 12 бѣльцовъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ отъ 60 до 90 лѣтъ, одимъ, только вѣкъ 46 лѣтъ и облѣченъ въ блудной жизни и прижитидѣтей, другой, казначей монастыря, занимается убогихъ стариковъ и употребляетъ монастырскіе доходы преимущественно на свое семейство въ посадѣ Клинцахъ. Монастырь этотъ походитъ болѣе на богадѣльню чѣмъ на обитель иноківъ.“ Любопытная записка К. И. Арсеньева находится въ архивѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ. (Дѣло 1850 года № 140.)

великимъ святителемъ, положившимъ душу свою за овцы своя, мученикомъ, страдальцемъ за „древнее благочестіе“ и за старыи обрядъ. Такъ, напримѣръ, въ новое сочиненіе объ основаніи бѣлокриницкой іерархіи, написанное недавно (въ 1861 году), и уже весьма распространенное между старообрядцами¹, введенъ слѣдующій разказъ объ Епифаніи. „Къ достиженію же сей цѣли (отысканія архіерея) предпринимали разные средства. Первыя покушенія у нашихъ христіанъ для отысканія епископа были еще въ царствованіе Петра I, для чего они обращались въ Молдавію и Грецію, но безуспѣшно. Потомъ достигли своего желанія. Рукоположенный въ Молдавіи ясскимъ митрополитомъ Антоніемъ, въ 1724 г., епископъ Епифаній обратился въ нашу православную вѣру, и по общему всѣхъ вѣтковскихъ христіанъ согласію, принять былъ въ Покровскомъ монастырѣ, что на Вѣткѣ, священникомъ Іовомъ, въ лѣто 7232 (1724) (?). И по принятіи, епископъ Епифаній совершилъ божественную литургію и отправлялъ святительскую должность; онъ рукоположилъ до четырнадцати чело-вѣкъ въ священнослужители, то-есть въ попы и дьяконы. Но какъ только разнесся объ этомъ слухъ, то вдругъ на сего православнаго епископа наведено было со стороны правительства строжайшее преслѣдованіе, онъ былъ взятъ и послѣ разныхъ изнурительныхъ посаждствій скончался въ Кіевѣ. Рукоположенные же имъ священники дѣйствовали даже до конца жизни.“

Не такъ смотрѣли на Епифанія его современники. Въ XVIII столѣтіи значительное большинство старообрядцевъ поповщинскаго толка и въ Россіи и въ зарубежныхъ мѣстахъ ни мало не уважали памяти Епифанія, и въ нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненіяхъ Вѣтка подвергалась сильнымъ укорамъ за принятіе этого епископа².

¹ Сказаніе скратуль о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей древлеправославной церкви священной іерархіи и утврненіе въ дѣйствительности оной сомнѣвающимся.

² Есть у раскольниковъ сочиненіе: *Альфа и Омега седмилкозогомъ Алакаписель пророченнаа, отъ него же кльчто на испрѣненіе прорекъ сущимъ со Асїи Малороссійской*. Она написана въ Стародубѣ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и заключаетъ въ себѣ обвиненіе старообрядцевъ семи свободъ: Клинцовъ, Злымки, Климовой, Зыбкой, Вѣтки, Круца и Воронка. Здѣсь Епифаній посауженъ поводомъ для укора Вѣткѣ. Вотъ обвиненіе ея: „Ангелу вѣтковскія церкви напиши: вѣмъ твоя дѣла, яко

Вотъ, напримѣръ, что говорилъ, аѣтъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ Епифанія, Иона Курносый, который можетъ считаться отголоскомъ не только Керженца, гдѣ онъ писалъ свое сочиненіе, но и вообще старообрядцевъ по поповщинѣ, жившихъ въ восточной части Европейской Россіи: „Нынѣшніе епифаніане попы и послѣдующіе имъ, и нынѣ исчезнувшу Епифанію въ отступленіи, вѣру къ нему мертвому душою и тѣломъ, яко аріане Арію, въ проходѣ пораженну, главу въ порты забиту, вѣру храняху, сице епифаніане къ Епифанію. А понеже отцы наши (керженскіе) до приему Епифаніева гѣтковскихъ поповъ согласія отказашеся и причастія ихъ служенія приимати отрекошася и во время требованія совѣта къ пріятію Епифанія за епископа отказашася и общимъ совѣтомъ положиша вѣздящимъ въ Москву къ попамъ московскимъ подѣ руку ко благословенію не ходити и во время служенія ихъ за службу молитися не ходити, ни съ дѣтми ихъ духовными ни ясти, ни пити, ни молитися, якоже и было, и быти неотложно сему узаконенію держану твердо быти. Но понеже, яко же пишется, пастыремъ о овцахъ небреженіе и людское ко священникомъ непокорства належаіе, зане вси по своей волѣ ходять, особливо здѣшній народъ, не хочетъ время плачевное признавати—время опасное сѣтовное. Пользовахомся священствомъ, священниками, священноиноками, и иноками честными и инокинями, глубокою старостію и сѣдинами и разумомъ духовнымъ украшенными, егда быша священноинокъ Никифоръ, священноіерей Іоаннъ, (уже потомъ отъ Никифора постриженъ священноинокомъ Іовъ¹) и съ нимъ Василій

на студень еси, ни теплъ, сего ради изблевати ты имамъ, зане егда дер-
 фался еси благочестіа лагря Кіева и догматовъ Аввакумовыхъ, то стѣ-
 фался еси себѣ епископа и гладыку и посылалъ еси, идѣ же не спялъ. Но
 егда вознесся еси ваче Капернаума, то и низпалъ еси, яко же блудница
 онаа вавилонская, отъ вина же ея любодѣянія упишася никоніане и языцы
 ивози. Но и ты исповналъ еси мѣру ихъ, чего ради отъята бысть бла-
 годать твоя и преселена во обитель Климовскую (наекъ на перелесеніе
 первой раскольнической Покровской церкви послѣ выгонки 1735 года изъ
 Вятки въ стародубскую [?], Климову), яке есть Новый Іерусалимъ. И
 ты убо притцы и при [?] къ сосуду моему избранному, Михаилу баа-
 жевскому (попъ Михаилъ Баажикъ, одна изъ замѣчательныхъ личностей
 въ расколѣ, жившій въ свободѣ Климовой) да спасешия отъ недуга сво-
 его и изцѣлѣши. Ииѣяй уши слышати, да слышитъ.“

¹ Іовъ ушелъ потомъ на Уралъ къ раскольникамъ, на Демидовскіе за-
 воды, и пользовался огромнымъ уваженіемъ тамѣшнихъ старообрядцевъ.

Торжковецъ и по нихъ Іаковъ Варламовъ, не ошибиться бы, мнитса Аврааміемъ Галацкимъ принятый, но много разнства видится отъ тогда бывшихъ священниковъ и отъ сущихъ нынѣ. Тѣ сами не хотяще своя души погубити, знавше прѣмъю благочестія, оставляюще приходы, приходяще ко священноинокомъ, священникомъ и инокомъ, хотяще токмо при нихъ спасти своя душа, а не паствити, учитися, а не учити; и по усмотрѣнію отецъ умоляемъ, народныя ради пользы и принуждаемъ нужды ради спасительная исправлять и не хотяще; а вывѣшавшихъ посылають искати, яко на положенное и припасенное. Сыскавъ умоляемъ: „Поѣдемъ, речемъ имъ: видно скудное житіе твое, у насъ и тысящи нажить можешь.“ И привезши соборумъ: како исправимъ. И аще мы во глубокой старости, ищемъ ихъ по подобію, яко по чужимъ житицамъ не зерны, но охоботіе и паздеріе собираемъ, а младыя дѣти гдѣ получатъ будутъ и сыскивати, что не отъ обливанцевъ. Все говоримъ: „невозможно безъ попа быти: Господь не умираеть и священство его не престаеть.“ Подлинно у епифановщины не престаеть. Почто престаеть? Вся вселенная полна поповъ, не токмо поповъ, но и большаго чина всякаго полна вселенная, церковнаго причта.“

Еще сильнѣе были укору со стороны безпоповщинскихъ раскольниковъ, напримѣръ, *Ивана Алексѣева*, въ *Исторіи бѣгствующаго священства*. Многіе, самыя горячіе приверженцы Епифанія и поставленныхъ отъ него поповъ, стыдились чрезъ нѣкоторое время сознаваться, что они когда-то принадлежали къ согласію епифановщины.

П. МЕЛЬНИКОВЪ.

Похороненъ онъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, на старообрядческомъ кладбищѣ Нижнетагильскаго завода и приносился святымъ. Ежегодно, 29-го мая, на день его ангела, и 4-го сентября, на день его смерти, стекается до пяти тысячъ народа для его поминовенія и для покаяненія его гробницѣ. (См. дѣло департам. об. дѣлъ мн. вл. дѣлъ, 1837 года, 17 мая, № 64.)

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX AND
TILDEN FOUNDATION

ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I

Наперсница.

Отъ Новоспасскаго каадища по шоссе, обсаженному пирамидальными тополями, въ городъ К*** ъхала быстро щегольская парная карета. На набережной, передъ небольшимъ, но красивымъ домикомъ, экипажъ остановился, и изъ него вышла молодая женщина въ траурѣ. Рѣшительно не замѣчая кто ей отворилъ дверь, какъ все мило было въ бѣлой, свѣтлой залѣ какъ въ палевой гостиной въ простѣлочныхъ зеркалахъ отразилась ея стройный станъ, она прошла, и въ слѣдующей комнатѣ, имѣвшей видъ будуара, снявъ съ себя шляпку, сѣла на табуретъ передъ богатымъ туалетомъ. Это была наша Софья Петровна Ленева.

Костюмъ ея, по наружности, былъ довольно простъ: черное, шелковое платье, черныя бусы съ довольно большимъ

крестомъ, черныя браслеты; но чего все это стоило, понять бы самый неопытный глазъ: изящество дышало въ каждой вещицкѣ на ней, въ каждой складкѣ ея платья.

По стройности и правильности своего стана, по выразительной красотѣ лица, Софи какъ будто бы и на русскую даму не походила. Скорѣй это была Италіянка; но только Италіянка свѣтская, аристократическая.

Въ ея будуарѣ было богато и съ большимъ вкусомъ убрано.

Софья Петровна, по крайней мѣрѣ, съ часъ сидѣла, полузакрывъ лицо и погруженная въ глубокую задумчивость. Лицо ея выражало печаль и озабоченность.

Маленькая, почти потаенная, подъ пунцовыми обоями, дверь отворилась, и въ комнату, по мягкому шелковистому ковру, неслышимо вошла тоже знакомая намъ дѣвушка, Иродіада, и тоже въ траурѣ, съ изящнымъ бѣлымъ воротничкомъ и съ вышитыми рукавичками. Она очень похорошѣла, сдѣлалась еще стройнѣе, и даже ноги у ней стали маленькія, изящныя и обутыя въ пятирублевыя, привелевыя ботинки.

Исторія ея, съ тѣхъ поръ какъ мы ее оставили, очень проста: смиреніемъ своимъ она до того умалила Биби, что та сама ей разъ сказала:

— Не хочешь ли, Иродіада, въ монастырь?... Я вижу, что тебя ничего уже въ мѣрѣ не влечетъ!

— Да, сударыня, еслибы милость ваша была, отвѣчала Иродіада.

— Ахъ, пожалуста! Я за грѣхъ себѣ считаю удерживать тебя, отвѣчала Биби, и въ первую же поѣздку въ городъ дала Иродіадѣ вольную.

Та сначала объявила ей, что поѣдетъ къ Митрофанію на богомолье, а вмѣсто того проѣхала въ ту губернію, гдѣ жила Софи съ мужемъ.

— Возьмите меня, Софья Петровна; я буду служить вамъ, какъ и тетенькѣ вашей служила!... объявила она; и въ этотъ разъ въ голосъ ея слышно было что-то особенное, такъ что Софи, не задумавшись, взяла ее и, по своей страсти видѣть около себя все красивое, сейчасъ же одѣла ее какъ куколку.

Бывшей печальницѣ и смиренницѣ, кажется, это было весьма не непріятно, и затѣмъ госпожа и служанка очень скоро и очень тѣсно сошлись между собою.

— Эммануилъ Захарычъ прислали-съ! начала наконецъ Иродіада, не громко и не торопливо.

Софи взмахнула на нее глазами, и какое-то томительное чувство промелькнуло у ней въ лицѣ.

— Что же? спросила она.

— Спрашиваютъ, могутъ ли они прійхать къ вамъ.

— Нѣтъ! сказала было сначала Софи рѣзко; но потомъ, обдумавъ, прибавила:— скажи, что я только что сейчасъ пріѣхала съ могилы моего мужа; мнѣ не до гостей.

Иродіада неторопиво вышла.

Въ своей комнатѣ, тоже очень чистой и красиво убранной, она нашла черноватаго, курчаваго, молодаго господина, съ явно-еврейскою физиономіей, большаго, должно-быть, франта, съ толстою золотою цѣпочкой на часахъ и въ брилліантовыхъ перстняхъ.

— Сто-зе-съ? спросилъ онъ, модно помахивая шляпой.

— Онъ болыны.... не могутъ принять, отвѣчала Иродіада.

— Ахъ ты, Бозе мой, Бозе мой! произвесь посланный:— такъ господимъ убивается.... такъ!

— Онъ очень нездоровы! отвѣчала Иродіада врезкимъ ровнымъ тономъ.

Посланный не уходилъ и продолжалъ смотрѣть себѣ на руки и на сапоги.

— Могу ли я съ вами переговорить два злова? сказалъ онъ наконецъ.

— Что? спросила Иродіада.

— Два злова! повторилъ онъ, и вслѣдъ затѣмъ началъ что-то такое скороговоркой объяснять Иродіадѣ. Она его слушала какъ-то насмѣшливо холодно.

— Такъ? заключилъ онъ.

— Такъ! отвѣчала она.

Молодой человѣкъ торопливо засунулъ руку въ боковой карманъ, вытащилъ оттуда бумажникъ, вынулъ изъ него стурбулевую бумажку и подалъ ее Иродіадѣ. Та равнодушно приняла ее. Молодой человѣкъ протянулъ къ ней руку; она хлопнула по ней своею рукой, которую онъ и поцѣловалъ съ чувствомъ, а затѣмъ, надѣвъ еще въ комнатахъ шляпу набекрень, модно расшаркался и вышелъ. Иродіада какъ-то мрачно посмотрѣла ему вслѣдъ.

Софи, между тѣмъ, все еще продолжала сидѣть въ задумчивости. Вдругъ раздался звонокъ. Софи даже вздрогнула.

— Иродіада! Иродіада! крикнула она.

Та презорно вошла.

— Скажи, что я не могу принять, что я спать легла, говорила Софи и начала торопливо развязывать смурки у платья, какъ бы затымъ чтобы въ самомъ дѣлѣ раздѣться и лечь.

Иродіада вышла въ переднюю.

Софи напрягла весь слухъ, чтобы услышать что тамъ будетъ говоритья; она закусила свои красивыя губки, лицо ея поблѣднѣло.

Иродіада наконецъ возвратилась.

— Что ты такъ долго?... сказала, потти съ тоской, Софи.

— Это не Эммануиль Захарычъ!.. отвѣчала та.

— Какъ? спросила Соля, и взялась ужь рукой за бьющееся сердце.

— Это Александръ Николаевичъ Бакаловъ! договорила Иродіада.

— Ахъ! воскричала Софи, и вскочивъ, побѣжала на встрѣчу.

Передъ ней, въ самомъ дѣлѣ, стоялъ Бакаловъ.

Первое время они ничего не въ состояннн были говорить, а взяли другъ друга за руки и смотрѣли одинъ другому въ глаза.

Иродіада, съ подсвѣчникомъ въ рукахъ, тоже смотрѣла на нихъ.

ГЛАВА II.

Опять поэзія.

— Хорошо ли у меня здѣсь? было первое слово Софи, когда они усѣлись съ Александромъ въ ея будуарѣ.

— Да! отвѣчалъ тотъ, сіяя весь радостью.

— Ахъ, Боже мой! погоди, постой! воскликнула вдругъ Софи, закрываясь рукой.

У ней невольнo текли слезы.

— Ну вотъ и ничего, прошло!... Иродіада, дай воды! прибавила она, снова открывая свое прелестное лицо, хотя щечки ея еще дрожали.

Иродіада, съ нѣсколько лукавымъ видомъ, подала ей воду: она еще въ Ковригинѣ, когда Бакаловъ и Софи бывали тамъ, догадывалась о чувствахъ, которыя молодые люди питали другъ къ другу.

— Ну, такъ какъ же? заговорила Софи.

— А также!... отвѣчалъ ей Баклановъ, смотря на нее съ нѣжностью.

— Какъ же ты пріѣхалъ сюда?

— А такъ!... Какъ ты мнѣ написала, что мужъ твой померъ и другое прочее, такъ я сейчасъ къ дядѣ, къ Ливанову.... знаешь, я думаю, его?

— Да! Когда мы, въ первый годъ моего замужства, ѣздили съ Яковомъ Назарычемъ въ Петербургъ, такъ часто бывали у него....

— Онъ не ухаживалъ за тобой?

— Было немножко! Постои, какъ онъ называлъ тогда меня?.. Да!.. Прекрасной Іудиейю, и все пророчествовалъ, что я не одному Олоферну, а сотнѣ такимъ пошибаю головы.

— Чтѣ жъ, это правда? спросилъ Баклановъ.

— Не знаю, можетъ - быть, отвѣчала Софи кокетливо. — Ну-съ, отправились къ дядѣ?

— Отправился къ дядѣ и говорю: такъ и такъ, грудью страдаю; а около этого времени я прочиталъ, что здѣсь мѣсто уголовныхъ дѣлъ стряпчаго открылось. „Похлопочите, говорю, чтобы перевели меня.“ Онъ самъ поѣхалъ къ министру.

— Какой, однакоже, добрый, замѣтила Софи.

— Какое, къ чорту, добрый! Я денегъ у него около этого времени попросилъ въ займы, такъ боялся, что это часто повторяться будетъ.

Софи засмѣялась.

— Поѣхалъ я наконецъ, продолжалъ Баклановъ, — и что я чувствовалъ, подѣзжая сюда, и сказать того не могу: вдругъ, думаю, она уѣхала куда-нибудь, или умерла, — чтѣ тогда со мною будетъ?... Пріѣзжаю въ гостиницу и спросить не смѣю; наконецъ почти шепотомъ говорю: „Здѣсь такая-то госпожа живетъ?“ „Здѣсь!“ говорятъ.... Я и ожилъ....

— О, какой ты милый! воскликнула Софи.

И молодые люди сами, не отдавая себѣ отчета, поцѣловались.

— Дѣло въ томъ, продолжалъ Баклановъ, — что, по случайному, можетъ - быть, сточенію обстоятельствъ, но ты одна только была и осталась поэзіей въ моей жизни; а то эта глупая студенческая жизнь, въ которой происходилъ или голый развратъ, или ломанье въ родѣ Печорина передъ какою-нибудь влюбленною госпожой.

— А была же такая! произнесла весело-ревниво Софи.

— Была! отвѣчалъ Баклановъ.— Потому этотъ Петербургъ въ которомъ, если у дѣвушки нѣтъ состоянiя, такъ ее никто не возьметъ, и онѣ, какъ тигрицы, кидаются тамъ на вась, чтобы выйдти замужъ, а потомъ и притащутъ къ вамъ жить папеньку, маменьку, свояченицъ, родятъ вамъ въ первый же годъ тройниковъ!

Софи покачала, съ улыбною, головой.

— Ты такой же все насмѣшникъ, какъ и прежде былъ! сказала она, глядя съ любовью на Бакланова:—впрочемъ и здѣсь все тоже, если еще не хуже! прибавила она съ легкимъ вздохомъ.

— Но здѣсь у меня ты есть! Пойми ты, сокровище мое! воскликнулъ Баклановъ:—здѣсь я для тебя одной буду жить, тобой одною дышать.

— О, да! воскликнула Софи съ полнымъ увлеченiемъ.

— Ты свободна, я свободенъ! говорилъ Александръ.

— А мать у тебя умерла? спросила Софи.

— Да! отвѣчалъ онъ, почти съ удовольствiемъ:—что же съ? продолжалъ онъ, вставая и раскланиваясь передъ Софи,—когда вы прикажете мнѣ явиться къ вамъ и сказать: Софья Петровна, позвольте мнѣ имѣть честь просить вашей руки, и что вы мнѣ на это скажете?

— Я скажу: да, да и да! отвѣчала Софи.

— Софья Петровна! продолжалъ Александръ, въ томъ же комическомъ тонѣ (отъ полноты счастья онъ хотѣлъ дурачиться и дурачиться).— Будете ли вы мнѣ женой вѣрной и покорной?

— Буду вѣрной и покорной, но только не бережливой, потому что мотовка ужасная.

Баклановъ вдругъ всталъ передъ ней на колѣни.

— „Божественное совершенство женщины, позволь мнѣ предъ тобой преклониться!“ проговорилъ онъ монологомъ Ричарда.— А ты отвѣчай мнѣ! продолжалъ онъ, хватая ее ручку и колотя ею себя по лицу. „Гнусное несовершенство мужчины, поди прочь!“

— О, нѣтъ, милый, чудный! отвѣчала та, обхвативъ и цѣлуя его голову; а потомъ Баклановъ поднялъ лицо свое, и они смались въ долгомъ, долгомъ поцѣлуѣ.

Обоимъ имъ тогда было—Софья двадцать три года, а Бакланову двадцать шесть лѣтъ.

ГЛАВА III.

Выставляющиеся углы действительности.

На другой день майское утро светило въ будуаръ Софи сквозь спущенныя, бѣлая сторы. Въ комнату было полу-свѣтло и прохладно.

Софи, въ спальной блузѣ, въ изящныхъ туфляхъ, съ толстою распущенною косою, сидѣла передъ своимъ туалетомъ. Она сама представляла собою не менѣе полную свѣжести и силы весну!

Иродіада, тоже въ стройномъ и по случаю праздника бѣломъ платьѣ, засучивъ кокетливо рукава, убирала госпожѣ волосы.

Софи, впрочемъ, на этотъ разъ не съ обычнымъ вниманіемъ занималась своимъ туалетомъ, не прикладывала и непримѣривала свои водосы какъ имъ лежать слѣдовало, а все предоставила Иродіадѣ, и сама сидѣла въ задумчивости.

— Александръ Николаичъ на долго сюда пріѣхали-съ? спросила вдругъ та.

— На долго.... Онъ служить здѣсь будетъ, отвѣчала Софи.

Что-то въ родѣ насмѣшливой улыбки пробѣжало по лицу Иродіады.

— Я, можетъ-быть, замужъ за него выйду, прибавила Софи, улыбаясь.

Иродіада молчала.

— Нравится онъ тебѣ? прибавила Софи.

— Баринъ молодой-съ! отвѣчала Иродіада.

Нѣкоторое время между госпожой и служанкой продолжалось молчаніе.

— Александръ рѣшительно меня спасетъ.... проговорила Софи, какъ бы больше сама съ собою.

Иродіада въ это время убирала щетку, гребенку, помаду.

— Денегъ у васъ, Софья Петровна, ничего нѣтъ! проговорила она какимъ-то холоднымъ голосомъ.

— Ну, заложу тамъ что-нибудь! отвѣчала Софи безпечно.

— Что, барыня, закладывать-то? Серебро ужъ все заложено, вещи тоже; не платье же нести! отвѣчала Иродіада.

На лицѣ Софи изобразилась тоска.

— У Эммануила Захарыча можно взять-сь! произнесла, съ нѣкоторою разстановкой, Иродіада.

Софи взглянула на нее съ испугомъ.

— Они ничего! дадутъ-сь. Только и желаютъ, чтобы хоть на часъ, на минуту васъ видѣть.

Софи сидѣла и терла себѣ лобъ.

— Ну, хорошо, поди возьми!... Скажи, чтобы приписалъ тамъ къ прежнему счету, проговорила она торопливо.

Иродіада, однако, не уходила.

— Когда жь имъ пріѣхать-то прикажете?

Выраженіе лица Софи сдѣлалось совсѣмъ мрачно.

— Завтра, что ли-сь? продолжала Иродіада.

— Нѣтъ, завтра у меня Александръ 'будетъ! воскликнула Софи, какъ бы испугавшись.

— Ну, послѣ завтра-сь.

Софи ничего на это не возразила.

ГЛАВА IV.

Чувствительный Еврей.

Иродіада, въ новенькомъ бурнусѣ, съ зонтикомъ и въ предстной шляпкѣ, которую подарила ей Софи, всего два раза сама ее надѣвавшая, проворно шла по тротуару.

Ни въ походкѣ, ни въ наружности Иродіады ничего не было, чтобы напоминало горничную, такъ что одишь приказный только было передъ ея проходомъ выбраделся изъ погребка.

— Ай, батюшки, совѣтница наша, совѣтница! проговорилъ онъ, стыдливо закрываясь рукой и сейчасъ же снова себя погребая въ погребкѣ.

По темнымъ извѣстіямъ Иродіада сама принадлежала къ дворянскому роду и чуть ли не была дочерью Евсевія Осиныча, который какъ-то разъ пріѣзжалъ къ секундъ-майору погостить и все шутилъ съ одною замужнею женщиной, которая послѣ того и родила дочь, совершенно не похожую на мужа. Софи даже теперь иногда съ удивленіемъ всматрива-

лась въ свою горничную и замѣчала, что она ужасно похожа на нее, особенно съ глазъ.

Передъ огромнымъ каменнымъ домомъ, съ колоннами и съ дѣльными стеклами въ окнахъ всего бель-этажа, Иродіада оставовилась, и вошла въ рѣзную, краснаго дерева, дверь. Что тутъ живетъ не владѣтельный какой-нибудь принцъ, — можно было догадаться потому только что на правомъ флигелѣ, выкрашенномъ такою же краской, какъ и домъ, была прибита голубая доска съ надписью: *контора нумейно-аккуизнаго откупа*.

Войдя, Иродіада увидѣла швейцара съ золотою булавой, и во фракѣ обложенномъ позументомъ.

— Здравствуйте-съ, сказала она, дружески мотнувъ ему головой.

— Вы къ Иосифу Яковлчу или къ Эммануилу Захарычу? спросилъ ее тотъ нѣсколько таинственно.

— Къ Эммануилу Захарычу, отвѣчала Иродіада.

— Онъ тамъ у себя, въ кабинетѣ, теперь, сказалъ швейцаръ, вѣжливо отворяя ей дверь.

Иродіада, какъ вступила туда, такъ и пошла по превосходному англійскому ковру. Мебель въ первой комнатѣ была зеленая, кожаная. Въ углахъ стояли мраморныя статуи въ своей безцеремонной наготѣ, отъ чего Иродіада, проходя мимо ихъ, всякій разъ тупилась.

Далѣе, въ самомъ кабинетѣ—шли орѣховыя полки по стѣнамъ, съ рѣзными поддерживающими ихъ львиными рожами и лапами. Окна полузакрывались толстою ковровою драпировкой.

Но что собственно въ этой комнатѣ составляло предметъ всеобщаго вниманія и зависти, такъ это невзломаемый и нестараемый шкафъ со скудными лептами откупа, около котораго, сверхъ его собственной крѣпости, кладись еще на ночь спать два, нарочно наняемые для того, мужика.

Самъ Эммануилъ Захаровичъ, въ ермолкѣ, въ шелковомъ сертукѣ, въ шитыхъ золотомъ туфляхъ, сидѣлъ передъ огромнымъ письменнымъ столомъ. Онъ былъ мущина лѣтъ пятидесяти, съ масляными, приподнятыми вверхъ, глазами, отчасти кривошей и сутуловатый—признакъ не совсемъ здороваго, позавтрачавшаго столаба, и вообще всею своею физиономіей онъ напоминалъ тѣхъ судей, которые соблазняли Сусанну.

— Ахъ, бонъ зурь! проговорилъ онъ, увидѣвъ входящую Иродіаду, и даже взялъ и пожалъ ея руку.

Буква з у него, также какъ и уповѣреннаго его, слышалась въ произношеніи.

— Софья Петровна, приказала вамъ казниться, начала та, — и велѣла вамъ сказать, что вчера онъ не могъ насъ принять, такъ какъ не очень здоровъ былъ. — Сегодня докторъ тоже велѣлъ имъ ванну взять, а завтра чтобы вы пожаловали.

— Ну сто-зъ... хоть и завтра, произнесъ съ грустію Эммануилъ Захаровичъ.

— Еще Софья Петровна приказала, продолжала Иродіада тѣмъ же бойкимъ тономъ, — такъ какъ имъ теперича денегъ очень долго не высылаютъ изъ деревни — чтобы вы денегъ пожаловали... Пусть тамъ ужъ, говорить, къ общему счету и припишетъ.

— Денегъ! произнесъ Эммануилъ Захаровичъ съ тѣмъ неуловимымъ выраженіемъ, которое появляется у человѣка, когда его тронуть за самую чувствительную струну: — я все дѣлаю!.. все!.. прибавилъ онъ.

— Онъ очень хорошо это и чувствуютъ-съ, отвѣчала Иродіада.

— Гдѣ же чувствуютъ, гдѣ? не вижу я того...

— Молоды еще, судырь, онъ очень! отвѣчала Иродіада.

— Ты-зе любишь Іосифа, любишь?

Иродіада улыбулась и грустно потупилась.

— И меня-то Богъ не помилуетъ за то... сказала она.

— Не Бога-зе она боится!

— Бога не Бога, а что въ свое еще спокойствіе и удовольствіе жить желаютъ.

— Въ свое удовольствіе! повторилъ досадливо Эммануилъ Захаровичъ и, вставъ, пошелъ къ завітному шкафу.

— Сколько-зе тебѣ? прибавилъ онъ, вынимая оттуда несомнѣнною спокойною рукой тысячную пачку денегъ.

— Всю ужъ пожалуйте, отвѣчала, проворно подходя къ нему Иродіада и почти выхватывая у него изъ рукъ пачку и опуская ее въ карманъ.

На лицѣ Эммануила Захаровича опять промелькнуло то неуловимое выраженіе.

— Я прѣйду! сказалъ онъ какимъ-то точно угрожающимъ голосомъ.

— Прѣзжайте-съ! сказала Иродіада и пошла.

Но Эммануилъ Захаровичъ опять прикликнулъ ее.

— Ты изъ насыхъ? спросилъ онъ ее.

— Чего-съ?

— Изъ Евреевъ?

— Нѣтъ-съ!

— А я думалъ, что изъ Евреевъ!.. продолжалъ онъ, устремляя на нее недоверчивый взглядъ; а потомъ перенесъ его на висѣвшую на стѣнѣ картину, изображающую жертвоприношеніе Авраамомъ сына. Какъ тому для Бога, такъ ему для своей любви ничего, видно, было не жаль!

Въ сѣняхъ Иродіаду опять остановилъ швейцарь.

— Иосифъ Яковичъ просилъ васъ зайти къ нему на минутку, сказалъ онъ.

— Можетъ и самъ къ намъ придти: мнѣ еще нѣкогда! отвѣчала она бойко, и выйдя на улицу, сейчасъ же взявъ извозчика и поѣхала домой.

— Привезла, барыня, сказала она съ восторгомъ, входя и подавая Софи пачку ассигнацій.

Софи только усмѣхнулась.

— Чтò же онъ говорилъ? спросила она.

— Приѣдутъ послѣзавтра вечеромъ.

Софи сдѣлала медовольную мину.

— Вы ужь поблагодарите съ нимъ! сказала Иродіада.

— Какъ же? сейчасъ? отвѣчала Софи, и когда Иродіада вышла, она всплеснула почти въ отчаяніи руками:

— Господи, когда меня Богъ развяжетъ съ этимъ человѣкомъ! произнесла она.

ГЛАВА V.

Воркованье голубковъ.

Вечера на югѣ наступаютъ ранѣе и быстрѣе.

Софи сидѣла съ Бакаановымъ въ кабинетѣ ея покойнаго мужа, послѣ смерти котораго она сейчасъ велѣла вынести всѣ хоть сколько-нибудь напоминающія его вещи и оставила одинъ портретъ его, и то потому что онъ былъ превосходно написанъ и вставленъ былъ въ цегольскую золотую раму. На изображеніи этомъ покойный Ленева былъ представленъ въ совершенно ему не свойственной величественной позѣ, и

какъ бы съ презрѣнiемъ смотрѣвшимъ на оставленный имъ теперь мiръ.

Большое, створчатое окно, выходившее въ садъ, было растворено.

Молодые люди сидѣли одинъ по одну его сторону, а другая по другую.

Съ густыхъ и далеко разросшихся деревьевъ опахивало вечернюю свѣжестью.

— „Ночь лимономъ и лавромъ пахнетъ!“ продекламировалъ Баклановъ, навѣвая на себя рукою въ самое дѣлѣ благоухающей воздухъ.

— А ты все также любишь стихи? спросила Софи, лаская его по плечу.

— Ужасно!... а тутъ, пожалуй, и самъ поэтому сдѣлаешься.. Посмотри въ эту сторону? воскликнулъ онъ, показывая ей на западъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ облака натворили, Богъ знаетъ, какихъ чудесъ: то понадѣлали она изъ себя какъ бы людей великановъ въ шлемахъ, съ щитами; то колесницы; то звѣрей съ открытыми пастьми, и все это было съ позлащенными краями.

— А здѣсь еще! обернула его Софи въ другую сторону.

Тамъ невѣдомо отчего шла цѣлая полоса свѣта и вообще въ небѣ былъ тотъ общій беспорядокъ, когда догорающий день борется съ наступающими на него совсѣхъ сторонъ тучами. Вдали уже погромаивало.

— Ты любишь громъ? спросила Софи.

— Люблю... Въ громъ любить сильнѣй можно.

— Отчего?

— Оттого что сама любовь есть не что иное какъ электричество.

— Вотъ какъ! сказала Софи, и выставилась въ окно подальше, чтобы посмотрѣть, гдѣ именно гремитъ. При этомъ грудь ея очутилась на рукѣ Бакланова.

— А у тебя, однако, сердчишко порядочно бьется! сказалъ онъ, дотрогиваясь до того мѣста, гдѣ должно было быть у нея сердце.

— Еще бы! отвѣчала Софи, отодвигая его руку и вообще садясь поправѣй. — А помнишь ли ты меня все царицей Тамарой называлъ? прибавила она, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанiя.

— Да: „Прекрасна, какъ ангелъ небесный, какъ демонъ коварна и зла!“ воскликнулъ Баклановъ.

— А, можетъ-быть, я и въ самомъ дѣлѣ такая, подхватила Софи лукаво.

— Ничего! Я готовъ хоть сейчасъ же купить цѣною жизни ночь твою.... Вотъ пусть въ это же окно и вышвырнуть.

Софи отрицательно покачала головой.

— Я не хочу того, отвѣчала она.

— А я хочу.

— Ни! возразила Софи по-малороссійски.

Баклановъ схватилъ себя за голову.

— Ну что: ни! возразилъ онъ:— Неужели же тебѣ нужно это вѣчаніе, чтобы тамъ пѣли, вѣнцы надѣвали. Богъ и здѣсь насъ благословить.

— Это не Богъ, а лукавый бѣсенокъ! говорила Софи:— я хочу за тебя выйдти, чистом и непорочною, какъ дѣвушка. Вѣдь я почти что дѣвушка!

— Не нужно мнѣ этого, не надо! воскликнулъ Баклановъ и, вскочивъ, схватилъ Софи въ объятія, и въ то время какъ она слабо сопротивлялась, онъ цѣловалъ ее въ лицо, въ шею.

— Пстой, погоди! два слова! проговорила наконецъ она.

Александръ нѣсколько поотпустилъ ее.

Софи сейчасъ же дернула за советку, и сейчасъ же за тѣмъ вошла въ комнату Иродіада.

— Дай мнѣ капель, сказала Софи.

— Какихъ-съ? спросила та въ удивленіи.

— Ну какихъ-нибудь?

Смѣтливая горничная поняла наконецъ, что госпожа приказала ей, чтобы что-нибудь приказать; а потому, наливъ въ рюмку простой воды, принесла ее вмѣстѣ со свѣчой.

— Вамъ минутъ черезъ десять прикажете подавать-съ? спросила она съ улыбкой.

— Нѣтъ, черезъ пять, отвѣчала Софи.

Иродіада ушла.

Портретъ Ленева отъ принесеннаго огня выглянулъ изъ рамы.

Баклановъ стоялъ взволнованный, сконфуженный и растерянный.

Софи подошла къ нему.

— Смотрите, вонъ онъ обидеть и убьетъ васъ! сказала она, показывая на мужа.

Бакаановъ не могъ удержаться и взглянулъ на нее. О, какъ она была прелестна.

— Прощайте! сказалъ онъ.

— Прощай, сказала ему и Софи, цѣлуя его по крайней мѣрѣ въ сотый разъ.

На дворѣ была настоящая ужь буря: гремѣлъ громъ и шелъ проливной дождь!

ГЛАВА VI.

Простота провинціальныхъ нравовъ.

Настоящій прокуроръ былъ боленъ. Бакаанову, съ самыхъ первыхъ шаговъ, пришлось исправлять его должность: въ это время, разумеется, сылались люди на каторгу, присуждались тысячныя имѣнія отъ одного лица къ другому, и все это нашъ молодой юристъ долженъ былъ повѣрять и контролировать,—но увы! кромѣ совершеннаго незнанія всѣхъ этихъ обязанностей, у него въ воображеніи безпрестанно мелькали хорошенькое личико Софи, ея ручка, ножка.... Въ одно изъ присутствій, когда онъ сидѣлъ и держалъ глава болѣе механически устремленными на бумаги, вошелъ сторожъ-солдатъ.

— Мозеръ, ваше высокородіе, васъ спрашиваетъ, сказалъ онъ.

— Что? переспросилъ его Бакаановъ.

— Мозеръ, ваше высокородіе! повторилъ солдатъ.

— Я ничего не понимаю, сказалъ Бакаановъ, обращаясь ужь къ прокурорскому письмоводителю, сидѣвшему тутъ же за столомъ.

— Это вѣрно управляющій здѣшнимъ откупомъ, объяснилъ тотъ.

— Спрашиваетъ васъ, ваше высокородіе, повторилъ еще разъ солдатъ.

— Такъ пускай войдетъ сюда!.. Что жь мнѣ идти къ нему! сказалъ Бакаановъ.

— Позови сюда, какой ты глупый! сказалъ солдату и письмоводителю.

Сторожъ повернулся и пошелъ какъ-то нерѣшительно: онъ,

кажется, сильно удивлялся, что какъ это такъ мало оказываютъ вниманія господину, у котораго столько водки!

Тотчасъ же послѣ его ухода, вошелъ знакомый намъ Иосифъ Яковлевичъ.

Сначала онъ съ нѣжностью пожалъ руку у письмоводителя, а потомъ подошелъ къ Бакланову.

— Такъ какъ, ваше высокородіе, Эммануиль Захарычъ не такъ, значитъ, здоровы теперь: „Поди, говоритъ, и праси гаспадина здряпчаго кусать ко мнѣ.“

— Кто такой? что такое? спрашиваетъ Баклановъ, вставая и въ самомъ дѣлѣ рѣшительно ничего не понимая.

— Откупщикъ, ваше высокородіе, проситъ васъ, объяснилъ точнѣе Мозеръ.

Баклановъ немножко вспыхнулъ и разсердился.

— Извините меня, я ѣзжу на обѣды только къ знакомымъ мнѣ лицамъ, отвѣчалъ онъ.

— Эммануилу Захарычу очень зовѣстно, началъ опять Иосифъ, нѣсколько, по обыкновенію, модничая:— они теперь не выѣзжаютъ.... „Праси, говоритъ, господина здряпчаго. У меня, говоритъ, будутъ г. вице-губернаторъ, г. предсѣдатель... г. губернаторъ.“ Сдѣлайте бозескую милость, ваше высокородіе, откусать у насъ, заключилъ Мозеръ.

— Ей Богу, не знаю... если буду имѣть время, отвѣчалъ Баклановъ.

— Сдѣлайте милость! повторилъ еще разъ Мозеръ и, модно раскланявшись, вышелъ.

Ему собственно ничего не было приказано отъ Эммануила Захаровича, который былъ, какъ мы знаемъ, здоровешенекъ; но смѣтливый агентъ, придя случайно въ прокурорскую и услышавъ о пріѣздѣ новаго стряпчаго, счелъ не лишнимъ завербовать его на первыхъ же шагахъ въ свой кругъ, такъ какъ, по многимъ опытамъ, было дознано, что отъ денегъ нѣкоторые помоложе чиновники еще спасались, но отъ тонкихъ обидовъ никто!

— Что это за господинъ? спросилъ Баклановъ опять письмоводителя.

— Къ нимъ точно что всѣ ѣздить, отвѣчалъ тотъ.

— Всѣ?

— Всѣ-съ! Обѣды ужь очень отличные.... Сто рублей въ мѣсяцъ одному повару-Французу-съ платять.

— Съѣздить развѣ? проговорилъ, подумавъ, Баклановъ.

— Подѣжайте-съ! ободрилъ его письмоводитель.

ГЛАВА VII.

Неблагодарныя дѣти.

Баклановъ проѣхалъ на обѣдъ прямо изъ присутствія. Тотъ же швейцаръ, съ булавою и только въ совершенно новомъ ливрейномъ фракѣ, и даже въ шелковыхъ чулкахъ и съ бо-
лье обыкновеннаго важною физиономіей, распахнулъ передъ нимъ дверь.

— Вы къ Эммануилу Захарычу, или къ Іосифу Яков-
личу? спросилъ онъ его.

Баклановъ рѣшительно не зная что ему отвѣчать.

— Я къ откупщику, отвѣчалъ онъ.

— Да вы обѣдать, что ли, пріѣхали? продолжалъ его до-
прашивать швейцаръ.

Баклановъ совершенно сконфузился.

— Да, отвѣчалъ онъ.

— Ступайте на верхъ-съ. Тамъ барчики есть, сказалъ швейцаръ, указавъ головой на великолѣпнѣйшую лѣстницу, уставленную мраморными статуями и цвѣтами: — Ваша фа-
милія-съ? добавилъ онъ, какъ бы вспомнивъ, что ему соб-
ственно надо было дѣлать.

— Баклановъ.

— Баклановъ! крикнулъ швейцаръ, ударивъ въ звонокъ.

— Баклановъ! Баклановъ! раздалось два, три голоса.

Подробнаго соединенія барства и хамства Баклановъ на-
когда еще въ жизнь свою не видывалъ. Онъ пошелъ.

Онъ роскошь попираалъ ногами, опирался рукой на рос-
кошь, роскошь падала на него со стѣнъ, съ потолкавъ, и
наконецъ торчала въ видѣ по крайней мѣрѣ, цѣлаго десятка
лакеевъ, стоявшихъ въ первой же приемной комнатѣ.

— Пожалуйте-съ! проговорили они почти всѣ въ одинъ
голосъ, показывая ему руками на виднѣвшуюся вдали залу,
и на раскинутый по ней длинный обѣденный столъ.

Баклановъ вошелъ, и первое что кивулось ему въ глаза
былъ какъ-то странно расписанный потолокъ. По нѣкоторомъ

рассмотрѣніи оказалось, что это ода Державина была изображена въ лицахъ: „Богатая Сибирь, наклонившись надъ столами разсыпала по нимъ и злато, и серебро; принесъ кошащу Тавръ; въначавша класами хлѣбъ Волга подавала.“ Видимо, что хозяинъ, въ этомъ случаѣ, хотѣлъ выразить, что онъ патріотъ и свой обиденный храмъ не нашелъ ничѣмъ лучшимъ украсить, какъ рисунками изъ великаго поэта. Впрочемъ, Эммануилъ Захаровичъ и вообще старался показать, что онъ Русскій; за исключеніемъ нѣскольکو имоземнаго начала въ имени, онъ и фамилію имѣлъ совершенно народную: Галкинъ. Нѣкоторые смѣялись, что будто бы это прозвище онъ получилъ въ молодости оттого, что въ Вильнѣ, для забавы гуеварскихъ офицеровъ, въ ихъ присутствіи, за 50 рублей сер. съѣлъ, не поморщась, мертвую и сырую галку,—и эта скудная лепта послужила потомъ основаніемъ его теперешняго миллионнаго богатства.

На другой сторонѣ стола, Бакаановъ увидѣлъ двухъ молодыхъ людей, въ гимназическихъ сюртукахъ: одинъ очень стройненькій и прямой, а другой ужасно хромой, такъ что когда шелъ, такъ весь опускался на одну изъ ногъ. Типъ Израиля ярко просвѣчивалъ въ обоихъ мальчикахъ. Увидѣвъ входящаго гостя, они сейчасъ же подошли къ нему.

— Папенька сейчасъ будетъ, сказалъ развязно, и даже нѣсколько небрежно, старшій изъ нихъ и прямой на ногахъ.

— Я не зналъ здѣшнихъ обычаевъ, и пріѣхалъ, кажется, рано, сказалъ Бакаановъ.

— Ничего-съ! ободрилъ его старшій Галкинъ. — Вы изъ училища правовѣднія, вѣроятно? прибавилъ онъ.

— Нѣтъ, я изъ университета.

— Изъ Московскаго?

— Да.

— Мы и сами, я думаю, поступимъ въ университетъ. Здѣсь вотъ и училище есть, да профессора все скоты такіе!

— Отчего же? спросилъ Бакаановъ.

— Это ужъ ихъ спросить надо! отвѣчалъ насмѣшливо старшій Галкинъ.

— Ужасные скоты-съ! подтвердилъ за братомъ хромоногий, совершенно опрокидываясь на свою сведенную ногу.

Бакаановъ сталъ было осматривать комнату и видѣвшуюся изъ нея окрестность. Молодые люди не оставляли его и шли за нимъ.

— Дождь очень дорого стоить, началъ опять старшій, но ужасно какъ глупо сдѣлать: вотъ, посмотрите, продолжалъ онъ, приотворяя дверь и показывая комнату, сдѣланную подъ арабскій стиль съ куполомъ, съ диванами и, вѣроятно, назначенную для куренія.— Вѣдь,—пряники!.. продолжалъ юный Галкинъ, все это сусальное золото! Посмотрите!—И въ самомъ дѣлѣ пальцемъ стеръ позолоту.— Ужь если золото, такъ оно можетъ быть терпимо только настоящее.

— У папеньки никакого нѣтъ вкуса! подтвердилъ хромоногий, едва успѣвая кивлять за идущими братомъ и Бакаловымъ въ слѣдующія комнаты.

— Эта комната помпейская, продолжалъ старшій Галкинъ:— тутъ одинъ нашъ знакомый Зальцманъ прѣзжалъ, онъ учился въ Германскомъ университетѣ и просто разругалъ папа. Помпея хороша, когда она настоящая, а то Помпея изъ папьемаше! Это все папье-маше!.. говорилъ онъ, ударяя пальцемъ по вазѣ, съ виду какъ этрусской.

Бакалова начали, наконецъ, занимать молодые люди.

— Это тоже вздоръ! продолжалъ Галкинъ, проводя его по комнатѣ, убранной à la Louis XV.— Все поддѣльное; даже здѣшніе столары все и дѣлали; ужасное скотство!

— Тутъ всякаго жита по лопатѣ! замѣтилъ Бакаловъ.

— Да! отвѣчалъ, съ гримасой пренебреженія, его юный вожатый.— Знаете, какъ всегда у разбогатѣвшаго Жида: все, чтобы сдѣлать для виду, на показъ; а ничего настоящаго.

— Какъ у мѣщанина въ дворянствѣ! подтвердилъ меньшой. „Ну, мальчика же!“ думалъ Бакаловъ.

Изъ комнаты à la Louis XV они проходили корридоромъ.

— Папа, вѣроятно, ужь дома, произнесъ Галкинъ, заглянувъ въ одну изъ дверей.— Пара, sind Sie zu Hause? проговорилъ онъ, съ полужидовскимъ акцентомъ.

— Ja! отвѣчалъ ему голосъ изнутри.

— Онъ сейчасъ выйдетъ; пойдете въ пріемныя комнаты, сказали въ одинъ голосъ оба молодые Галкины и провели Бакалова въ великолѣпную гостиную.

— Къ папа такая все дрянь вѣдуть, началъ опять старшій,—разныя генералштки, у которыхъ песокъ сыпается, чиновники—разныя плуты и взяточники.

— Благодарю покорно! И я, значить, въ томъ числѣ, сказалъ Бакаловъ.

— О нѣтъ! отчего жь, возразилъ покровительственный

товомъ юный Зоизъ:—Вы молодой человекъ, вонъ какъ и правовѣды же. Мы очень любимъ правовѣдовъ. Они славно пробираютъ этихъ старыхъ канальевъ-взлточниковъ.

У Бакаанова начала, наконецъ, кружиться голова отъ всей этой болтовни. Онъ самъ, въ первую молодость свою, многое отрицалъ въ родителяхъ; но такъ, чтобы рубить все съ плеча и кричать объ этомъ только что не на площади, это чортъ знаетъ что такое!

ГЛАВА VIII.

Мрачный синклитъ.

На часахъ, наконецъ, пробило четыре. Въ гостиную, изъ заднихъ комнатъ, вошелъ Эммануилъ Захаровичъ. Дѣти сейчасъ же успѣшили отрекомендовать ему гостя.

— Г. Бакаановъ! сказали они ему.

Самъ Эммануилъ Захаровичъ, кажется, совершенно и не зналъ, кто и какой это господинъ.

— Очень радъ.... Дусебно обязанъ.... говорилъ онъ, какъ котъ закрывая глаза и обѣими руками пожимая, съ чувствомъ, руку Александра, а потомъ, услышавъ тонкимъ слухомъ своимъ дальнѣе шаги.

— Вице-губернаторъ прѣхалъ! сказалъ онъ и, согнувшись, пошелъ въ залъ.

Тамъ дѣйствительно входилъ вице-губернаторъ, мушкетерскій вершковъ 12-ти росту, изъ духовнаго званія и съ басомъ.

— Ровно четыре; не опоздалъ, какъ въ тотъ разъ, говорилъ онъ, вынимая часы и показывая ихъ хозяину.

Тотъ, попрежнему, склонилъ голову и простирая обѣ руки, провелъ его въ гостиную.

— Иванъ Карамчъ! проговорилъ онъ самъ съ собою и, снова повернувшись, вышелъ опять въ залъ.

Въ залъ входилъ подбористый генералъ.

— Жарко! Не правда ли,—да? сказалъ онъ хозяину.

— О, заръ! заръ! произнесъ Эммануилъ Захаровичъ, какъ бы даже съ грустью.

Вошелъ третій гость, косою и кривою, котораго хозяинъ ужъ не встрѣчалъ.

— Ха, ха, ха! хохоталъ онъ еще въ залъ,—это ваши дрова-то?

обратился онъ прямо и совершенно безъ церемоніи къ Эммануилу Захаровичу.

— Мои, сто-зе-съ? спросилъ тотъ его довольно сухо.

— Вотъ, батюшка, дрова-то!... вотъ... цѣлый кварталъ! говорилъ тотъ, обращаясь къ вице-губернатору и къ генералу.— Ха, ха, ха! заключилъ онъ все это снова:—ха, ха, ха!

Баклановъ удивлялся такому неудержимому потоку веселости, нисколько не подозрѣвая, что подъ всѣмъ этимъ скрывалось далеко не веселое сердце и нисколько не уступающее, по своему закалу, сердцу Эммануила Захаровича; но что дѣлать?... русскій былъ человекъ: счастья не было, да и на языкъ-то ужъ былъ очень неостороженъ,—бритва! Только и достигнулъ въ жизни того, что плутовалъ теперь, переторговывая старыми экипажами.

Въ гостиную вбѣжалъ, въ попыхалъ, старшій вольнодумецъ Галкинъ.

— Папа, Петръ Александрычъ пріѣхалъ!

Эммануилъ Захаровичъ вскочилъ чуть не козломъ и на нижней ступенькѣ лѣстницы принялъ главу властей съ двумя адъютантами.

— Лучше поздно чѣмъ никогда! сказалъ тотъ, пожимая ему руку и потомъ, входя, кивалъ, издали, всѣмъ головой. Въ дверяхъ, проходя мимо самого Бакланова, онъ побольше мотнулъ головой и проговорилъ:—Гора съ горой только не сходятся!

Въ гостиной Эммануилъ Захаровичъ подвелъ его къ настоящему Корреджіо.

Генералъ нѣсколько времени смотрѣлъ на картину сквозь кулакъ.

— Какъ эта пословица: не все то золото что блеститъ, а про эту вещь надо говорить: хоть не блеститъ, а золото!

— О, это-зе точно, точно! произнесъ, съ чувствомъ, Эммануилъ Захаровичъ.

Въ углубленіи комнаты, въ это время, кривой господинъ толковалъ двумъ братьямъ Галкинымъ.

— Чудная, я вамъ говорю, дѣвчонка... Она на ту сторону, и я; она на эту, и я; она въ каютку—ну, думаю, къ теплымъ ребятамъ попала.

Старшій Галкинъ хохоталъ, при этомъ, во все горло. Недовольное лицо Эммануила Захаровича какъ бы говорило: „Боже мой! При такомъ начальствѣ и такъ себя ведутъ!“

Пріѣхалъ архіерей и посаженъ былъ рядомъ съ губернаторомъ.

— Это, значитъ, что священники, по всей губерніи, подали явку, что въ обѣдню отпираются кабаки! объяснилъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, кривой господинъ, повернувшись къ Бакланову.

— Столъ готовъ! произнесъ метръ д'отель, тоже съ курчавою головой. Архіерей и губернаторъ пошли впередъ.

Въ залѣ стояло еще много новыхъ лицъ; но до того, вѣроятно, малозначительныхъ, что при видѣ начальника края они даже поблѣднѣли.

Вошла также и хозяйка, дама — съ чернымъ, заскорбленнымъ лицомъ, въ шелковомъ платьѣ и въ блондовомъ чепцѣ. Поклонившись всѣмъ гостямъ однимъ общимъ поклономъ, она встала около того мѣста, на которое должна была сѣсть и разливать горячее. Назначеніе этой женщины рѣшительно, кажется, состояло только въ томъ, чтобы разливать горячее, потому что весь остальной день она сидѣла въ своей комнатѣ, никто никогда съ ней ни слова не говорилъ, и даже сыновья, при встрѣчѣ съ ней, дѣлали гримасы и отворачивались. Отъ нея очень ужъ пахло тѣмъ, что въ стихотвореніи Гейне такъ испугало герцогиню.

Пастырь церкви началъ молитвою: „Господи, благослови сіе ястіе и питіе...“ и докончилъ ее шепотомъ, склонивъ голову.

Баклановъ не могъ удержаться и посмотрѣлъ какъ крестится Эммануилъ Захаровичъ и появившійся изъ низу Иосифъ Яковлевичъ. Оказалось, что они исполняли это въ совершенствѣ, хорошо, видно, понявъ свое прежнее религиозное заблужденіе.

Сѣли.

Супъ подали такой, что Баклановъ, проглотивъ ложку, долженъ былъ сознаться, что подобнаго совершенства онъ еще не вѣдалъ.

Подчиненные Эммануила Захаровича тоже, видно, очень довольные, послѣ обычнаго своего блюда изъ щуки съ лукомъ, чавкали и жвакали на весь столъ.

Косой господинъ, не переставая, хохоталъ и говорилъ.

— Вы отсюда въ клубъ? обратился онъ опять прямо, безъ всякой церемоніи, къ Бакланову.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ ему тотъ сухо.

— Подъемте! Здѣсь нечего оставаться... сегодня суббота... они шабашъ свой, вѣроятно, будутъ править!... прибавилъ онъ громко, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что рядомъ съ нимъ сидѣли вольнодумный и хромельскій Галкины, которые на это даже сами усмѣхнулись.

— Вѣдь даромъ, что этакое рыло, продолжалъ онъ, показывая рукой на хозяина,—а вѣдь какую чудную женщину имѣетъ на содержаніи—предестъ что такое! И когда-нибудь покажу вамъ ее...

— Чего жъ она и стоитъ! подхватилъ старшій Галкинъ.

— Ужасно дорого! подтвердилъ хромельскій.

— Еще бы вамъ даромъ! Ахъ, вы неумои! объяснилъ имъ откровенно кривой.

Молодые люди опять только улыбнулись. Они, должно-быть, сильно трусили его злаго языка.

Съ верхняго конца Бакланову безпрестанно слышалось весьма ласковое обращеніе начальника края къ хозяину: „Не красна изба углами, а красна пирогами.“ „Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ“, говорилъ генераль послѣ каждаго почти слова. Онъ любилъ, особенно когда былъ въ духѣ, обо всемъ выражаться русскими поговорками.

Вслѣдъ за божественными соусами, подаваемыми въ морскихъ раковинахъ, слѣдовало шампанское.

День какой-то былъ нѣсколько торжественный. Послѣ здоровья Государя Императора, всей царской фамиліи, начальствующихъ лицъ города, хоръ музыкантовъ грянулъ: „Боже Царя храни!“ Всѣ встали, и первый началъ подпѣвать музыкантамъ косою господинъ, за нимъ затянули два адъютанта съ лицами, очень похожими на лица, рисуемыя плохими живописцами у архангеловъ. Не пѣлъ только мрачный вице-губернаторъ; но за то онъ пилъ безпрестанно: съ менѣе торжественныхъ обѣдовъ Эммануила Захаровича, его обыкновенно увозили всегда безъ чувствъ, и все-таки откупъ его одного только въ цѣлой губерніи и побаивался. За адъютантами своими началъ подтягивать самъ начальникъ края, а за нимъ грянула и вся остальная братія гостей. У Бакланова морозъ пробѣжалъ по кожѣ: ему представилось, что онъ и всѣ прочіе господа, тѣ же лица какъ и въ *Ябедн* Капниста, которыя, ограбивъ неправеднымъ судомъ бѣдняка, у богатаго его противника пьютъ, ѣдятъ, поютъ и торжествуютъ свое поганое дѣло!

ГЛАВА IX.

Капля яду, отравившая все.

Передъ домою Софи стояла карета. Въ окнахъ, сквозь занавѣси, былъ виденъ свѣтъ.

Баклановъ, съѣздивъ послѣ обѣда домой и отдохнувъ немного, поѣхалъ къ ней.

Ему, на звонокъ его, отворила Иродіада.

— Софьи Петровны дома нѣтъ-съ! сказала она.

— Отчего же огонь? спросилъ Баклановъ.

— Это я сижу-съ! отвѣчала Иродіада, и захлопнувъ у него передъ носомъ дверь, заперла ее.

Бакланову ужасно это было досадно; но дѣлать нечего: онъ поѣхалъ назадъ.

Проезжая мимо кареты, онъ, больше изъ пустаго любопытства, спросилъ кучера:

— Чья это карета?

— Коммерціи совѣтника Галкина, отвѣчалъ тотъ, преважно лежа на козлахъ.

„Онъ ужъ тутъ!.. у кого это онъ!..“ подумалъ Баклановъ, и все это какъ-то смутно и странно сложилось въ его головѣ.

Онъ велѣлъ везти себя въ клубъ, и только подъѣхавъ къ подъѣзду, сообразилъ, что для входа надобно чтобы кто-нибудь его записалъ. Онъ вспомнилъ о косомъ господинѣ.

— Скажите, пожалуйста, здѣсь этакой косою и кривою господинъ? спросилъ онъ у входныхъ закеевъ.

Одинъ изъ нихъ только выпучилъ на него глаза.

— Это Никтополіоновъ надо быть! отвѣчалъ другой, бывшій, видно, нѣсколько подогадливей.

— Здѣсь, недавно только пріѣхалъ, добавилъ онъ.

Баклановъ попросилъ его вызвать, сказавъ, что его просить господинъ, съ которымъ онъ сейчасъ обѣдалъ.

Никтополіоновъ показался на верху лѣстницы.

— Входите, милости просимъ! кричалъ онъ оттуда Бакаланову.

— Записать меня, я думаю, надо! говорилъ тотъ.

— Запишите! крикнулъ Никтополионовъ лакею, сидѣвшему за книгою.

— Какъ прикажете-съ? спросилъ тотъ, обращая къ нему не совсѣмъ смѣлый взглядъ.

— Ну паши хотъ: чортъ Иванычъ Мордохаетъ.—Лакей, кажется, такъ и написалъ.

— Простота, видно, у васъ... говорилъ Бакалановъ, входя на лѣстницу.

— Э! всякая дрянь, вѣдь, тутъ шляется... стоитъ церемониться! говорилъ Никтополионовъ, идя бойко впередъ. — Это все грекондосы, выжига все народъ! говорилъ онъ, показывая на цѣлую кучку, по большей части молодыхъ людей, сидѣвшихъ около столиковъ и прихлебывавшихъ изъ рюмочекъ шербетъ.

— А это вотъ чихирники! прибавилъ онъ, махнувъ рукой на двухъ черноватыхъ господъ, игравшихъ одинъ противъ другаго въ карты.

— Какіе это чихирники? невольно спросилъ Бакалановъ.

— Армяне! отвѣчалъ преспокойно Никтополионовъ:—думъте себѣ въ полтинникъ бочку чихири да и баста... на грошъ, каналья, ладить пьянъ и сытъ быть... А это вотъ все Эммануилы Захарычи! заключалъ онъ, направляя взоръ Бакаланова на цѣлую комнату, въ которой то тутъ, то тамъ видѣлись библейскія физиономіи.—А каковъ обѣдецъ-то былъ, а? каковъ? вскрикнулъ онъ вдругъ, останавливаясь передъ Бакалановымъ, въ то время когда тотъ садился въ биллиардной на диванѣ.—Каковъ... ась?.. вотъ вамъ и будьте добродѣтельны, и будьте! говорилъ Никтополионовъ, съ истинною досадою.—Въ 35 году онъ, ракалія, сидѣлъ еще за корчемство въ острогѣ. Я самъ ему, своими руками, далъ полтинникъ, когда его вели изъ острога въ уголовную палату, и онъ взялъ; а въ это время у него, говорятъ, пятьдесятъ тысячъ въ порткахъ было зашито. Вотъ вамъ и добродѣтель!.. Храните ее на землѣ!

— За сегодняшній обѣдъ ему можно простить многое, сказалъ Бакалановъ, чтобы хотъ нѣсколько смягчить подобныя отзывы.

— Все ужъ и прощено ему давно! отвѣчалъ Никтополионовъ;

махнуть рукой. — И вѣдь прямо воѣмъ здѣшнимъ властямъ говорю: „Ежели бы, говорю, я зналъ, что такой-то ночью, по такой-то улицѣ, пойдетъ господинъ, у котораго миллионъ въ карманѣ, я бы вышелъ и зарѣзалъ его, пятьсотъ бы тысячъ взялъ себя, а пятьсотъ вамъ отдалъ, и вышелъ бы у васъ чище солнца!...“ Молчать, посмѣиваются только...

— Вы сейчасъ можете это сдѣлать, началъ Баклановъ, опять, чтобъ обратить нѣсколько въ шутку этотъ разговоръ. — У Галкина сколько денегъ? миллионъ есть?

— Десять, говорятъ, отвѣчалъ Никтополоновъ съ неудержимою злобой.

— Въ такомъ случаѣ я вотъ сейчасъ около одного дома видѣлъ его карету; вы ступайте, подождите: онъ выйдетъ, вы и зарѣжьте его.

— Гдѣ это? На набережной вы видѣли?

— Да.

— А! это онъ, значить, у любовницы своей, произнесъ Никтополоновъ.

— У любовницы? переспросилъ Баклановъ, соображая, гдѣ же эта любовница могла жить въ томъ домѣ, гдѣ жила Софи; онъ всего былъ одностаяный.

— Да, отвѣчалъ утвердительно Никтополоновъ. — Какъ ея фамилія-то проклятой! прибавилъ онъ, припоминая.

Бакланову вдругъ почему-то захотѣлось, чтобъ онъ не договаривалъ этой фамиліи.

— Ленева, да! да! такъ! махнулъ вдругъ Никтополоновъ.

— Ленева! повторилъ Баклановъ: — не можетъ быть! сказалъ онъ и захохоталъ.

— Отчего жь не можетъ быть? Онъ еще покойнаго мужа ея опуталъ. Привезъ сюда его, взялъ въ маленькую часть, выдавалъ ему денегъ больше чѣмъ слѣдовало, бралъ съ него векселя, ну а пожить-то тоже они любили широко... она, вонъ, эта при мнѣ, въ магазинѣ у Лямыля 500 цѣлковыхъ зарать такъ и бросила.

— О, вздоръ какой!... Ленева и Эммануэль Захарычъ!... ха, ха, ха! хохоталъ Баклановъ, между тѣмъ какъ волосы у него становились дыбомъ отъ ужаса.

— Да вы развѣ знаете ее? спросилъ Никтополоновъ.

— Да! я ее знаю, отвѣчалъ Баклановъ съ удареніемъ.

— Ну, такъ извините: это я говорилъ не про нее! отвѣчалъ съ назидательнымъ спокойствіемъ Никтополоновъ, и отошелъ.

Баклановъ покачивался всѣмъ тѣломъ.

— Никтополоионовъ! крикнулъ онъ.

Тотъ подошелъ.

— Послушайте! началъ Баклановъ (голосъ его окончательно ему измѣнилъ):—для меня это важно, такъ, можетъ-быть, важно, какъ вы и не предполагаете. Скажите, правду ли вы говорите, или это такъ одна клевета, для краснаго словца?

— Про Ленеу-то?

— Да.

— Да спросите: весь городъ вамъ, всякій мальчишка скажетъ. Да вотъ, постойте!.. Эй ты, Михайло! крикнулъ онъ маркеру:—любовница у Гаалкина есть?

— Есть! отвѣчалъ тотъ.

— Кто?

— Ленева, кажется, по фамиліи-то,

— Я его не училъ! сказалъ Никтополоионовъ и опять отошелъ.

Баклановъ продолжалъ сидѣть, качаясь всѣмъ тѣломъ. „Софи, вѣроятно, теперь, находится въ объятіяхъ Гаалкина.“ Далѣе этого представленія онъ не могъ выдержать, и взявъ шляпу, проворно вышелъ изъ клуба.

Никтополоионовъ, начавшій играть на бильярдѣ, посмотрѣлъ ему вслѣдъ съ насмѣшливою улыбкой. Онъ видѣлъ, что чѣмъ-то напакостилъ человѣку и былъ совершенно этимъ доволенъ!

ГЛАВА X.

Дикій Скиѣъ просыпается въ моемъ героѣ.

На улицахъ была совершенная темнота. Тепловатый и удупливый вѣтеръ опахиваетъ со всѣхъ сторонъ. Баклановъ не шелъ, а бѣжалъ къ дому Софи. У дверей онъ сначала позвонилъ, а потомъ сталъ стучать кулакомъ что есть силы. Иродіада, испуганная, въ одномъ бѣльѣ, съ сальною свѣчкой въ рукахъ, отворила ему дверь.

— Пусти! сказалъ онъ и, проворно отстранивъ ее рукой, пошелъ въ залъ, гостиную и спальню.

— Баринъ, что вы дѣлаете? говорила она, идя за нимъ.

Въ спальнѣ, Софи, уже улегшаяся, при слабомъ освѣщеніи ночной лампы, едва успѣла накинуть на себя кофту и встать съ постели.

Бакаановъ приостановился. Онъ видѣлъ только одно, что Софи была не съ любовникомъ.

Та, надѣвъ наскоро блузу и туфли, вышла къ нему.

— Почему вы меня не приняли, когда я былъ у васъ? началъ онъ рѣзко.

Софи сконфузилась.

— Меня не было дома, сказала она.

— Но у васъ однако у подвѣзда была карета?

Голосъ и губы Бакаанова при этомъ дрожали.

— Это была карета ихъ знакомой-съ; дожидалась тоже ихъ! вмѣшалась въ разговоръ Иродіада.

— Молчи! рякнулъ на нее Бакаановъ, и Иродіада скрылась.

— Эта была карета вашего любовника! обратился онъ уже къ Софи.

— Александръ!... проговорила было та.

— Безъ восклицаній! остановилъ онъ ее движеніемъ руки:— я для васъ бросаю все: службу... Петербургъ... Я васъ за ангела невиннаго считаю, а вы, ха, ха, ха! любовница жида!

— Я не любовница!... нѣтъ, Александръ, нѣтъ!... говорила Софи, ломая съ отчаянія руки.

— Что жъ онъ такое для васъ? спросилъ Бакаановъ.

— Онъ!.. (Софи очень сконфузилась.) Онъ пріятель моего мужа... имѣлъ съ нимъ дѣла... давалъ намъ деньги въ займы... и больше ничего! ничего!

— Деньги въ займы! Шейлокъ будетъ давать деньги въ займы! Да знаешь ли ты, коварное существо, что вѣдь они мясомъ, кровью человѣческою требуютъ уплаты себѣ...

Софи отвернулась: она, видимо, не находила возможности оправдаться.

— Вчера вы, продолжалъ Бакаановъ,—заскрежетавъ зубами,—хотѣли чистою сохранитья для меня!.. Полю такъ ли?.. Не для любовника ли вашего, скорѣй, вы сберегали себя, чтобы вѣжливѣе усладить его въ объятіяхъ вашихъ.

— Александръ, Александръ! Не могу я съ тобой говорить; ты напугалъ меня.

И Софи въ самомъ дѣлѣ только рыдала.

— А! воскликнулъ Бакаановъ: у меня въ этихъ рукахъ только

мало силы, чтобъ задушить тебя и себя!... Зачѣмъ вы меня требовали и выписывали сюда!... Чтобы насмѣяться, наружаться надо мною!

— Я люблю тебя! произнесла Софи, складывая передъ нимъ руки.

— Нѣтъ! Вы любите другаго! отвѣчалъ Баклановъ съ пѣной у рта.—Оставьте хоть этимъ маленькое уваженіе къ себѣ; иначе чтò же васъ привело къ тому. Бѣдность ли, нищета ли? Вы, слава Богу, ходите въ шелкахъ, сидите на бархатѣ.

И онъ закрылъ лицо рукою и заплакалъ.

— Клянусь Богомъ, я невинна, Александръ, Александр! повторяла только Софи.

— Ты невинна? Отчего же вы давеча не приняли меня? Онъ вашъ знакомый и я тоже!... Мало ли по двое знакомыхъ бываютъ въ одно время.

— Но его жь не было у меня!! вздумала было еще разъ утверждать Софи.

— А это чтò? Это чтò? говорилъ Баклановъ, показывая на окурокъ сигары, валявшійся на столѣ: губы его при этомъ посинѣли, лицо поблѣднѣло.

Софи тоже поблѣднѣла.

— Я за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ у него... въ домѣ... курилъ такую же сигару... въ такой же соломокѣ... онъ мнѣ самъ, изъ своего кармана, подалъ ее... презрѣнная тварь! заключилъ Баклановъ и бросилъ сигаркою въ лицо Софи.

Та вскочила.

— Боже мой! Онъ бьетъ меня, наконецъ! воскликнула она, и ушла къ себѣ въ комнату.

Иродіада поспѣшила за нею затворить дверь.

Баклановъ опустился на стулъ, потѣмъ вдругъ вскочилъ; ударилъ этотъ стулъ объ полъ и разбилъ его въ дребезги; схватилъ со стола шандаль и тоже врѣзалъ его въ полъ, толкнулъ ногой притворенную въ залу дверь, такъ что та слетѣла съ петель и грохнулась на окно, которое разбилося и зазвенѣло, и затѣмъ, распахнувъ настежь дверь въ снѣгахъ, онъ вышелъ на улицу.

Софи и Иродіада, отстоявшія, запершись въ спальнѣ, трепетали какъ осиновыя листья...

Первое намѣреніе Бакланова было умертвить себя, и только прийдя въ свой номеръ, онъ вспомнилъ, что у него нѣтъ

ни пистолета, ни даже бритвы. Не идти же въ трактиръ, просить ножа для этого!

Онъ въ изнеможеніи упалъ на постель и такъ пролежалъ до самаго утра, не смыкая глазъ.

Къ утру озлобленіе въ немъ сдѣлалось нѣсколько поспокойнѣе; но за то оно стало какъ-то упорнѣе и безсердечнѣе, и на тотъ алтарь, на который онъ такъ еще недавно возлагалъ такіа искреннія жертвы, онъ уже плевалъ!

— А что, правда ли, что Ленева любовница откушница? спрашивалъ онъ грубо и цинически трактирныхъ слугъ.

— Да говорить, что такъ-съ!... отвѣчали ему тѣ.

ГЛАВА XI.

Съ разчетомъ составленная коммиссія.

Городъ, выбранный нами въ настоящемъ случаѣ, совершенно идеальный и несуществующій. Лица, въ немъ выведенныя, тоже совершенно вымышленныя, и мы только въ нихъ, по мѣрѣ нашего пониманія, старались выразить тѣ явленія, которыя не совсѣмъ же не присущи нашей жизни, а теперь, сообразно нашему плану, намъ приходится выдумать и цѣлое уголовное дѣло. Положимъ, напримѣръ, хозяинъ дома Фокіевъ, 14 октября, вышелъ изъ дома въ двѣнадцатомъ часу и увидѣлъ, что у жилья его въ нижнемъ этажѣ, ставни были еще не отворены. Это его удивило, тѣмъ болѣе что жилецъ этотъ былъ жандармскій офицеръ, всегда рано встававшій, и послѣднее время ужасно хлопотавшій по одному откупному дѣлу. Фокіевъ воротился, и войдя въ самую квартиру, увидѣлъ, что тамъ никого, кромѣ самого жандармскаго офицера, не было; но и онъ лежалъ на постелѣ, съ перерѣзаннымъ на-отмашъ горломъ. Хозяинъ объявилъ полиціи, и тѣмъ же утромъ были на пароходѣ арестованы крѣпостные дворовые люди жандармскаго офицера, которые будто бы убили его за жестокое съ ними обращеніе, а потому ихъ, какъ бунтовщиковъ, прѣдали военно-судной коммиссіи.

Въ коммиссіи этой предписали также засѣдать и Бакаланову.

Задушивъ въ сердце своемъ чувство любви, онъ радъ былъ кинуться хоть въ самый омутъ служебной дѣятельности.

Нервное и раздраженное состояніе въ немъ еще оставалось.

Презусомъ комиссіи назначенъ былъ командиръ гарнизоннаго батальона, полковникъ богомольный и задумчивый, особенно въ послѣднее время, такъ какъ у него ужасная происходила тяжба съ полицеймейстеромъ, также опытнымъ военнымъ человѣкомъ, за воздухъ, которымъ должны дышать гарнизонные солдаты. Полковникъ говорилъ, что будто, по казарменному положенію, имъ надо было, положимъ, 60.000 кубическихъ сажень, а злодѣй полицеймейстеръ увѣрялъ, что на практикѣ солдаты всего живутъ въ 30.000 кубическихъ сажняхъ, и соразмѣрно съ этою суммой, требовалъ своєю квартирныхъ денегъ. Начальникъ края могъ рѣшить этотъ вопросъ такъ и иначе.

Въ военные ассессоры себѣ полковникъ выбралъ поручика Козлова, изъ даточныхъ.

— Онъ намъ своими простыми чувствами всегда скажетъ вѣрно! говорилъ онъ и обращался потомъ къ самому поручику:

— Ну, какъ вы, Козловъ, объ этомъ думаете?

Поручикъ краснѣлъ и вставалъ.

— Я, ваше высочордіе, точно что... разумѣется.... Коли не онъ или не она, такъ кто же другіе?

— Понимаю, понимаю, перебивалъ его полковникъ.—Ну вотъ вамъ! обращался онъ затѣмъ къ аудитору.

— Это чтѣ-сь! И сомнѣнія въ томъ никакого нѣтъ! отвѣчалъ тотъ.

Членомъ гражданскимъ былъ провіантскій чиновникъ, который, можетъ-быть, въ разныхъ сортахъ хлѣба и зналъ толкъ; но къ судебной части былъ совершенно равнодушенъ и получалъ настоящее назначеніе вѣроятно потому, что всегда и во всемъ сходился въ мнѣніяхъ своихъ съ начальствомъ.

Другимъ членомъ былъ командированъ тотъ чиновникъ, который производилъ самое слѣдствіе, и конечно все, чтѣ имъ было сдѣлано, находилъ превосходнымъ и совершенно достаточнымъ.

Бакианова избрали болѣе по его молодости и неопытности.

ГЛАВА XII.

Молодость не всегда бывает удобна!

Собираясь въ комиссію, герой мой нѣсколько разъ пригнѣлся передъ зеркаломъ, какое ему сдѣлать сокрушенное лицо. Онъ снялъ съ руки золотое кольцо и оставилъ одно только чугунное, подаренное ему еще въ пансіонѣ Солею; жидеть надѣлъ черный, наглухо застегнутый. Все это онъ дѣлалъ съ тѣмъ, чтобы больше придать себѣ монашескій видъ. Несмотря на эти нѣсколько вѣншіе приемы, Бакалановъ шелъ на поприще судьи съ сердцемъ чистымъ и съ самымъ твердымъ намѣреніемъ дѣйствовать по самой крайней справедливости.

Дѣло, чтобы не было по немъ большой огласки, производилось на дому у презуса.

Когда Бакалановъ вошелъ, члены комиссіи, сидѣвшіе за столомъ, на которомъ стояло зеркало, пили чай и курили. При этомъ, или даже вообще, когда кто-нибудь изъ членовъ начиналъ курить, презусъ обыкновенно незамѣтно мигалъ поручику Козлову, который сейчасъ же вставалъ, вынималъ изъ зеркала орла и клалъ его на шкафъ, а потомъ когда куреніе прекращалось, то снова вкладывалъ его въ прежнее мѣсто, вѣроятно затѣмъ, чтобы сія эмблема благосостоянія и могущества Россійской Имперіи не видѣла ихъ маленькой чиновнической слабости.

Аудиторъ, при входѣ Бакаланова, допрашивалъ уже главную преступницу, дѣвку лѣтъ двадцати семи, съ неумнымъ, истощеннымъ и распутнымъ лицомъ, въ платчикѣ на головѣ и въ оборванномъ капотикѣ, съ кандалами на рукахъ и ногахъ. На всѣ вопросы, прежде чѣмъ отвѣчать, она моргала носомъ, и обтирала его потомъ, звеня цѣпами. У печки въ комнатѣ тоже стоялъ арестантъ, съ болѣе умнымъ и звѣрскимъ лицомъ, и тоже въ наручникахъ.

Все это неприятно и тяжело поразило Бакаланова. Онъ сѣлъ. Ему подали чай; онъ отказался.

— Ну такъ какъ же? Наканунѣ Въздвиженья?... говорилъ хладнокровно аудиторъ, смотря однимъ глазомъ въ стаканъ чаю, изъ котораго по временамъ прихлебывалъ, а другимъ— въ лежавшіе передъ нимъ допросы.

— Да-съ! отвѣчала дѣвка, моргнувъ носомъ.

— Ты сама-то что же дѣлала?

— Я, батюшка, на ножкахъ только у него посидѣла.

— Кто же за голову-то его держалъ? продолжалъ Аудиторъ.

— Николай-съ! отвѣчала дѣвка, показавъ головой на мущину-арестанта.

Тотъ при этомъ сдѣлалъ что-то въ родѣ гримасы, и трудно было сказать, что она означала: усмѣшку ли, или такъ его только подернуло.

— Онъ за волосы, чу! говорить, его держалъ прибавила дѣвка.

— Что жь ты слышала при этомъ: оборонялся ли тотъ, бранился ли? Можетъ-быть, не давался?

— Нѣтъ-съ, всхлипнулъ только раза два этакъ горлашникомъ, отвѣчала дѣвка.

У Бакланова начали волосы становиться дыбомъ.

— Что это такое она рассказываетъ? спросилъ онъ презуса, который съ грустнымъ видомъ прислушивался къ отвѣтамъ арестантки и на вопросъ Бакланова даже не отвѣтилъ.

— Чѣмъ же, какимъ орудіемъ была нанесена ему смерть? продолжалъ, между тѣмъ, спрашивать аудиторъ.

— Да я и не знаю, отвѣчала дѣвка, въ самомъ дѣлѣ, кажется, не знавшая.

— Чѣмъ? обратился аудиторъ къ мущинамъ.

— Бритвой-съ, отвѣчалъ тотъ и опустилъ глаза въ землю.

— Но что же за причина, заставившая ихъ убить? вмѣшался опять Баклановъ и потомъ, не давъ отвѣтить себѣ чиновнику, производившему слѣдствіе, онъ вдругъ обратился къ подсудимой: — Но что за причина, любезная, побудила тебя это сдѣлать?

— Господишь, судырь, одинъ научилъ насъ и двѣ тысячи рублей денегъ далъ намъ за то.

— Гдѣ же и какой это господишь? заговорилъ торопливо Баклановъ.—Онъ содержится, вѣроятно, въ острогѣ тоже.

— Вреть все! отводы одни! произнесъ, съ печальною усмѣшкой, презусъ.

— Я не видывала ихъ-съ, не знаю, кто такіе, отвѣчала дѣвка.

— Стало-быть, они не за жестокое обращеніе, какъ сказано въ предписаніи, убили господина, а ихъ кто-то научилъ тому, не отставалъ Баклановъ.

— Такъ и есть, какъ сказано въ предписаніи-съ!... Видать что пишутъ... изъ всего дѣла соображаютъ, объяснилъ было ему провіантскій чиновникъ.

— Но какъ же? нѣтъ, позвольте, господа! восклицалъ Баклановъ, начиная ужъ горячиться.—Вы за жестокое обращеніе убили барина, или васъ научили? обратился онъ къ арестанту-мушницѣ.

— Было того и другаго, отвѣчалъ тотъ, переступивъ съ ноги на ногу.—Извѣстно, еслибы господинъ былъ подходящій, не сдѣлали бы того.

Аудиторъ однако снова приступилъ къ вопросамъ.

— Совершивъ преступленіе, что вы сдѣлали?

— На пароходъ пошла, отвѣчала дѣвка.

— Тутъ, значить, васъ и взяли?

— Да-съ. Билеты-то намъ тотъ тоже господинъ еще накавунѣ принесъ. Мы пошла, да хожалый насъ и стрѣтилъ... Онъ, какъ приходитъ въ кварталъ, тамъ и говорятъ: „Коклаевскаго убили.“ А онъ говоритъ: „Я лакея, говоритъ, его видѣлъ, на пароходъ идетъ!“

— Знаемъ это, знаемъ!... перебилъ ее аудиторъ.

— Но гдѣ же этотъ господинъ, который ихъ научилъ? Вотъ кого надо отыскать! повторялъ Баклановъ, продолжая двигаться на стулѣ.—Ты тоже не знаешь? обратился онъ къ мушницѣ-арестанту.

— Не знаю, ваше благородіе, какъ есть предъ Богомъ, отвѣчалъ тотъ, пожавъ плечами.

— Какимъ же образомъ тебя уговорили?

— Недѣли двѣ, ваше благородіе, онъ къ намъ ходилъ, все уговаривалъ. Здѣсь тоже народу много-съ, городъ проѣзжій... Кто его знаетъ, кто такой?... „Вотъ, говоритъ, вамъ двѣ тысячи цѣковыхъ, поѣдете на Кавказъ, паспортовъ тамъ не спрашиваютъ.“

— Все вздоръ... Изъ злости на барина только и сдѣлали, изъ дѣла-то это видно! подтвердилъ опять провіантскій чиновникъ.

— Это что жь? Не запираемся въ томъ, ваше благородіе,

отвѣчалъ арестантъ, господинъ былъ, не тѣмъ будь помянуть, воды другой разъ подашь, не утрафишь: холодна либо тепла; дуютъ, дуютъ, ажко кости всѣ трещать, помилуйте-сь! прибавилъ арестантъ, обращаясь болѣе къ Бакланову, и даже съ небольшимъ признакомъ слезъ на глазахъ.

Но тому больше было жаль дѣвку; видимо, что она была только дура набитая.

— Какъ же она-то, зачѣмъ участвовала? спросилъ онъ опять арестанта, указывая на дѣвку.

— Изъ-по любви ко мнѣ, отвѣчалъ тотъ.

— А у тебя связь съ ней, а?

— Да-съ.

— Была? спросилъ онъ самое дѣвку.

— Гудяла съ нимъ.

Баклановъ съ бóльшимъ еще участіемъ взглянулъ на нихъ.

„О, любви! кого ты не связуешь?“ подумалъ онъ, глядя на эти два некрасивыя существа.

Презусь, между тѣмъ, посмотрѣлъ на часы и объявилъ, что засѣданіе кончилось.

Баклановъ уѣхалъ домой, возмущенный до глубины души: „вѣроятно, что этотъ господинъ ихъ научившій и ихъ баринъ были оба мерзавцы; а наказаніе терпятъ только эти два полуидіота; непременно надобно бы ихъ участь облегчить, а того злодѣя поймать.“

Герой мой былъ очень еще не опытенъ въ судебной практикѣ.

ГЛАВА XIII.

Завѣса нѣсколько приподнимается.

Чѣмъ далѣе происходилъ судъ, тѣмъ болѣе Баклановъ начиналъ видѣть что тутъ что-то такое да не такъ, и что засѣдавшіе съ нимъ судьи судили не совсѣмъ безпристрастно!

По совершенной еще невыработкѣ житейскаго характера, онъ безпрестанно обдумывалъ, какъ ему себя вести и съ кѣмъ бы наконецъ посоветоваться. Видѣнный имъ у откупщика пьющій вице-губернаторъ показался ему въ этомъ случаѣ всѣмъ удобнѣе: по крайней мѣрѣ, когда за обѣдомъ

воѣ пѣли, онъ одинъ не пѣлъ и даже какъ будто бы стыдился этого!

Баклановъ поѣхалъ къ нему.

Въ темной и грязной передней онъ увидалъ, что на прилавкѣ дремалъ лакей. Онъ долженъ былъ разбудить его.

— Баринъ не такъ здоровъ, проговорилъ было тотъ скачала; но потомъ, поразсудивъ, прибавилъ:—да вы изъ большихъ чиновниковъ, али изъ маленькихъ?

— Нѣтъ, не изъ большихъ, отвѣчалъ Баклановъ.

— Ну, такъ пожалуйте-съ, сказалъ лакей.

Баклановъ вошелъ.

Вицъ-губернаторъ, въ халатъ, грудь на распашку, сидѣлъ передъ закуской и имѣлъ какъ-то странно сжатые губы.

— А, прошу покорнѣйше! произнесъ онъ, узнавъ, видно, Бакланова и не привставая, впрочемъ, самъ съ мѣста. Руконъ онъ указалъ ему на стулъ.

Баклановъ сѣлъ.

— Я къ вамъ, Николай Григорычъ, съ просьбой, началъ онъ сейчасъ же.

— А! произнесъ вицъ-губернаторъ и вслѣдъ затѣмъ длинною струей выпустилъ изъ рта воздухъ, какъ человѣкъ, которому дышать трудно.

— Я командированъ въ военную комиссию надъ дворовыми людьми по убійству Коклевскаго.

— А! повторилъ еще разъ вицъ-губернаторъ и затѣмъ, какъ бы исполнившись какого-то грустнаго воспоминанія, порастянулъ глаза, выпилъ молча рюмку водки и сталъ лѣниво закусывать колбасой: болѣе нормальнымъ образомъ желудокъ его не принималъ уже пищи.

— Тутъ чортъ знаетъ что такое, продолжалъ Баклановъ. Они показываютъ, что ихъ научилъ какой-то господинъ, но кто онъ не сказываютъ, тогда какъ онъ-то и есть главный преступникъ.

— Разъ, вечеромъ, заговорилъ вдругъ вицъ-губернаторъ: приводать ко мнѣ человѣка... мертво-пьянаго.

„Хорошъ и ты-то теперь,“ подумалъ Баклановъ.

— Человѣкъ этотъ былъ бухгалтеръ откупа. Онъ-съ! продолжалъ вицъ-губернаторъ, снова потупляя голову,—съ слободскими дѣвками прогулялъ пять тысячъ цѣлковыхъ.... ну и кончено? такъ ли?

Баклановъ не зналъ что и отвѣчать ему на это.

— Нѣтъ, не конечно!.. отвѣчалъ самъ себѣ вице-губернаторъ — человекъ этотъ умираетъ однократно въ острогѣ и документы свои передаетъ жандармскому офицеру... ну и прайтъ ихъ возьми, такъ ли? Нѣтъ, 14-го октября, г. офицеръ убитъ своими дворовыми людьми.

У Бакаанова начиналъ дѣлаться въ головѣ совершенно какой-то туманъ.

— Какіе же это документы? спросилъ онъ.

Вице-губернаторъ развелъ руками.

— Есть книга живота-съ, почти завѣлъ онъ, — еже пишется въ ней вся: куму — рубль, кумѣ — два; а мы имя свое бережемъ, ухъ, какъ бережемъ! заключилъ онъ, и затѣмъ обратилъ почти величественно свое лицо къ Бакаанову: — и то бы ничего-съ! заговорилъ онъ нѣсколько даже трагическимъ голосомъ: — но красными чернилами тутъ написанъ итогъ нашихъ канальскихъ барышей.

— Барышей?

— Д-д-а-съ! А мы имя свое бережемъ!... Они деньги, а мы имя! повторилъ онъ.

— Но, ради Бога, скажите мнѣ откровеннѣе, умолялъ его Бакаановъ.

— Ничего больше не знаю-съ, ничего! отвѣчалъ вице-губернаторъ; — молодой вы человекъ!! прибавилъ онъ потомъ съ чувствомъ: — не видите лучше, и не знайте: мракъ спокойнѣе свѣта!

И какъ бы въ доказательство того онъ закрылъ глаза.

Бакаановъ пробовалъ было еще его распрашивать, но вице-губернаторъ только какъ-то бессмысленно смотрѣлъ на него и отвѣчалъ ему однимъ молчаливымъ киваніемъ головы: въ утро это онъ пилъ уже сороковую рюмку, а потому несколько лишааясь на нѣкоторое время молви.

Видя, что отъ него ничего болѣе не добьешься, Бакаановъ всталъ.

— До пріятнаго свиданія, другъ мой!... едва выговорилъ вице-губернаторъ.

Бакаановъ вышелъ.

— Чтò такое у васъ съ бариномъ? спросилъ онъ человека.

— Въ загулъ, ваше благородіе, сильномъ.

— Чтò же въ это время онъ не то ужъ и говорить?

— Да вретъ иной разъ такую околесную, что даже слушать страшно! объяснилъ лакей.

ГЛАВА XIV.

Муравейникъ сильно тронуть.

Наполеонъ III тѣмъ и великъ, что очень мало говорить, но потомъ вдругъ и сдѣлаетъ. Герой мой, напротивъ, тѣмъ и малъ, что пока въ жизни только и дѣлалъ что говорилъ.

Выѣхавъ отъ вице-губернатора, онъ почувствовалъ неудержимую потребность излить передъ кѣмъ-нибудь волновавшія его чувствованія.

Въ карманѣ онъ имѣлъ рекомендательное письмо отъ дяди своего къ одной дамѣ, Madame Базелейнъ, имѣвшей, говорятъ, огромное вліяніе на начальника края.

Евсевій Осиповичъ съ этой именно цѣлью и далъ племяннику письмо къ ней. Про самое же даму онъ выражался такъ, что она по уму вся—мечта, вся фантазія; по тѣлу—эпиръ, а тепла и жизненна только сердцемъ.

Какъ только подаво было письмо, Бакланова сейчасъ же приняла.

Madame Базелейнъ имѣла привычку всѣхъ, даже молодыхъ людей, принимать у себя въ спальнѣ. На этотъ разъ она была почти полуодѣта. Маленькая ножка ея, безъ чулка, обутая въ туфлю, была точно перламутровая. Фильдекосовое пазье, совершенно безъ юбки, лежало безконечными складками на ея тоненькихъ ножкахъ. Одни только большіе глаза, которые она безпрестанно вскидывала и опускала, говорили, что въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, у нея сердце и горячее.

— Здравствуйте! встрѣтила она очень просто Бакланова.— Чтѣ вашъ старикъ, все еще не остепенился? Миѣ такіа вѣжности пишеть что ужасъ!

— Онъ воздаеть только должное! проговорилъ Баклановъ.

— А, а! Вы, видно, тоже въ дядюшку... Садитесь!

При видѣ такого милаго и простаго существа, Баклановъ почувствовалъ еще большее желаніе порисоваться.

— Ну что вы пріѣхали сюда: веселиться, танцовать, жениться? говорила Madame Базелейнъ, роясь въ лежавшихъ около

ная доскуткахъ и вскидывая, по временамъ, на Бакаанова взгляды.

— Напротивъ, я здѣсь служу неутомимо.

— Служите?

— Здѣсь ужасъ что такое происходитъ: компанты какіе-то чиновничьи составляются! продолжала онъ.

Madame Базелейнъ, вѣдѣвшая въ это время въ иглоку, даже оставила это дѣло.

— Здѣсь убили, вы, я думаю, слышали, нѣкоего Коклевскаго его дворовые люди.

У Madame Базелейнъ почему-то при этомъ покрасѣли уши.

— Они были подучены, потому что у этого господина хранились документы здѣшняго откупа, весьма щекотливые для нѣкоторыхъ господъ.

— Документы? повторила хозяйка.

Бакаанову и въ голову не приходило, что въ документахъ этихъ Madame Базелейнъ была записана въ первой же строкѣ и сопровождалась самою значительною цифрой.

— Я подвигомъ себѣ поставилъ раскрыть это дѣло во всѣхъ его подробностяхъ, говорилъ онъ.

— Что же оно васъ-то такъ особенно тревожить? не утерпѣла и замѣтила ему Базелейнъ.

— Тутъ кровь водіетъ на небо, помилуйте! воскликнулъ Бакаановъ.—Захвачены одни только бессмысленныя орудія преступленія, а преступникъ главный скрытъ: я найду его на днѣ морскомъ, а черезъ него зацѣпаю и другихъ.

Базелейнъ грустно усмѣхнулась.

— Знаете, что бы я вамъ посоветовала? начала она и приостановилась.

— Сдѣлайте одоженіе! подхватилъ Бакаановъ.

— Не горячиться такъ! продолжала она съ удареніемъ:— вы еще здѣсь человекъ новый; можете ошибиться; зачѣмъ вамъ столькожъ людей затрогивать?

— Еслибъ ихъ цѣлый легионъ стоялъ противъ меня, и тогда бы я пошелъ противъ нихъ.

— И проиграли бы!

— Можетъ быть, но во всякомъ случаѣ нельзя такъ равнодушно относиться къ злу: вы вотъ теперь молоды, всѣ ваши помыслы, вѣроятно, чисты; а тутъ вдругъ вы видите, что цѣлое море злодѣяній плыветъ около васъ... Неужели же вы не издадите крика ужаса?

— Я женщина... сказала съ улыбкою Madame Базелейнъ,—и даже хорошенько не знаю, что такое злодѣяніе и незлодѣяніе, и вообще ужасно не люблю этой прозы жизни, а сижу вотъ больше одна со своими думами. Вы говорите, вскрикнуть отъ ужаса,—ну и вскрикнете: что изъ того?... лась пере-кричать.

— Пускай перекричать, а все-таки кричать надо! Я по этому дѣлу непремѣнно буду писать министру, повѣду наконецъ самъ въ Петербургъ и добьюсь, чтобы прислали оттуда особую комиссію.

— За что же вы здѣшнія всѣ власти хотите такъ оскорбить?

— Потому что здѣсь все мошенники.

— Мерси! Поблагодарятъ же они васъ за подобное мнѣніе! сказала Madame Базелейнъ замѣтно уже сухо.

Баклановъ началъ наконецъ удивляться, что это зѣрное существо не принападаетъ всею душой къ его благороднымъ стремленіямъ.

Прекративъ разговоръ о службѣ, онъ началъ говорить ей любезности и увѣрялъ ее, что онъ въ ней первой здѣсь встрѣтилъ петербургскій, а не провинціальный тонъ.

Madame Базелейнъ на все это насмѣшливо только улыбалась.

Баклановъ расклаивался.

Базелейнъ обратила въ слѣдъ за нимъ почти свирѣпый взглядъ.

„Что это пугать, что ли, онъ меня прѣвзжалъ?“ проговорила она, и задумалась.

Баклановъ, между тѣмъ, выйдя на улицу и идя по тротуару, увидѣлъ, что впереди его шелъ подбористый генералъ, съ которымъ онъ обѣдалъ у Эммануила Захарыча.

Онъ нагналъ его.

— Скажите, пожалуйста! началъ онъ прямо:—не имѣете ли вы какой-нибудь власти надъ здѣшнимъ гарнизоннымъ полковникомъ?

— Я? спросилъ генералъ, какъ бы нѣсколько даже обидѣвшись: онъ былъ прямой и непосредственный начальникъ полковника.

— Прикажете или посоветуйте тамъ ему... мы имѣемъ съ нимъ одно общее дѣло по убійству Коклевскаго....

Генералъ шелъ, нисколько не убавляя шагу.

— Онъ, можетъ-быть, очень хорошій человекъ; но тутъ поступаетъ ужасно недобросовѣстно....

Генералъ замѣтно пошелъ скорѣй.

— Онъ имѣеть дѣло о дровахъ и воздухъ съ полицеймейстеромъ и хочетъ его выиграть, края душой въ другомъ дѣлѣ.

Генералъ началъ ужь тяжело дышать: съ дровами и съ воздухомъ онъ самъ былъ связанъ всеми фибрами своего существованія.

— Тутъ убійство, помните! не отставалъ отъ него Баклановъ:—мы должны быть мудры, яко змии и чисты сердцемъ, яко голуби.....

Генералъ, наконецъ, обратился къ нему.

— Позвольте васъ спросить, къ чему вы мнѣ все это говорите на улицѣ, голословно? спросилъ онъ.

— Къ тому же!... отвѣчалъ Баклановъ, и не зналъ какъ докончить.

— Если вы встрѣтили какое-нибудь злоупотребленіе по службѣ, продолжалъ генералъ пунктуально,—не угодно ли вамъ отвестись ко мнѣ бумагой?

— Я отнесусь и бумагой, сказалъ Баклановъ.

— Сдѣлайте одолженіе! отвѣчалъ генералъ и повернулъ въ первый попавшійся переулокъ.

„Что это такъ ихъ всѣхъ противъ шерсти гладить,“ подумалъ Баклановъ, и вечеромъ, когда онъ пріѣхалъ въ клубъ, Никтополоновъ встрѣтилъ его первымъ словомъ:

— Что вы, батенька, тутъ творите?

— Да что, сражаюсь, бьюсь! отвѣчалъ Баклановъ, самодовольно садясь.

— Хорошенько ихъ! воскликнулъ одобрительно Никтополоновъ; а потомъ, наклонившись къ нему на ухо, прибавилъ:—въ Петербургъ-то, главное, напишите; этого они очень не любятъ, и къ своему-то и къ внутреннимъ-то дѣламъ валяните.....

— Напишу все, говорилъ Баклановъ громко безъ всякой осторожности.

Нѣсколько Армянъ, нѣсколько Грековъ, а больше всего Эммануиловъ Захарычей такъ и наострили къ нему уши.

Никтополоновъ продолжалъ шепотомъ.

— Человѣка-то, котораго подозреваете, въ цѣловальникахъ, въ кабакахъ, пощтите!....

Баклановъ кивалъ ему въ знакъ согласія головой.

— Возьмите арестанта да поѣзжайте съ нимъ и здѣсь, и въ уѣздахъ, по кабакамъ, не признаетъ ли кого.

— Непремѣнно! восклицалъ Баклановъ.

Въ тотъ же самый вечеръ, карета Madame Базелейнъ подъѣхала къ дому начальника края, а по совершенно противоположной улицѣ быстро шель черноватый господинъ къ дому Эммануила Захаровича. Затѣмъ отъ Эммануила Захаровича верховой скакалъ къ Иосифу Яковлевичу, который былъ у Иродиады. На этой же самой лошади Иосифъ Яковлевичъ скакалъ домой и тотчасъ же поскакалъ въ уѣздъ на почтовыхъ. Въ ту же ночь, тоже на почтовыхъ, изъ деревни Шумли неизвестный человекъ былъ отправленъ сначала въ степь, а потомъ и на Куру.

ГЛАВА XVI.

Нелюбитель гласности.

Въ довольно большомъ и полутемноватомъ кабинетѣ происходила такого рода сцена.

— Ну-съ, слышу звонокъ, да не знаю гдѣ онъ!.. говорилъ малорослый начальникъ края, стоя, съ сложенными накрестъ руками, у стола, передъ которымъ Бакаановъ, какъ нарочно, весь облитый абажурнымъ свѣтомъ лампы и весь раскраснѣвшійся, объяснялъ ему свое вчерашнее поведеніе.

Генералъ все больше и больше блѣднѣлъ.

— Вы припутываете тутъ женщинъ; мерзавцевъ выгораживаете, а порядочныхъ людей хотите замарать... Меня, что ли, вы хотите обвинить въ томъ?

— Я, ваше превосходительство, не говорилъ этого! отвѣчалъ Бакаановъ, въ самомъ дѣлѣ этого не говорившій.

— У меня здѣсь служащій чиновникъ, продолжалъ маленькій генералъ, все болѣе и болѣе горячась, — долженъ быть весь мой: долженъ быть моимъ цвѣтомъ, тѣнью моею!

— Извините меня, ваше превосходительство, возражалъ Бакаановъ, тоже начиная выходить изъ себя, — я служу обществу, а не лицамъ!

— Я васъ заставляю служить иначе! кричалъ генералъ, стуча пальцами по столу.

— Вы бы меня сами, ваше превосходительство, должны были презирать, еслибы успѣли заставить меня служить иначе! кричалъ тоже и Бакаановъ.

— Я подчиненнымъ моимъ, кричалъ генералъ, не слушая возраженій,—которымъ угодно быть не тѣмъ, чѣмъ я хочу, я имѣю привычку вотъ что изъ службы дѣлать!

И генералъ показалъ какимъ образомъ обыкновенно даютъ киселя.

— На подобныя движенія, ваше превосходительство, и я имѣю привычку отвѣчать тоже довольно рѣзко! не уступалъ Бакалановъ.

— Молчать! крикнулъ вдругъ генералъ совсѣмъ какъ на лакея.

Бакалановъ поблѣднѣлъ.

— Ваше превосходительство, молчите вы сами.... произнесъ онъ въ свою очередь.

— Молчать! повторилъ опять генералъ, совершенно вышедши изъ себя. — Мальчишка! прибавилъ онъ и бросилъ Бакаланову почти въ лицо скомканный конвертъ.

— Ваше превосходительство! могъ только проговорить тотъ и отвѣтилъ начальнику тоже взмахомъ руки. Генералъ едва успѣлъ попятиться нѣсколько назадъ.

Нѣсколько минутъ оба врага, какъ бы опомнившись, стояли молча другъ противъ друга.

— Ваше превосходительство, проговорилъ Бакалановъ,—мы, вѣроятно, будемъ драться!

— Нѣтъ-съ! произнесъ генералъ и рѣзко позвонилъ.

Вбѣжалъ опрометью адъютантъ.

— Арестуйте г-на Бакаланова, сказалъ генералъ.

— Подлецъ! проговорилъ, почти въ слухъ, Бакалановъ.

— Арестуйте г-на Бакаланова! повторилъ генералъ еще разъ стоявшему въ недоумѣннн адъютанту.

Тотъ сбѣжалъ движеніе рукой. Бакалановъ, съ дерзкою усмѣшкой, пошелъ за нимъ.

„Ну, что жь, солдатъ, такъ солдатъ! Надоѣла эта подлая жизнь—скорѣй убьютъ!“ думалъ онъ самъ съ собой.

— Что такое у васъ вышло? спросилъ его адъютантъ.

— Онъ себѣ много позволилъ и я, разумеется, имѣлъ благоразуміе отвѣтить не совсѣмъ откровенно Бакалановъ.

„Безъ суда все-таки не отдадутъ, а я въ отвѣтахъ все напишу, хоть тѣмъ удружу, каѣнальямъ,“ думалъ онъ, садясь съ адъютантомъ на извоищичи дрожки; но когда они поѣхали, ихъ нагналъ верховой казакъ и воротилъ обратно.

Бакалановъ только усмѣхнулся. Онъ впрочемъ все это время

былъ болѣе въ какомъ-то полусознательномъ состояніи. Его сейчасъ же опять пустили въ кабинетъ къ начальнику и опять одного.

Тотъ, попрежнему, стоялъ у своего стола.

— Молодой человѣкъ, вы погорячились и я... извинимся другъ передъ другомъ, заговорилъ онъ, протягивая къ Бакланову руку.

У старика при этомъ были видны слезы на глазахъ.

— Ваше превосходительство, отвѣчалъ Баклановъ, принимая руку, а дальше ничего и говорить не могъ. У него тоже навернулись на глазахъ слезы.

— Главное, продолжалъ генераль, видимо ужъ успокоившись и опять переходя къ обычному своему способу выражаться поговорками, — главное, чтобы сору изъ избы не выносить и чтобы все что произошло между нами осталось и умерло какъ въ могилѣ.

— Это ужъ моя обязанность, ваше превосходительство, — какъ честнаго человѣка! отвѣчалъ Баклановъ.

— Надѣюсь, повторилъ старикъ, еще разъ пожимая руку Бакланова, — что ни отцу, ни матери, ни другу, ни даже во свѣ, ни звука объ этомъ.

— Ваше превосходительство?! могъ произнести только Баклановъ и далѣе не счелъ за нужное и говорить.

— Понимаю васъ, сказалъ генераль, и они разошлись.

На другой день Баклановъ былъ отозванъ изъ комиссіи къ другимъ занятіямъ, болѣе подходящимъ, какъ сказано въ предписаніи, къ его образованному уму.

„Что это?.. Не можетъ быть!“ восклицаетъ, вѣроятно, и по преимуществу великосвѣтскій, читатель.

„Что дѣлать!..“ смиренно отвѣчаю я: „очень ужъ зафантазировался и написалъ то, чего никогда не бываетъ—извините!“

ГЛАВА XVII.

Почти осуществившаяся мечта.

Ничто такъ дурно не скрывается, какъ то что желаютъ скрыть.

Черезъ недѣлю весь почти городъ говорилъ объ описанной мною сценѣ, и она рѣшительно подняла молодого чело-

вѣка на степень героя: въ Россіи любятъ, когда грубятъ начальству!

Баклановъ самъ своими ушами слышалъ, проходя по тѣнистому городскому саду, какъ одна дама, указывая на него другой дамѣ, проговорила торопливо:

— Посмотри, это Баклановъ!

— Какой? спросила та.

— Ахъ, Боже мой! Неужели не знаешь? Тотъ, что такъ славно поучилъ....

— Ахъ, да! перебила ее подруга:—какой онъ, однако, молодецъ изъ себя.

Баклановъ при этомъ только выпрямлялся и шелъ грудью впередъ.

Службу свою онъ совершенно кинулъ.

„Будетъ ужъ! Добрагородничался чуть не до каторги!“ рассуждалъ онъ самолюбиво самъ съ собой, и каждый день ходилъ гулять въ садъ, съ одной стороны, ожидая, не услышитъ ли еще разъ подобнаго отзыва, а съ другой, ему стало представляться, что въ этомъ саду онъ непременно встрѣтитъ какую-нибудь женщину, которая влюбится въ него и скажетъ ему: „я твоя!“ Представленіе это до такой степени стало у него ясно, что онъ и самого сада не могъ вообразить себѣ безъ этой любовной сцены, какъ будто бы садъ для этого только и сдѣланъ былъ. Столь увѣренно воображаемое будущее рѣдко не сбывается: разъ Баклановъ увидѣлъ идущую впереди его, нѣсколько знакомою ему походкой, молодую даму. Онъ поспѣшилъ ее обогнать и сейчасъ же вскрикнулъ:

— Панна Казимира!

— Ахъ, Боже мой, Баклановъ! проговорила та, сильно покраснѣвъ и скорѣй какъ бы испугавшись чѣмъ удивившись.

— Да садитесь же здѣсь! Постойте! говорилъ Баклановъ, беря ее за обѣ руки и дружески потрясая ихъ.

Панна Казимира опустила съ нимъ на скамейку.

— Но какъ вы здѣсь, скажите? говорилъ Баклановъ.

— Я здѣсь замужемъ.

— За кѣмъ?

— За вашимъ пріятелемъ, за Ковальскимъ.

— А? произнесъ протяжно Баклановъ.

Панна Казимира посмотрѣла ему въ лицо.

— Я знала, что вы здѣсь... сказала она, послѣ небольшого молчанія.

- Какъ же не грѣхъ было не прислать и не сказать? Казимира стыдливо усмѣхнулась.
- И то ужъ хотѣла писать, отвѣчала она.
- Но гдѣ жь вы живете здѣсь? спросилъ Баклановъ.
- Я живу у однихъ Сабакъевыхъ съ ними въ городѣ, а мужъ мой у нихъ управляющимъ въ деревнѣ.
- Чтѣ жь вы у нихъ компаньонка, экономка?
- Да и сама не знаю: то и другое... Чудные люди, превосходные... Я вотъ такихъ васъ, Александръ, да изъ только и знаю.
- Мерси, сказалъ, Баклановъ и взявъ ее опять за руки, поцѣловалъ ихъ:—какія вымче у васъ славныя руки! прибавилъ онъ.
- Жизнь-то повѣжнѣй стала! отвѣчала Казимира съ видимымъ удовольствіемъ.
- Стало-быть вы совершенно счастливы съ вашимъ мужемъ?
- Съ мужемъ? спросила, какъ бы совершенно не ожидавшая этого вопроса, Казимира.
- Да! Какъ вы за него вышли?
- А и сама не знаю, какъ: онъ ходилъ еще при васъ вѣдь... Вы уѣхали, я и вышла.
- И всему прошедшему, значить, сказали: прости!
- Чему говорить-то было? Нечему!
- А мнѣ, казалось, что было чему, сказалъ Баклановъ коротко.
- Чтѣ было, то и осталось, отвѣчала съ улыбкою Казимира.
- Осталось? произнесъ Баклановъ и подошелъ къ ней поближе.
- Гм, гм! отвѣчала Казимира.
- А шутки въ сторону, продолжалъ Баклановъ,—дѣло теперь прошлое: скажите, любили вы меня?
- Не помню ужъ, отвѣчала Казимира.
- Ну чтѣ, Казимира, скажите, говорилъ Баклановъ, беря ее снова за руку.
- Ну, любила! отвѣчала она какъ-то порывисто.
- И я, вѣдь, тогда благороденъ былъ въ отношеніи къ вамъ, согласитесь съ этимъ: я многого могъ бы достигнуть.
- Были благородны, отвѣчала Казимира.
- И за это самое, продолжалъ Баклановъ,—вы по крайней мѣрѣ теперь должны меня вознаградить.
- Чѣмъ же мнѣ васъ вознаградить? сказала Казимира.

— Любовью.

Казимира грустно улыбулась.

— Теперь это немножко трудно.

— Напротивъ, теперь-то и возможно: другое дѣло, когда вы были дѣвушкой, когда отъ этого зависѣла участь всей вашей жизни,—тогда другое дѣло; но теперь что же можетъ препятствовать нашему счастью?

Казимира качала только головой.

— Теперь какія, кромѣ самыхъ пріятныхъ, могутъ быть послѣдствія изъ того, что вы меня полюбите? продолжалъ Баклановъ, опять беря ее за руку.

— А такія, отвѣчала Казимира, что я-то еще больше васъ полюблю, а вы и совсѣмъ меня презирать станете.

— Ей Богу, нѣтъ! воскликнулъ Баклановъ.

— Погодите, постойте, вонъ идутъ! сказала Казимира, въ самомъ дѣлѣ указывая на двухъ, не торопливо проходившихъ по дорожкѣ, мушкетъ.—Прощайте! прибавила она.

— Посидите! упрасивалъ ее Баклановъ.

— Нѣтъ, нельзя!... Посмотрите, какъ въ платье мнѣ все измяли, говорила она, вставая,—прощайте!

— Могу я, по крайней мѣрѣ, пріѣхать къ вамъ.

— О, пожалуста, пріѣзжайте! отвѣчала съ удовольствіемъ Казимира.

— У васъ есть особенная комната?

— Есть!...—Голосъ ея при этомъ былъ какъ-то страненъ.

Баклановъ возвратился домой въ восторгѣ: завести интригу съ Казимірой, онъ рѣшился непременно.

ГЛАВА XVIII.

Не всегда то найдешь, за чѣмъ пойдешь!

Домъ Сабакѣвыхъ стоялъ на одной изъ лучшихъ улицъ. Это рѣшительно было какое-то палаццо, отчасти даже и выстроенное въ италіянскомъ вкусѣ.

Баклановъ, вѣхавъ, всю дорогу обдумывалъ, какъ онъ будетъ разставлять свѣти паннѣ Казимірѣ. Но есть дома, въ которыхъ, точно въ храмахъ, все дышетъ благоприличіемъ и дѣломудріемъ: введенный въ мраморную, съ готическими хорами,

залу, Баклановъ даже устыдилса овнохъ прежнихъ нагбреній.

— Г-жа Ковальская сейчасъ выйдетъ; а пока не угодно ли вамъ къ Аннѣ Михайловнѣ, сказалъ ему вѣжливо благообразный лакей.

— Къ г-жѣ Собакѣвой? спросилъ Баклановъ.

— Точно такъ.

— Просту васъ.

— Пожалуйте!

И человекъ, идя не громко впередъ, повелъ его на правую половину дома.

Въ совѣсѣ барской гостиной, съ коврами, съ лампами, съ масляными картинами въ золотыхъ рамахъ, Баклановъ увидалъ пожилаю даму, просто, но изячно одѣтую, въ кружевномъ чепцѣ и въ очкахъ. Лицо ея напомнило ему добродушную физиономію Вандиковскихъ женскихъ портретовъ.

— Казиміра сейчасъ выйдетъ. Присядьте, пожалуйста! сказала ему старушка, показывая на кресло возлѣ себя.

Она что-то такое, необыкновенно тонкое, шила. На столѣ, впрочемъ, около нея лежала книга, на корешкѣ которой было написано: „Сказаніе Тирона, инока святогорскаго.“

— Вы недавно, вѣдь, здѣсь? продолжала старушка.

— Да, недавно-съ.

— И успѣли ужъ съ нѣкоторыми господами поссориться?

— Да, отвѣчалъ Баклановъ съ самодовольною усмѣшкой.

— И прекрасно!... Значить, вы честный человекъ!

Старушка понюхала табуку и принялась снова за свое шитье.

— Тутъ Богъ знаетъ что происходить! продолжалъ Баклановъ.

Старушка махнула рукой.

— Я женщина, а повѣрите ли, кровью сердце обливается, слушая, что они творять...

Собакѣвы, довольно богатое и самое аристократическое семейство въ городѣ, были въ открытой непріязни съ начальникомъ края и со всѣмъ его кружкомъ.

Въ губерніяхъ, по степени приближенности къ начальству, почти безошибочно можно судить о степени честности мѣстныхъ обывателей. Чѣмъ ближе они къ этому свѣтилу, тѣмъ болѣе, значить, въ нихъ пятнышекъ, которыя слѣдуетъ замазывать.

Къ неудовольствію Собакѣвой на начальника края, отча-

сти, можетъ-быть, примѣшивалось и оскорбленное самолюбіе. Вступя въ управленіе краемъ, онъ третировалъ ее рѣшительно, какъ и другихъ дамъ.

— У отца моего, по нѣскольку часовъ, въ передней стоялъ, а теперь вотъ какимъ господиномъ сталъ!.. не утерпѣла она и объяснила Бакланову.

Въ комнату въ это время вошла молодая дѣвушка, въ бѣломъ платьѣ и бѣлокурая. Баклановъ невольно привсталъ на оземъ мѣстъ.

Если Софи Ленева можно было назвать южною красавицей, то эта была красавица сѣвера.

— Маман, какъ тутъ я навязала? сказала она, показывая старушкѣ вязанье.

— Опять спутала! отвѣчала та, подвигая на носу очки ближе къ глазамъ.

— Monsieur Баклановъ! Дочь моя! познакомила она молодыхъ людей, а сама принялась разсматривать и поправлять работу.

Баклановъ поклонился, и Mademoiselle Сабакѣва тоже ему поклонилась и при этомъ нѣсколько не сконфузилась и не пожеманничала.

Баклановъ почти съ восторгомъ смотрѣлъ на молодую дѣвушку. Ея довольно широкое лицо было исполнено какой-то необыкновенной чистоты. Нѣсколько обнаруженныхъ руки, грудь и шея были до такой степени бѣлы и нѣжны, что какъ будто бы она черненькаго хлѣбца никогда и не кувала, а выросла на однихъ папашникахъ. Станъ у нея былъ стройный, но не воздушный. Софя Ленева, по природѣ своей, отчасти принадлежала къ лезгинско-татарскому происхожденію. Прабабка ея, жена Маркаша Рылова, была дочь князя Мирзы-Термаламы, а Сабакѣва, напротивъ того, была чистѣйшая дочь Полянъ, Славянка; даже въ наружности ея было что-то напоминающее красивыхъ купеческихъ дочерей; только все это, разумѣется, было смягчено и облагорожено воспитаніемъ.

— Ну, вотъ, на, поправила, сказала мать, подавая ей работу.

— Хорошо-съ, отвѣчала молодая дѣвушка, и не ушла, а тутъ сѣла.

Бакланову ужасно хотѣлось съ ней заговорить.

— Вы много выѣзжаете? спросилъ онъ ее.

— Да! отвѣчала дѣвушка спокойно.

— Она больше дома у себя тавцуетъ; у насъ обыкновенно собираются.... объяснила за нее старуха.

„Нѣтъ, это не свѣтская госпожа!“ подумалъ Баклановъ.

— А читать вы любите? спросилъ онъ самое дѣвущку.

— Читаю! сказала она и на это спокойно.

— Охотница! подхватила мать.

„Но все-таки не сивій чулокъ!“ подумалъ Баклановъ. „Но что же она такое?“ задавалъ онъ себѣ вопросъ.

— Я сюда на югъ пріѣхалъ еще въ первый разъ.... Это сивее небо, этотъ воздухъ, какъ бы молокомъ пропитанный, все это чудо что такое.... проговорилъ онъ, желая попробовать молодую дѣвущку насчетъ поэзіи.

Она выслушала его внимательно, но безъ особенно покрѣпленія, а тѣмъ болѣе поддѣльнаго увлеченія.

— Да, здѣсь хорошо, подтвердила она.

„И то—не то!“ подумалъ Александръ.

Панна Казимира наконецъ показалась.

— Ну вотъ и она! сказала ей ласково старушка.

— А вотъ сейчасъ, сначала съ Mademoiselle Евпраксіей раздѣляюсь сказала Казимира и, совершенно по-дружески поцѣловавшись съ молодою дѣвущкой, почтительно поцѣловала руку у старушки. Она съ утра еще не выходила изъ своей комнаты, а потомъ, услышавъ о пріѣздѣ Бакланова, дѣлала свой туалетъ, и, повидимому, употребляла всѣ старанія, чтобъ одѣться къ лицу и даже немного побѣлнлась и подумянилась.

Бакланову, съ ея появленіемъ, сдѣлалось неловко. Она подала ему руку, нѣсколько сконфузившись и слегка улыбаясь.

— Вы скоро же посѣтили меня! сказала она, садясь около него.

— Я воспользовался вашимъ позволеніемъ, отвѣчалъ Баклановъ.

— Мерси! сказала Казимира и еще разъ пожала у Бакланова руку.

— Вы старые знакомые? спросила ихъ старушка.

— Я помню еще Monsieur Бакланова, когда онъ пришелъ къ намъ въ первый разъ.... Мамаша ему, или онъ ей скажетъ слово, и покраснѣетъ! сказала Казимира.

— А я помню, отвѣчалъ ей въ тонъ Баклановъ,—что панна Казимира не вышла и обѣдать.

— О, я имѣла на то свои причины! сказала Казимира, окидывая на него нѣжный взглядъ.

Вообще она съ замѣтною сентиментальностію старалась говорить съ Баклановымъ.

— А вы помните гостиный дворъ, какъ мы разъ шли съ вами, сказала она.

— Да, отвѣчалъ ей Баклановъ, уже потупляясь.

— А тотъ вечеръ, когда я вдругъ ушла отъ васъ?

— Вы всегда такъ уходите, вы и вчера такъ ушли.

— Я и всегда такъ буду уходить, отвѣчала Казимира, хоти глаза ее и говорили не то.

— Ваше дѣло! отвѣчалъ Баклановъ и пожалъ плечами.

Впрочемъ, во все это время онъ невольно взглядывалъ на Mademoiselle Сабакъеву, которая, кажется, и не слыхала ничего, а, уставивъ свои голубые глаза на работу, внимательно считала.

Баклановъ, наконецъ, взялся за шляпу.

Старуха въ это время опять стала показывать дочери какъ вязать.

— Погодите, я скажу имъ, чтобъ они пригласили васъ на вечера; тутъ мы и можемъ видаться!... сказала ему торопливо и шепотомъ Казимира; а потомъ, вставъ и подойдя къ старушкѣ, наклонилась къ ней и что-то ей шепнула на ухо.

— Да, разумѣется, отвѣчала та и обратилась къ Бакланову.

— Вы, пожалуйста, пріѣзжайте къ намъ по пятницамъ вечеромъ; у насъ танцуютъ.

— Почту за величайшее удовольствіе, отвѣчалъ Баклановъ, и, раскланиваясь, нарочно приостановилъ подолбе свой взглядъ на Mademoiselle Сабакъевой.

— Прощайте! сказала ему та совершенно просто.

Панна Казимира пошла было его провожать; но Баклановъ рѣшительнымъ движеніемъ руки не допустилъ ее идти за собой, и это онъ сдѣлалъ не столько изъ вѣжливости, сколько потому, что ему просто не хотѣлось оставаться съ Казимирой съ глазу на глазъ.

Его теперь исключительно беспокоилъ вопросъ:

„Что такое за существо Mademoiselle Евпраксія?“

ГЛАВА XIX.

Ледешокъ.

У Сабакъевыхъ собирались на вечера два-три правовѣда, нѣсколько молодыхъ людей изъ студентовъ, нѣсколько очень милыхъ дамъ и дѣвицъ. У нихъ танцовали, гуляли въ саду,

играли въ *petits jeux*. Баклановъ, явившійся къ нимъ въ первую же пятницу, былъ одѣтъ рѣшительно Парижаниномъ: въ лѣтнихъ ботинкахъ, въ бѣломъ жилетѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Все общество сидѣло въ задней гостиной. Баклановъ изъ нея выходилъ въ совершенно почти темный садъ, по средней аллеѣ котораго, впрочемъ, гуляли, какъ бѣлыя привидѣнія, дамы, въ сопровожденіи черныхъ фигуръ мушье. Проходя мраморную залу, Баклановъ увидѣлъ, что по ней совершенно одиноко ходитъ небольшого роста господинъ, въ неказистомъ черномъ фракѣ. Подойдя поближе къ нему, онъ воскликнулъ: Ковальскій!

— Ахъ, да-съ! здравствуйте! отвѣчалъ тотъ съ удовольствіемъ и какъ-то церемонно.

— Вотъ гдѣ Богъ привелъ встрѣтиться! продолжалъ Баклановъ привѣтливо.

— Да-съ! опять повторилъ Ковальскій. Будучи поставленъ судьбою въ званіе управителя, онъ считалъ стараго своего товарища гораздо выше себя и сильно конфузился передъ нимъ.

— Вы женились на моей хорошей знакомой? продолжалъ Баклановъ.

— Да-съ, на Казимірѣ Михайловѣ, отвѣчалъ и на это Ковальскій.

Баклановъ еще нѣсколько времени постоялъ около пріятеля, поласкалъ его взглядомъ, а потомъ, молодцовато тряхнувъ волосами какъ гривой, пошелъ далѣе, а Ковальскій опять приваялся сноватъ взадъ и впередъ.

Поклонившись въ гостиной старухѣ Сабакѣевой, игравшей въ карты, Баклановъ прямо устремился къ *Mademoiselle Евпраксіи*, которая, въ голубомъ баржевомъ платьѣ, стояла у балкона.

На этотъ разъ она ему показалась Діаной, только нѣсколько полновою.

— Голубой цвѣтъ, рѣшительно созданъ для васъ! сказалъ онъ ей, послѣ первыхъ же привѣтствій.

— Да, я люблю его, отвѣчала дѣвушка, какъ бы не обративъ даже и вниманія на его комплиментъ.

Баклановъ придумывалъ о чемъ бы такомъ съ ней пошкантивѣе заговорить.

— Я всегда при такомъ близкомъ разстояніи, какъ вотъ здѣсь, свѣта и темноты, сказалъ онъ, указывая на темный

садъ и свѣтлую гостиную,—всегда чувствую желаніе изъ свѣта идти въ темноту, а изъ темноты на свѣтъ: отчего это?

— Отъ нечего, я думаю, дѣлать; надобно же куда-нибудь идти, отвѣчала Евпраксія.

— Да-съ; но это скорѣе тоже инстинктивное желаніе, которое человѣкъ чувствуетъ, взойдя на высоту, броситься внизъ.

— А то трусость! сказала Евпраксія.

— Вы думаете? Сами вы, значить, трусливы?

— Напротивъ... я ничего не боюсь!

— Даже несчастій въ жизни?

— Чтò жь?.. Я ихъ перенесу, я терпѣлива.

„Она очень не глупа, а какъ хороша-то, хороша-то, Боже ты мой!“ думалъ Баклановъ.

Во все это время, изъ другой комнаты, Казиміра, по баальному одѣтан, безпрестанно взмахивала на него свои глаза. Самой отойдти оттуда ей было нельзя: она разливала для гостей чай.

— Mesdames! пойдите въ садъ, въ веревочку играть! вскричала молоденькая дама, все время ходившая съ разными мущинами по саду и растрепавшая, зацѣпляясь за древесные сучья, всю себѣ прическу.

— Въ садъ! въ садъ! повторили и находившіяся въ гостиной.

Евпраксія, впрочемъ, подошла и о чемъ-то спросила мать.

— Можно! отвѣчала ей та.

Всѣ вышли и развѣстались на ближайшей къ балкону площадкѣ, на которой было довольно свѣтло. Первая стала въ веревочку сама Евпраксія и потомъ, сейчасъ же обернувшись, ударила Бакланова по рукѣ.

Онъ замеръ въ упоеніи отъ прикосновенія ея милой ручки и, войдя въ кругъ, хотѣлъ самъ сейчасъ же ударить Евпраксію по рукѣ; но она успѣла ее отнять, и Баклановъ ударилъ ея сосѣда-правовѣда и самъ сталъ на его мѣсто.

— Отчего вы меня перваго ударили? спросилъ онъ Евпраксію.

Она сначала на это только улыбнулась.

— Отчего? повторилъ Баклановъ.

— Такъ... вы очень смѣшно стояли... сказала она и потомъ съ гораздо большимъ одушевленіемъ прибавила: Смотрите, Хламовскій непременно ударитъ Mademoiselle Catherine!.. Ну такъ и есть! прибавила она почти съ грустію, когда

Жамовскій въ самомъ дѣлѣ ударилъ Mademoiselle Catherine.

„О, она еще совсѣмъ ребенокъ! Но мила, удивительно мила!“ восхищался Баклановъ.

Напоивъ всѣхъ чаемъ, Казиміра, наконецъ, вышла къ играющимъ и, прислонившись къ дереву, въ нѣсколько мечтательной позѣ, начала глядѣть на Бакланова. Тому отвѣчать на ея нѣжныя взгляды—было рѣшительно стыдно; а продолжать любезничать съ Евпраксіей онъ побаивался Казиміры.

Одушевленіе игры между тѣмъ замѣтно уменьшилось и за веревочку держались только нѣкоторые.

— Если хотите меня видѣть, приходите въ темную аллею, сказала вдругъ Казиміра, подходя къ Бакланову.

Онъ въ это время всею душой стремился идти за Евпраксіей, которая, съ нѣсколькими кавалерами, входила на балконъ; но какъ же, съ другой стороны, было отказаться и отъ такого рѣшительнаго предложенія?... Однако онъ пошелъ въ комнаты!

Казиміра по крайней мѣрѣ съ часъ гуляла по аллеѣ; платье ея почти смокло отъ вечерней росы. Возвратясь въ комнаты, она увидѣла, что Баклановъ преспокойно стоялъ у колонны и смотрѣлъ на танцующихъ.

— Что же вы? сказала она, подходя къ нему.

— Нельзя было: ко мнѣ пристали разные господа, отвѣчалъ онъ ей съ гримасой.

— Ну, послѣ какъ-нибудь! сказала Казиміра: она обыкновенно привыкла все прощать Александру, и даже не замѣчала какъ онъ съ ней поступаетъ.

Герою моему, впрочемъ, судьбою было назначено въ этотъ день терпѣть отъ всей семьи Ковальскихъ.

Его нѣкогда бывшій пріятель, такъ робко его на первыхъ порахъ встрѣтившій, вдругъ, къ концу вечера, выставился въ дверяхъ и сталъ его пальцемъ вызывать. Баклановъ сначала даже думалъ, что это не къ нему относится; но Ковальскій наконецъ сдѣлалъ угрожающій жестъ и махнулъ всею рукой.

Баклановъ вышелъ.

— Пойдемъ-ка, выпьемъ!... заговорилъ Ковальскій:—у меня тамъ водочка и колбаска есть... Я вѣдь никогда на эти супе-то франсе не хожу, а у меня тамъ все свое.

— Полно, какъ возможно! я не хочу и не пью!

— Не пью, чорта съ два!... старый студентъ! не пью! говорилъ Ковальскій, таща Бакланова за руку сначала въ

какой-то коридоръ, а потомъ въ небольшую комнату, въ которой стояла водка и закуска.

— Ну, валяй! говорилъ Ковальскій, наливая пріятелю огромнѣйшую рюмку.

— Не могу я! возразилъ тотъ рѣшительно.

— Ну такъ поддець, значить! проговорилъ Ковальскій и хватилъ самъ рюмку, а потомъ и другую.

— Мало же тебя жена муштруетъ, мало! говорилъ Бакалановъ, качая головой.

— Чтò жена! возразилъ мрачно Ковальскій:—какъ, сегодня мужикъ, завтра баба, послѣ завтра пень да косуля, за неволю станешь и самъ мужикъ, и стааль!

Странное дѣло, добрый этотъ человекъ ужасно таготился жизнью въ деревнѣ, и тѣмъ, что жена почти безвыѣздно держала его тамъ.

— Ужь и въ этомъ-то небольшое утѣшеніе! сказалъ Бакалановъ.

— Чтò утѣшеніе! возразилъ Ковальскій:—Казимира Михайловна изволятъ не любить, когда я здѣсь бываю... Не здоровы все онѣ, изволите видѣть!... а я человекъ... и грѣшный... не праведникъ и не хочу имъ быть...

— Ну, разоврался ужъ очень! проговорилъ Бакалановъ, стараясь уйти.

— Да выпей хоть на прощаньи-то рюмочку, сказалъ Ковальскій.

— Не хочу, отвѣчалъ съ досадой Бакалановъ.

— Ну, такъ убирайся къ чорту! произнесъ ему вслѣдъ Ковальскій, и самъ выпилъ еще рюмки двѣ, закусилъ немного, поставилъ все это потомъ бережно въ шкафъ, заперъ его, и снова возвратясь въ залу, сталъ попрежнему похаживать, только нѣсколько болѣе развязною походкой.

Бакалановъ, возвратясь въ гостиную, сталъ около одного правовѣда.

— Скажите, пожалуйста, началъ онъ, отчего это вотъ изъ вашего училища и изъ лицей молодые люди выйдутъ и сейчасъ же пристраиваются, начинаютъ какъ-то ладить съ жизнью и вообще дѣлаются людьми порядочными; а изъ университета выйдетъ человекъ, то ничего не дѣлаетъ, то сопьется съ кругу, то наконецъ въ болѣзнь изчухнетъ.

— Не знаю-съ!.. отвѣчалъ ему съ улыбкой правовѣдъ, совершенно, кажется, никогда объ этомъ предметѣ и не думавшій.

Въ это время Евпраксія танцевала мазурку, и танцевала повидимому съ большимъ удовольствіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ ни одному кавалеру она не улыбулась лишняго разу, не сдѣлала ни одного рѣзкаго движенія; со всѣми была ласкова и привѣтлива, со всѣми обращалась ровню.

Бакалановъ опять обратился къ правовѣду.

— Какъ вы находите Mademoiselle Euraxie? Не правда ли, мила?

— О, да, отвѣчалъ тотъ,—*ледешокъ* только!

— Какъ *ледешокъ*?

— Такъ. Ее здѣсь всѣ такъ называютъ.

— Что жь, холодна очень? не приступна?

— Да! произнесъ правовѣдъ.

„*Ледешокъ!*“ повторялъ Бакалановъ отокрѣвъ, ѣдучи домой:
„посмотримъ!“

ГЛАВА XX.

Новое чувство моего героя.

У мужчинъ, послѣ первыхъ страстныхъ и фантазіей исполненныхъ стремленій къ женщинѣ, или такъ-называемой первой любви, въ чувствѣ этомъ всегда играетъ одну изъ главнѣйшихъ ролей любопытство. „А какъ вотъ этакая-то будетъ любить?“ „А какъ такая-то?“ обыкновенно думаютъ они.

Бакалановъ, въ отношеніи къ Евпраксіи, заболѣлъ именно точно такую страстью.

„Что за существо эта дѣвушка, какъ она будетъ любить?“ спрашивалъ онъ самъ себя съ раздраженіемъ. Но дѣвушка, какъ нарочно ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ не обнаряживала себя.

Бакалановъ рѣшился разспросить о ней Казиміру.

Разъ онъ обѣдалъ у Сабакѣевыхъ, и послѣ стола, Евпраксія ушла играть на фортепіано, старуха Сабакѣева раскладывала грань-пасьянсъ, а Казиміра сидѣла въ другой комнатѣ за работой.

Бакалановъ подошелъ и сѣлъ около.

— Скажите, что за субъектъ Mademoiselle Euraxie? скажетъ онъ.

— О, чудная дѣвушка! отвѣчала та.

— Но отчего жь ее въ городѣ *леденскомъ* зовуть?

— Да потому что никому не отдаетъ предпочтенія, а ко всемъ ровна. Добра, богомольна, умна, продолжала объяснять Казимира, нисколько не подовѣривая, что все это говорить на свою бѣдную голову.

— А что она про меня говоритъ? спросилъ Бакаановъ.

— Да про васъ я, разумеется, рассказала имъ.

— Ну и я знаю ужь какъ? перебилъ ее Бакаановъ:—но что жь она-то?

— Она и мать, обѣ хвалять.

— А тутъ надобно маменькѣ и дочкѣ понравиться?

— Непремѣнно! Еслибы кто дочери понравился, а матери нѣтъ, мать ее сейчасъ же разубѣдитъ въ этомъ человѣкѣ, и наоборотъ. Онѣ совершенно какъ какіе-то друзья между собою живутъ.

Бакаановъ намоталъ это себѣ на усъ и поспѣшилъ отойти отъ Казимиры.

Та стала, наконецъ, немножко и удивляться: такимъ страстнымъ онъ съ ней встрѣтился, а теперь только добрый такой?

Бакаановъ подошелъ къ старухѣ. Мать и дочь сидѣли ужь вмѣстѣ. Обѣ онѣ показались ему двумя чистыми ангелами: одинъ былъ постарѣй, а другой—молодой!

— У васъ есть батюшка, матушка? спросила его старуха.

— Нѣтъ-съ, никого, отвѣчалъ Бакаановъ,—только и всего, что на родивъ имѣнье осталось.

О послѣднемъ обстоятельстве онъ не безъ умысла упомянулъ.

— А ваше имѣніе въ здѣшней губерніи? прибавилъ онъ.

— Отчасти, но больше я Московица: тамъ родилась, выросла и замужъ вышла!

— Москва городъ очень почтенный, но страшный! промолвишь, съ равановкой, Бакаановъ.

— Чѣмъ же?

— Въ ней съ одной стороны существуетъ типъ Фамусовыхъ, а изъ того же общества вышли и славянофилы.

— Что жь? Дай Богъ, чтобы больше такихъ людей вышло... Я сама вѣдь неможно славянофила, прибавила старуха и улыбнулась.

Бакаановъ въ почтеніи склонилъ передъ ней голову.

— Что у иностранцевъ мерзко, скверно, говорила она, то мы перенимаемъ, а что хорошо, того нѣтъ!

— Однако вотъ этотъ Мурильо и эта карселевская лампа, взятые у иностранцевъ, вещи не дурныя! сказалъ Бакаловъ, показывая на стѣну и на столъ.

— Да вѣдь безъ этого еще жить можно, а мы живемъ безъ чего нельзя жить!

Бакаловъ вопросительно смотрѣлъ на нее.

— Безъ Бога, безъ религіи, не уважая ни отцовъ своихъ, ни отечества, говорила Сабакъева,

Бакаловъ все съ бѣльшимъ и бѣльшимъ уваженіемъ слушалъ ее.

— А вы раздѣляете взглядъ вашей матушки? обратился онъ къ Евпраксіи.

— Да! отвѣчала она.

Бакаловъ даже потупился, чтобы скрыть свое удовольствіе.

— Она ужь въ монастырь хотѣла идти спасаться отъ вашей иноземщины, сказала мать.

— Нѣтъ, мама, мнѣ все равно, увѣраю васъ! отвѣчала Евпраксія серьезно.

„Это чудныя существа“, думалъ Бакаловъ.

Почему онъ восхищался, что мать и дочь такія именно, а не другія имѣютъ убѣжденія, на это онъ и самъ бы не могъ отвѣтить: красота Евпраксіи, кажется, вошла въ этотъ случай на него, такъ что ужь ему все нравилось въ этомъ семействѣ.

ГЛАВА XXI.

День и ночь.

Бакаловъ, очень ужь хорошо понимая, что Евпраксія откроетъ свое сердце и любовь свою только супругу, рѣшился жениться на ней; но присвататься еще побаивался и проводилъ у Сабакъевыхъ какіе-то тихо-пріятные дни.

Разъ всѣ они собрались прокатиться на недалеій островъ, верстахъ въ десяти отъ города и начинающій въ послѣднее время застраиваться красивыми дачками. Каждый день туда ходилъ по нѣскольку разъ пароходъ.

Вся молодежь была въ восторгѣ отъ этого намѣренія: Евпраксія, по словамъ ея, ужасно любила воду.

Казиміра надѣялась, среди встрѣчающихся красотъ природы, скорѣе вызвать Бакланова на болѣе душевный разговоръ. Она каждую минуту ожидала отъ него слышать объясненія въ любви и требованія жертвъ отъ нея.

Во время сборовъ Баклановъ невольно полюбовался на Евпраксию, какъ она плотно завязала ленты своей крутой соломенной шляпы, какъ аккуратно завернула взятый на всякій случай пледъ, какъ, наконецъ, приподняла у лифа платье, чтобы смѣлѣе ходить по травѣ на острову.

— Вы, должно-быть, отличная менажерка, сказалъ онъ ей.

— А что же? спросила она.

— У васъ все кипитъ въ рукахъ! отвѣчалъ Баклановъ.

Евпраксія улыбнулась.

— Да, я все сама умѣю дѣлать, сказала она.

Всходя на пароходъ, чтобы взять билеты, Баклановъ вдругъ услышалъ полутихое и полуробкое восклицаніе:

— Здравствуйте, Александръ Николаичъ!

Онъ вздрогнулъ. Это говорила Софи Ленева, сидѣвшая уже на пароходѣ.

— Ah, bon jour! отвѣчалъ онъ скороговоркой и пожалъ ей руку.

Софи тоже была оконфужена, но наружность ея и туалетъ были величественны.

Баклановъ поспѣшилъ подать руку старухѣ Сабакѣевой и перевелъ ее съ пристани на пароходъ, — руку Евпраксіи; но та только на мигъ прикоснулась къ ней и сама проворно вбѣжала. Онъ провелъ даже Казиміру, которая взойдя на пароходъ, не опускала его руки и крѣпко, крѣпко опиралась на нее.

Софи встала и, разсѣянно походя, отошла и сѣла подальше на кормѣ. Капитанъ парохода, услышавъ, что генеральша Сабакѣева ѣдетъ съ семействомъ, велѣлъ сейчасъ же очистить имъ мѣсто на палубѣ и вынести на скамейку подушки.

Усѣлись.

— Съ какою это вы дамой здоровались? спросила Казиміра Бакланова.

— Съ Леновой! отвѣчалъ онъ.

— А! произнесла Сабакѣева протяжно:— а вы какъ это

знаете ее, молодой человекъ, а? прибавила она шутиво-укоризненнымъ тономъ.

Баклановъ сконфузился.

— Она моя землячка, сказалъ онъ.

— Какая молоденькая, хорошенькая! Ахъ, бѣдная, бѣдная! говорила старушка, качая головой.—Подите-ка, познакомьте меня съ ней! прибавила она скороговоркой Бакланову.

— Но, Анна Петровна, ловко ли это будетъ? остановила было ее Казимира.

— Э, ко мнѣ ничего не пристанетъ!... Поэтому-то я и хочу приласкать ее, что всѣ ужъ на нее.

— Но ваша дочь, Анна Петровна.

— А что жъ такое? Не марайся сама, такъ другія не замараютъ. Подите-ка, скажите, если она хочетъ, пришла бы къ намъ.

Сабакѣева, всегда и во всемя, имѣла привычку судити противъ общаго мнѣнія, особенно губернскаго.

Бакланову было не совсѣмъ пріятно исполнять это порученіе; но дѣлать нечего: онъ подошелъ къ Софи.

— Madame Сабакѣева желаетъ съ вами познакомиться, сказалъ онъ, не назвавъ ее никакимъ именемъ.

— Ахъ, очень рада! отвѣчала Софи, дѣйствительно обрадовавшаяся.

— Madame Сабакѣева!... Mademoiselle Euraxie!... Madame Ковальская!... говорилъ Баклановъ, показывая ей на свое общество.

— Madame Ленева! представилъ онъ ее.

— Здравствуйте! сказала ей старуха привѣтливо.

Софи шла около нее.

Евпраксія съ какимъ-то, больше дѣтскимъ, вниманіемъ глядѣла на нее. Софи тоже на нее смотрѣла. Красота одной была еще дѣвственнаая, чистая, а другой жгучая, охватывающая. Евпраксія была мила дома, а Софи вы замѣтили бы въ толпѣ среди тысячи другихъ женщинъ.

Баклановъ судилъ, склонивъ въ упоеніи голову.

Три женщины тутъ были, и для всѣхъ онъ имѣлъ значеніе. Такою широкою и со всѣхъ сторонъ охватывающею волной жизнь подплываетъ только въ двадцать семь лѣтъ.

— Вы идете прокатиться? спрашивала Сабакѣева Софи.

— Нѣтъ, я тутъ на дачѣ живу. Я послѣднее время была больна и мнѣ велѣли больше быть въ деревнѣ, отвѣчала Софи.

При звукѣ этого голоса, при этихъ словахъ, Баклановъ

готовъ былъ простить ей все; но очарованіе тотчасъ же было разбито: изъ буфета выходила черная фигура Эмануила Захаровича. Баклановъ и Казиміра первые переглянулись между собой.

Онъ, съ огромною корзинкой конфетъ, кого-то искалъ и потому, увидя Софи и другихъ сидѣвшихъ съ ней дамъ, подошелъ и сталъ ихъ подчивать.

Софи встала, не глядя; прочія тоже такъ, но онъ вдругъ вздумалъ и разсѣяться тутъ.

— Ну онъ-то мнѣ ужъ и гадокъ! проговорила почти вслухъ Сабакъева.

— Вамъ бы уѣхать куда-нибудь отсюда: здѣсь воздухъ не хорошъ, а люди такъ и совсѣмъ мерзкіе, говорила она рѣзко Софи.

— Но куда же? возражала та, почти непрерывно мѣнясь въ лицѣ. Видимо, что внутри ея происходили мучительныя волненія, тогда какъ Евпраксія съ ангельскимъ почти спокойствіемъ разговаривала съ Баклановымъ.

Эмануилъ Захаровичъ, видя что имъ никто не занимается, снова спустился въ буфетъ.

Пароходъ между тѣмъ, выйдя изъ пристани, шелъ мимо красивыхъ обрывистыхъ береговъ. На небѣ массы облаковъ, послѣ знойнаго дня, какъ бы дымились; воздухъ блестялъ непрерывною сѣтью испареній; въ пароходныхъ колесахъ вода разсыпалась серебряною пылью.

Всѣ невольно встали полюбоваться этою картиной. Баклановъ при этомъ замѣтилъ, что на глазахъ Софи заискрились чуть-чуть замѣтныя слезинки; а Евпраксія, напротивъ, смотрѣла серьезно и только какъ бы удивлялась въ этихъ красотахъ природы величію Бога.

Казиміра старалась стать поближе къ Бакланову и даже опереться на него.

— Задній ходъ! раздался голосъ капитана.

Никто не ожидалъ, чтобы пароходъ такъ скоро подошелъ къ островку.

Всѣ засуетились и пошли.

— Вы ко мнѣ, конечно, не зайдете? сказала Софи, уходя, Бакланову.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ.

Толпа ихъ раздѣлала.

ГЛАВА XXII.

Смѣлый кормчій.

Оставивъ старушку на берегу, молодые люди углубились въ островъ. Евпраксія очень любила гулять по полямъ и по лѣсамъ. Они по крайней мѣрѣ прошли версты три, и она только немножко разгорѣлась въ лицѣ.

Казиміра все надѣялась, что въ этомъ полутемномъ лѣсу Баклановъ наконецъ объяснится съ ней, но онъ какъ нарочно все шелъ и разговаривалъ въ Евпраксіей о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ; Казиміра начала неистовствовать. Она бѣгала по лугамъ, рвала цвѣты, вплетала ихъ себѣ въ волосы, бросала ихъ въ Бакланова, наконецъ увидела у берега лодку.

— Ахъ, вотъ лодка! покатайтесь, говорила она.

— Нѣтъ! возразила было ей Евпраксія.

— Душечка! ангелъ мой! говорила Казиміра, цѣлуя ее.

— Но я сама не сказала.

— Ничего, я все на себя приму, умоляла Казиміра.

— Подъемте! поддержалъ и Баклановъ: Ему любопытно было видѣть себя съ этою восхитительною дѣвушкой въ одной лодкѣ.

Евпраксія наконецъ, съ своею кроткою улыбкой, согласилась.

— Я сяду на кормѣ, сказала она.

Казиміра, такъ страстно желавшая кататься, едва осмѣлилась потомъ войти въ лодку.

Баклановъ началъ грести.

Евпраксія сидѣла противъ него лицомъ къ лицу.

Казиміра расположилась около ногъ молодаго человека и безъ всякой осторожности уставила на него свое влюбленное лицо.

Вѣдно-желтыя облака на западѣ становились все темнѣе и чернѣе. Вѣтеръ разыгрывался, и волненіе для маленькой

лодки стало довольно чувствительно. Влюбленная Казимира начала ужь и покрикивать.

— Не вернуться ли намъ назадъ! проговорила она.

— Зачѣмъ же было и ѣхать? возразила Евпраксія, которой, напротивъ, все это, повидимому, было приятно.

Баклановъ, не желая подать виду, что и онъ не съ большимъ удовольствіемъ катается, началъ грести сильнѣе.

Лодку очень ужь покачивало. Казимира безпрестанно кричала, и сидя, какъ тетеря, распутившись, хваталась то за тотъ край лодки, то за другой. Лицо Евпраксіи было совершенно спокойно.

Отъѣхавъ отъ острова, они попали на еще болѣе сильное теченіе, которое, встрѣчаясь съ противнымъ вѣтромъ, кипѣло, какъ въ котлѣ; волны чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ становились выше и выше. Лодку, какъ ценку, перебрасывало черезъ нихъ. У Бакланова почти силъ не доставало грести.

— Держите въ разрѣзъ волнъ, сказалъ онъ испуганнымъ голосомъ.

— Знаю! отвѣчала Евпраксія, и въ самомъ дѣлѣ такъ держала. Онъ видѣлъ, что правая рука ея, управлявшая рулемъ, налилась вся до крови отъ напряженія; но Евпраксія ни на минуту не ослабила шнурка.

Пана Казимира плакала и молилась.

— Матка Бозка! матка Бозка! вопіяла она ужь по-польски. Баклановъ чувствовалъ, что онъ блѣденъ, какъ смерть. Вся штука теперь состояла въ томъ, какъ повернуть лодку и ѣхать назадъ къ острову.

— Гребите не такъ сильно, я стану поворачивать, сказала Евпраксія, рѣшительно не потерявшаяся.

Баклановъ поослабилъ. Евпраксія тоже поослабила шнурокъ, и лодка стала забирать вправо. Маленькая торопливость, и ихъ залеснуло бы волной, которая и безъ того уже брызгала черезъ бортъ. Еще минута и лодка очутилась носомъ къ берегу.

— Ну, теперь сильнѣе! сказала Евпраксія.

Баклановъ, при видѣ такой храбрости въ дѣвушкѣ, почувствовалъ въ себѣ силы льва. Онъ почти до половины запустилъ весла въ волны.

Евпраксія опять ни разу не ошиблась, и все перерѣзывала волны поперекъ.

Послѣдняя волна почти выкинула ихъ на берегъ.

— Никогда не стану никого слушать! проговорила Евпраксія, вставъ, и отряхая сплошь покрытое водяною пѣною платье; ручка ея, которою она держала руль, была ссажена.

Баклановъ тоже не вдругъ могъ придти въ себя отъ пережитаго имъ страха. Панну Казиміру онъ только что не безъ чувствъ вынулъ изъ лодки.

Возвратившись къ матери, Евпраксія все ей рассказала, пережившиъ только то, что это она сама затѣяла кататься, а не Казиміра.

Та сначала попеняла было, но потомъ сейчасъ же и прибавила:— Никто, какъ Богъ; не убережешься отъ всего.

По случаю намокшихъ дамскихъ платьевъ, домой повѣхали сейчасъ же.

Когда островъ сталъ порядочно удаляться, успокоившаяся Казиміра указала Бакланову на дорогу, идущую кругомъ всего берега. Тамъ несея экипажъ съ дамой, и за нимъ уродливо скакалъ верховой въ англійскомъ рейтъ-фракѣ и лаковыхъ сапогахъ.

— Это, вѣдь, Ленева и Галкинъ! сказала она; но Баклановъ не обратилъ на это никакого вниманія.

„Такъ вотъ она какая! вотъ какая!“ думалъ онъ все объ Евпраксіи.

ГЛАВА XXIII.

Не совсѣмъ обыкновенная сваха.

Прошло съ полгода. Сердечныя дѣла Бакланова плохо подвигались впередъ: Евпраксія на іоту не допускала его ближе къ себѣ. Оставалось одно послѣднее средство присвататься къ ней. Баклановъ рѣшился возложить это на Казиміру. Объ ея собственномъ сердцѣ онъ въ эти минуты ни сколько даже и не помышлялъ: злоупотреблять этимъ кроткимъ существомъ онъ точно считалъ какимъ-то своимъ правомъ!

Онъ нарочно пришелъ къ Сабакѣевымъ, когда зналъ, что они обѣдали у однихъ своихъ знакомыхъ, и пришелъ прямо въ комнату къ Казимірѣ.

— Ахъ, вотъ это кто! воскликнула та, по обыкновенію, обрадовавшись:—пойдемте однако въ тѣ комнаты, а то эти людшки Богъ знаетъ что наболтаютъ!

Она все еще ожидала опасности со стороны Бакаланова, и по возможности, разумѣется, думала этому противиться.

Они прошли въ большую гостиную и сѣли на диванъ подъ Мурильо.

— Ну-съ? начала Казимира.

— Ну-съ! повторилъ за ней и Бакалановъ:—вопервыхъ начну высокимъ слогомъ: жизнь для меня „садъ загаошій подъ дикими бесплодными травами.“

— Слыхала это не сегодня, отвѣчала кокетливо Казимира.

— Вслѣдствіе сихъ и оныхъ обстоятельствъ, продолжалъ Бакалановъ:—я рѣшился жениться!

— А, а, а! произнесла Казимира.

— На комъ же? прибавила она, высоко, высоко выпрямляя грудь.

— Разумѣется, на Mademoiselle Eupraxie! отвѣчалъ Бакалановъ.

Если бы пудовой камень упалъ въ эти минуты на голову Казимиры, такъ она меньше была бы ошеломлена.

— Ну что жъ? Желаю вамъ!... сказала она, по наружности, спокойно; но въ самомъ дѣлѣ все это, стоявшее передъ ней: мебель, окна и картины, сапсось для ея глазъ, мгновенно наполнившихся слезами, въ какую-то пеструю решетку.

Бакалановъ сдѣлалъ видъ, какъ будто бы ничего этого не замѣчалъ.

— Къ вамъ собственно просьба моя въ томъ, чтобы вы разузнали, какъ онѣ примутъ мое желаніе.

— Я-я? спросила, протянувъ, Казимира.

— Да! отвѣчалъ Бакалановъ, опять какъ бы не понявъ этого вопроса.—Отъ этого рѣшительно теперь зависитъ все мое будущее счастье, продолжалъ онъ,—Евпраксія именно такая дѣвушка, какую я желалъ имѣть женой своею: она умна, скромна, ну и, нечего грѣха таить, богата и со связями; а все это очень мнѣ теперь ни лишнее въ жизни!...

Казимира слушала его, какъ бы совсѣмъ огаупѣвшая.

— И я радѣюсь, что вы, мой старый, добрый другъ, не откажетесь посодѣйствовать мнѣ въ томъ, заключилъ Бакалановъ и взялъ было ее за руку.

— Нѣтъ, не могу, не могу, не могу! проговорила она скороговоркой и закрыла лицо руками.

— Богъ, значить, съ вами! оказалъ Баклановъ съ грустною улыбкой.

— Но, другъ мой! воскликнула вдругъ, Казимира, протягивая къ нему руки:—я сама васъ люблю. Что жь мнѣ дѣлать? Вотъ какъ я тебя люблю, прибавила она и встала передъ Баклановымъ на колѣни.

Тотъ хотѣлъ было ее поднять.

— Казимира! говорилъ онъ.

— Нѣтъ, погоди, постой! говорила она:—дай мнѣ хоть разъ въ жизни выплакаться передъ тобой, высказать, что чувствуетъ душа моя! И безумная женщина цѣловала при этомъ руки своего идола.

Баклановъ не зналъ, что и дѣлать.

— Казимира! повторялъ онъ.

— Погоди, постой! говорила она:—требуй какой хочешь отъ меня жертвы: отдаться тебѣ, развестись съ мужемъ, но только не этого, нѣтъ!

— Казимира!... успокойтесь, говорилъ ей Баклановъ, тоже беря ея руки и прижимая ихъ къ груди.

— А я не могу... не могу сама своими руками отдать тебя! говорила она и, склонивъ голову на колѣни Александра, рыдала.

Слезы, какъ извѣстно, сильно облегчаютъ женщинъ.

Наплакавшись, Казимира встала и сѣла.

— Послушай, начала она,—когда ты женишься, уговорь одишь: не прогоняй меня, дай мнѣ жить около васъ.

— О, Бога ради, Казимира! воскликнулъ Баклановъ, какъ вамъ не грѣхъ было это думать! Вы навсегда останетесь другомъ нашего семейства, и жизнь ваша навсегда будетъ обезпечена.

— Да, я хочу только тебя видѣть, видѣть, больше ничего!— Ну, а теперь поцѣлуй меня въ послѣдній разъ... знаешь, пламенная, пламенная, какъ ее будешь цѣловать.—И она сама обняла Бакланова и замерла на его губахъ долгимъ поцѣлуемъ.

— Сегодня ты еще принадлежишь мнѣ, говорила она и гладила Бакланову волосы, лицо, и цѣловала его. Онъ сидѣлъ какъ школьникъ въ ея объятіяхъ. Потому она, какъ бы со-всѣмъ обезпамятивъ, вкочила и убила.

Къ этимъ внезапнымъ ея уходамъ Баклановъ давалъ уже привыкъ. Просидѣвъ немного и думая, что дѣло его совершенно испорчено, онъ уѣхалъ домой.... Онъ не зналъ еще до какой степени любящее сердце Казиміры было исполнено самоотверженія.

Она спала въ одной комнатѣ съ Евпраксіей и ту же ночь до самаго утра говорила съ ней о Баклановѣ.

А Евпраксія, припикнувъ своею хорошенькою головкой къ батистовому бѣлью подушки, лежала молча, но не спала!

ГЛАВА XXIV.

Не много словъ, но много дѣла.

Въ семействѣ Сабакѣевыхъ все происходило какъ-то необыкновенно просто.

Казиміра сдѣлала Евпраксіи рѣшительное предложеніе отъ Бакланова. Евпраксія поутру сказала о томъ матери. Несмотря на это, въ домѣ не было ни шушуканья, ни таинственныхъ лицъ. Старуха также, какъ и каждадневно, сходила къ обѣднѣ; дочь также, какъ и прежде, взяла урокъ на фортепиано.

Казиміра начала ужъ замирать въ радости, что авось они не примутъ предложенія Бакланова; но вечеромъ, однако, она нечаянно подслушала разговоръ между матерью и дочерью.

— Онъ очень, кажется, честный человекъ! говорила Евпраксія.

— Да, подтвердила мать; потомъ, помолчавъ, прибавила:— все во власти Божіей!

Разговоръ на нѣкоторое время пресѣкъся.

— И онъ, наконецъ, здѣсь лучше всѣхъ, кого я знаю, прибавила дочь.

— Да.... подтвердила и мать опять.

Разговоръ снова прервался.

— Тебѣ отдамъ этотъ домъ, а сами перетащусь опять въ Москву, заговорила снова старуха.

— Зачѣмъ же!.. Это будетъ очень скучно мнѣ, возразила дочь, но совершенно какъ бы слегка.

— Нѣтъ! нѣтъ! перебила ее старуха. Матери въ бракъ только помѣха:—ничего отъ насъ добра не бываетъ.

— Не знаю, я этого еще не испытала, сказала дочь съ улыбкой.

— Потому-то и говоришь, что не знаешь, подтвердила мать.

И снова молчаніе.

— Вы мнѣ здѣшнее имѣніе отдадите? спросила дочь, совершенно не жемурясь.

— Да, тебѣ здѣшнее, а московское Валерьяну, отвѣчала старуха, тоже повидимому не удивленная нисколько этимъ вопросомъ.

Валерьянъ былъ младшій ея сынъ и учился въ Москвѣ.

На этомъ разговоръ совершенно прекратился.

Старуха сѣла за грань-пасьянсъ, а Евпраксія пошла заниматься музыкой. Не даромъ, видно, ее въ городѣ называли лешкомъ, а мать философкою.

Казиміра, что бы не чувствовало собственное сердце ея, написала обо всемъ этомъ разговорѣ Бакаланову.

Онъ не замедлил сію же минуту пріѣхать.

Старуха все еще продолжала раскладывать грань-пасьянсъ.

Бакалановъ сѣлъ противъ нея.

Но какъ тутъ съ этою спокойною физиономіей было заговорить?

— Погадайте-ка на мои мысли! сказалъ онъ наконецъ.

— Мнѣ бы самой надо ваши мысли-то отгадать, отвѣчала старушка полусутиа.

— О, онъ совершенно чисты и открыты передъ вами! воскликнулъ Бакалановъ.

— Ну, то-то же, смотрите! сказала она, и погрозила ему пальцемъ.

— Такъ какъ же, Анна Петровна, да или нѣтъ? спросилъ ужъ Бакалановъ.

— Что-й-то, да поди у ней спрашивай; я ужъ за тебя не пойду, сказала Сабакѣва.

— Значитъ, можно? воскликнулъ Бакалановъ, и пошелъ въ ту комнату, гдѣ Евпраксія сидѣла за работой. Напротивъ ея помѣщалась Казиміра, почти не чесаная и врядъ ли въ застегнутомъ платьѣ. Она цѣлый день жаловалась то на занятія, то на нездоровье.

Бакалановъ подмигнулъ ей. Она, потупивъ голову и съ грустною усмѣшкой, вышла.

У Александра губы и щеки дрожали.

— Евпраксія Арсеньевна, началъ онъ,—я имѣлъ честь дѣлать вамъ предложеніе. Скажете вы мнѣ прямо и откровенно, какъ прима и откровенна ваша прекрасная натура, нравлюсь ли я вамъ и согласны ли вы отдать мнѣ вашу руку и сердце?

Евпраксія нѣсколько времени смотрѣла ему прямо въ лицо.

— А вы будете любить меня? спросила она, и какъ бы нарочно поспѣшила улыбнуться, чтобы смягчить свой недоверчивый вопросъ.

— Я буду васъ любить всю жизнь, еслибы вы даже не любили и разлюбили меня, проговорилъ Баклановъ съ чувствомъ.

— Ну, я-то ужъ не разлюблю, кого полюблю, сказала Евпраксія и слегка покраснѣла.

— О, и я! ручку вашу! да?

— Ну, смотрите же, не обманите меня! сказала Евпраксія, подавая ему руку.—Я въ васъ съ перваго же раза почувствовала какую-то вѣру.

— Вѣру?

— Да! Подаете къ шапан, я должна одѣваться!

Баклановъ хотѣлъ попросить у ней поцѣлуя, но не посмѣлъ.

Въ тотъ день была пятница, и часовъ въ девять начали съѣзжаться гости.

Баклановъ съѣзжалъ домой и надѣлъ фракъ.

За ужиномъ было объявлено, что Mademoiselle Euraxie помолвлена за Monsieur Бакланова.

ГЛАВА XXV.

Испытанія.

Въ городѣ про Евпраксію говорили: „Это невѣста не пылка и не страстная.“ Баклановъ тоже, желая съ ней облизиться, не могъ достигнуть этого въ той степени, въ какой желалъ бы.

— Ты любишь меня? спрашивалъ онъ ее.

— Люблю! отвѣчала односложно Евпраксія.

— Но, знаешь, нѣсколько очень ужъ спокойно: хоть бы порезновала меня или покапризничала надо мной!...

— Да зачѣмъ же? возразила Евпраксія съ улыбкой:—еслибы ревновать была причина, такъ я бы лучше не пошла за тебя,

а если бы капризна была, такъ ты бы, вѣроятно, не женился на мнѣ.

Баклановъ долженъ былъ согласиться, что все это весьма справедливо и умно.

Разъ онъ принесъ къ ней *Бориса Годунова* Пушкина и сталъ ей читать сцену у фонтана.

— Ты хладнокровная Марина Мишекъ, а я пылкій Самозванецъ! говорилъ онъ ей, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ Григорій приходитъ въ себя, онъ даже вскочилъ и продекламовалъ передъ невѣстой:

Тыя Грознаго меня усыновила,
Насѣдникомъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы ополчила
И въ жертву мнѣ Бораса обрекла.
Царевичъ я.

Баклановъ при этомъ замѣтилъ, что Евпраксія усмѣхнулась.

— Тебѣ смѣшно только! проговорилъ онъ съ досадою.

— Да какъ же не смѣшно! Вдругъ я Марина Мишекъ, а онъ Самозванецъ! Тутъ и въ чувствахъ-то даже ничего нѣтъ общаго.

„Она чортъ знаетъ какъ умна!“ подумалъ Баклановъ; но вслухъ однако проговорилъ:

— Очень ужъ вы, Евпраксія Арсеньевна, разсудительны.

— Не разсудительна; а только словъ пустыхъ не люблю, отвѣчала она, по обыкновенію своему, спокойно.

Больше еще всего, кажется, Евпраксія любила музыку. Она играла правильно, отчетливо, со смысломъ; но и тутъ Бакланову казалось, что она мало увлекается, а только проиграетъ иногда огромную піесу, и потомъ на нѣсколько минутъ глубоко, глубоко задумается.

Что она въ эти минуты думала, Богъ ее знаетъ: никогда не сказывала, хотъ Баклановъ и часто спрашивалъ ее.

— Не люблю я про это говорить, отвѣчала она.

— Вообще про то, что чувствуешь?

— Да! отвѣчала Евпраксія.

Баклановъ, оставаясь съ невѣстой наединѣ, принимался ее цѣловать въ лицо и въ шею. Евпраксія, нисколько не жемурясь, отвѣчала ему тоже поцѣлуями.

Однажды онъ сталъ передъ ней на колѣни и прильнулъ губами къ ея выставившейся ножкѣ.

Евпраксія, кажется, и не поняла этого страстнаго съ его стороны движенія и только посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

Передъ уходомъ Баклановъ обыкновенно прижималъ ее къ груди своей и долго, долго цѣловалъ ее въ лобъ.

Евпраксія ему повиновалась.

ГЛАВА XXVI.

Банковый билетъ.

Послѣднее время Софи цѣлые дни сидѣла дома. О, какъ она была печальна!

Пользуясь своимъ совершеннымъ уединеніемъ, она, по временамъ, начинала разговаривать сама съ собой:

„Ничему-то меня, глупую, не научили, говорила она:— выдала Богъ знаетъ какъ замужъ! (При этомъ Софи взглядывала на портретъ покойнаго Ленева.) Мужъ еще впрочемъ лучше другихъ былъ для меня; онъ по крайней мѣрѣ хотѣлъ и старался сдѣлать меня счастливою, а другіе только губятъ меня....“

Къ вечеру наконецъ вошла къ ней Иродіада.

— Куда ты цѣлый день пропадаешь? говорила ей съ досадою Софи,—довольно ужъ этою любовью-то своею заниматься.

— По городу немножко погуляла: на свадьбу смотрѣла-сь, отвѣчала та.

— На чью?

— Нашего Александра Николаича.

Софи поблѣднѣла.

— А сегодня свадьба?

— Сегодня-сь! Сейчасъ вѣнчать будутъ у Спаса.

— А что меня въ церковь пустять? спросила Софи, устремляя на свою горничную какой-то странный взглядъ.

— Отчего жъ не пустить? отвѣчала та.

— Давай мнѣ одѣваться... дай все лучшее!.. говорила Софи, и начала сама приводить въ порядокъ свои волосы. Дѣло это

горько у нея въ рукахъ: ни одинъ парикмахеръ не сумѣлъ бы такъ скоро и такъ къ лицу причесать ея роскошныя локоны. Продада привнесла ей великолѣпнѣйшее визитное платье.

— Выкупили бы, сударыня, ваши вещи-то, а то надѣть вамъ нечего! говорила она, подавая госпожѣ въ самомъ дѣлѣ всего одну небольшую брошку.

— Все выкупаю, все! не на радость только! отвѣчала Софи, небрежно застегивая эту брошкой платье на груди. Надѣвая французскія перчатки, она одну изъ нихъ изорвала. Толстыя ботинки ея громко стучали по паркету.

Въ этомъ гарядѣ Софи, казалось, точно сейчасъ только коротилась съ какого-нибудь вакхическаго вечера.

Коляска ея уже была подана къ крыльцу.

— Къ Спасу, сказала она.

Вначанье Бакланова происходило въ небольшомъ, темноватомъ придѣлѣ приходской церкви.

Софи, войдя, остановилась у колонны, почти въ самыхъ дверяхъ.

Всю церемонію она простояла неподвижная какъ статуя.

Вначалѣ духовникъ старухи Сабакѣевой, высокій, сухощавый, съ мрачнымъ и неподвижнымъ лицомъ, священникъ. Въ концѣ онъ говорилъ проповѣдь и все страдалъ новобрачныхъ, если не будутъ любить другъ друга, страшными адскими муками.

Выходя, молодые прямо очутились лицомъ къ лицу противъ Софи.

— Je vous, félicite, Monsieur Баклановъ! сказала она.— Je vous félicite, Madame! прибавила она и молодой.

Баклановъ поблѣднѣлъ. На лицѣ Евпраксіи тоже отразилось безпокойство: ее очень поразила великолѣпная и печальная, въ одно и то же время, наружность Софи.

Баклановъ поспѣшилъ усадить жену въ карету и самъ вскочилъ за нею.

Софи вышла вслѣдъ за ними на паперть. Небрежно убранные волосы ея развивались вѣтромъ; заколотая въ платье брошка разстегнулась и повисла.

— Madame, вы потеряете вашу вещь! сказалъ было ей одинъ изъ молодыхъ людей.

— Merci, сказала Софи, врядъ ли и слышавшая что ей сказали, и такъ, не поправивъ брошки, сѣла въ экипажъ.

Пріѣхавъ домой и войдя въ будуаръ, она порывисто сбросила съ себя шаль и начала разрывать платье, корсетъ, а потомъ, залившись вся слезами, упала на постель.

— Хотѣла бы я быть порядочнымъ существомъ, но Богъ не привелъ, стонала она.

— Поживете-ка, сударыня! есть о чемъ плакать! утѣшала ее Иродіада.

— Есть, Иродіада, есть! Теперь я совсѣмъ несчастная! отвѣчала Софи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, въ коммерческой банкъ отъ неизвѣстнаго лица было внесено, на имя действительной статской совѣтницы Леновой, двѣсти тысячъ рублей серебромъ.

АЛЕКСѢЙ ПИСЕМСКІЙ.

ЗАДАЧА ПРИСЯЖНЫХЪ

ВЪ ДѢЛѢ

УГОЛОВНАГО СУДА

Всякій уголовный приговоръ необходимо предполагаетъ удовлетворительное рѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ:

1. Виновенъ ли подсудимый въ совершеніи дѣйствія, которое приписывается ему въ обвинительномъ актѣ?
2. Нарушенъ ли этимъ дѣйствіемъ законъ.
3. Какое наказаніе слѣдуетъ назначить обвиняемому на основаніи закона?

Гдѣ судъ по преступленіямъ производится безъ присяжныхъ, тамъ всѣ эти вопросы рѣшаются одними и тѣми же лицами, и строгое разграниченіе ихъ оказывается вслѣдствіе этого совершенно излишнимъ; если же, напротивъ, къ участию въ дѣлѣ уголовного суда допускаются и присяжные, то необходимо возникаетъ вопросъ: въ чемъ же здѣсь должно состоять ихъ дѣйствіе?

Всѣ согласны, что рѣшеніе третьяго вопроса не есть дѣло присяжныхъ и что, напротивъ, рѣшеніе перваго—ихъ дѣло. Сомнѣнія и споры существуютъ только насчетъ втораго вопроса. Кто долженъ рѣшать вопросъ о нарушеніи закона,—судьи или присяжные?

Съ перваго взгляда представляется, что и это дѣло гораздо ближе касается судей, какъ наиболѣе свѣдущихъ въ законахъ чѣмъ присяжные. Присяжныхъ, казалось бы, слѣдовало спрашивать только о томъ, виновенъ ли обвиняемый въ совершеніи дѣйствія, которое ему приписываютъ, а рѣшеніе того, нарушенъ ли имъ законъ, предоставлять также судьямъ. Тогда бы найденъ былъ твердый принципъ, на основаніи котораго разрѣшались бы всѣ сомнѣнія и споры.

Но къ сожалѣнію, этотъ принципъ прямо противенъ духу института присяжныхъ, да и не легко прилагается къ дѣлу.

Еслибы присяжные дѣйствительно должны были рѣшать только вопросъ о фактѣ, безъ всякаго отношенія къ закону, то всѣ тѣ, которые утверждаютъ что участіе присяжныхъ въ дѣлѣ суда ведетъ только къ совершенно напрасной потерѣ времени и издержекъ, были бы совершенно правы. Чтобы рѣшить на основаніи собранныхъ во время преній доказательствъ, совершилъ ли подсудимый дѣйствіе, въ которомъ его обвиняють, требуется только основательный умъ и опытность, а никакъ нельзя сказать, чтобъ этимъ качествами присяжные обладали въ большей мѣрѣ чѣмъ судьи.

Основная мысль института присяжныхъ совершенно другая. Присяжные, конечно, безо всякаго сравненія ниже судьи въ знаніи законовъ, но ихъ простое и безыскусственное пониманіе закона и есть то качество, которое необходимо для правильнаго рѣшенія вопроса о нарушеніи обвиняемымъ закона, и для этого именно они и призываются въ уголовные суды.

Можетъ ли быть что-либо жесточе и несправедливѣе, говорить одинъ изъ извѣстнѣйшихъ германскихъ криминалистовъ, Мезеръ, объясняя существо и цѣль института присяжныхъ,—какъ осудить человѣка, не будучи твердо увѣреннымъ, что онъ зналъ и выразумѣлъ законъ, нарушеніе котораго ставится ему въ вину? Но, безспорно, самая лучшая повѣрка того, что преступникъ зналъ, или что онъ могъ и долженъ былъ знать законъ, заключается именно въ томъ обстоятельствѣ, что его, на основаніи закона, осуждаютъ 7 или 12 неученыхъ людей. Этимъ-то самымъ они и даютъ знать, какое общедоступное понятіе заключаетъ въ себѣ извѣстное положеніе закона и какъ долженъ былъ истолковать его себѣ всякій человѣкъ, одаренный только простымъ здравымъ смысломъ.

Ученый не можетъ служить тутъ повѣркой, потому что его способность разумѣнія слишкомъ изощрена, его нравственное чувство слишкомъ тонко, и вообще его взглядъ на вещи вовсе не подходитъ подъ уровень обыкновеннаго пониманія.

Если же это справедливо, то настоящая задача присяжныхъ состоитъ именно въ томъ, чтобы высказывать свое мнѣніе, нарушилъ ли обвиняемый дѣйствіями, имъ совершенными, законъ. Присяжные, какъ и подсудимый, относятся къ закону, какъ люди не образованные юридически и не подготовленные научнымъ образомъ къ пониманію закона. *Nulla poena sine lege*, т.-е. никакое наказаніе не можетъ быть назначено, если оно не опредѣлено закономъ, понятнымъ для подсудимаго. Если же присяжные объявляютъ, что законъ, по ихъ мнѣнію, не угрожаетъ подсудимому наказаніемъ за его дѣйствіе, что слѣдовательно онъ не виноватъ въ его нарушеніи; то наказаніе его по этому закону было бы явною жестокостію.

Но если о примѣненіи закона къ дѣйствию обвиняемаго будетъ судить человѣкъ ученый, судья, то здѣсь о простомъ пониманіи закона не можетъ быть и рѣчи. Ученый судья разсматриваетъ законъ въ связи со своими предварительными работами, *преюдикатами*, и научными толкованіями. Предлагаемое имъ толкованіе можетъ быть вовсе недоступнымъ для простаго человѣка. Въмѣстѣ съ тѣмъ, только съ допущеніемъ присяжныхъ къ участию въ составленіи уголовныхъ приговоровъ, законодателю становится извѣстнымъ простое пониманіе закона, и только оно и даетъ ему чувствовать необходимость составлять законы такъ, чтобы они были понятны и для простаго человѣка.

Взглядъ Мезера раздѣляютъ всѣ лучшіе нѣмецкіе юристы. На основаніи его положеній главнымъ образомъ и былъ оправдываемъ институтъ присяжныхъ въ прусскихъ камерахъ, во время происходившихъ тамъ по этому предмету превій въ 1852 г. Но, какъ обыкновенно бываетъ, изъ одного и того же основанія были выводимы разныя слѣдствія.

Изъ числа высказанныхъ тогда мнѣній, особенно замѣчательно одно, въ которомъ, на основаніи Мезеровыхъ положеній, самымъ подробнымъ образомъ была развита теоретическая и практическая несостоятельность ограниченія дѣятельности присяжныхъ однимъ лишь рѣшеніемъ фактическаго вопроса о виновности обвиняемаго.

Вполнѣ вѣрно, что существеннаго значенія института присяжныхъ должно искать лишь въ томъ, что никто не можетъ быть подвергнутъ тяжкому наказанію, въ чьей винѣ незнакомые съ наукою права присяжные не убѣждены обладающимъ теоретическими знаніями судьей. Въ этомъ именно простомъ положеніи и заключается оправданіе института присяжныхъ. Коль скоро въ извѣстномъ случаѣ существованіе преступленія открывается посредствомъ искусственнаго юридическаго вывода, а природный умъ простыхъ, добросовѣстныхъ и безпристрастныхъ людей оказывается для этого недостаточнымъ, то тамъ противно естественному чувству справедливости подвергать наказанію подсудимаго, въ которомъ, разумѣется, нельзя предполагать такого юридическаго пониманія. Въ этомъ смыслѣ вполнѣ справедливо въ присяжныхъ видѣть посредниковъ между юридическимъ толкованіемъ закона и понятіемъ о немъ народа, изъ среды котораго вышли присяжные. Отсюда ясно открывается полная несостоятельность отдѣленія фактическаго вопроса отъ юридическаго. Оно уже и само по себѣ не выполнимо въ практикѣ, потому что въ очень многихъ случаяхъ изъ такъ-называемаго фактическаго вопроса никакъ не могутъ быть исключены слова, въ которыхъ выражаются юридическія понятія. Но оно противно, вмѣстѣ съ тѣмъ, и цѣли суда присяжныхъ, а потому и должно быть отвергнуто по принципу. Никакъ нельзя объяснить, почему необходимо участіе присяжныхъ для рѣшенія вопроса о томъ, совершено ли данное дѣйствіе, если это дѣйствіе разсматривается безъ всякаго отношенія къ его юридическому свойству. Никто не станетъ отрицать, что судья въ состояніи отвѣчать на этотъ вопросъ гораздо лучше и вѣрнѣе чѣмъ присяжные. Если судъ присяжныхъ долженъ дѣйствительно удержать за собой то высокое значеніе, на которое указано, то надо, съ уголовнымъ уложеніемъ въ рукахъ, убѣждать ихъ не въ томъ, что такіе-то факты существуютъ, а въ томъ, что нарушенъ такой-то законъ, или совершено такое-то преступленіе. По отношенію къ присяжнымъ все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы вразумить ихъ насчетъ юридическаго свойства преступленія, подлежащаго ихъ обсужденію, потому что только въ такомъ случаѣ они съ полнымъ сознаніемъ могутъ рѣшить вопросъ, виновать подсудимый или не виновать. Поступать иначе значило бы ставить ихъ въ такое положеніе, чтобъ изъ ихъ отвѣта на фактическій вопросъ судъ могъ иногда выводить заключенія,

совершенно противныя ихъ убѣжденію и, слѣдовательно, наказывать подсудимаго за преступленіе, существованія котораго присяжные вовсе и не подозревали.

Представимъ себѣ, напримѣръ, что рѣчь идетъ о поддѣлкѣ документа или векселя. Вопросъ о томъ, составленъ ли документъ, или вексель, есть безспорно вопросъ юридическій. Но если онъ предлагается присяжнымъ въ такой формѣ: составилъ ли подсудимый бумагу того или другаго содержанія, то легко можетъ быть, что они дадутъ на этотъ вопросъ отвѣтъ утвердительный, хотя бы были убѣждены, что содержаніе бумаги вовсе не дѣлаетъ ее ни документомъ, ни векселемъ. А это можетъ повести къ тому, что судьи приговорятъ подсудимаго къ тяжкому наказанію, опредѣленному въ законѣ за поддѣлку документа или векселя. Если, во избѣжаніе этого, внесутъ въ вопросъ опредѣленіе документа или векселя, то тогда заставить присяжныхъ отвѣчать не на фактической, а на юридической вопросъ; только достигнуть этого не прямымъ, но окольнымъ путемъ.

Отдѣленіе фактическаго вопроса отъ юридическаго, слѣдовательно, не можетъ быть допущено ни по принципу, ни въ практическомъ отношеніи.

Изъ сказаннаго, повидимому, ясно слѣдуетъ, что рѣшеніе вопроса о томъ, нарушенъ ли дѣйствіями обвиняемаго законъ, должно быть предоставляемо не судьямъ, а присяжнымъ; но противъ всякаго ожиданія, изъ всего этого разсужденія часто дѣлали слѣдующій практической выводъ: приговоръ о виновности или невиновности обвиняемаго не можетъ быть предоставленъ однимъ присяжнымъ, такъ какъ они не обладаютъ необходимымъ для этого знаніемъ законовъ. Поэтому судьи и присяжные должны произносить приговоры вмѣстѣ.

То мнѣніе, что присяжные должны давать отвѣты только на фактическіе вопросы было сильно распространено и въ Англіи. Первоначально оно имѣло историческую основу, а потомъ было поддерживаемо лишь съ цѣлію ослабить значеніе присяжныхъ. Сперва, какъ извѣстно, присяжные были употребляемы въ Англіи лишь въ гражданскомъ процессѣ. Отъ нихъ отбирались показанія о такихъ фактахъ, которые всего лучше могли быть извѣстны соседямъ, и дѣло рѣшалось сообразно ихъ показаніямъ. Когда же потомъ судья по преступленіямъ начали производить также при соучастіи присяжныхъ, то и тутъ въ первое время смотрѣли на нихъ только какъ

на свидѣтелей, которые должны были своими показаніями удостоверить дѣйствительность или недѣйствительность извѣстныхъ событій. Взглядъ этотъ не измѣнился и тогда, когда присяжные стали дѣйствовать уже какъ настоящіе судьи. Образуясь даже положеніе: *ad quaestiones facti respondeant juratores, ad quaestiones juris iudices*. Придумали это положеніе судьи, они же его и поддерживали. Особенно въ тяжелыя времена политическаго деспотизма они тѣмъ сильнѣе отстаивали свое исключительное право отвѣчать на юридическіе вопросы что, пользуясь имъ, легко могли угождать недостойнымъ властителямъ, которые обратили тогда уголовную власть въ орудіе самаго возмутительнаго произвола. Въ случаѣ обвиненія въ политическихъ преступленіяхъ, что при послѣднихъ Стюартахъ было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, судьи, изъ раболѣпной угодливости, часто съ употребленіемъ открытаго насиія, заставляли присяжныхъ утверждать факты; потомъ влагали въ эти факты нужный имъ смыслъ и подвергали подсудимаго наказанію за преступленіе, въ которомъ присяжные вовсе не обвиняли его. Проводить свой взглядъ они могли тѣмъ легче что въ дѣйствованіи тогда законодательствѣ почти вовсе не были опредѣлены ни степени виновности, ни степени наказанія. Первый, кто открыто возсталъ противъ этого возмутительнаго произвола, былъ судья Воганъ. По поводу жалобы, поданной присяжнымъ Бечелемъ, въ судъ *Common Pleas* на незаконное арестованіе его съ товарищами, за то что они, въ извѣстномъ процессѣ квакеровъ Пена и Мида, не хотѣли постановить такой приговоръ, какого требовали отъ нихъ судьи, Воганъ, въ качествѣ члена суда, въ который была подана жалоба, энергически возсталъ противъ дѣйствія судей и прямо призналъ эти дѣйствія не только совершенно противными существу института присяжныхъ, но и бессмысленными.

„Еслибы судья, выслушавъ доказательства, приведенныя въ судѣ, говорилъ Воганъ, въ своемъ мнѣніи, могъ, на основаніи ихъ, объявить присяжнымъ въ чемъ состоитъ дѣйствіе совершенное подсудимымъ, потомъ опредѣлять, какой законъ имъ нарушенъ и, наконецъ, приказывать, чтобъ они, подѣ страхомъ какого бы то ни было наказанія, рѣшили дѣло такъ, какъ оно представляется ему самому, то участіе присяжныхъ въ дѣлѣ суда было бы только пустою проводочкой, обязанностию самую скучную. Оно было бы учрежденіемъ совер-

менно безполезныя для разузнанія справедливости или несправедливости; учрежденіемъ, которое лучше было бы уничтожить чѣмъ сохранять. Если присяжные слѣдуютъ указанію судьи, то ихъ приговоръ все-таки можетъ быть уничтоженъ вслѣдствіе жалобы, и, такимъ образомъ, они могутъ быть наказаны за несдѣланіе того, что, еслибы было сдѣлано ими, навлекло бы на нихъ штрафъ или тюремное заключеніе, а это не имѣетъ смысла. По какому праву можно было бы жаловаться на присяжныхъ и преслѣдовать ихъ за клевету, еслибы они должны были давать приговоры подъ диктовку и по указанію другаго, и дѣлать это подъ страхомъ наказанія, тогда какъ она присягаютъ, что будутъ рѣшать дѣла по своему крайнему разумѣнію и по совѣсти? Никто не можетъ ни предполагать чего-либо, ни дѣлать выводовъ, основываясь лишь на пониманіи другаго, точно также какъ никто не можетъ ни видѣть чужими глазами, ни слышать чужими ушами. Если присяжные даютъ и справедливый приговоръ, но дѣйствуютъ при этомъ противъ собственнаго убѣжденія, то тѣмъ не менѣе они становятся клятвенно-преступниками въ своей совѣсти.“

Мнѣніемъ Вогана, которое было уважено и высшимъ судомъ, куда дѣла присяжныхъ было передано на разсмотрѣніе, прежній взглядъ на нихъ былъ совершенно подорванъ, а между тѣмъ и обстоятельства перемѣнились къ лучшему. Настали лучшія времена; съ лучшими временами появились и лучшіе судьи, а потому, мало-по-малу, и лучшее законодательство, которое уже строже разграничивало степени виновности и потому необходимо требовало большаго участія присяжныхъ въ дѣлѣ суда. Судьи начали предлагать имъ особые вопросы, какъ скоро обвиняемый приводилъ въ свое оправданіе какія-либо особенныя обстоятельства; а потому присяжные и сами стали присоединять къ своимъ *вердиктамъ* оговорки, которыя требовали болѣе снисходительнаго прирѣшенія закона. Наконецъ, въ 1792 году, былъ издакъ законъ, который прямо дано было присяжнымъ право, въ дѣлахъ печати, рѣшать всѣ сопряженные юридическіе вопросы. Впрочемъ, законъ 1792 года не всѣ понимаютъ одинаково. Одни, преимущественно практическіе юристы, принимаютъ этотъ законъ за общее правило, хотя оно дано по поводу частнаго случая. По ихъ мнѣнію, этимъ закономъ вообще предоставляется присяжнымъ право, при рѣшеніи вопроса о виновности, рѣшать и всѣ соединенные съ нимъ

юридическіе вопросы. Другіе, напротивъ, видятъ въ немъ лишь исключеніе изъ общаго правила, которое, следовательно, должно имѣть силу лишь въ дѣлахъ печати.

Но, каковы бы, впрочемъ, ни были смыслъ и цѣль закона 1792 года, въ наше время почти всѣ англійскіе юристы видятъ въ своихъ присяжныхъ единственныхъ и самостоятельныхъ судей всего вопроса о виновности.

Вслѣдствіе этого, если подсудимый даетъ утвердительный отвѣтъ на вопросъ: признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ преступленіи, какъ это значитъ въ обвинительномъ актѣ, вопросъ, которымъ въ Англии открывается всякій уголовный процессъ, то присяжные вовсе и не приглашаются къ участию въ судѣ. По англійскимъ понятіямъ, признаніемъ подсудимаго вопросъ о виновности считается рѣшеннымъ, а потому и участіе присяжныхъ становится ненужнымъ. Остается только назначить подсудимому заслуженное имъ наказаніе, что и дѣлаютъ судьи, вовсе не справляясь о томъ, точно ли совершилъ подсудимый тѣ дѣйствія, въ которыхъ сознается, или нѣтъ, и образуютъ ли они составъ того преступленія, въ которомъ его обвиняютъ, потому что это не ихъ дѣло.

Если же, напротивъ, подсудимый отрицаетъ обвиненіе, то каждому присяжному дается копія съ обвинительнаго акта, который всегда относится къ одному преступленію и содержитъ въ себѣ самое точное обозначеніе главнѣйшихъ обстоятельствъ дѣла, времени, мѣста, умысла, а также и лица обвиняемаго. Затѣмъ происходитъ пренія. Они всегда имѣютъ своею единственною цѣлю разъяснить дѣло на столько, чтобы присяжные могли безошибочно рѣшить, справедливо или нѣтъ обвиненіе. Для этого адвокаты приводятъ доказательства противъ и въ пользу обвиняемаго; къ этому же направляются и всѣ дѣйствія судей. Если присяжные объявляютъ, что они считаютъ дѣло достаточно разъясненнымъ, то пренія тотчасъ же и оканчиваются. Но иногда, по заключеніи ихъ, предсѣдательствующій судья съ тою же цѣлю объясняетъ присяжнымъ значеніе и силу приведенныхъ во время преній доказательствъ, отличительные признаки преступленія, о которомъ идетъ рѣчь, начала, которыми они должны руководствоваться при рѣшеніи вопроса о виновности, даже высказываетъ свой взглядъ на дѣло и обращаетъ вниманіе присяжныхъ на законныя послѣдствія, которыя должны имѣть ихъ обвинительный приговоръ.

Присяжные выслушиваютъ наставленія судьи и привимаютъ ихъ къ свѣдѣнію, но дѣло рѣшаютъ по своему крайнему разумію.

Самый обвинительный актъ никогда не связываетъ присяжныхъ до такой степени, чтобъ они должны были держаться его буквально. Напротивъ, если они находятъ, что въ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ подсудимымъ, заключается не то преступленіе, въ которомъ его обвиняютъ, а другое, меньшее или равносильное по степени вины, то могутъ признать его невиновнымъ въ первомъ преступленіи и виновнымъ въ послѣднемъ. Первоначально присяжные поступали такъ лишь въ случаяхъ обвинения въ смертоубійствѣ и дѣтоубійствѣ. Въслѣдствіе глубокаго отвращенія отъ смертной казни, а равно и въ случаѣ сомнѣнія въ справедливости обвинения, они обвиняемыхъ въ смертоубійствѣ признавали виновными только въ простомъ убійствѣ, а судимыхъ за дѣтоубійство осуждали лишь за сокрытіе беременности и родовъ. Потомъ, особеннымъ закономъ, имъ дозволено было поступать также и въ случаяхъ обвинения въ насильственномъ нападеніи и въ изнасилованіи, т.-е. отвергать насиліе и допускать только простое нападеніе. А въ царствованіе вильямской королевы былъ изданъ общій законъ, который даетъ присяжнымъ право во всѣхъ вообще преступленіяхъ отвергать обвиненіе въ большемъ и допускать его въ меньшемъ преступленіи. Въслѣдствіе же билля лорда Кампбеля имъ разрѣшено даже въ случаѣ обвинения въ воровствѣ, признавать подсудимаго виновнымъ въ утайкѣ, и наоборотъ.

Все это ясно показываетъ, что въ Англіи вовсе не считаютъ присяжныхъ судьями только фактической стороны дѣла, а предоставляютъ имъ, напротивъ, рѣшеніе всего вопроса о виновности, вообще какъ съ фактической, такъ и съ юридической стороны. Но для того чтобы, на основаніи известныхъ дѣйствій и доказательствъ, признать или не признать подсудимаго виновнымъ въ известномъ преступленіи, тѣмъ болѣе для того чтобы признать его невиновнымъ въ преступленіи, въ которомъ его обвиняютъ, и виновнымъ въ томъ, въ которомъ его никто не обвиняетъ, необходимо, во-первыхъ, сдѣлать юридическую оцѣнку дѣйствій и доказательствъ и, во-вторыхъ, обсудить и сравнить отаичительные законные признаки преступленій. И для того чтобъ имѣть возможность сдѣлать такую оцѣнку и такое

сравненіе, англійскіе присяжные получаютъ необходимыя наставленія и совѣты отъ судей.

Бываютъ однакоже случаи, что присяжные, несмотря на совѣты и наставленія судей, чувствуютъ себя не въ состояніи рѣшить: нарушенъ ли дѣйствіями обвиняемаго уголовный законъ? Въ такихъ случаяхъ они могутъ ограничить свой приговоръ однимъ только заключающимся въ дѣлѣ фактами, а рѣшеніе вопроса о нарушеніи закона предоставить судьямъ. Но въ англійскомъ народѣ такъ сильно укоренено убѣжденіе, что присяжные должны рѣшать весь вопросъ о виновности, что этотъ, такъ-называемый частный, приговоръ не находитъ никакого одобренія не только у юристовъ, но и у простыхъ людей. Въ этомъ видятъ предосудительное уклоненіе присяжныхъ отъ ихъ прямой обязанности и, давая такой приговоръ, они необходимо рекомендуютъ себя съ дурной стороны. Поэтому въ практикѣ подобныя приговоры встрѣчаются довольно рѣдко. Впрочемъ, въ послѣднее время былъ одинъ случай въ Ливерпулѣ, гдѣ присяжные дали частный приговоръ. Нѣкто былъ обвиненъ въ двоеженствѣ. Обвиняемый женился на невѣсткѣ, и потомъ при ея жизни, вступилъ въ другой бракъ. По англійскимъ законамъ бракъ съ невѣсткою считается не дѣйствительнымъ. Но присяжные, несмотря на это, сомнѣвались, слѣдуетъ ли признать обвиняемаго виновнымъ въ двоеженствѣ, и предоставили рѣшеніе этого вопроса судьямъ, которые отпустили подсудимаго. Какъ бы, впрочемъ, ни былъ труденъ и сомнителенъ вопросъ, это не даетъ однакоже никакого права уклоняться отъ его рѣшенія лицамъ, къ тому призваннымъ и обязаннымъ дать его.

Подобныя вопросы могутъ представляться и ученому судѣѣ, и онъ съ радостію уклонился бы отъ ихъ рѣшенія, но онъ обязанъ постановить его; это его долгъ, отъ выполненія котораго онъ также мало можетъ отказываться, какъ и присяжные. И судьи, и присяжные должны постановлять рѣшенія по своему крайнему разумію.

Старинный англійскій взглядъ на присяжныхъ, какъ на судей только фактовъ, перешелъ и во Францію. Здѣсь и въ наше время онъ поддерживается во всей силѣ, преимущественно практическими юристами. Эти практическіе юристы постоянно видятъ въ присяжныхъ незваныхъ и непрошенныхъ представителей, которые должны слѣдить за ними и повѣрять ихъ

дѣйствія. Но они, кромѣ того, имѣютъ самое превратное понятіе и о вопросѣ права, *question de droit*. Подъ *вопросомъ права* французскіе судьи разумѣютъ то вопросъ о правомѣрности и цѣлесообразности закона, то вопросъ о приложимости опредѣленнаго этимъ закономъ наказанія къ данному случаю. Но, конечно, ни то, ни другое не есть дѣло присяжныхъ.

Первоначально, впрочемъ, и само законодательство во Франціи смотрѣло на присяжныхъ только какъ на судей факта. Во всѣхъ случаяхъ присяжные должны, говорится въ кодексѣ 3 брюмера IV года французской республики, рѣшать лишь слѣдующіе вопросы: уясненъ ли составъ дѣла; можно ли признать подсудимаго виновникомъ этого дѣла; можно ли вѣнчать ему совершенное имъ дѣйствіе, и есть ли къ дѣлу отягчающія обстоятельства. Рѣшить же вопросъ о томъ, противны ли дѣйствія подсудимаго уголовному закону, кодексъ предоставилъ судьямъ.

Но опытъ оказался не въ пользу такого раздробленія вопроса о виновности. Оно только усложняло задачу присяжныхъ и вызывало чрезвычайно утомительныя пренія. Поэтому въ статьѣ 337 Наполеонова кодекса, смѣнившего собою кодексъ 3 брюмера, предписывается уже, вмѣсто многихъ фактическихъ вопросовъ, предлагать присяжнымъ одинъ общій, и притомъ не фактической только, а юридической вопросъ: виновенъ ли подсудимый въ совершеніи такого-то убійства, такого-то воровства, или вообще какого бы то ни было другого преступленія, со всѣми обстоятельствами изложенными въ сокращенномъ повтореніи обвинительнаго акта. Присяжные должны, слѣдовательно, отвѣчать не на то, совершилъ ли подсудимый извѣстныя дѣйствія, а на то, совершилъ ли онъ извѣстное преступленіе и въ томъ видѣ, какъ оно обозначено въ обвинительномъ актѣ. А для этого имъ необходимо обсудить, заключаютъ ли дѣйствія подсудимаго всѣ требуемые закономъ признаки для состава того преступленія, въ которомъ онъ обвиняется. Такое толкованіе ст. 337 прямо вытекаетъ изъ буквального ея смысла; но французскіе юристы большею частію отвергаютъ его, и въ самомъ кодексѣ Наполеона находятъ, напротивъ, подтвержденіе своему мнѣнію. Они говорятъ:

1) Означенное толкованіе совершенно противно прежнему законодательству: изъ преній государственнаго совѣта о

Наполеоновомъ кодексѣ вовсе не видно, чтобъ у законодателя было намѣреніе идти такъ далеко относительно участія присяжныхъ въ дѣлѣ суда.

2) Ст. 342 Наполеонова кодекса прямо отстраняетъ присяжныхъ отъ рѣшенія вопроса объ отношеніи дѣйствій обвиняемаго къ закону. Въ этой статьѣ говорится о напомнаніи, которое старшій присяжный долженъ дѣлать своимъ товарищамъ въ камерѣ совѣщанія. Она оканчивается словами: *присяжные должны обращать вниманіе только на факты, лежащіе въ основаніи обвиненія и зависящіе отъ него.* Они не исполнили бы своей обязанности, еслибы, думая объ уголовныхъ законахъ, стали принимать въ соображеніе тѣ послѣдствія, которыя приговоръ ихъ можетъ имѣть для подсудимаго. Ихъ обязанность не есть ни судебное преслѣдованіе, ни наказаніе преступленія; но они призваны для того чтобы рѣшить вопросъ, виновенъ ли подсудимый въ преступленіи, въ которомъ его обвиняютъ.

3) Въ ст. 364 сказано: судъ оправдываетъ подсудимаго, если дѣйствіе, въ которомъ онъ обвиняется, не запрещено никакимъ закономъ.

Наконецъ, 4) если принять означенное толкованіе ст. 337, то приговоръ присяжныхъ перейдетъ въ юридическій и потребуетъ юридическаго образованія, которое однакоже не считается необходимымъ для присяжныхъ.

Но, вѣдь, именно и требуется доказать, что присяжные не должны произносить такого юридическаго приговора. Приведенными статьями кодекса право это у нихъ вовсе не отнимается, а закономъ 1832 г., которымъ французскимъ присяжнымъ дозволено присоединять къ приговорамъ оговорку, что въ дѣлѣ находятся смягчающія обстоятельства, оно даже прямо утверждено за ними. Такимъ образомъ:

1) Въ концѣ 342 ст., очевидно, повторяется то же самое, что сказано въ ст. 337. Если же въ началѣ ея присяжнымъ вмѣняется въ обязанность, чтобъ они, при постановленіи уголовныхъ приговоровъ, не думали о ихъ законныхъ послѣдствіяхъ, то это значитъ только то, что при обсужденіи вопроса, виновенъ ли подсудимый въ преступленіи, въ которомъ его обвиняютъ, присяжные должны брать во вниманіе лишь положеніе дѣла и силу доказательствъ, и не должны давать отрицательный отвѣтъ на вопросъ, потому только что

отвѣтъ утвердительный могъ бы навлечь на подсудимаго слишкомъ тяжкое наказаніе.

2) Статья же 364 относится лишь къ тому случаю, когда присяжные по ошибкѣ признали бы преступленіе тамъ, гдѣ его нѣтъ.

3) Наконецъ, если прежде еще можно было сомнѣваться въ томъ, имѣютъ ли право присяжные рѣшать вопросъ и о нарушеніи закона, то съ 1835 года всякое сомнѣніе относительно этого уже совершенно неумѣстно. Изрекая, что въ дѣлѣ есть смягчающія обстоятельства, французскіе присяжные тѣмъ самымъ высказываютъ, что обыкновенное наказаніе не приложимо въ данномъ случаѣ. А чтобы сказать это, необходимо сравнить данный случай съ закономъ, и слѣдовательно обсудить его юридическое свойство.

Во Франціи признаніе подсудимаго не имѣетъ никакого вліянія на ходъ уголовного процесса. Онъ производится совершенно одинаковымъ образомъ, какъ тогда когда подсудимый сознается въ преступленіи, такъ и тогда когда онъ заперается въ немъ. Пренія, приведеніе доказательствъ въ пользу и противъ обвиняемаго происходятъ въ первомъ случаѣ точно такъ же, какъ и во второмъ. Конціи съ обвинительнаго акта французскіе присяжные не получаютъ. Задача ихъ не состоитъ въ томъ, чтобы вообще утверждать или отрицать содержаніе обвинительныхъ актовъ, какъ это требуется отъ англійскихъ присяжныхъ. Къ этому французскіе присяжные считаются неспособными. Предполагается, что они, какъ люди простые, не свѣдущіе въ правѣ и неопытные въ дѣлѣ суда, имѣютъ нужду въ руководствѣ и могутъ отвѣчать удовлетворительно лишь на отдѣльные вопросы. Президенты, на которыхъ вообще лежитъ обязанность заботиться о правильномъ рѣшеніи дѣлъ, должны руководить присяжныхъ, ставить и предлагать имъ нужные вопросы.

По закону, французскіе присяжные должны рѣшать собственно только два вопроса: во первыхъ, тотъ главный и общій, о которомъ мы говорили выше, и во вторыхъ вопросъ о смягчающихъ обстоятельствахъ. Только, въ случаѣ если изъ преній открываются отягчающія обстоятельства, или если подсудимый во время ихъ приводитъ въ свою пользу какое-либо допускаемое закономъ извиняющее обстоятельство, или же, наконецъ, если онъ малолѣтний, то о каждомъ изъ этихъ обстоятельствъ, а въ послѣднемъ случаѣ и о виновности

дѣйствія обвиняемому, присяжнымъ должны быть предложены также особенные вопросы. Но на практикѣ и самый первый и главный вопросъ обыкновенно разлагается на отдѣльные вопросы. Толкуя кодексъ Наполеона по своему, французскіе практическіе юристы утверждаютъ, что въ немъ не предписывается рѣшительно ставить этотъ вопросъ присяжнымъ, и такъ какъ рѣшеніе его въ томъ видѣ, какъ онъ обозначается въ кодексѣ, по ихъ мнѣнію превышаетъ силы присяжныхъ, то, чтобы съ большею ясностію специфировать отдѣльные моменты преступленія, они о каждомъ изъ нихъ предлагаютъ присяжнымъ отдѣльные вопросы. Въ особенности же означенный вопросъ долженъ быть разлагаетъ на многіе вопросы въ томъ случаѣ, когда въ обвинительномъ актѣ совокуплены различные преступники или многія преступленія, или же когда онъ составленъ въ двоякомъ смыслѣ, то-есть не содержитъ въ себѣ рѣшительнаго обвиненія въ одномъ какомъ-либо преступленіи, а нерѣшительно обвиняетъ въ томъ или другомъ, напримеръ въ совершеніи или покушеніи. Возможно бѣльшая несложность и раздѣльность есть необходимое условіе вообще всѣхъ вопросовъ, предлагаемыхъ присяжнымъ. Но кромѣ того требуется, чтобы они не содержали въ себѣ никакихъ юридическихъ понятій и терминовъ, такъ чтобы присяжные всегда давали отвѣтъ только о фактахъ, въ которые должны быть обращаемы всѣ юридическіе вопросы. По закону, одинъ только президентъ имѣетъ право предлагать вопросы присяжнымъ, но на практикѣ это дозволяется и прокурорамъ; адвокатамъ и присяжнымъ позволено дѣлать насчетъ этихъ вопросовъ замѣчанія и предложенія, и если притомъ возникаетъ споръ, то онъ рѣшается кассационнымъ судомъ.

Сравнивая французскую систему съ англійскою, Миттермайеръ весьма справедливо замѣчаетъ, что первая чрезвычайно затрудняетъ присяжнымъ совѣщаніе, а слѣдовательно и правильное рѣшеніе дѣла; допускаетъ слишкомъ большое вліяніе со стороны президента на рѣшеніе дѣла, и неизбѣжно ведетъ къ непрестаннымъ спорамъ и кассациямъ приговоровъ.

Имѣя обязанность рѣшать только одинъ общій вопросъ, англійскіе присяжные въ продолженіе преній естественно сосредоточиваютъ все свое вниманіе на одномъ пунктѣ, вслѣдствіе чего въ это время рѣшеніе дѣла само собой формируется въ ихъ умѣ, такъ что, по окончаніи преній, имъ остается

только выразить его въ словахъ. Вотъ почему англійскіе присяжные почти никогда не выходятъ изъ залы присутствія для совѣщанія, а только встаютъ съ своихъ мѣсть, чтобъ развѣяться между собой нѣсколькими словами; когда же удаляются въ камеру совѣщанія, то по большей части остаются тамъ самое непродолжительное время. А между тѣмъ отъ нихъ требуется единогласное рѣшеніе дѣлъ. Англійскимъ присяжнымъ отысканіе справедливыхъ приговоровъ не мало; впрочемъ, облегчается тѣмъ, что въ Англии и въ обвинительныхъ актахъ, и во время преній стараются избѣгать всего не идущаго прямо къ дѣлу, вслѣдствіе чего они получаютъ такое ясное представленіе о немъ, что часто не имѣютъ и нужды ни въ какомъ дальнѣйшемъ наставленіи судьи, кромѣ того, которое получаютъ отъ него во время преній. Напротивъ, французскіе присяжные, какъ мы видѣли, не получаютъ обвинительныхъ актовъ, да они и не принесли бы имъ существенной пользы. Какъ произведеніе прокурора, слѣдовательно партіи, французскій обвинительный актъ содержитъ въ себѣ не краткое и вполне точное изложеніе дѣла, какъ въ Англии, а обыкновенно болѣе или менѣе грозное нападеніе на подсудимаго, и имѣетъ своею единственною цѣлю представить его поступокъ въ сколь можно болѣе неблагопріятномъ свѣтѣ. Отсюда во французскомъ обвинительномъ актѣ съ особенною подробностію развивается лишь то, что можетъ служить къ этой цѣли, и цѣлыя страницы его наполняются описаніями дурнаго характера подсудимаго и разказами изъ его прежней жизни, которые вовсе нейдутъ къ дѣлу, но изъ которыхъ однакоже дѣлаются часто самые смѣлые выводы. На пристрастный актъ обвинителя точно также пристрастно отвѣчаетъ и защитникъ обвиняемаго. Первый представляетъ подсудимаго отъявленнымъ злодѣемъ, способнымъ отъ рожденія на всякое преступленіе, а второй выдаетъ его за непорочнаго агнца, лишь силою обстоятельствъ вовлеченнаго въ преступленіе. Присяжные не знаютъ кому и чему вѣрить, и не имѣя никакого предварительнаго знакомства съ дѣломъ, не имѣя для рѣшенія опредѣленной задачи, которая могла бы служить для нихъ путеводною нитью при преніяхъ, весьма нерѣдко выходятъ изъ залы засѣданія въ совѣщательную камеру, вовсе не составивъ себѣ никакого опредѣленнаго мнѣнія о томъ, о чемъ хотятъ совѣщаться. Отъ этого совѣщанія ихъ, несмотря на то что они даютъ рѣшенія

только по большинству голосовъ, по большей части продолжаются чрезвычайно долго. Французскимъ присяжнымъ нужно, впрочемъ, не мало времени для соглашенія и потому что они должны иногда рѣшить цѣлую массу вопросовъ. Въ одномъ дѣлѣ, напримѣръ, имъ было предложено болѣе 300 вопросовъ. Отправляясь на такую трудную работу, французскіе присяжные не получаютъ никакого наставленія отъ президентовъ, которые въ своихъ *резюме* (*résumés*) только кратко излагаютъ содержаніе преній, большую частію въ томъ же порядкѣ какъ они происходили, но обыкновенно съ явнымъ предрасположеніемъ въ пользу обвиненія.

Точно въ томъ же духѣ составляются президентами и вопросы для присяжныхъ. Являясь сторонниками обвиненія, президенты естественно желаютъ получить отъ присяжныхъ обвинительный приговоръ, и къ этому именно и направляютъ ихъ посредствомъ вопросовъ. Они требуютъ отъ нихъ отвѣтовъ главнымъ образомъ по такимъ обстоятельствамъ, которыя или прямо служатъ къ обвиненію подсудимыхъ, или же могутъ быть перетолкованы во вредъ имъ, что, при чисто фактическомъ поставленіи вопросовъ, чрезвычайно легко. Присяжныхъ спрашиваютъ о такихъ обстоятельствахъ, которыя хотя и направлены противъ подсудимаго, но прямо не говорятъ ничего ни во вредъ, ни въ пользу его, и присяжные, ничего не подозревая, утверждаютъ ихъ; судъ выводитъ изъ ихъ отвѣта заключенія и приговариваетъ обвиняемаго къ наказанію за преступленіе, въ которомъ присяжные его вовсе не обвиняли. Такимъ образомъ судъ по преступленіямъ переходитъ въ руки судей, а присяжные служатъ для нихъ только ширмами. Лишь англійскіе присяжные, и другіе имѣющіе подобное имъ значеніе, являются настоящими судьями. При англійской системѣ присяжный всегда знаетъ, что ему должно рѣшить не то, виновенъ ли подсудимый вообще въ такомъ-то дѣйстви, но виновенъ ли онъ въ убійствѣ, разбоѣ, воровствѣ; онъ даетъ рѣшеніе по всему вопросу о виновности какъ вполне самостоятельный, ничѣмъ не стѣсняемый и единственно компетентный судья.

При англійской системѣ совершенно невозможны, наконецъ, и тѣ безчисленные споры о поставленіи вопросовъ присяжнымъ, къ которымъ, напротивъ, необходимо ведетъ французская система; невозможны, слѣдовательно, и жалобы

на приговоры и кассациі ихъ по поводу этихъ споровъ. Во Франціи о поставленіи вопросовъ спорять и прокуроры, и адвокаты, и присяжные. Сомнѣнія и споры то и дѣло возникаютъ по поводу такъ-называемыхъ сложныхъ вопросовъ, которые въ однихъ случаяхъ дозволяются, а въ другихъ, напротивъ, запрещаются; но когда именно они дозволяются и когда вѣтъ, это толкуется практическими юристами весьма различно. Кромѣ того, поводомъ къ спорамъ, весьма жаркимъ и неблагоприятнымъ, служатъ нерѣдко и такъ-называемые запасные вопросы, которые предлагаются на случай, когда есть опасеніе, что присяжные отвергнутъ обвиненіе въ томъ видѣ, какъ оно сдѣлано въ обвинительномъ актѣ. Обвиненіе относится, напримѣръ, къ злонамѣренному убійству, но прокуроръ опасается, что присяжные отвергнутъ его и вслѣдствіе этого настаиваетъ, чтобы вопросъ былъ поставленъ такъ: виновенъ ли подсудимый въ злонамѣренномъ убійствѣ, или не причинилъ ли онъ смерть по неосторожности. При такомъ поставленіи вопроса онъ надѣется, что, по крайней мѣрѣ, на второй вопросъ присяжные дадутъ утвердительный отвѣтъ. Но этому противится защитникъ подсудимаго, который именно на то и разчитываетъ, что если присяжнымъ не останется никакаго другаго выбора, какъ или обвинить его кліента въ злонамѣренномъ убійствѣ или признать невиннымъ, то они скорѣе рѣшатся на первое чѣмъ на послѣднее. Наконецъ, и самыя выраженія, въ которыхъ предлагаются вопросы, вызываютъ довольно часто болѣе или менѣе продолжительныя и горячіе споры. Эти выраженія должны быть общеупотребительныя, и ни въ какомъ случаѣ не юридическія. Но какое выраженіе общеупотребительное и какое юридическое, — рѣшить это окончательно никому еще не удалось. Сверхъ того, и самыя общеупотребительныя выраженія однимъ кажутся ясными и точными, а другимъ, напротивъ, темными и неопредѣленными: отъ этого и самый вопросъ представляется непонятнымъ и сбивчивымъ. Споры ведутъ къ жалобамъ, а жалобы оканчиваются кассацией приговора; и это случается довольно часто.

Но это еще не все. Французская система необходимо ведетъ къ противорѣчіямъ, потому что она не даетъ никакого твердаго основанія для разграниченія вопросовъ фактическихъ съ юридическими. По французской теоріи, присяжные отстраняются отъ рѣшенія юридическихъ вопросовъ,

потому что въ нихъ не предполагается нужныхъ для этого свѣдѣній. Но въ уголовномъ правѣ встрѣчаются и многіе другіе вопросы, для рѣшенія которыхъ требуются также особенныя свѣдѣнія, которыхъ не предполагается и въ судьяхъ, какъ напр. медицинскія. Кто же долженъ рѣшать эти вопросы? По французской теоріи тутъ одинаково не компетентны и присяжные, и судьи; поступаая послѣдовательно, рѣшеніе означенныхъ вопросовъ должно было бы предоставлять только врачамъ. Но и во Франціи отъ врачей требуется только мнѣніе, какъ слѣдуетъ судить о спорномъ вопросѣ по правиламъ медицины; самое же рѣшеніе его примѣнительно къ тому случаю, въ которомъ онъ встрѣтился, предоставляется присяжнымъ. То же самое дѣлается и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда въ дѣлѣ встрѣчаются вопросы, которыхъ рѣшеніе требуетъ какихъ-либо особенныхъ свѣдѣній, какъ напримѣръ, въ случаѣ поджигательства, воровства, подлога въ актахъ и проч. Во всѣхъ этихъ случаяхъ эксперты подають только мнѣнія, а рѣшеніе дѣла, и слѣдовательно рѣшеніе всѣхъ соприкосновенныхъ съ нимъ вопросовъ, принадлежитъ или судьямъ, если они даютъ судъ одни, или же присяжнымъ. Почему же одни только юридическіе вопросы должны составлять исключеніе изъ общаго порядка? Если присяжные не считаются неспособными къ рѣшенію всѣхъ другихъ вопросовъ, какія бы свѣдѣнія они ни предполагали, то почему же они не могутъ рѣшать и вопросы юридическіе? Или послѣдніе труднѣе и недоступнѣе для пониманія присяжныхъ, чѣмъ всѣ другіе? И здѣсь дѣло идетъ въ Англіи правильно. Присяжные не имѣють юридическихъ свѣдѣній, а судьи имѣють ихъ; судьи и должны объяснять присяжнымъ всѣ юридическіе вопросы, которые встрѣчаются въ уголовныхъ дѣлахъ, точно также какъ это дѣлають эксперты относительно всѣхъ другихъ вопросовъ; рѣшать же все дѣло должны всегда только присяжные. Но во Франціи желаютъ лучше быть непослѣдовательными, бороться съ непреодолимыми трудностями, осквернять дѣло правосудія не только соблазнительными, но и крайне возмутительными спорами, и изъ-за нихъ, безъ всякой существенной нужды и пользы, провлакивать уголовныя дѣла, чѣмъ передать уголовно-судебную власть присяжнымъ, признавъ ихъ настоящими судьями. Присяжнымъ и безъ того немного дѣла во Франціи вслѣдствіе разжалованія многихъ преступленій въ проступки.

Противъ французской системы много было говорено и въ прусскихъ камерахъ. Пренія окончились однакоже тѣмъ, что она была принята и въ Пруссіи, точно также какъ и во всѣхъ другихъ германскихъ владѣніяхъ, за исключеніемъ лишь Брауншвейга и Баваріи. Но и въ Германіи, несмотря на нѣкоторыя измѣненія, система эта въ самое короткое время вездѣ породила тѣ же самыя явленія и возбудила противъ себя такое же общее неудовольствіе, какъ и во Франціи. Иначе и быть не могло. Недостатки французской системы заключаются, какъ мы видѣли, не въ какихъ-либо частностяхъ, а въ самомъ принципѣ ея, и потому они никакъ не могутъ быть устранены чрезъ измѣненіе лишь однѣхъ частей.

Чтобы послѣдовательно держаться французской системы, и въ германскихъ владѣніяхъ часто предлагаютъ присяжнымъ самыя странные вопросы. Если же, несмотря на всѣ усилія, никакъ не могутъ изгнать изъ нихъ юридическихъ понятій или терминовъ, то также прибѣгаютъ къ описаніямъ, но и сюда опять весьма нерѣдко вносятъ такія выраженія, относительно которыхъ юристы никакъ не могутъ согласиться между собой, юридическія они или не юридическія.

Въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ даже къ тому, что одинъ и тотъ же вопросъ должны рѣшать сперва присяжные, а потомъ, когда они дадутъ на него утвердительный отвѣтъ, судьи, и если эти послѣдніе рѣшаютъ его отрицательно, присяжнымъ предлагаютъ о томъ же второй вопросъ.

Все это однакоже нисколько не облегчаетъ присяжнымъ выполненіе ихъ обязанности. Напротивъ, замѣчено, что когда вопросы предлагаются имъ въ выраженіяхъ, употребляемыхъ въ законѣ, то они гораздо скорѣе и правильнѣе рѣшаютъ дѣла. Въ Брауншвейгѣ и Баваріи самимъ закономъ дозволено вносить въ вопросы, предлагаемые присяжнымъ, юридическія выраженія, и нигдѣ, во всей Германіи, жалобы на несправедливость приговоровъ и затруднительность совѣщанія для присяжныхъ, не бываютъ такъ рѣдки, какъ въ этихъ двухъ странахъ.

Наконецъ, какъ на особенно поразительную несообразность во французской вопросной системѣ, германскіе ученые законовѣды указываютъ еще на то, что здѣсь суду предоставляется рѣшать, какое изъ выраженій закона общедоступно, и какое нѣтъ, тогда какъ законодатель, внося ихъ въ

законы, издаваемые для всеобщаго употребленія, тѣмъ самымъ уже даетъ разумѣть, что онъ считаетъ эти выраженія общедоступными. Съ принятіемъ англійской системы всѣ означенныя трудности и несообразности устраняются совершенно. Необходимо только, чтобы присяжные не стояли, какъ во Франціи, особнякомъ, но составляли, какъ въ Англіи, со всѣми лицами участвующими въ процессѣ одно гармоническое цѣлое, котораго части взаимно дополняютъ другъ друга. Необходимо, слѣдовательно, чтобы не только судьи, но и прокуроры и адвокаты помогали присяжнымъ своими знаніями и опытностію вездѣ, гдѣ безъ нихъ нельзя обойтись, точно также какъ присяжные, въ свою очередь, должны служить общему дѣлу своимъ житейскимъ смысломъ. При согласномъ дѣйствованіи, и простые люди никогда не затруднятся въ отысканіи справедливаго приговора, хотя бы для этого нужно было рѣшить не одинъ юридическій вопросъ. Въ Англіи почти не бываетъ такихъ случаевъ, въ которыхъ бы присяжные становились въ тупикъ, отъ того только что имъ надобно рѣшить какой-либо юридическій вопросъ; напротивъ, они почти всегда съ такою скоростію отыскиваютъ справедливые приговоры, что приводятъ въ изумленіе иностранцевъ.

Такимъ образомъ то, чтò во Франціи и другихъ государствахъ не достигается помощію самой тяжкой опеки надъ присяжными, въ Англіи приходитъ само собой, безъ всякаго труда, вслѣдствіе только согласнаго дѣйствованія присяжныхъ и всѣхъ лицъ, участвующихъ въ процессѣ. *Concordia parvae res crescunt, discordia magnae dilabuntur.*

С. БАРИШЕВЪ.

О ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЯХЪ¹

ПО ПОВОДУ ПРЕДПОЛАГАЕМЫХЪ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ.

Аще заѣ гааголахъ, свидѣтельствуй о заѣ:
аще ли добръ, что мя біешу?.

Іо. XVIII. 23.

Духовно-училищное начальство уже давно озабочено вопросомъ объ улучшеніи подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній, въ которыхъ воспитывается болѣе 54 тысячъ дѣтей. Еще въ 1859 году оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода циркулярнымъ отношеніемъ просилъ епархіальныхъ начальниковъ сообщить ему свои замѣчанія о необходимыхъ улучшенияхъ по духовнымъ семинаріямъ и училищамъ (не знаемъ, касалось ли это распоряженіе духовныхъ академій). Епархіальные начальники и сами отъ себя представили

¹ Хотя эта статья имѣетъ болѣе отрицательный чѣмъ положительный характеръ, однако она вводитъ насъ въ міръ дѣйствительныхъ отношеній, которыя необходимо имѣть въ виду, приступая къ преобразованиямъ. Авторъ этой статьи, по своей многолѣтней связи съ духовными заведеніями, можетъ по праву явиться истолкователемъ тѣхъ стремленій, желаній, ампатій, даже пристрастій, какія дѣйствуютъ въ этомъ отдѣльномъ мірѣ. Преобладаніе монашескаго элемента, вызывающее противъ себя открытое, но глубокое, противодѣйствіе, которымъ объясняется и это ревливое желаніе всевозможныхъ гарантій противъ произвола начальнической власти, и эта боязнь мѣстаго управленія,

разныя замѣчанія и соображенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ требовали ихъ отъ начальниковъ семинарій; послѣдніе спрашивали о томъ же предметѣ подчиненныхъ имъ наставниковъ и начальниковъ низшихъ училищъ. Впрочемъ, такъ какъ по принятымъ въ духовныхъ училищахъ обычаямъ изъ-за старшихъ не выдаются младшіе и за командирами остаются въ тѣни подчиненные, то и требуемые отзывы достигли въ Петербургъ только отъ епархіальныхъ и семинарскихъ начальниковъ. Изъ наставниковъ же, изъ огромнаго количества лицъ блага духовенства, такъ близко заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, никто, кажется, не рѣшился высказать свое мнѣніе; то же самое должно сказать о лицахъ свѣтскихъ и литературѣ. Въ журналахъ, правда, было не мало писано о неудовлетворительномъ состояніи духовныхъ училищъ, но все отрывками, иногда, какъ говорить пословица, *сквозь зубы*, иногда подъ названіемъ бурсы, захоlustья, допотопныхъ заведеній. Но и безъ этого духовно-училищное начальство получило множество болѣе и менѣе разнообразныхъ мнѣній. Всѣ они переданы были въ особый комитетъ, которому было поручено составить новый уставъ для духовно-учебныхъ заведеній.

Комитетъ подъ предсѣдательствомъ одесскаго архіепископа Димитрія, состоялъ изъ епископа Іоаннікія (ректора С.-Пе-

и этотъ взглядъ на центральное управленіе, на права государственной службы для свѣтскихъ наставниковъ, какъ на существенныя условія для огражденія судьбы подчиненныхъ, неудовлетворительное состояніе нашего блага духовенства — все это черты дѣятельности, которыя заслуживаютъ полнаго вниманія всѣхъ, кого интересуетъ важный вопросъ о духовныхъ заведеніяхъ. Но мы никакъ не думаемъ, чтобы можно было одѣлши отрицательными мѣрами искоренить то зло, которое гнѣздится въ нашихъ духовныхъ школахъ и самомъ положеніи духовенства. Задача въ томъ, чтобы, не лишая духовенство самостоятельности и инициативы въ дѣлѣ духовнаго образованія, а напротивъ еще возвышая и усиливая его дѣятельность, отнюдь не перенося духовныя школы изъ духовнаго вѣдомства въ свѣтское и не подчиняя ихъ общей кормѣ казенныхъ заведеній, освободить ихъ отъ духа касты, отъ характера исключительной сословности, въ которомъ, по нашему мнѣнію, заключается главный корень зла, вызывающаго спротивоположныя сѣтованія. Дайте учебнымъ заведеніямъ духовенства полную самостоятельность; но поставьте ихъ такъ, чтобы въ нихъ могли воспитываться дѣти не одного Левіана колѣна, но и другихъ сословій, — тогда сами собою, безъ всякихъ уставовъ, измѣнятся къ лучшему и нравы, и порядки. *Ред.*

тербургской академіи), архимандрита Платона (ректора С.-Петербургской семинаріи), протоіереевъ: Богословскаго (законоучителя Училища Правовѣднія), Дебольскаго (протоіерея Казанскаго собора), Крупнскаго (законоучителя Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ) и Полисадова (протоіерея Петропавловскаго собора), еще изъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гаевскаго и коллежскаго совѣтника Филиппова. Несмотря на разнообразный еоставъ комитета, какъ-то страннымъ кажется, почему въ немъ не было дано мѣста ни одному изъ свѣтскихъ наставниковъ духовной академіи или семинаріи. Недостатка этого нельзя объяснить тѣмъ, что преобразованиемъ духовныхъ училищъ должны заниматься только духовныя лица: вѣдь, въ комитетѣ засѣдали же и притомъ подали отдѣльныя мнѣнія гг. Гаевскій и Филипповъ. Конечно, епископъ Іоанникій и архимандритъ Платонъ, вѣроятно, принадлежать къ наставникамъ, но они собственно начальники, а не просто наставники. Всѣ четыре протоіерея служили: первый и третій въ академіи, а второй и четвертый въ семинаріи, но духовно-училищная служба ихъ была или очень кратковременна, или давно уже прекратилась. Нужны были современные наставники. Такихъ людей не трудно было найти, потому что въ петербургскихъ академіи и семинаріи есть профессеры, которые, по своей педагогической опытности, продолжительной службѣ, ученымъ трудамъ, солиднымъ лѣтамъ, общей извѣстности, могли бы съ пользою присутствовать въ комитетѣ. Г. Савваитовъ въ семинаріи служить болѣе 25 лѣтъ и не безъ причины получаетъ двойной окладъ жалованья, событіе въ духовныхъ училищахъ почти безпримѣрное. Въ академіи г. Карповъ служитъ болѣе 35, г. Долоцкій болѣе 25, г. Лучицкій около 25 лѣтъ, всѣ трое принадлежать къ числу заслуженныхъ и уважаемыхъ наставниковъ; молодые профессеры гг. Ловягинъ, Чистовичъ, Чельцовъ, извѣстны своими литературными трудами собственно по духовной учености.

Какъ бы то ни было, комитетъ занялся сводомъ мнѣній представленныхъ начальниками епархій и семинарій, сдѣлавъ изъ нихъ извлеченія, внесъ ихъ въ журналы своихъ засѣданій и составилъ полный уставъ для духовныхъ семинарій (мы не знаемъ, составленъ или нѣтъ уставъ для академій). Въ уставу присоединено нѣсколько прибавленій и отдѣль-

ныхъ мѣнѣй гг. Гаевского и Филиппова, которые во многихъ даже очень существенныхъ пунктахъ не согласились съ прочими членами комитета. Всѣ эти документы напечатаны и разосланы ко всѣмъ епархіальнымъ начальникамъ, которымъ вмѣнено въ обязанность составить комитеты изъ лицъ извѣстныхъ своею педагогическою опытностію для обсужденія новаго устава семинарій. Выборъ въ члены комитета, срокъ, въ который должно будетъ представить въ Петербургъ замѣчанія, отданы на волю епархіальныхъ начальниковъ. При этомъ легко можетъ случиться, что изъ мѣнѣй членовъ епархіальныхъ комитетовъ не все дойдетъ до Петербурга.

Совершенно случайное обстоятельство доставило намъ возможность прочитать всѣ выше перечисленные документы. По своему прежнему и нынѣшнему положенію въ обществѣ, мы принимаемъ сердечное участіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, съ душевнымъ удовольствіемъ слѣдимъ за улучшеніемъ ихъ, съ глубокимъ прискорбіемъ соболѣзнуемъ о ихъ недостаткахъ; и потому съ полнымъ вниманіемъ нѣсколько разъ прочитали новый уставъ семинарій и приложенные къ нему документы.

Прежде всего позвольте, читатель, подѣлиться съ вами тѣми пріятными ощущеніями, которыя мы испытывали по временамъ, читая новый уставъ семинарій. Откровенно и искренно говоримъ, что въ немъ встрѣчается не одинъ, не два, даже не нѣсколько, а очень большое количество пунктовъ, которые внушаютъ къ себѣ полное сочувствіе и доказываютъ, что члены комитета усердно старались истребить господствующіе въ нынѣшнихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ разные недостатки и злоупотребленія, ограничить произволь однихъ, поднять, такъ сказать, на ноги другихъ педагоговъ, которые уже были слишкомъ подавлены и угнетены и пр. Повторимъ: много есть такихъ пунктовъ. Укажемъ на тѣ изъ нихъ, которые показались намъ болѣе замѣчательными, или по крайней мѣрѣ остались у насъ въ памяти.

I. О томъ, какъ новый уставъ семинарій рекомендуетъ обращаться наставникамъ съ воспитанниками, а начальникамъ не только съ воспитанниками, но и съ наставниками.

Давно уже печатно и на словахъ не одобряютъ духовныхъ училищъ за то, что въ нихъ воспитанники страдаютъ отъ грубаго, иногда жестокаго, большею частію недружелюбнаго и почти всегда гордаго обращенія съ ними наставниковъ, особенно начальниковъ. Далѣе, сами наставники не могутъ похвалиться, чтобъ и къ нимъ были привѣтливы начальники, изъ которыхъ многіе въ разговорѣ съ подчиненными слѣдуютъ обычаю древнихъ Римлянъ, говорившихъ всѣмъ ты и только про себя выражавшихся во множественномъ числѣ; кліентамъ этихъ русскихъ Римлянъ случается при ученикахъ, даже на публичныхъ экзаменахъ, слушать слова: *Экой ты дуракъ! Что ты несешь такую ахинею!* и прочія тому подобныя любезности. Наконецъ, отъ подобныхъ комплиментовъ не освобождены и начальники; имъ вмѣстѣ съ подчиненными, а еще чаще гдѣ либо наединѣ, приходится слушать не очень пріятныя привѣтствія, распространяться на полу въ знакъ своего уваженія къ особѣ начальника и пр. Все это есть и всѣмъ извѣстно. Самы начальники (конечно, не всѣ) епархій и семинарій, какъ видно изъ журналовъ комитета, выразили въ общихъ чертахъ, безъ особыхъ подробностей, высказанныя нами мысли. Комитетъ рѣшился хоть отчасти защитить уставомъ будущихъ воспитанниковъ, наставниковъ и даже начальниковъ отъ суроваго и грубаго обращенія, и постановилъ правило, что епархіальные начальники и ректоры семинарій не должны дѣлать при ученикахъ выговоры наставникамъ. Повѣрьте, это прогрессъ замѣчательный въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Желательно еще чтобы начальники перваго и втораго разряда не *тыкали* тѣмъ людямъ, которые по сану, своимъ должностямъ, лѣтамъ и пр. давно уже заслужили *вы*. Напрасно также не вмѣнено въ обязанность

начальникамъ, чтобъ они запретили своимъ подчиненнымъ дѣлать предъ ними не только земные, но даже и болѣе нежездные поклоны. Но пока, можетъ-быть, довольно и того что сказано въ уставѣ; не все вдругъ.

Новый уставъ, семинарій очень снисходителенъ и къ ученикамъ. Учителямъ предписывается быть вѣжливыми и ласковыми въ классахъ, и не употреблять никакихъ наказаній, кромѣ выговоровъ и замѣчаній, а въ случаѣ ихъ недѣйствительности докладывать инспектору и ректору. А въ одномъ изъ параграфовъ прямо постановлено увольнять учителей отъ должности за грубое, жестокое и оскорбительно-несправедливое обращеніе съ учениками. Самъ инспекторъ и само правленіе семинаріи ограничены въ наказаніяхъ. Но здѣсь нельзя не сдѣлать одного замѣчанія, что новый уставъ напрасно дозволилъ оставлять мальчиковъ безъ обѣда и безъ ужина. Нѣтъ, дѣтямъ непременно надобно быть сытыми, непременно нужно ужинать и обѣдать; оставлять ихъ за проступки безъ обѣда и ужина никакъ не слѣдуетъ. Никакъ тоже не одобряемъ такого крѣпкаго заключенія въ карцеръ, въ которомъ, по уставу, заключенный лишается всѣхъ книгъ и способовъ къ письму и упражненію, и изрѣдка посвящается инспекторомъ или духовникомъ. Не надобно забывать, что карцеръ назначается для дѣтей съ 9 или 10 лѣтъ.

Особенно же относительно обращенія съ учениками не мало дано очень хорошихъ совѣтовъ комнатному надзирателю. Сказано, напримѣръ: *надзиратель есть старшій братъ и другъ, всегдашній руководитель и собесѣдникъ воспитанника*. Ему запрещено употреблять какія-либо наказанія; въ самыхъ выговорахъ онъ долженъ избѣгать бранчивыхъ словъ, запальчивости и проч. Совѣты истинно прекрасны! Одно только скажемъ, что и съ нимъ самимъ начальство должно быть вѣжливо. Въ самомъ дѣлѣ, естественно ли будетъ требовать отъ надзирателя, чтобъ онъ былъ другомъ и старшимъ братомъ воспитанника, когда съ нимъ самимъ стануть обращаться, какъ съ лакеемъ, какъ съ мальчикомъ, какъ съ недорослемъ, когда его стануть *тыкать*, бравить, хотя и не при ученикахъ, и потомъ поставятъ въ такое положеніе, что онъ уже и при ученикахъ найдется вынужденнымъ на дѣлѣ, какъ говорится, исполнять: *придите поклонитя и припадежъ*—только не къ Спасителю нашему, а къ которому-либо изъ начальниковъ? И,

какъ кажется, слѣдуетъ ожидать, что съ надзирателемъ дѣйствительно станутъ обращаться, какъ съ мальчикомъ.

II. О содержаніи казеннокоштныхъ учениковъ семинаріи.

Равнымъ образомъ давно уже говорятъ, что содержаніе казеннокоштныхъ учениковъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ слишкомъ недостаточно и дурно во всѣхъ отношеніяхъ. Исключеніемъ въ этомъ случаѣ могутъ служить почти всѣ академіи, немногія изъ семинарій и уже слишкомъ немногія изъ низшихъ училищъ. А о томъ, что одежда и обувь казеннокоштныхъ учениковъ крайне недостаточны, нечего и говорить; многіе изъ нихъ безъ пособія со стороны отцовъ и родственниковъ ходили бы и ходятъ въ рубищахъ и босыми. Причины всѣхъ этихъ недостатковъ приписываются разнымъ обстоятельствамъ. Старый уставъ не очень щедръ по части содержанія учениковъ. Даже въ академіяхъ охъ приказываетъ обѣду и ужину состоять только изъ двухъ блюдъ, а завтраку изъ чернаго хлѣба; на основаніи росписанія одежды, ученикамъ семинарій и училищъ не даютъ очень нужныхъ вещей, или даютъ на такіе сроки, къ концу, даже въ половинѣ которыхъ, при самомъ бережливомъ употребленіи, не остается подобія формы или идеи одежды. Другую причину ищутъ въ недостаточномъ окладѣ; на примѣръ, есть семинаріи и училища, гдѣ полагается на годичное содержаніе учениковъ: въ первыхъ 32 руб., а во вторыхъ 20 руб. Все это правда; но нельзя не сказать, что кромѣ этихъ обихъ официальныхъ причинъ есть еще и другія. На примѣръ, никому изъ начальниковъ духовно-учебныхъ заведеній не положено казенной прислуги, не дозволено пользоваться съѣстными припасами, покупаемыми на деньги назначенныя на содержаніе учениковъ. А между тѣмъ въ рѣдкой семинаріи у членовъ правленія прислуга не казенная; она не только кормится ученической пищею, но и получаетъ даже жалованье не отъ господъ или хозяевъ, которымъ непосредственно служить. Въ рѣдкой также семинаріи или училищѣ кто-либо изъ властей не пользуется хлѣбомъ, крупкою, масломъ, свѣчами и проч., даже овсомъ и сѣномъ для своихъ лошадей, съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что запасы

для этого заготавливаются лучшіе, напримеръ, свѣчи покупаются стеариновыя. Одинъ изъ начальниковъ, даже умѣлъ уэкономить у себя нѣсколько пудовъ, которые наши у него въ комнатѣ послѣ его отъѣзда. Въ 1862 году, хозяйственное управленіе при святѣйшемъ синодѣ разослало ко всѣмъ академическимъ правленіямъ вѣдомость, въ которой показано, сколько въ подвѣдомственныхъ имъ семинаріяхъ истрачено въ 1857 году на каждаго отдѣльно ученика муки, крупы, рыбы, говядины, масла скоромнаго и постнаго. Мы имѣли случай видѣть и даже изъ любопытства списать такую вѣдомость относительно восьми семинарій одного духовно-учебнаго округа. Приводимъ наименьшее и наибольшее количество траты перечисленныхъ свѣстныхъ запасовъ; именно употреблено:

муки ржаной	11 пуд. 16 ³ / ₄ ф.	19 пуд. 11 ³ / ₄ ф.
крупъ гречневыхъ, овсяныхъ и ячмыхъ	1 ³ / ₈ четверика	4 четверика.
рыбы	2 фун.	10 ¹ / ₂ ф.
говядины, телятины и баранины	2 пуд. 6 ¹ / ₂ ф.	2 пуд. 30 ¹ / ₂ ф.
масла скоромнаго	5 ¹ / ₈ ф.	13 фун.
— постнаго	6 ³ / ₄ ф.	25 ³ / ₈ ф.

Для настоящей оцѣнки этой таблицы нужно замѣтить, что ученики семинаріи пользуются казеннокоштнымъ содержаніемъ не болѣе девяти мѣсяцевъ, такъ какъ они въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ не живутъ въ семинаріи, именно въ іюлѣ и въ августѣ, во время отпусковъ на святки, масленицу съ первою недѣлей великаго поста, и на пасху съ страстною недѣлей и почти половиною шестой; и что изъ пуда ржаной муки получается печенаго хлѣба одинъ пудъ и отъ 15 до 20 фунтовъ. Какимъ же образомъ предположить благоразумную, чуждую всякаго упрека, экономію тамъ, гдѣ въ девять мѣсяцевъ истрачивается на ученика 19 пуд. 11³/₄ ф. ржаной муки, или слишкомъ 26 пуд. печенаго хлѣба, то-есть, почти по четыре фунта въ день; вѣдь, даже поденщикъ, питающійся чуть не однимъ хлѣбомъ, не съѣсть того что съѣдаетъ мальчикъ, которому готовится щи съ говядиной и каша съ масломъ? Если желудки учениковъ какой-либо семинаріи такъ вмѣстительны, то почему воспитанники другой семинаріи, при одинаковомъ возрастѣ съ первыми, при одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ, съѣдаютъ въ то же время 11 пуд. 16³/₄ ф. муки, или немного болѣе 15¹/₂ п.

хлѣба, то-есть около $2\frac{1}{2}$ фунта въ сутки. О рыбѣ и говядинѣ нечего говорить, такъ какъ разность въ нихъ могла произойти отъ того что въ одномъ мѣствѣ отпускали ихъ больше нежели въ другомъ. Другое дѣло крупа, постное и скоромное масло. Напримѣръ, отчего въ одной семинаріи ученику выходить на кашу $1\frac{3}{4}$, а въ другой 4 четверика, больше чѣмъ вдвое; масла скоромнаго въ одной $5\frac{1}{8}$ ф., а въ другой 13 ф., чуть не въ два съ половиною раза болѣе, наконецъ постнаго, въ одной $6\frac{3}{4}$ ф., а въ другой $25\frac{3}{8}$ ф., чуть не вчетверо болѣе. Нѣтъ, какъ угодно, а тутъ одними недосмотрами, однимъ неуваженіемъ вести экономію, всего объяснить никакъ нельзя.

Новый уставъ предполагаетъ сумму, назначаемую на содержаніе каждаго воспитанника семинаріи, возвысить даже за 100 руб., а вмѣствѣ съ тѣмъ увеличить также оклады на содержаніе дома и больницы¹; послѣднее обстоятельство тѣмъ важно для учениковъ, что нынѣ на эти статьи отдѣляются деньги изъ ничтожной суммы, назначенной на ихъ содержаніе.

По новому положенію обѣдъ долженъ состоять изъ трехъ, уживъ — изъ двухъ блюдъ, а въ праздники какъ за обѣдомъ, такъ и за ужиномъ, прибавляется еще по одному блюду. На завтракъ, назначаемый въ 10 ч. утра, полагается бѣлый хлѣбъ съ молокомъ въ скоромные дни, а въ постные назначается даже чай! Признаемся, читая эти пункты и зная какъ содержатся нынѣ духовные воспитанники, какой аскетическій взглядъ имѣютъ на этотъ предметъ многіе начальники, мы сначала не повѣрили своимъ глазамъ. Намъ казалось невѣроятнымъ такое улучшеніе пици! Отъ имени будущихъ воспитанниковъ семинаріи, ихъ отцовъ и матерей, благодаримъ васъ, гг. члены комитета.

Далѣе, предполагается выдавать ежегодно ученику лѣтній сюртукъ, брюки и жилетъ изъ нанки или другой какой-либо матеріи, три пары бѣлья, четыре пары носковъ, двѣ косынки, подтяжки, лѣтнюю фуражку, перчатки, три пары сапогъ, два носовыхъ платка.

На два года: суконные сюртукъ, брюки, жилетъ и фуражку (теплую).

¹ Не припоминаемъ впрочемъ, въ самомъ ли уставѣ, или въ журналахъ заведеній комитета объ этомъ говорится.

На три года: суконную шинель на фланели, а въ сѣверныхъ губерніяхъ тулупы.

Члены комитета поняли, что босоногій оборванецъ, покрытый лохмотьями, въ засаленномъ халатикѣ, не есть привилегированный кандидатъ на священно- и церковно-служительскія мѣста, что можно стать отличнымъ священникомъ, ходивши въ дѣтствѣ въ панталонахъ, суконномъ сюртукѣ, шинели и пр.

Замѣтимъ, что, кажется, перчатокъ можно не давать малымъ дѣтямъ; вмѣсто шинели на фланели, не лучше ли для нихъ шить пальто на ватѣ, или тулупы получше? Напрасно также назначается на обувь три пары сапоговъ: мальчикъ долженъ всегда имѣть сапоги, и если ему достанетъ двухъ паръ и даже одной, то не зачѣмъ выдавать три; сапожника нужно подражать такъ чтобъ онъ обувалъ мальчиковъ, и если достанетъ двухъ паръ, это уже его выгода, тогда онъ дешевле себя законтрактуетъ. А то и при трехъ парахъ ученикъ можетъ остаться безъ обуви. Наконецъ непонятно, почему не назначено утиральниковъ?

Присоединимъ сюда еще замѣчаніе касательно того параграфа, въ которомъ сказано, что пищу и питье больные употребляютъ по назначенію лѣкаря. Этотъ пунктъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы пополнить. Всякому образованному человѣку извѣстно, что во многихъ болѣзняхъ постная пища положительно вредна, что иногда супъ изъ курицы или телятины, кружка молока, нѣсколько яицъ въ смятку для больного лучше всякихъ лѣкарствъ, особенно въ періодъ выздоровленія. Между тѣмъ, въ настоящее время, бѣольшая часть начальниковъ духовныхъ училищъ ни подъ какимъ видомъ не позволяютъ въ посты употреблять скоромную пищу самому трудному больному; пусть, по ихъ мнѣнію, лучше онъ подолѣе похвораетъ, поразстроитъ свое здоровье, даже, пожалуй, умретъ, нежели оскоромится. Вотъ почему надобно было бы сказать, что, если лѣкарь найдетъ нужнымъ, то больному должно непременно, безъ всякихъ оговорокъ и отговорокъ, давать скоромную пищу во всѣ посты.

III. О производствѣ экзаменовъ и составленіи разрядныхъ списковъ въ семинаріяхъ.

До настоящаго времени въ духовныхъ семинаріяхъ и въ большей части низшихъ училищъ производство экзаменовъ, переводъ учениковъ изъ одного класса въ другой, приемъ, исключеніе и выпускъ ихъ, составленіе разрядныхъ списковъ, отмѣтка успѣховъ и поведенія въ аттестатахъ и свидѣтельствахъ, назначеніе воспитанниковъ въ академію, все это предоставлено было правленію семинаріи или начальству училищъ. Первое, конечно, состоитъ изъ трехъ членовъ, а послѣднее изъ смотрителя и инспектора, которые притомъ на разрядныхъ спискахъ должны представлять подписи учителей, но въ существѣ дѣла, на практикѣ, все зависитъ отъ ректоровъ или смотрителей; они, особенно первые, всегда были полными, безотчетными распорядителями по всѣмъ вышеизложеннымъ пунктамъ; они, особенно ректоры семинарій, не опасались никакого контроля, никакой протестаціи, не встрѣчали ни въ комъ сопротивленія и развѣ только по доброй волѣ иногда, какъ говорится въ народѣ, для *блезиру*, совѣтовались съ инспекторомъ и съ какимъ-нибудь наставникомъ. Наставники, конечно, по уставу, представляли списки учениковъ съ отмѣтками ихъ успѣховъ. Но ректоръ могъ на экзаменѣ и даже безъ экзамена аттестовать всякаго по своему произволенію.

Отъ такой сосредоточенной въ одномъ лицѣ, можно сказать, безграничной власти происходило множество злоупотребленій и безпорядковъ, имѣвшихъ губельное вліяніе на умственное и, разумѣется, нравственное образованіе семинаристовъ. Одному лицу ни физически, ни нравственно не возможно произвести безпристрастный и даже хоть кажущійся безпристрастнымъ экзаменъ, особенно въ многолюдныхъ семинаріяхъ или училищахъ. Сколько напримѣръ нужно времени, чтобы спросить 300—500 человекъ изъ 7—10 предметовъ и основательно оцѣнить познанія каждаго мальчика по каждой наукѣ? Присовокупите къ этому, что многіе начальники даже вовсе не знаютъ нѣкоторыхъ предметовъ

или знакомы съ ними только поверхностно; что они какъ и всѣ грѣшныя люди, имѣютъ разныя слабости, любимыя мнѣнія, любимыхъ учениковъ, предубѣжденія, страсти, разчеты и пр.; что они, особливо ректоры семинарій, бывая сами наставниками науки, которая считается главною, не всегда могутъ освободиться отъ пристрастія къ своему списку; что одному лицу трудно устоять противъ покорнѣйшихъ прошеній и настоятельныхъ требованій, противъ разныхъ акциденцій и благодарностей. Взавъ во вниманіе всѣ эти и другія обстоятельства, читатель пойметъ, отчего экзамены часто производятся самымъ пошлымъ образомъ, только для формы; отчего по нѣкоторымъ предметамъ даже вовсе ихъ не бываетъ; почему даже почти по всѣмъ наукамъ не всѣхъ учениковъ спрашиваютъ; отчего для одного экзамена соединяютъ по нѣскольку предметовъ, и изъ отвѣта ученика по одному какому-либо предмету уже составляютъ понятіе о знаніи его по другимъ предметамъ; отчего разрядные списки учениковъ семинарій и училищъ большею частію составляются неправильнымъ образомъ; почему и переводимы бываютъ изъ одного класса въ другой люди вовсе не занимавшіеся ничѣмъ; отчего иной, окончившій курсъ семинаріи, не умѣетъ хорошо читать по-гречески и грамматически правильно писать по-русски; отчего выдаваемые аттестаты и свидѣтельства воспитанникамъ должно было бы называть не копіей съ наставническихъ списковъ, или съ экзаменскихъ отвѣтовъ, а творческимъ произведеніемъ фантазіи и пера начальника семинаріи или училища; отчего въ академію нерѣдко поступаютъ люди безъ способностей и свѣдѣній. Истинную язву въ этомъ отношеніи составляютъ пѣвчіе архіерейскихъ и семинарскихъ хоровъ. Несмотря на то что они нигдѣ почти не занимаются науками, не ходятъ даже ни въ классъ, ни на экзаменъ, — ихъ все-таки переводятъ изъ класса въ классъ, а дѣльныхъ мальчиковъ, по причинѣ штатнаго положенія, оставляютъ или исключаютъ. Этого мало: были случаи (охъ! нѣтъ ли и теперь?), что пѣвчіе архіерейскаго хора, хотя на ихъ содержаніе отпускается сумма изъ государственнаго казначейства и хотя они имѣютъ очень хорошіе доходы, получали еще пособіе отъ семинаріи или училища за свою лѣность и безуспѣшность. Словомъ, злоупотребленій въ этомъ отношеніи не пересчитаешь.

Въ новомъ уставѣ есть пункты, въ которыхъ выражается стремленіе уничтожить и предотвратить всѣ такіа злоупо-

требленія. При каждой семинаріи учреждается педагогическій совѣтъ, въ которомъ, кромѣ ректора и инспектора, должны засѣдать (не сидѣть ли только?) старшіе учителя и три-четыре человека, избираемые духовенствомъ того города, гдѣ находится семинарія. Этотъ-то совѣтъ будетъ производить экзамены, составляя изъ своей среды для испытанія по каждой наукѣ особыя комитеты, каждый изъ трехъ человекъ. Члены комитета, производя экзамень, дѣлають, по общему согласію, отмѣтку ученическихъ успѣховъ баллами. Затѣмъ весь педагогическій совѣтъ, на основаніи экзаменовъ, составляетъ разрядные списки, переводить учениковъ въ другой классъ, оставляетъ въ прежнемъ или исключаетъ изъ семинаріи. Если все это не останется мертвою буквой, а войдетъ въ жизнь, если какія-либо обстоятельства (а они, какъ увидимъ ниже, есть) не заставятъ гг. членовъ педагогическаго совѣта быть безмолвными и работѣнными *подписывателями* мнѣній ректора или распоряженій кого-либо повыше, также какъ они до сихъ поръ были безмолвными зрителями описанныхъ нами злоупотребленій; то экзамены перестанутъ быть кукольными комедіями; творческой фантазіи составителей разрядныхъ списковъ и ученическихъ аттестатовъ не надъ чѣмъ будетъ разыгрываться; поэзія должна будетъ исключить изъ своей области тѣ піитическія произведенія, которыя доселѣ назывались разрядными списками семинаріи, аттестатами и свидѣтельствами объ успѣхахъ, прилежаніи и поведеніи учениковъ; и даже пѣвчіе архіерейскихъ хоровъ принуждены будутъ или начать учиться, или уже не числиться въ училищѣ, или по крайней мѣрѣ не получать казеннаго пособія за свою лѣность. Но, кажется, и наши мечты принадлежать тоже къ области фантазіи; дѣйствительность, какъ произведение *inertis materias*, не легко уступаетъ свое мѣсто.

Къ этой не очень пріятной мысли насъ располагаетъ много обстоятельствъ. Ниже мы скажемъ о томъ, почему наставникамъ и въ педагогическихъ совѣтахъ придется смиренно и работѣнно подписывать все, что пожелаютъ ихъ власти. Теперь укажемъ только на недостаточность постановленій объ экзаменахъ, разрядныхъ спискахъ, аттестатахъ и пр. Нигдѣ не сказано, что общій разрядный списокъ составляется на основаніи большинства балловъ, которые получить каждый

ученикъ; безъ этого предсѣдатель можетъ поставить одного ученика выше другаго, хотя бы надобно было поступить наоборотъ. Надобно непременно указать, какой именно баллъ нужно имѣть по каждой наукѣ чтобы перейти въ слѣдующій классъ, или чтобы быть помѣщеннымъ въ первый разрядъ. Надобно постановить, что не имѣющіе требуемыхъ балловъ даже по одному предмету ни подъ какимъ видомъ не переводятся въ слѣдующій классъ, не причисляются къ первому разряду, хотя бы они по всѣмъ прочимъ предметамъ имѣли отличные успѣхи. Безъ этихъ условій ученики не станутъ заниматься всѣми предметами семинарскаго курса, а вліятельныя лица опять присвоятъ себѣ право переводить въ другой классъ и помѣщать въ первый разрядъ учениковъ, не занимающихся нѣкоторыми, а можетъ-быть и многими науками. Нужно постановить, чтобы при составленіи окончательныхъ списковъ имѣли одинаковый голосъ всѣ безъ исключенія члены совѣта, а не тѣ только наставники, которые преподавали науки въ послѣднемъ классѣ. Нужно, чтобы выборъ студентовъ, которые посылаются въ академію вслѣдствіе распоряженія высшаго начальства, рѣшаемъ былъ въ педагогическомъ совѣтѣ большинствомъ голосовъ; а если кто-либо изъ членовъ его будетъ не согласенъ съ общимъ мнѣніемъ, то можетъ подать отдѣльное мнѣніе, которое и прописывается въ представленіи въ академію. Иначе и въ будущее время будутъ посылать или не посылать въ академію учениковъ, только потому что такъ угодно какому-либо вліятельному лицу. Иначе опять будутъ получать выговоры за дурные отвѣты посланныхъ въ академію студентовъ тѣ наставники, которые рѣшительно никогда бы не согласились на ихъ посылку. Прибавимъ еще, что по нашему мнѣнію секретаремъ педагогическаго совѣта долженъ быть не секретарь правленія. Если дѣйствительно желаютъ дать самостоятельный голосъ совѣту, то ему же нужно предоставить выборъ секретаря на два или на три года, съ титуломъ *ученаго секретаря*. Секретарь правленія, по привычкѣ, захочетъ дѣйствовать по-канцелярски. Между тѣмъ педагогическій совѣтъ долженъ быть вполнѣ свободенъ отъ вліянія канцелярскаго духа и канцелярской рутинны.

IV. О педагогическомъ совѣтѣ семинаріи.

Кромѣ перечисленныхъ нами въ предыдущемъ отдѣлѣ обязанностей, педагогическій совѣтъ долженъ будетъ испытывать кандидатовъ на учительскія должности, переименовывать младшихъ учителей въ старшіе, разсматривать записки, конспекты и программы, по которымъ преподаются науки въ семинаріи, а также и методы преподаванія ихъ, изыскивать средства къ улучшенію ихъ, обсуживать мѣры къ охраненію нравственности воспитанниковъ, представлять объ улучшеніи семинаріи, и пр. Нельзя не поблагодарить членовъ комитета за то что они наши необходимымъ установить педагогическіе совѣты и дать имъ очень обширную дѣятельность. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время, о предметахъ дѣятельности будущихъ педагогическихъ совѣтовъ никто и не думаетъ въ семинаріи, даже кажется никто и не обязанъ думать, если только не предписано высшимъ начальствомъ поразмыслить о чемъ-либо. Единственная власть семинаріи, ея правленіе, единственный представитель ея, ректоръ, имѣютъ такъ много дѣла, что не могутъ удовлетворительно заняться тѣми спеціальностями, которыя возлагаются на педагогическіе совѣты. Взаимной передачи мыслей, общихъ совѣщаній о предметахъ семинарской учености и нравственности вовсе не бываетъ, или если случаются, то развѣ только *ad libitum, à propos*, въ какой-либо компаніи и пр. Про иныя семинаріи, не шутя, можно сказать, что единственныя общія собранія, гдѣ всѣ наставники могутъ видѣть другъ друга и переговорить между собою, — это публичные экзамены, обязательные визиты къ властямъ по случаю поздравленій съ праздникомъ и особенно обѣды, устраиваемые почти во всѣхъ духовныхъ училищахъ послѣ публичныхъ экзаменовъ; безъ этихъ торжественныхъ случаевъ наставники встрѣчаются только въ коридорахъ семинарскаго дома, сходятся случайно, или собираются нарочно для того чтобы, какъ говорятъ, безъ скуки провести время. Какъ теперь не поблагодарить комитетъ за его мысль о педагогическихъ совѣтахъ? Если члены ихъ не наложатъ на себя вольнаго или невольнаго объѣта молчанія, то будутъ имѣть сильное вліяніе на улучшеніе семинаріи. Къ

сожалѣнію, по новому уставу совѣтъ созывается только однажды въ мѣсяцъ, а экстренныя собранія зависятъ отъ одного ректора.

Нужнымъ находимъ высказать еще одно замѣчаніе. По новому уставу, всѣ журналы педагогическаго совѣта должны быть утверждаемы мѣстнымъ епархіальнымъ начальникомъ; даже разрядные списки учениковъ представляются на его усмотрѣніе. Такое распоряженіе необходимо во многихъ случаяхъ, напримѣръ, когда совѣтъ рѣшается на какое-либо нововведеніе, составляетъ планъ испытаній, младшаго учителя дѣлаетъ старшимъ и пр. Но зачѣмъ утвержденіе епархіальнаго начальника, когда совѣтъ постановитъ какую-либо мѣру для исправленія ученика лѣниваго и шаловливаго, когда даже найдется принужденнымъ вовсе исключить его изъ семинаріи за неуспѣшность или дурное поведеніе? Неужели въ дѣлахъ такого рода совѣту нельзя обойтись безъ высшаго контроля?

V. О введеніи выборнаго начала въ семинаріи.

Разсматриваемый нами уставъ думаетъ познакомить бѣлое духовенство и наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній съ такою новостію, о которой они давно мечтаютъ, но которой до сихъ поръ не знали. Въ самомъ дѣлѣ, въ Россіи, всѣ сословія пользуются избирательными правами; дворяне избираютъ предводителей, судей; купцы и мѣщане—головъ, судей, ратмановъ, гласныхъ; крестьяне, по новому положенію, чуть ли не всю свою администрацію. Духовенство и наставники духовныхъ училищъ ничего подобнаго не знаютъ. Даже депутата, который долженъ защищать бѣлое духовенство при производствѣ слѣдствій и въ судебныхъ мѣстахъ, избираетъ по своему усмотрѣнію консисторія; только въ послѣднее время нѣкоторые епархіальные начальники, впрочемъ по доброй своей волѣ, а не вслѣдствіе узаконеній, начали предоставлять самому духовенству избраніе благочинныхъ. О духовно-учебныхъ заведеніяхъ нечего и говорить. По проекту Теофилакта и Сперанскаго, имъ было давали частичку самостоятельности, предоставляя право избирать инспекторовъ семинарій и академій; но это, сколько намъ извѣстно, не было приведено въ исполненіе и было молча отмѣнено прежде чѣмъ осуществилось.

Не мѣсто здѣсь говорить о томъ, какой вредъ отъ этого

происходить въ іерархическомъ, церковномъ, административномъ, даже житейскомъ быту духовенства. Ограничимся одними училищами. Начальники семинарій, то-есть ректоры и инспекторы большею частію принадлежатъ не къ бѣлому, а къ черному духовенству, развѣ съ немногими исключеніями; родились въ другой, а не въ той епархіи, гдѣ служатъ; обыкновенно не думаютъ оставаться долго на одномъ мѣстѣ: должности семинарскія для нихъ временныя станціи, ступеньки въ лѣстницѣ, средство достигнуть высшей должности. Они, можно сказать, вполне чужды епархіи. Чтѣ имъ за нужда слишкомъ много заниматься мѣстными потребностями духовенства? Нужно только вести дѣло такъ, чтобы не подавать поводовъ къ жалобамъ, которыхъ опровергнуть не будетъ никакой возможности, — не разстроить семинарію до такого положенія, котораго дурнота ничѣмъ уже не прикроется. А бѣлому духовенству и наставникамъ нечего дѣлать. Начальники семинарій, особенно ректоръ, слишкомъ высоко стоятъ надъ ними, слишкомъ близки къ хиротоніи, иногда даже, какъ напр. въ Петербургской, Новгородской, Московской, Кіевской епархіяхъ, ректоръ прямо дѣлается викариемъ епископомъ. Какъ тутъ жаловаться? Лучше терпи молча, потужи дома, даже поплачь, когда сынъ, пришедши на каникулы, станетъ разказывать кое-что про свое житіе семинарское, пожалуй, пригласи и жену свою: плакать вмѣстѣ съ другими легче, нежели одному. Не правда ли все, чтѣ мы говоримъ?

По новому уставу, духовенство того города, гдѣ находится семинарія, избираетъ эконома семинаріи и трехъ или четырехъ членовъ педагогическаго совѣта. Нельзя не почувствовать этому нововведенію. Если духовенству не будетъ препятствій къ свободному выбору означенныхъ лицъ, если эти лица получаютъ возможность, безъ опасности для себя, говорить о нуждахъ духовенства и распоряжаться суммами семинарскими, то прекратится много существующихъ теперь злоупотребленій, мало-по-малу удовлетворится много нуждъ, о которыхъ всѣ знаютъ и говорятъ между собою, но молчатъ предъ начальствомъ, а поспѣвее какъ-будто не слышитъ и не догадывается. Не менѣе, если не болѣе, замѣчательна новость относительно инспектора семинаріи. На эту должность до сихъ поръ большею частію присылались прямо съ академическихъ скамеекъ тѣ

студенты, которые поступили уже или только изъявили желаніе поступить въ монашество. Несмотря на свою привилегированную одежду, они оставались столь же малоопытными начальниками, даже такими же людьми, какъ и прочіе студенты. Кроме того, странно было видѣть инспекторомъ молодаго человѣка, хотя и монаха, тогда какъ въ той же семинаріи были простыми наставниками люди, которые по лѣтамъ могли быть его отцами, по службѣ иногда дѣйствительно были его наставниками, и которые, поступивъ при окончаніи академическаго курса въ монашество, были бы уже епископами. По новому уставу, инспекторъ избирается педагогическимъ совѣтомъ изъ старшихъ учителей, то-есть изъ лицъ прослужившихъ въ училищной службѣ не менѣе шести лѣтъ, хотя тутъ же замѣчено, впрочемъ, что святѣйшій синодъ можетъ не стѣсняться этимъ выборомъ.

Какъ кому угодно, а по нашему мнѣнію, сейчасъ перечисленные пункты—неожиданная новость для духовенства, новость полезная ему и благодѣтельная. Нельзя не поблагодарить комитетъ за то, что онъ такъ смѣло предложилъ эти прекрасныя нововведенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣе просимъ у почтенныхъ членовъ комитета позволенія высказать свое мнѣніе о томъ, чѣмъ бы слѣдовало пополнить вышеозначенные пункты, чтобъ они не обратились въ мертвую букву. Добро надобно дѣлать такъ, чтобы бывшее прежде него зло не препятствовало ему вполнѣ развиться; противъ административныхъ злоупотребленій и недостатковъ надобно такъ дѣйствовать; чтобъ они не явились опять, въ новомъ видѣ; надобно не только начинать, но и оканчивать. Позвольте же.

Лица, избираемая для защиты интересовъ какого-либо сословія, въ томъ только случаѣ стараются оправдать и даже заслужить на будущее время довѣріе своихъ избирателей, когда они избираются на опредѣленный, притомъ не слишкомъ продолжительный, не слишкомъ короткій срокъ.

Если же выборъ будетъ сдѣланъ на безсрочное время, до окончанія, какъ говорятъ, *эпохи*, то избранный можетъ и позабыть о выгодахъ своихъ избирателей, за то обратитъ сердечное вниманіе на собственныя дѣлшки, и подъ покровомъ избирательной должности станетъ ихъ обдѣлывать втихомолку. Новый уставъ вовсе не назначилъ никакого срока службы

ни для выборныхъ членовъ педагогическаго совѣта, ни даже для эконома. Такимъ образомъ вся служба ихъ, послѣ выборовъ, будетъ уже зависѣть отъ нихъ самихъ, или лучше отъ ихъ умѣнья ужиться съ властями семинарскими. Плохіе будутъ они тогда защитники интересовъ духовенства! Какъ не поработѣствовать, или по крайней мѣрѣ не помолчать предъ тѣми, кто ихъ можетъ представить къ наградамъ и поддержать или продержатъ въ должности? У членовъ педагогическаго совѣта, конечно, не будетъ жалованія; повидимому, не предвидятся и *безгрѣшные доходы*. Но и у нихъ будутъ свои дѣти и многое множество дѣтей ихъ родственниковъ и знакомыхъ; о всѣхъ этихъ чадахъ и домочадцахъ они могутъ замолвить словечко, а иногда и постоятъ за нихъ. Къ нимъ даже явятся отцы другихъ дѣтей, вовсе уже не родственники. Только нужно поладить со властями, а тамъ, чего добраго, явятся и безгрѣшные доходы. А объ эконома и говорить нечего; тутъ и жалованіе, и не только безгрѣшныя, а даже и грѣшныя доходы, — не доходы, а ужъ *доходищи*. Какъ же не позаботиться объ удержаніи себя на такомъ выгодномъ мѣстѣ? Нѣтъ, срокъ нуженъ; по нашему мнѣнію, онъ долженъ быть для членовъ совѣта два или три года, а для эконома три или пять. Хорошо бы и инспектора избирать на опредѣленный срокъ, напримѣръ, на четыре года. На этой должности очень скоро можно получить наклонность къ самовольнымъ распоряженіямъ и къ забвенію своихъ отношеній къ избирателямъ и подчиненнымъ.

Показанное упущеніе комитетъ можетъ объяснить забвеніемъ. Но намъ уже вполнѣ не понятно, почему избраніе эконома и членовъ педагогическаго совѣта предоставлено духовенству только того города, гдѣ находится семинарія или училище, а не всей епархіи или извѣстныхъ уѣздовъ. Конечно, духовенство городовъ Петербурга и Москвы составляетъ значительную массу, которая впрочемъ, особенно въ Москвѣ, далеко не можетъ назваться большинствомъ духовенства цѣлой епархіи. Тутъ все еще можно ожидать, что дѣло обойдется безъ сватовства, кумовства и родства. Но духовенство губернскихъ городовъ не болѣе какъ частичка духовенства всей губерніи. И если тѣ священники, которые вѣстѣ состоятъ наставниками при семинаріяхъ, не должны будутъ избирать членовъ совѣта, гдѣ они сами засѣдаютъ, то въ иномъ городѣ, напримѣръ въ Петрозаводскѣ,

останется человекъ пять или десять избирателей. Какъ тутъ не завестись сватовству, кумовству и родству? А напримѣръ кто будутъ избирателями въ Видавской и Волынской семинаріяхъ, изъ которыхъ первая находится при монастырѣ, въ деревнѣ, а послѣдняя въ полупольскомъ, полужидовскомъ мѣстечкѣ? Нѣтъ, избирателями должно быть духовенство всей епархіи; мы изъ этого не исключаемъ даже и причетниковъ, пока они будутъ считаться принадлежащими къ церковному причту: для нихъ экономъ, напримѣръ, важнѣе нежели для священниковъ, потому что ихъ дѣти чаще нуждаются въ казенномъ содержаніи нежели дѣти священниковъ. Скажутъ, неужели для этого надобно будетъ съѣзжаться цѣлой тысячѣ, даже не одной, въ губернской городъ? Зачѣмъ? Не нужно вѣстмъ. Пусть каждое благочиніе пришлетъ по одному депутату или лучше по два; депутаты, съѣхавшись вмѣстѣ, выберутъ кого найдутъ достойнымъ. Намъ кажется, что священники каждаго благочинія должны бы избирать одного, а дьяконы и причетники другаго депутата.

Мы увидимъ въ послѣдствіи, что комитетъ обнаруживаетъ и питаетъ какую-то недовѣрчивость ко всему что не носитъ рясъ. Этимъ недовѣріемъ думаемъ объяснить, отчего комитетъ въ избирательныя должности по семинаріямъ не допускаетъ никого, кромѣ особъ носящихъ рясу. Даже про эконома не сказано, можетъ ли онъ быть изъ фрачниковъ, этихъ страшныхъ и опасныхъ людей. А между тѣмъ объ этомъ дѣлѣ надобно было выразиться какъ можно яснѣе; иначе экономскія мѣста опять займутся монашествующими лицами. Извѣстно, что нынѣ ректоры семинарій, отъ которыхъ вполнѣ все зависитъ, избираютъ экономами болѣею частію монаховъ, притомъ почти всегда того монастыря, гдѣ они настоятельствуютъ. Страннѣе этого выбора придумать нельзя. Монахъ не долженъ ѣсть мясной пищи, а экономъ семинаріи въ скоромные дни непременно обязанъ попробовать, хороши ли щи и говядина: одному зрѣнію и обонянію тутъ довѣрить нельзя. Монахъ долженъ жить въ монастырскомъ уединеніи, быть на постоянной молитвѣ, а экономъ долженъ ходить по рынку, по лавкамъ, толковать съ продавцами и продавцами всѣхъ сортовъ, съ прачками, поломойками, и проч. Не явное ли противорѣчіе? Даже священнику не совсѣмъ пристанетъ должность эконома: тутъ

нужень фразникъ. Относительно избираемыхъ членовъ педагогическаго совѣта комитетъ выражается болѣе категорическимъ образомъ, предписывая избирать ихъ только изъ духовенства. Напрасно онъ такъ поступаетъ. Въ некоторыхъ губернскихъ городахъ даже невозможно будетъ найти между духовенствомъ (если исключать изъ него лица принадлежащія семинаріи) трехъ или четырехъ человекъ, которые бы стоили быть членами педагогическаго совѣта; изъ пяти или десятка человекъ выборъ трехъ или четырехъ — дѣло вовсе не легкое. А такихъ губернскихъ городовъ не мало; даже въ тѣхъ, которые имѣютъ до двадцати или двадцати пяти тысячъ жителей, кромѣ священниковъ-наставниковъ,—не болѣе пятнадцати остальныхъ священниковъ и уже большею частію не обучавшихся въ академіи. Далѣе, комитетъ вводя избирательный элементъ въ педагогическій совѣтъ, вѣроятно, дѣлаетъ это съ тою цѣлю, чтобъ избранныя лица содѣйствовали, какъ онъ выражается, къ *водворенію полнѣйшаго безпристрастія и строжайшей справедливости во внутреннемъ управленіи семинарій*. Такимъ образомъ избранные духовенствомъ члены совѣта будутъ имѣть нужду въ стойкости и неустрашимости для борьбы съ авторитетами, или съ защитниками нынѣшней системы управленія семинарскаго. Но между бывшимъ духовенствомъ во всѣхъ губернскихъ городахъ немного найдется людей, которые бы осмѣлились сказать *да*, когда начальникъ семинаріи говоритъ *нѣтъ*; мы уже не говоримъ о томъ, когда станетъ приказывать кто-нибудь повыше. Притомъ, расширяя права одною рукою, зачѣмъ сжимать ихъ другою? Если духовенство найдетъ въ своей средѣ достаточное количество лицъ для педагогическаго совѣта, то оно и безъ пунктовъ устава не станетъ искать ихъ въ другихъ сословіяхъ. Ну, а если оно съ полнымъ сознаніемъ почувствуетъ нужду имѣть представителями своихъ интересовъ лица не изъ своего сословія, то зачѣмъ отнимать у него право на такой поступокъ? Бывшее духовенство состоитъ не изъ дѣтей, за которыми постоянно нужно посылать няньку для надзора, которыхъ слѣдуетъ водить на помочахъ или держать въ пеленкахъ; ему и самому можно позволить подумать о томъ, кто въ состояніи защищать его интересы. А между тѣмъ свѣтскихъ людей способныхъ для этой защиты не мало въ каждомъ городѣ. Многие изъ образованныхъ дворянъ, чиновниковъ, отставныхъ педагоговъ

и пр., по всей вѣроятности, не откажутся принять на себя должность члена педагогическаго совѣта семинаріи и сдѣлаютъ пользу не менѣе священника; ума и пониманія дѣла у нихъ будетъ столько же сколько и у послѣдняго, только они не побоятся высказать правду, тогда какъ послѣдній только поклонится сильной особѣ. Скажутъ: какъ же можно допустить свѣтскихъ людей въ педагогическій совѣтъ семинаріи, гдѣ приготовляются будущіе наши пастыри? Но мы отвѣчаемъ: педагогическій совѣтъ — не церковный соборъ, разсуждать объ училищныхъ нуждахъ не значитъ разсуждать о догматахъ религіозныхъ. Въ педагогическомъ совѣтѣ присутствіе свѣтскаго лица не есть еще профанція религіи. Кроме того, вотъ уже 25 лѣтъ, какъ директоромъ духовно-учебнаго управленія свѣтское лицо; вотъ уже около 150 лѣтъ, какъ оберъ-прокуроръ синода свѣтское лицо. Неужели же директоръ духовно-учебнаго управленія и оберъ-прокуроръ синода менѣе имѣютъ вліянія на училища и вообще, особенно послѣдній, на все духовенство нежели будущій членъ педагогическаго совѣта какой-либо семинаріи? Если комитетъ побоялся свѣтскаго вліянія въ педагогическихъ совѣтахъ; то почему онъ тутъ же кстати не выразилъ своего желанія устранить отъ вліянія на духовенство упомянутыя нами два лица, которыя обнаруживаютъ на него несравненно большее вліяніе? Надобно быть послѣдовательнымъ.

Комитетъ не сказалъ, какимъ образомъ и подъ чьимъ предсѣдательствомъ должны будутъ происходить выборы эконома и членовъ педагогическаго совѣта. А объ этомъ надобно было подумать. Наше бѣлое духовенство до того приучено къ непрекословному исполненію приказаній, что самые простые совѣты, самые отдаленные намеки сочтеть за приказанія, которымъ противиться не посмѣеть. И если даже соберется духовенство всей епархіи и ему кѣмъ-либо будетъ сказано, что *вотъ-де такое-то важное лицо приказываетъ вамъ выбрать такого-то, и вы, разумѣется, на это согласны; подписывайтесь же вотъ на этомъ листѣ, къ чему тутъ баллотировка?*—если все это скажется рѣшительнымъ тономъ, то всѣ подпишутся и развѣ вѣскольکو найдется смѣльчаковъ, которые захотятъ подать противный голосъ; а о томъ чтобы разъяснить незаконность подобнаго требованія, или внести это въ журналъ, никто и не заикнется. Поэтому нужно такъ устроить выборы, чтобы они

были вполнѣ свободны отъ всякаго принудительнаго вліянія, отъ всякаго самоуправнаго внушенія и приказанія. Лучшее для этого средство состоитъ въ томъ, чтобы предсѣвателемъ, первоначально былъ старѣйшій по лѣтамъ изъ избирателей, а потомъ тотъ, кого они сами выберутъ; чтобы при избраніи ни епархіальные, ни семинарскія власти не присутствовали; чтобы за законнымъ ходомъ выборовъ наблюдалъ прокуроръ или стряпчій. Безъ этихъ условій не только будетъ предложено подписаться подъ впередъ уже подготовленнымъ актомъ избранія, но даже будутъ посылать актъ избранія для подписи по мѣстамъ жительства, какъ это было недавно въ одной губерніи при выборѣ духовника, или даже вызовутъ по одиночкѣ избирателей для подписи въ консисторію.

Не указаны въ уставѣ ни время для выборовъ, ни предшествующія имъ распоряженія. Лучшимъ временемъ, по нашему мнѣнію, будутъ 1—5 сентября или 18—21 декабря, когда значительная часть духовенства сама собою съѣзжается въ губернскій городъ съ дѣтьми или за дѣтьми. Къ этому времени все должно быть приготовлено, такъ чтобы избиратели не были принуждены проживать ни одного лишняго дня. Если дозволено будетъ каждому благочинію избирать отъ себя депутатовъ; то эти выборы должны быть окончены за мѣсяць до губернскихъ выборовъ.

Дозволяя духовенству избирать эконома и членовъ педагогическаго совѣта, а педагогическому совѣту—инспектора, комитетъ долженъ бы еще допустить тѣхъ и другихъ къ избранію членовъ правленія семинаріи. Правленіе, по новому уставу, гораздо болѣе педагогическаго совѣта имѣетъ вліянія на семинарію. Почему же теперь духовенству и наставникамъ не дозволено имѣть представителей своихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ могутъ наиболѣе страдать ихъ интересы? Конечно, инспекторъ избирается наставниками, но разъ избранный дѣлается уже ихъ начальникомъ, а не защитникомъ ихъ правъ; притомъ высшее начальство можетъ назначать инспектора по своему усмотрѣнію. Конечно, духовенство избираетъ эконома, но онъ будетъ только заниматься экономической частію, если не имѣетъ ученой степени. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, справедливость требуетъ, чтобы въ правленіи, кромѣ членовъ положенныхъ уставомъ, засѣдали еще два чловѣка: одинъ избираемый всеми безъ исключенія наставни-

ками семинаріи, а не одними старшими учителями, на одинъ или два года, а другою духовенствомъ всей епархіи не только изъ своей среды, но изъ наставниковъ и стороннихъ лицъ, кого духовенство почитаетъ своимъ довѣремъ.

VI. Краткое перечисленіе нѣкоторыхъ нововведеній въ семинаріи.

Не одни только тѣ пункты, которые перечислены нами въ предыдущемъ отдѣлѣ, заслуживаютъ вниманіе и благодарность; въ новомъ уставѣ семинаріи есть по мѣстамъ еще параграфы, которые показываютъ, что составители его старались ознакомить духовныя семинаріи со многими полезными нововведеніями. Укажемъ на нѣкоторыя.

Архіепископъ Димитрій въ своемъ донесеніи святѣйшему синоду выражается объ образованности необходимой для священниковъ слѣдующимъ образомъ: „образованіе народныхъ пастырей нельзя ограничить кругомъ предметовъ богословскихъ, относящихся къ ихъ исключительно должностному призванію; но съ спеціальнымъ богословскимъ образованіемъ, какъ необходимое къ нему приготовленіе, должно соединяться образованіе общее, имѣющее цѣлю развитіе и образованіе душевныхъ силъ вообще и сообщеніе общихъ свѣдѣній нужныхъ всякому образованному человѣку. Общее образованіе составляетъ необходимую основу всякой спеціальности.“ Какъ бы хорошо было, еслибы этотъ превосходный взглядъ образованнѣйшаго нашего архіепископа былъ вполне проведенъ по всему новому уставу семинаріи! Какъ бы хорошо было, еслибы наши пастыри соответствовали этому взгляду!

Изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ начинается по расписанію, приложенному къ уставу, со втораго года семинарскаго курса, продолжается семь лѣтъ и дѣлается обязательнымъ для всѣхъ учениковъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ одному языку.

По новому уставу, воспитанникъ семинаріи можетъ сдѣлаться учителемъ не иначе, какъ первоначально выдержавъ экзаменъ въ педагогическомъ совѣтѣ; сами академики должны будутъ получить отъ конференціи академическихъ удостоеніе, что они показали себя на экзаменѣ способными преподавать извѣстную науку; и еслибы послѣ захотѣли

перейти на другой предметъ, то должны будутъ вновь держать экзаменъ въ конференціи или педагогическомъ совѣтѣ. Такимъ образомъ не прекратится ли наконецъ существующее до сихъ поръ въ духовно-училищномъ вѣдомствѣ обыкновеніе, считать всякаго студента академіи и даже семинаріи способнымъ преподавать какой угодно предметъ, а иногда именно тотъ, который ему вполне неизвѣстенъ? Такіе *doctores universales* бывають слишкомъ плохими учителями.

По новому уставу, жалованіе каждаго наставника увеличивается чрезъ 10 лѣтъ на $\frac{1}{4}$, чрезъ 15 на $\frac{1}{3}$, чрезъ 20 на $\frac{1}{2}$ и наконецъ чрезъ 25 удваивается, но съ тѣмъ, что послѣ этого времени наставникъ можетъ прослужить не болѣе 5 лѣтъ, а затѣмъ уже увольняется съ пенсіономъ. Этимъ распоряженіемъ прекрасно поощряется продолжительная служба при семинаріяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ устраняются изъ семинаріи тѣ муміи, которыя готовы до гробовой доски ходить въ классъ для задаванія и прослушванія уроковъ.

Въ письмоводители правленія предполагается опредѣлять изъ кончившихъ курсъ семинаріи воспитанниковъ. Чрезъ это распоряженіе уничтожается другой разрядъ привилегированныхъ дурныхъ учениковъ (первый разрядъ составляютъ пѣвчіе, какъ выше было сказано), которые впрочемъ оканчивають курсъ и получаютъ хорошія мѣста, дѣлаются иногда смотрителями низшихъ училищъ, хотя по совѣсти нельзя считать ихъ хорошими учениками даже этихъ училищъ. Жаль, что новый уставъ не счелъ нужнымъ принять какія-либо мѣры противъ третьяго разряда привилегированныхъ дурныхъ учениковъ, именно противъ братьевъ и племянниковъ гг. начальниковъ и проч. Это тоже нужно бы. Развѣ не поможетъ ли тутъ педагогическій совѣтъ? Только едва ли достанетъ у него смѣлости вооружиться противъ этихъ особъ, столь сильныхъ, по протекціи, имъ оказываемой. Есть еще привилегированные ученики въ семинаріяхъ; это такъ-называемые келейники начальниковъ. Келейникъ разливаетъ и разноситъ чай, встрѣчаетъ и провожаетъ гостей, разумѣется въ передней, ѣздитъ на запяткахъ и пр. и пр.; но въ классъ или вовсе не ходитъ, или рѣдко жалуется. Такіе келейники иногда перевозятся патронами изъ одной семинаріи въ другую, даже въ третью. А между тѣмъ эти ходячіе и развѣзжающіе ученики получаютъ свидѣтельства и даже аттестаты о своихъ отличныхъ успѣхахъ не въ лакействѣ, а въ наукахъ, которыми

вовсене занимались, точно такъ, какъ будто бы они дѣйствительно учились. Напрасно уставъ не сказалъ чего-нибудь и объ этихъ важныхъ особахъ.

VII. Переходъ къ замѣчаніямъ полемическаго свойства.

Много бы еще можно было указать пунктовъ изъ устава, заслуживающихъ вниманіе, но и безъ того статья наша принимаетъ слишкомъ большіе размѣры. По крайней мѣрѣ изъ сказаннаго доселѣ члены комитета могутъ видѣть, что мы не принадлежимъ къ слѣпымъ или ожесточеннымъ ихъ противникамъ, отъ души сочувствуемъ многимъ изъ предлагаемыхъ ими нововведеній; съ удовольствіемъ и усердіемъ искали въ ихъ произведеніи все достойное уваженія, благодарности и вниманія, и старались быть вполне безпристрастными.

Но на основаніи того же безпристрастія, которое должно не только хвалить хорошее, но и не соглашаться съ тѣмъ что находить несогласнымъ съ своими убѣжденіями,—на основаніи сочувствія къ бѣлому духовенству, къ дѣтямъ его, къ духовнымъ училищамъ, къ будущимъ нашимъ и нашихъ потомковъ пастырямъ и ко всѣмъ пасомымъ,—на основаніи преданности, которую каждый истинно русскій и православный христіанинъ долженъ имѣть къ нашей общей матери—православной церкви, и къ другой тоже общей матери—православной Руси, мы рѣшаемся высказать и то, въ чемъ мы не согласны съ проектомъ, что, по нашему искреннему убѣжденію, въ этомъ проектѣ могло быть написано иначе.

Прежде всего займемся тѣми пунктами новаго устава, въ которыхъ описываются, будущая администрація семинарій и отношенія къ ней наставниковъ и начальниковъ. Чтобы понять, охарактеризовать и оцѣнить предлагаемыя нововведенія, чтобы открыть главную мысль въ нихъ, мы находимъ нужнымъ сравнить предполагаемыя нововведенія съ существующимъ нынѣ порядкомъ въ семинаріяхъ и указать на нѣкоторое ихъ сходство съ постановленіями, которыми управляются католическія семинаріи. Вотъ почему предварительно скажемъ о томъ, въ какой зависимости находятся католическія духовныя семинаріи отъ мѣстныхъ епископовъ и ректоровъ, на какомъ основаніи утверждается эта зависимость, и потомъ о томъ, какъ

управлялись до сихъ поръ наши духовныя училища, и по ка-кимъ причинамъ было допущено такое управленіе.

Извѣстно, что папа признаетъ себя и признается вѣрующими католиками намѣстникомъ Спасителя, видимымъ главою церкви христіанской. Не мѣсто здѣсь разсматривать происхожденіе такого вѣрованія; замѣтимъ только, что оно долгое время не приходило на умъ самимъ римскимъ епископамъ, развивалось и утверждалось постепенно, притомъ первоначально касалось только догматической и обрядовой стороны религіи. Но разъ утвердившись въ этихъ отношеніяхъ, оно должно было распространиться на всѣ прочія. Намѣстнику Іисуса Христа, видимой главѣ христіанъ, нельзя было не вообразить себѣ, что онъ выше всѣхъ властей въ мірѣ, и ни одной изъ нихъ не подчиненъ. И нынѣ, когда только французскія пушки и штыки поддерживаютъ его поколебленную власть, и нынѣ онъ все еще считаетъ себя полновластнымъ властелиномъ Рима и прежнихъ своихъ владѣній, и нынѣ еще думаетъ, что католики всѣхъ государствъ подчинены ему также, если не болѣе, какъ мѣстному правительству, что лица католическаго духовенства суть не болѣе какъ его армія или чиновники, что они на земномъ шарѣ составляютъ особое государство, котораго царь въ Римѣ, что и въ каждомъ государствѣ они *status in statu*. Кажется, въ исторіи еще не бывало болѣе огромныхъ притязаній на самовластіе и всевластіе.

Но характеръ всѣхъ политическихъ или религіозныхъ, особенно же политически-религіозныхъ, политически-церковныхъ учрежденій проявляется не только вверху, но и внизу, на всѣхъ ступеняхъ административной іерархіи. Китайскіе мандарины копируютъ пекинскаго богдыхана; турецкіе паши въ распоряженіяхъ своихъ берутъ образецъ съ своего падишаха. Послѣ этого нисколько не удивительно, что католическіе епископы въ своихъ епархіяхъ пожелали быть и сдѣлались тѣмъ же чѣмъ папы въ Римѣ. Конечно, отъ епископа парижскаго почтенная буржуазія независима въ политическомъ и социальномъ отношеніи; тутъ префектъ Сенскаго департамента и префектъ полиціи сильнѣе чѣмъ самъ папа. Но за то вездѣ духовенство вполнѣ безусловно подчинено своему епископу. Онъ опредѣляетъ на мѣста кого угодно, отставляетъ отъ нихъ, когда и какъ захочетъ; духовенство не можетъ апеллировать на его административныя распоряженія, можетъ

только искать милости, ходатайства. Ювеналово: *sic volo, sic jubeo* идетъ какъ нельзя лучше къ католическимъ епископамъ.

Послѣ этого абсолютизма естественно ожидать, что духовныя католическія училища находятся въ полной и совершенной зависимости отъ епископовъ. Послѣдніе сами, по своему усмотрѣнію, опредѣляютъ ректоровъ училищъ; а потомъ, или отъ нихъ же, или отъ избранныхъ ими ректоровъ, все уже безъ исключенія зависитъ: опредѣленіе и увольненіе служащихъ и учащихся лицъ, программа наукъ, метода преподаванія, дисциплинарныя учрежденія; все, все совершенно. Есть, конечно, совѣты, но они имѣютъ совѣщательный голосъ. Только въ іезуитскихъ коллегіумахъ и конвиктахъ существуетъ какой-либо смиренный братъ и страшный соціусъ, у котораго гдѣ-либо, подъ подкладкою полукафтаны, скрыто на всякій случай предписаніе генерала о смѣнѣ ректора.

VIII. О настоящемъ административномъ устройствѣ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній.

Наше вѣроисповѣданіе и наше отечество, къ счастью русскаго народа, русскаго духовенства и русскихъ духовныхъ училищъ, остались свободны отъ папистическихъ и католико-іерархическихъ идей. Даже на Востокѣ, до Константинопольской имперіи и во время ея, хотя нѣкоторыя личности и обнаруживали кое-какія притязанія на главенство, но вообще всѣ четыре вселенскіе патріарха были совершенно равноправными лицами. Такое же равноправіе даровано было и русскому патріарху, потомъ перенесено на святѣйшій синодъ, какъ въ Россіи, такъ, кажется, и въ Аѳинахъ; и все это сдѣлано съ общаго благословенія и согласія патріарховъ. Тутъ, значитъ, нѣтъ и тѣни папизма. Далѣе, сами патріархи, даже въ своихъ патріархіяхъ, никогда не имѣли безграничной власти; они почти только старшіе братья между епископами. Выборъ ихъ всегда зависѣлъ не только отъ духовенства, но и отъ верховной государственной власти. Въ синодѣ же и не мыслимо главенство кого-либо изъ епископовъ, когда президентское кресло занимаетъ только государемъ во время его присутствія по какимъ-либо особымъ обстоятельствамъ, когда тутъ засѣдаютъ протоіереи, а прежде засѣдали архимандриты, имѣя одинаковый голосъ съ митрополитами и епископами.

При такомъ положеніи, епископы русской церкви имѣютъ

все что имъ должно принадлежать по каноническимъ правиламъ, но не пользуются тѣми правами, которыми такъ злоупотребляютъ католическіе епископы ко вреду паствы, къ утѣсненію низшаго духовенства. Догматы остаются у насъ неприкосновенными; но въ дѣлахъ административныхъ не только на консисторіи, вполнѣ подчиненныя епископамъ, но даже на нихъ самихъ можно жаловаться святѣйшему синоду.

Далѣе, такъ какъ синодъ, епархіальные начальники и духовныя консисторіи имѣютъ вліяніе на лица благаго духовенства не только въ церковномъ, такъ сказать, значеніи, но и въ гражданскомъ и даже семейномъ, и такъ какъ участь всѣхъ лицъ духовнаго званія, числомъ до 600.000 и даже болѣе, должна составлять предметъ тщательной заботливости правительства; то послѣднее, очевидно, обязано и имѣть полное право слѣдить за тѣмъ, чтобъ интересы гражданскіе не были приносимы въ жертву церковнымъ. Къ этому побуждаетъ кромѣ того множество дѣлъ, которыя, касаясь всѣхъ вообще мірянъ, между тѣмъ производятся духовными властями; сюда, напримѣръ, относятся дѣла о бракахъ, о наследствахъ, когда права наследниковъ основываются на ихъ законно- или незаконно-рожденности, и пр. По этимъ и другимъ причинамъ, при синодѣ находится оберъ-прокуроръ, который, по мѣткому выраженію одного изъ петровскихъ узаконеній, называется *окомъ государя*, отмѣчаетъ своею подписью протоколы засѣданій синода, служитъ какъ бы посредствующимъ звеномъ между высочайшею властію и синодомъ, передавая послѣднему предложенія первой, и наоборотъ, входя къ ней съ докладами касательно тѣхъ дѣлъ, которыя должны быть представляемы на высочайшее усмотрѣніе. Въ консисторіи хотя и нѣтъ прокурора, но она и ея секретарь обязаны постоянно доставлять оберъ-прокурору извѣстія о ходѣ дѣлъ.

При такомъ характерѣ и административномъ устройствѣ нашей іерархіи, духовныя училища у насъ не могли находиться въ той же зависимости отъ мѣстныхъ епархіальныхъ властей, какъ въ католицизмѣ. Когда еще не было между ними единства, когда не найдены были общіе источники для содержанія ихъ, то они точнѣ были подъ непосредственнымъ надзоромъ архіереевъ; хотя, впрочемъ, и тогда на нихъ сильно вліяли синодъ и правительство. Открытіе способа для содержанія ихъ на свѣчной сборъ, и другія причины

заставили сосредоточить ихъ управленіе въ Петербургъ, не отнимая впрочемъ у епархіальныхъ начальниковъ права и возможности имѣть бдительный надзоръ за нами. Всѣ духовныя училища, кажется, съ 1808 года подчинены были комиссіи духовныхъ училищъ, гдѣ вмѣстѣ съ членами святѣйшаго синода засѣдали оберъ-прокуроръ и еще свѣтскіе члены, какъ на примѣръ Сперанскій, князь Мещерскій, уже по увольненіи его отъ оберъ-прокурорства, и Нечаевъ, не бывши еще оберъ-прокуроромъ. Потомъ, по упраздненіи въ концѣ тридцатыхъ годовъ комиссіи духовныхъ училищъ, они подчинены были святѣйшему синоду, но вмѣстѣ съ тѣмъ духовно-учебному управленію и особенно оберъ-прокурору синода, такъ что всѣ академіи и семинаріи входили представленіями не въ синодъ, а къ оберъ-прокурору, и получали предписанія не отъ синода, а отъ оберъ-прокурора. Послѣдній былъ посредникомъ между синодомъ и духовно-учебными заведеніями. Прибавимъ, что въ духовно-учебномъ управленіи всѣ чиновники свѣтскіе люди, и только иногда приглашались туда ректоры Петербургской академіи и семинаріи и очередные архимандриты, но это бывало рѣдко.

На основаніи всѣхъ изложенныхъ выше причинъ, какъ іерархическихъ, такъ и государственныхъ, въ настоящее время духовныя училища устроены и управляются слѣдующимъ образомъ:

Такъ-называемыя низшія или уѣздныя и, гдѣ еще остались, приходскія училища подчинены правленію семинаріи, которое опредѣляетъ, увольняетъ и переводитъ съ одного мѣста на другое всѣхъ ихъ наставниковъ, но не иначе, какъ съ утвержденія епархіальнаго начальника. Относительно же инспектора и смотрителя нужно еще чрезъ вѣншее академическое правленіе представлять оберъ-прокурору, который докладываетъ о томъ святѣйшему синоду. Наставники училищъ большею частію изъ окончившихъ курсъ учениковъ семинаріи перваго разряда; но нынѣ много между ними и академиковъ особенно же въ званіи инспектора и смотрителя.

Хотя, по существующимъ постановленіямъ, оберъ-прокуроръ синода можетъ перемѣщать и даже увольнять отъ должности наставниковъ семинаріи, не имѣющихъ духовнаго сана, но на самомъ дѣлѣ онъ почти никогда не пользовался этимъ правомъ. И потому можно сказать, что наставники и начальники духовныхъ семинарій опредѣляются, увольняются

и переводятся съ одной должности на другую святѣйшимъ синодомъ. Правленіе семинаріи представляетъ иногда кандидатовъ для занятія наставническихъ должностей, а епархіальные, особенно вліятельные, начальники дѣлають то же самое относительно инспекторовъ и ректоровъ; но это бываетъ очень рѣдко и можетъ назваться не болѣе какъ ходатайствомъ. Дале, всѣ наставники, за исключеніемъ преподавателей медицины и сельскаго хозяйства, изъ воспитанниковъ академіи; только иногда нѣкоторые изъ монашествующихъ лицъ, хотя они и не обучались въ академіяхъ, поступаютъ на мѣста инспекторовъ и даже ректоровъ. Каждый изъ наставниковъ, если находитъ для себя затруднительною по какимъ-либо причинамъ свою службу при той семинаріи, куда опредѣленъ синодомъ, можетъ проситься о перемѣщеніи его въ другую; къ такимъ просьбамъ, когда, разумѣется, выставляются уважительныя причины, святѣйшій синодъ всегда почти снисходитъ. Касательно сословія, къ которому должны принадлежать наставники и начальники, нѣтъ особенно стѣснительныхъ мѣръ. Ректорами, по уставу, должны быть лица изъ бѣлаго или чернаго духовенства и притомъ преимущественно со степенью доктора. Но нынѣ вездѣ ректорствуютъ монахи, кромѣ Якутска и еще, кажется, какихъ-то мѣстъ, куда никому не захочется вѣхать даже на хорошую должность; тамъ опредѣляются ректорами мѣстные протоіереи. О докторствѣ забыто; а монашествующіе могутъ быть ректорами, имѣя степень кандидата; не безъ примѣровъ, что монашествующимъ даже безъ всякой академической степени поручалось управленіе семинаріей; одинъ даже былъ ректоромъ академіи. Смотрителями училищъ, инспекторами семинарій, по уставу, могутъ быть и бывали лица бѣлаго духовенства и даже свѣтскіе профессеры. Но въ настоящее время почти всѣ инспекторы семинарій опять изъ монашествующей братіи; если есть протоіереи, то они не должны и думать о повышеніи; одинъ протоіерей, даже кафедральный, уже слѣшкомъ тридцать лѣтъ инспекторствуетъ и все-таки его не дѣлають ректоромъ. Мѣста училищныхъ инспекторовъ, не имѣя въ себѣ ничего привлекательнаго, кромѣ неблагодарнаго труда, предоставляются бѣлому духовенству и учителямъ, не имѣющимъ духовнаго сана; тутъ рѣдко можно встрѣтить монашествующихъ. Что касается до наставниковъ не начальствующихъ, то между ними почти нѣтъ монаховъ, а если и встрѣ-

чаются, то вскорѣ дѣлаются начальниками; тутъ много священниковъ, но имъ очень трудно держаться, когда они занимаютъ мѣста въ приходскихъ церквахъ,—и наконецъ не самое ли значительное количество наставниковъ не имѣетъ духовнаго сана и состоитъ въ гражданскихъ чинахъ?

Все, что служить и учиться въ семинаріи, подчинено правленію ея, или лучше ректору, который, какъ главный начальникъ, имѣющій право завѣдывать всеми частями семинаріи, имѣетъ возможность налагать молчаніе на двухъ своихъ сочленовъ, инспектора и эконома, а также и секретаря. Но по формѣ, во главѣ управленія значится правленіе семинаріи, члены котораго и даже секретарь, въ случаѣ какихъ-либо денежныхъ растратъ, пользуются равными правами, будучи принуждены вносить одинаковыя суммы съ своимъ начальникомъ. Всѣ журналы правленія представляются непременно епархіальному начальнику на утвержденіе, кромѣ развѣ маловажныхъ дѣлъ, что съ его разрѣшенія. Но чрезъ это самостоятельность правленія не уничтожается, а только у членовъ его, особенно у ректора, отнимается возможность дѣлать самовольныя распоряженія, которыя тотчасъ будутъ остановлены епархіальнымъ начальникомъ. Въ самостоятельности своей правленіе ограждено тѣмъ, что приводитъ, по крайней мѣрѣ можетъ приводить въ исполненіе свои опредѣленія, если журналы его не будутъ утверждены епархіальнымъ начальникомъ въ теченіи трехъ сутокъ; и еще тѣмъ что въ случаѣ, когда по какимъ-либо причинамъ затрудняется привести въ исполненіе резолюцію или предложеніе мѣстнаго архіерея, можетъ о своихъ недомѣвнiяхъ представить на разсмотрѣніе академическаго правленія, и наконецъ тѣмъ, что оно предъ высшимъ начальствомъ и закономъ отвѣчаетъ за несправедливость своихъ распоряженій, хотя бы къ тому было принуждено приказаніемъ епархіальнаго начальника. Кромѣ того, очень много дѣлъ представляется въ академическое правленіе, хотя бы мѣстный архіерей и правленіе семинаріи были даже согласны между собою. Академія нѣкоторыя изъ такихъ представленій разрѣшаетъ сама, а о другихъ представляетъ на разсмотрѣніе оберъ-прокурору, который или самъ чрезъ духовно-учебное управленіе отвергаетъ или разрѣшаетъ ихъ, или докладываетъ святѣйшему синоду.

Въ описанной нами системѣ управленія семинаріями мы вовсе не видимъ чуда совершенства; въ ней много

недостатковъ. Особенно она не хороша тѣмъ, что по ней всѣ мѣста ректоровъ и большей части инспекторовъ предоставлены, впрочемъ въ противность уставу, монашествующимъ лицамъ; что члены правленій, находясь слишкомъ въ большой зависимости отъ ректоровъ, осуждены на безмолвіе и могутъ пользоваться равноправіемъ съ ними только при полученіи выговоровъ и при уплатѣ незаконно растроченныхъ суммъ, хотя бы они виновны были потому только что имъ, по ихъ отношеніямъ къ ректору, нужно было или подписать то опредѣленіе, которое онъ находилъ нужнымъ, или выйти въ отставку. Но за всѣмъ тѣмъ существующая система управленія семинаріями имѣетъ много хорошихъ сторонъ, по крайней мѣрѣ въ своей, такъ-сказать, теоріи. Наставникамъ предоставлено право самимъ выбирать то сословіе, къ которому они считаютъ себя способными, и они не выгоняются изъ службы единственно потому, что, по внутреннему расположенію и по другимъ важнымъ причинамъ, не желаютъ надѣть рясы. Дѣла не важныя, или тѣ, которыхъ разрѣшеніе ясно опредѣлено существующими постановленіями и которыя не требуютъ высшаго правительственнаго надзора, предоставлены правленію семинаріи. Обо всѣхъ же важныхъ случаяхъ представляется академическому правленію, оберъ-прокурору и синоду. Чрезъ это высшее начальство имѣетъ полную возможность слѣдить за распоряженіями семинарій и давать однообразное направленіе всему духовному образованію; но и правленія семинарій не стѣснены въ дѣлахъ, требующихъ быстрого исполненія. Въ существующей системѣ особенно хороши тѣ взаимныя отношенія, въ которыя поставлены между собою епархіальные начальники и правленія семинарій. Послѣднимъ нельзя слишкомъ смѣло рѣшаться на открыто-незаконныя (о скрыто-незаконныхъ нечего говорить) распоряженія, потому что они будутъ остановлены епархіальнымъ начальникомъ съ прибавленіемъ выговора за небрежность или неблагонамѣренность. Но съ другой стороны и епархіальному начальнику нельзя медлить рѣшеніемъ семинарскихъ дѣлъ, или предлагать распоряженія не согласныя съ существующими постановленіями. Въ первомъ случаѣ срочные три дня не позволяютъ откладывать дѣла въ длинный ящикъ, какъ это бываетъ въ консисторіяхъ, а отъ втораго удержитъ та мысль, что правленіе семинаріи представитъ свои недоумѣнія академическому правленію,

которое, чрезъ посредство оберъ-прокурора сдѣлаетъ ихъ извѣстными синоду, или опасеніе подвергнуть правленіе семинаріи отвѣтственности, если оно изъ послушанія приведетъ въ исполненіе незаконное распоряженіе. Тутъ взяты мѣры, чтобы не было ни самоуправства внизу, ни гнету сверху. Нельзя также не сказать о послужныхъ спискахъ. Благонадежность, способность и поведеніе начальниковъ и наставниковъ семинарій рекомендуетъ епархіальный архіерей; поэтому лицо, несправедливо притѣсняемое ректоромъ, можетъ найти себѣ защиту въ архіерей. Съ другой стороны, въ случаѣ дурной аттестаціи, спрашиваютъ у правленія семинаріи о томъ, способенъ ли неудовлетворительно аттестованный продолжать свою службу и почему онъ не заслуживаетъ одобренія; поэтому здѣсь правленіе, въ свою очередь, можетъ защитить невиннаго. Такимъ образомъ въ существующей системѣ есть недостатки, но есть много хорошаго. Теперь опишемъ систему управленія семинаріями, которую предполагаетъ ввести новый уставъ.

IX. Объ административномъ устройствѣ, которому новый уставъ предполагаетъ подчинить духовныя семинаріи.

По новому уставу, мѣстный архіерей есть главный начальникъ семинаріи. Ему подчинены правленіе, педагогическій совѣтъ, всѣ начальники и наставники; онъ дѣйствуетъ по личному усмотрѣнію, *словесными распоряженіями*, письменными предложеніями правленію и педагогическому совѣту и резолюціями на журналахъ. Онъ имѣетъ право лично, во всякое время, посѣщать семинарію, и если семинарія находится не въ епархіальномъ городѣ, освѣдомляется о состояніи ея чрезъ довѣренныя лица. Инспекторъ, какъ выше было замѣчено, избирается педагогическимъ совѣтомъ, но журналы послѣдняго должны быть утверждены архіереемъ, который, значить, и тутъ можетъ имѣть очень сильный голосъ. Въ выборѣ ректора онъ еще сильнѣе, потому что не только обязанъ представлять кандидата на занятіе должности ректора, но и ежегодно доносить синоду о тѣхъ лицахъ своей епархіи, которыя, по мнѣнію его, достойны быть ректорами семинарій. И хотя, разумѣется, синодъ не стѣсняется ни выборами педагогическаго совѣта, ни предписаніями и рекомендаціями епархіальнаго начальника,

во за то архіерей имѣеть право самъ собою *устранять* отъ должностей ректора, инспектора и ксатати уже наставниковъ, *если*, какъ сказано, *обстоятельства потребуютъ немедленнаго удаленія*; тутъ же на мѣсто инспектора представляется новый кандидатъ (даже не сказано по выбору ли педагогическаго совѣта). Нигдѣ не сказано, что за обстоятельства, которыя давали бы право архіерею самому, безъ слѣдствія, безъ святѣйшаго синода, устранять начальниковъ и наставниковъ семинарій отъ должностей. Тутъ очевидно, не разумѣются какія-либо уголовныя преступленія, потому что такіе случаи предусмотрѣны общими государственными постановленіями. Устранивъ отъ должности лицо, которое считаетъ неблагонадежнымъ, архіерей, для окончательнаго исключенія устранимыхъ отъ службы, доноситъ святѣйшему синоду. Впрочемъ, изъ такого кажущагося ограниченія власти архіерея, начальникамъ и наставникамъ семинаріи большаго утѣшенія почерпнуть нельзя. Уставъ не обязываетъ епархіальнаго начальника производить и представлять слѣдствіе или даже дознание; не сказано также нигдѣ, что синодъ станетъ поручать кому-либо,—разумѣется, не принадлежащему къ епархіи, гдѣ случится такое происшествіе,—удостовериться въ законности причинъ устраненія и даже хотъ потребовать письменнаго объясненія отъ устранимаго. Притомъ, еслибы послѣдній и сталъ какъ-либо оправдываться, то захотятъ ли ослабить авторитетъ важнаго сановника, признавъ не уважительными причины устраненія? А еслибъ онъ и оправдался даже, то легко ли будетъ ему оставаться на службѣ подъ прежнимъ начальникомъ?

Какъ правленіе, такъ и педагогическій совѣтъ, по новому уставу, представляютъ журналы своихъ засѣданій на утвержденіе архіерея. Но гарантіи, которыми пользовалось правленіе по прежнему уставу, уничтожены. Вовсе уже не сказано о томъ, что правленіе и педагогическій совѣтъ приводятъ свои журналы въ исполненіе, если епархіальный начальникъ не утвердитъ ихъ въ теченіи трехъ сутокъ, что они имѣють право представлять въ правленіе академіи (внѣшнее правленіе академій упраздняется) или въ духовно-учебное управленіе недоумѣнія, встрѣчаемыя ими по случаю предложеній и резолюцій архіерейскихъ.

Хотя въ новомъ, также какъ и въ прежнемъ, уставѣ сказано,

что ректоръ есть начальникъ собственно учебной части; но вмѣстѣ съ тѣмъ сказано, что онъ распоряжается и прочими частями; семинарія ему особенно вѣрится, и онъ отвѣтствуетъ за ея благосостояніе по всѣмъ частямъ. Наконецъ ректору предоставлена полная распорядительная власть, по которой всѣ служащіе и учащіе, начиная съ инспектора, подчинены ему, какъ начальнику, и дѣйствуютъ каждый въ кругѣ своихъ обязанностей по его указаніямъ и наставленіямъ. Онъ же можетъ публично хвалить наставниковъ, можетъ дѣлать имъ выговоры, только не при ученикахъ. Между тѣмъ, этотъ же полномочный начальникъ всѣхъ частей, всѣхъ чиновниковъ и наставниковъ семинаріи есть членъ правленія и педагогическаго совѣта, гдѣ дѣла должны рѣшаться по большинству голосовъ. Во всемъ уставѣ нигдѣ не дано поручительства, даже просто нигдѣ не сказано, что ректоръ, у котораго, какъ у всякаго человѣка, непременно есть свои слабости, свое самолюбіе, не будетъ ни подъ какимъ видомъ оскорбляться, если члены правленія и педагогическаго совѣта, по искреннему своему убѣжденію, станутъ противорѣчить ему и увлекутъ за собою большинство своихъ членовъ; равнымъ образомъ не указано ни одной гарантіи, которою могли бы защититься отъ притязаній и нападковъ ректора тѣ члены, которые будутъ въ правленіи и педагогическомъ совѣтѣ не согласны съ нимъ. При столь обширныхъ правахъ ректора, ему можно благодушно переносить слишкомъ сильную надъ нимъ власть епархіальнаго начальника: у него есть *компенсація*; притомъ ему, если онъ лицо монашествующее, нужно только *сдѣлать шагъ впередъ*, и онъ самъ будетъ полнымъ властелиномъ и ректора, и семинаріи, и еще огромнаго числа подчиненныхъ. Точно также инспекторъ, ожидая, какъ говорятъ, *ректуръ*, можетъ благодушествовать.

Совсѣмъ другое дѣло простые учителя семинаріи, какъ старшіе, такъ и младшіе. Новый уставъ семинаріи обѣщаетъ увеличить жалованье наставникамъ, не только удвоить, а даже и утроить его (кажется, такъ сказано въ журналахъ засѣданій комитета), потомъ обѣщаетъ, какъ мы выше видѣли, чрезъ каждыя пять лѣтъ увеличивать оклады одною четвертію, и предоставляетъ (по крайней мѣрѣ на бумагѣ) старшимъ учителямъ играть роль въ педагогическомъ совѣтѣ и мечтать

объ инспекціи и даже ректурѣ. Но почти этимъ все дѣло и оканчивается. Затѣмъ уставъ дѣлается уже суровымъ. Наставники семинаріи изъ кончившихъ курсъ семинаристовъ, по выдержаніи экзамена въ педагогическомъ совѣтѣ, опредѣляются правленіемъ семинаріи съ утвержденія архіерея. Никакъ нельзя понять, почему это дѣло не поручить педагогическому совѣту, который испытываетъ наставника? Къ чему тутъ выѣшивать правленіе, гдѣ болѣе половины членовъ, а иногда и всѣ могутъ не имѣть ученыхъ академическихъ степеней, какъ это будетъ доказано ниже. Наставники изъ студентовъ академіи первоначально опредѣляются духовно-учебнымъ управленіемъ, но потомъ уже становятся крѣпки той семинаріи, въ которую ихъ назначать, потому что у нихъ отнято право самимъ просить оберъ-прокурора или синодъ о перемѣщеніи ихъ изъ одной семинаріи въ другую. Такое перемѣщеніе для нихъ возможно только по взаимному соглашенію двухъ епархіальныхъ начальниковъ и того, изъ-подъ власти котораго выходитъ, и того, въ вѣдомство котораго поступаетъ наставникъ. Заботливость устава хотѣла, повидимому, предохранить наставниковъ отъ тѣхъ соблазновъ честолюбія или чиновлюбія, которыми нынѣ нѣкоторые изъ нихъ увлекаются. Новый уставъ, хотя прямо и не сказалъ, чтобы въ семинаріяхъ о чинахъ не было и помину, но высказалъ въ разныхъ мѣстахъ такія мысли, изъ которыхъ ясно видно то, чего желаетъ уставъ. Чтобы читатели могли понять не высказываемую прямо мысль устава, мы хотимъ употребить способъ, рекомендуемый герменевтикою для объясненія темныхъ мѣстъ Св. Писанія. Способъ этотъ называется *параллелизмомъ*, по которому темныя мѣста объясняются сближеніемъ ихъ съ другими одинаковаго содержанія. Въ нашемъ параллелизмѣ на первомъ планѣ нужно поставить слѣдующее мѣсто изъ журнала засѣданій комитета. Здѣсь говорится: „по отзывамъ нѣкоторыхъ начальниковъ епархій и семинарій, не мало невыгодъ заключаетъ въ себѣ допущеніе къ наставническимъ и инспекторскимъ должностямъ лицъ, состоящихъ въ свѣтскихъ чинахъ, добровольнымъ удаленіемъ изъ духовнаго званія доказавшихъ къ нему свое нерасположеніе. Образуюсь подъ такими наставниками, воспитанники получаютъ вредное убѣжденіе, что все равно чѣмъ ни быть, священникомъ или чиновникомъ, лишь бы было выгодно.“ Комитетъ не имѣлъ смѣлости прямо признать эти мысли справедливыми во всемъ ихъ объемѣ, хотя,

какъ видно изъ другихъ параллельныхъ мѣстъ, онъ питаетъ къ нимъ едва ли не самое полное сочувствіе. Въ журналѣ своемъ онъ говоритъ, что нужно поручить преподаваніе наукъ въ духовныхъ семинаріяхъ по преимуществу духовнымъ лицамъ. И въ самомъ уставѣ выражена та же самая мысль, особенно относительно старшихъ учителей. Правда, нигдѣ не сказано, что всякій учитель, рѣшившійся переименовать себя въ титулярнаго совѣтника, коллежскаго секретаря или ассессора, тотчасъ изгоняется изъ службы какъ *рабъ неключимый*. Но относительно наставниковъ и комнатныхъ надзирателей, сказано, что тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ духовнаго сана, пользуются правами священниковъ, а дѣти ихъ—правами дѣтей священническихъ. И такъ какъ затѣмъ нигдѣ во всемъ уставѣ не говорится, какими правами пользуются наставники и надзиратели, если они получаютъ гражданскій чинъ,—то не ясно ли, что комитетъ не предполагаетъ и не допускаетъ ихъ будущаго существованія въ семинаріяхъ? Наконецъ, перечисливъ нравственныя и церковно-религіозныя качества наставника, и поставивъ ихъ выше умственныхъ, уставъ прибавляетъ, что недостатокъ первыхъ не можетъ вознаградиться никакими познаніями и дарованіями. И потому всякій наставникъ, *не правосмыслящій и обнаруживающій ясное нерасположеніе къ церкви и званію священнослужительскому*, не можетъ быть терпимъ въ семинаріи. Такъ какъ слова: *обнаруживающій ясное нерасположеніе къ (церкви и) званію священнослужительскому*, приложены, въ приведенномъ выше отзывѣ епархіальныхъ и семинарскихъ начальниковъ, къ наставникамъ съ гражданскими чинами, такъ какъ комитетъ и уставъ желаютъ преимущественно наставниковъ духовнаго званія, и давая только права священниковъ наставникамъ не-священникамъ, нигдѣ не говорятъ о наставникахъ съ гражданскими чинами; то по снесенію всѣхъ этихъ параллельныхъ мѣстъ, не въ правѣ ли мы заключить, что, по новому уставу, въ семинаріяхъ не будутъ уже учить (употребимъ слова устава) наставники съ гражданскими чинами, какъ люди, *обнаруживающіе ясное нерасположеніе къ званію священнослужительскому*, а можетъ-быть и *неправосмыслящіе*.

Признаемся, мы удивлены этимъ рѣшительнымъ шагомъ. Постараемся теперь прояснить описанную въ этомъ отдѣлѣ административную систему будущихъ семинарій.

Х. Разсмотрѣніе новой предполагаемой административной системы, для управленія семинаріями.

Давно уже замѣчено, что люди, которымъ поручаются двѣ вѣтви администраціи, никогда почти не занимаются ими обѣими съ равнымъ усердіемъ, но отдають предпочтеніе той, которая считается главною по правамъ, вліянію и общественному мнѣнію; а другой посвящаютъ частичку своихъ трудовъ и времени, касаются ея мимоходомъ, а иногда даже съ нелюбовію, съ нерасположеніемъ. Далѣе, тоже давно извѣстно, что и у насъ, по крайней мѣрѣ, въ Россіи, если изъ двухъ должностей, поручаемыхъ кому-либо, одна имѣетъ дѣло съ людьми взрослыми, касается управленія ими, а другая только такъ-называемой учености; то послѣдней бываетъ нѣ очень отраднo. Кому неизвѣстно, что университеты, находившіеся подъ управленіемъ генераль-губернаторовъ, вовсе не считали себя счастливыми, и нисколько не сожалѣли, когда учебными округами начали завѣдывать лица, не занятые другими дѣлами; что гимназіи, подчиненныя мѣстнымъ губернаторамъ, очень были бы благодарны, еслибъ ихъ поставили подъ управленіе особенныхъ попечителей. Теперь допустимъ, что епархіальные начальники имѣютъ всѣ качества необходимыя для управленія духовнымъ просвѣщеніемъ, но и въ этомъ благопріятномъ случаѣ не надобно забывать, что главная ихъ должность есть епископская, а не должность попечительская надъ семинаріей; что ихъ существенныя обязанности состоятъ въ опредѣленіи и увольненіи священно- и церковно-служителей, въ управленіи ими, и во всѣхъ дѣлахъ, сосредоточенныхъ въ консисторіи, а не въ занятіяхъ учебною частію; что каждый изъ нихъ останется епископомъ, *настоящимъ, дѣйствительнымъ епископомъ*, хотя бы въ его епархіи не было не только семинаріи, но даже ни одного училища и ученаго; напротивъ, овъ будетъ только *номинальнымъ епископомъ, съ однимъ титуломъ епископа*, когда у него, кромѣ семинаріи, не будетъ никого и ничего въ управленіи. Даже при самомъ искреннемъ вниманіи къ дѣлу духовнаго образованія, преосвященные не въ состояніи будутъ заниматься имъ такъ какъ слѣдуетъ, по причинѣ множества

епархіальныхъ дѣлъ, неудовлетворительное управленіе которыми не безопасно и можетъ подать поводъ даже къ увольненію: ими нужно заниматься; тогда какъ при удовлетворительномъ состояніи епархіальныхъ, и вовсе даже неудовлетворительномъ положеніи семинарскихъ дѣлъ, еще далеко отъ увольненія. Вотъ почему управленіе семинаріями сдѣлается для преосвященныхъ второстепеннымъ занятіемъ; имъ съ полнымъ усердіемъ и вниманіемъ будетъ некогда и не за чѣмъ заняться; въ немъ надобно положиться на кого-нибудь. Пусть это будетъ ректоръ. И нынѣ бываетъ тяжело служить и учиться въ тѣхъ семинаріяхъ, которыхъ начальники пользуются безграничною довѣренностію епархіальнаго архіерея. Чтò же будетъ при новомъ уставѣ, когда власть ректора, сама по себѣ слишкомъ обширная, еще возвысится въ квадратъ, чуть не въ кубъ отъ приумноженія ея полнымъ довѣріемъ высшей контролирующей власти; когда правленію, а главное ректору, можно будетъ вполнѣ прикрываться резолюціями и приказаніями, даже словесными, архіерея; когда не будетъ академическаго внѣшняго правленія и пр.? Мы считаемъ себя счастливыми, что намъ не придется испытать на себѣ этого отеческаго управленія. Но если довѣренностію епархіальнаго начальника въ управленіи семинарій будетъ пользоваться не ректоръ, а кто-либо другой, и даже стороннее лицо для семинаріи, тогда будетъ еще хуже. Всѣ *alter ego*, всѣ временщики, всѣ не офиціальныя начальники почти всегда бываютъ самыми капризными притѣснителями. А почитать такимъ довѣріемъ кого угодно, кажется, большихъ препятствій не будетъ. Самый уставъ, какъ мы уже сказали, въ тѣхъ случаяхъ, если семинарія помѣщается не въ епархіальномъ городѣ, разрѣшаетъ архіерею узнавать о состояніи семинарій чрезъ довѣренныя лица; почему не сдѣлать примѣненія этого пункта и въ епархіальномъ городѣ? Итакъ, нельзя ожидать, чтобы подвластное управленіе архіереевъ было благотѣльнымъ для семинаріи; оно разстроитъ ихъ, не потому, скажемъ опять, что у архіереевъ будетъ недостатокъ въ требуемыхъ для этого качествахъ, а по причинамъ, нами здѣсь раскрытымъ.

По новому уставу, самостоятельность правленія и ректора семинаріи вполнѣ, какъ мы выше сказали, уничтожаются; они становятся даже ниже консисторій и должны исполнять все, чтò ни прикажутъ письменно или даже

словесно. Мы не говоримъ, чтобъ епархіальные начальники стали намѣренно злоупотреблять предоставленною имъ властію; мы этого не можемъ сказать. Но кому неизвѣстно, какъ ловкіе подчиненные умѣютъ вести свои дѣла такъ искусно, что имъ будутъ приказывать то чего они желаютъ, что одобрять всякое ихъ распоряженіе и пр. Почему бы и членамъ правленія, особенно главному изъ нихъ, не повести дѣла такимъ же выгоднымъ для себя образомъ? Теперь это дѣлать опасно; вдругъ академическое правленіе или духовно-учебное управленіе замѣтятъ отступленіе отъ закона; того и гляди получишь выговоръ. Ну, а по новому уставу академическаго правленія не будетъ; отъ выговора мы обезопасены тѣмъ, что исполнили волю начальника, противъ котораго не имѣли права протестовать. Прекрасно можно вести дѣла! Особенно хотимъ обратить здѣсь вниманіе на два обстоятельства. Въ одномъ мѣстѣ сказано, что епархіальный начальникъ дѣйствуетъ въ семинаріи, между прочимъ, по личному усмотрѣнію, словесными предложеніями. Конечно, не каждый же разъ епархіальный начальникъ будетъ пріѣзжать въ правленіе семинаріи, или требовать къ себѣ членовъ его, чтобы дѣйствовать по личному усмотрѣнію, или передать имъ словесное предложеніе. Разумѣется, въ томъ и другомъ случаѣ онъ станетъ передавать волю свою чрезъ кого-либо. Кто же будетъ этотъ счастливецъ? Какой критеріумъ будетъ данъ, чтобъ узнать, точно ли сей счастливецъ передаетъ волю начальника, а не свой собственный произволь? Чтѣ дѣлать въ такомъ случаѣ слушающимъ и долженствующимъ исполнить оную волю? Если оказать сомнѣніе или сопротивленіе, то не скажутъ ли: какъ это ты осмѣлился сдѣлать? Развѣ не знаешь, что я все могу тебѣ приказать? Ну, а если высшей воли не было, а только единое произволеніе передатчика, то опять сразу услышишь:—Экой ты дуракъ! Какъ у тебя не достало смысла, чтобы понять нелѣпность переданнаго тебѣ приказа? Развѣ я могу приказывать подобныя вещи? А потомъ какую гарантію для членовъ правленія придумаетъ уставъ на тотъ случай, когда отъ нихъ потребуютъ доказательствъ на то, точно ли они исполняли въ извѣстномъ случаѣ волю начальника, и когда этотъ начальникъ или не захочетъ по какимъ-либо соображеніямъ подтвердить вновь свою волю, или даже не въ состояніи этого сдѣлать, напримѣръ въ случаѣ смерти? Чего въ такомъ положеніи нельзя сдѣлать? Здѣсь неволью пришло

намъ на память событіе изъ начала сороковыхъ годовъ. Въ то время скоропостижно скончался одинъ изъ знаменитыхъ духовныхъ сановниковъ. Смерть его сдѣлалась извѣстною въ 11 часу утра, а между тѣмъ молва говорила, что о ней прибайженные покойника знали уже часу въ осьмомъ. „Экъ, господь, господь“, сказалъ тогда одинъ шутильщикъ въ кругу своихъ пріятелей, „я не вижу здѣсь никакого противорѣчія; смерть его в—ва дѣйствительно извѣстна была въ 8-мъ часу, но объявить объ этомъ еще нельзя было, потому что слѣдовало убѣдиться, нѣтъ ли какихъ-либо дѣлъ, которыя бы покойникъ долженъ былъ утвердить своею подписью? Справедлись, нашли кое-какія дѣлушки, сдѣлали то, что на нихъ явилась подпись покойника, которому послѣ этого уже и позволено было офиціально умереть.“ Мы не ручаемся за совершенную справедливость этого анекдота. Но тамъ, гдѣ можно прикрываться словесными приказаніями, личнымъ усмотрѣніемъ начальника, почему, въ случаѣ его смерти, не сказано такъ приказано было словесно; это сдѣлано по личному усмотрѣнію его п—ва; и все кончено. А и безъ этого особеннаго случая будетъ ли возможность членамъ правленія и педагогическаго совѣта защитить свои мнѣнія, когда имъ скажутъ: такъ приказано словесно его п—омъ; а послѣднему доложить: весь совѣтъ или все правленіе такъ думаетъ и даже проситъ васъ согласиться съ нимъ. Въ другомъ мѣстѣ уставъ даетъ право, какъ выше мы говорили, епархіальному архіерею узнавать о состояніи семинаріи чрезъ довѣренныя лица, если они находятся не въ епархіальномъ городѣ. Кто же эти довѣренныя лица? Въ каждой епархіи, кромѣ очень немногихъ, гдѣ есть викарные епископы, ректоръ есть первая особа послѣ епархіальнаго начальника. Кому же поручить разузнать о состояніи училища, состоящаго подъ управленіемъ этого лица? Тутъ неизбежно одно изъ двухъ: или разузнающій изъ уваженія къ авторитету ревизуемаго сочтетъ лучшимъ найти все въ превосходномъ порядкѣ; или если захочетъ дѣйствовать по справедливости, то обидитъ второе лицо въ епархіи; право, неловко то и другое.

Самый неумолимый врагъ духовныхъ академій долженъ сознаться, что воспитанники ихъ гораздо умнѣе и способнѣе къ преподаванію наукъ, даже гуманнѣе въ обращеніи съ учениками, нежели семинаристы. Еслибы студентъ былъ вовсе не изъ прилежныхъ, то одни идеи, передаваемые другъ другу

въ разговорахъ, которые бывають такъ живы и занимательны въ академическихъ стѣнахъ, многія лекціи, четыре года возраста, въ которомъ самый тупой человекъ, не развлекаемый житейскими дразгами, обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи, неизбѣжно много думаетъ и до многого додумывается; все это даетъ студенту академіи большое преимущество предъ семинаристомъ. Вотъ почему теперешнее духовно-училищное вѣдомство такъ настойчиво дѣлаетъ наставниками семинарій только воспитанниковъ академій, кромѣ, какъ сказано уже, немногихъ исключеній, притомъ только въ пользу монашесствующихъ лицъ, и еще преподавателей медицины и сельскаго хозяйства, которыя не читаются въ академіяхъ. Далѣе извѣстно, что въ званіи начальниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, семинаристы не бывають податливы на новыя улучшенія; для нихъ остается, большею частію, идеаломъ та рутина, по которой ихъ веда къ образованію. Кромѣ того замѣчено, что воспитанники семинарій и академій, служа гдѣсь, какъ это бываетъ въ низшихъ духовныхъ училищахъ, очень ладятъ между собою, особенно, если семинаристъ бываетъ начальникомъ академика; первый съ какимъ-то наслажденіемъ любитъ *поприжмать*, *попридавить* послѣдняго, *пошмать*, какъ говорятъ, изъ него академическую опѣсь; а этотъ, въ свою очередь, убѣжденъ, что четыре года, проведенные имъ въ академіи, дали ему не малое превосходство предъ сослуживцемъ и начальникомъ. Все это не могло не быть извѣстнымъ комитету, а, между тѣмъ, онъ въ своемъ уставѣ допускаетъ въ семинарію безъ разбора какъ академиковъ, такъ и семинаристовъ, обязывая послѣднихъ выдерживать экзаменъ предъ педагогическимъ совѣтомъ въ томъ предметѣ, который хотять преподавать. Этого мало: новый уставъ не хочетъ открыто отдать преимущество семинаристамъ, но онъ вовсе не думаетъ отдавать преимущество академикамъ. Прояснимъ эту мысль опять посредствомъ параллелизма. Допуская въ семинаріи наставниками семинаристовъ и академиковъ, новый уставъ постановляетъ, что старшимъ учителемъ академикъ можетъ сдѣлаться чрезъ шесть, а семинаристъ — чрезъ десять лѣтъ. И такъ какъ въ академіи курсъ продолжается четыре года, то очевидно, что семинаристъ, начавшій службу при семинаріи въ то время, какъ его товарищъ поступилъ въ академію, насколько не проигралъ въ служебномъ отношеніи, даже

выигралъ, потому что жилъ уже не какъ воспитанникъ, состоящій подъ опекою, а какъ должностное лицо; уже успѣлъ, такъ или иначе, въ четыре года заслужить благоклонность начальства; и когда его товарищъ возвратится изъ академіи, хотя бы со степенью магистра, то семинаристъ встрѣтитъ его какъ старый служака; а г. магистръ начинай еще службу, да прислуживайся. Зачѣмъ же идти въ академію? Далѣе, уставъ приказываетъ выбирать инспектора изъ старшихъ учителей, безъ всякаго различія, семинаристъ ли онъ, или академикъ; этого мало, уставъ, чуть ли къ первому не благоклоннѣе нежели къ послѣднему. Въ самомъ дѣлѣ, при перечисленіи разныхъ качествъ будущаго инспектора, сказано, что на эту должность пусть будетъ избираемо лицо нравственное, хотя бы оно *не имѣло высшей ученой степени*. Какъ хотите, а послѣднія слова вовсе не въ пользу академиковъ; иной увидитъ, пожалуй, въ этомъ намекъ, что лица, имѣющія высшую ученую степень, то есть магистры и кандидаты, по части нравственности, люди сомнительные; нравственныхъ-де людей ищите между не имѣющими высшей ученой степени, *сирѣчь* между семинаристами. Изъ инспекторовъ очеяь недалеко до ректорства, и потому мы, не считая себя пророкомъ, думаемъ сказать, что съ новымъ уставомъ семинаристы возьмутъ верхъ надъ академиками. Послѣдніе будутъ разчитывать на свои ученые достоинства, а первые стануть заботиться о тѣхъ нравственныхъ качествахъ, которыми выражается преданность подчиненнаго начальнику и благоговѣніе предъ его особою. Какъ такихъ людей не поддержать, не порекомендовать? Какъ послыньѣ не *внушитъ* педагогическому совѣту, чтобъ онъ ихъ избралъ въ инспекторы, поскорѣе сдѣлавъ старшими учителями? И нынѣ, когда еще духовно-учебное управленіе, святѣйшій синодъ и оберъ-прокуроръ отдають преимущество академикамъ, и нынѣ, говоримъ, послѣдніе не всегда пользуются расположеніемъ епархіальныхъ властей. И нынѣ профессору семинаріи нужно долго хлопотать, чтобы получить хорошее священническое мѣсто; семинаристовъ и тутъ часто предпочитаютъ. И нынѣ, въ одной епархіи, профессору семинаріи надобно отказать отъ своей должности, приписаться, такъ сказать, вмѣстѣ съ семинаристами къ разряду кандидатовъ священства, походить безъ мѣста даже

годикъ; и тогда епархіальная власть, вида смиреніе, а иногда безвыходное состояніе академика и бывшаго профессора, даетъ ему гдѣ-либо мѣстечко. Гг. семинаристы! не поступайте въ академію; она и выхъ не очень выгодна, а при новомъ уставѣ вовсе сдѣлается невыгодною. Если и семинаристъ и академикъ въ одно и то же время можетъ сдѣлаться старшимъ учителемъ, инспекторомъ, ректоромъ и даже чѣмъ-либо повыше, когда онъ монахъ, то зачѣмъ академія? Ужъ лучше бы сказать, что академія вовсе не нужны, и возстановить то представленіе, которое съ чѣмъ-то за двадцать лѣтъ дѣлалъ, по слухамъ, одинъ изъ епархіальныхъ архіереевъ о томъ, что вмѣсто академій въ каждой епархіи нужно прибавить одинъ лишній классъ, откуда вышедшіе ученики занимали бы учительскія и другія мѣста, предоставляемая академикамъ. Такъ какъ ректоръ и инспекторъ семинаріи могутъ быть, по новому уставу, изъ семинаристовъ, и такъ какъ другіе два члена правленія, эконокъ и блюститель, вовсе уже не имѣютъ нужды въ академическихъ аттестатахъ; то со временемъ можетъ случиться, что въ правленіи семинаріи, какъ мы выше замѣтили, не будетъ засѣдать ни одного члена комчившаго курсъ въ академіи. Вѣрно тогда образованіе въ семинаріяхъ такъ будетъ улучшено, что онѣ обойдутся уже безъ академій.

Займемся теперь наставниками будущихъ семинарій, и прежде всего разсмотримъ, справедливо ли поступаетъ новый уставъ, не только удаляя наставниковъ съ гражданскими чинами отъ должностей инспекторскихъ и смотрительскихъ, но даже имѣя, повидимому, мысль вовсе не терпѣть ихъ въ семинаріяхъ. Поводомъ, по крайней мѣрѣ офиціальнымъ, къ такому остракизму было, какъ значится въ одномъ изъ журналовъ комитета, упомянутое выше донесеніе начальниковъ епархій и семинарій о томъ, что „будто бы не мало невыгодъ заключаетъ въ себѣ допущеніе къ наставническимъ и инспекторскимъ должностямъ лицъ, состоящихъ въ гражданскихъ чинахъ, добровольнымъ удаленіемъ изъ духовнаго званія доказавшихъ къ нему свое нерасположеніе. Образуюсь подъ такими наставниками воспитанники получаютъ вредное убѣжденіе, что все равно чѣмъ ни быть, священникомъ или чиновникомъ, лишь бы было выгодно.“ Вотъ гдѣ заключается *cardo rei!*

Начнемъ дѣло съ того, точно ли наставники духовно-учебныхъ заведеній, добровольно удаляясь изъ духовнаго званія, этимъ самымъ доказываютъ къ нему свое нерасположеніе и следовательно заслуживаютъ изгнаніе изъ семинарій, по крайней мѣрѣ не стоятъ никакого повышенія въ училищной іерархіи? Причины такого удаленія различны; укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Наставникъ, прежде поступленія въ священники, успѣлъ жениться и даже овдовѣть. У него остались дѣти, или онъ чувствуетъ невозможность дѣломудренно вести безбрачную жизнь, и потому, не могши поступить въ монахи, женится въ другой разъ и посвящаетъ себя воспитанію своихъ дѣтей. Есть люди умные, дѣльные и нравственные, но съ такими физическими недостатками, которые, нисколько не препятствуя имъ быть отличными наставниками, не позволяютъ быть священниками, напримѣръ если одна рука не можетъ подняться такъ чтобы держать дискосъ на головѣ и проч. Есть люди, нерасположенные и даже неспособные къ брачной жизни, а между тѣмъ чувствующие, что не могутъ исполнять всѣхъ обѣтовъ даваемыхъ монашествующими. Неужели людей всѣхъ этихъ трехъ сортовъ, которые не могутъ по каноническимъ, или физиологическимъ, или моральнымъ причинамъ быть священниками и монахами, надобно считать врагами священнаго сословія, которые, добровольно удалившись изъ него, тѣмъ самымъ доказали къ нему свое нерасположеніе? Но есть еще наставники, которые, будучи нравственными и религіозными людьми, не поступаютъ въ духовное званіе, не чувствуя въ себѣ силъ исполнить всѣ пастырскія обязанности, возлагаемыя на священника, а между тѣмъ исполнять ихъ какъ-нибудь, не хотятъ;—которые никакъ не могутъ помириться съ тою мыслію, что имъ въ званіи священника надобно будетъ ходить по дворамъ прихожанъ и подъ прикрытіемъ исполненія духовныхъ требъ почти вымаливать, а иногда и вымогать себѣ пособіе;—которые поэтому желаютъ остаться въ окромной долѣ наставника и быть въ ней полезными, отказываясь отъ возможности занимать очень богатые приходы и довольствуясь бѣднымъ жалованьемъ учительскимъ. Это люди съ высокою нравственностію, съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ! Не гораздо ли они лучше, нравственнѣе и религіознѣе тѣхъ, которые принимаютъ на

себя священное званіе того или другаго рода съ тѣмъ чтобы воспользоваться соединенными съ ними житейскими выгодами, чтобы возвыситься надъ своими сверстниками посредствомъ своей одежды, разбогатѣть въ богатыхъ пребывахъ, и пр. и пр.? Последніе-то, а не первые, дѣйствительно вредны духовному юношеству, которое въ ихъ примѣрѣ получаетъ вполне вредное убѣжденіе, что можно поступить во всякое сословіе, давать какіе угодно обѣты, лишь было бы хорошо, хотя бы мы не были ни способны, ни расположены исполнять тѣ обѣты и обязанности, которыя налагаемъ на себя? Наконецъ менѣе всего можно сказать, что наставники поступаютъ будто бы въ свѣтское званіе изъ выгоды, когда они получаютъ самое ничтожное жалованіе, лишаются класснаго оклада, осуждаютъ себя умереть на одномъ мѣстѣ безъ всякой надежды на промоцію и награды, тогда какъ, сдѣлавшись священниками или монахами и оставаясь наставниками, они несравненно больше имѣли бы матеріальныхъ выгодъ? Бѣдные вы люди! Какъ несправедливо возстаютъ на васъ! И за что! Ужь не за то ли что вамъ въ вашей одеждѣ, съ вашими чинами, неприлично и не удобно кланяться до земли? Новый уставъ, намѣренно или ненамѣренно, ни слова не оказалъ о томъ, какъ надобно смотрѣть на тѣхъ наставниковъ, которые, не поступая въ духовенство, не берутъ также гражданскихъ чиновъ, остаются во фракѣ и сюртукѣ по десяти, двадцати и болѣе лѣтъ, даже во всю свою жизнь, остаются какими-то межеумками, духовно-свѣтскими людьми или свѣтскими церковниками? Что въ нихъ нужно предполагать, расположеніе или нерасположеніе къ священному сословію? Подаютъ или не подаютъ они поводъ воспитанникамъ получить вредное убѣжденіе, что все равно чѣмъ ни быть, священникомъ или ничѣмъ, лишь бы было хорошо? И потому изъ будущихъ семинарій сдѣлается ли ихъ выгнать или нѣтъ? Если новый уставъ позволить имъ оставаться въ семинаріяхъ, то этимъ покажетъ только близорукое нерасположеніе къ слову: чинъ. Наставникъ, получившій гражданскій чинъ, добросовѣстнѣе тѣхъ, которые не надѣвуютъ рясы и не берутъ чиновъ, потому что онъ отказывается отъ класснаго оклада, а эти, часто не имѣя намѣренія поступить въ духовное званіе, между тѣмъ пользуются деньгами, которыя даются именно въ томъ предположеніи, что они рано или поздно сдѣлаются монахами или

священниками (впрочемъ, мы извиняемъ ихъ: 100 руб. и даже 71 р. 50 к. класснаго при нынѣшнемъ ничтожномъ жалованьи много значать для бѣдняка). Притомъ съ которыхъ поръ надобно будетъ начать счетъ касательно нерасположенія къ священному ословію? Послѣ четырехъ ли, десяти ли лѣтъ службы, или болѣе?

Но, можетъ-быть, опытомъ дознано, что свѣтскіе наставники, особенно съ гражданскими чинами, дѣйствительно вредны для духовно-учебныхъ заведеній? А мы спросимъ: гдѣ доказательства на это? Насчетъ ума и способности ихъ преподавать науки, никто не можетъ даже намекнуть. Ну, а нравственность и религіозное направленіе? Нравственность и религія! Мудрено о васъ говорить. Чего вами не прикрываютъ? Но и о недостаткѣ въ этихъ качествахъ въ свѣтскихъ наставникахъ опять никто не сдѣлалъ и намека. Ты, свѣтское общество, мало знаешь о свѣтскихъ наставникахъ духовно-учебныхъ заведеній; тебѣ они неизвѣстны. Мы, воспользовавшись своею памятью и адресъ-календаремъ, пересчитаемъ фамиліи тѣхъ изъ нихъ, которые съ 1815 года служили въ академіяхъ; по всей вѣроятности, мы многихъ пропустимъ; пусть они извиняютъ насъ; всего не упомянешь. А ты, свѣтское общество, спроси обучавшихся въ духовныхъ академіяхъ объ этихъ профессорахъ, спроси: полезные ли, нравственные ли, религіозные ли они люди, подавали ли дурные примѣры и пр. и пр.; разспрашивай строго, требуя доказательствъ. Мы смѣло говоримъ, что о большинствѣ этихъ людей ты услышишь отличные отзывы во всѣхъ отношеніяхъ. По крайней мѣрѣ и бѣлое и черное духовенство, каждое отдѣльно, едва ли представлять изъ своихъ сочленовъ столько полезныхъ дѣятелей по училищной службѣ, сколько было ихъ между этими людьми. Вотъ они: въ академіи Петербургской: Сербинскій, Степанъ Райковскій, Вѣтринскій, Красносельскій, Сосницъ, Вершинскій, Карповъ, Вознесенскій, Долоцкий, Лучинскій, Ловягинъ, Чистовичъ, Чельцовъ, Предтеченскій, Шалфеевъ, Кояловичъ, и пр.; въ Киевской: Новицкій, Чеховичъ, Амфитеатровъ, Михневичъ, Гогоцкій, Пѣвницкій, Юркевичъ; въ Казанской: Гусевъ, Беневоленскій, Ильминскій, Соколовъ; въ Московской: на чиновныхъ профессоровъ лѣтъ урожая, но за то были и есть многія лица, долго служившія во фракахъ, имена: Платоновъ, Архидіаконскій,

Амфитеатровъ, Горскій (ему чрезъ 30 почти лѣтъ службы дозволено безъ женитьбы быть священникомъ; теперь онъ ректоромъ академіи), Капустинъ, Гуляровъ-Платоновъ, Кудрявцевъ и пр. Изъ перечисленныхъ лицъ, большинство, конечно, будетъ всѣми одобрено. Въ академіяхъ, особенно въ Петербургской, въ прежнее время ихъ даже предпочитали священникамъ. Но вотъ еще доказательство, относящееся собственно къ духовной учености. Въ одной Петербургской академіи занимаются нынѣ собственно духовною ученостію, богословскою, историческою и церковною, или переводя византійскихъ историковъ, или издавая свои сочиненія, или участвуя въ *Христіанскомъ Читаніи* и другихъ духовныхъ журналахъ, гг. Карповъ, Долоцкій, Лучицкій, Ловягинъ, Чистовичъ, Чельцовъ, Кояловичъ, Предтеченскій. Пусть противники свѣтскихъ наставниковъ найдутъ столько же именъ изъ духовныхъ лицъ всѣхъ академій, которые бы столько же занимались духовною ученостію, какъ перечисленные нами лица.

Кажется, не нужно болѣе доказывать, что нѣтъ никакихъ поводовъ изгонять свѣтскихъ наставниковъ изъ духовныхъ училищъ; напротивъ есть много основательныхъ причинъ удержать ихъ и постараться объ увеличеніи числа ихъ. Поэтому комитетъ и новый уставъ поступили бы лучше, еслибы обнаружили всю незаказанность мнѣнія нѣкоторыхъ начальниковъ епархій и семинарій о вредѣ наставниковъ съ гражданскими чинами, и потомъ представили на усмотрѣніе свѣтѣйшаго синода, нельзя ли, кромѣ бѣлаго и чернаго, составить, такъ сказать, *третье духовенство, свѣтское, ученое*, состоящее изъ тѣхъ наставниковъ, которые, не поступая ни въ монахи, ни въ священники, посвящаютъ всю свою жизнь училищной службѣ и ученымъ занятіямъ по духовнымъ училищамъ; нельзя ли этимъ умнымъ, ученымъ, дѣятельнымъ, и нисколько не менѣе прочихъ наставниковъ нравственнымъ и религіознымъ людямъ, предоставить право не только на инспекторскія, но даже и на ректорскія мѣста, хотя бы они имѣли и гражданскіе чины? Они происходятъ то же изъ духовнаго званія, воспитывались въ духовныхъ училищахъ, сѣдуя въ богословскихъ наукахъ ни чуть не менѣе своихъ сослуживцевъ священниковъ и даже начальниковъ, любятъ духовенство, желаютъ ему пользы, а только по своимъ обстоятельствамъ и расположенію не только не богопротивному, но

заслуживающему уваженія, находятъ неудобнымъ или затруднительнымъ надѣть рясу. Далѣе монахъ, начальникъ и наставникъ, имѣеть въ виду іерархическія степени; училище для него, только дорога, по которой онъ долженъ шествовать, чтобы достигнуть высшей должности въ духовенствѣ. У священника и протоіерея въ званіи наставника и начальника семинаріи менѣе видовъ нежели у монаха; но если онъ не поѣхавъ на ученой карьерѣ, у него будетъ непременно приходъ въ хорошей церкви. Но у свѣтскаго ученаго духовенства ничего бы не было въ виду кромѣ службы при семинаріи; ему нѣтъ возможности прикрываться священнымъ званіемъ; въ случаѣ несправности ему пришлось бы остаться безъ мѣста. У него только и есть одинъ недостатокъ, именно недостатокъ въ извѣстной одеждѣ.

Будущимъ наставникамъ семинарій обѣщается большое жалованіе и прогрессивное съ лѣтами службы увеличеніе его; во эта выгода зависитъ отъ избытка денегъ; за недостаткомъ ихъ, наставники могутъ остаться при нынѣшнемъ жалованіи. За то, безъ всякаго затрудненія съ финансовой стороны, можно ввести многія распоряженія новаго устава, которыя поставятъ наставниковъ въ худшее положеніе противъ прежняго. Нынѣ, въ случаѣ притѣсненій со стороны начальства, въ случаѣ климатическихъ неудобствъ мѣста службы, наставникъ еще можетъ проситься въ другую семинарію, и его просьба, при уважительныхъ причинахъ, считается всегда уважаема. Но въ будущей семинаріи все будетъ зависетьъ только отъ двухъ лицъ, изъ которыхъ одно можетъ не отпускать его отъ себя по тѣмъ же причинамъ, по которымъ онъ бѣжитъ, а другое можетъ-быть и не слышало о немъ. Нынѣ онъ можетъ избирать себѣ званіе по внутреннему расположенію, можетъ быть священникомъ, или ходить во фракъ, можетъ взять не для себя, а для гражданскихъ выгодъ своихъ дѣтей, чинъ, но въ будущей семинаріи надѣвай рясу непременно, иначе ступай вонъ, или оставайся, но не рассчитывай ни на какое повышеніе.

Прочитай въ одномъ изъ параграфовъ новаго устава, что ректорами въ будущихъ семинаріяхъ могутъ быть лица благаго духовенства, кто-нибудь, пожалуй, подумаетъ: вотъ наконецъ заслуженные протоіереи станутъ управлять семинаріями. По нашему мнѣнію, не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться такими надеждами. И по

прежнему уставу духовныхъ училищъ, протоіереи могли быть ректорами и инспекторами не только семинарій, но и академій, а между тѣмъ мы уже сказали *какое огромное количество* лицъ блага духовенства ректорствуетъ и инспекторствуетъ нынѣ. Лица, отъ которыхъ будетъ зависѣть и въ будущихъ семинаріяхъ окончательное назначеніе ректоровъ и инспекторовъ, останутся тѣ же самыя, которыя теперь не пользуются постановленіями допускающими протоіереевъ и священниковъ къ начальническимъ мѣстамъ въ академіяхъ и семинаріяхъ. Будутъ какія-либо исключенія, но система не измѣнится. Самъ новый уставъ даетъ намъ право такъ думать. Онъ находитъ нужнымъ представлять въ святѣйшій синодъ послужные списки о наставникахъ только чрезъ пять лѣтъ, но изъ этого правила дѣлаетъ исключеніе для начальниковъ, и для тѣхъ наставниковъ, которые имѣютъ инокескій санъ. О начальникахъ мы не говоримъ, но съ какою цѣлю сдѣлано исключеніе для монашествующихъ наставниковъ? Скажете: они со временемъ могутъ быть инспекторами и ректорами. Но вѣдь священникамъ и протоіереямъ предоставлена та же возможность; между тѣмъ о нихъ не находятъ нужнымъ представлять ежегодно послужные списки. Новый уставъ вѣрно разчитываетъ, что есть нужда напоминать высшему начальству о монашествующихъ наставникахъ. Не справедливо ли мы сказали, что большой перемѣны въ системѣ замѣщенія начальническихъ мѣстъ въ семинаріяхъ ждаты нельзя?

Прибавимъ нѣсколько словъ о правленіи и педагогическомъ совѣтѣ. И по прежнему уставу въ правленіи каждый членъ имѣлъ отдѣльный стулъ, могъ подавать голосъ и даже письменное мнѣніе, хотя бы оно было несогласно съ мнѣніемъ ректора. И въ новомъ уставѣ также есть правленіе и еще педагогическій совѣтъ. Но сѣдовало подумать о томъ, есть ли возможность членамъ правленія и педагогическаго совѣта свободно, безъ опасности, высказывать свое мнѣніе? Ректоръ есть полный хозяинъ по всѣмъ частямъ управленія семинарскаго; отъ него вполнѣ зависятъ всѣ служащіе при семинаріи. Какой же тутъ голосъ можно водать? По вашему мнѣнію, если уже хотѣть чтобы ректоры были властителями семинаріи, то пусть они и отвѣчаютъ за все, и избираютъ себя въ помощники кого знаютъ, и пусть съ этихъ безмоавныхъ исполнителей не будетъ никакого взысканія. Но если

дѣйствительно находите нужнымъ имѣть при семинаріяхъ правленія и педагогическіе совѣты съ членами, то дайте послѣднимъ возможность высказываться безъ опасности для нихъ. Пусть преподаватель ихъ будетъ только *primus inter pares*. Иначе всѣ члены будутъ существовать для того только чтобы ректору было съ кѣмъ-нибудь раздѣлить выговоръ начальства, или чтобы еще съ бѣльшимъ удовольствіемъ раздробить на нѣсколько частей какой-либо денежный пацетъ. Наконецъ нельзя не замѣтить здѣсь объ оязательномъ почти противорѣчій между пунктами новаго устава, касающимися ректора. Онъ, какъ мы уже не одинъ разъ говорили, есть полный начальникъ всѣхъ частей и лицъ семинаріи, ему ввѣрена полная распорядительная власть по всѣмъ частямъ, всѣ дѣйствуютъ по его указаніямъ и наставленіямъ. Ну, а если кто-либо не послушается его? Судя по власти, ему предоставленной, расчетъ съ непослушнымъ короткій. Надобно тотчасъ представить епархіальному начальнику о его немедленномъ удаленіи изъ семинаріи; вѣдь онъ не послушался указаній и наставленій начальника, которому ввѣрена полная распорядительная власть по всѣмъ частямъ. Между тѣмъ въ уставѣ оказано, что если ректоръ замѣтитъ неисправности по инспекторской и экономической частямъ, то онъ долженъ *объясниться* съ инспекторомъ и экономомъ, *подавать совѣты*, и въ случаѣ неисполненія ихъ уже входить записками въ правленіе. Зачѣмъ тутъ объясненія и совѣты? Объясняются только съ равными; совѣты даютъ тѣмъ, кому не имѣютъ права приказывать; а подчиненнымъ, которые дѣйствуютъ по указаніямъ и наставленіямъ начальника, имѣющаго въ рукахъ полную распорядительную власть, только приказываютъ.

Мы уже описали устройство католическихъ духовныхъ училищъ. Не угодно ли сблизить съ ними новыя наши семинаріи? Онѣ будутъ въ полной зависимости отъ мѣстнаго епархіальнаго начальника, дѣйствующаго по личному усмотрѣнію, словесными распоряженіями. Въ нихъ ректоръ есть другой, почти столько же, по отношенію къ наставникамъ, полный начальникъ, которому подчинены всѣ лица и всѣ части управленія семинаріи. Правленіе и педагогическій совѣтъ лишены всякой гарантіи; имъ остается исполнять только приказанія, даже словесныя. О наставникахъ нечего и говорить; они уже въ полнѣйшей зависимости

отъ своихъ ближайшихъ властей. Понятно, почему хотять наполнять эти училища только одними духовными лицами. Члены нашего духовенства, какъ извѣстно, слишкомъ затруднены не только выходомъ изъ своего сословія, но даже переходомъ изъ одной епархіи въ другую. Одни, оставивъ духовное званіе, должны будутъ поступить въ податное состояніе, а другіе ждать нѣсколько лѣтъ, чтобъ опредѣлиться куда-либо чиновникомъ. Поневолю останешься въ томъ же званіи, какъ бы дурно въ немъ ни было. Съ этими людьми можно безъ церемоніи обращаться. Другое дѣло люди носящіе фракъ, сюртукъ, пальто и пр., хотя бы они и происходили изъ духовнаго званія. Они всегда могутъ выйти въ другое сословіе, не разстригаясь. А если еще имѣютъ гражданскій чинъ, то начальникъ затруднится сказать имъ ты или что-либо, чего не говорятъ всякому. Въдѣ коллежскаго, статскаго и разныхъ другихъ совѣтниковъ нельзя величать дураками. Такихъ людей трудно приучить къ безусловному повиновенію, къ непрекословному перенесенію всего; изъ нихъ трудно составить что-нибудь въ родѣ штата католическихъ семинарій. Не это ли же обстоятельство было причиною того, что нѣкоторые начальники, какъ замѣчаетъ комитетъ въ журналѣ своихъ засѣданій, нашли невыгоды оставлять людей съ гражданскими чинами въ духовно-училищной службѣ?

ТУМАЕВЪ.

МЕЛОДІЯ

Мѣсяць зеркальный плыветъ по лазурной пустынь,
Травы степныя увизаны влагой вечерней,
Рѣчи отрывистыя, сердце опять суевѣрныя,
Быстрыя тѣни вдали удегаса въ ложбинѣ.

Въ этой ночи, какъ въ желаніяхъ, все безпредѣльно,
Крылья растутъ у какихъ-то воздушныхъ стремленій—
Взялъ бы тебя—и помчался бы также безцѣльно,
Свѣтъ унося, покидая невѣрныя тѣни.

Можно ли, другъ мой, вздыхать о тяжелой кручинѣ?
Какъ не забыть, хоть на время, язвительныхъ терній!?
Травы степныя сверкаютъ росой вечерней,
Мѣсяць зеркальный бѣжитъ по лазурной пустынь.

А. ФЕТЬ.

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ ВЪ АНГЛІИ

ИЛИ

ВОСПОМИНАНІЯ ФРАНЦУЗСКАГО ИЗГНАВНИКА ¹

ХІІІ.

До сихъ поръ я ограничивался разказами о деревнѣ Линморъ; но я довольно часто выѣзжалъ оттуда, чтобы повидаться съ другомъ моимъ, мистеромъ Норрисомъ. Не говоря уже о томъ, что бесѣды съ нимъ производили на меня всегда пріятное и полезное впечатлѣніе, такъ какъ мы сходились съ нимъ во вкусахъ и мнѣніяхъ, болѣе чѣмъ съ кѣмъ-либо изъ знакомыхъ моихъ въ Линморѣ, мнѣ очень интересно было сравнивать нравы и постановленія двухъ деревень. Кингсфордъ былъ дальше отъ Лондона чѣмъ Линморъ; въ Кингсфордѣ какъ-то искреннѣе были отношенія между сосѣдями, а равно и между отдѣльными деревнями графства. Знатныя семейства графства заступали здѣсь мѣсто богатыхъ линморскихъ семействъ, и многія благотворительныя ассоціаціи обнимали не одну деревню, но часто двѣ, три, а иногда даже и цѣлое графство.

Клубъ взаимнаго вспомошествованія принадлежалъ къ послѣднему разряду: онъ обнималъ цѣлое графство. Впрочемъ, въ каждой деревушкѣ былъ особый клубъ, состоявшій подъ управленіемъ своихъ членовъ; онъ имѣлъ связи съ другими деревнями и такимъ образомъ входилъ въ составъ группы клубовъ, зависѣвшихъ отъ общаго клуба.

Трое или четверо изъ самыхъ значительныхъ мѣстныхъ

---

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 4.

землевладельцевъ управляли клубомъ графства. Такъ какъ государство не вмѣшивается въ управление этими обществами, то гораздо удобнѣе, когда люди богатые и знатные наблюдаютъ за ними и берутъ на себя трудъ помѣщать значительные капиталы, находящіеся въ распоряженіи ассоціаціи.

По какому-то случаю праздникъ клубовъ въ сосѣдней съ Кингсфордомъ деревнѣ не состоялся въ Троицынъ день; его назначено было справлять въ то самое время, когда я былъ въ гостяхъ у мистера Норриса. Онъ предложилъ мнѣ отправиться туда, и я съ радостію согласился. Подобные праздники здѣсь всегда начинаются проповѣдью и молитвой. Проливной дождь помѣшалъ намъ явиться во-время, и присутствовать въ церкви; но мы успѣли къ обѣду, приготовленному въ палаткѣ. Хотя одни мужчины допускались въ члены клуба, но и сосѣднія дамы, интересовавшіяся праздникомъ, обѣдали въ клубѣ за столомъ почетныхъ членовъ. Обстановка обѣда была та же, какъ и на обѣдѣ у козцовъ; нѣсколько разноцвѣтныхъ знаменъ развѣвалось между гирляндами зелени.

Въ Англіи никогда не бываетъ обѣда безъ приправы спичей, возгласовъ и тостовъ. Обычаи страны, конечно, не были нарушены и въ этотъ разъ. Потомъ мы отправились черезъ поле на возвышеніе, гдѣ женщины и дѣти, собравшись въ палаткѣ, слушали, въ ожиданіи насъ, деревенскую музыку. Дождь прекратился, и вѣтеръ скоро высушилъ мѣсто, приготовленное для игръ и танцевъ.

Крикетъ, бѣганье въ запуски, игра въ мячъ заняли скоро большую часть присутствующихъ, между тѣмъ какъ молодые люди искали себѣ партнеровъ, чтобы пригласить ихъ на *country dance*¹, веселый и необыкновенно живой танецъ. Видя, какъ становятся одна противъ другой двѣ длинныя линіи кавалеровъ и дамъ, я думалъ, что онѣ исполняютъ что-нибудь въ родѣ нашего танца, *bourrée*, но *country dance* несравненно разнообразнѣе, оживленнѣе его и даже большей части извѣстныхъ мнѣ танцевъ. Крестьянки были одѣты какъ свѣтскія дѣвицы, съ шляпками на головахъ, а молодые люди въ пальто и съ медалью общества въ петлицѣ.

Я любовался, какъ они хорошо держали себя, и замѣтилъ, что въ первый разъ вижу, какъ въ Англіи танцуютъ на

¹ Собственно: сельскій танецъ; отсюда французское *contredanse*, наше *контрадансъ*.

открытомъ воздухѣ; одна изъ дамъ, мистриссъ Г., сказала мнѣ, что это старинное обыкновеніе сохраняется не безъ затрудненій.

— Многіе пасторы не одобряютъ танцевъ, сказала она мнѣ,—и пасторъ нашей деревни удалился на нѣсколько дней изъ дому, чтобы присутствіемъ своимъ не показать, что одобряетъ эту забаву. Мы принуждены были пригласить сосѣдняго пастора для произнесенія обычной проповѣди.

Мистеръ Норрисъ подошелъ къ намъ въ ту самую минуту, когда мистриссъ Г. выражала свое неудовольствіе противъ своего приходскаго священника, неудовольствіе, которому, признаюсь, я вполнѣ сочувствовалъ.

Обратясь къ моему другу, я сообщилъ ему нашъ разговоръ и выразилъ свое удивленіе касательно этой нетерпимости.

— Напрасно вы удивляетесь, отвѣчалъ онъ:—предубѣжденіе противъ танцевъ очень распространено у насъ, и не безъ причины. Не то чтобъ это развлеченіе само-по-себѣ не было очень невинно, но къ сожалѣнію, съ этою забавою, какъ и со всѣми другими, еще болѣе позволительными забавами часто сопряжены дурныя послѣдствія. Напримѣръ, въ нашемъ графствѣ бывають собранія, такъ-называемыя *May meetings*, происходящія въ шинкахъ и продолжающіяся по нѣскольку дней. Тамъ предаются пьянству, пляскѣ, и часто истрачивають сбереженія цѣлаго года. Отвращеніе, которое чувствуютъ пасторы къ этимъ *May meetings*, вооружаетъ ихъ даже противъ невинныхъ танцевъ; они опасаются, чтобы страсть къ танцамъ не повела къ подобнымъ пирамъ, и, конечно, еслибы мистриссъ Г. и прочія дамы и мушкетеры не ставили себѣ въ обязанность оставаться до девяти часовъ и наблюдать чтобы деревенскій людъ расходился въ порядкѣ, то непременно вышло бы какое-нибудь злоупотребленіе.

Когда мы подъѣзжали къ Кингсфорду, то насъ остановила телѣжка, вокругъ которой собралась толпа народа. Мистеръ Норрисъ, полагая что случилось какое-нибудь несчастіе, поспѣшно вышелъ изъ экипажа. Я послѣдовалъ за нимъ, и мы подошли къ телѣжкѣ, на которой сидѣли два мальчика и полисменъ. Человѣкъ, судя по наружности, довольно достаточный, съ гнѣвомъ говорилъ что-то полисмену: то былъ отецъ одного изъ маленькихъ арестантовъ. Увидя мистера Норриса, онъ закричалъ ему:

— Моего сына ведутъ къ суду, за то что онъ будто бы поджегъ ферму... Это срамъ! Какъ, одного изъ моихъ дѣтей, сына Вильяма Симона, подозревать въ подобномъ злодѣяніи!

— Успокойтесь, сказалъ мистеръ Норрисъ, кладя ему руку на плечо:—кто же обвиняетъ вашего сына?

— Онъ самъ себя выдалъ, перебилъ полицменъ, и сталъ разказывать, что, увидѣвъ двухъ спорившихъ мальчиковъ, онъ подошелъ къ нимъ и услышалъ, какъ одинъ изъ нихъ кричалъ другому: „Кто поджегъ ферму?“—„А, отвѣчалъ тотъ,—ты можешь идти и разказать это; я отпираться не стану.“ Несчастный едва успѣлъ выговорить эти слова, какъ полицменъ схватилъ его и сказалъ: „А, такъ это ты поджегъ ферму?“— „Да, я,“ возразилъ маленькій преступникъ съ гордостью. Тогда полицейскій взялъ обоихъ дѣтей, чтобы представить ихъ суду.

Отецъ маленькаго преступника былъ человекъ строгій. Когда отецъ спросилъ его: „Ты ли поджегъ ферму?“ то мужество бѣднаго мальчика поколебалось при видѣ отцовскаго гнѣва, и онъ отвѣчалъ отрицательно. Тутъ мистеръ Норрисъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Ну, Робертъ, сказалъ онъ ласково несчастному ребенку, — ты знаешь, что мы друзья, ободрись. Если ты виноватъ, то сейчасъ же признайся и переinesi наказаніе, какъ слѣдуетъ порядочному мальчику. Будь увѣренъ, что такъ будетъ лучше.

Мальчикъ подумалъ съ минутою, потомъ, глубоко вздохнувъ, призналъ себя виновнымъ.

Полицменъ, выведенный изъ терпѣнія продолжительностію этой сцены, ударилъ по лошади и увезъ съ собою мальчика, который отцовскихъ упрековъ боялся пуще тюрьмы.

Дорогою мистеръ Норрисъ растолковалъ мнѣ всю важность этого открытія.

Полгода тому назадъ, одна сосѣдняя ферма сгорѣла, а виновнаго не отыскали. Страховое общество отказалось выдать вознагражденіе, подѣ тѣмъ предлогомъ, что локомотивы сосѣдней съ фермою желѣзной дороги произвели пожаръ. Однимъ словомъ, желѣзная дорога, страховое общество, фермеръ, всѣ вовлечены были въ процессъ, и вотъ самый простой случай открылъ намъ, что причиною этого несчастія были двое дѣтей, которые для забавы зажгли пучокъ соломы.

— Что же сдѣлаютъ съ этими дѣтьми? спросилъ я.

— Ихъ поведутъ обоихъ къ судѣ, отвѣчалъ мистеръ Норрисъ,—потому что если одного обвиняютъ, то другой долженъ служить свидѣтелемъ; потомъ если судья найдетъ, что нужно произвести слѣдствіе, то онъ дастъ полиціи *warrant*, или письменное приказаніе, тотчасъ же задержать виновнаго. Если обвиненіе покажется не очень важнымъ, то онъ ведетъ представить его предъ малый мировой съездъ (*Petty sessions*). Но я боюсь, что дѣло слѣшкомъ важно, и Робертъ Симонъ долженъ будетъ явиться передъ общій съездъ (*Quarter session*). Тогда его задержать до слѣдующей сессіи, которая откроется не прежде двухъ мѣсяцевъ.

Опасенія мистера Норриса были очень основательны; вечеромъ его извѣстили, что Роберта Симона потребуютъ не къ общему собранію мировыхъ судей, но,—что гораздо важнѣе,—въ ассизный судъ, который одинъ можетъ разбирать дѣла о поджигательствѣ, и вслѣдствіе этого, судья долженъ былъ отослать подсудимаго въ тюрьму, пока не соберется ассизный судъ, а до засѣданія его осталось еще три мѣсяца. Такъ какъ отецъ отказался взять его на поруки, то мистеръ Норрисъ могъ сдѣлать въ его пользу только одно—съѣздить къ смотрителю тюрьмы, и попросить его отдѣлать этого мальчика отъ другихъ преступниковъ, въ чемъ и успѣлъ безъ труда.

Когда мы пріѣхали къ мистеру Норрису, то нашли у него пастора, посвѣщеніе котораго заставило насъ поспѣшить домой. Онъ явился, посовѣтоваться съ мистеромъ Норрисомъ о воспитаніи бѣдныхъ дѣтей. Слѣдствіемъ этого посвѣщенія было одно изъ самыхъ лучшихъ учрежденій въ дѣлѣ народнаго образованія этой страны: *the Hants and Wilts educational Union*.

Мистеру Б... было дѣтъ подъ пятьдесятъ и, хотя онъ составлялъ рѣзкую противоположность съ другимъ своимъ, мистеромъ Норрисомъ, но подобно ему былъ замѣчательнымъ типомъ англійскаго пастора. По происхожденію своему, онъ принадлежалъ къ высшей аристократіи и отличался всеми ея достоинствами. Подобно мистеру Норрису, онъ былъ убѣжденъ, что образованіе можетъ могущественно содѣйствовать религіи, и эти два человека, пораженные незначительностію умственнаго прогресса въ массахъ, сошлись условиться о средствахъ какъ бы такъ устроить, чтобы въ ихъ мѣстности ученіе было болѣе дѣйствительно. Видя, что они разговариваютъ о своемъ предпріятіи съ юношескимъ жаромъ, побѣждающимъ

всякое препятствіе и разочарованіе, я не могъ не любоваться этою силой христіанскаго подвижничества, которую ничто не утомляетъ, ничто не страшитъ. Да, говорилъ я самъ себѣ, вотъ два человѣка: одинъ отличается высокимъ образованіемъ, другой принадлежитъ къ высшему обществу, и оба со страстію занимаются дѣломъ, требующимъ отъ нихъ большого терпѣнія и большой траты времени. Какъ ошибаются люди, воображающіе, что сельскій священникъ, котораго происхожденіе и образованіе нисколько не выше бѣдныхъ прихожанъ, лучше знаетъ ихъ потребности чѣмъ священникъ принадлежащій къ высшему уровню. Мнѣ кажется, напротивъ, что чѣмъ болѣе развиты способности человѣка, тѣмъ тяжеле смотрѣть ему на униженіе своихъ ближнихъ.

XIV.

Въ деревняхъ, гдѣ средства родителей слишкомъ ограничены, обыкновенно дѣтямъ рано приходится бросать книги для полевыхъ работъ. Грустно подумать, что ученіе пропадаетъ для нихъ, что они мало-по-малу забываютъ то чему успѣли научиться благодаря стараніямъ и терпѣнію своего учителя. Припомните еще, что въ этомъ возрастѣ, когда развиваются тѣлесныя силы, юноша чувствуетъ одну только потребность—употребить ихъ въ дѣло. Можетъ-быть, по достиженіи совершеннолѣтія, онъ будетъ лишь изрѣдка и то не совсѣмъ твердо читать случайно попавшій ему въ руки журналъ, но можно сказать, что для него чтеніе, этотъ источникъ отрады и наслажденія, никогда не обратится въ постоянную привычку. А между тѣмъ, человѣку необходимы пріятныя развлеченія, и если онъ не найдетъ ихъ въ умственныхъ занятіяхъ, то примется искать въ удовлетвореніи грубыхъ инстинктовъ и въ чувственныхъ наслажденіяхъ.

Какъ помочь этому быстрому перерыву ученія и какимъ образомъ продлить для взрослыхъ благо образованія? Вотъ вопросы, занимавшіе мистера Норриса и мистера Б.... Они нашли, что устройство вечернихъ классовъ будетъ лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли. Но недостаточно открыть школы, необходимо привлечь въ нихъ учениковъ, удержать ихъ приманкою нѣкоторыхъ выгодъ, поощрить усердіе учителей наградами, и, наконецъ, заинтересовать въ этомъ дѣлѣ богатыхъ и вліятельныхъ людей. Эту трудную проблему рѣшили трое благонамѣренныхъ людей, мистеръ

Бестъ, пасторъ Беконъ и мистеръ Порталъ, основавшіе въ 1853 году общество, *Hants and Wilts educational Society*, благодѣанія котораго должны были распространиться на графства Гемпширъ и Вилтъширъ.

Слѣдующее извлеченіе изъ циркуляра, въ которомъ изложены главные основанія общества, дастъ понятіе о цѣли этого учрежденія:

„Мы предположили себѣ, сказано въ этомъ циркулярѣ, слѣдующую цѣль: оказывать пособіе литературнымъ и ученымъ учрежденіямъ, публичнымъ библіотекамъ и заламъ для чтенія; заводить и поощрять развозку книгъ; содѣйствовать учрежденію вечернихъ классовъ; устраивать чтенія, экзамены и выдавать дипломы и награды.

„Заведенія и залы для чтенія, существующія уже въ городахъ, будутъ допускаемы къ участию въ обществѣ съ ежегоднымъ взносомъ 6 р. 50 к. сер., а въ простыхъ деревенскихъ школахъ со взносомъ 1 р. 50 к. с. Всякое учрежденіе, вступившее въ союзъ съ обществомъ, сохраняетъ свою организацію и свои собственные постановленія.

„Всякое лицо, желающее сдѣлаться членомъ общества, допускается въ него со взносомъ 6 р. 50 к. ежегодно, или съ обязательствомъ исполнить *три чтенія* въ продолженіи года въ одномъ изъ союзныхъ учрежденій.“

Слово *чтенія* (*lectures*) имѣетъ въ Англіи особое значеніе. Подъ этимъ названіемъ разумются бесѣды о предметахъ ученыхъ и литературныхъ, нѣчто въ родѣ разговора съ слушателями. Искусство *чтеца* (*lecturer*) состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать науку доступною для малообразованныхъ умовъ, привлечь вниманіе слушателей простыми объясненіями и анекдотами. Лордъ Пальмерстонъ весьма остроумно замѣтилъ, что *lecturer* въ отношеніи къ слушателю то же что проводникъ въ отношеніи къ путешественнику: дорогою краткою и легкою онъ ведетъ его къ тому, съ чѣмъ ему должно ознакомиться.

Вотъ какимъ образомъ общество поощряетъ учрежденіе вечернихъ школъ. Вопервыхъ, оно посылаетъ ежегодно членамъ и школьнымъ заведеніямъ печатный реестръ *чтеній*, которыя безвозмездно обязались принять на себя разные лица. Директоръ каждой изъ этихъ школъ отмѣчаетъ на реестрѣ тѣ изъ чтеній, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ вкусамъ и потребностямъ его учениковъ. Въ распоряженіе *лекторовъ* об-

щество предоставляет коллекцію картинъ, моделей и учебныхъ аппаратовъ. Сверхъ того оно обязуется доставить извѣстную сумму или нужныя книги всякому вновь заводимому литературному учрежденію; и, наконецъ, оно назначаетъ вѣткой вечерней школѣ денежное пособіе, распределяемое слѣдующимъ порядкомъ:

Учитель получаетъ 5 к. сер. за каждый часъ, въ который школа его открыта въ зимніе мѣсяцы; далѣе, независимо отъ гонорарія, выплачиваемаго деревнею, общество, съ цѣлю заинтересовать учителя въ удержаніи учениковъ, назначаетъ ему 40 к. сер. за часъ присутствія въ школѣ каждаго ученика, посѣдившаго ее постоянно въ теченіи 80 дней, за исключеніемъ воскресныхъ дней.

Для возбужденія ревности учениковъ, общество учредило экзамены, на основаніи которыхъ оно выдаетъ дипломы и почетныя свидѣтельства. Экзамены соответствуютъ тремъ степенямъ ученія воспитанниковъ, но нѣсколько для нихъ не обязательны. Учитель, которому удалось приготовить одного или нѣсколькихъ учениковъ къ экзамену высшаго разряда, получаетъ въ награду 6 р. 25 к. сер. за каждаго; ему выдаютъ 3 р. сер. за каждаго выдержавшаго экзаменъ второй степени и 1 р. 50 к. сер. за каждаго выдержавшаго экзаменъ третьей степени¹.

Дипломы цѣнятся очень высоко; воспитанники, получившіе его, находятъ себѣ выгодныя мѣста. Впрочемъ, прошло много времени прежде чѣмъ они рѣшились являться на экзамены; въ 1856 г. экзаменующихся было трое; въ 1859 г. число ихъ возрасло до 109, а въ 1860 г.—до 208, изъ которыхъ 59 оказались достойными диплома, котораго они домогались. Самому младшему изъ послѣднихъ было 13 лѣтъ; старшему, земледѣльцу, минуло 39. Въ спискѣ экзаменующихся были ремесленники разнаго рода, молодые служители и крестьяне. Ученики столярнаго и котельнаго мастерства встрѣчались чаще другихъ; были также два пастуха и девять слугъ.

Нѣсколько словъ объ экзаменахъ, которые производятся всегда письменно. Они, какъ я сказалъ выше, раздѣляются на три степени; для низшей требуется умѣнье читать, писать,

¹ Сверхъ того учрежденъ конкурсъ между учителями. Тотъ, у кого наибольшее учениковъ, получившихъ дипломъ первой степени, получаетъ 12 р. 50 к. с., второй—10 р. и третьей 7 р. 50 к. с.

считать, а равно знаніе одного изъ евангелiй и главнѣйшихъ фактовъ исторiи и географiи Англiи.

На экзаменѣ второй степени, кромѣ всего предыдущаго, требуется общее знаніе всѣхъ евангелiй и дѣяній апостольскихъ, всеобщей географiи, вычисленія болѣе сложныя, и наконецъ сочиненіе, написанное на одну изъ шести темъ предложенныхъ обществомъ. Темы эти содержанія историческаго, ученаго или литературнаго.

Что касается до третьей степени, то она сдѣлала бы честь любому *scholar*. Кромѣ вопросовъ гораздо болѣе обширныхъ о грамматикѣ и слогѣ, о географiи и ариѳметикѣ, имъ предлагаютъ вопросы изъ четырехъ первыхъ книгъ Эвклида, изъ алгебры и геометрiи и задаютъ сочиненія на предметы, въ родѣ слѣдующихъ: *жизнь и характеръ Бекона; географiя Франціи и Алжира; устройство паровыхъ машинъ; какаѣ-нибудь задача изъ общественной или домашней экономiи; отчетъ о какомъ-нибудь чтенiи, происходившемъ въ присутствiи воспитанника.*

Ясно, что тѣ, кому поручено опредѣлить успѣхи молодыхъ людей, подвергающихся экзамену, принимаютъ на себя трудъ серьезный, и несмотря на это за него берутся охотно пасторы и свѣтскіе люди, у которыхъ и безъ того множество разныхъ обязанностей!

Я упомянулъ о чтенiяхъ: эти поучительныя и занимательныя бесѣды приносятъ большую пользу и возбуждаютъ сочувствіе въ массахъ. *Hants and Wilts Society* считаетъ въ числѣ своихъ членовъ 56 джентльменовъ, доставившихъ списокъ 180 предметовъ, о которыхъ они предлагаютъ вести бесѣды въ городскихъ и сельскихъ литературныхъ кружкахъ, изъѣздившихъ на то свое желаніе. Единственный расходъ, падающій на эти кружки, составляетъ путешествіе лектора, расходъ съ избыткомъ покрываемый ничтожною платой за входъ. Чтобы сдѣлать изложеніе болѣе нагляднымъ преподаватели пользуются отъ общества картами, картинами или моделями, какъ, напримѣръ, отличными пластическими изображеніями человѣческаго глаза, уха и проч. доктора Озу и т. под.

Изъ 56 преподавателей, 36 пасторы. Предметы бесѣдъ самыя разнообразныя. Вотъ на выдержку нѣсколько темъ: *Общественная и частная жизнь древнихъ Египтянъ; Дантъ, его жизнь и поэзія; Римскія катакомбы; Англія за тысячу лѣтъ; Благость и премудрость Божіи, являемая въ Его творенiяхъ.*

Въ 1859 году доходы общества, состоявшіе изъ приношеній и взносовъ отъ почетныхъ членовъ и заведеній, простирались до 230 ф. ст. или 1.450 р. сер. Преміи, выданныя школьнымъ учителямъ, составили около 400 руб. сер. На расходы разнаго рода пошло до 500 руб. и такая же сумма оставалась у казначея въ приходѣ на слѣдующій годъ. Замѣчательно, что изъ служащихъ только одинъ помощникъ секретаря получаетъ жалованіе, около 70 руб. Итакъ, вотъ учрежденіе, которое обнимаетъ страну величиною въ два наши департамента, устраиваетъ школы (стараніями его въ нѣсколько лѣтъ ихъ открыто сто шестьдесятъ), поддерживаетъ ревность учителей денежными наградами, поучительными бесѣдами возбуждаетъ въ молодыхъ людяхъ охоту къ умственнымъ занятіямъ и приманкою дипломовъ поощряетъ ихъ посвѣщать школы и вечерніе классы, и которое въ годъ обходится только въ 900 руб. сер. По истинѣ выше всякихъ похвалъ усердіе и разумная дѣятельность отаичныхъ людей, которые такъ превосходно умѣютъ руководствоваться просвященною филантропіею и высокими религіозными идеями!

Ежегодно члены общества собираются на большой митингъ въ одномъ изъ главныхъ городовъ графства. Митингъ этотъ есть нѣчто въ родѣ филантропическаго торжества, къ которому приглашаются самыя значительныя лица страны и разныя знаменитости. Тамъ читается годовоі отчетъ о дѣйствіяхъ общества, и произносятся рѣчи; потомъ изъ членовъ ассоціаціи составляется комитетъ для обсуждения различныхъ предметовъ, относящихся къ преуспѣванію работающихъ классовъ, каковы напримѣръ: устройство сберегательныхъ кассъ, проекты улучшеній въ обществахъ взаимнаго вспоможенія. Даже дамы изготавливаютъ записки о полезныхъ предпріятіяхъ, которымъ они посвящаютъ свои труды, и читаютъ ихъ въ этихъ собраніяхъ. Засѣданія, продолжающіяся иногда дня по три, оканчиваются по англійскому обычаю обѣдомъ, гдѣ провозглашаются тосты въ честь воспитательнаго общества, и затѣмъ всѣ расходятся, чтобы снова приступить за труды, получившіе достойную награду.

Если въ этомъ очеркѣ мнѣ удалось дать какое-нибудь понятіе о благодѣяніяхъ Общества *Hants and Wilts*, то, можетъ быть, читатели мои найдутъ, что изложеніе самого порядка экзаменовъ не лишено интереса. Молодымъ людямъ не нужно

удаляться изъ ихъ селенія, экзамены не требуютъ ни издержекъ, ни пышности; все устроено просто и разумно. Въ началѣ года, каждая школа или заведеніе, принадлежащее къ обществу, получаетъ циркуляръ, съ извѣщеніемъ, что всѣ желающіе явиться на экзаменъ должны сообщить объ этомъ секретарю. Въ объявленіи своемъ они должны обозначить степень, на которую они желаютъ держать экзаменъ. Въ маѣ мѣсяцѣ секретарь препровождаетъ къ мѣстнымъ экзаминаторамъ или къ пастору тщательно запечатанные пакеты съ вопросами, которые должны быть предложены ученикамъ. Для пополненія моего разказа, я позволю себѣ опередить нѣсколько событія, описываемыя мною. Уже много лѣтъ спустя я посѣтилъ кингсфордскую школу во время экзаменовъ. Утромъ мистеръ Норрисъ получилъ кипу запечатанныхъ пакетовъ, чтобы вечеромъ раздать ихъ молодымъ людямъ своей школы; то были вопросы, на которые имъ предстояло отвѣчать. Въ семь часовъ вечера мы отправились въ школу, гдѣ собрались уже всѣ ученики, а равно и мѣстные экзаминаторы, которыхъ скорѣе можно бы назвать наблюдателями, потому что они только наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы каждый ученикъ самъ разрѣшилъ предложенный ему вопросъ. Экзаминаторами были: красивый молодой фермеръ, подрядчикъ и управитель.

Мистеръ Норрисъ вручилъ каждому изъ воспитанниковъ назначенный ему пакетъ; водворилось общее молчаніе, и всѣ принялись за дѣло. Имъ даютъ два часа на эту операцію. Послѣ того они пишутъ подѣ диктовку одного изъ экзаминаторовъ. Работа ихъ тотчасъ запечатывается и отсылается по почтѣ къ секретарю общества. Секретарь передаетъ пакеты тѣмъ лицамъ, которыя должны сдѣлать оцѣнку отвѣтовъ. Три вечера сряду мы ходили въ школу съ тремя различными пакетами писемъ; и, надо сказать правду, молодые люди совершили великій трудъ.

Нужно ли говорить съ какимъ нетерпѣніемъ кандидаты и ихъ друзья ожидаютъ результата экзаменовъ. Молодой Робертъ Симонъ, который посаженъ былъ въ тюрьму за поджогъ фермы, находился въ числѣ экзамиующихся. Съ той тяжелой минуты, когда я видѣлъ его на телѣжкѣ поимена, поведеніе его было безукоризненно, но едва ли можетъ быть на свѣтѣ что-нибудь безпощаднѣе строгости бѣдняковъ въ отношеніи другъ къ другу, и предубѣжденія противъ того изъ нихъ, кто имѣлъ несчастіе погрѣшить.

Пятое тюремнаго заключенія не было еще смыто съ этого юноши. Къ великому негодованію всей деревни, мистеръ Норрисъ приваля къ себѣ въ домъ бѣднаго мальчика, отвергнутаго отцомъ, и теперь, въ надеждѣ что дипломъ или даже почетное свидѣтельство послужитъ къ возстановленію его репутаціи, ожидалъ рѣшенія экзаминаторовъ почти съ такимъ же волненіемъ, какъ и самъ Симоуъ. Невозможно описать радость мистера и мистриссъ Норрисъ, когда Робертъ Симоуъ, въ присутствіи всей школы и цѣлой толпы поселянъ, прочелъ письмо, извѣщавшее его объ успѣхѣ экзамена и о назначеніи ему диплома второй степени. При письмѣ приложена была роспись книгамъ, изъ которыхъ онъ могъ выбрать себѣ по своему желанію одну на память своего успѣха.

Какъ только опустѣла зала, мистеръ Норрисъ подошелъ къ молодому Роберту и сказалъ, пожимая ему руку: „Робертъ, вы теперь уже человекъ (самая лестная похвала, какой только можно удостоиться въ Англіи). Да сохранить васъ Богъ!“— *God bless you!* (Да благословить васъ Богъ) прибавила мистриссъ Норрисъ тѣмъ тономъ, который краснорѣчивѣе всякихъ словъ, и въ свою очередь пожала руку юношѣ. Двѣ крупныя слезы покатались по щекамъ Роберта и онъ съ глубокимъ чувствомъ повторилъ сказанное благодѣтелями его: *God bless you.*

Въ заключеніе этой главы считаю нужнымъ сдѣлать еще одно замѣчаніе о Воспитательномъ обществѣ молодыхъ людей въ Гемпширѣ. Это общество почти не выдаетъ премій воспитанникамъ; желаніе получить дипломъ или почетный отзывъ достаточно возбуждаетъ соревнованіе учениковъ. Награды выдаются учителямъ, и по моему мнѣнію, эта благо-разумная и нравственная идея заслуживаетъ вниманія тѣхъ, кто занимается воспитаніемъ рабочихъ классовъ¹.

---

¹ Съ несказанною радостью я услышалъ, что Оксфордскій университетъ, благородно прикнувшись къ великому движенію, совершающемуся въ Англіи въ пользу народнаго образованія, отправляетъ въ главные города, по ихъ требованію, экзаминаторовъ, которымъ поручается выдавать дипломы молодымъ людямъ, не имѣющимъ возможности посѣщать большія публичныя школы и университеты, и несмотря на то окончившимъ свой курсъ. Это происхожденіе особенно драгоцѣнно для мелкаго мѣщанства и торговаго люда.

XV.

Заведеніе *Hants and Wilts* такъ сильно заинтересовало меня, что я счелъ своею обязанностью не только описать устройство его, но и засвидѣтельствовать о всей важности его результатовъ. Пора уже возвратиться къ гостямъ, которыхъ я оставилъ въ пасторскомъ домѣ. Переночевавъ, мы всѣ (мистеръ Норрисъ, мистеръ Б. и я) отправились пѣшкомъ въ Винчестеръ, который мнѣ очень хотѣлось осмотрѣть, потому что въ этомъ городѣ сохранилось много памятниковъ среднихъ вѣковъ и XV столѣтія. Мы шли берегомъ красивой рѣчки, живыя и прозрачныя воды которой, раздѣляемыя на каналы, оплодотворяютъ обширныя дуга, и скоро приблизились къ древней митрополіи саксонскихъ королей, славной въ наше время своимъ великолѣпнымъ соборомъ. Англіи не приходилось, подобно другимъ странамъ, страдать отъ феодальныхъ войнъ; еще менѣе приходилось ей, со времени норманскаго завоеванія, защищать себя отъ вторженія чужеземцевъ. И оттого города ея, въ теченіи среднихъ вѣковъ, не обратились подобно нашимъ, въ укрѣпленныя мѣста, въ средоточія, къ которымъ тѣснились населенія. Города Англіи не построены на горѣ, у подошвы феодальной крѣпости: они беззаботно раскинулись на плодородныхъ долинахъ, вокругъ своей соборной церкви. Винчестеръ можетъ служить образцомъ безопасности, которою пользовались жители; положеніе его посреди бассейна, пересѣченнаго небольшою рѣчкой, избрано какъ нельзя лучше; кромѣ прелести красиваго ландшафта, онъ представляетъ всѣ удобства для рыбной ловли, знаменитой и въ наше время. Дома состоятъ не изъ обширныхъ и массивныхъ каменныхъ палатъ, но изъ маленькихъ домиковъ, выстроенныхъ или просто изъ досокъ съ черепичною кровлею, или изъ крестообразно положенныхъ бревенъ, между которыми промежутки задѣланы кирпичомъ. Встрѣчаются дома, восходящіе ко времени Елизаветы и почти столь же оригинальныя, какъ и въ Нюрнбергѣ. На некоторыхъ улицахъ нижній этажъ опирается на деревянные столбы, составляющіе колоннаду. Деревья, сады, не

рѣдко перерываютъ линію этихъ построекъ. Вообще городъ производитъ впечатлѣніе какого-то безмятежнаго спокойствія. Каждое жилище носитъ на себѣ тотъ особый отпечатокъ, который заставляетъ понимать значеніе англійскаго *home*.

На главной улицѣ этого совершенно мѣщанскаго города замѣчательнъ памятникъ XIV вѣка, который жители называютъ *Крестомъ*. Это родъ каменной ниши, устроенной для помѣщенія иконы святаго или въ воспоминаніе какого-нибудь благочестиваго подвига. Онъ представляетъ превосходный образецъ чистаго готическаго стиля. Его стройный шпиль высоко возносится надъ окружающими его домами. Въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда соборъ, который не загроможденъ, подобно нашимъ церквамъ, множествомъ домовъ или хижинъ, прислоненныхъ къ его бокамъ, но величественно возвышается посреди красивой зелени. Аллея вѣковыхъ липъ, окаймленныхъ зеленымъ дерномъ, ведетъ къ фасаду, образцовому произведенію XIV вѣка, покрытому орнаментами самой утонченной отдѣлки. Признаюсь, что эта зелень, эти прекрасныя деревья и чудныя лѣпныя изваянія, украшающія фасадъ, произвели на меня скорѣе пріятное чѣмъ торжественное впечатлѣніе. Не такова была внутренность зданія—я пораженъ былъ его строгою красотой. Тамъ украшеній мало; только группы колоннъ воздымающіяся на значительную высоту и подпирающія стрѣльчатый сводъ. Подобно большей части нашихъ соборовъ, и винчестерскій былъ построенъ въ разныя эпохи. Куполь и боковыя пристройки относятся къ XI вѣку.

Мистеръ Норрисъ указалъ мнѣ нѣсколько надгробныхъ часовенъ самой утонченной архитектуры. Большая часть ихъ были построены епископами XV вѣка, изображенія которыхъ покоятся подъ балдахинами, съ высвченными по краямъ кружевами. Потомъ мы осмотрѣли часовню, гдѣ совершенно было бракосочетаніе королевы Маріи съ Филиппомъ Испанскимъ, и на хорахъ, камень, покрывающій гробницу Вильгельма Рыжаго, а равно и саркофаги, содержащіе въ себѣ останки отца и дѣтей Альфреда, Камута и саксонскихъ королей.

— Какое несчастіе сказалъ мистеръ Норрисъ, что нашъ великій король Альфредъ не здѣсь похороненъ, и что мы не можемъ начертать на его могилѣ благородныя слова, написанныя имъ въ его завѣщаніи: „справедливость требуетъ,

чтобъ Англичане были столько же свободны, какъ ихъ мысли!¹

Можно ли повѣрить, что потомство было къ нему такъ забывчиво, что гробница его была найдена гдѣ-то у трактира и служила колодою для лошадей?²

Оставивъ соборъ, мы двинулись по тропинкѣ, обсаженной высокими деревьями и обложенной дерномъ. Скоро очутились мы передъ памятникомъ странной формы, составлявшимъ некогда часть городской ограды. То были готическія ворота, служившія пьедесталомъ маленькой часовни, посвященной Св. Свитену, которому приписывается такая же сила надъ дождемъ, какъ Св. Медару у насъ во Франціи. Скоро мы пришли къ зданію Винчестерской коллегіи. Основаніе этого заведенія относится къ XIV вѣку и устройство его почти одинаково со всѣми вышними, англійскими училищами.

Въ тѣ блаженные времена, когда благочестіе и любовь къ наукѣ шли объ руку, ревностные христіане устроили множество учебныхъ заведеній. Самое древнее изъ этихъ заведеній—Оксфордскій университетъ, основаніе котораго принадлежитъ Альфреду Великому. Вокругъ него группируются коллегіи, основанныя богатыми и благочестивыми людьми. Цѣлю его въ то время, также какъ и теперь, было воспитаніе юношей, уже окончившихъ первоначальное ученіе. Училища для мальчиковъ въ Винчестерѣ, Итонѣ и Гарро были только приготовительными коллегіями для университета Оксфордскаго а потомъ также и Кембриджскаго. Нынѣшнее Винчестерское училище основано было Вильямомъ Викгамскимъ, который родился крестьяниномъ, но геніемъ и трудомъ достигъ званія перваго министра при Эдуардѣ III. Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательнымъ зодчимъ: ему обязанъ Винзорскій замокъ своею древнею и мощною башней. Въ 1387 году онъ выстроилъ красивыя зданія Винчестерской коллегіи, и надѣлилъ заведеніе капиталомъ достаточнымъ для содержанія семидесяти бѣдныхъ учениковъ, готовящихся къ поступленію въ Оксфордъ. Мало-по-малу другіе ученики, не имѣвшіе помѣщенія въ коллегіи, просили позволенія пользоваться уроками въ этомъ заведеніи. Подобно воспитанникамъ Итона и Гарро, они живутъ въ частныхъ домахъ по сообѣдству, подчиняясь, впрочемъ, и въ коллегіи

¹ „That is just that English should remain as free as their own thoughts.“

² Этотъ надгробный памятникъ находится нынѣ въ археологическомъ музее.

опредѣленными правилами. Порядокъ, установленный въ этихъ коллегіяхъ, совершенно отличается отъ заведеннаго у насъ. Старшіе ученики имѣютъ надъ младшими признанное право суда и надзора. Воспитанники не подчинены какой-либо казарменной дисциплинѣ; они пользуются большою свободой и видятъ наставниковъ своихъ только во время уроковъ. Старинный обычай наказанія лозой существуетъ тамъ еще до сихъ поръ, и при этомъ начальникъ заведенія долженъ не иначе какъ собственноручно подвергнуть ему виновнаго; но главнѣйшія средства для поддержанія дисциплины составляютъ недопущеніе къ экзаменамъ и исключеніе. Благородное самолюбіе управляетъ этою молодежью и удерживаетъ ее отъ всего недостойнаго.

Программа занятій содержитъ въ себѣ почти исключительно изученіе языковъ греческаго и латинскаго. Ничто не поражаетъ до такой степени иностранца, какъ зрѣлище этой молодежи въ рекреационныя чаesy, когда она разсѣется по окрестнымъ полямъ и бродитъ безъ всякаго надзора. Въ этихъ-то школахъ воспитывается аристократическое юношество Англіи.¹

Я съ сожалѣніемъ оставилъ это жилище науки, и мы съ моимъ пріятелемъ вышли на красивый дугъ, гдѣ мѣстами возвышались величественныя вязы, изъ которыхъ цѣны конечно были современниками видѣнныхъ нами памятниковъ.—Куда идемъ мы теперь? спросилъ я мистера Норриса, замѣтивъ, что мы выходимъ изъ города.

— Въ богадѣльню Св. Креста, отвѣчалъ онъ.—Это главная достопримѣчательность Винчестера.

Богадѣльня Св. Креста есть пріютъ для тринадцати стариковъ, основанный въ 1136 году братомъ Стефана де-Блуа. Это заведеніе, благодаря стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, спаслось отъ корыстолюбія Генриха VIII и фанатизма Кромвеля. Оно сохранило многіе изъ своихъ старинныхъ обычаевъ. Такъ напримѣръ привратникъ обязанъ раздавать хлѣбъ и пиво каждому прохожему, который постучится въ гостепримную дверь этой обители. Продолжительная ходьба возбудила нашъ аппетитъ, и мы, пользуясь этимъ великодушнымъ постановленіемъ, утопили свою жажду

¹ Содержаніе воспитанника въ Итонской коллегіи обходится со всеми расходами отъ 150 до 300 ф. ст. (отъ 950 до 1800 руб. сер.)

изъ стариннаго рога, замѣняющаго стаканы и съ большимъ удовольствіемъ поѣли вкуснаго бѣлаго хлѣба, который, какъ увѣряютъ, печется совершенно одинаково въ теченіе многихъ вѣковъ.

Мы взошли въ старинныя ворота, надъ которыми возвышалась четверугольная башня, и встрѣтились лицомъ къ лицу съ средними вѣками, но уже опозитизированными и сглаженными. Одна изъ стѣнъ четверугольной ограды, окружавшей нѣкогда богадѣльню, была разрушена, и передъ глазами нашими открылся самый восхитительный ландшафтъ. Старики, одѣтые въ длинное черное платье съ серебряными крестами, нашитыми на груди, грѣлись на солнцѣ или медленно прохаживались подъ готическими арками, расположенными на одной сторонѣ зданій. Самая замѣчательная часть этихъ построекъ, служащая образцомъ архитектуры XII вѣка есть часовня. Построенная въ главныхъ частяхъ своихъ Генрихомъ де Блуа, она носитъ на себѣ суровый и грандіозный характеръ церквей того времени. Мистеръ Норрисъ обратилъ мое вниманіе на массивныя колонны съ ихъ чудно изваянными капителями и на изящныя арки, составляющія отличительныя черты норманской архитектуры; потомъ на стрельчатыя окна, почитаемыя многими за первый памятникъ готическаго стиля въ Англии. Внѣшній фасадъ часовни, созданіе безсмертнаго Вильяма Вулгамскаго, отличается всею красотой и оконченностью его твореній.

— Какъ вы счастливы, сказалъ я почтенному пастору, стоящему во главѣ этого заведенія, — что можете жить въ такомъ очаровательномъ убѣжищѣ.

— И да и нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ. — Мѣстоположеніе, красота и тишина этого убѣжища дѣйствительно дѣлаютъ его единственнымъ въ мірѣ; но пансіонеры наши, несмотря на свои преклонныя годы, не все еще свыклись съ своею новою жизнью. Одни изъ нихъ скучаютъ, другіе недовольны своею участью и заводятъ ссоры съ товарищами. Прежде постановлено было, чтобъ они обѣдали все вмѣстѣ въ большой столовой. Теперь пришлось отпускать имъ обѣды въ ихъ комнаты, такъ какъ они слишкомъ часто ссорились между собою.

— Отчего это, спросилъ я Мистера Норриса, когда мы возвращались въ городъ, — такъ рѣдко слышно объ этихъ средневѣковыхъ памятникахъ сохранившихся въ Англии. Вотъ уже

нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я живу такъ близко отъ Винчестера и никто не говорилъ мнѣ объ нихъ ни слова.

— Вы находите это страннымъ, возразилъ онъ,—а это замѣчаніе вы бы могли отнести ко всему насъ окружающему. Чему мы можемъ научиться безъ труда и утомленія, то нисколько насъ не интересуеетъ. Не то ли же самое и съ созданіями Божиими? Этотъ мотъ, который мы топчемъ ногами, эти полевые цвѣты, этотъ сводъ небесный и все великолѣпіе его, кого занимають они? Весьма немногихъ, вотъ вамъ и отвѣтъ на вашъ вопросъ.

Потомъ, какъ будто вызванный на размышленіе этою мыслью, онъ задумался, и мы молча продолжали нашъ путь до старыхъ домовъ Винчестера.

Цѣлый день посвятилъ я осмотру винчестерскихъ древностей, и мнѣ уже оставалось мало времени для обозрѣнія современныхъ учрежденій. Но жалѣть было не о чемъ: старый городъ какъ будто заснулъ въ своемъ прежнемъ величіи, и въ послѣднемъ отношеніи не представлялъ ничего особеннаго.

XVI.

Заведеніе, которое мнѣ болѣе всего хотѣлось видѣть потому что мистеръ Норрисъ говорилъ мнѣ о великой пользѣ его для народнаго воспитанія въ будущемъ, это *Mechanic's Institute*, родъ литературнаго общества для молодыхъ клерковъ, прикащикова и ремесленниковъ; члены его могутъ пополнять свое образованіе или просто собираться для чтенія газетъ и журналовъ. Нерѣдко заведенія эти имѣють свои музеи и библіотеку.

— Вы имѣете передъ нами то великое преимущество, замѣтилъ я мистеру Норрису,—что можете свободно заводить подобныя общества. Вы не знаете ни ревниваго правительственнаго надзора, ни вражды духовенства, ни недовѣрчивости партій и различныхъ классовъ общества. Какъ только вы замѣчаете, что вамъ не достаетъ какого-нибудь учрежденія, то вы всѣ: пасторы, землевладѣльцы, работники, дамы, дѣвицы тотчасъ же соглашаетесь между собою и призываете своихъ друзей; вы печатаете циркуляръ, составляете общество и все готово.

— Не совсѣмъ, возразилъ мистеръ Норрисъ улыбаясь;—вы

слишкомъ торопитесь. Правда, теперь между нами очень сильно дѣйствуетъ интересъ къ рабочимъ классамъ; онъ занимаетъ всѣ свѣтлые умы, всѣ благородныя сердца. Можно сказать, что теперь это въ ходу; но это завелось у насъ только въ послѣдніе года. Самые *Mechanic's Institute*, которыя внушаютъ вамъ эти мысли, были однимъ изъ свѣдѣній продолжительной и жаркой борьбы между пролетаріями и патриціатомъ, борьбы, которая возбудила много серьезныхъ опасеній для будущности Англіи.

— Какъ это и когда? спросилъ я у него, и признаюсь, не безъ удовольствія усаышалъ объ общественныхъ затрудненіяхъ и опасностяхъ, которыя доажны была преодолѣть его страна.

— Вы забываете, сказалъ онъ,—что и у насъ также былъ свой соціальный кризисъ. Вопль о реформѣ, поднятый нашимъ наседеніемъ во время министерства лорда Грея, былъ несравненно громче и сильнѣе того, который подняли вы въ 1848 году; вопль этотъ въ народныхъ массахъ, какъ у насъ, такъ и у насъ, обозначалъ гораздо болѣе желаніе матеріальнаго благосостоянія чѣмъ требованіе новыхъ политическихъ правъ; въ дѣйствительности дѣло шло скорѣе о дешевомъ хлѣбѣ чѣмъ о пониженіи избирательнаго ценза. Вся разница между обоими кризисами состоитъ въ томъ, что наше правительство во-время совершило реформу, которая повела за собою отмѣну хлѣбныхъ законовъ, и такимъ образомъ подвинуло впередъ вмѣстѣ и политическій и общественный вопросъ, между тѣмъ какъ у насъ подобной уступки не было, и кризисъ обратился въ соціальную революцію. И вотъ, въ самый разгаръ волненія, въ это страшное время, котораго я никогда не забуду, нѣсколькимъ ученымъ на сѣверѣ Англіи пришла мысль основать эти заведенія для ремесленниковъ. Единственною цѣлю ихъ было открыть учебные курсы для ремесленниковъ. Подобное мирное предпріятіе было конечно очень далеко отъ вопросовъ, волновавшихъ тогда умы. Но какое дѣло, посреди великихъ кризисовъ, не носитъ на себѣ отпечатка страстей, ихъ вызвавшихъ? Радикалы или демократы скоро сѣлали изъ народнаго воспитанія вопросъ партіи, и обратили его въ орудіе борьбы... „Наука есть сила, говорили они; дадимъ образованіе нашимъ работникамъ, и они въ состояніи будутъ предписывать законы богатымъ!“ И соединенными силами они основали *Mechanic's Institutes* во всѣхъ большихъ

городахъ. Горни и аристократы перепугались; они обвинили умѣренныхъ людей и филантроповъ, принявшихъ на себя инициативу этихъ учрежденій, въ желаніи взволновать общество. „Скоро не будетъ различія между классами! восклицали они. Вы хотите разрушить нашу древнюю конституцію: вы приготовляете равенство и соціальную войну.“ Борьба приобрѣла еще болѣе значенія, потому что демократы, какъ и вездѣ, напали на церковь и духовенство, а отъ духовенства не далеко уже было и до религіи. Книжки, допущенныя въ *Mechanic's Institutes*, основанныя демократами, рѣчи, произносимыя тамъ, не только носили революціонный характеръ, но и отличались циническимъ невѣріемъ, котораго не допустили бы теперь въ Англіи. Члены духовенства встревожились. Надо признаться, что далеко не всѣ они принадлежали къ либеральной школѣ; большее число объявило себя не только противъ этихъ обществъ, но и противъ всякаго преподаванія, если оно выше элементарнаго.

— Вы объясняете мнѣ, сказалъ я ему,—тѣ волненія, которыя васъ такъ сильно напугали и которыя неизвѣстны у насъ во Франціи. Мы имѣемъ только смутное понятіе о томъ, что огромное увеличеніе работающаго класса въ Англіи грозитъ сильною опасностію.

— Это оттого, что государства судятъ другъ о другѣ слишкомъ поверхностно, отвѣчалъ мистеръ Норрисъ.—Теперь уже исчезла опасность, которая грозила намъ въ то время, когда важные вопросы, каковы: эманципація католиковъ, избирательная реформа, хлѣбные законы, не только возбуждали несогласіе между различными классами общественнаго тѣла, но послужили яблокомъ раздора и въ самыхъ зажиточныхъ классахъ. Не знаю, какіе поводы къ несогласію готовить намъ будущее; но утверждаю, что въ настоящее время опасенія, которыя мы внушали вашимъ соотечественникамъ, лишены всякаго основанія. Но возвратимся къ нашему предмету. Прежде всего, умѣренная партія духовенства задумала дѣйствовать противъ радикаловъ ихъ собственнымъ оружіемъ. Она основала заведенія, подобныя *Mechanic's Institutes*, для молодыхъ людей искавшихъ религіознаго образованія. Соперничество между этими новыми заведеніями и прежними было очень сильно и въ началѣ отличалось неукротимою враждою; но реакція всегда скоро слѣдуетъ за увлеченіемъ, и дѣло народнаго образованія должно было восторжествовать, наконецъ, надъ борьбою, которая грозила подавить его.

— Да, сказалъ я со вздохомъ,—вы народъ свободный. Если и вамъ знакомы бури свободы, то вы пользуетесь также и ея благами.

— Полагаю, что вы правы, отвѣчалъ мистеръ Норрисъ,—но къ этому результату мы пришли только послѣ долгой школы. Свобода имѣетъ одинаковую участь съ прочими великими нравственными истинами: народы, также какъ и отдѣльныя лица должны пережить эпоху мрака и сомнѣнія; страсти слишкомъ часто совращаютъ ихъ съ истиннаго пути, и тогда они съ трудомъ выбираютъ на прямую дорогу. Къ счастью, въ Англіи свобода установилась издавна и сдѣлалась привычкою, чѣмъ-то въ родѣ инстинктивной совѣсти, предупреждающей каждаго о той точкѣ, на которой онъ долженъ остановиться. Есть также нѣчто въ нашемъ характерѣ или, если угодно, въ нашихъ нравахъ, что заставляетъ насъ считать всякое вмѣшательство между борцами не полезнымъ, а вреднымъ. „Когда они хорошенько подерутся,“ говоримъ мы обыкновенно, „то подадутъ другъ другу руки.“ Такъ случилось и въ этой борьбѣ за воспитаніе. Обѣ стороны замѣтили, что зашли слишкомъ далеко; люди умные и благонамѣренные посовѣтовались между собою о средствахъ примирить обѣ крайнія партіи. Священники, епископы, законники, извѣстные политики, рѣшили посвятить себя этому дѣлу и основали *Общество для распространенія полезныхъ знаній*. При этомъ случаѣ болѣе всѣхъ заслужилъ благодарность своихъ соотечественниковъ лордъ Брумъ, всю жизнь свою ревностно подвизавшійся въ пользу народнаго образованія. Онъ и его друзья издали множество популярныхъ книгъ о разныхъ наукахъ и преимущественно объ естественной исторіи. Имъ мы обязаны началомъ той литературы, которая такъ часто изумляетъ насъ своею обширностью и разнообразіемъ.

— И что же сдѣлалось тогда, спросилъ я,—съ вашими *Mechanic's Institutes*?

— Они измѣнились, отвѣчалъ мистеръ Норрисъ,—основавшіе ихъ ремесленники скоро увидѣли, что заведенія ихъ не могутъ существовать безъ содѣйствія и поддержки высшихъ классовъ. Прежде всего у нихъ оказался недостатокъ въ деньгахъ; чтобы добыть ихъ, они попытались замѣнить серіозныя чтенія,—концертами, театральными представленіями, и на короткое время привлекли публику, но исказили самый смыслъ института. Слѣдствіемъ этого было то, что во

многихъ мѣстностяхъ эти учрежденія распались, такъ какъ не соответствовали болѣе своей первоначальной цѣли. Тогда-то тѣ почтенные люди, о которыхъ я говорилъ вамъ, принялись снова за дѣло, при содѣйствіи мѣскаго мѣщанства и ремесленниковъ. Заведенія, возстановленныя такимъ образомъ, сохранили, неизвѣстно почему, прежнее названіе *Mechanic's Institutes*, хотя они равно касаются всѣхъ классовъ населенія. Я думаю, что въ настоящее время въ Англіи нѣтъ ни одного города, гдѣ бы ихъ не было по нѣскольку.

По пріѣздѣ нашемъ въ Винчестерскій институтъ, мы нашли мистера Вильсона, которому назначилъ тамъ свиданіе мистеръ Норрисъ, и который могъ сообщить мнѣ всѣ свѣдѣнія, какія бы я только пожелалъ, объ устройствѣ этого заведенія. Мистеръ Вильсонъ—тотъ самый священникъ, съ которымъ я познакомился въ Линморѣ на экзаменѣ въ школѣ Лесли; подобно мистеру Норрису и мистеру Б..., онъ очень интересовался народнымъ воспитаніемъ.

Когда мы входили въ главную залу, онъ разказалъ мнѣ, что зданіе, построенное нарочно для института, обязано было своимъ существованіемъ щедрости знатныхъ сосѣднихъ семействъ и членовъ соборнаго духовенства. Эта зала, довольно обширная, служила еженедѣльно для чтеній и собраній общества. Иногда ее занимали для другихъ собраній. Библіотека и газетная комната помѣщались рядомъ, и затѣмъ шли двѣ залы, назначенныя для вечернихъ классовъ. Библіотека, содержащая въ себѣ до 4.000 томовъ, и газетная комната были очень просты и даже нѣсколько мрачны съ своими темными обоями, волосатыми стульями и потолкомъ, почернѣвшимъ отъ газа. Зала для чтеній была также безъ всякихъ украшеній. Вездѣ по стѣнамъ, гдѣ не было книгъ, развѣшены были географическія и геологическія карты.

— Чтѣ преподается у васъ въ этихъ классахъ? спросилъ я мистера Вильсона.

— Это зависитъ, отвѣчалъ онъ,—отъ молодыхъ людей, которые ихъ посѣщаютъ, и отъ самихъ преподавателей. Такъ напримѣръ, если профессоръ-любитель предлагаетъ намъ преподавать древнюю исторію, мы съ этою цѣлюю устраиваемъ классъ; а равно, если нѣсколько членовъ заведенія желаютъ изучать геологію, то мы ищемъ между нашими друзьями кого-нибудь, кто бы согласился принять на себя этотъ курсъ; не удается намъ это, мы приглашаемъ профессора и платимъ ему

жалованіе. Такъ и теперь мы платимъ учителямъ пѣнія и рисованія. Всѣ прочіе курсы: исторія, грамматика, латинскій языкъ преподаются пасторами или любителями.

— Какъ же вы находите, спросилъ я, — въ вашемъ городѣ джентльменовъ, которые два или три раза въ недѣлю соглашаются давать уроки вашимъ молодымъ работникамъ? Можете ли вы разчитывать на нихъ?

— Конечно, отвѣчалъ мнѣ мистеръ Вильсонъ:—занятіе это очень завлекательно. Надо замѣтить вамъ также, что ученики посѣщающіе наши классы являются всегда добровольно, потому что занятіе имъ нравится.

— И вы не находите, сказалъ я,—большихъ неудобствъ въ непослѣдовательности, сопряженной съ этимъ способомъ преподаванія?

— Я не спорю, возразилъ онъ, — что еслибы дѣло шло о полныхъ курсахъ, то гораздо бы лучше имѣть профессоровъ, состоящихъ на жалованьѣ и подчиненныхъ опредѣленной программѣ; но дѣль наша — доставить удобство молодымъ людямъ желающимъ учиться, и возбудить въ нихъ охоту къ занятіямъ. У насъ нѣтъ такихъ капиталовъ, которые дали бы намъ возможность платить большое жалованье профессорамъ. Къ тому же, мнѣ кажется, что въ этихъ урокахъ, которые даются безвозмездно тѣми, кто находитъ въ этомъ удовольствіе, есть своего рода заманчивость, которую не всегда встрѣтишь у преподавателей, состоящихъ на жалованьѣ. Не должно забывать также, прибавилъ мистеръ Норрисъ,— нравственныхъ выгодъ, пріостекающихъ отъ сближенія лицъ высшаго класса съ молодыми ремесленниками. Они научаются любить и уважать другъ друга.

— А какъ ведутся расходы по заведенію? спросилъ я.—Какимъ образомъ организовано ваше общество?

— У насъ, сказалъ мнѣ мистеръ Вильсонъ, — два разряда членовъ: почетные и дѣйствительные. Первые вносятъ обыкновенно одинъ фунтъ сжегодно; вторые по шиллингу ежемѣсячно. Комитетъ, избранный послѣдними (я тамъ предсѣдательствую), собирающійся разъ въ мѣсяцъ, управляетъ заведеніемъ, распредѣляетъ курсы, составляетъ бюджетъ расходовъ, назначаетъ чтенія; и если оказываются затрудненія, которыхъ онъ не можетъ рѣшить, то онъ прибѣгаетъ къ почетительному совѣту, состоящему изъ нѣсколькихъ состоящихъ джентльменовъ.

— Только въ одной Англiи, оказалъ я смѣясь, — между ремесленниками замѣтно такое уваженiе къ аристократiи: во Францiи это было бы невозможно.

— Мнѣ кажется, вы ошибаетесь, возразилъ мистеръ Норрисъ;—уваженiе къ тѣмъ, кто выше насъ по своему образованiю и положенiю свойственно природѣ человѣческой. Но для того чтобъ это чувство существовало и укоренилось, необходимо, чтобы высшiй классъ не забиралъ себѣ въ голову, что всѣ обязаны ему оказывать вниманiе, когда онъ занимается только самимъ собою; на немъ лежать своего рода обязанности, и онъ долженъ предупреждать желанiя рабочихъ классовъ и дружески подавать имъ руку. Когда ремесленникъ убѣжденъ вполне, что богатый желаетъ его нравственнаго и умственнаго улучшенiя, то онъ уважаетъ его и довѣряется ему.

— Вы, можетъ-быть, правы, отвѣчалъ я,—но пройдетъ много лѣтъ прежде чѣмъ подобныя отношенiя успѣютъ образоваться и у насъ.

— Я не Французъ, возразилъ мистеръ Норрисъ, — но мнѣ на столько извѣстенъ характеръ вашего народа, что я не сомнѣваюсь, что еслибы вы обратились къ нему съ истинною любовью, то онъ скоро бы васъ полюбилъ; вамъ нужно лишь нѣсколько терпѣнiя и самоотверженiя. Я часто говорилъ вамъ, что Англiя обязана своею безопасностью только дружелолюбнымъ отношенiямъ, существующимъ между различными классами нашего общества. Впрочемъ, прибавилъ онъ,—вамъ нѣтъ другаго выхода: вы должны совершенно измѣнить отношенiя между классами или жить постоянно подъ страхомъ соціальныхъ потрясенiй.

Когда мы оставляли заведенiе, нѣкоторые члены вошли въ газетную залу. Я замѣтилъ мистеру Вильсону, что всѣ они по наружности принадлежали къ среднимъ классамъ.

— Да, отвѣчалъ онъ,—тѣ которые собираются въ этотъ часъ (тогда было пять часовъ) дѣйствительно принадлежать къ этому классу. Ремесленники и молодые люди слушающiе курсы собираются не ранѣе восьми часовъ, и тѣ рѣдко заходятъ въ газетную комнату, потому что не любятъ быть вмѣстѣ съ лядцами лучше ихъ одѣтыми.

Было уже поздно, и мы не успѣли осмотрѣть первоначальную нормальную школу графства, которая почти исключительно содержится подписками богатыхъ семействъ и сосланныхъ священниковъ.

XVII.

Возвратясь въ Линморъ, мы увидѣли, что все уже приготовлено для игры въ крикетъ: Это было событіемъ для цѣлой деревни. Палатки были разбиты въ загородкѣ, носившей названіе *Cricket ground*, гдѣ толпилось множество любителей и зѣвакъ. Вилли Мэсонъ и другъ его, молодой Актокъ, совѣщались съ методистомъ Сеемъ, съ школьнымъ учителемъ и мясникомъ—все они были дѣйствующими въ предстоявшей партіи. Какъ только Вилли замѣтилъ насъ, то завладѣвъ нами и объявилъ, что имъ необходимы совѣты мистера Норриса, отличнѣйшаго изъ крикетеровъ. Я нетерпѣливо желалъ добратся поскорѣе до Лоджа, но лишь только я собрался оставить *Cricket ground*, какъ Роза и Алиса прибѣжали ко мнѣ и объявили, что тотчасъ же явятся Мери и все семейство. Мистеръ Мэсонъ, славившійся въ молодости какъ великій мастеръ играть въ крикетъ, гордился избраніемъ сына своего въ распорядители игры гораздо болѣе чѣмъ еслибъ онъ получалъ все итонскія преміи за греческіе или латинскіе стихи. Постараюсь дать нѣкоторое понятіе объ этой игрѣ въ крикетъ, которая возбуждаетъ такой сильный восторгъ не только между поселянами, но и между городскими жителями, которую такъ страстно любятъ молодые люди, старики и даже женщины, и которая соединяетъ общею симпатіей сына какого-нибудь бѣднаго ремесленника съ гордымъ молодымъ лордомъ.

Эта огромная популярность объясняется тѣмъ, что игра въ крикетъ, состоящая всегда изъ борьбы между двумя соперничающими отрядами, поддерживаетъ соревнованіе, возбуждаетъ духъ партій, который, что бы ни говорили, составляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ пружинъ общественной жизни, потому что для совершеннаго сліянія съ какою-либо партіей необходимо до нѣкоторой степени пожертвовать своею личностью. Игра въ крикетъ требуетъ по одинадцати человекъ съ каждой стороны, и каждый изъ игроковъ сознаетъ свою солидарность съ товарищами какъ въ побѣдѣ, такъ и въ пораженіи.

Для этой игры отводится около города или деревни, ровное и огороженное пространство; въ Линморѣ око было устроено на общинной землѣ. Трава на немъ тщательно сохраняется, поливается и углаживается каткомъ. На этомъ пространствѣ, передъ началомъ игры, стоять на условленномъ разстоянїи одна отъ другой двѣ загородки, состоящія изъ трехъ прямыхъ и слегка заостренныхъ кольевъ, и изъ двухъ поперечныхъ перекладныхъ. У одной изъ загоронокъ становится *bowler*, то-есть тотъ, кто бросаетъ мячъ; у другой—*batter*, или тотъ кто длинною лопаткой защищаетъ загородку отъ ударовъ мяча. Искусство *бóлера* состоитъ въ томъ чтобы пустить мячъ въ противоположные кольца и опрокинуть ихъ; искусство *бáттера* въ томъ чтобы встрѣтить этотъ мячъ лопаткой и ударить такимъ образомъ, чтобъ онъ миновалъ цѣль и отлетѣлъ какъ можно дальше. Десять *fieldsmen*, которыхъ можно назвать адъютантами *бóлера*, бросаются за мячомъ, и въ это время *бáттеръ* быстро бѣжитъ отъ одной загородки къ другой. Отъ большаго или меньшаго числа этихъ перебѣжекъ зависитъ побѣда. Если *фильдсмены* успѣютъ отдать мячъ *бóлеру* прежде чѣмъ *бáттеръ* добѣжитъ до своего мѣста, то послѣднїй долженъ передать лопатку кому-нибудь изъ своей партїи. Баттеръ имѣетъ противъ себя *бóлера* и его десять адъютантовъ или *fieldsmen*. Когда всѣ одиннадцать *бáттеровъ* уже дѣйствовали поочередно лопаткой, то они становятся въ свою очередь *бóлерами* и *фильдсменами*.

Вотъ общее понятїе объ этой игрѣ, которая вовсе не такъ проста, какъ кажется съ перваго взгляда, потому что уставъ крикета заключаетъ въ себѣ не менѣе 38 статей. Каждая партїя назначаетъ судью, обязаннаго рѣшать всѣ спорные пункты. Всю заманчивость этой игры составляетъ ловкость, которую необходимо выказать, непрерывная дѣятельность, постоянное вниманїе и болѣе всего солидарность между всѣми партнерами. При значительномъ числѣ игроковъ въ крикетъ въ какой-нибудь мѣстности, составляется клубъ, члены котораго избираются посредствомъ баллотировки и составляютъ подписку на содержанїе *Cricket ground*. Когда клубъ получаетъ вызовъ, то онъ избираетъ своихъ *бóлеровъ*, изъ числа самыхъ опытныхъ игроковъ; тѣ, въ свою очередь, назначаютъ распорядителей для окончательнаго устройства партїи. Клубовъ этихъ безчисленное множество; они носятъ самыя разнообразныя названїя, какъ напримѣръ: Клубъ Цыганъ, Джентльменовъ

Англіи, Оксфорда, Кембриджа, Гарро, Итона и проч. Не только города и деревни соперничаютъ между собою, но цѣлыя графства вызываютъ другъ друга на бой; сѣверъ Англіи посылаетъ вызовъ югу; крикетеры переплываютъ Океанъ, чтобы сразиться съ клубами Канады или Соединенныхъ Штатовъ. Самыя большія партіи составляются въ окрестностяхъ Лондона, въ присутствіи многихъ тысячъ зрителей. Игра эта, глубоко укоренившаяся въ обычаяхъ жителей, до такой степени возбуждаетъ общественный интересъ, что у нея есть свои газеты, журналы, альманахи и проч.

Одна дама, еще не имѣвшая особенной страсти къ этой забавѣ, увѣряла меня, что она два дня сряду, просиживала по пяти часовъ на маленькой скамейкѣ, подъ палящими лучами солнца, смотря на состязаніе двухъ клубовъ, Гарро-скаго и Итонскаго, и забывшая объ усталости; надо впрочемъ замѣтить, что сынъ ея принадлежалъ къ Итонскому клубу и что материнское сердце сильно билось за него. Вся лондонская аристократія присутствовала на этомъ состязаніи.

Конечно наша линморская партія была гораздо скромнѣе, но тѣмъ не менѣе она возбуждала и въ дѣйствующихъ лицахъ и въ зрителяхъ живѣйшій интересъ. Красавица, мистриссъ Актонъ, въ открытой коляскѣ, графиня въ своемъ креслѣ на колесахъ, (почтенная дама любила показывать участіе къ сельской жизни), Лесли, мистриссъ Будлендъ, въ сопровожденіи своего безстрастнаго супруга, всѣ сосѣднія семейства присутствовали на этомъ зрѣлищѣ и безчисленная толпа крестьянъ, фермеровъ и всякаго рода людей окружали поприще игры. Ура! браво! остроты, съ одной стороны, насмѣшки съ другой, были шумны и продолжительны. Роза и дѣвицы Актонъ слѣдили за игрой, какъ записныя охотницы, и хлопали въ ладоши при каждомъ удачномъ ударѣ нашей партіи. Интересъ особенно усилился къ концу игры; наши противники считали сто сорокъ перебѣжекъ, у насъ ихъ было только сто двадцать и на очереди оставался уже одинъ *batter*. Жители нашей деревни съ безпокойствомъ слѣдили за каждымъ ударомъ и за каждою перебѣжкой.

Нельзя сказать съ достовѣрностью, одно ли желаніе побѣды линморскимъ крикетерамъ одушевляло Лесли, стоявшаго подлѣ Розы, но насчетъ Мери сомнѣваться было невозможно. Какъ натура симпатическая, она раздѣляла увлеченіе толпы. Лицо ея, обыкновенно блѣдное, показывало, живымъ

румянцемъ своимъ, какъ сильно интересовала ее эта борьба.

— Ахъ, еслибы брату моему Вилли досталось взять лопатку, сказала она мнѣ съ живостью, когда увидѣла приближеніе послѣдняго *бэттера*.—Мы бы непременно выиграли, но этотъ бѣдный маленькій Кенрикъ (сынъ управителя) не въ силахъ будетъ доставить намъ необходимаго числа перебѣжекъ; взгляните на этого *болера*, какъ онъ ловко и разнообразно бросаетъ мячъ! Если мы выиграемъ, такъ это будетъ чудо!

И мы со страхомъ смотрѣли на пятнадцатилѣтняго ребенка, отъ котораго зависѣла участь дня.

Искусный и хладнокровный *бэттеръ*, Кенрикъ отражалъ мячъ превосходно и нѣсколько разъ возбуждалъ громкія рукоплесканія; но, какъ справедливо замѣтила Мери, число перебѣжекъ было слишкомъ значительно, и силы измѣнили ему подъ конецъ. Оставалось сдѣлать еще двѣ перебѣжки, когда бѣдный мальчикъ, запыхавшись, изнемогая отъ усталости, повернулъ голову на бѣгу къ своей загородкѣ и увидѣлъ, что мячъ передаютъ въ руки *болера*. Итакъ все было рѣшено! Бодрый мальчикъ чуть не заплакалъ отъ досады; мы его утѣшили, какъ могли. Вилли, скрывая свою досаду, обѣщавъ всему клубу багшательно отомстить за себя, въ сѣдующую партію, которая назначалась въ селеніи противниковъ.

Состязаніе продолжалось отъ полудня до пяти часовъ.

Не прежде вечера, мнѣ удалось попасть въ Лоджъ. Я долженъ былъ принять участіе въ обѣдѣ крикетеровъ, который клубъ нашъ давалъ клубу противниковъ. Этотъ обѣдъ, дѣлавшій честь поваренному искусству мистриссъ Джонсъ, поданъ былъ подъ одною изъ палатокъ *Cricket ground*. Тамъ собралось отъ шестидесяти до восьмидесяти гостей, крикетеровъ, принадлежавшихъ къ различнымъ классамъ общества. Если, мистеръ Норрисъ, исполнявшій роль судьи въ нашей партіи, мистеръ Мэсонъ и еще многіе другіе должны были провозглашать тосты, въ честь крикетеровъ, королевы, войска, церкви и проч. Все это было продолжительно, и я спрашивалъ себя, какъ могли эти крикетеры, пробѣгавшіе цѣлый день, непрерывно посылавшіе и отражавшіе удары, отъ которыхъ трещали члены, казаться столь бодрыми и веселыми.

Если, думавшій только о томъ чтобы поскорѣе увидѣться съ Розою и всегда почитавшій подобныя собранія настоящею пыткой, бросалъ на меня умоляющіе взгляды и знаками

приглашалъ меня удалиться. Я воспользовался горячимъ споромъ между собесѣдниками о высокихъ подвигахъ какихъ-то знаменитыхъ крикетеровъ, чтобы удалиться въ тихомоку. Онъ посѣдовалъ за мною, и мы радовались нашему бѣгству, какъ вдругъ, при самомъ выходѣ изъ палатки, насъ оставилъ школьный учитель. Онъ былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ теченіи дня, и потому находился въ восторженномъ состояніи и былъ убѣжденъ что можетъ поразказать много интереснаго.

— Надѣюсь, что вы довольны вышѣшнимъ днемъ? сказалъ онъ мнѣ.—Вы могли составить себѣ понятіе, что такое крикетъ. Не правда ли, что это благородная игра?

Несмотря на мое нетерпѣніе соединиться съ Лесли, который шелъ не останавливаясь, я не хотѣлъ оскорбить добраго педагога отказомъ отвѣчать на его вопросы.

— Да, сказалъ я ему,—крикетъ хорошее упражненіе, и я высоко цѣню эти игры, соединяющія всѣ классы общества въ одномъ общемъ чувствѣ.

— И не одно это, возразилъ мой любезный собесѣдникъ; повѣрьте мнѣ, ничто такъ не поддерживаетъ нравственности человѣка, какъ крикетъ.

— Какъ такъ? спросилъ я у него, нѣсколько удивленный такую высокопарною похвалою!

— Вотъ видите ли, продолжалъ онъ,—хорошій крикетеръ долженъ быть человѣкъ трезвый, онъ не посѣщаетъ шинка, привыкаетъ повиноваться и владѣть собою; потомъ у него долженъ быть большой запасъ терпѣнія, много дѣятельности; а чтобы получать, не моргнувъ глазомъ, удары мячомъ, необходимо, истинное мужество, могу васъ увѣрить.¹

— Вы правы, отвѣчалъ я, горя нетерпѣніемъ удалиться.—Прощайте....—И догоняя Лесли, который, какъ мнѣ извѣстно было, никогда бы не имѣлъ духу явиться одинъ въ Лоджъ, я разсуждалъ объ этихъ словахъ честнаго школьнаго учителя. Замѣчательно, думалъ я, до какой степени, даже въ народныхъ играхъ, Англія остается всегда вѣрна главнымъ чертамъ своего характера, энергіи, дисциплинѣ въ дѣйствиіи, постоянству, тѣсной связи между всеми классами общества и преимущественно этой

¹ Удары эти иногда очень опасны крикетеры должны вооружаться латинскими перчатками и кожаными, чтобы предохранять себя отъ опасныхъ ударовъ.

національной гордости, которая вездѣ поддерживаетъ ее и увлекаетъ. Можно сказать, что нѣтъ страны на свѣтѣ, гдѣ бы ярче выступило различіе общественнаго положенія и гдѣ бы, несмотря на то, отдѣльныя лица имѣли болѣе случаевъ сходиться и соединяться въ одно цѣлое. Замѣчательно также, что этотъ народъ, обыкновенно столь холодный, столь точный, до такой степени размножалъ поводы къ праздникамъ и веселымъ собраніямъ; между тѣмъ какъ въ нашей Франціи, которая по природѣ своей такъ весела, почти всѣ празднества, соединявшія нашихъ отцовъ и придававшія такую прелесть жизни, исчезли одно за другимъ. Личныя удовольствія, эгоистическія и уединенныя, замѣнили у насъ повсюду, даже въ деревняхъ, общія забавы, и это, можетъ-быть, къ великому вреду для общественной связи, а слѣдовательно и ко вреду для общаго блага.

Когда, поздно вечеромъ, мы съ Лесли вышли изъ Лоджа, онъ повѣрилъ мнѣ свою тайну.

— Конечно, сказалъ онъ,—я говорилъ съ нею, я во всемъ ей признался! Право, у меня голова кружится отъ счастья.

— Я такъ и думалъ, отвѣчалъ я.—Вы очень восторженны для человѣка, который двѣ недѣли тому назадъ былъ въ совершенномъ отчаяніи. Какъ же вы на это рѣшились?

— Вотъ какъ, продолжалъ онъ,—когда я оставилъ васъ съ мистеромъ Мэсономъ, то вошелъ въ залу и нашелъ тамъ Розу одну. Это меня смутило. Нѣсколько минутъ она не замѣчала меня, потому что стояла у окна. Она была грустна и чѣмъ-то озабочена, какъ вы и сами видѣли; я подошелъ къ ней и спросилъ: „Отчего вы такъ грустны, миссъ Роза?“

„— И? отвѣчала она печально,—да я всегда весела.“

„— Послушайте, миссъ Роза, сказалъ я, не владѣя болѣе собою,—я такъ много люблю васъ, что одна мысль, что вы огорчены, приводитъ меня въ отчаяніе.“

„— Не говорите такъ, мистеръ Лесли, отвѣчала она,—подумайте, какъ недовольна будетъ этимъ графиня.“

„— Я безпокоюсь не о тетущкѣ, но о васъ, сказалъ я....“ И я взялъ ея руку, которой она не отнимала, и мы смотрѣли съ нею въ окно, не говоря ни слова, когда вошла Мери. Она тотчасъ же замѣтила насъ и вышла, что дано намъ возможность объясниться. Представьте себѣ мое блаженство! Она мнѣ призналась, что давно меня любитъ и скрывала это отъ меня, воображая, что графиня имѣетъ для меня виды на

миссъ Актоузъ. Странно, продолжалъ онъ,—отъ чего бы она это вообразила?

— Очень натурально, отвѣчалъ я; графиня могла думать, что человѣкъ вашего званiя долженъ жениться на богатой дѣвушкѣ; думаю, что Актоузъ съ своей стороны былъ бы согласенъ, тѣмъ болѣе что, какъ мнѣ часто казалось, миссъ Анна не совсемъ къ вамъ равнодушна.

— Какъ, воскликнулъ Лесли, всѣ считали меня способнымъ жениться на дѣвкахъ! А это на мои глаза не только безчестный поступокъ, но и великiй грѣхъ. Тетушка моя не хуже меня знаетъ, что Роза именно такая жена, какую мнѣ нужно. Вы конечно согласитесь со мною: какъ она будетъ помогать мнѣ въ деревнѣ, какъ она будетъ поддерживать меня. Это Богъ послалъ мнѣ ее.

XVIII.

Черезъ нѣсколько дней я отправился съ мистеромъ Норрисомъ въ Лондонъ. Иностранца, въ первый разъ посѣщающаго этотъ огромный городъ, болѣе всего поражаетъ отвратительный видъ бѣднаго населенiя. Нищета эта произвела на меня совершенно иное впечатлѣнiе чѣмъ та которую я видѣлъ въ деревняхъ, и я сообщилъ объ этомъ мистеру Норрису.

— Въ деревнѣ, отвѣчалъ мнѣ мой прiятель,—вы видѣли совершенно другое общество. Тамъ васъ поражали благотворныя слѣдствiя ежедневныхъ отношенiй, существующихъ между богатымъ и бѣднымъ; вы могли удостовѣриться сами, что тамъ всѣ, молодые и старые, духовные и миряне, трудятся для улучшенiя быта и поддержки нуждающихся классовъ. Здѣсь, наоборотъ, личныя сношенiя различныхъ классовъ встрѣчаются рѣдко. Большая часть богатыхъ семействъ живетъ въ Лондонѣ по нѣскольку мѣсяцевъ въ году. Главное мѣстопробыванiе ихъ въ деревнѣ, гдѣ сосредоточиваются всѣ ихъ интересы и привязанности. Лица, живущiя обыкновенно въ городѣ, заняты дѣлами; они думаютъ, что исполнили долгъ свой, если оставили подписку въ пользу нѣкоторыхъ благотворительныхъ обществъ и выдали нѣсколько денегъ для бѣдныхъ овцаевнику своего прихода. Что же касается до того нравственнаго влiянiя, которое вытекаетъ изъ ежедневныхъ отношенiй и котораго никогда не могутъ замѣнить

денежныя пособія, то оно до крайности ограничено. Надо замѣтить также, что матеріальныя сообщенія въ Лондонѣ, по обширности города, очень затруднительны. Богатые занимаютъ лучшую часть города, между тѣмъ какъ жизненныя потребности отдаляютъ бѣдныхъ въ другіе квартамы. Прибавьте къ этому, что населеніе Лондона подходитъ къ тремъ миліонамъ, что этотъ огромный городъ вмѣстѣ и приморская гавань, куда стекается множество бѣдныхъ иностранцевъ, что здѣсь особенно поселяются Ирамадцы, если не могутъ нигдѣ найти себѣ работы. Наконецъ, если вы помните, что мы народъ сѣверный, въ которомъ пьянство составляетъ эпидемическую болѣзнь, распространенную болѣе въ городахъ чѣмъ въ деревняхъ, то вы безъ труда объясните себѣ наше впечатлѣніе. Самая недовѣрчивость наша ко всякому вмѣшательству правительства въ дѣла мѣстной полиціи содѣйствуетъ этому положенію бѣдныхъ классовъ. Мы такъ далеко заходимъ съ этою недовѣрчивостію, что нерѣдко кажется, будто мы покровительствуемъ негодаямъ болѣе чѣмъ честнымъ людямъ. Къ тому же мы не имѣемъ ни одного изъ тѣхъ постановленій, которыя во Франціи подчиняютъ самый порокъ какому-то наружному приличію.

— Какъ понять, воскликнулъ я,—городъ, въ которомъ ни дѣйствіе центральной власти, ни дѣйствіе отдѣльных лицъ не имѣютъ вліянія на нравственное или матеріальное благосостояніе массъ? Можно подумать, что такое общество должно впасть въ самую страшную анархію.

— Вы были бы правы, отвѣчалъ мнѣ мистеръ Норрисъ,—еслибы не было того, что мы постоянно видимъ въ Англіи. Зло достигло такихъ размѣровъ, что возбудило общественное мнѣніе. Оно уже энергически напало на безпорядки, такъ непріятно поразившіе васъ. Я не стану говорить вамъ о нѣкоторыхъ недавнихъ мѣрахъ, которыя дали полиціи болѣе сильную организацію и расширили кругъ ея дѣйствій. Но не здѣсь главное улучшеніе. Оно заключается въ тѣхъ многочисленныхъ филантропическихъ обществахъ, которыя, въ подражаніе вашему обществу Св. Винченца-де-Поля, по способамъ, свойственнымъ намъ, Англичанамъ, дѣятельно занимаются поддержкою бѣдныхъ классовъ. Я не сомнѣваюсь, что лѣтъ черезъ пятьдесятъ, благодаря этому нравственному вліянію, все населеніе Лондона измѣнится совершенно.

Я посѣтилъ вмѣстѣ съ мистеромъ Норрисомъ многія изъ

этихъ благотворительныхъ заведеній, частію похожихъ на существующія у насъ во Франціи, съ тою, впрочемъ, разницею, что вмѣсто правительственной дѣятельности, я встрѣчалъ повсюду дѣятельность индивидуальную со всею ея доброю волею и энергіею. Два изъ этихъ заведеній особенно поразили меня. Они устроены не такъ давно, и доказываютъ, какія чудеса могутъ совершать индивидуальныя усилія подѣ влияніемъ религіи и свободы, это: *the Ragged School Union* и *the Association for the welfare of the blind*¹.

Въ 1843 году шотландскій садовникъ, по имени Вокеръ, проходя по одному изъ самыхъ бѣдныхъ вестминстерскихъ кварталовъ, послѣдному названію *чортовой десятины*, былъ пораженъ множествомъ маленькихъ бродягъ наполнявшихъ грязные переулки. Ему стало жаль этихъ оставленныхъ дѣтей; онъ подошелъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ и предложилъ имъ учиться читать, а чтобы привлечь ихъ къ себѣ, покормилъ ихъ; сверхъ того, онъ предложилъ желающимъ работать за деньги у себя въ саду. Договоръ былъ заключенъ, и нѣсколько времени спустя, число воспитанниковъ увеличилось до такой степени, что мистеръ Вокеръ долженъ былъ пригласить къ себѣ на помощь нѣсколькихъ друзей и нанять сарай для помѣщенія своей школы. У мистера Вокера явилось множество подражателей; менѣе чѣмъ въ годъ, въ Лондонѣ было основано шестнадцать подобныхъ школъ. Онѣ состояли подѣ управленіемъ двухъ сотъ свободныхъ наставниковъ.

Таково очень скромное происхожденіе *Школъ лохмотниковъ*, *Ragged Schools*, которая съ тѣхъ поръ размножилась по всемъ большимъ городамъ Англии, и значительно уменьшила число дѣтей попадающихъ въ тюрьмы.

Быстрымъ распространеніемъ своимъ эти школы обязаны лорду Шафтобери. Онъ возымѣлъ благую мысль связать эти школы между собою, чтобъ онѣ могли помогать одна другой и образовать родъ федераціи, подѣ названіемъ *Ragged School Union*. Каждая школа сохраняетъ свою особую организацію и свое управленіе; центральная администрація только помогаетъ ей въ разныхъ обстоятельствахъ.²

¹ Въ буквальный переводъ: *Союзъ школъ для лохмотниковъ и Ассоціація для благодѣтелей слѣпыхъ.*

² Почти тотъ же самый принципъ руководилъ устройствомъ *Hants and Wilts Society*, описаннымъ мною выше, а именно добровольное и индивидуальное дѣйствіе соединенное съ силою ассоціаціи.

Школы эти назначены для дѣтей, которыхъ родители слишкомъ бѣдны или слишкомъ равнодушны, чтобы посылать ихъ въ первоначальную школу, такъ какъ въ Англіи ни въ какомъ случаѣ не допускается даровое ученье; также для дѣтей родителей порочныхъ или состоящихъ подъ судомъ; наконецъ для дѣтей, поднавшихъ судебному приговору. Въ этихъ школахъ дается не одно элементарное ученье, но болѣе образованіе нравственное и практическое. имѣющее своею цѣлью обратить этихъ маленькихъ несчастливцевъ въ честныхъ и полезныхъ гражданъ.

Въ началѣ нѣсколько добрыхъ людей, руководимыхъ религиозными побужденіями, основали школы для дѣтей, которыхъ зовутъ маленькими городскими *Арабами*. Въ началѣ предполагено было только выучить ихъ читать, для того чтобъ они могли познакомиться съ Бибіаіей; школы эти были открыты преимущественно по воскресеньямъ.

Скоро okazaлось, что даже для достиженія этой цѣли, необходимо было расширить кругъ дѣйствія. Въ иномъ мѣстѣ появлялись дѣти, умиравшія съ голоду, и приходившія просить пропитанія; въ другомъ встрѣчались маленькіе преступники, вышедшіе изъ тюрьмы и отвергаемые всеми, у кого они просили работы. Было бы жестокою ироніей предлагать имъ одно только ученье о благочестіи. Для нихъ устроили пріюты, куда ихъ принимали на жительство. Кроме того, для дѣтей, которыя въ теченіи дня занимались какимъ-нибудь промысломъ и вълѣдствіе этого не могли посѣщать школы, стали открывать вечерніе и воскресные классы. Наконецъ къ элементарному учению стали присоединять обученіе какому-нибудь ремеслу. Для дѣвочекъ также открыты были школы и пріюты.

Мистеръ Норрисъ, желавшій справиться о мальчикѣ, котораго помѣстили въ одномъ изъ пріютовъ знакомаго ему дома, предложилъ мнѣ съходить туда вмѣстѣ съ нимъ.

Исторія этого мальчика тѣмъ болѣе заинтересовала меня, что онъ былъ парижскій уроженецъ, сынъ курьера, умершаго въ Италіи. Мать его была Англичанка, и онъ ребенкомъ еще потерялъ ее. Лица, которымъ его поручили, не надѣясь получить какое-нибудь вознагражденіе за свои труды, отпустили его въ Англію отыскать родныхъ своихъ по матери. Онъ добрался кое-какъ до деревни, въ которой она родилась, но не нашелъ тамъ никого изъ ея родственниковъ.

Онъ скоро истратилъ небольшія деньги, бывшія у него въ распоряженіи и, по возвращеніи въ Лондонъ, долженъ былъ жить подаянїемъ.

Питаясь частію милостыней, частію продажей маленькихъ вещей, каковы корзины, игрушки, цвѣты, онъ добрался до приморскаго мѣста, куда собирались большыя для купанья. Тамъ-то встрѣтила его дама, принявшая въ немъ участіе. Ей понравилась наружность мальчика, она его разспросила, справилась о немъ и, наконецъ, предложила ему помѣститься на нѣсколько мѣсяцевъ въ семействѣ ея кучера и посѣщать сельскую школу. По прошествіи шести мѣсяцевъ, она убѣдилась, что мальчикъ вполне достоинъ ея попеченій, и посоветовалась съ мистеромъ Норрисомъ, который и помѣтилъ его въ пріютъ. Дама-благотворительница приняла на себя всѣ расходы и сверхъ того обязалась, если онъ того заслужитъ, снабдить его всѣмъ нужнымъ и переправить на свой счетъ въ колонію.

Своротивъ въ сторону съ одной изъ большихъ улицъ прихода Мери-ле-Бонъ (*Mary-le-Bone*), мы пробрались по лабиринту маленькихъ переулковъ, къ чему-то въ родѣ ущелія, носящаго названіе *Проходъ грота*. Здѣсь намъ не трудно было найдти школу, которую мы искали: она занимала почти всю сторону прохода. Люди, покрытые грязью, бѣдныя женщины, съ лицами и одеждою закопченными дымомъ, смотрѣли на насъ съ холоднымъ любопытствомъ.

Видъ этого населенія возбуждалъ во мнѣ чувство удивленія и грусти. Вдругъ, на поворотѣ въ одинъ изъ этихъ переулковъ, мы услышали церковную музыку. Ученики школы пѣли псаломъ. Точно будто послышался голосъ ангеловъ изъ глубины ада.

Мы ждали, чтобы пѣніе окончилось, и потомъ постучались въ дверь. Какъ только ее отворили, мы очутились въ классной комнатѣ, наполненной однимъ мальчиками.

Мистеръ Норрисъ объяснилъ цѣль нашего посѣщенія, и учитель тотчасъ же вышелъ, чтобы позвать директора.

— Вы содѣйствуете, сказалъ послѣднему мистеръ Норрисъ,—дѣлу самому благотвѣтельному. Много вамъ хлопотъ съ этими дѣтьми?

— Теперь нисколько, отвѣчалъ онъ; — но въ началѣ у насъ были сцены неслыханныя; я помню, что разъ, всѣ они вытаскивали трубки изъ кармановъ, и закурили ихъ съ страшнымъ

шумомъ. Только не допуская къ себѣ нѣсколько дней самыхъ своерравныхъ, мы успѣли возстановить порядокъ. Теперь не бываетъ ни малѣйшей попытки къ непослушанію. Эти дѣти очень смышлены и изумляютъ насъ своими быстрыми успѣхами. Тѣ, которые ведутъ себя хорошо, могутъ приходиться работать въ мастерскія. Тамъ они выучиваются чинить себѣ платье, дѣлать ковры, и пользуются обѣдомъ въ видѣ заработной платы. Число ихъ обыкновенно простирается до двадцати пяти. Не угодно ли вамъ пожаловать въ сосѣднюю залу; вы тамъ увидите нашихъ маленькихъ работниковъ. Я думаю, что тамъ мы найдемъ и Генриха, того мальчика, котораго вамъ угодно видѣть.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ тамъ и надзиралъ за нѣсколькими изъ своихъ товарищей, которые, сидя на полу, кололи лучины и дѣлали изъ нихъ связки для подтопки каминовъ; другіе набивали табуреты назначаемые для церкви. Они, казалось, работали усердно и съ умѣньемъ.

— Вся эта работа, сказалъ директоръ,—дѣлается по заказу и покрываетъ издержки на инструменты, на матеріалъ и заработную плату дѣтямъ.

Подошедши къ молодому Генриху, я спросилъ его по-французски, хорошо ли ему? Лицо его просіяло, и онъ отвѣчалъ мнѣ, что не знаетъ, въ состояніи ли будетъ когда-нибудь доказать свою признательность своимъ благодѣтелямъ.

Генрихъ былъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати, блѣдкурый, стройный и съ видомъ полнымъ достоинства. Лицо его, носившее глубокіе слѣды перенесенныхъ имъ лишеній, отличалось трогательнымъ выраженіемъ. Странное дѣло! Это дитя городовъ только и мечтало о томъ чтобы сдѣлаться пастухомъ въ Австраліи и жить въ пустыняхъ, на безпредѣльныхъ лугахъ, гдѣ пасутся безчисленныя стада.

Проходя еще разъ школу, мы осмотрѣли дортуаръ, если можно такъ назвать комнату, гдѣ до дюжины коекъ висѣло по стѣнамъ. Взобравшись на маленькую лѣстницу, мы очутились на чердакѣ; то была мастерская. Сапожникъ и корзинщикъ наблюдали тамъ за работой двадцати учениковъ.

— Посмотрите на этого ребенка, сказалъ мнѣ въ полголоса смотритель, показывая на малютку, которому было не болѣе десяти лѣтъ;—онъ два раза убѣгалъ изъ школы работнаго дома, два раза сидѣлъ въ тюрьмѣ и даже одинъ разъ уходилъ отъ насъ. Мы не принуждаемъ дѣтей оставаться здѣсь; они

могутъ уходить отъ насъ, но почти всегда возвращаются. Этого привели къ намъ нѣкоторые изъ его товарищей. Когда они съ торжествомъ возвратились съ маленькимъ бѣглецомъ, а сказали имъ: „Я приму его опять, потому что вы этого требуете, но вы знаете, что его должно наказать.“ — „Да, да, отвѣчали они,—мы такъ и думали.“ — „Хорошо, сказалъ я.—Какъ вы думаете, чего онъ заслуживаетъ?“ Посовѣтовавшись между собою, они порѣшили наказать его двадцатью ударами розогъ и поручились за хорошее поведеніе его на будущее время.

— Значить, эти дѣти имѣютъ нѣкоторое понятіе о добрѣ и злѣ, и даже довольно опредѣленное чувство справедливости? спросилъ я у смотрителя.

— Да, отвѣчалъ онъ, — если пробудутъ нѣсколько времени подъ нашимъ надзоромъ. Многие изъ нихъ, при поступленіи къ намъ, были настоящими дикарями, для которыхъ существовало одно зло: быть схваченнымъ на мѣстѣ преступленія. Вы не можете себѣ представить какъ переменяются дѣти, пробывъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ. Они агахи, воровали, и все подозрѣвали насъ въ какомъ-нибудь дурномъ намѣреніи. По прошествіи трехъ, четырехъ мѣсяцевъ, они видятъ, что имъ желаютъ добра, что ихъ любятъ, и къ концу года мы можемъ вполне на нихъ положиться.

— Чтò съ ними дѣлается по выходѣ изъ заведенія? спросалъ я.

— Нѣкоторыхъ мы отправляемъ въ Канаду; тамъ общество имѣетъ агента, которому поручено помѣщать ихъ и по возможности наблюдать за ними. Другіе отправляются въ Австралію, третьи, наконецъ, опредѣляются юнгами.

— А чтò стоитъ вамъ содержаніе каждаго мальчика.

— Пятнадцать фунтовъ въ годъ (93 руб. сер.), не считая издержекъ по переселенію, которыя принимаетъ на себя центральное общество.

— Сколько такихъ дѣтей посылаетъ общество ежегодно въ колоніи?

— Въ прошедшемъ году, отвѣчалъ онъ,—оно отправило въ Канаду двадцать пять дѣвушекъ подъ надзоромъ гувернантки и тридцать восемь мальчиковъ. Сверхъ того есть дѣти, принадлежащія къ *отряду чистильщиковъ*, которыя добываютъ себѣ столько, что могутъ уплатить расходы по эмиграціи.

Учитель сообщалъ мнѣ тогда, что всѣ тѣ мальчики въ красныхъ, желтыхъ и синихъ блузахъ, которые стоятъ по угламъ

лондонскихъ улицъ и даже въ свѣтахъ клубовъ, входятъ въ составъ общества, основаннаго ассоціаціей школъ для дохмотниковъ. Организація этихъ отрядовъ очень интересна. Въ каждомъ изъ лондонскихъ кварталовъ есть свой отрядъ, состоящій изъ дѣтей, выбранныхъ между тѣми, которыя посѣщали дневныя школы. Утромъ всѣ, принадлежащія къ одному кварталу, собираются въ семь часовъ; ихъ заставляютъ читать Евангеліе, они надѣваютъ свой мундиръ, и каждый, съ щипкомъ и щетками въ рукахъ, занимаетъ свой постъ; они собираются снова въ пять часовъ для передачи смотрителю выреченныхъ ими денегъ. Послѣдній выдаетъ по шести пенсовъ каждому, въ видѣ заработной платы; остальное дѣлится на три части: одну получаетъ мальчикъ, другую удерживаетъ общество на свои расходы, и послѣдняя помѣщается на его имя въ берегательную кассу. Суммы, доставляемыя дѣтьми, очень значительны; 326 изъ нихъ заработали 4.308 фунтовъ въ теченіе одного 1859 года. Малѣйшее уклоненіе отъ честности наказывается изгнаніемъ. Постъ каждого мальчика измѣняется черезъ каждые три дня, для того чтобъ онъ не могъ свести дурныхъ знакомствъ. Мальчиковъ обязываютъ посѣщать вечернія школы.

Я не хочу разстаться съ *пріютомъ грота*, не упомянувъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ, которыя показались мнѣ очень интересными. Я видѣлъ бібліотеку, содержащую въ себѣ до 400 томовъ; книги выдаются дѣтямъ и ихъ родителямъ. Общество издаетъ маленькій ежемѣсячный сборникъ; болѣе 8.000 дѣтей подписываются на него съ платою по полу-пенни за выпускъ; другое обозрѣніе *Дохмотныхъ Школъ* издается по подпискѣ на содержаніе этихъ школъ. Кромѣ того устроены клубъ одежды, похожій на ливморскій, описаніе котораго я представилъ выше, и служащій для родителей также какъ и для дѣтей. То же надо сказать и о берегательной кассѣ.

Многіе свѣтскіе люди принимаютъ участіе въ школахъ, и это упрочиваетъ ихъ благосостояніе. Они занимаются религіознымъ воспитаніемъ дѣтей. Нѣкоторые джентльмены бывають въ школахъ такъ часто и такъ интересуются своимъ дѣломъ, что дѣти смотрятъ на нихъ какъ на отцовъ. Эти посѣтители имѣють на дѣтей необыкновенное вліяніе. Они занимають ихъ чтеніемъ и даже раза три, четыре въ годъ показываютъ имъ волшебный фонарь; нерѣдко угощаютъ дѣтей и нѣкоторыхъ изъ родителей чаемъ; лѣтомъ

устраиваютъ праздникъ на дачѣ, гдѣ присутствуютъ до 4.000 дѣтей. Говорятъ, что очень трогательное торжество сопровождается раздачу наградъ, установленныхъ для дѣтей, умѣвшихъ въ продолженіе года сохранить первое мѣсто, которое доставило имъ Общество. Изъ 1.740 дѣтей 568 публично получили эту награду въ 1859 году.

— А дамы, спросилъ я зрителя, — помогаютъ ли онѣ въ вашемъ дѣлѣ?

— Онѣ учатъ, отвѣчалъ онъ, — въ женской школѣ; сверхъ того онѣ устроили для самыхъ несчастныхъ пріютъ, который во многихъ отношеніяхъ походитъ на пріютъ для мальчиковъ. Дѣвушекъ пріучаютъ быть добрыми хозяйками. Нѣкоторыхъ отправляютъ въ колоніи, но ихъ труднѣе размѣстить чѣмъ мальчиковъ. Дамы дѣлаютъ также много добра и *митинговъ матерей (Mother's Meeting)*. Это собраніе бѣдныхъ женщинъ, которыхъ разъ въ недѣлю дамы приглашаютъ провести съ собою вечеръ въ школьной залѣ. Угодно вамъ побывать на одномъ изъ этихъ митинговъ?

Я съ радостью принялъ приглашеніе, и въ семь часовъ мы снова отправились въ школу. Признаюсь, что входя туда, я почувствовалъ нѣкоторое смущеніе, какъ будто бы провинился въ какой-нибудь нескромности. Еслибъ я былъ одинъ, то не осмѣялся бы пробыть тамъ долѣе нѣсколькихъ минутъ; я увидѣлъ десятка два бѣдныхъ женщинъ, и нѣкоторыя изъ нихъ держали на рукахъ грудныхъ дѣтей. Тутъ собралось все, что только можно представить себѣ самаго нищенскаго и грязнаго. Впрочемъ, то бѣлый чепчикъ, то фартукъ, свидѣтельствовавши о нѣкоторомъ стремленіи къ опрятности. Три дамы занимались съ бѣдными женщинами: одна наблюдала за шитьемъ, показывала, какъ штопать старое платье, кроить бѣлье; другая читала вслухъ; третья работала иглой. Мистеръ Норрисъ, привыкшій посѣщать бѣдныхъ, не чувствовалъ ни малѣйшаго замѣшательства, и поговоривъ съ дамами, подошелъ къ матерямъ и каждой изъ нихъ сказалъ ласковое слово. Одна изъ дамъ очень бѣгло говорила по-французски и сообщала мнѣ преинтересныя подробности объ этихъ скромныхъ собраніяхъ.

— Великая польза нашихъ собраній, сказала она мнѣ, — заключается въ томъ характерѣ интимности и общительности, который у насъ господствуетъ, и который сближаетъ насъ съ этими бѣдными женщинами гораздо болѣе чѣмъ сколько это воз-

можно во время простыхъ посѣщеній. Мы дѣлаемъ имъ, подъ видомъ общихъ совѣтовъ, множество замѣчаній, даже выговоровъ, съ которыми мы не могли бы обратиться отдѣльно къ какой-нибудь изъ нихъ, не подвергая ее крайнему униженію. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ преданы пьянству; онѣ очень бы желали излѣчиться отъ этого порока и здѣсь почерпаютъ силу, которой имъ не доставало бы, еслибы онѣ оставались въ одиночествѣ. Онѣ обыкновенно приносятъ намъ свои гроши для помѣщенія въ сберегательную кассу или въ кассу одеждъ, иногда даже употребляютъ ихъ на покупку себѣ Ветхаго и Новаго Завѣта. Мы начинаемъ вечеръ молитвою, потомъ эти дамы готовятъ для нихъ работу, а я разговариваю съ ними, читаю имъ какую-нибудь исторію или разказъ миссіонера, или даже какія-нибудь народныя стихотворенія, однимъ словомъ стараюсь занять ихъ какъ умью; потомъ окончиваемъ собраніе молитвою, а часто и пѣниемъ псалма. Эти бѣдныя женщины охотно говорятъ о своихъ дѣтяхъ, мужахъ, и изъ разговора ихъ мы всегда извлекаемъ какое-нибудь полезное наставленіе. Каждые три мѣсяца мы угощаемъ ихъ чаемъ что почитается у нихъ большимъ праздникомъ.

Выходя изъ залы, я подумалъ, что дѣйствительно для этихъ женщинъ, привыкшихъ дома къ грубымъ рѣчамъ, ругательствамъ и крупнымъ словамъ, голосъ дамъ-покровительницъ, ихъ кроткое обращеніе должны были казаться чѣмъ-то ангельскимъ, и я почувалъ власть, которую онѣ приобрѣтали надъ этими несчастными созданіями.

Мы зашли на минуту въ школу мальчиковъ, чтобы поблагодарить достойнаго смотрителя, и нашли его посреди молодежи и пожилыхъ людей, занятыхъ чтеніемъ и письмомъ.

— Вѣроятно, сказалъ онъ,—вы съ удовольствіемъ прочтете отчетъ нашей ассоціаціи; я велѣлъ принести его для васъ. Вы найдете въ немъ также много подробностей и о другихъ школахъ, которыхъ я не могъ вамъ сообщить.

Этотъ отчетъ доставилъ мнѣ тѣ статистическія данныя, которыми я руководствуюсь. Можно судить объ обширности предпріятія по слѣдующимъ цифрамъ:

Въ настоящее время въ Лондонѣ число такихъ школъ простирается до 361; ихъ посѣщаютъ болѣе двадцати пяти тысячъ дѣтей. Учителей и смотрителей получающихъ жалованье считается до 400; число же даровыхъ учителей, истинныхъ христіанскихъ братьевъ, доходитъ до 2.600 человекъ.

Замѣчательно, что до 3.080 воспитанниковъ вышедшихъ изъ среды этихъ бѣдныхъ дѣтей уже помогаютъ учителямъ въ воспитаніи своей несчастной младшей братіи.

Въ пріютахъ, число которыхъ простирается до пятнадцати, помѣщается до 600 дѣтей, получающихъ пищу, одежду и обучающихся какому-нибудь ремеслу.

Въ 1856 году описываемое нами Общество убѣдилось, что ему необходимы еще школы для молодыхъ преступниковъ. Въ теченіи двухъ лѣтъ было основано до сорока заведеній, носящихъ названіе *Reformatory*, и законъ уполномочилъ судей отправлять туда всѣхъ осужденныхъ дѣтей моложе шестнадцати лѣтъ. Вслѣдствіе этого, число молодыхъ заключенныхъ уменьшилось въ эти годы на 26 процентовъ. Это уменьшеніе еще гораздо значительнѣе въ большихъ городахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что это улучшеніе распространилось и на всѣ другія мѣстности.

Ежегодные доходы этого Общества простираются до 32.000 фунтовъ. Общество школъ получило 31.545 фунтовъ отъ взносовъ и подаянъ, и израсходовало изъ нихъ 31.068 фунт.

Мистеръ Норрисъ оказалъ мнѣ, что въ послѣднее время происходили большія пренія между тѣми, которые интересовались этимъ обществомъ: одни считали нужнымъ воспользоваться пособіемъ правительства, другіе отказывались отъ него изъ опасенія, чтобъ это вмѣшательство не повредило школамъ. „Съ той минуты, говорили послѣдніе, когда дѣти увидятъ въ нашихъ школахъ что-нибудь иное, кромѣ дѣйствія нашей любви къ нимъ, мы потеряемъ надъ ними всякое нравственное вліяніе.“ Я охотно соглашаюсь съ этимъ мнѣніемъ.

XIX.

Другое заведеніе, которое мы посѣтили вмѣстѣ съ мистеромъ Норрисомъ, и которое привлекало все мое вниманіе, было заведеніе для юныхъ сѣлянъ.

Дѣвица изъ высшаго лондонскаго общества, дочь епископа (прошу ее извинить меня за нескромность), миссъ Гильбертъ, основала это заведеніе нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Слѣдая отъ рожденія, она находила утѣшеніе въ кругу многочисленнаго семейства, и долго размышляла о

печальной участи тѣхъ, которые въ подобномъ несчастіи лишены этой отрады. Она слышала объ одномъ слѣпцѣ, который для своихъ занятій безъ малѣйшаго затрудненія бродилъ по Лондону. Она велѣла позвать его къ себѣ, разспросила его, и найдя его совершенно способнымъ къ исполненію обязанности, которую она ему назначала, поручила ему отыскивать бѣдныхъ слѣпцовъ и предлагать имъ работу. То была фабрикація корзинъ, ковровъ, щетокъ и исполненіе другихъ легкихъ работъ, которыми многіе изъ нихъ научились въ школахъ. Она покупала оптомъ суровье, уступала имъ въ розницу по своей цѣнѣ, выдавала имъ условленную плату и принимала на себя продажу ихъ издѣлій. Многіе согласились съ благодарностью, но другіе признались, что они не умѣютъ работать. Благотворительность миссъ Гильбертъ позаботилась и о нихъ. Пожертвованія нѣкоторыхъ друзей и небольшая собственная сумма до того времени доставлявшая ей величайшее изъ ея наслажденій—слушать хорошую музыку, дали ей возможность устроить мастерскую, въ которой она завела обученіе мастерству, очень удобному и выгодному для слѣпыхъ—выдѣлыванію щетокъ. На лицевой сторонѣ маленькаго дома, нанятаго ею съ этою цѣлю, она открыла лавку, куда приглашала всякаго слѣпца приносить свой товаръ, если онъ не находилъ сбыта. Вскорѣ число несчастныхъ просившихъ о допущеніи ихъ въ мастерскую сдѣлалось такъ велико, что миссъ Гильбертъ увидѣла необходимость расширить кругъ своей дѣятельности; она устроила общество, составила комитетъ и обратилась къ великодушію публики. Въ настоящее время сорокъ семь слѣпыхъ обоего пола посѣщаютъ мастерскія, гдѣ учатся выдѣлывать корзинки, щетки, ковры, свѣти, соломенные табуреты и столярныя издѣлія. Благодѣянія этого заведенія еще ощутительнѣе тѣмъ, что черезъ нѣсколько дней по вступленіи въ него ученики начинаютъ получать заработную плату; многіе показывали такихъ, которые по истеченіи трехъ мѣсяцевъ начали зарабатывать болѣе 1 р. 50 коп. въ недѣлю. Можно себѣ представить счастье бѣднаго слѣпца, жившаго цѣлый вѣкъ подаяніемъ, когда онъ въ первый разъ отъ роду чувствуетъ въ рукахъ своихъ заработанныя имъ деньги и видитъ въ близкомъ будущемъ возможность существовать собственными средствами. Даже для того кто пользуется благомъ зрѣнія, трудъ есть великое счастье; какое же неоцѣненное благо составляетъ онъ для слѣпца. Это почти жизнь его: дать

ему орудства трудиться—значить дать ему новый органъ чувствъ.

Когда слѣпой, принадлежащій къ ассоціаціи, оканчиваетъ свое ученье, то онъ беретъ работу къ себѣ на домъ и его издѣлія продаются въ магазинъ Общества.

— Есть такіе работники, говорила мнѣ миссъ Гильбертъ, —которые добываютъ себѣ по тридцати шиллинговъ въ недѣлю. Число этихъ приходящихъ работниковъ простирается до шестидесяти трехъ; не всѣ, конечно, получаютъ одинаковую сумму, нѣкоторые нейдутъ даѣе пяти шиллинговъ.

Всѣ учителя ремесла сами слѣпые. Трудно себѣ представить зрѣлище болѣе трогательное, какъ эти мастерскія, на-попеченныя несчастными, которые не имѣютъ понятія о наслажденіяхъ, какія доставляетъ намъ всякое время года, всякій часъ, и даже не знаютъ лица своей юной благодѣтельницы.

При началѣ моего посѣщенія, я почувствовалъ нѣкоторое смущеніе, потому что въ лицѣ слѣпаго, хранящаго молчаніе, есть какая-то таинственная неподвижность. Но это тяжелое впечатлѣніе разсѣялось, когда я нѣсколько попривыкъ къ своимъ собесѣдникамъ, и особенно когда я поговорилъ съ ними. Малѣйшее слово вызывало на ихъ лицѣ выраженіе смышленности и довольства.

Мушцины и женщины работали отдѣльно. Изъ разговоровъ съ тѣми и другими я заключилъ, что мушцины были смысленнѣе женщинъ. Не отъ того ли, что воспитаніе женщины совершается главнымъ образомъ при посредствѣ вѣшняго наблюденія, тогда какъ мущина болѣе склоненъ къ размышленію?

Многіе изъ этихъ несчастныхъ получили воспитаніе въ школахъ слѣпыхъ, но—потому ли что они не выучились тамъ никакому ремеслу, или потому что не находили сбыта для своихъ произведеній, они, до поступленія въ мастерскую, оставались въ праздности и жили подаваніемъ. Многіе ослѣпли уже по достиженіи совершеннолѣтія.

Смотритель¹ показалъ мнѣ молодого 23-лѣтняго живописца, ослѣпшаго отъ скарлатины, и женщину еще молодую, которую подобное несчастіе заставило искать убѣжища въ работномъ домѣ. Директоры этого заведенія позволили ей

¹ Смотритель, или правильнѣе директоръ заведенія, тотъ самый слѣпой съ которымъ миссъ Гильбертъ соштовалась въ началѣ.

ходить въ мастерскую, она тамъ училась дѣлать щетки и въ скоромъ времени надѣялась сама зарабатывать себѣ хлѣбъ.

Главная цѣль заведенія миссъ Гильбертъ состоитъ въ томъ, чтобъ оказать пособіе этой послѣдней категоріи увѣчныхъ. Будемъ надѣяться, что и прочія заведенія, основанныя въ пользу слѣпыхъ, внесутъ нѣсколько болѣе практическаго смысла въ свое преподаваніе и что не будетъ болѣе повторяться явленіе, такъ часто встрѣчающееся нынѣ, когда слѣпой, послѣ десятилѣтняго пребыванія въ школѣ, выходя изъ нея, остается неспособнымъ заработать свой хлѣбъ.

Но не одни матеріальныя удобства доставляетъ это общество. Ученики присутствуютъ каждое утро въ классѣ, гдѣ ихъ учатъ читать и писать по остроумному способу выпуклыхъ буквъ. Существуетъ также классъ музыки, и разъ въ недѣлю друзья заведенія могутъ слышать концертъ, исполняемый слѣпыми въ маленькой залѣ заведенія. Общество имѣетъ также бібліотеку для слѣпыхъ, какъ принадлежащихъ къ заведенію, такъ и временно посѣщающихъ его.

Благодаря усиліямъ этого Общества, такіе же курсы были открыты во многихъ лондонскихъ и окрестныхъ приходяхъ. Тамъ учатъ чтенію, ариметикѣ и географіи. Неутомимое въ своей благотворительности, Общество завело также учителей ремеслъ для немощныхъ слѣпцовъ, которые не могутъ выходить изъ дому.

Многіе большіе города Англіи начинаютъ устраивать общества по образцу заведенія миссъ Гильбертъ.

— Я надѣюсь, говорила мнѣ эта любезная особа,—что не далеко ужъ то время, когда въ каждомъ графствѣ будетъ основано такое же заведеніе. Въ нашей странѣ число слѣпыхъ простирается до тридцати тысячъ.

Когда я спросилъ, не представляетъ ли обществу какихъ-нибудь затрудненій сбытъ мануфактурныхъ издѣлій, то она отвѣчала, что это дѣйствительно одна изъ главныхъ его заботъ, но что, впрочемъ, продажа идетъ до сихъ поръ очень успѣшно.

— Въ нынѣшнемъ году, сказала она,—мы пустили въ продажу нашихъ издѣлій на 2.800 фунтовъ (17.500 руб. сер.). Суровье обошлось въ 1.100 фунт. (около 6.300 руб. сер.), и такимъ образомъ барыша было до 1.500 фунтовъ (около 9.100 руб. сер.). Кромѣ лавки, гдѣ выставлены наши товары, мы имѣемъ двухъ разнощиковъ изъ слѣпыхъ; они обходятъ Лондонъ во

всѣхъ направленій, влача за собою маленькую тележку, и шлиють до трехъ тысячъ покупателей.

Для попомненія этихъ свѣдѣній, я прибавлю, что Общество устроило домъ съ номерами для помѣщенія безпріютныхъ слѣпыхъ. Онъ занятъ трудящимися для магазина учениками и работниками, которыхъ обстоятельства удерживаютъ вдали отъ ихъ семействъ. Одни изъ нихъ сами прокармливаютъ себя работою; расходы другихъ уплачиваются ихъ друзьями, приходомъ, къ которому они принадлежатъ, а въ крайнихъ случаяхъ самимъ обществомъ, но не иначе какъ въ видѣ соуды. Узнавъ, что слѣпые не принимаются въ члены общества взаимнаго вспомошествованія, Общество устроило подобное учрежденіе собственно для слѣпыхъ.

Выходя изъ заведенія, я встрѣтилъ у двери продавца цвѣтовъ. Я купилъ у него нѣсколько букетовъ и возвратился въ женскую мастерскую, чтобы раздать ихъ. Я ожидалъ, что слѣпые съ наслажденіемъ будутъ вдыхать въ себя запахъ цвѣтовъ, но, странно, онѣ гораздо болѣе интересовались ихъ красками. Всѣ разспрашивали меня объ этомъ; но отвѣтъ мой, какъ кажется, не удовлетворилъ ихъ, потому что онѣ обратились съ тѣми же вопросами къ одной изъ своихъ подругъ, сохранившей еще слабый остатокъ зрѣнія. Бѣдная дѣвушка назвала красное желтымъ, и ей повѣрили на слово. Понятно, что я принужденъ былъ уступить авторитету такой соперницы. Здѣсь кстати было припомнить поговорку: между слѣпыми и кривой царь.

Едва я пробылъ нѣсколько дней въ Лондонѣ какъ получилъ изъ Линмора цѣлую связку писемъ. Роза и Лесли уведомили меня о согласіи мистера и мистриссъ Мэсонъ на ихъ бракъ. Но всего болѣе доставило мнѣ удовольствія письмо Мери, хотя оно и не заключало въ себѣ ничего особеннаго. Въ числѣ прочаго Мери просила меня купить книгъ для ея библіотеки. Я обратился къ помощи мистера Норриса. Мистеръ Норрисъ повелъ меня въ два большіе магазина, основанные благотворительными лицами съ единственною цѣлю создать дѣльную и здоровую литературу для работающаго класса. Одно изъ обществъ носитъ названіе *Pure literature Society*, другое *Christian knowledge Society*; мистеръ Норрисъ называлъ мнѣ еще третье *Religious tract Society*. Цѣль всѣхъ една и та же: распространеніе поучительныхъ и нравственныхъ книгъ. Особый комитетъ, избранный изъ среды обще-

ства, принимаетъ на себя выборъ сочиненій, которыя наиболее приличны для народныхъ библіотекъ; но сами общества печатаютъ подобныя сочиненія на свой счетъ. Подписчики имѣютъ право получать книги по уменьшенной цѣлѣ. Содержаніе этихъ книгъ самое разнообразное; его составляютъ учебные предметы, исторія, путешествія, повѣсти. Часто онѣ написаны очень хорошо. Когда подписчикъ намѣревается основать народную библіотеку, то онъ обращается съ просьбою къ комитету, обязываясь купить известное число томовъ; общество присоединяетъ къ нимъ другіе въ видѣ подарка.

Магазинъ *Общества литературы* расположенъ на одной изъ маленькихъ улицъ, идущихъ отъ Страда къ Темзѣ, близъ того мѣста, гдѣ я остановилась по прїездѣ моемъ въ Лондонъ.

Нельзя и вообразить себѣ сколько обществъ въ этихъ переулкахъ: Воспитательное общество національной церкви, Общество искусствъ, Общество улучшенія для рабочихъ классовъ, Воспитательное общество для ремесленниковъ. Во всякомъ домѣ находится по-три и по-четыре бюро этихъ филантропическихъ заведеній; *Literature Society* помѣщается въ двухъ небольшихъ залахъ, по стѣнамъ которыхъ разставлены были книги. На столѣ разложено было множество маленькихъ обзорныхъ, ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ журналовъ, какъ для дѣтей, такъ и для ремесленниковъ. Эти маленькіе листы, украшенные красивыми гравюрами, показались мнѣ очень интересными; они служатъ свидѣтельствомъ усилій, какія дѣлались для того чтобы ихъ дешевизною, литературными и художественными достоинствами вытѣснить вредныя изданія, которыхъ, по словамъ мистера Норриса, въ Англіи появлялось такое же множество, какъ и во Франціи. Всякій подписчикъ имѣетъ право требовать цѣлую кипу этихъ маленькихъ книжекъ для ежемѣсячной раздачи.

Какъ только мистеръ Норрисъ назвалъ себя подписчикомъ и сообщилъ о цѣли нашего посвѣщенія, то намъ подали каталогъ. Я опасался сначала, не слишкомъ ли преобладаетъ въ этой коллекціи пуританизмъ; но былъ пріятно изумленъ, встрѣтивъ тамъ нѣсколько популярныхъ романовъ, каковы, напримеръ, романы миссъ Бартонъ. Я не могу довольно хвалиться обязательностью библіотекаря, показывавшаго все что намъ было нужно и сообщившаго намъ свидѣнія, которыя могли облегчить нашу выборъ. Но въѣдливости, усердію и

терпѣнію этого молодого человѣка, тотчасъ же можно было догадаться, что мы находимся въ частномъ заведеніи.

— Мы не издаемъ книгъ, сказалъ онъ, — какъ то дѣлаютъ другія общества; мы ограничиваемся только выборомъ такихъ, которыя можно безопасно дать въ руки молодымъ людямъ, и которыя годятся для народныхъ библіотекъ и для разности.

— Много ли библіотекъ вы основываете? спросилъ я.

— Въ прошедшемъ году мы доставили книгъ для основанія болѣе ста библіотекъ; то были библіотеки для деревень, для больницъ, для солдатъ и матросовъ.

— Стало-быть я могу, продолжалъ я, — основать библіотеку въ одной изъ многочисленныхъ *Ragged Schools* (лохмотныхъ школъ), которыя я посѣщаю.

— Да, отвѣчалъ онъ, — можете, по рекомендаціи мистера Норриса, или, что еще лучше, сдѣлавшись членомъ Общества взносомъ одной гинеи.

— Безъ сомнѣнія, сказалъ я, — мнѣ должно будетъ сообразаться съ нѣкоторыми постановленіями; вы конечно потребуете отъ меня списокъ книгъ, которыя я намѣренъ присоединить къ вашимъ, чтобы ваши книги не попали въ дурное общество?

— Вы неисправимы! воскликнулъ мистеръ Норрисъ: — значитъ, вы никогда не поймете, что у насъ любятъ свободу до того, что допускаютъ возможность и дурныхъ проявленій ея. Не долго просуществовало бы наше Общество, еслибы оно вздумало управлять тѣми, кому помогаетъ.

— Мистеръ Норрисъ совершенно правъ, сказалъ библіотекаръ; — мы предполагаемъ, что тѣ которые являются за покупкою книгъ и основываютъ библіотеки, дѣлаютъ это съ добрымъ намѣреніемъ. Всякій составляетъ себѣ библіотеку, какъ хочетъ; мы снабжаемъ книгами, мы болѣе ни во что не вѣсиваемся.

Такъ какъ выборъ книгъ потребовалъ бы слишкомъ много времени, то мы взяли каталогъ и обѣщали въ скоромъ времени извѣстить библіотекаря о тѣхъ сочиненіяхъ, которыя намъ нужны. Онъ въ свою очередь обѣщавъ доставить ихъ намъ тотчасъ же по полученіи разрѣшенія.

Мистеръ Норрисъ немедленно написалъ въ комитетъ прошле о выдать миссъ Мэсонъ коллекціи книгъ, назначавшей въ даръ деревенской библіотекѣ. Миссъ Мэсонъ должна была заплатить 10 фунтовъ стерл. (около 65 руб. сер.); сверхъ того

общество доставляло ей книгъ на пять фунтовъ (около 32 руб. сер.) Все вмѣстѣ составило до 300 томовъ, и такимъ образомъ, среднимъ числомъ, каждый томъ обошелся въ одинъ шиллингъ.

XX.

На Линморской станціи я встрѣтилъ Розу и Лесли, обѣихъ верхомъ, и маленькую колясочку, *pony-chair*, подъ управленіемъ Вилли, которому поручено было отвезти меня въ коттеджъ. Смѣхъ Розы былъ веселъ какъ пѣсня жаворонка, и скрытная натура Лесли уступила вліянію откровенной и до-вѣрчивой привязанности его невѣсты. Ихъ любовь была такъ юна и простодушна, что я часто засматривался на нихъ съ какимъ-то нѣжнымъ любопытствомъ смѣшаннымъ съ нѣкоторою завистью.

День свадьбы не былъ еще назначенъ; надо было заново отдѣлать пасторскій домъ и сверхъ того отдѣлать еще разныя небольшія распоряженія, которыя Лесли считалъ необходимыми для принятія Розы. Въ Англіи часто случается, что отъ помолвки до свадьбы проходитъ по нѣскольку мѣсяцевъ; молодые люди постоянно видятся, изучаютъ другъ друга, прежде чѣмъ соединятся на всю жизнь. Имъ предоставляется полная свобода. Они гуляютъ вдвоемъ, дѣлаютъ покупки для своего будущаго хозяйства, и это можетъ-быть самое счастливое время ихъ жизни. Разорвать такое обязательство считается нарушеніемъ законовъ чести.

Я вижу только одно неудобство въ подобной короткости; оно обнаруживается, когда вопросъ возникаетъ о деньгахъ и поставяетъ препятствіе предположенному браку. Въ Англіи не принято въ дѣлѣ брачныхъ союзовъ явно входить въ денежные расчеты; нѣтъ ни одного жениха, ни даже отца или матери, которые бы обнаружили какую-нибудь заботу въ этомъ отношеніи далѣе предѣловъ первой необходимости. Конечно, въ Англіи, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, есть много родителей, которые полагаютъ свое честолюбіе въ дѣтяхъ, но я говорю только, что еслибъ они открыто обнаружили свои корытолюбивые замыслы, то потеряли бы общее уваженіе. Точно также можетъ случиться, что молодой человѣкъ болѣе думаетъ о приданомъ чѣмъ о любви своей жемчужинѣ.

но у него никогда не достанетъ духу признаться въ этомъ. Иной разъ даже излишняя деликатность въ денежныхъ вопросахъ подвергаетъ большимъ испытаніямъ молодыхъ людей, привязавшихся другъ къ другу, не подумавъ прежде о томъ, позволить ли имъ состояніе ихъ вступить въ бракъ.

Дѣвушки въ Англіи рѣдко получаютъ приданое. Что касается до скромной части изъ наслѣдства своихъ родителей, на которую онѣ имѣютъ право, то она назначается въ собственность ихъ дѣтямъ, а онѣ пользуются только доходами.

Итакъ, если состояніе молодаго человѣка не позволяетъ ему обезпечить существованіе своей возлюбленной, то онъ долженъ нарушить свое обязательство или ждать до тѣхъ перъ, пока не скопитъ своимъ трудомъ достаточной суммы. Къ чести молодыхъ Англичанокъ надо прибавить, что если законъ нѣкоторымъ образомъ лишаетъ ихъ наслѣдства, то нѣтъ въ цѣломъ мірѣ женщинъ, болѣе готовыхъ раздѣлять участь тѣхъ, кого онѣ полюбятъ; ни лишенія, ни дальній путь не могутъ остановить ихъ. Они лучше, чѣмъ въ другой странѣ, приводятъ въ исполненіе слова Евангелія, которыя поставляютъ женщинѣ въ обязанность покинуть все и слѣдовать за своимъ мужемъ.

Родители, не безъ причины, опасаются отлагать на долго свадьбу, и стараются внушить тоже своимъ дочерямъ; но часто, молодая дѣвушка, повидимому послушная совѣтамъ своего семейства, даетъ въ душѣ обѣтъ любить только того, къ кому она привязалась, и ждать его, во что бы то ни стало. Любовь съ той и съ другой стороны, конечно, можетъ восторжествовать надъ временемъ и разлукой; но лучше не подвергать ее подобнымъ испытаніямъ, потому что непостоянство жениховъ не разъ разстраивало здоровье и счастье многихъ прекрасныхъ и добрыхъ дѣвушекъ. Въ этомъ отношеніи Роза и Лесли могли быть совершенно покойны.

— Лесли благородный человѣкъ, сказалъ мистеръ Мэсонъ, говоря со мной объ этомъ супружествѣ.—Когда мнѣ нужно было потолковать съ нимъ о денежныхъ дѣлахъ, то онъ возразилъ мнѣ, что ничего не смыслитъ въ нихъ. „Заключайте, какъ вамъ угодно, контракты, сказалъ онъ,—я не хочу, чтобы вы, или мистеръ Мэсонъ, потерпѣли хотя малѣйшее лишеніе изъ-за того чтобы дать Розѣ приданое; мое состояніе, хотя и скромное, будетъ для насъ достаточно.“

Трудно было бы узнать навѣрное, какъ велико его состояніе;

въ этомъ отношеніи Англичане вообще очень щедры, т. е. впрочемъ, по моему разчету, оно должно было простираться до 800 фунтовъ ежегоднаго дохода (около 5.000 р. с.).

Книги для бібліотеки прибыли въ тотъ самый вечеръ когда я возвратился въ Линморъ, и на другой день я отправился въ Лоджъ, и предложилъ разобрать ихъ по содержанію и изготовить каталогъ съ присоединеніемъ къ нему правилъ, составленныхъ Мери, съ помощію мистера Норриса. Вотъ эти правила: „Каждый подписчикъ долженъ заплатить впередъ шиллингъ за три мѣсяца, и внести шесть пенсовъ въ залогъ. Онъ пользуется правомъ брать одну книгу на домъ и держать ее двѣ недѣли. Если же онъ захочетъ продержать ее дольше, то долженъ во второй разъ записаться въ реестръ бібліотекаря.“ Къ этому прибавлялось еще, что, такъ какъ бібліотека устроена для общей пользы, то подписчиковъ покорнѣе просятъ какъ можно болѣе беречь книги.

Продавецъ игрушекъ и бумага, облагодѣтельствованный Мери, принялъ на себя должность бібліотекаря. Полки разставлены были въ его приемной, которую онъ согласился оставлять цѣлый день открытою для подписчиковъ. Въ вознагражденіе за это, онъ долженъ былъ получать опредѣленную годовую плату въ одинъ фунтъ стерлинговъ, кромѣ того по 3 шиллинга на каждые 20 шиллинговъ абонеента и по 2 фунта въ годъ за квартиру. Мистеръ Норрисъ посоветовалъ Мери устроить чтеніе и пригласить всѣ деревни, назначивъ небольшую плату за входъ. Сборъ долженъ былъ идти на покрытіе издержекъ по бібліотекѣ, какъ-то на полки, на тисненый коленкоръ, на печатаніе каталога и т. д. Мистеръ Норрисъ былъ такъ обязателемъ, что самъ вызвался прочесть лекцію. Такъ какъ это было совершенною новостью въ Линморѣ, то при выполненіи представились нѣкоторыя затрудненія. Болѣе всего противился этому мистеръ Мэсонъ, но когда онъ увидѣлъ, что человекъ тридцать тотчасъ же абонировались въ книжной лавкѣ, то пересталъ находить предположеніе Мери необычнымъ.

Графиня обвнаружила при этомъ свою всегдашнюю доброту и когда Роза заговорила съ ней о чтеніи, то она отдала въ ея распоряженіе одну изъ залъ своего замка. Мы колебались съ минуту, устроить ли намъ чтеніе въ школѣ или въ замкѣ; первая была ближе къ деревнѣ, а второй имѣлъ прелесть новизны и сверхъ того могъ служить доказательствомъ

участія графини въ этомъ новомъ дѣлѣ. Итакъ мы приняла съ даредложеніемъ, и роздали афиши съ извѣщеніемъ, что достопочтенный мистеръ Норрисъ 15-го октября въ Лимморъ-Паркъ, въ собраніи, подъ предсѣдательствомъ мистера Мэсона, прочтетъ лекцію изъ астрономіи. Цѣна билетамъ назначена была одинъ шиллингъ за нумерованныя мѣста, и четыре пенса за всѣ прочія; подписчики платили только половину.

Около двухъ сотъ человекъ явились на этотъ призывъ. Интересно было видѣть всѣхъ этихъ крестьянъ, собравшихся для утонченнаго умственнаго удовольствія.

Мистеръ Норрисъ помѣстился на небольшомъ возвышеніи, по правую его сторону находился мистеръ Мэсонъ, въ качествѣ президента, по лѣвую Лесли. Президентъ представилъ мистера Норриса всему собранію, и чтеніе началось. Выразивъ свое удовольствіе, что къ нему собралось такъ много слушателей, мистеръ Норрисъ изложилъ вкратцѣ цѣль учрежденія, получившаго названіе *Лимморскаго литературнаго общества*.

„Отъ души привѣтствую рвеніе, которое вы обнаруживаете,“ сказалъ онъ. „Чѣмъ болѣе вы будете посвящать себя умственнымъ занятіямъ, тѣмъ болѣе будете находить въ нихъ удовольствія. Позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ: любите ученіе и книги для нихъ самихъ, и любите ихъ безкорыстною любовью. Въ наше время слишкомъ часто почитаютъ воспитаніе средствомъ къ возвышенію. Отецъ видитъ въ немъ для своихъ сыновей путь къ обогащенію, мать для своей дочери средство бацать въ обществѣ, а истинное благо воспитанія теряется изъ виду. Между тѣмъ, друзья мои, не много есть удовольствій, которыя можно было бы предпочесть наукѣ. Страсть къ умственнымъ занятіямъ, любовь къ наукамъ, составляютъ неисчерпаемый источникъ счастья, сопряженнаго съ благородными наслажденіями.

„Часто говорятъ, что книги—наши неизмѣнные друзья, и это справедливо; несчастія, болѣзни не отдаляютъ ихъ отъ насъ; напротивъ! Не нужно ходить за ними далеко, не нужно покидать свою семью и свой милый *home* (домъ), чтобъ отыскать ихъ. Онѣ тутъ у насъ подъ рукой, съ своими сокровищами. Кто изъ насъ не сочтетъ за счастье возможность бесѣдовать съ тѣмъ или другимъ знаменитымъ современникомъ, слышать его, когда угодно, во всякое время? Книги именно доставляютъ намъ это свободное и короткое обращеніе, эти

ежеминутныя сношенія, и не только съ людьми восточнаго покаянія, но со всеми учеными, со всеми государственнымъ людьми, со всеми литераторами, блиставшими въ мірѣ съ самой глубокой древности. Общее чтеніе всегда будетъ живѣйшимъ и разумѣйшимъ наслажденіемъ нашихъ семействъ и еще тѣснѣе соединитъ ихъ. Человѣкъ, умѣющій читать и работать и сохранявшій любовь къ простотѣ и вѣру въ Бога, не можемъ жаловаться на свою участь. Онъ заключаетъ въ самомъ себѣ всѣ условія истиннаго счастья, и если не умѣетъ насладиться имъ, то пусть пѣнаетъ на самого себя.“

Послѣ этой краткой вступительной рѣчи, мистеръ Норрисъ началъ лекцію. Онъ представилъ бѣглый очеркъ солнечной системы, съ нѣкоторыми подробностями о чудесной свѣтозарной атмосферѣ солнца и о погасшихъ вулканахъ луны. Большія картины, напечатанныя на полотнѣ, дѣлали это преподаваніе еще нагляднѣе. Въ заключеніе, мистеръ Норрисъ назвалъ тѣ книги новой бібліотеки, въ которыхъ желающіе могли подробнѣе ознакомиться съ излагаемымъ имъ предметомъ.

Два часа прошло въ этой пріятной и поучительной бесѣдѣ. Вечеръ окончился предложеніемъ Лесли изъяснить общую благодарность мистеру Норрису, и предложеніе его принято было, съ громкими рукоплесканіями. Наконецъ мистеръ Вудлендъ, въ сопровожденіи мистера Мэсона, отправился благодарить графиню отъ имени всѣхъ слушателей за оплошженіе, съ которымъ она предложила свой замокъ на этотъ вечеръ.

XXI.

Устройство бібліотеки сильно занимало меня, потому что все интересовавшее Мери имѣло для меня необыкновенную прелесть; когда же этотъ планъ приведенъ былъ въ исполненіе, и мнѣ не оставалось болѣе предлога бесѣдовать съ нею наединѣ, то я почувствовалъ страшную пустоту. Къ тому же мнѣ показалось, что Мери избѣгаетъ случая говорить со мною, и что въ рѣдкихъ разговорахъ нашихъ нѣтъ уже прежней непринужденности, какъ будто какое-нибудь облако отдѣляло насъ другъ отъ друга: была ли то ея вина или моя?

И узналъ себя, что ей известна моя любовь и что она обязана объясненія со мною, потому только что не можетъ отвѣчать мнѣ.

Грустный и печальный, я стараюсь побороть въ себѣ чувство, которое противъ воли жоей все болѣе и болѣе наполняетъ мое существованіе. „Зачѣмъ, говорилъ я самъ себѣ, желать, чтобъ она полюбила меня, иностранца? Если она выйдетъ за меня, то не будетъ ли принуждена покинуть свое семейство, свою деревню, свое отечество, все что ей такъ дорого? Не долженъ ли я почитать себя счастливымъ, пользуясь кроткою дружбой такой чистой и благородной души, и не мечтать о союзѣ, требующемъ такихъ жертвованій?“ Иногда, послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, я становился на время нѣсколько покойнѣе, но потомъ какое-нибудь неожиданное обстоятельство приводило меня снова въ волненіе. Странное ослѣпленіе страсти! Нѣсколько словъ, сказанныхъ Мери или ея матери, могли бы избавить меня отъ этого страданія: но развѣ влюбленный останавливается когда-нибудь на томъ что ясно и просто? Я все-таки предпочиталъ неизвѣстность, какъ горестна она ни была, возможности услышать отказъ. Такое напряженное состояніе сердца не могло быть продолжительно. Случай, который долженъ былъ вызвать меня на объясненіе, скоро представился.

Двоюродный братъ Мери, возвратившійся изъ Индіи, пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Лоджъ. То былъ молодой офицеръ, исполненный самоувѣренности, съ свободными и непринужденными манерами.

Такъ какъ онъ съ самаго дѣтства былъ очень друженъ съ своими кузинами, то и теперь свободно обращался съ ними, особенно съ Мери, съ которою велъ постоянную переписку во время пребыванія своего въ Индіи. Онъ совѣтовался съ нею, повѣрялъ ей свои тайны, и часто прогуливался съ нею вдвоемъ по саду. Не разъ случалось мнѣ видѣть, какъ они гуляя вмѣстѣ съ Розою и Лесли, отставали отъ нихъ, и мнѣ нѣволью приходило въ голову, что между ними существуютъ такія же нѣжныя отношенія, какъ и между первыми. Эти мысли не давали мнѣ покою.

Въ это мучительное для меня время, я получилъ позволеніе возвратиться на родину и рѣшился какъ можно скорѣе уѣхать изъ Линмора, но передъ отъѣздомъ хотѣлъ

признаться мистриссъ Мэсонъ въ любви моей и пожелать счастья ея дочери; и, странно, я менѣ чѣмъ когда-либо сомнѣвался въ привязанности Мери къ ея двоюродному брату.

Итакъ, на другой день я явился въ Лоджъ, чтобы сообщить Мэсонамъ, что я получилъ позволеніе возвратиться во Францію и собираюсь въ скоромъ времени воспользоваться имъ.

— Отъ души поздравляю васъ, сказалъ мистеръ Мэсонъ, дружески пожимая мнѣ руку.

— Но, перебила мистриссъ Мэсонъ, — вѣдь мы скоро увидимся съ вами, не правда ли?

Каждый привѣтливо спрашивалъ меня, за исключеніемъ Мери, которая, казалось, только и думала о томъ чтобы утѣшить Алису. Последняя, неумѣренная какъ въ печали, такъ и въ радости, заливалась горькими слезами и очень сердилась, что мой отъѣздъ разрушилъ планы разныхъ игръ и забавъ, составленные въ ея маленькой головкѣ. Я не смѣлъ взглянуть на Мери, и вздохнулъ свободнѣе, когда она встала чтобы увести Алису изъ комнаты.

Какъ странно звучали въ моихъ ушахъ поздравленія мистера Мэсона, и чего стоило мнѣ отвѣчать ему на вопросы о состояніи Франціи, которыми онъ сопровождалъ свои поздравленія.

Напрасно, въ теченіи дня я искалъ и не находилъ удобной минуты, чтобы переговорить съ мистриссъ Мэсонъ, а между тѣмъ ея холодность въ обращеніи со мною заставляла меня тяжело страдать. Я рѣшился письменно попросить у нея позволенія переговорить съ нею. Въ ту самую минуту, какъ я шелъ на это свиданіе, Роза подошла ко мнѣ.

— Подите на минуту сюда, говорила она, — мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ. Неужели правда, что вы не возвратитесь къ вашей свадьбѣ? Что же заставило васъ принять такое рѣшеніе? Это дурно съ вашей стороны; я думала, что вы любите насъ, я уже смотрѣла на васъ, какъ на брата. Она на минуту остановилась въ сильномъ волненіи, и потомъ прибавила:—Я нахожу, что вы поступаете очень странно, очень жестоко. Потомъ ея волненіе удвоилось, и она воскликнула:—Боже мой! неужели я ошиблась? стало-быть вы ее не любите!

— Мнѣ не любить ее! Вы очень хорошо знаете, что вся душа моя принадлежитъ ей, и что одна мысль видѣть ее женою другаго убиваетъ меня и заставляетъ бѣжать отсюда.

— Другаго! возразила Роза:—но о комъ же говорили вы?

— Зачѣмъ, миссъ Роза, отвѣчалъ я,—скрывать отъ меня истину? Вѣдь сестра ваша любитъ вашего двоюроднаго брата, полковника, и собирается выйти за него замужъ?

— За полковника? воскликнула Роза, внезапно перемѣняя тонъ и заливаясь своимъ добродушнымъ смѣхомъ, терзавшимъ меня въ эту минуту.—Мери полюбитьэтого вѣтреника! Но развѣ вы не знаете чего онъ ищетъ? Богатаго приданнаго. Ему нужна не такая простая дѣвушка, какъ Мери, а свѣтская особа и особенно богатая. Какъ же вы слѣпы, если не замѣтили, что онъ имѣетъ сильное желаніе жениться на Эмилиіи Актонъ. И бѣдная Мери такъ добра, что имѣла слабость сдѣлаться его повѣренной...

Я ожилъ.....

Два мѣсяца спустя, Роза, Лесли, Мери и я, мы все стояли предъ алтаремъ въ Линморской церкви, и мой любезный мистеръ Норрисъ призывалъ на этотъ двойной союзъ благословеніе Божіе.

— Признайтесь, сказалъ мнѣ этотъ добрый другъ съ своею добродушною и нѣсколько лукавою улыбкою,—признайтесь, что я не обманулъ васъ, когда, помните, предсказывалъ вамъ въ маленькой швейцарской хижинѣ, что если вы придете въ Англію, то встрѣтите самый радушный приемъ.

V

О МАЛОРУССКОМЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ЯЗЫКЪ

И ОБЪ ОБУЧЕНИИ НА НЕМЪ

Национальныя броженія южныхъ и западныхъ Славянъ, Нѣмцевъ и пр., своеобразно отразились въ послѣдніе годы и у насъ въ стремленіи нѣкоторыхъ украинофиловъ образовать для южной части русскаго народа особенную литературу, обучать его на мѣстномъ нарѣчій и даже сохранить его костюмъ. Стремленіе это, въ началѣ слабое и подвергавшееся всеобщему осмѣянію, постоянно усиливалось послѣ появленія *Кобзаря Шевченка* и особенно *Основы*, поддержанной при своемъ появленіи крайне легкомысленными изъясненіями сочувствія со стороны нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналовъ. Стремленіе распространилось, несмотря на разумные доводы противъ него всѣхъ болѣе основательныхъ органовъ литературы, и разразилось въ недавнее время торжественнымъ „Отзывомъ изъ Кіева“, помѣщеннымъ въ № 46 *Современной Литтописи* 1862. „Отзывъ“ этотъ, какъ видно изъ него самого, прямо противоположный тому понятію, которое всѣ здѣсь составили объ украинофильствѣ, побудилъ и насъ

исполнить давнее намѣреніе—поговорить о немъ, намѣреніе, которое по недостатку времени и нѣкоторымъ другимъ причинамъ, откладывали день за день. Но предупреждаемъ, что мы не будемъ разбирать *всѣ* высказанныя въ этомъ „Отзывѣ“ тенденціи и признанія подписавшихся подъ нимъ лицъ. Мы рассмотримъ только ихъ „основное положеніе“, и перейдемъ затѣмъ къ вопросу о малорусской литературѣ, малорусскомъ языкѣ и объ обученіи на немъ народа, оставляя, несмотря на ихъ вызовъ, *всѣ* прочія замѣчанія и возраженія до другаго, болѣе удобнаго времени. Замѣчу впрочемъ, что если они останутся недовольны и потребуютъ замѣчаній на прочія части „Отзыва“, то я немедленно исполню ихъ желаніе.

I.

Въ этомъ „Отзывѣ“ подписавшіеся подъ нимъ высказываютъ, что „основнымъ положеніемъ *всѣхъ* ихъ понятій служитъ то глубокое убѣжденіе, что ни отдѣльная личность, ни кружокъ, ни группа, ни даже весь такъ-называемый образованный слой общества, не въ правѣ *навязывать* огромному большинству народа, пользуясь его неразвитостью и вытекающею изъ нея безгласностью, какую бы то ни было теорію, взятую а priori.“ Вслѣдствіе этого „основнаго положенія“, они говорятъ, что считаютъ своею задачею „вспомоществовать народному образованію и развитію“, основанному на собственныхъ народныхъ началахъ, то-есть „развивать эти начала при содѣйствіи достигнутаго ими образованія, давать имъ, по мѣрѣ силъ и возможности, правильное, честное, человѣческое направленіе, беречь ихъ отъ изуродованія, какъ внѣшняго (посредствомъ завесенія въ народъ чуждыхъ ему понятій), такъ и внутренняго (искаженія нравственныхъ народныхъ началъ невѣжествомъ, предрасудкомъ, недостаткомъ сознанія).“ Вслѣдствіе этого они выводятъ, что образованіе народа должно-быть основано: на христіанствѣ, на уваженіи къ поземельной собственности, къ этнографическимъ особенностямъ народа, къ его языку, національности, и наконецъ къ семьѣ и громадѣ (общинѣ). Пока далѣе общины ходить не слѣдуетъ.

Не разсматривая, вполне ли удовлетворителенъ этотъ катихизисъ, и вполне ли согласенъ онъ съ дѣйствительностью, мы

обратимъ вниманіе на точку отправленія его составителей. Въ ней поражаетъ та мысль, что они боятся что-либо *навязывать* народу, чтобъ отъ занесенія въ него чуждыхъ ему понятій не оказались народныя начала.

Что значитъ *навязывать* народу *понятія*? Имѣютъ ли какой-нибудь смыслъ эти слова? Рѣшительно никакого. Это только громкая фраза, въ которой авторы и сами себѣ не даютъ отчета, потому что его дать невозможно, и которая имъ нужна только для того чтобы, какъ мы докажемъ, пустивъ пыль въ глаза непривыкшимъ къ мышленію, оправдать и защитить свое стремленіе къ обособленію южной части русскаго народа, посредствомъ обученія на мѣстномъ нарѣчій и созданія своей литературы. Подъ словомъ *навязываніе* можно понимать только насиліе, принужденіе къ чему-либо; но навязать убѣжденія, понятія вы не можете, потому что не властны надъ чужою мыслью, потому что понятія свободно воспринимаются умомъ человѣка, потому что этимъ же умомъ вырабатываются собственныя убѣжденія, или воспринимаются чужія. Сила не убѣдитъ, да еслибъ и могла убѣдить, то ея нужно было бы слишкомъ много, чтобы частныя лица могли навязать народу свои понятія.

Но мнѣ могутъ сказать, что я придираюсь къ слову, что они только не точно выразились, что словомъ „навязываніе“ они вовсе не желаютъ выразить принужденіе, а только стремленіе сообщить народу тѣ понятія, которыхъ онъ не имѣетъ. Если такъ, то значитъ они хотятъ уберечь народъ, какъ отъ чумы, отъ всякаго знанія и не позволяютъ ему открывать глаза на міръ Божій; следовательно, они хотятъ оставить его въ вѣчномъ невѣжествѣ, оградить китайскою стѣной отъ всякаго образованія. Къ такимъ выводамъ долженъ придти всякій, принявшій второе объясненіе слова „навязываніе“; а потому всякій долженъ признать одно изъ двухъ: или что авторы „Отзыва“ не умѣютъ выразиться точно, и упорно стоятъ за невѣжество, или что сами не понимаютъ смысла своихъ словъ. Въ самомъ дѣлѣ, господа, если вы хотите, чтобы въ народѣ „не заносились чуждыя ему понятія“, а развивались бы и укрѣплялись только тѣ, которыя онъ теперь имѣетъ, то въ такомъ случаѣ, если, напримѣръ, народъ думаетъ, что солнце движется вокругъ земли,—и вы должны увѣрять его въ томъ же; если народъ вѣритъ въ вѣдьмъ, и т. п.,—и вы должны, при

содѣйствіи достигнутого вами образованія, не только остав-
лять его при этихъ вѣрованіяхъ, но развивать и укрѣплять ихъ.

Но дѣйствительно ли они имѣютъ такія мысли? Искренно
ли они говорятъ? Трудно этому повѣрить, зная, что всѣ они
принадлежать или принадлежали недавно къ университету въ
качествѣ студентовъ и вольнослушателей. Дѣйствительно,
въ выписанномъ нами мѣстѣ изъ ихъ „Отзыва“ есть проти-
ворѣчія. Сначала они говорятъ, что хотѣтъ только *вспомоще-
ствовать* народному развитію, а вслѣдъ за тѣмъ заявляютъ
претензію уже прямо *развивать* народныя начала, *давать*
имъ направленіе. Еще болѣе: изъ того же мѣста видно, что
они стремятся не только уберечь народъ отъ вѣшняго, какъ
они выражаются, изуродованія, т.-е. отъ соприкосновенія съ
новыми понятіями, но и отъ внутренняго, т.-е. отъ невѣже-
ства, предразсудковъ, недостатка сознанія. Но вѣдь убѣжде-
ніе въ обращеніи солнца вокругъ земли имѣетъ свою основу
въ невѣжествѣ; вѣрованіе въ доекіе коровъ вѣдьмами про-
исходитъ также отъ невѣжества, предразсудковъ, и т. п.
Вы слѣдовательно хотите освободить народъ отъ всего этого.
Но какъ же это? Помните, господа, да вѣдь вы посягаете
на народныя понятія, убѣжденія, вѣрованія! Вы хотите *на-
сказать* народу новыя мысли, отъ которыхъ только что какъ
отъ заразы отрекались!

Мы видимъ, такимъ образомъ, что все *основное положеніе*
ихъ не искренно и противорѣчитъ самому себѣ. Это
основное положеніе — громкая, но пустая фраза, ослѣ-
пляющая, какъ мы сказали, только людей лишенныхъ
мыслительной способности, но которою, за неимвніемъ луч-
шей, они надѣялись оправдать свои національно-сепаратив-
ныя тенденціи, свои узкія мѣстныя цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ
заявить, выведенными изъ этого основнаго положенія ре-
зультатами, полнѣйшую свою безвредность и показать, что всѣ
они не имѣютъ ничего общаго съ „Молодою Россіей“, отъ
которой болѣе всѣхъ отрицаются. Послѣднее не подле-
жит нашему разсмотрѣнію, равно какъ ихъ увѣреніе въ сер-
дечной болѣзни, происшедшей у нихъ отъ сопротивленія
крестьянъ подписывать уставныя грамоты. Обратимся къ
упреку въ *сепаратизмъ*, упреку самому смѣшному, по ихъ
словамъ, — самому серьезному по нашимъ.

Что касается до сепаратизма государственнаго, то дѣйстви-

только въ настоящее время это „нездѣльность сгнѣнная“ каковы бы ни были желанія сепаратистовъ. Хотя, по словамъ подписавшихся подъ „Отзывомъ“ „никто изъ нихъ не говоритъ и не думаетъ о политикѣ,“ но во всякомъ случаѣ оправедливо то, что сепаратизмъ національный, котораго они открыто желаютъ, ведетъ со временемъ къ сепаратизму государственному. Какъ ни важенъ послѣдній, но въ интересѣ просвѣщенія первый, на нашъ взглядъ, еще важнѣе, затрогиваетъ самыя чувствительныя струны, а потому мы намѣрены поговорить о немъ подробнѣе.

II.

Печальныя явленія замѣчаетъ наблюдатель въ славянскомъ мѣрѣ. Въ то время когда нѣмецкая народность раздѣленная политически, давно уже достигла объединенія умственного, духовнаго, посредствомъ одного общаго литературнаго языка, на которомъ производится обученіе всего народа, и одной общей литературы, поставившей этотъ народъ на такую высокую степень развитія, и нывѣ стремится, какъ бы въ довершеніе зданія, къ соединенію политическому; въ то время когда Италия, достигнувъ перваго, достигаетъ теперь и послѣдняго, а Франція уже достигла и того и другаго; — славянскій мѣръ представляетъ намъ пока совершенно противоположныя явленія. Раздѣляемые съ самыхъ древнихъ временъ на желкія, по большей части враждебныя другъ другу отрасли, Славяне издавна подпадали подъ господство разныхъ нашельцевъ, Гунновъ, Болгаръ, Турокъ, Нѣмцевъ и др., и, несмотря на печальный опытъ прошедшаго, донынѣ сохраняютъ свою склонность къ раздѣленію, какъ политическому, такъ и литературному, умственному. Каждый городокъ, каждое мѣстечко, напримѣръ у Болгаръ, только что начинающихъ раскрывать глаза на свѣтъ, стремится имѣть особенный литературный языкъ, сохранить свое, хотя бы и незначительное, разнорѣчіе, не понимая или не желая повяты, что чѣмъ болѣе сохранять нарѣчій и подрѣчій, тѣмъ каждое изъ нихъ будетъ бѣднѣе, тѣмъ болѣе будетъ затруднено развитіе всего народа и его политическое объединеніе, такъ существенно для него важное. То же видимъ у Сербовъ въ борьбѣ какихъ-нибудь нарѣчій гердеговинскаго, сремскаго и пр. съ ихъ подраздѣленіями, не говоря уже о борьбѣ между Сербами и весьма

близкими къ нимъ Хорватами; то же видно даже у какихъ-нибудь почти совершенно онемечившихся Лужицанъ, и пр. Утомленные такою безцѣльною и безплодною борьбою, они падаютъ и кончаютъ тѣмъ, что принимаютъ языкъ народа совершенно чуждаго. Со скорбы смотришь на такія явленія, съ негодованіемъ на виновниковъ ихъ, на этихъ народныхъ руководителей. Рѣдко встрѣчаются такія достойныя личности какъ личность Шафарика, который даже въ своихъ *Славянскихъ Древностяхъ*, во многихъ мѣстахъ дышащихъ почти лирическою скорбыю, указываетъ намъ на слѣдствія этого стараго славянскаго разлада;—Ганки, стремившагося ради общей пользы, оставивъ всѣ мѣстныя привязанности, сдѣлать русскій языкъ, какъ языкъ самаго многочисленнаго, единственно-независимаго и имѣющаго относительно-богатую литературу славянскаго народа, общимъ литературнымъ языкомъ для всѣхъ Славянъ;—Шумавскаго, старавшагося объединить Славянъ введеніемъ въ употребленіе старо-славянскаго языка, приуроченнаго къ современнымъ славянскимъ нарѣчіямъ;—Коляра и др. Но ихъ попытки остались безуспѣшными, отчасти потому что сами они стояли далеко выше прочихъ славянскихъ дѣятелей, отчасти потому что стремленія нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ Шумавскаго, были довольно утопичны. Только славяно-русскій міръ представляетъ намъ противоположныя явленія. Онъ сталъ объединяться уже съ пришествіемъ Варяго-Руссовъ, давшихъ ему и общее названіе. Но потребность къ объединенію особенно сильно почувствовалась подъ монгольскимъ игомъ, которое много способствовало дѣлу единства. При Петрѣ и его преемникахъ дѣло довершилось. Такимъ образомъ московская централизація, превратившаяся потомъ въ петербургскую, сопровождавшаяся многими страданіями и жертвами, послѣдствія которыхъ и теперь еще сильно чувствуются, но постепенно слабѣютъ и исчезаютъ, произвела одинъ великій, громадно-благодѣтельный плодъ: она объединила многочисленныя славяно-русскія племена, состояніе которыхъ безъ нея было бы теперь во многомъ сходно съ современнымъ состояніемъ западныхъ Славянъ, составила одинъ мощный, великій и независимый славянскій народъ, имѣющій, какъ мы сказали выше, свою собственную литературу, сравнительно богатую, которой существованіе и дальнѣйшее,

богатое, общечеловѣческое развитіе, по многочисленности народа и по другимъ причинамъ, вполне обезпечено. Петровская реформа весьма много этому содѣйствовала: она, усиливъ центральную власть и освободивъ ее отъ національной исключительности, успѣла сгладить еще многія мѣстные отличія и довершить объединеніе земли русской; а съ другой стороны, реформа эта, вслѣдствіе своего характера, лишенная мѣстныхъ особенностей, произвела то великое послѣдствіе, что на время оторвала Русь отъ преданій оковывавшихъ историческое развитіе, сдѣлала ее наследницею всего выработаннаго Европой и сообщила народу (пока, разумѣется, той части его, которой она коснулась) и литературѣ, какъ его представительницѣ, чуждое исключительности направленіе. Правда, разрывъ со старинною сдѣлалъ общество слишкомъ подвижнымъ, шаткимъ и произвелъ слѣдую подражательность. Но къ счастію подражательность имѣетъ значеніе только на низкихъ ступеняхъ развитія, когда общество еще не доросло до критики фактовъ, живетъ не самостоятельною жизнью, а пассивно, въ чуждой опекѣ. Съ распространеніемъ образованія и особенно съ принятіемъ дѣятельнаго, самостоятельнаго участія народа въ своей судьбѣ, въ общественныхъ дѣлахъ, эта подражательность, какъ мы начинаемъ замѣчать и у насъ, становится слабѣе; въ основу полагаются новыя, самостоятельно выработанныя начала, которыя постепенно крѣпнутъ; шаткость начинаетъ прекращаться и со временемъ совершенно прекратится, и вмѣсто подражательности является многозначущая воспріимчивость. „Оторванность отъ почвы,“ о которой такъ часто нѣкоторые твердятъ, исчезнетъ, почва явится, но только гораздо лучшая, гораздо болѣе широкая и твердая. Литература, представительница великаго, говорящаго однимъ языкомъ народа разовьется величественно. Воспріятое, выработанное и вырабатываемое образованнымъ слоемъ общества распространяется и будетъ распространяться на большую и большую массу, и слѣдовательно, самый этотъ образованный кругъ, бывший вначалѣ незначительнымъ и сдѣлавшійся уже теперь довольно обширнымъ, будетъ болѣе и болѣе распространяться, пока не охватитъ и не включитъ въ себя всю массу, стоящую до сихъ поръ внѣ историческаго хода, и она такимъ образомъ постепенно становится наследницею всего вырабо-

такого предвѣдущаго вѣка, весь историческимъ развитіемъ западно-европейскимъ и нашимъ.

Такимъ образомъ всѣ дурныя стороны централизаціи московской, съ ея батогами, развившейся по образцу „Византии и Сарая“ (слова г. Костомарова изъ его вступительной лекціи) и нѣмецко-петербургской, съ ея бюрократизмомъ, исчезаютъ и мало-по-малу совсѣмъ исчезнутъ; но великіе, истинно-благодѣтельные плоды той и другой останутся навсегда и заставляютъ потомство вполне забыть ихъ дурныя стороны.

Теперь, оставая въ сторонѣ интересы политическіе и общественныя, мы подробнѣе разовьемъ ту мысль, что возможно большее распространеніе какого-нибудь литературнаго языка имѣетъ огромное значеніе въ интересахъ просвѣщенія. Чтобы мысль наша выражена была возможно-рельефнѣе, мы постараемся доказать ее на примѣрѣ. Германія, какъ замѣчено въ мартовской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1861 г.,¹ никогда не достигла бы той высокой степени развитія, на которой она теперь находится, еслибы всѣ ея многочисленныя племена не имѣли одного общаго литературнаго языка. Въ этомъ общемъ литературномъ языкѣ хранятся всѣ умственныя сокровища, весь запасъ идей и знаній, выработанныхъ предвѣдущими поколѣніями и вырабатываемыхъ-теперь во всѣхъ частяхъ Германіи,—сокровища, переходящія изъ рода въ родъ, постоянно обогащаемыя и, какъ общее достояніе, щедрою рукою сыплющіяся на весь нѣмецкій народъ, а не на какую-либо часть его. Еслибы каждый авторъ писалъ на своемъ мѣстномъ нарѣчій, какъ бы бѣдна была литература каждаго нѣмецкаго племени! Какихъ трудовъ потребовало бы изученіе всѣхъ этихъ нарѣчій, да и не къ чему б'юло бы трудиться? Эта литература была бы еще гораздо бѣднѣе чѣмъ мы теперь можемъ предположить, распредѣливъ авторовъ и ихъ произведенія между нѣмецкими племенами, потому что огромное количество изъ существующихъ нынѣ на нѣмецкомъ языкѣ сочиненій тогда совершенно не могло бы появиться, такъ какъ на мѣстныхъ нарѣчійяхъ она не находила бы числа покупателей достаточнаго для вознагражденія за трудъ и даже за изданіе; а отсутствіе этихъ сочиненій было бы, въ свою очередь, причиною того, что не

¹ Въ статьѣ: „Нашъ языкъ, и что такое сивистулы.“

возникли бы другія, которыя составляютъ теперь славу Германіи и которымъ первыя предварительною разработкою очистили мѣсто. Какъ жалка, какъ ничтожна была бы теперь Германія, раздѣленная политически, и умственно, то-есть литературно, бѣдная! А это обстоятельство задержало бы развитіе даже всего человѣчества, для котораго Германія такъ много сдѣлала. Счастливое событіе избавило ее отъ ничтожности: это—Лютеровъ переводъ Библіи на саксонское нарѣчіе, сдѣлавшееся съ того времени общимъ литературнымъ нѣмецкимъ языкомъ. Такимъ образомъ Лютеръ, чрезъ свой переводъ Библіи, сдѣлался величайшимъ благодѣтелемъ Германіи и тѣмъ много сдѣлалъ для всего человѣчества. Саксонское нарѣчіе стало обще-литературнымъ, обще-нѣмецкимъ языкомъ; обученіе народа во всей Германіи стало производиться на немъ же. Она объединилась духовно и получила одну общую сокровищницу мыслей и знаній, стала единою въ литературномъ и научномъ отношеніяхъ, и теперь ждетъ съ нетерпѣніемъ возможности преодолѣть преграды къ ея политическому объединенію, препятствующія ей стать истинно-великою націей. Она достигла такого умственного объединенія, несмотря на то что, какъ сказано въ упомянутой нами статьѣ *Русскаго Вѣстника*, въ Германіи мѣстныя различія языка, не говоря уже о Hochdeutsch и Plattdeutsch, такъ велики, что не только гораздо значительнѣе чѣмъ между малорусскимъ и великорусскимъ нарѣчіями, но даже больше чѣмъ между самыми отдаленными изъ славянскихъ языковъ, такъ что сами Нѣмцы различныхъ мѣстностей, если говорятъ на своихъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ, часто совершенно не понимаютъ другъ друга. То же самое мы видимъ во Франціи, гдѣ, несмотря на такое же различіе нарѣчій, есть только одинъ литературный языкъ, и никому не приходитъ въ голову сумасбродная мысль образовать тамъ другіе литературные языки.

Такимъ образомъ Германія, благодаря своему общему литературному языку получила богатую литературу и избавилась отъ умственной ничтожности, которая была бы необходимымъ слѣдствіемъ образованія въ ней многихъ литературныхъ языковъ; объединившись умственно, она проложила себѣ путь къ объединенію политическому; языкъ ея сталъ необходимымъ для образованнаго человѣка всякой страны; Нѣмцы освободились отъ огромной и вмѣстѣ безплодной траты силъ и времени на изученіе своихъ нарѣчій и на переработку

сочиненій съ одного нарѣчія на другое; самыя книги, распространяясь въ гораздо большей массѣ, имѣютъ болѣе дешевую цѣну, а следовательно доступны для такихъ лицъ, которыя, по своимъ средствамъ, не могли бы приобрести ихъ, если бы онѣ были дороже; знанія распространились въ массахъ.

Если такъ велико, въ интересахъ просвѣщенія, значеніе общаго литературнаго языка для родственныхъ племенъ, то ясно, что каждый просвѣщенный и истинно преданный своему народу человекъ будетъ стремиться къ объединенію раздѣленныхъ частей народа, оставивъ на долю враговъ просвѣщенія или народнаго единства разъединять уже соединенныя. Возьмемъ славянскій міръ. Нѣкоторыя славянскія племена уже развились отдѣльно и образовали свои литературы, такъ что въ настоящее время уже бесполезно говорить объ общеславянскомъ литературномъ языкѣ. Благородный Словакъ Коляръ, искренно скорбя объ участи славянскихъ народовъ, далеко возвышаясь надъ туземнымъ krajowymъ патриотизмомъ и его ничтожными представителями, принявъ во вниманіе научныя положенія о славянскихъ языкахъ и найдя соотвѣтствіе между этими положеніями и тою степенью образованія, на которой находятся теперь различныя славянскія народности, выразилъ мысль вполнѣ національную, удобоисполнимую и отчасти уже исполненную.

Славянскіе языки подводятся подъ четыре главныхъ группы, изъ которыхъ въ каждой до сихъ поръ только одинъ языкъ, наиболее распространенный, имѣетъ какое-нибудь литературное развитіе: русскій, польскій, чешскій и сербскій. Прочія племена каждой группы или употребляютъ одинъ изъ этихъ четырехъ языковъ, или совершенно чужды литературнаго развитія. Коляръ доказывалъ, что въ интересахъ славянства должно стремиться къ дальнѣйшему развитію только этихъ четырехъ языковъ, оставивъ всякія попытки къ образованію новыхъ, чему самъ и подавъ примѣръ: онъ, также какъ и Шафарикъ, будучи Словакомъ, писалъ на наиболее близкомъ къ своему нарѣчію, и въ то же время имѣющимъ литературное развитіе языкѣ чешскомъ. Такая мысль его, повторимъ, согласна съ научными положеніями, съ современнымъ состояніемъ славянскихъ народностей и ихъ литературъ. Такимъ образомъ русскій языкъ для Велико-Мало- и Бѣлоруссовъ, польскій для вѣхъ частей польскаго народа и Кошубовъ, чешскій для Чеховъ, Моравовъ,

Словаковъ и Лужичанъ, наконецъ сербскій для всѣхъ остальныхъ Славянъ. Но не всѣ поступаютъ по мысли Коляра, ибо для того, чтобы поступать по ней, надобно быть свободнымъ отъ мелочныхъ тенденцій и цѣлей, и быть истиннымъ другомъ просвѣщенія.

Послѣ всего сказаннаго понятно, какъ должны мы смотрѣть на нашихъ національныхъ сепаратистовъ. Мы видимъ въ нихъ враговъ просвѣщенія, наборниковъ невѣжества (по большей части, правда, неумышленныхъ, безсознательныхъ), враговъ всего русскаго народа, и преимущественно той части его, въ пользу которой они будто бы работаютъ. Если такъ важенъ общій литературный языкъ для всѣхъ частей русскаго народа, то понятно, что стремленіе образовать особый языкъ для Южно-Руссовъ находило бы себѣ оправданіе только въ такомъ случаѣ, еслибы разница между великорусскимъ и малорусскимъ нарѣчіями была такъ велика, что дѣлала бы совершенно невозможнымъ общерусскій литературный языкъ. Но мы знаемъ, что разница эта вовсе не велика, что каждый Малороссъ легко понимаетъ Великоросса; знаемъ съ другой стороны, что если, какъ уже было оказано, германскія племена, несравненно болѣе различныя, имѣютъ одинъ общій литературный языкъ, то такой подавно можетъ быть для всѣхъ Русскихъ; знаемъ даже, что нашъ литературный языкъ, не принадлежа одной какой-нибудь мѣстности, вырабатывался подъ вліяніемъ старославянскаго языка и различныхъ русскихъ нарѣчій и давно уже одѣвался общерусскимъ языкомъ, языкомъ всего образованнаго класса и всѣхъ стоящихъ съ нимъ въ соприкосновеніи, горожанъ всѣхъ частей Русской земли, и чѣмъ даже, тѣмъ бѣольшую охватываетъ массу. Зная все это, мы видимъ съ глубокимъ негодованіемъ, что украинофилы-сепаратисты стремятся разрушить и уничтожить то что уже въ значительной степени осуществилось, что давно уже идетъ къ полному осуществленію, стремятся уничтожить самые драгоценные плоды нашей исторіи.

Если такъ, то почему же, могутъ мнѣ возразить, сепаративныя стремленія сильно распространились въ столь короткое время? Чѣмъ объяснить сочувствіе къ нимъ даже въ некоторыхъ органахъ русской литературы?

Сепаративныя стремленія получили свое начало въ Кіевѣ. Здѣсь жили и старались дѣйствовать въ этомъ духѣ, пока

не были удалены въ разные мѣста, Шевченко, Костомаровъ и Кудашъ. Въ здѣшнемъ университетѣ, между студентами, эти стремленія получили дальнѣйшій ходъ. Мы могли наблюдать за ихъ распространеніемъ со времени нашего пріѣзда въ Кіевъ и поступленія въ университетъ, то-есть со второй половины 1858 г., и потому бросимъ взглядъ на это распространеніе; относительно предшествующаго времени мы пользуемся слухами.

Въ прежнее время сепаративныя стремленія находили себѣ объясненіе и нѣкоторое оправданіе въ недовольствѣ существовавшимъ порядкомъ дѣлъ. Люди мыслящіе и благородные, но къ сожалѣнію увлекавшіеся, думая о лучшей участи, для своей родины, мечтали объ ея отдѣленіи. Но отдѣленіе политическое представлялось только въ будущемъ, какъ идеаль; нужно было прежде всего отдѣлить Малороссію умственно: образовать въ ней особенную литературу и ввести преподаваніе на малорусскомъ нарѣчій. Къ этой послѣдней цѣли, какъ ближайшей и служащей притомъ средствомъ къ достиженію другой, должны были устремиться ихъ усилія, и они, въ пылкомъ увлеченіи, съ жаромъ предались ей. Попытки ихъ были подавлены въ самомъ началѣ, но не совсѣмъ уничтожены: огонекъ тлѣлъ, ожидая болѣе благоприятнаго времени. Это болѣе благоприятное время наступило со второй половины прошлаго десятилѣтія. Но въ продолженіе его измѣнился образъ мыслей старыхъ малорусскихъ дѣятелей. Они отбросили въ сторону политическій сепаратизмъ, который и прежде могъ имъ казаться только въ большемъ отдаленіи, но тѣмъ сильнѣе схватились за давнюю мысль о сепаратизмѣ національномъ, который пересталъ уже находить себѣ прежнее объясненіе и оправданіе. Старые дѣятели схватились за него просто какъ за стремленіе, съ которымъ они жили и отъ котораго, поэтому, не могли освободиться. Но, какъ часто бываетъ, за группою людей передовыхъ, хотя сильно ошибавшихся и увлекавшихся, шла толпа людей (вначалѣ только кружокъ) бѣдныхъ умомъ, слабо развитыхъ и мало занимавшихся, которые, увлекшись неосмотрительною любовью къ народу, слѣпо подражали своимъ вождямъ, не имѣя тѣхъ мотивовъ, которые одушевляли послѣднихъ. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ новыхъ обстоятельствъ, благоприятствовавшихъ такому стремленію, отчасти также вслѣдствіе разчета нѣкоторыхъ лицъ, оно усиливалось и пріобрѣтало себѣ

большее и большее число приверженцевъ, начиная отъ самыхъ ограниченныхъ до такихъ, которые были сильны на столько, чтобы не сразу поддаваться новому направлению, но не на столько, чтобы устоять противъ общаго, хотя бы и великаго напора. Дѣйствительно, до появленія *Кобзаря Шевченка* въ Киевскомъ университетѣ преданы были украинофильству весьма немногіе, думаю, не болѣе десяти человекъ; одни изъ нихъ уже окончили курсъ, другіе вышли изъ университета не окончивъ курса, наконецъ нѣкоторые еще и теперь процвѣтаютъ тамъ. Надъ ними многіе смѣялись, но смѣялись также бессмысленно, безоознательно, какъ потомъ сами перешли на ихъ сторону. *Кобзарь Шевченка* произвелъ большое вліяніе своею народною поэзіею и симпатическими звуками. Но тѣ одностороннія мысли и стремленія, которые были совершенно извннательны въ Шевченкѣ, выросшемъ въ бѣдномъ крестьянскомъ быту, много перенесемъ, выстрадавшемъ и въ добавокъ получившемъ весьма незначительное образованіе, вовсе не извннательны въ студентахъ, которые не испытали подобныхъ обстоятельствъ и которымъ слѣдовало бы заглядывать въ дѣло поглубже и пошире. Но подготовленные и возбужденные чтеніемъ о національныхъ стремленіяхъ западныхъ и южныхъ Славянъ, не разбирая того, борются ли они противъ чуждой народности и противъ угнетеній, или поднимаютъ споръ изъ узкаго стремленія къ мѣстной особенности; увлекаясь сочувствіемъ къ національнымъ стремленіямъ Итальянцевъ (которые, впрочемъ, совершенно противоположны стремленіямъ украинофиловъ: тамъ раздѣляемая части стремятся соединиться, здѣсь соединенныя раздѣлиться),—они считали долгомъ сочувствовать всякому національному стремленію, являться, если можно, его двигателями, не разбирая, къ чему и зачѣмъ. Это еще сильнѣе высказалось съ появленіемъ *Основы*. Тогда-то, можно сказать словами Певія:

Proveniebant oratores novi, stulti, adolescentuli.

Лишенные прочнаго образованія, не привыкшіе къ серіозному размышленію и увлекаемые примѣромъ другихъ, они шли, куда дулъ вѣтеръ. Подобно тому какъ немного раньше они смѣялись и отворачивались отъ украинофильства, не давая себѣ въ томъ никакого отчета, а единственно потому что общее настроеніе ему не благопріятствовало, такъ

теперь вдругъ, съ поворотомъ вѣтра, повернули въ противоположную сторону. Потокъ шель дальше и охватилъ собою бѣольшую часть студентовъ; немногіе устояли противъ него, — устояли только люди одаренные самостоятельнымъ умомъ, или серьезно занятые наукою.

Одни изъ украинофиловъ взялись за сепаратизмъ искренно, изъ любви къ народу, думая, въ своемъ увлеченіи, этимъ облагодѣтельствовать его, другіе — и такихъ большинство — отъ того что голова ничѣмъ не занята: для нихъ достаточно было видѣть, что украинофильство входитъ въ моду, что другіе дѣлаютъ то же самое; третьи — вслѣдствіе своего *не русскаго* происхожденія; наконецъ, четвертыхъ манитъ слава основателей малорусской литературы, если они успѣютъ ее создать, и нѣкоторыя другія причины. На безрыбьи и ракъ рыба. Еслибъ имъ удалось создать малорусскую литературу, то ихъ, какъ основателей, какъ положившихъ начало, будутъ прославлять, они будутъ жить въ потомствѣ, а въ русской литературѣ они прошли бы безслѣдно. Лицамъ послѣдняго разряда какое дѣло до того, что они поступаютъ во вредъ народа? У нихъ свои цѣли, свои страсти. Въ ряду украинофиловъ, мы съ сожалѣніемъ видимъ одно только лицо, для котораго можно было бы ожидать лучшей роли. Называть его по фамиліи нѣтъ надобности. Всякій, въ томъ числѣ и онъ самъ, узнаетъ о комъ идетъ рѣчь. Обстоятельства его жизни, какъ и Шевченка, объясняютъ такое странное явленіе. Хотя обстоятельства потомъ измѣнились, вслѣдствіе чего, въ политическомъ отношеніи, значительно измѣнился и образъ мыслей его, но мысль объ обособленіи народа, глубоко вкоренилась въ немъ; онъ ее сохранялъ, потому что трудно освободиться отъ того, съ чѣмъ мы свыклись. Близкая связь съ Шевченкомъ, личностью чрезвычайно симпатическою и потому, какъ всегда бываетъ, весьма вліятельною, укрѣпила его; въ виду знакомыхъ, друзей, стремящихся къ тому же и считающихъ его своимъ давнимъ союзникомъ, не всякій найдетъ въ себѣ столько силъ, чтобъ отказать отъ давнихъ убѣжденій, хотя бы созналъ ихъ ошибочность. Однимъ словомъ, обстоятельства такъ сложились, что ему трудно сознать свои заблужденія, и сознавъ, отрѣшиться отъ нихъ. Повторимъ: обстоятельства, извиняющія его, какъ и Шевченка, не извиняютъ прочихъ сепаратистовъ, не подвергавшихся имъ. Но авторитетъ этого лица служить

поддержкою и побужденіемъ для слабыхъ умовъ. Это обстоятельство побудило насъ распространиться о немъ.

Мы высказали нѣсколько мыслей о распространеніи украинофильства въ Кіевскомъ университетѣ. Съ удовольствіемъ мы можемъ замѣтить, что все разумное, все мыслящее остается на противной сторонѣ; университетъ Кіевскій, какъ представитель просвѣщенія въ центрѣ Малороссіи, *единогласно* порицаетъ украинофильскія стремленія до того, что въ проектѣ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, вездѣ, гдѣ сказано: „отечественный языкъ“ предлагаетъ замѣнить словами „русскій языкъ“, чтобы никто не могъ подразумевать здѣсь *мѣстнаго языка*¹. Журналистика наша, привыкшая также сочувствовать безразлично всѣмъ національнымъ стремленіямъ, встрѣтила появленіе *Основы* съ полнымъ сочувствіемъ, но болѣе солидныя изданія устояли противъ новаго вѣтра. Честь перваго заявленія противъ него принадлежитъ *Русскому Вѣстнику*, за нимъ послѣдовали нѣкоторые другіе журналы—*Московскія Вѣдомости*, *Библиотека для чтенія*, *Сіонь*, и, тотчасъ по своемъ появленіи, *День и Вѣстникъ западной и югозападной Россіи*. Повторимъ здѣсь слова одного изъ солидныхъ журналовъ, который притомъ не заинтересованъ лично въ этомъ дѣлѣ, а потому и вполне безпристрастенъ. „Печально, что нашу публицу стараются разбить на мельчайшіе кружки съ своими особыми нарѣчіями и подрѣчіями, внося въ нее такимъ образомъ рознь, вмѣсто того, чтобы вести ее подъ знаменемъ одного общаго литературнаго языка, помимо племенныхъ распрей, въ великомъ общечеловѣческомъ цѣляхъ, къ распространенію всѣми силами образованія и гуманности въ массѣ народовъ нашего отечества, къ дружнымъ усиліямъ уловить ему тѣ блага, ко-

¹ *Унив. Извѣстія* 1862, № 4 стр. 19, 25 и 35. Это постановленіе сдѣлано по *единогласному* же представленію комитета, составленнаго для разсмотрѣнія проекта уставовъ учебныхъ заведеній, подъ предсѣдательствомъ бывшаго декана историко-филологическаго факультета и ордин. проф. греческой словесности И. Я. Нейкирха (теперь проректора) изъ ордин. профессоровъ: А. С. Роговича (ботаники), С. С. Гогоцкаго (философіи и педагогики, теперь декана историко-фил. фак.), А. И. Селуля (русской словесности), И. И. Рахманюкова (математики); испр. д. ордин. профессоръ А. К. Дѣлаева (римской слов. и директора 1-й кіевской гимназіи) и М. И. Талызина (физику) и экстраординар. профессора А. И. Стасовскаго (исторіи).

торыя составляютъ лучшую часть въ достояніи современнаго человѣчества.“¹

Этими разумными и благородными словами, принадлежащими представителямъ просвѣщенной части Евреевъ, мы заключимъ наши разсужденія о стремленіи украинофиловъ-сепаратистовъ образовать малорусскую литературу, чтобы перейти къ вопросу объ обученіи на малорусскомъ нарѣчій. Странно: органъ Евреевъ негодуетъ на усилія раздѣлить части русскаго народа, а сами Русскіе стремятся ихъ раздѣлить!²

III.

Если мы, по изложеннымъ въ нашей статьѣ причинамъ, считаемъ положительно вреднымъ образованіе особаго литературнаго малорусскаго языка, то, само собою разумѣется, не можемъ хладнокровно смотрѣть на исходящее изъ того же источника стремленіе обучать народъ по-малорусски, распространять книжки, написанныя на этомъ нарѣчій. Такое стремленіе имѣеть цѣлю развить въ народѣ или, употребляя выраженіе украинофиловъ, *навязать* народу понятіе объ его какомъ-то рѣзкомъ и совершенномъ отличіи отъ Великорусовъ. Обученіе на этомъ языкѣ укрѣпляетъ самихъ дѣятелей въ сепаративныхъ тенденціяхъ, побуждаетъ ихъ не ограничиваться обученіемъ, а отдѣлать это нарѣчье литературнымъ языкомъ для всего населенія Малороссіи. Они увѣряютъ въ своемъ „Отзывѣ“, что преподаютъ на малорусскомъ языкѣ потому что тогда „обученіе идетъ *по крайней мѣрѣ* строгое успѣшнѣе и скорѣе“. Но мы громко и торжественно объявляемъ это увѣреніе рѣшительною *ложью и замаскировкой дѣла*, что мы сейчасъ и докажемъ. Ближайшая цѣль ихъ — облегчить не

¹ *Сіонъ* 1861, № 10, стр. 180 и 181; статья: *Оскова и вопросъ о національностяхъ*

² Мы упомянули, что даже нѣкоторые русскіе журналы поддержали *Оскову* и украинофильство. Съ сожалѣніемъ должны добавить, что прочіе журналы, съ болѣе солидными взглядами, хотя и высказались противъ того и другаго, но не проводили своихъ мыслей съ такою настойчивостію, съ какою проводила свои *Оскова*, и тѣмъ пасовало содѣйствовать ей. А вопросъ такъ важенъ, что оставлять его безъ вниманія и не воспользоваться тѣмъ мнѣніемъ, какое имѣеть на публику наша литература, — крайне непростительно.

обученіе, а національный сепаратизмъ. Доказательства наши слѣдующія. Уже а priori можно вывести положительное заключеніе, что, при незначительномъ отличіи малорусскаго нарѣчія отъ великорусскаго, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться, заглянувъ въ любую малорусскую книгу, а тѣмъ болѣе такъ какъ къ этому отличію всѣ привыкли въ Малороссіи, и всѣ съ нимъ болѣе или менѣе знакомы,—обученіе на малорусскомъ нарѣчіи никакъ не можетъ идти *строго* успѣшнѣе. Мы сами занимались болѣе года преподаваніемъ въ кievскихъ воскресныхъ школахъ, имѣли сверхъ того случай заниматься нѣкоторое время лѣтомъ 1860 г. въ одной деревнѣ, Кіевской губерніи, обученіемъ крестьянскихъ мальчиковъ, и даже въ деревнѣ не употребляли почти ни одного малорусскаго слова, а всегда старались приучить дѣтей къ правильному общерусскому языку; мы можемъ, на основаніи продолжительнаго опыта, положительно засвидѣтельствовать неосновательность такихъ увѣреній. Можно сказать одно: что въ деревняхъ только въ первые мѣсяцы и притомъ только въ настоящее время, когда родители еще лишены образованія и незнакомы съ литературнымъ русскимъ языкомъ, обученіе на этомъ послѣднемъ языкѣ будетъ *нѣсколько*, а далеко не *втрое*, менѣе успѣшно чѣмъ на мѣстномъ. Но и это маленькое замедленіе, думаю, съ избыткомъ вознаграждается тѣмъ, что учащемуся становится вполнѣ доступною русская литература, что онъ получаетъ возможность къ дальнѣйшему образованію и развитію, сближается, посредствомъ общаго языка, съ болѣе образованными классами, усвоиваетъ себѣ языкъ суда, законовъ, администраціи, что онъ, наконецъ, приходитъ къ саянію съ прочими частями русскаго народа въ одну великую семью, въ одну великую націю, какъ уже саялись теперь различныя части германской и французской націй. Съ теченіемъ времени, съ распространеніемъ образованія и общерусскаго языка въ большей и большей массѣ крестьянъ, и это небольшое замедленіе въ обученіи совершенно уничтожится ¹.

¹ Очень можетъ быть, что въ настоящее время въ деревняхъ преподаваніе на малорусскомъ нарѣчіи идетъ значительно успѣшнѣе чѣмъ на русскомъ языкѣ. Но причина лежитъ въ другомъ обстоятельствѣ. По-малорусски преподаютъ теперь только приверженцы сепаративныхъ стремленій; а такимъ стремленіямъ предаются только люди, получившіе образованіе, хотя поверхностное, но все-таки гораздо лучшее чѣмъ прочіе сельскіе преподаватели, состоящіе изъ писарей и дьячковъ. Очевидно, что

Наковецъ украинофилы противорѣчатъ сами себѣ. Такъ въ отзывѣ, написанномъ въ августѣ или въ началѣ сентября прошлаго года, они увѣряютъ, что обученіе на малорусскомъ языкѣ идетъ *по крайней мѣрѣ* *второе* успѣшнѣе, а въ статьѣ, оконченной 27 сентября, г. Стояновъ, *одинъ изъ подписавшихся* *подъ „Отзывомъ“* самъ долго занимавшійся преподаваніемъ въ школахъ, говорить уже просто *едвое* успѣшнѣе и даже безъ словъ „по крайней мѣрѣ.“ (Основа 1862, № 3, стр. 78.) Такимъ образомъ или наши Малороссы сами сознали, что они черезчуръ уже пересолили, или они говорятъ все что имъ придется въ голову, лишь бы годилось для прикрытія ихъ тенденцій.

Но допустимъ, что совершенно справедливо увѣреніе украинофиловъ о „по крайней мѣрѣ второе“ или хоть „двое“ болѣе успѣшномъ преподаваніи на малорусскомъ нарѣчій, какъ на родномъ. Если такъ, то зачѣмъ вы, господа украинофилы, обучаете дѣтей *горожанъ* на малорусскомъ нарѣчій? Развѣ вы не знаете, что горожане въ Малороссіи, и особенно дѣти ихъ, говорятъ общерусскимъ языкомъ, одни чистымъ, другіе нѣсколько испорченнымъ, и что, слѣдовательно, для нихъ родной языкъ, какъ и для насъ, не малорусскій, а общерусскій? Такимъ образомъ мы необходимо должны или допустить что вы бѣзъ всякой цѣли, хотя и завѣдомо стараетесь вдвое или второе затруднить образованіе обученіемъ на малорусскомъ языкѣ, или признать что вы преподаете на этомъ языкѣ вовсе не потому что обученіе идетъ на немъ успѣшнѣе, а единственно изъ своихъ національно-сепаративныхъ цѣлей. Допустить первое—очевидно нелѣпо; остается признать второе. Дѣйствительно, когда въ частныхъ разговорахъ подобными возраженіями обличалъ я нѣкоторыхъ изъ украинофиловъ въ неискренности ихъ увѣреній, то они ничего не могли возразить, кромѣ того что они хотятъ возвратитъ горожанъ къ утраченной ими національности.

Съ негодованіемъ смотрѣлъ я на подобныя стремленія украинофиловъ еще въ воскресныхъ школахъ. Вскорѣ по открытіи ихъ въ Кіевѣ, кажется, только двое изъявили попытку преподавать на малорусскомъ нарѣчій, и то съ какою робостію и стараніемъ скрыть свои стремленія; но чѣмъ

послѣдніе могутъ успѣть гораздо меньше чѣмъ первые, преподающіе при томъ съ большіхъ усердіемъ, потому что дѣйствуютъ подъ вліяніемъ страсти. Причина здѣсь не въ языкѣ, а въ преподавателяхъ.

дальше, тѣмъ болѣе увеличивалось число подобныхъ лицъ; дошло до того, что нѣкоторые „поршни украинской громады“ требовали даже введенія въ воскресныхъ школахъ преподаванія на *одномъ* малорусскомъ нарѣчїи для всѣхъ учениковъ, безъ исключенія. Наконецъ рѣшили предоставить на произволъ преподавателей употреблять малорусскій или общерусскій языкъ. Съ распространеніемъ украинофильства, уроженцевъ Малороссїи стали обучать по большей части на мѣстномъ, а Великороссїи—на общемъ русскомъ языкѣ, не разбирая того что этотъ послѣдній языкъ и для первыхъ гораздо болѣе извѣстенъ чѣмъ мѣстный и почти столько же родной, какъ и для Великороссовъ, такъ какъ тѣ и другіе въ городахъ говорятъ однимъ или почти однимъ и тѣмъ же языкомъ. Не разъ видѣлъ я какъ, прямо противъ желанія дѣтей, ихъ учили на малорусскомъ нарѣчїи, какъ дѣти неохотно слушали учителей и на малорусскіе вопросы послѣднихъ почти всегда отвѣчали по-русоки. Весьма немногіе ученики сами изъявляли желаніе учиться по-малорусски.¹ Наконецъ украинофильы вполнѣ утѣшились въ ежедневной школѣ, изъ которой почти совершенно изгнали обученіе на русскомъ языкѣ и русскія книжки. И при всемъ томъ болѣшая часть дѣтей почти всегда говорили по русски.² Признаюсь, тяжело было видѣть, что

¹ Зная все это, я съ большимъ удивленіемъ прочелъ въ *Основѣ* (№ 9, стр. 10), что въ Полтавѣ изъ 157 учениковъ, между которыми было 23 уроженца Великороссїи, 114 *положительно* требовали (!) обученія на мѣстномъ нарѣчїи. Не зная ни хода полтавскихъ воскресныхъ школъ, ни ихъ преподавателей, я не имѣю права положительно отвергать это извѣстіе; но принимая въ соображеніе состояніе кїевскихъ школъ и зная, что восточная Малороссїя гораздо болѣе объединилась съ Великороссїею чѣмъ западная, что въ Кіевѣ, воспитанники полтавской гимназїи познате всѣхъ превратились въ украинофиловъ и были наименѣе ярыми изъ нихъ, а нѣкоторые и до сихъ поръ держатся прежнихъ убѣжденій, я не съ собою не *подозрѣваю* въ отвѣтахъ учениковъ полтавскихъ школъ происковъ „щирыхъ народолюбцевъ“, хотя, разумѣется, не имѣю права положительно утверждать это.

² Отчетъ г. Стоянова о кїевской ежедневной школѣ, помѣщенный въ сентябрской книжкѣ *Вѣстника западной и юго-западной Россїи*, побудилъ редакцію этого журнала сдѣлать нѣсколько примѣчаній о школѣ, на основанїи этого отчета. Но г. Стояновъ, страшно разсердившись на редакцію за эти примѣчанія, помѣстилъ въ сентябрской книжкѣ *Основѣ* глѣзлый и дерзкій отвѣтъ. Въ этомъ отвѣтѣ оный доказываетъ, что русскія книжки не изгонялись изъ школы, что малорусское нарѣчїе употреблялось для объясненія ученикамъ того, что они прочитывали въ

эти господа заботились не объ образованіи народа, а единственно объ осуществленіи своихъ цѣлей, ради которыхъ ставили даже преграды народному образованію.

Есть еще доводы, часто приводимые украинофилами въ защиту образованія малорусской литературы и обученія на мѣстномъ языкѣ; но эти доводы таковы, что возражать на нихъ смѣшно, а можно только привести нѣкоторые изъ нихъ ради куріоза. Такъ, напримѣръ, говорятъ что нравственность горожанъ потому будто бы хуже нравственности

русскихъ книжкахъ, и что обученіе на малорусскомъ языкѣ было только въ высшемъ отдѣленіи и то потому что шло вдвое успѣшнѣе. На послѣднее мы уже возражали. Замѣтимъ теперь, что ежедневная школа получила съ самаго открытія своего (въ мартѣ или апрѣлѣ 1861 г.) малорусскій характеръ; но онъ окончательно укрѣпился тамъ только съ переходомъ завѣдыванія школою отъ г. Шейковского къ г. Стоякову. Я захожу въ эту школу всего раза три или четыре и притомъ на короткое время, а потому не могу сообщить о ней подробныхъ свѣдѣній; но скажу то, что замѣтилъ. При г. Шейковскомъ я видѣлъ и русскія книги вмѣстѣ съ малорусскими во всѣхъ классахъ; нѣкоторые учителя преподавали по-русски; самъ г. Шейковский, во многомъ отличаясь отъ рьяныхъ украинофиловъ, преподавалъ по-русски (не знаю только, всегда-ли), или объяснялъ по-русски же, то-есть на употребляемомъ учениками языкѣ, малорусскія книжки, не зная имъ понятныя. Это показаніе во многомъ отличается отъ показаній г. Стоякова. Потомъ малорусскій элементъ болѣе и болѣе усиливался, русскія книжки не покупались, такъ что разъ я нарочно обошелъ *всѣхъ* учениковъ низшаго и среднего отдѣленій и ни у одного изъ нихъ не нашелъ ни русской книжки, ни тетради, написанной по-русски. Въ высшемъ отдѣленіи, весьма немногочисленномъ, были, правда, и русскія книжки, но только вслѣдствіе недостатка малорусскихъ. Самая книга съ означеніемъ фамилій учениковъ, изъ лѣтъ, рода занятій, происхожденія и проч. со времени завѣдыванія школою г. Стоякова велась по-малорусски и получила названіе „списокъ учениковъ“ вмѣсто прежняго: „списокъ учениковъ“. Всѣ заголовки въ ней были написаны по-малорусски. Замѣтимъ здѣсь, что школа эта была закрыта не въ апрѣлѣ, (какъ говоритъ г. Стояковъ), а въ мартѣ 1862 г. и раньше чѣмъ вышло предписаніе о закрытіи школъ. Закрыта она просто потому, что по моему настоянію положено было открывать съ 1 апрѣля студентскую лекторію, въ которой помѣщалась школа, отъ 9 часовъ утра до 8 часовъ вечера непрерывно, тогда какъ прежде она открывалась только до 2¹/₂ часовъ по полудни, и я вмѣстѣ съ тѣмъ успѣлъ выхлопотать разрѣшеніе перенести лекторію съ четвертаго на второй этажъ университета зданія, въ которомъ отведено помѣщеніе ей противъ аудиторій. Съ этого времени школа сдѣлалась бы *дѣйствительно открытою*, а не по имени только. Вотъ почему украинофилы были сильно недовольны и за послѣобъявленное открытіе лекторіи и за перенесеніе ея на второй этажъ, хотя и то и другое вполнѣ согласовалось съ интересами подписчиковъ.

поселятъ, что первые говорятъ на общерусскомъ, а не на мѣстномъ языкѣ; что крестьяне, обученные на книжномъ русскомъ языкѣ, будто бы презираютъ неучившихся и портятся, превращаясь въ волостныхъ писарей и т. п.; объявляютъ даже, что хотѣтъ сохранить какія-то демократическія свойства народа, которымъ будто бы угрожаетъ опасность отъ литературнаго русскаго языка, что Малороссы безъ своего литературнаго языка будутъ, какъ сказано въ „Отзывѣ“, паразитнымъ явленіемъ и т. п. Всѣ эти возраженія свидѣлствуютъ только о степени сообразительности украинофиловъ.

Въ заключеніе повторимъ, что мы считаемъ положительно вреднымъ обученіе народа на мѣстномъ языкѣ; и еще разъ, такъ какъ это нужно хорошенько затвердить нашимъ украинофиламъ укажемъ на Германію и Францію, въ которыхъ обученіе вездѣ производится на литературномъ языкѣ, несмотря на различіе діалектовъ, гораздо болѣе значительное чѣмъ то, которое существуетъ между великорусскимъ и малорусскимъ нарѣчіями.¹

Какую же послѣ того роль должно въ этомъ дѣлѣ имѣть правительство? Должно ли оно преслѣдовать преподаваніе на малорусскомъ языкѣ и должно ли запрещать украинофиламъ свободно высказывать свои убѣжденія? Глубоко проникнутые сознательною ненавистью къ украинофильскимъ стремленіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уваженіемъ къ свободѣ человѣческой личности, мы скажемъ вмѣстѣ съ редакціей *Современной Лѣтописи*: „очень грустно, если такое важное дѣло, какъ образованіе народа, попадаетъ въ руки партіи;“² но вмѣстѣ съ тѣмъ повторимъ съ нею же, что мы менѣе всякаго другаго можемъ желать, чтобы попытки украинофиловъ встрѣчали какое-нибудь внѣшнее противодѣйствіе.³

¹ Разумѣется, украинофилы употребляютъ всѣ усилія, чтобы доказать, что ихъ нарѣчіе много отличается отъ великорусскаго. Съ этою цѣлью въ составляемыхъ ими учебникахъ и другихъ книгахъ они, по большей части, тщательно стараются избѣгать русскихъ словъ для выраженія многихъ понятій, такъ какъ въ малорусскомъ языкѣ, по его неразвитости, нѣтъ словъ для этихъ понятій, и берутъ изъ польскаго и даже изъ другихъ славянскихъ языковъ, лишь бы не изъ русскаго. Сверхъ того, въ послѣдніе годы они ввели особенное правописаніе, отличное отъ прежняго, болѣе сходнаго съ общерусскимъ.

² Прим. къ „Письму изъ Кіева“. *Совр. Лѣтоп.* 1862 г. № 25.

³ Прим. къ „Отзыву“. *Совр. Лѣтоп.* 1862 г. № 46.

Правительство можетъ предоставить имъ, *какъ и всякой другой партіи*, свободу открывать школы и гласно проповѣдывать свои мнѣнія; оно приобрѣло бы изъ того даже прямую пользу, потому что многое, можетъ-быть, скрываемое теперь, было бы высказано; явились бы многія изъ возраженій, умалчиваемыхъ теперь, а съ другой стороны, украинофилы успѣли бы оправдаться отъ многихъ обвиненій, взведенныхъ на нихъ можетъ-быть несправедливо. Полное обсужденіе ихъ тенденцій сильно подорвало бы ихъ кредитъ. Ихъ мыслей правительству бояться нечего даже и въ томъ случаѣ, еслибы онѣ оказались враждебными государственному устройству и единству. Мысль еще не дѣло; а еслибы они вздумали привести въ исполненіе какую-нибудь анти-государственную мысль, то правительство, поддерживаемое обществомъ, имѣло бы силы и возможность удержать ихъ. Но если правительство не будетъ стѣснять развитіе литературы малорусской и запрещать основаніе школъ съ малорусскимъ преподаваніемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ также справедливо, что оно не должно, не можетъ, не имѣть права становиться союзникомъ узкихъ, мѣстныхъ, враждебныхъ просвѣщенію, цѣлей. Оно, какъ и вся мыслящая часть нашего общества, можетъ и должно принять мѣры положительнаго противодѣйствія—заведеніемъ своихъ школъ. Пусть правительство и просвѣщенная часть общества открываютъ во всѣхъ городахъ и селахъ свои народныя училища съ хорошими учителями, положительно запрещая въ нихъ преподаваніе на малорусскомъ нарѣчій и употребленіе малорусскихъ книжекъ. При такихъ обстоятельствахъ попытки украинофиловъ могли бы устоять только въ такомъ случаѣ, еслибы были сильны сами по-себѣ, своею внутреннею необходимостью, разумностью; а не имѣя этихъ условій, дѣло враговъ нашего просвѣщенія будетъ, навѣрно, проиграно ¹.

¹ Разумѣется, украинофилы употребляютъ всѣ прохи, чтобы получить разрѣшеніе преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ южной Россіи на малорусскомъ нарѣчій. Но повѣтню послѣ всего сказаннаго, окольке нѣтъ смысла это стремленіе, равно какъ и распространяемый ими въ Кіевѣ слухъ, будто бы правительство согласно вести сначала малорусскій языкъ въ число предметовъ обученія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ южной Россіи, чтобы потомъ легче можно было вести преподаваніе всѣхъ предметовъ на малорусскомъ языкѣ. Нѣкоторые рѣшаются уже печатно заявлять подобныя требованія (См. Основа № 9, стр. 86). Но до какой мѣры могутъ доходить выдумки украинофиловъ, которыми

Господа подписавшіеся подъ „Отзывомъ изъ Кіева“ увѣряютъ, что они откажутся отъ своихъ стремленій, если имъ „раскроютъ глаза логическими доводами.“ Больше или меньше зная почти всѣхъ ихъ, такъ какъ они принадлежатъ къ числу студентовъ, вольнослушателей или окончившихъ недавно курсъ (хотя о вѣкоторыхъ изъ нихъ трудно рѣшить, зачѣмъ они поступали въ университетъ), вступаю не разъ со многими изъ нихъ въ пренія объ украинскихъ стремленіяхъ, я, на основаніи опыта, могу засвидѣтельствовать, что это увѣреніе такая же пустая фраза, какъ и другія, выписанныя нами изъ ихъ *Отзыва*. Можетъ-быть, двое, трое изъ нихъ способны еще сознать свою ошибку и въ силахъ отказаться отъ нея; отъ прочихъ же ожидать этого бесполезно: привычка и увлеченіе однихъ, привычка и степень развитія другихъ, надежда на бессмертье третьихъ и національность четвертыхъ, не оставляютъ на этотъ счетъ никакой иллюзіи. Пусть опровергнутъ—и я думаю, что редакція *Русскаго Вѣстника* дастъ ихъ опроверженіямъ мѣсто въ своемъ журналѣ,—пусть опровергнутъ сказанное нами о важности общаго литературнаго языка, объ обученіи намъ народа, о славянскомъ мірѣ, Германіи и пр.; тогда они будутъ правы. Но не опровергнувъ этого, и упорствуя въ своихъ тенденціяхъ, что навѣрно и случится, они покажутъ, что въ противность своимъ увѣреніямъ, и не думаютъ отказываться отъ ошибки. Можетъ-быть, они прикроютъ себя фразами, въ родѣ той, напримѣръ, что мое мнѣніе выходитъ изъ теоріи, а ихъ—изъ жизни, и объявятъ теоретиками тѣхъ, которые говорятъ что для народа будетъ гораздо

они услаждаютъ себя, можно видѣть изъ того, что въ письмѣ ихъ, помѣщенномъ въ одномъ изъ послѣднихъ №№ львовскаго *Слова* за прошлый годъ, сказано, что въ Малороссіи (какъ будто въ особенной странѣ, особенной націи!) будетъ намѣстникомъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Мы знаемъ уже, что этотъ слухъ ложень, потому что Михаилъ Николаевичъ назначенъ намѣстникомъ Закавказскаго края. Правда, въ этой газетѣ сказано, что такое назначеніе будетъ сдѣлано вслѣдствіе обширности Россіи въ видахъ децентрализаціи. Но это значило бы не больше, какъ раздѣлить одну централизованную страну на двѣ централизованныя части. Разница не очень велика! Мы ждемъ децентрализаціи, но совершенно не такой, а просто большей степени мѣстной самостоятельности, большей степени самоуправленія въ существующихъ административныхъ округахъ, на сколько это возможно безъ разрыва частей Россіи съ центральной властью. Къ такой децентрализаціи стремится теперь и правительство, а вовсе не къ такой, о которой мечтаютъ рьяные украинофилы.

болѣе пользы отъ обученія его не на мѣстномъ, а на нашемъ общемъ литературномъ языкѣ, а себя неизвѣстно почему, произведутъ въ жизненные практики; или, можетъ-быть, прибѣгнуть къ пословицѣ: что Русскому здорово, то Нѣмцу смерть; или наконецъ заявятъ, что Малороссы по своему числу имѣютъ право на особый литературный языкъ, какъ будто рѣчь идетъ здѣсь о правѣ, а не о пользѣ. Пусть украинофилы серіозно подумаютъ объ этомъ и потомъ докажутъ, что, несмотря на вредъ, есть *крайняя, рѣшительная необходимость* въ образованіи особеннаго литературнаго языка для Малороссовъ, хотя они обходились до сихъ поръ общимъ съ Великороссами, и въ обученіи народа на мѣстномъ языкѣ. Тогда только ихъ стремленія наши бы себѣ оправданіе.

Но они не докажутъ этого и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не откажутся отъ своихъ тенденцій; потому и статья моя написана не для нихъ. Она обращена только ко всѣмъ тѣмъ, которые искренно и глубоко преданы дѣлу народнаго образованія и развитія, которые благо народное не принесутъ въ жертву своимъ цѣлямъ и страстямъ, которые, наконецъ, не лишены способности мыслить. Такіе вполнѣ согласятся съ словами редакціи *Вѣстника западной и югозападной Россіи*, что „всякій благонамѣренный сынъ отечества долженъ стараться сглаживать и округлять областныя угловатости и шероховатости, мѣшающія тѣсному сближенію частей, составляющихъ одно цѣлое, а не наоборотъ“. Такіе люди, повторимъ уже выписанныя нами слова другаго журнала, не колеблясь, поведутъ народъ „подъ знаменемъ одного общаго литературнаго языка, помимо племенныхъ распрей, къ великимъ общечеловѣческимъ цѣлямъ, къ распространенію всѣми силами образованія и гуманности въ массѣ народовъ нашего отечества.“

А. ИВАНОВЪ.

ЧИНОВНИКЪ

Б Ы Л Ь.

Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, въ одномъ изъ сѣренъкихъ, средней величины, домиковъ губернскаго города Р***, явилась на свѣтъ дѣвочка. Семнадцатилѣтняя хорошенькая мать слабою рукою перекрестила ребенка, и бросивъ на него взоръ, полный любви, впала въ забытѣе. Отецъ, мелкій чиновникъ одного изъ присутственныхъ мѣстъ, но природный старинный дворянинъ, вовсе не былъ обрадованъ роженіемъ дѣвочки; людямъ бѣднымъ—дочери истинная обуза. Безъ приданаго замужъ въ нынѣшнія времена никто не беретъ,—а приданаго гдѣ же взять? И приходится—кормить, поить, обувать, одѣвать всю жизнь, да еще надо хоть кое-какъ выучить... Бѣда! Съ маальчикомъ помучаешься до извѣстнаго возраста, и былъ бы не совсѣмъ дуракъ, такъ и пойдетъ своею дорогою; въ писцы ли, въ военную ли, все же будетъ получать собственное содержаніе.

Всѣ эти думы роились въ головѣ Федора Павловича Нолина и съ первой почти минуты заставили его неприязненно смотрѣть на дѣвочку. Однакожь, любя страстно свою жену, онъ взялъ для ребенка кормилицу, справилъ крестины, какъ слѣдуетъ, и, добрый по природѣ, не могъ не приласкать Машу, бѣленькое, пухленькое созданье, не понимавшее какимъ незванымъ гостемъ явилось оно на свѣтъ Божій.

Машенька росла и развивалась; рано начала она болтать, вскорѣ потомъ ходить; смышленность ея опережала возрастъ. Къ двумъ годамъ у ней былъ уже братъ. Федоръ Павловичъ былъ вполнѣ утѣшенъ рожденіемъ сына, хотя съ прибавленіемъ семьи прибавлялись и заботы. Машенька казалась свѣженькою, здоровенькою дѣвочкой, какъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, начала кашлять, и такимъ страннымъ безпрерывнымъ кашлемъ, что Евгенія Ивановна (такъ звали Нолну) перепугалась и послала за докторомъ.

Осмотрѣвъ ребенка, тотъ прописалъ сыропецъ и уѣхалъ, но пустяки не прекращались, и ровно двѣнадцать часовъ дѣвочка кашляла, почти не переводя духу. По истеченіи полусутокъ, она была безъ движенія; изъ утомленной, слабенькой груди, черезъ двѣ, три минуты, вырывался долгій тяжелый вздохъ; щечка и бокъ, на которыхъ лежала малютка, посинѣли. Казалось, вотъ-вотъ улетитъ безгрѣшная душка. Мать рвалась и металась. Отецъ скакалъ то за докторомъ, то въ аптеку; двухлѣтней дѣвочкѣ ставили горчичники, шпанскія мухи, дѣлали ванны. Протѣли слѣдующіе двѣнадцать часовъ, дыханіе ребенка сдѣлалось правильно; она открыла глазки и пролепетала: „мама!“

Евгенія Ивановна залилась слезами и бросилась къ своей воскресшей дѣвочкѣ.

— Дитя мое! Душка моя! Машенька!

Дѣвочка протянула ручки.

Бережно выпула ее мать изъ качки и уложила на рукахъ, счастливая, какъ могутъ быть счастливы только матери, прижимая къ сердцу чудомъ возвращеннаго имъ ребенка.

Евгенія Ивановна благодарила Бога и благославляла доктора. Но болѣзнь не прошла, и припадки возобновлялись нѣсколько разъ въ теченіи года. Каждый разъ ребенокъ былъ на краю гроба. Всѣ доктора города были по очереди приглашаемы; одинъ лѣчилъ отъ золотухи, другой—отъ глистовъ, третій—отъ младенческой, четвертый—отъ чахотки. Машеньку отстаивали отъ смерти, какъ будто она была необходимое звено общественнаго зданія. Мать каждый разъ умирала вѣстью съ ней. Отецъ чувствовалъ тяжесть ея болѣзни, потому что каждый пароксизмъ уносилъ часть его скудныхъ средствъ.

Сыночекъ Паша росъ молодцомъ и красавцемъ; была и у него золотушка на головѣ, но это не требовало лѣченія.

Отецъ обожалъ сына; мать, хотя и не сознавалась, но, кажется, любила немножко больше дочь,—вѣроятно потому, что такъ часто за нее страдала и боялась. Это въ порядкѣ вещей.

Пяти лѣтъ Машенька начала учиться; какъ вообще болѣзненные дѣти, она оказалась очень способною дѣвочкой. Черезъ годъ ея каллиграфія могла служить прописью, а читала она такъ, что съ удовольствіемъ можно было слушать. Училъ ее простой семинаристъ, но добрый и ласковый, умѣвшій приохотить ребенка, такъ что и четырехлѣтній Паша взялся за азбуку, видя, какъ хвалятъ и ласкаютъ сестру.

Скудные средства Нолиныхъ не позволяли взять лучшаго наставника или наставницу дѣтямъ: и безъ того концы съ концами не сходились. Евгенія Ивановна своими руками шила дѣтямъ всѣ платья, рубашечки, капотики. А на свѣтъ былъ уже и второй братецъ у Машеньки. Расходы прибавлялись, а доходовъ, кромѣ маленькаго жалованья пяти да душъ родоваго имѣнія Федора Павловича, не было никакихъ. Нолинъ служилъ по выборамъ и считался за одного изъ безкорыстѣйшихъ чиновниковъ: есаубы приносимыя ему благодарности были нѣсколько позначительнѣй, онъ можетъ-быть и соблазнился бы: семейству его такъ многого не доставало. Но сахарецъ, чайкъ и ромокъ, съ которыми къ нему являлись, были ему омерзительны.

Такъ шли годы. Однимъ утромъ, Нолинъ допивалъ свой стаканъ чаю въ прикуску, какъ доложили ему, что управляющій князя Елецкаго желаетъ его видѣть.

Кабинета у Нолина не было. Онъ принялъ гостя въ залѣ.

Проговоривъ обычное „честь имѣю себя рекомендовать“, и объяснивъ весь свой титулъ, управляющій приступилъ къ дѣлу.

— Я къ вамъ съ покорнѣйшею просбицей отъ моего довѣрителя, его сіятельства, князя Сергѣя Яковича Елецкаго, который женатъ-съ на Александрѣ Федоровнѣ Тверитиной. Вамъ, можетъ-быть, не безызвѣстно, что село Травино, по осѣдству съ вашимъ имѣніемъ, принадлежало имъ-съ; да еще въ С. уѣздѣ, здѣшней же губерніи, деревня Кобкино, всего триста пятьдесятъ душъ, дававшихъ болѣе двадцати пяти тысячъ дохода, во время малолѣтства нашей княгини, когда онъ изволили находиться, по сиротству, подъ опекой дядюшки князя Трубина, имѣнія эти-съ проданы съ аукціона безъ законныхъ публикацій и въ праздничный день-съ. Кобкино

куплено губернаторомъ, а Травино предсѣвателемъ и прокуроромъ, попадамъ. То его сѣятельство поручили мнѣ отыскать дѣловаго человѣка и просить его начать процессъ. Наслышавшись о васъ, я покорнѣйше прошу отъ имени его сѣятельства принять на себя ходатайство по этимъ дѣламъ-съ. На расходы князь изволилъ приказать отпустить изъ конторы. Сдѣлайте ваше одолженіе, Федоръ Павлычъ, не откажите-съ.

— Я очень радъ быть полезнымъ князю, отвѣчалъ Нонинъ,—однакожь, прежде чѣмъ взяться за дѣло, я долженъ разсмотрѣть всѣ бумаги. Завтра прѣѣзжайте опять: если я найду требованія князя справедливыми, — готовъ служить; если нѣтъ—извините!

— Въ правотѣ нашего дѣла нѣтъ никакого сомнѣнія-съ. Извольте разсмотрѣть бумаги и навести справочки.

— Хорошо-съ, присядьте-ка! Еничка, подай чаю Абрамъ Алексѣвичу! крикнулъ Федоръ Павловичъ.

— Сейчасъ, отозвался серебряный голосокъ.

— Да поди сама, посиди здѣсь! А меня извините! Мнѣ пора.

— Не извольте беспокоиться! Такъ завтра въ которомъ часу прикажете мнѣ явиться за рѣшеніемъ нашей участи-съ?

— Часовъ въ девять я надѣюсь дать вамъ отвѣтъ. Сядьте же, пожалуста, выкушайте нашего чайку!

— Очень вамъ благодаренъ-съ....

Всѣмъ за чаемъ явилась молодая хозяйка. Управляющій отвѣсилъ ей пренизкій поклонъ.

— Посиди, матушка, а я пойду одѣнусь. Мнѣ пора.

Федоръ Павловичъ ушелъ во внутреннія комнаты. Евгенія Ивановна рѣшительно не знала чѣмъ и какъ начать разговоръ съ толстымъ управляющимъ, а надо же было говорить.

— Садитесь, пожалуста! повторила она слова мужа, сядясь сама къ окну.

Пыхтя и отдуваясь, Абрамъ Алексѣевичъ опустился на маленькій стульчикъ. Къ частію ихъ стоялъ цѣлый рядъ. Онъ своею особою занялъ почти три.

— Вы далеко живете? спросила, наконецъ, хозяйка.

— Верстахъ въ восьмидесяти-съ, въ селѣ Мавиловъ, родовомъ имѣніи моего довѣрителя, князя Блеукаго.

— А самъ князь гдѣ же живетъ?

— Въ Москвѣ-съ.

— Онъ семейный человѣкъ?

— Какъ же-съ, имѣють супругу и троихъ дѣтей; старшему князьку вотъ ужь пять лѣтъ минуло-съ.

— А! почти ровестникъ моей старшей дочери. Богатый человекъ вашъ князь?

— Да будетъ около двухъ тысячъ душъ-съ, если намъ Богъ поможетъ вернуть незаконно-проданныя имѣнія княгини.

„Двѣ тысячи душъ...“ подумала Евгенія Ивановна. „Трое дѣтей тамъ, и у меня трое; имъ готовить судьба все блага земныя, а моимъ—бѣдность и нужду...“ Эту мысль, какъ грѣшную, она спѣшила, однакоже, прогнать.

— Сыновья или дочери у вашего князя?

— Два сына и одна дочь-съ.

— Князь и княгиня и лѣтомъ не переѣзжаютъ въ деревню?

— Лѣтомъ они въ подмосковной матушки князя изволятъ жить, или на дачѣ у тетюшки княгини, которой они тоже единственные наследницы. Послѣ тетюшки имъ достанется еще-съ болѣе тысячи душъ богатѣйшаго имѣнія.

— Князь служить или нѣтъ?

— Они служили въ гвардіи-съ; эполеты-съ имъ приславы были на зубокъ государемъ императоромъ, за заслуги батюшки. Женувшись, ихъ сіятельство вышли въ отставку: что же имъ за nevoля служить-съ? Слава Богу, и безъ службы могутъ прожить....

Федоръ Павловичъ вышелъ одѣтый и съ шляпою въ рукахъ. Абрамъ Алексѣевичъ тоже поднялся.

— Такъ позвольте остаться въ надеждѣ-съ?

— Сегодня непременно разсмотрю бумаги и заѣду въ гражданскую палату.

— Такъ просимъ прощенья-съ.... Ужь сдѣлайте ваше одоженіе, не оставьте!

— До свиданія!

Съ низкимъ поклономъ вышелъ управляющій. Федоръ Павловичъ подошелъ и обнялъ жену.

— Молись, Бичка! Можетъ-быть, Господь намъ и поможетъ, сказалъ онъ, и крѣпко поцѣловавъ жену, уѣхалъ.

„Боже мой! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, судьба сжалится надъ нами?“ Слезы выступили на ее глазахъ. „Хоть бы заплатить немного долгу? И въ лавки, и хлѣбнику, и башмачнику... кому, кому мы не должны?... Бѣдные мои дѣти! Не только оставить имъ что-нибудь въ будущемъ, мы едва можемъ ихъ содержать и въ настоящемъ. Мальчиковъ выучить царь; кто

выучить мою бѣдную Машеньку? Мадамъ Пелузъ на полупансіонъ, и то нужно платить четыреста рублей; а мы никогда не будемъ въ состояніи отдѣлать и половину этой суммы на ея воспитаніе. И будетъ моя дѣвочка знать, только читать да писать, и то съ грѣхомъ пополамъ!“ При этихъ мысляхъ она горько заплакала....

Часа въ четыре Федоръ Павловичъ вернулся домой; лицо его было весело, и просвѣтѣло еще болѣе при видѣ семейной картины. Молодая мать сидѣла на полу, держа на рукахъ Колю, младшаго сына. Машенька, на коленяхъ передъ ними, щелкала крошечными пальчиками, заставляя смѣяться брата. Паша, стоя сзади матери и обвивъ руками ея шею, тоже хохоталъ.

— Чтѣ ты такъ долго, Федоръ Павлычъ? спросила, увидя мужа, Евгенія Ивановна.

Паша и Мама бросились къ отцу, а Коля протанулъ къ нему ручонки.

— Охъ, вы мои цыплята! проговорилъ отецъ, цѣлуя каждого по очереди и въ заключеніе жену.— Дѣло князя чистое, прибавилъ онъ, обращаясь къ ней. — Слишкомъ триста душъ имѣнія его жены проданы съ аукціона незаконнымъ образомъ и за ничто. Имѣніе стоить по крайней мѣрѣ 350 тысячъ.

— Чтѣ жъ ты получишь за это что-нибудь? спросила Евгенія Ивановна.

Федоръ Павловичъ развелъ руками.

— Адвокатамъ обыкновенно платятъ десятый процентъ, стало-быть, тысячъ тридцать пять могу получить...

— Не можетъ быть! воскликнула жена; на душѣ ея была смутная надежда и недовѣріе.

— Непремѣнно; тысячъ десять придется употребить на веденіе процесса, а двадцать пять останутся.

Евгенія Ивановна, съ полными слезъ глазами, взглянула на образъ, и все существо ея превратилось въ благодарную молитву.

— Одно мнѣ неприятно, прибавилъ Федоръ Павловичъ,— изъ двухъ покупателей Травина одинъ Орикъ. Ты знаешь, онъ человекъ сильный въ здѣшнемъ узлѣ; до сихъ поръ оказывалъ мнѣ много вниманія... Придется у него оттагивать незаконную покупку! Изъ друга онъ конечно сдѣлается врагомъ... Ну, да Богъ съ нимъ! Впервыхъ, я буду защищать правое

дѣло; вторыхъ, у меня трое дѣтей; ихъ будущность лежитъ на моей отвѣтственности: если я и не обезпечу ея, то по крайней мѣрѣ буду имѣть средства воспитать ихъ.

— Федоръ Павлычъ! Такъ мы можемъ со временемъ отдать Машеньку въ пансіонъ? проговорила, съ свѣтлою улыбкой, Евгенія Ивановна.

— Надѣюсь. Авось, Богъ дастъ...

— Милая моя дѣвочка! вскрикнула мать, прижавъ къ себѣ ребенка: — ты не будешь дурочкой, не будешь стыдиться сравнивая себя съ братьями... И потомъ, прибавила она, смотря на мужа, — воспитаніе дастъ ей, можетъ-быть, кусокъ хлѣба, если она не выйдетъ замужъ и мы не въ состояніи будемъ оставить ей что-нибудь.

Евгенія Ивановна думала, что въ губернскомъ пансіонѣ учать дѣльно и добросовѣстно, и что въ самомъ дѣлѣ дѣвицы кончившія тамъ воспитаніе въ состояніи быть наставницами. Изъ воспитанницъ г-жи Пелузь не было ни одной, которая бы безъ ошибокъ написала хоть строчку по-русски и сказала бы правильно хоть одну французскую фразу; другія науки, вѣроятно, шли въ уровень съ названными предметами; лишь танцевали и присѣдали порядочно. Но все-таки пансіонъ Madame Pelouse былъ единственною претензіей Евгениі Ивановны.

Надежда на лучшее будущее оживила Федора Павловича. Онъ на той же недѣлѣ началъ процессъ. Жена бывшего губернатора и Оринъ съ ожесточеніемъ защищали свое дѣло и, какъ слѣдуетъ, возненавидѣли адвоката противной стороны. Оринъ, по своимъ знакомствамъ и связямъ, достигъ того, что на слѣдующихъ выборахъ Нолинъ былъ забаллотированъ.

Одной надежды на вознагражденіе со стороны князя оказалось недостаточно на содержаніе семьи. Слезы Евгениі Ивановны, осушенные на время, полились снова. Мрачно было лицо и Федора Павловича; приуныли и дѣти, какъ будто понимая горькое положеніе родителей.

Городская жизнь съ неизбѣжными ежедневными расходами, была не подъ силу отставному чиновнику. Князь оказался вовсе не щедрымъ, хотя процессъ шелъ прекрасно. Нолинъ принужденъ былъ переѣхать въ деревню своего отца, верстахъ въ двадцати отъ города. Тамъ по крайней мѣрѣ квартира и отопленіе ему ничего не стоили.

Евгенія Ивановна развитая если не воспитаніемъ, то чте-

віемъ, которое любила до страсти, и порядочнымъ обществомъ, въ которомъ была принята, какъ красивая и милая женщина, вдругъ вступила въ новую, до сихъ поръ совершенно еще неизвѣстную ей жизнь.

Старики Нолины были изъ числа дворянъ стараго вѣка. Павелъ Митрофановичъ, прапорщикъ гвардіи, весьма не далекій по своимъ умственнымъ способностямъ, былъ доброе и кроткое существо въ нормальномъ положеніи, но задорное и неистовое подъ вліяніемъ чарочки, плохо зналъ грамоту, и кромѣ Святцевъ никогда ничего не читалъ. Онъ ходилъ въ нагольномъ тулупѣ, козыничалъ плохо и былъ подѣ башмакомъ жевы, изъ-подъ котораго вырывался только съ помощію хмѣля. Въ эти минуты Анисья Гавриловна дрожала какъ листъ, иной разъ даже пряталась отъ своего сожителя. Она была дочь премьеръ-майора, человека порядочной фамиліи и достаточнаго, употреблявшаго свои избытки не на воспитаніе дѣтей, которыхъ было у него пятеро, а на пьянство съ пріятелями. Онъ охотно выдалъ дочь съ двадцатью душами приданого, весьма не красивую и не молодую, не умѣвшую ни читать, ни писать, за молоденькаго, хорошенькаго, съ сорока душами, прапорщика гвардіи. Выборъ Павла Митрофановича, повидимому неудачный, оказался въ послѣдствіи истиннымъ благодѣяніемъ судьбы. Анисья Гавриловна была женщина рѣдкаго ума, прекрасной нравственности; сколько могла, она удерживала своего мужа, наклоннаго ко всѣмъ порокамъ; отвлекала его отъ дурныхъ обществъ, ограничила его поѣздки на городскіе базары, откуда онъ возвращался полумертвымъ. Храмовые праздники, отъ которыхъ она и сама не могла отказаться, по необходимости сохранить родственныя и сосѣдскія отношенія, составляли ея мѣку. Забавы этихъ сборищъ заключались единственно для женщинъ въ ѣдѣ, для мужчинъ въ пьянствѣ; нѣкоторыя и изъ прекраснаго пода были не прочь присоединиться къ послѣднимъ, и, начиная бражкой, наливочкой, кончали зеленымъ виномъ. Никогда не участвовала въ этихъ оргіяхъ Анисья Гавриловна, платочекъ, которымъ повязана была ея умная голова, никогда не сбивался на сторону. Всегда скромная, тихая, посреди этихъ буйныхъ и шумныхъ бесѣдъ, сидѣла она гдѣ-нибудь въ уголкѣ, до тѣхъ поръ пока приходилось садиться въ кибиточку и везти домой пьянаго, задорнаго мужа.

Дѣтей у Анисьи Гавриловны было много; семь человекъ

она скоронила, шесть осталось. Всѣ заботы и попеченія о нихъ лежали на ней; она хлопотала о ихъ ученіи, о ихъ опредѣленіи на службу. Федоръ Павловичъ, старшій изъ сыновей, былъ выученъ грамотѣ сосѣдомъ за осмику картофелю, и тринадцати лѣтъ опредѣленъ въ уѣздный судъ писцомъ. Равно мальчикъ узналъ нужду. Мучица да крупица, въ торжественные для узелокъ пышечекъ да десятокъ печеныхъ яицъ, составляли единственное содержаніе, присылаемое мальчику родителями. Нужда научаетъ калачи ѣсть; Федя понялъ, что долженъ собственными трудами обезпечивать свое существованіе и пріялся за дѣло. Голова мальчика была устроена по образцу материнской; всѣ пять клѣтокъ были налицо и надлежащаго размѣра. Начальники замѣтили его прилежаніе и стараніе; года черезъ полтора ему назначили полтинникъ въ мѣсяцъ жалованья. Мальчикъ земли подъ собой не сажалъ. На первые выработанныя деньги купилъ матери платокъ и себѣ сапоги. Однимъ словомъ, Федя, выученный грамотѣ за осмику картофелю, лѣтъ въ восемнадцать сдѣлался дѣльнымъ молодымъ человѣкомъ, не требовавъ отъ родителей не только на свое содержаніе, но взявъ на свое попеченіе втораго брата, находя возможность помогать и остальной семьѣ.

Въ двадцать два года Федоръ Павловичъ влюбился въ Еничку, хорошенькую, единственную дочь одного секретаря. Черезъ одну изъ своихъ родственницъ сдѣлалъ онъ предложеніе; но мать Енички отказала на отрѣзъ, говоря откровенно, что дочь ея ни за что не пойдетъ за такого дурнаго. Федоръ Павловичъ былъ очень не хорошъ лицомъ. Отказъ однакожь не испугалъ его: онъ продолжалъ ухаживать за дѣвушкой, ѣздилъ въ домъ и двадцати четырехъ лѣтъ женился на Еничкѣ.

Возвратимся однако къ настоящему.

Евгенія Ивановна, никогда не живавшая въ деревнѣ, вступила въ домъ родителей своего мужа съ невольнымъ трепетомъ. Ее приняли радушно. Но, Боже мой, какъ все казалось ей дико, странно! Кадочки, горшки и горшочки въ дѣвичьей и въ спальнѣ; оборванные стулья и кресла въ залѣ и гостиной; сѣнныя дѣвушки въ набойчатыхъ сарафанахъ, съ висящими назади заплетенными косами, грязныя, безобразныя и увѣчныя: одна кривая, другая хромая, — „врагъ не взрадуется“, какъ говорилъ одинъ изъ сыновей Анисьи Гавриловны. За столомъ было такое толстое и нечистое бѣлье, что молодая женщина не могла рѣшиться подмести его къ

губамъ. Щи или похлебка, окрошка или ботвинья подавались въ общей очень глубокой тарелкѣ, называемой блюдечкомъ. Всѣ кушанья были дурно изготовлены; непривычному человеку трудно было насыщаться ими съ аппетитомъ. Евгенія Ивановна спалошь и рядомъ выходила изъ-за стола голодная. Дѣтей отпаивала она чаемъ съ хлѣбомъ и молокомъ. Машенька, по милости своей болѣзни взрослая на дѣтѣ, рѣшительно ничего не ѣла со стола бабушки и страшно конфузила мать.

Такъ протекали десять мѣсяцевъ грустнаго для Евгениі Ивановны существованія. Къ матеріальнымъ неудобствамъ присоединялись и нравственныя. Много намековъ, много нечаянно подслушанныхъ фразъ оскорбляли ее въ домѣ свекра.

— Она на одномъ мылѣ его раззорить, говорила Анисья Гавриловна своей дочери,—то и дѣло моють, да стирають... О-охъ, ужъ эти городскія!...

Евгения Ивановна была въ смежной комнатѣ.

Другой разъ она слышала какъ ее упрекали въ томъ, что приучила дѣтей къ бѣлому хлѣбцу, что сама только и дѣла что сидитъ за книжками, а нѣтъ чтобы выикать въ хозяйство... и такъ далѣе.

Евгения Ивановна съ кротостію и покорностію судьбѣ переносила все, и никогда не показывала виду, что она оскорблена или недовольна.

Свекровь ея, какъ мы уже сказали, женщина истинно умная, не была исключеніемъ изъ общей категоріи всѣхъ свекровей, всегда находящихъ въ невѣсткахъ что-нибудь не по вкусу себѣ.

Въ продолженіи этого времени Федоръ Павловичъ часто ѣздилъ въ городъ, ревностно исполняя взятую на себя обязанность по процессу князя, и дѣло шло превосходно. Привесетъ ли, нѣтъ ли, оно ему существенную пользу въ послѣдствіи,—а въ настоящемъ, увы! онъ едва получалъ достаточно на судебныя издержки. Положеніе же Евгениі Ивановны требовало немедленнаго переезда въ городъ; бѣдная женщина снова готовилась быть матерью, и мужъ, несмотря на всѣ уговоры семьи, не хотѣлъ вѣрить ее попеченіямъ простой, крестьянской бабушки. Онъ заложилъ все что могъ изъ своихъ вещей, и переехалъ въ городъ.

Бѣдность, со всѣми своими ужасами, начала преслѣдовать несчастную семью, истощившую послѣднія средства во время родовъ и болѣзни Евгениі Ивановны. Одна старая знакома я

знавшая всегда Нолла за умнаго и честнаго человѣка, соудила ему двѣ тысячи ассигнаціями на вексель, но чужія деньги не споры и больно обжигаютъ руки честнымъ людямъ: по уплатѣ мелкихъ долговъ, ихъ едва осталось мѣсяца на два. Что же послѣ того?... Опять занимать...

Отъ частыхъ и обильныхъ слезъ, Евгенія Ивановна начала терять зрѣніе и двадцати двухъ лѣтъ надѣла очки.

Въ это время въ Р. былъ опредѣленъ новый вице-губернаторъ; тогда питейные сборы были въ ихъ управленіи; опредѣленіе надзирателей и ихъ помощниковъ зависѣло отъ нихъ. Ѳедоръ Павловичъ обратился къ нему, и на этотъ разъ не безуспѣшно; ему дали должность помощника. Бѣдные люди вздохнули свободно; кусокъ хлѣба имъ снова былъ обезпеченъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они были въ состояніи дать дѣтямъ учителя семинариста. Машенька опять прекрасно пошла: умственные способности дѣвочки, какъ видно, не терпѣли отъ ея физическихъ страданій, которыя не прекращались.

Исполняя добросовѣстно казенную службу, Ѳедоръ Павловичъ успѣлъ однакожъ окончательно выиграть процессъ Елецкихъ. Сенатомъ повелѣно было возвратитъ княгинѣ незаконно проданныя ей имѣнія, предоставивъ ей право взыскивать за протори и убытки.

Абрамъ Алексѣевъ предложилъ Ноллу сорокъ десятинъ земли въ его родной деревенькѣ, стоимость которыхъ не превышала по тогдашнимъ цѣнамъ трехъ тысячъ ассигнаціями.

— Все же хорошо! говорилъ Ѳедоръ Павловичъ своей Еничкѣ,—дорога борозда къ загогу....

Бывъ еще холостымъ, онъ какъ-то успѣлъ купить тамъ же десятинъ пятнадцать, да отецъ далъ двѣнадцать; всего составилось около семидесяти десятинъ.

Евгенія Ивановна молчала, потому что надежды ея на полученіе двадцати пяти тысячъ разсыпались, какъ заколдованный кладъ. Разочарованіе не такъ было чувствительно въ настоящую минуту для Ноллиныхъ, потому что казенная служба болѣе или менѣе обезпечивала ихъ теперь; а въ будущемъ.... Кто же изъ смертныхъ не ждетъ въ этой непроходимой, темной дали появленія чуднаго призрака очастья!

Года черезъ полтора Ѳедоръ Павловичъ переведенъ былъ въ другой городъ уже надзирателемъ; средства улучшились.

Евгенія Ивановна въ новомъ обществѣ была принята какъ

нельзя лучше и во всю жизнь сохраняла пріятное воспоминаніе о незатѣливомъ, но согласномъ увѣдномъ кружкѣ, въ которомъ участвовали и окрестные помѣщики съ семействами.

Два года, довольно безоблачныхъ, пронеслись надъ хорошенькою головкой Евгеніи Ивановны. Затихше было однакожь не надежно; горизонтъ началъ снова омрачаться и буря забушевала: недѣли за двѣ до того времени, какъ молодая женщина снова готовилась быть матерью, маленькій сыночекъ ея, Коля, умненькій, какъ рѣдко бываютъ умны дѣти его возраста, вдругъ вскрикнувъ, схватясь за бокъ. Мать бросилась къ ребенку, страданья котораго съ каждой минутой все усиливались. Федоръ Павловичъ бросился за городскимъ докторомъ, а пока употребляли всѣ домашнія средства. Явившійся лѣкарь поставилъ горчичникъ, увѣряя, что черезъ часъ боли не будетъ. Но часъ прошелъ, страданья не прекращались. Проходили дни; ребенокъ былъ почти уже недвижимъ. Поставили пиявки (чѣмъ, по мнѣнію другаго опытнѣшаго врача, нужно было начать), но было уже поздно.

Измученная нравственно и физически, бѣдная женщина родила дочь и чуть было не поплатилась жизнью. Молодая, крѣпкая натура преодолѣла однакожь опасность; лихорадка миновалась: больная была слаба, но за жизнь ея уже не боялись.

А Коля между тѣмъ угасалъ. Два дня уже онъ былъ безъ движенія и памяти, какъ вдругъ ночью очнулся и подозвалъ къ себѣ няню.

— Что, мой батюшка? говорила старушка, посвятившая всю свою жизнь дѣтямъ Евгеніи Ивановны и любившая ихъ безъ памяти.

— Няня, я умираю.... прошепталъ ребенокъ. Надѣнь на меня чистую рубашечку и понеси къ маменькѣ проститься.

Няня поблѣднѣла, какъ смерть.

— Что ты, мой ненаглядный, Господь съ тобою! Ты выздоровѣешь, опять будешь бѣгать, играть....

Но ребенокъ настаивалъ:

— Слышишь, няня, я хочу проститься съ маменькой.

Няня не знала что дѣлать.

— Маменька нездорова, она теперь почиваетъ.

-- Разбуди! Вѣдь я въ послѣдній разъ хочу видѣть ее.

Коля началъ плакать; у няни слезы текли ручьями.

Чуткое ухо матери заслышало плачъ своего малютки, хотя дѣтская была черезъ двѣ комнаты отъ спальни.

— Чтѣ съ Колей? спрашивала она, разбудивъ воѣхъ.—Ради Бога, скажите! Ему хуже?

Ее старались разувѣрить и успокоить, но истинкѣ матери обмануть нельзя; вся взволнованная, она готова была броситься въ комнату сына. Ее удержали.

— Такъ дайте же мнѣ его сюда, о, дайте!

— Маменька! посыпалось вдали. Коля собралъ весь остатокъ силъ, чтобы голосъ его донесся до матери.

— Дитя мое! отозвалась мать; и посаѣ этихъ криковъ сердца никто не смѣлъ противиться желанію пятилѣтняго малютки обнять, можетъ-быть въ послѣдній разъ, свою мать.

Евгенія Ивановна, вся дрожа, приподнялась на подушкахъ въ ожиданіи появленія сына. Его внесли. Черные круги вокругъ свалившихся глазокъ, черныя ноздри и синія губы подтверждали предчувствіе ребенка о близкой смерти; тяжелое, рѣдкое дыханіе обличало приближеніе послѣдней минуты. Колю положила подлѣ матери. Онъ протянулъ къ ней ручки, и обвивъ ея шею, едва уже внятно прошепталъ: „милая маменька!“

Мать, которой темнота комнаты препятствовала въ первую минуту замѣтить страшную переѣвну въ сынѣ, наклонясь къ нему, увидѣла все и лишилась чувствъ; Колю едва могли оторвать отъ нея.

Къ утру у Евгеніи Ивановны открылась горячка. Девять дней она была между жизнью и смертью. Но молодость опять взяла свое. Первое слово ея было: „Его ужъ нѣтъ?... Онъ умеръ?“

— Онъ живъ, ему лучше.

— О, дайте, дайте же мнѣ взглянуть на него!

Черезъ минуту, Коля, еще страждущій, больной, но уже не съ отпечаткомъ смерти на блѣдномъ личикѣ былъ принесенъ къ матери. И чтѣ это было за свиданіе! Мать плакала, безумно цѣловала сына. Онъ улыбался, говоря, чтѣ теперь ужъ не пойдетъ отъ нея.

Воскресшій сынъ воскресилъ и мать. Ея болѣзнь миновалась; но его приняла характеръ упорный, неизлѣчимый; и черезъ семь мѣсяцевъ, въ которые Евгенія Ивановна все надеялась, свела его въ могилу.

Но это еще не все; Подлиныхъ посѣтило новое, непредвидѣнное горе. Вице-губернаторъ, подъ покровительствомъ

котораго Ѳедоръ Павловичъ началъ службу, былъ переведенъ въ другую губернію; его замѣнилъ новый, неоперившійся, которому понадобилось много на обзаведеніе. Требования превышали средства честныхъ чиновниковъ, служившихъ подъ его начальствомъ. Въ числѣ другихъ и Нолинъ долженъ былъ подать въ отставку, не имѣя возможности удовлетворить новаго начальника, который и отпустилъ ему за непопеченіе.

Извѣстно, что вино сжимается или усыхаетъ зимой ведра на два въ каждой бочкѣ; хотя Ѳедоръ Павловичъ подалъ въ отставку въ іюль мѣсяцъ, но принимать отъ него должность присланъ былъ чиновникъ не ранѣ декабря. Недостатокъ оказался великъ; на Нолина сдѣлали начеть тысячи въ двѣ съ половиной.

Евгенія Ивановна еще въ сентябрѣ утѣла съ дѣтми въ губервскій городъ; мужъ, по необходимости, долженъ былъ остаться въ ожиданіи окончанія своихъ дѣлъ. Перевздъ, хозяйство на два дома, болѣзнь Коли и новорожденной дочки истощили всѣ средства Нолиныхъ. Опять нищета и горе скрутили бѣдную семью; опять полетѣли въ закладъ часы и ложки, до послѣднихъ незначительныхъ колець Евгениі Ивановны; лишь обручальное оставалось завѣтнымъ, неприкосновеннымъ. Въ концѣ октября, вслѣдъ за Колей, умерла и маленькая. Новая горячка была слѣдствіемъ этихъ потерь для матери. Ѳедоръ Павловичъ не могъ даже пріѣхать утѣшить несчастную въ эти горькія минуты. Машенька и Паша были слишкомъ молоды, чтобъ сумѣть развлекать мать, да притомъ девятилѣтняя Машенька такъ рвалась и плакала о Колю, что еще болѣе надрывала сердце матери.

Едва начала оправляться отъ тяжкой болѣзни Евгенія Ивановна, какъ вѣсти о дурномъ ходѣ дѣлъ мужа усилили ея нравственныя страданія. Слезы, непрерывныя слезы лились потоками изъ ея хорошенькихъ, карихъ глазъ, блескъ которыхъ началъ тускнѣть.

Грустное настроеніе матери отразилось и на дѣтяхъ; не шумно, какъ прежде, играли они около нея въ часы отдохновенія, а грустно и тихо перебирали игрушки. „И Коли нѣтъ, да и маменька все плачетъ!...“ Но учились они прекрасно.

Въ Рождеству пріѣхалъ Ѳедоръ Павловичъ. Нѣсколько дней тацъ онъ отъ жены настоящее положеніе дѣлъ; но Евгениі Ивановну обмануть было трудно. Мрачное выраженіе

лица, видимая озабоченность мужа, все говорило ей что бѣда надъ головой.

— Скажи же мнѣ правду, чѣмъ кончались твои дѣла, Федоръ Павловичъ? Я на все готова. Когда потеря дѣтей меня не убила, то ужъ конечно все остальное я перенесу. Говори же!

— Къ чему говорить, ты не поможешь...

— Если не помогу, будемъ вмѣстѣ горевать и придумывать какъ выпутаться изъ бѣды.

— Выпутаться нельзя. Я самъ не знаю что дѣлать...

— Такъ изъ жалости ко мнѣ ты долженъ сказать мнѣ всю истину; иначе я буду думать, Богъ знаетъ что.... Ради Бога, скажи!

— Легче ли тебѣ будетъ, когда я скажу, что по милости этого.... (Федоръ Павловичъ далъ не весьма лестный эпитетъ бывшему своему начальнику) по милости его, на меня сдѣланъ начеть почти въ три тысячи....—При этихъ словахъ въ голосѣ Нолина прозвучала какая-то фальшивая нота. Евгения Ивановна поблѣднѣла. — Чтобъ заплатить эту сумму, продать нашъ послѣдній кусокъ хлѣба въ Новинѣ, прибавилъ Нолинъ.

Евгения Ивановна подняла сухіе глаза на образъ и съ истинно христіанскою покорностію прошептала: „да будетъ воля твоя, Господи!“

— Больше взять негдѣ, продолжалъ Федоръ Павловичъ,—наживать косвенными путями, какъ дѣлаютъ другіе надзиратели и чиновники, къ несчастью, я не умѣю. Право, подѣ часть досадно на себя, что не могъ отдѣлаться отъ ни на что негодящихся совѣсти и чести.

— Полно, другъ мой! Когда-нибудь Богъ вознаградитъ тебя за нихъ.

— Когда-нибудь.... А пока мои дѣти, моя жена умрутъ можетъ-быть съ голоду....

— А ты забылъ папеньку? Хоть онъ самъ не богатъ, все же не оставитъ насъ безъ помощи...

— А легко мнѣ принимать эту помощь?..

— Но отъ кого принимать?.. Отъ отца и матери вѣкогда не стыдно.

Глубоко пораженная новымъ безвыходнымъ горемъ, Евгения Ивановна затаила въ сердцѣ отчаяніе и старалась влить утѣшеніе и бодрость въ страдающую душу мужа.

Имѣяще ихъ въскорѣ было описано и назначены торги. „Прощай Новина! Прощай моя родина!“ думалъ Фѳдоръ Павловичъ: „Не тебѣ придется пріютить мою старость... не на твоёмъ мирномъ погостѣ будутъ лежать мои кости!.. Всѣ мои планы рушились... и домикъ, и прудъ, и садъ, который я готовился садить и лѣлвать собственными руками...“

Пресѣдуемый этими мыслями, Нолнъ безотрадно переживалъ день за днемъ, ища должности или какихъ-нибудь занятій, но не денегъ на выкупъ своего Новина... Кто дастъ? и какъ занимать такую сумму, которой никогда не будетъ средствъ выплатить?

Отецъ Евгениі Ивановны помѣстилъ ее съ семьей во флигель, принадлежащемъ къ дому, въ которомъ самъ жилъ и который занимали прежде Нолны во время его путешествія въ Сибирь. Сколько можно, онъ помогалъ дѣтямъ; но при всемъ желаніи помочь имъ, не былъ въ состояніи располагать суммой, достаточною для выкупа Новина.

Настали и торги. Бѣднѣй обыкновеннаго была въ этотъ день Евгениі Ивановна; мраченъ былъ и Фѳдоръ Павловичъ. Часовъ въ десять онъ одѣлся и собрался идти.

— Куда ты, Фѳдоръ Павлычъ? спросила молодая женщина.

— Пойду на торги; хоть узнаю кому достанется Новино...

Евгениі Ивановна замолчала, и глотая слезы, опустила взоръ на работу.

Едва ушелъ Фѳдоръ Павловичъ, какъ въ дѣвчечьей посыпшались всхлипыванія. Такъ какъ флигель весь состоялъ изъ трехъ комматъ, то понятно, что малѣйшій звукъ раздавался во всѣхъ его углахъ. Сердце Евгениі Ивановны замерло. Она поняла чей это плачь. Марья, ихъ кухарка, прежде бывшая ея дѣвучка, была выдана за кучера Фѳдора Павловича, и какъ послѣдній принадлежалъ къ Новину, то и она должна была быть продана въ этотъ день. Истинно привязанная къ своей молодой барынѣ, она не могла вспомнить о неизбѣжной участи, ожидавшей ее; и теперь, придя, по обыкновенію, спросить, что прикажутъ готовить, она разливалась рѣкой при мысли, что завтра Богъ вѣсть кому она съ семьей будетъ принадлежать и гдѣ будетъ.

Евгениі Ивановна вышла не съ тѣмъ чтобъ утѣшить Марью, она сама такъ нуждалась въ утѣшеніи, а съ тѣмъ чтобы вмѣстѣ съ нею поплакать.

При появленіи барыни, Марья сдержала свои рыданья, и

дрожащимъ отъ слезъ голосомъ спросила: „Что прикажете готовить?“

— Марья, ни тебѣ ни мнѣ не до того сегодня, чтобы думать о вѣдѣ. Не надо ничего... И слезы брызнули изъ глазъ Нолливой.

Марья зарыдала и бросилась къ барынѣ. Горе сравняло общественныя ступени; онѣ обнялись, какъ сестры.

— Матушка, твердила Марья,—какъ я разстанусь съ вами!..

— Не плачь, Марья, можетъ-быть, попадешь, къ добрымъ господамъ. Пойдемъ, я дамъ твоимъ мальчикамъ (которыхъ у ней было двое) Колиныхъ рубашечекъ; тебѣ пригодятся.

Не нужно было Марьѣ ничего; ласковыя, добрыя слова барыни еще болѣе усилили ея горе; она готова была бы пожертвовать всѣмъ своимъ скуднымъ достоянiемъ, лишь бы не разставаться съ господами.

Евгенiя Ивановна собрала между тѣмъ все принадлежавшее покойному Колѣ и отдала ея дѣтямъ; изъ своего скуднаго гардероба отдала и для матери полный костюмъ.

Раскричавшіеся ребятки вызвали Марью въ кухню. Евгения Ивановна должна была идти къ отцу и матери, присылавшимъ за ней уже нѣсколько разъ.

Мать Евгении Ивановны была особа не очень прiятная. Она своими капризами, жестокосердiемъ и эгоизмомъ мучила всѣхъ ее окружающихъ, но была красавица и дворянка, тогда какъ умный, кроткій и дѣльный мужъ ея былъ изъ духовнаго званiя и приобрѣлъ дворянство послѣ долгой службы и двухъ-трехъ лѣтъ проведенныхъ на службѣ въ Сибири. Не прошло еще года, какъ онъ вернулся оттуда и какъ жена перестала величать его кутейникомъ.

Отецъ страстно любилъ Евгению Ивановну до замужества, желая вознаградить ее за холодность и равнодушіе матери. Дочь платила ему тѣмъ же. Но съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ и прилѣпилась всею душой къ мужу, Иванъ Григорьевичъ, видимо, сдѣлался холоднѣй, понимая, что его любовь теперь уже не необходима для нея. Потомъ трехлѣтнее дальнее путешествіе, разность интересовъ, ея плохія обстоятельства, заставлявшiя его болѣе или менѣе давать ей по немногу изъ нажитыхъ трудовъ денегъ (Иванъ Григорьевичъ былъ скупенекъ), — все это ослабило его любовь, но не погасило; онъ все-таки былъ гораздо нѣжнѣй къ своей несчастной дочери чѣмъ эгоистка мать, не отказывавшая себѣ

ли въ чемъ и не думавшая о несчастномъ положеніи дочери.

— Ты все плачешь, Евичка, сказалъ отецъ, съ участіемъ смотря на дочь.

При этомъ замѣчаніи, слезы слова готовы были брызнуть изъ ея глазъ; но она ихъ проглотила и старалась казаться покойною.

— Нѣтъ, папенька, я ужъ привыкла къ своему положенію и въ будущемъ готова на все.

— Я отдамъ тебѣ твое приданое; все-таки это сколько-нибудь васъ поддержитъ. Въ Божествовъ шесть тяголъ, платятъ по пятидесяти рублей,—вотъ ужъ триста...

— Дай Богъ вамъ здоровья, папенька! говорила, бросаясь цѣловать руку отца, Евгенія Ивановна:—хоть дѣти не умрутъ съ голоду...

— Вотъ еще! Все Богъ... отозвался старикъ.

— А маменька еще не кувала чай?

— Нѣтъ еще; видно не помолчалась.

Мать Евгеніи Ивановны воображала себя отличною хозяйкой. Вставая часовъ семь, она отправлялась въ кладовую, выдавала тамъ провизію, и прибирала все каждый день на новый ладъ; потомъ осматривала всѣ комнаты, придираясь ко всему чтобы поколотить дѣвокъ; проведя такимъ образомъ часа три, а иногда и болѣе, она начинала умываться разными мылами и становилась съ четками на молитву, продолжавшуюся около двухъ часовъ. Чай кувала она никогда не равнѣ часу и со всѣми возможными прихотями: вопервыхъ, чай долженъ былъ быть самый лучшій цвѣточный или зеленый; вовторыхъ, къ нему подавались всевозможные сорта варенья, разставляемые въ чашечкахъ и вазочкахъ; подавались сливки съ пѣнками; вмѣсто сахара часто употреблялся липовый медъ. Для дѣтей былъ праздникъ присутствовать при чайной церемоніи, потому что, когда бабушка была въ духѣ, она давала имъ пробовать изъ каждой чашечки.

Евгенія Ивановна не смѣла идти тревожить мать въ ея утреннихъ занятіяхъ; это значило бы навлечь на себя страшное неудовольствіе; но скоро въ комнату внесены былъ кипящій самоваръ, признакъ близкаго появленія прихотливой барыни. Вотъ появилась и она. Дочь и внучата спѣшили поцѣловать у ней руку.

— Здорово! Гдѣ жъ твой-то?

— Пошелъ куда-то, маменька.

— А ты никакъ все плачешь? И ослѣпнуть не боишься. Не хочешь ли вотъ лучше чайку?

— Я пила, маменька. Покорно благодарю!

— Ну, какой ты пила-то? небось пятирублевый?

— Для меня все равно; я въ немъ толку не знаю.

— Ну такъ велю сварить кофейку? Кофею-то у тебя, гляди, и вовсе нѣтъ.

Евгенія Ивановна молчала; больно колола ее неделикатность матери.

— Да что тутъ толковать, Татьяна Осиповна? Веди варить да и только, сказалъ съ отгѣнкомъ нетерпѣнія Иванъ Григорьевичъ.

— Вишь, вѣдь, все таится отъ матери...

— Что мнѣ таиться, маменька? Вы сами знаете наше положеніе.—Слезы заблестали на глазахъ бѣдняжки.

— Ужь онъ тебя оставить безъ куска хлѣба!.. выбрали зятика, нечего сказать!..

— Полно, Татьяна Осиповна! Какъ тебѣ не грѣхъ говорить подобныя вещи?..

— Вотъ какъ они сядутъ тебѣ всѣ на шею-то, тогда и ты заговоришь.

— Маменька, ради Бога, не браните мужа; онъ ни въ чемъ не виноватъ.

Евгенія Ивановна плакала.

— Ну, ну, полно! Перестань рюмить-то!

Иванъ Григорьевичъ вышелъ, чтобы возраженіями не вызвать жену еще на большія оскорбленія зятя и, конечно, дочери.

Кофей былъ готовъ. Евгенія Ивановна должна была пить его, а онъ останавливался въ горлѣ.

Въ третьемъ часу возвратился Федоръ Павловичъ и пришелъ въ домъ тестя, не найдя никого изъ своихъ во флигелѣ.

Сердце Евгеніи Ивановны замерло и перестало биться при его появленіи; взоръ устремился на мужа въ ожиданіи роковаго извѣстія; лицо его однакожь было спокойно.

— Что?.. наконецъ проговорила она:—кто купилъ?

— Никто; на торги никто не явился; на полгода, значить, отсрочка... Онова будутъ дѣлать публикацію.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ Иванъ Григорьевичъ.

— Въ самомъ дѣлѣ.

— Ну, слава Богу! Въ полгода, Богъ дастъ, какъ-нибудь поправитесь... Поздравляю тебя, Еничка!

Дочь съ рыданьемъ бросилась на шею отцу, потомъ матери, потомъ и мужу. У всѣхъ глаза были полны слезъ.

— Татьяна Осиповна, давай объѣдать! И чтобъ была бутылка хорошей наливки! Выпьемъ всѣ за здоровье Новина... Накрывайте на столъ.

— Такъ тебѣ сейчасъ и накрывать!.. возразила уже веселымъ тономъ Татьяна Осиповна. Ты-то съ Федей на радости выпьешь наливочки, а дѣтямъ-то что? Я пойду, веду имъ испечь хоть сладкихъ пироговъ.

Дѣти запрыгали. Евгенія Ивановна, забывъ все, снова прижалась цѣловать руки матери.

Пока Татьяна Осиповна хлопотала съ пирожками, дочь успѣла сбѣгать къ себѣ и объявить Марьѣ, что онѣ еще не расстаются.

Велика была радость доброй женщины. Къ вечеру въ кухнѣ тоже былъ праздникъ. Марья угощала всѣхъ чаемъ, купленнымъ на послѣднюю копѣйку.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ; дѣла Полинныхъ однако много поправлялись; мѣста для Федора Павловича не находилось. Лишь имѣннице, переданное Иваномъ Григорьевичемъ дочери и кое-какіе домашніе запасы изъ получужаго Новина, поддерживали ихъ существованіе.

— Знаешь новость, Еничка? сказалъ однажды Федоръ Павловичъ возвратясь изъ какого-то присутственнаго мѣста.— Сейчасъ я встрѣтилъ Абрама Алексѣева; княгиня Елецкая овдовѣла и пріѣхала жить въ Травино; а пока отстроить ей тамъ домъ, поселилась здѣсь въ Р....

— Что жъ изъ этого?

— Ничего. Я такъ сообщилъ тебѣ, какъ городскую новость.

Эта въ сущности нисколько не интересная новость для Полиной, имѣла большое вліяніе на будущность ея дѣтей.

Недѣли черезъ полторы, въ маленькомъ флигелѣ, явился Абрамъ Алексѣевъ отъ имени княгини, желавшей познакомиться съ Федоромъ Павловичемъ и снова поручить ему свои дѣла. Прежняя незаконная владѣлица Кобнина взыскивала съ княгини пятьдесятъ тысячъ за улучшение будто бы имѣнія, тогда какъ по рѣшенію сената княгинѣ Елецкой предоставлено было право взыскивать съ нея за неправильное владѣніе.

На другой же день Федоръ Павловичъ отправился къ княгинѣ, обворожившей его съ разу. Неотразимая прелесть была разлита во всемъ существѣ этой женщины. Ей едва было двадцать пять лѣтъ; съ огненными глазами, черными атласными волосами, смуглою кожей и прекрасными чертами лица, она не одною только наружностію привлекала къ себѣ; она была умна, образована, мила, привѣтлива. Поливъ, возвращаясь домой, несмотря на свою обычную строгость въ отношеніи къ людямъ, съ увлеченіемъ расхваливалъ княгиню.

Вскорѣ познакомилась она и съ Евгеніей Ивановной и увидѣла ея дѣточекъ. Понравилась ли ей Машенька, или она имѣла цѣль вознаградить Федора Павловича за прошедшія услуги и привязать его въ настоящемъ, только княгиня съ перваго же раза предложила Поливымъ воспитывать Машеньку вмѣстѣ съ своими дѣтьми.

Какъ описать восторгъ матери? Самыя лучшія ея мечты, казавшіяся такими несбыточными, осуществлялись. Ея Машенька, едва знавшая русскую грамоту, будетъ воспитываться съ князьями и княжной Елецкими!... Подобнаго счастья ей никогда и не грезилось.... Забыла она и свою бѣдность въ настоящемъ, и невзрачную перспективу въ будущемъ.... Тотчасъ же принялась устраивать маленькое приданое своей дочкѣ; нельзя же въ такой богатый и чужой домъ отпустить въ томъ, что носила она дома. Перекроено было нѣсколько приданныхъ сорочекъ, изрѣзано два, три платья,—купить было не на что,—и сварядивъ кое-какъ, мать повезла дѣвочку къ княгинѣ, которая ее очень обласкала, и призвавъ гувернантку, передала ей съ рукъ на-руки новую воспитанницу.

Грустно было Машенькѣ первое время разлуки съ матерью; девятилѣтняя дѣвочка не могла еще вполне сознавать необходимость и пользу этой разлуки. Но доброе и кроткое обращеніе гувернантки, молодой дѣвушки, кончившей воспитаніе въ Смольномъ монастырѣ (въ послѣдствіи вышедшей замужъ за профессора московскаго университета), ласки княгини, добродушіе дѣтей, все примиряло дѣвочку съ ея новымъ положеніемъ. Просьбы же матери и самолюбіе, развитое не по лѣтамъ, заставили ее прилежно учиться и въ продолженіи года догнать во всемъ, даже во французскомъ языкѣ, дѣтей княгини.

Какъ бы ни было хорошо въ чужомъ домѣ, но родной, хоть и бѣдный кровъ, незамѣнимъ. По субботамъ Евгенія Ива-

нова или сама прѣѣжала за Машей или присылала. Съ утра уже маленькое сердечко билось и трепетало, и если запаздывали хоть часомъ, слезы душили ее; она убѣгала куда-нибудь въ пустую комнату, становилась на колѣни и, сложивъ ручки, горячо молилась, чтобъ Богъ не лишилъ ее счастья провести полтора дня въ своей семьѣ. Рѣдко поведѣльничъ обходился безъ слезъ; прощаясь съ своею няней, она часто говорила, что если у ней будутъ свои дѣти, то она ни за что не отдастъ ихъ въ чужой домъ учиться.

Въ настоящее время всѣ дѣла княгини Елецкой были поручены Федору Павловичу,—и онъ хлопоталъ со всѣмъ рвеніемъ человѣка, обязаннаго воспитаніемъ дочери. Собственно же его финансовыя обстоятельства не поправлялись. Оринъ былъ силенъ и мстителемъ, и преграждалъ ему всѣ пути къ службѣ.

Евгенія Ивановна работала съ утра до вечера, чтобы выручить что-нибудь въ помощь необходимымъ хозяйственнымъ потребностямъ. Но увы! Есаибъ у насъ на Руси, да и не на одной Руси, женщинамъ пришлось кормиться трудами рукъ своихъ, то смертность вѣроятно была бы сильнѣе чѣмъ во времена холеры и тому подобныхъ бичей человѣчества. Быстро перебирала Евгенія Ивановна кокаюшки, выплетая изъ брабантскихъ нитокъ чепцы и шемизетки. Вырученные десятка полтора или два рублей заранѣе были распределены на покупку башмаковъ Машенькѣ, Федору Павловичу галстука, Пашѣ курточки. Если останется что-нибудь, нужно являть и дѣвушкамъ купить хоть по платку. О себѣ молодая женщина никогда не думала. И невеселыя мысли вѣчно толпились въ головѣ Нолиной; единственно отрадные минуты въ ея жизни были, когда она слышала отзвѣвы самой княгини и мамзель Вагнеръ о прилежаніи, успѣхахъ и способностяхъ Машеньки.

Тишина, царствовавшая въ маленькомъ флигелѣ по утрамъ, нарушалась только дѣтскимъ голоскомъ Паша, да легкимъ постукиваньемъ коклюшекъ Евгеніи Ивановны. Федоръ Павловичъ проводилъ утреннее время въ присутственныхъ мѣстахъ по дѣламъ княгини и возвращался къ обѣду.

Но однажды, едва пробило одиннадцать часовъ, дверь съ шумомъ отворилась, и Федоръ Павловичъ, не снимая ни шпона, ни шляпы, очутился передъ женой.

— Что ты, Федоръ Павлычъ? спросила она, испугавшись его печальнаго появленія.

— Енчикъ! вѣдь Новино-то наше!... голосъ его дрожалъ отъ внутренняго волненія.

— Какъ наше?... Кто же выкупилъ?

— Манифестъ, мой другъ, манифестъ!...

— Какой манифестъ?

— Императоръ Николай Павловичъ вступилъ на престолъ, и прощаетъ всѣ казенные начеты.

— Боже мой!... И это правда, Федоръ?

— Правда, правда, Енчикъ.

Цѣлый потокъ благодарности Богу, вылился изъ груди Нолиной. Крѣпко обнялись они съ мужемъ.

Съ этой минуты заветною мечтой Федора Павловича было переселеніе въ Новино. Никогда оно ему не было такъ дорого какъ съ того времени, когда онъ рисковалъ лишиться его навсегда.

Заложивъ семнадцать душъ въ Божетовѣ, Нолины расплатились съ частными, мелочными долгами, построили маленькій флигель въ Новинѣ и переселились туда на житье. Но имъ надобно было заводить въ деревнѣ всѣмъ, начиная съ дышла; у нихъ не было ни лошадей, ни коровъ, ни овецъ. Грустно текла жизнь Евгениі Ивановны, болѣе или менѣе привыкшей къ обществу и теперь совершенно лишенной его. Тянулись дни, проходили мѣсяцы, исчезали годы, не принося ничего, кромѣ горя. Чуть не каждый годъ описывались и Божетово и Новино, а тутъ еще пришло время Пашу отдавать въ гимназію, еще нужно было оторвать частичку отъ своихъ скудныхъ средствъ. Судьба какъ будто гнѣшилась, изобрѣтая способы мучить несчастную семью.

Федоръ Павловичъ, ведя дѣла княгини Блецкой, подавъ просьбу о выисканіи съ Орина за вывезенный имъ хлѣбъ изъ Травина, по уничтоженіи уже незаконной покупки, 3.500 руб.: сумма равная той, которой требовалъ съ княгини временный незаконный же владѣлецъ второй половины Травина, не успѣвшій или не хотѣвшій дѣйствовать такъ какъ Оринъ; но когда послѣдній воспользовался безнаказанно вывозомъ хлѣба, то и Рыкаинъ въ свою очередь требовалъ съ княгини вознагражденія за такое же количество хлѣба. Въ его просьбѣ было сказано—до 3.500 рублей,—а Нолинъ написалъ именно 3.500; на основаніи чего Оринъ разными происками

заставилъ отдать Нолина подъ судъ, какъ ябедника. Только этого не доставало!

Этимъ временемъ пришлось Евгеніи Ивановнѣ ѣхать въ городъ за Машенькой. У дѣтей княгини оказалась окарлатина, классы прекратились; и дѣвочку, чтобы не заразить и чтобы она могла, воспользовавшись этимъ временемъ, пробыть нѣсколько недѣль въ своей семьѣ, спѣшили взять домой. Дѣло было позднею осенью; не отѣхавъ и десяти верстъ отъ Новина, изъѣзженная уже бричка не выдержала мерзлой, шишковатой дороги и рассыпалась; Евгеніи Ивановнѣ пришлось простоять нѣсколько часовъ на холодѣ, пока старались уязать какъ-нибудь бричку; когда же попытка оказалась безуспѣшною, поѣхали за телѣгой въ ближнюю деревню, въ которой и продолжала она путь по страшной колоту. Такое путешествіе не могло пройти даромъ женщицѣ не привычной; она простудилась и получила мучительную болѣзнь, отъ которой страдала десятки лѣтъ. Медицинское пособіе въ первую минуту, можетъ-быть, и предупредило бы послѣдствія, — но бѣдвымъ ли лѣчиться? Еслибъ отецъ ея былъ еще въ это время въ городѣ, онъ вѣроятно не пожалѣлъ бы нѣсколькихъ рублей; но Иванъ Григорьевичъ, получивъ должность карточного комиссіонера, около года уже разъѣзжалъ по вѣрнымъ ему губерніямъ, а Татьяна Осиповна жила въ маленькомъ родовомъ имѣніи, верстъ за пятьдесятъ отъ Новина, исполняя всѣ свои прихоти болѣе чѣмъ когда-нибудь, потому что Иванъ Григорьевичъ получалъ очень порядочные доходы. Недолго однако наслаждалась она жизнью. Проживъ года два въ деревнѣ, она скончалась отъ простудной горячки. Евгенія Ивановна была истинно огорчена: мать все-таки существо незамѣнимое!

Но что же Машенька? Ученье ея идетъ къ концу, хотя дѣвочкѣ едва минуло тринадцать лѣтъ. Много успѣла она, а еще большому нужно было учиться; но княгиня Елецкая года два уже какъ вышла замужъ по страсти за дальняго своего родственника. Княгиня, отказавшись отъ своего титула сятельной, желала, вѣроятно, достигнуть хоть превосходительства и заставила мужа переимѣнить службу: изъ генераль-губернаторскаго адъютанта, онъ сдѣлался командиромъ гусарскаго полка, получившаго назначеніе двинуться къ предѣламъ Польши, гдѣ въ это время начались беспорядки. Страстные

ные супруги не имѣли духу разстаться, и Александра Федоровна со всюю семьей поселилась за полкомъ.

Машенька осталась, жалѣя о товарищахъ дѣтства и довольная наступившею свободою и соединеніемъ съ матерью, которую обожала. Первое время она бросала всѣ науки, не зная, какъ онѣ самолюбивы, и что при малѣйшемъ невниманіи къ нимъ, сама бросаютъ своихъ прежнихъ, особливо несовершеннѣйшихъ знакомыхъ. Черезъ нѣскольکو мѣсяцевъ Машенькѣ пришлось быть въ городѣ у одной изъ бывшихъ своихъ наставницъ; когда та заговорила съ ней по-французски, дѣвочка затруднилась отвѣтомъ. Наставница пристыдила ее и взяла съ нея слово заниматься каждое утро переводами и присылать ихъ къ ней для поправки.

Тѣснота помѣщенія не всегда позволяла Машенькѣ исполнить данное обѣщаніе; флигелекъ Нолиныхъ состоялъ весь изъ одной большой комнаты съ печью по срединѣ, къ которой примыкали тоненькія, тесовыя перегородки, разделявшія комнату на одну порядочную и двѣ клѣточки. Всякое движеніе, всякій разговоръ слышны были въ каждомъ уголкѣ; читать вслухъ оказывалось совершенно неудобнымъ: то она боялась надоесть, то разбудить отца, то показаться смѣшной людямъ... уходила она иногда въ садикъ безъ дорожекъ и деревьевъ, подъ тѣнь двухъ, трехъ ветель, и тамъ исполняла данное обѣщаніе. Переводила нѣсколько фразъ утромъ, изрѣдка читала исторію и географію; но сухое чтеніе не занимало дѣвочку. Ариметика, которая никогда ей не давалась, совершенно была оставлена.

Вообще Машенькѣ сообщены были только самыя элементарныя свѣдѣнія; болѣе всего хлопотали о французскомъ языкѣ, въ которомъ она, пройдя всю грамматику, выучила даже и синтаксисъ. Русскій языкъ оставался совершенно на заднемъ планѣ. Изъ дѣвочки вѣроятно думали одѣлать со временемъ компаньонку для богатой барыни, не умѣющей изъясняться иначе какъ на французскомъ языкѣ, или гувернантку для дѣтей отъ трехлѣтняго возраста много до семи или осьми лѣтъ. У дѣвочки были способности къ музыкѣ, но у княжны Елецкой не оказалось уха, и Машенька остановилась на выученной нотной азбулкѣ. Однимъ словомъ, Машенька не многому училась и ничему не доучилась.

Въ это время въ сосѣдствѣ Нолиныхъ появилось новое

лицо, графъ Злобинъ. Онъ имѣлъ много запутанныхъ процесовъ и обратился къ помощи Федора Павловича, который конечно былъ очень радъ, во первыхъ, служить сослуживцамъ, имѣть хоть маленькую помощь въ своихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, а графъ Злобинъ, по примѣру Елецкой, предложилъ воспитывать вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Пашу. Ноланы съ благодарностью приняли обязательное предложеніе, и Федоръ Павловичъ пѣхалъ взять сына изъ гимназіи. Тамъ учителя говоривши было ему, что онъ губить этимъ мальчика и лишаетъ его основательнаго ученія, что Паша прекрасно идетъ по гимназіи и навѣрное по ступитъ въ университетъ; но Федоръ Павловичъ остался твердъ въ своемъ намѣреніи, и поблагодаривъ учителей, взялъ сына. Паша былъ такъ уменъ и хорошъ собой, что съ свѣтскимъ образованіемъ ему смѣло можно было обѣщать всевозможныхъ успѣховъ, тѣмъ болѣе что въ тридцатыхъ годахъ вышшняго столѣтія свѣтскій лоскъ, знаніе цюстранныхъ азыковъ, хорошія манеры, предпочитались дѣльному образованію въ гимназіяхъ.

Такимъ образомъ Федору Павловичу удалось собственными трудами дать дѣтямъ, хоть и не полное, но достаточное по его средствамъ образованіе.

Графъ Злобинъ, въ изъявленіе своей признательности, подарилъ Нолану десятину строеваго дѣса, а у Евгени Ивановны лежалъ въ комодѣ завѣтный двойной золотой, доставшійся ей отъ покойной матери; съ него и началась постройка новаго домика. Золотой видно принесъ счастье, и домъ невидимо отстроился съ помощью Ивана Григорьевича. Впрочемъ безъ критической минуты не обошлось и тутъ: когда въ домѣ начали уже класть печи, заготовленныхъ матеріаловъ не хватало на половину; у Ноланыхъ не было ни гроша; Иванъ Григорьевичъ былъ въ отсутствіи по своимъ коммисіонерскимъ дѣламъ гдѣ-то очень далеко; продать и заложить нечего; занять негдѣ; Федоръ Павловичъ готовъ ужъ былъ отказать мастерамъ и отложить окончаніе пещей до осени, какъ однимъ прекраснымъ утромъ Машенька начала перебирать разную рухлядь въ старомъ комодѣ. Разсматривая старые кокошники, дырavyя гардины, плаоманные подовѣчники и тому подобныя вещи, Машенька вдругъ увидѣла маленькій розовой сверточекъ, очень замазанный и запыленный сверху; развернувъ его, она чуть не

вскрикнула отъ радости: то были десять новенькихъ, розовыхъ, десятирублевыхъ ассигнацій.

— Машенька, маменька, посмотрите что я нашла!...

Евгенія Ивановна поспѣшила на возъ дочери, и была поражена болѣе самой Машеньки при видѣ денегъ.

— Гдѣ ты это взяла?

Дѣвочка объяснила и передала деньги матери. Кладъ былъ какъ мѣльза болѣе котати. Кѣмъ и когда были положены эти деньги, зналъ одинъ Богъ. Комодъ стоялъ безъ употребленія болѣе семи лѣтъ, сохраняя въ нѣдрахъ своихъ лишь чистый хламъ. Благодаря сотнѣ рублей найденныхъ Машенькой, недостающіе материалы были куплены, печи сложены и мастеровымъ заплачено.

И вотъ, отслуживъ молебень съ водосвятиемъ и окропивъ святою водою всѣ уголки новаго дома, состоящаго уже изъ семи комнатъ, Нолины перешли въ него. Евгенія Ивановна считала себя чуть не царицей. Машенька тоже была невыразимо счастлива; у ней теперь, хоть и проходная, но все-таки отдѣльная комнатка. Съ какою любовью, съ какою заботливостью принялась она устраивать ее! Изъ тесу сколотили ей что-то въ родѣ дивана; изъ рѣдички она спила на него подушки, набила ихъ хлопьями, скупленными во всей деревнѣ за нѣсколько мѣдныхъ копѣекъ, и обтянула старымъ ситцевымъ платьемъ, выкрашеннымъ въ черную краску Импровизировала себѣ письменный столикъ изъ стараго тесоваго ящика, на ножкахъ изъ кольевъ, оклеила его цвѣтною бумагой, верхнюю его площадку установила вырѣзанными и наклеенными на картонъ картинками; отыскала валявшееся на чердакѣ, въ дѣдушкиномъ городскомъ домѣ, старое пятиоктавное фортепiano безъ струнъ, навязала тонкія проволоки и, настроивъ съ грѣхомъ пополамъ, принялась наигрывать сначала мотивы русскихъ пѣсенъ, потомъ мазурки и вальсы. За чтеніе и переводы принялась она теперь посерьознѣй. Вышедшіе въ отставку изъ военной службы два ея дяди, посѣлвшіеся временно у стариковъ Нолиныхъ, полюбили дѣвочку: одинъ выучилъ ее играть на гитарѣ, другой слѣдилъ за ея рисованьемъ. Машенька принималась за все, не оставляя и куколъ; каждый праздникъ она посвящала на дѣланіе ихъ и шитье имъ полныхъ, очель затѣшливыхъ туалетовъ, что развило въ ней способность къ женскимъ работамъ. Читая все что пова-

далось подъ руку, она преимущественно любила стихи. Цѣ-
лыя поэмы Пушкина, Козлова, Бестужева, Баратынскаго,
саисывала и заучивала наизусть. Память дѣвочки, пло-
хая на прозу, легко усвоивала гармонію стиховъ; а ког-
да въ шестнадцать лѣтъ сердце Машеръки забилось слад-
ко и тревожно, она сама начала слогать рѣзмы и писать свой
дневникъ.

Между тѣмъ дѣло Федора Павловича въ судѣ шло сво-
имъ чередомъ; два раза являлся онъ для отвѣтныхъ пунк-
товъ и два раза ему говорили, что вопросы еще не готовы и
что о времени явки ему дадутъ знать черезъ земскую полицію.
Нолинъ, наконецъ подавъ просьбу въ сенатъ, жалуюсь на неспра-
ведливое отдаіе его подъ судъ. Сенатъ потребовалъ отъ губер-
нскаго правленія его отвѣтныхъ пунктовъ. Губернское правленіе
сдѣлало отзывъ, что Нолинъ хотя и говорить, что являлся
къ суду, но по документамъ этого не видно. Узнавъ о та-
комъ отвѣтѣ, Федоръ Павловичъ бросился къ секретарю,
умоляя его сказать истину и не запутывать дѣла. Прика-
занія Орива были дѣйствительны; отзывъ пошелъ въ се-
натъ такъ какъ предполагалось. А явки Нолина къ суду
были записаны въ журналъ. Съ людьми безсовѣстными надо
дѣйствовать умно. Нолина во что бы то ни стало нужно
было оградить себя отъ новаго, взваливаемаго на него пре-
ступленія, ложнаго показанія. Онъ отправился въ губернское
правленіе не во время присутствія; найдя тамъ лишь дежур-
наго, онъ попросилъ его сдѣлать копію съ журнала того числа,
когда являлся къ суду. Приказный за полтинникъ охот-
но переписалъ страничку и подписалъ свое имя. На другой
день такую же копію взялъ Федоръ Павловичъ отъ другаго
чиновника, и съ этими документами явился къ жандарм-
скому полковнику, прося его защиты, говоря, что его
не только отдали подъ судъ, какъ ябедника, ябеда котораго
состояла въ томъ, что онъ сказалъ въ просьбѣ три тысячи
пятьсотъ а не до трехъ тысячъ пяти сотъ, но еще хотять
его сдѣлать агуномъ передъ правительствомъ; онъ объяснилъ
какой отзывъ послало губернское правленіе въ сенатъ и по-
казалъ двѣ копіи съ журнала доказывающія несправедливость
донесенія.

Полковникъ недоувѣрчиво смотрѣлъ на Нолина; сдѣлалъ
ему нѣсколько рѣзкихъ предостереженій, однакожь тотчасъ
же поѣхалъ самъ съ нимъ къ губернатору. Тотъ въ свою

очередь, выслушать въ чемъ дѣло, строго замѣтить, что если это клевета, то Нолину не одобровать.

Пытка честнаго Федора Павловича въ эти минуты была неизобразима.

— Я знаю законъ, знаю чему подвергаюсь въ случаѣ несправедливаго доносенія, сказалъ онъ грустно, но твердо.

И вотъ губернаторъ, полковникъ и бѣдный отставной чиновникъ отправились въ присутствіе.

— Подать мнѣ журналъ такого-то года, мѣсяца и числа сказалъ строго губернаторъ.

Приказаніе исполнено.

Нетерпѣливою рукою перевортываетъ начальникъ листъ за листомъ и наконецъ останавливается.

— Господинъ секретарь, чему подвергается фальшивый донощикъ?

Секретарь все повялъ и съ ужасомъ увидѣвъ, что самъ попалъ въ ту пропасть, въ которую толкалъ невиннаго человѣка.

— Сейчасъ же въ отставку и подѣ суды!... съ подобными чиновниками я служить не могу! кричалъ губернаторъ.

— Ваше превосходительство, я за никому не желаю и прошу объ одномъ, чтобы г. Кульковъ переимѣнилъ несправедливое доносеніе обо мнѣ въ сенатъ.... А его простите! Онъ человѣкъ семейный....

— Это мое дѣло, г. Нолинъ. Вы можете отправляться и быть покойнымъ. Извините, что я не вѣрилъ вамъ; но могли я думать что у меня такіе чиновники?

Семь долгихъ лѣтъ тянулась однакожь дѣло Нолина; и постарѣлъ онъ, и отсталъ отъ усидчивыхъ занятій людей служащихъ, и оправданіе-то было, какъ-то не полное. Сенатъ рѣшилъ вмѣнить ему въ наказаніе (за что?) долговременное нахожденіе подѣ судомъ.

И проходили день за днемъ, полные нужды, лишеній, горя и заботъ для бѣдныхъ Нолиныхъ; но все-таки теперь есть надежда на службу. На слѣдующій годъ выборы: авось-либо?.. Нолинъ поѣхалъ въ городъ, гдѣ ожидала его новая невзгода. Местъ Орива не дремала; партія его была велика и сильна; при разсмотрѣніи дворянскихъ списковъ, она настаивала, что Нолинъ, какъ человѣкъ бывшаго подѣ судомъ и стало-быть неблагонадежнаго, допускать до выборовъ не слѣдуетъ. Эта вѣсть, какъ бомба, упала на голову несчастнаго,

Федора Павловича: „Гдѣ и въ комъ искать ему защиты? У Орина партія, губернской предводителю ему сосѣдъ и старинный пріятель. Господи! Что же это? Неужели никогда не будетъ отрады въ его горькой жизни!...“

Проведя бессонную ночь, на другой день рано утромъ онъ явился къ губерньскому предводителю узнать по крайней мѣрѣ положительно, можетъ онъ быть допущенъ до выборовъ или нѣтъ?

Разсмотрѣвъ дѣло Нолина, предводитель объявилъ всѣмъ настаивавшимъ на его удаленіе отъ выборовъ, что въ несправедливомъ дѣлѣ никого не послушаетъ; еслибъ его покойный отецъ пришелъ съ того свѣта и требовалъ того, онъ и ему бы отказалъ: Нолинъ имѣлъ право баллотировать и баллотироваться.

Но враги, смолкнувъ по необходимости, не вложили оружія въ ножны. Ни одно изъ незначительныхъ мѣстъ, которыхъ домогался Федоръ Павловичъ, не досталось ему. И побѣдъ онъ домой съ смертью въ душѣ; не чѣмъ было обрадовать ему свою Евичку....

А Машенька уже совершеннолѣтняя дѣвушка. Хотѣлось ей и новенькое платьице, и шляпку, не для того чтобы радиться, а чтобы быть хоть немножко въ уровень съ другими. На платьице дарилъ ей въ именины дѣдушка по золотому; на него купить ей Евгенія Ивановна дешевой кисейки, да ситчику, аршина два гроднаплю, косточекъ и каркасу для шляпки, Машенька и сошьетъ сама; шляпка выйдетъ хоть куда. Шила она себѣ и корсеты, и платья; пробовала шить и башмаки, да не удавалось. Цѣлый день, бывало, сидитъ за работой дѣвочка. Была у ней швейская овецка; остригутъ ее весной; Евгенія Ивановна сама отпрядетъ и выкраситъ шерсть; какая-нибудь поускусившій дворюва женщина вычтетъ изъ домашнихъ нитокъ канву, а Машенька вышиваетъ по ней разные коврики, подушки, перевязи, помочи, туфли и продаетъ; плела она и кружева, вязала чулки, и все на продажу; выручить въ годъ рублей тридцать ассигнаціями и не помнитъ себя отъ радости. Всю недѣлю она звала барщинскими днями, а праздники и поздніе вечера своими. Въ праздничи она рисовала и возилась съ дворювыми ребятишками, а вечера читала, писала свой однообразный дневникъ, а потомъ, когда заговорило молодое сердечко, начала сматывать отехи. Часто разсвѣтъ заставлялъ ее придумывать

какую-нибудь, рюму, или чертящую карандашомъ его профанъ, его глаза, даже его картузь... И какъ онъ улаживалъ за нѣю! Но исторія Машеньки составить, когда-нибудь, отдѣльную повѣсть, а теперь вернемся къ общимъ интересамъ семьи.

По возвращеніи Федора Павловича съ выборовъ, обычная, нерадостная жизнь вступила снова въ свои права. Евгенія Ивановна ужь перестала ждать чего-нибудь для себя отъ жизни: скудный обѣдъ, скудный ужинъ, худые башмаки, потасканная шляпъ, ей было все равно! Но дѣти, дѣти!... Бѣдная ея Машенька, по цѣлымъ полугодямъ не видитъ посторонняго лица; принимать они не въ состояніи, выѣзжать и того меньше; лишь къ Ивану Григорьевичу ѣзжали они раза три въ годъ, гдѣ бывали подъ часъ и гости. Вдругъ и это послѣднее развлеченіе прекратилось.

Разъ, подъ вечеръ, отъ Ивана Григорьевича прискакалъ нарочный съ письмомъ на имя Евгеніи Ивановны, и дрожащею рукою распечатала она конвертъ. Что же оказалось въ этомъ посланіи? Ея старикъ отецъ вздумалъ жениться на своей экономкѣ, бывшей ея нянь. Только этого не доставало! Чего стоило Евгеніи Ивановни сообщить эту вѣсть своему мужу, какъ-то всегда не очень расположенному къ тестю. Отъ полноты сердца разбранилъ Федоръ Павловичъ старика, а все-таки рѣшились написать отвѣтъ въ холодныхъ, но покорныхъ выраженіяхъ: не въ ихъ обстоятельствахъ было возставать открыто противъ нелѣпой фантазіи старика, отъ котораго они все-таки получали помощь.

Тяжело было Евгеніи Ивановнѣ видѣть на мѣстѣ матери свою няньку, тоже не очень мягкаго характера; а Нолина каляса воими святыми, что съ этой минуты его нога не будетъ въ домѣ тестя.

Фантазія, однако, и осталась фантазіей. Нашлись добрые люди, возставшіе противъ намѣренія старика, а его тетка—игуменья одного монастыря, уважаемая имъ съ дѣтства, окончателно удержала его отъ глупаго поступка. Дружественныя отношенія отъда съ дѣтми возстановились. Прошло еще лѣтъ пять, въ которыя имѣльце Нолиныхъ нѣсколько разъ подвергалось описи; долги все росли; окончателное раззоренье висѣло надъ головою. Но судьба утѣмалась гнать несчастливцевъ. Первый день облегченія ознаменовался выигрышемъ процесса, тянувшагося лѣтъ двадцать

и привезшаго Нолынымъ двѣнадцать десятинокъ земли въ Нолы. Не много, — но дорога борозда къ загону. Потомъ досталось маленькое наследство. Вскорѣ скончался и Иванъ Григорьевичъ, оставившій дочери тысячъ пятнадцать ассигнаціями. Оплакавъ его искренно и исполнивъ болѣе чѣмъ добросовѣстно его завѣщаніе въ отношеніи къ экономкѣ, Нолыны начали по-немножку устраивать свои дѣла, заплатили долги, улучшили, по возможности, хозяйство и вздохнули наконецъ посвободаѣ. Въ слѣдующій годъ Федоръ Павловичъ былъ выбранъ въ посредники по полюбовному размежеванію, и прослуживъ въ этой должности восемнадцать лѣтъ, оставилъ службу семидесятилѣтнимъ старикомъ. Часто съ своею старушкой женой вспоминаютъ они горькое прошедшее...

30-го ноября
1861 года.

НОВИНСКАЯ.

ОЧЕРКИ¹

II.

ГИМНАЗИИ Сороковыхъ годовъ.

Я поступилъ въ гимназію одиннадцати лѣтъ, своекоштнымъ ученикомъ, въ первый классъ. Товарищи мои были, по большей части, такая же мелюзга, какъ и я; но со втораго и особенно съ третьяго класса шелъ уже народъ рослый, въкоторые носили очки и даже бакенбарды, а въ шестомъ и седьмомъ классѣ были все молодецъ къ молодцу, съ степенною походкой, съ густымъ голосомъ, народъ солидный, державшій себя даже съ надзирателемъ за панибрата, а на нашего брата, мелкотравчатаго, смотрѣвшій почти съ презрѣніемъ.

Самымъ страшнымъ изъ учителей младшихъ классовъ былъ учитель математики Хвостинъ. Это былъ молодой человекъ, довольно красивой, но строгой и неподвижной наружности, въ черепаховыхъ очкахъ, говорившій мало и какимъ-то ровнымъ, металлическимъ голосомъ. Одинъ видъ его наводилъ въ насъ паническій страхъ. Классъ его былъ для насъ сущемо пыткой. Передъ урокомъ его мы особенно усердно молились, клали земные поклоны, давали душеопаительные обѣты: не пить завтра утренняго чая, подать нищенкѣ хлѣбца, положить десятокъ земныхъ поклоновъ на совѣ грядущій, лишь

бы пронеслась мимо грозная туча. Съ замираниемъ сердца слѣдили мы, какъ эта стройная, блѣдная фигура ровнымъ, медленнымъ шагомъ, точно статуя, входила въ классъ и садилась на кафедру. Не было въ классѣ ученика, который бы не задрожалъ, когда Хвостинъ вызывалъ его къ доскѣ отвѣчать урокъ; даже ученики порѣшенные, сами бывшіе на то чтобы ихъ скорѣе выгнали изъ гимназіи, и тѣ робѣли передъ нимъ. Сначала урока идетъ, бывало, все тихо: ученикъ отвѣчаетъ, Хвостинъ молчитъ и ставитъ отмѣтку; но мы уже чуяли по лицу, по голосу его, что буря разразится скоро. Стоило только выйти къ доскѣ ученику потрусавше; онъ и знаетъ урокъ, всѣ мы готовили его уроки отлично, да взглянетъ на Хвостина и растеряется, запутается. Хвостинъ, вмѣсто того чтобы поправить его, навѣсть на дорогу, сидитъ и молчитъ, щипаетъ перо, либо штрикуетъ по списку, точно единицы ставить, или каблукомъ бьетъ о кафедру. Ученикъ еще больше робѣетъ и вретъ. Вдругъ Хвостинъ зарычитъ: „Вздоръ, гвалъ, чепуха!..“ вспрыгнетъ потомъ съ кафедры, подбѣжитъ къ доскѣ, вырветъ мѣлъ изъ рукъ ученика и закричитъ:

— Это что? это зачѣмъ? Развѣ такъ училъ я тебя, остолопина? Вотъ какъ я тебя училъ! Повтори, олухъ!

Ученикъ, оковчательно запуганный, трясется, блѣднѣетъ, краснѣетъ, и ужъ самъ не знаетъ что отвѣчаетъ.

Тогда Хвостинъ прорычитъ глухимъ, сдавленнымъ отъ ярости, голосомъ:

— Выдь вонъ изъ класса! Ученикъ стоитъ ни живъ, ни мертвъ. Вонъ! крикнетъ Хвостинъ, такъ что лампочныя стекла задребезжатъ. Вонъ, скотина! чтобы духу твоего здѣсь не было!

Собственно говоря, на насъ кричали и другіе учителя, но все это было не то: въ тонѣ голоса, въ выраженіи лица Хвостина, мы чувствовали, что это кричалъ злой человѣкъ.

Прогнавъ ученика изъ класса, онъ возвращался на кафедру, опускался въ кресло и сидѣлъ молча нѣсколько минутъ, подперши голову рукой. Винавнику ставилъ въ списокъ нуль, причемъ нерѣдко переправлялъ на нули и всѣ прежнія отмѣтки его, хотя бы тамъ были пятки. Его единицы и нули влекли за собой, во первыхъ, карцерное заключеніе часа на два, а иногда и дерку. Но намъ легче было перенести дерку, чѣмъ высидѣть у него въ классѣ. Раздастся звонокъ, возвращающій

конецъ класса, и какъ гора съ плечъ свалится, такъ бы и разцѣловалъ вѣхъ.

Въ искусствѣ наказывать не мало также отличался у насъ надзиратель за своекошными воспитанниками, Реймерсъ. Это была, какъ и Хвостинъ жестокая натура. Въ классъ, бывало, войдетъ, выводить учениковъ, назначенныхъ въ карцеръ, медленно, тогда какъ въ другихъ случаяхъ былъ очень прытокъ; затворить дверь не спѣша; прилѣтано поклонится учителю; улыбнется намъ и станетъ выкалкать, играя цѣпочкой. Чтобы подольше помучить насъ, онъ дѣлалъ это обыкновенно съ разстановкой, а иногда выкидывалъ и такую штуку: выкалкаетъ ученика, совсѣмъ не отвѣченнаго у него въ спискѣ, да ужъ потомъ и оговорится, что ошибся, не разобралъ фамилии, а у самого физиономія такъ и играетъ, и улыбається-то онъ, и голосъ-то его станетъ такимъ мягкимъ, нѣжнымъ, и зрачки-то у него расширятся, и весь онъ такъ и сияеть счастьемъ. Но блаженнѣйшими для него минутами были тѣ, когда онъ свѣкъ: вызоветъ, напримѣръ, Сокина:

— Не феть, Сокинъ, пожалуйте за мной!

Это значило идти на дерку.

— За чтѣ же-съ, Густавъ Густавычъ? спрашиваетъ Сокинъ.

— Не феть, отъ понокровія кровопусканьице надо сдѣлать, отвѣтитъ Реймерсъ.

Сокинъ почешетъ затылокъ и пойдетъ за нимъ; а Реймерсъ-то торжествуетъ: и цѣпочкой-то часовою играетъ, и перстень-то на указательномъ пальцѣ вертитъ, и ухмыляется-то!

— Подлецъ! крикнетъ, бывало, въ слѣдъ ему кто-нибудь изъ взрослыхъ; но Реймерсъ такъ развѣжится, что и обидиться ужъ не можетъ, а, можетъ-быть, и не прочь бы онъ наказать виновника, да поди-ка разыщи его: товарищество было у насъ въ этомъ случаѣ дружное, своего не выдастъ. А еслибъ и разыскалъ, не рвать же его за уши; пожалуй, и самъ сдачи дасть; придется, значить, инспектору жаловаться, а какъ же доложить ему? Не сказать же, что вотъ молъ меня ученики подлецомъ обругали: неловко! Свѣкъ Реймерсъ собственно-ручно: монополию эту выпросилъ онъ у инспектора подъ тѣмъ предлогомъ, что солдаты дѣлали будто намъ потачки и свѣкли не больно, и свѣкъ мастерски, мочеными розгами, съ разстановками и съ прибаутками, даже нѣмецкіе стихи декламу-

розы, и такъ драмъ, что народъ, ужь выдресированный, и тотъ долго не выдерживалъ и начиналъ просить пощады.

Но вотъ экзекуція кончилась. Реймеръ возвращается въ классъ красный, какъ ракъ; потъ такъ и льется съ лица; онъ обтирается платкомъ и улыбается; но улыбка эта ужь не такъ игрива, какъ прежде; какъ будто бы онъ жалѣалъ, что счастливыя минуты для него такъ скоро улетѣли.

— Дорвался таки, отвелъ свою душу, сытъ, бестія! встрѣчали мы его иногда такими привѣтствіями; но Реймеръ дѣлалъ опять видъ будто не слышитъ.

Грамматикѣ и синтаксису въ первыхъ трехъ классахъ училъ насъ вѣкто Акаѣистовъ. Педагогъ этотъ былъ человѣкъ уже не первой молодости и чрезвычайно бонтоныхъ наклонностей. Бонтоность была для него тѣмъ же чѣмъ для Реймера розги. Вызоветъ онъ, ученика отвѣчать урокъ, и велитъ ему, положимъ, оказать предложеніе съ двумя оказуемыми. Сохрани Богъ, если ученикъ скажетъ примѣръ не въ хорошемъ тонѣ, на примѣръ: „я прошелся и вспотѣлъ.“ Бѣда! Акаѣистовъ замечетъ, покраснѣетъ, засловится спискомъ и поставитъ неблаговоспитанному ученику двойку.

Ученикъ возражаетъ:

— Помилуйте, Петръ Петровичъ, я знаю-съ; за что же-съ?...

— Подите, пожалуста, здѣсь душно и безъ васъ! отвѣтитъ ему Акаѣистовъ, а самъ такъ и горитъ отъ стыда.

— Да чѣмъ же я виноватъ, Петръ Петровичъ, что здѣсь душно? Я знаю урокъ...

— Избавьте меня, пожалуста, отъ объясненій; здѣсь не лакейская! говоритъ Акаѣистовъ, отмахиваясь отъ ученика спискомъ.

Особенно боялся Акаѣистовъ заднихъ лавокъ; народъ сидѣлъ на нихъ все неблаговоспитанный и хорошаго тона рѣшительно не понималъ. Акаѣистовъ только взглянетъ на нихъ, и ужь покраснѣетъ, и закроется спискомъ.

Однимъ изъ моихъ товарищей имѣлъ несчастіе носить не бонтоную фамилію: Отрыжкинъ. Отрыжкинъ былъ для Акаѣистова тѣмъ же чѣмъ была статуя Командора для Лепорелло. Акаѣистовъ не могъ даже смотрѣть на него безъ судорогъ, спрашивалъ его чрезвычайно рѣдко и всегда вызывалъ его такимъ образомъ: сперва спроситъ сосѣда Отрыжкина, а потомъ ужь его самого; „Сосѣдъ нальво!“ скажетъ

онъ. Отрѣзавъ выдѣтъ. Акаѣистовъ закрестя сплоскою, поднесетъ платокъ къ носу, и горитъ, какъ семнадцатилѣтняя дѣвушка.

Такъ какъ Акаѣистовъ ставилъ намъ отмѣтки не столько за знаніе, сколько за бонтовность, то мы его вообще терпѣть не могли, и между нами было нѣсколько гимназистовъ, любившихъ подразнить его. Выдѣтъ, напримѣръ, одинъ изъ такихъ враговъ его къ каѣдрѣ и провозгласитъ во всеусыпаніе: „Позвольте, Петръ Петровичъ, для нужды сходить-съ!“ Господи, что такое сдѣлается съ Акаѣистовымъ! Онъ замечетъ, приложитъ платокъ къ носу, закашляется... Ученикъ повторяетъ вопросъ. Акаѣистовъ соскакиваетъ съ каѣдры, подбѣгаетъ къ окну, но ученику хочется доказать его: „Позвольте же, Петръ Петровичъ! Я не могу больше ждать!“ Акаѣистовъ только и можетъ выговорить: „Ради Бога, форточку, форточку откройте, здѣсь задохнуться можно!“ Ученикъ этимъ довольствовался, и не дождавшись отвѣта, уходилъ изъ класса. Акаѣистовъ могъ простить лѣность отвѣщенную, шалость возмутительную, но нарушеніе правилъ бонтовности ни за что! Счастливейшими минутами для него были тѣ, когда отвѣчали ему ученики благовоспитанные, вымытые, примазанные, причесанные, въ опрятныхъ сюртукахъ, въ лоснящихся не стучащихъ сапогахъ, употреблявшіе выраженія благовоспитанныя,—о, тогда онъ былъ счастливъ! Онъ смотрѣлъ на нихъ такъ ласково, улыбался имъ такъ пріятно, спрашивалъ ихъ такъ долго и ставилъ всегда отличныя отмѣтки, хотя бы урока они и не знали.

Кромѣ учителей и надзирателей, въ первыхъ двухъ классахъ, была еще одна категорія властей—авдиторы. Авдиторамъ назначали учителя лучшихъ учениковъ. Обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы прослушивать уроки подчиненныхъ имъ учениковъ и отмѣтки объ ихъ успѣхахъ подавать учителю. Попасть въ авдиторы считалось не столько лестнымъ, сколько выгоднымъ, потому что аудиторы ставили свои отмѣтки не по знанію, а по личнымъ отношеніямъ и въ особенности вслѣдствіе подкупа. Взятки брались больше съѣстнымъ: калачами, пряниками, мороженымъ, колбасой, а изрѣдка деньгами. Авдиторы смотрѣли на своихъ подчиненныхъ также свысока, какъ учителя на нихъ самихъ, за что подчиненные платили имъ, конечно, ненавистью; а если судьба дѣлала ихъ авдиторамъ и въ число

подчиненныхъ попадался прежній ихъ аудиторъ, то они выжидали на немъ давно накопившую къ нему ненависть.

Учителей почти всѣхъ мы боялись, немногихъ уважали, еще меньшее число любили; уважали за безпристрастіе, за справедливость, любили за доброту, за ласковое съ нами обращеніе,—и горе же было отъ насъ любимцамъ нашимъ! Однимъ изъ такихъ добряковъ былъ учитель французскаго языка, Пикарь, съ которымъ мы познакомились въ четвертомъ классѣ. Вообще съ четвертаго класса обстановка значительно измѣнилась: порка и ставка на колѣни назначалась только въ важнѣйшихъ случаяхъ за особенные подвиги; аудиторство уничтожилось; отношенія съ учителями стали мягче, доступнѣе, искреннѣе; нѣкоторые изъ насъ стали учиться уже не для однихъ только отмытокъ, но и потому что стали интересоваться знаніемъ.

Пикарь былъ старичокъ необыкновенно добрый, называвшій насъ: „дѣтками“, „ребятками“, когда былъ въ духѣ, и—„извозчиками съ палками“, „мужичьемъ необтесаннымъ“, когда сердился. Урокъ у него очень немногіе готовили, да онъ и не требовалъ этого; онъ требовалъ только, чтобы въ классѣ у него сидѣли смирно и слушали. И ужь какъ-какъ мы его не сердили! даже вспомнить совѣстно. Вызываетъ онъ, напримеръ, гренадера или гвардейца (такъ онъ называлъ гимназистовъ взрослыхъ, брившихся и сидѣвшихъ всегда на задней лавкѣ.)

— Ну-ка, скажетъ онъ,—гвардію мою потревожить!

Гвардеецъ выходитъ: ни въ зубъ толкнуть; мелеть, что на языкъ попало, да еще иногда нарочно: знаетъ, да вреть. Напримеръ, онъ знаетъ, что *le père et les enfants* значить: *отецъ и дѣти*, а переводить: *мать на цвѣтахъ*. Станетъ его Пикарь поправлять, а онъ ему и говорить:

— Вы сами-то видно, Петръ Ивановичъ, плохо учились!—да и советъ ему подѣ носъ лексиконъ:—посмотрите-ка въ лексиконъ-то! Чтѣ? Покраснѣлаи? Ужь повѣрьте, Петръ Ивановичъ, не хуже вашего знаемъ, а можетъ еще и почище.

— Ну, посмотримъ, посмотримъ, скажетъ Пикарь, не знаа разсердиться ему или вѣтъ:—что у тебя тамъ въ лексиконѣ означено.

А въ лексиконѣ дѣйствительно означено, что *le père* — мать, *et*—на, *les enfants*—цвѣты: гвардеецъ въ минуты досуга первоначальныя буквы вытеръ, и налѣпилъ вмѣсто нихъ другія.

— Чтѣ, Петръ Ивановичъ? говоритъ торжествующій гварде-

ещь:—съѣди грибы? лучше бы молчали, чѣмъ конфузить себя передъ цѣлымъ классомъ.

Въ это время на задней лавкѣ раздается пѣсня: *Мальбругъ съ походомъ поѣхалъ или На улицу дѣтъ курицы съ птухомъ дерутся*. Раскодилась душа гвардейская: ей и дѣла нѣтъ, что она въ классѣ передъ учителемъ, какъ будто она сама по себѣ, аонъ самъ по себѣ.

— Поди-ка ты сюда, запѣвало! скажетъ Петръ Ивановичъ. Запѣвало идетъ къ каедрѣ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Чтѣ вамъ угодно-сь, Петръ Ивановичъ? Если не ошибаюсь, вы меня спрашивали?

— Тебя, тебя, голубчикъ. Стань-ка здѣсь на колѣни!

— Не становись! загудитъ классъ.

— На колѣни! Тебѣ говорить, аль нѣтъ!

— Не становись! гудитъ классъ.

Не вытерпитъ Петръ Ивановичъ и разсердится не на шутку. Тогда, чтобъ успокоить его, подходитъ къ каедрѣ первый ученикъ и держитъ такую рѣчь:

— Петръ Ивановичъ, я прошу у васъ позволенія сказать нѣскольکو словъ. Между нами и вами произошло недоразумѣнiе. Конечно, нѣкоторые изъ моихъ товарищей передъ вами виноваты, я ихъ и не оправдываю, да они и сами чувствуютъ свою вину. Но вѣдь они ужъ наказаны, наказаны тѣмъ, что раздражили любимаго своего наставника; а что мы всѣ до одного любимъ васъ, въ этомъ, надѣюсь, вы не сомнѣваетесь. Господа, вѣдь вы любите Петра Ивановича?

— Да здравствуетъ, Петръ Ивановичъ, на тысячу годовъ!.. Молодецъ мущина, славный старичокъ! загудитъ голосомъ пятьдесятъ.

— Славныя у него дочки! воскликнетъ какой-нибудь чувствительный гвардеецъ.

Впечатлѣнiе произведено. Петръ Ивановичъ смягчился; но тѣмъ не менѣе онъ все-таки хочетъ показать, что не позволить съ собой шутить и шалостямъ потакать не намѣренъ; а потому и лексиконъ со вставными буквами удерживаетъ у себя съ тѣмъ чтобы показать его инспектору.

— Чтѣ жъ, Петръ Ивановичъ, проговорить печально владѣлецъ лексикона,—обидѣтъ недолго человѣка, особливо нашего брата, сироты мы беззащитныя. Мы васъ любимъ, какъ отца, а если и случится какая шалость, такъ чтѣ же, Петръ Ивановичъ, всѣ подѣ Богомъ ходимъ. И вы были молоды!

— То-то, молоды! Все молоды! А плутовать не молоды? Ужь такъ и быты! На этотъ разъ прощаю; только смотри у меня, держи ухо востро!

— Да ужъ будьте покойны, Петръ Ивановичъ, говорить ему гренадерь, принимая лексиконъ,—а насчетъ плутней, такъ что жь этимъ упрекать-то? И у васъ, небось, рыльце-то въ пушку бывало!—Послѣднія слова онъ договариваетъ уже сядясь на мѣсто.

— Бодлива коровка, да рожки-то сломаны! откликается другой гренадерь.

— И щелкнулъ бы орѣшкомъ, да зубковъ-то нѣтъ! подхватить третій.

Петръ Ивановичъ насупится, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ разсердился, но не вытерпитъ и улыбнется.

— Отъ вы, скажете, ребятки. Поживите-ка съ наше, такъ, можетъ, и ни одного зуба не останется, а у насъ, по милости Божіей, еще есть чѣмъ орѣхи грызть; такъ щелкнемъ, что иной молодицѣ не удастся!

Съ четвертаго же класса мы познакомились съ учителемъ греческаго языка, Трофимовичемъ. Господинъ этотъ былъ замѣчательнъ своею оригинальною методою преподаванія греческаго языка. Собственно изученіе языка онъ отодвигалъ на задній планъ и большую часть урока ведетъ съ нами такія рѣчи:

— Шель я, господа, по лѣстницѣ, и думалъ такую думу: что еслибы мозгъ г. Салова смѣшать съ мозгомъ г. Китова, (это были лучшіе ученики въ классѣ), вѣдь у насъ лѣтъ черезъ тридцать вышелъ бы такой мудрецъ, что самому Сократу не уступилъ бы. Такъ думалъ я, господа, но г. Кисловъ (послѣдній ученикъ въ классѣ и постоянный предметъ насмѣшки Трофимовича) улыбается, и улыбка его не есть одна только физическая улыбка, какъ думаютъ нѣкоторые.... Вообще, въ скобкахъ будь сказано, г. Кисловъ вовсе не такъ глупъ, какъ полагаютъ его завистники. Смыслъ его улыбки такой: „Убирайся, молъ, съ своими Сократами и Гомерами къ чорту, опротивѣли они мнѣ хуже саламаты Герценовской (Герценъ—надзиратель, у котораго жилъ Кисловъ). Кабы не неволя, такъ я бы на греческій классъ плюнуть не захотѣлъ.“ Такъ думаетъ, господа, г. Кисловъ; но не такъ мыслить г. Лапшинъ (плохой ученикъ); а мыслить г. Лапшинъ такъ: „Конечно, Сократъ умъ первокласный, какъ сказывалъ мнѣ

г. Саловъ, и позаимствоваться у него умомъ-разумомъ куда бы не мѣшало. Но неужели же безъ него и опасенья нѣтъ? Жили же наши отцы и безъ Сократовъ, а ужь коли на то пошло, куплю, молъ, себѣ Брюсовъ календарь, такъ всѣхъ твоихъ Сократовъ за поясъ заткну.“ Такъ мыслить г. Лапшинъ, и мысль его находить отголосокъ въ мозгу г. Сатрапова (посредственнаго ученика). Овъ всѣхъ древнихъ и новыхъ мудрецовъ на одну галушку въ сметанѣ промѣняетъ! А г. Кисловъ, господа, все поглядываетъ на часы. „Кабы да еще полчаса побатаалъ, думаетъ онь,—можетъ, мнѣ и удалось бы, наконецъ, поѣсть каши Герценовской (Трофимовичъ Кислова изъ нуля не выпускалъ, за что того Герценъ оставлялъ безъ обѣда и безъ ужина).“

Переводите, г. Кисловъ!

Кисловъ переводить изъ Одиссеи, и вретъ направо.

Трофимовичъ подходитъ къ нему, кладетъ ему руку на плечо и говоритъ:

— Г. Кисловъ, лично я вамъ не врагъ; но становлюсь вашимъ врагомъ, какъ учитель къ ученику, и врагомъ неумолимымъ. Какой злой сатиръ подшутилъ надъ вами, толкнувъ васъ въ греческій классъ?! Зачѣмъ пришли вы незваные на пиршество брачное? За что вы оскорбляете меня съ моими юными друзьями? За что, г. Кисловъ? Зачѣмъ вы издѣваетесь надъ поэтомъ-старцемъ давно погибшей Греціи, поэзія котораго не умретъ, пока не застынетъ кровь въ жилахъ, пока не перестанетъ биться сердце въ груди человѣческой?! Намъ было такъ хорошо безъ васъ! Зачѣмъ вы вторгнулись къ намъ? Какое мы вамъ зло сдѣлали?

Или, напримѣръ, подойдетъ къ Салову и скажетъ:

— Постройте вашу лиру, г. Саловъ, умилитесь сердцемъ и спойте намъ прощальную пѣснь Андромахи. Вообразите, господа, что мы входимъ съ г. Саловымъ во дворецъ старца Пріама, прокрадываемся въ дѣтскую Андромахи и съ помощью талисмана, врученнаго г. Салову одною очаровательнѣйшею нимфой, становимся незамѣченными свидѣтелями сѣдующей сцены. Берите же аккордъ, г. Саловъ! Господа, внимайте!

Саловъ переводить. Трофимовичъ садится съ нимъ рядомъ на скамейкѣ, обнимаетъ его, или вьетъ ему кудри, слушаетъ и комментируетъ такимъ образомъ:

— Прислушайтесь, господа, какіе чудные звуки льютъ

са съ розовыхъ губокъ г. Салова! Замѣчаете ли вы, какъ дрожитъ голосъ несчастной Андромахи? Какъ ласкается она къ своему милому Гектору? Какія горячія и крупныя слезы каплютъ изъ прелестныхъ глазъ ея? Съ какою страстною болью кидается она на грудь своего, обреченнаго гибсана, Гектора? Да, тутъ столько чистой, святой поэзіи, что въ эти минуты я готовъ простить самому г. Кислову, хотя онъ и зѣваетъ во всю глотку. Г. Кисловъ! Вамъ домой пора, а то саламата ваша простынетъ!

Не менѣе наставниковъ замѣчательны были и товарищи мои. Ихъ можно было раздѣлить на три категоріи: одну составляли такъ-называемые нами аристократы. Они безукоризненно одѣвались, говорили между собой по-французски, въ гимназію нѣкоторые изъ нихъ ѣздили съ гувернерами, которые иногда и въ классѣ сидѣли, вели себя вообще прилично, въ рѣзкихъ шалостяхъ никогда замѣшаны не были, съ простолюдинами обращались какъ съ равней,—это впрочемъ потому что центръ, ядро-то въ классѣ было плебейское. Другую категорію составляли разночинцы; учились они хорошо и дурно, въ бытствахъ не замѣшивались, вообще вели себя какъ-то безцвѣтно; оригинальнаго и рѣзкаго въ нихъ было мало. За третью категорію умѣла совершенно иной характеръ. Составляли ее тѣ самые ученики, которыхъ Пикаръ называлъ гвардейцами. Народъ это былъ все рослый, породный, обладавшій многими практическими свѣдѣніями: знали гдѣ книжки съ выгодой можно сбыть, съ разнощниками умѣли торговаться, такъ что покупали съѣстное дешевле прочихъ, умѣли и свидѣтельства о болѣзни поддѣлывать подъ указанный почеркъ, конечно не даромъ, такъ что у гвардіи всегда былъ многочисленная клиентела; по части же трактирной и клубничной были настоящіе спеціалисты; учились скверно, сидѣли большею частію по два, по три года въ классѣ, и такъ какъ бѣольшая часть гвардіи глядѣла вонъ изъ гимназіи, то держала она себя передъ начальствомъ независимо, заискивать, льстить ему не любила, даже, напротивъ, любила подразнить, осмѣять, одурачить начальство, и нужно отдать ей честь, владѣла этимъ искусствомъ мастерски: да гвардейцы затѣмъ только, кажется, и ходили въ классъ, чтобы позабавиться насчетъ властей.

Вызоветь иногда учитель географіи Огаркинъ гвардейца Почкина. Почкинъ сидитъ себѣ и ухомъ не ведетъ,

какъ будто и не слышать; перочиннымъ ножомъ столъ ковыряетъ, или хлѣбныхъ болванчиковъ дѣлать, или играетъ въ кулачную разжималку съ сосѣдомъ, а то просто калякаетъ съ сосѣдомъ о чемъ-нибудь житейскомъ.

— Что жь, вы оглохли, что ли, Почкинъ? говоритъ Огаркинъ.

— Чего-съ? спрашиваетъ удивленный Почкинъ.

— Ступайте къ каедрѣ!

— Сейчасъ, отвѣчаетъ Почкинъ и дѣлаетъ движеніе чтобы встать, но какъ будто никакъ не можетъ.

— Почкинъ, я вамъ ставлю нуль, говоритъ разсердившійся учитель.

— Помилуйте, Матвій Матвѣичъ, за что же-съ? Я выучилъ-съ; позвольте отвѣчать. Чѣмъ же я виноватъ, если сюртукъ скамейкой къ стѣнѣ прижали-съ? Господа, освободите же! говоритъ онъ сосѣдямъ.

Сосѣди, все гвардейцы, съ шумомъ поднимаются съ скамейки и показываютъ видъ какъ будто употребляютъ страшныя усилія, чтобъ отодвинуть скамейку. Происходитъ шумная возня, во время которой, какъ будто по неосторожности, зацѣпляютъ за чернилицы, песочницы, книги, перочинные ножи и роняютъ ихъ на полъ; дѣлаютъ все это они съ пресерьюзнымъ видомъ, и не ухмыляются ни одинъ изъ нихъ. А если въ ихъ компанію попадетъ новичокъ, не выдержать и фыркаетъ, такъ гвардеецъ такого ему бокса всадить, что тотъ въ другой разъ поневолѣ ихъ не выдастъ. Наконецъ, послѣ немовѣрныхъ трудовъ, имъ удается отодвинуть скамейку и высвободить фалду сюртука Почкина. Почкинъ подходитъ къ Каедрѣ, на столѣ которой разложены нѣмыя карты, и ждетъ вопроса.

— Что вы знаете? спрашиваетъ его учитель.

— Все, отвѣчаетъ Почкинъ.

— Что лучше?

— Объ Ирландіи.

— Хорошо-съ. Что жь вы знаете объ Ирландіи?

— Страна эта имѣетъ множество рѣкъ, городовъ; попадаютъ кой-гдѣ и горы, покрытыя лѣсомъ.

— Не знаете ли вы названія хоть одного изъ этого множества городовъ?

— Знаю.

— Ну, какъ же онъ прозывается?

— Который-съ?

— Да который-нибудь; который вамъ по вкусу.

— Въ Ирландіи есть главный городъ, который называется столицею Ирландіи.

Голосъ, взгляды, манеры Почкина такъ были выработаны для роли простака и невѣжи, которую онъ теперь разыгрываетъ, что не могли породить и тѣни подозрѣнія, что онъ смѣется надъ учителемъ. Огаркинъ въ духъ, и потому ему захотѣлось потѣшиться надъ Почкинымъ.

— Хорошо-съ, дѣйствительно столицей, вы сказали правду; но вѣдь столицы имѣютъ названія. Есть столица Москва, есть столица Петербургъ, есть столица Мадридъ. Какъ же называется столица Ирландіи.

— Мадридъ.

— Такъ ли-съ? Не смѣшали ли вы съ какимъ-нибудь другимъ государствомъ?

— Да, бить, это въ Гиспаніи; а въ Ирландіи онъ называется, сейчасъ вспомню,—дуб...дуб...ицъ.

— Прекрасно-съ, дубина, дѣйствительно. Гдѣ же этотъ городъ дубина находится? Покажите на картѣ.

Но Почкину ужъ надоѣло торчать передъ учителемъ: ну его совсѣмъ! Въ своей компаніи веселѣй. А потому онъ рѣшился покончить разомъ, чтобы больше къ нему не приставали.

— Онъ находится между эклентиками, отвѣчаетъ онъ рѣшительно.

Въ классѣ раздается хохоть.

— Между чѣмъ-съ? Какъ-съ? Гдѣ-съ? Повторите-ка-съ! привязывается къ нему Огаркинъ, обрадованный столь счастливому случаю натѣшиться надъ ученикомъ. Ему и въ голову не приходитъ, что не онъ дурачитъ ученика, а ученикъ его, и что классъ аплодируетъ ловкому товарищу. И такъ, ставка увеличилась; вниманіе общества напряжено; всѣ шансы на сторонѣ Почкина: очевидно забастовать было бы глупо. Потому Почкинъ принимаетъ вызовъ.

— Между эклентиками-съ, повторяетъ онъ, ужъ немного, какъ бы, смутившись.

— Что же это за эклентики такія: рѣки, что ль, какія, горы, моря, озера, пустыни, водопады? пристаётъ неотвязчивый учитель.

Почкинъ еще больше смущается; онъ даже краснѣть умѣлъ кстати, и отвѣчаетъ ужь невѣрнымъ голосомъ:

— Во-до-па-ды!

Въ классѣ раздается новый взрывъ хохота.

— Прекрасно-съ. Какіе же это водопады: озерные, рѣчные, или морскіе, что ли?

Учитель очевидно надъ нимъ смѣется, а потому Почкинъ ему уже не вѣритъ.

— Нѣтъ-съ!... отвѣчаетъ, какъ бы окончательно растерявшись, Почкинъ.

Онъ сдѣлался даже жалокъ; но безжалостный учитель рѣшился добить свою жертву.

— Какіе же-съ, какіе же это водопады-съ?

Почкинъ окидываетъ тупымъ взглядомъ товарищей, какъ бы просить у нихъ помощи, и молчитъ.

— Облачные, подсказываютъ ему съ первой лавки.

— Облачные, повторяетъ Почкинъ бессмысленнѣйшимъ образомъ, смотря въ глаза учителю.

Въ классѣ раздается такой громъ хохота, что коридорный надзиратель отворилъ даже классную дверь посмотреть, не произошло ли какихъ серьезныхъ безпорядковъ.

— Садитесь, говоритъ самодовольно, досыта натѣшившійся, учитель и ставитъ Почкину столько нулей, сколько кавточекъ въ списокъ передъ его фамиліей.

А Почкинъ съ триумфомъ возвращается на свое мѣсто; ему жмутъ руки и сыплются похвалы: „Молодецъ Костя, лихо оболванилъ! подѣломъ дураку!“ Но Почкинъ и не улыбнется. Онъ ведетъ себя съ достоинствомъ, скромно, какъ и подобаетъ авторитету.

Случалось, что вся гвардія исчезала на нѣсколько дней. Происходило это оттого, что гвардейцы занимались пѣвческимъ ремесломъ, и занимались пѣть на похороны, свадьбы, храмовые праздники. Одинъ изъ гвардейцевъ пользовался даже извѣстностью въ Замоскворѣчьи какъ *апостольщикъ*. И голосище же у него было! Бывало, какъ хватить октаву, такъ лампочныя стекла задробезжать. Его такъ и звали октавою. „Ей ты октава!“ скажетъ, бывало Цикарь: „поди-ка сюда; разкажи-ка мнѣ, о чемъ у тебя тамъ во французской книжкѣ-то написано.“ Заработавъ деньги, гвардія прогуливала ихъ, а потому въ это время, разумѣется, ей было не до гимназій

Изъ пятого класса я перешелъ въ другую гимназію, гдѣ и кончилъ курсъ.

Въ новой гимназіи было многое не такъ, какъ въ прежней. Главную роль въ классѣ играла уже не чернь, а аристократы, которые разговаривали между собой больше по-французски, въ классы приходили въ перчаткахъ, мамерничали, съ простояюдимами вели себя обидно-снисходительно, какъ будто бы дѣлали имъ честь, если говорить съ ними, а съ нѣкоторыми изъ нихъ, попроще или позастѣбчивѣе, обращались съ явнымъ презрѣніемъ, отвѣчали имъ нехотя, какъ-то бокомъ, не смотря на нихъ, а иногда и совсѣмъ не отвѣчали. Хотя и здѣсь были гимназисты, въ родѣ прежнихъ гвардейцевъ, но ихъ было очень мало и потому они не выдавались замѣтно.

Наказанія были тоже другія: здѣсь не сѣкли такъ часто, какъ въ прежней гимназіи; въ карцерѣ безъ обѣда оставали тоже рѣдко. Самымъ употребительнымъ наказаніемъ была ставка на колѣни лицомъ къ печкѣ или къ стѣнѣ. Для важныхъ преступниковъ былъ изобрѣтенъ особый нарядъ. На нихъ надѣвали куртку и штаны сѣраго солдатскаго сукна и высокій картонаый копакъ, изображавшій звѣриную морду, съ разинутой пастью, и съ огромными разноцвѣтными не то ушами, не то крыльями. Наряженныхъ такимъ образомъ преступниковъ ставили на самое видное мѣсто въ классѣ, иногда на кафедрѣ. Особенною изобрѣтательностью въ наказаніяхъ отличался учитель математики: онъ то клалъ на голову виноватаго книгу или тетрадь; то заставлялъ его держать, въ теченіи всего урока, перочинный ножикъ, перо, зубочистку, книгу, табакерку, смотря по тому въ чемъ уличалъ его; то составлялъ изъ виноватыхъ живую картину. Такъ однажды онъ замѣтилъ, что гимназистъ угощалъ другаго мочеными яблоками; онъ вызвалъ обоихъ съ яблоками, поставилъ ихъ на колѣни другъ противъ друга и велѣлъ одному представить угощающаго яблоками, а другому протянуть руку, чтобы взять ихъ. Эта живая картина показывалась намъ въ теченіе двухъ уроковъ. Или увидить, что ученикъ зѣваетъ, онъ подзоветъ его къ кафедрѣ и велитъ разинуть ротъ, да такъ и стоять съ разинутымъ ртомъ во время всего урока. Всѣ эти наказанія производились безъ всякаго вниманія къ возрасту виновныхъ, такъ что нерѣдко двадцатилѣтніе господа, съ густыми баками, стояли на колѣняхъ, какъ малые ребята.

Что касается до ученья, то оно было здѣсь не трудное: учителя были не строгіе, да и ученики отвѣчали не дурако, вслѣдствіе того что суфлерство процвѣтало въ баснословныхъ размѣрахъ. Нѣкоторые ученики получали круглый годъ отличныя отмѣтки, буквально ни разу не взявъ книги въ руки. Хорошіе суфлеры пользовались у насъ уваженіемъ; сидѣть рядомъ съ ними былъ сущій кладъ,—непремѣнно ятокъ получить; особенно выгодно было сидѣть малорослымъ рядомъ съ великорослыми; на передней лавкѣ подсказывать было гораздо труднѣе чѣмъ на заднихъ. Поэтому случались такіе казусы: самый плохой, безталантѣйшій ученикъ, не умѣвшій вывѣчать даже на подсказываньи, продравшій штаны насквозь, стоя на козлышкахъ, вдругъ ни съ того ни съ сего начинаетъ отлично отвѣчать уроки. Проходитъ мѣсяць, учитель въ восторгѣ: и предъ инспекторомъ-то его хвалить и ставить въ примѣръ другимъ ученикамъ. Настаетъ пересадка; исправившагося дѣтя сажаютъ за отличное на первую скамейку, рядомъ съ лучшими учениками, и опять старая исторія, опять ни въ зубъ толкнуть; наступаетъ новая пересадка; съ первой лавки спускаютъ его на послѣднюю, и опять пошелъ отлично отвѣчать. Обстоятельство это составляло предметъ не малаго удивленія для учителей; даже собранъ былъ педагогическій совѣтъ по этому предмету; не знаю, о чемъ разсуждали на немъ, съ какихъ точекъ зрѣнія разсматривали этотъ вопросъ; но знаю, что и послѣ совѣта суфлерство процвѣтало такъ же, какъ и до него. Впрочемъ простяковъ, рѣшавшихся добровольно промѣнять заднюю скамейку на переднюю, было не много. Они попадали на нее нечаянно, ошибшись въ расчетъ и слишкомъ хорошо отвѣтивъ; но этотъ урокъ не проходилъ для нихъ даромъ: они ужь держали послѣ того, ухо остро, не поддавались искусствѣ получать хорошія отмѣтки: имѣя возможность отлично отвѣчать, они сдерживали себя и отвѣчали посредственно.

Суфлировали обыкновенно не изъ мелкихъ расчетовъ, не для того чтобъ пріобрѣсть обязанныхъ себѣ сосѣдей, а просто ради одного искусства, потому что душа артистическая этого требовала. Вызоветъ учитель исторію отвѣчать урокъ гимназиста Иванова. Ивановъ сидитъ на задней лавкѣ. Прежде чѣмъ онъ всталъ, изъ-за спины передняго ученика выдвинулась раскрытая книга и подставилась такъ, что спина его служить для нея пюльпитромъ; уставкой ея

занимается или самъ Ивановъ или его сосѣдъ. Ивановъ встаетъ, откашливается, сморкается или вертитъ чернильною крышкою; вообще чернильныя крышки служили важнымъ подспорьемъ въ этомъ случаѣ. Во время отвѣта, книга по временамъ исчезаетъ со стола; передній ученикъ отодвигается и показываетъ такимъ способомъ учителю, что передъ глазами отвѣтчика ничего нѣтъ. Между тѣмъ сосѣдъ отвѣтчика не дремлетъ: углубленный въ книгу, какъ будто ему и дѣла ни до чего нѣтъ или показывая видъ, что разговариваетъ съ другимъ своимъ сосѣдомъ, или съ переднимъ ученикомъ, онъ подъ этимъ видомъ подсказываетъ урокъ отвѣтчику, дополняя такимъ образомъ книгу: нельзя же вѣдъ отвѣтчику постоянно глядѣть на чернильную крышку, можно обратить вниманіе учителя, равно какъ нельзя же и суфлеру постоянно подсказывать по той же причинѣ! Но такъ какъ для разговорной формы суфлерства самому нужно знать урокъ, то у насъ завелись очереди; черезъ двоихъ третій непременно долженъ былъ готовить урокъ, а для того чтобы суфлеръ могъ сидѣть ближе къ отвѣтчику, одинъ изъ промежуточныхъ учениковъ выпрашивался изъ класса, или тѣснился къ другому. Часто во время отвѣтовъ, если суфлеръ былъ плохой, или отвѣтчикъ былъ близорукъ, или входилъ инспекторъ, мы завязывали съ учителемъ какой-нибудь любознательный разговоръ, для того чтобы дать время отвѣтчику прочесть или суфлеру подсказать лучше. Суфлерство считалось у насъ такимъ священнымъ дѣломъ, что въ немъ исчезала не только барская спѣсь, но смолкала даже личная вражда. Баричъ не брезговалъ суфлировать простолодину, и простолодинъ не считалъ унижительнымъ суфлировать баричу; враги сходились въ суфлерствѣ какъ друзья, и считали долгомъ выручать другъ друга.

Изъ учителей этой гимназіи самымъ замѣчательнымъ былъ учитель греческаго языка—Опенкинъ. Онъ былъ молодой еще человѣкъ, писавшій въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ журналахъ; но въ то же время былъ престраннаго свойства: вбѣжить въ классъ; не поклонится никому, да и ему никто никогда не кланялся; станетъ передъ скамейкой, сниметъ золотыя очки свои и протираетъ ихъ минутъ десять.

Ивановъ, гимназистъ лѣтъ двадцати слишкомъ, лѣтяй и иной разъ выпившій, но писавшій стихи, начнетъ ему сейчасъ разказывать свои приключенія, а тотъ стоитъ да слушаетъ.

— Какъ, подумаешь, судьба-то играетъ человѣкомъ! говоритъ Ивановъ—всталъ я сегодня чѣмъ свѣтъ, съ тѣмъ чтобы непремѣнно приготовить урокъ вамъ; вотъ, думаю, удиваю-то „миръ злодѣйствомъ,“ особливо Ивана Карпыча (такъ звали Опенкина), и вдругъ что же? Но я долженъ разказать вамъ по порядку. Вставъ, умывшись и Богу помолившись, какъ подобаетъ благовоспитанному мальчику, и облачившись въ нѣкую ветхую дѣвими хламиду.... пошелъ я въ садъ, легъ подъ молодою черемушкой, потянулся, вздохнулъ и—заснулъ. И приснился мнѣ рай Магометовъ....

— Ну, ну! Переводите! прерываетъ его Опенкинъ, улыбаясь, а самъ радъ радешенекъ послушать: хоть и вздоръ, а все же веселѣй чѣмъ возиться съ греческими классиками.

— Не мѣшайте же, Иванъ Карпычъ! возражаетъ ему Ивановъ,—итакъ приснился мнѣ рай Магометовъ; возлежить будто пророкъ всеправедный на ковръ персидскомъ да камень потягиваетъ...

— Ну, ну! это что за вздоръ! переводите!.. снова было останавливается Опенкинъ.

Но Ивановъ не унимается.

— Тутъ садуетъ нѣсколько точекъ, математическихъ точекъ, Иванъ Карпычъ. Вы не подумайте, чтобы что-нибудь другое...

Опенкинъ отходитъ къ окну и начинаетъ или барабанить по стеклу, или часы заводить, или географическую карту приметя на стѣнѣ разсматривать.

Ивановъ однако продолжаетъ.

— За симъ проснувшись, одѣлся, поздоровался я съ тенькой, съ маменькой, пожелалъ имъ всякаго счастья и во всемъ благогаго споспѣшенія, а на враги побѣду и одолѣнїе, пригладилъ елеемъ головку свою, завязалъ веревочкой книжки съ тетрадками, положилъ въ бумажку перышко гусиное съ тряпочкой, и изъ глубины души вздохнувъ, побрелъ я въ школу, печально головой поליкнувъ. Но только что я вышелъ изъ калитки, смотрю, представьте, Иванъ Карпычъ, какой казусъ случился: прехорошенькая дѣвочка бѣжить...

— Ну, ну! Перестаньте! Я вотъ васъ изъ класса вонъ вышлю. Слышите-ли вы? говоритъ Опенкинъ.

— Вотъ, думаю себѣ, хорошо бы нашему Ивану Карпычу... продолжаетъ свое Ивановъ. Но онъ хватилъ въ этомъ случаѣ ужъ черзчуръ. Опенкинъ разсердился.

— Я васъ на колѣни на мѣсяцъ поставлю! Ступайте вонъ! Переводите Нунціусъ!

Нунціусъ хотѣлъ было взять у Иванова книгу; но тотъ такъ саднулъ его въ бокъ, что Нунціуса даже отшатнуло.

— Прочь! „прорычалъ Ивановъ и сталъ переводить: *“Ανδρα μοι ἔννεπε, μοῦσα, πολύτροπον, ὃς μάλα πολλὰ πλάγῃσθι, ἐπεὶ Τροίης ἱερὸν πτολίεθρον ἔπερσε.* Переводится это, Иванъ Карпычъ, такимъ манеромъ: „Едва мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, я сдѣлалъ множество побѣдъ.“

— Переводите, Нунціусъ; а вы убирайтесь вонъ изъ класса! Ступайте вонъ!

— Позвольте, Иванъ Карпычъ. Это былъ вольный переводъ, я могу, если вамъ угодно, и буквально перевести; но за то ужъ, извините, поэзіи такой не будетъ.

— Молчатъ! Я вамъ поставлю нуль, и запишу, что мѣшаете мнѣ заниматься въ классѣ! Да еще пожалуюсь директору на ваши дерзости!

— Это будетъ глупо, Иванъ Карпычъ. Вижу я, и съ горечью вижу, что ошибся въ васъ. Имѣлъ я глупость считать васъ за порядочнаго человѣка, но увы...

Впрочемъ, Опекинъ обыкновенно не приводилъ въ исполненіе ни одной изъ своихъ угрозъ: на слѣдующій классъ повторялись тѣ же разговоры и тѣ же угрозы, и все-таки опять ничего! И такъ круглый годъ! Только одинъ разъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, онъ поставилъ Иванову нуль, да и тотъ на другой день переправилъ на двойку.

Въ классѣ у Опекина (онъ учитъ насъ также и латинскому языку) былъ всегда страшный шумъ, какъ будто никому и дѣла не было, тутъ дѣ учитель или нѣтъ. Всякій занятъ былъ своимъ дѣломъ: одинъ готовилъ урокъ изъ математики; другой завтракалъ; третій рисовалъ каррикатурныя сцены изъ жизни Опекина, и тотъ за это нисколько не сердился; четвертый въ орлянку игралъ. Одинъ сидѣлъ спиной къ Опекину, другой—боккомъ; третій лежалъ уперши голову въ спину своего сосѣда вмѣсто подушки, такъ и урокъ отвѣчалъ лежа, и Опекинъ ничего! Скажетъ только:

— Это чтó за невѣжество?

— Пустяки, Иванъ Карпычъ, отвѣчалъ ему лежащій ученикъ, предразсудки! Сами вы видите, что такъ спокойнѣй... и продолжаетъ отвѣчать лежа. Опекинъ почешетъ заты-

докъ и слушаетъ урокъ. Иногда ученикъ переводить, переводить, да вдругъ и остановится.

— Что жь замолчали? спросилъ Опенкинъ.

— А вотъ сейчасъ; дайте колбасу довѣсть. Еще успѣете, Иванъ Карпычъ! Ну куда торопиться-то! отвѣчаетъ ему ученикъ и довѣдаетъ колбасу, а Опенкинъ ждетъ: или очки прочищаетъ, или зѣваетъ во всю глотку, или ногти обрѣзываетъ.

— Ну теперь слушайте, Иванъ Карпычъ! скажетъ ему ученикъ, довѣвъ колбасу:—будетъ воронъ-то считать! Всѣхъ не пересчитаете!

И Опенкинъ подходитъ, и слушаетъ переводъ.

Или, напримѣръ, разбираетъ ему ученикъ какого-нибудь классика, да вдругъ и спросить его:

— А что, Иванъ Карпычъ, не хотите ли я вамъ щенка подарю? отличный щенокъ. Уши какія!

И Опенкинъ ничего! Улыбнется да скажетъ только:

— Ну, ну! переводите.

А то, бывало, надоѣсть Ивану Карпычу возиться съ разными классиками, раскроетъ *Отечественныя Записки* и читаетъ ихъ себѣ цѣлый классъ на пролетъ; ему и дѣла нѣтъ до насъ.

Оригиналенъ также былъ еще учитель космографіи, Пискаревъ. Онъ былъ одержимъ глубочайшимъ убѣжденіемъ, что всѣ люди, въ особенности же ученики, злоумышляютъ противъ него, строятъ ему козни и даже покушаются на жизнь его. Мысль эта развилась въ немъ до такой степени, что онъ боялся ставить намъ дурныя отмѣтки, боялся позволить себѣ малѣйшее оскорбительное для насъ слово, обращался съ нами предупредительно, изыскивалъ всѣ средства чтобы примирить насъ съ собой, даже льстил намъ. Онъ былъ увѣренъ, что всѣ мы безъ исключенія ненавидимъ его какъ смертельнаго врага, составили общій заговоръ и поклялись отомстить ему не на жизнь, а на смерть. Однимъ словомъ, онъ не сомнѣвался, что жизнь его виситъ на волоскѣ и что мы откладываемъ минуту мести для того только; чтобы помучить его пыткой предсмертнаго ужаса. Мы конечно все это знали, и потому пользовались этимъ, то-есть, совсѣмъ не учились. Попросить онъ кого-нибудь изъ насъ отвѣчать урокъ. Ученикъ встаетъ и начинаетъ пороть отборнѣйшую чепуху. Пискаревъ замѣтитъ ему ласково.

— Вы-съ, кажется..... не совсѣмъ-съ..... такъ..... отвѣчаете..... какъ бы хотѣли?

— Чего-съ? сухо спрашиваетъ у него ученикъ, пристаивно и злокозненно смотря на него.

Пискаревъ ужь и оробѣлъ.

— Довольно-съ, я поставлю вамъ удовлетворительную отмѣтку-съ, четыре-съ, говоритъ Пискаревъ.

— Какъ четыре? За что четыре? Вы шутите? да развѣ я не знаю урока? допрашиваетъ его оскорбленный ученикъ, глядя на него еще свирѣпѣй, нахмутивъ брови и даже выламывая чернилицу изъ стола.

Пискаревъ ужь не на шутку струхнулъ, начинаетъ на дверь поглядывать: не улізнуть ли пока еще есть время?

— Нѣтъ-съ..... вы знаете урокъ..... я сказалъ только..... что можно бы и еще лучше отвѣчать. Впрочемъ, если вамъ угодно, я васъ спрошу въ слѣдующій классъ..... умоляетъ его Пискаревъ.

— Вы меня обидѣли, Иванъ Ивановичъ! Вотъ что! проговариваетъ медленнымъ и зловѣщимъ голосомъ ученикъ, а самъ ужь и за перочинный ножъ берется, и глазами такъ и вѣсть Пискарева.

Тотъ сходитъ съ каѳедры и боязливо подкрадывается къ двери: почему знать, можетъ-быть, еще и удастся спастись, можетъ-быть, еще и не все потеряно? Но, увы, спасенья нѣтъ! Обиженный имъ ученикъ встаетъ съ мѣста и идетъ къ этой самой двери, кидая на него свирѣпѣйшій и безнадежнѣйшій взглядъ, которымъ какъ бы говорить: „Нѣтъ, любезный, пустяки! не улізнешь!“ и со всего размаха захлопываетъ за собой дверь.

Пискаревъ такъ и отпрыгаетъ въ сторону, какъ будто на змѣю наступилъ, взойдетъ опять на каѳедру и опустится на кресло, какъ приговоренный къ смерти: дорога къ бѣгству пресѣчена, злодѣйскій заговоръ открытъ, роковая минута настала! И долго еще послѣ этого онъ не можетъ придти въ себя, озираясь то на зловѣщую дверь, въ которую скрылся его убійца, то на насъ, какъ будто умоляя о пощадѣ; но не отъ кого ждать ему ее: кругомъ зловѣщее молчаніе и мрачныя фигуры враговъ его.

Что касается до методовъ преподаванія, то какъ въ этой гимназіи, такъ и въ прежней они были преимущественно зубрильные. Придирка къ буквѣ и къ фразѣ у нѣкоторыхъ

старыхъ педагоговъ доходила до крайней неаѣности. Напечатано въ книгѣ: „прямая линія есть кратчайшее разстоянiе между двумя точками.“ Не вытвердилъ учитель, какъ слѣдуетъ, что въ книгѣ напечатано, сказалъ по ошибкѣ: „прямая линія есть ближайшее разстоянiе между двумя точками.“ Учитель непремѣнно съ сердцемъ поправилъ его: „кратчайшее, а не ближайшее.“ Но молодые учителя, напротивъ, не только не гнались за буквой, но даже требовали, чтобы ученики отвѣчали имъ своими словами. Господа эти хотѣли подѣйствовать на развитiе мысли, хотѣли возбудить въ насъ любознательность, приучить къ самостоятельному труду, изъ школьничковъ сдѣлать добросовѣстныхъ, сознательно учившихся людей, и для этого употребляли слѣдующiе педагогическiе приемы: учитель русской словесности, напримѣръ, читалъ намъ въ пятомъ классѣ, то-есть, пятнадцатилѣтнимъ мальчишкамъ, замогильныя записки Шатобріана, съ тѣмъ чтобы мы на слѣдующій урокъ разказывали ему то что прослушали, тогда какъ мы не понимали даже цѣлой трети словъ шатобріановскихъ записокъ! Другой учитель, тоже молодой, читалъ намъ въ пятомъ классѣ курсъ логики по лекціямъ профессора московскаго университета. Можете представить, сколько мы поняли! Положимъ, онъ требовалъ, чтобы мы просили у него объясненій непонятнаго для насъ, хотѣлъ снизойдти до нашего пониманія, по крайней мѣрѣ такъ онъ говорилъ намъ; но когда мы просили объясненій, то онъ обыкновенно повторялъ прежнее, почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ, и заключалъ такимъ образомъ: „Кажется, понятно теперь, господа.“

Видя что толку не добьешься, мы конечно отвѣчали, что понятно, тогда какъ рѣшительно ничего не понимали. Былъ у насъ еще учитель русской словесности, тоже молодой, у котораго конекъ былъ сочиненія. Сочиненія считалъ онъ важнѣйшимъ средствомъ для развитiе мышленія и задавалъ намъ для этого всевозможныя темы, и между прочимъ: „Написать исторію музыки“. Червоная тетрадь этого сочиненія, написаннаго мнѣ однимъ старымъ, ученымъ Пѣтцемъ, и до сихъ поръ хранится у меня. Исторія эта начиналась, по моей тетрадкѣ, съ Египта; изъ Египта переходила къ Евреямъ, оттуда въ Грецію, Римъ и т. д. Задавалъ онъ намъ писать и рецензіи на повѣсти, комедіи, драмы, смотря по нашему выбору. Рецензіи наши были не что иное, какъ перифра-

зрѣвка журнальныхъ рецензій; критиковали мы и комедіи Аристофана, и драмы Софокла, и комедіи Мольера, не прочтя ни одной изъ нихъ, и молодой учитель оставался очень доволенъ; мышленіе то-развить—вотъ что главное; а перифразировка тамъ, или выписка откуда-нибудь—это не важно. Разказывалъ онъ намъ и біографіи нашихъ знаменитыхъ писателей, разказывалъ съ увлеченіемъ; но странная вещь: не прочелъ намъ ни одного изъ ихъ сочиненій! Такъ что трудно опредѣлить кто хуже насъ училъ: старые ли учителя зубрили, или молодые развиватели мышленія, и можно сказать только одно, что были у насъ педагоги ходившіе въ классъ въ перчаткахъ, съ шляпой въ рукѣ и раздушенные, были педагоги не умывавшіеся съ тѣхъ поръ какъ нянька перестала ихъ утирать; были педагоги сморкавшіеся въ фуляровыя платки, были педагоги сморкавшіеся и безъ платковъ; и мало ли какихъ было: были даже съ толкомъ и способные педагоги!

Г. ЛОСЕВЪ.

НАРОДНЫЯ ДВИЖЕНІЯ

ВЪ ПОДОЛІИ И НА ВОЛЫНИ

ВЪ 1768 И 1789 ГОДАХЪ

Съ тѣхъ поръ какъ въ Польшѣ возникла несчастная мысль поглотить западную Русь постепеннымъ уничтоженіемъ русскаго языка, русскихъ понятій и русской вѣры, со стороны западной Руси начинается рядъ энергическихъ, весьма часто кровавыхъ протестовъ. Они продолжаются съ исхода XVI вѣка до второй половины XVII-го почти непрерывно; въ это время совершается *первый раздѣлъ Польши*, то-есть отдѣленіе Малороссіи. Московскій договоръ 1686 года, съ которымъ связаны имена царицы Софіи и Голицына, кладетъ начало праву русскаго правительства блюсти за [судьбою православныхъ подданныхъ Рѣчи Посполитой, стать въ положеніе ихъ покровителя или, по крайней мѣрѣ, могущественнаго ходатая, и наконецъ, устами Екатерины и Репнина, формулировать требованіе о правахъ диссидентовъ, которое нанесло послѣдній ударъ расшатавшемуся зданію Польскаго государства.

Нельзя сказать, чтобы русская политика съ особою силой и искусствомъ пользовалась тѣмъ положеніемъ, которое было ей создано Московскимъ трактатомъ. Петръ I былъ развѣ-

чемъ другими дѣлами, а его преемники, не исключая и набожной, во многихъ отношеніяхъ чисто-русской Елисаветы, или во крайней мѣрѣ ихъ министры, не умѣли удовить того историческаго глубоко-народнаго начала, которое могло сдѣлать ихъ вліяніе на Польшу неотразимымъ и несравненно болѣе популярнымъ нежели то, которое открывалось въ дипломатическихъ комбинаціяхъ Остермана и Бестужева. Но между тѣмъ какъ дипломатія наша громоздила затрудненія одно на другое въ польскомъ вопросѣ и, казалось, любовалась своею ловкостію въ разрѣшеніи этихъ затрудненій, исторія,—та глубокая, роковая исторія, которая вытекаетъ изъ духа народнаго, изъ внутренней силы вещей,—совершала свое дѣло. Заднѣпровская Русь, ободряемая очевиднымъ развитіемъ силъ своей восточной половины и вліяніемъ, которое она такъ или иначе пріобрѣтала, неволью, неудержимо шла, рвалась на встрѣчу событіямъ. Православное духовенство относилось къ кievскому митрополиту какъ къ естественному главѣ своему, жалось подъ защиту петербургскаго синода и только отъ русскаго государя ожидало милостей и покровительства, а крестьянство и казачество, на всемъ пространствѣ отъ Припети до нижняго Днѣстра и Сѣчи Запорожской, безпрестанно волновалось и нетерпѣливо рвало путы, которыя связывали его съ Рѣчью Посполитою.

Но чѣмъ болѣе западно-русскій народъ стремился разорвать эти путы, тѣмъ болѣе Рѣчь Посполитая упорствовала ихъ затягивать. Въ это время между патріотами польскими, и особенно между католическимъ духовенствомъ, окончательво сложилась мысль о совершенномъ истребленіи обоихъ греко-восточныхъ исповѣданій и русскаго языка: мысль эта выразилась въ знаменитомъ „проектѣ ксендза-іезуита, (Projekt na zniszczenie Rusi), знакомомъ уже русскимъ читателямъ. И въ то время, какъ на западѣ Европы, да и у насъ начинала торжествовать религіозная терпимость (у насъ не простиравшаяся впрочемъ на раскольниковъ), въ Польшѣ и отчасти въ Австріи¹ совершалось систематическое истребленіе одного изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій—греческаго (православнаго и униатскаго) и одной изъ европейскихъ народностей—славянской.

¹ У меня въ рукахъ находится нѣсколько любопытныхъ документовъ о дѣйствіяхъ по этому предмету правительства Маріи Терезіи.

Я намѣренъ разказать здѣсь два эпизода этой кровавой борьбы между „цивилизующею“ польско-католическою пропагандой и западно-русскимъ народомъ, крѣпкимъ въ своихъ историческихъ преданіяхъ, эпизоды, кажется, еще весьма мало у насъ извѣстныя: одинъ изъ нихъ—народное движеніе въ Подоліи, называемое *Коліивщиною*, другое, такое же, и еще едва ли не сильнѣйшее народное движеніе, совершившееся на Волинѣ. Первое произошло во время Барской конфедераціи, въ 1768 году; второе, которому не дано было развиться во всей его силѣ, обнаружилось двадцать лѣтъ спустя.

Оба эти проявленія одного и того же національнаго чувства находятся между собою въ очевидной органической связи: читатель самъ, впрочемъ, легко въ этомъ убѣдится.

І. Коліивщина 1768.¹

Сто лѣтъ тому назадъ юго-западный край Подоліи былъ пустынею и дикъ. За Уманью, имѣніемъ Потоцкихъ, лежали уже безлюдныя степи, на которыхъ гулялъ вольный вѣтеръ, да такія же вольныя дружины Запорожскихъ казаковъ и Буджакскихъ Татаръ. Умань, это знаменитое имѣніе, воспѣтое въ послѣдствіи классическими французскими стихами, была въ то время ничтожнымъ городишкомъ, безъ ратуши, безъ лавокъ, безъ церкви; принадлежавшія къ нему деревни были разбросаны въ степяхъ на огромномъ разстояніи другъ отъ друга; плугъ бороздилъ лишь окраины этихъ степей, по которымъ носились табуны дикихъ коней, да кишели змѣи; мѣстами темнѣли огромные дубовые лѣса. Запорожцы то и дѣло прокрадывались высокими травами, покрывавшими эти степи, прятались въ лѣсахъ и уводили съ собою цѣлыя деревни пана Потоцкаго.

Въ 1760 году въ Уманьское имѣніе пріѣхалъ новый *губернаторъ*; онъ привелъ съ собою триста драгунъ, при 32 пушкахъ, а черезъ нѣсколько времени удвоилъ число драгунъ и составилъ изъ нихъ regimentъ; образовалъ казачью милицію

¹ Уманьская рѣзня или исторія революціи, произведенной Желѣзнякомъ и Гонтгой, вѣрно и подробно описана очевидцемъ этой ужасной революціи въ рукописи полученной мною отъ В. Н. Бѣозерскаго и представляющей переводъ польской рукописи, хранящейся сколько извѣстно въ Львовѣ, въ библіотекѣ Оссолинскихъ.

конную и пѣшую; съ разрѣшенія своего довѣрителя, одного изъ значительнѣйшихъ магнатовъ того времени, взялъ въ свои руки пограничную судебную юрисдикцію, и такимъ образомъ, былъ въ самомъ дѣлѣ скорѣе „губернаторомъ“ уманьскимъ чѣмъ управляющимъ частнымъ имѣніемъ. Ему захотѣлось цивилизовать, населить и обработать свое губернаторство. Онъ обвелъ Умань стѣною, поставилъ на ней пушки, построилъ ратушу, лавки, костель, вызвалъ изъ Польши шляхтичей, которымъ роздалъ по частямъ уманьскія степи, а для увеличенія крестьянскаго народонаселенія обратился къ самымъ непрощенымъ гостямъ уманьскимъ, — Запорожцамъ. Когда ему случалось захватить партію ихъ или взять нѣсколько плѣнныхъ, они присуждались къ смерти. „Обыкновенно это были люди молодые, крѣпкіе, сильные, здоровые. Если, когда приходило время исполненія приговора, молодому человѣку удавалось понравиться какой-нибудь изъ поселенокъ, и если она, рѣшившись быть его женою, выводила его съ площади обнявъ за шею или набросивъ на него платокъ, то такому счастливцу смертная казнь отмѣнялась. Такимъ образомъ около тысячи парубковъ разстались съ мошенничествомъ, поселились въ деревняхъ и вступили въ семейную жизнь. Но за то, кому не удавалось заслужить любовь какой-нибудь женщины, тотъ безпощадно погибалъ.“

Такъ описываетъ состояніе уманьскаго уголка Украйны неизвѣстный авторъ рукописи объ уманьской рѣзнѣ, человѣкъ, очевидно, близкій уманьскому губернатору. „Состояніе Украйны было самое счастливое“, прибавляетъ онъ. Но видно, не все уманьское народонаселеніе такъ думало. Оказалось, что построенія костела было недостаточно чтобъ обратить уманьскихъ крестьянъ „въ людей изъ безчувственныхъ животныхъ“. Губернаторъ „истребовалъ изъ Рима миссію, понесъ значительные расходы на образки, медальоны, крестики, четки, коронки, съ которыми связано было отпущеніе грѣховъ; все это было раздаваемо въ церквахъ утромъ и вечеромъ, во время духовныхъ поученій...“ Вотъ, можетъ-быть, главная причина того возстанія, которое не замедлило обнаружиться между „счастливыми“ крестьянами Умани.

И не въ однихъ уманьскихъ владѣніяхъ, и не въ одной Украйнѣ, а во всей западной Руси, отъ верховьевъ Двины до нижняго Давѣстра, волновался народъ, и изъ среды его не замедлили выйдти вожди, передовые люди народнаго движенія.

Первый и знаменитѣйшій между ними былъ Георгій Конисскій, получившій въ 1756 году Мясскую епархію. Онъ прѣѣхалъ въ Москву на коронацію Екатерины и успѣлъ, личнымъ своимъ вліяніемъ, указать нашей дипломатіи, въ отношеніи Польши, твердую точку опоры, а именно—вопросъ національный и религиозный. Вскорѣ послѣ него былъ въ Москвѣ и другой изъ народныхъ вождей этой эпохи, гораздо меньше Георгія извѣстный, вовсе не замѣченный исторіей, не политикъ, не ораторъ, не ученый, не великій саяовникъ церкви: простой чернецъ, игуменъ Матренинскаго монастыря, но можетъ-быть еще болѣе своего знаменитаго сверстника имѣющій мѣсто въ преданіяхъ Украйны, можетъ-быть болѣе его воплотившій въ себѣ народныя стремленія, болѣе близкій къ народу, истинный вождь народный—Мельхиседекъ Значко-Яворскій. Эти два человѣка были допущены къ правительственнымъ лицамъ императрицы; въ живой рѣчи, яркими чертами очевидцевъ, изображали они то, что до сихъ поръ доходило до свѣдѣнія нашего правительства обезличенное тяжеловѣснымъ краснорѣчіемъ архіереевъ западно-русскихъ и разведенное канцелярскою прозою синодскихъ секретарей.

Правду оказать, и было что изображать: никогда можетъ-быть, или, по крайней мѣрѣ, давно уже, не обрушивалось на русскихъ подданныхъ Польши такое тяжелое гоненіе, какъ въ это время. Предпринято было систематическое обращеніе ихъ въ унию; съ этою цѣлію учреждены были особыя миссіи, и вотъ какъ дѣйствія ихъ изображаются въ подлинныхъ современныхъ актахъ. ¹ Миссіи дѣйствовали какъ подвижныя колонны, а какой-то Григорій Мокрицкій, офиціалъ (викаріи) уніатскаго митрополита, былъ ихъ колонновожатымъ ²: „Начали съ церковей ближайшихъ къ мѣсту (расположенія)

¹ Акты эти собраны въ брошюрѣ, издаваемой въ 1761 г. въ Кіевѣ, подъ названіемъ: *Архимандритъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій*. Брошюра эта чрезвычайно любопытна, хотя, можетъ-быть, представляетъ изображенныя въ ней происшествія нѣсколько односторонне и, во всякомъ случаѣ, не полно, потому что она основана на однихъ только русскихъ актахъ. Великое народное движеніе, бывшее на Украйнѣ во второй половинѣ XVIII вѣка, и главнымъ образомъ рѣшившее паденіе Польши, равно какъ и вожди этого движенія, требуютъ и заслуживаютъ всесторонняго изслѣдованія. Что нужды, если при этомъ откроется, можетъ-быть, и нѣсколько крови и нѣсколько грязи: таковы всѣ дѣла человѣческія; въ настоящемъ же случаѣ ихъ покрываетъ великая идея.

² *Архимандритъ Мельхиседекъ*, стр. 47.

обоза войсковаго. Первѣе всѣхъ пострадали означенныя въ декретѣ Мокрицкаго мѣста; церкви—Ольшанскія, Баявская и Телепинская насильно были отняты; дома и имущества священниковъ разграблены; семейства ихъ подверглись поруганію; сами же они опаслись бѣгствомъ. Затѣмъ, по всей почти Украйнѣ, появились священныя уніятскія процессіи съ цѣлю обращенія церквей и народа къ униі. Впереди ѣхали инструкторы и инстигаторы (страпчіе), за ними казаки отъ губернаторовъ и комиссаровъ, позади отрядъ жолнеровъ партіи Воронича. Мокрицкій указывалъ путь, давалъ ордонансы и производилъ судъ; Вороничъ казнилъ непокорныхъ. Въ самое непродолжительное время до ста священниковъ были изгнаны изъ приходовъ, дома ихъ разорены, имущества разграблены, жены и дѣти преданы на поруганіе или скитались въ ужасной нищетѣ. Тѣ изъ священниковъ, которымъ удавалось ускользнуть отъ рукъ враговъ, скитались въ горахъ и дѣсахъ, разлученные съ женами и дѣтьми, и сами не имѣя дневнаго пропитанія; иные, претерпѣвъ всякаго рода насилія и мученія, успѣвали убѣжать и пробирались на Днѣпръ. Гораздо большее горе постигало тѣхъ, которые попадали въ руки Мокрицкаго: ихъ тиранили свячески; остригали волосы, забивали въ колодки и отправляли въ Радомысль; тамъ были ихъ немилосердо, давали по 600 и 800 ударовъ¹ и, въ тяжелыхъ оковахъ, заставляли тачками возить землю на валъ, или же отправляли на тягчайшую работу въ Кодню и Львовъ. Не лучше было причетникамъ и мірскимъ людямъ. Церкви Божіи оставались впусť, или занимаемы были уніятскими священниками, которыхъ звать не хотѣлъ народъ православный; во многихъ мѣстахъ повторялись первые годы униі: дѣти оставались некрещеными, умершіе непогребенными.“

Мельхиседекъ изъ Москвы проѣхалъ въ Варшаву (1766) и дѣйствовалъ тамъ самъ лично и чрезъ посредство русскаго посланника. Ходатайства его были услышаны королемъ. Станиславъ-Августъ былъ пораженъ картиною, которую раскрывалъ Мельхиседекъ, и велѣлъ написать къ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ украинскимъ, напоминая имъ о челоуѣколюбіи. Но это заступленіе короля, нисколько не послуживъ

¹ Приговаривая, какъ читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ біографіи Архимандрита Мельхиседека, „се тоби за государыню, за короля, за святѣйшій синодъ, за архіерея, и за вса православныя христіане.“ (Стр. 90.)

Украинѣ, едва не погубило Мельхиседека. На обратномъ пути въ свой монастырь, онъ былъ схваченъ безъ всякой видимой причины, брошенъ въ тюрьму безъ всякаго суда и едва не уморенъ голодомъ. Желѣзная натура этого человѣка все перенесла однакожь, и онъ, хотя полуживой, неожиданно явился посреди своей братіи.

Но католики и уніаты затѣвали опасное дѣло. „Берегись, сказалъ однажды Мельхиседекъ Мокрицкому,—бо то не съ Жидами справа!“ Мельхиседекъ могъ бы прибавить: не забудь, что и Сѣчь Запорожская не за горами!

Тотъ кто сказалъ бы, что Запорожцы жили скорѣе какъ язычники нежели какъ христіяне, былъ бы, я думаю, не далекъ отъ истины. Но въ душѣ каждаго изъ нихъ была и религіозная струйка; рѣдкій казакъ не удѣлялъ части своей добычи церкви, построенной въ Сѣчи. Многіе изъ нихъ, накупавшись въ винѣ и въ крови, вдругъ предавались горячей, страстной набожности, отправлялись въ Кіевъ, распростирались ницъ предъ тамошнею святыней, украшали образа золотомъ и жемчугомъ, ходили изъ монастыря въ монастырь, проживали недѣли и мѣсяцы въ монашескихъ келіяхъ, молились, постились, а случалось, что и навсегда въ нихъ оставались. Однимъ изъ монастырей, куда нерѣдко прихаживали Запорожцы, былъ Матренинскій ¹. Построенный среди дремучаго лѣса, на высокой горѣ, съ убогими деревянными келіями для монаховъ, онъ могъ привлекать Запорожцевъ именно суровымъ своимъ видомъ и строгою жизнью братіи. Въ немъ жилъ, между прочимъ, въ качествѣ послушника, и будущій предводитель Коліивщины, Максимъ Желѣзнякъ ². И вотъ въ этихъ-то бѣдныхъ кельяхъ, изъ которыхъ открывался [видъ на опустошаемую Украину, при обмѣнѣ мыслей между казаками и монахами, можно думать, возникла мысль о томъ страшномъ набѣдѣ Запорожцевъ и о томъ страшномъ возстаніи крестьянъ, которые произошли въ 1768 г.

Въ началѣ 1767 года, вмѣстѣ съ однимъ монахомъ Матренинскаго монастыря, ѣздившимъ въ Сѣчь, прибылъ въ обитель Мельхиседека какой-то Запорожець, по имени Иванъ. Это было въ самый разгаръ неистовствъ уніатской миссіи. За стѣнами монастырскими, какъ и въ окрестныхъ селеніяхъ,

¹ Въ Кіевской губерніи.

² *Архив. Мельхиседекъ*, стр. 83.

только и рѣчи было, что о преслѣдованіяхъ и мученіяхъ претерпѣваемыхъ Украинцами. Чудно показалось удалому гультаю это долготерпѣніе народа. „Доки вы, отци, будете тутъ сидити и нужду черезъ тихъ проклятихъ унѣять терпѣти?“ сказалъ онъ однажды монахамъ. „Когда-бы вы мину написали листъ до Гарду чтобъ голода тутъ прибуда, тобъ я ихъ до Велика-дня (Пасхи) повыгонявъ, и вы-бъ на Великъ-день пасхи святили.“—„Нехай, порадимось“ (посоветуемся), былъ ему отвѣтъ.

Приведенный разговоръ казаковъ и монаховъ вноситъ много свѣта въ обстоятельства объясняющія начало Коливщины; а если припомнить при этомъ пребываніе въ Матревинскомъ монастырѣ самого Желѣзняка, посвѣщеніе монахами Свѣчи и Запорожцами украинскихъ обителѣй, то ближайшіе поводы грознаго наѣзда гайдамаковъ и возстанія крестьянъ дѣлаются достаточно ясными, и для объясненія ихъ нѣтъ надобности прибѣгать къ тайной будто бы подсылкѣ отъ русскаго двора знаменитаго манифеста, о которомъ скажемъ ниже. Болѣе нежели вѣроятно также, что *народное* движеніе 1768 г. было противодѣйствіемъ *шляхетскому* движенію, извѣстному подъ именемъ Барской конфедераціи. Мысль эту высказываютъ и нѣкоторые польскіе писатели или ихъ послѣдователи, мы же имѣемъ на это и болѣе положительное указаніе. Вотъ, напримѣръ, актъ, относящійся къ началу 1789 года: „Съ начала 1768 г., то-есть съ начала барскаго шляхетскаго движенія, мы терпимъ великія утѣсненія съ потерей нашей даже жизни и съ насильственнымъ забраніемъ части казаковъ на услуги этой Барской конфедераціи; но все это мы сносили терпѣливо. Вышесказанные эти двигатели, какъ всѣмъ извѣстно, войдя въ границы Порты Оттоманской, соединившись съ войсками татарскимъ и турецкимъ, и возвратившись недавно оттуда назадъ въ Польшу (то-есть въ Подолію) съ частію этихъ войскъ, угнѣздились въ Крутыхъ, Чечельникъ и Бершадѣ, гдѣ безъ всякаго состраданія къ намъ вымогали послѣднія наши средства къ пропитанію. Союзникъ же конфедератовъ, татарскій ханъ, забиралъ въ неволю парней и дѣвицъ, истреблялъ людей обоего пола, и загоняя ихъ по пятидесяти и болѣе въ хаты, сожигалъ. Видя все это, заключаетъ приводимый актъ, подписанный осымнадцатію казаками Брацлавскаго и Кіевскаго воеводства и другими,—мы принуждены соединиться со войсками импе-

ратрицы всероссійской, чтобы защитить себя и семейства наши и отмстить за причиненное намъ раззореніе“.¹

Какъ бы то ни было, Запорожцы поднялись и вступили въ Подолію подъ предводительствомъ Желѣзняка, а на встрѣчу имъ, какъ во времена Хмельницкаго, поднимались крестьяне и мѣстные казаки. „Украинская чернь, пишетъ одинъ Полякъ-современникъ,—всегда дышащая ненавистью къ Полякамъ, отказавшись отъ послушанія своимъ господамъ, въ большомъ количествѣ начала соединяться съ вышеупомянутыми казаками“². У этой „украинской черни“ не замедлилъ явиться свой вождь: уманьскій казакъ, сотникъ Гонта,—„красивый, стройный, высокаго роста, счастливый казакъ, Гонта, постоянно отправляемый на подѣзды во время вторженія грабителей съ которой-нибудь стороны, и всегда тамъ отличавшійся, любимый всею Украиною“³. При первомъ извѣстіи о движеніи Запорожцевъ, онъ въ командѣ полковника Обуха былъ высланъ въ ту сторону, откуда ожидалось нападеніе. Скоро замѣчено было, что онъ имѣеть сношенія съ какими-то подозрительными людьми и куда-то уходитъ по ночамъ изъ обоза. Полковникъ донесъ объ этомъ губернатору; захвачено было нѣсколько человекъ изъ тѣхъ, съ которыми Гонта имѣлъ подозрительныя сношенія; захвачены были и нѣкоторыя бумаги, но въ нихъ ничего важнаго не нашлось: онъ обнаружили только всеобщее „отвращеніе отъ уни, ропотъ на воспрещеніе посвѣщать святаыя кievскія пещеры подъ опасеніемъ проклятія...“ Губернаторъ вызвалъ Гонту, и надѣясь привлечь его милостями, ласкалъ его, сдѣлалъ для него и для всего войска балъ, пилъ ихъ общее здорье, а уманьскіе Жидки осыпали Гонту подарками и между прочимъ поднесли ему блюдо наполненное золотомъ: видно важный уже человекъ былъ сотникъ Гонта!

Между тѣмъ запорожское движеніе приближалось къ Умані; одно за другимъ приходили извѣстія, что тутъ и тамъ вырѣзали Евреевъ, подняли на коньѣ ихъ имущества и дома; поссессоры, экономы, ксендзы, Евреи, уніятскіе священники съ своими семействами, захвативъ съ собою кто что могъ, сбѣгались отовсюду въ Умань, подъ покровительство ея стѣнъ и

¹ Соч. Бродовича, о которомъ будетъ сказано ниже. Приложение А.

² Основа 1862 г. № 2.

³ Уманьская рѣзня, рукопись.

ея пушекъ. Губернаторъ опять сдѣлалъ балъ съ иллюминаціей и пушечными выстрѣлами; красивый и ловкій Гонта опять у всѣхъ былъ на виду, къ нему обращались, его разспрашивали; онъ смѣялся надъ общею тревогой. На другое утро все войско было приведено къ присягѣ и начальникамъ сообщена диспозиція: пѣхота при приближеніи Запорожцевъ должна была ударить на нихъ выйдя изъ крѣпости, а конные казаки, въ числѣ которыхъ былъ и Гонта, заранѣе выслаанные въ обозъ, должны были въ то же время ударить съ тыла.

„Въ понедѣльникъ, наканунѣ Св. Іоанна (24-го іюня)¹, около десяти часовъ, пикетъ далъ знать Младановичу (губернатору), что подступаетъ какое-то войско. Младановичъ въ ту же минуту велѣлъ ударить сборъ и становиться въ ружье. Выстроились regimentъ, казаки (пѣшіе) и *зеленая* милиція. Положеніе дороги было таково, что съ одной стороны были высокія валы, а съ другой—гошпиталь и крутая покатость, ведущая къ рѣкѣ Уманькѣ. Дорога эта была для наступающихъ тѣсна (не позволяла имъ развернуться), однако они направлялись прямо къ воротамъ, ничѣмъ не обнаруживая впрочемъ неприязненныхъ намѣреній. Случайно въ это время находился въ Уманѣ бернардинскій квесторъ (сборщикъ); надѣясь, что его не будутъ тревожить, онъ выѣхалъ изъ Уманѣ еще до тревоги, наткнулся на подступающихъ, и мгновенно былъ поднятъ на пики. Это обнаружило ихъ намѣреніе. Раздался (съ крѣпости) пушечный выстрѣлъ; но когда никто не палъ отъ него, Младановичъ оттолкнулъ пушкаря, самъ навелъ пушку и усѣялъ всю дорогу трупами; второй и третій выстрѣлы точно также сдѣланы были безъ промаха....“ Запорожцы скрылись, но канонада съ крѣпости продолжалась, чтобы дать знать объ опасности казакамъ, находившимся въ обозѣ. „Младановичъ смотрѣлъ въ свою подзорную трубу и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, чтобъ его распоряженіе было исполнено. Его удивило, что Гонта показался только къ пяти часамъ, и то безъ Обука. Онъ остолбенѣлъ, увидя это, и стоялъ какъ убитый; когда же увидѣлъ, что Гонта, вмѣсто

---

¹ Мы встрѣчаемъ разморѣіе между нашими источниками относительно числа: *Уманьская рѣка* написанная очевидно относится занятіе Уманя казаками къ Иванову дню (24-го) а авторъ записки напечатанной въ *Оснѣжъ* къ 20-му. Мы прилимаемъ свидѣтельство рукописи, какъ писанной самимъ участникомъ событія.

того чтобы начать атаку, приближается къ неприятелю, и когда оба войска, сойдя съ коней, стали цѣловаться, онъ замеръ и не могъ произнести ни слова.“

О защитѣ нечего было и думать: на казаковъ, находившихся въ крѣпости, очевидно, тоже нельзя было положиться. Вечеръ и ночь прошли, для всего стѣснившагося въ Умани народонаселенія въ мучительной тревогѣ. Утромъ Гонта потребовалъ свиданія съ Младановичемъ. Ворота открылись, и Гонта въѣхалъ въ крѣпость съ нѣсколькими всадниками подъ знаменемъ, на которомъ былъ „вышитъ портретъ императрицы.“ Переговоры были не долги: вѣсьмъ было ясно, что крѣпость защищаться не можетъ. Губернаторъ, его подчиненные, обыватели Умани и сбѣжавшіеся туда жители окрестныхъ мѣстъ, кинулись въ костелъ,—а всего этого народа было много: однихъ посессоровъ (арендаторовъ) было тогда въ Умани 226¹. Ворота оставались отворенными и Запорожцы безпрепятственно вошли въ нихъ. Желѣзнякъ и Гонта отъѣхали въ сторону и стали что-то между собою говорить; затѣмъ послѣдній, обратясь къ войску, сказалъ: „Може, братья, часъ распочати дило?...“

Этò было сигналомъ къ совершенію самой страшной мести. Казаки кинулись къ костелу. Одинъ изъ нихъ, остановясь въ дверяхъ и увидѣвъ передъ собою огромную толпу людей, крикнулъ своимъ: „Вспомогайте!“ Тотчасъ влетѣла толпа казаковъ. Дамы стали снимать съ себя браслеты, золотыя цѣпи, кошельки съ деньгами, надѣясь умилостивить казаковъ. Явился и Гонта. Одинъ изъ казаковъ сказалъ ему, что „Ляховки“ просятъ отпустить ихъ.

— А що съ тобою буде, коли ихъ перепустить? отвѣчалъ сурово Гонта и оттолкнулъ его.

Отыскали Младановича, тоже забившагося въ церковь. Отъ уманьскихъ крестьянъ посыпались на него жалобы: они, очевидно, распяляли себя къ убійствамъ. Первый ударъ нанесъ былъ Гонтою: онъ убилъ, вытащивъ изъ костела, одного изъ уманьскихъ Поляковъ....

Младановичъ съ своимъ семействомъ былъ въ первую минуту пощаженъ. Гонта приставилъ даже къ нему казака, который долженъ былъ охранять его и проводить *во дворецъ* съ площади передъ костеломъ, на которой разыгрались казачьи

¹ Основа 1862, № 3.

сабли¹. „На улицахъ и въ домахъ кололи, рѣзали, убивали, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на лица, ни на плачь и просьбы; пронзенныхъ пиками младенцевъ бросали вверхъ...“ Не было пощады и въ храмахъ: одного ксендза искололи у алтаря и потомъ повѣсили „между жидомъ и собакою“. „То же самое происходило и съ находившимися въ базилианской (уніятской) капеллѣ: здѣсь ксендза, Костецкаго, сперва изранили выстрѣлами, потомъ, когда онъ собиралъ съ земли и съѣдалъ, выброшенные сволочью, на поношеніе, святыя дары,—закололи пиками и бросили въ канаву. Перебили отцовъ: Яна Левицкаго, вице-ректора, Илью Миревича, Либерія Очавскаго и Маевского.“ Но страданія ихъ не ограничились мгновенною смертію: сначала ихъ гоняли по городу, повуждая нагайками и приговаривая: „Уніятскіе воли!“ „Не меньшимъ жестокостямъ подверглись Жиды, которыхъ погибло до трехъ тысячъ“².

Уставъ отъ убійствъ, казаки и крестьяне уманьскіе вздумали перекрещивать уніатовъ. Цѣлую толпу потащили къ одному изъ православныхъ священниковъ бывшихъ въ Умані, а когда тотъ сталъ представлять, что таинство крещенія уже было совершено надъ ними по христіянскому обряду, хотя и не православному, то и его убили. За то нашелся другой, который находилъ, что окрестить лишній разъ не мѣшаетъ: крѣпче будетъ.

Пока одни занимались убійствами, другіе крещеніемъ — третьи предались грабежу; на площади сложены были кучами платья, домашняя утварь, серебро и золото. Казаки гарцовали на дорогахъ жеребцахъ пана Потоцкаго; другіе покачивались въ его рессорныхъ каретахъ, приговаривая: „Якъ Ляхи собі догодно издять!“

Такъ прошелъ страшный день 24 іюня. Вечеромъ этого дня, Желѣзнякъ и Гонта велѣли привести передъ лицо свое значительнѣйшихъ изъ обитателей Умані и по очереди объявляли то тому, то другому: „будешь жити“; или „не будешь жити.“ Между тѣмъ множество валяющихся труповъ, кото-

¹ Уманьская рѣка.

² Основа 1862 № 3. Рюльеръ опредѣляетъ число всѣхъ погибшихъ во время возстанія до 200.000,—цифра очевидно страшно преувеличенная. Вообще иностранцы и особенно польскіе источники о Коляцицѣ не могутъ быть приняты съ безусловною вѣрой. Мы ихъ приводимъ, не имѣя еще въ виду другихъ.

рые уже начинали издавать смрадъ, дѣлали пребываніе въ Уманѣ нестерпимымъ. Казаки были выведены изъ города, въ которомъ, между тѣмъ, начали прибирать мертвые тѣла, хороня однихъ, наполняя колодцы другими¹.

Въ лагерѣ казачьемъ шли, между тѣмъ, гульня и пированье. Гонта, подкрасившій, какъ видно, свою казачью натуру шляхетскими манерами, вздумалъ сдѣлать балъ и пригласилъ оставшихся въ живыхъ членовъ семейства Младановича и жену своего бывшего полковника Обуха. Онъ танцовалъ, говоритъ очевидецъ событія,—и танцовалъ только съ нею, и всякій вечеръ, во все пребываніе казаковъ подъ Уманью, повторялись эти получудовищныя, полушутовскіе балы.

Еще до взятія казаками Умани Подолія волновалась. Когда же сокрушена была сила панская, поднялась вся Уманщина и сосѣднія волости. Въ сказаніяхъ современниковъ и очевидцевъ, мы читаемъ, съ одной стороны, что крестьяне сосѣднихъ съ Уманью деревень выпросили у Гонта дѣтей Младановича и охраняли ихъ какъ собственныхъ дѣтей своихъ; съ другой, находимъ тамъ же, что „панское тѣло“ было причиною смерти весьма многихъ, безъ всякой другой съ ихъ стороны причины. „Покажи тѣло“ говорили крестьяне,—и у кого оно оказывалось загорѣлымъ, темнымъ, хлопскимъ, тому была пощада; въ противномъ случаѣ рѣдкому удавалось избѣгнуть смерти.

Возстаніе охватило едва не половину Подоліи. Въ мѣстечкахъ: Грановѣ, Теплинѣ, Дашовѣ, Тульчинѣ, Монастырищѣ, Гайсинѣ, Конелѣ, Басовнѣ, Ладыжинѣ, и въ смежныхъ деревняхъ Поляки и Евреи подвергались тѣмъ же жестокостямъ какъ и въ Уманѣ. Кромѣ того весь край, по которому проходилъ Желѣзнякъ съ своими Запорожцами, отъ границъ Польскаго королевства до Умани, поднимался при ихъ приближеніи. Сотникъ Шило пробрался до Турецкой границы и напалъ на Балту, гдѣ перерѣзалъ шляхту и Евреевъ; онъ схватился и съ Турками, занимавшими часть этой пограничной крѣпости—саучай, которому барскіе конфедераты и французскіе агенты въ Константинополѣ безъ сомнѣнія не преминули придать размѣры международнаго вопроса...

Желѣзнякъ и Гонта собирались возобновить Хмельничину

¹ Уманская рѣка.

въ полномъ ея объемѣ и пронести народное возстаніе по всему Подолу, по Волинѣ и Полѣсью.... И это могло имъ удался, судя по тому что произошло въ этихъ мѣстахъ двадцать лѣтъ спустя и по тому обстоятельству, что прибывшіе случайно въ Умань пятьдесятъ Радзивиловскихъ казаковъ немедленно пристали къ гайдамакамъ. ¹ Мудрено предсказать, что было бы тогда съ Рѣчью Посполитою при ея тогдашнемъ безсиліи, при раздѣленіи на партіи, при ея всеобщемъ разложеніи.... если бы не явились на помощь русскія войска.

Дворъ Русскій былъ въ это время въ тѣсномъ союзѣ съ дворомъ или правительве, съ королемъ польскимъ, и возведя его на престолъ, поддерживалъ на немъ въ противность большинству польской шляхты и не смотря на то что этотъ слабый, жалкій союзникъ безпрестанно изъ-подъ одного вліянія переходилъ подъ другое, былъ равно бесполезенъ и намъ, и Полякамъ, и возбуждалъ какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, презрѣніе. По смыслу только что заключеннаго союза, правительство наше было обязано оказать помощь правительству варшавскому.... Въ минуту полного разгара торжества казаковъ и крестьянъ, Желѣзняку и Гонтѣ дали знать, что въ виду ихъ обоза появились Донцы. Они встревожились. Послали спросить, пріятели это, или непріятели, и получивъ ободрительный отвѣтъ, поѣхали брататься съ Донцами ², переѣзжались съ ними и повели ихъ въ свой обозъ. Донской полковникъ, по фамиліи Гологрива, осматривалъ съ ними Умань, пировалъ съ Желѣзнякомъ и Гонтою. Донцы пировали съ Запорожцами, но пировали осторожно и пили мало. На ночь Донцы расположились бивакомъ бокъ-о-бокъ съ запорожскимъ обозомъ. На слѣдующее утро опять тѣ же пированія и тѣ же знаки взаимной довѣренности. Гологрива вполнѣ одобрялъ намѣреніе казачьихъ предводителей распространять возстаніе въ Брацлавскомъ и Волинскомъ воеводствахъ; совѣтовалъ только не рѣзать Поляковъ, а забивать ихъ въ колодки, для чего и предложилъ заказать крестьянамъ надѣлать побольше колодокъ. Черезъ два дня ихъ было надѣлано и доставлено нѣсколько тысячъ. Этого только и ожидалъ Гологрива: онъ собралъ своихъ Донцовъ и приказалъ

¹ *Уманьская рѣзка.*

² Здѣсь опять между нашими источниками разпорѣчія. Мы принимаемъ свидѣтельство автора *Уманьской рѣзки*, какъ болѣе подробное.

имъ, какъ смеркнется, начать съ Запорожцами попойку, но самимъ пить осторожно; въ полночь отогнать безъ шума запорожскіе табуны и до утра подъ разными предлогами не отпускать отъ себя Запорожцевъ. Сдѣлавъ эти распоряженія, полковникъ послалъ гонца къ генералу Кречетникову просить, чтобы къ разсвѣту прислано было ему свѣжее войско. Дѣйствительно, въ сосѣдній лѣсъ было скрытымъ образомъ введено 1.200 карабинеровъ, готовыхъ по первому призыву явиться на помощь Донцамъ.

Рано утромъ Гонта пріѣхалъ къ полковнику и развязно вошелъ въ наметъ, подъ которымъ тотъ спалъ. Поздоровались. Гологрива велѣлъ подать себѣ чаю и сталъ пить его одинъ. Гонта попросилъ налить и ему, но полковникъ отвѣтилъ ему на это оплеухою, говоря. „Не тебѣ со мною пить! не тебѣ!“ и тутъ же велѣлъ забить въ приготовленныя колодки и его и тѣхъ которые съ нимъ пріѣхали. Въ то же время посланными отъ Гологривы людьми были, каждый особо, закованы Желѣзнякъ и другіе казачьи старшины. Получивъ увѣдомленіе, что все это исполнено, полковникъ велѣлъ трубить. Это было сигналомъ, по которому карабинеры вышли изъ лѣса и окружили гайдамацкій обозъ. Запорожцы схватились было за сабли, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, но неожиданное присутствіе пѣхоты видимо озадачило ихъ, такъ что Донцы, одними нагайками, уничтожили всякое сопротивленіе. Оставалась только вязать и забивать въ колодки.

За тѣмъ началась расправа: розги и нагайки пущены были въ дѣло Гологривою. Прежде всѣхъ принялись за заводчиковъ, Желѣзняка и Гонту. Около полудня пріѣхалъ Кречетниковъ и та же расправа повторилась, но въ большихъ размѣрахъ. И это возобновлялось всякій день. Нагнанные же гайдамаками вещи, какія при нихъ нашлись, были отобраны и привезены къ генералу Кречетникову. Генералъ однако, какъ замѣчаетъ современникъ, записками котораго мы руководствуемся, никому ничего не возвратилъ, находя, что военная добыча есть собственность побѣдителя.

Кречетниковъ простоялъ подъ Уманью до октября. Въ это время прибылъ туда великій гетманъ коронный, Браницкій. Спрашиваемъ еще разъ, что было бы съ Рѣчью Посполитою, если бы во все это время, если бы въ эти три или четыре мѣсяца русскія войска не остановили страшнаго разгрома силъ народныхъ. А польская историческая литература старается

увѣрить міръ, что русское правительство подняло и направило эти силы!

Желѣзнякъ и Запорожцы, какъ русскіе подданные, были отправлены Кречетниковымъ въ Россію, гдѣ первый еще разъ былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь, а Гонта и уманьскіе казаки и крестьяне переданы были Браицкому. Жестоки были истязанія, которыми подвергалъ плѣнныхъ русскій генералъ, но они были ничто въ сравненіи съ тѣмъ чему подвергали ихъ польскіе суды: смертная казнь Гонты была распредѣлена на четырнадцать дней.

„Въ первые десять дней опредѣлено было вырѣзывать ежедневно по полосѣ кожи, въ одиннадцатый отнять обѣ ноги, въ двѣнадцатый обѣ руки; въ тринадцатый вынуть сердце; въ четырнадцатый наконецъ отрѣзать голову. И затѣмъ, на четырнадцати поставленныхъ въ различныхъ мѣстахъ висѣлицахъ развѣсить его члены.“¹ Выступъ съ тѣмъ соучастники Гонты были разсланы по разнымъ городамъ Закарпатской Украины для наказанія: „Въ Львовъ 800 человекъ, въ Броды 500, въ Винницу 300 и во многіе другіе города.“ О судьбѣ этихъ людей мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній; одинъ изъ современниковъ, извѣстіями котораго мы руководились, говорить что ихъ „губили и наказывали разными способами: то отсѣкали головы, то вѣшали, то отрубали лѣвую ногу и правую руку, то драли розгами.“² Правда, все это дѣлалось по судебнымъ приговорамъ.... Только сомнительно, чтобъ Гонта и его товарищи, выбирая изъ двухъ золъ меньшее, не предпочли попасться лучше въ руки русской администраціи нежели польской магистратуры!

Такъ окончилась страшная катастрофа 1768 года. Мы видѣли, чьими усиліями было прекращено возстаніе грозившее польскому государству величайшими опасностями. Мы видѣли, что Поляки-современники приписывали это возстаніе подстрекательству православнаго духовенства и ненависти украинской „черни“ къ Полякамъ, ненависти подновленной, какъ мы тоже видѣли, преслѣдованіями унійской миссіи, подъ предводительствомъ Мокрицкаго. Дѣло, казалось бы, ясно. Но въ такомъ видѣ оно изображается въ частныхъ письмахъ

¹ Уманьская рѣзня.

² Основа.

и запискахъ, не предназначавшихся къ оглашенію. Европа же возмущено было, что Желѣзнякъ и Гонта были не болѣе какъ орудія въ рукахъ русскаго правительства и что *счастливыя* поселяне Украйны исполняли только указы Екатерины II. Смыло, беззащитно пушенная ложь имѣла полный успѣхъ, и въ настоящее время немного можно считать такъ называемыхъ историческихъ сочиненій объ этомъ времени на какомъ-нибудь европейскомъ языкѣ, гдѣ не признавалось бы соучастіе Екатерины въ уманьской рѣзнѣ несомнѣннымъ; въ доказательство чего приводится и самый ея указъ. Мы находимъ этотъ указъ въ сочиненіяхъ, имѣющихъ повидимому полное право на общественную довѣренность, между самыми серіозными, самыми важными историческими документами, напримѣръ въ сборникѣ дипломатическихъ актовъ: *Archives diplomatiques, par le C-te d'Angenberg*. Мы позволимъ себѣ привести изъ этого сборника документъ, о которомъ идетъ рѣчь.

С.-Петербургъ 9/30-го іюня 1768 г.

Ясно видя, съ какимъ презрѣніемъ къ намъ и къ нашей православной вѣрѣ относятся Поляки и Евреи (!), защитники же нашей греческой вѣры преслѣдуемы, угнѣбляемы и наказываемы смертію; по сему причинаемъ не въ состояніи будучи долѣе сносить таковыя оскорбленія, таковыя преслѣдованія и таковыя безчестія и таковое преслѣдованіе, единственно изъ-за нашей святой вѣры преслѣдуемы и презираемы будучи, мы повелѣваемъ и даемъ настоящее приказаніе Максиму Желѣзняку (!) изъ Тумосева (de la terre de Tymoschew), полковнику и начальствующему въ нашихъ земляхъ *низьяго Запорожья* (commandant dans nos terres du Bas-Zaporogoue), вступить въ польскія владѣнія, взявши съ собою еще нѣсколько войска изъ нашихъ донскихъ казаковъ (?) чтобъ истребить и сокрушить (extirper et abatre) съ *Божією помощію* всѣхъ Поляковъ и Жидовъ, хуителей нашей святой вѣры. Сему средствомъ мы прекращаемъ всѣ жалобы, принесенныя престолу нашему противъ этихъ безжалостныхъ убійцъ, этихъ клятвопреступниковъ, этихъ нарушителей закона, этихъ Поляковъ, которые, покровительствуя злодѣрію безбожныхъ Жидовъ, кощунствуютъ (blasphément) и презираютъ нашу вѣру и угнѣбляютъ вѣрный и безвинный народъ. Посему мы повелѣваемъ, чтобы проходя чрезъ Польшу, истреблять ихъ имя и чтобъ ихъ память исчезла въ потомствѣ (!).

Но дабы договоры и дружбы съ сосѣдями нашими были соблюдаемы, мы запрещаемъ подъ жесточайшими наказаніями оскорблять или безпокоить купцовъ турецкихъ, армянскихъ и нашихъ русскихъ, которые посѣщаютъ Польшу по торговымъ дѣламъ; мы желаемъ даже, чтобъ они имѣли свободный пропускъ и всякое вспоможеніе, какого можно потребовать отъ союзниковъ.

Въ удостовѣреніе чего мы утверждаемъ сей приказъ (ordre) и сіе дозволеніе.
Данъ въ С.-Петербургѣ, утверждень нашею печатію и подписанъ нашею
собственною рукою, 20 іюня 1768 года.

Екатериана.

Съ подлиннымъ вѣрно (pour ampilation)

атаманъ кошевой Петръ Кольмышевскій съ свидѣтелями.

Итакъ вотъ этотъ знаменитый указъ Екатерины II. Онъ переведемъ здѣсь буквально, и если французскій текстъ такъ же близокъ къ подлиннику какъ нашъ переводъ къ французскому тексту, то можно думать что прочитанный здѣсь актъ не долженъ слѣшкомъ отличаться отъ первоначальнаго оригинала. Спрашиваю однако каждаго читавшаго русскіе указы и манифесты, узнаетъ ли онъ ихъ томъ въ толькото прочитанномъ актѣ? Узнаетъ ли ихъ вѣшнюю форму, которая здѣсь скопирована съ *Archives diplomatiques*? Статочное ли дѣло, чтобы самолюбивая, гордая Екатерина стала жаловаться на оказываемые ей презрѣніе и даже преслѣдованія? И кому же, какому приближенному ей чловѣку? Кошевому атаману!... Замѣтимъ наконецъ очевидную нелѣпность. На верху указа (форма употребляемая въ журнальныхъ корреспонденціяхъ, а не въ указахъ) выставлено $\frac{1}{10}$ іюня (и гдѣ выданы на русскихъ указахъ двойныя числа?), а въ концѣ того же указа стоитъ 20 іюня. Русскіе акты, какъ извѣстно, помѣчаются по старому стилю. Какой же стиль изображаетъ 9 число? Впрочемъ, которое бы изъ двухъ этихъ чиселъ ни принять за истинное, со времени его выставленія на указѣ, указъ этотъ очевидно не могъ перелетѣть изъ Петербурга въ Сѣчь, поднять казаковъ и съ ними поспѣть къ Умані къ 24 іюня. Какъ же всѣ эти несообразности не поражали ни историковъ писавшихъ о подольскихъ волненіяхъ, ни даже ученаго (вѣроятно) собирателя дипломатическихъ актовъ?! Какъ не пришло имъ въ голову усумниться въ происхожденіи этого указа изъ петербургскихъ канцелярій и сдѣлать другое, гораздо болѣе вѣроятное предположеніе, что онъ написанъ тѣми же самыми людьми, которые затѣяли поднять Украину, то-есть монахами или грамотеями изъ самихъ казаковъ? Нѣкоторые изъ историковъ писавшихъ о Коліивщинѣ были современники происшествія, а „по всей Украинѣ пишеть одинъ изъ современниковъ, въ неизданныхъ до послѣдняго времени запискахъ, ходилъ слухъ, что изобрѣтателемъ этихъ указовъ былъ вышеупомянутый Мельхиседекъ, что показывали

даже и сами череды.“¹ Или это уже была преднамѣренная клевета, первое проявленіе той систематической клеветы, которая въ наше время изобрѣла „секретную царскую волю“? Предположеніе это, должно признаться съ прискорбіемъ, далеко не невѣроятно. Въ 1768 году, когда Реннъ настаивалъ на правѣ Россіи блюсти интересы своихъ единовѣрцевъ передъ польскимъ правительствомъ, ссылаясь на Московскій трактатъ 1686 года, католическое духовенство безцеремонно объявило, что русскій текстъ этого трактата подложный и не сходенъ съ имѣющимся въ Варшавѣ,² а Рюльеръ, до сихъ поръ составляющій авторитетъ относительно польской исторіи, говоритъ, что дѣйствительно въ Россіи существовалъ обычай писать русскій текстъ своихъ трактатовъ съ иностранными державами несогласно съ тѣмъ текстомъ, который препровождался къ другимъ изъ договаривавшихся дворовъ.³ Желательно бы знать, какую пользу и кому могъ принести такой обычай?

II. Волненія на Волинѣ 1789.

Прежде чѣмъ приступимъ къ изображенію событій на Волинѣ, послѣдовавшихъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ такъ называемой коливщины, обратимъ вниманіе на одно обстоятельство въ этой послѣдней. Противъ кого возстали казаки и крестьяне въ 1768 году? Кто сдѣлался ихъ жертвой? Евреи, паны, ксендзы, а въ числѣ этихъ послѣднихъ, вмѣстѣ съ католическими, пострадали и уніятскіе: вотъ обстоятельство, на которое необходимо обратить вниманіе. Припомнимъ, что въ уніятской уманьской церкви происходили такія же неистовства, какъ и въ католическомъ костелѣ, что уніятскихъ священниковъ гоняли по городу, подгоняя нагайками и приговаривая: „уніятскіе воны“, что даже священные дары найденные въ уніятской церкви, были выброшены. Очевидно, въ глазахъ Запорожцевъ и крестьянъ, какъ католическое, такъ и уніятское исповѣданіе сдѣлалось въ одно ненавистное

¹ Основа.

² Объ этомъ находится извѣстіе въ сборникѣ депешъ французскихъ дипломатическихъ агентовъ составленномъ Тургеневымъ и хранящемся въ Государственномъ архивѣ.

³ Изд. 1807 г., т. II. 552.

представленіе, въ одно ненавистное выраженіе: „лядска вира.“ Впрочемъ, вотъ какъ само уніатское духовенство заявляло о своемъ положеніи въ формальномъ актѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ уманьскихъ убійствъ:¹ „Пораженные страхомъ жестокаго мученія отъ замутившагося гайдамачества и страхами тиранской смерти, подобной той, какая выпала на долю *нашихъ собратій*, изгнанные изъ домовъ и мѣстностей нашихъ, разбѣянные по разнымъ мѣстамъ, по чужимъ домамъ, скрываясь въ ямахъ, подвалахъ, темныхъ лѣсахъ, топяхъ и болотахъ, а нѣкоторые и до сихъ поръ скитаюсь въ странахъ россійской, татарской и молдавской, теперь недавно по крайней мѣрѣ нѣсколько успокоенные, послѣ того какъ войсками императрицы и государя нашего вылавшій гайдамацкій пожаръ нѣсколько потушенъ, мы прибыли въ свои дома, а другіе, по причинѣ еще неугашенія того огня, на Волини помѣщаются и живутъ подавленіемъ.“

Такъ описывали уніатскіе parroхи (сельскіе священники) свое положеніе послѣ уманьской рѣзни. Протестъ ихъ записанъ въ книгахъ градскаго житомирскаго суда (22 дек. 1768 г.) и скрѣпленъ такимъ множествомъ подписей, что онѣ наполняютъ въ книгѣ Бродовича одиннадцать страницъ мелкой печати. Нельзя не вѣрить этому документу. Вотъ, слѣдовательно, въ какомъ отношеніи находилось уніатское духовенство къ православному крестьянскому народонаселенію. Посмотримъ теперь, какъ относились къ этому духовенству Поляки и католики. Они очень мало сочувствовали его бѣдствіямъ и подозрѣвали его, какъ ни странно это можетъ показаться, въ тайной стачкѣ съ крестьянами и казаками. Предводители Барской конфедерации, Красинскій и Пулавскій, узнавъ о случившемся на Подоляхъ, написали къ уніатскому епископу Луцкому слѣдующее письмо.² „Эта наша и единомышленниковъ нашихъ жертва (состоящая въ томъ что они рискнули имуществомъ и жизнью за благо отечества) какимъ подвергнется ударамъ, когда духовенство епархіи вашей ясновельможности, во внушенію враговъ отечества, пылая непримиримою ненавистью противъ римскаго вѣроисповѣданія, употребляетъ *таинство исповѣди* для святотатственнаго

¹ *Widok przemocy na słabą niewinność srogo wywartej*, prz. Brodowicza, Lwów. 1862. Приложение А.

² Бродовичъ, приложение В.

возбужденія мужиковъ противъ своихъ пановъ и Жидовъ, чтобы черни, отъ такого варварства одѣлавшейся звѣряжи, пришедшая въ замѣстательство отчина досталась какъ жертва грабежа издавна умышляющему его погибель врагу.

„Обрати вниманіе на это, ваша ясновельможность. Были ли слышаны когда-нибудь такія дѣла въ вѣроисповѣданіи, которое считаетъ себя единовѣрнымъ съ нами и поднимается одной съ нами главѣ церкви!“

Озадаченные такими подозрѣніями уніятскіе епископы поспѣшили заявить самый положительный протестъ: ¹ „Мы нижеподписавшіеся епископы, получивши съ немалой сердечною скорбію достойное вѣроятія извѣстіе о разнаго рода во многихъ мѣстахъ непотребной болтовнѣ, немилосердо марающей нашу епископскую и духовенства нашего честь, будто бы духовенство наше подговариваетъ и возбуждаетъ прихожанъ своихъ, простонародье, къ бунту противъ своихъ помѣщиковъ, къ убійству не только невѣрнаго жидовства, но даже и самихъ правовѣрныхъ католиковъ римскаго исповѣданія, и что еще хуже, будто бы духовенство пользуется для этихъ безбожныхъ подговоровъ таинствомъ священноі исповѣди и не даетъ разрѣшенія отъ грѣховъ тѣмъ, которые не хотятъ принимать таковыхъ возбужденій.

„Сверхъ того до насъ доходятъ слухи, будто бы духовенство производитъ эти безсовестныя дѣйствія по нашему совету и леному приказанію“.... Отвѣтствуя такимъ образомъ не на одни обвиненія барскихъ конфедератовъ, но и на слухи, какъ видно, еще болѣе оскорбительные, „мы“—писали уніятскіе епископы — „протестуемъ передъ Богомъ вѣдающимъ тайны сердецъ нашихъ, протестуемъ передъ святымъ престоломъ апостолическимъ, которому исповѣдуемъ должное повиновеніе, протестуемъ предъ всею наияснѣйшею республикою нашею, которой мы вѣрныя дѣти. Отъ познающихъ истинную святую католическую вѣру мы не были, и съ Божіею помощію, никогда не будемъ обличены ни въ какомъ еретичествѣ или отщепенствѣ; мы признавали и признаемъ, что таинство сятаго покаянія установлено отъ Христа Спасителя нашего, единственно съ цѣлію отпущенія посредствомъ оного грѣховъ, а не призванія на себя грѣховъ и кары Божіей.“

¹ Бродовичъ, приложение С.

„Когда въ прошломъ году на Украинѣ начались мужицкіе бунты и пролитіе невинной крови даже находящагося въ нашемъ вѣдѣніи духовенства, то выданы были по этому случаю универсалы, которые можетъ читать каждый: никто въ нихъ не вычитаетъ ничего кромѣ внушенія приходскимъ священникамъ, чтобъ они проповѣдывали своимъ прихожанамъ о должномъ повиновеніи панамъ своимъ, какъ имѣющимъ надъ ними силу и власть отъ Бога, чтобы побуждали къ повиновенію и внушали оное, а вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы бродящихъ какихъ бы то ни было духовныхъ особъ, *особливо заграничныхъ*, и сколько-нибудь подозрительныхъ, не имѣющихъ отъ насъ никакого свидѣтельства и позволенія, отсылать немедленно къ деканамъ, а другихъ къ офиціаламъ нашимъ.“

Итакъ, вотъ каково было положеніе уніятскаго духовенства, относительно духовенства католическаго и народа польскаго: положеніе крайне щекотливое и непріятное. Но если мы притомъ прочтемъ со вниманіемъ протесты писанные сельскими парохами и тѣ, которые заявлены епископамъ, то мы замѣтимъ весьма чувствительную разницу. Первые жалуются на жалкое положеніе, въ которое поставило ихъ народное движеніе 1768 года и говорятъ, что только войска „императрицы“ и короля польскаго поставили ихъ въ возможность покинуть скитальческую жизнь и возвратиться на пепелища своихъ домовъ; вторые съ негодованіемъ отвергаютъ всякую солидарность съ врагами Польши и людьми другой вѣры. Протестъ епископовъ очевидно гораздо сильнѣе, гораздо безусловнѣе. На это различіе между заявленіями высшаго и сельскаго духовенства необходимо обратить вниманіе. [Епископы были люди болѣе или менѣе значительные, не только по сану своему, но и по рожденію, а потому они болѣе или менѣе считались въ шляхтѣ, своими людьми и въ свою очередь вполне преданы были интересамъ шляхты; напротивъ, священники уніятскіе были такіе же плебеи какъ и православные, и точно также какъ и они были презираемы шляхтою. Поразительные тому примѣры встрѣчаемъ у Бродовича. Овъ говоритъ, что панъ Стадницкій, каштелянъ кievскій, приказалъ какъ крестьянамъ такъ и священникамъ своихъ шибній возить его хлѣбъ къ Днѣстру на пристань; одинъ изъ этихъ послѣднихъ, не рѣшаясь ослушаться, во и не желая оставить это своевольство безъ протеста, выступилъ

для исполненія повинности въ полномъ облаченіи.¹ Это было въ 1738 году; но какъ за уніятскихъ священниковъ нельзя было ожидать ходатайства русскаго правительства, умѣряшаго иногда самоуправства магнатовъ въ отношеніи къ православному духовенству, то подобныя вышеприведенному случаю повторялись въ то время, когда Екатерина II доставила уже православнымъ священникамъ нѣкоторую самостоятельность. Бродовичъ положительно говоритъ, что въ имѣніи краковского каштеляна кн. Яблоновскаго было приказано понамъ лично отправлять почтовую гоньбу² во время воынскихъ волненій. Со школьной скамьи шляхта уже приучалась пренебрегать всякое духовное лицо не-католическаго исповѣданія: „Какъ по-латыни называется ксѣндзь, спрашивали дѣти у своихъ наставниковъ? говоритъ Бродовичъ.—*Sacerdos*, отвѣчали наставники, іезуиты и піариты.—А какъ попь?—*Sacrificiis*.“ Такимъ образомъ различіе между католическимъ и уніятскимъ (не только уже православнымъ священникомъ) заделало въ понятіи людей съ раняго дѣтства. За то, продолжаетъ нашъ авторъ, когда покровительство Россіи сдѣлало небезопаснымъ своевольное обращеніе съ православными понами, между шляхтичами можно было нерѣдко слышать сѣдующее соображеніе: „бить попа—чортъ съ нимъ: не стоить. Вотъ попадю выдрать розгами, это другое дѣло: плоть едина, и ей наука, и мужъ вѣжливѣй будетъ.“³ Такъ относилось къ уніяткамъ польское дворянство и высшее духовенство католическое; для нихъ уніаты были „недовѣрками“ и притомъ недовѣрками беззащитными. Бродовичъ приводитъ „воззваніе“ воынскаго дворянства къ сеймующимъ чивамъ, требующее настоятельнаго и немедленнаго погложенія уніи католицизмомъ.⁴ Безъ скорби нельзя читать отчаянныхъ воплей уніятскихъ священниковъ, когда, какъ увидимъ далѣе, ихъ стало тѣснить православное духовенство, и холодныхъ нравоученій, совѣтовъ „терпѣть и терпѣть,“ обращаемыхъ къ нимъ папскимъ нунціемъ въ Варшавѣ!⁵ Едва ли

¹ Примѣчаніе Бродовича къ меморіалу подавшему св. конгрегаціей и проч. въ приложеніяхъ лут. Д.

² Стр. 89. Т. I.

³ Примѣчаніе Бродовича къ информациі русскаго митрополита Іосифа Рутскаго и проч., въ приложеніяхъ лут. Д.

⁴ Въ приложеніяхъ Д.

⁵ Тамъ же.

на всемъ пространствѣ Польскаго государства, между всѣми его сословіями, было сословіе болѣе несчастное, не исключая и Евреевъ, какъ уніятское духовенство, всѣми отвергаемое, всѣми пренебрегаемое!...

Посмотримъ теперь, каково было положеніе третьяго элемента Рѣчи Посполитой—населенія русскаго и въ то же время православнаго, передъ началомъ волненій 1789 года.

Вліяніе Россіи, со вступленіемъ на престолъ Екатерины, сдѣлалось въ Варшавѣ совершенно господствующимъ. Замѣтимъ между прочимъ, что уніятскіе парохи, въ вышеприведенномъ своемъ заявленіи, называютъ ее просто „императрицею“, какъ могли бы ее называть ея подданные. Точно также говоритъ о ней въ своей рукописи Полякъ современникъ, описывавшій уманьскую рѣзню. Въ рукописи этой читаемъ: „Гонта вѣхалъ въ крѣпость подъ знаменемъ, на которомъ вышитъ былъ портретъ *императрицы*“ Наконецъ самъ Бродовичъ, человекъ вовсе не сочувствующій Россіи, точно также называетъ русскую государыню просто „императрицею“. Когда началась, говоритъ Бродовичъ, война между Россіей и Турціей, въ народѣ было повсемѣстное убѣжденіе, что „императрица“ возьметъ Константинополь и поразитъ Рѣчь Посполитую. Болѣе того: народъ, по крайней мѣрѣ православное населеніе, молился о торжествѣ Россіи, хотя и вслѣдствіе нѣкотораго недоразумѣнія. Недоразумѣніе это произошло оттого, что кievскій митрополитъ, считая въ числѣ своей паствы православныя церкви, находившіяся внутри границъ Рѣчи Посполитой, разослалъ и къ нимъ полученныя отъ синода манифесты русскаго двора о первой турецкой войнѣ; и манифесты эти читались, и совершались молебствія о испосланіи побѣды русскому оружію надъ союзниками Польши или по крайней мѣрѣ ея шляхты¹. Съ самаго вступленія на престолъ Екатерины II православное населеніе западной Руси почувствовало, что его поддерживаетъ дѣйствительная сила. Сила эта обнаружилась вполнѣ договоромъ 1768 года, ограждавшимъ права диссидентовъ вообще и православныхъ (дисунитовъ) подданныхъ Рѣчи Посполитой въ особенности². Въ знаменитомъ этомъ договорѣ, который съ такимъ же основаніемъ прославляли современные философы

¹ Бродовичъ, приложение Д.

² Пол. Соб. Зак. т. XVIII № 13071.

и друзья челоѣчества, какъ оплакивала и проклинала католическая Польша, было постановлено уничтоженіе всѣхъ сеймовыхъ постановленій (конституцій), стѣснявшихъ свободу совѣсти и права диссидентовъ. Они признаны, безъ различія ихъ исповѣданій, способными занимать всѣ должности въ государствѣ; запрещалось называть ихъ „еретиками, отступниками, схизматиками и дизунитами, вѣру же ихъ—сектою, ересью“. Предоставлялось имъ возводить новыя и чинить старыя церкви; запрещалось взимать съ нихъ плату на содержаніе католическаго духовенства, равно какъ запрещалось католическимъ священникамъ ходить по домамъ диссидентовъ для славленія и вымоганія подарковъ; запрещалось принуждать ихъ участвовать въ католическихъ процессіяхъ; запрещалось препятствовать заключенію смѣшанныхъ браковъ и вообще чинить диссидентамъ всѣ тѣ легальныя и нелегальныя утѣсенія, которыми и было вызвано вмѣшательство сосѣднихъ дворовъ въ домашнія дѣла Польши. А для того, чтобы всѣ эти постановленія не обратились въ мертвую букву, для дѣлъ и споровъ религиозныхъ учрежденъ былъ смѣшанный судъ, состоявшій, для православныхъ, изъ восьми лицъ ихъ исповѣданія и восьми католическихъ духовныхъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ бѣлорусскаго архіепископа (Георгія Конисскаго).

Трактатъ этотъ производилъ радикальное преобразование въ положеніи всѣхъ иновѣрцевъ Польскаго королевства. Можетъ-быть, онъ могъ бы уничтожить ту глубокую вражду, которая раздѣляла составныя части Рѣчи Посполитой и предотвратить даже ея разложеніе, еслибъ искреннее примиреніе католиковъ съ диссидентами было возможно. Но католическій фанатизмъ, щекотя оскорбленное постороннимъ вмѣшательствомъ національное чувство, возбудилъ въ странѣ неистовую вражду противъ закона о диссидентахъ, и никто изъ духовныхъ католическаго исповѣданія не хотѣлъ быть членомъ вновь учрежденнаго смѣшаннаго суда.

Какъ бы то ни было, но диссиденты повсюду подняли голову и тѣмъ съ большею заносчивостію, чѣмъ сильнѣе они были передъ тѣмъ унижаемы. Договоръ 1768 года указывалъ на неправильное занятіе въ разное время католиками диссидентскихъ храмовъ, и постановлялъ, что храмы эти должны быть возвращены первоначальнымъ своимъ владѣльцамъ. Очень естественно, что, при страшномъ бышемъ въ то время возбужденіи страстей, мѣрзаета, сама по себѣ оправдывалъ,

могла подать поводъ къ величайшимъ насиліямъ. Поэтому мы не колеблемся повѣрить жалобамъ, заявленнымъ въ это время уніятскимъ духовенствомъ противъ православнаго, которое, натурально, находило весьма легко поддержку со стороны русскихъ военныхъ командъ, находившихся тогда въ королевствѣ. „Дизуниты (то-есть православные), писали уніятскіе священники папскому нунцію въ Варшавѣ, взявъ съ собою московскихъ солдатъ, напали на наши приходы, принуждая насъ безъ отговорокъ къ отреченію отъ святой уніи. Но когда, по милости Божіей, мы отказались слушаться ихъ, то она не задумалась за это насъ и множество братій нашихъ, однихъ—обременить ножными колодками, другихъ—жестоко бичевать, иныхъ—гнать пѣшкомъ и, наконецъ, всѣхъ заключить въ тюрьмы, въ коихъ иные шесть, а другіе десять и болѣе недѣль томатся голодомъ, стужей и прочими тягостями. Церкви же наши, разбивъ у нихъ двери топорами, они присвоили себѣ и сдѣлали такъ, что къ этимъ церквямъ, переяславскій епископъ, дизуниты, посвятивъ, и злоумышленно, безъ всякаго вѣдома патрiоновъ церковныхъ, устроилъ при нихъ *музичьскыя снiоветы*, едва умѣющихъ читать, и самаго дурнаго образа жизни.“

Можно не безъ улыбки прочесть о пренебреженіи уніятскихъ священниковъ къ *музичьскыя снiоветы*, но нельзя не допустить вѣроятности, что при отобраніи у нихъ церквей, строгая справедливость едва ли была всегда соблюдаема. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что лица, писавшіе приводимую жалобу, находились въ заключеніи, что она писана изъ тюрьмы, какъ это и сказано въ ихъ прошеніи, и что подъ этимъ прошеніемъ подписалось семьдесятъ человекъ.¹

Такимъ образомъ уніятское духовенство пренебрегаемое и подозрѣваемое Поляками католиками, угнѣщаемое духовенствомъ православнымъ, невидимое крестьянствомъ наравнѣ съ козляками, испытывало въ это время всѣ неудобства неопредѣленной, двусмысленной роли, созданной ему исторіей. Впрочемъ, вотъ мнѣніе о положеніи уніятскаго духовенства изъ Цальшъ,—мнѣніе лица, принадлежавшаго къ этому духовенству, и горячо выражавшаго овою преданность польскому правительству и римскому главенству.

„Кто внимательно сдѣлалъ, говоритъ Бродовичъ, за всѣми

¹ Бродовичъ. Приказаніе Д.

фактами отъ самаго соединенія Руси съ римскою церковью и до настоящаго времени, тому не могутъ не показаться удивительными—какая-то врожденная нерасположенность между однимъ и тѣмъ же въ Польшѣ славянскими народами и вытекающія изъ нея подозрѣнія, взаимныя осужденія, преслѣдованія и т. д.

„Время, все стирающее и погружающее въ забвеніе, не только обновляетъ эту нерасположенность, но, напротивъ, увеличиваетъ ее до такой степени, что, съ теченіемъ времени, превратило ее наконецъ уже въ совершенную ненависть. А что еще хуже: какъ скоро Русинъ перейдетъ въ латинскій обрядъ, онъ тотчасъ же начинаетъ косо смотрѣть на своего брата Русина (уніята), ненавидѣть и преслѣдовать его.

„Живыми тому свидѣтелями воеводства и земли русскія; гдѣ прежде каждый житель, какъ туземецъ, держался русскіихъ (уніятскихъ) обрядовъ вѣроисповѣданія; но отступивъ отъ нихъ при отцѣ, дѣдѣ или наиболѣе при працѣдѣ, дѣлается болѣе расположеннымъ къ лютеранину, кальвинисту, даже къ вонючему Жиду чѣмъ къ соединенному съ нимъ религіей, отечествомъ и рожденіемъ, Русину.“

„Это было еще понятно, продолжаетъ Бродовичъ, въ то время, когда Русь признавала главенство константинопольскаго престола. Но по отдѣленіи Руси отъ этой зависимости и по соединеніи съ римскою церковью, не удались ли причины этой нерасположенности? Отчего же не пропала самая нерасположенность и даже обратилась со временемъ въ совершенную ненависть?“ Эта ненависть проникаетъ всѣ сословія, всѣ возрасты, оба пола; ненависть эту „потомки принимаютъ какъ наследіе своихъ отцовъ, дѣдовъ и працѣдовъ; сверхъ того, и все вообще свѣтлое духовенство римскаго исповѣданія, и даже извѣстныя въ немъ своими благочестіемъ особы, никакъ не могутъ скрыть упомянутой нерасположенности къ Русинамъ, а часто и совершенной къ нимъ ненависти; наконецъ, ту же свою застарѣлую ненависть они явно выражаютъ и въ своихъ поступкахъ и въ дѣлахъ и уиатахъ, но никогда не исполняющихся, привагліяхъ.“ И не только администрація, которая дѣйствительно была крайне враждебна въ старинной Польшѣ и мало охраняла общественную безопасность, но даже суды, которыми не совсѣмъ безъ основанія она гордилась, — и тѣ забывали справедливость

подъ вліяніемъ національной неприязни. „Трибуналы и ассессоріи, точно будто всѣ присягнули, чтобы Русинъ никогда выдѣ не выигралъ ни одного процесса, говоритъ Бродовичъ. У насъ, продолжаетъ онъ, оставались безполезныя, хотя и довольно значительныя акты на разныя фундаши (капиталы, домаціи), принадлежащія церквамъ и монастырямъ, да и тѣ были секвестрованы декретами, не потому чтобы были подозрѣваемы въ поддѣлкѣ, но единственно по тому соображенію, чтобы Русинъ, выждавъ удобное время, не отважился другой разъ прямымъ путемъ отыскивать свою собственность.“

„И странное дѣло, восклицаетъ нашъ писатель; не въ одной только Польшѣ, а вездѣ, гдѣ только существуютъ уніаты, ихъ подавляютъ, ими пренебрегаютъ католичество. Знай, заключаетъ онъ, Русинъ соединенный (съ римскою церковью) и навсегда удаленный отъ пользованія въ отечествѣ своимъ законами, свободой и правами,—знай, что напрасны твои старанія доказать твою вѣрность, послушаніе и вѣроподданничество. Напрасно, въ доказательство твердости твоей въ правдахъ уніи, ты отдаешься въ рабство и готовъ, не только имущество, но и жизнь потерять: тебѣ никогда не повѣрятъ! Поляки будутъ тебя преслѣдовать, предполагая въ тебѣ склонность къ Москвѣ, а Москва станетъ дѣлать точно то же, потому что ты уніатъ; да и тѣ самыя, которые освободили тебя въ 1773 году изъ тюремнаго заключенія (римское духовенство), станутъ тебя при всякомъ подозрѣніи, какъ и было въ нынѣшнемъ году (1789), запирають въ тюрьмы, пытать и казнить, оказывая тебѣ только то снисхожденіе, что ты погибнешь не отъ посторонней руки, а отъ руки соотечественника.“

„Что же за причина такой ничѣмъ не побѣдимой, ничѣмъ не ослабляемой ненависти къ тебѣ, несчастный Русинъ? продолжаетъ Бродовичъ. Развѣ то одно, что ты, *хотя и соединенный, но все-таки останешься стѣною того дерева, въ самомъ корнѣ котораго замѣтили отраву. Ты ужь по капищной пресфорѣ принадлежишь къ восточной церкви, которая отважилась никогда состязаться съ западною.... И это твой самый непростительный грѣхъ, грѣхъ болышій передъ лицомъ свѣта чѣмъ грѣхъ первородный передъ лицомъ Божіимъ, и грѣха этого ты не загладишь ни крещеніемъ, ни покаяніемъ,*

ни даже отъ лично своихъ старинныхъ (церковныхъ) обрядовъ....“

Таковы помыслы горькой скорби слова человека, надъ которымъ лично менѣе чѣмъ надъ большинствомъ его собратьевъ тяготѣлъ тотъ первородный грѣхъ, о которомъ онъ говоритъ, потому что онъ былъ канцелярнымъ протоиереемъ и офиціаломъ Луцкаго епископа. По своему довольно возвышенному положенію, избавившему его отъ мелкихъ ежедневныхъ тиранствъ, какія испытывали сельскіе парохи, Бродовичъ не могъ имѣть и той степени раздраженія, какое понятно со стороны парохей противъ своихъ притѣснителей-помѣщиковъ. Поэтому и разказу его мы можемъ придавать болѣе вѣры, особенно если примемъ въ соображеніе, что въ качествѣ архіерейскаго офиціала, онъ былъ, такъ сказать, въ центрѣ извѣстій, которыя сообщаетъ. Мы не будемъ однакожъ и ему довѣрять безусловно. Онъ все-таки былъ заинтересованъ въ дѣлѣ, которое описываетъ, какъ лицо принадлежащее къ сословію подвергавшемуся гоненію. Далѣе, хотя мы и находимъ въ приложеніяхъ, которыми онъ обогатилъ текстъ своего сочиненія, подлинныя акты некоторыхъ процессовъ производившихся надъ волынскими парохами, но акты эти, такъ сказать, вырваны изъ дѣла, и не представляютъ его вполне. Такъ, въ приложеніяхъ этихъ находится нѣсколько судебныхъ рѣшеній, можетъ-быть и буквально списанныхъ, но на сколько сходно изложеніе дѣла заключающееся въ судебномъ приговорѣ, съ тѣмъ, какъ оно въ дѣйствительности раскрыто было свидѣтельствомъ—это остается неизвѣстнымъ. Бродовичъ самъ предупреждаетъ читателей, чтобъ онъ не слишкомъ довѣрялъ правдивости этихъ рѣшеній; по собственнымъ его словамъ, судьи и свидѣтели то угрозами, то убѣжденіями заставляли обвиняемыхъ и свидѣтелей давать показанія несогласныя съ истиной, либо записывали не то что говорилось. Поставленные въ такое затруднительное положеніе, мы можемъ сдѣлать одно: передавать факты въ томъ видѣ какъ ихъ находимъ въ книгѣ Бродовича, предоставляя себѣ дѣлать изъ нихъ выводы и заключенія.

„Съ давнихъ лѣтъ, говоритъ Бродовичъ, прибывали въ Польскіе края съ разнымъ товаромъ русскіе разношники, хедебцики или коробейники. Многие изъ нихъ даже поселились

здѣсь подъ названіемъ филипповъ¹. Они развозили по городамъ, мѣстечкамъ, селеніямъ, усадьбамъ, дворамъ, погостамъ и корчмамъ—платки, кушаки, кухонные ножи, масло, китадку, холсты. Никто до того времени не обращалъ вниманія на число ихъ, на мѣста, гдѣ они приставали или останавливались для ночлега, потому что они не возбуждали ни въ комъ подозрѣнія. Но въ восьмидесятихъ годахъ прошедшаго вѣка экзальтація умовъ между Полаками была очень велика, и не было предѣла политическимъ антипатіямъ, подозрѣніямъ и нареканіямъ. „Сначала распространился слухъ, что до двухъ тысячъ воровъ, и при каждомъ ихъ мѣстѣ по два разнощика, прибыло въ Польшу. Затѣмъ стали наблюдать что продаютъ они, гдѣ останавливаются и гдѣ ночуютъ. Товары ихъ подвергнуты были осмотру; при этомъ оказалось, что они продаютъ тѣ же товары что и прежде, но кухонные ножи были признаны за неоспоримое доказательство того, что эти люди подосланы для такой же кровавой рѣзни, какая была двадцать лѣтъ тому назадъ въ Умани. А какъ эти торговцы останавливались преимущественно, особенно на ночь, у духовныхъ, какъ въ надежнѣйшихъ для себя и для товаровъ своихъ пріютахъ, то и выведено изъ этого, что они возбуждаютъ къ бунту поповъ, а попы поселянъ.“

Это случилось въ началѣ 1789 года, во время войны Россіи съ Турціей. Военное начальство русское вошло въ сношенія съ властями соседственныхъ воеводствъ касательно закупки тамъ продовольствія. Дѣло уладилось. Помѣщики учредили продовольственную комиссію, предписали ей извѣстныя правила и опредѣлили цѣны и мѣру разнаго земадѣльческаго товара, который могъ быть доставленъ окольными жителями къ русскіе магазины, не иначе однакожь какъ по полученіи комиссарами полной уплаты.“

Когда распространилась вѣсть о замыслахъ, которыхъ филипповы были, какъ полагали, орудіемъ, комиссары продовольственной комиссіи и многіе помѣщики, въ февралѣ 1789, съѣхались въ Луцкъ. Собралось множество народа, какъ на генеральный сеймъ, замѣчаетъ шутииво Бродовичъ. Всѣ были

¹ Филипповы называютъ собственно раскольниковъ (преимущественно филипповцевъ) селившихся за литовскимъ рубежомъ. Они могли быть разнощиками по ремеслу.

сильно встревожены и раздражены. Начались совѣщанія о мѣрахъ какія слѣдуетъ принять въ настоящихъ обстоятельствахъ, и между прочимъ рѣшено было немедленно дать знать обо всемъ въ Варшаву, гдѣ въ это время происходило засѣданіе сейма. Сеймъ не имѣя причинъ сомнѣваться въ извѣстияхъ сообщаемыхъ съ мѣста, уполномочилъ комиссаровъ принять приличныя мѣры въ охраненію общественной безопасности, изслѣдовать дѣло во всей подробности и донести о томъ что будетъ открыто.

„Въ силу этого разрѣшенія, комиссія, преобразованная изъ продовольственной въ слѣдственную, открыла свои засѣданія въ Луцкѣ, обнародованіемъ универсала къ помѣщикамъ, коимъ требовала чтобъ изъ каждаго имѣнія въ тридцать душъ былъ выставленъ конный милиціонеръ, а изъ каждаго владѣнія меньшаго размѣра,—пѣхотинець, но съ тѣмъ чтобы милиціонерами были отнюдь не Русины, а исключительно люди римско-католическаго исповѣданія.“ Людямъ этимъ велѣно было собраться въ Луцкѣ непремѣнно въ теченіи восьми дней.

Изъ этого распоряженія уже видно, что дѣло казалось не шуточнымъ.

Бродовичъ отзывается шуточно и даже презрительно о поводахъ къ распространившейся тревогѣ. Нельзя сказать, однако, чтобъ эти поводы были совершенно ничтожны. Недалеко отъ Луцка были злодѣйски умерщвлены своими дворовыми людьми помѣщикъ Вольчинскій, и его жена съ нѣсколькими служанками. Еще ранѣе, во время Рождества, случилось происшествіе менѣе трагическое, но которое могло еще болѣе встревожить подготовленные къ безпокойству умы. Въ имѣніи вдовы волынскаго чашника, Прушанской, пришли на господскій дворъ крестьяне, чтобы поздравить, говорить Бродовичъ, свою помѣщичу съ праздникомъ, и начали пѣть подъ ея окнами. Это случилось поздно вечеромъ. Прушанская была испугана неожиданною серенадой и приказала разогнать пѣвцовъ. „Больно немилостива ваша панна,“ ворчали расходясь крестьяне. „Хорошо кабы сынъ Гонты выучилъ ее обходиться съ людьми по-людски.“ А надо знать, замѣчаетъ Бродовичъ, что между народомъ ходило повѣрье, будто сынъ замученнаго Гонты представлялся императрицѣ и просилъ у нея позволенія отмстить за смерть своего отца.

Происшествіе это могло случиться, положимъ, такъ какъ

оно здѣсь передано; но имя Гонты, произнесенное крестьянами и предполагаемое народною легендой покровительство ему русской императрицы, могли, что довольно естественно, встревожить бессильную, а потому и подозрительную шляхту. Луцкій съезд послалъ въ Варшаву эстафету, требуя войскъ для охраненія края. Войско дѣйствительно прибыло и расположилось въ Луцкѣ, Владимірѣ и Кременчугѣ: вотъ, сдѣловательно, какое пространство предполагалось подверженнымъ волненію!

Милиція и войска принялись учреждать порядокъ и разыскивать виновныхъ. Коммиссія раздѣлилась на двѣ части, и расположилась въ Дубнѣ и Луцкѣ. Кромѣ того, какъ увидимъ, допросы и полныя сдѣствія производились въ Кременчугѣ; сътъ правосудія раскинулась, сдѣловательно, широко. Первые подвергались ея дѣйствию крестьяне помѣщичьи Прушанской. Никакого сына *Гонты* въ дѣйствительности не оказалось; были ли дѣти у знаменитаго гайдамака — мы не знаемъ, но его имя, какъ видно, сдѣлалось символомъ, нѣкотораго рода знаменемъ,—и луцкая коммиссія рѣшила покарать это знамя. Тринадцать человекъ, говоритъ Бродовичъ, были приговорены къ смертной казни, и одни изъ нихъ, передъ самымъ свѣтлымъ праздникомъ, повѣшены, другіе обезглавлены; остальные затѣмъ высѣчены у позорнаго столба, отправлены въ Куриловку и тамъ снова высѣчены „въ назиданіе вотчинѣ“.

Такимъ образомъ продовольственная коммиссія обратилась уже въ уголовный судъ, не получивъ на это полномочія отъ сейма: сама производила сдѣствіе, сама постановляла приговоры и сама же приводила ихъ въ исполненіе..

Затѣмъ поступила жалоба отъ одного изъ арендаторовъ князя Воронцакаго на управляемыхъ имъ крестьянъ. Онъ жаловался, что они буйны, непокорны и держатъ у себя порохъ и всякаго рода оружіе. Что именно было при этомъ открыто сдѣствіемъ, мы не знаемъ, но нѣсколько человекъ было наказано плетью и одинъ повѣшенъ по приговору „судной“ коммисіи. Бродовичъ съ своей стороны говоритъ, что поводовъ къ такой строгости вовсе не было, и что порохъ могъ весьма естественно быть у крестьянъ князя Воронцакаго, такъ какъ имѣніе, о которомъ идетъ рѣчь, находилось въ Подольскѣ. Итакъ, вотъ уже куда раскинулось предполагаемое или дѣйствительное волненіе народа!

На другой день послѣ наказанія крестьянъ князя Воронцова, повѣшенъ былъ дьячокъ Семеновъ Яроцкій, за то что онъ въ пьяномъ видѣ угрожалъ „вырвать Ляховъ и Жидовъ“, угроза, замѣчаетъ Бродовичъ, въ которой обвиненный однакоже не сознался.

Это было первое лицо духовнаго сословія, подпавшее подъ юрисдикцію самообразовавшихся свѣдственно-судебныхъ комиссій; первое, но далеко не послѣднее. Общественное мнѣніе считало уніятскихъ пароховъ и филипоновъ главными виновниками волненія, обхватившаго Волинь и часть Польска. Жолнеры и милиціонеры стали хватать пароховъ и представлять ихъ въ свѣдственные комиссіи, которыя съ своей стороны потребовали, чтобъ уніятскій митрополитъ воспретилъ имъ приводить къ исповѣди крестьянъ, предоставивъ это исключительно базилианскимъ (уніятскимъ) монахамъ... Это удивительное требованіе было немедленно исполнено: такъ сильно возбуждено было общественное мнѣніе противъ уніятскаго духовенства. Если вѣрить Бродовичу, то во всѣхъ этихъ взводимыхъ на уніятское духовенство винахъ не было и тѣни вѣроятія. Изъ его разказа должно вывести заключеніе, что кака-то непостижимая, ни на чемъ не основанная паника овладѣла шляхтой; что отчаянныя доносенія, посылаемыя съ Волини въ Варшаву съ нарочными, съ эстафетами, вскружили голову и сейму, между тѣмъ какъ никто не думалъ ни о какомъ возстаніи, и сами же паны подкупами, угрозами и пытками вымогали у своихъ крестьянъ и слугъ доносы на священниковъ. Все это слишкомъ выходитъ изъ круга обыкновенныхъ явленій, и потому трудно словамъ писателя, принадлежащаго къ сословію подвергшемуся гоненіямъ, дать полную вѣру. Нельзя однакоже не остановиться на нѣкоторыхъ приводимыхъ имъ случаяхъ, которые, хотя и не имѣютъ характера полной исторической достовѣрности, но и нѣкъмъ, сколько мнѣ извѣстно, не опровергнуты. Бродовичъ разказываетъ, напримѣръ, что двое изъ его слугъ сдѣлали ему слѣдующее признаніе: однажды съѣхались къ прежнему ихъ господину много гостей, и они вели между собою разговоры запершись; потомъ этотъ господинъ позвалъ ихъ къ себѣ и приказалъ имъ идти на исповѣдь къ сельскому пароху, одѣвшись въ мужицкія сермяги, а на исповѣди каяться, будто бы ихъ возбуждаютъ къ принятію участія въ возстаніи противъ дворянъ, и они

обязались явиться на указанное имъ мѣсто въ указанный часъ. Давъ имъ такое наставленіе, господинъ приказалъ внимательно слушать что будетъ имъ говорить священникъ и въ точности передать его слова ¹. Коцунство это ничего, впрочемъ, не открыло; священникъ давалъ своимъ чадамъ духовныя наставленія въ чистѣйшемъ духѣ христіанства. Другіе шляхтичи дѣйствовали успѣшнѣе. Когда уже нѣсколько десятковъ пароховъ перебивало передъ лицомъ слѣдственныхъ комиссій и не были уличены ни въ чемъ серіозномъ, нѣкто Каэтанъ Аксакъ отыскалъ въ селеніи Сускѣ какого-то едва-грамотнаго и крайне простоватаго священника, притомъ запуганнаго, какъ всѣ вообще сельскіе парохы; явился къ нему и потребовалъ, чтобъ онъ немедленно отправился съ нимъ въ Луцкъ. Дорогой онъ объявилъ ему, что его обвиняютъ въ подущеніи крестьянъ къ мятежу, въ сношеніяхъ съ филипонами, — словомъ, въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ. Несчастный парохъ обмеръ, услышавъ такія вещи, и взмолился, чтобы милостивый панъ научилъ его, какъ и что ему говорить, чтобъ не пострадать. „Не бойся, отче, не пострадаешь, отвѣчалъ ему внезапно смягчившійся Аксакъ,—говори только, что филипоны точно подговаривали тебя къ подущенію крестьянъ, показывали указъ о томъ императрицы, давали деньги, но что ты не согласиася.“ Въ такомъ смыслѣ дѣйствительно и далъ показаніе сускій парохъ; онъ замаялся было, когда потребовали, чтобъ онъ назвалъ того, кто его подучалъ, полагая, что человѣку этому не мѣновать вѣстаицы; однакоже назвалъ какого-то коробейника. Коробейника нашли, и не взирая на упорное заперательство, приговорили къ смерти. Онъ умеръ, повторяя: „Напрасно гибну!“ Что же касается сускаго священника, то онъ былъ вытребованъ въ Варшаву, гдѣ подтвердилъ всѣ свои показанія, кромѣ, однакожъ, того, что касалось указа „императрицы“, и получилъ тамъ денежную награду и похвальный листъ за подписью маршаловъ сейма ². Бродовичъ присовокупляетъ, что кровь невинно повѣшеннаго крестьянина отравляла, однакоже, послѣ дни сускаго пароха, между тѣмъ какъ панъ Аксакъ любилъ, за бутылкою венгерскаго, разказывать, какъ онъ ловко опуталъ стараго священника.

¹ Т. I, стр. 82 и 83.

² Т. I, стр. 25—28, 77 и 78.

Много и другихъ возмутительныхъ случаевъ разказываетъ Бродовичъ. Онъ говоритъ, что одинъ изъ знатныхъ мѣстныхъ дворянъ, панъ Богудкій, злобась, по прежнимъ дѣламъ, на своего сельскаго священника, потребовалъ къ себѣ его пономаря и истязалъ его до тѣхъ поръ, пока тотъ не показалъ все, что отъ него требовалъ панъ. Тогда приведено было двѣнадцать человѣкъ крестьянъ, при которыхъ едва живой пономарь повторилъ доносъ на своего пароха въ подстрекательствѣ къ возмущенію, а тѣ, не зная истинной причины показаній пономаря, явились на судѣ свидѣтелями ¹.

Нѣкоторые изъ обвиненныхъ такимъ образомъ людей были приговорены къ заключенію, другіе къ висѣлицѣ, третьи къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Луцкія, дубненскія и кременецкія тюрьмы были биткомъ набиты осужденными, а еще болѣе обвиняемыми; волненіе, или, по крайней мѣрѣ, обвиненіе въ волненіяхъ, перекинулось, наконецъ, въ Подолію, и каменецкая крѣпость наполнилась подсудимыми. Обвиненіе парохомъ въ возбужденіи крестьянъ къ рѣзнѣ и возстанію сдѣлалось, наконецъ, промысломъ и, по словамъ Бродовича, не безыгоднымъ, потому что эти несчастные отдавали свои послѣдніе гроши и послѣднихъ коровъ, чтобы спасти свои головы. Къ этому ремеслу прибѣгали и шляхтичи ², и простолюдины. Бродовичъ упоминаетъ о какомъ-то бѣгломъ, по имени Кирила Пундикъ. Увѣренные въ безнаказанности и въ надеждѣ на награды, они сыпали обвиненія одно за другимъ.

Все это совершалось по веснѣ 1789 года. Передъ свѣтлымъ праздникомъ возвратился въ Луцкъ тамошній уніатскій архіепископъ Левицкій,—человѣкъ слабый и уклончивый. Онъ напелъ общество Волынскаго воеводства въ высшей степени возбужденнымъ противъ духовенства. Одинъ изъ священниковъ, отецъ Бендеревскій, былъ приговоренъ къ смертной казни Луцкою комиссіей, которая потребовала отъ бискупа, чтобы онъ лишилъ виновнаго духовнаго сана. По правамъ и законамъ католической церкви, говоритъ Бродовичъ,—бискупъ долженъ былъ самъ, своимъ, судомъ рѣшить подлежитъ ли обвиняемый разстриженію. Онъ въ такомъ смыслѣ и далъ отвѣтъ комиссіи; но настояніе этой послѣдней и настроеніе общественнаго мнѣнія были таковы, что глава волынскаго уніат-

¹ Т. I, стр. 61 и 62.

² Т. I, стр. 27.

окаго духовенства отступился отъ своихъ правъ и отдалъ на жертву, по словамъ Бродовича, ни въ чемъ неповиннаго священника ¹.

Въ разказѣ нашего автора объ этомъ случаѣ можетъ найдтись, какъ и во многихъ другихъ, доля пристрастія, но есть и черты поразительныя. Отецъ Бендеревскій былъ судимъ и осужденъ въ Острожской магдебургіи (судѣ, дѣйствующемъ по магдебургскому праву), вмѣстѣ съ тремя его прихожанами. Одинъ изъ сихъ посадныхъ уже былъ вздернутъ на висѣлицу, когда мѣстный староста далъ знать, что получено отъ сейма повелѣніе судамъ приостановиться исполненіемъ смертныхъ приговоровъ. Такимъ образомъ трое изъ осужденныхъ были освобождены отъ смерти. Но это не спасло пароха. Онъ былъ потребованъ въ Луцкій градскій судъ, тамъ вторично приговоренъ къ смерти и, какъ мы видѣли, повѣшенъ, *не смотря на запрещеніе сейма*; всего же любопытнѣе то, что свидѣтелями противъ него являются здѣсь приговоренные къ висѣлицѣ вмѣстѣ съ нимъ въ Острожской магдебургіи крестьяне.... За всю эту несправдливую процедуру, сеймъ одѣлалъ замѣчаніе Луцкому градскому суду—и только.

Страсти были необыкновенно распалены. Это очевидно изъ всѣхъ приведенныхъ нами случаевъ и изъ множество другихъ, которые приводить было бы утомительно. Внимательное чтеніе въ некоторыхъ изъ процессовъ, приводимыхъ Бродовичемъ, приводитъ къ тому убѣжденію, что многіе изъ осужденныхъ священниковъ ни въ чемъ не были виновны, по крайней мѣрѣ, *дѣйствительныхъ* преступныхъ, если не словъ и желаній, съ ихъ стороны не обнаружено. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, взволнованная шляхта была подъ впечатлѣніемъ сильнаго возбужденія и ждала всеобщей рѣзни сначала на „польскій свѣтлый праздникъ“ (по новому стилю), потомъ на „русскій свѣтлый праздникъ“, потомъ на Духовъ день. Войско и милиція не покидали оружія; простые обыватели и даже папштра (сословіе адвокатовъ и ходатаевъ при судахъ) вооружились и составили изъ себя караулы ². Наступило однакожь и дѣло, а возстанія все не было. Наступило время закрытія судебныхъ сессій; лица обвиняемыя, но надъ которыми еще рѣшенія не были постанов-

¹ Т. I, стр. 43 и слѣд. 58—60.

² Бродовичъ, приложение Д. Воззваніе къ сеймующимъ членамъ волиньскаго шляхетства.

лены, остались въ тюрьмахъ ожидать открытія слѣдующихъ судебныхъ сеосій. Рѣчи адвокатовъ, показанія свидѣтелей смолкли. Шляхта развѣхалась по своимъ маестностямъ, завялась полевыми работами, охотой,—а страсти мало-по-малу успокоились. Когда суды снова собрались осенью, уже не было прежней энергіи въ обвиненіяхъ, и судьи сдѣлались мѣнѣе прежняго похожими на инквизиторовъ.

Бродовичъ много говоритъ, по этому случаю, о невинности своихъ единовѣрцевъ; можно ли однакожь согласиться съ нимъ вполне? Мы сомнѣваемся¹. Что множество крестьянъ было перевѣшено безвинно,—это болѣе нежели вѣроятно; что множество священниковъ и церковниковъ было привлечено къ суду безъ достаточныхъ основаній—это несомнѣнно. Но неужели вся тревога поднятая шляхетствомъ Волыни и части Подоліи и Полѣсья, неужели все это создано только въ фантазіи этого шляхетства? Допустить этого невозможно. Можно съ полною увѣренностію сказать, что какіе-то люди ходили по Волыни, Полѣсью и Подоліи, говоря крестьянамъ о близкомъ торжествѣ Россіи надъ Польшей; въ корчмахъ и по домамъ, за рюмкой горѣлки, сыпались проклятія на Ляховъ, пановъ и Жидовъ. Но кто были эти люди,—не выясняется изъ всего нами прочитаннаго. Если и допустить, что они были филиппоны, то остается еще рѣшать какіе: пришельцы ли изъ-за русской границы, или уже издавна поселившіеся въ чертѣ польскихъ владѣній. Весьма естественно тоже и не представляеть ничего невѣроятнаго, что распространившійся между крестьянами говоръ проникалъ и въ хаты сельскихъ священниковъ, и что нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе близкіе къ народу, не безъ сочувствія принимали этотъ говоръ. Страннымъ можетъ показаться только то, что во всемъ разказѣ нашемъ упоминается объ однихъ священникахъ и церковникахъ униатскихъ. Мы имѣемъ передъ глазами инструкцію данную волынскимъ шляхетствомъ своимъ посланъ на сеймъ, въ которой говорится объ униатахъ, но о православныхъ ни слова. Не имѣя достаточныхъ данныхъ для объясненія этого явленія,

¹ Я желалъ бы произнести болѣе опредѣлительное мнѣніе, но оно возможно было бы только для того, кто взялъ бы на себя трудъ перечитать и юридически разсмотрѣть всѣ слѣдственныя и судныя дѣла, касающіяся настоящаго эпизода. Бродовичъ же или разказываетъ о нихъ отъ своего лица, или (въ приложеніяхъ) приводитъ отдѣльныя официальные акты.

мы принуждены ограничиться указаніемъ на самый фактъ. Какъ бы то ни было, однакожь, движеніе обнаружившееся на Воыни, въ части Полѣсья и Подоліи, движеніе не развернувшееся, быстро подавленное, имѣетъ для насъ видъ движенія народнаго, протеста крестьянъ и духовенства (уніятскаго) противъ шляхты. Шляхетской крови не было пролито ни капли при этомъ движеніи, потому объ немъ и рѣдко упоминается въ польскихъ исторіяхъ, но за то сколько пролилось крови крестьянской, и вообще Русинской! И что было бы, еслибы не были приняты такія энергическія мѣры къ предупрежденію возстанія! Что было бы, наконецъ, еслибы Сѣчь была поблаже отъ Лудка и еслибы отъ нея, какъ за двадцать лѣтъ тѣмъ, двинулась толпа удаальцовъ, призывая къ оружію!

Итакъ, въ теченіи двадцати лѣтъ передъ нами развертываются въ предѣлахъ Польскаго государства, въ его русскихъ провинціяхъ, два обширныя народныя движенія. Если мы прослѣдимъ по картѣ мѣстности поименованныя въ настоящемъ разказѣ, то увидимъ, что кругъ объятый волненіемъ 1789 года почти соприкасается съ кругомъ, въ которомъ происходили смуты въ 1789 году, и что оба эти круга составляютъ полосу, простирающуюся отъ Припети до Нижняго Днѣстра и границъ Новосербіи, прикасаясь,—это не мѣшаетъ замѣтить,—по всему своему протяженію къ границѣ собственно Польши. Въ одномъ изъ нихъ участвуютъ казаки и крестьяне, а также отчасти православное духовенство; въ другомъ крестьяне и отчасти духовенство уніятскаго обряда. Въ 1768 году православные рѣжутъ уніятскихъ священниковъ наравнѣ съ католическими, рѣжутъ пановъ и Жидовъ; двадцать лѣтъ спустя уніаты и отчасти ихъ священники, собираются рѣзать польскую шляхту. Какой хаосъ! Какая путаница отношеній! Православные ненавидятъ католиковъ и уніатовъ, уніаты притѣсняютъ по возможности православныхъ и презираютъ ихъ; эти послѣдніе пользуются первою внѣшнею поддержкой, чтобы придавить уніатовъ; наконецъ католики *тѣснятъ и презираютъ* тѣхъ и другихъ, точно также какъ, въ свою очередь, тѣ и другіе соединяются и подаютъ другъ другу руку для дѣйствія противъ общихъ угнетителей. Со всѣхъ сторонъ чинятся насилія, поминутно льется кровь, воздвигаются висѣлицы, совершаются самыя лютыя казни, и одна репресс-

сама смѣняется другою. Вотъ картина внутренняго состоянія Польскаго государства въ XVIII вѣкѣ, вотъ глубокія причины рѣшившія его паденіе. Какую, въ самомъ дѣлѣ, силу отпора могла обнаружить противъ вѣнскихъ враговъ нація, состоявшая изъ взаимно враждебныхъ другъ другу элементовъ? Жаловаться, какъ это дѣлаютъ польскіе историки и публицисты, на то, что напались вѣнскіе враги, что они были сильны и искусны, намъ кажется просто малодушіемъ и признаніемъ собственной слабости, признаніемъ невозможности существовать безъ посторонней поддержки. Еслибы нація была въ самомъ дѣлѣ проникнута духомъ жизни, лучшіе люди ея, ея шляхетство и духовенство, какъ наиболѣе просвѣщенные и единственные политически-дѣятельныя сословія, должны были бы обратить самое серьезное вниманіе на причины этого быстрого упадка внутреннихъ силъ государства, на поразительный разладъ въ его организмѣ, проникнуть въ самую глубь роковой язвы и приняться за ея излѣченіе. Они такъ и сдѣлали, говорятъ польскіе писатели, и съ гордостью указываютъ на сеймъ 1791 года.... Плохой морякъ тотъ, кто собирается убирать паруса, когда буря уже разорвала ихъ на клочки и мчитъ корабль на скалу! Да и точно ли такъ глубоко захватывала конституція 3 мая, какъ того требовали обстоятельства? И точно ли единодушно и съ твердою рѣшимостію приступала къ ней, — не говоримъ уже вся нація, — а даже одно вотировавшее ее шляхетство? Не дѣломъ ли одной почтенной партіи скорѣе чѣмъ всей націи должно почитать эту конституцію?... Вотъ вопросы; на которые свидѣетъ отвѣтить польскимъ историкамъ. На нихъ отвѣтитъ Діаріумъ сейма 1791 года, хранящійся въ нашемъ государственномъ архивѣ, и мы сильно сомнѣваемся, чтобы онъ отвѣтилъ благопріятно!

Можетъ-быть мы возвратимся къ этому предмету когда-нибудь, а теперь замѣтимъ, что волынскія происшествія 1789 года еще на нѣсколько шаговъ придвинули Польшу къ ея паденію. Вотъ требованія которыя заявило волынское шляхетство чрезъ своихъ пословъ на сеймѣ, собравшемся въ іюль 1789 года; вотъ слѣдовательно къ какимъ практическимъ выводамъ, къ какого рода реформамъ привело едва предупреденное возстаніе. Оно требуетъ войска въ свое воеводство и соглашается жертвовать на него десятый процентъ съ своихъ доходовъ; оно выражаетъ также желаніе усилить

просвѣщеніе въ краѣ, но исключительно въ пользу своего сословія. Затѣмъ, усматривая что „низость происхожденія начальствующихъ лицъ и разница хоть не въ религіи, но въ обрядахъ, могутъ сдѣлаться печальною причиною безпокойствъ въ странѣ“, воынское шляхетство поручаетъ своимъ представителямъ на сеймѣ исходатайствовать постановленіе о томъ „чтобы бискупы, опаты и прелаты кафедральные, въ униі были непременно изъ шляхетскаго сословія;“ „чтобы строго соблюдался законъ 1764 года, по которому сыновья священниковъ обоихъ греческихъ исповѣданій, не шляхетскаго, но свободнаго однакожь происхожденія, зачислялись въ крестьяне къ помѣщикамъ, на чьей землѣ стоятъ церкви...“ Далѣе воынское шляхетство требуетъ, чтобы совершенно было „примиреніе римскаго календаря съ греко-уніятскимъ,“ чтобы велебные ксендзы базиліяне (уніаты) выбравъ священника, если можно латинскаго вѣроисповѣданія, занимались миссіонерствомъ... для основательнѣйшаго внушенія святой католической вѣры.

Итакъ, вотъ какой родъ мыслей и желаній былъ вызванъ въ воынскомъ шляхетствѣ затрудненіями, которыхъ оно только что избѣгло; вотъ какихъ реформъ, по его мнѣнію, затрудненія эти требовали! Какъ же не сказать, что какая-то невидимая, роковая рука толкала Польшу къ гибели! Народонаселеніе раздражено, а его собираются раздражать еще новыми, самыми чувствительными мѣрами, какъ напримѣръ переставленіемъ праздничныхъ дней. Крестьяне-уніаты соединяются съ крестьянами православными въ общей ненависти къ католикамъ, а ихъ хотятъ обращать въ латинства!...

II. ЦЕБАЛЬСКІЙ.

О НѢКОТОРЫХЪ ЯВЛЕНІЯХЪ ДЕНЕЖНАГО ОБРАЩЕНІЯ ВЪ РОССИИ

II. ¹

Возрастаніе массы кредитныхъ билетовъ и послѣдствія ихъ усиленныхъ выпусковъ.

Въ предыдущей главѣ мы говорили о болѣзненныхъ явленіяхъ, происшедшихъ въ нашемъ денежномъ обращеніи единственно отъ насильственнаго курса кредитныхъ билетовъ, т.-е. неразмѣнности ихъ на звонкую монету въ соединеніи съ узаконеннымъ хожденіемъ ихъ наравнѣ съ звонкою монетой. Для ясности нашего изложенія, мы должны были сперва

¹ См. *Русск. Вѣстн.* 1863. № 1. Между I и II главами нашего труда тектъ, къ сожалѣнію, довольно значительный промежутокъ времени; но каждая глава заключаетъ въ себѣ особый рядъ вопросовъ, и потому вторая глава можетъ быть прочтена даже тѣми, которые вовсе не читали первой или изъ памяти которыхъ изгладилась ея подробности.

Считаемъ нашею обязанностью заявить здѣсь нашу благодарность всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ намъ въ собраніи разныхъ мѣстныхъ свѣдѣній для настоящаго труда. Этими свѣдѣніями, относящимися къ промышленности, коммерческимъ и кредитнымъ обстоятельствамъ послѣдняго времени, мы преимущественно воспользовались для этой и слѣдующей III главы. Въ особенности обязаны мы глубокою признательностью *И. А. Суслору* (въ Орѣ), *А. И. Богомолу* (въ Харьковѣ), *А. Н. Шебардину* (на Украинскихъ ярмаркахъ), *Н. И. Слатину* (въ Бѣлгородѣ), *Г. А. Кореневу* (въ Харьковѣ), *А. В. Дроздову* и *Г. Цыделю* (въ Москвѣ) и многимъ другимъ коммерческимъ лицамъ (въ томъ числѣ и гг. прикащикамъ московскихъ фабрикаторъ Прохоровыхъ). Безъ посвященнаго и теплаго содѣйствія этихъ лицъ, мы никогда не могли бы приобрѣсти свѣдѣній, которыя легли въ основаніе нашихъ изслѣдованій. *Пр. асм.*

разсмотрѣть исключительно болѣзненные явленія этого порядка; но конечно для всѣхъ было очевидно, что этими явленіями, которыя въ своей совокупности могутъ быть названы *колебаніями монетной единицы*,—далеко не ограничиваются потрясенія, произведенныя въ народномъ хозяйствѣ экстремнымъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ. Уже въ заключеніи первой главы, говоря объ упроченіи нашей монетной единицы и о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, мы натолкнулись на вопросы о количествѣ этихъ билетовъ, находящемся въ народномъ обращеніи. Большіе или меньшіе приливы кредитныхъ билетовъ къ размѣну въ государственномъ банкѣ могутъ зависѣть не отъ одного только большаго или меньшаго недовѣрія къ ихъ металлической цѣнности, и не отъ одной только большей или меньшей потребности въ звонкой монетѣ для платежей (собственно заграничныхъ), но также и въ весьма значительной степени отъ третьей причины: отъ избытка вообще бумажныхъ денежныхъ знаковъ для потребностей обращенія. Въ случаѣ такого избытка бумажныя деньги, безусловно ни для чего другаго негодныя кромѣ обращенія и притомъ внутренняго, превращаются въ звонкую монету, которая можетъ служить какъ металлъ для фабрикаціи, быть перевозима въ другія страны и наконецъ можетъ быть какъ мертвый капиталъ сберегаема предпочтительно передъ бумажными деньгами. Такимъ образомъ операція размѣна, которою мы были исключительно заняты до сихъ поръ, приводитъ насъ къ разсмотрѣнію вопроса о количествѣ кредитныхъ билетовъ въ отношеніи къ потребностямъ нашего денежнаго обращенія.

Такъ какъ эти потребности опредѣляются всею совокупностью промышленныхъ, коммерческихъ и кредитныхъ оборотовъ страны, то вопросъ о количествѣ бумажныхъ денегъ выдвигаетъ передъ нами новую группу явленій, до сихъ поръ остававшуюся въ сторонѣ отъ нашего изслѣдованія. Понятно, что эти явленія, происходящія въ формахъ гораздо болѣе выпуклыхъ и сопряженныхъ для публики и всѣхъ участниковъ народно-хозяйственной дѣятельности съ ощущеніями гораздо болѣе яркими, нежели явленія уже описаннаго нами порядка (т.-е. колебанія монетной единицы), гораздо болѣе послѣдствіемъ сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе публики. Поэтому весьма естественно, что вопросъ о количе-

ствѣ денежныхъ знаковъ почти исключительно занимаетъ собою практическіе умы въ кругу вопросовъ о денежномъ обращеніи. Какъ ни сбивчивы помятія здѣсь высказывающіяся, однако нельзя отрицать важности придаваемой этому вопросу въ практическомъ мірѣ; имъ обуславливается окончательное упроченіе монетной единицы, сосредоточившее на себѣ всѣ усилія правительства, и съ нимъ тѣсно связаны, какъ увидимъ ниже, многіе практическіе промышленные и коммерческіе вопросы первостепенной и настоятельной важности.

Прежде чѣмъ говорить о послѣдствіяхъ возрастанія массы денежныхъ знаковъ въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, мы представимъ въ самомъ краткомъ очеркѣ данныя относительно послѣдовательныхъ выпусковъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ ¹.

Государственные кредитные билеты учреждены были, какъ извѣстно, въ 1843 г. взазмѣнъ государственныхъ ассигнацій, введенныхъ при Екатеринѣ II (1769) и депозитныхъ билетовъ, выпускавшихся съ 1840 по 1843 г. съ цѣлью установить переходъ къ новой системѣ. Время съ 1843 и по 1848 (послѣдній срокъ хожденія старыхъ ассигнацій) можно назвать *періодомъ водворенія кредитныхъ билетовъ*. Выпуски этого періода должны были насытить потребности обращенія, удовлетворявшіяся до того времени отчасти ассигнаціями, отчасти звонкою монетою. Ассигнацій было въ обращеніи къ тому времени 597.776.310 р. или по утвержденному тогда курсу на серебряную монету 170.221.802 р. Выпуски кредитныхъ билетовъ далеко превослаи эту сумму; ибо эти билеты, какъ знаки подлежащіе во всякое время размѣну на звонкую монету, были предпочитаемы самой монетѣ, которую публика охотно несла въ обмѣнъ на билеты. Такимъ образомъ:

	Выпущено билетовъ въ обращеніе.	Оставаеомъ въ обращеніи къ концу года.
1843	30,5 милліон.	30,3 милліон.
1844	90,2 —	121,8 —
1845	71,5 —	189,4 —
1846	46,2 —	236,1 —
1847	70,8 —	239,5 —

¹ Приводимыя нами данныя взяты изъ подлинныхъ отчетовъ государственныхъ кредитныхъ установленій и отчасти (по 1854 г.) изъ *Статистическаго обзора операцій воеуд. кред. уст. съ 1817 г.* Е. И. Дамаскаго. Сравни также статьи: *Обзоръ исторіи русскіихъ ассигнацій* (Русск. Вѣстн.

Несмотря на постоянно возрастающее количество билетовъ въ обращеніи, до 1848 г. требованіе публики на кредитные билеты постоянно превышало требованіе на звонкую монету. Такъ:

	Выпущено билетовъ въ обмѣнъ на звонкую монету.	Выдано звонкой монеты въ обмѣнъ на билеты.
1843	4,1 милліон.	0,3 милліон.
1844	11,9 —	1,7 —
1845	21,3 —	3,9 —
1846	19,7 —	9,4 —
1847	50,9 —	7,4 —

Отношенія этихъ цифръ положительно доказываютъ, что выпуски этого періода не превышали потребностей обращенія. Иначе цифры разнѣна тотчасъ указали бы на избытокъ: спросъ на кредитные билеты со стороны публики ослабъ бы, а спросъ на звонкую монету въ обмѣнъ на кредитные билеты усилился бы. Какъ чувствителенъ этотъ термометръ разнѣна и до какой степени количество денежныхъ знаковъ, нужныхъ для народнаго обращенія, сообразуется съ его потребностями, а не зависитъ отъ произвола учрежденія выпускающаго денежные знаки, можно отчасти убедиться и въ этомъ періодѣ.

До 1847 г. вкдючительно, количество кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, какъ мы видѣли, постоянно и быстро возрастало. Въ 1848 г. оно составляло 289.500.000¹ Въ 1848 г. выпущено было вновь въ обращеніе 34 милл. и въ томъ числѣ лишь 16,9 въ обмѣнъ на звонкую монету и слитки. Несмотря на то что этотъ выпускъ гораздо ниже выпусковъ четырехъ предыдущихъ лѣтъ, онъ не могъ быть погашенъ народнымъ обращеніемъ и отношенія разнѣна кредитныхъ билетовъ въ 1848—1849 г. сдѣлались совершенно иныя нежели во всѣхъ предыдущихъ годахъ:

	Выпущено билетовъ въ обмѣнъ на монету.	Выдано монеты въ обмѣнъ на билеты.
1848	16,9	17
1849	13,7	23

1858 г. № 24.), *Русскій союздарств. долговъ* (тамъ-же, 1859, № 7), *О кредитныхъ билетахъ* (Вѣкъ 1861), *Замѣтки о хозяйственномъ положеніи Россіи* *Русск. Вѣстн.* 1862.)

¹ Для наглядности изложенія мы будемъ округлять всѣ цифры.

Спросъ на билеты, постоянно превосходявшій спросъ на монету, быстро уменьшился съ 50,3 мил. (1847 г.) до 16,9 (1848) и потомъ до 13,7 (1849); предъявленіе билетовъ къ размѣну возросло съ 7,4 (1847) до 17 (1848) и до 23 (1849). Между тѣмъ какъ общая сумма билетовъ предъявленныхъ къ размѣну въ оба года 1848 и 1849 г. достигаетъ огромной цифры 40 милл., монеты представлено для обмѣна на билеты только 30,6 милл., слѣдовательно на 10 милл. менѣе предыдущей цифры. Вслѣдствіе того размѣнный металлическій фондъ быстро и неуклонно возросшій съ 1843 по 1847 г. (147 мил.) уменьшается въ 1849 года на 11 мил. (до 136,9). Общая масса кредитныхъ билетовъ въ обращеніи увеличившаяся въ 1848 году до 306,6 милл., снова уменьшается въ 1849 году до 300 мил. Такимъ образомъ дѣйствіе размѣна, несмотря на полное довѣріе публики къ кредитнымъ билетамъ, низвело ихъ обращеніе до цифры дѣйствительной въ нихъ потребности. Эту цифру 300 милл. мы имѣемъ полное право разсматривать какъ выраженіе дѣйствительной потребности, ибо свободный обмѣнъ билетовъ на монету и монеты на билеты былъ въ распоряженіи публики. Въ приведенномъ фактѣ можно было найти указаніе и для будущаго, еслибы имъ хотѣли только воспользоваться. Замѣтимъ здѣсь кстати одно не маловажное для насъ обстоятельство, — странство времени, въ теченіи котораго обнаруживается дѣйствіе излишняго выпуска кредитныхъ билетовъ. Мы видимъ, что выпускъ 1848 г. имѣлъ вліяніе на размѣнъ не только этого года, но и слѣдующаго, и даже самое рѣшительное послѣдствіе выпуска принадлежитъ собственно 1849 году. Это доказываетъ намъ, что реакція денежнаго обращенія противъ избытка денежныхъ знаковъ оказывалась у насъ не слишкомъ быстро, а только по истеченіи нѣкотораго времени, какъ и должно быть, вслѣдствіе всѣхъ условій, географическихъ и экономическихъ, нашего отечества, а также вслѣдствіе самаго способа выпуска кредитныхъ билетовъ и системы ихъ размѣна и изытія изъ обращенія. Объ этомъ мы будемъ говорить подробнѣе въ послѣдствіи.

Итакъ, съ окончаніемъ въ 1849 г. періода водворенія кредитныхъ билетовъ, количество ихъ въ народномъ обращеніи равнялось 300 милл. Время съ 1849 по 1852 г. (включительно) можно назвать самымъ цвѣтущимъ и *нормальнымъ періодомъ* въ исторіи нашихъ кредитныхъ билетовъ; это періодъ полнаго дѣйствія системы денежнаго обращенія, созданной гр.

Какъ видно изъ введеніе на мѣсто прежнихъ не разнѣнныхъ бумажныхъ денегъ или ассигнацій—разнѣнныхъ денежныхъ знаковъ: кредитныхъ билетовъ. Въ этомъ періодѣ обнаружались преимущества этой системы, въ сравненіи съ предыдущей системой государственныхъ ассигнацій, не было отвлечено никакихъ существенныхъ злоупотребленій новой системы и потому еще укрывались ея слабыя стороны.

Въ этомъ періодѣ цифры денежнаго обращенія представляются въ такомъ видѣ:

	Выпущено монетъ въ обращеніе	Въ томъ числѣ за звонкую монету	Оставалось въ обращеніи къ концу года
1849	16,1 милліонъ.	13,7 милліонъ.	300,2 милліонъ.
1850	14,4 „	11,7 „	301 „
1851	16,5 „	15,4 „	303 „
1852	15,5 „	15,3 „	311 „

Ежегодные выпуски этихъ монетъ составляютъ почти одну и ту же цифру; они изъ года въ годъ почти соотвѣтствуютъ взносамъ звонкой монеты¹ въ разнѣнный фондъ, такъ что количество кредитныхъ билетовъ выпускавшееся безъ металлическаго покрытія весьма незначительно: оно составляло въ 1849 году 2,4 милл. въ 1850 — 2,7, а въ 1851 упало до 0,1 милл. (т.-е. до 100 тысячъ руб.) и въ 1852 г. до 0,2 (200 т. руб.) Количество кредитныхъ билетовъ предъявлявшихся къ разнѣну было постоянно менѣ количества звонкой монеты, внесенной въ обмѣнъ на билеты заключеніемъ 1849 г. въ которомъ, какъ мы сказали, еще дѣйствовалъ усиленный выпускъ предыдущаго года. Такъ:

	Внесено звонкой монеты въ об- мѣнъ на билеты.	Предъявлено би- летовъ къ обмѣ- ну на звонкую монету.
1850	11,7	11,5
1851	16,4	14,2
1852	15,3	7,9

Такимъ образомъ пропорція количества звонкой монеты, внесенной въ обмѣнъ на кредитные билеты, къ количеству билетовъ, предъявленныхъ къ разнѣну, дѣлалась съ каждымъ годомъ благоприятнѣе; общая масса билетовъ въ обращеніи

¹ Т.-е. монеты и слитковъ.

возросла съ 300 м. до 311. Такое приращеніе при дѣйствовавшемъ въ то время размѣрѣ мы можемъ, кажется, принять за нормальное, соотвѣтствовавшее внутреннимъ потребностямъ самаго народнаго хозяйства и нормальнымъ условіямъ принятой системы денежнаго обращенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ какъ движеніе размѣра строго уравнивалось выпуски и не позволяло имъ, при самомъ безусловномъ довѣрїи къ кредитнымъ билетамъ, переступить извѣстныя опредѣленныя границы.

Съ 1853 года начинается эпоха усиленныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ; въ этомъ году положено первое начало къ превращенію кредитныхъ билетовъ снова въ государственныя ассигнаціи или въ способъ покрытія дефицитовъ по бюджетамъ. Хотя въ офиціальныхъ отчетахъ этого года выпускъ 10 милл. кредитныхъ билетовъ объясняется необходимостію расширенія банковыхъ операцій или такъ-называемаго подкрѣпленія банковыхъ кассъ, а не потребностями государственнаго казначейства, но въ сущности, при дѣйствовавшей у насъ банковской системѣ, это было одно и то же¹. Въ послѣдствїи, въ 1855 г., выпуски кредитныхъ билетовъ уже были прямо и открыто предназначаемы къ покрытію нуждъ государственнаго казначейства.

Цифры денежнаго обращенія въ этомъ новомъ періодѣ усиленныхъ выпусковъ представляются въ такомъ видѣ:

	Выпущено вновь въ обращеніе.	Въ томъ числѣ за внесенную звонкую монету.	Выдано звонкой монеты въ обихѣ на билеты.	Оставилось въ обра- щеніи къ кон- цу года.
1853	38,5	29,5	26,2	333,4
1854	58,9	28,5	36,8	356,3
1855	215,1	15,1	64,9	509,1
1856	287,6	19,7	59,1	689,2
1857	74,1	12,8	30,3	735,2

И здѣсь мы видимъ, что первый усиленный выпускъ 1853 г. не тотчасъ обнаружился на размѣрѣ; хотя количество предъявленныхъ кредитныхъ билетовъ въ этомъ году почти

¹ Банковые вклады обращались на потребности государственнаго казначейства и потому, при востребованїи, выплачивались новыми кредитными билетами. Въ настоящей главѣ мы по необходимости вынуждены иногда касаться самаго способа выпуска кредитныхъ билетовъ въ обращеніе, хотя этому предмету будетъ спеціально посвящена третья глава.

въ четыре раза превышаетъ количество 1852 г. (внезапно поднявшись съ 7 мил. до 26), но и количество звонкой монеты внесенной въ обмѣнъ на билеты, также возросло и даже превышаетъ первое. Такимъ образомъ размѣнный фондъ въ 1853 г. не только возросъ (на 20 мил.), но и представлялъ самую высшую цифру 161,3 милліона и самую благопріятную пропорцію къ массѣ кредитныхъ билетовъ, какая когда-либо была до этого времени и послѣ. Можно сказать, что этому году принадлежитъ также высшая цифра кредитныхъ билетовъ въ обращеніи (333,4 м.), какая у насъ только была, при совершенно свободномъ дѣйствиіи размѣна. Замѣчательно, что вслѣдъ за первымъ усиленнымъ выпускомъ размѣнъ былъ даже расширенъ, открытіемъ размѣнной кассы въ Москвѣ. Такъ велико было заблужденіе относительно безвредности усиленныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ! Вслѣдствіе всего этого мы можемъ назвать 1853 годъ *кульминаціоннымъ годомъ* въ исторіи нашихъ кредитныхъ билетовъ, или поворотною точкой въ системѣ денежнаго обращенія, на нихъ основаннаго. Почти одновременно съ открытіемъ размѣнной кассы въ Москвѣ, воспрещается съ 1854 г. вывозъ золотой монеты за границу; послѣ этого размѣномъ уже пользовалась собственно только казна; для частныхъ лицъ онъ былъ затрудняемъ разными мѣрами и безпрестанно приостанавливаемъ, пока къ концу 1856 г. не былъ вовсе закрытъ. Стѣсненія, которымъ подвергался размѣнъ, не позволяють уже, въ этомъ періодѣ, смотрѣть на обращеніе кредитныхъ билетовъ, какъ на обращеніе *размѣнныхъ* денежныхъ знаковъ, эти же стѣсненія объясняютъ, почему въ движеніи размѣна не было видно всѣхъ послѣдствій усиленныхъ выпусковъ, какіе бы должны были обнаружиться, есабы размѣнъ былъ совершенно свободенъ. Въ этомъ можно убѣдиться при первомъ взглядѣ на вышеприведенныя цифры кредитныхъ билетовъ предъявленныхъ къ обмѣну на звонкую монету въ 1854, 1855 и 1856 годахъ. Эти цифры не имѣють ничего подобнаго себѣ во всѣхъ предыдущихъ годахъ; въ эти три года предъявлено всего къ размѣну 169,8 мил.; а вмѣстѣ съ 1853 г., во всемъ разсматриваемомъ четырехлѣтнемъ (1853 по 1857 исключительно) періодѣ, 187 милліоновъ. Уже изъ этого можно заключить, до какихъ огромныхъ размѣровъ достигла бы эта цифра, есабы размѣнъ былъ совершенно свободенъ. Впрочемъ, обстоятельство закрытія размѣна уже само по себѣ доказываетъ напоръ, кото-

рому стали подвергаться кассы отъ предъявленія билетовъ къ размѣну. вмѣстѣ съ тѣмъ количество звонкой монеты, вносимой въ обмѣнъ на кредитные билеты, быстро падаетъ; все это количество заключается единственно въ той одной шестой металлической части, которую, по преданію, считали необходимымъ откладывать въ фондъ, при каждомъ выпускѣ. Но и это правило, основанное, впрочемъ, на чисто-бюрократической традиціи и не имѣющее никакого рациональнаго экономическаго основанія, не соблюдалось въ точности, ибо количество звонкой монеты, внесенной въ фондъ, составляетъ на всю сумму выпуска въ 1855 г. $\frac{1}{11}$ и въ 1856 году $\frac{1}{16}$ долю.

Съ 1857 г. мы уже теряемъ всякую возможность услѣдить въ движеніи размѣна противодѣйствіе со стороны денежнаго обращенія избытку денежныхъ знаковъ. Съ этого года размѣнъ безусловно прекращается, и мы вступаемъ въ періодъ насильственнаго курса и депреціаціи кредитныхъ билетовъ или въ періодъ лажа, продолжающійся до 1 мая 1862 года, когда начинается новая, современная намъ эпоха въ исторіи кредитныхъ билетовъ, эпоха возобновленія размѣна билетовъ на монету, и государственныхъ мѣръ, принятыхъ къ восстановленію ихъ цѣнности и къ регулированію всей нашей денежной системы. Вообще 1857 годъ служитъ гранью и во многихъ другихъ отношеніяхъ: въ этомъ году были прекращены выпуски билетовъ для покрытія государственныхъ расходовъ и принята важная мѣра, имѣвшая громадное вліяніе на наше денежное обращеніе въ его отношеніяхъ къ промышленности и торговлѣ: пониженіе банковыхъ процентовъ по ссудамъ и вкладамъ. Наконецъ, къ 1857 году относится высшая цифра (735 милл.) кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, какая у насъ когда-либо была до этого времени и послѣ.

Принимая 1852 годъ за послѣдній въ періодѣ нормальнаго денежнаго обращенія, мы найдемъ, что съ 1853 по 1857 годъ (включительно) масса кредитныхъ билетовъ возросла съ 311 до 735 мил., то-есть на 136% или слишкомъ на 25% въ годъ. Сравнивая этотъ пятилѣтній періодъ съ предыдущимъ четырехлѣтнимъ, мы найдемъ, что съ 1849 по 1852 годъ масса билетовъ возрасла лишь на 3,6%, то-есть возрастала менѣе чѣмъ на одинъ процентъ (0,9%) ежегодно. Итакъ, съ 1853 по 1857 количество денежныхъ знаковъ въ народномъ обращеніи увеличилось почти въ два съ полови-

ной раза и ежегодно возрастало на 25 процентовъ сверхъ того нарощенія (11 милліоновъ), которое въ пятилѣтнемъ періодѣ, при свободномъ движеніи разнѣна, мы можемъ до вѣкоторой степени признавать¹ за нарощеніе естественное, соотвѣтствовавшее нуждамъ нашего народнаго хозяйства, увеличенію народонаселенія и развитію коммерческихъ оборотовъ. Такое страшное увеличеніе массы денежныхъ знаковъ въ странѣ не осталось безъ серьезныхъ послѣдствій. Избытокъ кредитныхъ билетовъ, не имѣя возможности обнаружиться ни въ разнѣнныхъ кассахъ, которыя были закрыты, ни въ процентныхъ банковыхъ вкладахъ, отъ которыхъ пониженіе процентовъ оттолкнуло владѣльцевъ кредитныхъ билетовъ, этотъ избытокъ тѣмъ съ большою силою проявилъ свое дѣйствіе на народномъ производствѣ, на торговлѣ и кредитѣ. Прежде чѣмъ перейти къ этимъ послѣдствіямъ экстренныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, мы должны взглянуть на цифры денежнаго обращенія въ послѣднемъ періодѣ съ 1857 по 1862 годъ.

Оставалось билетовъ въ народномъ обращеніи къ концу:

1858 года	644,6 мил.
1859 „	679,8 „
1860 „	713,0 „
1861 „	713,5 „

Значительное уменьшеніе цифры билетовъ въ обращеніи въ 1858 г. противъ 1857 г. произошло, какъ извѣстно, отъ сожженія 60 милліоновъ изъятыхъ вовсе изъ обращенія и отъ выдачи звонкой монеты на 31 милліонъ. За этимъ первымъ шагомъ къ уменьшенію массы денежныхъ знаковъ, послѣдовалъ въ 1859 году обратный шагъ. Въ этомъ году выпущено вновь въ обращеніе 61 милліонъ; въ томъ числѣ 50 милліоновъ, ничѣмъ не покрытыхъ, для подкрѣпленія банковыхъ кассъ, положеніе которыхъ вслѣдствіе пониженія процентовъ

¹ На основаніи опыта, сдѣланнаго въ пятилѣтіе съ 1848 по 1852 годъ, можно предположить съ достаточною достовѣрностію, что въ это пятилѣтіе потребность въ обращающихся бумажныхъ знакахъ увеличилась на 11 милліоновъ. Впрочемъ, въ безусловной вѣрности этого предположенія можно еще усомниться. Разнѣна (какъ мы уже видѣли) не вдругъ обнаруживаетъ на себѣ послѣдствія излишнихъ выпусковъ. Потому, еслибы не было стѣсненій въ разнѣнѣ 1853 г., то масса билетовъ, существовавшая въ 1852 году, можетъ стать уменьшилась бы до своего прежняго уровня 300 милл.

по вкладамъ и причиненнаго тѣмъ сильнаго востребованія вкладовъ, дѣлалось критическимъ, и 11 милл. въ обмѣнъ на казенные драгоценные металлы. Въ 1860 году выпущено вновь 45,6, въ томъ числѣ только 7 милліоновъ въ обмѣнъ на казенные драгоценные металлы. Наконецъ, къ 1 мая 1862 года, было всего въ обращеніи 707 милліоновъ кредитныхъ билетовъ. Въ этотъ періодъ звонкая монета поступала въ обмѣнъ на кредитные билеты только отъ правительства, и выдавалась также почти исключительно казеннымъ мѣстамъ и лишь отчасти частнымъ лицамъ, но послѣднимъ не по предъявленію билетовъ къ размѣну, а по усмотрѣнію правительственныхъ мѣстъ и лицъ, и потому безъ соответственнаго уничтоженія билетовъ поступавшихъ въ обмѣнъ на монету.

Итакъ, въ окончательномъ результатѣ, можно сказать, что масса кредитныхъ билетовъ, въ десятилѣтіе съ 1852 по 1862 годъ, возрасла на 127% (съ 311 до 707 мил.) что составляетъ 12,5% ежегоднаго наращенія, тогда какъ въ нормальный періодъ 1849—1853 года это ежегодное наращеніе равнялось 0,9%. Изъ этого выходитъ, что въ послѣднее десятилѣтіе масса кредитныхъ билетовъ въ народномъ обращеніи возрастала слышкомъ въ 12 разъ сильнѣе нежели въ эпоху нормальнаго денежнаго обращенія.

Этотъ краткій очеркъ движенія выпусковъ кредитныхъ билетовъ и денежнаго обращенія мы довели до 1 мая 1862 г. День этотъ составляетъ эпоху въ нашемъ денежномъ обращеніи, не только потому что съ него открытъ (впрочемъ только въ Петербургѣ) совершенно свободный размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, безусловно приостановленный съ 1857 года, и подвергавшійся разнымъ стѣсненіямъ уже съ 1854 года, и началось возстановленіе цѣнности кредитныхъ билетовъ, — этотъ день можно считать эпохою и относительно выпусковъ кредитныхъ билетовъ. Съ 1 мая 1862 г. новые кредитные билеты выпускаются въ народное обращеніе не иначе, какъ въ обмѣнъ на звонкую монету и на драгоценные металлы, вносимые въ размѣнный фондъ казною и частными лицами; хотя это правило не было предметомъ особаго законодательнаго постановленія, но оно вошло въ общую систему основаній, на которыхъ открытъ размѣнъ, по указу 14 апрѣля 1862 г., и его можно считать неотъемлемою принадлежностію этой системы,

до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока это правило не будетъ измѣнено какими-либо новыми распоряженіями правительства. До измѣненія всей системы денежнаго обращенія и до коренныхъ преобразованій въ отношеніяхъ экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ и государственнаго казначейства къ государственному банку, нельзя, впрочемъ, ожидать измѣненій этого правила, и потому нынѣ (если не предполагать отступленій отъ принятаго правила) не могутъ быть вновь выпускаемы въ обращеніе кредитные билеты не покрытые соответствующимъ металлическимъ обезпеченіемъ въ размѣнномъ фондѣ. Новые кредитные билеты выпускаются теперь не иначе какъ по требованію частныхъ лицъ или казны, вносящихъ драгоцѣнные металлы въ обмѣнъ на кредитные билеты. Непокрытые выпуски были бы повѣдшимъ нарушеніемъ принятой системы. Вслѣдствіе этого, съ 1 мая 1862 г., масса кредитныхъ билетовъ въ народномъ обращеніи колеблется единственно подъ вліяніемъ размѣна, увеличивается отъ прилива драгоцѣнныхъ металловъ къ размѣнному фонду, и уменьшается отъ требованія звонкой монеты въ обмѣнъ на билеты. Такимъ образомъ, съ 1 мая 1862 года, количество билетовъ въ обращеніи уменьшилось въ той же самой пропорціи, въ какой обмѣнъ билетовъ на монету превышалъ обмѣнъ драгоцѣнныхъ металловъ на билеты, и мы имѣемъ теперь въ обращеніи билетовъ на 650.895.362 руб. ¹ вмѣсто 707.063.666, бывшихъ 1 мая 1862 г.

Итакъ, въ періодъ времени съ 1858 по 1862 г., количество кредитныхъ билетовъ находящихся въ обращеніи, при всѣхъ своихъ колебаніяхъ, почти не измѣнялось. Сравнительно съ концомъ 1857 г. (735 милліон.), то-есть съ эпохою, въ которую было самое большое количество кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, и когда приблизительно возникаютъ наши промышленныя и коммерческія потрясенія, количество обращенія уменьшилось къ началу 1862 г. (707 милліоновъ) на незначительную цифру 28 милліон., то-есть приблизительно на 3%. Наконецъ, нынѣ (къ 1 юня 1863 г.) количество билетовъ въ обращеніи уменьшилось еще на 56 милліоновъ, а сравнительно съ 1857 годомъ на 85 мил. Сравнительно же съ 1853 г. (311 милліон.) нынѣ находится въ обращеніи (650 милліон.) болѣе чѣмъ вдвое кредитныхъ билетовъ,

¹ По счетамъ государственнаго банка къ 1 юня 1863 г.

не считая 47 милліоновъ четырехъ-процентныхъ билетовъ, въ 1853 г. не существовавшихъ, и серій возросшихъ противъ 1853 г. въ огромной пропорціи.

Какъ же послѣ этого понять, что теперешнія наши промышленныя и коммерческія затрудненія приписываются иными недостаточности денежныхъ знаковъ въ обращеніи? Въ подтвержденіе подобнаго взгляда, между прочимъ, стараются доказать, что масса бумажныхъ денежныхъ знаковъ или орудій мѣны, которыми въ прежнее время, даже до усиленныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, располагали у насъ промышленность и торговля, была больше нежели въ эпоху нынѣшняго застоя въ дѣлахъ. Для выведенія такихъ сравнительныхъ цифръ присоединяютъ къ массѣ кредитныхъ билетовъ всю массу *вкладныхъ* банковыхъ билетовъ, которые съ 1859 г. потеряли свою обращаемость, будучи консолидированы въ 5%. банковые билеты или превращены въ новыя вкладныя свидѣтельства государственнаго банка, передаваемые изъ рукъ въ руки не иначе какъ по трансферту въ книгахъ банка. Не отвергая, что прежнимъ *вкладнымъ* билетамъ государственныхъ кредитныхъ установленій были присвоены многія свойства давашія имъ подобіе денегъ и кредитныхъ билетовъ, мы никакъ не можемъ считать ихъ наравнѣ съ бумажными деньгами, въ особенности съ нашими, выпускаемыми на самыя мелкія суммы. Вкладные билеты могли служить для платежей, но почти также, какъ всякая кредитная бумага и какъ всякій товаръ. Бумажныхъ цѣнностей, въ томъ числѣ, въ особенности, государственныхъ и частныхъ облигацій, выпускаемыхъ на предъявителя и, какъ извѣстно, весьма часто служащихъ для платежей, — въ прежнее время у насъ вовсе не было; масса этого рода бумагъ уравновѣшиваетъ нынѣ массу прежнихъ вкладныхъ билетовъ, тѣмъ болѣе что съ учрежденіемъ государственнаго банка и его конторъ, открылись у насъ новые платежные способы (текущіе счета, чеки, переводы и проч.). Впрочемъ, мы не отвергаемъ, что часть прежнихъ вкладныхъ билетовъ имѣла у насъ обращеніе; но принявъ даже, что бѣльшая часть вкладныхъ билетовъ прежняго коммерческаго банка находилась въ обращеніи (самые рьяные защитники упомянутаго взгляда, кажется, не простираютъ своихъ исчисленій далѣе этихъ билетовъ), мы придемъ все-таки къ слѣдующимъ результатамъ:

	Билетовъ ком- мерч. банка.	Кредитныхъ билетовъ.	Всего.
1854	198 милл.	356 милл.	554 милл.
1857	241 —	644 —	885 — ¹

Мы готовы даже на сравненіе итоговъ 1858 года съ денежнымъ обращеніемъ послѣдующаго времени. Но къ массѣ билетовъ мы имѣемъ полное право присоединить билеты государственнаго казначейства (серіи) и четырехъ-процентные металлическіе билеты государственнаго банка, которые обладаютъ обращаемою не только не меньшею чѣмъ прежніе вкладные билеты, но гораздо большею, и вслѣдствіе приѣма въ казенные платежи, имѣютъ всѣ свойства денегъ или платежныхъ знаковъ. Серій было къ 1863 г. въ обращеніи 150 милліоновъ, а къ 1854 г. только 60 милліоновъ; четырехъ-процентныхъ металлическихъ билетовъ въ 1854 г. вовсе не было, а въ серединѣ 1862 г. дѣйствительно обращалось до 40 милліоновъ. Такимъ образомъ, мы можемъ все денежное обращеніе, совокупно съ кредитными билетами, опредѣлить въ 1862 г. приблизительно до 830 милліон., и слѣдовательно (сравнительно съ вышеприведенными итогами кредитныхъ и вкладныхъ билетовъ, а также и серій) изъ было болѣе чѣмъ въ 1854 г. на 220 милліоновъ. Даже, сравнительно съ 1858 г., когда сумма вкладовъ доказывала только избытокъ денежнаго обращенія, и когда кризисъ уже обнаружился, денежное обращеніе 1862 года было менѣе лишь на 50 милліон. Таковы численные выводы, получаемые даже на основаніи тѣхъ ложныхъ началъ, какія принимаются защитниками мнѣнія, будто недостаточность денежнаго обращенія есть источникъ нашего кризиса и нынѣшнихъ затрудненій. Что касается до настоящаго времени, то обращеніе четырехъ-процентныхъ билетовъ, и въ особенности серій, какъ извѣстно, возросло. Ко всему этому должно присовокупить, что въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ дробность кредитныхъ билетовъ удвоилась, а мелкость достоинства бумажныхъ денегъ есть не мало важное условіе ихъ проикновенія именно въ тѣ свои народнаго хозяйства (въ сдѣлки съ потребителями), гдѣ излишество денежныхъ знаковъ способно произвести наиболѣе потрясеній.

Представивъ числовыя данныя нашего денежнаго обраще-

¹ Эти цифры должны, безъ сомнѣнія, доказывать противное, то-есть стремленіе избытка кредитныхъ билетовъ къ превращенію въ менѣе подвижныя и процентныя бумаги.

нiя, мы переходимъ теперь къ послѣдствiямъ усиленныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ съ 1853 по 1857 годъ. Мы видѣли, что усиленiемъ обiвна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, денежное обращенiе боролось сколько могло противъ избытка денежныхъ знаковъ, до той поры пока этотъ путь не былъ прегражденъ закрытiемъ размѣна. У насъ существовалъ еще другой каналъ, по которому изливались изъ народнаго хозяйства излишнiе денежные знаки—это вклады въ государственныя кредитныя установленiя. Движенiе вкладовъ представляетъ несомнѣнные признаки излишества денежныхъ знаковъ, брошенныхъ на нашъ рынокъ. Извѣстно, что до 1857 г. вклады быстро накоплялись и достигли цифры 1.012 миллiоновъ. Замѣчательно, что именно въ 1853 г. когда начались усиленные выпуски билетовъ, поступленiе вкладовъ, по всѣмъ банкамъ, вдругъ возросло на 44 миллiона сравнительно съ 1852 г.; въ 1853 г. поступленiе вкладовъ превышаетъ востребованiе на 33 миллiона, тогда какъ, въ 1852 г., это превышенiе составляло только 4 миллiона. Въ 1855 и 1856 годахъ, послѣ самыхъ чрезвычайныхъ выпусковъ, были и самые сильныя приливы вкладовъ.

Въ 1854 году вклады возросли на 24 милл.

— 1855 — — — —	52 —
— 1856 — — — —	78 —

Приемъ вкладовъ въ государственныя кредитныя установленiя былъ неотъемлемою принадлежностью, предохранительнымъ клапаномъ всей системы денежнаго обращенiя, созданной съ учрежденiемъ кредитныхъ билетовъ. Въ 1857 г., съ пониженiемъ банковыхъ процентовъ, этотъ клапанъ былъ закрытъ, и вклады были искусственно погнаны изъ банковъ въ народное обращенiе. Эта мѣра не только самымъ могущественнымъ образомъ усилила дѣйствiе излишнихъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ на народное хозяйство, но и сама выудила еще новые выпуски, какъ въ 1857 г., такъ и въ послѣдствiи. Пониженiе вкладныхъ процентовъ съ 4% на 3%, не соответствовало росту капиталовъ, существовавшему на денежномъ рынкѣ, и въ особенности не соответствовало тѣмъ огромнымъ прибылямъ, которыя въ то время, съ чрезвычайнымъ оживленiемъ промышленности, послѣ войны и умноженiя денежныхъ знаковъ, отчасти получались въ разныхъ отрасляхъ предпрiятiй, отчасти ожидалась, подъ влiянiемъ спекулятивной лихорадки. Пони-

живіе банковыхъ процентовъ, вмѣстѣ съ posiadующимъ расширеніемъ свободы учрежденія акціонерныхъ компаній, дало самый сильный толчокъ тому промышленному и коммерческому движенію, которое началось у насъ съ конца восточной войны и разразилось потомъ всеобщимъ кризисомъ, продолжающимся и до сихъ поръ.

Необходимо имѣть передъ собою важнѣйшія черты нашихъ промышленныхъ и коммерческихъ обстоятельствъ съ восточной войны, чтобъ уразумѣть, въ какой мѣрѣ въ нихъ участвовали излишніе выпуски кредитныхъ билетовъ. Эти обстоятельства представляютъ двѣ совершенно противоположныя эпохи: первоначальнаго чрезвычайнаго оживленія дѣлъ и послѣдовавшаго затѣмъ застоя. Какъ оживленіе, такъ и застой совершенно безпримѣрны и не имѣютъ въ предыдущей исторіи нашего народнаго хозяйства ничего себѣ подобнаго.

Оживленіе промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ, съ окончаніемъ восточной войны, было для всѣхъ такъ очевидно, что вѣтъ надобности доказывать его. Но публикѣ извѣстны, большею частію, только поверхностные факты этого оживленія, далеко еще не составляющіе сущности движенія, причинившаго позднѣйшія потрясенія въ нашей промышленности и торговлѣ. Публика судитъ объ этомъ оживленіи преимущественно по той суматохѣ сангвиническихъ ожиданій и проектовъ, которая поднялась въ образованномъ классѣ съ окончаніемъ войны. Но это возбужденіе само по себѣ еще не привело бы къ тѣмъ кореннымъ, внутреннимъ затрудненіямъ, которыя поразили организмъ нашего народнаго хозяйства въ послѣднее время. Наконецъ акціонерная лихорадка, представляя маловажное явленіе въ нашихъ экономическихъ потрясеніяхъ, сама по себѣ еще не служила главнымъ признакомъ того внутренняго оживленія въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, которое предшествовало нынѣшнему застою. Это оживленіе было гораздо болѣе глубокое и всеобщее нежели какъ обыкновенно думаютъ; оно обнаружилось преимущественно въ той области явленій, которая не привлекаетъ къ себѣ вниманія высшихъ образованныхъ классовъ.

Коренное оживленіе нашихъ промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ принадлежитъ къ 1854 — 1857 гг.. Оно началось еще

до заключенія мира. Оно проявилось чрезвычайнымъ усиленіемъ фабричной дѣятельности, преимущественно въ сѣверной промышленной полосѣ (въ особенности въ губерніяхъ Московской, Владимірской, Ярославской, Костромской), необычайною бойкостью оборотовъ на всѣхъ внутреннѣхъ ярмаркахъ, быстрымъ увеличеніемъ сбыта какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ и въ особенности предметовъ роскоши, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ классахъ. Апогей этого движенія, внутри Россіи, былъ въ 1855 и 1856 годахъ, о которыхъ рѣшительно всѣ участники нашей промышленной и коммерческой дѣятельности говорятъ какъ о *золотомъ времени*. И простые рабочіе, и фабричные, и фабриканты, и купцы всюду говорили намъ объ этомъ времени: „мы тогда озолотились.“ Фабрики не успѣвали изготовлять товары, которые быстро расхватывались; строились новыя фабрики и расширялись старыя; удвоивалось число рабочихъ часовъ, работали ночью; цѣны на всѣ товары и заработки росли непомерно. Несмотря на непрерывное возвышеніе цѣвъ, безпрестанно являлись, на всѣ фабрики и ко всѣмъ гуртовымъ продавцамъ товара, новые заказчики и новые покупатели; люди, только что взявшіе товары, тотчасъ возвращались за новымъ товаромъ, расплачивались до срока, и если не было наличнаго товара, что называется, на перебой заказывали въ сроки. Деньги были въ такомъ изобиліи, что всѣ дивились (говорили намъ коммерческіе люди именно въ этихъ выраженіяхъ) откуда ихъ было столько во всѣхъ рукахъ; не только не было вымогательствъ кредита, но напротивъ, были безпрестанные случаи расплаты за товары до сроковъ; товаръ былъ взять на шесть мѣсяцевъ, а черезъ три мѣсяца должникъ приходилъ уже расплатиться и забрать новый товаръ, да еще съ задатками. Всѣ денежныя обороты совершались чрезвычайно легко и быстро; только что затраченные капиталы возвращались съ огромными барышами. Не только всѣми ощущалось изобиліе въ деньгахъ, но и въ капиталахъ и въ кредитѣ; капиталы, казалось, росли не по днямъ, а по часамъ и потому требовали расширенія существующихъ предпріятій и устройства новыхъ. Такъ было преимущественно въ 1855 и 1856 гг. Все нами сказанное взято изъ свѣдѣній, собранныхъ нами на разныхъ коммерческихъ и мануфактурныхъ пунктахъ, и многое записано почти со словъ практическихъ людей, разказывавшихъ намъ свои обстоятель-

ства безъ всякой мысли о какой бы то ни было теоріи, а иногда даже, напротивъ, съ мыслию разрушить нашу теорію, не имѣющую будто бы ничего общаго съ дѣломъ. Весьма немногіе практическіе люди соглашались, что во всемъ этомъ было хоть какое-нибудь участіе кредитныхъ билетовъ; мы можемъ даже положительно сказать, что нѣкоторые, и соглашаясь, дѣлали эту уступку не болѣе какъ въ видѣ учтивости въ разговорѣ съ нами.

Въ это время промышленнаго возбужденія сангвиническое расположеніе умовъ было такъ сильно, что весьма серіозные люди говорили, что мы не только не истощены войною, а, напротивъ, обогащены. Въ промышленность и спекуляцію бросились люди, которые до войны были совершенно имъ чужды; сверхъ чрезвычайныхъ барышей доставшихся людямъ изъ промышленнаго и коммерческаго класса, большія суммы денегъ очутились съ окончаніемъ войны въ рукахъ всякаго рода людей никогда не занимавшихся ни торговлею, ни промышленностью. Сюда относятся наживы отъ разныхъ операцій административныхъ и хозяйственныхъ, связанныхъ съ военными дѣйствіями, съ заготовками, подрядами и даже съ обыкновенною канцелярскою дѣятельностью по этимъ частямъ. Изъ неудачныхъ, въ военномъ отношеніи, турецкихъ походовъ, изъ опустошеннаго Крыма, изъ-подъ огнедышащихъ укрѣпленій Севастополя воротились въ Россію люди съ огромными состояніями; внезапное промышленное оживленіе увлекло всѣ эти состоянія; многіе бросились на новые пути, которые, какъ всѣмъ казалось, открывались передъ Россіей. О сбереженіи накопленнаго, о благонадежномъ помѣщеніи капиталовъ никто не думалъ; всѣ только и хлопотали о томъ, чтобы нажиться и обогатиться. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ акціонерной лихорадкѣ и о связанномъ съ нею биржевомъ ажіотажѣ въ столицахъ. Акціонерное оживленіе началось позже внутренняго мануфактурнаго; оно достигло высшаго своего развитія въ 1857 и 1858 г. ¹ Внезапное громадное развитіе акціонерной дѣятельности, въ которую бросились, очертя голову, люди изъ

¹ Въ 1856 г. основано было 6 компаній съ капиталомъ въ 15¹/₂ милл. Въ 1857 г. — 14 компаній съ капиталомъ въ 300 милл.; въ 1858 г. — 38 компаній съ капиталомъ въ 51 милл.; въ 1859 г. — 25 компаній съ капиталомъ въ 67 милл.

въсѣхъ классовъ общества, доказываетъ, съ одной стороны, сангвиническое настроеніе преобладавшее въ то время въ умахъ, а съ другой стороны, быстрое накопленіе денежныхъ капиталовъ въ рукахъ людей, чуждыхъ промышленному и коммерческому дѣлу, чуждыхъ производительному употребленію капиталовъ.

Одну изъ крупнѣйшихъ особенностей эпохи промышленнаго оживленія, которую, во всей совокупности, должно отнести къ промежутку времени между 1854 и 1858 г., составляетъ чрезвычайное усиленіе потребленія во всѣхъ слояхъ общества. Это положительно доказывается легкостью сбыта отечественныхъ мануфактурныхъ товаровъ, бойкостью внутренняго ярмарочнаго торга, и возрастаніемъ ввоза иностранныхъ товаровъ въ 1856, 1857 и 1858 гг.¹ Потребленіе преимущественно обратилось на предметы роскоши во всѣхъ классахъ общества; это не было возрастаніе потребленія, идущее рука объ руку съ успѣхами благосостоянія или правильнаго обогащенія; это было потребленіе на счетъ прибытковъ, внезапно прибрѣтенныхъ, какъ бы случайныхъ и даровыхъ; и потому обратилось оно не на внутреннее улучшение быта, а лишь на мгновенное удовлетвореніе прихоти.

Послѣ промышленнаго оживленія настала другая эпоха, съ совершенно противоположными признаками: всеобщій промышленный и коммерческій застой, дающій положенію нашихъ дѣлъ, съ 1858 и 1859 гг., характеръ кризиса. Уже съ 1858 г. начинаются во внутреннемъ производствѣ и торговлѣ задержки, замикки, которыя въ 1859 г. превращаются, внутри Россіи, въ рѣшительный кризисъ. Съ начала этого года начинаютъ раздаваться жалобы на слабость сбыта, на накопленіе непроданныхъ товаровъ; съ 1858 г. начинаются плохія ярмарки, состояніе которыхъ съ тѣхъ поръ не улучшается, а съ каждымъ годомъ ухудшается. Хорошія ярмарки составляютъ съ тѣхъ поръ исключеніе (какъ напримѣръ крещенская ярмарка

¹ Ввозъ увеличился противъ предыдущаго года: въ 1856 г. на 38⁰/₁₀₀; въ 1857 г. на 50⁰/₁₀₀, и въ 1858 г. на 47⁰/₁₀₀; въ 1859 г., когда начинается у насъ обратное движеніе въ дѣлахъ, ввозъ увеличился только на 4⁰/₁₀₀; въ 1860 г. на 0⁰/₁₀₀; въ 1861 г. на 4¹/₂⁰/₁₀₀. Параллельно съ этими цифрами отпукъ нашихъ товаровъ представляетъ совершенно противоположныя данныя; онъ увеличился въ 1856 г. на 10⁰/₁₀₀; въ 1857 г. на 11⁰/₁₀₀; въ 1858 г. на 0,7⁰/₁₀₀; а въ 1859 г. на 9⁰/₁₀₀. (Срвн. Тернера *Европейская торговля Россіи, Вѣкъ 1861 г.*)

1862 г.), подъ вліяніемъ особыхъ, случайныхъ обстоятельствъ. Акціонерный кризисъ обнаружился нѣсколько позже; начался въ 1859 г., и разразился окончательно въ 1860 г. Крушеніе акціонерныхъ компаній было бы излишне описывать: оно слишкомъ всемъ извѣстно; не многія изъ акціонерныхъ предпріятій уцѣлали,—почти исключительно тѣ, которыя существовали до войны. Мѣсто безграничнаго увлеченія акціонернымъ дѣломъ заступила или настоящая паника, или по крайней мѣрѣ равнодушіе. Но акціонерный кризисъ, какъ ни убійственъ былъ онъ для капиталовъ, какъ ни много сбереженій поглотилъ онъ въ себѣ безвозвратно, какъ ни много людей раззорилось въ немъ окончательно, акціонерный кризисъ все-таки дѣйствовалъ болѣе или менѣе на поверхности общества и на верхушкахъ народнаго хозяйства. Во всемъ внутреннемъ его организмѣ произошли затрудненія гораздо болѣе глубокія, болѣе продолжительныя и болѣе опасныя. Какъ внутреннее промышленное оживленіе, о которомъ мы говорили, составляло главный характеръ первой эпохи испытаннаго нами переворота; такъ промышленный и коммерческій застой, поразившій наше народное хозяйство, во всѣхъ внутреннихъ центрахъ производительности и на всѣхъ внутреннихъ рынкахъ, представляетъ собою самую серіозную сторону второй или, лучше сказать, вышедшей эпохи кризиса.

Затрудненія, испытываемыя нашею промышленностью и торговлею въ послѣдніе годы, заключаются въ совокупности явленій, діаметрально противоположныхъ тѣмъ, которыми отличалась эпоха промышленнаго возбужденія. Недостатокъ сбыта, накопленіе непроданныхъ товаровъ, трудность и медленность всѣхъ денежныхъ оборотовъ, высокій дисконтъ, невозможность отысканія капиталовъ за самыя высокіе проценты и подъ лучшія обязательства, неоправданіе кредита людьми, въ прежнее время самыми благонадежными, всеобщее недоувѣріе и наконецъ всеобщее *безденежье*, которое составляетъ главный и почти исключительный предметъ жалобъ во всѣхъ классахъ русскаго общества и на всѣхъ концахъ Россіи. Посреди этихъ затрудненій всѣ фабрики уменьшили свое производство; многія вовсе закрылись, и вездѣ произошли банкротства, въ числѣ которыхъ цѣлыя разрушили самыя прочныя и знатныя коммерческіе дома.

Мы стараемся изобразить вышедшее положеніе нашихъ дѣлъ въ самыхъ общихъ чертахъ, не вдаваясь въ подроб-

ности, которыя были бы излишни для нашей цѣли; полагаемъ однако, что сказанное достаточно вѣрно представляетъ общій характеръ экономическихъ затрудненій, среди которыхъ мы находимся. Мы можемъ подтвердить наши слова всѣми свѣдѣнiями, нами собранными, и показанiями самихъ коммерческихъ нашихъ людей¹.

Картина нашего экономического положенiя была бы весьма не полна, еслибы мы не присоединили къ описаннымъ явленiямъ, взятымъ преимущественно изъ промышленнаго и коммерческаго міра, одного, чрезвычайно важнаго, и уже всеобщаго у насъ явленiя, угнетавшаго, въ своемъ прогрессивномъ развитiи, и продолжающаго угнетать всю Россiю. Мы говоримъ о *дороговизнѣ*. Съ восточной войны цѣны на всѣ товары, и преимущественно на жизненные потребности, росли непомерно, нѣкоторыя почти удвоились². Такимъ образомъ въ окончательномъ результатѣ, мы полагаемъ, что будемъ весьма близки къ истинѣ, если скажемъ, что главныя, преобладающія во всѣхъ нашихъ затрудненiяхъ, явленiя суть: *бездвѣжье* и *дороговизна*. На этихъ двухъ явленiяхъ сосредоточиваются всѣ жалобы; на первомъ преимущественно со стороны промышленныхъ и коммерческихъ людей, на второмъ со стороны публики. На этихъ явленiяхъ мы и остановимся, чтобы перейти теперь къ объясненiю изложенныхъ нами фактовъ.

При самомъ поверхностномъ взглядѣ на эти факты, дѣлается очевиднымъ участiе усиленныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ въ потрясенiяхъ, какія испытало наше на-

¹ Сравн. также пренiя въ политико-экономическомъ комитетѣ, существовавшемъ при Географическомъ Обществѣ, въ особенности рѣчи купцовъ (*Вѣстн. и Политико-эконом. указатель* 1861—62 гг.). Къ общимъ затрудненiямъ присоединились въ послѣднее время совершенно спеціальныя по хлопчатобумажному дѣлу.

² Сравн. Букле *Замѣтки о современномъ экономическомъ кризисѣ Россiи* (*Журналъ для Акціонеровъ*, 1860 г.) и статьи: *Хозяйственные замѣтки о Россiи* (*Русск. Вѣстн.* № 620) и *О кредитныхъ билетахъ* (*Вѣстн.* 1860 г.). Заготовительныя цѣны по военному министерству сравнительно съ періодомъ 1844—1853 г. возросли въ 1854—1858 гг. слѣдующимъ образомъ: муки на 28%, крупы 48%; въ 1859 г.—муки на 61%, крупы на 71%. Справочныя цѣны въ Петербургѣ возвысились въ 1852—1860 гг. сравнительно съ предыдущими годами вообще на 33%. Хлѣбъ, въ разныхъ губерніяхъ, опредѣляющихъ на него цѣны, возвысился въ 1860—61 гг. сравнительно съ 1849—53 на 52%.

родное хозяйство. Чрезвычайное оживленіе промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ внутри Россіи начинается именно въ 1854 г. послѣ первыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ и достигаетъ высшей своей точки въ 1855 и 1856 гг. параллельно съ самыми сильными выпусками. Избытки кредитныхъ билетовъ стали послѣ войны накапливаться въ кредитныхъ установленіяхъ въ видѣ вкладовъ. Это еще противо-дѣйствовало до нѣкоторой степени сильнѣйшему возбужденію промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ. Но съ пониженіемъ процентовъ въ 1857 г., эти вклады выбрасываются на рынокъ, въ публичное обращеніе; они служатъ къ образованію безчисленнаго множества акціонерныхъ компаній и производятъ акціонерную лихорадку. Одновременность всѣхъ этихъ явленій не позволяетъ сомнѣваться въ существующей между ними связи и зависимости; но нѣкоторыя позднѣйшія явленія, которыми осложнились наши экономическія обстоятельства, затемнили дѣйствіе избытка денежныхъ знаковъ. Всего болѣе недоразумѣній возбуждаетъ всюду замѣчаемое у насъ и преобладающее во всѣхъ замѣшательствахъ нашей промышленности и торговли, такъ-называемое, *безденежье*. Этотъ послѣдній фактъ казался бы находиться въ прямомъ противорѣчій съ избыткомъ денегъ. Опираясь на него, многіе видятъ даже главную причину болѣзненнаго состоянія нашего народнаго хозяйства, не только не въ избыткѣ, а въ *недостаткѣ денежныхъ знаковъ*. Во всякомъ случаѣ даже и тѣ, которые не высказываютъ такого крайняго мнѣнія, находятъ совершенное противорѣчіе между двумя одно подлѣ другаго существующими у насъ явленіями: *безденежьемъ*, или испытываемою всѣми скудостью въ денежныхъ орудствахъ, трудностью найти деньги,—и *дороговизною*, которая на языкѣ экономической науки должна означать, что количество денегъ въ обращеніи превосходитъ количество товаровъ, предлагаемыхъ въ обмѣнъ на деньги. Это противорѣчіе заставляетъ многихъ сомнительно говорить объ экономической наукѣ и, въ самомъ лучшемъ случаѣ, заподозривать ея состоятельность въ объясненіи экономическихъ явленій въ Россіи, имѣющей, какъ многіе выражаются, свои особенности отъ западной Европы, и потому представляющей вопросы неразрѣшимые наукой, возникшею на почвѣ намъ чуждой. Въ числѣ этихъ особенностей замѣчаютъ, между прочимъ, и направленіе, которое

прямая затрудненія нашего народнаго хозяйства, и которое вовсе не сходно съ коммерческими кризисами западной Европы. Въ этихъ кризисахъ за временнымъ возвышеніемъ цѣвъ на товары слѣдуетъ всегда паденіе цѣвъ, которое раззоряетъ возбужденную спекуляцію, производитъ банкротство и разрѣшаетъ кризисъ. У насъ напротивъ того остановка въ промышленныхъ и коммерческихъ дѣлахъ не привела къ паденію цѣвъ на товары. Посреди коммерческаго застою и затрудненій въ сбытѣ, отъ которыхъ преимущественно страдаютъ фабрики и торговля, цѣвы держатся на томъ высокомъ уровнѣ, до котораго дошли во время оживленія дѣлъ; застою въ сбытѣ и оборотахъ угнетаетъ фабрикантовъ и купцовъ, а дороговизна продолжаетъ угнетать всѣхъ потребителей. Такимъ образомъ нашъ кризисъ затянулся несслыханнымъ въ Европѣ образомъ, ничѣмъ не разрѣшается и какъ будто никогда не разрѣшится, угрожая обратиться въ постоянный, хроническій застою во всѣхъ дѣлахъ. Итакъ вотъ еще, повидимому, противорѣчіе съ положеніями науки, почерпнутыми, какъ говорятъ, изъ обстоятельствъ западной Европы, намъ совершенно чуждыхъ.

Мы должны постараться теперь примирить всѣ эти кажущіяся противорѣчія, выискнуть, дѣйствительно ли особенности одного нашего хозяйства ведутъ къ результатамъ не согласнымъ съ общими положеніями или объясненіями науки, и разъяснить на сколько въ этихъ особенностяхъ проявились общіе экономическіе законы денежнаго обращенія. Для этой цѣли мы не можемъ довольствоваться наружными признаками потрясеній въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, а должны отдать себѣ полный отчетъ въ дѣйствиі усвоенныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ на наши промышленныя и коммерческія дѣла. Изъ этого анализа мы увидимъ, что въ изучаемыхъ нами явленіяхъ нѣтъ ни малѣйшихъ противорѣчій съ понятіями, выработанными наукой.

В. БЕЗОБРАЗОВЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННЫЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РАСКОЛѢ

Было время, и не такъ давно, когда наше, такъ-называемое, общество не обращало ни малѣйшаго вниманія на старообрядцевъ, знало ихъ только по имени, знало лишь, что они существуютъ на святой Руси, хотя эти существующіе на святой Руси старообрядцы считаются сотнями тысячъ и составляютъ общество крѣпко сплоченное религіозными интересами, дѣятельное, обладающее обширными матеріальными средствами. Народъ зналъ о расколѣ и старообрядцахъ гораздо больше, потому что у старообрядцевъ есть живая связь съ народомъ, предъ которымъ они не имѣютъ побужденій таиться, а напротивъ раскрываютъ свое ученіе и образъ жизни съ полною откровенностью; и это знакомство народа съ старообрядцами часто кончалось и кончается прискорбнымъ для церкви уклоненіемъ простаго люда въ расколъ. Изъ собственно же, такъ-называемаго, общества, за ничтожными исключеніями, интересовались расколомъ только духовенство да чиновники. Духовенство, большею частію не приходское, слѣдовательно не имѣвшее и случаевъ входить въ личныя сношенія съ старообрядцами, интересовалось расколомъ, такъ сказать, съ научной, догматической, теоретической стороны. Здѣсь изучался расколъ по старымъ старообрядческимъ книгамъ и такимъ же православнымъ сочиненіямъ противъ раскола; изъ этого изученія выносилось мнѣніе о расколѣ, какъ о чемъ-то бессмысленномъ и мертвомъ, и кто сталъ бы утверждать противное,

доказывать, что вѣрно есть что-нибудь жизненное въ расколѣ, когда онъ живетъ такъ долго при условіяхъ, повидимому, вовсе не благоприятныхъ для его процвѣтанія, того, безъ сомнѣнія, назвали бы человѣкомъ не понимающимъ дѣла и, пожалуй, проповѣдникомъ опаснаго ученія. На основаніи книжнаго знакомства съ расколомъ и составленнаго уже объ немъ понятія, съ цѣлю обращенія заблуждающихся къ свѣту истины, составлялись книжки противъ раскольниковъ обличительнаго, поучительнаго, сострадательнаго характера, смотря по личнымъ качествамъ самого автора. Если же случалось, что сама дѣйствительность такъ или иначе напоминала о присутствіи въ расколѣ чего-то гораздо болѣе важнаго нежели упорное стояніе за старую букву и старый обрядъ, то составлялись проекты и мнѣнія о мѣрахъ къ прекращенію раскола, о прегражденіи его вліянія на народъ и т. п., проекты и мнѣнія, большею частію, мало приложимые къ дѣлу, хотя нѣкоторые изъ нихъ и испытывались на дѣлѣ. Съ другой совершенно стороны интересовалось расколомъ чиновничество. Догматическою стороною дѣла оно мало интересовалось; напротивъ, по преимуществу слѣдило въ расколѣ его живую дѣйствительность и зорко высматривало, что именно дѣлается въ замкнутомъ, мало доступномъ для общества кружкѣ. Но въ послѣднее время литература обогатилась изданіемъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ памятниковъ раскольничьей письменности, нѣсколькими дѣльными сочиненіями о расколѣ, любопытными разказами о жизни старообрядцевъ: во всемъ этомъ нельзя не видѣть отраднаго явленія пробудившейся въ обществѣ внимательности къ расколу. Да и сами старообрядцы, такъ любившіе прежде не выставлять себя на видъ, теперь какъ бы напрашиваются на вниманіе общества: ихъ участіе въ патріотическихъ заявленіяхъ по поводу послѣднихъ событій въ Царствѣ Польскомъ служатъ тому достаточнымъ доказательствомъ. И однакожь, все-таки мы знаемъ гораздо лучше и обстоятельнѣе что происходитъ въ настоящее время гдѣ-нибудь въ Мексикѣ или разъединенныхъ Американскихъ Штатахъ нежели что дѣлается у старообрядцевъ, и не въ какомъ-нибудь захолустьѣ, а подъ бокомъ у насъ, въ бѣлокаменной Москвѣ. А происходитъ здѣсь нѣчто весьма замѣчательное, стоящее полнаго вниманія.

Въ 1846 году, послѣ долгихъ напрасныхъ исканій, старооб-

рядцамъ-поповщичамъ удалось наконецъ приобрести себѣ архіерея: бывшій боснанскій митрополитъ Амвросій, лишенный кафедры и находившійся подъ запрещеніемъ, рѣшился перейти въ расколъ и принятъ былъ старообрядцами чрезъ повтореніе миропомазанія въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, въ которомъ и утвердилъ свою новую митрополию. Здѣсь пришлось ему повластвовать весьма не долго: въ 1849 году, по распоряженію австрійскаго правительства, онъ былъ отправленъ въ ссылку. Старообрядцевъ, не питавшихъ лично къ Амвросію никакого уваженія, обстоятельство это не слѣшкомъ огорчило, такъ какъ Амвросій успѣлъ уже посвятить имъ и епископа, бывшаго бѣлокриницкаго дьяка, Кипріяна Тимофеева, въ монастырѣ названнаго Кирилломъ. Онъ и сдѣлался преемникомъ Амвросія на Бѣлокриницкой митрополи и „верховнымъ пастыремъ“ у старообрядцевъ, какъ самъ называетъ себя въ грамотахъ. Такимъ образомъ явилось и утвердилось у старообрядцевъ-поповщичевъ пресловутое австрійское овященство.

При учрежденіи новой іерархіи имѣлись въ виду, безъ сомнѣнія, не одни старообрядцы, проживающіе въ Австрійской имперіи, слѣшкомъ малочисленные сравнительно съ ихъ единоувѣрцами въ Россіи, а преимущественно эти послѣдніе. Дѣйствительно, русскіе старообрядцы, никогда не разрывавшіе связи съ единоувѣрцами другихъ странъ, приняли съ живѣйшимъ участіемъ извѣстіе о великомъ для нихъ событіи, совершившемся въ Австріи, и когда въ Москву явился бѣлокриницкій архимандритъ Геронтій съ предложеніемъ признать власть митрополита Амвросія и принимать рукоположенныхъ отъ него священниковъ, прихожане Рогожскаго кладбища, составляющаго средоточіе всѣхъ поповщическихъ общинъ въ Россіи, охотно приняли это предложеніе. Правда, нашлись между ними и противники австрійскаго священства, весьма невыгодно смотрѣвшіе на Амвросія, признававшіе незаконнымъ и самый способъ принятія его въ согласіе; но большинство, увлеченное желаніемъ имѣть своихъ архіереевъ и навсегда избавиться отъ затрудненій, съ какими соединено было, особенно въ то время, переманиваніе православныхъ священниковъ въ расколъ, одержало рѣшительную побѣду, и австрійское священство утвердилось въ Москвѣ, а затѣмъ и во всѣхъ почти иногородныхъ поповщическихъ общинахъ. Митрополитъ Амвросій, а послѣ него и Кириллъ были признаны верховными пастырями новой

іерархіи. Съ того времени явилось у русскихъ старообрядцевъ множество поповъ австрійскаго поставленія и нѣсколько архіепископовъ и епископовъ, поставленныхъ въ значительнѣйшіе города. Они проживаютъ большею частию въ Москвѣ, и какъ принявшіе рукоположеніе отъ бѣлокрилицкаго митрополита состоятъ съ нимъ въ тѣсной связи и признаютъ свою зависимость отъ него. Но въ послѣднее время эта тѣсная связь готова порваться, и можно ожидать рѣшительнаго отдѣленія русской старообрядческой іерархіи отъ митрополіи Бѣлокрилицкой, въ которой она не нуждается болѣе.

Въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца нынѣшняго года митрополитъ Кириллъ пріѣхалъ въ Москву съ архимандритомъ Сергіемъ и архидіакономъ Филаретомъ¹. Путешествіе это онъ рѣшилъ предпринять не безъ сношеній съ нѣкоторыми изъ вліятельныхъ членовъ московскаго старообрядческаго общества. Съ какою именно цѣлю бѣлокрилицкій митрополитъ ѣхалъ сюда, опредѣленно не знаемъ; можно догадываться только, что въ обществѣ московскихъ старообрядцевъ происходили какіе-то беспорядки, не безъ участія и самихъ епископовъ, беспорядки, угрожавшіе опасностію и самой Бѣлокрилицкой митрополіи, особенно ея вліянію на русскую паству, и что главнымъ образомъ для подавленія этихъ беспорядковъ митрополитъ Кириллъ и рѣшилъ ѣхать въ Россію, равно какъ считали необходимымъ его личное присутствіе въ Москвѣ приверженцы Бѣлокрилицкой митрополіи. На пути въ Москву,

¹ Во избѣжаніе недоразумѣній считаемъ нужнымъ сдѣлать оговорку. Да не подумаютъ строгіе любители точныхъ выраженій, будто мы, называя Кирилла митрополитомъ и другихъ епископами, архимандритами и проч., признаемъ ихъ законными митрополитами, епископами, архимандритами и проч. Такія выраженія употребляются нами единственно во избѣжаніе растянутости и тяжеловѣстости рѣчи, еслибы мы стали постоянно употреблять выраженія: же-митрополитъ, глаголемый епископъ, и т. п. Излагая дѣло исторически, по раскольничьимъ документамъ, мы удержали только (не придавая имъ строгаго значенія) тѣ выраженія, какія въ нихъ находятся. Кстати объ этихъ документахъ. Всѣ свидѣнія, сообщаемыя ниже, взяты изъ нихъ; никакихъ произвольныхъ выводовъ и соображеній мы не дѣлали, какъ увидятъ это и сами читатели. Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи находится слишкомъ мало такихъ документовъ, и мы были бы весьма благодарны, еслибы кто, болѣе знакомый съ дѣломъ, дополнилъ сообщаемыя нами свидѣнія.

Кирилла былъ и въ Петербургѣ, гдѣ старообрядцы устроили для него торжественную встрѣчу; въ Москвѣ его приняли также съ большимъ почетомъ. Жилъ онъ попеременно въ разныхъ домахъ, и, разумѣется, отправлялъ въ нихъ торжественное богослуженіе.

Между тѣмъ онъ занялся и своими церковными дѣлами. Для разсужденія объ нихъ составилъ соборъ, на которомъ засѣдали съ нимъ четверо или пятеро старообрядческихъ архіереевъ, проживавшихъ въ Москвѣ. Соборъ имѣлъ нѣсколько засѣданій. Наиболѣе важнымъ дѣломъ было назначеніе епископа, который управлялъ бы всею, какъ выражаются раскольники, россійскою церковію, съ подчиненіемъ ему прочихъ епископовъ, назначеніе, находившееся, какъ надобно думать, въ связи съ главною цѣлю прибытія митрополита въ Москву. Помянуто, какъ важно было для него поставить во главѣ россійской іерархіи человѣка, преданнаго Бѣлокривичской митрополіи, чрезъ котораго онъ удобно могъ бы поддерживать связь съ русскою паствою и вліяніе на нее. Есть основаніе думать, что былъ заранѣе и выбранъ такой человѣкъ,—именно архимандритъ Сергій, котораго привезъ митрополитъ съ собою изъ Бѣлой-Кривицы. Доселѣ управлялъ общими дѣлами старообрядческихъ церквей въ Россіи Антоній, архіепископъ владимірскій. Нужно было или его утвердить въ этомъ званіи, или избрать ему преемника. Антоній не внушалъ митрополиту особеннаго довѣрія, да и въ обществѣ московскихъ старообрядцевъ не у всѣхъ пользовался уваженіемъ: явилось не мало голосовъ противъ него и, согласно желанію самого Кирилла, Антоній былъ устраненъ отъ управленія общими церковными дѣлами у старообрядцевъ. Но въ избраніи преемника ему, желаніе митрополита не получило удовлетворенія: выборъ палъ на епископа саратовскаго, Аванасія, котораго Кирилла и долженъ былъ утвердить въ званіи управляющаго всею россійскою церковію,—впрочемъ, утвердилъ не окончателно. Все это происходило на засѣданіи 18 февраля, послѣ котораго митрополитъ препроводилъ къ Антонію грамоту слѣдующаго содержанія: „Понеже въ бывшемъ 18 февраля засѣданіи, предназначенное касательно врученія все-россійскаго правленія вашему преосвященству постановленіе, чрезъ встрѣтившіяся междуусобныя распри и разногласія, не состоялось: потому вы остаетесь опять, согласно представленнаго вами освященному собору россійскихъ еписко-

повъ сложенія всероссійскаго правленія іерархическихъ дѣлъ, только при Владимірской епархіи. *На будущее время, до особаго благоустройства,* управленіе всероссійскою церковію препоручено нашимъ смиреніемъ боголюбивому епископу Аеанасію Саратовскому. О чемъ извѣщая васъ, предлагаемъ, ради церковнаго мира постарайтесь, согласно 18 правила Сардіійскаго собора, полезное предпринять.“

Выраженія: „на будущее время,“ „до особаго благоустройства“, „препоручено“, — показываютъ, что новоназначеніе дѣйствительно не соответствовало желаніямъ митрополита, и что онъ имѣлъ еще въ виду со временемъ устроить дѣла согласно своему желанію. Убѣдившись же на опытѣ, что соборъ не расположенъ безпрекословно подчиняться его предложеніямъ, онъ рѣшился дѣйствовать съ большею самостоятельностью и началъ дѣлать распоряженія, не сваясь уже съ „освященнымъ соборомъ россійскихъ епископовъ“. Въ чемъ именно состояли эти распоряженія, мы не знаемъ; но онъ возбудилъ сильное неудовольствіе въ старообрядческихъ архіереяхъ, которые съ своей стороны составили соборъ, 21 февраля, и за общимъ подписомъ отправили митрополиту „объявленіе“, что „на основаніи 34 правила Свв. Апостолъ его, безъ согласія епископовъ, распоряженія приняты никакъ не будутъ.“ Митрополитъ оставилъ это объявленіе безъ вниманія. Произошелъ раздоръ. Епископы писали снова митрополиту, что они „удивляются невниманію крайнему его священнымъ правиламъ, или, справедливѣе сказать, безстрашному попиранію церковнаго закона“. Раздоръ и неудовольствіе усиливались, такъ что митрополитъ Кириллъ, быть-можетъ дѣйствовавшій только подъ вліяніемъ пріѣхавшихъ съ нимъ и вызвавшихъ его лицъ, началъ помышлять объ отъѣздѣ изъ Москвы. Отъ 27 февраля онъ написалъ порученіе архимандриту Сергію, которое гласило: „при возвращеніи моемъ ко двору благословляю тебя остаться на время въ Москвѣ для участванія и присутствія въ новоучрежденномъ духовномъ совѣтѣ (?), о дѣйстви и правленіи котораго долженъ постепенно намъ до свѣдѣнія доносить; а когда господинъ епископъ Аеанасій Саратовскій, прибывши въ Москву, вступить въ управленіе и учинится всеобщій миръ церкви, тогда имѣешь возвратиться ко двору.“ Такимъ образомъ митрополитъ предполагалъ оставить Сергія въ Москвѣ въ качествѣ своего намѣстника. Кромѣ того, онъ поручалъ ему учинить

для смиренной митрополіи сборъ въ Москвѣ и переслать къ нему посредствомъ почты.

Но не успѣвъ еще Кириллъ собраться въ путь, какъ случилось обстоятельство, весьма неблагопріятное для него, которое должно было побудить его къ скорѣйшему отъѣзду изъ Москвы. По поводу польскихъ событій пробудилось сильное патріотическое чувство въ русскомъ народѣ; старообрядцы не остались чужды этому общему народному движенію. Благоразумнѣйшіе изъ нихъ понимали, какъ неумѣстно было въ такое многознаменательное время присутствіе въ Москвѣ бѣлокриницкаго митрополита, главы австрійскихъ раскольниковъ; и такъ какъ его пребываніе здѣсь, сопровождавшееся притомъ немалыми волненіями въ старообрядческомъ обществѣ, могло очень легко огласиться, то опасались и неблагопріятныхъ послѣдствій для всего общества старообрядцевъ. Это побудило нѣкоторыхъ изъ болѣе значительныхъ гражданъ, принадлежащихъ къ Рогожекому кладбищу принять мѣры съ своей стороны къ удаленію митрополита Кирилла изъ Москвы. Они составили, съ этою именно цѣлію, прошеніе, въ которомъ обратили особенное вниманіе на политическое значеніе пребыванія бѣлокриницкаго митрополита въ Москвѣ, и 28 февраля подали его въ соборъ своихъ епископовъ. Прошеніе ихъ, написанное въ выраженіяхъ твердыхъ и рѣшительныхъ, обличающее притомъ въ составитель челоуѣка, въ достаточной степени владѣющаго перомъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Просители писали:

„Вынужденными себя находимъ, отъ лица всѣхъ мирныхъ гражданъ, обратить вниманіе ваше, боголюбивые епископы и честные священники, на нижеслѣдующее. Для какой цѣли его высокопреосвященство изволилъ прибыть въ Россію въ такое время, когда почти всѣ западныя губерніи, примыкающія къ границамъ Австріи находятся въ смятеніи, когда Россія, Австрія, Пруссія взволнованы возстаніемъ Поляковъ, когда правительства означенныхъ государствъ строго слѣдятъ за каждымъ движеніемъ передовыхъ личностей. Развѣ для того его преосвященство изволилъ прибыть въ настоящее время въ Россію, чтобы подтвердить о насъ прежнее политическое мнѣніе правительства, или подтвердить извѣстныя слова г. N., высказанныя въ издаваемой имъ брошюрѣ относительно митрополита Кирилла, какъ

главнаго предводителя всеобщаго возстанія старообрядцевъ? Нѣтъ, это уже слишкомъ! Въ такомъ случаѣ мы не можемъ оставаться хладнокровными зрителями, когда хотятъ невольно показать насъ и наше руссiйское духовенство ослушниками воли Государя и подвергнуть величайшимъ бѣдствiямъ, за которыя мы уже, какъ виновники, не будемъ имѣть возможности жаловаться Государю Императору на справедливое распоряженiе правительства. Ибо намъ и руссiйскому духовенству дарована свобода съ условiемъ, чтобы съ старообрядцами, живущими за границей, отнюдь не имѣть сношенiя. Неужели это неизвѣстно его высокопреосвященству? А всего болѣе, неужели неизвѣстно тѣмъ, кто за нимъ посылалъ и кто вѣдиль? Или наконецъ, его высокопреосвященство не нашелъ другаго времени прiѣхать для совѣщанiя по дѣламъ церкви? Это сомнительно. Конечно, мы вполне увѣрены, что святой жизни старецъ увлеченъ людьми, потерявшими совѣсть и страхъ Божiй. А потому и просимъ васъ, боголюбивые епископы: 1) Упросить его высокопреосвященство, господина митрополита, изъ любви къ святой церкви и христiянскому народу и изъ спасенiя своей личности, выѣхать изъ здѣшней столицы и даже изъ Россiи обратно въ митрополию. 2) Въ доказательство и оправданiе предъ Государемъ Императоромъ, отъ котораго безъ сомнѣнiя не скроется необычный прiѣздъ господина митрополита, что мы не участвовали и не участвуемъ въ преступленiи людей безразсудныхъ и не уважающихъ Государя Россiи (въ подлинникѣ поименовано нѣсколько лицъ),—просимъ освященный соборъ не принимать отъ господина митрополита никакого по дѣламъ церкви распоряженiя, не только письменнаго, но даже и словеснаго; 3) Если его высокопреосвященство почему-либо не приметъ въ уваженiе, вслѣдствiе нашей просьбы, вашего предложенiя и вопреки соборныхъ правилъ сдѣлаетъ безъ вѣдома собора какое-либо распоряженiе, и равно если епископъ Софронiй, священникъ Григорiй, или кто-либо изъ поименованныхъ евтскихъ шести лицъ будетъ содѣйствовать господину митрополиту и не поспѣшитъ упросить его тотчасъ же удалиться: то просимъ немедленно выдать намъ копію съ сего прошенiя за подписью всего собора, съ присовокупленiемъ формальнаго господину митрополиту предложенiя. Долгъ повелѣваетъ испытывать всѣ средства, прежде чѣмъ взяться за оружіе. При чемъ не лишнимъ считаемъ присо-

вокупить, что уже въ настоящее время россійскому собору нѣтъ никакой надобности находиться подъ вліяніемъ чужеземнаго архипастыря, тѣмъ болѣе чтобъ ослушаніемъ въ сообщеніи съ предѣлами австрійскими не оскорбить Августѣйшаго Монарха и не навлечь себѣ величайшаго бѣдствія. Итакъ, заявляя предъ соборомъ россійскихъ епископовъ общій нашъ протестъ, имѣемъ честь присовокупить, что по поводу встрѣчи, сдѣланной въ Петербургѣ, а равно по извѣстному пребыванію митрополита въ домахъ..... уже повсюду носятя не только неприятыя, но и весьма опасныя слухи; и, чего Боже сохрани, если правительство дѣйствительно придастъ сему дѣлу тотъ политическій характеръ, который живо бросается въ глаза каждому, тогда невольно придется въ оправданіе свое объяснить подробно, кто посылалъ въ Австрію и для какой цѣли, кто встрѣчалъ митрополита; а это подробное объясненіе повлечетъ за собою величайшія бѣдствія для поименованныхъ лицъ, поступившихъ такъ безразсудно. Но дай Богъ, чтобъ они скорѣе одумались и пришли въ раскаяніе; иначе не спасутъ ихъ ни деньги, ни даже самое присоединеніе къ господствующей церкви.“

Такое „заявленіе протеста“, какъ выражаются современные намъ старообрядцы, произвело ожидаемое дѣйствіе. „Освященный соборъ“ далъ знать объ немъ митрополиту Кириллу; и такъ какъ оный, несмотря на то, медлилъ отъѣздомъ, соборъ препроводилъ къ нему отъ 10 марта грамоту, въ которой писалъ между прочимъ: „препровождая къ вамъ копію съ поступившаго въ соборъ прошенія московскихъ гражданъ, напоминаемъ вамъ озаботиться о немедленномъ по содержанію оного зависящемъ отъ васъ исполненіи, т.-е. не отягощая болѣе вашимъ здѣсь безпотребнымъ и даже опаснымъ существованіемъ для мирныхъ христіанъ сей [столицы, сейчасъ же съ Сергіемъ и Филаретомъ отправиться обратно въ Бѣлую-Кривицу, съ тѣмъ, что за противозаконныя, никакъ не терпимыя церковію ваши дѣянія вы, по силѣ нашего объявленія и по оному дополненія, съ наложеніемъ запрещенія отъ священнодѣйствія подлежите суду большаго освященнаго собора. Наконецъ рѣшительно вамъ подтверждаемъ, что со времени здѣшняго нашего вамъ отзыва 21 февраля, никакія ваши распоряженія, ни письменныя, ни словесныя, въ непринадлежащей вамъ области, вопреки церков-

ныхъ правилъ учиненныя, нами приняты отнюдь не будутъ. А если вы и послѣ сего окончательнаго извѣщенія, не являсь лично на соборъ епископскій для принесенія раскаянія въ вашихъ незаконныхъ поступкахъ, по обыкновенной вамъ буети, будете присылать какія-либо папскія буллы, то оныя возвращены будутъ не распечатанныя.“ Подписали: Ануфрій, Антоній, Пафнугій, и Варлаамъ.

Послѣ этого митрополиту не оставалось ничего болѣе, какъ отправиться восвояси. До отъѣзда, именно въ первыхъ числахъ марта, онъ таки посвятилъ своего спутника Сергія въ епископа, въ городъ Тулу.¹ Изъ письма этого новопоставленнаго епископа (къ сожалѣнію, крайне безграмотнаго), которымъ извѣщалъ онъ, отъ 16 марта, „дѣдушку Кирилла“ о московскихъ „обстоятельствахъ“, можно получить нѣкоторое понятіе о волненіяхъ въ старообрядческомъ обществѣ, вызванныхъ прѣздомъ митрополита и которымъ не положилъ конца самый отъѣздъ его изъ Москвы. Сергій впервыхъ извѣщалъ дѣдушку: „Алимпій (вѣроятно тотъ самый, который принималъ такое дѣятельное участіе въ отысканіи епископа для старообрядцевъ и отыскалъ наконецъ митрополита Амвросія) прислалъ сюда письмо, такое поносительное, что уже и ненада хуже быть. Вамъ уже его поносы извѣстны. Совѣтъ здѣшнихъ гражданъ и мой — выгнать пса вонъ: мѣнѣ будетъ грѣха. Пишетъ, что хотятъ подавать царю (т.-е. австрійскому императору) на васъ, куда вы выѣхали безъ спросу его: смѣхъ одинъ съ разбойникомъ!“ О томъ же, что дѣлается собственно въ Москвѣ онъ писалъ: „по вашему отъѣздѣ насъ зашвыряли письмами. Выгонять васъ хотить, и двадцетми правилами проклинаятъ васъ, что ужести подобно!“ Кто именно во всемъ этомъ были главными дѣятелями, изъ дальнѣйшаго содержанія письма понять трудно; видно, впрочемъ, что преимущественное значеніе принадлежало здѣсь обществу; епископы же не всѣ дѣйствовали противъ митрополита. По крайней мѣрѣ объ Антоніи и Ануфріи Сергій писалъ, что по отъѣздѣ Кирилла они „стали погромчѣи поступать“ (т.-е. стали оказывать нѣкоторое противодѣйствіе требованіямъ общества), и что „старики на нихъ очень злы: только дай Богъ, чтобъ спаслись они!“ О Софроніи, который

¹ Отъ 5 марта онъ писалъ уже въ Одессѣ одному изъ благотворителей, что весной посѣтитъ свою епархію и что ему нужно „и до Полтавы дѣхать, по опредѣленію самого владыки Кирилла“.

участвовалъ въ вызовѣ митрополита въ Москву, писалъ, что онъ находится въ Казани; о себѣ же, что „сидитъ безъ духу“. Онъ извѣщалъ также: „разослали письма повсюду и поносятъ Кирилу, Филарета, Софронія; нигдѣ этихъ беззаконныхъ не принять по всей Россіи и выгнать ихъ за границу. А меня хотятъ застрѣлить: охъ! горе мнѣ!“ Такимъ образомъ пріѣздъ Бѣлокриницкаго митрополита въ Москву имѣлъ для него и единомышленныхъ ему лицъ весьма печальныя послѣдствія. Чѣмъ кончились возбужденныя имъ волненія у старообрядцевъ и кончились ли въ настоящее время, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно.

Гораздо важнѣе и интереснѣе для насъ уяснить смыслъ и значеніе того что происходило у Рогожцевъ. Здѣсь именно заслуживаютъ особеннаго вниманія два обстоятельства: какъ опредѣлились 1) взаимныя отношенія между старообрядческимъ обществомъ и старообрядческими архіереями, и 2) отношенія общества и самихъ архіереевъ къ австрійскому митрополиту. Оказалось, что общество старообрядцевъ не остается безучастнымъ къ церковнымъ дѣламъ; ему напротивъ, какъ видно особенно изъ приведеннаго протеста, принадлежитъ здѣсь инициатива, починъ. Оно дѣлаетъ предложенія собору архіереевъ, притомъ въ формѣ весьма настойчивой и рѣшительной. Правда, въ основаніи ихъ лежатъ политическія соображенія: опасеніе подвергнуться со стороны правительства подозрѣніямъ въ измѣнѣ отечеству, но вмѣстѣ съ тѣмъ общество дѣлаетъ „освященному собору“ и такого рода предложенія, которыя имѣютъ чисто церковный характеръ, какъ напримѣръ чтобы не принимали ни письменныхъ ни словесныхъ распоряженій митрополита *по дѣламъ церкви*, и чтобы подумали о прекращеніи зависимости отъ Бѣлокриницкой митрополіи. Съ другой стороны, епископы не только принимаютъ во вниманіе голосъ общества, сами подчиняются ему, но и поставляютъ его однимъ изъ основаній для своихъ распоряженій относительно митрополита. Такія отношенія, конечно, объясняются главнымъ образомъ зависимостью старообрядческихъ архіереевъ отъ прихожанъ Рогожскаго кладбища, особенно богатыхъ, и вообще ихъ должнымъ, шаткимъ положеніемъ. Но едва ли было бы справедливо отрицать здѣсь и присутствіе древнихъ началъ, лежавшихъ въ основаніи взаимныхъ отношеній между клиромъ и

народомъ, которому предоставлена была своя и значительная доля участія въ церковныхъ дѣлахъ,—началь, къ которымъ старообрядцы очень привязаны. Что же касается отношеній старообрядческаго общества и духовенства къ бѣлокривцкому митрополиту, то послѣднія событія показали ясно, какъ слаба и ничтожна была соединявшая ихъ связь, чего именно и надлежало ожидать по существу самого дѣла. Въ Бѣлокривцкой митрополіи чувствовалась нужда,—и старообрядческое общество въ Россіи подчинило себя ея духовной власти; когда же миновалась нужда, когда митрополитъ поставилъ для старообрядцевъ достаточное количество русскихъ архіереевъ, то при первомъ обнаруженіи притязаній со стороны митрополита на распоряженіе церковными дѣлами въ обществѣ русскихъ старообрядцевъ, ему со всею безцеремонностью и весьма настоятельно даютъ знать, что общество это есть не принадлежащая ему область, и что никакія его распоряженія въ этой непринадлежащей ему области, какъ противозаконныя, приняты быть не могутъ. Въѣшняя связь, державшаяся только нуждой, не имѣвшая строго-нравственнаго характера, порвалась. Собственно въ „обществѣ“ старообрядцевъ такое явленіе совершенно понятно и можно быть увѣреннымъ, что оно не менѣе охотно разорвало бы связь и съ собственными архіереями австрійскаго поставленія, еслибъ явилась возможность имѣть епископовъ правильно поставленныхъ. Но довольно неожиданно поведеніе старообрядческихъ епископовъ относительно своего митрополита. Правда, оно объясняется, съ одной стороны, вліяніемъ общества, протестовавшаго противъ дѣйствій митрополита и отъ котораго старообрядческіе архіереи, какъ мы сказали, находятся въ такой зависимости, съ другой, оскорбительнымъ для нихъ самовластіемъ, какое самъ Кириллъ обнаружилъ такъ неосторожно въ Москвѣ. Но они должны были понять, что съ митрополитомъ они связаны личными интересами, что прекращеніе его вліянія на русскихъ старообрядцевъ легко можетъ привести къ ослабленію и ихъ собственного значенія у послѣднихъ, а при случаѣ и къ такому же совершенному его прекращенію. Это, кажется, и поняли тѣ епископы, которые съ отъѣздомъ митрополита изъ Москвы, по выраженію Сергія, начали „поступать по громчѣ“. Для насъ же то обстоятельство, что въ послѣднее время нанесъ такой чувствительный ударъ вліянію австрійской митро-

полнѣ на наше старообрядческое общество, составляетъ самую важную сторону въ изложенныхъ событіяхъ и тѣмъ болѣе знаменательно и заслуживаетъ вниманія, что одновременно съ протестомъ противъ австрійскаго владычества старообрядцы сдѣлали весьма важный шагъ къ сближенію съ православною церковію. Объ этомъ въ высшей степени замѣчательномъ событіи поговоримъ въ послѣдствіи.

ПО НОВОДУ СТАТЬИ

„РОКОВОЙ ВОПРОСЪ“

Сколько несчастныхъ случаевъ бываетъ вслѣдствіе недоразумѣній! Сколько недоразумѣній бываетъ вслѣдствіе разобщенности нашихъ понятій съ дѣйствительною жизнью! Сколько бѣдъ отъ того, что мысль наша живетъ постоянно въ какой-то фантазмагоріи, въ царствѣ тѣней и призраковъ, гдѣ она сама становится призракомъ, и призракомъ является посреди жизни, смущая и пугая ее!

Сколько, въ самомъ дѣлѣ, недоразумѣній! Сколько бываетъ перегибовъ, въ которыхъ не доберешься ни до начала, ни до конца! Вотъ человѣкъ съ вражескимъ умысломъ, который сумѣетъ увѣрить насъ, что не онъ намъ врагъ, а мы сами себѣ враги, и сумѣетъ повести дѣло такъ, что мы повѣримъ ему и будемъ принимать крѣпкія мѣры безопасности противъ самихъ себя, и будемъ такимъ образомъ дѣлать надъ собою дѣло своего врага, а ему предоставимъ удовольствіе поджигать это дѣло и направлять его какъ ему захочется. А вотъ вамъ еще человѣкъ, не имѣющій въ душѣ своей ни малѣйшаго дурнаго умысла, но и не имѣющій почвы подъ ногами, хотя непрерывно твердящій о почвѣ,—вотъ этотъ человѣкъ, думая совершить гражданское дѣло, совершаетъ дѣйствіе, приводящее всѣхъ въ негодованіе.

Да, странныя бывают недоразумѣнія! Пора намъ отрезвлять наши мысли, пора намъ наконецъ серьезно къ чему-нибудь опредѣлиться и стать чѣмъ-нибудь; пора намъ перестать слоняться бродячими призраками среди вопросовъ жизни, пора намъ перестать судить и рядить на основаніи понятій, ничего не понимающихъ, изъ ничего созданныхъ, ни къ чему полезному не пригодныхъ и плодящихъ все недоразумѣнія и недоразумѣнія, роковыя недоразумѣнія!

Читателямъ извѣстна статья „Роковой вопросъ“, напечатанная въ журналѣ *Время*, подвергшемся за нее запрещенію. Мы не помнимъ, чтобы когда-нибудь журнальная статья производила въ нашемъ обществѣ такое сильное негодованіе. Обыкновенно, общественное мнѣніе у насъ не очень чутко и не очень демонстративно. Давно ли еще могли безнаказанно высказываться передъ нимъ неслыханныя нелѣпости, самыя безчестныя и развратныя мысли, которыхъ не стерпѣла бы никакая общественная среда, а наша общественная среда, лишенная всякой жизненной организаціи, приученная къ страдательному положенію, беззащитно преданная всякому вліянію, сносила ихъ терпѣливо и даже давала имъ ходъ, тѣмъ болѣе что онѣ являлись предъ нею во всеоружіи цензурнаго одобренія? Но какъ только въ обществѣ пробудилось одно великое, всѣхъ соединяющее чувство, такъ тотчасъ же очистилась наша нравственная атмосфера, и общественное мнѣніе стало серьезно и чутко. Оно страхнуло съ себя дремоту; въ немъ пробудилась энергія; въ немъ оказалась могущественная сила отпора. Что такъ недавно раздавалось громко, самоувѣренно и, повидимому, господствовало надъ общественнымъ мнѣніемъ, то возбуждаетъ теперь омерзеніе и прячется въ трущобу; что прежде тѣшило почтеннѣйшую публику, то возбуждаетъ теперь общее и энергическое негодованіе. Еще немного, и вся эта плѣсень исчезнетъ съ расколыхавшейся поверхности нашего общества. Вотъ разница между обществомъ спящимъ и обществомъ пробудившимся! Никакія административныя мѣры, сами по себѣ, не въ состояніи сдѣлать то что можетъ сдѣлать внутренняя сила бодрствующая въ самомъ обществѣ, что можетъ сдѣлать общественное мнѣніе, когда оно собрано и сосредоточено на одномъ, дѣйствительно общемъ, дѣлѣ. Нечего какими-нибудь искусственными мѣрами прививать къ жизни охранительные инстинкты, — нечего объ этомъ заботиться, потому что въ

этихъ-то инстинктахъ и состоитъ сила жизни. Нужно только давать ходъ силамъ жизни, призывать ихъ къ дѣятельности, устранять чтò стѣсняетъ ихъ проявленіе, а не повергать ихъ въ апатію, въ той мысли что чѣмъ менѣе жизни въ обществѣ, чѣмъ менѣе предоставляется дѣйствія его кореннымъ силамъ, тѣмъ будто бы общество спокойнѣе, здоровѣе и безопаснѣе.

Общественное мнѣніе, благодаря пробудившемуся патріотическому чувству, стало внимательно, чутко, и обнаруживаетъ энергію, какой прежде не было замѣтно въ немъ. Оно было оскорблено статьею, о которой мы упомянули. Со всѣхъ сторонъ стекались къ намъ заявленія негодованія, которое было возбуждено ею. Патріотическое чувство, пробудившееся съ такою силой, не могло допустить, чтобы не въ станѣ враговъ, а среди русскаго общества, раздался странный голосъ въ пользу притязаній враждебныхъ Россіи. Оно никакъ не могло допустить, чтобы въ средѣ русскаго общества кто-нибудь бралъ на себя должность судьи между русскимъ и польскимъ дѣломъ, между православіемъ и католичествомъ, и подъ личиною судейскаго безпристрастія произносилъ приговоръ въ пользу польской цивилизаціи и латинства; оно не могло стерпѣть возмутительную мысль, будто бы Полякъ, во глубинѣ души своей, на столько чувствуетъ себя выше Русскаго, что не можетъ стоять съ нимъ наравнѣ, а непременно долженъ получить преобладаніе. Будь что-либо подобное, или еще хуже того, написано Полякомъ, будь что-либо подобное написано тономъ полемическимъ, съ запаломъ страсти, общество скорѣе могло бы стерпѣть. Оно могло бы отвѣчать презрѣніемъ на подобную выходку; но оно было глубоко возмущено, слыша подобныя разсужденія отъ чело-вѣка, назвавшего себя Русскимъ, и какъ бы ни сильно выразилось это негодованіе, оно было бы совершенно естественно и справедливо. Мы не будемъ излагать содержаніе вышеозначенной статьи, не будемъ возобновлять то тяжелое чувство, которое она возбудила, тѣмъ болѣе что и самый журналъ, въ которомъ она появилась, постигнуть административною карой.

Чтò же однако выходить? Статья была писана совсѣмъ не съ тѣми намѣреніями, которыя въ ней оказались. Авторъ этой статьи—не переодѣтый Полякъ, а дѣйствительно Русскій, —и Русскій, который въ этой самой статьѣ хотѣлъ заявить свое патріотическое чувство и послужить своему народу. Кто

повѣрить этому? Не знаемъ, повѣрить ли кто-нибудь, но мы не могли не повѣрить. Авторомъ статьи оказался литераторъ извѣстный намъ по своему образу мыслей, и, по нашему личному убѣжденію, вовсе не способный къ какимъ-нибудь изыскательскимъ замысламъ. Авторъ этой статьи, г. Страховъ, извѣстенъ многими статьями философскаго и критическаго содержанія и предпринятымъ имъ переводомъ сочиненія нѣмецкаго профессора Куно Фишера объ исторіи новѣйшей философіи. Г. Страховъ былъ постояннымъ противникомъ того пошлаго матеріализма, съ задорными ухватками, который распространился было въ нашей литературѣ. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи была на столько успѣшна, что явственно отдѣлила его отъ грязныхъ кружковъ петербургской журналистики, которые относились къ нему съ ожесточеніемъ и злобою, что могло бы льстить его самолюбію, еслибы только чье-нибудь самолюбіе могло придавать значеніе людямъ этого сорта. Но, къ сожалѣнію, статьи его всегда заключали въ себѣ что-то туманное и неопредѣленное и какъ-будто ничѣмъ не оканчивались. Въ нихъ чувствовалась мысль добрая по своему настроенію, но воспитанная въ праздныхъ отвѣченностяхъ, въ безплодномъ схематизмѣ понятій. Г. Страховъ, какъ сказано, занимается философіей и храбро причисляетъ себя къ послѣдователямъ гегелевской философіи, давно умершей, похороненной и всѣми забытой. Не печальное ли это явленіе? Люди занимаются сами не зная чѣмъ, сами не зная зачѣмъ. Богъ знаетъ, какимъ образомъ вдругъ возникаютъ у насъ разныя направленія, ученія, школы, партіи. Какія дѣйствительныя причины могли бы возбудить у насъ въ человѣкѣ потребность, не вымышленную, а серьезную, заниматься гегелевскою философіей, и что значатъ эти занятія ничѣмъ не вызываемыя, ничѣмъ не поддерживаемыя, ни къ чему не клонящіяся, ни къ чему не ведущія? Съ какими преданіями они связываются, къ чему они примыкаютъ, на чемъ стоятъ? И дѣйствительно ли развилась у насъ такъ широко философскій интересъ, что у насъ могутъ являться специалисты по разнымъ нѣмецкимъ системамъ? Какой смыслъ представляетъ изъ себя русскій человѣкъ, становящійся послѣдователемъ системы, выхваченной изъ цѣлаго ряда нѣмецкихъ системъ, и отдѣльно не имѣющей никакаго значенія ни у себя дома, ни для посторонняго наблюдателя?

Съ гегелевскою философіей у г. Страхова соединилось еще

какое-то особаго рода славянофильство, состоящее въ исканіи какихъ-то началъ народныхъ, ни на что не похожихъ, нигдѣ не существующихъ, но долженствующихъ откуда-то прилетѣть, — въ исканіи какой-то почвы, — словомъ, въ повтореніи того что такъ словообильно говорится у насъ вездѣ, гдѣ только возникаетъ рѣчь о матеріяхъ важныхъ. Что чувство несостоятельности нашего учено-литературнаго образованія, эфемерности идей и направленій въ нашей литературѣ, есть чувство весьма естественное, — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но изъ этой печальной истины вовсе не слѣдуетъ, чтобы всѣ толки о несостоятельности и эфемерности нашей цивилизаціи, которые теперь пуще всего слышатся въ нашей литературѣ, заключали въ себѣ что-нибудь правдивое и дѣльное. Кто поручится, что и самое недовольство фальшью не есть въ цѣлыхъ устахъ точно такая же фальшь? Кто поручится, что во всѣхъ этихъ фразахъ о своенародныхъ началахъ, о твердой почвѣ, о самобытности и о прочемъ тому подобномъ, высказывается не та же самая пустота мыслей, противъ которой протестуютъ эти фразы? Дѣло не въ томъ что мы говоримъ, а въ томъ, какъ мы добрались до того что говоримъ, изъ какихъ источниковъ идутъ наши слова. Слова — символы, и противоположные символы могутъ легко приурочиться къ одному и тому же. Одинъ и тотъ же духъ пустословія можетъ высказываться въ совершенно различныхъ, даже противоположныхъ и взаимно отрицающихъ одна другую фразахъ.

Намъ давно хотѣлось поговорить объ этихъ такъ-называемыхъ народныхъ началахъ, объ этой *трансцендентальной* напряженности, съ какою толкуютъ у насъ о народныхъ началахъ. Чего хотятъ эти господа, какихъ народныхъ началъ они ищутъ, какая самостоятельность для нихъ требуется, какой это правды имъ захотѣлось?

Увы! мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, что всѣ эти модные у насъ теперь толки о народности, о коренныхъ началахъ, о почвѣ и т. п. не обращаютъ мысль ни къ народности, ни къ кореннымъ началамъ, не приводятъ ее къ чему-нибудь дѣльному, а напротивъ еще пуще уносятъ ее въ туманъ и пустоту. Въ этомъ-то туманѣ и разыгрываются всѣ недоразумѣнія нашихъ мыслителей и пророчествующихъ народолюбцевъ. Мы смѣемъ увѣрить этихъ господъ, что они возвратятся къ народу и останутъ на почвѣ, о

которой они такъ много толкуютъ, не прежде какъ переставъ толковать о ней и занявшись какимъ-нибудь болѣе серьезнымъ дѣломъ. Не прежде эти мыслители обрѣтутъ то чего ищутъ, какъ прекративъ свои исканія. Не прежде станутъ они дѣльными людьми, какъ переставъ пророчествовать и благовѣстительствовать. Не прежде станутъ они и русскими людьми, какъ переставъ отыскивать какой-то таинственный талисманъ, долженствующій превратить ихъ въ русскихъ людей. Они наткнутся на искомую народность не прежде какъ переставъ отыскивать ее въ какихъ-то превыспреннихъ началахъ, въ пустотѣ своей ничѣмъ незанятой и надутой мысли. Если эти господа дѣйствительно чувствуютъ потребность выйдти изъ этой пустоты и очутиться посреди живой дѣйствительности, то сдѣлать это вовсе не такъ трудно какъ имъ кажется: для этого не требуется никакого напряженія, никакого воздвѣганія очей и рукъ горѣ, не требуется никакихъ гримасъ, никакого пророчества, никакого благовѣстительства,—напротивъ, все это надобно бросить, все это и есть тотъ гашиль, которымъ они себя дурманяютъ; и когда они перестанутъ все это дѣлать, то они ео ipso очутятся посреди живой дѣйствительности, посреди народа, на твердой почвѣ. Когда столбнякъ пройдетъ, и человѣкъ очнется, и не зрячіе глаза его станутъ зрячими, и онъ осмотрится вокругъ, и увидитъ себя въ извѣстномъ мѣстѣ, среди извѣстныхъ обстоятельствъ, у какого-нибудь дѣла, забытаго имъ за важными матеріями, и онъ приметъ за дѣло и будетъ вести его съ толкомъ, на яву, а не во снѣ, то онъ несомнѣнно будетъ человѣкомъ дѣльнымъ, полезнымъ, а въ придачу получитъ и народность, и самостоятельность, и начала, и элементы, и почву. Чтѣ бы кто ни дѣлалъ, — большое или малое, все равно, — надобно лишь дѣлать толково, отчетливо, на яву, а не во снѣ. А главное, — не говорить ни одного слова, не отдавъ себѣ въ немъ яснаго отчета и не зная къ чему въ дѣйствительности оно относится. Язва нашего времени, — язва, свирѣпствующая не у насъ однихъ, но повсюду,—есть страсть пророчествовать, поучать человечество и благовѣстительствовать ему. Никто не хочетъ ничего сказать спроста, всякій топырщится и мѣшетъ изъ кожи; у всѣхъ вдохновеніе во взорѣ и волосы дыбомъ; всѣ созерцаютъ, пророчествуютъ, благовѣстуютъ или бичуютъ.

Народныя начала! Коренныя основы! А что такое эти начала? Что такое эти основы? Гдѣ ихъ взять? Что за звѣрь эти начала и эти основы? Представляется ли вамъ, господа, что-нибудь совершенно ясное при этихъ словахъ? Коль скоро вы, по совѣсти, должны сознаться, что при этихъ и подобныхъ словахъ, въ головѣ вашей, не рождается столь же ясныхъ и опредѣленныхъ понятій, какъ при имени хорошо извѣстнаго вамъ предмета, то бросьте эти слова, не употребляйте ихъ и заткните уши, когда васъ будутъ подбивать ими. Лучшій способъ стать дѣльнымъ человѣкомъ, — не выходить изъ круга ясныхъ понятій, какъ бы ни былъ онъ тѣсенъ. Задача умственнаго образованія въ томъ главнѣйшемъ образомъ и состоитъ, чтобы человѣкъ съ совершенною точностію чувствовалъ и зналъ что такое знать, что такое понимать, и не могъ смѣшивать съ дѣйствительною мыслию всякое праздное возбужденіе ума, ту темную игру представленій, которая ничѣмъ не различается отъ грезъ. Пусть лучше человѣкъ ошибочно понимаетъ вещи и судить односторонне; но пусть только онъ съ полною ясностію представляетъ себѣ то что думаетъ и что говорить, и вотъ онъ уже будетъ стоять на почвѣ, а не висѣть на воздухѣ.

Что же такое народныя начала, по которымъ требуется перестроить нашу жизнь и переладить нашу цивилизацію? Если это есть нѣчто не существующее, то, погнавшись за нимъ, мы тутъ-то какъ разъ и потеряемъ почву подъ ногами и повиснемъ на воздухѣ, потому что почва или ничего не означаетъ, или означаетъ что-либо существующее. Если же искомыя нами народныя начала—нѣчто дѣйствительно существующее, то мы иначе и найдемъ ихъ не можемъ, какъ отрезвившись, раскрывъ глаза и обратившись къ тому что непосредственно окружаетъ насъ, обратившись безъ всякихъ мудрований и ухищреній. Первымъ признакомъ нашего обращенія на путь истины будетъ и теоретическое, и практическое уваженіе къ существующему. Если вы отправитесь въ глубь вѣковъ отыскивать ваши начала, то вы точно также сорветесь съ почвы и удалитесь отъ искомаго, какъ и въ томъ случаѣ, если устремите вашъ незрячій взглядъ въ будущее; и тамъ и тутъ подвергаетесь вы одинаковому риску, и тамъ и тутъ потеряете вы голову. Хотите сохранить ее въ невредимости,—

оставьтесь гдѣ стоите, и займитесь прежде всего тѣмъ что у васъ подъ рукою.

Бѣда наша еще не въ томъ, что мы плохо учены, мало образованы, что цивилизація у насъ не широка и не богата: наша бѣда состоитъ только въ томъ, что мы, всякаго рода умники, не признаемъ, не понимаемъ, наконецъ, просто не видимъ того что вокругъ насъ живетъ и движется. Оттого существующее вокругъ насъ темно, черно, лишено для насъ смысла, а мысли наши пусты, ни къ чему непригодны и бездѣльны. Оттого мы все и тянемся куда-то, чего-то все ищемъ; оттого мы и пророки, и благовѣстители, и въ то же время большая дрянь во всѣхъ отношеніяхъ.

Итакъ, мы не придаемъ большого значенія вошедшимъ у насъ теперь въ моду жалобамъ на нашу цивилизацію. Жалоба жалобѣ рознь. Конечно, мы имѣемъ много основаній жаловаться на условія нашей общественной организаціи, имѣемъ много основаній жаловаться на состояніе нашихъ школъ и университетовъ, на положеніе нашей литературы, въ которой могутъ еще раждаться такіа произведенія, какъ романъ г. Чернышевскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что ни въ какой литературѣ не появляется на свѣтъ, относительно, такъ много всякой мерзости. Нигдѣ общественное мнѣніе не находится въ такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ какъ у насъ, и нигдѣ вслѣдствіе того общественное слово не подвергается такому злоупотребленію. Нигдѣ такъ много не пророчествуютъ, не верхоглядствуютъ, не благовѣствуютъ какъ у насъ, нигдѣ такъ не празднословятъ, по крайней мѣрѣ нигдѣ все это не является въ такой отчаянной несоразмѣрности съ количествомъ дѣльной мысли, серіознаго труда и разумнаго слова. Нигдѣ, наконецъ, такъ много не толкуютъ о народныхъ началахъ, о почвѣ, о самостоятельности, о заимствованной цивилизаціи, которую слѣдуетъ бросить, о самобытной цивилизаціи, которую должно начать сызнова. Все это признаки дѣйствительно неутѣшительные. Но какова бы ни была наша цивилизація, какъ бы ни были грустны явленія происходящія въ нашей литературѣ, въ нашей *soi-disant* умственной жизни, цивилизація наша есть фактъ, отъ котораго мы не можемъ отпереться. Хороша или дурна наша цивилизація, — она есть фактъ, и этого факта уничтожить мы не можемъ, не уничтожая себя самихъ и всего насъ окружающаго. И не цивилизація наша дурна, а дурны мы сами

потому что мы ничѣмъ серьезнымъ не занимаемся, а только пророчествуемъ. Напротивъ, наша цивилизація есть дѣло очень хорошее и совершенно необходимое; уничтожить ее отнюдь не слѣдуетъ, Боже сохрани! Мы въ правѣ желать лучшаго, мы можемъ желать большаго; но ничего не можемъ мы приобрести, ничего не можемъ сдѣлать иначе какъ на основаніи того что уже имѣемъ, никакого улучшенія не можемъ мы достигнуть иначе какъ на основаніи уже существующаго. Науки, у насъ не процвѣтаютъ, это правда; но мы не можемъ отказаться отъ того малаго что мы еще имѣемъ въ нашей скудости; напротивъ, стараться мы должны не о томъ, чтобы все это бросить и обзаводиться сызнова, а чтобы изъ малаго и плохаго вышелъ какой-нибудь прокъ, чтобы оно приумножилось и улучшилось.

Нѣтъ, мы должны дорожить нашею цивилизаціей, а не бросать ее, подъ тѣмъ предлогомъ, что мы ее заимствовали, а не выработали изъ народныхъ началъ. Всѣ другъ у друга заимствуютъ, всѣ другъ у друга учатся, и люди, и народы. Кто бы ни помогъ намъ выучиться, напримѣръ, математикъ,—это все равно, лишь бы только мы хорошо выучились ей и умѣли употреблять ее въ дѣло. Дурно было бы не то, что мы у кого-нибудь учились ей, а дурно было бы то, еслибъ оказалось, что мы плохо учились, болѣе занимаясь квадратурой круга, или изыскивая способы какъ бы устроить торжественную встрѣчу параллельныхъ линій.

Хлопоты о разныхъ превыспреннихъ предметахъ болѣею частію свидѣтельствуютъ о праздности мыса, мѣшаютъ людямъ заняться чѣмъ-нибудь положительнымъ и стать чѣмъ-нибудь на пользу общества, на пользу народа, о которомъ мы такъ усердно толкуемъ, доискиваясь коренныхъ началъ его, съ цѣлію создать изъ нихъ нѣчто небывалое и неслышанное. Мы говоримъ о народѣ, о его коренныхъ началахъ, и не замѣчаемъ того, что становимся игрушкой самой злой ироніи: чѣмъ болѣе мы толкуемъ о народѣ и о его началахъ, тѣмъ болѣе отходимъ отъ народа и отъ его началъ, и чѣмъ болѣе предаемся исканіямъ какой-то почвы, тѣмъ болѣе теряемъ всякую почву у себя подъ ногами.

Наша бѣда вовсе нѣ въ свойствахъ нашей цивилизаціи, а въ томъ, что у насъ постоянный разладъ между словомъ и мыслію, между мыслію и дѣломъ. Не передѣлывать нашу цивилизацію сызнова на какой-нибудь особенный

мудь, а по возможности прекратить нашу обычную болтовню, освободить нашъ умъ отъ напыщенности фразъ, которыя заѣдаютъ ее, отрезвиться и быть проще и естественнѣе во всемъ,—вотъ ближайшая задача нашей цивилизаціи, и мы сдѣлаемъ безмѣрный шагъ впередъ, если намъ удастся рѣшить эту задачу удовлетворительнымъ образомъ.

До какихъ грустныхъ послѣдствій доводитъ людей неестественность и вычурность мысли, примѣромъ тому можетъ служить статья г. Страхова. Мы получили отъ него письмо, въ которомъ онъ свидѣтельствуетъ о чистотѣ своихъ намѣреній и о чувствѣ одушевленія, которое его. Намѣренія у него были хорошія. И что же однако вышло? Съ его позволенія мы воспользуемся нѣкоторыми мѣстами его письма, объясняющими его намѣренія и въ то же время объясняющими, почему эти намѣренія не могли не извратиться въ своемъ выраженіи. „Мнѣ дорогъ мой патріотизмъ“, пишетъ онъ намъ, какъ дорога каждому чувства его души“, и въ своей статьѣ, такъ оскорбившей, такъ возмущившей русское чувство, онъ имѣлъ наивную надежду послужить органомъ этому самому чувству! Онъ пишетъ намъ далѣе: „Я полагалъ, что не всякое патріотическое чувство удовлетворится голословными похвалами и восклицаніями, что найдутся люди, которые потребуютъ прочныхъ и глубокихъ основъ для своего патріотическаго чувства, и потому старался глубже вникнуть въ вопросъ.“ Онъ старался глубже вникнуть въ вопросъ! Вотъ въ этомъ-то вся и бѣда. вмѣсто того чтобы смѣшаться съ живыми людьми, вмѣсто того чтобы заодно съ ними мыслить, чувствовать и дѣйствовать, онъ пустился вникать глубже въ вопросъ. Онъ забылъ и почву, и народное чувство, и событія, происходящія теперь у всѣхъ передъ глазами, и погрузился въ метафизику „вопроса“. Что же онъ вынесъ изъ этой глубины? Онъ говорить:

„Я старался показать, что осуждая Поляковъ, мы, если хотимъ дѣлать это основательно, должны простирать свое осужденіе гораздо далѣе чѣмъ это обыкновенно дѣлается, должны простирать его на величайшія ихъ святыни, на ихъ цивилизацію, заимствованную отъ Запада, на ихъ католицизмъ, принятый отъ Рима.

„Обратно я старался показать, что гордясь собою, мы, Русскіе, если хотимъ дѣлать это основательно, должны простирать эту гордость глубже чѣмъ это обыкновенно дѣлается, т.-е. не останавливаться въ своемъ патріотизмѣ на обширности и крѣпости государства, а обратить свое благо

говѣніе на русскія народныя начала, на тѣ глубокія духовныя силы Русскаго народа, отъ которыхъ безъ сомнѣнія зависитъ и его государственная сила.

„Таковъ смыслъ моей статьи и другого мѣста въ ней!

„Мы не можемъ“, писалъ я въ заключеніе, „отказаться отъ вѣры въ свое будущее.“ Въ цивилизаціи земной и кѣмшией мы уступаемъ Полякамъ, но мы желали бы вѣрить, что въ цивилизаціи народной, коренной, здоровей мы превосходимъ ихъ.“ (стр. 161.)

„Глубоко вѣруя въ „элементы духовной жизни Русскаго народа“, а сѣбя говорилъ о польской цивилизаціи, о всѣхъ ея притязаніяхъ. Я не пугался смотрѣть въ глаза авторитету Европы, который теперь возсталъ на насъ...

„Мы выше Поляковъ“, говоритъ г. Петерсеонъ. Кто жь говорить противное? И я этому вѣрю, и я это чувствую. Я только жалѣю, что мы должны доказывать наше превосходство нашею кровію, нашими побѣдами и погромами, а иначе никто намъ не поспршитъ. Еслибы въ Европѣ была твердая мысль о нашемъ превосходствѣ, еслибы хоть предчувствіе этого превосходства могло существовать въ Польшѣ, не было бы польскаго вопроса, и мы не шли бы и не посылали бы нашихъ дѣтей и братьевъ на битву противъ Поляковъ.

„Европа давно уже отталкиваетъ насъ, давно уже смотритъ на насъ какъ на враговъ, какъ на чужихъ. Когда же мы наконецъ перестанемъ подлащиваться къ ней и стараться увѣрить и себя и другихъ, что и мы Европейцы? Когда наконецъ мы перестанемъ обижаться, когда намъ скажутъ, что мы сами по себѣ, что мы не Европейцы, а просто Русскіе, что отъ Европы скорѣе всего намъ можно ожидать вражды, а не братства?

„Если я погрѣшилъ, то, если возможно, погрѣшилъ избыткомъ патриотизма. Пусть тѣ, кто негодуешь на мою статью, выкинутъ хорошенько въ источникъ своего негодованія, она убѣдитъ, что оно происходитъ изъ затронутого народнаго самолюбія; а именно это самолюбіе заговорило во мнѣ и нашло въ моей статьѣ можетъ-быть слишкомъ рѣзкое выраженіе.

„Есть самолюбія, которыя удовлетворяются малымъ; ужели же можно обвинить меня за то, что я пожелалъ для Россіи *слишкомъ многого*, что я выразилъ категоричное ожиданіе *нравственной победы* Россіи надъ Европою?“

Не грустно ли это? Не грустно ли видѣть такую путаницу недоразумѣній? Человѣкъ хотѣлъ самымъ рѣзкимъ образомъ выразить свое народное самолюбіе, свой патриотизмъ, и что же сдѣлалъ? Онъ оскорбилъ это самолюбіе, онъ возмущилъ это патриотическое чувство. Онъ возбудилъ патриотизмъ, но возбудилъ его совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ желалъ: онъ вооружилъ противъ самого себя всю силу этого чувства. Кто же тутъ виноватъ? Народъ ли, общество ли, или

пророкъ, который взялся проникнуть въ глубину народнаго духа, и попалъ неожиданно въ лагерь враговъ своего народа?

Онъ „старался показать, что осуждая Поляковъ, мы, если хотимъ дѣлать это основательно, должны простирать свое осужденіе гораздо дальше чѣмъ обыкновенно это дѣлается, должны простирать его на величайшія ихъ святыни, на ихъ цивилизацію заимствованную отъ Запада, на ихъ католицизмъ принятый отъ Рима.“ Онъ не хотѣлъ удовольствоваться тѣмъ, что „обыкновенно дѣлается“; онъ желалъ совершить нѣчто необыкновенное; онъ хотѣлъ „основательно“ осудить Поляковъ, и простереть свое осужденіе на величайшія ихъ святыни. Но зачѣмъ же это? Боже мой! Зачѣмъ такое осужденіе? Зачѣмъ такая страшная анаеема? Поляковъ осуждаютъ вовсе не за цивилизацію ихъ, не за религію ихъ. Никакой надобности и никакого права не имѣемъ мы осуждать ихъ за это. Поляковъ осуждаемъ мы за тѣ притязанія ихъ, которыхъ удовлетворить мы не можемъ, и которыя должны встрѣтить съ нашей стороны самый неговорчивый, самый рѣшительный, самый энергическій отпоръ во всѣхъ отношеніяхъ.

Возымѣвъ намѣреніе основательно осудить Поляковъ, авторъ *Роковаго вопроса* пожелалъ съ неменьшею основательностью возгордиться своею народностію; онъ равномерно пожелалъ простереть эту гордость глубже чѣмъ это обыкновенно дѣлается, и обратить свое благоговѣніе на русскія начала, на глубокія духовныя силы русскаго народа. Увѣряемъ г. Страхова, что еслибъ онъ удовольствовался тѣмъ „что обыкновенно дѣлается“, еслибъ онъ не погружался въ глубину съ своею гордостью и съ своимъ благоговѣніемъ, то и народная гордость его вѣрнѣе нашла бы себѣ удовлетвореніе, и благоговѣніе его не превратилось бы въ кощунство и наругательство.

Во глубинѣ своего созерцанія, г. Страховъ пришелъ къ той мысли, что яблокомъ раздора между Европой и Россіей служить польская цивилизація. Онъ увѣренъ что Европа видитъ въ польской цивилизаціи свое дорогое дѣтище, и отстаиваетъ ее отъ нашего варварства. Онъ вообразилъ себѣ, что вся эта суматоха, которая поднялась въ Европѣ по польскому дѣлу, произошла отъ того, что Европа видитъ въ Польшѣ цвѣтъ своей цивилизаціи, которому грозитъ опасность

со стороны Россіи. Въ пустотѣ называемой глубиною всякая мысль легко можетъ придти въ голову, и человѣкъ теряетъ побужденіе отдать себѣ отчетъ въ ней. Г. Страховъ очень спокойно, самъ не замѣчая того, принялъ точку зрѣнія, которая какъ нельзя лучше соответствуетъ видамъ Поляковъ и даетъ смыслъ самымъ безумнымъ изъ ихъ притязаній. Въ самомъ дѣлѣ, восудите, какой характеръ принимаетъ тяжба между Россіей и Польшей, когда вамъ говорятъ, что Польша есть передовой постъ европейской цивилизаціи, что въ Польшѣ Европа видать и должна видѣть дѣла цивилизаціи, и что точно также должна смотрѣть на нее и сама Россія? Если это такъ, то все русское общество, все что есть въ Россіи мыслящаго и цивилизованнаго, должно умокнуть и предоставить Полякамъ все чего они требуютъ, а себя отдать на волю Божию. Борьба между всемірною цивилизаціей, которую будто бы представляетъ собою Польша, и варварствомъ, которое будто бы остается на долю Россіи, есть борьба невозможная. Но русскій мыслитель, какъ оказывается, не хотѣлъ этого сказать: онъ любитъ свое отечество и увѣренъ въ его будущности. Онъ не только любитъ свое отечество, но онъ любитъ его *необыкновенно*, и глубоко вникаетъ въ него своею любовью. Онъ не просто увѣренъ въ будущности Россіи, но увѣренъ въ чемъ-то такомъ что выше всякаго разумѣнія и ускользаетъ отъ всякой оцѣнки: онъ увѣренъ, что если теперь Европа напираетъ на насъ своею цивилизаціей, то Россія въ послѣдствіи времени побѣдитъ эту цивилизацію. Онъ имѣетъ въ резервѣ таинственныя царольныя начала и не менѣе таинственную почву, и зритъ какъ въ будущемъ разовьется изъ нихъ новая великая цивилизація, которая преодолѣтъ врата адавы и низложитъ европейскую цивилизацію. Онъ стало-быть видитъ борьбу не между цивилизаціей и безнадежнымъ варварствомъ, онъ видитъ борьбу между цивилизаціей настоящаго и цивилизаціей будущаго. Цивилизація настоящаго есть Европа съ своимъ дѣтищемъ Польшей, а цивилизація будущаго остается за Россіей. Но такъ какъ въ дѣйствительности существуетъ только настоящее, а будущее потому и будущее что его въ наличности не имѣется, то противными партіями оказывается съ одной стороны дѣйствительно существующая сила, а съ другой фантазія пророка, которому стало даже совѣство

развивать свою фантазію въ отпоръ дѣйствительной силѣ, и онъ вынужденъ былъ довольствоваться только слабыми и стыдливими намеками на таинственную глубину своихъ удивительныхъ созерцаній, такъ что въ статьѣ его представлялись яко только преимущества нашихъ враговъ, а наши исчезли въ туманѣ. Очень естественно, что статья г. Страхова должна была оскорбить и возмутить всѣхъ русскихъ людей, которые лишены дара пророческаго ясновидѣнія и живутъ, какъ всѣ люди, въ обыкновенномъ, общемъ для всѣхъ мірѣ. По здравому смыслу, по обыкновеннымъ условіямъ дѣйствительности, тонкіе пророческіе намеки должны были показаться очень грубымъ предательствомъ, которое въ самый разгаръ борьбы объявляетъ дѣло враговъ своего отечества дѣломъ цивилизаціи. Никто не могъ понять и оцѣнить того безмѣрнаго великодушія, той щедрости метафизика-патріота, который отдавая Полякамъ европейскую цивилизацію вознаграждалъ за то свое отечество фантастическими видами на будущее. Грубая Россія не могла оцѣнить этотъ щедрый даръ; мы почти увѣрены, что и никакая другая страна на свѣтѣ не оцѣнила бы этого дара и не промѣняла бы существующей цивилизаціи на благодать обѣщанную пророкомъ. Грубость здраваго смысла никогда не промѣняетъ существующаго на несуществующее, и всегда скажетъ: „не суди журавля въ небѣ, дай синицу въ руку“. Но главное еще не въ томъ. Главное вотъ въ чемъ: можетъ ли здравый смыслъ допустить, что въ настоящемъ спорѣ между Россіей и Европой рѣчь идетъ о цивилизаціи? Много ли нужно сообразительности для того чтобы понять какое значеніе имѣютъ всѣ эти возгласы, которыми до сихъ поръ наполнялись европейскіе журналы? Кому не извѣстно, что тамъ гдѣ печать имѣетъ силу, она, какъ и всякая цѣнная вещь, становится предметомъ купли, продажи и найма. Кому неизвѣстно, что большая часть крикливыхъ органовъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ могутъ быть закупаемы и покупаются разными партіями и правительствами, что множество европейскихъ газетъ наняты польскою партіей, которая употребляетъ всѣ усилія чтобы поднять свое дѣло въ Европѣ? Всѣ эти сдѣлки производятся въ европейскомъ журнальномъ мірѣ совершенно открыто, и во всемъ извѣстно какъ много та или другая партія платитъ журналу, не только за адвокатство въ ея

дѣль, но и за всевозможныя извращенія истины въ ея интересѣ. Тутъ есть разныя степени услугъ и вознагражденій, точно также какъ бывають разныя степени купли и продажи въ судахъ и администраціи: есть благорасположеніе и услуживость съ благовиднымъ гонораріемъ, есть всякаго рода крючкотворство болѣе или менѣе вагае, съ столь же наглыми взятками. Если, въ разныхъ европейскихъ журналахъ, насъ топтали въ грязь и превозносили польскую цивилизацію, то это дѣлалось вовсе не по убѣжденію въ достоинствахъ этой послѣдней, а вслѣдствіе той же всемогущей причины, которая побуждала газеты принимать въ свои столбцы фальшивыя телеграммы, завѣдомо ложныя корреспонденціи и завѣдомо несогласныя съ дѣломъ толкованія. Мы можемъ смѣло увѣрить г. Страхова, что никто изъ мыслящихъ политическихъ людей въ Европѣ не обольщаетъ себя достоинствами польской цивилизаціи, и что если достоинства эти выставились на видъ, то это дѣлалось или просто за взятку, или въ какихъ-нибудь политическихъ видахъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ польскою цивилизаціей, ни съ Польшею вообще. Если въ британскихъ палатахъ было сказано кое-что лестное о польской національности въ это послѣднее время, то въ тѣхъ же самыхъ палатахъ, въ другое время, вопросъ объ этой національности возбуждалъ только смѣхъ; да и теперь иронія чувствуется за каждымъ словомъ, которое произносится тамъ въ пользу Поляковъ, и тамъ просятъ только о томъ чтобы не дѣлать понапрасну агонію умирающей національности.

Люди живущіе не въ облакахъ, люди не отыскивающіе почвы, а по закону тяготѣнія естественно находящіеся на ней, очень хорошо знаютъ, что въ спорахъ между Россіей и Европой никогда не было рѣчи о цивилизаціи. Всѣ очень хорошо знаютъ, напримѣръ, что въ борьбѣ Россіи съ Наполеономъ дѣло шло вовсе не о цивилизаціи, что сама же Англія была ея союзницею въ этой борьбѣ, и что побѣда Россіи возвратила Европѣ и свободу, и цивилизацію. Наконецъ, всѣ очень хорошо знаютъ, что въ послѣднюю войну, когда тоже вся Европа была противъ насъ, и когда мы отбивались отъ нея на бастионахъ Севастополя, дѣло шло тоже не о цивилизаціи: дѣло шло, какъ извѣстно, о Турціи, которую Европа отнюдь не признаетъ за свое дѣтище. Неужели наши метафизики скажутъ и тутъ, что Европа, вооружаясь на насъ за Турцію, дѣйствовала изъ благого-

вѣнія къ святыни Корана, и что намъ предстояло, „осуждая Турокъ, дѣлать это основательно и простирать наше осужденіе глубже чѣмъ это обыкновенно дѣлается, простирать его на величайшія ихъ святыни, на ихъ, цивилизацію заимствованную отъ Запада, на ихъ католицизмъ принятый отъ Рима“? А между тѣмъ за Турцію Европа вооружалась на насъ съ ожесточеніемъ, съ какимъ никогда не вооружится за Польшу, несмотря на то, что въ Польшѣ есть дѣйствительно нѣкоторая „цивилизція, заимствованная отъ Запада, и католицизмъ, принятый отъ Рима“. Польша никогда не была и никогда не будетъ истиннымъ предметомъ споровъ между нами и Европой; Польша всегда была и всегда будетъ, пока длится ея агонія, только орудіемъ, только средствомъ, только предлогомъ. Ни однимъ шиллингомъ не пожертвуетъ Англія на польскую цивилизацію и на польскій католицизмъ; Германія же отдастъ послѣдній пфенигъ, чтобы только не допустить возстановленія Польши съ ея цивилизаціей, которая обратилась въ пословицу у Нѣмцевъ, называющихъ „польскимъ хозяйствомъ“ (polnische Wirthschaft) всякую неурядицу и безобразіе. Франція видитъ въ Польшѣ также не цивилизацію, а вассала, слугу и chair à canon.

Католицизмъ! Европа возстаетъ на насъ за католицизмъ, господствующій въ Польшѣ! Католицизмъ—символъ европейской цивилизаціи! Католицизмъ, который съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ, теряетъ свое значеніе, свой авторитетъ въ Европѣ, католицизмъ, который недавно подвергся сокрушительнымъ ударамъ въ самой Италіи, былъ предметомъ всяческаго позора и терпѣлъ крайнее униженіе, католицизмъ, который, если не нынче, такъ завтра, долженъ будетъ отказаться отъ своего характеристическаго отличія, отъ своего зловреднаго преимущества, отъ своей фальшивой основы, заключающихся въ свѣтской власти папы! Неужели за права папы, за святыню католицизма ополчилась на насъ и Англія,—Англія, гдѣ благочестивые люди видятъ въ папѣ ни болѣе, ни менѣ какъ антихриста, а всѣ вообще видятъ въ католицизмѣ самую зловредную язву,—въ Англіи, гдѣ католицизмъ есть предметъ такой ненависти и такого презрѣнія, какихъ нѣтъ у насъ и тѣни. Поистинѣ, надобно быть русскимъ благовѣстителемъ и пророкомъ, чтобы хоть на минуту остановиться на мысли о польской цивилизаціи и католицизмѣ какъ пред-

метахъ спора между Россіей и Европой въ настоящее время. Сдѣлаемъ увѣрить г. Страхова, что еслибъ европейскимъ государственнымъ людямъ, особенно англійскимъ и германскимъ, пришлось хозяйничать въ Польшѣ при тѣхъ условіяхъ какъ хозяйничаемъ мы, такъ тамъ въ самомъ скоромъ времени не было бы и помина ни о польской національности, ни о святыхъ католицизма. Европейская цивилизація расправилась бы тамъ съ этими святынями несравненно успѣшнѣе нашего варварства, такъ какъ она уже расправилась съ ними въ присоединенныхъ къ Германіи польскихъ земляхъ, гдѣ, какъ на примѣръ въ Восточной Пруссіи, народъ стыдится говорить по-польски, а католическая религія находится въ презрѣніи. Что касается до православной церкви, то она мало извѣстна въ Европѣ, но противъ нея нѣтъ всеобщаго предубѣжденія. Всегда были просвѣщенные люди которые понимали ея значеніе и уважали ее, и если фанатическіе паписты считаютъ насъ раскольниками, то не-паписты, даже при нѣкоторыхъ догматическихъ разногласіяхъ, готовы предпочесть ее католицизму. Давно ли г. Гладстонъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ, религіознѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ людей Англій, нынѣшній канцлеръ казначейства, въ бытность свою на Ионическихъ островахъ, въ качествѣ верховнаго правителя, благоговѣнно принималъ благословеніе отъ православныхъ архіепископовъ и ходилъ на молитву въ греческія церкви? А между тѣмъ можно съ увѣренностію сказать, что г. Гладстонъ отнюдь не сталъ бы лобызать туфлю его святѣйшества папы.

Равномѣрно и предрасудки касательно нашего варварства давно уже потеряли кредитъ въ Европѣ. Насъ не считаютъ варварами, но насъ мало уважаютъ, потому что мы сами не уважаемъ себя. Насъ между прочимъ не уважаютъ за то, что мы слишкомъ выбиваемся изъ силъ чтобы походить не на себя, и еще до сихъ поръ наши интимныя мысли, наши дружескія объясненія и конфиденціальныя сообщенія творимъ на французскомъ языкѣ. Насъ не уважаютъ также за то, что мы все ищемъ какой-то почвы, что толкуемъ о какихъ-то началахъ, что мы все куда-то тянемся, и хотимъ быть Русскими не просто по-русски, а по какой-нибудь лѣмецкой метафизикѣ. Насъ не уважаютъ за то же, за что не уважаютъ и соплеменниковъ нашихъ Поляковъ; но насъ все-таки болѣе уважаютъ чѣмъ ихъ, потому что люди просвѣщенные и опыт-

ные, несмотря на весь сумбуръ, которымъ щеголяютъ наши ушаки, несмотря на наши французскіе разговоры, несмотря на наше гримасничанье, все-таки чувствуютъ за нами здоровыя и крѣпкія силы цивилизаціи, которой нужно только освободиться отъ недоразумѣній и ложныхъ ассоціацій, отвлекающихъ умы отъ настоящаго дѣла.

Европейская цивилизація не считаетъ насъ своими врагами. Напротивъ, европейская цивилизація ожидаетъ нашего содѣйствія, и нѣтъ сомнѣнія, что это содѣйствіе чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ значительнѣе, и благотворнѣе. Европа нуждается въ насъ; могущественная, крѣпкая, самостоятельная Россія не замѣнима въ системѣ цѣлаго міра. Ея значеніе возрастаетъ и будетъ обнаруживаться все сильнѣе, все могущественнѣе и глубже. По болтовнѣ журнальныхъ крикуновъ и салоннымъ разговорамъ, по возгласамъ разныхъ агитацій, никакъ нельзя судить объ истинныхъ отношеніяхъ Европы къ Россіи. Если она сѣтуетъ на насъ, если она противъ насъ злобствуетъ, то истинныя причины къ тому заключаются не въ томъ, чтобъ она желала нашего уничтоженія, а въ томъ, что мы сами недостаточно цѣнимъ себя и недостаточно дѣствуемъ для удовлетворенія тѣхъ всемірныхъ потребностей, которыя жадутъ себѣ удовлетворенія отъ Россіи.

Мы имѣемъ всѣ элементы великой, могущественной, столько же всемірной, сколько и народной цивилизаціи. Но мы найдемъ эти элементы и воспользуемся ими только тогда, когда перестанемъ искать ихъ. Эти элементы не въ мечтахъ, не въ фантазіи; эти элементы обрѣтаются въ существующемъ. Они вокругъ насъ, они въ насъ; они въ томъ что мы презрительно отталкиваемъ отъ себя, ища чего-то лучшаго. То что для насъ теперь темно и мелко, и дурно, и презрительно, и ничтожно,—то самое дастъ намъ всѣ эти элементы, какъ только мы сумѣемъ взглянуть на себя самихъ и на все насъ окружающее съ должной точки зрѣнія, какъ только мы сумѣемъ приравнять нашу мысль, наши понятія къ окружающей насъ дѣйствительности, освѣтить ее и дать полный ходъ ея силамъ. Идеалы будущаго служатъ всегда отговоркою для праздноя и лѣнивой мысли. Не въ призракахъ будущаго, а въ настоящемъ должны мы искать себѣ точки опоры,—въ томъ что есть на лицо, въ томъ что теперь существуетъ. Мы должны цѣнить нашъ народъ и

любить наше отечество въ ихъ настоящемъ, какъ бы повидимому оно ни мало соответствовало нашимъ недопеченымъ идеаламъ. Мы должны взять вещи такъ какъ онѣ есть и не передѣлывать ихъ въ фантазіи по нашимъ понятіямъ, а, напротивъ, прежде всего постараться поставить нашу мысль такъ, чтобы мы могли видѣть ихъ должнымъ образомъ и разобрать то что въ нихъ есть существеннаго и случайнаго. Причину недовольства окружающимъ прежде всего должны мы, умники, пророки и благовѣстители, искать въ самихъ себѣ, и только тогда всѣ наши преобразованія будутъ вполне полезны, когда мы будемъ надлежащимъ образомъ преобразовывать самихъ себя, то-есть наши воззрѣнія и понятія.

Наши мыслители сочинили свою космологію, и имѣютъ ее въ виду, когда толкуютъ о происходящемъ въ мірѣ дѣйствительномъ: можно представить себѣ сколько происходитъ отсюда всякой неаѣности! По ученію этихъ мыслителей, существуютъ какіе-то два міра, изъ которыхъ одинъ называется Европой, или Западомъ, а другой—Россіей, и эти два міра не имѣютъ между собою ничего общаго и взаимно исключаютъ другъ друга. Можетъ-быть эта космологія и очень хороша сама по-себѣ, можетъ-быть и въ самомъ-дѣлѣ было бы очень пріятно и желательно устроить два такіе міра; но, къ сожалѣнію, въ дѣйствительности ничего подобнаго не оказывается. Въ дѣйствительности, Россія есть одна изъ самыхъ коренныхъ силъ Европы; въ числѣ пяти великихъ державъ она составляетъ Европу, въ тѣснѣйшемъ и собственномъ смыслѣ, и только какъ великая европейская держава извѣстна она цѣлому міру, только въ такомъ качествѣ имѣетъ она значеніе и силу. Точно также не оказывается никакой особенной западной цивилизаціи, которой должна противостоять особая исключительно русская цивилизаціи: въ дѣйствительности есть, во-первыхъ, одна всеобщая, всемірная цивилизація, которая охватываетъ всѣ народы, которая втягиваетъ, наконецъ, въ свою сферу и Китай и, Японію, и во-вторыхъ, есть индивидуальная цивилизаціи отдѣльныхъ историческихъ народовъ,—цивилизациіи, въ которыхъ выразился трудъ ихъ жизни и которая составляютъ капиталъ каждаго народа въ особенности. Европейскіе народы, находясь подъ условіемъ общей войны и обязательной для всѣхъ цивилизаціи, тѣмъ не менѣе глубоко

и существенно разнятся между собою. Стоить только взять для примѣра двѣ самыя крайнія западныя страны чтобы видѣть какъ въ одно и то же время обязательна общая цивилизація, и какъ рѣзко обрисовывается индивидуальная цивилизація Англии и Франціи во всемъ, начиная отъ религіозныхъ и политическихъ учрежденій до мельчайшихъ подробностей быта. Россія точно также подлежитъ условіямъ общей цивилизаціи, обязательнымъ и для государства русскаго, и для каждаго русскаго человѣка въ отдѣльности. Но въ то же время Русскій народъ и Русское государство обладаютъ свойственными имъ условіями быта и развитія. Вмеѣстѣ съ европейскою, или лучше сказать всемірною системою цивилизаціи, къ которой существенно принадлежитъ и Россія, возможна и необходима особенная русская самостоятельная цивилизація. Но обѣ эти цивилизаціи не исключаютъ одна другую; напротивъ, онѣ живутъ одна въ другой, взаимно другъ друга усиливаютъ, и образуютъ неразрывное единство. Развивать свою собственную цивилизацію не значитъ отрицать или отбрасывать европейскую цивилизацію, воевать съ нею и преодолевать ее. Напротивъ, развивая свою собственную цивилизацію, мы глубже и дѣйствительнѣе будемъ удовлетворять требованіямъ цивилизаціи всемірной.

Авторъ *Роковаго Вѣща* отважился явиться для оцѣнки горячихъ событій съ тою фантастическою космологіей, о которой мы сейчасъ говорили. Міръ распадается на двѣ половины: Западъ и Россія. Западъ блещетъ всеми цвѣтами радуги и исполненъ всѣхъ благъ католицизма и цивилизаціи, а Россія не только отсутствіе всего этого, но и нѣчто всему этому радикально противоположное. Но это же самое говорятъ и польскіе враги, чествуя насъ Монголами и Гуннами. Огромная разница оказывается только въ метафизикѣ: наши враги считаютъ насъ неспособными ни къ какой цивилизаціи; наши благовѣстители обѣщаютъ намъ напротивъ высочайшее, величайшее, глубочайшее развитіе, окрыляютъ насъ гордою мыслію, что мы создадимъ новую всемірную цивилизацію а доселѣ существующую побѣдимъ, что доселѣ существовавшая цивилизація, къ которой, къ сожалѣнію, всѣ привыкли и съ которою мы сами жили, исчезнетъ какъ навожденіе духа тьмы, а мы водворимъ на землѣ Царствіе Божіе. Но

при такой громадной разницѣ въ метафизикѣ, воззрѣнія нашихъ благовѣстителей и нашихъ поносителей совершенно сходятся въ фактъ: Россія и съ той, и съ другой точки зрѣнія оказывается страню чуждою и враждебною цивилизаціи. Теперь спрашивается, съ какимъ чувствомъ русское общество должно слышать подобныя разсужденія посреди событій, напрягающихъ всѣ его силы? Со стороны врага подобныя разсужденія совершенно естественны; но въ устахъ Русскаго они столь же естественно должны были возбудить всеобщее негодованіе. Въ устахъ Русскаго подобныя рѣчи зазвучали для всѣхъ измѣною и предательствомъ; а выходить между тѣмъ, что Русскій хотѣлъ этими рѣчами утѣшить своихъ соотечественниковъ, возвысить ихъ духъ и оправдать ихъ дѣла предъ лицомъ всего міра.

Скажите, что свидѣтельствуютъ подобныя явленія? А они вовсе не рѣдкость у насъ; мы только не замѣчаемъ ихъ, потому что не всегда обнаруживаются они въ такомъ поразительномъ видѣ, какъ статья *Роковой Вопросъ*. Такихъ роковыхъ вопросовъ могли бы мы набрать бездну изъ всего того что пишется и говорится у насъ.

МНИМОЕ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЕ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Англія не хочетъ европейской войны изъ-за польскаго дѣла, что она никогда не думала и не думаетъ о возстановленіи Польши, что она вовсе не заботится о ея административной автономіи, что она вовсе не вѣритъ въ дѣйствительность шести пунктовъ своей программы и вовсе не заинтересована ея исполненіемъ, что, напротивъ, она крайне удивилась бы, если бы въ самомъ дѣлѣ мы вздумали усвоить себѣ ея программу. Можно съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что если мы сами не вздумаемъ начать европейскую войну по случаю польскихъ дѣлъ, то никто противъ насъ не начнетъ ея. Тревога подъявшаяся противъ насъ въ Европѣ есть въ сущности мистификація, хотя намъ и не легче отъ того; ловкій противникъ такъ разчиталъ обстоятельства и поставилъ насъ въ такое положеніе, что мы по поводу самаго безнадежнаго дѣла, въ которомъ Европа серіознаго участія не принимала и не принимаетъ, должны помышлять объ европейской войнѣ, которая потребуетъ отъ насъ всѣхъ нашихъ средствъ и силъ. Лордъ Пальмерстонъ сумѣлъ это сдѣлать, и благодаря его ловкой политикѣ, ничтожнѣйшій изъ всѣхъ возможныхъ европейскихъ вопросовъ принялъ громадныя размѣры, всколыхнулъ цѣлый великій народъ и привелъ на память великія и грозныя эпохи народныхъ войнъ. Англія не удержала до сихъ поръ ни

одного шиллинга на вооруженія противъ Россіи; по всему вѣроятію, она и не намѣрена издержать ни одного шиллинга на войну съ Россіей. А мы должны тратить громадныя суммы на наши укрѣпленія и вооруженія, отрывать народныя силы отъ производительнаго труда въ тяжелую эпоху нашихъ общественныхъ преобразованій. Цѣль нашего противника именно и состоитъ въ томъ, чтобы ничего не терять и ничѣмъ ни рискуя, истощать, раззорять насъ и вредить намъ, можетъ-быть гораздо глубже и дѣйствительнѣе чѣмъ цѣлымъ рядомъ кровопролитныхъ сраженій. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ должно состоять торжество всякой войны? Не въ томъ ли, чтобы съ наименьшимъ ущербомъ для себя причинить какъ можно большій ущербъ противнику? И не верхъ ли торжества въ томъ, чтобы безъ малѣйшей потери, безъ всякаго риска нанести противнику самыя ощутительныя удары? Во всякой войнѣ есть двѣ стороны. Безъ двухъ противныхъ сторонъ, казалось бы, война невозможна. Такъ говоритъ простой здравый смыслъ, такъ до сихъ поръ и бывало на дѣлѣ. Но въ наше хитрое время открылась возможность вести войну такъ чтобы одна сторона вовсе не принимала въ ней участія, а другая несла на себѣ всю ея тяжесть. Представьте себѣ эту странность, и подивитесь хитрости нашего времени! Впрочемъ, тотъ вѣкъ, который умудрился изъ солнца сдѣлать живописца и заставилъ желѣзную проволоку передавать съ быстротою молніи, за тысячи верстъ, слово человеческое, тотъ самый вѣкъ могъ изобрѣсти и войну, въ которой вмѣсто двухъ противныхъ воюющихъ сторонъ есть только одна воюющая сторона.

Но какъ могло случиться, что Россія, великое, могущественное государство, въ которомъ всѣ классы народонаселенія образуютъ неразрывное единство и въ которомъ такъ непоколебима верховная власть, вдругъ, ни съ того ни съ сего, подверглась опасенію чуть-чуть не за свое существованіе? Какъ могло случиться, что къ Россіи стали относиться не только какъ къ державѣ второстепенной, но какъ къ такому государству, которое не въ состояніи дать ни малѣйшаго отпора и можетъ стать предметомъ всякой интриги и мистификаціи?

Разчетъ нашихъ противниковъ основанъ на соображеніи разныхъ элементовъ, личныхъ и политическихъ, на соображеніи отчасти ошибочномъ, а отчасти можетъ-быть и вѣрномъ. Зоркіе, опытные и искусные, они присматривались къ намъ,

свѣдали за ходомъ нашихъ дѣлъ, входили во всѣ подробности, тщательно принимали къ свѣдѣнію всѣ признаки.

Начнемъ съ того, что Россія выдержала войну, исходъ которой былъ неблагопріятенъ для нея. Россія, съ тѣхъ поръ какъ стала могущественнымъ государствомъ, вела большею частію счастливыя войны; послѣдняя война была не такова. Но отнюдь нельзя сказать, чтобъ эта война могла значительно ослабить Россію. Она обнаружила недостатки господствовавшей у насъ системы; она показала, что наши громадныя военныя силы не дѣлали насъ совершенно непобѣдимыми и неуязвимыми, какъ думали мы сами и какъ боѣе или менѣе чувствовалось остальной Европѣ. Обнаружилось, что необходимы еще многія другія условія, чтобы военныя силы могли приносить пользу соответственную своему назначенію и тѣмъ жертвамъ, которыхъ онѣ стоятъ государству. Но при всѣхъ неудачахъ Крымской войны, она была ведена нами съ честью, ведена противъ соединенныхъ силъ почти цѣлой Европы, и если она обнаружила слабыя стороны Россіи, то въ то же время обнаружила и громадныя силы, которыми она можетъ располагать, и которыя, при другихъ лучшихъ условіяхъ, дѣйствительно могутъ стать непобѣдимыми. Результатъ послѣдней войны былъ, конечно, одною изъ причинъ содѣйствовавшихъ ослабленію европейскаго положенія Россіи, но далеко не главною; по крайней мѣрѣ, та степень ослабленія, которая была прямымъ послѣдствіемъ этой войны, не объясняетъ и сотой доли тѣхъ странныхъ отношеній, въ которыхъ наше отечество находится теперь къ другимъ европейскимъ державамъ. Мы видимъ, что непосредственно послѣ Крымской кампаніи, еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ понесенныхъ Россіей ударовъ, она пользовалась въ Европѣ несравненно большимъ авторитетомъ, и назадъ тому года три, четыре было бы трудно повѣрить, чтобъ она когда-нибудь могла стать предметомъ такой мистификаціи и подвергнуться такому неуважительному обращенію какъ теперь. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли было представить себѣ, года три, четыре тому назадъ, чтобъ иностранныя державы рѣшились давать нашему правительству наставленія по дѣламъ внутренняго свойства, возбуждать противъ Россіи неслыханную дипломатическую демонстрацію, къ участію въ которой призываема была на смѣхъ даже

Турція, явно издѣваться надъ Россіей, надѣяться запугать ее и склонить ее къ дѣйствіямъ завѣдомо невозможнымъ, наконецъ поднять вопросъ о самомъ ея существованіи. Все это не могло придти въ голову и самому дальновидному человѣку въ 1856 году. Мы знаемъ, напротивъ, что въ этотъ промежутокъ времени Россія, хотя и съ ослабѣвшимъ значеніемъ въ Европѣ, все еще имѣла вѣсъ въ ея совѣтахъ, и ея дружбы искали другія державы. Австрія старалась всѣми способами сблизиться съ своею прежнею союзницею, которой она измѣнила и за свою измѣну получила достойное возмездіе въ Италіи. Франція домогалась союза съ Россіей. Вспомнимъ штутгартское свиданіе, вспомнимъ варшавскія свиданія. Таково ли тогда было положеніе Россіи, какъ теперь? Мы сейчасъ упомянули объ Австріи и о возмездіи, которое постигло ее въ Италіи: Австрія вынесла несравненно болѣе тяжкую войну чѣмъ Россія, несравненно болѣе была ослаблена и унижена послѣ италіанской кампаніи, и однако, какъ мы видимъ теперь, положеніе ея въ Европѣ не только не умалилось, а напротивъ едва ли еще не усилилось, несмотря на то что въ ея внутреннихъ дѣлахъ остается еще такъ много нерѣшеннаго и спорнаго. Послѣ понесеннаго ею пораженія, Австрія не только успѣла сладить съ могущественными элементами внутренняго разстройства, но и поправить свое европейское положеніе и открыть себѣ виды на дальнѣйшіе успѣхи. Итакъ, мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, что неблагоприятными результатами Крымской кампаніи отнюдь нельзя объяснять того страннаго положенія, въ какомъ видитъ себя Россія по отношенію къ другимъ великимъ державамъ. Наконецъ, обнаруженные послѣднею войною недостатки господствовавшей у насъ системы побудили Россію сосредоточить все свое вниманіе на внутреннихъ преобразованіяхъ. Наше правительство, устами своего вице-канцлера, сказало тогда очень характеристическое слово: „Россія не сердится, она входитъ въ себя.“ Начались преобразованія направленныя, конечно, не къ худшему, а къ лучшему. Всѣ сознавали это, и Европа рукоплескала имъ. Эти преобразованія, повидимому, должны были усилить Россію, крѣпче связать ея части, крѣпче соединить народъ съ его верховною властью. Россія, повидимому, должна бы стать несравненно могущественнѣе чѣмъ была она прежде, чѣмъ была она,

когда-нибудь. Оживленіе общества, развитіе внутреннихъ силъ народа, свобода и гражданскія права, распространенныя на цѣлыя массы народонаселенія,—все это, повидимому, должно было бы возвысить и усилить Россію. Неблагоприятныя послѣдствія Крымской войны должны были бы исчезнуть предъ этими новыми условіями могущества и силы, которыя приобрѣтала освобождаемая и преобразуемая Россія.

И нѣтъ сомнѣнія, что въ *дѣйствительности* Россія за послѣднее время не только не стала слабѣе, но стала гораздо могущественнѣе чѣмъ прежде. Въ *дѣйствительности* не убавились, а развѣ прибавились элементы ея силы. Всякій, кто пристальнѣе взглянется въ положеніе дѣлъ у насъ, не можетъ не согласиться, что въ Россіи значительно прибыли дѣйствительныя силы. Но, къ сожалѣнію, дѣла человѣческія подвержены особаго рода условіямъ. Въ дѣлахъ человѣческихъ не только то дѣйствительно что дѣйствительно, а также и мнѣнія, которыя неразлучно сопровождаютъ ихъ и входятъ въ нихъ какъ составной элементъ. Хотя мы и отличаемъ отъ дѣйствительнаго мнимое, но и мнимое дѣйствуетъ, и мнимое въ извѣстномъ смыслѣ есть также нѣчто дѣйствительное. Какая польза человѣку отъ того, что онъ находится въ обладаніи несметными богатствами, если онъ самъ не сознаетъ этого, или принимаетъ деньги за щепки? Точно также, какая польза отъ того, что реальныя условія могущества не убавились, а прибавились въ нашемъ отечествѣ, если наши понятія такъ настроены, что мы этого не видимъ или видимъ противное? Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что если Россія усилилась въ дѣйствительности, то въ мнѣніи о самой себѣ она стала несравненно слабѣе. А такъ какъ элементъ мнѣнія входитъ всюду, во всѣ дѣла, во всѣ отношенія, интересы и учрежденія, то Россія, благодаря этому входящему всюду элементу, повсюду ослабѣла въ страшной пропорціи. А потому еслибы мы пожелали излѣчить себя отъ этой слабости, то наши врачующія средства должны исключительно направиться не на что-либо другое, а на тотъ самый элементъ, въ которомъ гнѣздится болѣзнь. Всякое другое лѣченіе будетъ только пуце разстраивать насъ и можетъ сдѣлать недугъ неизлѣчимымъ: въ этомъ можетъ удостовѣрить насъ любой медикъ, знающій дѣло. Если мы хотимъ поправиться и окрѣпнуть, то мы должны поправиться и окрѣпнуть

собственно только въ нашемъ мнѣнii о себѣ и вообще въ нашихъ мнѣнiяхъ. Мы всегда страдали по этой части. Все зло, которое мы чувствовали и чувствуемъ въ нашей жизни, коренится не въ реальныхъ условiяхъ нашего существованiя, а единственно въ нашихъ понятiяхъ, воззрѣнiяхъ и мнѣнiяхъ.

Въ прежнее время недугъ нашъ былъ скрытый недугъ, и Россiя являлась предъ Европой, можетъ-быть, гораздо могущественнѣе чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Зло недоразумѣнiй было скрыто внутри, а снаружи являлась цѣльная великая сила, въ которой не оказывалось никакого сомнѣнiя, и въ которой никто, судя по наружности, не могъ сомнѣваться. Система господствовавшая въ Россii назадь тому нѣсколько лѣтъ, до послѣдней войны, была система опредѣленная, явственная, во всемъ послѣдовательная. Европа не имѣла понятiя о русскомъ общественномъ мнѣнii, потому что общественнаго мнѣнiя въ Россii тогда не существовало; она не справлялась о русскомъ народѣ и знала объ его существованii только въ лицѣ великой, громадной державы, которая могла располагать средствами и силами семидесяти миллiоновъ людей. Россiя была во мнѣнii Европы громадною паровою машиной въ шестьдесятъ или семьдесятъ миллiоновъ силъ. Европа видѣла предъ собою страшное единство, въ которомъ совершенно и исчезало все это безчисленное множество единицъ, составляющихъ русскiй народъ. Теперь отношенiе измѣнилось. Россiя, какъ для самой себя, такъ и для посторонняго наблюдателя, представляетъ цѣлый мiръ колебанiй, шатавiй и недоразумѣнiй, господствующихъ надъ всѣмъ,—недоразумѣнiй, которыя на каждомъ шагу сбиваютъ людей съ толку, заставляютъ ихъ принимать одну вещь за другую, искать пользу во вредѣ и видѣть вредъ въ пользѣ, бояться того въ чемъ спасенiе и опрометью бросаться въ явную опасность. Этими броженiемъ, этою смутною мнѣнiя, повернулась теперь Россiя на свѣтъ,—и вотъ причина того уничтоженiя, которое мы испытываемъ въ Европѣ!

Наши противники, хорошо постигающiе всѣ тонкости правительственныхъ системъ, заключаютъ, что старая господствовавшая въ Россii система стала невозможна при новыхъ образовавшихся въ Россii условiяхъ, что время этой системы прошло невозвратно, вмѣстѣ съ старыми условiями гражданскаго быта. Они заключаютъ, что остающiяся форма

прежней системы лишены всякой силы и духа. Они рассчитывают на разъединеніе между правительствомъ и народомъ, и вслѣдствіе того они увѣрены, что правительство, отказавшееся отъ духа прежней системы и не утвердившееся въ новой, которая еще не успѣла сложиться, не увѣренное въ себя и не увѣренное въ народъ, окажется зыбкимъ и слабымъ, можетъ-быть вопреки своей дѣйствительной силѣ. Они и сами не столько рассчитывали на дѣйствительное разъединеніе между народомъ и правительствомъ, сколько на то, что правительство и народъ будутъ, вопреки истинѣ, считать себя раздвоенными. Иностранные государственные люди (и не одни иностранцы) были увѣрены, что начавшіяся великія преобразованія въ Россіи будутъ сопровождаться потрясеніями и смутами, которыя подвергнуть опасности самое существованіе государства. Увѣренность эта не оправдалась на дѣлѣ,—и такъ велика въ дѣйствительности сила и прочность нашего государства, что несмотря на безпримѣрное величіе событія, которое затрогивало самыя существенныя интересы и права, несмотря на тотъ всеобъемлющій элементъ недоразумѣній, который господствуетъ у насъ и всюду проникаетъ, дѣло это обошлось самымъ мирнымъ образомъ. Но положеніе наше не поправилось. Съ крѣпостнымъ правомъ рушилась главная основа нашей прежней общественной организаціи, а новая организація еще не успѣла образоваться. Дворянство, затронутое преобразованиемъ въ своихъ правахъ и интересахъ, осталось въ положеніи неопредѣленномъ, недоумѣвая чѣмъ оно стало и какаа ждетъ его участь. Въ общественномъ мнѣніи возникала тьма недоразумѣній, и положеніе дѣлъ казалось очень смутнымъ. Наши европейскіе противники не могли не замѣчать этого, не могли не принимать всего этого къ свѣдѣнію. Они сообразили, что въ такое время должна раскрыться въ умахъ бездна всякихъ ожиданій, что все должно зашататься въ нихъ, все должно представиться спорнымъ все обычнымъ.

Событія въ Польшѣ, въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, особенно должны были убѣдить иностранныхъ политиковъ въ нашей непрочности и слабости. Безпрерывная сибѣла намѣстниковъ, послѣ смерти фельдмаршала, колебанія и противорѣчія, потемки въ которыхъ все происходило, интрига которая всѣмъ овладѣвала, сила и значеніе предоставленныя

самымъ дурнымъ и сумазброднымъ элементомъ въ обществѣ, съ которыми ни одно правительство въ мѣрѣ не можетъ вступать ни въ какую сдѣлку, все служило для нихъ признакомъ общаго состоянія Россіи, и вотъ почему революціонеры цѣлаго свѣта сочли наше отечество самымъ удобнымъ мѣстомъ для исполненія своихъ замысловъ, вотъ почему и правительства сочли возможнымъ трактовать Россію какъ несчастную страну, неспособную дать никакого отпора. Вотъ почему всѣ считаютъ возможнымъ безнаказанно издѣваться надъ Россіей, и надѣются на успѣхъ самой наглой мистификаціи.

Но истинная сила и крѣпость Русской земли, Русскаго государства, Русскаго народа начинаетъ давать себя чувствовать, пробившись сквозь тучу недоразумѣній, поражаемыхъ фальшивымъ, разстроеннымъ, болѣзненнымъ мнѣніемъ. Не только мы сами чувствуемъ теперь эту истинную силу, — ея не можетъ не чувствовать и весь европейскій мѣръ. Но намъ отъ этого не легче, и враги наши отъ этого не унываютъ. Чувствуя нашу силу, враги наши остаются тѣмъ же не менѣе въ убѣжденіи, что наша *истинная* сила все-таки не преодолѣетъ нашего *мнимаго* безсилія. Они не слѣпы, они не могли не увѣриться въ *дѣйствительномъ* единеніи всѣхъ частей Русскаго народа между собою и съ верховною властію, но они разчитываютъ на силу *воображаемаго, мнимаго* разединенія. Они должны очень хорошо понимать, что еслибы мы сами признавали себя такими, каковы мы на самомъ дѣлѣ, что еслибы наше мнѣніе о себѣ совершенно совпадало съ *дѣйствительными* условіями нашего быта, то мы разомъ приняли бы собственное намъ положеніе въ Европѣ и стали бы внѣ всякихъ покушеній и оскорбительныхъ разчетовъ на нашу слабость и несмысліе. Но они полагаютъ, что такого рода совпаденія нѣтъ, они увѣрены, что элементъ мнѣнія окажется сильнѣе *дѣйствительнаго* элемента, и смѣло разчитываютъ на наши недоразумѣнія. Для враговъ нашихъ выгодно, чтобы мы, бродя въ потемкахъ и не узнавая другъ друга, не пользовались нашими истинными силами, изнуряли, истощали и разстраивали себя бесплодными усиліями и жертвами, чтобы мы ввязались въ войну, въ которой противной стороны можетъ не оказаться, или окажется только тогда, когда мы успѣемъ основательно запутать и разстроить себя. А если это выгодно нашимъ врагамъ, то тѣмъ, которые не имѣютъ противъ насъ нагубныхъ

замысловъ, было бы напротивъ желательнѣе, чтобы чувство нашей истинной силы взяло верхъ надъ нашимъ мнѣніемъ о своемъ безсиліи, чтобы мы освободились отъ недоразумѣній, которыя препятствуютъ намъ пользоваться нашими истинными силами. Поправить свое положеніе въ Европѣ, внушить къ себѣ уваженіе, заставить умокнуть нашихъ враговъ и прекратить мистификацію, которой стали мы предметомъ, можемъ мы не столько приготовленіями къ европейской войнѣ,—приготовленіями, которыхъ только и домогаются наши, желающіе изнурить насъ, враги,—а напротивъ доказательствами, что мы начинаемъ понимать наше истинное состояніе, что мы освобождаемся отъ недоразумѣній, что мы выходимъ изъ потемокъ, что нѣтъ *мнимой* розни въ существенныхъ интересахъ государства и общества, какъ нѣтъ въ нихъ *действительной* розни, что между основными стихіями нашей жизни нѣтъ и тѣни недоверія и несогласія, какъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія къ недоверію и несогласію между нами. Всякій актъ, который показывалъ бы, что власть и народъ, правительство и общество, свобода и порядокъ состоятъ у насъ не изъ противоположныхъ стихій, но есть одно и то же, неразрывно-единое въ действительности и въ то же время понимающее эту неразрывную внутреннюю связь свою, пользующееся ею и полагающее въ ней свое могущество и силу,—всякій такой актъ подѣйствуетъ несравненно успѣшнѣе чѣмъ самое громадное развитіе военной силы.

Слава Богу, мы видимъ, какъ *истинное* болѣе и болѣе торжествуетъ надъ *мнимымъ*. Недоразумѣнія начинаютъ мало-помалу терять свою силу. Между правительствомъ и обществомъ утверждается сознаніе полного согласія въ интересахъ и цѣляхъ, а единство верховной власти съ народомъ становится выше всякаго сомнѣнія. Уже всѣ сознаютъ, что правительство можетъ спокойно опираться на общественныя силы и дѣйствовать съ ними заодно. Мы видѣли съ какимъ единодушіемъ и искренностію выразилась вся Русская Земля при первой тревогѣ въ вѣрнопопданнѣйшихъ адресахъ, мы видѣли съ какимъ сочувствіемъ встрѣчена была въ обществѣ мысль о содѣйствіи правительству ополченіями, организаціей волонтеровъ, мѣстной стражею. Солидарность и взаимное довѣріе между правительствомъ и обществомъ,

которое выражается въ этихъ и подобныхъ мѣрахъ, внушить къ намъ уваженіе несравненно дѣйствительнѣе и вѣрнѣе чѣмъ громадныя вооруженія, и избавить насъ отъ необходимости прибѣгать къ нимъ.

Чѣмъ яснѣе, полнѣе и осязательнѣе будетъ высказываться этотъ духъ взаимнаго довѣрія между верховною властію и живыми силами общества, тѣмъ будетъ ны истиннѣе, и тѣмъ вѣрнѣе выйдемъ мы изъ всѣхъ затрудненій, тѣмъ могуще-ственнѣе будетъ наше положеніе въ Европѣ. При плодотворномъ развитіи этого взаимнаго довѣрія, которымъ только и можетъ, быть сильна Русская Земля, прекратятся недоразумѣнія, и мы выберемся изъ потемокъ, въ которыхъ мы не узнаемъ своихъ, не узнаемъ себя, и такъ легко становимся игрушкой всякой интриги.

ПОПРАВКА. Въ № 4 *Русскаго Вѣстника*, въ статьѣ „Старообрядческіе Архіереи“ (стр. 639, строка 25 сверху), вслѣдствіе опуски въ рукописи, вкралась слѣдующая ошибка: напечатано: *актилимса*, а должно читать *иконостаса*.

СТАРООБРЯДЧЕСКІЕ АРХІЕРЕИ¹

V. Аѣиногенъ.

Какъ паденіе стараго Керженца способствовало возвышенію Вѣтки, такъ въ свою очередь паденіе Вѣтки было причиною быстрого возвышенія слободъ стародубскихъ. Здѣсь поселилась бóльшая часть выведенныхъ Сытинымъ изъ-за литовскаго рубежа старообрядцевъ. До того въ Стародубѣ мало было поповъ, и жившіе въ тамошнихъ лѣсахъ старообрядцы такъ одичали, что болѣе походили на какихъ-то грубыхъ инородцевъ чѣмъ на русскихъ людей. Грамотныхъ у нихъ вовсе почти не было, и кто съ трудомъ и запинаясь на каждомъ словѣ умѣлъ читать *Часословъ*, тотъ считался уже великимъ богословомъ. Старики правили службу только по *Часослову* и *Псалтыри*, другихъ книгъ и знать никто не хотѣлъ. Такъ, когда однажды въ слободу Злынку привезъ одинъ старообрядецъ изъ Москвы старопечатный *Октоихъ* и велѣлъ читать по немъ канонъ, то едва успѣли сказать начальныя слова первой пѣсни „колеснице гонителя Фараона погрузи“, поднялся страшный шумъ. „Что это за книга?“ кричали злынковскіе старообрядцы: „Зачѣмъ она здѣсь? Что въ ней за колеса, да Фараонъ? Это по новой вѣрѣ! Это книга никоніанская, еретическая. Въ перъ ее, да жечь!“

¹ Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 4 и 5.

Когда же поселились здѣсь вѣтковскіе раскольники, жизнь въ Стародубѣ измѣнилась: явились промышленность и торговля, завелись вскорѣ и фабрики. Въ Клинцахъ особенно развилась фабрикація суконъ. Начались дѣятельныя сношенія съ Москвою и Петербургомъ, явились значительныя капиталы. Построеніе церквей и появленіе поповъ въ достаточномъ количествѣ придало большой блескъ Стародубью, и оно сдѣлалось средоточіемъ всей разсѣянной по Руси и по зарубежнымъ мѣстамъ поповщины. Неблагосклонно смотрѣли однако на это коренные Стародубляне. Когда зарубежные выходцы стали у нихъ въ слободахъ ставить церкви, они возроптали и произвели мятежъ. „Зачѣмъ намъ церкви?“ говорили они. „Наши отцы отъ церкви изъ Россіи ушли; у насъ церквей слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, а нынѣ церкви и въ нашихъ мѣстахъ строить“ — и чуть не сожгли ихъ. Когда въ новопостроенныхъ церквахъ начали служить обѣдню, большой ропотъ опять поднялся отъ коренныхъ жителей Стародубья:

— Чтò это за попь? говорили они.—Самъ причастье работаетъ! Развѣ это можно? У насъ было причастье старое, а это все новая вѣра!

Спустя нѣсколько лѣтъ смягчились немного нравы стародубскихъ дикарей, и они мало-по-малу слились съ зарубежными пришельцами въ одѣѣ общины. Упорныхъ осталось не много. Но въ нѣкоторыхъ слободахъ¹ все-таки никакъ и никогда не могли рѣшиться на постройку церквей, довольствуясь часовнями, хотя и имѣли въ свое время полную возможность и достаточно средствъ къ устройству церквей.

Въ слободѣ Зыбкой (нынѣ уѣздный городъ Новозыбковъ, Черниговской губерніи) была въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія часовня діаконщины, на мѣстѣ которой, не ранѣе 1771 года, построена была церковь Рождества Христова. При ней, съ 1739 года, былъ бѣглый попь Патрикій, ревностный послѣдователь дьякона Александра, казненнаго, въ 1720 году, въ Нижнемъ Новгородѣ, на Нижнемъ базарѣ. Патрикій былъ человекъ хитрый, умный, начитанный и честолюбивый. Онъ приобрѣлъ огромное вліяніе на старо-

¹ Въ Воронкѣ, Ардонѣ, Святской, Радунѣ, Млиукѣ, Митыковкѣ, Шелкѣ, Чуровичахъ, Деменкѣ и Тимошкиномъ Перевозѣ. Тутъ были только часовни. Церкви были въ Климовой, Зыбкой, Замыкѣ, Клинцахъ, Лужкахъ, Еленкѣ и Добрянкѣ.

обрядцевъ дьяконовскаго согласія, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Высокій ростомъ, съ бѣлыми волосами, съ бородой едва не до колѣнъ, сановитый, съ важною поступью, онъ внушалъ къ себѣ чрезвычайное уваженіе. Жизни былъ строгой, подвижнической и самыхъ честныхъ правилъ. Его называли даже „патріархомъ“. И во всемъ „дьяконовомъ согласіи“ онъ дѣйствительно былъ верховнымъ правителемъ духовныхъ дѣлъ: назначалъ поповъ, судилъ ихъ и мирянь, разсылалъ увѣщательныя и обличительныя посланія. Словомъ, Патрікій стоялъ во главѣ сильной еще тогда дьяконовщины.

Тревожила нерѣдко и Патрікія мысль не оставлявшая издавна старообрядцевъ. „Вѣдь только та церковь свята и истинна, думалъ онъ, гдѣ пресемствено сохраняются всѣ три чина духовной іерархіи; а гдѣ у насъ епископы?“

Въ 1749 году явился въ Зыбку молодой монахъ, по говору Великоруссъ, человекъ пылаго характера, острога ума, отлично знавшій церковные уставы, краснорѣчивый, ученый, знавшій даже по-латыни, говорившій по-французски и по-польски. Наружность его была чрезвычайно красива: высокаго роста, дородный, съ блѣднымъ лицомъ, съ блестящими умными глазами, съ черными, какъ смоль, волосами и съ такою же широкою, длинною, окладистою бородой. Голосъ у него былъ свѣтлый и громкій, держалъ онъ себя самовито и имѣлъ самыя изящныя манеры, доказывавшія, что онъ, если не постоянно, то весьма часто обращался въ хорошемъ обществѣ. Молодой чернецъ говорилъ, что происходитъ онъ изъ дворянской фамиліи, какой—мы не знаемъ. И это было вѣрно что онъ хорошаго роду. Платье на этомъ чернецѣ-дворянинѣ было обыкновенное монашеское, старообрядческое, но камилавка и кафтырь какъ-то особенно ловко сидѣли на немъ. На кафтырѣ и на келіиной мантии, которую старообрядческіе монахи и монахини носятъ какъ пелеринку, обычная красная оторочка въ родѣ кантика выложена была изъ яркаго кармазиннаго сукна, бросавшагося издали въ глаза. Все было на чернецѣ такъ чисто, такъ опрятно, такъ щеголевато. Называлъ онъ себя священноинокомъ (то-есть іеромонахомъ) Аеиногеномъ, говоря, что познавъ истину „древлаго благочестія“, презрѣлъ онъ почести и славу и пошелъ Бога ради страствовать, изыскивая хорошаго мѣста между ревнителями стараго обряда, гдѣ бы могъ проводить до конца дней своихъ тихое и безмятежное житіе.

Въ Зыбкой приняли новаго пришельца. Тамъ всякаго принимали. Съ первыхъ же дней замѣтилъ Аѳиногенъ, что зыбковскіе слобожане имѣють сѣвную вѣру къ Патрікію. Что Патрікіи скажетъ, то и законъ для всѣхъ. И сталъ онъ употреблять всѣ средства, чтобы поправиться стародубскому „патріарху“. Старіку Патрікію крѣпко по душѣ пришелся красивый, скромный, ученый молодой чернецъ; онъ полюбилъ его какъ сына и даже помѣстилъ у себя въ домѣ, проводя съ нимъ все время въ разумныхъ и учительныхъ бесѣдахъ. Аѳиногенъ совершенно очаровалъ Патрікія своимъ бойкимъ умомъ и обширными свѣдѣніями, а вмѣстѣ съ тѣмъ, необыкновенною набожностію и подвижничествомъ.

Патрікіи нахвалиться не могъ своимъ нареченнымъ сыномъ. „Его самъ Богъ ровно съ небесъ послалъ къ намъ“, говаривалъ онъ, и прочилъ Аѳиногена себѣ въ преемники. И быстро разнеслась добрая слава объ Аѳиногенѣ по всему Стародубью и во вновь возникшихъ, на пеплѣ разоренныхъ Сытинымъ, слободахъ вѣтковскихъ. Однажды, въ душевной бесѣдѣ, Патрікіи высказалъ сынку своему тяготившую его мысль о необходимости имѣть правильнаго епископа. Молодой чернецъ совершенно соглашался съ Патрікіемъ, но съ какою-то особаго рода робостью, съ какою-то таинственностію постоянно уклонялся отъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

Еще казалось страннымъ Патрікію, что несмотря на доброе и спокойное житіе въ Зыбкой, подъ крылышкомъ самого Патрікія, Аѳиногена все тянуло за границу. Таинственно намекалъ онъ, что у него въ Петербургѣ есть сильные враги, власть имѣющіе, которые никакъ не простятъ ему того что онъ позналъ „древнее благочестіе“ и ушелъ странствовать, что они опасаются, чтобъ Аѳиногенъ не разказалъ кое-чего ему извѣстнаго, а отъ этого-де пойдетъ по государству великая крамола, и многимъ сильнымъ людямъ не свосить тогда головы. Хитро намекалъ Аѳиногенъ и на то, что вотъ недавно, по милости Епифанія, разорили Вѣтку и всѣ зарубѣжныя слободы, а если про него въ Петербургѣ узнаютъ гдѣ онъ находится—во всемъ Стародубѣвъ камня на камень не останется. „А я не желаю, чтобъ изъ-за меня грѣшнаго пострадали православные христіане, свято хранящіе древніе уставы.“

— Но кто же ты такой? Какія у тебя обстоятельства были съ сильными міра сего? спрашивалъ у Аѳиногена Патрікіи.

— Честный отче! отвѣчалъ чернецъ,—ты видѣлъ мои бумаги, знаешь, что я никто другой, какъ грѣшный священноинокъ Аѣиногенъ. Не искушай меня болѣе. Мое со мною и останется.

И заводилъ Аѣиногенъ рѣчь о томъ, какъ, при бывшихъ недавно перемѣнахъ въ правленіи, лица стоявшія на самыхъ высокихъ степеняхъ падали и въ Сибирь отсылаемы были на вѣчное житіе, что самъ бывшій императоръ Иванъ Антоновичъ и мать его, бывшая правительница государства, томятся въ безвѣстномъ заключеніи.

— А еслибы, говорилъ онъ,—Анна Карловна¹ съ Божіею помощію возвратилась, и сѣлъ бы на престолъ царь Иванъ Антоновичъ, процвѣло бы тогда „древнее благочестіе“ также какъ и при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, потому что и Анна Карловна и царь Иванъ Антоновичъ, въ несчастіи находясь, истинную вѣру познали.

Патрикіи, въ свою очередь, уклонялся отъ подобныхъ разговоровъ. Въ то время за подобныя слова какъ разъ тайная канцелярія, кнутъ, и если не смертная казнь, то ужъ навѣрное сибирскіе рудники, или неисходное житіе въ какомъ-нибудь Рогервикѣ или Шлиссельбургѣ.

Пріѣхалъ въ Зыбкуя зарубежный старообрядецъ, по имени Марко, и привезъ отъ жителей главной побужской слободы, Борской, просительную грамоту на Вѣтку, въ которой они умоляли тамошнихъ отцовъ, „на утѣшеніе духовныхъ печалей, яко народъ жаждетъ священника“ для исправленія духовныхъ требъ, прислать достойнаго іерея. Побужскій посланецъ на Вѣткѣ, едва возникшей послѣ разгрома 1735 года, нашель „великое оскудѣніе священства.“ Оттуда некого было послать на Бугъ: тамошніе отцы сами просили у Стародублянъ пона своего согласія. Марко похвалъ дадѣе, перебрался черезъ границу и прибылъ въ Стародубье. Зная что у Патрикія много было стараго причастья, Марко обратился къ нему, прося его пріѣхать на время въ Борскую слободу или же прислать кого-либо за себя съ достаточнымъ запасомъ причастья. Честолюбивому Патрикію было очень лестно такое приглашеніе, но самому нельзя было предпринять дальнюю поѣздку: и преклонность лѣтъ и необходимость пребыванія въ Стародубѣ, гдѣ кипѣли тогда раздоры между

¹ Анну Леопольдовну въ народѣ звали больше Анной Карловной.

старообрядцами, препятствовали его поѣздкѣ, да Стародубляне его согласія, пожалуй, и не пустили бы его. Онъ придумалъ послать вмѣсто себя любимаго сына своего. Когда онъ сказалъ о такомъ намѣреніи Аеоногену, тотъ смиренно отвѣчалъ, что чувствуетъ себя недостойнымъ на такой великій, апостольскій подвигъ, но готовъ творити волю пославашаго.

Вотъ что писалъ Патрикій старѣйшинамъ Борской слободы Пимену Ивановичу и Ивану Кондратьевичу:

„Господамъ моимъ, предавшимъ себе за свидѣтельство Исусъ Христово, Пимену Ивановичу, Ивану Кондратьевичу, и всѣмъ православнымъ христіаномъ слободы Борской благодать Божія и благословеніе да умножится. Извѣстившеса чрезъ посланнаго отъ васъ, раба Божія Марка, съ писаніемъ на Вѣтку, яко зѣвалъ народъ жаждеть священника, на утѣшеніе духовныхъ вашихъ печалей, обрѣтше священноиокока Аеоногена, посылаемъ вамъ въ пастыря, котораго для нѣкоторыхъ нуждъ, понеже должно послати въ Великую Россію, того ради какъ придетъ время, молю васъ самого дѣла Христа Господа, ему споспѣшествуйте, самого же его, аки моему утробу примите, повинующеся во страхъ Божіи; несомнѣнно бо уповаемъ, яко егда получите его, и дѣло православнаго ученія и служенія со страхомъ Божіимъ будетъ въ васъ содѣлываемо. Возвѣщаемъ же, братія, яко древнее наше благочестіе отъсюду гонимо, въ пастырѣхъ скудость, а овцы отъсюду умножаются. Тѣмъ же съ сущію въ васъ церковію молитесь, да не ввидимъ въ напасть, но да здравы, обще съ вами, мирно потерпимъ дне Господня. Аминь. Всегда молящійся о душахъ вашихъ, и промышляющій о добрѣ ихъ вѣчною, свидѣтель Господа нашего Исуса Христа іерей Патрикій 1750 года.“

Другое подобное посланіе писалъ Патрикій на Вѣтку, въ Пахоміевъ, что на рѣкѣ Сожѣ, въ 8 верстахъ отъ Вѣтковской слободы, діаконовскаго согласія монастырь¹, къ тамошнему настоятелю, черному пону Игнатію съ братіей, которымъ рекомендовалъ Аеоногена. „Слышахомъ, писалъ онъ, васъ болѣзнующихъ лишеніемъ духовнаго пастыря и отца (вѣроятно Пахомія, основателя монастыря, не задолго передъ тѣмъ умершаго), болѣзнь вашу съ нашею соединяемъ и купно сострадаемъ и зѣлнѣ соболѣзнуемъ.... дотолѣ страдахомъ и рыдахомъ, доколѣ всеблагій промышленникъ не услыша насъ, и плача нашего не остави бездѣльно возвратитися въ нѣдра наша, и не посла въ общее утѣшеніе ваше и наше, аки *свыше*, священноиокока Аеоногена. Того получивше, отрохомъ слезы

¹ Нынѣ упраздненъ. Въ немъ двѣ запечатанныя церкви, моленная и келья—все деревянное, ветхое.

наша, зане обрѣтохомъ и православно мудрствующа, и готова суца, рекше послушествовати къ вамъ, его же абіе и послахомъ.“¹

Перейдя рубежъ, Аѣиногенъ вздохнулъ свободнѣе; ибо были въ его жизни обстоятельства, по которымъ ему дѣйствительно было не безопасно оставаться въ русскихъ предѣлахъ. Пробывъ нѣкоторое время въ Гомелѣ и Пахоміевомъ монастырѣ, онъ проѣхалъ на Бугъ, и тамъ, въ слободѣ Борской, старшины Пимень Ивановичъ и Иванъ Кондратьевичъ и всѣ старообрядцы встрѣтили его съ большимъ почетомъ. Поселившись здѣсь, вскорѣ успѣлъ онъ привлечь къ себѣ всѣхъ жителей побужскихъ слободъ. Это были люди богатые, зажиточные: хорошее житье у нихъ было Аѣиногену. Одного только не доставало имъ: давно желали они имѣть вмѣсто часовенъ хоть одну церковь, на чтѣ не пожалѣли бы никакихъ денегъ, да антимиаса не было, стало-быть и церкви нельзя было святить. Узнавъ о такомъ желаніи ихъ, Аѣиногенъ сказалъ однажды на общемъ сходѣ: „у меня есть древній антимиасъ, стройте церковь, а я могу освятить ее“. Въ Борской слободѣ построили деревянную церковь, и Аѣиногенъ освятилъ ее во имя Знаменія Богородицы. Благодарные старообрядцы щедро вознаградили Аѣиногена за антимиасъ и освященіе церкви, при которой онъ и остался священнодѣйствовать. Здѣсь онъ велъ самую строгую жизнь, чтѣ въ глазахъ старообрядцевъ составляетъ главное. Блѣдное лицо говорило о его постничествѣ, и онъ дѣйствительно былъ великій постникъ и неуклонно исполнялъ всѣ обѣты монашества и всѣ правила устава. Говорилъ онъ красно, учительно, поражалъ грубыхъ, малосвѣдущихъ старообрядцевъ блестящимъ умомъ и обширными свѣдѣніями по разнымъ отраслямъ знаній, удивлялъ ихъ бѣглымъ разговоромъ по-польски и основательнымъ знаніемъ латинскаго языка. Дѣйствительно, кромѣ поморскихъ расколоучителей, князей Мышецкихъ, расколъ до того времени не имѣлъ еще такого ученаго человѣка, каковъ былъ Аѣиногенъ. Уваженіе къ нему росло можно сказать съ каждымъ днемъ. Войдясь съ старообрядцами уже два года, онъ замѣтилъ, какъ всѣ они чувствуютъ необходимость имѣть своего епископа, и притомъ такого, который бы не былъ обливанцемъ, подобно Епифанію.

Почти всѣ зарубежныя старообрядцы рѣшительно желали епископства; въ Россіи главнымъ мѣстомъ проповѣди о необходимости имѣть святителя было Стародубье, и именно тѣ общины которыя держались діаконовскаго толка. Оттуда еще въ 1745 году разсылались увѣщательныя письма о томъ, чтобы всѣми силами и общими средствами искать правильнаго архіерея. Одно изъ такихъ посланій сохранилъ о. Журавлевъ въ своемъ сочиненіи: „желаемъ отъ васъ тщаніе о лучшемъ, сказано въ немъ, сіе есть, елико сила ходатайствовать святительство: источникъ священства.“ Замѣтивъ, что и поселившіеся на Бугѣ старообрядцы весьма желаютъ получить епископа, Аѣиногенъ рѣшился сдѣлаться архіереемъ. Искать хиротоніи у яскаго или у другаго какого-либо митрополита было затруднительно, и мало было надежды на успѣхъ, а потому и рѣшился онъ на поступокъ небывалый до того времени въ средѣ старообрядцевъ,—сдѣлался самозванцемъ-епископомъ. Ловкій Аѣиногенъ очень хитро повелъ дѣло. Придутъ, бывало, къ нему въ келью за какою-нибудь надобностью, а онъ сидитъ задумавшись, и услышавъ шаги вошедшихъ, какъ бы опомнится и благословитъ обѣими руками, по-архіерейски, а потомъ смутится, замѣшается и поведетъ рѣчь о чемъ-нибудь постороннемъ. Положить, бывало, въ углу подъ образами вмѣстѣ съ епитрахилью и омофоръ, чтобы приходившіе къ нему могли это замѣтить. Аѣиногенъ очень любилъ дѣтей: встрѣтитъ, бывало, играющихъ на слободской улицѣ ребятшекъ, непременно подойдетъ къ нимъ, каждаго порознь благословитъ, въ головку поцѣлуеетъ, орѣхами, пряниками и другими лакомствами всѣхъ одѣлаетъ. Мальчики полюбили добраго попа, стали къ нему въ келью ходить, онъ ихъ грамотѣ училъ, гостинцами одѣлывалъ. Такая любовь къ дѣтямъ, разумѣется, еще болѣе увеличила приверженность родителей къ Аѣиногену. Иной разъ распахнутся нежданно двери его кельи, вбѣжитъ рѣзвая толпа дѣтей, и стануть мальчики, молча, какъ вкопанные: ихъ добрый попъ, ихъ любимый учитель молится Богу въ епитрахили и омофорѣ. Дѣти и говорятъ дома, что застали они попа на молитвѣ, а стоитъ онъ и молится не въ одной, а въ

¹ Андрей Ивановичъ Журавлевъ. *Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 280—285.

двухъ епитрахляхъ—одна какъ надо быть у попа, а другая еще на плечахъ положена. Пошли таинственныя толки. Заводятъ наконецъ старики рѣчь съ Аѳиногеномъ объ этомъ предметѣ, но онъ всячески уклоняется отъ разговоровъ. Говорятъ ему про дѣтскіе разказы, а онъ отвѣчаетъ, улыбаясь: „что про нихъ говорить! Извѣстное дѣло, малыя дѣти, неразумныя. Мало ли чего они, по глупости своей, не наскажуть.“ Пришелъ Троицынъ день, Аѳиногенъ въ Знаменской церкви служилъ обѣдню и вечерню. Въ эту вечерню читается особая молитва Св. Духу. У насъ, въ православной церкви, во время чтенія ея всѣ стоятъ на колѣняхъ, а у старообрядцевъ, по ихъ обряду, „лежать на листу“ то-есть падаютъ ницъ на цвѣты и листья, которые держатъ въ рукахъ, и остаются въ такомъ положеніи до самаго конца молитвы. Кончивъ ее, Аѳиногенъ благословилъ лежащій народъ обѣими руками, какъ епископъ. Это было замѣчено, пошелъ новый говоръ, сильнѣе прежняго, но какъ ни приставали къ Аѳиногену, онъ рѣшительно отказался отъ всякихъ объясненій, говоря, что видѣвшимъ, будто онъ благословилъ обѣими руками, должно-быть почудилось. Черезъ нѣсколько времени проѣзжалъ черезъ Борское старообрядческій попъ. Аѳиногенъ воспользовался случаемъ чтобъ исповѣдаться. Духовникъ сталъ его исповѣдывать какъ священноинокъ; ¹ Аѳиногенъ оставилъ его.

— Отче, сказалъ онъ,—азъ есмь епископъ, а потому исповѣдать, разрѣшать и молиться за меня, грѣшнаго и недостойнаго, изволь надлежащимъ порядкомъ. Я епископъ Лука...

Въ ужасъ пришелъ духовникъ. И не смѣлъ много его спрашивать, Аѳиногенъ самъ сказывалъ.

— Получилъ азъ, смиренный, великаго архіерейства хиротонію отъ сибирскаго митрополита Антонія, ² удѣльной епархіи

¹ Послѣдованіе исповѣди архіерейской, по уставу, нѣсколько отлочно отъ исповѣди священнической.

² Преосвященный Макарій въ своей *Исторіи русскаго раскола* (стр. 309) говоритъ, что Антонія митрополита сибирскаго не бывало. Напротивъ, въ XVIII ст. было два Антонія митрополита сибирскихъ. Одинъ, по фамиліи Стаховскій изъ архимандритовъ Новгородскаго Спасскаго монастыря, рукоположенъ въ санъ архіепископа черниговскаго въ 1713 году; въ 1720 году онъ переведенъ въ Тобольскъ, гдѣ и былъ, именованъ „сибирскимъ и тобольскимъ“ митрополитомъ до 27 марта 1740, когда скончался. Другой, по фамиліи Нарожницкій, изъ камѣстниковъ Троицко-Сергіевой лавры,

у себя не имѣлъ, а находилась при нѣкоемъ великоважномъ темничникѣ.... И узнавъ старую правую вѣру, оставилъ всю честь свою и достоинство, и предпріялъ, Бога ради, страствовать....

— Кто же этотъ темничникъ? спросилъ духовникъ.

— О немъ никому неизвѣстно, отвѣчалъ колѣнопреклоненный Аеиногенъ, смиренно поникнувъ головой.

— Но рцы ми тайну сію, возразилъ духовникъ.— Мнѣ, какъ отцу твоему духовному, *подобаетъ* знати вся сокровенная души твоей, не мнѣ бо, недостойному, глаголати будещи, но самому Господу Богу и Спасу нашему Ісусу Христу.

— Дай мнѣ того Господа нашего во свидѣтели, отвѣчалъ исповѣдникъ,— что когда я объявлю тебѣ нѣкую о себѣ тайну, тебѣ бы оную никому не открыть.

— Даю во свидѣтели Господа нашего Ісуса Христа, сказалъ попъ.

— Присягни же передъ животворящимъ крестомъ и святымъ Евангеліемъ.

Попъ присягнулъ и снова спросилъ Аеиногена:

— Какой же это темничникъ, при коемъ мало (что священноіерея, а даже и епископа нарочно держать?

Аеиногенъ склонился еще ниже передъ священникомъ и едва слышнымъ голосомъ сказалъ:

— Императоръ и самодержецъ всероссійскій Іоаннъ Антоновичъ.

— Гдѣ же онъ?

— Въ Сибири¹, въ дальнихъ мѣстахъ, томится въ заключеніи вмѣстѣ съ своею родительницей, великою княгиней Анною Карловною. Долго находилась я при ихъ высокихъ особахъ, но уразумѣвъ же древнее благочестіе, бѣжалъ изъ дворца ихъ

посвященъ въ митрополиты сибирскіе 26-го сент. 1742 года и скончался въ Тобольскѣ 9 октября 1748 года. Аеиногенъ говорилъ, конечно, о Нарожницкомъ. (См. преосвященнаго Амвросія *Исторію російской іерархіи* т. I, стр. 111, 112.)

¹ Въ то время никто не зналъ, гдѣ содержится бывшій императоръ Іоаннъ и мать его Анна Леопольдовна. Мѣсто заключенія ихъ сохранялось въ глубочайшей тайнѣ. Вообще же полагали, что она въ Сибири. Поэтому и Аеиногенъ, разказывая вымышленную имъ исторію, говорилъ тоже о Сибири. Притомъ же принцессы Анны въ то время уже не было въ живыхъ. Она скончалась въ Холмогорахъ, 7-го марта 1746 годѣ; тѣло ея привезено въ Петербургъ и похоронено публично въ Александро-Невской лаврѣ со всѣми должными почестями.

императорскаго величества и переименовалъ себя Аѣиногеномъ.¹

И сталъ духовникъ исповѣдывать епископа Луку по чину архіерейскому.

Духовникъ ли огласилъ тайну исповѣди, самъ ли Аѣиногенъ, — неизвѣстно, но молва объ его архіерействѣ росла болѣе и болѣе. Въ разговорахъ же съ старообрядцами Борской слободы онъ попрежнему держалъ себя уклончиво, избѣгая разспросовъ о его прежней судьбѣ, но въ то же время писалъ много писемъ въ разныя зарубежныя старообрядческія мѣста, не называя прямо себя архіереемъ „но хитро давая знать о себѣ вѣчто великое“. Тайственность, которою окружилъ Аѣиногенъ свою личность, увеличивала съ каждымъ днемъ число его приверженцевъ.

По зарубежнымъ старообрядческимъ общинамъ пошелъ сильный говоръ о новоявившемся епископѣ и достигъ до Молдавіи. Въ этой сторонѣ тогда уже было много бѣглыхъ русскихъ раскольниковъ, какъ поповщинскаго, такъ и безпоповщинскаго толка. Въ Сучавскомъ цинутѣ, верстахъ въ двѣнадцать отъ города Фольтичени, близъ большой дороги изъ Ясѣ въ Буковину, они построили большую слободу Мануиловку, которая и теперь считается главнѣйшимъ мѣстомъ старообрядцевъ, живущихъ въ Румынскихъ княжествахъ. У нихъ было два мужскихъ и одинъ женскій монастырь и, сверхъ того, приходская церковь во имя Покрова Богородицы. Кромѣ того, въ самой молдавской столицѣ, въ Яссахъ, старообрядцы населили особое предмѣстіе Забахлуйское. Въ городахъ Ботушанѣ, Тыргуль-Фрумось, Хирлеу, Бакео, Вислуй, Херце, Дорохоѣ, Романѣ, Бырлатѣ, Текуче, Фальчи, Хушѣ, Пятрѣ и Нямецѣ, старообрядцы составляли болѣе или менѣе значительную часть мѣстнаго населенія, а нѣсколько деревень, называвшихся Липовенами² подобно Мануиловкѣ были сплошь населены старообрядцами.³ Такія же исключительно старо-

¹ Дѣло святѣйшаго синода 1757 года. По архивной описи № 337. Письмо же епископа Анфима къ ясскому митрополиту Іакову, отъ 12-го декабря 1756 года.

² Липовенами или Липованами зовутъ въ Румынскихъ княжествахъ Австріи и Пруссіи русскихъ раскольниковъ. Иначе «Филиповцы», что по всей вѣроятности происходитъ отъ слова «Филиповщина», послѣдователи которой были одни изъ первыхъ переселенцевъ за границу.

³ Подлѣ города Бутушаны, подлѣ города Вислуй и три деревни около Галаца.

обрядческія селенія были Братешти и Костешти, близъ дороги изъ Яссы въ Буковину. Въ нынѣшней Бессарабской области, тогда принадлежавшей Молдавіи, въ такъ-называемой Хотинской Раи, были также значительныя поселенія старообрядцевъ, въ селеніи Вѣтрянка былъ у нихъ монастырь, а въ селеніи Долгая Поляна—церковь. Даже въ Валахіи явилось нѣсколько старообрядческихъ поселеній—деревня Липовени близъ Букареста, другая подлѣ Браилова, третья на Дунаѣ противъ Черноводы. Въ городахъ Браиловъ и Фокшанахъ также жили русскіе старообрядцы и имѣли свои часовни. Всѣ молдовахійскіе старообрядцы были довольно зажиточные: занимались они городскими промыслами, ремеслами и торговлей; весьма немногіе поселившіеся въ деревняхъ занимались хлѣбопашествомъ. Собственныхъ земель у нихъ не было, но они нанимали угодыя у разныхъ владѣльцевъ, а большею частію у православныхъ монастырей и церквей. Народъ все ловкій,мышленый, проворный.

Молдовахійскіе старообрядцы тоже желали имѣть особеннаго епископа, и когда дошелъ до нихъ слухъ объ Аѣиногенѣ, послали къ нему звать его въ Волощину—(такъ называли Русскіе въ то время Молдовахію или нынѣшнія Дунайскія княжества). Посланцы пріѣзжали не одинъ разъ въ Борскую слободу и представляли Аѣиногену жизнь въ Волощинѣ въ такомъ привлекательномъ видѣ, что онъ съ тѣхъ поръ только и думалъ, какъ бы поскорѣе перебраться за рѣку Прутъ. Но старообрядцы побужскихъ слободъ не выдавали своего сокровища запрутскимъ едимоуѣрцамъ. Эти хотѣли было силою отнять у нихъ Аѣиногена, и отъ того бывали въ Борской слободѣ драки, чуть до смертоубійства дѣло не доходило. Повторилась такая же вражда за епископа, какая была лѣтъ пятнадцать передъ тѣмъ между слобожанами вѣтковскими и гомельскими.

Аѣиногенъ, однако, перехитрилъ жителей Борской слободы. Онъ всѣмъ говорилъ, что не хочетъ въ Волощину, что найдя у нихъ спокойное жительство, желаетъ жить и умереть въ Борской, и такимъ образомъ совершенно увѣрилъ ихъ, что онъ и не подумаетъ уйти отъ нихъ. Поэтому за нимъ не присматривали, и онъ развѣзжалъ свободно. Вдругъ получаетъ онъ извѣстіе, что отецъ Патрикій послалъ вѣрныхъ людей въ Петербургъ и Москву для собранія справокъ объ его личности... Тогда онъ выѣхалъ изъ Борской слободы куда-то

по сосѣдству, для исправленія духовныхъ требъ, и очутился за Прутомъ. Сначала былъ онъ въ Манушковѣ, потомъ жилъ въ Яссахъ, гдѣ представлялся господарю и митрополиту. Оба повѣрили, что Аѣиногенъ дѣйствительно русскій епископъ, и господарь для свободнаго проѣзда его въ польскія владѣнія и обратно въ Молдавію далъ ему особую грамоту. Съ этою-то грамотой и разѣзжалъ онъ по молдавскимъ и валахскимъ старообрядческимъ слободамъ, но чаще всего находилась близъ Хотина, въ слободѣ Вѣтрянкѣ. Здѣсь, онъ ли, его ли приближенные, распустили молву, что онъ посвященъ во епископы не въ Россіи, а въ турецкомъ городѣ Рени, проживавшимъ тамъ православнымъ браиловскимъ митрополитомъ Данииломъ.¹ Слава о старообрядческомъ епископѣ распространилась по всемъ зарубежнымъ слободамъ: изъ Польши и изъ Молдовахіи многіе пріѣзжали къ нему для поставленія поповъ, для испрошенія мѣры и антиминовъ. На послѣдніе, однакоже, Аѣиногенъ былъ очень скупъ. Богатѣлъ же онъ не по днямъ, а по часамъ.

Но возвратимся въ Стародубье, въ слободу Зыбкую, къ отцу Патрикію. Туда, въ 1750 году, перѣехали изъ Орла и Коломны нѣсколько богатыхъ купцовъ; одинъ изъ нихъ, орловскій выходецъ Ѳеодоръ Грѣгорьевичъ Сусловъ, отличался ревностію къ старому обряду, доходившею до фанатизма, и обширною начитанностію. Сусловъ и пріѣхавшіе съ нимъ вошли въ тѣсную связь съ Патрикіемъ. Они также сознавали, что церковь не можетъ быть безъ архіерея и много хлопотали объ отысканіи епископа. Но исторія Епифанія научила ихъ быть крайне осторожными. Заподозривъ всю Малороссію въ обливанствѣ, они непремѣннымъ условіемъ поставляли, чтобъ отыскиваемый ими архіерей непремѣнно былъ родомъ изъ Великой Россіи, и стало-быть несомнѣнно крещенный въ три погруженія. Но въ это время (1750) изъ всѣхъ православныхъ архіереевъ только четверо было природныхъ Велико-руссовъ: Алексѣй Рязанскій, Иларіонъ Астраханскій, Варсонофій Архангельскій и Ѳеофилактъ Воронежскій. Всѣ остальные были или Малороссіяне или Греки. Конечно, ни на одного изъ этихъ четырехъ епископовъ Великоруссовъ, старообрядцы не могли разчитывать и потому старались какимъ бы

---

¹ Такъ доносилъ нашъ резидентъ, находившійся въ Турціи, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. (*Дѣло святѣйшаго синода 1757 г., № 337.*)

то ни было образомъ доставить кому-либо изъ своихъ архіерейскій санъ. Сусловъ, бывъ по какимъ-то дѣламъ въ Борской слободѣ, говорилъ объ этомъ съ Аеиногеномъ и чрезвычайно обрадовался, когда узналъ отъ него за великую тайну, что онъ, будучи кореннымъ Великоруссомъ по происхожденію, будучи крещенъ въ три погруженія, имѣетъ санъ епископа. Говоря о своемъ архіерействѣ Аеиногенъ разказалъ Суслову и придуманную имъ сказку о мнимомъ пребываніи при низложенномъ императорѣ. О чемъ такъ много и напрасно думали, на что едва смѣли надѣяться старообрядцы, само безъ хлопотъ явилось.

— Увѣрьте въ истинѣ словъ моихъ отца Патрикія, говорилъ Аеиногенъ, прощаясь съ Сусловымъ,—и убѣдите его пріѣхать поскорѣе ко мнѣ въ Борскую; я преподамъ сему свѣтильнику церкви архіерейскую хиротонію. Но скажите ему, чтобы онъ не медлилъ. За великую тайну скажу вамъ, что мнѣ и здѣсь, въ областяхъ польскаго короля, отъ вашей русской царицы не безопасно. Хочу увѣхать подальше.

Съ Сусловымъ онъ послалъ къ Патрікію письмо, въ которомъ, увѣряя въ преданности, прямо объ архіерействѣ своемъ не писалъ, и даже подписался іеромонахомъ, но упоминалъ, что Суслову извѣстно кто онъ. Вотъ это письмо:

„Всемогущаго Бога избравѣйшему іерею и таинъ Его вѣрному служителю, благочестивѣйшему господину, господину Патрікію, червь, а не человекъ, землекасающее покаяненіе. Аще добраго пастыря долгъ, оставя девяностъ и девять овецъ въ пустыни, сотрой побѣдить, еже взыскивать, и обрѣтше оную на рамо возаюжа ко Отцу привести, то сего словесаго стада пастырю, владыка твой Христосъ взыскуеть по тебѣ. Сіе пишу, не уча духопрсвятенную твою душу, но горящею спасенія жаждою мысль хотя прохладити. Имѣши мя, ожидающа благословенія твоего, имѣши душу самовольно пришедшую во овчарню Христову, имѣши, наконецъ, человекъ, иже, кромѣ тебя, никому не можетъ открыти тайну, есаяу благочестію необходимо нужную. Что же обьявлено отъ мене Божію угоднику, присланному отъ васъ, Фѣодору Григорьевичу, и то только о лицѣ моемъ, а не о намѣреніи. Приде убо, свѣтильниче міра, иже презри написаннаго, аще же укосниши или не послушаеши, то Богъ отъ руку твою многи души взыщеть. Цѣлованіе устъ моихъ ногамъ твоимъ, цѣлованіе единомыслиной братіи, ахъ же ижека въ книгѣ животай. Азъ оканчивая, пребываю, грѣшныи о вашемъ здравіи молитвенникъ, іеромонахъ Аеиногенъ. ¹

¹ Ам. Голъ. Журавлева Историческое извѣстіе о раскольникахъ, стр. 295—296.

Патрикіѣ, какъ ни хотѣлось ему самому сдѣлаться архіереемъ, медлил отъѣздомъ въ Борскую слободу. Чтобы не впасть въ обманъ, рѣшили собрать предварительно въ Москвѣ и Петербургѣ справки о личности Аѣиногена. Ёхали туда двое изъ коломенскихъ купцовъ, переселившихся въ Стародубье; имъ и поручено было развѣдываніе.

Прождавъ понапрасну не малое время Патрикія, Аѣиногенъ послалъ къ нему новое приглашеніе чрезъ старшину Борской слободы Ивана Кондратьевича, которому также сказалъ про себя, что онъ епископъ Лука находившійся при императорѣ Иоаннѣ. Но и на этотъ разъ въ письмѣ, посланномъ въ Зыбкую, онъ не называлъ себя архіереемъ, на нѣкоторое время „хотя (оставаться), какъ писалъ онъ, подъ образомъ прикровеннымъ, страха ради отъ лжебратіи, и ради своихъ же“. Патрикіѣ, получивъ это письмо, сказалъ Ивану Кондратьевичу, что ужь послано въ Москву и Петербургъ для удостовѣренія въ истинѣ сказываемаго Аѣиногеномъ, а до полученія оттуда вѣрныхъ свѣдѣній, ни онъ, ни Стародубляне его согласія не предпримутъ ничего рѣшительнаго. Какъ скоро Аѣиногенъ узналъ, что старообрядцы жившіе въ Стародубьѣ не такъ легковѣрны какъ онъ полагалъ, то ожидая, что справки о немъ будутъ вовсе не въ его пользу, уѣхалъ изъ Борской слободы. Находясь уже въ Яссахъ, онъ послалъ въ Зыбкую къ отцу Патрикію своего старца Митрофана съ новымъ пригласительнымъ письмомъ, въ которомъ уже называлъ себя епископомъ. Настоятельно просилъ онъ Патрикія, а также уставщика Григорія Яковлевича и другихъ изъ стародубской братіи, пріѣхать къ нему, чтобы получить отъ него архіерейскую хиротонію „дабы тѣмъ возстановить чинъ церковный и не быти отъ цювѣрныхъ въ томъ поруганіи, въ которомъ даже донынѣ пребываемъ.“ Пользуясь покровительствомъ господаря, Аѣиногенъ уже не опасался за свою личность и просилъ Патрикія, прочитавъ публично его посланіе, разослать „точно списанное безъ прибавки и убавки въ великороссійскіе грады, дабы чтущіе и слышащіе оное прославили Бога, творящаго дивная и ужасная, великая же и славная.“

Но не пришлося Патрикію разсылать письма Аѣиногенова по городамъ Великой Россіи. Коломенцы воротились въ Стародубье и привезли объ Аѣиногенѣ нехорошія вѣсти. Онъ оказался самозванцемъ.

Случилось посланному изъ Стародубья ѣхать въ Петер-

бургъ вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ ¹. Они разговорились, и коломенскій купецъ узналъ отъ него, что онъ отвозилъ императора Иоанна. Тогда, заклиная офицера Богомъ живымъ, купецъ просилъ сказать ему былъ ли посланъ съ Иоанномъ кто-либо изъ духовнаго чина. Офицеръ съ клятвою увѣрилъ купца, что никого изъ духовныхъ тутъ не было. Добравшись до Петербурга, стародубскій посланецъ отыскалъ брата встрѣтившагося съ нимъ офицера, и его тоже спрашивалъ. И тотъ сказалъ, что дѣйствительно братъ его былъ посыланъ при Иоаннѣ, но духовнаго чина при немъ не было. А изъ Москвы были получены извѣстія еще хуже. Тамъ свѣдали, и въ дѣлахъ синодальной конторы выправили, что Аеиногенъ не Аеиногенъ и не Лука, не епископъ, и даже не попъ, а іеродіаконъ Амвросій, бывшій въ Новомъ Іерусалимѣ ключаремъ, растратившій монастырское имущество, и изъ опасенія законнаго наказанія, убѣжавшій къ зарубежнымъ раскольникамъ.²

Стародубѣ было озадачено такими извѣстіями. Очень болялись розысковъ и преслѣдованій со стороны правительства, если узнаютъ, что у нихъ, въ Зыбкой, нашелъ себѣ убѣжище такой преступникъ и довольно долгое время скрывается между тамошними старообрядцами. Тѣ, у которыхъ любезный сынокъ отца Патрікія исправлялъ требы, крайне собаазнались, ибо оказалось, что онъ не только архіереемъ, но и попомъ

¹ Можетъ-быть съ Гурьевымъ, который въ 1745 году отвозилъ Иоанна и его родителей изъ Равенбурга. Впрочемъ, подлежитъ большому сомнѣнію, чтобъ офицеръ сталъ въ то время разговаривать о «секретной комиссіи» съ какимъ-нибудь попутчикомъ. Изъ сохранившихся дѣлъ о содержаніи подъ стражею Брауншвейгской фамиліи извѣстно, что всѣ по какимъ-либо случаямъ выбывавшіе изъ этой комиссіи, давали подписку въ томъ, что не будутъ ни съ кѣмъ говорить объ этомъ предметѣ, подъ опасеніемъ смертной казни за малѣйшую нескромность. Изъ духовныхъ людей при Брауншвейгскомъ семействѣ былъ одинъ іеромонахъ Иларіонъ.

² Іона Курносый говоритъ: „не попусти Богъ, ради препростыхъ душъ, сицевымъ прелестникомъ прельщати христіанъ, ибо въ то самое время приде справка изъ Москвы, что онъ Аеиногенъ въ епископахъ не бывалъ, ни во іеромонахахъ, но церковь, при ней же діакономъ былъ, окрѣлъ драгія вещи, каменіе, привѣсы, и въ Польшу бѣжа.“ Въ домошеніи коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ святѣйшій синодъ, 27 мая 1757 года, сказано: „бѣжавшій напередъ сего изъ московскаго Воскресенскаго, называемаго Новый Іерусалимъ, монастыря іеродіаконъ Аввтиногенъ (sic) за границу, въ польскую раскольническую свободу Вѣтку, а оттуда въ Волощину, и назвавъ себя архіереемъ, многихъ посвящалъ въ іереи и діаконы.“ См. *Дѣло святѣйшаго синода 1757 года, № 337*. Но на Вѣткѣ Аеиногенъ не бывалъ, только временно былъ въ Пахоміевомъ монастырѣ, близъ города Гомеля.

никогда не бывалъ. Попы самозванцы бывали между старообрядцами; это не было какою-нибудь чрезвычайною новостью, но такого грѣха, такого соблазна, чтобъ явился лжеепископъ, еще не бывало. Посыпались на поповщину рѣзкіе укоры и язвительныя насмѣшки изъ слободы Зыбки, отъ жившихъ тамъ безпоповцевъ. Фѣдоръ Сусловъ, дотошъ приверженецъ Аѳиногена, привозившій отъ него изъ Борской слободы къ Патрикію пригласительное письмо и на словахъ передававшій вѣсть объ его архіерействѣ, проклиналъ теперь лжеепископа и сталъ проповѣдывать о самомъ строгомъ изсѣдованіи прежнихъ обстоятельствъ не только по отношенію къ епископамъ, но и попамъ, говоря что правильные попы и архіереи не только должны быть непременно Великороссіяне, но притомъ такіе, которые бы рукоположеніе имѣли по восходящей линіи постоянно отъ архіереевъ Великороссіянь, несомнѣнно въ три погруженія, а не обливательно крещенныхъ, до временъ патріарха Іосифа, безъ участія Малороссіянь, поголовно подзрѣваемыхъ въ обливанствѣ¹. Отъ проповѣди Суслова произошли раздѣленія и раздоры въ поповщинскихъ общинахъ, какъ зарубажныхъ, такъ и великороссійскихъ.

О самозванствѣ Аѳиногена навѣрное узнали не ранѣе 1753 года. Патрикій немедленно написалъ къ нему письмо, въ которомъ не только не называетъ его епископомъ, но даже и іеромонахомъ, обращаясь къ нему, какъ къ монаху, съ обычнымъ титуломъ: „пречестный отецъ“, и даже не посылая своему любезному сынку благословенія. Вотъ это письмо, замѣчательное по чрезвычайной уклончивости:

„Пречестному отцу Аѳиногену лицеzemное поклоненіе. Вѣдомо ти буди, писаніе ваше чрезъ старца Митрофана и другое, нынѣ чрезъ пославамаго вашего челоувѣка, я получалъ, въ которыхъ о себѣ объявляешь и Бога

¹ Проповѣдь Суслова произвела раздѣленіе въ поповщинѣ. Образовалось такъ-называемое „Суслово мнѣніе“, особенно принятое въ стародубкомъ посадѣ Лужкахъ и отъ того въ настоящее время извѣстное подъ именемъ „Лужковского согласія“. Іона Курносый принадлежалъ къ этому согласію; онъ, въ своемъ сочиненіи, говоритъ, что въ его время былъ однимъ только архіереемъ Великороссіянинъ, Дмитрій Стѣеновъ, да и тотъ рукоположенъ обливанцемъ Стефаномъ Яворскимъ: поэтому ни новыхъ поповъ, ни новыхъ архіереевъ, по его мнѣнію, быть болѣе не можетъ. Но онъ ошибается, что Стѣеновъ рукоположенъ Яворскимъ. Онъ получалъ хиротонію при императорѣ Іоаннѣ, 1 сентября 1741 года, т. е. 19 лѣтъ по смерти Яворскаго, но посвящали его Амвросій Юшкевичъ, архіепископъ новгородскій, и Стефанъ Калиновскій, епископъ псковскій, оба Малороссіяне.

свидѣтеля поставяешь, что суцная истина, и желаешь насъ прибыти къ вамъ; но обаче, пока не провѣдаемъ, не буду. А о чемъ прежде посланные наши, прибывшіе отъ насъ ¹ возвѣстали намъ о вашей фамилии ², самша о насъ, и о чинѣ ³, чрезъ кого бы увѣдомитися, то извѣрочно отъ насъ носылаемъ былъ человекъ до Москвы и до Петербурга, и того всего не сыскалось. Тожь случалось ему ѣхать изъ Москвы до Петербурга съ офицеромъ, который де офицера между прочимъ въ разговорахъ дорогомъ о себѣ извѣстия, что быль онъ посылаемъ съ показаннымъ тобою лицомъ а духовнаго де чина съ нимъ не было; то де онъ на его словахъ не утвердился, но проѣхавъ до Петербурга, ходилъ извѣрочно къ брату его родному, который тамо живетъ. И онъ тоже показалъ, что братъ его посылаемъ былъ при томъ лицѣ, а духовнаго де чина такого при немъ не имѣлось. И потому люди напрасно пришли въ сомнѣніе, а больше мнятъ о имени *Амеросіеель*, и мытѣ еще ламѣренъ послать до насъ человека извѣрочно, да явиши ему чрезъ кого бы именемъ, о чемъ скажешь, въ Нѣжикъ Грековъ и старцевъ, и бѣльцовъ увѣдомитися свидѣтельствомъ ⁴, чтобы что о тебѣ подлинно дознати и самую истинную правду показати могъ, понеже вещь сія не малая, и дѣло сіе суда правильнаго. Того ради, не испытавъ извѣстія, безъ сомнѣнія быти не возможно. Самъ разсуди праведно. И аще суть истина, яко же ты глаголаши, то не скрый отъ насъ, но яви подлинно кѣмъ увѣдомитися, безъ того бо о тебѣ единомъ увѣрится сомнительно. При семъ вамъ доброжелательный и отецъ духовный іерей Патрукіи камаюсь. Не поскорбѣти о семъ и не гнѣватися ⁵.

Слухи о самозванствѣ Аѣиногена распространились еще быстрѣе чѣмъ предшествовавшіе имъ слухи объ его архіерействѣ. Они росли съ каждымъ днемъ, ряды приверженцевъ лжеепископа значительно рѣдѣли. Напрасно жившій у молдавскихъ старообрядцевъ, бѣглый изъ Россіи попъ, Варлаамъ съ клятвою увѣрялъ всѣхъ своихъ единовѣрцевъ, что Аѣиногенъ есть истинный и правильно поставленный епископъ; напрасно онъ увѣрялъ, что Аѣиногенъ, бывъ у него на исповѣди, присягу въ томъ принималъ; напрасно попы, рукоположенные лжеепископомъ, горячо стояли за своего архіерея и громогласно проповѣдывали о дѣйствительности принятаго имъ на себя сана;—слухи о его недобросовѣстности, объ

¹ Суловъ и Кондратьевъ.

² О недошедшей до насъ дворянской фамиліи Аѣиногена.

³ То-есть объ епископскомъ санѣ.

⁴ Обстоятельство остающееся не объясненнымъ. Вѣроятно Аѣиногенъ въ чемъ-нибудь осылаемъ на нѣжикскихъ Грековъ въ доказательство мнѣшаго своего архіерейства. Нѣтъ ли тутъ рѣчи о посвященіи его греческимъ митрополитомъ Даниломъ въ Рема?

⁵ Андр. Гоян. Журавлева *Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 308, 304.

обманъ простодушныхъ, но ревностныхъ къ старому обряду людей, до такой степени усилились въ Яссахъ, что самъ господарь, считая и себя обманутымъ этимъ ловкимъ пройдохою, велѣлъ его поймать и хотѣлъ повѣсить. Аѣиногенъ вовремя свѣдалъ о грозившей ему опасности, и наскоро собравшись, бѣжалъ въ Буковину, а оттуда пробрался въ покинутую было имъ Борскую слободу. Но и здѣсь старообрядцы встрѣтили его холодно, а ревностнѣйшіе хранители стараго обряда хотѣли даже убить его за соблазнъ, сдѣланный всему христіянству древяго благочестія. Перетолковывая евангельскія слова о тѣхъ посредствомъ которыхъ вносятся въ міръ соблазны, они намѣревались въ самомъ дѣлѣ привязать ему жерновъ на шею и, за неимѣніемъ по близости моря, бросить въ Бугъ. Но Аѣиногенъ счастливо избѣгнулъ и этой опасности, бѣжалъ и изъ Борской слободы, но куда ни приходилъ, вездѣ встрѣчалъ или холодный пріемъ, или даже угрозы схватить его и выдать русскому правительству. Онъ воротился было на Вѣтрянку, но и тамъ не могъ долго оставаться. Приходилось же епископу разстаться съ своимъ омофоромъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. „Отъ стыда и срамоты, говоритъ Іона Курносый,—борзо собрався и склався, на возъ сѣдши, погна борзо“ и прискакавъ въ первый пограничный городъ королевства Польскаго, Каменецъ-Подольскій, скинулъ здѣсь архіерейское платье, принялъ католическую вѣру, обрился, надѣлъ парикъ и записался въ каменецкій гарнизонъ жолнеромъ. Изъ самозванца-архіерея вышелъ красивый, блестящій жолнеръ. Ловкость обращенія, пріятныя манеры, достаточное образованіе и значительныя деньги, добытыя архіерействованіемъ у старообрядцевъ, открыли Аѣиногену входъ въ дома шляхетскіе и даже вельможные; ему покровительствовали іезуиты, въ награду за обращеніе въ римскую церковь, а женщины были въ восторгѣ отъ красавца-авантюриста. Дочь одного богатаго пана влюбилась въ бывшаго архіерея. Увѣрившись въ ея любви, онъ посватался было, но гордый панъ наотрѣзъ отказалъ ему. Аѣиногенъ однако женился на своей возлюбленной, и кажется, не безъ романтическихъ приключеній. Съ богатымъ приданымъ, жена принесла ему связи съ значительными людьми, посредствомъ которыхъ бывшій старовѣрческій епископъ въ короткое время сдѣлалъ большіе успѣхи въ королевской службѣ. Черезъ четыре года послѣ того какъ онъ бѣжалъ въ Каменецъ-Подольскій (въ 1757 г.),

онъ былъ уже капитаномъ въ Краковѣ и жилъ тамъ съ женою и дѣтьми въ довольствѣ и роскоши. Потомъ, есаи вѣрнуть раскольническимъ сказаніямъ, былъ онъ полковникомъ и даже генераломъ ¹.

Изъ какой фамиліи былъ Аеиногенъ—не знаемъ, но что онъ былъ дворянскаго происхожденія, это положительно вѣрно, иначе онъ не могъ бы поступить въ королевскую службу и такъ скоро сдѣлаться капитаномъ, а можетъ-быть и генераломъ. Въ Польшѣ это было невозможно. Вѣроятно, въ архивѣ московской синодальной конторы или въ Новомъ

¹ Докосеніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ святѣйшему синоду, 27 мая 1757 года въ дѣлѣ синода 1757 г. № 337. „По подлинному удостовѣренію отъ посланныхъ въ Россію двухъ человекъ раскольниковъ явилось, что Амтеногенъ (sic) живо называлъ себя бывшимъ въ Россіи епископомъ, который услыша многое на него отъ раскольниковъ роптаніе, изъ Волощизны въ польскій пограничный городъ Каменецъ-Подольскій бѣжалъ, и оставя тамъ епископскій чинъ, принявъ католицкій расколъ и записався въ томъ городѣ въ гарнизонъ козакомъ, а нынѣ находится капитаномъ и посланъ отсюда въ Краковъ, гдѣ и до сего времени жительство имѣетъ съ женою и съ дѣтьми, о чемъ того посылаемаго изъ Кіева увѣрилъ и находящійся въ польскомъ мѣстечкѣ Могилевѣ комендантъ.“ Иона Курносый: „Дохъавъ (Аеиногенъ) до нѣкаго паства, къ пану приступивъ, дары аргіе поднесе, прошаше пріятися во услуженіе, онъ же, панъ, пріиавше его Аеиногена, пристави его надъ своими козаками полковникомъ.“ Изъ Борокой слободы старообрядцы такъ писали въ посѣдствіи къ Патрикію въ Зыбку: „Во отцѣхъ отцу, священноіерею Патрикію, жалемъ нашего отческаго благословенія и пр. Нужное вашему благословенію возвѣщаемъ вкратцѣ и слезно нашего пастырства просимъ, нынѣ мы осиротѣхомъ безъ священства. Который отъ вашего благословенія священникъ Савва, по приѣздѣ Андреяна, и отъ насъ ушелъ, и въ поступкахъ христіанскихъ весьма былъ непостояненъ, и теперь остается безъ священства, а просимъ твое благословеніе всѣ слезно: Господа ради, чтобъ ты насъ посѣтилъ и ты бы намъ сомнѣніе рѣшилъ объ Аеиногенѣ, пожеже намъ нынѣ генераломъ и ходитъ по нѣмецки, и въ парикахъ, и борода обрита, и тамъ многие люди были и видѣли; Яковъ Якомлевичъ Панкѣевъ былъ тамъ и сказывалъ намъ, что сватаи у пана къ дочери, и онъ не отдавъ. Осадчій слободы Приворотни видѣлъ и говорилъ съ нимъ, что онъ уже обриту. И нѣшемъ самую оущую правду.“ Алар. Иона Журавлева *Истор. извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 306, 307. Премникъ Аеиногена, Амфимъ, такъ говоритъ объ этомъ поступкѣ своего предѣстника въ письмѣ къ молдавскому митрополиту Іакову, отъ 12 декабря 1756 года: „Мужъ въ поученіи хитръ, обаче въ вѣрѣ непостояненъ: не стерпѣ бо зрѣти суевѣрїи липованскихъ, еще же убоялся сильнаго руки императорскія, вдался до римскихъ бископовъ, у которыхъ пребываетъ даже и до днесь, кромѣ святительскихъ дѣйствъ, въ лицѣ паства.“ *Дѣло о раскольническомъ арх. Амфимѣ*, въ архивѣ синода 1757 г. № 337.

Іерусалимъ сохранилось какое-нибудь дѣло о расхищеніи ключаремъ Амвросіемъ монастырскаго имущества и объ его побѣгѣ. Въ немъ, конечно, есть извѣстіе и о томъ, изъ какой фамиліи происходилъ этотъ ловкій авантюристъ.

VI. Анфимъ.

Смиренный епископъ, преобразившійся въ ловкаго капитана, цѣломудренный постыикъ, женившійся на польской красавицѣ, произвелъ громаднѣйшій скандалъ во всемъ русскомъ и зарубежномъ старообрядствѣ. Всѣ и повсюду признали его обманщикомъ и самозванцемъ, кромѣ поповъ имъ рукоположенныхъ, которымъ не хотѣлось разстаться съ полученнымъ священствомъ, доставлявшимъ хорошія средства къ жизни. Но и имъ плохо приходилось: ихъ никто не принималъ въ дома съ требами, надъ ними смѣялись, называя въ шутку „капитанами“ и „жоанерами“. Но Аѳиногенъ былъ не послѣднимъ лжеепископомъ. Вслѣдъ за нимъ явился новый, называвшій себя *архіепископомъ кубанскимъ и Хотинскія Рачи*. Звали его Анфимъ.

Какъ Аѳиногенъ отличался своею красивою, привлекательною наружностію, такъ преемникъ его неблагообразіемъ. Лѣтъ пятидесяти отъ роду, средняго роста, плечистый, лицо полное, красное, обезображенное оспой и покрытое угрями, глаза кровавые, небольшая черная борода, длинныя черныя волосы и рваныя палачомъ коздри—вотъ наружность новоявленнаго у зарубежныхъ старообрядцевъ епископа¹.

Родомъ былъ онъ съ Дона, но неизвѣстно, изъ казаковъ или изъ поповичей. Былъ человекъ начитанный, свѣдущій въ Писаніи и церковныхъ уставахъ—качества, весьма цѣнямыя старообрядцами и во всякое время доставлявшія въ средѣ

¹ Указъ изъ московской конторы святѣйшаго синода кіевскому преосвященному 1751 года 24 іюня: „а прихѣтами оный Анфимка: росту средняго, плечистъ, лицо круглое, угреватое, побитое рябиками, коздри съ обѣихъ сторонъ рваныя, пытакъ, глаза кровавые, волосы на головѣ черныя, длинные, борода малая, лѣтъ въ пятьдесятъ.“ Посыланнѣйшій кіевскимъ вице-губернаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ Костюринымъ, въ Яссы и Хотинъ въ 1757 году, для развѣдываній объ Анфимѣ, довелъ о прихѣтахъ его такъ: „среднихъ лѣтъ, плечистъ, борода малая, объ коздри рваныя, лице полное, угреватое, въ словахъ рѣчиствъ“. (См. Дѣло святѣйшаго синода о раскольническомъ арх Анфимѣ 1757 года.)

ихъ большой авторитетъ тому, кто обладалъ ими. Но въ то же время Анфимъ, по выраженію современника его, Ивана Алексѣева, былъ „мужъ забѣгаго ума, своенравенъ и безсовѣтенъ“. Великую извѣстность, великое уваженіе получилъ онъ сначала между старообрядцами, ибо много пострадалъ за старый обрядъ и „древнее благочестіе“, что доставило ему и славу „страдальца“. Сдѣлался онъ столпомъ старообрядчества, и вдругъ гордость и любоначалие до того обуяли его, что нѣтворилъ онъ дѣлъ необычайныхъ, какихъ „вѣдущіе его отнюдь и въ мысли имяху“. Предметъ всеобщаго благоговѣйнаго уваженія сдѣлался предметомъ смѣха. „Велію, говоритъ Иванъ Алексѣевъ, тотъ Анфимъ науку собою показа внимающимъ, что дѣветъ любоначалиство, и коимъ концомъ любящіе мірскія чести овѣнчиваютъ.“¹

По словамъ самого Анфима², онъ тридцати лѣтъ отъ роду рукоположенъ былъ воронежскимъ епископомъ, несчастнымъ Львомъ Юрловымъ (1727—1730), въ дьячки, а вскорѣ потомъ поступилъ въ число братіи Кременскаго монастыря³, и здѣсь воронежскимъ же епископомъ, Іоакимомъ Струковымъ, (1730—1742) посвященъ въ іеродіаконы и іеромонахи. Познакомившись съ старообрядцами, которыхъ и тогда, какъ и теперь, на Дону было много, Анфимъ ушелъ къ нимъ, но не оставаясь долго между Донцами, отправился странствовать по Россіи. О первоначальныхъ походахъ его между старообрядцами намъ неизвѣстно, но въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія мы находимъ его уже схимникомъ. Принявъ схиму, конечно, въ какомъ-нибудь старообрядческомъ скитѣ, Анфимъ, вслѣдствіе сенатскаго указа 1746 года декабря 13, о томъ чтобы „сыскивать богопротивной ереси наставниковъ и предводителей и ихъ сообщниковъ, а по сыску, заковавъ въ ручныя и ножныя желѣза, отсылать ихъ въ слѣдственную о раскольникахъ комиссію (бывшую въ

¹ Иванъ Алексѣевъ: *Исторія о бѣстующемъ селѣнствѣ въ Лѣтоя. русск. ист. и древн.* т. IV, смѣсь, стр. 65 и 66.

² *Дѣло селѣтшаго синода о расколѣ. архіерей Анфимъ.*

³ Кременскій Вознесенскій монастырь кнѣзъ Донской, а тогда Воронежской епархіи, былъ основанъ въ 1711 году на правомъ берегу рѣки Дона, въ 10 верстахъ отъ Кременской станицы. Онъ былъ упраздненъ въ 1788 г., но по просьбѣ Донскихъ казаковъ возобновленъ въ 1798 году. Онъ въ 3 класса и есть единственный во всей Землѣ Войска Донскаго мужской православный монастырь и содержится на счетъ войска:

Москвѣ при синодальной конторѣ) въ самой скорости, безо всякаго задержанія“, былъ гдѣ-то пойманъ и представленъ въ Москву. Его судили, пытали, присудили къ кнуту, вырванію воздрей и ссылкѣ въ Сибирь на каторжную работу. Съ каторги ли, на пути ли въ Сибирь, того не знаемъ, ему удалось бѣжать, и онъ послѣ того долгое время, попрежнему, страствовалъ между старообрядцами. Позорныя клейма, наложенныя рукой палача, рваныя воздри, слѣды кнотовыхъ рубцовъ на спицѣ Анфима, были чествуемы ревнителями „древляго благочестія“, какъ святыя, доблія раны великаго страдальца за имя Христово. Лишь только появлялся онъ гдѣ-нибудь, въ укромномъ мѣстѣ, „среди горячихъ“ своихъ почитателей, какъ уже сходились къ мученику за „старую вѣру“ и старь, и младь, и мушны, и женщины, и дѣти; какъ святыню, со слезами лобызали они слѣды ранъ Анфимовыхъ и отверзтою душою слушали его поученія. А онъ былъ рѣчиствъ. Помнилось каждое слово учительнаго схимника, честно хранилась каждая незначительная вещь, даваемая страдальцемъ-страдальцемъ на благословеніе. Но не долго продолжался этотъ второй періодъ страствій Анфима: въ 1750 году его опять поймали и опять переслали въ Москву, въ комиссію....

Сидитъ Анфимъ-страдальецъ въ московской тюрьмѣ каменной, приходитъ народъ къ колодникамъ сотворить святую милостыню и слышитъ учительныя слова Анфима; слышитъ о томъ, какъ прежде былъ мучимъ краснорѣчивый схимникъ за „древнее благочестіе“, какъ впереди предстоятъ ему новыя, еще большія страданія. Старообрядцевъ множество посѣщало Анфима въ „бѣдности“, приходило множество и православныхъ. И эти заслушивались рѣчей краснорѣчиваго Анфима, и они удивлялись „разуму ученія его“.

Въ „бѣдности“ у Анфима было особое помѣщеніе, и къ нему приставленъ былъ, для караула, особый сержантъ. Приходившіе къ „батьшкѣ“ Анфиму старообрядцы давали тому сержанту „почестъ“, то-есть, по-просту сказать, подкупали его, чтобъ онъ не препятствовалъ бесѣдамъ ихъ съ „страдальцемъ“. Одна богатая старуха, вдова, дворянскаго рода, часто посѣщала „батьшку Анфима“ и приводила къ нему жившихъ у нея двухъ дѣвушекъ; одна изъ нихъ была дочь купеческая, другая—секретарская. „Онъ же употребовъ, сказуя древляго благочестія содержимыя церковныя узаконенія и обычаи, измѣненныя Никономъ.“ Всѣ три почувствовали сильную

привязанность къ страдальцу Анфиму и, прельщенные его словами, уклонились въ расколъ. Анфимъ, зная что московская барыня очень богата, вздумалъ, съ помощію ея, освободиться изъ тюремнаго заключенія, избавиться отъ неминуемаго, тяжкаго наказанія и укрыться вмѣстѣ съ нею и ея богатствами въ какомъ-либо надежномъ, недоступномъ для московскихъ преслѣдователей мѣстѣ.

И сталъ онъ ее уговаривать, чтобъ „ей съ нимъ убраться въ польскіе предѣлы, паче же на Вѣтку, мня пріять быти тамошними отцы“. Всѣ мысли, всѣ помышленія барыни-старушки были въ волѣ Анфима; она, въ религіозномъ фанатизмѣ, увлекшись учительными словами „батюшки-страдальца“, своей воли болѣе не имѣла, и возражать ему, не только словомъ, но и мыслию, не могла. Обѣ дѣвушки были въ такомъ же настроеніи духа. Но побѣгъ изъ крѣпкой тюрьмы былъ возможенъ лишь при участіи караульнаго сержанта. Хоть и сержантъ смотрѣлъ на своего заключенника, какъ на святаго, однакоже его не такъ легко было подговорить къ бѣгству за границу. Понемножку, исподоволь, осторожно сталъ Анфимъ склонять его къ побѣгу, представляя въ самыхъ обольстительныхъ краскахъ будущее ихъ житье-бытье на Вѣткѣ. „Съ нами бы поѣхала одна богатая барыня, денегъ у нея счету нѣтъ, не то что намъ—тысячи человѣкамъ достанетъ на самый долгій вѣкъ прожить на эти деньги во всякомъ удовольствіи и спокойствіи. Тамъ, за рубежомъ, нѣтъ ни службы, ни грознаго начальства, тамъ всякій человѣкъ самъ себѣ господинъ; а здѣсь, на солдатской своей службѣ, знаешь ты только горе, да недостатки, каждый день не довшъ, каждый день не доспишь, и отъ начальства муку принимаешь, а тамъ, что только на умъ вспадетъ—все будетъ тотчасъ же готово по твоему желанію.“ Сержантъ не малое время колебался, но обѣщаемое будущее такъ было привлекательно, что онъ далъ свое согласіе.... Тогда барыня наскоро собралась съ двумя дѣвушками, будто бы въ Кіевъ на поклоненіе тамошнимъ угодникамъ, и поѣхала изъ Москвы. Сержантъ избралъ удобное время и, ночью на 27 августа 1750 года, бѣжалъ вмѣстѣ съ Анфимомъ. На дорогѣ пристали они къ барынѣ. Опасаясь погони, бѣглецы ѣхали на перемѣнныхъ лошадяхъ до Стародубья, и здѣсь на время нашли надежный пріютъ у старооб-

рядцевъ. Нѣсколько дней спустя, они, перебравшись черезъ литовскій рубежъ, благополучно достигли Вѣтки.¹

Можетъ-быть успѣхъ Аѳимогена подавъ мысль честолюбивому Анфиму сдѣлаться зарубежнымъ старообрядческимъ епископомъ. Славолубіе, такъ долго питаемое уваженіемъ старообрядцевъ, доходившимъ чуть не до обожанія, возрастило въ сердцѣ его гордость и страстное желаніе начальствовать, повелѣвать. Но при первомъ шагѣ за границу его гордости нанесенъ былъ сильный ударъ. До Вѣтки и вообще до зарубежныхъ старообрядческихъ слободъ, не достигла еще слава Анфима „страдальца“, столь громкая на Дону, на Волгѣ, въ Сибири. Его приняли какъ обыкновеннаго выходца. Это оскорбило Анфима, не привыкшаго къ равнодушнымъ встрѣчамъ. „Постой же, думалъ онъ: коли такъ, примете же вы меня, павши ницъ передъ мною.“ И онъ сказался вѣтковскимъ отцамъ, что получилъ онъ въ Великой Россіи великую архіерейства хиротонію и просилъ принять его въ соединеніе, общеніе и согласіе по древлецерковному благочестію. Проученные уже Епифаніемъ, Вѣтковцы отвѣчали Анфиму, что въ скоромъ времени принять его они не могутъ. „Просто, какъ мірянина, принять тебя нельзя, потому что объявляешь себя епископомъ, а чтобы за епископа тебя признать, то, по божественному писанію и по правиламъ, достоинъ намъ справиться, на которой ты епископіи, и въ которомъ градѣ былъ и которыми епископами поставленъ.“ Анфимъ, видя что Вѣтковцы не такъ легковѣрны, какъ онъ предполагалъ, замочалъ, ибо не зналъ какъ и сказать, въ какомъ онъ городѣ былъ архіереемъ и какими епископами рукоположенъ. Пойдутъ справки въ Россію, думалъ онъ, и ложное показаніе рано или поздно обличится. Съ досадой, съ плохо-скрываемымъ озлобленіемъ ушелъ онъ съ собора вѣтковскихъ отцовъ и тотчасъ же далъ волю своему пылкому своеправному, не терпѣвшему ни малѣйшихъ противорѣчій, характеру. Что ни день, то новая какая-нибудь ссора происходила у Анфима съ Вѣтковцами, которымъ въ короткое время онъ до того надоѣлъ, что они не знали какъ и

¹ Гола Курносый и допросъ казаку волжскаго казачьяго войска, Семену Чижову, снятый въ астраханской губернской канцеляріи мая 30 1763 г. См. Дѣло о раскольнич. архіерей Анфимъ.

отдаваться отъ незваннаго гостя. То и дѣло оны ругаеъ и заословили ихъ, „пзрица поносная ругательная, изметая отъ злаго сокровища сердца своего злая глаголанія.“

— Вы бѣглецы! кричить, бывало, на вѣтковскихъ отцовъ самъ такой же бѣглець Анфимъ:—забились, сюда, въ чужую державу, какъ сверчки!

И прискорбны были такія слова отцамъ вѣтковскимъ, и писали отцы въ Москву, жалобясь на выѣхавшаго оттуда обидчика и ругателя. Въ Москвѣ старообрядцы не мало дивились вѣтковскимъ вѣстямъ и никакъ не могли понять, что бы такое могло случиться съ такимъ славнымъ, учительствомъ своимъ и страданіями, человекомъ. Между тѣмъ увидавъ, что ужиться съ Вѣтковцами невозможно, Анфимъ увѣхалъ отъ нихъ съ своими домохадцами отыскивать такого пана, который бы отвелъ ему въ своихъ маетностяхъ хорошенькое мѣстечко для заселенія его новою слободой русскихъ старообрядцевъ, которые тогда во множествѣ переходили за рубежъ.¹ Бѣлорусскіе землевладѣльцы находили для себя весьма выгоднымъ отдавать участки довольно пустынныхъ и притомъ неплодородныхъ земель своихъ подъ старообрядческія слободы, ибо получали отъ этихъ поселенцевъ такой доходъ, какого не могли бы извлечь изъ своего имѣнія никакими средствами. Поэтому они съ большою готовностію и позволяли имъ водворяться за извѣстный чиншъ на своихъ земляхъ, и потомъ, когда образовывались слободы, берегли ихъ, какъ самыя лучшія доходныя статьи свои. При такихъ условіяхъ, богатому, богатствомъ московской барыни, Анфиму нисколько не затруднительно было найдти ясновельможнаго пана, который пустилъ бы его на свою землю. И ему не нужно было очень далеко ѣздить: сосѣдній землевладѣлецъ, князь Чарторыйскій, владѣтель мѣстечка Гомеля, отвелъ ему прекрасное и удобное мѣсто въ шести миляхъ отъ Вѣтки, внизъ по рѣкѣ Сожу, въ урочищѣ называемомъ Боровицы, гдѣ находилась и старая пустая часовня, едва ли не оставшаяся еще послѣ

¹ Все о побѣгѣ изъ Москвы и о пребываніи въ Вѣткѣ заимствовано у Юлія Курюсаго. Согласно съ Юліемъ, что Анфимъ тогдашъ по прибытіи на Вѣтку назвался епископомъ, показалъ при допросѣ, 30 мая 1763 года, въ астраханской губернской канцеляріи, казакъ Волжскаго Казачьяго Войска Чижовъ.

вѣтковскаго раззоренія 1735 года. На деньги московской барыни Анфимъ въ самое короткое время привелъ Боровицу въ блестящее состояніе. Въ часовнѣ явились древнія иконы съ дорогими окладами, богатая ризница, полный кругъ богослужебныхъ книгъ, драгоценные сосуды, диски и другая утварь. Анфимъ немедленно началъ отправлять въ этой часовнѣ богослуженіе, а между тѣмъ приступилъ къ постройкѣ церкви и двухъ монастырей—мужскаго и женскаго. Кельи были немедленно выстроены для того и другаго. Въ мужскомъ сдѣлался настоятелемъ самъ Анфимъ. За братією дѣло не стало, слухъ о несметныхъ, неизчетныхъ богатствахъ строителя боровицкихъ монастырей быстро распространился по Россіи: чернецы, уставщики, послушники немедленно явились въ Анфимовомъ монастырѣ. Приходили къ нему даже съ отдаленныхъ береговъ низовьевъ Волги. Въ женскомъ монастырѣ игуменьей сдѣлалась московская барыня; ее постригъ Анфимъ и назвалъ въ иночествѣ Елизаветой; пріѣхавшія съ ней дѣвушки также приняли монашество и поступили въ Боровицкій монастырь: одна наречена Анфимомъ при постриженіи Андра (?) Пелагеей, другая Акаветой (?); чрезъ нѣсколько времени Анфимъ рукоположилъ обѣихъ въ древній санъ діакониссъ¹. Кромѣ ихъ было не мало и другихъ монахинь и бѣлицъ въ новоустроенной обители матушки Елизаветы. Вокругъ обоихъ монастырей вскорѣ образовалась довольно многолюдная слобода.

Анфимъ былъ такой человекъ, что если разъ заберетъ онъ что-нибудь себѣ въ голову, такъ ужъ чего бы то ни стоило, а пойдетъ добиваться задуманнаго до послѣдней крайности. Не было силы, которая бы могла остановить его; упрямый былъ человекъ, гордый, и считая себя умнѣе всѣхъ, не слушался ничьихъ совѣтовъ. „Мужъ безсовѣтенъ былъ“, сказалъ о немъ Иванъ Алексѣевъ, можетъ-быть знавшій его лично. Страсть повелѣвать, ненасытное желаніе видѣть толпу преклоняющуюся, благоговѣнно слушающую каждое его слово, принимающую каждое его велѣніе безпрекословно, безъ разсужденія—этотъ духъ любобачалія преобладалъ въ Анфимѣ.

¹ Показаніе Семена Чижова, казака Волжскаго Казачьяго Войска: „а я, будучи въ Боровицахъ, во всеючюй на крысѣхъ пѣлъ, а братъ мой, Иванъ Оловяшниковъ, стихары разказывалъ подъ Николаимъ дѣнь.“

² Показаніе казака Чижова въ дѣлѣ синода, 1767 г. о раск. арх. Анфимѣ.

Этотъ-то духъ гордыни и вовлекъ его въ тѣ поступки, которые, въ глазахъ даже самыхъ приверженныхъ къ нему старообрядцевъ, наложили темное пятно на память этого „великаго страдальца“. Удовлетворить его любоначалье теперь могъ только архіерейскій омофоръ; его-то и сталъ онъ искать всеми средствами, не разбирая ихъ нравственного достоинства. Ъхать въ Яссы, и подобно Елифанію получить тамъ архіерейскую хиротонію—сдѣлалось цѣлью его жизни; онъ былъ увѣренъ, что рано ли, поздно ли, но такими или иными средствами, а ужъ достигнетъ онъ архіерейства и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, съ совершеннымъ спокойствіемъ, сталъ называть себя „нареченнымъ епископомъ“. Какъ въ старину „нареченные епископы“ управляли церковью и дѣйствовали по-святительски, воздерживаясь только служить по-архіерейски и рукополагать священниковъ и дьяконовъ¹, такъ и Анфимъ сталъ теперь управлять въ Боровицахъ по-епископски, тайно сносясь съ молдавскими старообрядцами и собирая свидѣнія какъ, гдѣ и отъ какого греческаго митрополита удобнѣе будетъ получить хиротонію. Онъ имѣлъ въ виду и митрополита Яскаго, и митрополита Браиловскаго, и архіепископа Крымскаго. Подкупность Фанаріотовъ была ему хорошо извѣстна, и располагая заплатить за омофоръ деньгами Елизаветы въ такомъ размѣрѣ, какого они требуютъ, Анфимъ, у котораго на памяти были всѣ церковные уставы, не смущался правилами, по которымъ за деньги рукополагающій въ епископы и рукополагаемый оба подлежатъ лишенію сана и изверженію изъ церкви.² Не каноны смущали его, а затруднительность дѣла. Надо ѣхать за Днѣстръ или въ Крымъ, надо просить господаря или хана, надо ожидать неминуемыхъ препятствій со стороны мѣстныхъ Липованъ или же искать ихъ любви и покровительства, а это было для него невозможно; его гордая, высокомерная натура никогда бы не допустила его до такого, по его мнѣнію, униженія. Въ это время (въ 1752 г.) былъ въ предѣлахъ польскихъ Аѳиногенъ. Анфимъ и обратился къ нему за хиротоніей. „Не вѣмъ кому дивитися,“ говоритъ по этому случаю Иванъ Алексѣевъ въ своей *Исторіи о бѣгствующихъ*

¹ Такъ наприимѣръ дѣлалось это въ древнемъ Новгородѣ.

² Вселенскаго IV собора 2 правило, Вселенскаго VI собора 23 правило, Вселенскаго VII собора 5 и 19 правила. Правило апостольское 29.

священствѣ, „народному ли нечувствію или толикой страшной дерзости Анфимовѣ? Яко толикій мужъ вѣдущій, и толико терпѣніе за древнее пострадавый, легкими юзами любоначальства связанъ, тако паде и многимъ смѣхъ на себѣ прилаиче, разумнымъ же страхъ, яко тако скорыма ногама къ подложному епископу притече и неиспытно веліе на себе обязательство оному даде, во вся дни почитати и покаратися тому и прочая.“¹

Аѣиногенъ получилъ значительную сумму денегъ изъ сундука московской барыни, преобразившейся въ раскольниковскую игуменью, обязалъ горделиваго Анфима клятвою послушанія себѣ и посвятилъ,—но только пока еще въ санъ архимандрита, обѣщаясь впрочемъ со временемъ произвести его и въ архіереи. Дѣлать было нечего, смирился передъ молодымъ красавцемъ старикъ Анфимъ, никому не покорный, но служа какъ архимандритъ, святительствовавъ какъ „нареченный епископъ“. Надѣвъ архимандричью шапку, „нареченный епископъ“ не очень стѣснялся въ правахъ своихъ: тотчасъ же, по извѣстію Іоны Курносаго, началъ поповъ святить и разсылать ихъ по старообрядческимъ зарубежнымъ слободамъ. При крайнемъ недостаткѣ поповъ, старообрядцы и ихъ принимали: у нихъ былъ достаточный запасъ святыхъ даровъ, совершаемыхъ Анфимомъ въ Боровицахъ, а этого было уже саишкомъ достаточно для тогдашнихъ старообрядцевъ. Въ попы на первый разъ онъ поставилъ только двухъ, самыхъ приверженныхъ себѣ и болѣе другихъ угождавшихъ его властолюбивому характеру людей: родныхъ братьевъ—Михаила и Іосифа Буркиныхъ. Съ ними вмѣстѣ и со всѣмъ своимъ церковнымъ кругомъ и съ діаконалисами, освятилъ онъ новую Боровицкую церковь и постригалъ чернецовъ². Въ это время получилъ онъ извѣстіе, что въ Москвѣ старообрядцы крайне нуждаются въ священникахъ, и немедленно послалъ одного изъ поповъ своего поставленія въ Гуслицкую волость. Анфимовскій попъ пріѣхалъ въ Гуслицу и тотчасъ же принялся за поповское дѣло: сталъ исповѣдывать, крестить, вѣнчать, хоронить. Не мало нашлось и для него духовныхъ дѣтей. Но скоро и въ Москвѣ, и въ Гуслицѣ свѣдали, что

¹ Иванъ Алексѣевъ, *Исторія о блгств. священ.* стр. 66.

² Показаніе казака Семена Чижова въ Дѣлѣ святѣйшаго синода о раск. арх. Анфимѣ.

за архіерей такой Анфимъ-страдалецъ и что за попъ, его ставленникъ. Воротиви попа за рубежъ къ пославшему его, и велѣли говорить Анфиму: „почто ты, отецъ архимандритъ Анфимъ, поповъ поставляешь? Вѣдь архимандриту поповъ поставлять писанія и правилъ нѣтъ.“ И умолчалъ Анфимъ, видя что дѣло его худо и другимъ неспасительно¹. Послѣ этого онъ пуще прежняго сталъ добиваться у Аѣиногена архіерейской хиротоніи. Аѣиногену нельзя было для этого ѣхать въ Боровицу: мы уже знаемъ въ какомъ положеніи находился онъ въ исходѣ 1752 и началѣ 1753 года, онъ уже бѣгалъ тогда изъ мѣста въ мѣсто, ежечасно опасаясь за жизнь свою. Анфиму же ѣхать за Днѣстръ и принимать хиротонію отъ находившагося въ столь незавидномъ положеніи епископа тоже было не безопасно. Какъ же помочь горю, какъ выйдти изъ безвыходнаго почти положенія?

Старообрядцы въ своихъ дѣйствіяхъ весьма часто держатся правилу Св. Писанія: „по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ“². Поэтому они хотя и говорятъ, что всѣ уставы и правила церковные должны сохраняться неуклонно и точно, однако же, „нужды ради“, въ случаѣ необходимости допускаютъ большія уклоненія отъ правилъ. Не находя положительныхъ правилъ въ уставахъ, они ищутъ примѣровъ въ церковномъ преданіи; если ихъ не отыскиваютъ, обращаются къ примѣрамъ церковной практики, ищутъ какихъ-либо исключительныхъ случаевъ, бывшихъ въ древней христіанской церкви. Такъ напримѣръ, за неимѣніемъ церкви, допускаютъ они иногда совершеніе литургіи въ домѣ, примѣняясь къ тому, что Св. Лукіанъ даже въ темницѣ на своихъ персяхъ совершилъ евхаристію; такъ, принимая бѣглыхъ поповъ, ссылаются они на житіе Саввы Освященнаго и другіе примѣры церковной исторіи и т. д. Словомъ, совершеніе дѣйствія неузаконеннаго правилами, но въ то же время и не воспрещеннаго прямо, имѣеть для нихъ въ извѣстныхъ случаяхъ совершенную силу закона. Случается, и довольно нерѣдко, что примѣрамъ взятымъ изъ церковной исторіи они даютъ широкое и даже слишкомъ широкое токованіе, оправдывая себя въ такомъ случаѣ тѣми же словами апостола Павла: „по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ“. Въ

¹ Іоанъ Курносый

² Посланіе къ Евреямъ VII, 12.

правилахъ вселенскихъ соборовъ и Св. Отець нигдѣ не говоритъ о дозволеніи совершать хиротонію заочно, но и нигдѣ не воспрещена заочная хиротонія. А церковная практика представляетъ хотя примѣръ подобнаго посвященія, совершеннаго епископомъ Федимомъ ¹ надъ Св. Григоріемъ Неокесарійскимъ. Анфимъ ухватился за этотъ примѣръ, какъ утопающій за соломинку. Написалъ къ Аѳиногену посланіе, въ которомъ, приводя въ примѣръ Св. Григорія, просилъ его послѣдовать, нужды ради, примѣру епископа Федима и рукоположить его заочно. ² „Благодать Святаго Духа, писалъ онъ, всегда немощная врачующая и не оскудѣвающая, не стѣсняется предѣлами земными, но вездѣ и присно дѣйствуетъ. Служа божественную литургію въ предстоящій великій четвертокъ въ своей церкви и въ положенное время читай молитвы святой хиротоніи, азъ же, смиренный, въ тотъ самый часъ буду возлагать на себя одежды архіерейскія. При посланіи приложено было золото ³, Аѳиногенъ согласился. Увѣдомилъ онъ Анфима, чтобы готовился онъ къ хиротоніи и возлагалъ бы на себя священныя одежды архіерейскаго сана въ великій четвертокъ 11 апрѣля 1753 года.

Наступилъ этотъ день, Анфимъ началъ въ Боровицкой церкви служить литургію соборнѣ съ своими попами, какъ архимандритъ. Послѣ малаго входа съ Евангеліемъ вошелъ онъ въ алтарь и сталъ на колѣни предъ престоломъ, наклонивъ голову. Въ церкви было молчаніе. Знали, что въ эти минуты тамъ, далеко, за Днѣстромъ, въ иномъ государствѣ, епископъ Аѳиногенъ, положивъ руку на разгнутое Евангеліе возглашалъ молитву хиротоніи... Анфимъ всталъ, священники подали ему саккосъ, омофоръ, егкопій, митру, и онъ надѣвалъ ихъ, при пѣніи Кира „аксіосъ!“ Затѣмъ, взявъ въ руки свѣчи троеплетеную и двуплетеную ⁴ вышелъ на амвонъ и благословилъ предстоящихъ при громогласномъ пѣніи „исъ полла эти деспота“. Народъ палъ ницъ предъ епископомъ. Кончивъ литургію, какъ архіерей, Анфимъ тогда же посвятилъ попа и діакона. Это было сдѣлано гласно, открыто, торжественно, отнюдь не тайкомъ

¹ Миселъ Четв подъ 17 ноября.

² Ивана Алексѣева *Исторія о бѣств. священствѣ* стр. 86.

³ Иона Курносый говоритъ 20 червонцевъ, а Андрей Иоанновичъ Журавлевъ въ *Историч. изв. о раскольникахъ* упоминаетъ о цѣломъ мѣшкѣ съ червонцами.

⁴ Трукуріи и дукуріи.

Никто не сомнѣвался въ правильности обряда, ибо напередъ было объявлено, что совершается такой обрядъ нужды ради, гонительнаго ради належапія отъ еретикъ, по примѣру Федима епископа, посвятившаго нѣкогда подобнымъ образомъ Св. Григорія во епископы Новой Кесаріи.

Анфимъ достигъ цѣли—былъ архіереємъ, былъ владыкою старообрядцевъ; ненасытное его самолюбіе вполнѣ было удовлетворено. Успокоивъ совѣсть примѣромъ Св. Григорія, онъ искренно вѣрилъ въ несомнѣнную правильность принятаго имъ сана, и посвящалъ много поповъ и дьяконовъ и разсылалъ ихъ по старообрядческимъ слободамъ. Михаила Буркина и Іосифа онъ „дополнилъ чиномъ“, то-есть вновь рукоположилъ уже какъ епископъ. Увѣренныхъ въ правильности его архіерейства было много даже въ самой Вѣткѣ, гдѣ такъ не возлюбили было въ началѣ Анфима; начались толки о томъ, не слѣдуетъ ли сего „страдальца за древлее благочестіе“ признать православнымъ епископомъ.... И вдругъ.... каково это было узнать Анфиму? Приходить вѣсть, что 11 апрѣля, когда Анфимъ въ Боровицкой церкви надѣвалъ архіерейское облаченіе, Аенногенъ не только не служилъ обѣдни, но уже былъ католикомъ и обритуый щеголялъ по улицамъ Каменца-Подольскаго въ ловко сшитомъ кунтушѣ польскаго жоанера! „И остася Анфимъ въ скорби и печали о неполученіи нарекованія епископомъ“, говоритъ Іона Курносый. Скинута омофоръ, торжественно надѣтый, было несообразно съ своенравнымъ характеромъ Анфима, оставаться въ литовско-бѣлорусскихъ краяхъ, гдѣ всѣ знали какъ и въ какой именно день посвященъ Анфимъ, было также невозможно. Въ этихъ мѣстахъ никто не повѣрилъ бы правильности его архіерейства. При такихъ обстоятельствахъ, рѣшился онъ покинуть только что устроенную имъ Боровицу и ѣхать подальше отъ мѣстъ, гдѣ онъ возложилъ на себя архіерейское облаченіе. Анфимъ рѣшился ѣхать туда, гдѣ въ послѣднее время находилася Аенногенъ, чтобы вѣрнѣе узнать въ какой именно день бѣжалъ онъ въ Каменецъ и совершалъ ли онъ заочную хиротонію. Въ случаѣ же неблагопріятныхъ для себя по сему случаю извѣстій, онъ намѣревался искать новый хиротоніи или утвержденія въ архіерейскомъ санѣ отъ яскаго митрополита Іакова....

Показанія двухъ старообрядческихъ писателей прошлаго вѣка, сохранившихъ извѣстія о старообрядческихъ архіереяхъ

того времени, совершенно противорѣчивы. Иванъ Алексѣевъ, безпопонецъ, писавшій по слухамъ и притомъ съ видимою дѣлю показать нелѣпость исканія поповщины архіерейства, говоритъ, что Анфимъ удовольствовался небывалымъ заочнымъ рукоположеніемъ польскаго жолнера. „Въ тое мнѣніе его (Анфима) поставленіе, говоритъ онъ, уже Аеоиногенъ не епископомъ, но у нѣкогого пана капитаномъ сотворися, обаче нѣкимъ слѣпымъ Анфимъ за епископа вмѣнися и дѣйствова епископская и во діаконы и въ попы поставляше, кои попы имяху не малыя подзоры (подозрѣнія), ихъ же онъ постави и донынѣ священная дѣйствуютъ.“¹ Охтенскій протопопъ Андрей Іоанновъ Журавлевъ, имѣвшій, какъ видно, нѣкоторые другіе, неизвѣстные намъ источники, говоритъ объ Анфимѣ весьма кратко, но также какъ и Иванъ Алексѣевъ замѣчаетъ, что онъ удовольствовался заочною хиротоніей Аеоиногена.² Но Іона Курносый въ своемъ „посланіи“, основываясь также, конечно, на слухахъ распространенныхъ по старообрядству Анфимовыми приверженцами, говоритъ, что Анфимъ „много думая и мысля—и яко отъ духа нечиста паде ему на умъ: поѣду въ Яссы, негли могу желаніе получить—во епископы поставлюся. И сему бывшу, продолжаетъ Іона, прибывъ Яссы, подаде исповѣданіе согласное, яко также вѣруеть и исповѣдуеть, яко и онъ, яской, подавъ прошеніе и дары не малы—все госпожи оныя нажитіе; онъ же, епископъ яскій, посвяти его Анфима епископомъ и отпусти куда ему годѣ.“ Но не совсѣмъ такъ было на самомъ дѣлѣ. Изъ дѣла объ Анфимѣ, находящемся въ архивѣ синода, видно, что основанныя на слухахъ извѣстія Ивана Алексѣева, Іоны Курносаго и отца Андрея Журавлева одинаково не точны: ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ нѣтъ настоящей истины. Въ дальнѣйшемъ описаніи судьбы Анфима, этого „мужа забѣглаго ума“ будемъ держаться преимущественно этого дѣла.

„Епископъ Лука, переименовавшій себя въ Аеоиногена, мужъ въ наученіи хитръ, обаче въ вѣрѣ непостояненъ, не стерпѣ зрѣти суевѣрій липованскихъ, еще же убоаяся сильныя руки императорскія, вдався до римскихъ бископовъ, у которыхъ пребываетъ даже и до днесъ, кромѣ святительскихъ

¹ Иванъ Алексѣевъ *Исторія о бѣств. священствѣ* стр. 66.

² Андр. Іоанн. Журавлевъ *Истор. извѣстіе о раскольникахъ* стр. 304—305.

дѣйствъ въ лицѣ панства. И преподаде намъ, смиреннымъ, великое сумѣніе и *неимовѣрство* о своемъ святительствѣ, понеже намъ, смиреннымъ, хиротонисаннымъ бывшимъ имъ епископомъ Лукою, отъ игуменскаго степени даже до епископства. И нужда мнѣ надлежала вдатися до святительскаго суда, и принять своему сумѣнію рѣшеніе и *дѣйствительное благословеніе*. Въ которомъ намѣреніи 7261 (1753) изъ державы польскія поѣхалъ до вашего преосвященства (въ Яссы) и достигъ даже до Рущеръ, что въ повѣтъ Сочавскомъ, въ митрополіи вашего преосвященства. И тамо живущіе Липоване много мнѣ препятствія сотворили, чрезъ которое ихъ препятствіе мы, смиренніи, не могли видѣтися съ вашимъ преосвященствомъ и пріять отъ васъ благословеніе и сомѣнію своему рѣшеніе.“ Такъ писалъ Анфимъ къ ясскому митрополиту Іакову въ 1756 году, когда между ними началась переписка. ¹ Само собою разумѣется, что Анфиму во всемъ вѣрять нельзя, что препятствія со стороны Липованъ, не допустившихъ будто бы его до свиданія съ Іаковымъ, были имъ придуманы въ послѣдствіи, какъ бы въ видѣ оправданія. По всей вѣроятности дѣло было такъ: Анфиму нельзя было оставаться въ вѣтковскихъ и гомельскихъ предѣлахъ. Оставивъ поповъ Буркиныхъ и Елизавету съ діакониссами Андрою Пелагеею и Алкаветою въ Боровицахъ, онъ одинъ поѣхалъ за Днѣстръ, къ молдавлахійскимъ старообрядцамъ, сказавъ что ѣдетъ въ Яссы за *дѣйствительнымъ благословеніемъ*, то-есть за довершеніемъ хиротоніи посредствомъ ясскаго митрополита. Прибывъ же въ Молдавію, онъ, умалчивая объ Аениогенѣ, „объявлялъ о себѣ, яко бы онъ будучи въ Россіи отъ святѣйшаго правительствующаго синода посвященъ епископомъ.“ ² Въ Мануиловкѣ и другихъ старообрядческихъ молдавскихъ слободахъ, а равно и въ забалуйскомъ предмѣстіи города Яссъ, онъ не могъ въ то время найти себѣ приверженцевъ. Объ его „крѣпкомъ стояніи за древнее благочестіе и святоотеческія преданія“, объ его „страданіяхъ“ и великомъ подвижничествѣ въ отдаленныхъ странахъ Россіи, тамъ не знали и даже не слыхали,

¹ Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Анфимѣ 1757 года по архивной списку № 337. Письмо Анфима къ ясскому митрополиту Іакову 12 декабря 1756 года.

² Докладное коллегіи иностранныхъ дѣлъ святѣйшему синоду 27 мая 1757 г. въ Дѣлѣ о раск. арх. Анфимѣ № 337.

а извѣстіе о мнимомъ посвященіи его петербургскимъ синодомъ привади недозвѣрчиво. Еще полугодомъ не прошло съ тѣхъ поръ какъ между ними былъ другой такой же „свѣжакъ“¹ и тотъ также разказывалъ про себя, что посвященъ онъ въ Россіи, однакоже архіерейство его оказалось самозванымъ, и онъ, избѣгая достойной за свой обманъ кары, перешелъ въ католичество, и къ небывалому еще, безпримѣрному соблазну, желался и поступилъ въ военную службу. Анфимъ былъ встрѣченъ въ Молдавіи насмѣшками. Не легко было перенести это такому славолюбивому и своеправному человеку. Онъ возненавидѣлъ молдавскихъ Липованъ, и не довѣжая Яссъ, поворотилъ изъ Рущера назадъ, за Прутъ. Зѣвъ, въ Хотинскомъ цинутѣ, въ слободѣ Вѣтрянкѣ, встрѣтилъ онъ радушный пріютъ у тамошнихъ старообрядцевъ, и въ 1753 году основалъ тутъ свое пребываніе.

Въ Вѣтрянкѣ онъ обдумалъ планъ своихъ дѣйствій. Православнымъ Румынамъ, Славянамъ и Грекамъ разказывалъ, что онъ—русскій архіерей, удалившійся изъ отечества, и не распространялся о прежнихъ своихъ обстоятельствахъ. Да и не для чего было распространяться: въ Россіи часто излагали въ то время епископовъ и почти всегда безвинно; не мало было и такихъ, которые сами удалялись изъ епархій. Самые слѣды публичнаго наказанія на лицѣ Анфима не могли особенно удивить молдавскихъ православныхъ, ибо у нихъ ходили даже преувеличенные слухи о „гоненіи русскихъ епископовъ“ Прокоповичемъ, „вдавшимся въ люторскую ересь“, и единомышленниками его Бирономъ и цынами Нѣмцами. Знали и то, что рукоположившій Анфима въ іеромонахи Левъ Воронежскій, былъ свѣченъ кнутомъ публично и притомъ безвинно². Да и вообще Молдованъ и Грековъ не могли

¹ Такъ заграничные раскольники зовутъ недавнихъ выходцевъ изъ Россіи.

² Никогда не было у насъ такъ много излагаемо архіереевъ, какъ въ теченіи сорока лѣтъ, съ 1718 по 1758. Въ это время казненъ смертію Досіеѣ Ростовскій 1718; свѣченъ кнутомъ Левъ Воронежскій 1730; лишены сана и заточены: Θεодосій Новгородскій 1725; Игнатій Коломенскій 1730; Сильвестръ Казанскій 1731; Георгій Ростовскій 1731; Варлаамъ Кіевскій 1731; Θεофилактъ Тверской 1735; Досіеѣ Бѣлгородскій отлученъ 1736; Геннадій Костромской отрѣшенъ 1757; удалились въ монастыри: Ааронъ Корельскій 1721; Филосеѣ Тобольскій 1727; Иродіонъ Черниговскій 1734; Иларіонъ тоже Черниговскій 1738; Варлаамъ Псковскій 1738; Петръ Бѣлгородскій 1742; Леонидъ Крутицкій 1742; Гавриилъ Устюжскій 1748.

особенно удивлять ни клейма на лбу и скулахъ Анфима, ни равныя его ноздри, ни покрытая кнутовыми рубцами спина: и у нихъ, во владѣннхъ турецкаго султана, бывали архіереи съ рѣзанными ушами. Это за важное не считалось. Анфиму легко было сказать одному изъ Русскихъ низложенныхъ архіереевъ передъ Греками и Румынами, но не такъ легко было огласить это среди жившихъ въ Молдовахъ раскольниковъ: они бы навели, хотя посредствомъ Вѣтки или Стародубья справки въ Петербургъ и Москвѣ, и ложь Анфима, рано или поздно, открылась бы. Ему нужно было, чтобы румынскіе архіереи признали его за архіерея, за своего брата и сослужбника; тогда не послали бы за справками въ Россію. Съ этой цѣлью, вскорѣ по водвореніи въ Вѣтрякъ, поѣхалъ онъ въ Буковину, въ знаменитый тамошній православный монастырь Драгомирну, что на рѣкѣ Сучавѣ. Здѣсь жилъ въ то время на покой престарѣлый митрополитъ Мисаилъ, бывшій прежде Радауцкит¹. Анфимъ обратился къ этому добродушному, кроткому старцу, нуждавшемуся въ средствахъ, какъ вообще нуждаются на Востокѣ не имѣющіе спаршескихъ доходовъ архіереи. За подарками дѣло не стало: казны московской барыни было еще много у Анфима, но одними подарками нельзя было склонить Мисаила. Потому Анфимъ, явсь къ нему, какъ архіерей, ищущій, ради успокоенія совѣсти, святительскаго суда, просилъ исповѣдать его грѣхи и преподать въ нихъ разрѣшеніе. Мисаилъ принялъ его на духъ.

— Вамъ извѣстно, преосвященный владыко, говорилъ ему Анфимъ,—что въ здѣшнихъ предѣлахъ есть много христіанъ восточныя вѣры, именуемыхъ Липованами. Они не суть какіе-либо еретики, но отделились отъ Великороссійскія церкви единственно изъ-за грамматическихъ разгласій и нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ, которые почитаютъ за свято и за велико. По простотѣ своей, ибо нѣтъ между ними людей ученыхъ и разумныхъ, они разгласіе свое съ Великороссійскою церковью доставляютъ нѣкимъ догматствованіемъ и не могутъ соединиться съ Россійскою церковью во едино стадо. Россійскіе же епископы мнятъ силою ихъ въ общеніе привести и токмо паче раздражили ихъ до того, что избѣгая мукъ и страданій, они оставляютъ свое отечество и забѣгаютъ

¹ Радауцъ или Редовуцъ городъ въ Буковинѣ, на р. Сучавѣ, недалеко отъ монастыря Драгомирны и бывшей старообрядческой митрополіи, Бѣлой-Кривицы.

въ чужія государства, какъ и въ сіе. Но сѣвдую апостолу Павлу, уже съ немощными былъ, яко немощенъ, нѣкоторые изъ нашея братіи епископовъ, оставя честь свою и сѣвдвіе во славу, пошли къ тѣмъ Липованамъ пасти церковь Христову, да не погибнетъ какая-либо изъ овецъ заблудшихъ. Таковъ былъ въ Липованяхъ епископъ Лука, который бѣжалъ изъ Великой Россіи, изъ дворца ихъ императорскаго величества и преименовалъ себя Аециогеномъ, — мужъ въ наученіи хитръ, обаче въ вѣрѣ непостояненъ: не стерпя бо зрѣти суевѣрій липованскихъ, еще же убоился сильныя руки императорскія, вдався до римскихъ бископовъ, у которыхъ пребываетъ даже и до днесь, кромѣ святительскихъ дѣйствъ, въ лицѣ панства. Отъ того епископа Луки, когда онъ въ благочестіи еще пребывалъ, получилъ я хиротонію по всѣмъ степенямъ отъ игуменства даже до епископства. И отступленіемъ своимъ до римскихъ бископовъ преподаде онъ, епископъ Лука, намъ, смиреннымъ, великое сумнѣніе и неимовѣрство о своемъ святительствѣ. И потому нужда мнѣ подлежала вдатися до твоего святительскаго суда и принять своему сумнѣнію рѣшеніе и дѣйствительное благословеніе,—подобаетъ ли мнѣ священнодѣйствовать какъ епископу?

Митрополитъ Мисаилъ, видя, что дѣло идетъ только о томъ, что хиротонисовавшій Анфима, уже послѣ его хиротоніи уклонился въ римское католичество, отвѣчалъ:

— Не умреть сынъ, отца ради, но душа согрѣшившая, та въ грѣхѣ.

Исповѣдавъ, далъ Анфиму разрѣшеніе въ грѣхахъ и благословилъ его и написалъ ему разрѣшительную грамоту.

Анфимъ и то сказалъ Мисаилу, что онъ, по затруднительнымъ случаямъ, нужды ради и гоненія и тѣсноты обстоянія, рукоположенъ епископомъ Лукою не лично, но заочно, подобно тому какъ Федимъ епископъ рукополагалъ Св. Григоріа въ санъ архіепископа Новой Кесаріи.

— Дѣйствительна ли моя хиротонія, спрашивалъ онъ старца митрополита,—и что должно мнѣ дѣлать, чтобъ она была совершенна?

— Для этого, совѣтовалъ Мисаилъ,—надо, чтобы митрополитъ какія-либо области благословилъ тебя съ рукоположеніемъ и молитвами, не хиротонисую вторично, ибо какъ человекъ дважды не родится, такъ и хиротонія не повторяется.

Анфимъ просилъ Мисаила совершить надъ нимъ этотъ

обрядъ, но тотъ уклонился, говоря, что это должно сдѣлать правительствующему митрополиту, сидящему на престолѣ своемъ, а ему, Мисаилу, того сдѣлать не можно, потому что онъ съ своей митрополіи сошелъ и въ Драгомираѣ пребываетъ на покой. И совѣтовалъ ему обратиться къ Іакову, митрополиту молдавскому, въ Яссахъ пребывающему, „во еже принять отъ него дѣйствительное благословеніе“. На Іакова Мисаиль указалъ, по всей вѣроятности, потому, что монастырь Драгомирна, гдѣ происходила бесѣда его съ Анфимомъ, находилась тогда въ епархіи яскаго митрополита.

„И многу пользу и разсужденіе пріяхъ отъ его святыни,“ говорилъ послѣ Анфимъ о Мисаиль.

Но опасаясь ли старообрядцевъ Забахлауевскаго предмѣстія, не надѣясь ли на Іакова, Анфимъ и теперь въ Яссы не поѣхалъ, а воротился въ свою Вѣтрянку. А можетъ-быть онъ и то соображалъ, что Вѣтрянка, гдѣ онъ жилъ, и весь Буджакъ (нынѣ Бессарабія) принадлежали къ епархіи браиловскаго, а не яскаго митрополита, то ужь лучше и правильнѣе просить руковожденія у него, у браиловскаго. Кстатѣ же онъ вскорѣ и прибылъ въ Хотинъ, обозрѣвая свою митрополію. Звали этого митрополита Даниломъ, жилъ онъ въ монастырѣ при городѣ Рени, и какъ отзывался о немъ въ 1757 году яскій митрополитъ русскому агенту, посланному въ Молдавію для развѣдываній объ Анфимѣ, „человѣкъ былъ ученый, постоянный и всякой чести достойный, которому, по его благочинію, знатная епархія поручена“.¹

Анфимъ, этотъ высокочѣрный человѣкъ, не признававшій никого выше себя, требовавшій отъ всѣхъ одного поклоненія и нѣмага раболѣпства, теперь, смиренно, рабски предсталъ предъ Данила въ Хотинѣ, съ разрѣшительною грамотой Мисаила въ рукахъ. Извѣстно какъ и зачѣмъ развѣзжали и развѣзжаютъ Фанариоты-епископы по своимъ вотчинамъ-епархіямъ. Анфимъ предсталъ предъ Даниломъ, какъ не предвидѣнная въ митрополичьемъ бюджетѣ статья, и потому неудивительно, что липованскій архіерей былъ любезно принять и предупредительно выслушанъ браиловскимъ владыкой. Анфимъ подалъ ему особую бумагу, въ которой изложилъ всѣ свои обстоятельства въ такомъ видѣ, какъ разказывалъ Мисаилу, еще подробнѣе говорилъ онъ Данилу „на

¹ Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Анфимѣ.

рѣчахъ“, и подавъ грамоту, добытую въ Драгомирнѣ. Браиловскій митрополитъ нисколько не усумнился, похваливъ разсужденія Мисаила, и согласившись совершить надъ Анфимомъ обрядъ руковожденія для подкрѣпленія заочной его хиротоніи, велѣлъ приходить въ слѣдующее воскресенье въ хотинскій соборъ.

Полонъ былъ этотъ соборъ въ назначенное время. Много собралось туда старообрядцевъ той стороны. Даниилъ слушалъ литургію, сослужителемъ былъ Анфимъ. Во время „трисвятаго“, когда по обычаю православной церкви совершается архіерейская хиротонія, Даниилъ возложилъ на колѣнопреклоненнаго Анфима руки, и прочиталъ надъ нимъ молитву благословенія. Обѣдню дослужили оба вмѣстѣ. Повѣщенныя напередъ Анфимомъ старообрядцы изъ Вѣтрянки и слободъ, находящихся близъ Каменца, были при этомъ обрядѣ и разгласили повсюду о *хиротоніи* Анфима. Даниилъ благословилъ послѣ того Анфима управлять духовными дѣлами Липованъ, живущихъ въ Браиловской епархіи и во утверженіе подписалъ грамоту, данную ему Мисаиломъ¹.

¹ Въ послѣдствіи, имѣя въ 1757 году, яскій митрополитъ о руковожденіи, совершенномъ Данииломъ, такъ говорилъ агенту, посланному для развѣдыванія объ Анфимѣ отъ кievскаго вице-губернатора: „а въ прошломъ 1756 году каковы прислалъ означенный жезархіепископъ (Анфимъ) къ нему яскому митрополиту два письма; оныя такожъ и грамоту, по которой будто оъ, Анфимъ архіепископъ, посвященъ, показывалъ и о грамотѣ упоминалъ, то оная фальшивая и ежели бѣ она была подлинная то должна бѣ быть на греческомъ діалектѣ.“ Но грамота, о которой говоритъ здѣсь Іаковъ (она помѣщена ниже въ примѣчаніи), дана была Анфиму въ послѣдствіи не на сязъ архіерея: это грамота „избирательная“ въ „архіепископы всего православія“, то-есть въ главные архіереи надъ всеми, бывшими тогда, старообрядческіми архіереями. Не зная по-русски, Іаковъ вѣроятно привязалъ эту грамоту за настоящую на епископство, или за благословенную отъ Мисаила и Даниила. Но вѣдь Анфимъ писалъ же Іакову, что эту грамоту отгялъ у него католическій епископъ въ Радомыслѣ. Напротивъ, ежели бы грамота, которую представилъ Анфимъ Іакову, была писана по-гречески, она бы должна была почестъся за фальшивую, ибо старообрядческіе архіереи ни въ какомъ случаѣ не написали бы ее по-гречески. Далѣе Іаковъ говоритъ русскому агенту: „А чтобы браиловскій греческій митрополитъ объяменнаго жѣца въ архіепископы посвящалъ, то неправда: оный митрополитъ Даниилъ человекъ ученый, постоянный и всякой чести достойный, которому, по его благочинію, знатная епархія поручена, и чтобы тако-го лаута въ такое знатное архіепископство посвящать и получать велѣзья; да и безъ патриаршаго благословенія никакъ митрополиту въ архіепископы посвящать не можно.“

Анфимъ утвердившій, какъ сказано, свое мѣстопробываніе въ Вѣтрякѣ, съ согласія Даниила, выхлопоталъ въ Портѣ фирманъ на построеніе въ этой слободѣ большой каменной церкви, которую задумалъ сдѣлать митрополіею всѣхъ Липованъ, живущихъ во владѣніяхъ турецкаго султана. А такъ какъ Липоване молдавскіе не захотѣли бы имѣть его своимъ главою, то властолюбивый и своенравный Анфимъ думалъ подчинить ихъ властію свѣтскою и православныхъ митрополитовъ. Въ старообрядческихъ обществахъ вездѣ, а особенно за границей, и тогда, какъ и теперь, всякаго рода дѣла рѣшаются выборными отъ міра старшинами, которые вѣрочають всѣмъ. Духовныя лица тамъ только исполнители распоряженій старшинъ и находятся въ совершенной зависимости отъ богатыхъ и вліятельныхъ прихожанъ. Это не могло нравиться Анфиму, желавшему повелѣвать и требовавшему, чтобы каждое его слово исполнялось какъ велѣніе свыше. Отсюда цѣлый рядъ столкновеній его съ Липованами, кончившійся гибелью этого властолюбиваго и гордаго человѣка.

Первымъ дѣйствіемъ липованскаго архіерея въ Бессарабіи было запрещеніе священнодѣйствовать понамъ, поставленнымъ Аеиногеномъ¹. Такъ высоко почиталъ Анфимъ руковожденіе Даниила, что уже не признавалъ дѣйствительности хиротоніи Аеиногеновой, хотя и не отрицалъ въ послѣдствіи, что самъ отъ него получилъ архіерейство. Весьма можетъ быть, что попы Аеиногенова посвященія не хотѣли признать Анфима своимъ владыкою, и онъ за то наложилъ на нихъ запрещеніе.

Окончательно рѣшившись утвердить свою кathedру въ Вѣтрякѣ, Анфимъ собрался ѣхать въ вѣтковскіе предѣлы, въ свою Боровицу, гдѣ давно ожидали его Елизавета съ діакониссами и попы Буркины; гдѣ много было у него церковной утвари, которою теперь намѣревался онъ украсить новую

Однакоже Епифаній былъ посвященъ яескимъ митрополитомъ безъ патріаршаго благословенія. Отъ самого Даниила посланный изъ Кіева узнать ничего не могъ, ибо онъ въ то время (1757) уже пропалъ безъ вѣсти. Этому посланному такъ говорилъ митрополитъ Іаковъ: „А объявленный греческій митрополитъ Даниилъ въ прошломъ году въ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ въ турецкомъ городѣ Бѣградѣ и оттуда куда и зачѣмъ отъѣхалъ и гдѣ нынѣ находится или отъ разбойниковъ на дорогѣ убитъ, о томъ никакого объ немъ слуху въ Яссахъ и понынѣ не имѣется.“

¹ Домошеніе коллегии иностранныхъ дѣлъ синоду. *Въ дѣлѣ о раск. арх. Анфимѣ 1757 года № 337.*

свою вѣтринскую церковь, гдѣ наконецъ находилась значительнѣйшая часть богатства, вывезеннаго Елизаветой изъ Москвы. Уже онъ совсѣмъ было собрался въ путь, какъ совершенно неожиданное обстоятельство заставило его отложить поѣздку.

Въ 1753 году, къ нему явилось посольство отъ кубанскихъ старообрядцевъ¹. Они, узнавъ о старообрядческомъ епископѣ,

¹ Въ царствованіе Петра I произошелъ на Дону извѣстный бунтъ Кондратія Булавина (1708). Когда это возмущеніе, принявшее было громадные размѣры, было подавлено воеводой кн. Долгоруковымъ, одинъ изъ главнѣйшихъ предводителей возсталія, атаманъ Игнатъ Некрасовъ, съ 2.000 казаковъ убѣжалъ на р. Кубань, подмаствуя тогда крымскому хану подъ верховнымъ владычествомъ султана турецкаго. Всѣ бѣглецы были старообрядцы по поповщинѣ. Пришедши на Кубань, они въ такъ называемыхъ Гребеняхъ завели много станицъ и заселили край, поступивъ въ подданство султана. Къ нимъ на „вольныя, обѣяныя земли“ стали во множествѣ приходить казаки-старообрядцы съ Дона, Волги и Яика. Переселеніе на Кубань было такъ значительно, что обратило на себя вниманіе русскаго правительства, тѣмъ болѣе что Кубанскіе казаки съ вѣдомъ крымскаго хана и съ помощію Кубанскихъ Татаръ дѣлали частыя вторженія въ предѣлы Россіи. Объ этомъ Петръ I писалъ въ іюлѣ 1710 года султану Ахмеду III, но напрасно. Во время войны Петра съ Турціей, Кубанцы, угнѣбляемые русскими войсками, во множествѣ переселились вмѣстѣ съ Некрасовымъ въ Турцію. Построивъ каяки они переплыли Черное море и явились въ Константинополь, прося у султана землю для поселенія и предлагая службу противъ враговъ его, а въ особенности противъ Петра I. Просили они поселиться поближе къ русскимъ казакамъ и Запорожью. Имъ отведены были мѣста въ Добруджѣ и Бессарабіи по устью Дуная, по рукаву Дуная, Дунавцу, и при озерѣ Разельскіи. Въ Добруджѣ они заселили три большія слободы: Сераковъ (порусски Сераково), гдѣ теперь больше 600 домовъ, такой же величины слободу Савва и третья Журнаво съ 500 домами. Другая, меньшая часть вышедшихъ въ Турцію съ Некрасовымъ казаковъ была поселена между Мраморнымъ моремъ и Архипелагомъ, неподалеку отъ устья р. Марицы, впадающей въ Эвксійскій заливъ. Тамъ близъ города Эвроса (родина перваго благовѣстнаго митрополита Амвросія) есть селеніе Казакъ-Кіюй. Третья, также небольшая часть Кубанскихъ казаковъ поселена была въ Малой Азіи. Тамъ, неподалеку отъ Мраморнаго моря, есть большое селеніе, или замѣняемое, Бизъ-Эле, на рѣчкѣ Мандрозѣ. Другое поселеніе старообрядцевъ въ Малой Азіи, называемое Казакъ-Кіюй, находится близъ устья р. Кизиль-Ирмака. Третье тоже называемое Казакъ-Кіюй близъ черноморскаго лимана Дерконъ, куда по зимамъ выѣзжаютъ старообрядцы изъ Бизъ-Эле для рыбной ловли. Во время войны султана Махмуда II съ египетскими пашой Мегемель-Али, 3000 казаковъ отправлены были въ Сирію, и которые участвовали въ сраженіяхъ, тѣ поселились въ Сиріи и Киликіи. Наконецъ, по послѣднимъ извѣстіямъ русскіе старообрядцы есть въ Египтѣ, даже въ самомъ Каирѣ, и около Багдада. Кубанцы въ Турціи

живущемъ въ Хотинской Ратѣ, обратился къ нему, прося прїѣхать къ нимъ и у нихъ въ Гребеняхъ построить и освятить церковь, и устроить церковный причетъ. Въмѣстѣ съ просьбою Кубанцевъ, посланцы привезли Анфиму приглашеніе и отъ крымскаго хана, въ злѣдываніи котораго находились Кубанцы. Анфимъ съ радостію принялъ сильно льстившее его самолюбію приглашеніе и немедленно собрался въ путь. Прїѣхавъ въ Крымъ онъ прежде всего явился къ тамошнему православному архіепископу Гедеону, жившему въ Херсонесѣ, что близъ нынѣшняго Севастополя. Это крайне не понравилось сопровождавшимъ его гребенскимъ Кубанцамъ, которые во всякомъ случаѣ сближеніи съ православнымъ духовенствомъ видѣли самое большое нарушеніе своей вѣры. Подозрѣніе въ томъ, не придерживается ли Анфимъ никоніанства, запало въ душу этимъ грубымъ людямъ, но Анфимъ былъ не изъ такихъ, чтобы сталъ обращать на подобныя вещи вниманіе. Гедеонъ принялъ его любезно, много бесѣдовалъ съ нимъ, и далъ грамоту, которою передавалъ въ его вѣдѣніе всѣхъ старообрядцевъ, жившихъ въ обширной его митрополіи, съ тѣмъ чтобы онъ дѣйствовалъ среди ихъ архіерейски, ни отъ кого независимо. Еще не доѣзжая Крыма, въ Добруджѣ, гдѣ въ слободахъ Славъ, Журиловкѣ и Серяковой жили также Кубанцы, переселившіеся сюда съ своимъ атаманомъ Некрасовымъ, и потому называвшіеся „Некрасовцами“, онъ встрѣтился съ другимъ старообрядческимъ архіереемъ—Феодосіемъ и поладилъ съ нимъ. Этотъ Феодосій былъ посвященъ въ санъ раскольническаго „епископа кубанскаго и терскаго“ то-есть для оставшихся на Кубани гребенскихъ казаковъ—архіепископомъ крымскимъ. Гребенскіе Кубанцы, чувствуя нужду въ епископѣ и слыша, что въ другихъ зарубежныхъ мѣстахъ, у одновѣрцевъ ихъ, есть такіе, обратились къ самому султану, прося его, чтобы онъ велѣлъ патриарху

извѣстны подъ именемъ *Игнатъ-Казакъ* (по имени предводителя ихъ Игната Некрасова), по-русски же больше называются *Некрасовцами*. Это народъ грубый и невѣжественный, но сохранившій всецѣло русскую народность во всѣхъ условіяхъ своего домашняго и общественнаго быта. Изъ Кубани не всѣ казаки выселились съ Некрасовымъ въ Турцію. Потомки оставшихся и до сихъ поръ входятъ въ составъ Кубанскаго Казачьяго Войска. Всѣ они старообрядцы. Называются также „Гребенскими казаками“. Къ ихъ-то предкамъ и ѣздилъ Анфимъ въ 1753 году.

или крымскому архіепископу рукоположить имъ архіерея. Султанаъ велѣлъ Гедеону исполнить желаніе Кубанцевъ, а имъ приказалъ везти въ Херсонесъ выборнаго человѣка, котораго они считаютъ достойнымъ быть у нихъ архипастыремъ. Они привезли монаха Θεодосія. Гедеонъ вслѣдствіи уклонялся отъ посвященія его, но когда посланный султаномъ паша съ янычарами вошелъ въ церковь и именемъ султана велѣлъ Гедеону рукоположить его, крымскому владыкѣ дѣлать было нечего, и онъ неволею рукоположилъ Θεодосія въ санъ епископа кубанскаго и терскаго¹. Но почему-то Θεодосій не остался у гребенскихъ Кубанцевъ, а водворился у Кубанцевъ-Некрасовцевъ, жившихъ въ Добруджѣ.

Изъ Крыма Анфимъ отправился на Кубань съ проѣзжею грамотой отъ хана, которому представлялся въ Бахчисараѣ. Сначала Кубанцы приняли дорогаго гостя радушно и съ великими почестями. Онъ устроилъ для нихъ монастырь и посвятилъ архимандрита, а по слободамъ многое число поповъ, и далъ имъ универсалы, чтобъ имѣть имъ по своимъ обрядамъ церковное служеніе. Потомъ рукоположилъ для Кубани двухъ епископовъ², имена которыхъ намъ неизвѣстны. Не долго однако продолжалось доброе согласіе Анфима съ Гребенскими казаками. Онъ хотѣлъ властвовать, хотѣлъ стать во главѣ всего тамошняго казачества, требовалъ, чтобы не только другіе начальныя люди, но и самъ атаманъ ничего не дѣлалъ безъ его благословенія, а Кубанцы хотѣли, чтобъ архіерей зналъ свою церковь да поповъ, а въ ихъ дѣла не мѣшался. Пошли ссоры, брань, своевольный Анфимъ слушать никого не хотѣлъ, и каждый день являлись съ его стороны новыя требованія и притязанія, а при малѣйшемъ противорѣчій онъ грозилъ анаемой. Ужитья ему съ Кубанцами было невозможно; притомъ же эти грубые, закоренѣлые въ невѣжествѣ полудикари, суевѣрные до крайней степени, заподозрили его въ никоніанствѣ, потому что у него былъ *Чиновникъ архіерейскаго служенія*, напечатанный въ Москвѣ во времена Петра I. Всѣ Гребени возмущились. „Какъ, кричали казаки,—по еретической книгѣ намъ поповъ наставилъ

¹ Инокъ Парфемій въ своей книгѣ „*О Промыслѣ Божіемъ*“. Москва 1857 г. стр. 186, хотя и говорить, что крымскій архіепископъ (а не митрополитъ) посвятилъ Θεодосія только во іеромонаха, но изъ дѣла синода 1757 года. № 337, видно, что Θεодосій былъ епископомъ.

² Довошеніе коллегии иностр. дѣлъ синоду 27 мая 1757 года.

да и самъ по ней служить! Мы отъ такихъ книгъ изъ Россіи ушли, а онъ, еретикъ, врагъ Божій, сюда къ намъ ихъ завезъ! Въ куль его да въ воду и съ книгами-то!“ Анфимъ бѣжалъ, и казаки едва не пожгли всѣ церкви имъ освященныя, называя ихъ еретическими, никоніанскими. Волненіе однако чрезъ нѣкоторое время утихло: нашлись между казаками люди благоразумные и притомъ вліятельные на ихъ кругахъ, которые убѣдили толпу, что Анфима прогнали они безъ достаточнаго основанія. Кубанцы раскаялись и послали къ нему новыхъ посланцевъ съ письменнымъ военароднымъ моленіемъ, прося у него прощенія за свой поступокъ и приглашая его снова на Кубань. Они догнали его на дорогѣ, но Анфимъ былъ не изъ такихъ, чтобы прощать подобныя обиды. „Аще изгонять васъ изъ града, бѣгайте въ другой, отвѣчалъ онъ посланнымъ, нога моя не будетъ у васъ, крамольники. Мира и благословенія вамъ не дамъ—ступайте откуда пришли.“ И воротились посланные ни съ чѣмъ. Рукоположенные Анфимомъ два епископа продолжали однако архіерействовать на Кубани. Намъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба ихъ, но судя по нѣкоторымъ толкамъ старообрядцевъ позднѣйшаго времени, можно предполагать, что поставленные Анфимомъ архіереи въ свою очередь посвятили другихъ, и что такимъ образомъ на Кавказѣ раскольническая іерархія, происшедшая отъ Анфима не прекращалась.¹

¹ Еще до начала Бѣлокриницкой митрополіи раскольники поповщискаго согласія были несомнѣнно увѣрены, что на Кавказѣ, въ недоступныхъ русскому правительству мѣстахъ, есть старообрядческія поселенія, а тамъ и архіереи. Въ одномъ сказаніи о *заграничныхъ раскольникахъ* говорится о старообрядцахъ, живущихъ гдѣ-то около Багдада, гдѣ у нихъ три епископства, и затѣмъ прибавлено: „есть христіане между землею Турскою и Персидскою при рѣкѣ Курѣ, именуемые *отръльцы*.“ (См. Дѣло въ архивѣ московскаго военнаго генералъ-губернатора 13 декабря 1837 г. по описи № 100.) Въ сочиненіи *Сказаніе вкратцѣ о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей святой древле-православной церкви священной іерархіи и увѣреніе въ дѣйствительности оной сомнѣвающимся*, писанной въ Москвѣ, въ 1861 году, говорится, что Геронтій и Павелъ, отыскивавшіе епископа для старообрядства и путешествовавшіе по разнымъ мѣстамъ почти 10 лѣтъ, прежде всего (въ 1837 году) отправились на Кавказъ: „И по службамъ будто бы въ *закавказскихъ* уцельяхъ находилъсѣ *единственныя* намѣ *првослаенныя епископы*, прежде обратились въ Грузію и прибыли въ городъ Тифлисъ, но тамъ ничего подобнаго сыскать не могли.“ Извѣстно, что въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія раскольниковъ за нарушение

Возвратясь въ Вѣтрянку въ 1754 году, Анфимъ, сталъ называться „епископомъ Кубанскимъ и Хотинскія Раи.“ Изъ Вѣтрянки поѣхалъ онъ наконецъ въ Боровицу, гдѣ московская барыня, а теперь игуменья Елизавета, съ молоденькими діакониссами и съ попами Буркиными уже болѣе года нетерпѣливо ожидали возвращенія своего архипастыря. Въ вѣтковскихъ предѣлахъ онъ пробылъ самое короткое время, необходимое только для сборовъ въ дальній путь. Въмѣстѣ съ Елизаветой и діакониссами, съ попами и клириками имъ рукоположенными и нѣкоторыми своими приверженцами изъ мірянъ, всего съ 15 человекъ поѣхалъ онъ въ Хотинскую Раю, гдѣ обѣщаль своимъ домохадцамъ тихое и безмятежное жительство. Дорогой Анфимъ очень сблизился съ молоденькими діакониссами; обѣ онѣ сдѣлались беременны. ¹ Провѣзжалъ Анфимъ гласно съ нѣкоторою даже торжественностію, называя себя православнымъ епископомъ, посланнымъ будто бы отъ русскаго правительства въ подѣскія владѣнія и въ Молдовахію отыскивать тамъ бѣглыхъ русскихъ раскольниковъ и вывозить ихъ назадъ въ Россію. Такъ сказавъ онъ и въ мѣстечкѣ Радомыслѣ. ² Случившійся въ то время въ этомъ мѣстечкѣ епархіальный католическій епископъ, узнавъ отъ своихъ людей о такой мисіи провѣзжавшаго Анфима, хотѣлъ подробнѣе и точнѣе удостовѣриться въ томъ и послалъ за Анфимомъ, требуя чтобъ онъ немедленно явился къ нему. Анфимъ перепугался и поскакалъ на скоро по дорогѣ въ Житомиръ. Его бѣгство возбудило въ бискупѣ

„установъ благочинія и благоустройства“ а также за вторичное уклоненіе въ расколъ осмысли на Кавказѣ. Всѣ секты считали это за особенное милосердіе Божіе, невидимыми путями приводящее ихъ къ соединенію. Каждый толкъ имѣлъ для сего свое основаніе: молокане близость Арарата, скопцы близость р. Ріона, акафевещина Шемаху, и т. д. а старообрядцы поповщискаго толка близость къ епископамъ древлаго благочестія, живущимъ въ ущельяхъ Кавказа. До того была сильна ихъ увѣренность въ дѣйствительномъ существованіи іерархіи на Кавказѣ. Теперь изъ дѣла сивода объ архіепископѣ Анфимѣ оказывается, что въ прошлые столѣтія дѣйствительно были на Кавказѣ старообрядческіе архіереи.

¹ Показаніе казака Семена Чижова „И оной называемой епископъ ѣздилъ чрезъ Польшу въ Вологочину и на дорогѣ тѣхъ діакониссъ училъ несправданныхъ... гдѣ будучи (въ Чебарчѣ) діакониссы его родили одна мальчика, а другая дѣвочку. См. Дѣло о раск. арх. Анфимѣ.

² Уездный городъ Кіевской губерніи, тогда бывшій въ польскихъ владѣніяхъ. Въ допросѣ Семена Чижова онъ названъ „Радожомъ“.

сильное подозрѣнiе, была послана погоня, и въ двухъ миляхъ отъ Радомысля Анфимъ съ спутникомъ былъ схваченъ и привезенъ къ бискупу. Бискупъ разсмотрѣлъ Анфимовы бумаги и удостовѣрился, что онъ обманщикъ и никакого порученiя отъ русскаго правительства не имѣеть. Вообще Анфимъ показался ему лицомъ весьма подозрительнымъ. Неточные, не опредѣлительные и сбивчивые его отвѣты, а больше всего рваныя ноздри внушили прелату подозрѣнiе, что это какой-нибудь преступникъ, бѣжавшій съ русскою каторги.... Онъ посадилъ Анфима въ тюрьму вмѣстѣ съ діаконалисами и всѣмъ его причтомъ. „А которые были съ бородами попы и мужики, тѣхъ всѣхъ перебралъ, а его (Анфима) не брилъ, и деньги и сосудъ его церковный и ризницу, которой у него было сотъ на пять, обрѣлъ.“¹ Нѣсколько недѣль Анфимъ со всѣми его приближенными томился въ каменной тюрьмѣ Радомысля. Въ послѣдствiи Анфимъ, объявляя яскому митрополиту это обстоятельство, говоритъ, что польскiе бископы хотѣли его обратить въ унию. „Того ради много озлобленiя прiяхомъ за правотѣрiе нашея восточныя церкви, писалъ онъ къ этому митрополиту, и того ради насъ замуrowаша въ каменную стѣну, и едва, Вышняго Бога помощiю, ушелъ изъ рукъ ихъ, а имѣнiе мое, и люди, и кони, и всѣ грамоты даже и до днесь въ рукахъ ихъ.“² На счастье Анфима вступился за него панъ Лабуньскiй, владѣлецъ слободы Рудницкой, которая была населена старообрядцами, признавшими правильность епископства Анфимова. Они просили Лабуньскаго, а Лабуньскiй, весьма

¹ Допросъ казака Чижова въ *Дѣлѣ о раск. арх. Анфимѣ*. № 337. Объ этомъ происшествiи съ Анфимомъ говоритъ и Иванъ Алексѣевъ въ своей *Исторiи о бѣгствующихъ священствѣ*, стр. 66: „послѣ бо сего дерзновенiя (рукоположенiе отъ Аешкогена) Анфимъ отшелъ, и тако по нѣкоимъ странамъ прохода, апостольствуя, рукополагая прочихъ, возвратился оттуда, возмездiе своего дѣла воспрiя: ятъ бо бысть нѣкоимъ въ Польшѣ и моголевскому епископу зданъ, и той остриже ему главу и брану, въ течищу затворити повелѣ. И тако прокажемъ едва оттуда утече и въ нѣкоихъ мѣстахъ скрыся.“ Если такъ, то это былъ православный моголевскiй епископъ Геронимъ (Волчанскiй) прѣдшественникъ знаменитаго Георгiя Конисскаго. Но Чижовъ зналъ вѣрнѣе, онъ прямо говоритъ, что это былъ католическiй епископъ; то же послѣ писалъ и самъ Анфимъ къ Иакову.

² Письмо Анфима къ митрополиту Иакову 12 декабря 1756. *Дѣло о раск. арх. Анфимѣ*. № 337.

дорожившій поселившимися на его землях старообрядцами, ибо они доставляли ему отличный доход, принялся хлопотать у епископа за Анфима и вскорѣ успѣлъ его выручить. Пробывъ двѣ недѣли въ слободѣ Рудницкой, среди выручивших его одновѣрцевъ, Анфимъ съ діаконалисами отправился въ Бессарабію, но почему-то не поѣхалъ въ Вѣтрянку, а поселился въ слободѣ Чебарчѣ или Чобурчи на берегу Днѣпра.¹

Въ началѣ слѣдующаго 1755 года, въ слободу Чобурчи прибыло новое посольство къ Анфиму. Оно было изъ Добруджи отъ тамошнихъ Кубанцевъ или Некрасовцевъ. Всѣ три слободы ихъ, будучи недовольны епископомъ Θεодосіемъ, за то что онъ не хотѣлъ признавать православныя церкви греческія и рускія полными всякаго нечестія и не имѣющими ни малѣйшаго слѣда благочестія, звали къ себѣ Анфима для водворенія церковнаго благочинія и благоустройства. И въ Славѣ, и въ Журиловкѣ, и въ Серяковѣ шла тогда большая неурядица въ духовныхъ дѣлахъ. Смятенія были до того велики, что старообрядческій епископъ Θεодосій съ своими приверженцами принужденъ былъ удалиться изъ Добруджи, гдѣ грубые, буйные Некрасовцы грозили ему смертію. У нихъ, какъ и на Кубани, расправа была короткая: соберутъ „кругъ“ и начнутъ совѣтоваться, старики приговорятъ: „въ куль да въ воду“, а молодые тотчасъ и исполняютъ приговоръ. Едва избѣжавъ смерти, Θεодосій поселился на лѣвой сторонѣ Днѣстра, не подалеку отъ возникшаго въ послѣдствіи города Одессы. Здѣсь онъ построилъ старообрядческую слободу Маяки, что нынѣ городъ Херсонской губерніи. Онъ и умеръ въ послѣдствіи въ Маякахъ и похороненъ тамъ. До сихъ поръ жители этой слободы, считая Θεодосія святымъ, благоговѣнно чтутъ могилу этого, „епископа Кубанскаго и Терскаго“.

Анфимъ прибылъ къ Некрасовцамъ въ слободу Славу вмѣстѣ со всѣми своими прислыми: съ діаконалисами, съ попами Іосифомъ и Матвѣемъ Буркиными и всѣмъ клиромъ церковнымъ. Сначала онъ поладилъ съ казаками и, кажется, даже успѣлъ помирить съ ними Θεодосія, освятилъ для нихъ церковь, наставилъ поповъ и діаконовъ столько, сколько

¹ Чобурчи или Чебарчи нынѣ казенное село Аккерманскаго уѣзда Бессарабской области съ 212 дворами, на правомъ берегу Днѣстра. Противъ него на лѣвой сторонѣ Днѣстра, въ Одесскомъ уѣздѣ, есть другое село Чобурчи съ 217 дворами.

имъ хотѣлось. Некрасовцы тоже были довольны Анфимомъ и предложили ему поселиться у нихъ и быть „архіепископомъ всего православія“. Анфимъ не заставилъ долго просить себя, и церковь, въ слободѣ Славѣ, сдѣлалъ своей митрополіей, наименовавъ ее „соборною церковью всего православія.“ Самыхъ горячихъ своихъ приверженцевъ онъ пристроилъ къ этой церкви: Матвѣя Буркина сдѣлалъ „экономомъ соборной церкви всего православія“ а брата его Иосифа „логоетомъ“. Самъ же принялъ на себя званіе „архіепископа всѣхъ старообрядцевъ“, живущихъ въ подданствѣ турецкаго султана и крымскаго хана.¹ На соборъ,

¹ На соборѣ 20 апрѣля 1755 года была составлена слѣдующая грамота на возведеніе Анфима въ санъ архіепископа.

*„Божією милостію смиренный Анфимъ архіепископъ всего православія.
„Боголюбивый епископъ Θεодосій, Кубанскій и Терскій.*

„По благодати, дару и власти Всесвятаго и Живоначальнаго Духа, данный намъ отъ самого великаго архіерея, Господа нашего Ісуса Христа, чрезъ святыхъ и священныхъ его апостолы, и ихъ намѣстники и преемники, другъ-другопримательныя даже до насъ порученной, со общаго соборнаго совѣту, по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, избравшемъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, и всего причта церковнаго избрахомъ благочестиваго сего епископа Анфима Кубанскаго и Хотинскія Раи во архіепископа, во еже быти ему старѣйшимъ епископомъ и наблюдателю и правителю православныя церкви греческаго исповѣданія православныя вѣры, древне-церковнаго преданія, великороссійскія церкви всего православія, наполняющу мѣсто отцедачальниковъ и имѣющу честь и сѣданіе архіепископа и по обычаю святыхъ восточныхъ и апостольскія церкви, благодатію того же Всесвятаго и Живоначальнаго Духа, произведомъ и рукоположимъ его на святопреизящѣйшій степень архіепископства всего православія, на изъпадающей церкви и гонимѣи отъ безбожныхъ языкъ и отъ еретиковъ, обаче благодатію Христовою укрѣпляетѣи, но по веложному Его, Спасителя нашего Бога, общаію, рекшаго сице; „се Азъ съ вами во вся дни до скончанія вѣка“. Долженъ же онъ архіепископъ Анфимъ, по своему общанію и по излившейся на нѣ благодати Всесвятаго Духа имѣти стражбу о священныхъ канонѣхъ, божественныхъ правилъ храненія, поручено бо есть ему твердо соблюдать я, да ничто же отъ нихъ преступаемо и забытѣи не минуемо, ни изысканіемъ оставяемо въ мукахъ оныхъ изыскано будетъ, и древне церковная преданія великороссійскія церкви сохраняти и защищати, и расширати, и умножати, и вся, по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, совершати, и никакаго новопла, и обидъ, и лихоинства не творити; сущимъ подъ нимъ епископомъ, имъ церкви Божія отъ раужбы упражляти, золота и сребра, или иного какаго вида; яко я не преступникъ Божіихъ заповѣдей и апостольскихъ велѣній обращается, по 4 правилу 7 вселенскаго собора. И безъ совѣта сущихъ подъ нимъ епископовъ ничто же творити, но предлагати на всяко лѣто лужатія вещи

бывшій по этому случаю, 20 апрѣля 1755 года, въ Славѣ, прїѣзжалъ изъ Мааковъ и Θεодосіи. Съ епископами, находившимися на предгоріяхъ Кавказа, на рѣкѣ Кубани, снесались заблаговременно, и отъ нихъ получено было согласіе на возведеніе Анфима въ санъ „архіепископа“.

Но Анфимъ не долго ладилъ съ Некрасовцами. Своимъ характеромъ, своимъ стремленіемъ подчинить себѣ всѣхъ атамановъ до такой степени чтобы не могли они безъ его воли ничего предпринимать, своими выекомѣрными выходками, онъ возбуждалъ всеобщее на себя неудовольствіе: притомъ же отношенія его къ діакониссамъ были слишкомъ явны и производили большой соблазъ между Игнатъ-казаками, которые хотя и не отличались скромностію и цѣломудріемъ, однако не могли терпѣть соблазна, производимаго ихъ архипастыремъ. Но всего болѣе раздражали ихъ отзвывы Анфима о православныхъ греческихъ архіереяхъ. Мы уже видѣли какъ онъ искалъ благосклонности митрополитовъ яскаго, браиловскаго, редовуцкаго, крымскаго; это узнали Некрасовцы и были тѣмъ крайне недовольны. Когда же говоря о разныхъ духовныхъ дѣлахъ, Анфимъ сталъ ссылаться на этихъ митрополитовъ, какъ на авторитеты, и отзываться о нихъ съ почтеніемъ, а не съ ругательствами и проклятіями, на которыя такъ щедры были Некрасовцы, они его возненавидѣли едва ли не больше чѣмъ бывшаго у нихъ до того Θεодосія. Первые заводчики смуты противъ Анфима были, впрочемъ, не сами Некрасовцы, а народъ пришлый, изъ молдавскихъ старообрядческихъ слободъ. По крайней мѣрѣ, такъ говорилъ въ послѣдствіи самъ Анфимъ. Замутились Некрасовцы, а съ ними и попы не Анфимова поставленья, и чернцы, и уставщики, и клиръ. Раздался извѣстный кликъ: „въ куль, да въ воду“! Но Анфимъ и на этотъ разъ избѣжалъ бѣды: онъ успѣлъ уйдти въ Чобурчи съ діакониссами, логоетомъ и экономомъ. Некрасовцы послали за нимъ погоню. На дорогѣ догнали архіепископа, ограбили его до чиста и едва

всему освященному собору, ако же правило святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ повелѣваетъ. Во утврєніе же сего написана здѣ краткая соборная грамота, рукама подписанная и печатію запечатанная. Лѣта мірозданія 7263 (1755) году, мѣсяца апрѣля въ 20 день.

„Экономъ соборныхъ церквей, священноіерей Михаилъ Буркинъ.

„Логоетъ, священноинокъ Іосифъ.“

Копія съ этой грамоты хранится въ архивѣ синода.

не убили. ¹ Добравшись до Чобурчи, Анфимъ сдѣлался отцомъ семейства: обѣ діаконицы родили, одна мальчика, другая дѣвочку. Послѣ такого скандала ему нельзя было оставаться въ Чебарчахъ, и онъ водворился на старомъ мѣстѣ въ Вѣтрянкѣ. Здѣсь онъ началъ искъ противъ ограбившихъ его, жаловался крымскому хану и самому султану. По распоряженію хана и по султанскому фирману кое-что изъ пограбленнаго имущества найдено, но далеко не все. Послѣ грабежей въ Радомыслѣ и на пути изъ некрасовскихъ слободъ Анфимъ обвѣдывалъ: почти все что досталось ему отъ московской барыни, почти все что было нажито архіерействованіемъ, осталось въ рукахъ хищниковъ. На послѣдніа деньги онъ принялся однако строить въ Вѣтрянкѣ давно задуманную имъ каменную церковь, но 24 ноября 1756 года, когда самого Анфима въ Вѣтрянкѣ не было, изъ старой деревянной церкви воры украли заготовленные на постройку немалыа деньги и также все церковное украшеніе, потиры, митры, ризы и пр. ² Украли и всю архіерейскую ризницу, такъ что Анфиму и служить было не въ чемъ. Онъ подозрѣвалъ въ этомъ дѣлѣ враждебныхъ ему старообрядцевъ и, кажется, не безъ основанія. Совсѣмъ обездолили они такъ недавно еще богатаго Анфима. Теперь онъ былъ почти что нищій.

А между тѣмъ паства его умалалась; его уже знать не хотѣли и бѣгали, какъ еретика, и Некрасовцы, и жившіе въ Молдавіи старообрядцы, и жившіе въ польскихъ владѣніяхъ. Лишь немногіе изъ бессарабскихъ старообрядцевъ, да жители села Хребтовки, что въ Подоліи, еще признавали его своимъ

¹ Письмо Анфима къ яскому митрополиту, 12 декабря 1756 года: „третіе озлобленіе отъ сихъ суетвѣрниковъ и своевольниковъ, поповъ, и чернцовъ, и мужиковъ, казюждаемъ и совѣтомъ обрѣтающихся въ митрополіи вашей: разбили меня на дорогѣ въ проѣздѣ моемъ съ Кубани (Некрасовцы въ бумагахъ того времени зовутся еще Кубанцами, сѣмья поселенія ихъ въ Добруджѣ—Кубанью) на Чебарчи; и каково руганіе показана ми едино слово представити можетъ и вмалѣ, такожде смерти меня не предаша и имѣніе мое все взяша; обаче сіи златорцы изысканы ханскою грамотою и рукою вѣрныхъ нашихъ и нами, а иніи имѣются еще не сысканы въ митрополіи вашего преосвященства, о которыхъ обидникахъ и прошеніе послаамъ до вашего преосвященства, во еже сыскать тѣхъ обидниковъ и намъ ихъ выдать, на что и салтанская грамота, именно на нихъ, дана, и велѣно ихъ взять изъ вашей области. Дѣло святѣйшаго синода о раскольническомъ архіепископѣ Анфимѣ № 337.

² Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Анфимѣ, 1757 г., № 337.

архипастыремъ. На Кубани, кажется, забыли Анфима. Отшатнувшись отъ Анфима и прогнавъ его поповъ, задѣвстровская поповщина попрежнему, съ большими трудами, съ большими пожертвованіями стала добывать себѣ бѣглыхъ поповъ изъ Россіи, и эти попы естественно сдѣлались самыми сильными и самыми опасными врагами Анфима. Изъ нихъ самыми вліятельными на народъ оказались священствовавшіе въ Сальцахъ, черныи попъ Макарій, родомъ Южнорусъ (Руснакъ) и, еси вѣрить Анфиму, бывшій уніатъ, да попъ Иванъ Андреевъ, священствовавшій прежде въ Россіи, но потомъ лишенный сана, отданный въ солдаты и бѣжавшій къ старообрядцамъ за границу. Оба они безпрестанно и ревностно огащали Анфима самозваннымъ архіереемъ и еретикомъ, продавшимъ свою совѣсть и древнее благочестіе греческимъ митрополитамъ за мірскія почести. На все что пришлось Анфиму вытерпѣть на Кубани и въ Добруджѣ они указывали, какъ на сильные аргументы его еретичества. „Вотъ смотрите, православные, говорили они, такіе ревнителі, такіе поборники древляго благочестія, каковы оные Кубанцы, первые увидали подъ овчей кожей алчнаго волка: отъ нихъ не можетъ скрыться никакое еретическое дѣйство.“ Разказывая объ отношеніяхъ Анфима къ обѣимъ діакониссамъ, о томъ что онъ живетъ съ двумя семьями, попы насмѣшливо говорили: „вотъ Анфимъ ужъ и впрямь архіерей по чину Мелхиседекову! У него, что у Турки, двѣ жены, коли не завелъ третью!“ И Макарій, и Иванъ Андреевъ, говорили, что изъ всѣхъ ересей, какія когда-либо бывали на свѣтѣ, нѣтъ и не было злѣе ереси Анфимовой, и потому даже переkreщивали и перевѣнчивали крещенныхъ и вѣнчанныхъ попами Анфимовскаго поставленья. Были и другіе попы обличавшіе Анфима, называвшіе его еретикомъ и отклонявшіе отъ него народъ. Изъ нихъ особенно вліятелемъ былъ, жившій въ слободѣ Кроковѣ, (въ Молдавіи) престарѣлый іеромонахъ Авраамій, котораго молдавскіе и бессарабскіе старообрядцы звали своимъ „патріархомъ,“ и другой, по имени Николай, жившій въ Долгой Полянѣ, что въ Бессарабіи.

Плохо приходилось Анфиму; со всѣхъ сторонъ онъ былъ окруженъ врагами; положеніе его было хуже того, въ какомъ находился Аѳиногенъ передъ бѣгствомъ въ Каменець. Въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ вздумалъ онъ прибѣгнуть къ митрополитамъ и патріарху константинопольскому. Онъ

подалъ доношеніе Данилау Браиловскому, прося его представить его просьбу самому цареградскому патриарху, а черезъ нѣсколько времени, послалъ другое такого же рода доношеніе къ митрополиту молдавскому. Вотъ этотъ во многихъ отношеніяхъ любопытный документъ:

Великому господину, преосвященнѣйшему архіепископу Іакову, митрополиту вса Молдавскія земан

Донoшеніе.

Доноситъ вашему преосвященству Алфимъ, епископъ Кубанскій, а о чемъ мое доношеніе, тому слѣдуютъ пункты:

I. Извѣстно вашему преосвященству, что въ митрополіи вашей имѣется многочисленное народа, великороссійскихъ людей, именующихъ *Липовски*, и зовутся христіане греческаго исповѣданія, а отъ патриарховъ, митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ и всего священническаго чина дѣйствительныхъ священниковъ отступили и вси ли во что имѣляютъ и всѣхъ таинствъ церковныхъ не принимаютъ, токмо нѣкоторые. Изъ нихъ имѣютъ у себя поповъ бѣглыхъ изъ Великороссіи и отъ прочихъ епархіевъ и отъ своихъ архіереевъ запрещенныхъ, оныхъ разстриженныхъ оныхъ безмѣстныхъ, и весьма грубыхъ, и неразумныхъ, и всегдѣ сущихъ, о чемъ ясно описано мною въ поданномъ отъ меня доношеніи Данилау, митрополиту Пролаву (Браилову), которое послано и до святѣйшаго нашего патриарха константинопольскаго, Кирилла.

II. И оныхъ поповъ пріимаетъ у нихъ поповъ, который къ нимъ, мужикамъ, прежде пришелъ. И съ ними, мужиками, пришедшаго къ нимъ поповъ пріимаетъ сице: повелитъ ему проклясть всѣхъ восточныя церкви архіереевъ и прочіе чины и уставы, дѣйствующие въ восточной церкви; и прикоситъ оный поповъ всѣмъ у нихъ прѣщеліе черницамъ и черницамъ, и мужикамъ и бабамъ, яко бы былъ въ ереси, и тако благословеніе прилавъ отъ нихъ шарверомъ (?) дѣйствуетъ у нихъ и учитъ и утверждаетъ тако, что можетъ де приходящихъ отъ ереси пріять и поповъ поповъ; и благословитъ его священнодѣйствовать, зане де іерейское благословеніе съ архіерейскимъ равно есть, и тако восточныя церкви архіереевъ всѣхъ еретиками имяютъ, точю себя православными зовутъ, и въ нихъ обѣщанію Христову гаголютъ исполнитися, реченному сице: „се Азъ съ вами до скончанія вѣка“.

III. А ежели кто, бывъ въ нихъ и познавъ ихъ прелесть, придетъ съ сообщеніемъ соборнымъ церкви и приметъ разрѣшеніе своимъ совершеніемъ, и дѣйствительное благословеніе отъ преосвященныхъ архіереевъ, яко *ѡбѣ и азъ, смиренный*¹, бывшій въ ихъ заблужденіи и пріавъ благословеніе и исполненіе селтыи съ рукоозлобленіемъ и молитвами чрезъ преосвященнѣйшаго митрополита Данила и совершенную власть епископскую съ подписаніемъ рукъ его преосвященства Пролава, Данила, и архіепископа Гедеома Крымскаго и духовнаго моего отца проавъ епископа Мисаила Редовуцкаго, то они отступиды, Липовски, такового зовутъ еретикомъ и отступникомъ отъ православныя вѣры, и многія клеветы и укоризны

¹ Стало-быть Алфимъ не считалъ уже болѣе себя старообрядцемъ, а обратившимся изъ раскола въ православіе.

произносят на православныхъ служителей всоуды, дабы точію ихъ престель слава была и вездѣ распространялась въ сынахъ погибельныхъ и въ нечестивыхъ и заблудныхъ челоуѣкахъ, яко овцахъ немущихъ пастырей.

IV. А отъ насъ, смиренныхъ, восточныхъ церкви, благочестивыхъ священниковъ, крещенныхъ челоуѣковъ, ежели кто придетъ въ ихъ престольное мудрованіе, то оныхъ переkreщиваютъ, оныхъ муромъ помазываютъ, котораго муря у нихъ и не бывало, и другъ посаѣ друга переkreщиваютъ, и браки переѣнчиваютъ, яко же чинится нынѣ въ митрополіи вашего преосвященства отъ нихъ, неосвященныхъ липованскихъ священниковъ.

V. Есть въ Замостіи черныи попъ Макаріи, который родомъ Руснакъ, поставленъ въ попы во унію, и отъ нихъ, уніатовъ, ушелъ, и крестился у Липованъ и былъ простымъ мужикомъ, потомъ накіи въ унію своимъ епископы уніатскими пріять во унію, и служилъ года съ три, и накіи къ Липованамъ пришелъ въ митрополію вашего преосвященства, и отъ липованскаго попа постригся въ монахи, и благословеніемъ чернецовъ и мужиковъ священнодѣйствуетъ и до днесь на Замостіи и на Соколицыцахъ и на прочихъ слободахъ: крестить, исповѣдуетъ, браки ѣнчиваетъ и прочія дѣйствія дѣйствуетъ, что ему повелятъ мужики, яко же у лютеранъ: ратушею пастора избирають и даютъ черную епанчу, а не архіереи рукополагають.

VI. А посаѣ сего попа Макарія, нынѣ явившійся на Сальцахъ, попъ Иванъ Андреевъ переkreщиваетъ второе и браки переѣнчиваетъ. А сей попъ Иванъ Андреевъ былъ въ Россіи разстриженъ по правильной вѣрѣ, и въ оадаты отданъ, и ушелъ здѣ дѣйствуетъ въ митрополіи вашего преосвященства. Также и другіи чернецы, попъ Пафлутій, бывшій разстриженъ и той дѣйствуетъ въ митрополіи вашей, ѣздя по всѣмъ Липованамъ. А нынѣ шѣтся на Долгой Полянѣ и черныи попъ Николай, который постриженъ отъ попа чернаго, немущаго архіерейскаго благословенія и ставленныя грамоты, и священнодѣйствуетъ на Крокоцѣ у вашего преосвященства. И еще попъ Авраамій шѣтся на Долгой Полянѣ, также бывшій бѣлый попъ и постригся отъ чернаго же попа, немущаго епископскаго благословенія, и самъ не шѣтъ іеромонашескія грамоты, а священнодѣйствуетъ въ митрополіи вашей святыи. Сего попа они шѣють яко патріарха, старости ради. И сіи вышепоказанныи неосвященніи священники дѣйствуютъ по всѣхъ слободахъ въ митрополіи вашего преосвященства, не опасаяся никого, но надѣясь на гроши мужиковъ, а вашему преосвященству о семъ неизвѣстно что они какіе люди. И черные ихъ попы дѣйствуютъ вся мірскія потребности безъ благословенія епископскаго, въ противность правиламъ святыхъ отецъ и всея восточныя церкви.

VII. А нынѣ вѣдомо учинилось вашему смиренію, что оные пустопыи между собой совѣтъ учинили, дабы поставитъ себѣ церковь въ митрополіи вашего преосвященства на Долгой Полянѣ, позволенія времени чрезъ мужиковъ, отъ великаго вашего государя. И вашему преосвященству о семъ извѣстно ли? Аще ли вѣдомо, то убо не подобаетъ о семъ вашему архипастырству не радѣть, дабы таковыи своеволюици церковь шѣлаи внутрь митрополіи вашего преосвященства, но подобаетъ всако тѣмъ шѣть и совѣтовать съ великимъ государемъ и не попуцать

церковь строить таковыиъ прелестякомъ на утвержденіе прелести ихъ, дожде приложити подъ паству или вашего преосвященства живущіе въ митрополіи вашей, или къ намъ, смиренныиъ, да имѣютъ покореніе братскія любве насъ, смиренныиъ, съ вашимиъ преосвященствомъ, какъ и его преосвященство Давидъ митрополитъ и его преосвященство Гедесонъ архіепископъ позволили, и благословили, и подписались, дабы имѣли имѣть власть и смотрѣніе надъ таковыиъ людьми, а не своеволіемъ и разбойническимъ правомъ, въ противностьъ правиламъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ, яко же вышепоказанныиъ своеволюику безчестивствомъ своимъ творятъ; ибо сіа ругатели восточныя церкви—откуда имѣютъ мѣро? Откуда антихристы? И подъ паствою котораго архіерея хотять быть? Развѣ въ своеволіи церковь имѣть хотять сіа разстриги, яко же обычай имъ есть, да удобѣе свою прелесть и своеволіе утвердятъ и распространятъ? И о семъ вашему преосвященству не подобаетъ лебрещи, но всако тщаніе имѣть, дабы таковыя ереси покуда не имѣли растенія въ митрополіи вашего преосвященства и отъ братіи своеи преосвященныиъ архіереевъ зазрѣніа не было, зане вамъ имѣется всакая власть и свобода ко возбраненію таковыиъ прелести во своей митрополіи.

VIII. Егда же сіе своеволюику мужику просятъ что имѣть у вашего преосвященства или церковь поставити или о которомъ поплѣ имѣемо, то подобаетъ вашему преосвященству ихъ вопрошити: съ вѣдома ли они просятъ о церкви нашего смиренія у вашего преосвященства, и имѣется ли отъ мене письменное прошеніе о томъ до вашего преосвященства, и поплѣ оный, о которомъ они просятъ имѣть ли ставленіа или правильную грамоту и за подписаніемъ ли руки нашего смиренія, понеже мы, смиреніику, имъ Липованамъ пастыри есми, аще они и чинятся непокорныиъ отъ своеволіа, обаче намъ, пастыремъ сущимъ, подобаетъ всакое имѣть разсуденіе, да братство и любовь будутъ и исполнится на насъ реченное Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ: „о семъ познаютъ вси яко Моя есте ученицы, аще любовь имате между собою“. А не смотрѣтъ бы вашему преосвященству ни на какія ихъ мужиковъ оговорки, что будутъ клеветать на наше смиреніе, ибо наши люди весьма лукави и вашему преосвященству ихъ пронырства меудобъ можетъ достижно уразумѣтиса, ибо они не хотять никакимъ образомъ подъ паствою пастыря быть, но токмо въ самочиніи и въ отчужденіи восточныя церкви, о чемъ протраиваеиъ будемъ имѣть разговоръ о всемъ съ вашимиъ преосвященствомъ, когда персонально видитиса будемъ.

Того ради нынѣ ваше преосвященство прошу сіе мое доношеніе приять и о вышеписанномъ разсмотрѣніе учинити и таковыиъ своеволюикамъ церковь строить не попускать безъ вѣдѣнія нашего смиренія и поповъ ихъ всѣхъ освидѣтельствовать, а таковыиъ бы ересей имъ творить возбранити, что по дважды и по трижды креститъ каждаго челоуѣка, такожде и вѣнчать по дважды, и постригать черацовъ и черницъ по дважды, а не имущимъ самимъ власти ни единыа отъ преосвященныиъ архіереевъ, а быть бы подъ властію архіереевскою имъ понамъ, а не по своей волѣ, а съ нашими смиреніемъ вашему преосвященству союзъ любве и братства имѣть и о всемъ къ намъ писать въ домъ нашего смиренія въ Хотинскую Раю въ село Вѣтракку.

Преосвященнѣйшій владыко, прошу вашего архипастырства о семъ

можь прошенію благоразсудительное усмотрѣніе учинить 7264 году іюля 30 дня.

Smirenni: Anfim Archiepiskop Kubanskiy i Chotinskiia Ray Lиповенъ¹.

Это былъ чистѣйшій доносъ старообрядческаго архіерея на свою непокорную паству. Своенравному, властолюбивому Анфиму хотѣлось наконецъ силою предержавшей власти заставить Липованъ признавать его своимъ духовнымъ главой. Онъ представляетъ Липованъ людьми опасными и особенно обращаетъ вниманіе яскаго митрополита на то, что они митрополитовъ и епископовъ ни во что вмѣняютъ, а это во всякомъ случаѣ не могло понравиться Фанариоту Іакову, гордому божественностію своего права. Доносъ на старообрядцевъ, Анфимъ подстрекаетъ молдавское правительство на крутыя мѣры, подобныя тѣмъ, какія были тогда во всей силѣ въ Россіи. Само собою разумѣется, что когда Липоване узнали о перепискѣ „архіепископа всего православія“ съ православными греческими митрополитами и даже съ самимъ константинопольскимъ патриархомъ, они нуще прежняго возненавидѣли его и объявили еретикомъ. Молдавскій митрополитъ отвѣчалъ Анфиму, но письмо его намъ неизвѣстно.² Изъ втораго Анфимова посланія видно однакоже, что Іаковъ спрашивалъ его когда и кѣмъ онъ поставленъ въ архіереи, звалъ къ себѣ въ Яссы для свиданія и изъявлялъ готовность поручить подъ его паству всѣхъ старообрядцевъ, жившихъ въ его обширной Молдоваахійской епархіи. На это письмо Анфимъ отвѣчалъ 12 декабря 1756 года. Разказавъ, что онъ посвященъ епископомъ Лукою переименовавшимъ себя въ

¹ Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Анфимъ, 1757 г., по архивной описи № 337.

² Второе письмо Анфимъ писалъ къ Іакову 12 декабря 1756 года. Оно начинается такъ: „Получилъ вашего преосвященства писаніе, посланное до насъ смиренныя, и въ немъ познахъ братосоюзную, начальнѣйшую главицу Христовыхъ ученикъ, о ней же самъ Спаситель нашъ рече: „О семъ познають вси, яко Моя есте ученицы, аще любовь имате между собою.“ И вашего преосвященства сія главица пребывающая въ васъ, до насъ простресея, желающая видѣти насъ и готовы суще всяко отроеніе дѣла нашего званія намъ поручить, яко же и мы, смиреннѣи, ваше преосвященство, издавна имѣемъ желаніе видѣти васъ, но возбраненіемъ сатамою даже досель, о которомъ возбраненіи вашему преосвященству объявила кратко, какъ и ваше преосвященство изволили уразумѣть отъ подавшаго намъ доношенія нашу отважность въ противостояніи липованскихъ забобъ.“ Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Анфимъ 1757 года № 337.

Анхиногена, что въ Драгомириѣ онъ благословленъ митрополитомъ Мисаиломъ; и что въ хотинскомъ соборѣ митрополитъ Давидъ благословилъ его съ руковожденіемъ, объяснивъ всѣ бѣдствія и озлобленія, которыя испыталъ онъ отъ Кубанцевъ, римскихъ бискуповъ и Липованъ, представивъ славскую грамоту на санъ „архіепископа всего православія“,—Авфимъ такъ заключаетъ свое посланіе къ Іакову: „Ваше преосвященство, прошу дать позволеніе моимъ священникамъ священнодѣйствовать въ митрополіи вашей, въ нашихъ липованскихъ людѣхъ, которые требуютъ благословенія нашего смиренія, а прочимъ баламутникамъ, попамъ и чердакамъ, и прочимъ своевольникамъ запретить, дабы они пакости отселѣ поставленнымъ отъ нашего смиренія священникомъ не творили, и добровольнѣ хотящимъ людей приходять до нашихъ священниковъ не ругали. Также прошу ваше преосвященство и о семъ: егда время будетъ и вещи зовущи, дать позволеніе входа намъ смиреннымъ до своихъ намъ людей въ митрополіи вашей, во еже осмотрѣти ихъ и поучити закону Божию и совершенству христіанства, и позволеніе испросити намъ о всемъ у сіятельнѣйшаго князя вашего, за что и за его сіятельство отъ насъ смиренныхъ Богъ (sic) молить будемъ, также и за ваше преосвященство“¹.

Между тѣмъ слухи объ Авфимѣ дошли и до Петербурга. Въ ноябрѣ 1756 года канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ получилъ отъ нашего резидента въ Турціи донесеніе, что „живущіе на Кубани и въ Волоцинѣ россійскіе люди, раскольники, имѣли стараніе о посвященіи къ нимъ епископа: вопервыхъ у живущаго въ Крыму митрополита да у волоскаго архіерея, живущаго въ монастырѣ¹ называемомъ Гушахъ, но ими не посвященъ, на послѣдокъ живущимъ подъ Дунаемъ, въ турецкомъ владѣніи, въ монастырѣ, называемомъ Рени, греческимъ митрополитомъ Давидомъ желаемый тѣми раскольниками епископъ посвященъ, коему имя Анхиногенъ, и жительство имѣетъ въ близости Хотина, въ монастырѣ Вѣтрянка, гдѣ тѣхъ раскольниковъ въ жительствѣ много имѣется, а на Кубани учреждена тѣмъ раскольническимъ епископомъ архимандрія, и поставленъ отъ него архимандритъ, и по слободамъ многое число поповъ, и дамы имъ отъ него универсалы, и имѣютъ они по своимъ обрядамъ церковное служеніе, и

¹ Дале сѣвѣннѣйшаго синода а раск. арх. Авфимъ.

что для того отъ Дону крымскою областію на Кубань, и отъ Смоленска Польшею, уходя къ тому епископу, приходятъ и поселяются на житье, по близости того монастыря гдѣ тотъ епископъ находится.“ Графъ Бестужевъ-Рюминъ, передавъ такое извѣщеніе резидента въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, призналъ болѣе удобнымъ и полезнымъ поручить развѣдываніе о днѣстровскомъ раскольническомъ архіерей кievскому губернскому начальству. Киевскій вице-губернаторъ, тайный совѣтникъ Костюринъ, получивъ указъ иностранной коллегіи, тотчасъ же отправилъ за границу надежныхъ людей въ Могилевъ на Днѣстръ, въ Хотинъ и въ Яссы. Они узнали, что Аениогена, о которомъ упоминалъ резидентъ, у старообрядцевъ уже нѣтъ, а вмѣсто него есть Анфимъ, и что этого Анфима старообрядцы за своего архіепископа больше не признаютъ, въ чемъ вслѣдствіи увѣрили старообрядцы жившіе по торговымъ дѣламъ въ Могилевъ и могилевскій комендантъ. Въ Могилевъ же агентъ, посланный изъ Кіева, видѣлся съ Анфимовыми служителями и съ его живописцемъ, пріѣхавшими, по его приказанію, за покупками. Они сказали, что Анфимъ живетъ въ Вѣтрянкѣ и въ церкви этой слободы служить по-архіерейски, что при немъ десять человекъ поповъ и дяконовъ и что, сверхъ того, онъ посвящаетъ поповъ для старообрядцевъ... Ясскій митрополитъ, узнавъ отъ агента посланнаго Костюринымъ, что на Анфима, находящагося съ нимъ въ перепискѣ, обращено вниманіе русскаго правительства, и что оно по собранію предварительныхъ свѣдѣній намѣрено дипломатическимъ путемъ требовать егс выдачи, тотчасъ измѣнилъ свои отношенія къ Анфиму, и вмѣсто оказательства „братосоюзной“ къ нему любви, разослалъ по всей своей епархіи ордеры, чтобъ Анфима, „гдѣ онъ явится, тотчасъ поймать и связавъ привести въ Яссы съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ ему, лжеархіепископу, бороду обрить и въ осмаку, въ которыхъ мѣстахъ соль ледовую бьютъ, сослать.“ Съ ордерами разосланы были и пріѣзты Анфима. Выгораживая себя и митрополита браиловскаго Давида изъ дѣла объ Анфимѣ, ясскій митрополитъ умалчиваетъ однако о Мисаилѣ Редовуцкомъ и его отношеніяхъ къ лжеархіепископу; онъ передаетъ агенту два письма Анфимова и славскую грамоту на санъ „архіепископа всего православія“, но копій съ своихъ писемъ къ Анфиму не доставляетъ. Вообще Іаковъ велъ себя въ этомъ дѣлѣ довольно загадочно.

Получивъ такія свѣдѣнія объ Анфимѣ, святѣйшій синодъ поручилъ кievскому митрополиту Тимошеею войти въ непосредственныя сношенія съ молдавскимъ митрополитомъ и самымъ энергическимъ образомъ требовать отъ него, чтобы онъ прекратилъ возникшее въ его епархіи незаконное и ложное раскольническое архіерейство. За болѣзнь митрополита Тимоея, кievская консисторія писала объ этомъ въ іюнѣ 1757 года къ Іакову Молдавскому, но былъ ли какой отвѣтъ отъ него, изъ дѣла не видно.

Положеніе Анфима было самое непріятное; оно было несравненно хуже, чѣмъ положеніе Аеоногена передъ обращеніемъ его въ католическую вѣру. Съ одной стороны, отыскиваетъ его русское правительство, съ другой—люди яскаго митрополита ищутъ, чтобы обречь и отправить въ солданы копи, съ третьей—Некрасовцы, самые сильные теперь враги его, стерегутъ Анфима и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ казаки, пишутъ, что если гдѣ появится „еретикъ Анфимъ“, тотчасъ же его—„въ куль, да въ воду“. Находясь въ такомъ положеніи, онъ не смѣлъ никуда выгнаться изъ Вѣтряки, гдѣ еще были у него немногіе приверженцы. Но и эти отстали, когда получено было посланіе отъ вѣтковскихъ отцовъ, въ которомъ они увѣряли своихъ одновѣрцевъ, что Анфимъ сущій обманщикъ и никогда въ архіереи законнымъ образомъ посвященъ не былъ, что онъ даже и въ іеромонахи-то никогда посвященъ не былъ и сказанъ священникомъ ложно. Анфимъ, видя что и въ Вѣтрякѣ отъ него отступаютъ, бросился въ Чобурчи, но здѣсь ожидала его подготовленная Некрасовцами бѣда. Войтъ слободы Чобурчей, Назаръ Алексѣевъ, получивъ отъ Некрасовцевъ требованіе утопить Анфима, за то что онъ будучи у нихъ „много пакости учинилъ“, давно поджидалъ несчастнаго джепископа. Какъ только онъ появился въ Чобурчахъ, Назаръ Алексѣевъ собралъ „кругъ“ на мосту черезъ рѣку Днѣстръ и объявилъ вины Анфима и требованіе Некрасовцевъ. „Въ куль, да въ воду!“ закричали слобожане. Молодые схватили Анфима, связали ему руки и ноги, къ шеѣ привязали чумахъ и бросили съ мосту въ Днѣстръ ¹.

¹ Въ 1763 году, мая 30, въ астраханскую губернскую канцелярію присланъ былъ при отпускѣ отъ Волжскаго Войска: „писатель воровскихъ паспортовъ, дѣлатель печатей, раскольникъ, казачій сынокъ, Семенъ Чажовъ“, приговоренный къ отсѣченію головы, но по смягченіи приговора отправленный въ мерчикскіе рудники на работу. Въ своихъ показаніяхъ

Такъ кончилъ жизнь свою Анфимъ, сначала пользовавшійся громаднымъ авторитетомъ у старообрядцевъ, а потомъ ненавидимый ими и пустившійся въ доносы къ православнымъ митрополитамъ и патриарху на своихъ одновѣрцевъ, которыхъ считалъ своею паствою. Не сохранилось о немъ доброй памяти ни въ одной раскольнической общинѣ. Остались вѣрными ему только—игуменя Елизавета, діакоиссы съ малолѣтними дѣтьми, да два попа Матвѣй и Іосифъ Буркины. Эта обѣдѣвшая семья несчастнаго лжеепископа не могла оставаться въ Вѣтрянкѣ: тамъ всѣ смѣялись надъ ними и нельзя было поручиться, чтобъ участь Анфима не постигла рано или поздно и его приверженцевъ. Собравъ остатки расхищеннаго имѣнія, они уѣхали въ вѣтковскіе предѣлы и жили тамъ въ Боровицахъ¹. Раскалалась ли Елизавета въ томъ, что растеряла все свое богатство на Анфима, и долго ли горевали хорошенькія діакоиссы по своему милому архіепископѣ—не знаемъ.

VII. Исканія архіерейства.

Соблазнь, произведенный между старообрядцами въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія лжеепископами Аѣиногеномъ и Анфимомъ не охладилъ ревнителей „древлаго благочестія“ въ поканіи архіерейства. Они попрежнему собирались на соборы, попрежнему толковали о необходимости имѣть своего епископа и попрежнему пытались добыть его. Иванъ Алексѣевъ говоритъ, что въ 1755 году, то-есть когда Анфимъ еще былъ въ чести у Некрасовцевъ и принималъ санъ „архіепископа всего православія“, вѣтковскіе и гомельскіе жители, вмѣстѣ съ старообрядцами стародубскихъ саободъ, послѣ долгихъ разсужденій о необходимости имѣть епископа, для поставленія поповъ и освѣщенія мвра и антиминсоль, рѣшились подать просьбу о томъ, чтобы великороссійскіе архипастыри рукоположили имъ выборнаго отъ

оно много разказалъ объ Анфимѣ, котораго зналъ лично; оно же подробно передавалъ и о смерти его. (См. *дѣло о расколн. архіерей Анфимѣ.*) О судьбѣ Анфима Іона Курносый говоритъ: „прибывъ въ Польшу во своя и вѣкини съ мосту рѣки утопленъ бысть, яко Фараонъ“. Справ. Авдр. Іоанн. Журавлева *Историч. извѣстіе о расколн.*, стр. 305.

¹ Показаніе Семела Чижова.

нихъ человека.¹ Алексѣевъ не знаетъ чѣмъ кончилось это дѣло, что отвѣчали на челобитную старообрядцевъ. Мы тоже не знаемъ, ибо не встрѣтили въ архивныхъ дѣлахъ упоминанія объ этой просьбѣ. Безъ сомнѣнія, старообрядцамъ было отказано въ ихъ ходатайствѣ. Не такое было время.

Съ кончиною императрицы Елисаветы Петровны настали новыя, лучшія для старообрядцевъ времена. Ея преемникъ, Петръ III, тотчасъ по вступленіи на престолъ, издалъ относительно старообрядцевъ такое узаконеніе: „никакого въ содержаніи закона, по ихъ обыкновенію, возбраненія не чинить, ибо во всероссійской его императорскаго величества имперіи и иновѣрцы, яко магометане и идолопоклонники, состоятъ, а тѣ раскольники — христіане, точію во единомъ застарѣломъ суевѣріи и упрямствѣ состоятъ, что отвращать должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ котораго они, бѣгая за границу, въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ бесполезно, и для того его императорское величество высочайше указать соизволимъ, о томъ сочлѣ сенату обстоятельное учрежденіе, предложить къ высочайшей апробаціи.“² Это было первое доброе слово, оказанное о раскольникахъ съ самаго начала раскола. Кратковременность царствованія Петра III была причиной, что этотъ государь не успѣлъ докончить задуманнаго имъ дѣла. При Екатеринѣ II посѣдовалъ цѣлый рядъ узаконеній, отмѣнявшихъ прежнія, крутыя, Петровскія мѣры противъ раскольниковъ и постепенно расширявшихъ ихъ гражданскія права. Зарубежнымъ старообрядцамъ объявлено было прощеніе за ихъ бѣгство изъ отечества, и они вызваны были въ Россію, гдѣ отведены были для ихъ поселенія плодородныя и обширныя земли въ Сибири и въ выѣшней Самарской губерніи. При этомъ было предписано мѣстнымъ начальствамъ, чтобы „возвращавшимся изъ-за границы старообрядцамъ и сѣдовавшимъ въ мѣста избранныхъ ими поселеній не только въ пути ни малѣйшаго задержанія не было, но до опредѣляемыхъ къ населенію ихъ мѣстъ свободно пропускаемы и квартиры имъ вездѣ безпрепятственно даваемы были, равно жь и по прибытіи въ опредѣляемыя мѣста, въ поселеніи ни отъ кого никакого препятствія чинимо не было бѣ, и не отбирая и не

¹ Иванъ Алексѣевъ *Исторія о бѣстующемъ селѣнствѣ*, стр. 66.

² Первое Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи XV—№ 11.205.

требуа изъ ихъ имѣній ничего, оказываемы были имъ при томъ новомъ поселеніи всѣ удобовозможныя вспоможенія¹. Всагда затѣмъ раскольническая контора, вѣдавшая дотолѣ дѣла старообрядцевъ, была уничтожена, и они были подчинены общимъ присутственнымъ мѣстамъ. Въ указѣ Екатерины 14 декабря 1762 года зарубежные раскольники призывались въ Россію вмѣстѣ съ иностранцами (колонисты). Замѣчательно, что самыя земли тѣмъ и другимъ были отведены въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ: въ саратовскомъ Заволжьи, а потомъ въ Новороссійскомъ краѣ. Число выселившихся изъ польскихъ владѣній старообрядцевъ было значительно, ибо вызывая ихъ въ отечество, правительство, кромѣ всепрощенія, кромѣ разрѣшенія носить бороду и ходить не въ указномъ платьѣ съ желтымъ козыремъ, освобождало ихъ на шесть лѣтъ отъ всякихъ пошлинъ и податей и предоставляло имъ избирать родъ жизни по ихъ желанію: или записываться за прежними помѣщиками или поступать въ государственныя крестьяне и въ купечество (то-есть въ городское сословіе) по собственному ихъ желанію, „а противъ желанія, прибавлено было въ указѣ, както инако приневоленъ быть имѣть“². Вскорѣ затѣмъ послѣдовали новыя узаконенія, имѣвшія цѣлю уже прямо успокоеніе умовъ старообрядцевъ, посредствомъ возвращенія имъ гражданскихъ правъ, которыхъ со временъ Петра I и даже ранѣе они были лишены. Сюда относятся: указы 1764 и 1782 объ уничтоженіи двойнаго оклада, который платили они въ силу постановленій Петра I, 1769 года о дарованіи имъ права судебного свидѣтельства и 1785 о дозволеніи имъ вступать въ общественныя должности. Самымъ важнымъ послѣдствіемъ всѣхъ этихъ узаконеній было водвореніе старообрядцевъ въ городахъ, на чтò до тѣхъ поръ права ихъ были значительно стѣснены. Старообрядцы вообще и прежде были, и теперь остались плохими хлѣбопашцами; въ ихъ общинахъ всегда преимущественно развивались промышленная и торговая дѣятельность. Но въ купечество, то-есть въ городское сословіе, старообрядцамъ, принадлежавшимъ къ сельскимъ обществамъ, до указа 1764 года, приписываться было почти невозможно; теперь они поселились въ городахъ, преимущественно въ большихъ и въ обихъ столицахъ. Быстро развились въ

¹ Первое Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи XVI—№ 11.738.

² Тамъ же XVI—№ 11.725.

ихъ рукахъ капиталы, что слѣдуетъ отнести вообще къ отличающей ихъ домовитости и бережливости, а въ особенности, къ внутренней связи скрѣпляющей ихъ общества, въ которыхъ взаимное вспомоцествованіе оставляетъ едва ли не главнѣйшую основу. Достоверно извѣстно, что въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія значительная часть русскихъ капиталовъ оказалась у старообрядцевъ, принадлежавшихъ къ городскимъ сословіямъ.

Вслѣдствіе сказаннаго центры старообрядческихъ обществъ измѣнились; старые упали, возвысились дотолѣ незначительные, возникли новые. Вѣтка снова была опустошена. Такъ какъ тамошніе жители не послушались пригласительнаго указа Екатерины и притомъ производили разбои какъ въ польскихъ владѣніяхъ, такъ и, переходя границу, въ предѣлахъ Имперіи, то въ 1764 году посланъ былъ генераль-майоръ Масловъ съ войскомъ, который разорилъ свободу и 20 тысячъ старообрядцевъ вывелъ въ Россію. Ихъ водворили въ Сибири. За то возвысились стародубскія слободы, снова возникли и усилились опустошенные сначала Питиримомъ, а потомъ переселеніями старообрядцевъ за границу¹, скиты керженскіе и чернораменскіе, явились большіе, богатые деньгами и попами монастыри на Иргизѣ, сдѣлавшіеся съ начала XIX столѣтія митрополіей поповщины.

Явились монастыри и у казаковъ на Уралѣ, на Дону и въ Гребеняхъ. Все это принадлежало поповщинѣ. Въ городахъ образовались обширныя общины, у нихъ явились церкви, священники и даже монастыри. Такъ на Волгѣ явился цѣлый рядъ сильныхъ общинъ поповщины во Ржевѣ, Твери, Романовѣ, Городцѣ, Казани, Малыковкѣ (въ послѣдствіи Вольскѣ) и Саратовѣ. Еще сильнѣе ихъ сдѣлалась община въ Москвѣ. Построивъ на костяхъ своихъ мучениковъ обширныя церкви и „палаты“ извѣстныя подъ скромнымъ названіемъ Рогожскаго кладбища или богадѣяннаго дома,² московскіе старо-

¹ Съ 1719 по 1763 г. изъ керженскихъ и чернораменскихъ скитовъ ушло за границу семь восьмыхъ всего населенія. *Полн. Собр. Зак. Росс. Имп.* XV—№ 11.435.

² Рогожское кладбище находится близъ Покровскаго монастыря, основаннаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ „на убогихъ домахъ“. Когда устроили этотъ монастырь, убогіе дома переместили дальше. На мѣстѣ убогаго дома, въ которомъ хоронили запятанныхъ въ Преображенскомъ приказѣ старообрядцевъ (Срав. *Раскольническія дѣла* Г. В. Есипова т. I, стр. 608), при Екатеринѣ II возникло кладбище для погребенія старообрядцевъ поповщинскаго толка, а во время чумы построены на немъ церкви и палаты для богадѣялецъ.

обрядцы поповщинскаго толка до того усилились, что их община сдѣлалась главною не только во всей Россіи, но и за границей, особенно послѣ собора 1779 года, на которомъ утверждено было перемазываніе миромъ приходящихъ изъ нашей церкви. До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія Рогожское кладбище уступало только Иргизу, но и самый Иргизъ былъ какъ бы колоніей Москвы. И такъ все творилось по волѣ и приговору рогожскому. Многочисленность московской общины, огромныя богатства ея членовъ, вращавшихъ милліонами и находившихся въ короткихъ связяхъ съ вліятельными людьми, занимавшими даже высшія государственныя должности, наконецъ самое имя Москвы, гдѣ были въ свое время патріархи Филаретъ и Іосифъ, столь уважаемые старообрядцами, все это взятѣе вмѣстѣ было причиною того, что прочія поповщинскія общины стали въ полную зависимость отъ рогожской. Сложились даже по этому поводу пословицы. Такъ въ керженскихъ и чернораменскихъ скитахъ и по завожскимъ селамъ и деревнямъ говорили и доселѣ говорятъ: „что положить на рогожѣ, на томъ станетъ Городецъ, а на чемъ Городецъ, на томъ и Керженецъ.“ Въ Саратовской и Симбирской губерніяхъ и въ самой Москвѣ говорили: „на Рогожскомъдохнуть, на Иргизѣ попа дадутъ.“ Всѣ сколько-нибудь важныя дѣла поповщины стали рѣшаться на Рогожскомъ кладбищѣ. Естественно, что и самое шоканіе архіерейства перешло въ московскую общину.

Въ 1765 году московская поповщина, послѣ долгихъ переговоровъ, согласилась съ московскою поморскою общиною слиться воедино, подъ духовною властію одного архіерея. Опыты прежнихъ лѣтъ достаточно вразумили ихъ, что отъ русскихъ епископовъ имъ не дождаться своего архіерея: ни одинъ изъ нихъ ни самъ не согласится къ нимъ перейти, ни рѣшится рукоположить имъ выборнаго изъ нихъ чловѣка. На заграничную хиротонію также мало было надежды, притомъ же Греки были въ то время поголовно заподозрѣны въ обливательномъ крещеніи. Если нѣкоторые старообрядцы и знали объ архіереяхъ на Кавказѣ, поставленныхъ Анфимомъ, то ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы искать у нихъ хиротонію, ибо самозванство Анфима было имъ достовѣрно извѣстно. Созвали соборъ для совѣщаній. Въ немъ приняли участіе знаменитѣйшіе по уму, начитанности и знаніямъ старообрядцы. Между ними были Никодимъ, изъ Стародубья, авторъ

Никодимовыхъ отечествѣ, поповщинскаго согласія. Ему было въ то время еще только двадцать лѣтъ отъ роду, но несмотря на молодость, онъ пользовался уже громаднымъ вліяніемъ на одновѣрцевъ. Ему принадлежала первая мысль о соединеніи всѣхъ старообрядцевъ и поповскаго и безпоповскаго согласій во едино стадо подъ паствою одного пастыря, и послѣ первой неудачи, онъ семнадцать лѣтъ постоянно и съ полною энергіей отыскивалъ архіерейства. Никодимъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Потемкинымъ былъ извѣстенъ Екатеринѣ и пользовался большимъ вѣсомъ между своими. Поморцы, для совѣта и рѣшенія этого общаго для всего старообрядства дѣла, вызвали въ Москву изъ Выгорѣцкаго монастыря Андрея Борисова. Этотъ человекъ, тогда еще 31 года отъ роду, былъ, по словамъ Павла Любопытнаго¹, „громкій членъ поморской церкви и (въ послѣдствіи, 1780—1791) главный киевоіархъ Выгорѣцкой киевоіи“, авторъ пятнадцати сочиненій, знаменитый не только между старообрядцами, „но и уладыкѣ міра, поименованъ отъ послѣднихъ *патріархъ старообрядческой церкви*. Со многими вельможами находился онъ въ перепискѣ, многократно же писалъ посланія къ высокому, извѣстнѣйшему князю Потемкину, его благодѣтелю и другу.“ Имя этого человека доселѣ дорого для старообрядцевъ, потому что онъ, какъ человекъ умный и смѣлый, старался извлечь пользу для раскола изъ своихъ связей съ вельможами, особенно съ такимъ влиятельнымъ, какъ Потемкинъ. По вліянію Андрея Борисова на этого едва не государя, были отменены двойной окладъ платимый старообрядцами (1782 года) и наименованіе въ официальныхъ бумагахъ старообрядцевъ „раскольниками“². Былъ на этомъ соборѣ казенный крестьянинъ, тридцатилѣтній Василій Емельяновъ, глава московской поморской общины, основатель и первый настоятель, такъ-называемой, Монинской моленной, другъ Андрея Борисова. Былъ тутъ Иванъ Васильевъ, бывший въ послѣдствіи чугуевскимъ монахомъ Венидиктомъ, ученый Поморецъ, авторъ замѣчательнаго сочиненія *Разговоръ Тарасія съ Трифилиемъ* или *Изъясненіе разсуждательствъ* и написавшій кромѣ того 30 *поэмъ въ стихахъ*.

¹ Павелъ Любопытный. *Каталогъ или библіотека старообрядческой церкви*. Москва. 1861. стр. 42.

² Тамъ же, стр. 43.

Ему было въ то время только двадцать одинъ годъ, но по словамъ Павла Любопытнаго, „московскій ученый кругъ благочестивыхъ всегда поставялъ его на степени мудрецовъ и давалъ ему особенное преимущество въ его витійствѣ и ловкости“¹. Всѣ, какъ изъ этого видно, были люди молодые; нѣкоторые, какъ напримѣръ Никодимъ и Венедиктъ, еще юноши, но эта молодежь составляла цѣлѣ старообрядства, это молодое поколѣніе раскольниковъ отличалось энергіей, обширностію свѣдѣній и въ то же время фанатическимъ усердіемъ къ дѣлу отцовъ и дѣдовъ. Московскіе купцы также участвовали на соборѣ.

„Цѣлое, писали они въ своемъ соборномъ дѣяніи,—цѣлое миновало столѣтіе, какъ православная церковь постепеннаго священства лишилась, и мы остаемся безъ спасительныхъ таинствъ и безъ пастырей. Въ смутное Никоново время, хотя и оставался Павелъ епископъ, за древнее благочестіе изгнаніе претерпѣвшій, но преемниковъ по себѣ никого намъ не оставилъ. Также при жизни его и послѣ, хотя и обрѣтались кое-гдѣ православные древніе священники, но и тѣ всѣ, Богу тако опредѣлившу, прешли въ вѣчныя кровы. Мы же, хотя послѣдователи и ученики ихъ, но руковожденія и освященія къ служенію въ Божіей церкви таинствъ ни одинъ изъ насъ ничего не имѣемъ. И потому мы въ крайней нуждѣ и настоящемъ расточеніи находимся, нужда же всѣхъ средствъ, какія ведутъ къ точному исполненію всего въ законѣ, хранить и исполнять не обязана, но свободна. Слѣдовательно, мы теперь должны держать ту цѣль, которая единымъ предметомъ есть нашей нужды и нашего желанія.“

Стали искать въ церковныхъ правилахъ, нѣтъ ли тамъ какого-нибудь, хотя и не очень подходящаго дозволенія рукоположить епископа не рукою епископа; искали прилежно и не нашли. Обратились къ примѣрамъ церковной практики, но и въ ней такого примѣра не встрѣтили: ни въ старыхъ книгахъ, ни въ Чети-Минеехъ, ни въ лѣтописяхъ ничего подобнаго не говорилось. Поморцы, менѣе старообрядцевъ поповщійскаго толка обращающіе вниманіе на правила и

Андрей Іоанн. Журавлевъ въ *Истор. изв. о раскол.*, стр. 197, и за нимъ преосвящ. Макарій въ *Исторіи русскаго раскола*, стр. 352, называютъ еще Ивана Федоровича Ерша, саратовскаго поморца, но олъ умеръ за десять лѣтъ до этого собора, въ 1755 году. (П. Любопытнаго *Каталогъ* стр. 96.) Журавлевъ, а за нимъ и преосвященный Макарій называютъ Венедикта вѣроятно ошибкою, Иваномъ Ивановымъ, а не Иваномъ Васильевымъ; Журавлевъ, притомъ—монахомъ чудовскимъ, а не чугуевскимъ.

примѣры, были и редакторами соборнаго дѣянія, и главными дѣятелями собора. Вполнѣ убѣжденные, что „нужда законныхъ правилъ исполнять не обязана, но совершенно свободна“, они отыскали примѣръ въ лѣтописяхъ отечественной церкви и предложили собору примѣнить его къ настоящему случаю. Въ 1147 году великій князь Изяславъ велѣлъ рускимъ епископамъ поставить ученаго затворника Климента Смолятича въ кievскіе митрополиты, безъ патріарха константинопольскаго. Епископы отказались, говоря, что митрополита долженъ ставить патріархъ. Изяславъ настаивалъ. Тогда черниговскій владыка Онуфрій оказалъ: „азъ свидѣ достоинъ ны поставить (митрополита), а глава у насъ есть святаго Климента, якоже ставятъ Греци рукою святаго Ивана. И такогдаше епископы, главою святаго Климента поставима митрополитомъ“¹. Приняли этотъ примѣръ къ подражанію. Есть въ Успенскомъ соборѣ глава Св. Іоанна Златоустаго, говорили молодые поморцы, ею можно исполнить то дѣло. Другіе, а особенно Никодимъ, воспротивились и сказали: „Произведеніе Климентово было не по закону, а по волѣ великаго князя Изяслава, и притомъ какъ сія тайна называется хиротонія, то есть *руководженіе*, то лучше рукою Св. Іоны митрополита или другаго вѣкомаго святителя сіе учинить, подведя къ мощамъ ставленника, и отъ мощей руку на главу его возложя, и читавши принадлежащія молитвы, облачить новопоставляемаго во вся архіерейская.“ Это мнѣніе было принято единогласно, причемъ въ главное основаніе брали то, что въ самомъ Цареградѣ патріархи не рукою архіерейскою, а рукою мощей Іоанна Златоустаго хиротонисаны бывали. Заготовили старообрядцы богатое архіерейское облаченіе и стали искать случая, посредствомъ денегъ, попасть въ Успенскій соборъ въ такое время, когда не бываетъ службы. А еслибы не удалось поладить съ ивановскими звонарями и соборными сторожами, то положили на соборъ—ѣхать въ Новгородъ, гдѣ не было въ то время архіерея, почему и надѣялись, что въ тамошній Софійскій соборъ попасть будетъ имъ легче чѣмъ въ оберегаемый ивановскими звонарями Успенскій соборъ. Всѣ были рады такому соглашенію, и хотя сознавали, что предположенное ими дѣйствіе не будетъ вполнѣ законно-правильно, но оправдывали себя нуждою и „тѣсными

¹ Ипатьевская лѣтопись. Пол. Собр. Русскихъ лѣтописей, II, 30.

обстояніемъ“, имѣя болѣе въ виду то, что хотя корень ихъ епископства будетъ и не совсѣмъ правиленъ, за то всѣ секты старообрядцевъ соединятся во едино стадо подъ паствою единого святителя. Этимъ больше всего и оправдывали они свое начинаніе. „Мы будемъ правы, ежели не по закону, то по политикѣ, когда скитающійся и разсыпанный мѣстами и мыслями народъ соберемъ воедино,“ писали они въ своемъ дѣяніи. Уже намѣревались приступить къ избранію кандидата на кафедру старообрядческаго архіерея, но вдругъ возникли недоразумѣнія, а за ними и несогласія. Кто-то изъ находившихся на соборѣ поморцевъ сказалъ: „Любезная братія! Когда будетъ рукополагатися нашъ избранникъ во епископа, и когда будемъ мы его облачать во священная; тогда рукополагая его, святыи, коего руку мы будемъ держать надъ главою рукополагаемаго, безъ сомнѣнія, будетъ молчать устнами. А сіе молчаніе сильно привести насъ въ сомнѣніе, во первыхъ потому что мы не знаемъ, угодна ли будетъ наша выдумка святителю сему, и будетъ ли святыи сей съ нами согласенъ на все то что мы ни дѣлаемъ; второе, кто же изъ насъ долженъ руковождательныя молитвы вмѣсто архіерея читать, которыя, кромѣ его мы, прости, никакъ не должны и не можемъ при томъ великомъ дѣйствіи произносить?...“ Всѣмъ поразило такое возраженіе, и произвело оно большое разгласіе между соборовавшими. Представители поповщины говорили, что молитвы хиротоніи можетъ читать ихъ попъ; поморцы, отвергая правильность ихняго попа, какъ взятаго отъ „смущенныя никоніанскія церкви“, рѣшительно возстали противъ такого предложенія и въ свою очередь предлагали своего наставника. кончилось тѣмъ, что послѣ долгихъ споровъ и переговоровъ обѣ стороны разошлись далеко не въ такомъ дружескомъ согласіи, съ какимъ собрались. Замыселъ о соединеніи старообрядческихъ церквей воедино былъ оставленъ, какъ неосуществимый; оставлено было и предположеніе о „возстановленіи архіерейскаго чина“¹. Поморцы съ поповщинами разошлись. Первые остались при томъ мнѣніи, что возстановленіе пресѣкшагося архіерейства возможно лишь посредствомъ придуманнаго на соборѣ 1765 года

¹ Андрея Іоаннова Журавлева *Историческое извѣстіе о расколнникахъ*, стр. 197—201. Виталия *О церкви и о расколнникахъ* гл. 16, рукопись. Макарія *Исторія русскаго раскола*, стр. 352, 353.

дѣйствія, а о такъ-названной ими „вѣчной хиротоніи“, то-есть о преемственной отъ апостоловъ и слышать не хотѣли, и никакъ не соглашались заимствовать архіерейство отъ православной іерархіи, выставляя въ числѣ прочихъ доказательствъ, что пресѣкалась же на цѣлыя столѣтія православная іерархія во времена аріанства, иконоборства, и потомъ возникала же вновь, когда на всей землѣ не было православныхъ епископовъ. Иванъ Васильевъ (Венедиктъ) вооружился сильнымъ словомъ противъ поповщины, признававшей „вѣчную хиротонію“, неизсякшую въ великороссійской церкви. Кроме знаменитаго своего *Извѣщенія разлагагольствія* (Тарасіа съ Трифилліемъ), написалъ онъ 15 вопросовъ къ старообрядцамъ поповщинскаго толка „о ихъ суевѣрномъ заблужденіи по предметамъ хиротоніи и крещенія россійской церкви“. Въ концѣ жизни своей онъ, однакоже, по извѣстію Павла Любопытнаго, „яко человекъ, впалъ въ пропасть злоумудрія о вѣчномъ бытіи хиротоніи“¹; то-есть призналъ необходимость преемственности отъ самихъ апостоловъ епископскаго сана.

Никодимъ, ученый юноша, бывшій однимъ изъ представителей поповщины на соборѣ 1765 года, сдѣлался послѣ него самымъ ревностнымъ искателемъ архіерейства; но не иначе хотѣлъ онъ возстановить старообрядческую іерархію, какъ заимствовавъ ее отъ православія. Много труда приложилъ этотъ замѣчательный человекъ для достиженія своей цѣли, семнадцать лѣтъ онъ преслѣдовалъ ее, поддерживая своимъ учительнымъ словомъ московскую и другіе поповщинскія общины и сблизая ихъ въ нѣкоторомъ отношеніи съ православною церковью. Сначала онъ жилъ въ Москвѣ, потомъ въ Стародубѣ, гдѣ на земляхъ посада Зынки построилъ Троицкую пустынь, извѣстную болѣе подъ именемъ Никодимовой. Здѣсь-то ревностный искатель архіерейства, къ сожалѣнію такъ рано умершій,² сдѣлался основателемъ, такъ сказать, *единогласія*. Самыми ревностными, самыми добросовѣстными пособниками Никодимову дѣлу явились купцы Иванъ Кузнецовъ и Бѣляевъ, а также монахъ Іоакимъ. Они не жалѣли трудовъ, ни издержекъ для осуществленія своего плана.

Вскорѣ послѣ того какъ, не сдѣлавъ ничего, разошелся соборъ 1765 года, московская община старообрядцевъ по поповщинѣ, въ самой Москвѣ, приступила къ новому исканію

¹ Павла Любопытнаго, *Камалоев*, стр. 97 и 98.

² Въ 1784 году 12 мая, 39 лѣтъ отъ роду.

архіерейства, при посредствѣ Никодима. Жилъ въ то время въ Москвѣ Аѳанасій, митрополитъ грузинскій, который служилъ при Архангельскомъ кремлевскомъ соборѣ, ради поминовенія покойныхъ царей и великихъ князей, въ немъ похороненныхъ. Къ нему въ 1766 году обратились старообрядцы, прося, чтобы рукоположилъ имъ епископа, и предполагая послѣ хиротоніи „исправить“ его. Аѳанасій отвѣчалъ: „здѣсь, въ Москвѣ, и вообще въ областяхъ подчиненныхъ синоду, я этого для васъ сдѣлать не могу, безъ его благословенія; а вотъ мой совѣтъ—поѣзжайте вы къ намъ въ Грузію, она отъ русскаго синода не зависитъ, а тамъ есть у насъ свой автокефальный патріархъ, блаженнѣйшій католикосъ Антоній. Просите его: можетъ-быть, видя ваше усердіе и мольбу, онъ и согласится исполнить вашу просьбу.“ Послушалось московское старообрядческое общество митрополита Аѳанасія, и нарядило посольство въ Тифлисъ. Не малое время продолжались сборы, наконецъ въ 1768 году поѣхали за Кавказъ монахи Никодимъ и Іоакимъ и купецъ Иванъ Кузнецовъ, чтобы просить царя Ираклія II и католикоса Антонія о поставленіи имъ епископа. Едва ли не Іоакима предполагали они возвести въ этотъ санъ. Но посольство московскихъ старообрядцевъ отъ предгорій Кавказа поворотило назадъ. Въ то время Екатерина II хотя и не начинала еще блистательной для русскаго оружія войны съ Турками, но 3-я армія, подъ командою генерала де-Медема заняла уже предгорія Кавказа, съ цѣлю держать въ страхѣ подчиненныхъ султану и крымскому хану старообрядцевъ, жившихъ въ Гребеняхъ, въ Кубанскихъ станицахъ, а также Кабардинскую орду и горцевъ. Пропуска за Кавказъ никому изъ Россіи не было. Никодимъ съ товарищами возвратился ни съ чѣмъ.

Война съ Турками отрѣзала русскихъ старообрядцевъ отъ заграничныхъ православныхъ архіереевъ, у которыхъ бы можно было получить хиротонію: въ Грузію не было пропуска, въ Молдавіи стояли русскія войска, ясскій митрополитъ и подумать не смѣлъ сдѣлать что-либо несогласное съ видами русскаго правительства. Путь къ сербскому патріарху и автокефальному болгарскому архіепископу былъ отрѣзанъ.

Между тѣмъ усиливались толки и споры въ поповщинскихъ общинахъ „о томъ, коимъ чиномъ пріимати приходящихъ отъ великороссійскія церкви поповъ и мірянъ“. Въ однихъ мѣстахъ принимали ихъ вторымъ чиномъ, перемазывая во

второй разъ муромъ (*вѣтковское согласіе*), въ другихъ—третьимъ чиномъ, по проклятію ересей и „исправъ“, то-есть исповѣди у старообрядческаго попа (*діаконовщина или діаконново согласіе*)¹. Чтобы положить конецъ раздорамъ и несогласіямъ изъ-за этого предмета собрался въ 1779 году въ Москвѣ соборъ. На этомъ соборѣ, открытомъ ноября 1-го, въ домѣ московскаго купца Ямщикова собрались представители поповщинскихъ общинъ и вѣтковаго, и діаконова согласій изъ Москвы, Стародубья, Скопина, Керженца², Иргиза, Галича, и другихъ мѣстъ. Собранія происходили въ домахъ Ямщикова, Павлова и Мальцова до половины февраля. Большинство рѣшило „перемазывать“, то-есть вѣтковское согласіе взяло верхъ. Къ этому пристало московское общество, представители Керженца, Иргиза и др. мѣстъ. Перемазываніе означало большее удаленіе отъ господствующей церкви. По каноническимъ правиламъ перемазываютъ схизматиковъ или раскольниковъ, а подцерковниковъ, то-есть не отдѣлившихся отъ церкви, а только уклонившихся отъ нея, принимаютъ лишь по проклятію ересей. Меньшинство (*діаконовщина*), во главѣ котораго былъ Никодимъ, не соглашалось посредствомъ перемазыванія удалиться отъ господствующей церкви и признать ее такимъ образомъ расколомъ. Произошло раздѣленіе. Партія перемазанцевъ хотя и желала архіереевъ, но полагала, что „нужды ради“ можно какъ-нибудь и безъ нихъ обойтись. Мура безъ архіерея сварить нельзя—такъ сварилъ его на Рогожскомъ кладбищѣ попъ Василій. Никодимъ съ своею партіей отвергалъ такое муро и желалъ епископа.

Никодимъ уѣхалъ изъ Москвы въ свой монастырь, что въ Стародубьѣ, подлѣ Злыаки; но единомышленники его остались и въ Москвѣ, и въ Торжкѣ, и даже на Керженцѣ и Иргизѣ, хотя и малочисленные. Между ними происходили частыя и дѣятельныя сношенія по предмету исканія архіерейства.

Еще до собора бывшаго въ Москвѣ, въ томъ же 1779 году, Никодимъ, попъ Михаилъ Калмыкъ, купецъ Кузнецовъ и другіе

¹ Такъ называлось оно по имени Александра діакона, казненнаго Петромъ I въ 1720 году. Онъ училъ, что не слѣдуетъ муромазывать проходящихъ отъ православія, четверокочечному кресту должно воздавать равную честь съ осмикочечнымъ, кадить какъ въ православной церкви, а не крестообразно, какъ у старообрядцевъ; по посѣдаемому пункту его ученія, діаконовщину зовутъ еще *кадильниками*.

² Съ Керженца былъ въ числѣ другихъ Иона Курносый изъ скита Конарозовскаго.

решители старообрядства, діаконъва согласія, жившіе въ Стародубѣвѣ, рѣшились, по прежнимъ примѣрамъ, искать себѣ архіерейской хиротоніи на Востоку. Война съ Турками кончилась—прѣхать было можно. И снарядили они посольство въ Грецію и Палестину чтобы пригласить кого-либо изъ греческихъ православныхъ епископовъ перейти въ старообрядство и поселиться въ Стародубѣвѣ. Мало сохранилось извѣстій объ этой посылкѣ, но и по отрывочнымъ извѣстіямъ, до насъ дошедшимъ, видно, что она была задумана точно на такихъ же основаніяхъ, на какихъ лѣтъ двадцать тому назадъ московскіе старообрядцы снарядили посольство для отысканія архіерея и водворенія его въ Бѣлой Крикицѣ. Монахъ Іоасафъ, принадлежавшій къ вѣтковскому согласію, изъ главнаго стародубскаго монастыря Покровскаго, что въ слободѣ Климовой, и другой стародубскій инокъ по имени Рафаилъ отправились на Востокъ. Современникъ этой посылки, монахъ Виталий¹, въ своемъ сочиненіи *О церкви и раскольникахъ*, разказываетъ, что Іоасафъ, завидуя богатству и славѣ попа Михаила Каамыка, бывшаго въ то время какъ бы патріархомъ старообрядства, обратился къ діаконъцамъ съ предложеніемъ ѣхать въ многотрудное путешествіе для отысканія какого-либо восточнаго архіерея, а самъ думалъ о томъ, какъ бы самому надѣтъ омофоръ. У Рафаила то же было на умѣ. Оба посланца, разѣзжая по Востоку, не очень хлопотали о приглашеніи тамошнихъ архіереевъ въ Россію, въ среду старообрядцевъ, а искали хиротоніи для себя. Не съ одной тысячей стародубскихъ червонцевъ отправились они въ Константинополь, но тутъ не нашли желаемаго. Изъ Царьграда поѣхали на Аѳонъ; здѣсь, въ 1781 году, епископъ Герасимъ посвятилъ Іоасафа въ іеромонахи, но преподать ему архіерейскую хиротонію безъ патріарха не рѣшился. Изъ Аѳона стародубскіе паломники отправились въ Іерусалимъ. Вида, что ни одинъ митрополитъ или епископъ греческій не посвятитъ ихъ въ архіереи, они рѣшились обратиться къ самому патріарху. Въ Іерусалимѣ былъ тогда патріархъ антїохійскій Даниилъ. Не имѣя понятія о русскомъ расколѣ и желая побольше денегъ „на выкупъ христіанъ изъ турецкой неволи,“ какъ объяснялъ онъ свою

¹ Виталий, сначала старообрядецъ, потомъ едїноверецъ, написалъ замѣчательное сочиненіе *О церкви и раскольникахъ*, отрывки котораго напечатаны въ *Христіанскомъ Ученіи* 1853 г.

симонію, патриархъ Даниилъ посвятилъ Иосафа въ архимандриты, но въ архіереи не посвящалъ. „Привезешь другую тысячу червонцевъ, говорилъ онъ,—посвяти и въ архіереи.“ Столько денегъ у Иосафа не было, и онъ воротился въ Россію за червонцами, въ ноябрѣ 1782 года, когда въ Стародубѣхъ о заграничномъ епископствѣ ужь и думать перестали, по причинѣ совершенно измѣнившихся обстоятельствъ.¹ Виталий, изъ сочиненія котораго мы заимствуемъ этотъ разказъ, не говоритъ о дальнейшей судьбѣ Рафаила. Теперь извѣстно, что онъ, вѣроятно имѣя въ карманѣ не одну тысячу червонцевъ, получалъ отъ патриарха Даниила хиротонію, но возвращаясь въ Россію, умеръ гдѣ-то въ Турціи.²

¹ Иосафъ остался у стародубскихъ старообрядцевъ, а по присоединеніи ихъ къ вамъ къ единоувѣрью, признавъ былъ синодомъ въ званіи архимандрита и былъ настоятелемъ сначала Успенскаго Никодимова, что подлѣ Зыбки, а потомъ Корсунскаго единоувѣрческаго монастырей. Умеръ около 1802 года.

² Летъ пятнадцать тому назадъ въ Оленевскомъ скитѣ, что на Кержендѣ, замѣтилъ я въ одномъ часовенномъ синодикѣ послѣ имени московскихъ патриарховъ, рядъ которыхъ доведень до Иосифа исключительно, слѣдующія имена: *епископа Павла Коломенскаго, епископа Епифанія, епископа Рафаила.* Скитницы на мои вопросы не объяснили кто такой этотъ Рафаилъ; по всей вѣроятности, сначала онъ не хотѣлъ объяснить, отъ званія нездѣланныя. Обитель, въ которой былъ синодикъ (Николерина), придерживалась діаконщины и находилась въ связяхъ съ Малюковимъ островомъ. Потомъ въ синодикахъ старообрядцевъ разныхъ мѣстъ Нижегородской, Владимирской и Костромской губерній то же случалось мнѣ встрѣчать вслѣдъ за именами Павла и Епифанія имя епископа *Рафаила*. Стало-быть онъ былъ послѣ Епифанія. Въ послѣдствіи оленевскія матери, келейницы, болѣе сблизившись со мною, говорили, что Рафаилъ былъ епископъ „по дремлену благочестію“, посланный въ Россію къ стародубчанамъ отцѣмъ отъ автіохійскаго патриарха, котораго, вѣроятно на основаніи вышеприведенныхъ въ настоящей статьѣ сказаній, онъ считали старообрядцемъ. На основаніи этихъ свидѣній въ своей *Запискѣ о русскомъ расколѣ* написанной въ 1857 г. для Великаго Князя Константина Николаевича, и напечатанной г. Кельсиевымъ въ Лондонѣ (безъ конца, съ пропусками и искаженіями), я сказалъ: „въ помѣникахъ нижегородскихъ, владимирскихъ и костромскихъ раскольниковъ встрѣчается рядомъ съ именемъ Епифанія еще имя *какого-то* епископа Рафаила. Послѣ составленія этой записки я встрѣчалъ имя Рафаила, также вслѣдъ за именами Павла Коломенскаго и Епифанія, въ синодикахъ старообрядцевъ Черниговской губерніи, а затѣмъ недавно получилъ старообрядческую рукопись новаго мѣсяца въ которой находится полное объясненіе загадочной личности Рафаила, которое съ тѣмъ мѣстѣмъ согласуется и съ нѣскими намеками оленевскихъ матерей. Вотъ эта рукопись:

„Сказаніе краткѣе о православныхъ епископахъ въ сомнительное время бывшихъ.

Въ то время, когда Иоасафъ и Рафаилъ странствовали по Востоку и, безъ согласія Стародублянъ, добывали для себя въ Иерусалимѣ архимандричьи шанки и архіерейскіе омофоры, попъ Михаилъ Калмыкъ и Никодимъ, думавшіе уже, что посланцы ихъ гдѣ-нибудь запропали, получили изъ Вѣтки, тогда

„Бѣгствующая и бѣдствующая, отъ лѣтъ Никона патріарха московскаго и отъ послѣдующихъ ему, церковь, епископовъ, къ намъ приходящихъ въ православіе, имѣетъ: 1) Епископа *Павла Коломенскаго*, пострадавшаго тогда за благочестіе, въ Палеостровскомъ монастырѣ, повелѣніемъ російскаго царя Алексія. 2) Епископа *Еуфанія Чигиринскаго*, приемшаго хиротонію отъ господина Георгія, митрополита яскаго и пострадавшаго за благочестіе въ Соловѣдкомъ монастырѣ и паки въ Кіевѣ, повелѣніемъ російской царицы Анны. 3) Епископа *Рафаила Замискаго*, приемшаго хиротонію отъ Давида, патріарха антиохійскаго. Той епископъ области своей не достигъ, но, волею Господа, въ Туречинѣ на пути животъ свой скончалъ. 4) Архіепископа *Амвросія Бѣлокрилицкаго* и митрополита всѣхъ православныхъ христіанъ, бываго митрополита босанскаго, позмавшаго тщету вѣры греческія и возвратившагося въ локо едиклы, соборныя, апостолевскія церкви, пострадавшаго же за благочестіе въ градѣ Целалѣ, повелѣніемъ австрійскаго царя Фердинанда (въ подлинникѣ Фердина). 5) Архіепископа *Кирилла Бѣлокрилицкаго*, митрополита всѣхъ православныхъ христіанъ, бываго епископа майкоскаго, приемшаго хиротонію отъ высокопреосвященнаго Амвросія, митрополита. 6) Архіепископа *Аркадія Славскаго и Російскаго*, приемшаго святу хиротонію отъ руки высокопреосвященнаго Амвросія митрополита, пострадавшаго за благочестіе во градѣ Суждалѣ. (Здѣсь подъ словомъ *пострадавшаго* разумѣть должно Аркадія, а не Амвросія.) 7) Епископа *Онуфрія Браиловскаго*, приемшаго святу хиротонію отъ руки высокопреосвященнаго Амвросія, митрополита всѣхъ православныхъ христіанъ. 8) Епископа *Софронія Симбирскаго*, приемшаго святу хиротонію отъ высокопреосвященнаго господина митрополита Кирилла. 9) Архіепископа *Аркадія Задунайскаго*, приемшаго святу хиротонію отъ господина Кирилла митрополита всѣхъ православныхъ христіанъ. 10) Епископа *Олимпія Тульчинскаго*, приемшаго святу хиротонію отъ руки преосвященнаго Аркадія архіепископа славскаго и російскаго и Онуфрія, епископа браиловскаго. Скончалъ животъ въ лудѣ и заточеніи во градѣ Суждалѣ. 11) Архіепископа *Антонія Владимірскаго и всея Россіи*, приемшаго святу хиротонію отъ высокопреосвященнаго митрополита Кирилла. 12) Епископа *Измачла Уральскаго*. 13) Епископа *Виталия* отъ того же святителя хиротонію приемшихъ. 14) Епископа *Кюкона Новозыбковскаго*, во градѣ Суждалѣ пострадавшаго. 15) Епископа *Аванасія Саратовскаго*. 16) Епископа *Геннадія Екатеринбургскаго*, кымъ пострадавшаго. 17) Епископа *Пафнутія Московскаго*. 18) Епископа *Варлаама Балтовскаго*. 19) Епископа *Иустина*. 20) Епископа *Иова Кавказскаго*. 21) Епископа *Пафнутія Казанскаго*. 22) Епископа *Константина Оренбургскаго*. 23) Епископа *Савватія Тобольскаго*. 24) Епископа *Сергія Тульскаго*. И инии въ епархіяхъ во Австрій, Молдавіи, Турціи же, и Египтѣ, въ Сиріи же и Палестинѣ поставлены высокопреосвященнымъ архіепископомъ бѣлокрилицкимъ и митрополитомъ всего православія.“

уже вошедшей въ предѣлы Имперіи, извѣстіе, что въ Подоліи¹, въ мѣстечкѣ Немировѣ, временно проживаетъ греческій митрополитъ Евсевій, который не прочь посвятить для старообрядцевъ епископа. Рядомъ съ Немировымъ расположены по берегу Буга старообрядческія слободы: Борская, въ которой нѣкогда проживалъ Аѳиногенъ, Курникъ, Перепелчице и другія. Онѣ находились еще подъ владычествомъ Польши. Вѣтковскіе отцы изъ монастырей Лаврентьева, Пахоміева и Макаріева писали въ Злынку къ попу Михаилу Каалмыку и Никодиму, чтобъ они вошли въ сношенія съ Евсевіемъ и уговорили его, за извѣстную плату, посвятить какого-либо старообрядца въ епископы. Никодимъ, съ свойственною ему энергіей, схватился за этотъ не жданный, не гадаемый случай. Богъ знаетъ, воротятся ли Іоасафъ съ Рафаиломъ, думаетъ онъ, а если и привезутъ они епископа, то лишній не помѣшаетъ. И начались въ стародубскихъ и вѣтковскихъ слободахъ совѣщанія, кого бы послать къ Евсевію въ Немировъ для полученія хиротоніи. Въ совѣщаніяхъ прошло не мало времени. Наконецъ избрали находившагося въ Малиновоостровскомъ монастырѣ, что неподалеку отъ Злынки² и близъ монастыря Никодимова, бѣлаго іеромонаха Іосифа и послали его въ Немировъ. Но онъ не засталъ Евсевія въ этомъ мѣстечкѣ; за десять дней до его пріѣзда митрополитъ уѣхалъ въ Грецію.

Въ 1781 году Никодимъ и попъ Михаилъ Каалмыкъ были въ Вишенкахъ, имѣніи графа Румянцева-Задунайскаго, тогда глав-

Вотъ катанъ и синодикъ Рогожекаго кладбища, найденный въ августѣ 1855. Онъ начинается такъ: „За здравіе. Помяни Господи, митрополитомъ: Амвросія, Кирилла; архіепископомъ: Аркадія, Антонія, Аркадія; епископомъ: Олуфрія, Олимпія, Софронія, Виталія; архимандритомъ: Геролтія, Леонасія, Аркадія“ и т. д. Затѣмъ слѣдуютъ имена священниковъ, инокъ и шюкль.

¹ А не на Воляни, какъ сказано у преосвященнаго Макарія, въ *Исторіи русскаго раскола*, стр. 354. Немировъ, въ Брацлавскомъ уѣздѣ Подольской губерніи.

² Малиновоостровскій Рождественскій монастырь при рѣкѣ Инугѣ, впадающей въ Сожь, находится въ Новозыбковскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, близъ самой границы Бѣлоруссіи. Церковь въ немъ освящена въ 1771 году бѣлымъ іеромонахомъ Кириемъ. Это былъ въ послѣдствіи главный монастырь всей діаконшаны, не перешедшей въ едиконшіе. Онъ уничтоженъ въ 1749 году

наго начальника Малороссіи, къ которой причислялось и Стародубье Разговаривая съ ними о старообрядствѣ, герой Кагула коснулся необходимости для церкви архіерейскаго сана и подалъ своимъ собесѣдникамъ мысль искать епископа не крадучись, а путемъ законнымъ, то-есть просить императрицу и синодъ о назначеніи особаго для нихъ архіерея и такимъ образомъ воссоединиться съ православною церковью. Никодимъ и Михаилъ сомнѣвались въ успѣхѣ, но Румянцевъ обнадежилъ ихъ, обѣщая и съ своей стороны ходатайствовать предъ государыней и синодомъ. Начались у стародубской діаконницы совѣщанія объ этомъ предложеніи Румянцева, начались частыя и дѣятельныя сношенія съ одновѣрцами, не принявшими въ 1779 году московскаго догмата о „перемазаніи“ и жившими въ Москвѣ, Торжкѣ, на Кержендѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и другихъ мѣстахъ. Въ сентябрѣ 1781 года Никодимъ писалъ уже о намѣреніи своемъ къ знавшему его лично и любившему входить съ нимъ въ богословскіе споры, всесильному князю Потемкину. Потемкинъ также, какъ и Румянцевъ, обѣщалъ старообрядцамъ свое ходатайство и, обнадеживалъ, что императрица и митрополитъ петербургскій Гавріилъ непременно согласятся дать имъ особаго епископа, для служенія по старому обряду. Въ началѣ 1782 года Никодимъ былъ въ Петербургѣ; Потемкинъ представилъ его Екатеринѣ. Она также обнадежила его, что имъ дадутъ законныхъ священниковъ и архіерея для служенія по обрядамъ до-никоновскимъ, если на этомъ условіи они согласятся воссоединиться съ православіемъ. Никодимъ, вмѣстѣ съ другими старообрядцами, былъ не разъ и у митрополита Гавріила и много говорилъ съ нимъ объ этомъ предметѣ. Наконецъ рѣшились подать просьбу о епископѣ.

По возвращеніи изъ Петербурга, въ томъ же 1782 году, Никодимъ и другіе согласные съ нимъ искали по Россіи законнаго архіерейства. Они ѣздили въ Новгородъ, въ Новый Іерусалимъ, въ Задонскъ, въ Нижній Новгородъ, приглашать къ себѣ жившихъ тамъ на покой, оставившихъ свои епархіи, русскихъ архіереевъ. Прежде всего обратились они къ епископу воронежскому Тихону, жившему съ 1767 года на покой въ Задонскомъ монастырѣ. Благочестивая, истинно христіанская жизнь этого святителя, его учительное слово, были извѣстны и старообрядцамъ. Вообще нерасположенные къ православному духовенству, особенно къ высшему, они не могли не отдавать полной справедливости святой жизни

Тихона, и теперь Никодиму и его единомысленникамъ особенно хотѣлось, чтобы во главѣ ихъ сталъ такой благочестивый святитель. Къ нему въ Задонскъ пріѣзжалъ изъ Москвы одинъ саратовскій купецъ, и говоря, что уже императрица согласна дозволить имъ имѣть особаго епископа для служенія по старому обряду, просилъ дать свое согласіе на поступленіе къ нимъ. Святитель Тихонъ не далъ прямого отвѣта, но сказалъ: „Къ чему же я приступаю? Пока, вы сами еще пусты!“

Другіе старообрядцы ѣздили изъ Москвы въ Новый Іерусалимъ, гдѣ въ то время жилъ на покоѣ бывшій крутицкій епископъ Сильвестръ, но и отъ него не получили прямого отвѣта. Нижегородскіе старообрядцы обращались къ проживавшему съ 1778 года въ тамошнемъ Печерскомъ монастырѣ, бывшему рязанскому епископу Палладію. Этотъ также не далъ рѣшительнаго отвѣта, но сказалъ: „подумаю.“ Наконецъ, изъ Торжка ѣздили старообрядцы въ Новгородъ, гдѣ въ Юрьевѣ монастырѣ жилъ Іоанникій, бывшій викарій новгородскаго митрополита, епископъ олоонецкій и кексгольмскій. Что отвѣчалъ имъ Іоанникій—не знаемъ, хотя Новоторы и увѣряли своихъ одновѣрцевъ, что онъ согласился перейти къ нимъ.¹

Не найдя такимъ образомъ русскаго епископа, который бы изъявилъ рѣшительное согласіе саужить по до-никоновскому обряду, старообрядцы подали просьбу, не поименовая архіерея, но прося прислать изъ синода, при указѣ ея императорскаго величества, какого угодно архіерея, но только родомъ Великорусса. Всѣ боялись обливательства Малоросіянъ. Вотъ этотъ пунктъ просьбы.

„3-й пунктъ. Прислать, при указѣ ея императорскаго величества, изъ святѣйшаго правительствующаго синода поставленнаго изъ великороссійской породы хорепископа², то-есть

¹ О приглашеніи Тихона и Іоанникія см. Андр. Іоаннова Журавлева *Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 362 и 363. О приглашеніи Сильвестра и Палладія сохранились преданія у нижегородскихъ и московскихъ старообрядцевъ.

² *Хорепископы*—самъ высшій іерейскаго, но низшій епископскаго, существовалъ въ древней православной церкви, но съ теченіемъ времени упалъ. Теперьшніе викарныя архіереи—нѣчто въ родѣ древнихъ хорепископовъ. Въ *Кормчей Книгѣ* есть посланіе Св. Василія Великаго къ хорепископамъ, изъ котораго видно что въ его время въ каждомъ селеніи былъ свой хорепископъ, которому было поручено нѣстное духовенство. Наказанъ съ другими впрочемъ поименно хорепископъ въ свободной Успенскій монастырь (Никодиму пустынь), что между посадами Зыбкой (городъ Новозыбковъ) и Зыбкой.

сельскаго или слободскаго, которому быть не относительно до епархіальнаго архіерея, а подлежать святѣйшему правительствующему синоду.“

Прошеніе подалъ Никодимъ въ апрѣлѣ 1783 года всесильному тогда князю Потемкину-Таврическому¹ въ слободѣ Добрянкѣ. Началось дѣло о присоединеніи старообрядцевъ къ господствующей церкви. Мы не будемъ распространяться о томъ, какъ оно шло. Это собственно не относится къ предмету настоящаго сочиненія. Скажемъ одно, что и Румянцевъ, и Потемкинъ усердно хлопотали о томъ, чтобы сдѣлано было все согласно данному ими обѣщанію... Но обстоятельства измѣнились.

Никодимъ въ маѣ 1784 года умеръ. Дѣло затянулось. Затѣмъ одинъ за другимъ умерли и Потемкинъ, и Румянцевъ. Скончалась и Екатерина. Митрополитъ Гавріилъ былъ въ немилости у Павла I — дѣло передали учителю этого императора, московскому митрополиту Платону. Оно продолжалось, но объ особенномъ архіереѣ для старообрядцевъ, о просимомъ ими хореепископѣ, не было и рѣчи. Составлены были Платономъ и въ октябрѣ 1800 года утверждены Павломъ I „правила единовѣрія“. Они не удовлетворили ожиданіямъ старообрядцевъ. О хореепископѣ пройдено молчаніемъ и, сверхъ того, Платонъ не согласился простать бѣглыхъ поповъ, бывшихъ у старообрядцевъ. „Прежнихъ ихъ поповъ, яко бѣглецовъ и предателей сана своего, къ таковой (единовѣрческой) церкви не допускать“, написалъ онъ на второй пунктъ просьбы старообрядцевъ, желавшихъ оставить у себя бывшихъ у нихъ священниковъ, къ которымъ они привыкли, которыми они вручили свою совѣсть. Такимъ образомъ мѣра, инициатива которой принадлежитъ Румянцеву-Задунайскому, не состоялась вполнѣ, и потому не были удовлетворены ожиданія ни той, ни другой стороны. Успѣхи единовѣрія были слабы. Поповщина діаконскаго согласія, отвергнувшіе постановленіе московскаго перемазанскаго собора 1779 года, теперь отдалились отъ церкви болѣе, перейдя почти всѣ въ согласіе „перемазанцевъ“, иначе называвшееся „вѣтковскимъ“, „иргизскимъ“, „рогожскимъ“. Діаконщина, бывшая столь близкою къ господствующей церкви, пала. Слабые остатки ея удержались въ Малиновоостровскомъ монастырѣ, который бѣднѣлъ съ каждымъ годомъ, въ Орлѣ, и немного

¹ Прошеніе это напечатано въ *Чтеніяхъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей*, 1859 г. № 4.

въ Оленевскомъ скитѣ, на Керженцѣ. ¹ Появилось много полемическихъ сочиненій, направленныхъ противъ единовѣрческой церкви. Изъ нихъ особенно замѣчательны были: Андреяна Сергѣева—*Два отвѣта петропольскимъ уніатамъ на ихъ вопросы о причинѣ, не позволяющей съ ними быть во единой вѣрѣ и богослуженіи*, Гаврилы Скочкова—*Критическое показаніе въ стихахъ и прозѣ о бытіи въ Россіи трехъ церквей: никоновой, уніатской и старообрядческой или поповщины*; Павла Онуфріева Любопытнаго—*Отвѣтъ петропольскимъ уніатамъ о несовмѣстности соединенія съ ними въ вѣрѣ Христовой церкви*. Явились даже сатиры въ стихахъ, писанныя старообрядцами. Единовѣрцы не отвѣчали.

Исканіе старообрядцами архіерейства прекратилось. Черезъ тридцать лѣтъ оно возникло снова, но поведено было уже совершенно иначе. ²

П. МЕЛЬНИКОВЪ.

¹ Въ 1848 г. въ этомъ скитѣ было только 12 человекъ диаконовъ.

² Андрей Ивановичъ Журавлевъ въ *Историческомъ извѣстіи о раскольникахъ*, стр. 362, 363, говоритъ: „Жившіе за границею по сю сторону рѣки Днѣпра старообрядцы отправили отъ себя къ крымскому митрополиту, чтобы поставилъ имъ епископа, но онъ, безъ благословенія константинопольскаго патріарха не хотѣлъ того сдѣлать, а произвелъ имъ только игумена Іоанна, попа Θεодота, да одного дьякона.“ О. Журавлевъ не упоминаетъ когда это было, но полагать надобно до 1768 года. Въ 1772 г. уже не было больше старообрядцевъ „за границею по сю (по лѣвую) сторону Днѣпра“. По первому раздѣлу Польши весь Днѣпръ принадлежалъ Россіи. А между 1768 и 1772 годами вѣтковскіе старообрядцы (рѣчь идетъ, безъ сомнѣнія, о нихъ) не могли пробраться въ Крымъ, по той причинѣ, что русскими войсками дорога была отрѣзана. Но въ 1768 году вѣтковскія слободы едва ли еще возникли послѣ раззоренія 1764 года. Въ нашихъ источникахъ нѣтъ ничего объ этой посѣлкѣ вѣтководцевъ въ Крымъ, но думаемъ, что извѣстіе о Журавлева относится еще ко временамъ царствованія Елизаветы, по всей вѣроятности, къ періоду времени между 1758 и 1762 г. *Аст.*

По впечатанію всѣхъ листовъ этой статьи, кромѣ посѣдлага, получены отъ автора слѣдующія примѣчанія, которыя не могли уже быть помѣщены гдѣ слѣдовало: 1) Въ статьѣ часто упоминается селеніе Вѣтрякка; селеніе это находится на Днѣстрѣ, близъ Грубыи и Кулишовчи. На картѣ приложенной къ № 5 *Русск. Вѣстн.* мѣсто Вѣтрякка значено, но по недосмотру не подписано. 2) Разказъ объ отношеніяхъ Авдѣи къ московской барынкѣ, въ посѣдствіи старообрядческой игуменьи Елизаветы (стр. 451 и 452), заимствованъ у Іоанн Курносаго. *Ред*

ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. МЕЛЬНИКОВА:
„СТАРООБРЯДЧЕСКІЕ АРХІЕРЕИ“.

Г. Мельниковъ говоритъ: „Есть преданіе будто бы Нижегородскій митрополитъ Исаія (1699—1707), человекъ престарѣлый и набожный, приверженъ былъ къ старымъ обрядамъ и потворствовалъ раскольникамъ, что раскольники питали надежду на его согласіе перейти къ нимъ. Но это преданіе требуетъ подтвержденія, тѣмъ болѣе что оно, кажется, не отличается древностію, а сложилось въ позднѣйшее время.“¹
„Дѣло о ссорѣ митрополита Исаіи съ Иваномъ Алексѣевымъ Мусинымъ-Пушкинымъ и о ссылкѣ его въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь еще не извлечено изъ архивовъ. Оно должно разъяснить, вѣрно ли приведенное арх. Макаріемъ преданіе.“²

Дѣло о ссорѣ митрополита Исаіи съ Мусинымъ-Пушкинымъ извлечено нами изъ архивовъ, и мы считаемъ своею обязанностию поспѣшить разъясненіемъ вопроса, поставленнаго г. Мельниковымъ. Дѣло состоитъ изъ двухъ донесеній: 1) Поручика Тютчева и 2) дьяка Нестерова.

1) 1707 года, мая 9, драгунскаго полка поручикъ Василій Леонасьевъ сынъ Тютчевъ при разпросѣ сказалъ: 707 года, въ февралѣ мѣсяцѣ, изъ монастырскаго приказа посыланъ онъ былъ въ Нижній-Новгородъ для розыску про нижегородскаго Исаіи митрополита. И онъ митрополитъ, выслушавъ его слова, на него кричалъ и говорилъ ему такіа слова: „Ты овца, вамъ ли овцамъ про насъ, пастырей, розыскивать. Бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусианъ-Пушкинъ попалъ на церкви Божіи, вотчины наши вѣдаетъ, а вынѣ у насъ и данныя, и вѣчныя деньги отнимаетъ, и если тѣ

¹ Русскій Вѣстникъ № 4, стр. 629.

² Тамъ же, въ примѣчаніи.

сборы у меня отнимутъ, и я своей епархіи всё церкви заворю и архіерейство покину. Какое мое архіерейство, что мое у меня отнимаютъ? Какъ хотять цѣлы архіереи, а я за свое умру, а не отдамъ, а ты по наказу своему розыскивай правдою. И такъ вы пропадаете, что черви Шведы васъ побиваютъ, а все за ваши слезы, а за ваши неправды, да и впредь, буде не отстанете отъ неправдъ, Шведы васъ побьютъ.“

2) Преображенскаго приказа дьякъ Нестеровъ былъ посланъ къ архіерею для допроса, и архіерей сказалъ: „Какъ прѣзжалъ въ Нижній-Новгородъ боярина Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина свойственникъ Василій Тютчевъ, и въ то время будучи въ мірскомъ домѣ о своей присылкѣ ему сказывалъ, и онъ, Исаія митрополитъ, къ тѣмъ его словамъ, ему Василью, говорилъ разговоромъ, а не крикомъ: Ты овца, вамъ ли овцамъ про насъ пастырей розыскивать? говорилъ къ тому правила Св. Апостолъ и Св. Отецъ и изложеніе вселенскихъ патріарховъ. И бояринъ Иванъ Алексѣевичъ сыскивать объ немъ прислалъ свойственника своего нападкою на него митрополита, мстя недружбу, и напалъ онъ бояринъ не на него митрополита, на церковь Божию, потому: по исконнымъ великихъ государей указамъ опредѣлены на всякія нужды, безъ которыхъ въ церкви пробыть не мочно, безъ вина церковнаго, безъ просвиръ, и воску, и ладону, и масла, и иныхъ вещей, сборы съ церковей, данныя и вѣчныя деньги отымають, и если тѣ сборы отяты-будуть, соборныя церкви его дому безъ вышеписанныхъ нуждъ онъ затворить, и архіерейскому дому правитья будетъ не чѣмъ, и архіерейству быть не у чего, и за неволю архіерейство будетъ покинуто, какое архіерейство что данное въ домъ отымаютъ? Безъ именнаго государева указа онъ Исаія митрополитъ того обору вѣчныхъ и съ церковей данныхъ денегъ не отдасть. Такъ и о томъ, чтобъ по наказу розыскивалъ онъ правдою и помнилъ бы видимое лежащее на нихъ за преумноженіе грѣхъ ихъ и неправдъ посѣщеніе, что Шведы стоятъ толское продолжительное время противно.“

С. СОЛОВЬЕВЪ.

ПОЛЯКИ

НА ЗАДНЬПРОВСКОЙ УКРАИНѢ

ВЪ ХVІІІ ВѢКѢ

I.

Ровно черезъ десять лѣтъ послѣ смерти знаменитаго малороссійскаго гетмана, Богдана Хмельницкаго, именно въ 1667 году, заключенъ былъ Андрусовскій договоръ. Этотъ договоръ полагалъ конецъ долговременной борьбѣ двухъ государствъ — Россіи и Польши; имъ рѣшался также и роковой вопросъ о южной Руси. Казаки и Украина восточной стороны Днѣпра остаются во власти царя. Алексѣй Михайловичъ обѣщаетъ не вмѣшиваться въ дѣла западной Украины и тамошнихъ казаковъ; увольняетъ ихъ отъ данной ему присяги, и признаетъ надъ ними владычество польскаго короля и Рѣчи Посполитої. Днѣпръ былъ назначенъ границею обоихъ государствъ ¹.

Вѣсть о заключеніи Андрусовскаго договора произвела на Украинѣ тяжелое впечатлѣніе. Народъ заволновался; его ужаснула та мысль, что ему придется опять попасть въ руки Поляковъ, что опять повторятся бѣдствія польскаго господства. Народъ не могъ примириться съ этимъ уже потому, что недавно, такъ сказать на его глазахъ, совершилось дѣло Хмельницкаго и погромъ польскаго господства. На судьбу Украины

¹ *Исторія Малороссіи* Маркевича, II т., стр. 140.

смотрѣли съ отчаяніемъ. Содержанія договора народъ не зналъ, но догадывался, что Украина отдается Полякамъ, что ея будущность рѣшена. „Горе, если поработятъ ее Ляхи“, писалъ епископъ Меодій гетману Брюховецкому. Но въ Москвѣ торопились подписать договоръ, а на просьбу Брюховецкаго о разъясненіи статей договора, Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ: „о войнѣ и мирѣ не хлопотати, и о трактатѣхъ съ Польшою не стужати намъ; у нихъ все написано, что ладно“.¹

Когда Андрусовскій договоръ сдѣлался извѣстнымъ, народное волненіе охватило всю Украину. Первый актъ этого волненія ознаменовался жестокимъ междоусобіемъ казачества. Затѣмъ надвинулись тучи и извѣстїи. Турки, Поляки и московское правительство предъявили притязанія на Украину и рѣшились поддерживать ихъ силою. Много лѣтъ разыгрывалась кровавая драма и кончилась тѣмъ, что изнуренный народъ долженъ былъ покориться тяжкимъ обстоятельствамъ, и облитое кровью Заднѣпровье надолго отошло къ Польшѣ и сдѣлалось опять польскою областью.

Въ началѣ XVIII вѣка положеніе заднѣпровской Украины было самое печальное. Эта роскошная, надѣленная дарами природы, страна была почти пустыней. Развалины, пожарища, опустѣлыя села, вотъ картина Заднѣпровья въ началѣ XVIII столѣтія. Въ иныхъ мѣстахъ красовались только развалины да могилы, гдѣ улеглись казацкія и польскія кости, и совсѣмъ не видно было человѣка. Злая доля заставила многихъ покинуть родину и искать себѣ пристанища въ другомъ мѣстѣ. Послушаемъ что говоритъ объ этомъ запустѣніи лѣтописецъ Величко, проходившій въ 1705 году съ малороссійскими казаками отъ Корсуня и Бѣлой Церкви: „Проходя тогобочную, уже отъ Корсуня, Бѣлой церкви малороссійскую Украину, потомъ на Волинь, въ княженіе Русское жь до Львова, Замостья, Бродовъ, и даље странствуя, видѣхъ многіе грады и замки безлюдны и пустыя валы негдысь трудами людскими, аки горы и холмы высыпанные и только звѣриемъ дикимъ прибѣжищемъ и водвореніемъ сущіи.... видѣхъ едни малолюдніе, другіе весьма пустіе, разваленіе, къ земаѣ прилипнувшіе, сплеснялые, непотребнымъ быліемъ зарослые, и тилько

¹ *Исторія Малороссіи Маркевича, II т., стр. 158—159.*

гнѣздящихся въ себѣ змїевъ и разныхъ гадовъ и червей содержи- щіе. Поглянувши накі, видѣхъ пространныя тогобочныя украино-малороссійскія поля и розлеглыя долины, дѣса и обширныя садове, и красныя дубравы, рѣки, ставы, озера запустѣлыя, мхомъ, тростїемъ и непотребною аядиною зарослыя. Видѣхъ же къ тому на разныхъ мѣстахъ многокостей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ, тилько небо покровъ себѣ имущихъ, и рекохъ въ умѣ: *кто сія суть?* Тѣхъ всѣхъ еже рѣхъ, пустихъ и мертвихъ насмотрѣшася, поболѣхъ сердцемъ и душею, яко красная и всякими благами прежде изобиловавшая земля и отчизна наша Украина-Малороссійская, въ область пустынь Богомъ оставлена, и насельницы ея, славныя предки наши, безвѣстны явшеся.“¹

Причины такого запустѣнія задніпровской Украины, причины заставившія Украинца покидать свою дорогую „батьківщину“, заключались въ самомъ положеніи задніпровской страны, гдѣ непосредственно сталкивались между собою двѣ враждебныя народности — русская и польская. Въ продолжительную эпоху казацкихъ войнъ, кровавая борьба народностей разыгрывалась преимущественно на задніпровской Украинѣ. Здѣсь, въ этой странѣ, утучнялись поля кровью польскою и русскою, мѣрялись силами два народа, происходила жестокая схватка, полная непримиримой мести, безпощадная, губительная. На Задніпровь же, какъ странѣ прилегающей къ границамъ Польши, наиболѣе свирѣпствовала и польско-католическая пропаганда. Естественно, что на этой странѣ, служившей главнымъ театромъ казацкихъ войнъ, должны были болѣе чѣмъ гдѣ-либо оказаться результаты кровавой борьбы съ Поляками и польскаго наплыва. Эти результаты выразились главнымъ образомъ въ уменьшеніи народонаселенія. Во время борьбы много легко казачества на поляхъ битвъ, много погибло въ городахъ и замкахъ, взятыхъ не щадившими ничега Поляками. Гибли также и поселяне призванныя на защиту вѣры и народности; гибли они отъ Поляковъ—за возстаніе, а случалось, что гибли и отъ своихъ же братій казаковъ, мстившихъ тѣмъ кто оставался на сторонѣ Поляковъ, или же бездѣйствовалъ въ эпоху всеобщаго возстанія Украины. Въ тѣ времена всякое непріятельское войско, проходя по странѣ, оставляло за собою на далекое пространство

¹ *Лѣтопись Самойла Величкі, т. I, стр. 4—5.*

пепелища, развалины, страшныя слѣды грабежа; жители должны были убѣгать въ лѣса, въ неприступныя мѣста, и тамъ искать себѣ спасенія отъ не уважавшаго никакихъ человѣческихъ правъ войска; а Поляки могли ли щадить Украину? Уже при Хмельницкомъ видны были печальныя слѣды кровавой эпохи казацкихъ войнъ. Каждое новое нашествіе врага сопровождалось новымъ страшнымъ опустошеніемъ. Такъ Чарнецкій, при Янѣ Казимірѣ, превратилъ въ пустыню Чигиринское староство. Черезъ нѣсколько лѣтъ прошаи по заднѣпровскому краю Турки и оставили за собой на нѣскольکو сотъ верстъ пустыню. Юрій Хмельницкій, добывая себѣ гетманство, прошелъ какъ черная смерть съ своими Татарами и довершилъ опустошеніе. Но кромѣ того, заднѣпровская Украина пустѣла отъ переселенія жителей въ другія мѣста. Переселенія эти совершались то небольшими партіями, то „громадами“ казаковъ и поселянъ. Уже въ началѣ XVII вѣка мы видимъ большія слободы по берегамъ Ворсклы, въ Полтавщинѣ и Ахтырщинѣ. Во время Хмельничины переселенія усилились. Послѣ Берестечкаго пораженія, тысяча казаковъ Острогожскаго полка, подъ начальствомъ полковника Дзинковскаго, ожидая нашествія Поляковъ, убѣжали за границу и поселились на берегу Тихой Сосны, гдѣ основали городъ Острогожскъ. Вслѣдъ за ними устремились Поддѣстряе и Бужане; складывали на возы имущество, сожигали свои хаты и гумна, чтобы не достались остатки ихъ *худобы* врагамъ, и отправлялись цѣлыми селеніями искать другой Украины. Поляки заступали имъ дорогу; но Украинцы выѣзжали съ оружіемъ, съ пушками, и пробивали себѣ дорогу изъ стараго раззореннаго отечества, чтобы кровью купить себѣ новое. Такъ, на пространствѣ отъ Путивля до Острогожска, появились слободы, послужившія основаніемъ богатымъ городамъ, селамъ и мѣстечкамъ; такъ явились: Сумы, Лебединъ, Ахтырка, Бѣлополье, Короча и пр. Иныя подвигались къ югу, въ глубину степи, по рѣкамъ Дону, Харькову, Коломаку. Въ числѣ основанныхъ слободъ былъ и нынѣшній Харьковъ. Эти поселенія получили названіе Слободской Украины, то-есть свободной, въ отлчіе отъ старой Украины, гдѣ народъ стоналъ отъ ига Поляковъ ¹. Уже при

¹ Боеданъ Хмельницкій Костомарова т. II, стр. 268. *Краткое описаніе о казацкомъ малороссійскомъ народѣ*, стр. 66.

Хмельницкомъ было опасеніе, что задніпровская Украина можетъ совершенно запустѣть, вслѣдствіе чего Хмельницкій издалъ универсалъ, которымъ запрещалось переходить на слободы ¹. Но несмотря на какіе гетманскіе универсалы, угрожавшіе казнью ослушникамъ убѣгавшимъ на слободы, выселенія продолжались. Казаки поселяне бросали свою разоренную, облутую кровью, родину, и шли искать себѣ новую. Андрусовскій договоръ еще болѣе содѣйствовалъ запустѣнію Задніпровья. Въ договоръ былъ включено условіе, дававшее каждому право переходить на лѣвый берегъ Днѣпра; кромѣ того, признано было средствомъ къ сохраненію мира между Московскимъ государствомъ и Польшей, чтобы вдоль ихъ границъ лежала безлюдная полоса въ нѣсколько миль шириною. Въ образовавшуюся, подъ протекціей московскаго царя, „гетманщину“ устремились всѣ, кому дорога была жизнь и свобода отъ польскаго посягательства. На лѣвый берегъ стали переходить вооруженные казакскіе полки, а за ними пошли всѣ недовольные польскимъ правительствомъ, не ждавшіе отъ него ничего хорошаго. Такъ въ 1675 году гетманъ Самофловичъ и князь Ромадановскій перевели въ восточную Украину весь Корсунскій полкъ. (Оставленный городъ Корсунъ былъ сожженъ Поляками) ². Въ началѣ XVIII вѣка, эмиграція совершалась даже насильственнымъ путемъ и особенно усилилась отъ 1710 до 1712 года. Въ 1712 году Петръ I приказалъ гетману Скоропадскому обнародовать универсалъ къ жителямъ Немирова, Брацлава, Умани, Чигирина, Канева, Богуслава, Бѣлод-Церкви и Хвастова съ повелѣніемъ немедленно переселяться въ города восточной Украины. ³ Въ томъ же году генералъ Ренъ по повелѣнію Петра выводилъ Задніпрять ⁴ въ восточную Украину. Такъ продолжались выселенія до 1715 года ⁵.

Какъ бы то ни было, задніпровская Украина въ началѣ XVIII вѣка была почти пустыней. Нѣкоторыя мѣстности

¹ Боеданъ Хмельницкій Костомарова, т. II, стр. 276.

² Краткое опис. о каз. малор. народѣ стр. 101.

³ Ист. Малороссіи Маркевича, т. II стр. 540. Краткое опис. о казац. малор. народѣ 139.

⁴ Южно-русскія лѣтописи, собр. Н. Бѣлозерскаго, стр. 91.

⁵ Исторія Руссовъ Коллескаго стр. 223.

почти обезлюдѣли, въ другихъ народонаселеніе было самое ничтожное; но дорога отъ Корсуя на Бѣлую Церковь представляла пустыню въ полномъ смыслѣ слова.

Съ давнихъ временъ были на Украинѣ огромныя магнатства, староства, образовавшіяся то путемъ насилія, то путемъ самовольнаго занятія земель. Въ эпоху польскаго господства, магнаты и шляхта всегда относились къ своимъ помѣстьямъ, какъ къ полной неотъемлемой собственности, что было поддерживаемо законами Рѣчи Посполитой; но русскій народъ Украинны, на землѣ котораго уложилась право Ляха, нисколько не думалъ признавать ни этого права, ни законовъ его поддерживавшихъ, и всегда стремился уничтожить это право, какъ посягающее на его собственность. Это стремленіе народъ заявлялъ во все время своей борьбы съ Поляками. Всякій разъ когда торжествовалъ народъ, уничтожалось и значеніе польской собственности на украинскія земли, и устанавливалось народное право. Но когда перевѣсъ борьбы оставался за Поляками, опять являлись магнаты и шляхта, съ своими притязаніями на народную собственность, и съ требованіемъ отъ народа повиновенія этимъ притязаніямъ. Когда на заднѣпровской Украинѣ окончательно установилось польское владычество на основаніи трактата 1704 г., подтверждавшаго Андрусовскій договоръ, первымъ приемомъ польскаго господства на заднѣпровской Украинѣ, было обращеніе въ собственность магнатовъ и шляхты народнаго имущества, земель и вообще всей страны. Большинство населенія вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, о которыхъ сказано выше, ушло въ восточную Украину, обезсмысленное Заднѣпровье вполнѣ подчинилось произволу Поляковъ, а потому легко установился и взглядъ ихъ на Украину какъ на свою собственность и самое право собственности.

Въ заднѣпровскомъ краѣ было много крѣпостей построенныхъ въ разное время казаками, которые, до послѣдняго времени, и были исключительными ихъ хозяевами. По трактату 1704 года, крѣпости эти отдавались Полякамъ, съ пушками и другими крѣпостными принадлежностями. Казаки должны были выйти изъ нихъ ¹. Затѣмъ, на сеймѣ, собранномъ

¹ Volumina leg. VI f. 169.

немедленно по заключеніи этого трактата, былъ предложенъ вопросъ о раздѣлѣ всей Украины между Поляками, и казачья „батькищина“ была подѣлена между польскими магнатами. Одному Потоцкому досталась вся земля отъ Днѣпра до Днѣстра. ¹ Всѣ оставшіеся на Задніпрѣ казаки и подолиты очутились въ положеніи крѣпостныхъ людей ².

Когда задніпровскіе полки оставали свою родину, когда крѣпости, изъ которыхъ вышли казаки, были уже въ рукахъ Поляковъ, новые, не призванные страной владѣльцы явились хозяйничать въ ней, съ толпами урядниковъ и жолнеровъ. ³ Задніпровская Украина отходила къ Польшѣ, какъ мы уже видѣли, съ населеніемъ весьма незначительнымъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его вовсе не было, такъ что польское господство устанавливалось, почти надъ безлюдною страной. Но было бы неестественно, чтобъ эта богатая страна навсегда осталась въ такомъ запустѣніи и чтобы прежніе коренные обитатели ея навсегда покинули свою родину, дорогую *батькищину*. Рано или поздно Задніпровье должно было опять заселиться.

Съ первой четверти XVIII вѣка, уже началось это заселеніе задніпровскаго края. Когда на Украинѣ перестала свирѣпствовать война, и начали мало-по-малу изглаживаться изъ памяти ея ужасы, когда зазеленѣли пепелища, начали возвращаться на родину и бѣжавшіе изъ нея обитатели. Сначала явились тѣ Украинцы, которые не были отдѣлены отъ родины Днѣпромъ; потомъ стали возвращаться на дорогу для сердца родину и изъ другихъ мѣстъ. Съ другой стороны явились различные комиссары, губернаторы, лѣсничіе, экононы посланные отъ магнатовъ, сперва для занятія земель, а потомъ для ихъ заселенія, что не представляло особыхъ затрудненій при условіяхъ тогдашняго положенія страны. Въ эпоху польско-казачьихъ войнъ, нѣкоторые дворяне, Русскіе по происхожденію, но ополячившіеся и измѣнившіе своей народности, бѣжали въ глубину Польши и преимущественно на Полѣсье. Услыхавъ, что на Задніпрѣ опять собирается

¹ *Исторія Малороссіи* Маркевича т. II стр. 665.

² *Исторія Руссовъ* Коляскаго, стр. 223.

³ Тамъ же, стр. 223. *Исторія Малор.* Маркевича, II т. стр. 655.

родъ, и что тамъ явились магнатства, староства, и установились польскіе порядки, они рѣшились возвратиться на родину, чтобы пановать надъ нею вмѣстѣ съ Ляхами. Возвращались эти ренегаты на покинутую ими родину вмѣстѣ съ своими подданными, которые состояли какъ изъ украинскихъ поселенъ переведенныхъ изъ Полясье, такъ и изъ Поляшуконъ, и начали селиться на днѣпровскомъ побережьи. Въ верхней Украинѣ появилось такимъ образомъ много различныхъ владѣльцевъ, и каждый самъ устанавливалъ свое право на земли и маестности; но южная и восточная часть западной Украины состояли изъ однихъ староствъ и владѣній магнатскихъ. Въ этихъ огромныхъ владѣніяхъ, гдѣ сами магнаты не жили заселеніемъ земель и устройствомъ имѣній занимались ихъ урядники и уполномоченные¹. Лучшимъ средствомъ къ заселенію пустыхъ земель была признана раздача шляхтѣ правъ на „заложеніе осадъ“². Получать эти права всегда было много охотниковъ—то изъ управителей тѣхъ же имѣній, то изъ арендаторовъ небольшихъ частей ихъ, то изъ разной шляхты, которую призывали въ Украину изъ Польши, то изъ военныхъ людей отряда постоянно квартировавшаго на этомъ пограничьи и потому называвшагося *украинскою партией*. Военные люди привыкшіе къ здѣшнему краю и не желавшіе возвращаться въ родныя мѣста, пользуясь свободой заниматься, внѣ служебныхъ обязанностей, чѣмъ угодно, основывали обыкновенно дома и заводили хозяйство не вдалекѣ отъ становищъ своихъ хоругвей. Основатели новыхъ поселеній обязаны были стараться о привлеченіи къ себѣ людей, и потому каждое поселеніе возникало не иначе какъ на правахъ *слободы*, то есть при увольненіи отъ всѣхъ повинностей и налоговъ на извѣстное число лѣтъ. Обыкновенно осадчіе кликали кличъ въ разныхъ сборныхъ пунктахъ—на ярмаркахъ, на переправахъ, на церковныхъ и монастырскихъ праздникахъ—и переманивали къ себѣ народъ разными обѣщаніями. Разумѣется, на этотъ зовъ откликались большею частію бѣдняки, голода, которымъ не повезло въ жизни и которые желали перемѣнить ея обстановку³.

Изъ восточной Украины также начали уходить за Днѣпръ.

¹ *Записки о Южной Руси* Кулиша, т. I, стр. 84.

² *Osadzić*—заселить.

³ *Записки о Южной Руси* Кулиша, т. I, стр. 85.

и селиться на пустыхъ земляхъ. Въ восточной Украинѣ, въ это время, было не мало тягостей побуждавшихъ народъ къ выселенію: стремленіе къ введенію крѣпостнаго права, злоупотребленія народныхъ представителей, тяжесть военнаго постоя, поборы, тяжесть казацкой службы и работъ по устройству крѣпостей, линій, рытью каналовъ и другія болѣе или менѣе тяжкія обстоятельства;—все это повело къ тому, что въ восточной Украинѣ „посполитыхъ людей знатно умалилось, съ якихъ многіе отошли на тую сторону Днѣпра“, какъ говорилъ гетманъ Апостоль въ своихъ просительныхъ статьяхъ¹. Такъ, подѣ влияніемъ несчастныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ жизнь восточной Украины, жители ея стали уходить на Задніпровье, въ чаяніи лучшей доли. Выходъ этотъ не представлялъ большихъ препятствій, по отсутствію всякаго пограничнаго надзора на лѣвомъ берегу Днѣпра.

II.

Андрусовскій договоръ, раздѣливъ Украину на двѣ половины и отдавъ одну изъ нихъ въ руки Польши, представлялъ мало гарантій для безопасности народа отъ польскаго насилія. Правда, Россія выговорила себѣ право защищать своихъ единовѣрцевъ² но это право не было обставлено такими условіями, которыя давали бы этой защитѣ дѣйствительное значеніе. Во всякомъ случаѣ народъ, оставшійся подѣ властью Польши, не могъ ждать для себя ничего утѣшительнаго. Польское общество не могло простить народу его прежнія отношенія къ нему, не могло забыть борьбы народа съ польско-католическимъ міромъ. Къ этому враждебному чувству Поляковъ присоединилась еще и іезуитская пропаганда, жадно ухватившаяся за фактъ новаго положенія народа, чтобы вымѣстить на немъ свою злобу за прежнія неудачи и помѣряться силами съ упорствомъ иновѣрнаго народа. На сторонѣ Поляковъ было много шансовъ и удовлетворить чувству мести и довести до желаннаго результата дѣло, прерванное обстоятельствами послѣдняго, бурнаго времени. Все это тѣмъ болѣе

¹ *Ист. Малор.* Маркевича, III т., 344 стр.

² *Исторія объ уни.*, Баятышъ-Камеискаго, стр. 131—133, 141—143.

казалось возможнымъ, что народъ, повидимому, не имѣлъ уже на столько крѣпости и силъ, чтобъ энергически противостоять польско-католическимъ порядкамъ. Лучшія силы народа остались на другой сторонѣ Днѣпра; лучшіе представители защитниковъ православія перешли въ Россію ¹.

Кромѣ заднѣпровской Украйны подъ польскимъ господствомъ были и Бѣлоруссія и Галиція. Всѣ онѣ представляли массу православнаго народа, на которую и были обращены всѣ силы польско-католическаго міра, силившагося убить и русскую народность, и православіе. Украинское населеніе имѣло достаточно крѣпкіе задатки духовной силы, чтобы мужественно встрѣтить наплывъ шляхетско-католическаго элемента. Прощедшая исторія научила народъ не бояться этого наплыва, который можетъ только сдѣлать зло, но не въ силахъ убить народность и подкопать ея основы. Но у Литовско-Русскаго народа не было на столько крѣпости и внутренней духовной силы, чтобъ устоять непоколебимо. При сильномъ напорѣ польско-католическаго элемента Литовско-Русскій народъ скоро заявилъ колебаніе, шаткость, податливость и пассивную покорность обстоятельствамъ. Польско-католическая пропаганда успѣла воспользоваться этимъ и повела свое дѣло довольно успѣшно. Мы въ короткихъ словахъ разкажемъ событія сопровождавшія это печальное торжество пропаганды на Литовско-Русской почвѣ и потомъ перейдемъ къ борьбѣ русской и польской народностей на Украинѣ, освѣтившейся въ 1768 году широкимъ заревомъ коливщины.

Средоточіе іерархическаго управленія Юго-Западной Россіи—Кіевъ отошелъ къ Россіи. Кіевскій митрополитъ потерялъ свое прежнее значеніе для народа, надъ которымъ окончательно утвердилось господство Польши. Для православныхъ въ Польшѣ остались епархіи: Луцкая, Галицкая, Перемышльская, Львовская и Бѣлорусская ². Положеніе православнаго духовенства, и общее состояніе умовъ, не подавали хорошихъ надеждъ. Еще прежде, за нѣсколько времени назадъ, іерархія не имѣла уже единодушія: она представляла безпорядочность, колебаніе; образовались двѣ партіи: одна тянула къ Москвѣ, другая стояла за прежнее подчиненіе константинопольскому патриарху. Съ той и другой стороны были выставляемы кандидаты

¹ *Литовская церковная унія*, Кояловича, II т., 227.

² *Исторія объ уніи*, Бялыньш-Камельскаго, стр. 142—143.

на митрополичьи кафедры, и слѣдствіемъ этого было то, что часть іерархіи, желавшая имѣть для Литвы своего независимаго митрополита, стала примыкать къ Польшѣ, а затѣмъ и къ униі¹.

Еще въ семидесятыхъ годахъ XVII столѣтія львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій и кандидатъ на перемышльское епископство Винницкій тайно снеслись съ польскимъ правительствомъ, свѣтскимъ и духовнымъ, и изъявили готовность принять унию. Дѣло религіи, на самомъ дѣлѣ, оставалось при этомъ на второмъ планѣ; названными лицами руководило болѣе безразвѣтное стремленіе, именно: достиженіе, чрезъ принятіе униі, матеріальныхъ выгодъ².

Тогда-то былъ составленъ широкій планъ распространенія униі, для приведенія котораго въ исполненіе Поляки не скупились на энергію; дѣло было принято саашкомъ горячо къ сердцу.

Въ 1679 году, къ изумленію православныхъ, появился королевскій универсалъ, которымъ король, для избѣжанія раздоровъ, приглашалъ православныхъ, униатовъ и латинянъ въ Люблинъ для совѣщаній о вѣрѣ. Къ назначенному дню униатскіе монахи приготовили много диссертаций. Но Луцкое православное братство вмѣшалось въ это дѣло, обратилось къ польскому королю Яну Собѣскому, и при помощи разныхъ средствъ, даже подкупа, добилось такого рѣшенія: православные, безъ сношенія съ константинопольскімъ патриархомъ, не могутъ приступить къ совѣщанію. Обстоятельства такъ сложились, что два епископа, Шумлянскій и Винницкій, должны были уже скрывать то, что они приняли унию³.

По отпаденіи Кіева отъ Польши, митрополитъ кіевскій, Гедеонъ Четвертинскій, рѣшился положить конецъ двусмысленному положенію кіевской митрополіи. Онъ сблизился съ гетманомъ Самойловичемъ, и будучи избранъ на митрополичій престолъ, призналъ надъ собою власть московскаго патриарха. Слѣдствіемъ этого было то, что средоточіе юго-западной церкви было совершенно оторвано отъ областей ея, остававшихся подъ властью Польши.

¹ *Истор. литовск. церк. униі, Коляловича, II т. стр. 228.*

² *Тамъ же, стр. 230.*

³ *Тамъ же, стр. 232.*

Тогда, въ этихъ областяхъ, то что прежде ограничивалось несмѣлыми попытками выступило открыто, и со стороны высшей іерархіи стало явно высказываться стремленіе къ униі. Шумяскій, принявшій унию не гласно, теперь окончатель-но сталъ за нее и началъ тянуть за собою и свою паству¹.

Примѣру епископовъ Шумянскаго и Винницкаго послѣдовалъ епископъ Луцкій, но былъ схваченъ и заточенъ въ Россію. Начались страшныя гоненія на православныхъ отъ Поляковъ, латинства и униатовъ. Стали насильно отнимать церкви и монастыри и обращать ихъ въ униатскіе. Православное духовенство подвергалось всевозможнымъ поруганіямъ и оскорбленіямъ. Во время церковнаго служенія униаты вторгались въ церкви, срывали съ священниковъ церковныя одежды и выгоняли ихъ вонъ². Въ дѣлѣ преслѣдованія наиболѣе усердія показывали новообращенные въ унию епископы. Шумяскій развѣзжалъ по приходамъ и жестоко расправлялся съ священниками³. Епископъ перемышльскій Винницкій, получивъ отъ короля дозволеніе судить жителей мѣстечка Савкова, не допускавшихъ обращенія своихъ церквей въ униатскія, постановилъ въ трибуналѣ такой варварскій приговоръ: „чтобы на будущее время они не сопротивлялись униі, казнить смертью.“⁴

Униа пошла впередъ быстрыми шагами. Погибли Львовское и Луцкое церковныя братства, оказавшія столько заслугъ и перенесшія столько гоненій отъ латинства и униатства. Первое приняло въ 1708 г. унию, второе исчезло безслѣдно⁵. Всѣ Литовско-Русскія области и Галиція испытали на себѣ удары униі, а православные были такъ подавлены, что сами по себѣ, безъ посторонней помощи, не могли составить серьезную оппозицію пропагандѣ. Къ началу XVIII вѣка униа повидимому покончила свое дѣло. Всѣ православныя епархіи перешли въ унию; осталась одна Бѣлорусская, сохранившая у себя епископа, благодаря близости къ Россіи.

Народъ, въ началѣ XVIII вѣка, очутился въ самомъ невыгодномъ положеніи. Лучшія силы перешли въ унию, остальные выказывали все меньше и меньше устойчивости противъ

¹ *Исторія объ униі*, Баятышъ-Каменскаго, стр. 147, 143—144, 154—155.

² Тамъ же, стр. 145—148.

³ *Исторія литовской церковной униі* Коляловича, II т., стр. 236.

⁴ *Исторія объ униі* Баятышъ-Каменскаго, стр. 149.

⁵ *Церковныя братства* Коляловича, Дѣнь № 41 1862 г.

напора латинства и униатства. Народъ остался безъ защиты. Русское правительство выговорившее себѣ право защищать православіе, до сихъ поръ не предъявляло энергически этого права. Со стороны его, были только напоминанія польскому правительству, да ходатайства за православныхъ; но по характеру этихъ попытокъ, православные не могли ожидать себѣ лучшей будущности. Съ Петра Перваго начинается болѣе дѣятельное заступничество Россіи за православныхъ. Русское правительство постоянно получало отъ угнетенныхъ просьбы и жалобы на преслѣдованіе отъ латинянъ и униатовъ, и русскіе резиденты были уполномочиваемы требовать у польскаго правительства, чтобъ оно остановило преслѣдованіе православныхъ. Но это не помогало дѣлу. Польскіе короли играли въ королевствѣ плачевную роль. Они не имѣли почти никакой власти, находившейся въ рукахъ магнатовъ, а между магнатами главную роль играла партія фавитиковъ, не хотѣвшая слышать о терпимости, не внимавшая голосу разума и совѣсти, и кромѣ того ненавидѣвшая сосѣднія государства, подозрѣвая ихъ въ стремленіи уничтожить самостоятельность Рѣчи Посполитой. Когда русскій резидентъ рѣшался замолвить слово за православныхъ, то Поляки или приходили въ неистовство, или отдѣлывались различными увертками. Когда резидентъ требовалъ чтобы польское правительство разослало универсалы, которыми бы запрещалось гоненіе на православныхъ, сенаторы твердили, что „универсаловъ безъ согласія всей Рѣчи Посполитой выдать невозможно“.¹ Къ этому присоединялась еще вражда къ Россіи и къ русскому правительству, вызванная естественнымъ отношеніемъ латинства къ православію и мыслью, что въ заступничествѣ Россіи, заключается посягательство на свободу Польши. Въ 1705 г. Петръ I прибылъ въ Полоцкъ. Тогда уже былъ заключенъ союзъ Петра съ польскимъ королемъ Августомъ II противъ Швеціи. Полоцкіе Базиліане, преданные партіи благопріятствовавшей Швеціи, свосились съ Шведами, передавали имъ нужныя свѣдѣнія и дурно отзывались о Петрѣ. Однажды, проходя мимо базиліанскаго монастыря, Петръ, во время вечерни, полюбопытствовалъ посмотрѣть на богослуженіе, вошелъ

¹ *Исторія объ униі Бялышъ-Каменскаго*, стр. 150.

со свитой въ церковь и хотѣлъ взойти въ алтарь. Монахи объявили ему, что овъ, какъ противникъ вѣры, не достоинъ туда вступать. Овъ промолчалъ. Увидя икону, богаче другихъ украшенную, Петръ спросилъ, чей это образъ? Ему отвѣчали, что „это образъ священника Иосафата, котораго ваши едино-вѣрцы, еретики, богоотступники, мучители, *какъ и вы*, убили.“ Произшла схватка и Базилианамъ пришлось плохо отъ Петра. Схваченныхъ допросили; зачинщика Петръ велѣлъ повѣсить. Русскіе получили приказаніе ловить уніятскихъ іерарховъ, и тѣ, избѣгая расплаты Петра, сочли нужнымъ уйти въ глубь Польши.¹

Энергически работали латиняне и уніаты въ XVIII вѣкѣ. Подъ вліяніемъ іезуитской пропаганды разгорѣлась у всѣхъ Поляковъ страшная ненависть къ православнымъ, не знавшая ни границъ, ни мѣры своимъ неистовствомъ. На православныхъ и вообще на массу не Поляковъ смотрѣли какъ на людей, въ отношеніи къ которымъ позволительны всѣ средства. Поляки не оставались ни предъ какими мѣрами, и пренебрегая нравственными средствами, дѣйствовали въ отношеніи къ православнымъ не иначе какъ насиліемъ и оскорбленіями, доведенными до крайне возмутительной степени. Казалось, всѣ силы польскаго общества XVIII вѣка, были направлены исключительно къ тому чтобы уничтожить православіе. Польское правительство шло рука объ руку съ этимъ общественнымъ настроеніемъ, и подъ вліяніемъ его, издавало постановленія, оскорблявшія и религію и народность. Нетерпимость проявлялась во всемъ своемъ ужасѣ. Такъ въ 1716 году было издано постановленіе тарноградскихъ конфедератовъ, чтобы церкви въ православныхъ областяхъ были уничтожены, чтобы въ нихъ не было публичныхъ собраній, и чтобы въ нихъ не пѣли *духовныхъ вредныхъ пѣсней*; нарушителей этого постановленія опредѣлено наказывать, въ первый разъ — денежными пенями, во второй — тюремнымъ заключеніемъ, въ третій, — изгнаніемъ². Въ 1717 году, православные были лишены права занимать должности³. Потомъ двадцать девять православныхъ

¹ *Исторія объ униіи Баятышъ-Камеискаго*, стр. 156—185. *Исторія лютоской церковной униіи Коляловича*, II т., стр. 243; *Исторія Малороссіи Маркевича*, II т., стр. 656.

² *Исторія объ униіи Баятышъ-Камеискаго*, стр. 164. *Исторія Малороссіи Маркевича*, II т., стр. 656.

³ *Исторія объ униіи Баятышъ-Камеискаго*, стр. 294.

монастырей подали Петру жалобу о намѣреніи Поляковъ совершенно истребить православіе; объ отнятіи униатами монастырей; о насильственномъ бритьѣ бородъ и головъ, о безпощадныхъ смертельныхъ побояхъ; о смерти отъ ранъ іеромонаха Варлаама¹. Ненависть и нетерпимость Поляковъ къ православію не знала предѣловъ. Поляки позволяли себѣ самыя вопіющія жестокости, то нападая на безоружныхъ православныхъ съ какимъ-то дикимъ ожесточеніемъ, то доходя въ оскорбленіи народа до утонченнѣйшей изобрѣтательности. Избить, истязать православнаго, отрѣзать ему руку, наругаться надъ честью женщины, оскорбить религіозную святиню народа—было ни по чемъ; и все это дѣлалось явно, съ наглымъ хвастовствомъ, безъ состраданія, безъ упрековъ совѣсти. Какая-то невѣдомая сила раздувала этотъ фанатизмъ Поляковъ и на сцену печальныхъ, нечеловѣческихъ подвиговъ выдвигала людей, имена которыхъ заслужили въ исторіи болѣе чѣмъ позорную извѣстность. Въ 1722 году канцлеръ Вишневецкій выдавалъ въ Пинскѣ замужъ двухъ дочерей. На свадьбу съѣхалось много магнатовъ, сенаторовъ и шляхты. Въ самомъ разгарѣ пирѣ магнатамъ пришла мысль ознаменовать свадьбу какимъ-нибудь религіознымъ подвигомъ. Канцлеръ Вишневецкій, воевода русскій Яблоновскій, кievскій воевода Потопскій, двое Замоискихъ съ двумя духовными лицами: епископомъ пинскимъ Годабскимъ и луцкимъ бискупомъ Стефаномъ Рупіевскимъ, взявъ полкъ Замоискихъ и множество шляхты и слугъ, неустово напали на мѣстечки, села, монастыри, церкви и ударами сабель, возмутительнымъ поруганіемъ святыни, заставляли несчастный народъ принимать унию. Пинскому епископу Годабскому было приказано: всѣ находящіяся въ Пинскомъ повѣтѣ православныя церкви, „обратить на унию“. Этотъ разбойничій набѣгъ польскихъ магнатовъ окончился тѣмъ, что двадцать тысячъ беззащитнаго народа, въ избѣжаніе худшихъ послѣдствій, рѣшились принять Унію².

Русскій посоль въ Варшавѣ, князь Долгорукій, обратился къ гетману литовскому Поцью съ требованіемъ остановить

¹ *Исторія объ униі Баятышъ-Камеискаго*, стр. 165. *Исторія Малороссіи Маркевича*, II т., стр. 656.

² *Исторія объ униі Баятышъ-Камеискаго*, стр. 195. *Исторія Малороссіи*, II т., стр. 657.

католическіе подвиги Поляковъ. Само польское правительство чувствовало, что Поляки зашли слишкомъ далеко въ своемъ религіозномъ усердіи и краснѣло за варварскіе поступки надъ беззащитными людьми. Петръ I написалъ польскому королю и Рѣчи Посполитой грамоту, съ просьбой запретить насилія; онъ указывалъ въ ней, что въ Россіи нѣтъ гоненія на католиковъ, и описывалъ подробности злодѣяній Поляковъ, совершенныхъ въ послѣднее время. Кроме того, Петръ велѣлъ канцлеру Головкину написать папскому нунцію, кардиналу Спинолѣ, письмо съ просьбой употребить свое вліяніе на Поляковъ и насколько возможно приостановить ихъ неистовства ¹. Но напрасны были усилія русскаго правительства помочь народу своимъ заступничествомъ. Напрасны были и мольбы страдальцевъ, и вынужденное напоминаніе нунція Полякамъ умѣрить свои религіозно-католическіе порывы. Поляки продолжали ихъ варварскіе подвиги и не хотѣли знать ни просьбъ, ни ходатайствъ за народъ. Петръ отправилъ изъ Варшавы въ Могилевъ комиссара Рудановскаго, съ уполномочіемъ защищать православныхъ отъ Поляковъ. Но и эта мѣра не принесла пользы. Русскій царь возбуждалъ тогда въ Полякахъ особенную ненависть къ себѣ, выражавшуюся иногда въ пошлой, цинической брани: „царь вашъ Москаль, мужикъ, грубіянь; напрасно ты на него надеешься,“ говаривалъ ксендзь Любенецкій грабя православнаго священника, „и комиссара не боюсь,“ прибавлялъ ксендзь, „а тебя, схизматикъ, свяжу какъ барана и къ папѣ отошлю, и всю вашу проклятую схизму раззорю и искореню“ ².

Повсюду слышались стоны, и вопли православнаго народа. Поляки, казалось изощряли свой умъ на изобрѣтеніи возможно болѣе возмутительныхъ мѣръ. Карлъ Залусскій, кукмистръ Великаго Княжества Литовскаго, 30 мая 1723 года велѣлъ схватить десять человекъ лучшихъ любовицкихъ мѣщанъ, приковать ихъ къ стѣнѣ, а ноги забить въ колодки. Чтобы показать еще больше омерзѣнія къ православнымъ народу, Залусскій послалъ за палачомъ въ Оршу, за нѣсколько десятковъ верстъ

¹ *Исторія объ униі Бялтышъ-Каменскаго*, стр. 197—214. *Исторія Малороссіи* II т. стр. 657.

² *Исторія объ униі Бялтышъ-Каменскаго*, стр. 236.

Палаць явився и началъ пытку. Нѣкоторые изъ страдальцевъ не выдержали и покончили жизнь самоубійствомъ въ тюрьмѣ; другіе остались изувѣченными и нищими. Этимъ Залускій не ограничился. Вскорѣ онъ предоставилъ православнымъ священникамъ на выборъ: или принять унію или убираться вонъ изъ приходоу, и священники рѣшились скитаться по міру. Въ день сошествія Святаго Духа, когда въ православныхъ церквахъ шла обѣдня, Залускій съ ксендзами и уніатскими попами, явився въ одну церковь, началъ поносить православные обряды, и въ заключеніе, ксендзы и уніаты взяли Евангеліе, серебряныя и золотыя вещи и другія дорогія украшенія.¹ Въ другихъ мѣстахъ Поляки нападали на церковныя процессіи, похоронныя шествія, отнимали и ломали свѣчи, обдирали образа и Евангелія, раздирали ризы, бросали обломки крестовъ на жидовскія избы.² Но иногда эти неистовства, сдѣлавшіяся обыкновеннымъ явленіемъ, казались Полякамъ недостаточною мѣрою поруганія, и они придумывали вещи, которыя могутъ придти на мысль только възбаламошной головѣ. Въ Мивскѣ, вечеромъ 10 февраля 1734 г., въ Петропавловскомъ монастырѣ, совершалась вечерня. Народъ спокойно молился въ церкви. Вдругъ раздался шумъ, крикъ, и въ церковь вѣхала толпа шляхты, верхомъ на лошадяхъ. Начали стрѣлять въ олтарь, въ иконы, грабить церковныя золотыя и серебряныя вещи, разныя драгоценности и обдирать иконы; потомъ стали выбрасывать изъ погребовъ находившіяся тамъ тѣла умершихъ. Монахи и прихожане подверглись страшнымъ жестокостямъ и увѣчью; ихъ топтали лошадьми, драли за волосы и бороды, жгли имъ глаза горящими свѣчами, и затѣмъ, все переломавъ, перебивъ, взявъ церковныя деньги, уѣхали изъ монастыря. Грабежъ монастырскаго имущества простирался на десять тысячъ червонныхъ.³

Польское общество было все заражено духомъ фанатизма. Въ польскихъ школахъ іезуиты успѣшно сѣяли сѣмена ненависти ко всему не-католическому. Молодые головы быстро

¹ *Исторія объ уніи Баятышъ-Каменскаго* 232. *Исторія Малороссіи*, II т., стр. 658.

² *Исторія Малороссіи* Маркевича, II т., стр. 658.

³ *Исторія объ уніи Баятышъ-Каменскаго*, 273 стр.

принимали ученіе отцовъ іезуитовъ, и чтобы заранѣе стяжать себѣ славу ревнителей католической религіи, порывавсь заявить свое усердіе участіемъ въ различныхъ насиліяхъ. Студенты іезуитскихъ школъ нападали на монастыри; въ одномъ изъ нихъ чуть не умертвили всѣхъ монаховъ; били людей на улицахъ, сбъки плетью женщинъ, подвергали истязаніямъ духовенство. По одной могилѣ, въ которой былъ недавно погребенъ правослаивный, студенты били дубьемъ, приговаривая: „мы тебя доставимъ жидве, кальвине, схизматикъ!“ Іезуитъ Ушинскій, наравъ со студентами на похоронное шествіе, отнялъ у монаховъ свѣчи, крестъ, хоругвь; крестъ изломали, хоругвь была брошена на землю; свою ярость они излили на изображеннаго на хоругви Спасителя: его кололи, рѣзали ножами, топтали, и въ изступленіи, въ опьянѣніи фанатизма, кричали: „о для чего ты, схизматидкій Боже, не отомстишь за свою обиду?“ Іезуиты, вдохнувъ въ польское юношество, такую изступленную ненависть къ народу, дѣйствовали еще и другимъ путемъ; мерзко они вводили дѣтей православныхъ, чтобъ окрестить ихъ въ римскую вѣру. Заболѣеть тяжко православный, чувствуетъ, что ему остается не долго жить, и вотъ къ умирающему пробирается іезуитъ съ увѣщаніемъ обратиться въ католицизмъ,—съ обѣщаніемъ подъ клятвой, что здоровъ будетъ, если послушается.¹ Случалось, что зажигали православныя церкви ракетами; женщины тожѣ не отставали отъ общаго фанатическаго движенія. Поляки доходили до крайней степени варварства; не говоря уже о томъ, что забирали у православныхъ имущество, повергая такимъ образомъ цѣлыя семейства въ нищету,—они иногда принуждали къ уни посредствомъ невообразимыхъ мученій; забивали, напримѣръ, подъ ногти спички и зажигали ихъ. Шляхтичъ Гребницкій, схвативъ одного священника, старика, вышибъ ему глазъ, далъ ему полтора ста плетей, а сыну его шестьдесятъ; на другой день опять высѣкъ старика, положилъ предъ нимъ связку сѣна и поставилъ ведро воды, приказывая пить и вѣсть; на третій день далъ ему еще четыреста плетей, и въ заключеніе отнялъ сто четырнадцать ефимковъ.²

¹ *Исторія объ униі Баятышъ-Камеискаго* стр. 299.

² Тамъ же, стр. 310—312 *Исторія Малороссіи* Маркевича II т. стр. 658—659.

Народъ замолчалъ и покорился своей тяжелой участи; чѣмъ меньше онъ выказывалъ сопротивленія, тѣмъ успѣшнѣе работало латинство, и скоро католическая пропаганда почти достигла своей цѣли; — большинство народа Бѣлоруссiи и Галицiи приняло унию, — не устояло въ основахъ своей народности и стало относиться ко всему страдальчески-покорно. Но возвратимся къ Украинѣ.

III.

До 1740 г., въ періодъ заселенія Задніпровья, когда народъ возвращался на родину, находившуюся подъ властью польскихъ магнатовъ и шляхты, тяжелыя условія польскаго господства еще не выходили наружу. Въ интересахъ Поляковъ было, чтобы край населился какъ можно болѣе, а еслибы польскія неистовства разыгрались съ самаго начала, задніпровскія земли остались бы не заселенными пустынями. Кажется, Поляки, послѣ страшныхъ потрясеній терзавшихъ несчастную Рѣчь Посполитую, переродились въ иныхъ, лучшихъ людей. Все шло мирнымъ порядкомъ, не смущаемымъ никакою грозой; но этому мирному порядку те суждено было продолжаться.

На одной и той же почвѣ стояли лицомъ къ лицу, съ одной стороны, Поляки прошлаго вѣка, панны-деспоты, люди произвола и насилія, люди грубой страсти, попиравшіе всѣ человѣческіе законы и только пившіе, да ѣвшіе, да ругавшіеся надъ всѣмъ, да бывшіе притомъ усердными католиками. Съ ними заодно были Евреи, овладѣвшіе торговлей и капиталами страны, не имѣвшіе гражданскаго значенія, но грабившіе народъ при всякомъ удобномъ случаѣ. На другой сторонѣ стоялъ одѣтый въ сѣрую свитку, сермяжный людъ, одинокій, вѣчно работающій, не имѣвшій почти никакихъ гражданскихъ и политическихъ правъ, безъ защиты, безъ помощи, съ горькою долей суроваго подчиненія и зависимости. Одни принадлежали къ господствующей религіи, другіе исповѣдывали религію, къ которой Поляки относились всегда болѣе чѣмъ враждебно. При такой обстановкѣ, на какую часть могъ надѣяться бѣдный сермяжный людъ, въ жилахъ котораго текла не польская, а русская кровь? Чего могъ ждать себѣ

православный людъ, находившійся въ полной крѣпостной зависимости отъ польскаго пана-фанатика?

Польское крѣпостное право было самое суровое. Польское законодательство создавъ такіа широкія привилегіи для шляхтича, давъ ему всевозможныя права, поставило крестьянина ниже чѣмъ на степень раба. Такимъ образомъ на одной и той же почвѣ существовали два міра: одинъ съ широкою властью, съ господствующимъ значеніемъ въ государствѣ,—другой — безъ правъ, безъ значенія, съ обязанностию подчиняться всякому, шляхетскому вельмію.

Польское крѣпостное право распространялось и на все что относится къ личности крестьянина, и на его собственность. Крестьянинъ ни въ чемъ не могъ проявлять свою личность. Еще въ 1572 году было издано постановленіе, запрещавшее судебнымъ мѣстамъ принимать, а крестьянамъ подавать жалобы на своего владѣльца, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ убійствѣ помѣщикомъ своего крестьянина, такъ что помѣщикъ имѣлъ въ своемъ имѣніи полную юрисдикцію, даже съ правомъ казнить крестьянина смертью.¹

Большую частію помѣщики не управляли сами своими имѣніями и жили въ Варшавѣ или за границей, а свои имѣнія отдавали въ управленіе шляхтѣ, очень часто грубой и невѣжественной. Къ гнету поссессоровъ и управителей (губернаторовъ) присоединялась дѣятельность Жидовъ-факторовъ, опутывавшихъ и помѣщиковъ, и управителей и обиравшихъ крестьянъ. При совокупной дѣятельности этихъ двухъ элементовъ, тяжела была жизнь народа. Онъ работалъ на помѣщика, давая средства вельможному пану жить въ празднои роскоши, задавать пиры, содержать при своемъ дворѣ толпу дармоѣдовъ, удивлять своимъ богатствомъ иностранцевъ и своихъ собратьевъ, такихъ же праздныхъ магнатовъ, на что тратилась у иного пана цѣлая жизнь; а тутъ еще управители, Жиды-факторы и цѣлая масса бречавшей саблями шляхты добывали благосостояніе крестьянина; и наконецъ при всемъ этомъ нравственное чувство крестьянина было оскорбляемо ежечасно, ежеминутно. Когда началось преслѣдованіе православной вѣры, когда разлуз-

¹ Только въ 1768 г. въ этомъ законѣ сдѣлано было измѣненіе. Право жизни и смерти откато у помѣщика и уголовныя преступленія, совершаемыя крестьянами, стали подвѣдомы городскимъ и земскимъ судамъ. *Vol. legum. t. VII f. 600.*

данная шляхта накинулась на народъ, фанатизмъ и деспотизмъ пана католика въ отношеніи къ хлопамъ православному вышлись изъ всѣхъ границъ.

Однимъ изъ оригинальнѣйшихъ фактовъ расширенія крѣпостнаго права былъ законъ 1764 г., по которому дѣти православныхъ священниковъ обращались въ крѣпостное состояніе.¹ Эта мѣра независимо отъ своего прямого значенія, скрывала еще другую цѣль; это была одна изъ многихъ мѣръ, которыя клонились къ уничтоженію православнаго духовенства, а вмѣстѣ и народности.

Церковная администрація задніпровской Украины въ XVIII вѣкѣ представляетъ отсутствіе единства, раздробленность; ей не доставало именно той связи, которая всегда является крѣпкою оной противъ напыла враждебныхъ стихій. Отсутствіе этого связующаго единства въ церковной администраціи открывало, повидимому, польско-католической пропагандѣ широкую дорогу для достиженія ея цѣлей. Отношенія церквей и монастырей къ высшей церковной администраціи представляли удивительную безпорядочность. Одни монастыри, какъ напр. Медвѣдовскій, Жаботынскій и Лебединскій, подлежали вѣдѣнію кіевского митрополита, другіе, какъ напр. Мошногогорскій, Мотронинскій и пр. зависѣли отъ переяславскаго епископа. Нѣкоторые переходили отъ православныхъ къ уніатамъ и обратно, и не причислялись ни къ какой епархіи.² Церкви тоже получали священниковъ, однѣ изъ Кіева, другія изъ Переяслава. Посылали также ставленниковъ въ Молдавію или Валахію. Иногда прихожане принимали священниковъ бѣжавшихъ изъ приходовъ, которыми завладѣвали уніаты. Опредѣленіе священниковъ на приходы зависѣло отъ воли прихожанъ; при этомъ требовалось только согласіе мѣстнаго владѣльца, губернатора или какого другаго начальствующаго лица. Священникъ, поступая на приходъ, заключалъ съ прихожанами условіе, по которому опредѣлялось вознагражденіе за исправленіе требъ. Епископы и другія высшія церковныя власти никогда не посѣщали ни церквей, ни монастырей. Дѣйствія священника подлежали только суду общественнаго мнѣнія сельскихъ громадъ, да помѣщика. Слѣдствіемъ этого было то, что священникъ находился

¹ *Volunt. Leg.* t. VII f. 75.

² *Мальмисдексъ Зачекъ-Яворскій* О. Лебединцева стр. 12.

въ полной зависимости отъ прихожанъ и отъ помѣщика. Зависимость отъ первыхъ имѣла смыслъ, и въ ней не было ничего опаснаго. Если священникъ былъ хорошъ, если онъ не преступалъ границъ своихъ пастырскихъ обязанностей, онъ могъ оставаться на мѣстѣ сколько ему было угодно. Но зависимость священника отъ помѣщика католика имѣла совершенно иной характеръ. Эта зависимость должна была подорвать всякую нравственную основу въ отношеніяхъ священника къ прихожанамъ. Этою-то зависимостію священниковъ отъ помѣщиковъ, а равно безпорядочнымъ отношеніемъ церкви и монастырей къ епархіямъ и отсутствіемъ единства въ церковной администраціи, Поляки и воспользовались, когда открыли католіческой и шляхетскій походъ противъ Украйны.

Съ 1740 года польско-католическая пропаганда, стала развертываться и смѣло пошла по давно знакомой дорогѣ. Средства пропаганды были тѣ же, какія употребляла она и прежде. Началось обращеніе православныхъ въ унию, переименованіе православныхъ церквей въ уніатскія. Начались набѣды, набѣги уніатовъ на православные приходы. Стали хватать священниковъ и силой или угрозами принуждать ихъ къ принятію уніи. Всякій разъ набѣга подобнаго рода сопровождался избиеніемъ сопротивлявшихся, раззореніемъ и грабежомъ имущества священниковъ и прихожанъ, а нерѣдко и самихъ церквей. Овладевали уніаты церковью, входили въ нее, совершали церковное служеніе по уніатскому обряду, — и дѣло было кончено. Затѣмъ переходили въ другія мѣста, на новые подвиги. Все это совершалось при ревностномъ содѣйствіи помѣщичьяго деспотизма и насилій со стороны различныхъ властей, и разночинной шляхты.

Народъ не измѣнялъ православію и ждалъ лучшаго будущаго. А между тѣмъ церкви постепенно переходили къ уніатамъ, народъ оставался безъ религіозныхъ требъ или долженъ былъ обращаться за ними въ отдаленныя мѣста. Священники, изгнанные уніатами изъ своихъ приходовъ, вели большею частью скитальческую жизнь. Нищета, преслѣдованія отъ уніатовъ и шляхты гнали ихъ изъ одного мѣста въ другое, и только помощь поселянъ спасала ихъ отъ голодной смерти.

Преслѣдованія православныхъ, начавшись съ 1740 года, постепенно усиливались, и въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго

ѣрка перешла въ самое вопиющее, дикое насиліе. Въ 1765 году чигиринскіе священники, Дмитрій Успенскій, Максимъ Левацкій и Михайло Гавриловъ, писали переяславскому епископу Гервасію, что уніаты „нестерпимыя бѣды православнымъ дѣлають, имѣнія расграбляютъ, въ засадахъ держатъ, волосы обрѣзываютъ священникамъ и бьютъ ихъ безъ милости, святые антиминсы, книги и что попадутъ изъ церквей забирають, и дани на церкви благочестивыя богае нежели вдвое противъ своихъ уніатскихъ накладываютъ, и что чрезъ такіа грабительства, церкви православныя и духовенство въ крайней бѣдности и раззореніи остаются, а многія изъ церквей отобраны и отбираются.“¹ Отъ имени народа священники просили епископа Гервасія, ходатайствовать у святѣйшаго синода, чтобы при его посредствѣ испросить королевскую привилегію на свободу вѣроисповѣданія, защиту отъ гоненій и права принадлежать къ Переяславской епархіи. Въ такомъ же родѣ поданы были прошенія и изъ другихъ мѣстъ Украины². Но ни просьбы, ни ходатайства не помогали. Коммиссары, губернаторы и экононы, ксендзы, деканы, инструкторы и уніатскіе священники, упорно продолжали свое дѣло. Положеніе и монастырей, и благаго духовенства, и народа было невыносимо. Поляки врывались въ православныя монастыри, ругались, оскорбляли святыню, стрѣляли въ иконы и ограбивъ увѣжали. Иногда уніатскіе миссіонеры являлись въ монастыри съ вооруженными отрядами, расхищали монастырское имущество, монаховъ били, увѣчили, наказывали публично, давая отъ 50 до 100 ударовъ, или же увозили въ какой-нибудь замокъ, кидали въ ямы и тюрьмы, обрѣкали на тяжелую работу и отпускали не иначе какъ подъ условіемъ выкупа. Монаховъ ловили лишь только они выходили за монастырскую ограду, захватывали въ пути, на поляхъ и мельницахъ, били вещьадо, рвали бороды по клочкамъ и обирали до чиста. Шляхтичъ Болецкій, вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ Болецкимъ же, бывшимъ въ Богуславѣ при обозѣ „украинской партіи“, съ партіей жолнеровъ во сто лошадей, напали на Мотронинскій монастырь, схвативъ игумена Мельхиседека, возили его по разнымъ мѣстамъ, стращали и отпустили, потому что, какъ замѣчаетъ

¹ Мельхиседекъ Зачекъ-Яворскій *О.* Лебедунцева, 25 стр.

² Тамъ же.

Мельхиседекъ, „не могли изобрѣсти на него никакой вины.“¹ Монахи были по большей части предметомъ поруганія, глумленія, потѣхи; приходскимъ священникамъ было хуже. Уніатское духовенство не ограничивалось одними оскорбленіями, оно хотѣло заставить ихъ перейти въ унію, отдать еѣ церкви и увлечь за собою прихожанъ; священники страдали не одни, но также и ихъ семейства. Приходскіе священники были всегда на виду у комиссаровъ, губернаторовъ и экономовъ; рядомъ съ ними жили и уніатскіе священники, и деканы, и инструкторы. Здѣсь столкновение было ежедневное, болѣе представлялось случаевъ тѣшиться надъ православнымъ духовенствомъ. Содержаніе священниковъ въ кандалахъ, заключеніе въ тюрьмы, наказаніе плетью и кіями, обрѣзываніе бородъ и волосъ, грабежъ имущества, изгнаніе изъ приходовъ, чрезвычайные налоги и поборы, были дѣломъ обыкновеннымъ, явленіемъ повсемѣстнымъ.² Поселяне испытывали двойной гнетъ: и крѣпостное право, и гоненіе за исповѣдываніе православной вѣры. Были случаи, когда цѣлыя селенія предавались проклятію. Такъ однажды жители мѣстечка Жаботына были преданы люблинскимъ инструкторомъ проклятію, за то что не переходили въ унію и оставались въ православной вѣрѣ.³

Въ 1766 году уніатскія власти нарядили инквизиціонный судъ надъ непокорявшимися уніи. Цѣлая Украина такимъ образомъ объявлена была виновною въ неповиновеніи уніатскимъ властямъ. Офіціалъ уніатскаго митрополита, Григорій Мокрицкій, явился исполнителемъ судебныхъ рѣшеній. Начались требованія на судъ монастырскихъ игуменовъ; начались взысканія огромныхъ штрафовъ. На Украинѣ явилась постоянная миссія для обращенія православныхъ въ унію. Для сбора денегъ на постройку зданія, въ которомъ бы помѣщались и воспитывались миссіонеры, опредѣлено было обложить денежною пеней всѣхъ противящихся уніи.⁴ Кроме того, изданъ былъ декретъ, которымъ повелѣвалось не принимать священниковъ, не имѣющихъ законнаго вида отъ уніатской власти, къ приходамъ, а тѣхъ, которые по истеченіи

¹ *Мельхиседекъ Зачекъ-Яворскій*. О. Лебединаева, стр. 30.

² Тамъ же.

³ Тамъ же стр. 32.

⁴ Тамъ же стр. 34—37.

двухъ недѣль отъ объявленія декрета не будутъ имѣть надѣльческихъ презентовъ, кромѣ священническихъ грамотъ, приказано было ловить и представлять въ Радомысль. Пока не послѣдуетъ примиренія, православныя церкви должны быть запечатаны. Поселянъ противящихся униі положено подвергать мѣстному свѣтскому суду. Изъ тѣхъ монастырей, которые не имѣютъ надлежащихъ патентовъ, велѣно было выгнать монаховъ; наконецъ всѣхъ, подозрѣваемыхъ въ поддержаніи православія, будутъ ли они въ монастыряхъ или внѣ оныхъ, безъ надлежащаго свидѣтельства униатскихъ властей, повелѣвалось ловить и привозить въ радомысльскую тюрьму. Для ловли монаховъ и священниковъ было отпущено десять инстигаторовъ; расправа съ мирянами была поручена мѣстнымъ властямъ, то-есть губернаторамъ и комиссарамъ. Пограничнымъ командамъ и начальникамъ форпостовъ по Днѣпру былъ отданъ приказъ не пускать никого на другую сторону рѣки, и особенно въ Переяславль. Такимъ образомъ загражденъ былъ путь на ту сторону Днѣпра. Команды ловили русскихъ людей на берегу, подвергали жестокому наказанію и затѣмъ отправляли въ мѣстечко Корсунь, гдѣ была резиденція Мокрицкаго, и гдѣ ихъ забивали въ колодки и содержали въ тюрьмѣ. Такъ въ первыхъ числахъ мая схваченъ былъ на Трахтемировскомъ форпостѣ сынъ священника села Будищъ, вѣхавшій въ Переяславль для полученія священства. Съ нимъ было нѣсколько поселянъ. Имущество и все, что при нихъ находилось было захвачено, а имъ самимъ дано было по триста ударовъ кіями.¹

Въ ту же весну офиціалъ Мокрицкій открылъ вооруженный религіозный походъ противъ православныхъ. Съ отрядомъ въ шестьдесятъ человекъ онъ разтѣзалъ по селамъ и городамъ, и производилъ судъ и расправу надъ не принявшими униі жителями Украины. Его шествіе ознаменовывалось самыми вопіющими насиліями. Священникъ села Березняковъ, Іоаннъ Старжевскій былъ схваченъ на дорогѣ и привезенъ въ Корсунь, гдѣ его били „смертно розгами, дисцефинами и плетью“, а потомъ, набивъ ему на шею колодку такой длины, что достать разомъ оба конца можно было только распростертыми руками, прибили и руки къ концамъ колодки, и въ такомъ видѣ отправили подъ крѣпкамъ конвоемъ

¹ *Мельникодекъ Запечкь-Яворскій. О. Лебединаева. 37—41.*

въ Радомысль. Въ мѣстечкѣ Мопнахъ священники публично, на ярмаркѣ, объявлены были простыми крестьянами, народу было запрещено обращаться къ нимъ и давать имъ какіе-либо доходы подъ опасеніемъ побоевъ и конфискаціи имущества. Въ мѣстечкѣ Смѣлой жолнеръ князя Любомірскаго, по наущенію Мокрицкаго, поймалъ пономаря, ходившаго на праздникъ Пасхи съ поздравленіями по приходу, и заколотилъ его до смерти. Въ селѣ Вязовкѣ атаманъ, также подкупленный Мокрицкимъ, далъ прихожанину Успенской церкви, Евстафію Шкаюру, вздвигшему въ Переяславѣ съ присяжнымъ листомъ о присоединеніи къ православію, триста палокъ и во время экзекуціи приговаривалъ: „ото тебе бѣе благочестіе твое!“ Въ волости Смѣлянской и въ староствахъ Черкасскомъ и Чигиринскомъ мѣстные владѣльцы насильно обращали въ крѣпостное состояніе православныхъ священниковъ, если они не имѣли письменныхъ доказательствъ своего выкупа или увольненія; въ противномъ же случаѣ отбирали у нихъ имущество и не допускали ихъ къ приходамъ¹.

Въ іюнь мѣсяцѣ польское войско, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человекъ, подъ названіемъ „украинской партіи“, вступило въ Смѣлянщину и расположилось обозомъ подъ мѣстечкомъ Ольшаной. Региментаръ этой партіи, Игнатій Вороничъ, сталъ дѣятельнымъ помощникомъ Мокрицкаго, а Мокрицкій, опираясь на Воронича, сдѣлался еще необузданнѣе. „Людамъ всѣмъ смертный страхъ мечтается, и всѣ лишенія имущества и живота ожидаютъ“, сказано въ одномъ письмѣ къ переяславскому епископу Гервасію, дающемъ намъ понятіе о впечатлѣніи произведенномъ на народъ этою миссіей. По всѣмъ проѣзжимъ дорогамъ разставлены были отряды польскихъ солдатъ и не пускали никуда ни одной души; уничтожены были всѣ лодки на рѣкахъ для прекращенія тайныхъ сообщеній между православными; наконецъ, со всѣхъ мѣстечекъ и селъ стогнали людей въ обозъ, подъ предлогомъ работы, на самомъ же дѣлѣ для того чтобы при отобраніи церквей уніатами, не встрѣтить въ народѣ какого-нибудь сопротивленія. При помощи Воронича отобраніе церквей шло очень дѣятельно. Первыми пострадали церкви Ольшанскія, Волявскія и Телесинскія. Дома и имущества священниковъ были разграблены, семейства ихъ подвергались разнымъ

¹ *Мельхиседекъ Заваць-Ясирскій, Лебединцева 40—42.*

оскорбленіямъ, сами они спаслись только бѣгствомъ. Затѣмъ, уніатскія релігіозныя процессіи явились по всей Украинѣ. Впереди ѣхали инструкторы, и инстигаторы, за ними отрядъ польскихъ жоанеровъ. Мокрицкій направлялъ эти процессіи, чинилъ судъ, а Вороничъ приводилъ приговоры въ исполненіе. Въ короткое время было изгнано изъ приходоѡ около ста священниковъ, дома ихъ раззорены, имѣніе ограблено, семейства ихъ были преданы поруганію или должны были окитаться въ ужасной нищетѣ. Инымъ священникамъ удалось бѣжать и укрыться въ горахъ и лѣсахъ; другіе успѣли спастись за Днѣпръ. Но попавшіеся въ руки Мокрицкаго испытали жестокую участь: ихъ тиранили, остригали имъ бороды и волосы, забивали колодки и отправляли въ Радомысль; тамъ имъ давали по 600 и 800 ударовъ, и въ тяжелыхъ оковахъ заставляли ихъ возить въ тачкахъ землю на валъ, или же отправляли на крѣпостную работу въ Кодню и Львовъ. Не легче было причетникамъ и поселянамъ. Дѣти оставались некрещеными, умершихъ некому было хоронить. Въ селѣ Телепиной было опредѣлено вырубить всѣхъ отъ мала до велика; уже назначенъ былъ день приведенія въ исполненіе этого приговора, снаряжена и священная экспедиція съ подкрѣпленіемъ въ пятьсотъ жоанеровъ; но жители рѣшились уступить и приняли унію. Вороничъ, получивъ подарки, объявилъ амністію, а Мокрицкій, прибывъ въ село Телепину, собралъ всѣхъ въ церковь, прочиталъ имъ разрѣшительную молитву и назначилъ имъ уніатскаго священника. Не то было въ Черкасахъ. Мокрицкій, явившись въ Черкасы съ инстигаторами, протопопами и инструкторами, при вооруженномъ конвоѣ, собралъ жителей и потребовалъ чтобъ они перешли въ унію. Черкасцы отвѣчали: „отнимите у насъ жизнь, но мы не хотимъ быть въ уніи“. Явился губернаторъ со стражниками и жоанерами; начали бить народъ, разрывали рты, выворачивали руки и ноги, подвергали всевозможнымъ мученіямъ. Трое не вынесли пытки, но никто не принялъ уніи. Мокрицкій объявилъ, что онъ призоветъ войско и заберетъ всѣхъ въ обозъ. Черкасцы вышли изъ города, скрылись въ лѣсахъ и степяхъ, оставя женъ и дѣтей; успѣли схватить лишь нѣсколько человекъ, забили въ колодки и посадили въ замокъ. Мокрицкій запретилъ погребать убитыхъ и крестить новорожденныхъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ обозѣ подъ Ольшаной,

происходило зрѣлище, затмившее своимъ ужасомъ всѣ прежнія казни. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ почтенный старикъ, житель села Мліева, Данило Кушвиръ, по чьему-то ложному доносу, былъ обвиненъ въ томъ, что онъ будто бы ходилъ съ чашей въ корчму и пилъ изъ ней водку, а святыми дарами закусывалъ. Обвиненіемъ этимъ, очевидно недѣльнымъ, воспользовались затѣмъ, чтобы погубить старика и запугать народъ. Старика заковали въ тяжелыя оковы и бросили въ смѣлянскую тюрьму, гдѣ онъ содержался съ марта до іюня. Судъ приговорилъ его къ смертной казни, и несчастнаго отправили въ обозъ, для исполненія надъ нимъ жестокаго приговора. 29-е іюня назначено было днемъ казни. На полѣ, гдѣ стоялъ обозъ польскихъ жолнеровъ, съ равнаго утра толпилось много народа, собравшагося изъ окрестныхъ селъ и мѣстечекъ. Черезъ нѣсколько времени вывели старика и поставили среди обоза. Началась казнь. Сначала обернули ему руки пенькой, осмолили и зажгли. Въ страшныхъ мукахъ несчастный страдалецъ закричалъ: „Господи, Боже мой! что сіе мнѣ подалъ еси? Воля твоя святая на мнѣ да будетъ. Боже! приими духъ мой.“ Обгорѣли руки. Палачу велѣно было приступить къ отсѣченію головы. Палачъ приблизился къ Данилу и сталъ завязывать глаза. „Не бойся, старикъ, Богъ съ тобой!“ говорилъ палачъ. „Я не боюсь“, отвѣчалъ страдалецъ; „дѣлай, что тебѣ велятъ“. Палачъ взмахнулъ топоромъ и голова мученика отдѣлилась отъ туловища. Голову посадили на коль и прибили желѣзнымъ гвоздемъ; тѣло сожгли. Голова мученика стояла такимъ образомъ отъ іюня до конца сентября; пепелъ съ нѣкоторою частью костей православные похоронили.¹

¹ *Исторія Малороссіи*, т. II, стр. 659—660. *Мельхиседекъ Зачекъ-Леорскій Лебедянцева*, стр. 46—49. *Исторія объ уміи Бактышъ-Камекаго*, стр. 432—434. Поляки разказываютъ, что голова мученика въ ночь, сѣдовавшую за казнью, исчезла съ кола, что она была кѣмъ-то украдена и отвезена въ Переяславъ. Епископъ Гервасій немедленно разославъ универсалъ по Украйнѣ съ объявленіемъ народу о злодѣйскомъ поступкѣ Поляковъ. Въ Переяславѣ явилось нѣсколько тысячъ народа, чтобы присутствовать при погребеніи головы Кушвиръ. Торжественное погребеніе головы совершалъ епископъ съ нѣсколькими архимандритами и многочисленнымъ собраніемъ священниковъ. Голова была погребена въ одной изъ переяславскихъ церквей. (*Relacya deputacyi o bunt*, стр. 114.)

Инквизиціонныя миссіи продолжали подвизаться на Украинѣ, все болѣе и болѣе усиливая свою ревность и, повидимому, достигали своей цѣли. Множество православныхъ церквей были обращены въ униатскія. Униатское духовенство, чтобы показать свое презрѣніе къ православію, всякій разъ когда овладѣвало церковью, освящало ее, какъ оскверненную православнымъ богослуженіемъ. Большинство православныхъ священниковъ и вообще духовенства бѣжали на лѣвую сторону Днѣпра или скитались съ мѣста на мѣсто въ страшной нищетѣ; захваченные монахи и священники, послѣ различныхъ истязаній и поруганій, томились въ тяжелыхъ оковахъ и на работахъ. Вооруженные отряды загоняли народъ въ униатскія церкви и ударами сабель заставляли слушать униатское богослуженіе; когда кто умиралъ, нужно было приглашать униатскаго священника на погребеніе, а въ противномъ случаѣ виновные подвергались денежному штрафу въ нѣсколько десятковъ рублей и жестокому тѣлесному наказанію; рождался ли младенецъ, поселяне, чтобъ окрестить его, должны были пробираться на лѣвую сторону Днѣпра; но это не проходило даромъ: родители крещеннаго платили тридцать рублей штрафу, воспріемники по десяти, и сверхъ того ихъ наказывали плетью. Отдавъ былъ строжайшій приказъ монастырямъ, сперва словесный, потомъ письменный, запрещавшій мірянамъ отправлять какія бы то ни было требы, подѣ опасеніемъ „суровой кары“. Монахи, отправляясь изъ монастыря по какой-нибудь надобности, должны были имѣть отъ Мокрицкаго билетъ; пойманные безъ билетовъ, были отправляемы въ Радомысль. 26-го августа двѣнадцать монаховъ Мошногогорскаго монастыря, работавшіе въ полѣ, были схвачены и отправлены въ Радомысль, гдѣ дали имъ по четыреста плетей, а потомъ заковали ихъ въ кандалы и отправили на тяжкую земляную работу. Въ заключеніе, было запрещено читать въ церквахъ королевскія привилегіи, дававшія право исповѣдывать православную вѣру¹.

Наступилъ и 1767 годъ; преслѣдованія продолжались попрежнему. Поляки не унимались и все болѣе и болѣе усиивали свое рвеніе къ обращенію народа въ унию.

Но въ это время, вопросъ о признаніи за православными и вообще за диссидентами въ Польскомъ королевствѣ граж-

¹ Мельгиседекъ Зачекъ-Яворскій Лебедилцева, стр. 66.

давскихъ и политическихъ правъ и о свободѣ вѣроисповѣданія былъ уже въ полномъ ходу. Уже много дѣтъ русское правительство докучало Полякамъ объ этомъ вопросѣ; но до послѣдняго времени требованія Россіи не были достаточно настойчивы: все дѣло ограничивалось одними напоминаніями, отъ которыхъ народу не было легче. Поляки, повидимому, не обращали на русское заступничество никакого вниманія. Но теперь дипломатія вступила уже на путь энергическихъ, и настойчивыхъ требованій.

IV.

5-го октября 1763 года умеръ польскій король Августъ III. Смерть его дала сильный толчокъ вопросамъ о диссидентахъ и о вмѣшательствѣ иностранныхъ державъ въ польскія дѣла. Русское правительство получило возможность рѣшительнѣе заявить свои требованія.

Въ это время Рѣчь Посполитая приходила къ крайнему упадку; вліяніе Россіи на польскія дѣла все болѣе и болѣе усиливалось. Старыя раны, отъ которыхъ Польша страдала столь долгое время, не заживали, а развивались, и наконецъ стали неизлѣчимы. Внутреннюю болѣзнь Польши поддерживало ея безобразное государственное устройство, и какъ бы на зао, шляхетское сословіе тормозило дороговзаскому преобразованію, не заботилось о будущемъ, не обращало вниманія на событія, потрясавшія государственный организмъ. Польское государство въ XVIII вѣкѣ уже потеряло свое политическое значеніе и независимость. Поляки шумѣли и кричали о независимости и вольности Рѣчи Посполитой, но независимость эта существовала только по имени. Было лишь одно средство поддержать цѣлость Рѣчи Посполитой—немеденныя радикальныя преобразованія. На Западѣ уже кипѣла преобразовательная работа. Нравственныя силы западнаго общества призывали его къ новой жизни, поддерживали общественное движеніе того времени. Но Польша оставалась вѣрна преданію своихъ отцовъ. Она громко твердила о своихъ правахъ и вольностяхъ и не думала о будущемъ. Правительственныя формы въ ней и весь ея государственный строй потеряли свой смыслъ, состарѣлись и требовали преобразованія. Нужно было снять до извѣстной степени сословныя грани

разъединявшія народъ, установить равенство передъ закономъ, и признать человѣческія права за хлопами. Нужно было отказаться отъ религіознаго фанатизма. Но Поляки прошлаго столѣтія, за немногими исключеніями, были слишкомъ шляхетскаго закала, и никакъ не сознавали необходимости этихъ преобразованій. Воспитанные въ началахъ абсолютнаго подчиненія себѣ всего что было ниже шляхтича по званію, проникнутые религіознымъ фанатизмомъ, не останавливавшимся на передъ какою мѣрой для достиженія цѣлей католицизма, они были далеки отъ того, чтобы допустить въ среду свою новыя начала жизни.

Между Поляками были, правда, люди, которые сознавали необходимость коренныхъ государственныхъ реформъ и скорбѣли душой о печальномъ положеніи отечества. Но эти люди составляли такое ничтожное меньшинство, что нельзя было думать что они могутъ что-нибудь сдѣлать противъ шляхетскаго большинства, враждебно относившагося ко всякой новизнѣ. Мы увидимъ ниже, къ какимъ результатамъ повелъ поднятый на сеймѣ вопросъ о диссидентахъ.

Русское правительство во второй половинѣ XVIII вѣка стремилось утвердить свое вліяніе на польскія дѣла. Ему необходимо было порѣшить между прочимъ давно уже поднятый вопросъ одиссидентахъ, не приведенный къ окончанію по разнымъ политическимъ обстоятельствамъ. Какія бы ни были основанія этого вмѣшательства, дѣло въ томъ, что поводъ къ нему былъ весьма важенъ въ глазахъ русскаго правительства; причины постепенно созрѣвали, и наконецъ пришло время фактически заявить вмѣшательство въ польскія дѣла. Всѣ политическія притязанія въ Польшѣ прикрывались на первое время однимъ великимъ вопросомъ, именно вопросомъ о диссидентахъ.

Въ Польшѣ была русская партія, во главѣ которой стояли въ то время князья Чарторыйскіе. Во главѣ другой, придворной партіи, стояли министръ Августа III Брюль и зять его Мишекъ. Обѣ партіи страшно враждовали между собою. При Августѣ III русскимъ посломъ въ Польшѣ былъ Кайзерлингъ. Когда за нѣсколько времени до смерти Августа III негодованіе противъ русской партіи дошло до такой степени, что хотѣли употребить противъ Чарторыйскихъ насиліе, Екатерина II писала своему послу 1 апрѣля 1863 г. „Разгласите, что если осмѣ-

дятся схватить и отвести въ Кенигштейнъ кого-нибудь изъ друзей Россіи, то я насею Сибирь моими врагами, и спущу запорожскихъ козаковъ, которые хотятъ прислать ко мнѣ депутацію съ просьбою позволить имъ отомстить за оскорбленія, которыя наноситъ имъ король польскій."¹ Для болѣе дѣятельной поддержки русскихъ интересовъ въ Польшѣ опредѣлено было держать на границѣ 30.000 русскаго войска и кромѣ того имѣть 50.000 наготовѣ.

Насталъ 1764 годъ. Нужно было посадить кого-нибудь на польскій престолъ. Кандидатъ изъ партій Чарторыйскихъ былъ уже подготовленъ, но еще предстояло обычное въ Польшѣ избраніе короля. Это избраніе не обошлось безъ волненій, безъ борьбы. На одной сторонѣ были Чарторыйскіе, на другой великій гетманъ коронный Браицкій, князь Карлъ Радзивилъ и кievскій палатинъ графъ Потоцкій; въ Литвѣ противъ Радзивила дѣйствовали Масальскіе одинъ гетманъ, другой епископъ виленскій. Избраніе было бурное, такое же, какъ и прежнія, когда избиратели превращали сеймъ въ усобицу. Но перевѣсъ былъ на сторонѣ Чарторыйскихъ, имѣвшихъ сильную руку въ русскомъ правительствѣ. Чарторыйскіе призвали на помощь русскія войска, которыя заставили Браицкаго и Радзивила бѣжать за границу, и 7 сентября 1764 г. Станиславъ Понятовскій сѣлъ на польскій престолъ.² Посадивъ короля изъ своихъ друзей, русское правительство стало дѣйствовать въ отношеніи къ Польшѣ рѣшительно, и прежде всего „взялось за вопросъ о диссидентахъ.

Уже въ 1763 г. выступаетъ на сцену защитникомъ православія знаменитый бѣлорусскій епископъ, Георгій Конавскій. Восемь лѣтъ тому назадъ, онъ былъ кievскимъ архимандритомъ и ректоромъ кievской академіи. Съ 1755 г. Конисскій находился въ своей епархіи, познакомился съ событіями, происходившими въ Польскомъ королевствѣ, видѣлъ грубыя насилія католиковъ и униатовъ противъ православныхъ и рѣшился настойчиво добиваться у русскаго правительства помощи угнетеннымъ православнымъ. Сознывая недостаточность мѣстныхъ средствъ противодѣй-

¹ С. Соловьевъ, „Европа въ концѣ XVIII вѣка“ Русск. Вѣст. апр. 1862 г. стр. 493.

² Тамъ же, стр. 496.

ствовать латинству, онъ пошелъ по тропѣ, указанной его предшественниками, и сталъ просить заступничества у Екатерины.

29 сентября въ Москвѣ совершалась коронація Екатерины II. На этомъ празднествѣ Конисскій въ рѣчи своей говорилъ слѣдующее: „Между подданными народами вашего императорскаго величества, о всерадостнѣйшей коронаціи торжествующими, приносить и бѣлорусскій народъ чрезъ меня, подданныка вашего величества, всеподданнѣйшее поздравленіе. Знаю, какъ далеке отстоитъ благословенная Богомъ Палестина отъ тѣснаго Израилю Египта, состояніе, сказую, людей предѣлами россійскими огражденныхъ, отъ состоянія людей хотя единовѣрныхъ, но въ польской области заключенныхъ. Здѣсь свѣтильникъ вѣры, отъ дней *Владимировыхъ* зажженный, блещаетъ доселѣ: у насъ свѣтильникъ оный свирѣпствующіе отъ запада вихри на многихъ мѣстахъ совсѣмъ превратили. Здѣсь храмы Господни славословіемъ имени его свободно гремятъ: у насъ храмы Божіи множайшіе отняты, прочіе опустошены и запечатаны, развѣ совѣ и врановъ гнѣздящихся гласы издають, Здѣсь чѣмъ кто благочестивѣе, тѣмъ и честнѣе: у насъ *благочестивыя* считаются въ стыдъ ставятъ; за благочестіе равы, узы, темницы, домовъ раззореніе, а нерѣдко и живота лишеніе издревле терпимъ. Однако и въ толикихъ египетскихъ озабленіяхъ, и столько отстоя отъ благополучія подданныхъ вашего императорскаго величества, не хотимъ уступить имъ въ разсужденіи настоящей радости. Смыемся, и сквозь слезы утѣшаемся, и въ горести души торжествуемъ, и въ посажденемъ угнетеніи. А для чего такъ? Надежда избавленія веселитъ насъ; надежда не въ травѣ, какъ говорятъ, не въ одномъ цвѣтѣ, но въ самомъ уже плодѣ состоящая. Не касаюсь я нынѣ присноцвѣтущихъ вашего величества добродѣтелей, вѣры твердой, огненной ревности, любви къ Богу и ближнему пречувствительной; я теперь говорю, какъ и цвѣлый свѣтъ говоритъ, о дѣлахъ, о принесенныхъ уже вашимъ величествомъ созрѣлыхъ плодахъ. Тобю, благочестивѣйшая государыня, свѣтильникъ вѣры въ Россіи сталъ утверждень.... Или бо не можеша сего намъ сотворити, или не соблаговолиши? Могла въ немощи, можешь въ силѣ; ибо Богомъ на престолѣ посажденна. Могла и соблаговолила тогда, когда животъ твой за вѣру и отече-

ство въ жертву Богу предавала: можеша и соблаговолиши теперь, когда Богъ тебѣ животъ твой для вѣры и отечества, еще же и для покровительства едиnorodныхъ вѣротъ со скипетромъ возвратилъ. Отираемъ убо слезы очей нашихъ, или паче обращаемъ оныя къ умоленію благъ нашихъ источника Бога: да во всѣхъ сохранишь тебѣ милость Свою, и заветъ Свой вѣренъ тебѣ; да положить сѣмя твое во вѣкъ вѣка и престолъ твой яко днѣ неба. Молимъ же и ваше императорское величество, не посрами насъ надежда наша въ чаяніи нашемъ; спаси насъ десницею твоею, и мышцею твоею покрый насъ.“¹

Черезъ нѣсколько времени Конисскій подалъ императрицѣ Екатеринѣ II жалобу на жестокія притѣсненія: свидѣніемъ этого было письмо Екатерины къ русскому послу при польскомъ дворѣ, Кайзерлингу: „Епископъ Георгій Бѣаорусскій подалъ мнѣ просьбу отъ имени всѣхъ исповѣдующихъ греческую вѣру, съ жалобами на бѣдствія, которыя они претерпѣваютъ въ Польшѣ; поручаю ихъ вашему покровительству; сообщите мнѣ, что нужно для усиленія моего значенія тамъ, моей партіи; я не пренебрегу ничѣмъ для этого.“²

14-го сентября 1764 года послы, Кайзерлингъ и Репникъ, подали королю Станиславу Понятовскому отъ имени Екатерины, меморіалъ въ которомъ требовали, чтобы король „благоволилъ учинить вспоможеніе, чтобы какъ благородной, такъ и низкой породы диссиденты были приняты и восстановлены согласно съ законами, или генеральными и государственными установленіями Рѣчи Посполитой къ прежнему владѣнію всѣхъ тѣхъ правъ, вольностей и преимуществъ, которыми пользовались они прежде явно, а особливо тѣми, кои, какимъ бы то ни было образомъ, касаются до свободнаго отправленія ихъ вѣры, которыя принадлежать имъ не оспоримо, какъ прішешцамъ свободнымъ, вѣрнымъ и безпороочнѣйшимъ Рѣчи Посполитой гражданамъ, и которыя притомъ законами и установленіями достовѣрнѣйшими многократно подтверждаемы были“³.

Конисскій, въ надеждѣ, что его жалобы будутъ выслушаны,

¹ Бятышъ-Каменскій *Ист. изв. о возникшей въ Польшѣ униѣ*, стр. 373 и 374.

² С. Соловьевъ, „Европа въ концѣ XVIII вѣка“, *Русск. Вѣстн.*, апрѣль 1862 г.

³ Бятышъ-Каменскій, *Ист. Известіе*, стр. 375.

рѣшилась отправиться къ новоизбранному королю чтобы получить отъ него утвержденіе въ званіи бѣлорусскаго епископа. Императрица обратилась къ королю съ рекомендательною грамотою, въ которой требовала ему королевскаго покровительства и просила утвердить его въ санѣ бѣлорусскаго, мстиславскаго, оршанскаго и могилевскаго епископа. Кромѣ того, она просила обратить вниманіе на всѣхъ исповѣдующихъ греческій законъ духовнаго и мірскаго чина людей¹. Вручая королю грамоту императрицы и свою жалобу на притѣвленія, которыя терпятъ отъ Поляковъ православные, Ковисскій произнесъ 27-го іюля сильную рѣчь, въ надеждѣ сильнѣе затронуть сердце короля въ пользу томившагося православнаго населенія.

Король прочелъ просьбу и обнадежилъ челобитчика, что ему будетъ оказано должное удовлетвореніе. Но разсмотрѣніе просьбы поручено было разнымъ сановникамъ: канцлеру, вице-канцлеру и т. д. „Съ того времени,“ говоритъ Ковисскій въ своемъ донесеніи синоду, „какъ начали водить, то и повынѣ водять, безо всякаго и малѣйшаго успѣха. Росписали до нѣкоторыхъ въ челобитной моей показанныхъ обидчиковъ, чтобъ отвѣты на мои жалобы присылали.“ Напрасно онъ представлялъ имъ, что не ко всѣмъ обидчикамъ послано. Впрочемъ; ко всѣмъ и послать нельзя, потому что большая часть ихъ позваны на судъ Божій; притомъ кто же себя признаетъ виновнымъ? „Мнѣ ожидать оныхъ отвѣтовъ въ Варшавѣ и большіе убытки вести весьма тяжело и несосно,“ писалъ онъ въ своемъ донесеніи; но Поляки отвѣчали на это по словамъ Ковисскаго: „Ты богатъ, можешь здѣсь проживать, а отвѣтную сторону волочить сюда, по скудости ихъ, не доведется.“²

Поляки лукавили и уклонялись. Польское правительство видимо не желало дать удовлетворенія по дѣлу диссидентовъ, и въ то же время затруднялось что ему дѣлать съ ходатайствомъ опасной сосѣдки, русской императрицы. Польскій король стоялъ между двухъ огней,—между страшнымъ своеволіемъ шляхты, связывавшей ему руки, и настойчивымъ требованіемъ императрицы, своей благодѣтельницы. Нужно было имѣть великій талантъ, чтобъ извернуться. Король былъ

¹ Бавтышъ-Камельскій, *Ист. Изв.* стр. 377.

² Соловьевъ, „Европа въ к. XVIII вѣка“, Р. В. май 1862 г.

человѣкъ добрый, но безхарактерный, недалекій, нерѣшительный, легко подчинявшійся постороннимъ вліяніямъ. Не ему было поддерживать государство, быстро клонившееся къ окончательному разложенію.

Поляки и слышать не хотѣли о какихъ-либо уступкахъ диссидентамъ. Когда примасъ, на сеймѣ 20 апрѣля 1765 года, упомянулъ о требованіяхъ диссидентовъ, отвѣтомъ ему былъ общій грозный крикъ цѣлаго собранія, отвергавшаго всякую мысль о дарованіи правъ диссидентамъ. Общее veto всего сейма устраняло всякую дальнѣйшую попытку, и король поставленъ былъ въ неловкое положеніе — оправдываться передъ Екатериной. „Никогда, во всю мою жизнь, писалъ онъ ей, ничего не добивался я съ такимъ трудомъ, съ какимъ добивался у сейма позволенія вступить съ вами въ переговоры насчетъ предметовъ, вамъ желаемыхъ. Вопреки мнѣнію всѣхъ моихъ совѣтниковъ, я подъялъ вопросъ о диссидентахъ, потому что вы такъ желали. Чуть-чуть не умертвили примаса въ моемъ присутствіи.“¹

Между тѣмъ время шло, волненіе усиливалось, а вопросъ о правахъ диссидентовъ оставался нерѣшеннымъ. Русскій посолъ, Репнинъ, дѣйствовалъ въ Варшавѣ весьма энергически, а король выказывалъ все большую и большую нерѣшительность и боязнь. Съ одной стороны, онъ склонялся на сторону требованій русскаго правительства, съ другой—его волч падала предъ буйнымъ крикомъ фанатической шляхты. Такимъ образомъ и въ 1766 году ничего не было сдѣлано, развѣ только прибавилось лишняго крику, да рѣшимости Поляковъ не уступать ни на шагъ въ дѣлѣ диссидентовъ. Репнинъ получалъ изъ Петербурга все болѣе и болѣе энергическія приказанія и былъ не въ состояніи ничего сдѣлать по нимъ. Репнинъ зналъ, что волненіе между католиками раздували, своими возмутительными разглашеніями, епископы: вилнаскій—Масальскій, краковскій—Солтыкъ и каменецкій—Красинскій, и рѣшился было расположить, по ихъ деревнямъ, находившіяся въ Польшѣ русскія войска, но, удержался отъ этого, боясь испортить все дѣло. Репнинъ обратился къ королю съ требованіемъ правъ для диссидентовъ, прибавивъ при томъ угрозу, что если на предстоящемъ сеймѣ не бу-

¹ С. Соловьевъ, „Европа въ концѣ XVIII вѣка“, *Русскій Вѣстн.*, 1862 г., нр., стр. 498.

дуть исполнены эти требованія, то для подкрѣпленія ихъ уже готовы на границахъ сорокъ тысячъ русскаго войска. Король представлялъ невозможность склонить Поляковъ къ этому удовольствованію.

Между тѣмъ наступило время собранія сейма. Репнинъ дѣятельно хлопоталъ чтобы довести диссидентское дѣло до желаемого результата; онъ настаивалъ, чтобы диссидентамъ былъ открытъ доступъ во всѣ гражданскія должности въ судебныхъ мѣстахъ, чтобы имъ дано было участіе въ правленіи, и чтобы они были допущены, хотя въ ограниченномъ числѣ, въ земскіе послы (депутаты на сеймы). Въ это время король и люди, на которыхъ Репнинъ болѣе всего надѣялся, стали говорить даже, что подобная попытка будетъ вредна для отечества и что если прежде обѣщано было содѣйствовать диссидентскому дѣлу, то въ виду имѣлась только вѣротерпимость.

Сеймъ 1766 года прошелъ также, если не болѣе, бурно, какъ и всѣ предшествовавшіе. Депутатъ Гуровскій началъ было говорить въ пользу диссидентовъ; но его чуть не изрубили въ куски, и дѣло опять остановилось.

Было очевидно что польско-католическая и диссидентская партіи не могли покончить дѣло миролюбиво и что ни та, ни другая не могли уступить. Польская партія сочла бы такую уступку величайшимъ униженіемъ для націи, нарушеніемъ правъ и вольностей Рѣчи Посполитой и преступленіемъ противъ римско-католической религіи. Съ своей стороны и диссиденты не могли же помириться съ своимъ безправнымъ положеніемъ въ королевствѣ. Рано или поздно, но открытое столкновеніе этихъ двухъ партій, изъ которыхъ на сторонѣ одной былъ фанатизмъ, а на сторонѣ другой высокое убѣжденіе въ правотѣ своего дѣла, было неизбежно, тѣмъ болѣе что слабѣйшую партію, диссидентовъ, поддерживало русское правительство. Когда Репнинъ, послѣ бурнаго сейма 1766 г. убѣдился, что однимъ дипломатическимъ путемъ ровно ничего нельзя сдѣлать въ анархической Польшѣ, ему указано было еще одно средство, именно конфедерація между диссидентами. Мысль эта была немедленно приведена въ исполненіе. Литовскіе диссиденты обратились къ русской императрицѣ, съ просьбой о покровительствѣ, и Екатерина манифестомъ отъ 6 октября объявила себя на сторонѣ диссидентской конфедераціи.¹

¹ *Извѣстія объ униі Баятышъ-Каменскаго*, стр. 385.

3 декабря диссиденты въ Литвѣ издали манифестъ о конфедераціи. Въ этомъ манифестѣ диссиденты изложили основанія своей конфедераціи и причины побудившія къ ней. Они предъ цѣлымъ свѣтомъ свидѣтельствовали, что богослуженіе ихъ не причиняетъ Рѣчи Посполитой ни малѣйшаго вреда; жаловались на притѣсненія, на лишеніе всякихъ правъ, на недопущеніе ихъ къ должностямъ и проч. Въмѣстѣ съ тѣмъ диссиденты обратились съ просьбой о защитѣ ихъ къ правительствамъ: русскому, прусскому, шведскому и датскому¹.

Конфедерація, въ началѣ 1767 г., избрала своимъ мѣсто-пробываніемъ Слуцкъ. Начальникомъ былъ выбранъ Грабовскій. Кроме того былъ приглашенъ къ ней бѣлорусскій епископъ Георгій Конисскій и другія лица православнаго и протестантскаго вѣроисповѣданій. Основанія конфедераціи и свои требованія они, въ упомянутомъ актѣ, выразили такимъ образомъ: „свидѣтельствуемся предъ Богомъ, судією нашей невинности, предъ его величествомъ королемъ, нашимъ государемъ, и предъ нашимъ любезнымъ отечествомъ что мы соединились единственно доставить себѣ наши права, привилегіи, преимущества, равенство, свободу нашей вѣры, нашей чести, нашей жизни и нашего имѣнія, бывъ готовы самымъ дѣломъ защищать все сіе до послѣдней капли нашей крови.“²

Этотъ актъ Слуцкой конфедераціи, подкрѣпленный новыми энергическими требованіями русскаго и другихъ правительствъ, повелъ за собой созваніе новаго сейма въ Варшавѣ. Собраніе началось шумнѣе прежнихъ лѣтъ. Сеймъ не хотѣлъ сдѣлать даже самыхъ маловажныхъ уступокъ, и вообще ожесточенно и фанатически отнесся къ вопросу о диссидентахъ. Во главѣ сейма стояли люди, закоренѣлые въ нетерпимости къ не-католикамъ: панскій нуацій и епископы Солтыкъ, Залусскій, Красинскій, кроме того Ржевусскіе. Ожесточеннѣе всѣхъ былъ Солтыкъ. Сеймъ шелъ за ними, и никого болѣе не хотѣлъ слушать. Нельзя было ожидать ничего хорошаго отъ этого сейма. Тогда Ревиня въ рѣшилася на крутую мѣру. Въ ночь на 14 сентября, Солтыкъ, Залусскій, коронный гетманъ Ржевусскій были арестованы (Красинскій успѣлъ бѣжать)³ и отправлены подъ сильнымъ конвоемъ въ Вильно, къ

¹ *Извѣстіе объ Уніи* Балуцка-Камекаго стр. 387.

² Тамъ же, стр. 388.

³ *Rkp. Ossolinckych f. l. № 192 str. 55.*

генералъ-поручику Нумерсу, которому было приказано содержать ихъ съ довольствомъ и не оскорблять ничѣмъ. Черезъ нѣсколько дней явились къ Репнину делегаты, по одному сенатору отъ каждой провинціи, съ просьбой освободить арестованныхъ и дать ручательство за безопасность другихъ депутатовъ. Репнинъ отказалъ въ просьбѣ, и объявилъ имъ, что отчетъ въ своихъ поступкахъ отдастъ императрицѣ ¹.

Этотъ смѣлый и рѣшительный поступокъ Репнина сразу подвинулъ дѣло. Немедленно была составлена изъ депутатовъ земская коммиссія для разсмотрѣнія требованій диссидентовъ, и 19 ноября 1767 г. былъ подписанъ актъ терпимости, а 17 февраля 1768 г. заключенъ между Россіей и Польшей трактатъ слѣдующаго содержанія: ²

1) „Всѣ бывшія отъ 1-го января 1747 г. претензіи православныхъ на убитовъ и диссидентовъ на католиковъ, подѣламъ вѣры, предать забвенію.

2) „Конфедераціи Торунскую и Слудскую признать законными.

3) „Узаконенія Ягеллона противъ еретиковъ, и всѣ установленія, издаваемыя противъ православныхъ и диссидентовъ, считать уничтоженными.

4) „Отнынѣ православные всякаго званія и состоянія должны имѣваться не еретиками, не отступниками, не схизматиками или дизунитами, но православными, духовные же епископами, владыками; а молебные дома, церквами Божьими, вѣра же не сектой, не ересью, не расколомъ, но вѣрою, религіей или исповѣданіемъ.

5) „Православнымъ позволяется имѣть въ Польшѣ и Литвѣ церкви, школы, госпитали, и въ случаѣ обветшанія или когда церковь, школа, богадѣльня сгоритъ, дозволяется строить, починять, безъ испрашиванія позволенія у католиковъ.

6) „Православные или вообще неуміаты имѣютъ право свободно отправлять богослуженіе во всемъ пространствѣ, какъ-то: отправлять церковные обряды, поставлять священниковъ, совершать тайны, браки, отаравлять публично погребеніе, звонить въ колокола и пр.

7) „Православные или неуміаты духовнаго и свѣтскаго званія; не подлежатъ суду духовному римскому.

8) „Епископъ Бѣлорусскій,—архимаалриты: Слудскій, Виленскій, Милскій, Пинскій, Бжескій, Яблонцкскій, Бельскій, Дроголицкскій, со всеми церквами, монастырями и ихъ имуществами состоящими на лицо и имѣющими возвращаться къ нему епископу, вѣчно при вѣрѣ православной должны быть сохранены.

9) „Дозволяется печатать духовныя книги и заводить типографію.

¹ С. Соловьева, „Европа въ концѣ XVIII вѣка“, Русск. Вѣст. 1862 г. ноябрь.

² *Voluntaria legit t. VII f. 566—595.*

10) „Разрѣшается бракосочетаніе между людьми разной вѣры, съ тѣмъ, что сыновья должны остаться въ отцовской, а дочери въ материнской вѣрѣ.

11) „Запрещается принуждать православныхъ или неуміатовъ, къ празднованію католическихъ обрядовъ.

12) „Семинаріи и школы, заведенныя для православныхъ дѣтей, дворянскаго и мѣщанскаго сословія должны быть оставлены въ покоѣ.

13) „Никто не долженъ быть принуждаемъ къ перемѣнѣ религіи. ■

14) „Отнятыя у православныхъ или неуміатовъ церкви и монастыри, съ ихъ имуществами, возвратить обратно.

15) „Постановлено учредить въ Варшавѣ для обѣихъ сторонъ судъ изъ 17 особъ, для рѣшенія дѣлъ о чинахъ и имѣніяхъ православныхъ или неуміатовъ, на которомъ дозволяется присутствовать и Бѣлорусскому епископу.

16) „Вѣра не можетъ служить препятствіемъ людямъ православнымъ или неуміатамъ къ приобрѣтенію индигената или дворянства, такъ какъ они имѣютъ это право со времени присоединенія къ республикѣ, следовательно имъ возвращается активитетъ какъ въ гражданскихъ такъ и въ воинскихъ чинахъ.

17) „Дворянамъ и мѣщанамъ православной или неуміатской вѣры, дается полное равенство наравнѣ съ католиками“

Таково содержаніе трактата. Но могъ ли этотъ трактатъ, вынужденный силой, угрозамъ, неблагоприятными для Польши обстоятельствами и иностраннымъ вмѣшательствомъ въ ея дѣла, могъ ли онъ на дѣлѣ облегчить участь православнаго населенія? Могла ли католическая Польша отказать отъ того произвола и насилія надъ православными, которыя были ей обычаемъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ? И для того ли на всемъ пространствѣ Польши было столько шляхетскаго крика, чтобы дозволить чужой, иноземной волѣ распоряжаться дѣлами вольной Рѣчи Посполитой! Признаніе за диссидентами гражданскихъ и политическихъ правъ получило освященіе официальнымъ утвержденіемъ его русскимъ и польскимъ правительствами, но въ сущности? трактатъ имѣлъ значеніе [только *ex officio*; на дѣлѣ же онъ врядъ ли могъ привести къ желаннымъ результатамъ: противъ него была вся исторія Рѣчи Посполитой.

Дарованіе диссидентамъ правъ неизбѣжно должно было вызвать реакцію во всемъ католическомъ населеніи Польши. Кто такъ недавно гаумился надъ не католиками, не могъ спокойно смотрѣть, какъ по настоянію иноземнаго правительства, и противъ воли вельможной шляхты, диссиденты сравнивались въ

правахъ съ католиками. Въ самомъ дѣлѣ, еще не прошло первое впечатаніе, произведенное этимъ трактатомъ, какъ въ католическомъ мірѣ началось броженіе. Католическое духовенство постаралось подогрѣть энтузіазмъ шляхтича; оно было главнымъ двигателемъ этого броженія, направленного противъ короля, подписавшаго трактатъ, и диссидентовъ, получившихъ на основаніи трактата гражданскія и политическія права и равенство съ католиками.

Краковскій епископъ Солтыкъ, находясь подъ арестомъ, успѣлъ написать ко всемъ вѣрнымъ католикамъ манифестъ отъ 13 октября 1767 г. Въ этомъ манифестѣ, жалобно разказывая о своемъ арестѣ и обвиняя Репнина и диссидентовъ, Солтыкъ проситъ и заклинаетъ католиковъ употребить всѣ силы на защиту католической вѣры, на отпоръ диссидентамъ, на сохраненіе правъ и вольностей народа, и умоляетъ Поляковъ показать себя вѣрными католиками и достойными сынами своихъ предковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Солтыкъ протестовалъ противъ всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя на сеймѣ могли бы причинить ущербъ католической религіи и которыя были бы направлены въ пользу диссидентовъ¹. Кроме того, Солтыкъ послалъ своей паствѣ посланіе, также исполненное слезъ и жалобъ на свою неволю, въ которомъ умолялъ вѣрныхъ католиковъ молиться Богу, чтобъ оны усмирили бурю, вызванную требованіями диссидентовъ². Находявшійся въ Варшавѣ папскій нунцій, съ своей стороны, тоже протестовалъ энергически.

Произошло одно изъ обыкновенныхъ явленій въ исторіи Польши,—образовалась конфедерация въ мѣстечкѣ Барѣ, Подольскаго воеводства. Предводителями ея были Красивскій и Пулавскій; къ нимъ присоединился также, извѣстный своимъ богатствомъ и связями, Потоцкій. 29 февраля 1768 года, конфедераты издали манифестъ, напоминающій фанатизмъ среднихъ вѣковъ. Манифестъ призывалъ Поляковъ къ защитѣ католической вѣры и вольностей Рѣчи Посполитой и къ вооруженію противъ короля. Особенно интересна присяга, которую давалъ каждый конфедератъ: „Присягаю Господу Богу въ единой Троицѣ, Святой Дѣвѣ, непорочной Маріи и всемъ святымъ,

¹ Mater. dla Konfed. Barsk. zebrał Morawski, t. I. str. 11.

² Тамъ же, стр. 13.

венно патронамъ короны польской, и тебѣ, глава
 ви римской, святѣйшій папа, въ томъ, что тайны при-
 учивенной на защиту римско-католической вѣры, ни-
 кому не выдамъ, никакимъ лицамъ, ни на сѣздахъ, ника-
 кимъ легкомысленнымъ поступкомъ, ни близкому другу, какъ
 мушьянъ, такъ и жевьянъ. Отъ вѣры римско-католической
 не отступлю и до послѣдней минуты моей жизни буду защи-
 щать ее оружіемъ и сердцемъ, до тѣхъ поръ, пока она не
 будетъ упрочена и устроена. Также обязываюсь этою прися-
 гой, что никакой духовникъ не въ состояніи будетъ скло-
 нить меня къ нарушенію этой присяги; и еслибъ я сдѣлалъ
 что-нибудь противъ этой присяги и вышеозначенныхъ пунк-
 товъ, то да покараетъ меня Богъ и Евангеліе, на которомъ
 я присягаю“¹. Кромѣ того конфедераты издали 12 фев-
 раля универсалъ, и въ немъ изложили принципъ конфедера-
 ціи и свои требованія².

Шляхта волновалась и торопилась стать подъ знамя Бар-
 ской конфедераціи. Но шляхта, съ горячностію устремившая-
 ся на защиту католической вѣры и вольностей народа, то-есть
 къ отнятію правъ у диссидентовъ, была слишкомъ несостоя-
 тельна. Въ Европѣ конфедератовъ называли фанатиками и
 острили надъ ними. Конфедераты принадлежали большей
 частью къ той шляхтѣ, которая составляла самую больную
 часть польскаго общества. Это былъ грязный осадокъ шля-
 хетскаго сословія, полнѣйшее олицетвореніе права силы, гру-
 быхъ инстинктовъ, не умѣряемыхъ никакими законами.

Дюмуре присланный къ конфедератамъ изъ Франціи, все-
 ма не благосклонно отзывается въ своихъ запискахъ объ
 этихъ защитникахъ католической вѣры и польскихъ вольно-
 стей. Онъ говоритъ, что у нихъ не было хорошаго предводи-
 теля, что главы конфедераціи жили съ изумительною роскошью,
 что конфедераты проводили время за картами, объ-
 дами, играми, въ пьянствѣ, буйствѣ, при совершенномъ отсут-
 ствіи дисциплины.

Естественно, что конфедераты, поднявъ знамя на защиту
 католической вѣры, не имѣли ни малѣйшаго состраданія
 къ православному населенію, къ диссидентамъ, противъ кото-

¹ Mater. dla Konfed. Barsk. Zebrał Morawski t. I. str. 19.

² Тамъ же стр. 22.

рыхъ они ратовали. Трудно было ждать отъ конфедератовъ пощады, и тяжело отозвалась эта конфедерація въ жизни православнаго люда.

V.

Православное населеніе задніпровской Украины встрѣтило трактатъ, почти равнодушно. Къ народу долетали слухи о послѣднихъ варшавскихъ событіяхъ, о нежеланіи Поляковъ облегчить ихъ участь, и наученный примѣрами прежнихъ лѣтъ, онъ не думалъ, чтобы трактатъ, по которому православные получали права наравнѣ съ католиками, могъ имѣть серьезное значеніе. Потомки украинскихъ казаковъ не могли довѣрять Полякамъ. Они знали, что Поляки, давъ права сегодня, завтра могутъ отнять ихъ, и что трактатъ на бумагѣ нисколько не обезпечивалъ ихъ. Кромѣ того, въ трактатѣ не было сказано ни слова о крѣпостномъ сословіи и объ огражденіи личности крестьянина отъ злоупотребленій помѣщичьей власти и шляхты.

Въ народѣ еще прежде начала бродить мысль о томъ, нельзя ли отдѣлаться отъ Поляковъ своими средствами. Воспоминаніе о *хмельничинѣ* подкрѣпляло эту надежду. Правда, съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, но мысль о возможности раздѣлаться съ Польшею силою постепенно зрѣла, и въ средѣ народа началось броженіе. Это броженіе скоро перешло въ грозную бурю, въ общее возстаніе противъ польскаго господства.

Еще въ 1765 году, жаботынскій сотникъ, собравъ семь сотъ казаковъ, рѣшился было уже въ Жаботынѣ и въ окрестностяхъ начать возстаніе. Князь Чарторыйскій, русскій воевода и рейментаръ, да субатеръ „украинской партіи“, Вороничъ, предупредили возстаніе, схвативъ обманомъ или хитростію Харька, и безъ всякаго суда, въ послѣднихъ числахъ мая, въ селѣ Шамраевкѣ, отрубили ему на конюшнѣ голову. Собранные имъ казаки разошлись. Память о Харькѣ сохранилась въ народной пѣснѣ.¹

Послѣ казни Харька, казалось, все затихло. Нигдѣ не

¹ *Исторія обѣ уни, Бялгъ-Камельскаго, стр. 432. Исторія Малороссіи Маркевича, II т. стр. 659. Relac. deputacyi o bunt. часть I. стр. 45. Украинскія пѣсни. Собр. Металевскаго, стр. 425.*

было замѣтно движеніа. Крестьяне работали на своихъ помещиковъ. Вельможные паны спокойно проживали въ своихъ палатахъ и замкахъ, не опасаясь возстаній со стороны покорныхъ хлоповъ. А между тѣмъ въ Варшавѣ шелъ вопросъ о диссидентахъ. Русское правительство подкрѣпляло свои требованія угрозами, и когда на границахъ Польши, расположились русскія войска, Поляки увидѣли, что вопросъ о дарованіи диссидентамъ правъ и свободы вѣроисповѣданія принялъ оборотъ не шуточный. Поляки были страшно раздражены, но не имѣя возможности устранить требованія докучливаго сосѣда и домогательства диссидентовъ, стали вымещать свою злобу на простомъ народѣ. Преслѣдованія, несмотря на существованіе трактата, даровавшаго народу гражданскія и политическія права, еще болѣе усилились. Переславскій епископъ Гервасій доносилъ святѣйшему синоду въ началѣ 1768 г., что „яроств не утишаются, но ваче возстають, за пособленіемъ губернаторовъ и придворскихъ людей“. Гервасій послалъ Екатеринѣ жалобу, въ которой говорилъ, что „православный народъ украинскій находится въ таковой тѣснотѣ и нуждѣ, какова была развѣ во времена апостольскія“. Конисскому Гервасій писалъ въ началѣ марта, что „уніаты не престають своихъ производить мучительствъ, всякими образы бьютъ и мучать православный народъ и священство, понеже ни откуда не видятъ пострашенія.“¹ „Губернаторы и другіе паны, кто вырвется, мучать безъ уваги,“ писалъ іеродіаконъ Іоаннъ Мельхиседеку Зачекъ-Яворскому, игумену Мотронинскаго монастыря. Вороничъ стоявшій съ обозомъ подъ Бѣлою Церковью помогалъ гонителямъ. Мокрицкій не отставалъ отъ шляхты и усиливалъ преслѣдованіе православныхъ. Шляхта была озлоблена и противъ короля Станислава, и противъ Екатерины II, и это озлобленіе выливалось въ жестокомъ глумленіи надъ народомъ. Такъ губернаторъ Хилинскій, закупщикъ Клячковскій и поковникъ Каминскій, наказывая плетью, чтобы склонить къ уніи, священника села Пекарей Филипа Иванова, приговаривали: „Це тобі за государиню, за короля, за святѣйшій синодъ, за архіерея, и за вся православные христіане,“ и дали ему 280 ударовъ; уніаты для опредѣленія времени наказанія читали: „Блаженни непорочни“ и „Помилуй мя Бо-

¹ Мельхис. Зачекъ-Яворскій. О. Лебединцева стр. 89.

же“ трижды. Жиды брили головы и бороды православныхъ священниковъ, а Поляки били по обритымъ головамъ ружейными прикладами. Многихъ били такъ, что были видны кости; иныхъ, положивъ на земаю, забивали въ колодки и кидали въ ямы. Шляхта грабила народъ, хвастливо приговаривая: „будьте довольны тѣмъ, что жизнь у васъ оставляемъ.“ Поляки распустили слухъ, что обратятъ въ ничто всю Украину, и многіе изъ народа собирались бросить свою родину. Въ довершеніе всего этого, отъ Бара къ Бѣлой Церкви двинулись конфедераты и разсыпались по Украинѣ, производя вездѣ грабежи, разбои и опустошенія¹. Положеніе народа было ужасное; ни откуда не было помощи; народъ терпѣлъ, съ отчаяніемъ ждалъ спасенія, а оно не приходило. Оставалось самому попытаться, попробовать избавиться отъ польскаго ига собственными силами.

Поставленный несчастными историческими обстоятельствами въ зависимость отъ Польши, народъ не могъ мириться ни съ этими обстоятельствами ни съ правами Польши на Украину; онъ признавалъ только фактическое господство Польши надъ Украиной, пассивно относился ко всему, что оно предписывало, но въ немъ было убѣжденіе, что это господство не можетъ быть вѣчно. Преданія о Хмельницкомъ, о войнахъ казаковъ съ Поляками, о погромѣ шляхты, передавались изъ рода въ родъ. По селамъ раздавались пѣсни о вражьихъ Ляхахъ; слышалась дума о казацкихъ побѣдахъ, о герояхъ казачества, о быломъ торжествѣ народа. Прощедшее не было забыто; о немъ говорили, думали и подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній, разгоралась старая вражда. Чѣмъ сильнѣе былъ гнетъ, тѣмъ ожесточеннѣе должно было выразиться противодѣйствіе.

Произволь шляхты, рабство, поруганіе православія, анархическое состояніе государства, наконецъ всѣ условія польскаго господства, вызвали, какъ противодѣйствіе себѣ, такъ-называемое гайдамачество. Между украинскимъ населеніемъ были люди, которые не могли носить оковы рабства. Они уходили въ широкую степь, на полную волю. Много было причинъ этого разрыва всякой связи съ обществомъ. Бѣжали въ степь отъ оскорбленій Ляха. Бѣжали хлопны отъ тяжелыхъ условій крѣпостнаго права; бѣжали люди,

¹ Мельгис. Зачекъ-Яворскій. О. Лебедикова, 89—90 стр.

раззоренные шляхтой и Жидами; бѣжали отъ поруганія прѣвославної вѣры и отъ уни. Бѣжали сироты, голода, не имѣвшая „ни родины, ни хатыны.“ Бѣжали наймиты, винокуры, работники, утомившіеся на тяжелой панщинѣ. Иные шли въ степь, изъ любви къ вольной жизни, гдѣ бы можно было пройтись молодцу, дать просторъ душѣ, погулять широко и размашисто. Въ одной народной пѣснѣ¹ характеристически высказано за чѣмъ тогдашній человѣкъ пускался въ гайдамачество и какъ онъ смотрѣлъ на жизнь:

„На що-жъ тобі, пане-брате, торбику таскати?
 Лучше тобі, пане-брате, людей разбивати.
 Чи знаєшь ти, пане-брате, що будемъ ділати:
 Выріжемо вражихъ смаявъ, будемъ пановати!
 Чи бачишь ты, пане-брате, за лисомъ могила;
 Чи ти умрешъ, чи повиснешъ—разъ мата родила!...“]

Всѣ эти бѣглецы изъ общества направляли свой путь въ запорожскія степи. Бѣгство не представляло никакихъ затрудненій. Въ Польшѣ были слишкомъ слабо развиты законы пресѣкающіе бродяжничество, и правительство принимало чрезвычайно недостаточныя мѣры для огражденія общества отъ него. Въ провинціяхъ этотъ своевольный выходъ изъ общества въ степь былъ очень легокъ. Границы Волыни, Украины и Подолія соприкасались съ запорожскими степями. Длинную черту этихъ границъ охранялъ небольшой отрядъ польскихъ войскъ, не имѣвшій ни какой возможности остановить выходъ въ степи. Проскользнуть мимо пограничной стражи было очень не трудно. За чертой лежала пространная необъятная степь. Тамъ, на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ миль раскинулись паланки или хутора выходцевъ. Тамъ несчастные горемыки могли отдохнуть отъ тѣхъ невзгодъ, которыя заставляли ихъ бросать свою дорогую „батькищину.“

Въ паланкахъ запорожскихъ степей жило много выходцевъ и изъ восточной Украины, но особенно изъ западной, томившейся подъ игомъ Польши. Поселившіеся въ степи находились въ тѣсной связи съ Запорожьемъ. Братья-Запорожцы были гостепріимны, принимали ихъ въ свое „товариство“, оказывали имъ покровительство и помощь.

¹ Украин. народн. пѣсни, собр. Максимовича, стр. 173.

По мѣрѣ того, какъ на Украинѣ усиливалось религиозное и гражданское преслѣдованіе, усиливалось и бѣгство изъ нея въ запорожскія степи. Паланки, хутора и вообще степи наполнялись все новыми и новыми бѣглецами, приносившими съ собою недобрыя вѣсти о судьбѣ братьевъ, томившихся подъ польскимъ игомъ. По степи, между выходцами, пошли разказы о событіяхъ на родинѣ, терзаемой и угнетаемой Ляхами. Съ каждымъ днемъ приходили новыя и новыя вѣсти о томъ какъ Ляхъ глумится надъ казакомъ и надъ православнымъ, какъ Жидъ подъ защитою пана обдираетъ казаковъ; отовсюду приходили вѣсти, что запираютъ или жгутъ церкви, вѣшаютъ и мучать людей, гонять духовенство, вводятъ силой ненавистную унію. Эти разказы подогрѣвались думами, въ которыхъ выходцы читали свою прошедшую исторію, свои прежніе казацкіе подвиги, и сердца выходцевъ обливались кровью, при воспоминаніи о казацкой славѣ,

„Що по всему свѣту дубомъ стала,
Що по всему свѣту степомъ разляглась, простяглась,
Да по всему свѣту луговымъ гомомомъ раздалась,
Туреччинѣ, да Татарчинѣ добрымъ лихомъ знати далась,
Дай Ляхамъ на списъ оддалась.“¹

И скоро, подъ вліяніемъ событій, разыгравшихся на Украинѣ, повторилось давно знакомое Полякамъ гайдамачество. Начались наѣзды, отдѣльными партіями или ватагами, на польскіе замки, старостинскія церковныя имѣнія и жидовскія мѣстечки. Наѣзды всегда были съ юга, со стороны Запорожья. Запорожцы были то ватажками, то-есть предводителями наѣзда, то составляли самосядро отряда, когда партія выходила изъ Сѣчи, чтобы помѣряться съ Ляхомъ въ молодецкой схваткѣ, чтобы приобрѣсть что-нибудь на поминованіе христіанской души. Само собою разумѣется, что въ гайдамачество рѣдко ходили женатые казаки, проживавшіе въ своихъ зимовникахъ или хуторахъ. Большею частію отряды составлялись изъ холостого „товариства“ и особенно изъ тѣхъ, которые занимались на дніпровскихъ лиманахъ рыбною² и звѣриною ловлею, и между которыми

¹ Украинск. Народ. Пѣсни собр. Максимовича ст. 28.

² Рыбныя ловаи находились въ Дніпровскомъ, Бугскомъ и Тилигульскомъ лиманахъ. *Исторія Новой Сѣчи*, Скальковского, II т., стр. 127.

было много такихъ, которые, что „загорюють (заработаютъ), то все „черезъ пьянство и прогайнують“ (промотаютъ), и когда уже послѣ „дичимъ похмелиться, да и навиткиль поживиться“, рѣшаются идти на гайдамачество, глядя на это дѣло, по пословицѣ „воля и одвага, або медъ пье, або кандалы тре“¹. И направлялись гайдамаки знакомою дорогою, по которой не разъ ходилъ казакъ въ Польшу. Отряды гайдамаковъ всегда ходили подѣ предводительствомъ опытнаго вождя, или „ватажки“, знавшаго степь и дорогу къ Польшѣ, какъ свои пять пальцевъ. Большею частью это были, такъ-называемые, „характерники“, то-есть люди, которые, чрезъ свое удалство, прослави между товарищами за волшебниковъ, которыхъ не беретъ никакое оружіе. Во главѣ такихъ-то „характерниковъ“ шла „гомота“ на Польшу, чтобы погулять тамъ на счетъ вельможнаго панства, шляхты и жидовства, и расправиться за польскія неправды. Пробираясь степью, потомъ лѣсами, гайдамаки съ быстротою молніи врывались въ мѣста, гдѣ жили Поляки и Жиды, и никому не давали пощады, и никакого снисхожденія никто не могъ ждать отъ нихъ. Иногда гайдамацкій набѣгъ охватывалъ довольно обширное пространство; въ одну ночь исчезнуть многочисленная семья Евреевъ и Поляковъ; въ одну ночь много панскихъ замковъ превратится въ груду развалинъ, много прольется крови, и много перейдетъ золота и драгоценностей въ карманы гайдамаковъ. Иногда „они драли Ляховъ и Жидовъ въ Польшѣ такъ сильно, что Ляхи отъ страха кидали дома и жилища и уходили до лясу (въ лѣса), во внутреннюю Польшу, за Варшаву, а Жиды безъ вѣсти пропадали и духу боялись Запорожскаго“². Погулявъ по польскимъ замкамъ и мѣстамъ, гдѣ жило католическое и жидовское населеніе, Запорожцы уходили обратно въ степь. Почти каждый гайдамацкій набѣгъ сопровождается кровавымъ успѣхомъ; этому помогали отчасти недостатки стражи и, кромѣ того, то обстоятельство, что мѣста, подвергавшіяся гайдамацкимъ набѣгамъ, были мало заселены. Селеніе отъ селенія, замокъ отъ замка отстояли на нѣсколько миль. Границу окаймляли боль-

¹ *Записки Никиты Корфа, въ Исторіи Новой Сѣчи, Скальковского, II т. стр. 127.*

² *Записки Никиты Корфа, извлеченіе въ Напѣдахъ Гайдамакъ, Скальковского.*

міе лѣса, представлявшіе много удобствъ ускользнуть и скрыться отъ погони.

Какъ только проносился слухъ о появленіи въ лѣсахъ или гдѣ-нибудь въ заселенныхъ мѣстахъ гайдамацкой партіи, жолиеры польскихъ старостъ, помѣщиковъ и губернаторовъ отправлялись въ походъ, но рѣдко могли настигнуть гайдамаковъ, которые въ виду польскаго войска исчезали на своихъ быстрыхъ степныхъ коняхъ, являлись въ тылу, и „по-шарнавъ“ какой-нибудь замокъ, уходили въ степь. Успѣху гайдамацкихъ набѣговъ много содѣйствовало сочувствіе поселянъ, которые служили провожатыми гайдамакамъ, предупреждали ихъ о движеніи польскихъ войскъ; давали имъ убѣжище. Само собой разумѣется, что когда гайдамаки попадались въ руки Поляковъ, они не могли и думать о пощадѣ; ихъ ожидали обыкновенныя у Поляковъ казни: колъ, висѣлица, четвертованіе и пр. Но объ этомъ гайдамакъ рѣдко думалъ. Къ жизни они были совершенно равнодушны, а насмерть смотрѣли чуть ли не съ презрѣніемъ.¹

Поляки заподозрили Запорожскій кошь въ прямомъ участіи въ гайдамацкихъ набѣгахъ, и чтобы какъ-нибудь отомстить кошу, начали казнить Запорожцевъ, которые, случайнымъ образомъ или по торговымъ дѣламъ, являлись въ Задніпровскомъ краю. Уже въ 1730 году Поляки захватили 300 казаковъ, пришедшихъ въ Брацлавское воеводство для торговли или свиданія съ родными; плѣнные были умерщвлены, а имущество ихъ было разграблено. Съ тѣхъ поръ это повторялось довольно часто. Въ 1738 году 18 казаковъ, покупавшихъ хлѣбъ въ мѣстечкѣ Стеблеви, Подольскаго воеводства, были схвачены Поляками, отданы въ Немировъ, гдѣ, по приказанію губернатора, были повѣшены. Въ томъ же году партія Запорожцевъ, въ числѣ 102 человекъ, разныхъ куреней, пришла въ Уманьскую волость, по торговымъ дѣламъ. Губернаторъ, Антоній Табонъ, пригласилъ ихъ къ себѣ въ домъ, на кушанье, и тамъ, хитростію отнявъ у нихъ оружіе, всѣхъ перевѣшалъ на

¹ Поляки сами разказываютъ, до какой степени стоически переносили гайдамаки казни: одинъ среди пытки просилъ, чтобы ему дозволили умереть съ люлькой (трубкой). Другой, посаженный на колъ, самъ распоряжался своею казною и кричалъ палачамъ: „Эй хаюцы, паля не рывко бле“, то-есть, что колъ не прямо его прорѣзываетъ. *Исторія Новой Сѣчи* Скальковского, т. II, стр. 123.

рынкѣ, а лошадей и имущество взялъ себѣ. Въ Смылой, въ 1739 году, губернаторъ, схватилъ семерыхъ торговавшихъ казаковъ, чигиринскій губернаторъ тоже семерыхъ, черкасскій двухъ; всѣ они были умерщвлены. Поляки безпрестанно, при каждомъ удобномъ случаѣ, совершали такіа злодѣянія надъ Запорожцами находившимися въ Польшѣ; казнили ихъ и захватывали ихъ имущество. Все это повторялось и въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, и послѣ. Кромѣ того, отряды польскихъ войскъ, не успѣвая захватить гайдамаковъ на мѣстѣ, преслѣдовали ихъ въ глубину степей, являлись въ запорожскіе паланки и хутора, и убивали всѣхъ попадавшихся подъ руку. Все это влекло за собою взаимныя жалобы и протесты. Съ одной стороны жаловался кошъ, что Поляки навъзжаютъ на запорожскіе хутора, грабятъ, убиваютъ, нападаютъ на казаковъ, зашедшихъ въ Польшу, и предають ихъ казни. Съ другой, польскіе губернаторы предъявляли свои доказательства, что не проходило не только года, но даже мѣсяца, чтобы гайдамаки не нападали на польскія села, замки и города, и не предавали смерти помѣщиковъ, Жидовъ и дворянъ, не жгли и не грабили ихъ имѣній. Нельзя сказать, чтобы кошъ былъ безупреченъ. Если кошъ и не направлялъ самъ гайдамацкихъ наѣздовъ на Поляковъ, то и не принималъ противъ нихъ рѣшительныхъ мѣръ и не мѣшалъ „добрымъ молодцамъ“ расправляться съ Ляхами и Жидами. „Что за бѣда, говорили кошевому куренные атаманы,— что Ляхамъ и Жидамъ достается отъ нашихъ гультаевъ! Досталось колось и намъ отъ этой нехристи!“¹ Официально, на заурось русскаго правительства, кошъ совершенно отрекался отъ гайдамаковъ и отговаривался невозможностію унять ихъ. На выговоръ правительства, кошъ отвѣчалъ, что „всѣ таковыя безчинства причиняють не запорожскіе казаки, но такіе люди, которые ни въ Малой Росіи, ни въ Войскѣ Запорожскомъ не служатъ, и уповательно, подъ претекстомъ запорожскихъ казаковъ, сіе чинятъ польскіе гайдамаки и гультаи, шатающіеся по степямъ, и кромѣ степи, никакого пристанища себѣ не имѣють.“² Но когда правительство настаивало на своемъ требованіи, кошъ посылалъ команды, приостановить набѣги удальцовъ.

¹ *Наѣды гайдамаковъ* Скальковскаго, стр. 55.

² *Исторія Новой Сѣчи* Скальковскаго, т. II, стр. 122.

Нерѣдко кому рѣшался даже наказать какого-нибудь гайдамака, но это случалось только тогда, когда гайдамакъ былъ не на хорошемъ счету у „товариства“; по большей же части, всякая попытка наказать кого-либо за гайдамацкій промыселъ встрѣчала ропоть со стороны „товариства“, и дѣло оставалось безъ послѣдствій.

Начало гайдамацкихъ набѣговъ совпадаетъ съ временемъ появленія въ опустошенной Задніпровской Украинѣ магнатскихъ имѣній, староствъ и маестностей, однимъ словомъ, когда польское господство утвердилось въ ней въ своемъ настоящемъ значеніи. Сначала набѣги эти были незначительны, ограничивались раззореніемъ двухъ, трехъ помѣщичьихъ замковъ или умерщвленіемъ нѣсколькихъ десятковъ Ляховъ и Жидовъ, но мало-по-малу гайдамаки сдѣлались смѣлѣе, а набѣги ихъ кровопролитнѣе. Чѣмъ тяжеле становилась польскій гнетъ, тѣмъ ужаснѣе были набѣги гайдамаковъ, тѣмъ ужаснѣе была ихъ расплата. Цѣлые города превращались въ развалины. Такъ, въ 1743 году, былъ совершенно раззоренъ городъ Звенигородъ. Изъ городовъ населенныхъ Поляками, особенно не посчастливилось Умані. Находясь вблизи степей, Умань часто выдава на своихъ улицахъ кровавую гульню степныхъ рыцарей. На Умані гайдамаки отмщали свои пораженія. Двѣ высокія могилы, насыпанныя на костяхъ казенныхъ, свидѣтельствовали, что набѣги не всегда обходились даромъ, и возбуждали „добрыхъ молодцевъ“ на новые отчаянные подвиги. Такъ въ 1750 г., въ отмщеніе за пораженіе свое подъ Уманью, гайдамаки вырѣзали половину жителей этого города, и мѣста, гдѣ жило польско-католическое населеніе, въ большей части Подольской и Кіевской Украины, превратились въ пустыню.¹

К. КОЗЛОВСКІЙ.

(До слѣдующ. №.)

¹ *Исторія Новой Сѣчи Скальковскаго*, стр. 340.

РАЗСВѢТЪ

Долго надъ нами висѣли
Черныя тучи кругомъ,
Долго во мракѣ, безъ цѣли,
Шаи и спросить мы не смѣли
Гдѣ мы, куда мы идемъ?

Долго въ тревогѣ мы ждали—
Выглянетъ солнце или нѣтъ?
Много душевной печали
Въ это мы время узнали,
Много извѣдали бѣдъ!

Сердце въ насъ горестно ныло,
Очи смежались уже сонъ;
Тихо духовная сила
Выхода, воли просила,
Голосомъ слабымъ какъ стонъ....

Вдругъ засверкала зарница,—
Свой намъ привѣтъ она шлетъ!
Ожили мрачныя лица,
Шумною мы вереницей
Двинулись къ свѣту—впередъ.... •

Ф. ИВАНОВЪ.

ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА I.

Хоть и прошлая, но не совсѣмъ милая картина.

Если читатель дастъ себѣ трудъ пробѣжать въ умѣ своемъ весь предыдущій разказъ мой, то онъ, несмотря на случайность выведенныхъ мною лицъ, несмотря на несходство ихъ между собой, прослѣдитъ одну общую всѣмъ имъ черту: всѣ они живутъ по какому-то точно навсегда уже установившемуся для Русскаго царства механизму. Разумѣется, всѣмъ, кто поумнѣй и почестивѣй, какъ-то неловко; но всѣ, въ то же время, располагаютъ жизнь свою по тѣмъ правиламъ, которыя скорѣй пришли къ нимъ черезъ ухо чѣмъ выработались изъ собственнаго сердца и пониманія.

Герой мой, напримѣръ, не имѣя ни способности и никакой склонности къ службѣ, служить и думать что тѣмъ онъ исполняетъ долгъ свой. Женившись на богатой дѣвушкѣ онъ давно уже былъ къ ней болѣе чѣмъ равнодушенъ, но считалъ своимъ долгомъ по возможности скрывать это.

Бѣдная моя Софи Ленева, живя подѣ покровительствомъ Эммануила Захаровича, тоже врядъ ли не полагала, что это доагъ ея. Окружавшее ее богатство заставляло забывать все: многія молодыя дамы, обыкновенно дѣлавшія при ея имени гримаску, въ душѣ завидовали ея положенію; всѣ пріѣзжіе артисты и артистки и вся мѣстная молодежь считали себѣ за честь бывать у ней на вечерахъ, и были въ восторгѣ отъ ея роскоши и красоты.

Изъ другихъ знакомыхъ намъ лицъ, молодые Галкины, несмотря на ограниченныя способности, хотъ и плохо, но учились.

Николенька, сынъ доброй губернаторши, если только помянуть его еще читатель, тоже состоялъ въ одномъ военно-учебномъ заведеніи и наскучалъ матери только тѣмъ, что сѣвдалъ, по крайней мѣрѣ, по полупуду въ день конфетъ, и это ужасно пугало ее насчетъ его здоровья.

Но самымъ лучшимъ примѣромъ, какихъ звѣрковъ то суровое время могло усмирять, служилъ Викторъ Басардинъ. Возвратясь изъ отпуска, на которомъ мы съ нимъ встрѣтились, онъ на первыхъ же порахъ, по юношеской неопытности, вздумалъ было схватить полковаго командира за воротъ. Его за это разжаловали въ солдаты и сослали на Кавказъ. Тамъ онъ едва выкляпая, чтобъ его произвели въ офицеры, и сейчасъ же вышелъ въ отставку. Въ это время умерла Надежда Павловна; имѣннице свое она отдала мужу. Викторъ, пріѣхавъ на родину и ошибшись въ расчетѣ, избилъ до полусмерти бѣднаго Петра Григорьевича. Тотъ пожаловался на него губернатору и предводителю. Виктора, за оскорбленіе отца, посадили на годъ въ смиренный домъ, откуда, освободясь и проживъ потомъ въ Москвѣ, безъ куска хлѣба и безъ сапогъ, онъ, холодный и голодный, пришелъ смиренно къ сестрѣ. Та сказала надъ нимъ и опредѣлила его у Эммануила Захаровича по откупу. И такимъ образомъ, наученный горькими опытами жизни, молодой человекъ обнаруживалъ къ сестрѣ величайшую вѣжливость, а къ Галкину почти благоговѣніе.

Въ дѣйствующихъ сферахъ общества, между тѣмъ, рѣшительно царствовала какая-то военная сила. Въ Петербургѣ придумали, что Англія будто бы страна торговли, Германія — учености, Італія — искусства, Франція — оселокъ, на которомъ пробуются разныя политическія учрежденія, а Россія — государство военное. Въ самомъ дѣлѣ.

оно, должно-быть, было военное! Какой-нибудь нашъ знакомый презусъ, гарнизонный полковникъ, получалъ въ годъ съ батальона тысячь по пятнадцати. Въ карабинерныхъ полкахъ, для образованія бравыхъ и молодцоватыхъ унтеръ-офицеровъ, изъ пяти кантонистовъ забивали двоихъ.

Губернаторы въ своей милой власти разыгрывались до послѣдней прелести.

За ними властвовали и господствовали откупъ. Разные Ардаки, разные Эммануилы Захаровичи и разные изъ Русскихъ плуты, по одной рожѣ-то каторжные, считались за геніевъ.

Люди, въ родѣ Нетопоренка, трактовались за людей необходимыхъ и полезнѣйшихъ для общества.

Дворянство, хоть и сильно курившее оуміамъ всевозможнымъ властямъ и почти поголовно лѣзшее въ службу, все еще обнаруживало нѣкоторое трепетаніе; даже нашъ скромнѣйшій и добрѣйшій Петръ Григорьевичъ говорилъ: „Мы, дворяне, кое-что значимъ! Все не мужики, не купцы и не мѣщане!“

Купечество, по разнымъ казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, плутовало спокойнымъ образомъ, зная, что деньгами всякую дыру, если только ее найдутъ, замазать можно.

Простой народъ сталъ приходить, наконецъ, въ отупѣніе: съ него брали и въ казну, и барину, и чиновникамъ, да его же еще чуть не ежегодно и въ солдаты отдавали.

Какъ бы въ отместку за все это, онъ неустово пилъ отравленную, откупную водку, и приходя оттого въ скотское бѣшенство, дрался, какъ звѣрь, или со своимъ братомъ, или съ женой, и безпрестанно попадалъ за то на каторгу.

Образованіе по всѣмъ вѣдомствамъ все больше и больше суживалось: въ корпусахъ было бессмысленно подтянутое, по гимназіямъ совершенно распущенное, а по семинаріямъ, чтобы не отстать отъ вѣка, стали учить только-что не танцовать. Оттуда, отсюда и отовсюду молодые люди выходили ничего не смыслящіе.

Всюду слышался неумолкающій ни на минуту, но въ то же время глухой и затаенный ропотъ.

Сама природа, какъ бы раздѣляя это раздраженно-напряженное состояніе, насылала то тутъ, то тамъ холеру.

ГЛАВА II.

Что-то вѣтъ другое!

Въ сентябрѣ, 1853 года, нашъ посолъ князь Меншиковъ выѣхалъ изъ Константинополя.

Зачѣмъ и изъ-за чего эта война началась въ народѣ и въ обществѣ никто понять не могъ. Впрочемъ не особенно и беспокоились: Турокъ мы такъ привыкли побѣждать! Но Европа двинула на насъ флоты англійскій, французскій и турецкій!

Хомяковъ писалъ въ стихахъ, что это на судъ Божій собираются народы.

Несмотря на нечеловѣческое самоотверженіе войска, стало однако оказываться, что мы не совсѣмъ военное государство; но за то государство совсѣмъ ужь безъ путей сообщенія...

Въ Европѣ удивлялись нашимъ полуголоднымъ солдатамъ и смѣялись надъ генералами.

Съ 18 февраля, 1855 года, Россія надѣла годичный трауръ.

Героизмъ Нахимова, горѣвшій, какъ отрадный свѣточъ, передъ очами народными, и тотъ, наконецъ, погасъ!

Въ сентябрѣ, 1855 года была напечатана лаконическая депеша изъ Севастополя: „наши верки страдаютъ“!

Исходъ дѣла сталъ для всѣхъ понятенъ.

Всѣ почувствовали общее и нельзя сказать чтобы несправедливое къ самимъ себѣ презрѣніе.

Русскій Вѣстникъ уже выходилъ. Щедринъ сталъ печатать свои очерки. По губерніямъ только поживались, и пошевеливались, и почти со слезами на глазахъ говорили: „Ей Богу, это вѣдь онъ насъ учитъ, а мы и не умѣли никогда такъ плутовать!“

Въ Петербургѣ тоже накопились.

Добрый нашъ пріятель, Цензоръ Ф***, можетъ-быть, лучше многихъ понимавшій состояніе общественной атмосферы, нашелъ совершенно невозможнымъ служить.

— Цензуры нѣтъ! шепнулъ онъ намъ однажды.— Нѣтъ ея! воскликнулъ онъ потомъ съ увлеченіемъ. Затѣмъ, будучи самъ большимъ шуауномъ по женской части, объяснилъ

подробнѣе свою мысль:—Я прежде въ повѣстахъ, или одинъ любовникъ являлся у героини, такъ заставлялъ автора непременно женить въ концѣ повѣсти; а теперь, помните, передъ героиней торчатъ трое обожателей, и къ концу всѣ разбѣгаются, какъ кобели!

По другимъ вѣдомствамъ совѣтники Нетопореаки вдругъ найдены несовременными.

Старый дубъ, Евсеій Осиповичъ, счелъ за лучшее успокоить себя въ званіи сенатора.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, 1857 года, на Сенатской площади, собрался народъ, говоря, что выдается указъ о волѣ. Но указъ выходилъ о порядкѣ перехода помѣщичьихъ крестьянъ въ казенные, и толпу разогнала полиція.

Всягдѣ за тѣмъ раздались довольно неопредѣленные толки, что дворянству поручено говорить на выборахъ объ улучшеніи быта крестьянъ.

Въ провинціи, впрочемъ, все это отражалось какимъ-то глухимъ и неопредѣленнымъ эхомъ.

Въ описываемый мною городъ пріѣхалъ одинъ вновь опредѣленный правовѣдъ и привезъ какой-то листокъ напечатанный въ Лондонѣ.

Молодой человѣкъ читалъ это въ большомъ обществѣ, и многіе имѣли неосторожность смѣяться. Чтеца на другой же день отправили въ Петербургъ съ жандармомъ и съ секретнымъ донесеніемъ, но тамъ его всего продержали три дня и выпустили.

Странно!!

Герой мой Баклановъ, все время передъ тѣмъ, какъ мы знаемъ, служившій и получившій даже Станислава на шею; вдругъ началъ находить, что ему неприлично это дѣлать, тѣмъ болѣе что все неслужебное около него какъ-то шевелилось, попридумывало, изобрѣтало кое-что.

— Я выйду, другъ мой, въ отставку, сказалъ онъ однажды женѣ,—и займусь лучше коммерческими дѣлами.

— Хорошо! отвѣчала та, и потомъ, съ обычнымъ своимъ благородіемъ, прибавила:—сумѣешь ли только?..

— Я думаю... тутъ не служба... я ничѣмъ и ничѣмъ связанъ не буду! отвѣчалъ Баклановъ.

Евпраксія ничего на это не сказала и ушла къ дѣтямъ.

Баклановъ вскорѣ потомъ подалъ въ отставку и сталъ отрацивать себѣ усы и бороду.

ГЛАВА III.

Скука среди семейнаго счастья.

Быль вечеръ. Въ большой гостиной, передъ карселевою лампой, мирнымъ и тихимъ свѣтомъ освѣщавшею стѣны, картины и мебель, въ покойномъ плюсовомъ сюртукѣ, сидѣлъ Баклановъ. Его лицо, сдѣлавшееся отъ отпущенныхъ усовъ и бороды еще красивѣе, было печально.

Евпраксія, тоже значительно пополагѣвшая, съ солидною, хотя и съ спокойною физиономіей, сидѣла около него и работала.

Мальчикъ лѣтъ четырехъ, ихъ старшій сыншкя, прелестный, какъ ангелъ, стоялъ на ногахъ на диванѣ и своими ручонками обнималъ Казиміру, которая совсѣмъ стала похожа на добрую, французскую *bonne*. Мужъ ея уже померъ. Съ появленіемъ Бакланова, окончательно оставленный женою, онъ началъ еще больше пить и предаваться волочитству, и по свойственной этого рода жизни случайности, найденъ былъ утонувшимъ въ пруду. Самъ ли онъ какъ-нибудь залѣзъ туда или его кинули, никто даже и узнать особенно не постарался.

Другой мальчикъ, лѣтъ околѣ двухъ, пузачикъ, подъ строжайшимъ присмотромъ няньки Нѣмки, едва переступая съ ножонки на ножонку, шагаль по мягкому и волнистому коврѣ и, нерѣдко спотыкаясь, клюкался носомъ въ коверъ; но не плакалъ при этомъ, а обернувъ личико къ нянькѣ, смѣялся!

При подобной обстановкѣ, среди которой жилъ герой мой, казалось, и желать было нечего болѣе; но сердце человѣческое тайна неисповѣдимая: Баклановъ на свое положеніе смотрѣлъ совершенно иначе!

Въ настоящій вечеръ у нихъ была въ гостяхъ madame Базелейнъ.

Прежде эта дама была даже мало знакома съ ними; но въ послѣднее время вдругъ повадилась и начала ѣздить довольно часто.

Евпраксія не любила ея; а Баклановъ, напротивъ, находилъ, что она очень умная и, главное, развитая женщина.

Послѣдній зпитетъ онъ не рѣдко и съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ употреблялъ при женѣ. Евпраксія, при этомъ, кажется, усмѣхалась про себя.

— Какъ хотите, говорилъ онъ, обращаясь къ madame Базелейнъ,—но женатый человѣкъ рѣшительно отрѣзанный отъ всего домотъ.

— Но почему же? спрашивала она его въ недоумѣніи.

— Вонервыхъ-съ, началъ перечислять ей Баклановъ,— для остальныхъ женщинъ, кромѣ жены своей, онъ не существуетъ. Знаете ли, какое первое ощущеніе мое было, когда я женился?... Мнѣ показалось, что я въ томъ обществѣ, для котораго все-таки имѣлъ нѣкоторое значеніе, съ которымъ, наконецъ, былъ связанъ, вдругъ сталъ совершенно чужимъ и одинокимъ.

— Но зачѣмъ же вамъ эта связь съ обществомъ? возражала ему madame Базелейнъ.

— Я не про то говорю-съ, а про тѣ ощущенія, которыя слѣдуютъ за бракомъ, и которыя если не непріятны, то все-таки странны: изъ богача вы дѣлаетесь бѣднякомъ, тысячи субъектовъ мѣняете на одинъ.

Madame Базелейнъ пожалала плечами.

— Въ отношеніи друзей тоже, продолжалъ Баклановъ,—ужь неловко съ ними поразгуляться и позапалиться.... Пѣшій, по пословицѣ, конному не товарищъ!

— Но зачѣмъ же вамъ все это? повторяла воздушная madame Базелейнъ:—у васъ есть жена, дѣти!...

— Да, это все есть! подтвердилъ Баклановъ насмѣшливымъ голосомъ.

Евпраксія, въ продолженіе всего этого разговора, соблюдала строгое молчаніе, и только при послѣднихъ словахъ мужа какъ бы легкая краска выступила на лицѣ ея, а Казимірѣ точно стало не ловко и стыдно. Она внимательно принялась разсматривать лежавшій подъ лампою коврикъ.

Въ это время однако Евпраксію вызвали кормить грудью третьяго ея ребенка; а старшій сынокъ, соскочивъ съ дивана, побѣжалъ въ залу Казиміра, ни на шагъ его обыкновенно не оставлявшая, пошла за нимъ.

Баклановъ и madame Базелейнъ остались вдвоемъ.

— Ахъ, мужчины, мужчины, всего-то вамъ мало! сказала та и покачала головой.

— Да чего всего-то? Чего? перебилъ ее Баклановъ.

Съ нѣкотораго времени онъ все болѣе и болѣе сталъ прикидываться, особенно передъ молодыми дамами, не совсѣмъ счастливымъ мужемъ.

— Вы будете у генераль-губернатора на балѣ? перемѣнила гостя разговоръ на другой предметъ.

— Да не знаю, позовутъ ли? отвѣчалъ Баклановъ.

— О, непременно! подхватила Базелейнъ:—вы знаете: онъ нынче тактику совсѣмъ хочетъ перемѣнить.... Ему изъ Петербурга прямо написали и поставили на видъ Суворова, что вотъ человѣкъ сумѣлъ же сойтись съ цѣлымъ краемъ. Онъ просто хочетъ теперь искать въ обществѣ.

— Дай Богъ, отвѣчалъ Баклановъ,—чтобъ они для общества жили, а не общество для нихъ.

— Ужь именно, именно! подтвердила восторженно madame Базелейнъ.

Дама эта, за какой-нибудь годъ передъ тѣмъ, видѣла только что не у башмака своего лежавшимъ все К—е общество, а теперь, чтобы облизить своего патрона съ лицами, по преимуществу, державшими себя въ отношеніи его неприязненно, она ѣздила къ нимъ и въ дождь, и въ сыкость.

Баклановы, въ этомъ случаѣ, были одними изъ первыхъ.

Когда Евпраксія возвратилась, madame Базелейнъ начала безконечно къ ней ласкаться. Съ какимъ-то благоговѣннымъ вниманіемъ, она спрашивала ее: какъ она кормитъ ребенка, не беспокоитъ ли онъ ее.

Евпраксія на все это отвѣчала ей серьезно-сухо.

— А что ваша дочь? спросила она ее въ свою очередь.

— Ахъ, она у меня чудо, какъ развивается, чудо! отвѣчала Базелейнъ.

Выраженіе лица Евпраксіи было насмѣшливо.

Гостя наконецъ стала собираться.

Баклановъ пошелъ провожать ее.

— Какъ все это мило!... говорила Базелейнъ, проходя мраморную залу и Богъ знаетъ на кого показывая: на самую ли залу, или на игравшихъ въ ней дѣтей.

— И скучно! добавилъ, идя вслѣдъ за ней, Баклановъ.

Madame Базелейнъ покачала только головой.

Проводивъ ее, Баклановъ сѣлъ на полъ около дѣтей.

— Валерка! крикнулъ онъ старшему сыну,—ну, хочешь кататься?

Мальчикъ сейчасъ же забрался ему верхомъ на шею и началъ на немъ скакать, какъ на лошади.

— Ну, поди и ты, каранузикъ! крикнулъ Баклановъ маленькому.

Тотъ переправился къ нему.

— Ну, цѣлуйте! скомандовалъ Баклановъ.

Валерьянъ сейчасъ же нагнулся и началъ его цѣловать несчетно разъ. Маленькій тоже тянулся къ нему со своими губенками.

Павна Казимира смотрѣла на всю эту сцену съ сложенными руками и потупленными глазами.

Дѣти цѣловали отца по крайней мѣрѣ съ полчаса.

— Однако, какіе это бессмысленные поцѣлуи дѣтскіе, обратился онъ вдругъ къ Казимирѣ.

— Отчего же? спросила та, краснѣя.

— Такъ! отвѣчалъ Баклановъ и всталъ.

— Что жь, поиграйте еще съ дѣтymi, сказала было ему Казимира.

— Нѣтъ, скучно! повторилъ онъ, зѣвая, и ушелъ къ себѣ въ спальню спать, хоть всего еще только было десять часовъ.

ГЛАВА IV.

Праздныя и порочныя мечтанія.

Баклановы обѣдали.

Евпраксія, какъ честная и пышная римская матрона, сидѣла на концѣ стола. По правую руку отъ нея помѣщались: Казимира съ старшимъ, Валеркой, какъ его звалъ отецъ, а по лѣвую нянька-нѣйка со вторымъ, Колькой. У обоихъ дѣтей были особые серебряные приборы, и оба скромнѣйшимъ образомъ сидѣли на своихъ высокихъ стульчикахъ.

Обѣдъ у Баклановыхъ былъ всегда отличный: поваръ ихъ врядъ ли былъ не искуснѣй повара Эммануила Захаровича; вина самаго высокаго сорта; прислуга скромная, вѣжливая. Но ничто это не плѣняло Александра!... Въ его воспоминаніи проходилъ другой, скудный обѣдъ въ Ковриганѣ, когда онъ сидѣлъ около молоденькой дѣвушки и пожималъ подъ

столомъ ея ножку: о, какая то была поэзія, и какая все окружавшее его теперь проза!

Къ концу обѣда зашелъ разговоръ о приглашеніи на балъ, которое въ самомъ дѣлѣ было получено отъ генераль-губернатора.

— Я не поѣду! сказала Евпраксія рѣшительно.

— Отчего же? спросилъ ее Баклановъ, вспыхивая.

— Потому что я никуда не ѣзжу, отвѣчала Евпраксія.

Баклановъ насмѣшливо улыбнулся.

— Къ другимъ вы можете не ѣздить, началъ онъ,—но тутъ вѣжливость требуетъ! Наконецъ, вы обывательница здѣшняя; у васъ могутъ случиться дѣла, и другое прочее.

— У меня никакихъ нѣтъ дѣлъ.

— Но у меня могутъ быть.

— Ну такъ ты и поѣзжай!

Баклановъ опять и еще ядовитѣе усмѣхнулся.

— По обыкновенію: ни для кого—ничего, ни шагу! произнесъ онъ.

— Ну да, ни шагу, повторила Евпраксія.

Въ сущности Бакланову рѣшительно было все равно, поѣдетъ ли жена на балъ или нѣтъ; но ему хотѣлось только съ нею поспорить и побраниться.

Если маленькія причины имѣютъ иногда большія послѣдствія, то и наоборотъ: большія явленія имѣютъ между прочимъ самые миниатюрные результаты.

На героя моего ужасно вліяла литература; съ каждымъ смѣлымъ и откровеннымъ словомъ ея, міросозерцаніе его мѣнялось: сначала опротивѣла ему служба, а теперь стала казаться ненавистна и семейная жизнь. Поэтическій и высокохудожественный протестъ противъ брака Жоржъ Санда казался ему послѣднимъ словомъ человѣческой мудрости—только жертвой въ этомъ случаѣ онъ находилъ не женщину, а мужчину, то-есть, себя.

— Вѣдь, этакъ трактовать цѣлое общество нельзя... нельзя! повторялъ онъ насмѣшливо, обращаясь къ Евпраксіи:—что мы-де вотъ выше всѣхъ и никого знать не хотимъ; надобно спросить, какъ и другіе насъ понимаютъ!

— Я и не считаю себя выше другихъ. Что ты такимъ образомъ перетолковываешь мои дѣйствія? сказала Евпраксія, уже разсердившись на мужа.

— Отчего жь вы не ѣдете? спросилъ онъ.

— Потому что тамъ все будутъ свѣтскія дамы, а я не свѣтская.

— Что же вы такое? Вотъ бы интересно знать, что это такое?... Что-то очень ужь, должно-быть, необыкновенное! говорилъ Баклановъ: въ этотъ день онъ былъ до гадости золъ.

— Когда женились на маѣ, такъ видѣли что я такое! сказала Евпраксія.

Лицо ея попрежнему оставалось спокойно.

— Нѣтъ, не видалъ, отвѣчалъ Баклановъ:— и теперь не вижу, да и врядъ ли когда увижу.

— Ну да! повторила опять Евпраксія и замолчала, а потомъ, когда обѣдъ кончился, тотчасъ же встала и ушла въ гостиную.

Баклановъ оставался еще за столомъ.

Онъ налилъ себѣ стаканъ вина и велѣлъ подать сигару.

Равнодушный уходъ жены еще больше раздражилъ его.

— Вѣдь камень, и тотъ не живетъ, какъ мы живемъ! говорилъ онъ совершенно громко и обращаясь къ Казимирѣ, которая осталась, потому что Валерка дождавъ еще пирожное:— и тотъ что-нибудь, хоть пылъ, да даетъ въ воздухъ, и самъ, наконецъ, притягиваетъ песчинки, а мы—ничего!

Положеніе Казимиры было очень щекотливое.

— Что еслибы состоянія у насъ не было? продолжалъ громко Баклановъ:— куда бы и на что мы годились? Вѣсть, спать, родить дѣтей, кормить ихъ на убой!

При этихъ словахъ, Евпраксія, все это слышавшая, подняла наконецъ глаза на образъ.

— Онъ и ихъ ненавидитъ, Боже, Боже мой! проговорила она и склонила голову.

Баклановъ, между тѣмъ, продолжалъ разсуждать.

— По моему, человѣкъ безъ темперамента, безъ этого прометеевского огонька, который одинъ только и заставляетъ насъ беспокоиться и волноваться, хуже тряпки, хуже всякаго животнаго!

И затѣмъ, видя что въ залѣ никого нѣтъ, ни Казимиры, ни даже лакеевъ, онъ всталъ и ушелъ въ кабинетъ.

Одною изъ главныхъ причинъ недовольства его бракомъ было то, что холодная Евпраксія не представляла ужь никакой для него прелести, и его мучило нестерпимое желаніе завести интрижку.

Но съ кѣмъ?

Чаще всего, въ этомъ случаѣ, онъ думалъ объ Софи.

Лично онъ съ ней, въ продолженіи послѣднихъ пяти лѣтъ, не встрѣчался и только стороной слышалъ, какъ она на какомъ-нибудь пикникѣ каталась, окруженная толпою молодежи, издавъ иногда ее издали въ театрѣ, блистающую красотой и нарядами!

Вотъ съ ней, съ кѣмъ бы эта прелестная женщина не интриговала; но она могла бы доставить ему море блаженства, и всего этого онъ лишалъ себя тѣмъ, что былъ женатъ!

ГЛАВА V.

Акціи.

Евпраксія настояла на своемъ и не поѣхала на базъ. Баклановъ пріѣхалъ одинъ.

Въ первой же комнатѣ онъ встрѣтилъ косаго Никтополионова.

Тотъ сейчасъ же подхватилъ его подъ руку и отвелъ въ сторону.

— Чтò вы тамъ, батюшка, сидите, а? спросилъ онъ обыкновеннымъ своимъ тономъ, чтобы съ разу напугать человѣка.

— Чтò такое? спросилъ Баклановъ въ свою очередь.

— Есть у васъ акціи общества „Таврида и Сирена?“

— Нѣтъ.

— Такъ чтò же это вы?.. чтò это такое? кричалъ Никтополионовъ,—сидите съ деньгами, съ домами, и не берете!

— Я, право, еще даже и не думалъ объ этомъ, отвѣчалъ Баклановъ.

— Онъ и не думалъ, а!.. скажите пожалуйста! Ассюрировано 4 процента отъ правительства, помилная плата и перевозъ отъ казны провіанта. Онъ не думалъ объ этомъ! Въ банкѣ-то чтò? По двѣ ужъ копѣйки на рубль даютъ... Пора подумать-то объ этомъ!

Баклановъ въ самомъ дѣлѣ подумалъ. У него у самого были небольшія деньги, а у жены такъ и довольно серіозныя.

— Тутъ, вѣдь, можно проиграть и выиграть, возразилъ

онъ, смутно припоминая себѣ и соображая, что такое значить акція.

— Какимъ же образомъ проиграть? Такъ ужъ всё сума-медшис. Теперь на каждую акцію по пятидесяти рублей преміи.

— Значить, надо приплатить? спросилъ Бакаловъ.

— Такъ что жъ изъ того!.. Вонъ я вчера далъ лишнихъ по тридцати рублей, а сегодня самъ получилъ по пятидесяти. Всего только одну ночь пролежали въ карманѣ: не великъ, кажется, трудъ-то.

— Это не душно! сказалъ Бакаловъ.

— Еще бы! подхватилъ Никтополионовъ:— дѣло въ отличнѣйшемъ порядкѣ... Я сдѣлавъ распорядителемъ на здѣшней дистанціи.

„Вотъ это-то ужъ душно!“ подумалъ Бакаловъ.

— Учредитель этого дѣла гениальный человѣкъ!.. Первая, можетъ-быть, голова въ Россіи! продолжалъ Никтополионовъ, имѣвшій привычку также сильно хвалить, какъ и порицать.

— Ну, такъ какъ же?... Ахъ, вы, толени русскіе! прибавилъ онъ, глядя ужъ съ ужасомъ на Бакалова.

— Я подумаю! отвѣчалъ тотъ.

— Подумаю! Подумаю!.. И ничего не подумаетъ! передразнилъ его Никтополионовъ.

Но Бакаловъ подумалъ и довольно серьезно:

„Въ самомъ дѣлѣ, глупо же держать деньги въ банкѣ, когда вся Европа, всѣ образованные люди играютъ на биржѣ!“ разсуждалъ онъ.

ГЛАВА VI.

Опьянѣніе одного и отрезвленіе другой.

Балъ, дававшійся для сближенія съ обществомъ, должно-быть, въ самомъ дѣлѣ заключалъ въ себѣ все общество. Въ слѣдующихъ комнатахъ была толпа мушкетъ — все, по большей части, черноволосыхъ, и нельзя сказать, чтобы съ особенно благородными физіономіями. Бакаловъ замѣтилъ только одного благообразнаго старика, съ вьющимися,

свѣдыми волосами и съ широкою бородою, но, и то потомъ оказалось, что это былъ провѣзжій музыкантъ-Нѣмецъ.

Дамы, напротивъ, блистали прекрасными нарядами и было много хорошенькихъ.

Вѣжливый хозяинъ принималъ всѣхъ въ дверяхъ.

— Старый другъ лучше новыхъ двухъ! сказалъ онъ, когда мимо его проходилъ Баклановъ.

— Ждетъ Федотъ у своихъ воротъ! объяснилъ онъ и проходившему потомъ чиновнику.

Между всѣми дамами Баклановъ сейчасъ же замѣтилъ Софи Ленеу въ чудесномъ бархатномъ платьѣ, стройную, высокую и съ какою-то короною на головѣ. Тутъ онъ невольно вспомнилъ свою супругу, всегда одѣтую просто и гораздо больше занятую дѣтymi чѣмъ нарядами.

Софи, по ея щекотливому положенію, была въ первый еще разъ на великосвѣтскомъ балу. Начальникъ края въ этомъ случаѣ хотѣлъ показать совершенно равное вниманіе ко всему обществу; но дамы его круга (обыкновенно подаившія передъ Madame Базелейнъ) нѣсколько обидѣлись этимъ приглашеніемъ и даже старались ходить подалее отъ Софи, но за то она была окружена всѣми лучшими молодыми людьми.

Бакланову ужасно хотѣлось прорваться въ эту толпу: онъ рѣшился непременно поговорить съ Софи и возобновить съ ней старое знакомство.

Случай ему поблагопріятствовалъ.

Софи прошла мимо его.

— Bon jour, Баклановъ! сказала она ему сама и сама же протянула къ нему руку, обтянутую въ бѣлую лайковую перчатку. Цѣлый потокъ электричества проникъ при этомъ въ Бакланова.

Онъ подмѣтилъ, что рука Софи немножко дрожала.

— Могу я просить васъ протанцовать со мной кадрили? сказалъ онъ, догоняя ее.

— Очень рада! отвѣчала Софи, обертывая къ нему голову и кланяясь ему немощно величественно, какъ обыкновенно кланяются актрисы-королевы.

Баклановъ понялъ, что это была ужъ не прежняя дѣвочка-кокетка, не прежняя даже юная и пылкая, но еще робкая вдова, а интригантка, которая умѣла смотрѣть и на васъ, и на другаго, и на третьяго.

Но все это еще больше подняло ее въ его глазахъ.

Они стали въ кадрили и, надобно сказать, представляли собой, по изяществу своихъ манеръ, лучшую пару.

Это замѣтилъ даже начальникъ края и, по обыкновенію своему, объяснилъ поговоркой, чортъ знаетъ что ужь и значившему:

— Пара не пара, а такъ надо!

Баклановъ посадилъ Софи на стулъ и самъ сталъ около нея.

Довольно открытая въ бальномъ платьѣ и приподнятая на корсетѣ грудь Софи страстно и порывисто дышала.

Баклановъ не могъ видѣть этого безъ трепета и рѣшительно не находилъся о чемъ бы заговорить.

Софи хотъ и съ поддѣльнымъ спокойствіемъ, но молчала.

Баклановъ думалъ:

„Вотъ женщина, на которую я когда-то имѣлъ права, но которая теперь совершенно далека отъ меня. Думаетъ ли она въ эти минуты о томъ же?“

— Я къ вамъ давно хотѣлъ взять смѣлость заѣхать, началъ онъ глупо и не находчиво.

— Очень рада! отвѣчала Софи, поправляя платье.

Бакланову показалось, что она при этомъ ласково взглянула на него.

— Софи, вы на меня сердитесь еще? осмѣлился онъ, наконецъ, заговорить искреннѣе.

— Нѣтъ! отвѣчала она.

Баклановъ явственно слышалъ, что голосъ ея былъ грустенъ и полонъ значенія.

— Значить, я въ самомъ дѣлѣ могу къ вамъ пріѣхать? продолжалъ онъ.

— Пожалуйста! У меня вечера по средамъ, сказала Софи.

Самый отвѣтъ и голосъ ея при этомъ ничего уже не выражали.

Баклановъ видѣлъ одно, что Софи была ни весела, ни счастлива.

Это же самое замѣтилъ и подошедшій къ ней инженерный офицеръ, премолоденькій и преглупый должно-быть.

— Вы съ каждымъ днемъ, какъ заря вечерняя, все становитесь грустнѣй и грустнѣй, сказалъ онъ.

— Старѣю-съ! отвѣчала ему Софи съ улыбкой.

— О, нѣтъ, вы прелестны еще, какъ гурія, объяснилъ прапорщикъ, пожимая плечами.

— Что за пошлости вы говорите! сказала ему безъ церемоніи Софи и встала.

Въ это время кадрили кончилась.

— Я буду у васъ, повторилъ еще разъ Баклановъ.

— Пожадуста! повторила Софи и опять совершенно равнодушнымъ голосомъ.

Баклановъ ушелъ въ другія комнаты и сѣлъ играть въ карты.

Молодые люди не давали Софи вздохнуть. Ее безпрестанно приглашали на вальсъ, на польки, на кадрили, наконецъ къ ней разлетѣлся и самъ Эммануилъ Захаровичъ, въ бѣломъ жилетѣ, въ бѣломъ галстукѣ, отчего рожа его сдѣлалась еще червѣе. Софи взмахнула на него непривѣтливо глазами: отказать ему не было никакой возможности. Онъ пригласилъ ее при всѣхъ и вслухъ.

Они встали.

По лицамъ большей части гостей пробѣжала улыбка, но музыка въ это время заиграла, и пары задвигались.

— Что это вы, съ ума сошли? сказала шепотомъ и бѣшенымъ голосомъ Софи своему кавалеру, хотя по наружности и улыбалась.

— Сто-зе? спросилъ ее робко почтенный Еврей. За деньги, онъ полагалъ, вездѣ и все можетъ дѣлать.

— Я не позволю вамъ нигдѣ бывать, гдѣ я бываю, шептала Софи.

— Сто-зе я сдѣлалъ? спрашивалъ тотъ въ недоумѣніи.

— Вы оселъ, дуракъ, потому и не понимаете, продолжала Софи, дѣлая съ нимъ шель.

Эммануилъ Захаровичъ краснѣлъ въ лицѣ.

— Извольте сейчасъ же идти и просить другихъ дамъ, чтобы танцевала съ вами не я одна!

Эммануилъ Захаровичъ, кончивъ кадрили, пошелъ по всѣмъ дамамъ; но съ нимъ согласилась протанцевать одна только жена Иосифа Яковлевича, очень молоденькая дама, на которой тотъ только что женился.

— Эммануила-то все съ своими возится! замѣтилъ вслухъ и на всю почти залу Никтополионовъ.

Софи послѣ кадрили немедля уѣхала.

Она была взбѣшена, какъ только возможно, и проплакала всю ночь.

Бѣдная женщина! она тоже, хотъ читать ничего не

читала; но за то отъ вздвигшихъ къ ней молодыхъ людей безпрестанно слышала: „подлость“!.. „гадость“!.. „подкупъ“!.. И съ каждымъ ихъ словомъ она все болѣе и болѣе начинала сознавать весь ужасъ своего положенія.

То, что Бакланова сбивало съ панталыку, ее наводило на путь истинный: при нахлынувшемъ со всѣхъ сторонъ болѣе свободномъ воздухѣ, въ комъ какіе были инстинкты, тѣ и начинали заявлять себя.

ГЛАВА VII.

Сокровища пріобрѣтены.

Не болѣе, какъ черезъ недѣлю, Никтополионовъ снова поималъ Бакланова въ клубѣ и стыдилъ его при всѣхъ.

— Вотъ вамъ, рекомендую, господа, говорилъ онъ, показывая на него Евреямъ, Грекамъ, Армянамъ и Русскимъ, — вотъ господинъ, у котораго сто тысячъ въ карманѣ, и онъ ихъ держитъ за двѣ копѣйки въ банкѣ.

Греки, Армяне и Русскіе при этомъ усмѣхнулись, а Евреи такъ даже воскликнули:

— Зацѣмъ-зе это онъ такъ дѣлаетъ съ своими деньгами?

— Но гдѣ же сто тысячъ! возражалъ стыдливо Баклановъ, и возвратясь домой, рѣшилсѣ сдѣлать то, что ему всѣ совѣтовали. Но прежде, впрочемъ, ему надобно было переговорить съ женой.

— Что за вздоръ такой, пускаться въ эту игру? возразила ему Евпраксія съ первыхъ же словъ.

Согласись она съ нимъ, и не оспаривай, Баклановъ можетъ быть еще подумалъ бы, и вообще сдѣлалъ бы это дѣло нѣсколько осмотрительнѣй; но тутъ онъ разсердился на жену и потерялъ всякій здравый смыслъ.

— Вѣдь это не осторожность, а одна тюлевья неповоротливость, только! развивалъ онъ мысль Никтополионова.

Евпраксія на это, по обыкновенію, молчала.

Бакланова это еще болѣе выводило изъ терпѣнія.

— Дайте мнѣ мои деньги. Я не намѣренъ ихъ бесполезно держать, какъ помѣнья, въ своемъ шкафу, говорилъ онъ.

Евпраксія пошла и принесла ему.

— Вашихъ вы мнѣ, конечно, не довѣрите, потому что я, вѣдь, дуракъ... ничего не смыслящій... способный только раззорить семью.... беру эти деньги на карточную игру, на любовницъ!

— На-тѣ вамъ и мои деньги, если вы полагаете, что это мѣня останавливаетъ! сказала Евпраксія и подала ему и свои приданныя пятьдесятъ тысячъ. — А остальные двадцать пять тысячъ не мои, а дѣтскія; я не могу ими располагать! сказала она.

— Стало-быть, я мужемъ еще сноснымъ могу быть, а отцомъ нѣтъ, — благодарю хоть и за то! сказалъ онъ, кладя деньги въ карманъ.

Евпраксія, наконецъ, разсѣрилась.

— Что это за страсть, Александръ, у васъ, перетолковывать каждый мой шагъ, каждое слово? Если что вы находите дурнымъ во мнѣ, скажите прямо.... Къ чему же всѣ эти колкости-то?

— Ну, поѣхала! только этого не доставало!... отвѣчалъ Ба-клановъ и, хлопнувъ дверьми, ушелъ изъ комнаты.

Евпраксія успѣшила отереть слезы и сѣла на свое мѣсто.

На другой день Баклановъ, заплативъ огромную премію, купилъ акцій—все больше общества „Таврида и Сирена“.

— Вотъ извольте-сь, не промоталъ ни копѣйки! Все обра-щено, только въ болѣе производительную форму, говорилъ онъ, раскладывая акціи и любясь ихъ купонами, нарисованными на нихъ пароходами и такъ внушительно выставленными цифрами ихъ стоимости.

Евпраксія однако совершенно равнодушно и холодно приняла всѣ эти бумаги и положила ихъ въ комодъ.

Бакланова опять разсердило это равнодушіе.

„У этой женщины рѣзительно кровь по три раза въ сутки обращается.... Кругомъ ея кипятъ и просыпаются всѣ народныя силы, а она точно не видитъ и не чувствуетъ этого!“

Впрочемъ онъ ничего ей не сказалъ, а ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и, улегшись на диванъ, сталъ вычислять въ умѣ, сколько онъ будетъ получать процентовъ.

— Вашъ герой, какъ ребенокъ, поступаетъ! замѣтятъ мнѣ, можетъ-быть, нѣкоторые.

— А сами вы лучше, благоразумнѣе купили акцій, признайтесь-ка?

ГЛАВА VIII.

Общество Софи.

Среда наступила наконецъ. У Софи уже былъ кой-кто: благообразный старикъ-музыкантъ, общавшій у нея играть на вечерѣ; французская актриса, Мше Круаль, очень милая и изящная женщина; русская дама, въ черномъ платьѣ и четкахъ, вѣхавшая въ Иерусалимъ на богомолье и отрекомендованная Софи Евсеевемъ Осиповичемъ Ливановымъ, который послѣднее время съ нашею юною героиней почему-то вступилъ въ переписку; двое, трое молодыхъ людей изъ обожателей Софи; и наконецъ, молодая дѣвица, какая-то Mlle Похорская или Покровская, мечтавшая составить себѣ такую же карьеру, какъ и Ленева.

Викторъ Басардинъ, въ статскомъ платьѣ, съ бородой, довольно красивый изъ себя, но съ изборожденнымъ отъ не совсѣмъ, должно-быть, скромной жизни лицомъ, тоже былъ у сестры и, ходя по ея роскошному будуару, о чемъ-то серьезно съ ней разговаривалъ, или, лучше сказать, просилъ ее.

— Ты ему скажи это, что же это такое! Нынче не преждее время.... Онъ тамъ, чортъ знаетъ, въ палатахъ какихъ возится, а мнѣ дровъ не на что купить.

— Возьми у меня денегъ, если нуждаешься, говорила Софи.

— Да что мнѣ твои деньги? Пусть онъ устроитъ меня солиднѣе.... Впрочемъ дай, если есть у тебя лишнія! прибавилъ онъ.

Софи подала все, сколько было у нея въ кошелькѣ.

— Ты ему скажи: онъ у меня теперь въ рукахъ; я все опишу.

— Мнѣ и говорить съ нимъ не хочется, возразила Софи.

— Да это не для себя, а для меня сдѣлай. Будетъ ужь, пограблиц; пускай и подѣлятся.

Софи было очень скучно слушать ворчаніе брата.

— Пожалуста, повторилъ онъ, надѣвая перчатки и беря шляпу.

— Куда жь ты уходишь? У меня музыка сегодня будетъ! оказала она.

— О, чортъ, терпѣть не могу этого. Мнѣ бы денегъ надо, вотъ чтѣ! говорилъ онъ и пошелъ черезъ заднее крыльцо.

Его провожать пошла Иродіада, все время подслушивавшая разговоръ его съ сестрой.

— Барыня-то не знаетъ, какія штучки онъ и противъ ихъ-то дѣлаетъ, говорила она, подавая Виктору палто.

— Да, подтверждалъ тотъ.

— Этга мясника къ нимъ послали раздѣлать, такъ ругалъ, ругалъ госпожу-то при простомъ мужикѣ.

— Скотина этакая! сказалъ Викторъ, завязывая кашне.

— А вѣдь и про нихъ тоже знаемъ мы не мало.... продолжала Иродіада,—говорить-то только не хочется....

— Ты приходи какъ-нибудь на квартиру ко мнѣ, говорилъ Викторъ, сходя съ лѣстницы.

— Слушаю-съ, отвѣчала Иродіада.

— Какая хорошенькая она!... О, такъ бы взялъ и поцѣловалъ, говорилъ Викторъ, и въ самомъ дѣлѣ, взявъ ее за подбородокъ, поцѣловалъ.

Иродіада на этотъ разъ нисколько ему въ томъ не воспрепятствовала.

Послѣднее время она очень похудѣла, и лицо ея сдѣлалось совсѣмъ сердитое: коварный обожатель ея, Мозеръ, оставилъ ее и, какъ мы видѣли, женился на другой. Иродіада не любила его; но, по самолюбивому характеру, ей было досадно: наболѣвшее сердце ея совсѣмъ окаменѣло, и она поклялась ко всему ихъ, по ея понятію, поганому роду ненавистью.

Софи, когда братъ ушелъ, вышла въ гостиную. Тамъ всѣ соблюдали величайшую тишину. Старикъ музыкантъ игралъ на фортепіано піесу собственнаго сочиненія.

Пріѣхалъ Баклановъ.

Софи подала ему руку и тихимъ наклоненіемъ головы указала ему на мѣсто подлѣ себя.

Баклановъ сѣлъ.

То, чтѣ онъ встрѣтилъ тутъ, его сильно поразило: самая послѣдняя мода, самая изящная роскошь глядѣли на него отовсюду.

Дама, путешествующая ко святымъ мѣстамъ, должно-быть, была очень веселаго и живаго характера. Она совершенно безцеремонно стояла около старика музыканта и съ

большимъ чувствомъ глядѣла ему въ затылокъ, и чѣмъ тутъ любовалась: волосами ли его вьющимися или довольно еще мускулистою шеей,—рѣшить не возможно, равно какъ и того, чѣмъ ея религіозное сердце въ настоящую минуту было преисполнено.

Престная Миле Круаль, какъ истая Француженка, любившая показать свои ножки, такъ свободно расположила свой криноливъ, что Баклановъ, сидѣвшій нѣсколько нагнувъ голову, видѣлъ почти весь чулокъ ея.

Миле Похорская сидѣла, явно прислонясь къ своему кавалеру, молодому человѣку, который, тоже явно держа руку за спинкой стула, обнималъ ее.

Бакланову, привыкшему, въ продолженіи пяти лѣтъ, къ своему благочестивому семейству и вызжавшему только въ дома солидные, все это было очень пріятно и чрезвычайно раздражало его. Онъ съ какимъ-то упоеніемъ смотрѣлъ на складки платья Софи, на ея немного выставившуюся ботинку.

— Чтò ваша жена, здорова? почти разбудила его Софи своимъ вопросомъ.

— Здорова, отвѣчала Баклановъ, поднимая голову.—Почему вы меня прежде всего объ этомъ спросили? прибавилъ онъ.

— Да потому что.... отвѣчала Софи и далѣе не находилась, какъ объяснить. — Она, говорятъ, такая добрая; просто, говорятъ, ангелъ по характеру, прибавила она наконецъ.

— Все это прекрасно-съ! подхватилъ Баклановъ:—но знаете ли чтò: такой милой и престной женщины, какъ вы....

Софи смотрѣла на него.

— Молодаго человѣка, каковъ я все еще пока, и который былъ въ васъ влюбленъ....

Софи не спускала съ него глазъ.

— И который, наконецъ, вы очень хорошо знаете, и теперь отъ васъ безъ памяти....

— Нѣтъ, я этого не знаю, возразила Софи спокойно.

— Нѣтъ, вы это знаете! подтвердилъ Баклановъ:—говорить ему и спрашивать его о женѣ, значитъ, обидѣть его и навѣрное ужь огорчить.

— Зафантазировались, мой милый кузень, зафантазировались! сказала Софи, вставая и отходя отъ него.

Въ это время пріѣхало еще новое лицо, графъ З***, женатый человѣкъ, съ которымъ Баклановъ встрѣчался иногда

въ обществѣ, но теперь онъ явился съ своею содержанкой Маріей Терезой Каролиной Лопандуло. Дѣвушка эта начала свою карьеру тѣмъ, что играла по трактирамъ на арфѣ, а теперь ѣздила въ каретѣ и ходила постоянно въ шелковыхъ платьяхъ, у которыхъ только лифъ на груди, по ея собственному вкусу, былъ очень ужъ низко вырѣзанъ.

— Ручку вашу! сказалъ довольно безцеремонно графъ, обращаясь къ Софи.

Она хлопнула свою ручку въ его огромную ладонь.

Графъ поцѣловалъ ее нѣсколько разъ.

— А я приревную! сказала дѣвица Марія Каролина Терезія ломанымъ русскимъ языкомъ.

— Можете! отвѣчала Софи кокетливо.

Баклановъ, чтобы не представить изъ себя гауповлюбленнаго, подошелъ къ madame Круаль и сталъ съ ней любезничать. Дѣло шло о большомъ кольцѣ на рукѣ ея: Баклановъ просилъ открыть это кольцо, а Француженка говорила, что нельзя.

— Ваше кольцо, значить, никогда еще не открывалось? спрашивалъ Баклановъ.

— Нѣтъ, разъ было открыто.

— Только всего разъ? спросилъ Баклановъ печальнымъ голосомъ.

— Разъ всего! отвѣчала ему Француженка тоже печально.

Къ нимъ подошла Софи.

— Этотъ господинъ страстно влюбленъ въ жену свою и запирается еще въ томъ! сказала она, показывая Француженкѣ на Бакланова.

— О, такъ вы вотъ какой! Такъ подите же прочь отъ меня! весело подхватила та.

— Послушайте, Софья Петровна! воскликнулъ Баклановъ:— вы мало что женой преграждаете мнѣ совершенно къ себѣ дорогу, но вредите мнѣ этимъ и у другихъ дамъ!

— Зачѣмъ женились! сказала Софи, пожимая плечами.

— Я женатыхъ терпѣть не могу, фи! подтвердила Француженка.

— Это ужасно! говорилъ Баклановъ.

По наружности онъ шутилъ только; но въ душѣ ему, въ самомъ дѣлѣ, было досадно.

— Monsieur Готфридъ! сыграйте намъ что-нибудь веселенькое! сказала Софи, прохаживаясь небрежною походкой по залу.

— Fort bien, madame! сказалъ Нѣмецъ и сѣлъ.

Дама, путешествующая на Востокъ, опять помѣстилась около него.

„Ну, старику отъ этой госпожи не спастись!“ подумалъ Баклановъ.

Готфридъ началъ преодушевлявшій вальсъ.

Софи сама подала руку графу и пошла съ нимъ вальсировать.

Молодой человѣкъ взялъ Mlle Похорскую или Покровскую.

Баклановъ замѣтилъ, что кавалеры очень безцеремонно повертывали дамъ и нарочно, кажется, старались, чтобы платья у нихъ выше поднимались. Дамы тоже какъ-то очень близко держались къ кавалерамъ, кромѣ, впрочемъ, Софи, которая своимъ приличнымъ и нѣсколько даже аристократическимъ тономъ отличалась отъ всѣхъ.

Баклановъ пригласилъ ее на вальсъ.

Онъ чувствовалъ, что Софи, неволью и врядъ ли сама догадываясь, пожмала его руку.

— Могу ли я къ вамъ прѣвзжать? спросилъ онъ ее пламеннымъ голосомъ.

Софи, вертясь съ нимъ въ вальсѣ, молча смотрѣла на него своими прекрасными глазами.

— Могу ли? повторилъ Баклановъ, когда они кончили туръ.

— Пожалуста! отвѣчала Софи, и голосъ ея опять ничего не выражалъ.

Часовъ въ двѣнадцать Баклановъ, видя что другіе молодые люди прощаются и увѣжаютъ, тоже взялъ шляпу и подошелъ къ Софи. Она въ это время о чемъ-то дружески шепталась съ дѣвицей Маріей Терезіей Каролиной.

— Adieu! проговорила она, довольно небрежно подавая ему руку.

Баклановъ вышелъ.

Онъ былъ очень взволнованъ.

ГЛАВА IX.

Онъ пошутить!

Мущина съ табакомъ и виномъ дѣлается похожъ на чорта! говоритъ нѣмецкая поговорка.

Баклановъ, возвратясь домой, спросилъ себѣ бутылку вина, закурилъ сигару, человека отпустилъ спать, а самъ началъ пить и курить.

Болѣе ясно проходившія въ головѣ его мысли были слѣдующія:

„Славная вещь—эти немножко шаловливыя женщины.“

Сильная затычка сигарой и рюмка портвейну.

„Какъ бы отлично теперь, вмѣсто того чтобъ ѣхать домой, заѣхать къ какой-нибудь госпожѣ и учинить съ нею оргію.“

Еще рюмка и затычка сигарой.

„Что я Казиміру пропускаю.... Она, должно-быть, страстная женщина!“

Новая рюмка и новая затычка.

„Сходить развѣ къ ней?“

У Бакланова при этомъ въ головѣ даже помутилось.

„Чортъ, пожалуй, разсердится!“ продолжалъ онъ... Однако всталъ. Шаги его были уже не ровны.

„Скажу, что заболѣлъ, люди всѣ спятъ, и пришелъ къ ней.“

И недолго думая, онъ запахнулъ халатъ, прошелъ на цыпочкахъ залу, корридоръ и тихонько отворилъ дверь въ комнату, гдѣ спала Казиміра. Та сейчасъ же услышала.

— Кто это? спросила она немножко испуганнымъ голосомъ.

— Это я, Казиміра, не тревожьтесь! говорилъ Баклановъ, подходя къ ней и дотрогиваясь до нея рукою.

— Ахъ, Александръ Николаичъ, не случилось ли чего-нибудь? воскликнула Казиміра, привставая.

— Нѣтъ, ничего; я такъ пришелъ, побыть съ вами, отгѣчалъ онъ; голосъ его былъ не твердъ.

— Что-й-то, какъ же возможно въ такое время! Придутъ, пожалуй, кто-нибудь.

— Никто не придетъ, никто! говорилъ Бакаловъ, беря и цѣлуя ея руку.

— Да какъ никто? Тутъ вотъ дѣти, Валеренька спитъ! говорила Казимира.

— Ну, пойдите ко мнѣ въ кабинетъ.

— Зачѣмъ я пойду къ вамъ? чтò мнѣ тамъ дѣлать!

— Мы будемъ сидѣть, разговаривать.

— Нѣтъ, Александръ, ступайте, ступайте! говорила Казимира, дрожа уже всѣмъ тѣломъ.

— Если вы не пойдете, я на васъ ужасно разсержусь.

— Какъ это возможно! Душечка, Александръ, это невозможно.

— Отчего же невозможно?

— Оттого что у васъ жена есть! Чтò вы!

— Убирайтесь вы съ женой! Не люблю я ея. Пойдите, ангелъ мой.

— Александръ! Умоляю, оставьте меня! оставь! говорила Казимира.

— Не оставаю, говорилъ онъ, обнимая ее и насильно подводя къ двери.

— Александръ! вздумала было еще разъ воспротивиться Казимира.

— Если ты для меня этого не сдѣлаешь, я возненавижу тебя! проговорилъ Бакаловъ; голосъ его при этомъ звучалъ почти бѣшенствомъ.

— Ахъ, Господи! воскликнула бѣдная женщина, вся пылая въ его объятяхъ.— Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, надѣть на себя что-нибудь.

— Ну, надѣньте!

Она торопливо накинула на себя капоть и надѣла туфли.

Бакаловъ обнялъ ее и увелъ.

Она только на утрѣ, какъ тѣнь, промелькнула обратно въ свою комнату.

ГЛАВА X.

Казиміра, видно, съ душой и съ нервами была.

Евпраксія на другой день, по крайней мѣрѣ, раза четыре подходила къ кабинету мужа.

Онъ все еще продолжалъ спать.

Наконецъ въ два часа она отворила дверь и вошла.

— Помилуй, что-й-то ты спишь? сказала она. Лицо ея нѣсколько было встревожено.

— А что? произнесъ Баклановъ, взмахивая глазами.

— Вставай, пора.... два часа.... сказала Евпраксія съ своею обычно-доброю улыбкой.

Баклановъ позѣвнулъ во весь ротъ, стараясь припомнить: что такое вчера происходило, а что-то такое произошло?

— Казиміра больна, продолжала Евпраксія.

— Что такое? отчего? чѣмъ? спросилъ онъ встревоженнымъ голосомъ.

— Не знаю.... вся въ жару, бредить, почти безъ памяти ужь....

— Ахъ, Боже мой! Но что же она бредить? спрашивалъ Баклановъ.

— Да такъ говорить; я за докторомъ послала.

— Да, да, за докторомъ, говорилъ Баклановъ, и вслѣдъ за женой робко вошелъ въ комнату Казиміры.

Она лежала на постелѣ и, при входѣ его, взмахнула было глазами; но потомъ сейчасъ же ихъ закрыла и, вся вспыхнувъ какъ пунцовый цвѣтокъ, отвернулась къ стѣнѣ.

— Доктора бы скорѣй, доктора! повторялъ Баклановъ.

Ему до бѣшенства, до отчаянія было жаль своей бѣдной жертвы!

— Что, если она умретъ? я самъ не перенесу этого: она будетъ мнѣ представляться день и ночь, говорилъ онъ, уходя къ себѣ въ кабинетъ.

Пріѣхалъ докторъ.

Евпраксія, съ встревоженнымъ лицомъ, ходила за нимъ.

— Тифъ у ней, и очень сильный. Она, должно-быть, или простудилась, или съ ней было какое-нибудь нравственное потрясеніе, говорилъ тотъ.

— Ничего не было, рѣшительно, увѣряла его Евпраксія.

— Есть за жизнь опасность, говорилъ докторъ.

Евпраксія еще больше поблѣднѣла.

Баклановъ продолжалъ сидѣть въ кабинетъ.

На другой день Казиміръ стало еще хуже.

Евпраксія отъ нея не отходила. Старшій мальчикъ, никакъ не хотѣвшій ни съ кѣмъ быть, кромѣ своей милой нянюшки, все просился къ ней въ комнату.

Мать взяла его къ себѣ на руки и сидѣла съ нимъ около больной.

Баклановъ совершенно притихъ въ своемъ кабинетъ: горсть его въ эти минуты была непритворная!

Въ продолженіи недѣли, Евпраксія ни плала, ни ѣла, и все сидѣла около Казиміры, брала ее за руку, успокоивала ее, когда та, остававшаяся по большей части въ безпамятствѣ, начинала метаться.

На седьмой день докторъ сказалъ, чтобы больную причастили и исповѣдали.

Послали за католическимъ священникомъ.

У Бакланова посинѣли ногти, когда онъ услышалъ звонъ колокольчиковъ, которыми звенѣли мальчики, входя въ комнату умирающей.

Уходя и прощаясь, ксевдъ лукаво и сурово посмотрѣлъ на Бакланова.

Въ ночь Евпраксія вошла въ кабинетъ мужа съ встревоженнымъ лицомъ.

— Она, кажется, кончается, сказала она всхлипывающимъ голосомъ.

— А-а-а! зарыдалъ Баклановъ на весь домъ.

— Что-й-то, помилуй, стала его успокаивать Евпраксія.

— О, она чудная женщина! кричалъ Баклановъ.—Мы не правы противъ нея—о-о-о!

— Перестань, другъ мой, говорила Евпраксія, садясь возлѣ него.—Чѣмъ же мы противъ нея не правы? Мы ее любимъ, а теперь будемъ молиться за нее.

— Нѣтъ, она не проститъ насъ, нѣтъ! рыдалъ Баклановъ.

— Она и не сердится на насъ; напротивъ.... пойдѣмъ къ ней!

И Евпраксія почти насильно ввела мужа въ комнату больной.

Въ головахъ у той стоялъ ужь образъ съ зажженною свѣчей.

Евпраксія, въ бѣломъ платьѣ, страдающая, но спокойная, подошла къ Казиміръ, положила ей на грудь руку, потомъ показала что-то глазами горничной.

Та подала ей домашній трепникъ.

Евпраксія сама начала читать отходную.

Баклановъ осмѣлился выгнаться изъ-за нея на умирающую. Та въ эту самую минуту вдругъ начала дрожать, дрожать всѣмъ тѣломъ.

Горничная стала было ее одѣвать.

— Не нужно ужь! сказала Евпраксія.

Черезъ минуту Казиміры не стало.

Баклановъ въ ужасѣ убѣжалъ опять въ свой кабинетъ и бросился ввизъ лицомъ на диванъ.

Онъ только всего одинъ разъ, и то проходя случайно по залѣ, увидѣлъ Казиміру, съ обвалившимся лицомъ и съ закрытыми глазами, лежавшую на столѣ въ бѣломъ платьѣ и съ дѣвтами на головѣ. Ему показалось, что она насмѣшливо улыбается, какъ бы желая тѣмъ сказать: „Что, рады? довел до гроба.“

Все это неизгладимо врѣзалось въ его воображенію.

Ночи, пока покойница была въ домѣ, онъ спалъ не только въ женской комнатѣ, но даже на одной кровати съ нею и даже лежалъ постоянно къ стѣнѣ, точно прячась за нее.

Черезъ нѣсколько дней онъ и самъ, наконецъ, заболѣлъ.

Евпраксія просто не помнила себя, однако также неутомимо, какъ за Казимірой, ходила и за больнымъ мужемъ.

ГЛАВА XI.

Собраніе обличительныхъ свѣдѣній.

Викторъ Басардинъ, въ своей небольшой квартиркѣ, сидѣлъ на диванѣ и разговаривалъ съ Иродіадой, которая тоже сидѣла около него и даже склонивъ къ нему голову на плечо.

Дѣвушка эта, придя къ нему, посавъ описаннаго нами свиданія, безъ всякой борьбы сдѣлалась его любовницей, и теперь каждый вечеръ бѣгала къ нему.

Не столько связанная любовью, сколько чѣмъ-то болѣе серьезнымъ, они все толковали между собою.

— Она при мнѣ-съ говорила ему!... „Что, говорить, что еще мнѣ ему дѣлать!...“ объясняла Иродіада.

— Ну ладно, хорошо!... хорошо!... произносилъ Викторъ, кусая себѣ ногти.

— Вы, баринъ, какъ бы Михайлѣ паспортъ, али бы волюную, что ли, дали, онъ все бы вамъ поразказалъ.

— Я готовъ!

— Двѣ тысячи цѣковыхъ они тогда этому человѣку и передали черезъ него.

— Какими, канальи, кушами помахивали!

— Да-съ! А что булгадтеръ-то, въ острогѣ сидючи, прямо говорилъ: „я, говорить, все опишу...“ какъ то же вотъ теперь въ кабакахъ убьютъ человѣка, ограбятъ его,—половину цѣловальникъ оставить у себя, а половину въ откупъ приплетъ-съ; али теперь вещи какія кто украдетъ—все туда-съ, деньгами чистыми и выдаютъ.

— Чистыми деньгами? спросилъ Викторъ, не могши, кажется, слышать слова „деньги“ безъ нервнаго раздраженія.

— Извѣстно ужъ, отвѣчала Иродіада,—вещь теперь стоить денегъ, а за нее даютъ копѣйки какія-нибудь. Самъ управляющій, чу! иногда и сортировалъ. Это, говорить, на пароходѣ отправить за границу, а это, что подешевле, въ степь отправить продавать.

— Ты, вѣдь, жила съ нимъ? спросилъ Викторъ.

Иродіада усмѣхнулась, а потомъ прибавила со вздохомъ:

— Не мало то же, грѣшница, потеряла изъ-за этого.

— Отчего же?

— Противень онъ мнѣ очень былъ... не русскій человѣкъ, извѣстно...—И Иродіада при этомъ обняла и даже поцѣловала Виктора.

— Тогда, какъ нашъ Александръ Николаичъ принялся было за это дѣло, что у нихъ переполоху было.

— Переполоху?

— Да-съ!.. Михайла-то они допрежде еще того въ степь отправили, а тутъ Мозеръ самъ ужъ ѣздилъ туда и упростили, чтобъ онъ на Кавказъ ѣхалъ.... Тотъ мнѣ писалъ оттуда.

— Писалъ? повторилъ Викторъ.

— Да!.. „что ежели теперича, говорить, они мнѣ тысячи цѣловыхъ не пришлютъ, я все дѣло начашеству разкажу.“ Я говорила тогда Мозеру объ этомъ.

— А письмо это цѣло у тебя?

— Цѣло-съ!

— Ты мнѣ покажи его.

— Слушаю-съ. Чтобы, баринъ, мнѣ только самой какъ тутъ не попасться.

— Вотъ вздоръ! пусти-ка однако!.. проговорилъ Викторъ, освобождаясь изъ объятій Иродіады и подходя къ письменному столу.

Тутъ онъ засвѣтилъ свѣчу, развернулъ свои бумаги и началъ писать.

Оставшись одна на диванѣ, Иродіада начала зѣвать.

— Да подите сюда, что вы тутъ дѣлаете? говорила она нѣсколько разъ Виктору.

— Убирайся къ чорту, отвѣчалъ онъ ей на это сердито, и продолжалъ заниматься. Занимался онъ часовъ до двухъ утра. Онъ теръ себѣ при этомъ лобъ, грызъ веро, ногти и вообще, какъ видно, углубленъ былъ въ серьезное дѣло.

ГЛАВА XII.

Провинціальная гласность.

На нашъ городъ нежданно и негаданно упало невиданное до сего явленіе.

Въ одной изъ издаваемыхъ, для умственного бы, кажется, развлечения, газетокъ была напечатана статья:

„Въ Китаѣ, въ городѣ Дзянь-дзиль-дзю, жилъ большой господинъ Захаръ Эммануиловичъ Лянь-линь-лю. Владѣлъ онъ милліонами бочекъ настоящей рисовой водки и милліонами рублей чистаго золота. Украли у этого господина книгу, а книга была знатная: записывались въ ней все имена великія, высокопревосходительныя, кому сколько отъ большаго барина, Захара Эммануиловича, большимъ барамъ превосходительнымъ было дано.

„Какъ эту книгу достать?

„Достали они злаго человѣка, дали они ему денегъ тьму-тьмущую и булатный ножъ, и убилъ тотъ человѣкъ того волашебука, который книгу ту хранилъ, средь бѣлаго дня, и засыпалъ большой баринъ, Захаръ Эммануиловичъ, его могилушку деньгами крупными, непроглядными, все бумажками сторублевыми, и никто-то сквозь ихъ стѣну плотную не видалъ и не слышалъ, только видѣла все это красна дѣвица, разказала она ясну соколу, а у сокола глазокъ зоркій, голосокъ звонкій, пропѣлъ онъ эту сказку на весь Божій миръ, и не знаетъ, понравилась ли она жителямъ города Дзянь-дзинь-дзю, а если не понравилась, такъ онъ и другую пропоетъ.“

О статейкѣ этой благообразный правитель канцеляріи почему-то счелъ за нужное доложить начальнику края.

— Ну-съ, читайте! произнесъ тотъ на первыхъ порахъ довольно равнодушно.

Правитель канцеляріи началъ, но на половинѣ голосъ ему измѣнилъ.

— Тутъ такія выраженія!... проговорилъ онъ.

— Дайте мнѣ! сказалъ генералъ и, со свойственною его званию храбростью, дочиталъ, но однако сильно поблѣднѣлъ.

— Чтò же это такое? Чтò такое? спрашивалъ онъ, все возвышая и возвышая голосъ.— Чтò же это такое? крикнулъ наконецъ онъ и заскрежеталъ зубами.— Я Государю Императору моему буду жаловаться! Подцѣпейстера мнѣ!

Правитель канцеляріи, съ наклоненною головою, поспѣшилъ быстро выйти.

Начальникъ края остался въ положеніи человѣка, котораго сейчасъ только треснули по головѣ.

Въ кабинетъ къ нему тихо вошла было его супруга, прелестнѣйшая великосвѣтская дама и начала свое обычное привѣтствіе: „Здравствуй, папаша!“

Но начальникъ края вдругъ свирѣпо взглянулъ на нее.

— Подите, подите! закричалъ онъ и замахалъ неистово руками.

Начальница края остановилась въ дверяхъ на нѣсколько минутъ.

— Подите вонъ, не надо васъ, не надо! кричалъ между тѣмъ супругъ.

Начальница края въ самомъ дѣлѣ сочла за лучшее уйти отъ сумашедшаго.

Явился полицеймейстеръ, тоже слышавшій уже объ несчастіи и тоже блѣдный.

— Это вы видѣли?.. Видѣли? говорилъ начальникъ края, тыча почти въ носъ ему бумагою.—Кто же эти превосходительные?... Я, что ли, я?

— Служить ужь, ваше превосходительство, становится невозможно! произнесъ полицеймейстеръ.

— Нѣтъ-съ, возможно! закричалъ генераль:—возможно, кабы вы не такой были вислоухъ! Кто это писалъ? Вы начальникъ полиціи, вы должны знать все.

— Кому писать, ваше превосходительство? Кромѣ Никтоподіонова, некому-съ... Это вчера, вѣдь, еще пришло-съ... Онъ при всемъ клубѣ читалъ и хохоталъ, и потомъ ѣздилъ по всемъ домамъ.

— А, а, а! произнесъ, протянувъ, начальникъ края:—я его посажу въ острогъ? прибавилъ онъ, какъ бы больше совѣтуясь съ полицеймейстеромъ,

— Да что же, помилуйте, отвѣчалъ тотъ,—теперь онъ служить въ обществѣ, развѣ можно такихъ людей держать? Плачутъ, мошеничаютъ и съ дровами, и въ приемъ багажа... На рынкѣ даже всѣ, вонъ, торговцы смѣются.

— Нѣтъ, онъ у меня не будетъ тутъ служить, не будетъ! кричалъ начальникъ края:—попросите ко мнѣ кого-нибудь изъ моихъ товарищей-директоровъ.

Полицеймейстеръ поѣхалъ за директоромъ.

Начальникъ края сталъ ходить по своему кабинету.

— Такъ вот какіе у меня гуси завелись, вот какіе! говорилъ онъ, зачѣмъ-то раскланиваясь передъ каждымъ своимъ окномъ.

Пріѣхалъ директоръ, пожилой и чрезвычайно, должно-быть, скромный и молчаливый мущина.

— Господа! Между нами есть подлецъ! началъ ему прямо начальникъ края.

Директоръ какъ бы сообразилъ и ничего не нашелъ возразить противъ этого.

— Вогъ-съ! продолжалъ начальникъ края и подалъ ему листокъ газеты.

Директоръ прочелъ и ему, кажется, понравилось прочитанное; но онъ нашелъ однако нужнымъ покачать съ грустною усмѣшкою головой.

— Это писалъ-съ Никтополионовъ, нашъ подчиненный, объяснилъ начальникъ края.

Директоръ все продолжалъ молчать: онъ не любилъ говорить пустыхъ словъ.

— Кто его опредѣлилъ къ намъ? спросилъ начальникъ края.

— Вы сами, ваше превосходительство, проговорилъ наконецъ директоръ.

— Но я человѣкъ!... Я могу ошибиться!... Отчего же было не предостеречь меня! кричалъ начальникъ.—Стыдитесь, господа, стыдитесь! продолжалъ онъ уже съ чувствомъ:—что между нами есть такіе мерзавцы... Чтобы не было его на службѣ, не было....

— Хорошо-съ, можно будетъ удалить, произнесъ директоръ довольно покойно.

— Да не хорошо, а сейчасъ надо это сдѣлать!... сію секунду!... кричалъ начальникъ.

— И сію секунду можно-съ, сказалъ директоръ, и пріѣхавъ въ правленіе, въ самомъ дѣлѣ сейчасъ же написалъ журналъ объ удаленіи Никтополионова.

Безумцы! Они и въ головѣ не имѣли какого новаго и серьезнаго врага наживали себѣ.

ГЛАВА XIII.

Сѣтованіе Израильтянъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ клубѣ, Эммануилъ Захаровичъ и Іосифъ Яковлевичъ преспокойно сидѣли и играли въ карты; своимъ равнодушнымъ видомъ они старались показать что надѣлавшая въ городѣ столько шума статейка нисколько до нихъ не относится, но не такъ на это дѣло смотрѣлъ Никтополионовъ.

Узнавъ о своемъ удаленіи, онъ, какъ разъяренный тигръ, пріѣхалъ въ клубъ.

— Ей, вы, язи-вази, это что такое? подлетѣлъ онъ прямо къ Эммануилу Захаровичу.

Тотъ протянулъ на него длинный и нѣсколько робкій взглядъ.

— Тамъ на васъ, чортъ знаетъ, кто что пишетъ, а вы на меня, продолжалъ Никтополионовъ.

— Сто мы на васъ? сказалъ Эммануиль Захаровичъ, въ самомъ дѣлѣ ничего не знавшій.

— Да кто же? Меня вонъ изъ службы вытурили, отвѣчалъ съ пѣной у рта Никтополионовъ.—Они тамъ убійства дѣлають, людей рѣжутъ, продолжалъ онъ безъ всякой церемоніи, обращаясь ко всей компаніи, собравшейся въ довольно значительномъ количествѣ около нихъ,—а я стану писать на нихъ.

— Сто же это такое вы говорите? произнесъ, блѣднѣя, Эммануиль Захаровичъ.

— Писать!... повторялъ ничего уже не слышавшій Никтополионовъ.—Да ежели бы что вы мнѣ сдѣлали, такъ я прямо палкой отдую.

— Вы не можете меня дуть! вспѣтушился, наконецъ, Эммануиль Захаровичъ.

— Нѣтъ, могу! возразилъ ему Никтополионовъ:—я еще прапорщикомъ вашему брату рожи лаписомъ смазывалъ... Стану я тутъ на нихъ писать!

— Про меня ничего же не написано, сказалъ Эммануиль Захаровичъ.

— Нѣтъ, написано, врешь! Только не я писалъ... Я писать не стану, а доказывать теперь буду.

— И доказывайте! позалуста, позалуста! отвѣчалъ ему гордо и злобно Эммануиль Захаровичъ.

— И докажу, погань вы проклятая! заключилъ вслухъ Никтополионовъ и уѣхалъ куда-то въ другое мѣсто браниться, врядъ ли не къ самому начальнику края.

Эммануиль Захаровичъ весь красный, но старающійся владѣть собою, сталъ продолжать играть. Иосифъ Яковлевичъ тоже игралъ, хоть и былъ блѣденъ.

Кончивъ пультку, они, какъ бы по командѣ, подошли другъ къ другу.

— Ну, пофдемте же! сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Я! отвѣчалъ другой.

Въ каретѣ они нѣсколько времени молчали.

— Вы слышали, сто онъ сказалъ? началъ Эммануиль Захаровичъ.

— О же ничего то, ничего! отвѣчалъ Иосифъ.

— Кто же писалъ-то? спросилъ Эммануиль Захаровичъ.

— О, это же узнать надо! отвѣчалъ Иосифъ.—Я же знаю одного целовѣка... Онъ же говорилъ мнѣ про Михайла.

— Гм! отозвался Эммануиль Захаровичъ.

— Теперь же я знать буду къ какому человѣку тотъ ходитъ. Тому человѣку онъ, знаешь, говорилъ, и тотъ писалъ!

— Гм! промышлялъ Эммануиль Захаровичъ.

Далѣе они ничего не говорили и только когда подъѣхали къ крыльцу, Эммануиль Захаровичъ произнесъ:

— Зить вынче нельзя, зить!

— Нельзя, нельзя! подтвердилъ съ чувствомъ и Иосифъ.

ГЛАВА XIV.

Новая радость изъ Петербурга.

Бакаановъ, заболѣвшій послѣ смерти Казиміры горячкою, началъ наконецъ поправляться.

Послѣднее время къ нему безпрестанно стали ѣздить мѣстные помѣщики. Они запирались въ кабинетъ, толковали что-то такое между собой.

Къ Евпраксіи тоже около этого времени пріѣхалъ братъ ея, Валеріанъ Сабакѣевъ, широколицый молодой человѣкъ, съ голубыми глазами и похожій на сестру. Онъ передъ тѣмъ только кончилъ курсъ въ университетъ.

Однажды ихъ обоихъ позвали къ Бакаанову въ кабинетъ. Тамъ сидѣлъ гость, помѣщикъ, солидной и печальной наружности мушкетеръ, но, должно-быть, очень не глупый.

Евпраксія и молодой Сабакѣевъ вошли и сѣли.

Бакаановъ былъ очень худъ и въ замѣтно раздраженномъ состояніи.

— Ты знаешь, началъ онъ, обращаясь къ женѣ,—присланъ манифестъ о составленіи на губерніямъ комитетовъ объ улучшеніи быта крестьянъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Евпраксія совершенно спокойно.

— Я думаю не объ улучшеніи, а просто объ освобожденіи! вѣшался въ разговоръ Сабакѣевъ.

— Да-съ, прекрасно! подхватилъ Бакаановъ.—Но что же намъ-то дадутъ?... Заплатятъ ли по крайней мѣрѣ? обратился онъ болѣе къ помѣщику.

— Вѣроятно что-нибудь въ этомъ родѣ будетъ, отвѣчалъ тотъ.

Лицо Бакаанова горѣло.

— Но какъ же вѣроятно! Это главное!... Нельзя же раззорять цѣлое сословіе.

— Нельзя раззорять только рабочую, производительную силу, выѣшался въ разговоръ Сабакъевъ,—а что такое сословіе: это даже понять трудно!

— Тутъ пострадаетъ-съ не одно сословіе, возражалъ ему помѣщикъ, а все государственное хозяйство, потому что национализируются большіе землевладѣльцы.

— Чѣмъ же?

— Да тѣмъ, что мы должны будемъ запустить наши поля.

— Кто жь васъ заставляетъ? Наемный трудъ всегда выгоднѣй! сказалъ съ насмѣшкой Сабакъевъ.

— Нѣтъ, не выгоднѣе! перебилъ его съ азартомъ Бакановъ: — у меня вотъ, напримѣръ, въ имѣньи вы за сто рублей въ мѣсяцъ не наймете мужика: его и теперь, каналью, только силой держать около земли, а тутъ всё уйдутъ въ Питеръ эти вотъ замочки какіе-нибудь дѣлать, стѣны обоями оклеивать, въ сущности пьянствовать!

— Не у однихъ у васъ, а вездѣ, подхватилъ помѣщикъ,—мужикъ, какъ узнаеть, что онъ нуженъ, такъ цѣны себѣ не оставитъ.

— И прекрасно сдѣлаетъ! произнесъ негромко Сабакъевъ: по крайней мѣрѣ хоть поздно, но заплататъ ему за старыя гнѣтъ.

— Да вѣдь-съ это и на немъ самомъ отразится! сказалъ помѣщикъ.—Мы не въ состояніи будемъ обрабатывать столько, сколько прежде обрабатывали, а мужики у себя тоже не прибавятъ; значить, прямо будетъ убытокъ въ трудѣ.

— А и чортъ съ нимъ, произнесъ Сабакъевъ.

Помѣщикъ усмѣхнулся.

— Какъ чортъ съ нимъ! хлѣбомъ у насъ держится и заграничная торговля; хлѣбъ нуженъ и войску, и на винокуренныя заводы и въ города, — все это должно, значить, потрясти.

— Сначала, можетъ-быть, поколеблется; но потомъ образуются большія общинныя хозяйства.

Бакановъ, все время едва сдерживавшій себя отъ досады, наконецъ не вытерпѣлъ.

— То-то-то! воскликнулъ онъ:—на общину надѣется! О, молодость неопытная и невинная!

— Община вздоръ-съ! произнесъ и помѣщикъ.

— Какъ вздоръ? сказалъ, въ свою очередь, Сабакъевъ, не мало тоже удивленный.

— А такъ... Евпраксія Алексѣвна! продолжалъ Баклановъ, обращаясь къ женѣ:—нашъ вашъ братъ, можетъ-быть, не повѣрить; скажите ему, что нашъ мужикъ ничего такъ не боится, ни медвѣда, ни чорта, какъ міра и общины.

— Да, они всѣ почти желаютъ имѣть хоть маленькую, но свою собственность, подтвердила та.

— Очень дурно, отвѣчалъ Сабакъевъ,—если нашъ народъ разлюбилъ и забылъ эту форму.

— Да вѣдь это-съ форма дикихъ племенъ, поймите вы это! кричалъ Баклановъ: но какъ землю начали обрабатывать, какъ положенъ въ нее сталъ трудъ, такъ она должна сдѣлаться собственностью.

— Мы имѣемъ прекрасную форму общины, артель, настаивалъ на своемъ Сабакъевъ.

— Гмъ, артель! произнесъ съ улыбкою помѣщикъ:—да вы изволите ли знать-съ изъ кого у насъ артели состоятъ?

— Для меня это все равно! сказалъ Сабакъевъ.

— Нѣтъ, не все равно-съ! Артели обыкновенно составляютъ отставные солдаты, безсемейные мужики, на дѣло, на которое кромѣ физической силы ничего не требуется: на перетаскиванье тяжестей, бѣгать комиссіонеромъ, а хлѣбопашество требуетъ-съ ума. Я, напримѣръ, полосу свою трудомъ и догадкой улучшилъ, а пришелъ передѣлъ, она отъ меня и отошла,—пріятно ли это?

— Можетъ-быть и непріятно, но спасаетъ отъ другаго зла, отъ пролетаріата.

— Да вѣдь пролетаріатъ является въ государствахъ, гдѣ народонаселеніе переросло землю; а у насъ, слава Богу, родись только люди и работы!

— Мы, наконецъ, имѣемъ и другія артели, плотниковъ, каменщиковъ, присоединилъ, какъ бы вспомнивъ, Сабакъевъ.

— Чтò за чортъ! воскликнулъ, пожимая плечами, Баклановъ: да это развѣ общинное что-нибудь?.. Они всѣ наняты отъ подрядчика.

— У котораго они кромѣ того всегда еще въ кабалѣ; хуже чѣмъ въ крѣпостномъ правѣ, присовокупилъ помѣщикъ.

— Общину нашъ народъ имѣлъ, имѣеть и будетъ имѣть! сказалъ увѣреннымъ тономъ Сабакъевъ.

— Ваше дѣло! произнесъ помѣщикъ.

— Вѣдь вотъ что бѣснеть, говорилъ Бакалановъ, выходя изъ себя (отъ болѣзни онъ сталъ очень нетерпѣливъ):— Россія рѣшительно перестраивается и управляется или вотъ такими господами мальчишками, или петербургскими чиновниками, которые, пожалуй, не знаютъ на чемъ и хлѣбъ-то родится....

Помѣщикъ при этомъ потупился, а Сабакъевъ покраснѣлъ.

ГЛАВА XV.

Бѣдное существо!

У Софи происходила сцена: къ ней вдругъ пріѣхалъ Эммануилъ Захаровичъ въ одно и то же время красный и зеленый.

— Я же дѣлалъ для васъ все, а на меня же писутъ! закричалъ онъ на Софи.

— Что вы? возразила ему та.

— Писутъ, что я человекъ убилъ.

— Кто на васъ пишетъ? спрашивала Софи.

— Васъ же братъ пишетъ... Я въ острогъ его сазать буду.

Въ припадкѣ гнѣва Эммануилъ Захаровичъ и не замѣтилъ, что Басардинъ былъ у сестры и сидѣлъ въ соседней комнатѣ. При послѣднихъ словахъ его, Викторъ вышелъ.

— Поди, онъ кричитъ на меня за тебя, сказала ему Софи.

— Какъ вы смѣете кричать на сестру мою? придраеса Викторъ къ первому же слову.

— Я не кричу. Вы зачѣмъ писете на меня? отвѣчалъ Эммануилъ Захаровичъ, поплачиваясь.

— Я васъ спрашиваю, какъ вы смѣете кричать на сестру мою? говорилъ Викторъ, хватая Эммануила Захаровича за галстукъ.— Сейчасъ тысячу цѣковыхъ дадите, а не то въ окно вышвырну! крикнулъ онъ и въ самомъ дѣлѣ потянулъ Эммануила Захаровича къ окну.

— Сто же вы дѣлаете! кричалъ тотъ, отпихиваясь отъ него своими огромными, но трусливыми руками.

— Боже мой! что вы? звонять! переставьте!.. говорила перепугавшаяся Софи.

Звонилъ Бакалановъ, который недавно лишь сталъ выѣзжать, и пріѣхалъ къ первой Софи.

— Какъ вы похудѣли, кузень! воскликнула та, сколько могла

овладѣвъ собою и радушно встрѣчая его въ дверяхъ гостиной.

— Что дѣлать? Болезнь былъ.

— Но отчего же?

— Впечатлѣніе прошедшаго меня такъ потрясло... отвѣчалъ съ улыбкой Баклановъ.

— Какого же это прошедшаго? спросила Софи, какъ-бы не появъ. — Братъ мой Викторъ, поспѣшно прибавила она потомъ, желая показать, что не одна была съ Эммануиломъ Захаровичемъ, усѣвшимся уже въ темномъ углу.

Викторъ мрачно поклонился Бакланову. Ему всего досаднѣе было, что въ такую славную минуту помѣшали:

„Его бы немножко только, думалъ онъ, въ окно-то повывууть, онъ непремѣнно бы тысячу цѣлковыхъ далъ.“

— Это кузенъ нашъ, Баклановъ, пояснила ему Софи.

— Нѣтъ, племянникъ, поправилъ ее Баклановъ.

— Ну, все равно; это еще лучше; вы меня, значить, должны слушаться.

— Во всемъ, въ чемъ вамъ угодно, и что прикажете! отвѣчалъ Баклановъ, вѣжливо склоняя передъ ней голову.

Эммануилъ Захаровичъ при этомъ пошевелился своимъ неуклюжимъ тѣломъ. Его, кажется, обезпокоила новая мысль, что, пожалуй, и этотъ братецъ за шиворотокъ его потряхетъ!

— Вы, вѣдь, здѣсь служите? спросилъ Баклановъ Басардина.

— Да, какъ же, по откупу-съ, отвѣчалъ тотъ съ насмѣшливою гримасой. — Хочу, впрочемъ, бросить, кинуть, прибавилъ онъ.

Баклановъ придавалъ своему лицу вопросительное выраженіе.

— Въ наше время стыдно ужъ... Тутъ такія гадости и мерзости происходятъ... объяснилъ Викторъ.

Баклановъ при этомъ невольно взглянулъ на Эммануила Захаровича; но лица того было не видать, потому что онъ сидѣлъ, совершенно наклонивъ голову.

Софи тоже сконфузилась; но Викторъ не унимался.

— Можете себѣ представить, говорилъ онъ, — у насъ ни одинъ цѣловальникъ не получаетъ жалованья, а напротивъ еще откупу платитъ. Откуда они берутъ, позвольте васъ спросить?

— Скажите! произнесъ Баклановъ тономъ удивленія. (Его начинало ужъ все это забавлять.) — Говорятъ, они и прибавляютъ чего-то въ вино.

— Чортъ знаетъ чего! Всего: и перцу, и навозу, и жидовскихъ клоповъ своихъ.

Этого Эммануилъ Захаровичъ не въ состоянiи былъ выдержать и вышелъ.

— Какъ это можно! сказала Софи брату.

— Однако онъ премилый! замѣтилъ ей Бакаановъ, показывая головой на уходящаго Эммануила Захаровича.

— Ужасно! отвѣчала она:—я видѣть его почти не могу.

Всладъ затѣмъ Софи однако вызвали въ заднiя комнаты. Тамъ разъяреннымъ барсукомъ ходилъ Эммануилъ Захаровичъ.

— Я же для васъ ницего не залѣлъ, а надо мной, знадите, только смѣютца, началъ онъ.

— О, полноте, пожалуста, отвѣжитесь! отвѣчала ему Софи.

— Езели теперица стараго братца и этого новаго, знадите, не прогоните, а денегъ давать больше не буду....

— Ахъ, сдѣлайте одолженiе, пожалуста; я только о томъ и молила Бога! воскликнула Софи.

— Я-же не дуракъ!

— А когда не дуракъ, такъ и отправляйтесь—ничего вамъ здѣсь оставаться! проговорила Софи и пошла; но въ спальнѣ у себя она встрѣтилась съ Викторомъ.

— Если ты, началъ онъ,—этому подлецу не скажешь, чтобъ онъ далъ мнѣ тысячу цѣковыхъ, я всю исторiю съ тобой опишу.

— Пишите, что хотите, что хотите! отвѣчала, съ отчаянною досадою, Софи, зажимая себѣ уши.

— Я все опишу, какъ онъ съ мужемъ твоимъ поступалъ и какъ тебя потомъ опуталъ... Я не пощажу и тебя — мнѣ, ма-тушка, все равно!

— Викторъ! воскликнула Софи:—я просила тебя всегда объ одномъ... оставь меня въ покоѣ. Брани меня гдѣ хочешь и какъ хочешь, пренебрегай мною совершенно; но не ходи только ко мнѣ.

— Ишь, какъ же, да! ловка очень!... нѣтъ, шалишь! отвѣчалъ онъ ей своимъ незабытымъ еще кадетскимъ тономъ.—Продалась Жиду, дура этакая, да и въ руки взять его не умѣеть.

— О, Господи! стонала Софи, ломая руки.

— Я все напишу! Нынче не старыя времена! говорилъ Викторъ, уходя.

Софи едва совладѣла съ собой и вышла къ Бакаанову.

— Что такое съ вами? спросил тотъ, сейчасъ же замѣтивъ ея встревоженное лицо.

— Ахъ, кузень, я отовсюду окружена врагами! произнесла она, садясь около него.

— Э, полноте, неужели же и я вашъ врагъ? успокоивалъ ее Баклановъ.

— Ты-то больше всѣхъ мой врагъ, сказала Софи, покачивъ головой:—не была бы я такая, еслибъ ты не поступилъ со мною такъ жестоко.

— Да, произнесъ протяжно Баклановъ;—но я имѣлъ на то большое право.

— Никакого! никакого! воскликнула Софи.—Я была чиста, какъ ангелъ, предъ тобой!

— Ну!... произнесъ многозначительно Баклановъ.

— Какъ хочешь, вѣрь или не вѣрь! отвѣчала Софи, пожимая плечами.

— Но, во всякомъ случаѣ, я теперь просила бы тебя по крайней мѣрѣ сохранить дружбу твою ко мнѣ, прибавила она, протягивая къ нему руку.

— Но я-то дружбой не удовлетворюсь, отвѣчалъ Баклановъ, цѣлуя ея руку.

— О, полно-ка, перестань, пожалуста, шутить!... отвѣчала Софи, которой, въ самомъ дѣлѣ, въ эти минуты было, видно, ни до чего.—Отъ враговъ моихъ лучше спаси меня! говорила она.

— И грудью, и рукой моею! отвѣчалъ Баклановъ:—но только опять повторяю: дружбой я не удовлетворюсь.

Софи посмотрѣла на него.

— Знаешь, мнѣ ужасно непріятно и тяжело это слышать: неужели же я такъ ужъ низко пала, что меня никто хоть сколько-нибудь благородно и любить не захочетъ.

— О, Богъ съ вами, что вы, кузина? перебилъ ее Баклановъ.

— Да, я знаю, вы всѣ думаете: э, она такая, что отъ нея сейчасъ всего требовать можно... это не то, что наши жены, сестры... она женщина падшая—все это я, другъ мой, очень хорошо знаю.

— О, Бога ради, кузина!... повторилъ Баклановъ еще разъ и во весь остальной вечеръ былъ глубоко почтителенъ къ ней.

— Я у васъ буду на этой же недѣлѣ и вообще когда вы только позволите и прикажете, сказалъ онъ, раскланиваясь при прощаніи.

— Пожалуста! повторила ему Софи свое обычное слово. Она чудная женщина! чудная! повторялъ онъ мысленно всю дорогу.

ГЛАВА XVI.

Начинающееся служеніе идеѣ.

На другой день, часовъ въ девять вечера, Баклановъ подъѣхалъ къ огромному генераль-губернаторскому дому.

— Зачѣмъ меня звали, и кто у губернатора? спросилъ онъ, входя.

— Дворянство! отвѣчалъ жаңдармъ, свисая съ него шивель. Баклановъ пошелъ. Въ большой приѣмной залѣ онъ увидѣлъ, что за огромнымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣло нѣсколько предводителей и нѣсколько дворянъ. Другъ Бакланова, солидный помѣщикъ, съ своимъ печальнымъ лицомъ, тоже былъ тутъ.

Начальникъ края, съ близко придвинутыми съ обѣихъ сторонъ восковыми свѣчами и съ очками на носу, что-то такое читалъ.

Около него по лѣвую руку стоялъ красивый правитель канцеляріи, а по правую сидѣлъ губернской предводитель дворянства, мущина ужасно похожій на кота и съ явнымъ умаленіемъ слушавшій то что читалъ генераль.

Бакланову предводитель его уѣзда указалъ на мѣсто подлѣ себя.

— Что это такое? спросилъ его Баклановъ.

— Рѣчь говорить! отвѣчалъ ему предводитель, указывая головой на начальника края.

— О чемъ?

— Крестьянъ у насъ отбираютъ на волю! отвѣчалъ предводитель, какъ-то странно скосивъ глаза.

— „Господа!“ продолжалъ начальникъ края, не совсемъ разбирая написанное: „русское дворянство, всегда являвшее доблестные примѣры любви къ отечеству и въ двѣнадцатомъ еще году проливавшее кровь на поляхъ Бородина...“

На этомъ мѣстѣ старикъ пріостановился.

— Гдѣ и я имѣлъ счастье получить этотъ небольшой

знакъ моего участія! прибавилъ онъ, показывая на одинъ изъ множества висѣвшихъ на немъ крестовъ.

— „Русское дворянство“, продолжалъ онъ снова читать, „свое крѣпостное право не завоевало, подобно...“

— „Феодаламъ“! поспѣшилъ ему подсказать правитель канцеляріи.

— „Феодаламъ“, повторилъ генераль, „но оно получило его отъ монаршей воли, которой теперь благоугодно измѣнить его въ видахъ оцастья и благоденствія всемъ любезнаго намъ отечества...“

Начальникъ края опять остановился; поправилъ очки и многозначительно на всѣхъ посмотрѣлъ.

— „Этотъ пахарь, трудящійся теперь скорбно около сохи своей, вознесетъ радостный взоръ къ небу!“ говорилъ онъ и поморщился.

Рѣчь эту, какъ и всѣ прочія бумаги, ему сочинялъ правитель канцеляріи, и старый генераль мѣсто это находилъ чрезъ-чуръ ужъ букolicескимъ. Но правитель канцеляріи, напротивъ, считалъ его совершенно необходимымъ; сей молодой дѣйствительный статскій совѣтникъ послѣднее время сдѣлался ужаснымъ демократомъ: о дворянствѣ иначе не выражался, какъ дрянное сословіе, а о мужикахъ говорилъ: „нашъ добрый, умный, честный мужичокъ!“

— „Видимое мною на всѣхъ лицахъ вашихъ, милостивые государи, одушевленіе“, продолжалъ начальникъ края: „исполняетъ меня надеждою, что мы къ сему святому дѣлу приступимъ и исполнимъ его съ полною готовностью...“

— Все? спросилъ онъ, остановясь, правителя канцеляріи.

— Все-съ! отвѣчалъ тотъ, беря у него бумагу.

Замѣчаемая, однако, начальникомъ края одушевленные лица сидѣли, насупившись, и никто слова не начиналъ говорить.

Поднялся губернский предводитель.

— Милостивые государи! началъ онъ, заморгавъ въ то же время глазами, что ужасно, говорятъ, скрывало таимыя имъ мысли. — Милостивые государи! я радуюсь, что несу званіе губернскаго предводителя въ такое великое время. Первое мое желаніе выразить передъ престоломъ Монарха ваши чувства радости и благодарности. Вамъ, милостивые государи, дана возможность сдѣлать великое и благодѣтельное

дѣло для вашихъ меньшихъ братій. Дайте адресъ! прибавилъ онъ торопливо, обращаясь къ правителю канцеляріи.

Тотъ подавъ бисернымъ почеркомъ написанную бумагу. Она стала переходить изъ рукъ въ руки, и всѣ, не читая, подписали ее. Баклановъ тоже такъ подмахнулъ.

— Еще вчера только эту меньшую-то братію, своего лакея, въ полиціи отодрали! сказалъ ему предводитель его уѣзда, показывая на губернскаго предводителя.

— Ужасная каналья, теперь за крестъ и чинъ все продастъ! проговорилъ Баклановъ.

Губернскій предводитель между тѣмъ что-то семенилъ на своемъ мѣстѣ.

— Господа! снова началъ онъ и окончательно закрылъ лѣвый глазъ:— Обязанности предводителей въ настоящее время слишкомъ важны: я полагаю, слѣдуетъ имъ положить жалованье!

Лица предводителей просіяли, а у дворянства вытянулись.

— Изъ какихъ же суммъ? отозвался было солидный помѣщикъ.

— Суммы есть! подхватили въ одинъ голосъ предводители.

Губернскій предводитель между тѣмъ спѣшилъ воспользоваться удобною минутой.

— По такому росписанію - съ, сказалъ онъ:— губернскому предводителю пять тысячъ рублей, уѣзднымъ по три тысячи рублей и депутатамъ по двѣ тысячи рублей.

При послѣднихъ словахъ у дворянства ужъ лица повесѣли. „Авось попаду въ депутаты и хоть тысяченку-другую сорву,“ подумалъ почти каждый изъ нихъ.

— Хорошо - съ! раздалось почти со всѣхъ сторонъ.

Губернскій предводитель и начальникъ края пожали другъ у друга руку, какъ люди совершившіе немаловажное дѣло.

— До свиданья, господа! сказалъ послѣдній, обращаясь къ прочимъ своимъ гостямъ:—завтра надо рано вставать, умразума припасать!

Всѣ пошли какъ накормленные мякиной. Каждый чувствовалъ, что слѣдовало бы что-нибудь возразить и хоть въ чемъ-нибудь заявить свои права или интересы, а между тѣмъ никто не рѣшался: постарше—боялись начальства, а молодые изъ чувства вѣдь ли еще не болѣе постыднаго — изъ боязни прослыть консерваторомъ и отсталымъ.

Въ обществѣ, не привыкшемъ къ самостоятельному, явно уже начиналось, послѣ рабскаго повиновенія властямъ и преданіямъ, такое же безсмысленное и небагаородное подчиненіе моднымъ идеямъ.

ГЛАВА XVII.

Сорокалѣтній идеалистъ и двадцатилѣтній материалистъ.

Баклановъ все больше и больше начиналъ спорить съ своимъ шуриномъ, и всего чаще они сталкивались на крестьянскомъ дѣлѣ.

— Что же васъ-то такъ тутъ раздражаетъ? спрашивалъ его Сабакъевъ.

— А то-съ, отвѣчалъ насмѣшливо Баклановъ:—я вовсе не съ такою великою душой, чтобы мнѣ страдать любовью ко всему человечеству; достаточно будетъ, если я стану заботиться о самомъ себѣ и о семействѣ, и нисколько не скрываюсь, что Аполлонъ Бельведерскій — все таки дороже мнѣ печнаго горшка.

— Печной горшокъ — очень полезная вещь! сказалъ Сабакъевъ, и ни слова не прибавилъ въ пользу Аполлона Бельведерскаго.

— Ну да, разумѣется, подхватилъ Баклановъ:—и клѣточка, вѣдь, самое важное открытіе въ мірѣ; смѣло ставь ее вмѣсто Бога.

— Клѣточка очень важное открытіе, повторилъ опять Сабакъевъ.

— Да, и Шиллеръ, и Гёте, и Шекспиръ — ступайте къ чорту! дрянь они, продолжалъ досадливо Баклановъ.

— Шиллеръ, Гёте и Шекспиръ дѣлали въ свое время хорошо.

— А теперь на поверхности всего мы съ вами, не такъ ли?

— Нѣтъ, не мы, а идеи.

— Желательно бы мнѣ знать, какія это именно? проговорилъ Баклановъ.

— Идеи народности, демократизма, идеи материализма, наконецъ социальныя идеи.

— Все это около 48 года мы знали, переживали, и все это французская революція рѣшила для насъ самымъ нагляднымъ образомъ.

— Ну что французская революція! произнесъ съ презрѣніемъ Сабакъевъ.

— А у насъ лучше будетъ, не такъ ли?

— Вѣроятно, отвѣчалъ Сабакъевъ.

— Почва цѣлостнѣе!... непосредственнѣе, чище примемъ.

— Конечно!

Евпраксія улыбнулась, а Бакаловъ развелъ только руками, и съ обѣихъ спорящихъ сторонъ продолжалось нѣсколько минутъ не совсѣмъ пріязненное молчаніе.

— Вы, напримѣръ, продолжалъ Бакаловъ снова, обращаясь къ шурина, — вы превосходный человекъ, но въ то же время, извините меня, вы нравственный уродъ!

— Почему же? спросилъ Сабакъевъ.

Евпраксія тоже взглянула на мужа вопросительно.

— Вы не любили еще женщинъ до сихъ поръ, объяснилъ Бакаловъ.

Сабакъевъ нѣсколько покраснѣлъ.

— А мы въ ваше время были уже влюблены, какъ коты... любовницъ имѣли... стихи къ нимъ сочиняли...

— Оттого хороши и женились! замѣтила Евпраксія.

— Что жь, я, кажется, сохранилъ еще до сихъ поръ пылъ юности.

— Ужь конечно не идеальный! отвѣтила Евпраксія.

— Нѣтъ, идеальный! возразилъ Бакаловъ: — вотъ они такъ дѣйствительно матеріалисты, продолжалъ онъ, указывая на шурина, а мы вѣдь что?.. Поэтики, идеалисты, мечтатели.

— Вотъ ужь, нѣтъ, вотъ ужь неправда! даже воскликнула Евпраксія: — они, а не вы, идеалисты и мечтатели.

— Ты думаешь? спросилъ ее братъ.

— Да! А Александръ чистѣйшій матеріалистъ.

— Почему же ты это такъ думаешь? спросилъ ее тотъ.

— Потому что ты только о своемъ тѣлѣ и думаешь!

— Вотъ что!... такъ объяснить все можно! произнесъ Бакаловъ, уже начинавшій нѣсколько конфузиться: — Ну-съ, такъ какъ же: угодно вамъ переимѣниться именами? спросилъ онъ, обращаясь къ шурина.

— Не знаю, что вы такое, а я не идеалистъ! повторилъ тотъ настойчиво.

— Идеалистъ, идеалистъ! повторила ему еще настойчивѣе сестра.

— Но почему же?

— А потому что это все то же, какъ и она въ молодости восхищались стихами, а вы теоріями разными.

— Bravo! подхватилъ Баклановъ.

— Да что bravo! А ты-то ужъ и на то-то, и ни на что не годишься! сказала ему Евпракоія.

— Вы думаете? спросилъ Баклановъ, не совѣтъ видно согласный съ мнѣніемъ жены.

— Увѣрена въ томъ! подтвердила та.

ГЛАВА XVIII.

Обличитель чужихъ нравовъ въ своихъ домашнихъ, непосредственныхъ движеніяхъ.

На столѣ горѣла салная свѣчка; въ комнатѣ было почти не топаено.

Викторъ Басардинъ сидѣлъ и писалъ новый извѣтъ на Эммануила Захаровича.

Онъ описывалъ исторію сестры и только относился къ ней въ нѣсколько нѣжномъ тонѣ: онъ описывалъ эту бѣдную овечку, которая, подъ вліяніемъ нужды, пала предъ этимъ злодѣемъ, который теперь не даетъ ей ни копѣйки....

„Во имя всѣхъ святыхъ правъ человѣчества,“ рисовало его расходившееся перо, „я требую у общества, чтобъ оно этого человѣка, такъ низко низведшаго и оскорбившаго женщину, забросало, по іудейскому закону, камнями, а кстати онъ и самъ Еврей и живетъ въ К.... на Котловской улицѣ.“

Послѣднее было прибавлено въ видѣ легонькаго намека на дѣйствительный случай.

Единственная свидѣтельница его писательскихъ трудовъ, Иродіада, все это время лежала у него переважно на диванѣ и курила папирску.

Викторъ, дописавъ свое твореніе, потянулъ изподлобья на нее взоръ и нѣсколько поморщился. Ему не нравилась ея чересчуръ ужъ свободная поза.

— Иродіада, поди, свими съ меня сапоги; моги что-то жметъ! оказалъ онъ, желая напомнить ей, кто она такая.

— Да что вы сами развѣ не снимете, отвѣчала та, впрочемъ вставая.

— Спимай! оказалъ ей Викторъ, не отвѣчая прямо на вопросъ и протягивая къ ней ногу.

Иродіада очень неохотно и неловко принялась стасывать съ него сапоги.

— Очень весело! говорила она.

— Тащи сильнѣй! оказалъ ей Викторъ.

Иродіада стащила сапогъ и бросила его съ пренебреженіемъ на полъ.

— Тащи другой! повторилъ Викторъ.

— Подите! силы у меня нѣтъ, отвѣчала Иродіада.

— Говорятъ тебѣ, тащи! хуже, заставляю, продолжалъ Викторъ, уже багавя.

— Какъ же вы меня заставите? Руки еще коротка.

— А вотъ и заставляю! проговорилъ Викторъ и, не долго думая, схватилъ Иродіаду за шею и пригнулъ ее къ ногъ.

— Тащи! повторилъ онъ.

— Караулъ! крикнула было Иродіада.

— Не кричи, а то бить еще буду! проговорилъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ другою рукой досталъ со стола хлыстъ.

Иродіада лежала у ногъ его меча, но сапога не снимала. Такъ прошло съ четверть часа.

Викторъ ее не пускалъ.

— Ну давайте ужъ сниму! сказала наконецъ она и сняла.

Викторъ ее сейчасъ же отпустилъ. Иродіада опрометью бросилась бѣжать отъ него.

— Чортъ!.. дьяволъ!.. лѣшій!.. тфу!.. проговорила она въ передней.

Викторъ только посмотрѣлъ ей вслѣдъ, потомъ взялъ шляпу, надѣлъ шинель и пошелъ къ сестрѣ. Главная, впрочемъ, причина его неудовольствія на Иродіаду заключалась въ томъ, что онъ просилъ у нея передъ тѣмъ въ займы денегъ, а она разбожилась, что у нея нѣтъ ни копѣйки, тогда какъ онъ очень хорошо зналъ, что у ней есть больше тысяча, которыя она накопила, когда была любовницею Іосифа.

— Ты Иродіаду прогони! началъ онъ прямо, придя къ сестрѣ.

Та знала уже о его связи съ ней и сначала не обратила было никакого вниманія на его слова.

— Она чортъ знаетъ что про тебя всѣмъ рассказываетъ! продолжалъ онъ.

Викторъ хотѣлъ придать видъ, что онъ въ этомъ случаѣ оскорбился за сестру.

Софи сконфузилась и взглянула на брата не совсѣмъ спокойными глазами.

— Что же она можетъ про меня рассказывать? спросила она.

— Впервыя, какъ ты хотѣла за Бакланова выйти замужъ и какъ тотъ тебя прибилъ, говорилъ Викторъ.

— О, вздоръ! воскликнула Софи. Ея красивыя ноздри начинали уже раздуваться.

— Рассказывала, еще...

— Перестаньте, Викторъ! прикрикнула на него Софи.

Иродіада, во время нѣжно-любовныхъ сценъ, въ самомъ дѣлѣ, многое ему поразказала.

— Я ей откажу, проговорила Софи прерывающимся отъ досады голосомъ.

— Нѣтъ, ее прежде надобно обыскать... Она, я думаю, у тебя денегъ наворовала... я сначала ее обыщу, да деньги у нея отберу!.. билъ Викторъ прямо въ цѣль.

— Нѣтъ, пожалуста! Я только прогоню ее и больше никакихъ съ ней объясненій не желаю имѣть, сказала Софи.

Она боялась, что Иродіада еще больше наплететъ на нее.

Викторъ, по своему обыкновенію, разсердился и на сестру.

— Обѣ вы, видно, Даха Парахи не лучше! проговорилъ онъ и сталъ прощаться.

Софи сдѣлала видъ, будто этихъ послѣднихъ словъ не слышала.

— Иродіада! крикнула она послѣ его ухода.

Та вошла къ ней съ довольно покойнымъ видомъ.

— Ты безпрестанно куда-то все уходишь; я вижу, что тебѣ служба у меня неприятна, а потому можешь искать себѣ другаго мѣста, сказала ей Софи.

Иродіада, слышавшая, что Викторъ былъ у сестры, почти ожидала этого.

— Что жь мнѣ не на улицу же сейчасъ идти и выбросить себя! сказала она дерзко.

— Ты можешь еще жить у меня; только я услуги твоей больше не желаю.

Иродіада на это усмѣхнулась.

— Не раскайтесь! пробормотала она себѣ подъ носъ.

— Что такое? спросила ее Софи.

— Не раскайтесь! Найдите еще другую такую, которая такъ бы вамъ служила, какъ я, сказала вслухъ Иродіада и, хлопнувъ дверью, ушла.

Затѣмъ, собравъ всѣ свои вещи, перетащила ихъ изъ горницы въ баню.

ГЛАВА XIX.

Израильтянинъ и Русскій.

Въ своемъ роскошномъ кабинетѣ Эммануилъ Захаровичъ, въ очкахъ, съ густо нависшими бровями, озабоченно разсматривалъ наваленныя на столѣ книги, бумаги, письма, счеты.

Передъ нимъ стоялъ рыжеватый, худощавый мѣщанинъ, тоже одинъ изъ его повѣренныхъ и маалаканъ по вѣрѣ.

— Что-же такое зъ нимъ? спрашивалъ съ досадою Эммануилъ Захаровичъ.

— Богъ ихъ знаетъ-съ! отвѣчалъ повѣренный, пожимая плечами. — Изволили пріѣхать домой... затосковали... хуже, хуже, такъ что за докторомъ послать не успѣли.

Эммануилъ Захаровичъ сдѣлалъ грустное и печальное лицо.

— Отчего-же могло то быть? повторялъ онъ.

Повѣренный стоялъ нѣкоторое время въ недоумѣніи.

— До свадьбы своей она гуляла, значить, съ горничной госпожи Лелевой.

— Н-ну?

— Ну и какъ люди вотъ ихъ тоже рассказываютъ: опять начали свиданье съ ней имѣть-съ.

— Сто-же изъ того?

— Да то, что какъ есть тоже наше гаупое, русское обыкновеніе: приворотить его слова не желала ли къ себѣ, али, можетъ, и такъ, по злости, чего дала.

— Ну такъ взять ее и сазать въ острогъ.

— Нѣтъ, ужъ сдѣлайте милость! отвѣчалъ повѣренный съ испуганнымъ лицомъ:—она и допрежь того, изволила знать,

болтаю; а тутъ и не то наговорить, коли захватить ее. Извольте вотъ прочесть, что пишутъ-то!

— Ну, читай, сто писусть! произнесъ сердито Эммануилъ Захаровичъ.

Самъ онъ не совсѣмъ хорошо разбираетъ письменную русскую грамоту.

Повѣренный взявъ со стола письмо, откашлянуся и началъ читать его.

„Ваше высокостепенство, государь мой, Эммануилъ Захаровичъ!

„Такъ какъ будучи присланный человекъ отъ васъ Михайло очень пьянствуетъ, сталъ я ему то говорить, а онъ, сказавши на это, что поѣдетъ въ К..., а ему дѣлать то запретилъ; онъ вчерашняго числа уѣхалъ секретно на пароходъ Кохида къ барину своему, г. Басардину, какъ говорилъ то одному своему знакомому другу Армянину, который мнѣ то, будучи мною уговариваемъ, открылъ за 5 руб. сер.

„Переговоры же о томъ шлн черезъ какую-то дѣвицу Иродиаду, которая, надо полагать, была его любовница, о чемъ вашему высокостепенству довести и желаю и при семъ присовокупляю, что на цымлянское...“

Дальше повѣренный не сталъ читать.

— Ну взять его, какъ прѣдетъ Кохида... Я плачу имъ деньги... Сто-зе? Пускай берутъ! проговорилъ Эммануилъ Захаровичъ.

Повѣреннаго при этомъ точно передернуло.

— Нѣтъ-съ, и этого нельзя. Теперича Иосифъ Яковичъ жизнь кончили.... Я, значить, одинъ въ отвѣтъ и остался... оказалъ онъ.

— Ницего я не знаю, ницего! возразилъ Эммануилъ Захаровичъ, отстраняясь руками.

— Ваше степенство, началъ повѣренный:—словъ Иосифа Яковлевича тоже слышались мы, все равно, что отъ васъ они шлн....

— И не говорите мнѣ, не знаю я ницего того! перебилъ опять Эммануилъ Захаровичъ, зажимая уши.

Повѣренный вздохнулъ.

— Маленькаго человека погубить долго ли.... Хорошо, что тогда поостерегся, черезъ другаго, а не самъ дѣло дѣлалъ, теперь хоть увертка есть. Никакихъ бы денегъ, кажись, не взялъ въ экое дѣло влопаться.

— Ну, молди, позалуоста, безъ разсужденій! прикрикнулъ на него Эммануилъ Захаровичъ.

— Спина-то, ваше степенство, своя-сь, за невою разсуждать начнешь: не вась, а нашу братью на кобылѣ-то драть стануть.

— Молди! прикрикнулъ на него еще разъ Эммануилъ Захаровичъ:—грубый народъ... музикъ!

Повѣренный замолчалъ, но попрежнему оставался съ мрачнымъ лицомъ.

Эммануилъ Захаровичъ принялся снова разбирать и разсматривать бумаги.

— Подайте же это ко взысканію! сказалъ онъ, подавая повѣренному заемное письмо.

Тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

Заемное письмо было на имя Софьи Леновой въ 25 тысячъ рублей серебромъ.

ГЛАВА XX.

Разные взгляды на общественное служеніе.

Въ газетѣ *Петербургское Безкорыстіе* было съ благороднымъ негодованіемъ напечатано:

„Скажите, отчего въ директоры акціонерныхъ компаній выбираются люди, не специально знакомые съ дѣломъ, а по большей части графы и генералы? Откуда и какимъ образомъ могли у акціонеровъ явиться подобные аристократическіе вкусы. Зачѣмъ они позволяютъ этимъ господамъ говорить себѣ въ собраніи дерзости, и изъ какихъ, наконецъ, видовъ благополучія допускается, что главный директоръ компаніи *Таврида и Сирена*, самъ начальникъ края, производитъ разработку каменнаго угля у себя въ имѣніи, который стоить такимъ образомъ обществу вавое дороже, чѣмъ привезенный и купленный изъ Америки? (См. отчетъ общества за 1859 г. и американскую газету *Herald*)“

Строкъ этихъ достаточно было, чтобы начальникъ края, ни съ кѣмъ не переговоривъ и не посоветовавшись, стукнулъ по столу два раза линейкой.

Вошелъ адъютантъ.

— Полицеймейстера мнѣ-съ! произнесъ начальникъ края, повидимому, спокойно.

Адъютантъ ушелъ.

Начальникъ края, будучи не въ состоянiи удержаться, продолжалъ однимъ глазомъ заглядывать въ продолженiе статьи.

Тамъ Богъ знаетъ чего ужъ не было наговорено. Говорили, что „на Солдатской пристани, для житья чиновниковъ, на деньги акціонеровъ построены цѣлый городъ.“

И, въ самомъ дѣлѣ это было такъ!

„Машина, выписанная для паровой мельницы, не входила въ самое зданiе, такъ что или ее надо было ломать, или зданiе.“

И то была правда!

Гнѣвомъ и горестью исполнялось сердце старика.

Полицеймейстеръ наконецъ явился.

— Гдѣ здѣсь живетъ вѣкто Басардинъ? спросилъ генералъ какимъ-то таинственнымъ голосомъ.

— Живетъ-съ! отвѣчалъ полицеймейстеръ.

— Взять его сейчасъ въ часть и произвести у него въ домѣ обыскъ.

— Это вѣрно, ваше превосходительство, по случаю акціонерной статьи... началъ было полицеймейстеръ.

— Да-съ!

— Статью эту, ваше превосходительство, писалъ Никтополионовъ.

— Пожалуста, безъ возраженiй!... Я и въ тотъ разъ во вашимъ стопамъ шелъ, да не далеко дошелъ!

О томъ, что виновникомъ прошлой статьи былъ Викторъ Басардинъ, начальникъ края узналъ отъ Эммануила Захаровича.

— Извольте произвести строжайшее слѣдствiе! заключилъ онъ.

— О чемъ-съ?

— О чемъ? крикнулъ генералъ.—Вы спрашиваете меня: о чемъ? Человѣкъ пишетъ на честныхъ людей пакости, человѣкъ подрываетъ общественный кредитъ, и вы преспокойно

говорите о чемъ? Полковникъ! вы служить послѣ того не можете!

Полковникъ поклонился и прямо отправился къ исполненію возложеннаго на него порученія.

Викторъ въ это время только было засунулъ свою, известную намъ, статью въ конвертъ, чтобъ отправить ее для напечатанія въ журналъ, какъ вбѣжала къ нему въ попыхатъ надимаемая имъ кухарка.

— Батюшка, Викторъ Петровичъ, сказала она, полицеймейстеръ съ солдатами пришелъ.

Викторъ поблѣднѣлъ. Но полицеймейстеръ входилъ уже въ комнату и прямо устремился къ письменному столу.

— Письмо!... проговорилъ онъ, тотчасъ же беря конвертъ и распечатывая его.

— Но какъ вы можете чужія письма.... возразилъ было Викторъ.

— Могу! отвѣчалъ полицеймейстеръ:— Это ужь объ родной сестрѣ сочинили, прибавилъ онъ, прочитавъ и передавая письмо жандармскому офицеру.

Затѣмъ начался обыскъ.

Викторъ ходилъ за всеми, какъ потерянный.

— *Колоколь!*... произнесъ мрачнымъ голосомъ жандармскій офицеръ.

— Откладывайте! сказалъ ему полицеймейстеръ.

— *Не напечатанныя русскія стихотворенія*, продолжалъ офицеръ.

— Какія это? спрашивалъ полицеймейстеръ.

— Да я не знаю-съ. *О, ты, Рыльскъ, другъ...* прибавилъ онъ, пробѣжавъ первый стихъ.

— Откладывайте, сказалъ полицеймейстеръ.

— Еще стихотвореніе: *Буяновъ мой сосѣдъ*, произнесъ жандармскій офицеръ.

— Откладывайте! сказалъ полицеймейстеръ.

— Картины голыхъ женщинъ, продолжалъ жандармъ.

— Тоже! повторилъ полицеймейстеръ и потомъ, обратившись къ Басардину, прибавилъ:— Я думаю, что вы молодой еще очень человекъ, а ужь по лицу-то видно собрались съ годками.... Стыдно.... очень стыдно....

— Но, скажите, что же я такое сдѣлалъ? говорилъ Басардинъ, стараясь улыбаться, но въ сущности совершенно упавъ духомъ.

— Сами понимаете, я думаю.... не маленькіе.... Собрали бумаги? спросилъ полицеймейстеръ у жандарма.

— Собрали-съ!

— Ну поѣдьте и вы! прибавилъ полицеймейстеръ Виктору:—въ часть васъ свезу. Велите себѣ принести матрасъ что ли; у насъ вичего тамъ нѣтъ!

— Какъ въ часть?... это.... это.... говорилъ Викторъ:—это ужь подо! возразилъ онъ наконецъ.

— А пашвили писать благородно? спросилъ его полицеймейстеръ.

— Это я писалъ для пользы общества, объяснилъ Басардинъ.

— А я васъ для пользы общества сажаю въ часть.... Вы такъ понимаете, а я иначе!

— Это, чортъ знаетъ что такое! говорилъ Басардинъ, садясь съ полицеймейстеромъ на пролетки.

— Не чортъ знаетъ, а только то, что эта общественная польза—вещь очень условная! объяснилъ ему полицеймейстеръ.

ГЛАВА XXI.

Новый обличитель.

Около К.... буря страшно шумѣла. Вѣтеръ, казалось, хотѣлъ сорвать флаги и флагера съ крѣпостныхъ башенъ. У обрывистаго берега валы бились и разсыпались о каменный утесъ.

Впереди хоть бы капля свѣта, и только дулъ оттуда холодный вѣтеръ; но вотъ вдали, въ безднѣ темноты, мелькнули двѣ свѣтащіяся точки, скрылись было смачаа, но потомъ снова появились и не пропадали уже болѣе.

Это шелъ пароходъ Кохида. Пассажировъ было не много: мужъ съ женой, сидѣвшіе на палубѣ и завернувшіеся въ одну кожу, чтобы опасти себя отъ брызгавшей на нихъ воды, а у самой кормы, въ совершенной темнотѣ, стоялъ высокій мужикъ, опершись на перилы и глядя на воду.

Матросы забѣталиво бѣгали на палубѣ.

Вѣтеръ наципалъ дуть порывистѣе и сильнѣй.

На носу засвѣтили фашфейеръ.

Съ видѣвшагося малка отвѣтили тѣмъ же.

Мужикъ спросилъ проходившаго мимо матроса:

— А что, служба, не далече до города?

— Да воя! отвѣчалъ тотъ, указывая на довольно близкіе огни.

— А это таможенная кѣса? спросилъ опять мужикъ, указывая на огонь, мелькавшій вдали отъ прочихъ.

— Да, отвѣчалъ матросъ, уходя отъ него.

Всавдъ затѣмъ мужика какъ бы не бывало на палубѣ.

— Что такое въ воду упало? спросилъ капитанъ съ своей вышки.

— Кто свалился? повторилъ онъ еще разъ и ужь строго.

— Мужикъ, надо быть, ваше благородіе.

— Спустить катеръ! скомандовалъ капитанъ.

Нѣсколько матросовъ бросились и стали спускать его, но лодка не шла.

— Спускайте скорѣй! Разорву васъ, какъ собакъ! кричалъ съ вышки капитанъ.

— Нейдетъ, ваше благородіе, блоки совсѣмъ не смазаны!

— Я вамъ дамъ, чортовы дѣти! кричалъ капитанъ.

Лодку, наконецъ, спустили, и человекъ четыре матросовъ соскочили въ нее.

— А на смазку-то, я самъ видѣлъ, въ отчетѣхъ сказано, что употребляется по 3.000 руб. сер. въ годъ! объяснилъ прозвѣнувшій супругъ своей супругѣ подъ кожей.

Они видно были изъ несчастныхъ акціонеровъ, а потому ничего больше ужь и не сказали, а еще крѣпче прижались другъ къ другу.

Матросы въ лодкѣ, сначала, проѣхали по прямой линіи отъ парохода къ берегу, потомъ завѣхали вправо. Ничего не видать, кромѣ пѣнящихся воднь.

— Чортъ найдеть его! проговорилъ одинъ изъ нихъ.

— Да что его угораздило? Пьянь, что ли, былъ? спросилъ другой.

— Нѣтъ, чай, надо быть нарочно! объяснилъ третій.

— Гдѣ жь тутъ ловить-то его.... Поди, чай, засосало подъ пароходъ, и плыветь подъ кормой.

— И пилъ же онъ, паря, на пароходѣ-то, шибко.

— Пилъ?

— И, Господи! Маркитантъ сказывалъ, рублеви на двадцать онъ выпилъ у него.... Заберите-ко одлако-че ваѣво! заключилъ матросъ, но и вѣѣвъ ничего.

— На пароходъ, ребята, ну его къ праху, гдѣ тутъ сыщешь! сказали почти всѣ въ одинъ голосъ и поѣхали на пароходъ.

Мужикъ, между тѣмъ, былъ недалеко отъ нихъ и, при ихъ приближеніи, только нырнулъ въ воду и вынырнулъ потомъ далеко отъ нихъ. Подплывъ къ косѣ, онъ оталъ на ноги. Тутъ ему было всего по поясъ. Онъ не пошелъ прямо на берегъ, а сталъ обходить всю косу кругомъ; на тѣмъ мѣстѣ, гдѣ и подѣвзду не было, ухватился за камень, оталъ взбираться, какъ кошка, на утесъ и только по временамъ ругался.

— Всѣ рученьки-то, дьяволъ, разонозилъ, камнями этими!.. Ну, поѣхала, дѣшная! говорилъ онъ, когда нога его случайно скользила и опускалась.—Какъ идти-то въ этой мокротѣ? прибавилъ онъ, ставъ наконецъ на вершину скалы и осматривая свой костюмъ.

— Ну, чортъ, велика барыня, заключилъ онъ и пошелъ.

На набережной онъ вошелъ во дворъ квартиры Софи; вѣроятно, очень знакомый съ мѣстностью, онъ сейчасъ же забрался черезъ перила на галерею и приложилъ свое лицо къ освѣщенному стеклу дѣвичьей.

Тамъ сидѣла молоденькая горничная.

— О, чортъ, это другая какая-то дѣшная! сказалъ онъ и постучалъ пальцемъ.

Горничная съ испугомъ взглянула на окно.

— Иродіада Никаноровна гдѣ-съ? спросилъ у ней мужикъ-Горничную успокоилъ этотъ вопросъ.

— Она не здѣсь, въ банѣ живетъ,

— Вотъ куда чортъ ее занесъ! Родила, что ли? сказалъ самъ съ собой мужикъ, и слѣзъ съ галереи.

Гдѣ находится баня, онъ тоже, видно, хорошо зналъ, потому что прямо пошелъ къ ней и опять приложилъ лицо къ окну.

Иродіада сидѣла тамъ одна и что-то шила.

Мужикъ вошелъ къ ней.

— Ай, Господи, Михайло! оговорила она, взмахнувъ на него глазами.

— Мы самые и есты! отвѣчалъ тотъ.

— Да что же ты весь мокрый.

— Да водой ужь шлепъ, коли оушью не пускаютъ, отвѣчалъ Михайло.

— Ну, разоблакайся!... Что стоишь, оказала ему Иродіада съ видимымъ участіемъ.

— Что же я надѣву?... весь мокрехонекъ, сказалъ мужикъ, свинная, впрочемъ, кафтанъ.

— Пойду, схожу, попрошу у кучера и портковъ, и рубахъ.

— Да какъ же ты окажешь?

— Скажу, что для полюбовника, да и баста!

— Ой-ли! хватъ дѣвка! проговорилъ ей вслѣдъ Михайло.

Читатель, конечно, не узналъ въ этомъ человѣкѣ того самаго Михайла, который, въ началѣ нашего романа, вѣхалъ молодымъ кучеромъ съ Надеждой Павловной. Судьба его и въ то уже время была связана съ судьбою Иродіады. Онъ именно былъ отцомъ ея ребенка, за котораго она столько страдала.

Получивъ вольную, Иродіада первое что написала Михайлу своею рукою письмо: „Душенька Михайло! Неземно вамъ кланяюсь и прошу васъ проситесь у господъ вашихъ на оброкъ, и пріѣзжайте за мной въ К..., гдѣ и ожидаетъ васъ со всею душою своею открытою, по гробъ вамъ вѣрная Иродіада.“

Михайло сейчасъ сталъ проситься у Петра Григорьевича; но тотъ его не пускалъ. Михайло нагрубилъ ему, или, лучше сказать, прямо объяснилъ: „дуракъ вы, а не баринъ—право!“

Петръ Григорьевичъ повезъ его въ солдаты. Михайло убѣжалъ отъ него и пришелъ въ К... оборванный, голодный и врядъ ли не совершившій дорогой преступленія.

Иродіаду онъ нашелъ не совсемъ вѣрною себѣ. Она была любима управляющимъ откупомъ Иосифомъ. Михайло, впрочемъ, нисколько этимъ не обидѣлся и просилъ только, чтобы какъ-нибудь ему прожить безъ паспорта, и хоть бы какое-нибудь найдти мѣстечко. По волянію Иродіады, его сдѣлали цѣловальникомъ; потомъ, по какимъ-то соображеніямъ, перевели сначала въ уѣздъ, и наконецъ отправили на Кавказъ. Въ продолженіе всего этого времени, Михайло страшно распился, развѣлся: краснощекій, съ черною окладистою бородой, онъ скорѣе походилъ на эсауда разбойничьяго, чѣмъ на бывшего нѣкогда господскаго кучера. Запахъ спирту отъ

него ужь и не прекращался, точно всё поры его были пропитаны имъ.

Иродіада, возвратившись, принесла Михайла все чистое бѣлье. Тотъ при ней же началъ переодеваться. Иродіада немощко отъ него отвернулась.

— Чаю, что ли, хочешь? спросила она.

— Нѣтъ, лучше бы горьковъкаго! отвѣчалъ Михайло.

— Все попрежнему, зелья-то этого проклятаго, сказала Иродіада.

— Человѣкъ рабочий, отвѣчалъ Михайло.

Иродіада сходила въ горницу и принесла цѣлый барскій графинъ водки и огромный кусокъ тоже барской телятины.

Михайло принялся все это пить и ѣсть.

— Чтѣ ты получилъ мое письмо? спросила его Иродіада.

— Получилъ; на него я и шелъ.

— Съ баринами твоими несчастье случилось: въ часть ази въ острогъ, что ли-то, посадили.

— Ахъ ты, Боже ты мой! произнесъ Михайло съ нѣкоторыми даже испугомъ.— За чтѣ же это такъ?

— Сочиненіе, что ли, какое-то написалъ на здѣшнихъ господъ, такъ за то... Въ Сибирь, говорятъ, сошлютъ.

— Какъ же быть-то, дѣвка, а?

— Чего быть-то?... Я вотъ отсюда завтра переѣду, поживемъ тамъ, поглядимъ.

— Эхъ-ма! горевалъ Михайло:— а мнѣ такъ было и думалось, что онъ далъ бы мнѣ какую бумагу, а бы ему все открылъ.

— Чего открывать-то? Мозеръ-то померъ!

— Вона! Царство небесное! произнесъ Михайло:— чтѣ же такое съ нимъ послучилось?

— Не знаю, отвѣчала Иродіада лаконически.

— Бѣда, значить, теперь, безъ начпорту-то, проговорилъ опять Михайло.

— Ничего!.. Нынче ужь насчетъ этого свободно стало.

— Да, какъ же? произнесъ недоувѣрчиво Михайло.

— Начальство само говорить: „Живите, говорить; ничего и безъ бумагъ“. Воля, говорятъ, всѣмъ настоящая скоро выйдетъ.

— Слышалъ я... отозвался Михайло: господамъ-то только подъ домомъ землю и оставлять, дьяволамъ экимъ, прибавилъ онъ и зѣвнуулъ.

— Такъ имъ, заодвѣмъ, и надо! повторила Иродіада.—Что зѣваешь?.. Поди, полѣзай на полокъ спать.

Михайло пошелъ; потомъ приостановился и хотѣлъ что то такое сказать Иродіадѣ; но, видно, раздумалъ и молча взлѣзъ на полокъ.

ГЛАВА XXII.

На яраго сатира надѣтъ намордникъ.

Виктора все еще продолжали держать въ части.

Онъ начиналъ терять всякое терпѣніе и, въ продолженіи этого времени, успѣлъ поколотить полицейскаго солдата, не пускавшаго его одного гулять по саду: объ этомъ было составлено постановленіе и присоединено къ дѣлу. Онъ показалъ потомъ женѣ частнаго пристава, когда та проходила мимо его оконъ, кукишь: объ этомъ тоже составлено было постановленіе и снова присоединено къ дѣлу.

Начальство всему этому только радовалось, чтобы побольше скопить на него обвиненій.

Викторъ, въ отчаяніи, началъ, наконецъ, молиться Богу, и молитва его была услышана. Въ послѣдній вечеръ передъ нимъ стоялъ знакомый намъ повѣренный Эммануила Захаровича малаканъ Емельяновъ, съ своею обычною кислою улыбкой и заложивъ руки за бортъ сюртука.

Викторъ все еще продолжалъ ершиться.

Емельяновъ пожималъ насмѣшливо плечами.

— Вѣдь это точно что-съ... Эммануилъ Захаровичъ такъ и приказывалъ: „пускай, говоритъ, онъ уѣдетъ.“

— А, испугались?... говорилъ Викторъ, самодовольно начиная ходить по комнатѣ.

— Не испугались, а что точно что неудовольствія имѣть не желаемъ..... И вамъ, вѣдь, тоже здѣсь ничего хорошаго не будетъ. Извольте, хоть какого ни на есть стряпчаго и ходатая вашего спросить.... Мало, мало, если васъ на житье въ дальнія, Сибирскія губерніи сошлютъ, а, пожалуй, приладятъ такъ, что и въ рудники попадете.

— Да вотъ такъ... какъ же! горячился Викторъ. — Я и оттуда буду писать.

— Пишите, пожалуй. Мало только пользы-то отъ того вамъ будетъ.... Хоть бы и я теперь, за что?... За то только что по вѣрв родителей моихъ жить желаю, попалъ сюда въ эти степи.

— Тебѣ-то пуще здѣсь худо... Ахъ, ты, борода! сказалъ Викторъ и тронулъ Емельянова за бороду. Онъ, видимо, начиналъ ужъ ласкаться къ нему.

— Что жь? Конечно что—благодареніе Богу: не потерялся еще совершенно, отвѣчалъ тотъ, стыдливо потупляя глаза. Такъ Эмануилъ Захарычъ мнѣ и приказывать изволили: „пустъ, говоритъ, онъ ѣдетъ въ Москву; будетъ получать отъ насъ по тысячѣ цѣлковыхъ въ годъ.“

— А какъ вы дадете, да не станете платить? спросилъ недоувѣрчиво Викторъ.

— Орудіе-то вѣдь ваше всегда при васъ; можете написать, что только захотите.

— Да, пиши тутъ, а вы преспокойно будете сидѣть и поглаживать себѣ бороды.

— Нѣтъ-съ, мы никогда не можемъ желать того, отвѣчалъ серьезно Емельяновъ.

— А вы вотъ что! продолжалъ Викторъ:—вы дайте мнѣ впередъ пять тысячъ цѣлковыхъ, да и баста!

Емельяновъ грустно усмѣхнулся.

— Такихъ денегъ у насъ, пожалуй, нынче и въ касѣ-то нѣтъ—оченно нынче дѣла плохи!

— Дайте векселя на разные сроки... Я подожду, отвѣчалъ Викторъ.

— Это словно бы не приходится, произнесъ, не поднимая глазъ, Емельяновъ.—Вы, конечно, что господинъ, дворянинъ: слову вашему мы вѣрить должны; но вѣдь тоже человѣческая слабость, у каждаго она есть: деньги-то вы по векселю съ насъ взыскать-то взыщете, а писать-то все таки станете.

— Для какого же чорта я писать буду?

— Да, вѣдь, извините меня, я опять повторю то же: человѣческая слабость... Можетъ-быть, къ пяти-то тысячамъ вы еще пожелаете съ насъ получить; вамъ-то это будетъ пріятно, а для насъ-то ужъ оченно раззорительно, а вы вотъ что-съ, по чести, ежли вамъ угодно теперь тысячу, годъ вы промолчали—другую вамъ, еще годъ—третью.

— Нѣтъ, это не выгодно! отвѣчалъ Викторъ:—теперь, по крайней мѣрѣ, дайте двѣ тысячи впередъ.

— Полторы извольте, безъ хозяина рѣшаюсь на то, по крайности буду знать, что дѣло покончено.

— Да, дѣло! Сквалыжники вы этакіе, говорилъ Викторъ, какъ человѣкъ угнетенный и прижатый,—ну давайте полторы тысячи!

— Слушаю-съ... Теперь я вамъ, значить, подорожную возьму, и хозяинъ еще говорилъ, чтобы мнѣ съ вами и въ Москву отѣхать... Чтобы безъ сумѣнія для него было.

— Хорошо, мнѣ все равно; я вѣдь и тамъ буду про разныхъ сокодииковъ писать.

— Извѣстно! За что жь такъ мы одни-то виноваты; надо и съ другихъ магарычи имѣть.

— Я имъ дамъ! Я тогда сочинилъ, такъ триста экземпляровъ сюда газеты выписали. Мнѣ теперь, знаешь, сколько за сочиненіе будутъ давать.

— Точно что-съ, способность, дарованье на то отъ Бога имѣете! подтвердилъ Емельяновъ и потомъ прибавилъ, раскланиваясь:

— До пріятнаго свиданія, значить!

— Прощайте, другъ любезный! отвѣчалъ ему Викторъ, дружески пожимая руку.

ГЛАВА XXIII.

Раззореніе.

По случаю наступившаго апрѣля, балконъ въ клубѣ былъ отворенъ. Теплая, весенняя ночь была совершенно тиха и спокойна; но за то волновались сердца человѣческія. Баклановъ, стоя около этого самого балкона и созерцая безмятежную красоту природы, былъ блѣденъ и губы у него отбѣшенства дрожали.

Ему что-то такое возражалъ Никтополионовъ.

— Я-то чѣмъ виновать, говорилъ онъ.

— А тѣмъ, что вашими подлыми статьями вы уронили все дѣло.

— Да, такъ вотъ я и стану молчать!.. Меня выгнали, а я буду говорить: прекрасно, неподобно!

— Отчего же прежде вы лично мнѣ другое говорили?

— Я тогда служилъ тамъ! Что жь мнѣ товаръ-то свой хаять, что ли? отвѣчалъ нахально Никтополионовъ.

Баклановъ едва владѣлъ собой.

— Знаете ли, за подобныя вещи бьютъ по рожѣ и бьютъ больно! говорилъ онъ.

— Да, кто дастся! отвѣчалъ Никтополионовъ и преспокойно отошелъ.

Баклановъ постоялъ еще немного, и даже почернѣвъ отъ волновавшихъ его чувствованій, уѣхалъ домой.

Онъ прямо прошелъ въ спальню жены.

Евпраксія уже спала.

Баклановъ, безъ всякой осторожности, разбудилъ ее.

— Поздравляю васъ: мы раззорены!.. началъ онъ прямо.

— Чтò такое? спрашивала Евпраксія, едва приходя въ себя.

— Такъ. Акціи наши падали, падали, а теперь за нихъ и ничего ужъ не даютъ, отвѣчалъ Баклановъ, садясь въ отчаяніи на свою постель.

— О, я думала, Богъ знаетъ чтò! произнесла Евпраксія, почти совершенно успокоившись.

— Какъ чтò? Какъ чтò? Это для васъ не Богъ знаетъ чтò? вскричалъ Баклановъ.

— Перестань, сумашедшій, дѣтей напугаешь! сказала Евпраксія и, вставъ, притворила дверь въ дѣтскую.

— Это для нея ничего!... О, Боже мой, Боже мой! повторялъ Баклановъ, воздвигая руки къ небу.

— Кто жь виноватъ? Самъ же! сказала Евпраксія, зажигая свѣчку. Она знала, что сцена эта не скоро кончится.

— Я же! Да, я! Я хотѣлъ раззорить и погубить семью. О, я несчастный! восклицалъ Баклановъ, колотя себя въ голову.

Евпраксія пожала плечами.

— Ну, подай только Богъ терпѣнья жить съ тобой, сказала она.

— Чтò жь? Прогоните меня какъ тварь какую-нибудь безчувственную, какъ мерзавца, подлеца!

— Ни то, ни другое; а человекъ безъ характера... Малѣйшая удача—мы ужъ и на небесахъ: прекрасно все, неподобно, чудесно! а неудача—сейчасъ и въ отчаяніи! Жизнь не гулянье въ саду: все можетъ случиться.

— Все! Хорошо все? Пятьдесятъ тысячъ потерять! О, я не перенесу этого и убью себя! воскликнулъ опять Баклановъ въ бѣшенствѣ.

— Перестань, говорятъ тебѣ! прикрикнула на него Евпраксія

строго:—не ты одинъ, а многіе потеряли, и побѣдишь тебя; можетъ-быть, свои послѣдніе, трудовые гроши.

— Они теряли свои деньги, а я потерялъ чужія, ваши, отвѣчалъ ядовито Баклановъ.

— Какія же чужія?... Если я принадлежу тебѣ, такъ деньги мои и подавно, и кромѣ того... конечно, кто говорить, потеря довольно ощутительная; но все-таки не совсѣмъ еще разорены... Богъ дастъ, будешь здоровъ, да спокоенъ, не столько еще наживешь...

Слова жены замѣтно успокоили Бакланова. Онъ хотя и сидѣлъ еще задумавшись, но не кричалъ ужъ болѣе.

— Ну, что теперь станешь дѣлать? Что? говорилъ онъ, разводя руками,—опять надо впрягаться въ эту службу проклятую. Вы, пожалуста, завтра же отпустите меня въ Петербургъ; я поѣду искать должности.

— Сдѣлай милость, очень рада! подхватила Евпраксія:—а то, вѣдь, ей Богу, скучно на васъ, на дворянство, смотрѣть: скучаютъ, ничего не дѣлаютъ!

— Поѣду! повторялъ Баклановъ, какъ бы самъ съ собою, и потомъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, снова обратился къ женѣ.

— Вы на меня не сердитесь?

— Увѣряю тебя, нисколько.

— Ну, поцѣлуйте меня въ доказательство этого.

Евпраксія подошла и поцѣловала его.

— Мнѣ гораздо вотъ непріятнѣе было, когда ты тяготился семейною жизнью, а что потеряли часть капитала—велика важность! сказала она.

— Ты великая женщина! проговорилъ наконецъ Баклановъ, вздыхая и слегка отталкивая ее отъ себя.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже спалъ, а Евпраксія не спала всю ночь: спокойствіе ея, видно, было только наружное!

ГЛАВА XXIV.

Сцена хотъ бы изъ французскаго романа.

Слѣдующая ночь еще была теплѣе, темнѣе и тише.

День этотъ былъ среда. У Софи, по обыкновенію, были гости и, какъ нарочно, очень много. Дѣвица Каролина-Марія-Терезія привезла къ ней двухъ сестеръ, выписанныхъ ею съ

родины тоже жить на счетъ ея друга. За дѣвицею Порховскою пріѣхало ровно четыре кавалера. Сама Софи, впрочемъ была скучна и ни съ кѣмъ не говорила ни слова. Утомленная и доведенная еще до большей тоски болтовней гостей, она встала и пошла было въ заднія комнаты, чтобы хоть на нѣсколько минутъ остаться одной; но тамъ застала Иродіаду, сверхъ обыкновенія, въ платкѣ на головѣ, а не въ шляпкѣ. Софи отвернулась. Ей стало непріятно и точно страшно встрѣчаться съ своею прежнею похѣренною.

— Здравствуй! Гдѣ жь ты нынче живешь? спросила она ее, чтобы что-нибудь сказать.

— На квартирѣ-съ.

— Не у мѣста еще?

— Нѣтъ-съ.

И Софи опять возвратилась въ залъ.

Сѣвъ за рояль и взявъ на нихъ нѣсколько аккордовъ, она все прислушивалась къ звонку; но никто не пріѣзжалъ.

Софи подозвала къ себѣ одного изъ молодыхъ людей.

— Садитесь тутъ, у моихъ ногъ, сказала она.

Тотъ въ самомъ дѣлѣ помѣстился у ногъ ея.

— Ну, говорите мнѣ любезности, говорите, что я, какъ ангелъ, хороша, что вы отъ любви ко мнѣ застрѣлитесь.

— Первое совершенно справедливо, а второе нѣтъ; потому что жизнь свою и себя самого я люблю больше всего, отвѣтилъ молодой человѣкъ, желая сострить.

— Охъ, какъ это не умно, вяло, натянуто! говорила Софи. — Какіе вы нынче всѣ пошлые.

Въ дѣвичьей между тѣмъ происходили своего рода хлопоты. Молодая горничная вошла съ графиномъ аршада и вся раскрасѣвшаяся.

— Ой, дѣвушка. Такъ устала, что силушки нѣтъ, говорила она Иродіадѣ.

— Гдѣ у васъ чай нынче разливаютьъ: въ спальнѣ барыниной? спросила та.

— Да, все тамъ же.

— Дай, я разолю.

— Ой, сдѣлай милость, голубушка! Мнѣ еще за сухарями надо бѣжать, сказала горничная и сама ушла.

Иродіада пошла въ спальню Софи. Увидя, что на той половѣ гостиной, которая была видна изъ спальни, никого нѣтъ, она обернулась задомъ къ туалету и оперлась на него; потому что-то

такое щелкнуло, точно замокъ отперся, и Иродіада стала проворно класть себѣ въ карманъ одну вещь, другую, третью. Затѣмъ замокъ снова щелкнулъ. Иродіада отошла отъ талета и стала около чайнаго стола.

Горничная возвратилась и пошла подавать чай, а Иродіада слѣдовала за ней съ сухарями. Лицо ея при этомъ было совершенно безстрастно.

Напоивъ гостей чаемъ, Иродіада стала собираться домой.

Молодежькая горничная останавливала ее.

— Да накушайтесь сами-то чайку, сказала она,

— Нѣтъ, благодарю, далеко еще идти, сказала Иродіада и поцѣловалась съ своею бывшею товаркой.

— Прощайте! сказала она ей не совсемъ обыкновеннымъ голосомъ.

— Прощайте, ангелъ мой! отвѣчала ей та ласково.

Въ одномъ изъ глухихъ переулковъ Иродіада сошлась съ мущиной.

— Готово? спросила она.

— Дождается! отвѣчалъ ей тотъ.

— Ну, веди!

Они пошли.

— Все сдѣлала-съ? спросилъ ее мущина какимъ-то почти-тельнымъ голосомъ.

— Все!

Пройдя набережную, они стали пустырями пробираться къ таможенной кося.

На самомъ крутомъ ея мѣстѣ мущина, который былъ никто иной, какъ Михайло, сталъ осторожно спускаться, придерживая Иродіаду за руку.

— Не оступитесь! говорилъ онъ.

— Держись самъ-то крѣпче, а я за тебя стану!...

Спустившись болѣе чѣмъ до половины, Михайло крикнулъ:

— Мустафа?...

— Я! отозвался снизу изъ лодки голосъ по-татарски.

— Ты куда насъ повезешь? спросилъ его и Михайло по-татарски.

— Въ деревню Оля... къ брату... лошадь дастъ тебѣ, и поѣдешь.

— Мотри, свиное ухо, не обмани!

— Чтò мнѣ тебя обманывать-то?

Михайло и спутница его соскочили въ лодку.

— Отчаливай! проговорилъ Михайло; но Татаринъ успѣлъ уже махнуть веслами, и они плыли.

Отъѣхавъ нѣсколько, Татаринъ пріостановился.

— Пересядь, любезный, на эту сторону, а то очень ужь вахитъ вправо-то, сказалъ онъ Михайлѣ.

Тотъ всталъ и началъ пересаживаться; вдругъ почувствовалъ, что его что-то страшно ударило въ спину, и онъ сразу ковырнулся въ воду.

— Батюшки, товетъ! утонулъ! вскрикнула Иродіада.

Татаринъ, между тѣмъ, гребъ дальше.

— Постой, чортъ, дьяволъ, кричала она, обертываясь, то назадъ, то къ Татарину; но тотъ продолжалъ грести, а потомъ вскочилъ и повалилъ ее самое въ лодку и наступилъ ей на грудь.

— Давай деньги! подай! говорилъ онъ и полѣзъ ей за пазуху; но въ это время чья-то рука повернула лодку совсѣмъ вверхъ дномъ. Всѣ пошли ко дну.

У Иродіады глаза, уши и ротъ захватило водой; она сдѣлала усиліе всплыть вверхъ, и повыплыла. Въ сторонѣ она увидѣла, что что-то такое кипѣло, какъ въ котлѣ.

Вдругъ на водѣ показался ея спутникъ и схватилъ ее за платье.

— Плыви за мной, сказалъ онъ ей.

— Господи, онъ насъ нагонитъ, пожалуй! говорила Иродіада, едва барахтаясь руками.

— Не нагонитъ, отвѣчалъ ей спутникъ:— у тебя все въ карманѣ?

— Все.... ой, тошнехонько, тону! кричала Иродіада.

— Не утонуешь, не далеко! отвѣчалъ ей спутникъ и взялъ ее за косу.— Я нарочно рулемъ держалъ, не давалъ ему далеко отъ берегу-то отбиваться, говорилъ онъ.

Въ самомъ дѣлѣ, они черезъ нѣсколько минутъ были уже на берегу.

— О-о-ой! стонала Иродіада.

— Пойдемъ, дѣлать нечего, пѣшкомъ, сказалъ ей спутникъ.

— Пойдемъ! отвѣчала она, едва перевода дыханіе, и вслѣдъ затѣмъ оба скрылись въ темнотѣ.

На другой день къ пароходной пристани прибило волнами утопленника Татарина съ перерѣзаннымъ горломъ.

ГЛАВА XXV.

Неошибочное предчувствіе Евпраксіи.

Послѣ раззоренія своего, Баклановъ началъ еще болѣе скучать.

Здѣсь мы должны глубоко запустить зондъ въ его душу и изслѣдовать въ ней самые сокровенные и потайные закоулки.

Состоя при семействѣ и подчиняясь ему, когда около всего этого группировалось сто тысячъ денегъ и крѣпостное имѣніе, онъ полагалъ, что все-таки дѣло дѣлаетъ и, при подобной обстановкѣ, можетъ жить баричемъ. Но теперь, когда состояніе женою съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уменьшалось, значить, и этой причины не существовало. О, какъ ему, сообразивъ все это,² захотѣлось и дали, и шири, и свободы!... Мечты, одна другой несбыточнѣе, проходили безпрестаннымъ калейдоскопомъ въ его умѣ, а между тѣмъ онъ жилъ въ самомъ обыденномъ, пошломъ русскѣ провинціальной семейной жизни... Изъ-за чего же было это безкорыстное и какое-то почти фантастическое убійство своего внутренняго я?

Въ одну изъ подобныхъ минутъ, когда онъ именно такимъ образомъ думалъ самъ съ собой, ему подали записочку. Онъ прочиталъ ее, сконфузился и проворно спряталъ ее въ карманъ.

— Хорошо, сказалъ онъ торопливо челоуѣку, мотнувъ ему головой.

Тотъ вышелъ.

Евпраксія, обыкновенно никогда не обращавшая вниманія, какія и отъ кого мужъ получаетъ письма, на этотъ разъ вдругъ спросила.

— Отъ кого это?

— Тамъ, отъ одного знакомаго, отвѣчалъ Баклановъ, краснѣя.

— Покажи, сказала ему Евпраксія, какъ будто бы и съ улыбкой.

— Нѣтъ, не покажу, отвѣчалъ Баклановъ, тоже стараюсь улыбаться.

— Покажи, говорятъ тебѣ! повторила Евпраксія еще разъ, и уже настойчиво.

— Нѣтъ! Я, вѣдь, писемъ къ вамъ не читаю.

— Читай; у меня секретовъ нѣтъ. Ну, покажи же! говорила она, и при этомъ даже встала и подошла къ мужу.

Тотъ все еще продолжалъ улыбаться; но карманъ, въ которой спряталъ записку, прижалъ рукою.

— Покажи! повторила настойчиво Евпраксія.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! сказалъ рѣшительно Баклановъ.

— Ну, хорошо же! Я сама буду переписываться! сказала Евпраксія, съела и заплакала.

Баклановъ не болѣе какъ во второй или въ третій разъ, въ продолженіе всего ихъ супружества, видѣлъ слезы жены.

— Это глупо наконецъ! проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, не глупо! возразила ему рѣзко Евпраксія:—стой и дрянной вы человѣчшко! прибавила она потомъ.

— Ну, можете браниться, сколько вамъ угодно, отвѣчалъ Баклановъ и вышелъ.

— Чтò ты такъ разсердилась изъ-за такихъ пустяковъ, сказалъ сестрѣ Валерьянъ Сабакѣевъ, бывшій свидѣтелемъ всей этой сцены.

— Нѣтъ, не пустяки! отвѣчала, она, продолжая рыдать:—вѣроятно, отъ какой-нибудь госпожи своей получила.

— Ревность, значитъ, замѣтилъ ей, съ улыбкой, братъ.

— Вотъ ужъ нѣтъ!... Пускай сколько хочетъ имѣть ихъ, отвѣчала, впрочемъ, вся покраснѣвъ, Евпраксія.—Самъ же вѣдь послѣ будетъ мучиться и терзаться.... мучить и терзать другихъ! заключила она и ушла къ дѣтямъ въ дѣтскую; но и тамъ продолжала плакать.

Баклановъ все это время у себя въ кабинетѣ потихоньку одѣвался, или лучше сказать, франтился на пропалую: онъ умылся, надѣлъ все съ иголочки новое платье, надушился, и на цыпочкахъ вышелъ изъ дому.

— Когда меня спросятъ, скажи, что я гулять пошелъ.... Видишь, вонъ пальто и зонъ взялъ! сказалъ онъ провожавшему его человѣку, а самъ, выйдя на улицу и пройдя нѣсколько приличное разстояніе, нанялъ извозчика и крикнулъ ему: „на набережную.“

Передъ квартирой Софи, онъ соскочилъ съ экипажа и проворно ушелъ въ отворенную почти настежь дверь.

Софи, совсѣмъ растерянная, съ блѣднымъ и испуганнымъ лицомъ, встрѣтила его въ залѣ.

— Другъ мой, говорила она, беря его за руку и ведя его въ гостиную,—заступитесь за меня, меня обокрали всю.

— Какъ? спросилъ Баклановъ.

— Всѣ брилліанты и семьдесятъ пять тысячъ денегъ.

— Господи помилуй! воскликнулъ Бакаановъ:—но кто же?

— Должно быть прежняя моя горничная.

— Въ какомъ видѣ у васъ деньги были?

— Билетъ ломбардный.

— Именной?

— Не знаю, кажется.

Баклановъ пожалъ плечами.

— Есть у васъ по крайней мѣрѣ номера?

— Да, господинъ, который привезъ его ко мнѣ, нарочно записалъ въ столъ у меня, отвѣчала Софи нѣсколько сконфузившись; и потомъ отворила туалетъ, гдѣ на стѣнкѣ одного потайнаго ящика было чьею-то осторожною рукой написаны номеръ и число билета.

Баклановъ списалъ все это.

— Ничего, поправимъ какъ-нибудь! сказалъ онъ и, не объяснивъ болѣе, уѣхалъ.

Софи, оставшись одна, сидѣла, какъ безумная.

Часа черезъ три Баклановъ возвратился.

— Я думала, что и ты меня покинешь, сказала она ему.

— Нѣтъ, какъ можно! Я все уже сдѣлалъ: телеграфировалъ въ петербургскій банкъ и получилъ отвѣтъ, что по билету никому, кромѣ васъ, не выдадутъ.

— Но какъ же я то получу?

— Надобно вамъ самой ѣхать въ Петербургъ.—Поѣдете вмѣстѣ; я тоже на дняхъ ѣду!

— Ахъ, я очень рада! воскликнула Софи радостно; но потомъ нѣсколько покрасѣла.

— Только у меня жена ревнива, прибавилъ Баклановъ съ улыбкою:—отсюда намъ нельзя вмѣстѣ выѣхать. У васъ есть какой-нибудь дорожный экипажъ?

— Отличная дорожная карета еще послѣ покойнаго мужа, отвѣчала Софи.

— И прекрасно! произнесъ Баклановъ, потирая руки. Въ

головѣ его строилось тысячу увлекательнѣйшихъ плановъ.

— Вы поѣзжайте напередъ и подождите меня въ первомъ какомъ-нибудь городкѣ; я васъ обгоню, а потомъ мы вмѣстѣ и поѣдемъ.

— Это отлично! сказала Софи, смотря съ нѣжностью на него.

Баклановъ въ эти минуты рѣшительно казался ей ангеломъ спасителемъ.

— Однако, прощайте, мнѣ пора. На меня и то ужь супруга сильно сердится! сказалъ онъ—и хотѣлъ было поцѣловать у Софи руку, но она поцѣловала его въ губы.

Еще не старое сердце героя моего, билось какъ птичка отъ восторга: у него наконецъ заводилась интрижка, чего онъ такъ давно и такъ страстно желалъ.

ГЛАВА XXVI.

Кто такой собственно герой мой.

По векселю Эммануила Захаровича у Софи описали всю движимость. Она, по необходимости, должна была поскорѣй уѣхать.

Бакланову стоило страшныхъ усилій сказать женѣ, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Ему казалось, что она непременно догадается и разрушитъ весь его планъ. Наконецъ онъ рѣшился.

— Сдѣлай милость, поѣзжай! отвѣчала ему Евпраксія.

Подозрѣвая, что мужъ затѣваетъ какіе-нибудь шашни въ ихъ городѣ, она въ самомъ дѣлѣ желала отправить его въ Петербургъ, гдѣ все-таки надѣялась, что онъ найдетъ какое-нибудь себѣ занятіе, и тогда уже переѣхать къ нему самой со всею семьей. Почтенная эта женщина, несмотря на то, что ей всего было только двадцать восемь лѣтъ, постоянно здраво и благоразумно разсуждала, и мужа за замѣчаемые недостатки не бранила и не преслѣдовала, а старалась излѣчить его отъ нихъ!

Разговоръ о поѣздкѣ, по обыкновенію, окончился двумя, тремя фразами.

У Баклановыхъ, по вліянію Евпраксіи, осталось прежнее обыкновеніе ея матери: о серьезныхъ и важныхъ вещахъ думать много, а говорить мало.

Баклановъ всегда этимъ ужасно возмущался.

— Это какіе-то олимпійскіе боги, которыхъ развѣ стрѣлы Юпитера могутъ потрясти, а обыкновенныя житейскія дѣла ихъ не трогаютъ, говорилъ онъ про жену и тещу.

Но на этотъ разъ радъ былъ этому обыкновенію и на другой же день собрался и поѣхалъ.

При прощаніи, ему жаль было немножко дѣтей, особенно, когда старшій Валерка повисъ съ рыданіями у него на груди и, какъ бы предчувствуя долгую разлуку, кричалъ: „папаша, папаша, куда ты?“

Баклановъ, совершая столь безобразный поступокъ, только послѣ сообразилъ, какія онъ страшныя минуты переживалъ, не чувствуя и не сознавая ихъ нисколько. Самый младшій сынишко не плакалъ; но своимъ серіознымъ взглядомъ, какъ бы говорилъ: „Отець, что ты дѣлаешь? Смотри, я такъ равкну, что воротышься у меня назадъ!“ И въ самомъ дѣлѣ равкнулъ.

У Бакланова при этомъ замерло сердце, и онъ сталъ спѣшить прощаться.

Евпраксія, по обыкновенію, была спокойна, и только какъ бы нѣсколько еще солиднѣе обыкновеннаго.

— Ну, пиши же, главное, о своемъ здоровьѣ, а потомъ и о дѣлахъ, сказала она, когда мужъ цѣловалъ ея руку.

Проводивъ его, она ушла къ себѣ въ комнату и долго тамъ молилась.

За всѣ эти поступки, да вѣроятно и за предыдущіе читатель давно уже заклеивалъ моего героя именемъ пустаго и дряннаго человѣка!

На это я имѣю честь отвѣтить, что герой мой, вопервыхъ, не герой, а обыкновенный смертный изъ нашей такъ называемой образованной среды.

Онъ праздно выросъ, не дурно поучился, поступилъ по протекціи на службу, благородно и лѣтливо послужилъ, выгодно женился, совершенно не умѣлъ распоряжаться своими дѣлами, и больше мечталъ какъ бы пошалить, порѣзвиться и попріятнѣй провести время.

Онъ представитель того разряда людей, которые до 55 года замирали отъ восторга въ италіанской оперѣ и считали, что это высшая точка человѣческаго назначенія на землѣ, а потомъ сейчасъ же стали, съ увлеченіемъ и вѣрою школьниковою, читать потихоньку *Колоколъ*.

Внутри, въ душѣ у этихъ господъ, нѣтъ, я думаю, никакого самодѣланія; но за то натираться чѣмъ вамъ угодно сваружу—величайшая способность!

ГЛАВА XXVII.

Выходъ въ ширь и гладь!

Юльское солнце, часовъ въ семь вечера, свѣтило красноватымъ свѣтомъ. Идущая широкою полосой дорога была суха и гладка. По сторонамъ, до самаго горизонта, разстилась степь зеленѣющая густою и пестрою травой. Нѣсколько вдали стояла почтовая станція Дыбки, загороженная растущимъ около ея тальникомъ. По степи гуляло цѣлое стадо драхвъ, которыя то опускали, то поднимали свои головы. Едва видѣвшійся челоуѣкъ на бѣговыхъ дрожкахъ объѣзжалъ ихъ.

На окраинѣ дороги сидѣлъ Баклановъ, щеголевато, по-дорожному, одѣтый. Около него лежалъ небольшой чемоданчикъ и пледъ.

На лицѣ его написано было нетерпѣнiе.

Наконецъ показалась карета четверкою, и онъ радостно началъ махать рукой и шляпой.

Подѣхавъ къ нему, карета остановилась, и изъ окна ея выглянуло предестное лицо Софи.

— Александръ, это вы? сказала она, точно не ожидая его встрѣтить тутъ.

— Да, позвольте ужъ! говорилъ Баклановъ, кидая свой пледъ и чемоданъ въ ноги къ извозчику, а потомъ отворилъ дверцы и самъ вошелъ въ карету.

Для предосторожности Софи вѣхала одна однихомълька и даже безъ горничной.

— Ну, вотъ, наконецъ! проговорила она, подавая Бакланову обѣ руки.

— Да, отвѣчалъ тотъ, цѣлуя ихъ несчетно разъ.

— Ну что жена? спросила его потомъ Софи, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Э, ничего! отвѣчалъ Баклановъ:—я намѣренъ, не вдругъ, разумѣется, а постепенно, разорвать совершенно мои брачныя узы.

— Зачѣмъ это? проговорила Софи болѣе грустно чѣмъ съ укоромъ.

— Невозможно! воскликнулъ Бакаловъ:—болѣе безобразнаго установленія, какъ бракъ, я рѣшительно ничего не знаю. Софи продолжала грустно улыбаться.

— Точно двухъ лошадей припрягли къ дышлу: ровный ли у васъ ходъ и скорость вашихъ ногъ, или нѣтъ, все ступайте, не отпрягуть ужь!

— Но какъ же дѣлать иначе? спросила Софи.

— Дать болѣе свободное движеніе чувствамъ; тогда, повѣрь, между мужчинами и женщинами возникнутъ гораздо болѣе благородныя, болѣе нравственныя, болѣе наконецъ возвышенныя отношенія.

— А дѣти? спросила Софи.

— Что жь такое дѣти?

— А то, что мужчина съ одною народитъ дѣтей, перейдетъ къ другой, а отъ другой къ третьей. Дѣти у насъ, бѣдныхъ женщинъ, и останутся на рукахъ и попеченіяхъ.

— Это вздоръ, chère amie, извини меня! возразилъ Бакаловъ:—если я хоть сколько-нибудь честный человѣкъ, я женщину, у которой есть отъ меня дѣти, не оставляю совершенно, и если не буду ее продолжать любить, то все-таки матеріально обезпечу, а если я мерзавецъ, такъ и бракъ мнѣ не поможетъ. Сколькихъ мы видимъ людей, которые губятъ совершенно свои семьи!

— Но все-таки это немножко иныхъ попридерживаетъ!

— Нисколько!

— Какъ нисколько? Посмотри, сколько этихъ несчастныхъ любовницъ кидаютъ.

— Да потому теперь любовницамъ и побочнымъ дѣтямъ мы даемъ мало цѣны, что у насъ, изволите видѣть, есть гораздо болѣе драгоценныя существа—законная супруга и законныя дѣти, и, что всего отвратительнѣе, тутъ во всемъ этомъ притворство таится. Вспомни, напримѣръ, хоть твой бракъ.

— Что жь мой бракъ? воскликнула Софи:—я скорѣе вышла за какое-то чудовище чѣмъ за человѣка; твоя жена—другое дѣло. Она милая...

— Прекрасно! подхватилъ Бакаловъ:—я поэтому-то, по преимуществу, и привожу себя въ примѣръ: жена у меня, дѣйствительно, милая, добрая, умная, красивая, но между тѣмъ

я не могу любить ее, потому только что она моя жена. Я, въ сущности, не развратный человекъ, никогда имъ не былъ и теперь не таковъ, и женѣ моей еще не измѣнялъ ни разу.

— Я думаю! подхватила Софи.

— Увѣряю тебя... Но повѣришь ли, ангелъ мой, что каждая горничная, пришедшая ко мнѣ, въ своемъ новенькомъ холстинковомъ платьицѣ, подать поутру кофе, возбуждаетъ во мнѣ гораздо болѣе страсти чѣмъ моя супруга. Вотъ что оно значитъ право-то по долгу!

— Очень просто! Женщина, которая принадлежитъ мушницѣ, она для него не представляетъ интереса, а другія напротивъ.

— Нѣтъ, тутъ не то! За любовницей всегда останется право—отплатить мнѣ тѣмъ же, такую же измѣной, и это всякаго удерживаетъ: любовниковъ вѣрныхъ своимъ любовницамъ гораздо болѣе чѣмъ мужей женамъ. За женой же никакого нѣтъ права: она моя раба... я могу ее за измѣну себѣ судить въ судѣ... ее будетъ преслѣдовать общественное мнѣніе.

— Значить, надобно только чтобъ одинакія права имѣли мушницы и женщины.

— Совершенно! воскликнулъ Баклановъ, во первыхъ, чтобъ у женщинъ въ обществѣ былъ бы такой же самостоятельный трудъ, какъ и у мушницъ, и чтобъ этимъ трудомъ онѣ также были намъ необходимы, какъ и мы имъ своимъ... а что въ отношеніи сердечныхъ связей—надобно еще дальше идти: пуская, я иду по улицѣ въ страстномъ, положимъ, состояніи.

— Ну? сказала Софи съ улыбкой.

— Попадается мнѣ женщина которая мнѣ нравится и въ подобномъ же настроеніи.

— Ну! повторила Софи съ замѣтнымъ уже любопытствомъ.

— Мы объясняемся и сходимся, и ты себѣ представить не можешь: какое даровитѣйшее поколѣніе народилось бы такимъ образомъ.

Софи подобная теорія показалась очень уже смѣлою.

— У васъ, вѣдь, есть подобныя женщины. Мнѣ мужъ еще покойникъ сказывалъ, проговорила она.

— О, то твари продажныя! Я говорю о физическо-нравственныхъ влеченіяхъ, сказалъ Баклановъ.

— Ну тогда бы вы, мушницы, переубивали другъ друга: тебѣ бы понравилась одна, и другому она же.

— Пускай себѣ! Но все-таки въ этомъ случаѣ были бы

искреннія и неподдѣльныя чувства, а не такъ какъ теперь: какая-нибудь молоденькая бабенка своему старому хрычу супругу говоритъ „папаша, папочка!“ А онъ ей: „мамочка, мамочка!“ а обвѣмъ: ей протавно и подумать объ немъ, а онъ уже не думаетъ и ни о какихъ въ мирѣ женщинахъ.

— Вы это меня, что ли, описали? спросила Софи.

— Да хоть бы и васъ, а при другомъ, напримѣръ, устройствѣ, вы глядите мнѣ съ любовью въ очи, и пусть васъ защищаетъ какой угодно господинъ, я смѣло кидаясь...

— Меня некому защищать, сказала Софѣ, отодвигаясь нѣсколько въ уголъ кареты.

— Въ такомъ случаѣ я еще смѣлѣй кидаясь! воскликнулъ Бакаановъ и въ самомъ дѣлѣ бросился къ Софи, обнявъ ее и началъ цѣловать.

Она сама его пламенно цѣловала.

— Васъ страшно любить!... шептала она.

— Отчего?

— Вамъ наскучишь, и вы полюбите другую.

— Нѣтъ, женщины съ огонькомъ, съ истинною страстью, я никогда не разлюблю.

— Да гдѣ взять этого огонька, и какой онъ? говорила Софи.

— О, тебѣ не дая чего искать его!.. Онъ у тебя въ каждомъ нервѣ, въ каждой жилкѣ сидитъ, говоритъ Бакаановъ.

— Мнѣ знаешь, что кажется! начала она, послѣ короткаго молчанія, что я въ любви къ тебѣ очищаюсь отъ всей моей прошлой, ужасной жизни.

— А мнѣ тутъ главное дорого, отвѣчалъ Бакаановъ, — что у сердца моего покоится женщина не по долгу, а по чувству!

АЛЕКСѢЙ ПИСЕМСКІЙ.

О НѢКОТОРЫХЪ ЯВЛЕНІЯХЪ ДЕНЕЖНАГО ОБРАЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ

ГЛАВА II.

(Окончаніе ¹.)

Чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ дѣйствиі усиленныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ 1853—1856 г. на наши промышленныя и коммерческія дѣла, мы должны сперва припомнить себѣ общія свойства, которыми обладаютъ деньги, какъ *орудіе мѣны*. Товаръ обмѣнивается на деньги, то-есть *продается*, лишь потому что деньги могутъ быть въ свою очередь обмѣнены на товаръ, то-есть потому что на деньги можетъ быть *купленъ товаръ*. Всякое количество денегъ, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось, есть въ то же время спросъ на товаръ, и этотъ спросъ непременно долженъ проявиться въ ту или другую минуту. Безъ способности обмѣна на товаръ, безъ проявленія своей покупной силы, деньги, какъ деньги (въ томъ числѣ и звонкая монета, какъ деньги, а не какъ драгоценный металл), не имѣли бы рѣшительно никакого значенія, никакой цѣнности для своего обладателя. Деньги сами по себѣ, безъ способности обмѣна на товаръ, ни къ чему не могли бы служить. Потому деньги, гдѣ бы онѣ ни находились,

---

¹ См. *Русск. Вѣстн.* № 5.

всегда одарены стремленіемъ обнаружить свою покупную силу; чѣмъ долѣе при всѣхъ равныхъ условіяхъ онѣ не обнаруживаютъ своей силы, чѣмъ долѣе онѣ лежатъ въ ожиданіи минуты, когда имъ придется проявить эту силу, тѣмъ обладаніе ими менѣе выгодно. Выстъ съ тѣмъ деньги вслѣдствіе самаго значенія своего какъ орудія, посредника мѣны, служатъ къ накопленію и сохраненію капитала, въ томъ смыслѣ, что онѣ позволяютъ какъ бы соединить въ одну массу разные товары, на которые онѣ были обмѣнены, и отсрочить обмѣвъ этихъ товаровъ на другіе (то-есть на тѣ которые будутъ куплены на эти деньги). Такимъ образомъ деньги являются представителемъ капитала и прямо называются капиталомъ и даже капиталомъ по преимуществу; но при этомъ не должно забывать, что деньги лишь въ томъ смыслѣ *представители капиталовъ*, что онѣ представляютъ собою тѣ дѣйствительные капиталы (извѣстное количество предметовъ, произведенныхъ трудомъ и капиталомъ и служащихъ къ удовлетворенію какихъ-либо потребностей), на которые деньги эти были вымѣнены или могутъ быть снова обмѣнены. Денежные капиталы суть капиталы по преимуществу лишь въ силу способности своей быть обмѣненными преимущественно предъ всякими дѣйствительными капиталами. Капиталы, представляющіе собою накопленный трудъ или сбереженіе произведеній труда, называются богатствомъ. Капиталы дѣйствительно богатство, ибо они усиливаютъ, въ видѣ матеріаловъ, орудій, накопленной пищи, производительность новаго труда, или позволяютъ, въ видѣ предметовъ способныхъ болѣе другихъ выдерживать дѣйствіе времени, наслаждаться произведеніями того же самаго количества труда, въ теченіи болѣе продолжительнаго времени. Въ этомъ смыслѣ и деньги богатство, но лишь потому что онѣ могутъ быть обмѣнены на дѣйствительные капиталы; денежные капиталы называются даже богатствомъ по преимуществу, но не иначе какъ въ томъ смыслѣ, что они легче всякихъ другихъ могутъ быть обращены во всякіе дѣйствительные капиталы; въ этомъ смыслѣ денежные капиталы и называются *свободными* капиталами.

Масса кредитныхъ билетовъ явилась въ наше народное обращеніе вооруженная всѣми указанными свойствами денегъ. Всѣ эти свойства денегъ не замедлили оказать свое могущественное дѣйствіе, которое могло произвести и дѣйствительно произвело въ нашемъ народномъ хозяйствѣ явленія

описанныя нами въ предыдущей статьѣ. При этомъ необходимо замѣтить, что бумажныя деньги обладаютъ указанными свойствами денегъ даже въ сильнѣйшей степени нежели металлическія, ибо послѣднія, независимо отъ своихъ денежныхъ свойствъ, имѣютъ еще свойства драгоцѣннаго металла, который можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, получить въ монетѣ какъ товаръ значеніе, преобладающее надъ значеніемъ его какъ денегъ. *Покупная сила* должна дѣйствовать еще съ большею энергіей въ бумажныхъ деньгахъ нежели въ звонкой монетѣ,—ибо въ людяхъ есть всегда болѣе склонности къ сбереженію и накопленію звонкой монеты нежели бумажной. Вслѣдствіе внутренней, всемірной цѣнности звонкой монеты, денежные запасы остающіеся долгое время безъ употребленія, хранятся всегда предпочтительно въ звонкой монетѣ нежели въ бумажныхъ деньгахъ. Далѣе, *представительство капиталовъ*, въ томъ смыслѣ, какъ мы его выше объяснили, со всѣми экономическими послѣдствіями, о которыхъ мы будемъ говорить, также проявляется во всей своей чистотѣ и силѣ только въ бумажныхъ деньгахъ; ибо звонкая монета, независимо отъ капиталовъ, которые она собою представляетъ, есть металлъ, который самъ по себѣ можетъ быть употребленъ въ издѣлія, какъ дѣйствительный вещественный капиталъ. Бумажнымъ же деньгамъ принадлежитъ безусловно *только представительство капитала*, и потому, безъ существованія дѣйствительныхъ капиталовъ внѣ бумажныхъ денегъ, онѣ совсѣмъ не имѣютъ экономического значенія дѣйствительныхъ капиталовъ.

Прослѣдимъ же движеніе всѣхъ этихъ денежныхъ свойствъ въ выпускахъ кредитныхъ билетовъ, покрывшихъ собою расходы восточной войны. Мы убѣдимся, что это движеніе должно было произвести чрезвычайныя потрясенія во всѣхъ промышленныхъ и коммерческихъ оборотахъ страны.

Можно сказать, что дѣйствіе покупной силы кредитныхъ билетовъ съ 1853 года росло пропорціонально затрудненіямъ, которыя встрѣчали кредитные билеты съ 1854 г. къ размѣну на звонкую монету. Мы уже видѣли, что частію размѣномъ, частію помѣщеніемъ во вклады, денежное обращеніе стремилось освободиться отъ избытка орудій мѣны, необходимое количество которыхъ опредѣляется всегда количествомъ существующихъ въ странѣ оборотовъ. Съ 1857 г., когда размѣнъ окончательно было закрытъ, и вклады были искусственно выгнаны изъ банковъ, избытокъ

кредитныхъ билетовъ окончательно обнаружилъ свое дѣйствіе. Оно проявилось преимущественно въ образованіи акціонерныхъ компаній и въ торговлѣ акціями, когда оживленіе внутренней промышленности и торговли, произведенное выпусками кредитныхъ билетовъ, уже начинало приводить къ остановкѣ въ дѣлахъ, т.-е., ко второму изъ тѣхъ двухъ періодовъ движенія происшедшаго у насъ вслѣдствіе восточной войны, о которыхъ мы говорили въ предыдущей книжкѣ *Русскаго Вѣстника*. Періоду остановки въ дѣлахъ предшествовалъ, сказали мы, періодъ экономического оживленія. Что касается до этого необычайнаго *оживленія* въ фабричномъ производствѣ и во внутренней торговлѣ, то зависимость этого оживленія отъ свойства кредитныхъ билетовъ стремиться къ осуществленію своей покупной силы, совершенно очевидна. Масса выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ внезапно усилила спросъ на всѣ товары и притомъ вовсе не пропорціонально необходимости разныхъ родовъ товаровъ для человѣческихъ нуждъ. Такъ всегда внезапное обогащеніе денежными способами и цѣлой страны, и отдѣльнаго человѣка, сперва сопровождается усиленіемъ потребленія предметовъ менѣе необходимыхъ для человѣческаго быта, предметовъ роскоши и прихоти. Потребности роскоши, прихоти, вкуса, тщеславія, высшаго комфорта и въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ, и во всемъ организмѣ народнаго хозяйства, болѣе способны къ быстрому расширенію нежели потребности внутренняго быта, насущнаго довольства, ежедневнаго обихода. Привычки потребленія, связанныя съ первымъ родомъ потребностей, по самой ихъ природѣ, болѣе подвижны, менѣе зависятъ отъ преданій и сложившагося быта народнаго. Такъ было и у насъ: промышленное и коммерческое оживленіе, сопровождавшее выпуски кредитныхъ билетовъ, прежде всего усилило во всѣхъ классахъ общества непродуцительное потребленіе, спросъ на предметы прихоти, роскоши, вкуса. Это направленіе покупной силы кредитныхъ билетовъ отразилось на усиленіи отечественнаго фабричнаго производства и иностраннаго ввоза преимущественно въ тѣхъ отрасляхъ товаровъ, которыя соответствовали указаннымъ потребностямъ. Быстрому усиленію такого прихотливаго и до крайности непродуцительнаго потребленія содѣйствовало у насъ, кромѣ изложенной выше естественной экономической причины, еще

одно особое обстоятельство, которое мы никакъ не должны упускать изъ виду и которое имѣетъ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, важное значеніе въ денежномъ обращеніи. Это—способъ и пути распространенія въ народѣ новыхъ денежныхъ знаковъ. Вслѣдствіе самаго способа выпуска въ народное обращеніе кредитныхъ билетовъ, какъ государственныхъ ассигнацій, на покрытіе государственныхъ расходовъ, они прежде всего попали преимущественно (хотя и не исключительно) въ руки людей, наименѣ привыкшихъ къ производительному употребленію капиталовъ, къ труду, къ коммерческимъ оборотамъ. По самому свойству каналовъ, которыми пошли въ обращеніе усиленные выпуски кредитныхъ билетовъ, болѣе нажились и обогатились отъ нихъ, въ первое время, люди, во всѣхъ классахъ общества, мало свыкшіеся съ производительнымъ трудомъ. Обогатились прежде всего чиновники, казенные подрядчики и комиссіонеры, люди, промышляющіе всякими неправильными спекуляціями, искатели приключеній и проч., наконецъ вообще скорѣе люди достаточные и не знающіе цѣны деньгамъ, нежели массы людей недостаточныхъ и знающихъ правильные, коммерческіе денежныя обороты. Эти каналы распространенія бумажныхъ денежныхъ знаковъ не мало способствовали въ первое время усиленію непроизводительнаго потребленія и запроса преимущественно на предметы роскоши. Каналы распространенія бумажныхъ денегъ, какъ государственныхъ ассигнацій, играютъ весьма важную роль въ послѣдствіяхъ излишнихъ выпусковъ. Это каналы *не коммерческіе*. Деньги тотчасъ поступаютъ изъ казны въ руки преимущественно потребителей, а отъ нихъ къ фабрикантамъ и купцамъ.

Итакъ, усиленный выпускъ кредитныхъ билетовъ оживилъ наши рынки, облегчилъ сбытъ разныхъ товаровъ и произвелъ промышленное и коммерческое возбужденіе. Внезапное возрастаніе спроса на товары производитъ необходимымъ образомъ вздорожаніе товаровъ, чѣмъ тотчасъ пользуется спекуляція. Независимо отъ усиленія фабричнаго производства для удовлетворенія возраставшаго спроса на товары, спекуляція, въвиду дальнѣйшаго возвышенія цѣвъ, закупала и перекупала запасы товаровъ, заказывала и запродавала ихъ въ сроки, на кредитъ. Вслѣдствіе представительства капиталовъ, заключающагося въ деньгахъ, обиліе денежныхъ знаковъ производило во всѣхъ такое же ощущеніе, какъ обиліе

капиталовъ, и на счетъ этихъ внезапно появившихся капиталовъ, расширялись обороты фабрикъ и торговцевъ всѣхъ категорій отъ гуртовыхъ до мелочныхъ, сооружались новыя фабрики и кидались въ коммерческія предпріятія люди, никогда прежде ими не занимавшіеся. Особенно оживился, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, кредитный рынокъ. Кредитныя сдѣлки получили небывалое развитіе; легкость денежныхъ оборотовъ и полученій чрезвычайно усилила кредитность всѣхъ участниковъ фабричнаго дѣла и торговаго. Мы всюду слышали разказы о страшныхъ размѣрахъ, въ которыхъ всѣ пользовались кредитомъ именно въ эту пору. Съ помощью кредита купцы стали торговать на капиталы въ пять, десять разъ больше своихъ собственныхъ капиталовъ. Такимъ образомъ, въ періодъ возбужденія, всѣ кредитныя фабричныя и коммерческія обороты усилились въ сравненіи съ предыдущею нормальною эпохой, еще больше чѣмъ наличныя сдѣлки. Благодаря легкости кредита, спросъ на товары, сбытъ и потребленіе ихъ, возрасли въ гораздо даже сильнѣйшей пропорціи нежели на сколько возрасло денежное обращеніе отъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. Дѣйствіе послѣднихъ было равно не только суммѣ новыхъ выпусковъ, но суммѣ появившихся наличныхъ денегъ, сложеной съ суммою кредитовъ, повсюду открывшихся единственно благодаря этимъ наличнымъ деньгамъ. Здѣсь мы должны упомянуть объ одномъ обычаѣ, сильно укоренившемся въ нашей внутренней торговлѣ и не вполне согласномъ съ правильными коммерческими оборотами. Это—кредиты, открываемые потребителямъ. Этотъ обычай, между прочимъ, всегда былъ весьма распространенъ въ кругу провинціальныхъ городскихъ купцовъ и различныхъ странствующихъ разнощиковъ. Тѣ и другіе отпускали товаръ въ кредитъ помѣщикамъ, которые расплачивались съ ними на деньги, по истеченіи года, съ окончаніемъ своихъ сельскихъ оборотовъ и по полученіи оброковъ, а иногда (съ городскими купцами) расплачивались и сельскими произведеніями въ натурѣ: хлѣбомъ, шерстью. Въ прежнее время эти дѣла шли своимъ порядкомъ: ежегодно забиралось известное, опредѣленное, обычное количество товаровъ, по цѣнамъ не быстро измѣнявшимся, и ежегодно производилась расплата изъ доходовъ, болѣе или менѣе вѣрныхъ и опредѣленныхъ. Ясно, какія потрясенія произошли въ этихъ сдѣлкахъ подъ влияніемъ разнородныхъ обстоятельствъ, происшедшихъ

послѣ восточной войны: сперва усилившіяся противъ прежняго заборъ товаровъ, вздорожаніе ихъ, а потомъ коренное измѣненіе въ помѣщичьемъ хозяйствѣ и помѣщичьихъ доходахъ, чрезвычайное уменьшеніе доходовъ, при тѣхъ же на первое время расходахъ, потомъ по необходимости неисправность въ расплатѣ и сокращеніе потребленія,—вотъ эти обстоятельства. Мы положительно знаемъ какое вліяніе имѣли потрясенія въ описанныхъ сдѣлкахъ на уменьшеніе оборотовъ и полученій на всѣхъ нашихъ ярмаркахъ. Вообще распространенные у насъ кредиты потребителямъ, кредиты самые опасные и подверженные самымъ большимъ случайностямъ, и въ то же время самому быстрому расширенію, играли не мало-важную роль въ потрясеніяхъ, испытанныхъ нашимъ народнымъ хозяйствомъ въ послѣднее время. Но возвратимся къ нашему изложенію.

Отправляясь отъ предметовъ роскоши и прихоти, покупная сила кредитныхъ билетовъ быстро распространялась на всѣ безъ изъятія товары, и производила всеобщее возрастаніе цѣвъ. Чѣмъ больше стало денежныхъ знаковъ, тѣмъ больше явилось охотниковъ все покупать. Новыя денежные знаки стали переходить изъ однихъ рукъ въ другія, въ каждахъ рукахъ производить спросъ на какой-нибудь товаръ, переходить изъ рукъ высшей публики, фабрикантовъ, капиталистовъ, въ руки рабочихъ классовъ и постепенно увеличивали потребленіе и спросъ по всѣмъ безъ изъятія товарамъ. Масса бумажныхъ денегъ, не находя для себя исхода, вслѣдствіе стѣсненій размѣна уже съ 1854 г. и полной неразмѣнности съ конца 1856 г., всюду бродила, всюду усиливала спросъ на товары и всюду возвышала ихъ цѣны. Деньги возвращавшіяся изъ оборотовъ съ необыкновенною быстротою и значительные въ первое время фабричные и коммерческіе барыши искали для себя исхода или въ усиленіи потребленія, или въ цовыхъ затратахъ на промышленные и коммерческіе обороты, или въ процентныхъ помѣщеніяхъ, въ банкахъ. Приливъ къ послѣднимъ замѣтенъ даже несмотря на духъ предприимчивости и спекуляціи овладѣвшій въ то время всѣмъ русскимъ обществомъ, но излишки денежнаго обращенія были съ 1857 г. отброшены и отъ банковъ (вслѣдствіе уменьшенія процента, выдававшегося по вкладамъ), такъ что они по необходимости помѣстились въ новыя предпріятія. Теперь посмотримъ, что съ другой стороны происходило въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, въ то время какъ эта громадная масса 400 милл.

билетовъ, брошенныхъ на наши рынки, обнаружилъ свою покупную силу, усилила спросъ и кажущимся образомъ внезапно обогатила страну на 400 милл. капиталовъ, на счетъ которыхъ усилились и создались разныя промышленныя предпріятія.

Самый выпускъ этихъ 400 милл. кредитныхъ билетовъ имѣетъ, можно сказать, такое же значеніе, какъ уничтоженіе 400 милл. капиталовъ, ибо эти 400 милліоновъ билетовъ представляли собою 400 милл. дѣйствительныхъ, вещественныхъ и умственныхъ капиталовъ, потребленныхъ безъ остатка на военныя дѣйствія. Но этими 400 милліонами капиталовъ, уничтоженныхъ безъ соответственной уплаты деньгами (заключавшихся въ предметахъ и услугахъ, закупленныхъ правительствомъ для войны), не ограничивается все количество капиталовъ потребленныхъ государствомъ на войну. Конечно, безъ всякаго преувеличенія можно оцѣнить по крайней мѣрѣ на такую же сумму 400 милл., ту гибель людей, вещей, матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ страны (рекрутскіе наборы, всякія натуральныя повинности и добровольныя пожертвованія, люди убитые и изувѣченные на войнѣ, опустошеніе театра войны, всякую исключительную и принудительную службу во время войны и проч.), которые пошли на войну безъ денежнаго вознагражденія отъ государства. Кроме того государствомъ было истрачено на восточную войну до 100 милл. капиталовъ, представляемыхъ внутренними и внѣшними процентными займами правительства въ эту эпоху. Итакъ, если мы опредѣлимъ уменьшеніе въ Россіи капиталовъ причиненное восточною войною, въ милліардъ рублей, то мы будемъ весьма близки къ истинѣ, и скорѣе ниже чѣмъ выше ея.

Вотъ при какихъ условіяхъ 400 милл. кредитныхъ билетовъ предъявили спросъ на товары, и явились представителями какъ будто новыхъ капиталовъ готовыхъ усилить разныя промышленныя предпріятія. Спросъ на капиталы и непродуцированное потребленіе ихъ чрезвычайно усилились именно въ то время, когда масса дѣйствительныхъ капиталовъ въ странѣ чрезвычайно уменьшилась. Сейчасъ послѣ громаднаго потребленія капиталовъ на самую войну, дѣйствительное количество ихъ стало убывать вслѣдствіе усиленія потребленія, о которомъ мы говорили. Потребленіе страшно усилилось, новыя предпріятія требовавшія новыхъ

капиталовъ размножились, а между тѣмъ число дѣйствительныхъ капиталовъ значительно уменьшилось противъ прежняго. Прохождение и постепенное возрастаніе *дорогоизья* совершенно очевидно посреди подобныхъ обстоятельствъ.

Между тѣмъ какъ спросъ на всякаго рода товары возрасталъ непомѣрно, производство усилилось только по нѣкоторымъ, весьма не многимъ, отраслямъ, соответствовавшимъ тому усилившемуся потребленію предметовъ роскоши, о которомъ мы говорили. Такъ было во всѣхъ сферахъ торговли, начиная отъ самыхъ грубыхъ владимірскихъ красныхъ товаровъ и простонародныхъ галантерейныхъ издѣлій, до самыхъ утонченныхъ иностранныхъ товаровъ, ввозившихся для высшихъ классовъ. Усилились производство и обращеніе, а затѣмъ и накопились излишніе запасы лишь весьма не многихъ категорій товаровъ. Зашевелились эти товары и около нихъ всѣ промыслы связанные съ ихъ производствомъ, перевозкою и продажей, и это оживленіе имѣло видъ всеобщаго усиленія производства и торга. Между тѣмъ чрезвычайное увеличеніе производства нѣкоторыхъ отраслей товаровъ было — и не могло не быть — сопряжено съ привлеченіемъ къ этимъ отраслямъ рукъ, капиталовъ и кредита изъ всѣхъ прочихъ отраслей народнаго производства, которыя настолько же должны были ослабѣть, насколько оживились другія отрасли: такъ напримѣръ увеличеніе числа рабочихъ на одной фабрикѣ не могло иначе произойти какъ на счетъ числа рабочихъ на какой-нибудь другой фабрикѣ или въ какой бы то ни было отрасли народнаго труда; такъ и вообще внезапное привлеченіе рабочихъ рукъ къ фабричному дѣлу было сопряжено съ отвлеченіемъ ихъ отъ земледѣлія, домашнихъ или отхожихъ крестьянскихъ промысловъ, а равно и усиленіе всѣхъ элементовъ производства, всѣхъ категорій труда, капитала и кредита, въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ, было сопряжено съ отвлеченіемъ этихъ элементовъ отъ всѣхъ остальныхъ областей народнаго хозяйства. Такимъ образомъ промышленное и коммерческое оживленіе, предшествовавшее у насъ появленію кризиса, не только не могло сколько-нибудь возмѣстить всеобщую трату капиталовъ и уменьшеніе производства, происшедшія отъ войны, но было даже весьма вредно производительности, потому что причинило фальшивое усиленіе производства и фальшивое перемѣщеніе

труда и капиталовъ изъ однихъ полезныхъ отраслей народнаго производства въ другія, менѣе полезныя. Усилилось производство предметовъ роскоши и прихоти на счетъ предметовъ первой необходимости, каковы вообще такъ-называемыя жизненные потребности, и отчасти временно усилилось вообще производство фабричныхъ издѣлій на счетъ производства сырыхъ и земледѣльческихъ продуктовъ. А ввозъ возникшія предприятия, подстрекаемыя чрезвычайнымъ возбужденіемъ духа предприимчивости (преимущественно акціонерныя), повели къ огромной тратѣ капиталовъ или потребленію матеріаловъ, орудій, рабочихъ рукъ. Это быстрое перемѣщеніе труда и капиталовъ, это возмущеніе существующаго порядка во всемъ организмѣ народнаго хозяйства и нарушеніе гармоніи между разными его отраслями,—порядка и гармоніи медленно и исторически сложившихся соответственно естественнымъ народнымъ влеченіямъ и соответственно вліянію тарифа,—это явленіе есть уже само по себѣ зло, независимо отъ кризиса, неминуемо за нимъ слѣдующаго.

Все то, что мы сказали о казавшемся усиленіи производства въ эпоху нашего внезапнаго промышленнаго оживленія, можетъ быть сказано обо всѣхъ подобныхъ эпохахъ. Всякое быстрое и чрезвычайное возбужденіе промышленности и торговли заключаетъ въ себѣ усиленіе производства по однимъ отраслямъ на счетъ другихъ и приводитъ непременно къ накопленію на рынкахъ однихъ запасовъ товаровъ и къ недостатку другихъ, а въ общемъ результатъ къ временному уменьшенію всего народнаго производства, необходимо связанному съ быстрымъ перемѣщеніемъ, отливомъ и приливомъ рукъ и капиталовъ отъ однихъ отраслей народнаго хозяйства къ другимъ¹. Въ этомъ смыслѣ должно понимать всякое предшествующее коммерческимъ кризисамъ такъ-называемое излишество производства (*over-production, over-trading*) и накопленіе товаровъ; *избытка производства* въ собственномъ смыслѣ этого слова, то-есть *избытка производства* противъ потребностей потребленія, никогда и нигдѣ

¹ Срав. Wirth. *Geschichte der Handelscrisen*. Frankfurt, 1858. Juglar, *Crises commerciales*. Курсель-Сенёля, Банку, рус. переводъ, С.-Петербургъ, 1862. Глава XII. Courcelle-Seneuil, *Traité d'économie politique*. Paris 1858. Т. I, L. II, Ch. VI. J. S. Mill, *Principles of political economy*, Lond. 1857 V. II, B. III, ch. XII.

не можетъ быть; всякое дѣйствительное возрастаніе производства въ странѣ непременно будетъ поглощено потребленіемъ или сбереженіями (того, что можетъ быть съ выгодой сберегаемо). Такъ-называемый избытокъ производства, сопровождающійся болѣзненными потрясеніями въ народномъ хозяйствѣ, доказываетъ напротивъ того недостатокъ производства въ странѣ, ибо когда происходитъ излишество въ предложеніи какого-нибудь товара, то-есть недостатокъ сбыта, то этотъ недостатокъ сбыта или спроса на товаръ доказываетъ не недостатокъ у потребителей желанія приобрести товаръ, а недостатокъ способовъ къ его приобретенію. Эти способы должны заключаться вообще въ какихъ-либо другихъ товарахъ, производимыхъ потребителями перваго товара и продаваемыхъ ими, то-есть, обмѣниваемыхъ на деньги для приобретения на нихъ этого товара. Остановка въ сбытѣ и происходитъ отъ недостатка или ослабленія производства во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ во время чрезвычайнаго оживленія производства въ какихъ-нибудь нѣсколькихъ исключительныхъ отрасляхъ, или одной. Такъ было и у насъ относительно товаровъ, накопившихся въ нѣкоторыхъ отрасляхъ вслѣдъ за промышленнымъ и коммерческимъ оживленіемъ внутри Россіи въ концѣ восточной войны и послѣ заключенія мира. Эти товары принадлежали къ разряду наименѣ нужныхъ намъ товаровъ.

Недостатокъ сбыта товаровъ по менѣ полезнымъ и исключительно оживившимся отраслямъ именно означалъ собою упадокъ производства по всѣмъ остальнымъ болѣе полезнымъ отраслямъ, то-есть, почти всей массы народнаго производства, упадокъ производства, причиненный какъ общею гибелью капиталовъ отъ восточной войны и усиленіемъ потребленія отъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, такъ и самымъ привлеченіемъ рукъ и капиталовъ къ оживившимся отраслямъ. Потребленіе, временно усилившееся во всѣхъ классахъ общества, должно было быстро упасть, не только на прежній свой уровень, но даже ниже его, вслѣдствіе общаго упадка производства, доставлявшаго всѣмъ классамъ потребителей способы къ потребленію.

Кромѣ возбужденнаго временнымъ усиленіемъ потребленія оживленія отечественнаго производства и ввоза по нѣкоторымъ отраслямъ товаровъ роскоши и прихоти, у насъ было затѣяно много иныхъ предпріятій, преимущественно

акціонерными компаніями, предпріятій, долженствовавшихъ усилить общее производство страны. Но всѣ этого рода предпріятія, за весьма немногими исключеніями (каковы отстроеныя частицы желѣзвыхъ дорогъ), были, и до сихъ поръ находятся, только въ первомъ періодѣ своего хода, именно въ томъ періодѣ, который требуетъ затраты капиталовъ и общааетъ усиленіе производства только въ будущемъ. Всѣ эти новыя у насъ предпріятія, начатыя въ преувеличенныхъ размѣрахъ, также какъ и возведеніе новыхъ фабрикъ, по старымъ отраслямъ производства, подвергшимся внезапному оживленію и спекуляціи, поглотили множество капиталовъ: одни предпріятія поглотили капиталъ безвозвратно, окончивъ банкротствомъ, другія ожидаютъ для своего продолженія новыхъ капиталовъ, третьи возвратятъ капиталъ или будутъ производительны и обогатятъ страну лишь въ отдаленномъ будущемъ. Наконецъ, что касается до новыхъ сбереженій капиталовъ, которыя могли быть сдѣланы рабочимъ классомъ, фабрикантами и купцами, озолотившимися во время промышленнаго оживленія въ 1855 и 1856 годахъ, то можно оказать безъ всякаго преувеличенія, что почти всѣ избытки этого времени, доставшіеся рабочимъ, были какъ всѣ внезапныя и чрезвычайныя прибыли, потрачены ими непроизводительно и нисколько не содѣйствовали коренному улучшенію благосостоянія рабочаго класса, а напротивъ вредно подѣйствовали на него въ нравственномъ отношеніи; временныя прибыли фабрикантовъ и торговцевъ возбуждали духъ спекуляціи и азарта въ нашей промышленности и были поглощены позднѣйшими убытками; безъ сомнѣнія, весьма немногіе капиталы, вновь нажитые въ эту эпоху, удѣляли въ борьбѣ съ послѣдовавшею остановкой въ дѣлахъ. Конечно, нельзя отрицать существованія капиталовъ, сбереженныхъ на счетъ промышленныхъ и коммерческихъ оборотовъ перваго періода возбужденія, но такіе капиталы составляютъ ничтожную каплю въ общей сложности народнаго богатства и въ общей гибели капиталовъ.

Употребленіе большей или во всякомъ случаѣ значительной части промышленныхъ прибылей этой первой эпохи, сбереженныхъ въ рукахъ фабрикантовъ и капиталистовъ и увеличившихъ собою ихъ капиталы, было сопровождаемо неосмотрительностью и азартомъ. Прибыли, вслѣдствіе самгвиническаго настроенія эпохи, преувеличенныхъ ожиданій насчетъ

продолженія и даже усиленія промышленной лихорадки, послужили преимущественно къ расширенію всѣхъ существовавшихъ предпріятій и заведеній и къ устройству новыхъ. Такимъ образомъ сбереженія пошли большею частію на усиленіе основныхъ капиталовъ (покупку земель, строенія, механическія приспособленія и проч.); даже для увеличенія основныхъ капиталовъ прибѣгали къ кредиту. Легкость кредита этой эпохи, неестественное пониженіе процентовъ платившихся кредиторамъ и высота промышленной прибыли, превосходившая всякій ростъ, казалось, обезпечивали возможность увеличенія или приобрѣтенія оборотныхъ капиталовъ на счетъ кредита. Между тѣмъ, само собою разумѣется, что всѣ прибыли фабрикантовъ и купцовъ образовались вообще на счетъ оборотныхъ капиталовъ всей страны, и эти же оборотные капиталы переходили путемъ кредита ко всѣмъ оживившимся отраслямъ народнаго хозяйства. Всѣ новыя, создавшіяся у насъ въ эту эпоху, промышленныя предпріятія (въ особенности акціонерныя) потребовали огромныхъ затратъ въ основные капиталы; нѣкоторыя предпріятія, какъ мы уже говорили, и остановились на этихъ затратахъ, и многія изъ нихъ именно вслѣдствіе недостатка оборотныхъ капиталовъ. Наконецъ значительныя публичныя (преимущественно казенныя) сооруженія и работы и частныя постройки (отчасти съ промышленною цѣлію, каковы дома для отдачи въ наемъ, тоже преимущественно для непродуцительнаго употребленія вслѣдствіе всеобщаго возбужденія роскоши), въ особенности въ столицахъ, были также не болѣе, не менѣе какъ увеличеніе основныхъ капиталовъ страны на счетъ оборотныхъ. Этотъ переходъ капиталовъ изъ формы *оборотнаго* и вообще болѣе подвижнаго въ форму *основнаго* и вообще болѣе недвижнаго капитала, есть одно изъ общихъ и важнѣйшихъ экономическихъ явленій эпохи, сопутствовавшей окончанію войны и заключенію мира и предшествовавшей второй эпохѣ затрудненій или кризиса; это явленіе, общее многимъ коммерческимъ кризисамъ, весьма болѣзненно отозвалось у насъ въ послѣдствіи и на отдѣльныхъ лицахъ, и на цѣлой странѣ. Возрастаніе основнаго капитала есть вообще успѣхъ въ развитіи народнаго хозяйства и благосостоянія, но дѣйствительнымъ успѣхомъ бываетъ оно лишь въ томъ случаѣ когда основные капиталы возрастаютъ на счетъ постепенныхъ нормальныхъ сбереженій, и когда они возрастаютъ рука объ руку

съ оборотными капиталами. Въ противномъ случаѣ это недугъ и весьма опасный. При разрѣшеніи кризиса, болѣзненно раздувшіеся основные капиталы дѣлаются особенно тяжкимъ затрудненіемъ, ибо *вопервыхъ*, уменьшеніе производства можетъ быть сдѣлано тѣмъ скорѣе, легче и тѣмъ съ меньшими убытками, чѣмъ менѣе обширенъ основной капиталъ сравнительно съ оборотнымъ, и *вовторыхъ*, при всеобщемъ сжатіи кредита, когда возобновленіе кредитовъ дѣлается невозможнымъ, тогда въ особенности обременительны бываютъ основные капиталы, въ которыхъ форма затраты не можетъ быть такъ легко измѣнена какъ въ оборотныхъ капиталахъ и которые потому не могутъ быть пущены въ оборотъ.

Итакъ промышленное возбужденіе 1854—1858 годовъ нисколько не увеличило нашего народнаго производства, которое въ цѣломъ послѣ окончанія войны уменьшилось; оно не увеличило массы народныхъ капиталовъ и нисколько не могло вознаграждать за огромную трату капиталовъ, причиненную отчасти войной, отчасти потребленіемъ усилившимся вслѣдствіе выпусковъ бумажныхъ денегъ; происшедшее при этомъ оживленіи передвиженіе капиталовъ было само по себѣ губельно и увеличило съ одной стороны менѣе прочныя и менѣе полезныя предпріятія на счетъ болѣе полезныхъ и болѣе прочныхъ, а съ другой стороны массу основнаго народнаго капитала на счетъ оборотнаго.

Вслѣдствіе всего этого происхожденіе общаго факта *дороговизны* дѣлается явленіемъ совершенно необходимымъ. Дороговизна сама собою истекаетъ изъ всѣхъ описанныхъ нами обстоятельствъ народнаго хозяйства. Точно также достаточно объясняется этими обстоятельствами, почему дороговизна хотя быстро, но не внезапно у насъ появилась и постоянно возрастала; постоянное возрастаніе дороговизны дѣлается понятнымъ при постоянно возраставшемъ недочетѣ между потребленіемъ и производствомъ, между движеніемъ товаровъ и движеніемъ денегъ, между быстро возрастающимъ количествомъ денежнаго обращенія и быстро упавшимъ количествомъ товаровъ и дѣйствительныхъ капиталовъ, передвигаемыхъ массою денегъ и ею представляемыхъ.

Прежде чѣмъ идти далѣе, намъ остается сказать, что это движеніе общей дороговизны товаровъ относительно денегъ не можетъ имѣть никакого другаго смысла кромѣ указанія

на дешевизну денегъ или ихъ удешевленіе сравнительно съ періодомъ нормальнаго денежнаго обращенія до восточной войны. Но общій фактъ дороговизны и ея возрастанія еще не объясняетъ всѣхъ дальнѣйшихъ ея послѣдствій въ нашемъ народномъ хозяйствѣ. При одномъ фактѣ *валовой дороговизны* всѣхъ товаровъ относительно денегъ нельзя еще отвѣчать на примѣръ на вопросъ: какимъ образомъ дороговизна обратилась въ раззореніе производителей товаровъ, сдѣлалась источникомъ затрудненій для самихъ фабрикантовъ и торговцевъ? Чтобы удовлетворительнымъ образомъ отвѣчать на этотъ вопросъ мы должны выкнуть въ самый процессъ движенія дороговизны.

Мы знаемъ, что жизнь въ нашемъ отечествѣ стала послѣ восточной войны дороже, знаемъ, что цѣны на всѣ товары вообще возвысились, но мы знаемъ также, что не всѣ цѣны *одинаково* возвысились и не всѣ *въ одно время*¹. Эта *неравнолѣтность* и *разновременность* въ движеніи цѣвъ на разные товары и причинили болѣзненные потрясенія нашего рынка: дороговизна безусловно равномерная и одновременная относительно всѣхъ безъ изъятія товаровъ, сама по себѣ не можетъ производить тѣхъ жестокихъ потрясеній въ промышленности, торговлѣ и во всемъ народномъ благосостояніи, какія происходятъ отъ неравнолѣтныхъ потрясеній въ цѣвахъ на разные товары.

Оставляя въ сторонѣ мѣстные, случайныя и исключительныя колебанія въ цѣвахъ, мы отмѣтимъ только самый общій характеръ движенія. Основываясь на всѣхъ извѣстныхъ намъ фактахъ и наблюденіяхъ (отчасти приведенныхъ выше), мы замѣчаемъ *вопервыихъ*, что посреди всеобщаго возрастанія у насъ дороговизны послѣ восточной войны, посреди этой общей наклонности цѣвъ къ возвышенію, проходили разные болѣе или менѣе значительныя, отдѣльныя теченія по разнымъ категоріямъ товаровъ. Самое замѣтное изъ этихъ отдѣльныхъ теченій принадлежитъ вообще товарамъ роскоши и прихоти, которые, поднявшись въ цѣвѣ въ первую эпоху промышленнаго и коммерческаго возбужденія, въ послѣдствіи или остановились, или возвышались

¹ Уже въ предыдущей статьѣ, исторически описывая происшедшія у насъ экономическія обстоятельства, мы указали на неравнолѣтное возвышеніе цѣвъ на разные товары и привели нѣсколько фактовъ этой неравнолѣтности.

медленнѣе другихъ. Дороговизна всѣхъ вообще мануфактурныхъ товаровъ, несѣ быстро движениа въ первую эпоху, возрастала все слабѣе и слабѣе, и можно сказать, рѣшительно остановилась. Самымъ лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить одно современное исключительное явленіе, какъ будто противорѣчащее нашимъ словамъ,—именно вздорожаніе въ самое послѣднее время цѣны на бумажныя издѣлія. Вздорожаніе это произошло, какъ извѣстно, отъ причинъ совершенно чуждыхъ нашимъ отечественнымъ обстоятельствамъ, слѣдовательно чуждыхъ и денежному обращенію. Но вникнувъ во взаимныя отношенія цѣны на разные сорта бумажныхъ издѣлій, мы найдемъ самыя очевидныя и любопытныя указанія на наши внутреннія обстоятельства. Такъ, если взять четыре главныя категоріи бумажнаго товара: хлопокъ, пряжу, миткаль и ситець, то мы найдемъ, что цѣны на хлопокъ въ Россіи поднялись гораздо медленнѣе и слабѣе чѣмъ за границей,—до такой степени медленнѣе и слабѣе, что еще въ 1862 г. осенью, какъ намъ положительно извѣстно, партіи хлопка были перепроданы отъ насъ въ Германію (даже изъ Москвы хлопокъ былъ отправляемъ назадъ за границу). Далѣе, сравнительно съ хлопкомъ, цѣны на пряжу поднимались еще медленнѣе и слабѣе, на миткаль еще медленнѣе, а всего слабѣе и медленнѣе — на ситець. Ситець (въ томъ числѣ мы разумѣемъ и всѣ окончательно окрашенныя и обдѣланныя бумажныя издѣлія) выдержалъ страшную борьбу на ярмаркахъ 1862 г., чему мы сами были свидѣтелями; нужны были неимоверныя усилія со стороны торговцевъ, чтобы сколько-нибудь возвысить цѣны на ситець, въ то время какъ хлопокъ дорожалъ на иностранныхъ биржахъ не по днямъ, а по часамъ. Возвышенію цѣны на ситець противодействовали запасы его, превосходившіе требованіе, и конкуренція торговцевъ старавшихся сбыть свои запасы и имѣть какую-нибудь выручку, при плохихъ полученіяхъ. Пропорція цѣны относительно стоимости (расходовъ производства) товара была меньше на миткаль чѣмъ на пряжу, и на ситець меньше чѣмъ на пряжу и миткаль. Если принять въ соображеніе одновременныя цѣны на хлопокъ, то ситець продавался рѣшительно въ убытокъ, хотя цѣна его и возвысилась. Такія отношенія цѣны на бумажныя издѣлія проявились во второмъ періодѣ нашихъ промышленныхъ обстоятельствъ слѣдовавшихъ

за восточною войной, то-есть въ періодъ остановки въ дѣлахъ; эти отношенія дѣлались каждый годъ ощутительнѣе, и хлопчатобумажный кризисъ ихъ совершенно выяснилъ. Эти отношенія зависѣли: 1) отъ пропорціи предложенія товара, наличныхъ его запасовъ къ спросу на товаръ и связанныхъ съ тѣмъ и другимъ ожиданій, и 2) отъ степени обращаемости капитала (реализуемости, мѣноспособности, легкости высвобожденія капитала изъ той или другой формы затраты) въ разныхъ категоріяхъ бумажнаго товара¹. Такъ должно быть по теоріи и такъ (если и иными словами) объясняли намъ сами купцы. Въ началѣ, послѣ первыхъ признаковъ ослабленія требованія на ситецъ (по окончаніи самаго блестящаго періода 1855 и 1856 годовъ), цѣны его еще могли нѣсколько удерживать свою силу къ вздорожанію, благодаря спекуляціи, которая всегда задерживаетъ и замедляетъ обнаруженіе всякаго кризиса и тѣмъ самымъ дѣлаетъ послѣдствія его еще болѣе тяжкими, но чѣмъ дальше продолжались наши внутреннія затрудненія въ дѣлахъ, тѣмъ болѣе цѣны на ситецъ отставали отъ всеобщей нашей дороговизны. Мы нарочно взяли для примѣра бумажныя издѣлія, такъ какъ ихъ производство и торгъ ими составляютъ одно изъ крупнѣйшихъ проявленій, — если не самое крупное, во внутреннемъ промышленномъ возбужденіи, которымъ начались наши затрудненія. Чтò было съ бумажными издѣліями, то болѣе или менѣе было со всѣми мануфактурными товарами. Послѣ чрезвычайнаго оживленія сбыта, возвышенія цѣнъ и увлеченій спекуляціи, въ первомъ періодѣ, дороговизна мануфактурныхъ товаровъ ослабла, уступая, съ одной стороны, страшной конкуренціи въ производствѣ и торговлѣ, съ другой стороны, упадку сбыта. Таково было движеніе цѣнъ на фабричныя произведенія и въ особенности на товары роскоши и прихоти, въ томъ числѣ и на всѣ матеріалы для ихъ фабрикаціи—таково было ихъ движеніе въ то самое время какъ неуклонно и прогрессивно возрастала дороговизна жизненныхъ потребностей, вообще сырыхъ продуктовъ и рабочихъ рукъ. Дороговизна въ этой категоріи не только не ослабла во второмъ періодѣ, а усилилась. Въмѣстѣ съ тѣмъ, подъ напряженнымъ вліяніемъ спекуляціи, въ эпоху пробужденія предприимчивости

¹ Въ этомъ смыслѣ купцы называютъ хлопокъ брилліантомъ, пражу—золотомъ, ниткаль—серебромъ и ситецъ—жельзомъ.

чрезвычайно усилившей спросъ на денежные капиталы, усилившей спросъ превыше даже внезапно возросшей наличности денежныхъ капиталовъ (какъ мы видѣли въ акціонерномъ ажіотажѣ), наемъ капиталовъ и кредитъ во всѣхъ своихъ видахъ начали дорожать. Денежные капиталы бросились изъ прежней колеи фабричныхъ и коммерческихъ оборотовъ на невѣдомые пути новыхъ промышленныхъ предпріятій, въ которыхъ, какъ мы уже говорили, капиталы и кредитъ были частью затрачены на долгій срокъ, частью погребены на вѣки. Во всякомъ случаѣ, возвышались ли цѣны на фабричныя издѣлія во второмъ періодѣ кризиса, или нѣтъ (нѣкоторые товары могли даже продолжать дорожать, другіе могли остановиться, иные наконецъ могли подешевѣть, что и было дѣйствительно¹⁾), во всякомъ случаѣ, цѣны на товары не первой необходимости, цѣны на товары по всѣмъ отраслямъ производства и торговли, подвергшимся особенному въ первомъ періодѣ оживленію, *возвышались далеко несоразмѣрно съ дороговизною всѣхъ жизненныхъ потребностей и рабочихъ рукъ.* Такое направленіе цѣнъ опредѣлялось всѣми отношеніями предложенія и спроса, производства и потребления въ разныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства. Обстоятельства предложенія и производства товаровъ не первой необходимости уже сами по себѣ были менѣе благоприятны для возвышенія цѣнъ чѣмъ обстоятельства предложенія и производства товаровъ первой необходимости или жизненныхъ потребностей (въ общей сложности) и также предложенія рабочихъ рукъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, независимо отъ предложенія, условія сбыта принимали также совершенно противоположное направленіе для обихихъ категорій. Спросъ на разные товары *сокращался* въ обратной пропорціи къ степени необходимости ихъ для жизни,

¹ Такъ напримѣръ цѣны на шерсть, и въ особенности на тонкую, непомѣрно подешевѣли въ 1862 г. Дешевизна предметовъ прихоти и роскоши можетъ быть совершенно не замѣтна для публики посреди общей дороговизны жизни, и въ особенности дороговизны жизненныхъ потребностей.

² Въ теперешнемъ изложеніи движенія цѣнъ, мы не касаемся самаго послѣдняго времени (1863 г.) въ которомъ обнаружилась совершенно иная потрясенія въ цѣнахъ, о чемъ и будетъ сказано ниже. Пока для насъ важнѣе только самый переломъ между двумя періодами истекшими послѣ восточной войны, до открытія рынка.

т.-е. здѣсь, во второмъ періодѣ, проявился фактъ совершенно противоположный тому, который мы замѣтили въ первомъ періодѣ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, когда въ обратной же пропорціи къ степени необходимости товара спросъ на него быстро расширялся; какъ быстрое движеніе дешевизны способно гораздо болѣе расширить сбытъ предметовъ роскоши чѣмъ жизненныхъ потребностей, такъ точно подѣ влияніемъ дороговизны быстрѣе сокращается сбытъ первыхъ чѣмъ вторыхъ; у насъ потребление предметовъ роскоши увеличилось искусственно, и тѣмъ легче оно сократилось, между тѣмъ какъ потребление жизненныхъ потребностей нисколько не уменьшилось, по крайней мѣрѣ сравнительно съ недавнимъ временемъ. Стѣснительность такихъ условій, въ которыя были поставлены всѣ непомятно оживившіяся отрасли производства и торговли, вновь возникшія предпріятія, болѣе же всего спекуляція, преобладавшая въ промышленныхъ и коммерческихъ операціяхъ первой эпохи, стѣснительность такихъ условій совершенно очевидна; остановка въ дѣлахъ была неминуема, и корень этого болѣзненного состоянія принадлежитъ эпохѣ предшествовавшей перелому, который самъ по себѣ есть не только не болѣзнь, а неизбѣжный переходъ къ выздоровленію или къ равновѣсію въ производствѣ и потребленіи. Итакъ общее движеніе дороговизны подорвало расчеты всѣхъ промышленныхъ предпріятій въ государствѣ; многія предпріятія, въ особенности новыя и затрачивавшія капиталы на долгое время, должны были окончательно погибнуть отъ недостатка оборотнаго капитала, сравнительно съ возраставшею дороговизной. Вслѣдствіе *неравномернаго* движенія цѣвъ по разнымъ категоріямъ товаровъ и вслѣдствіе постоянно-усиливавшагося невыгоднаго отношенія стоимости товара (расходовъ производства) и конкуренціи наличныхъ запасовъ къ продажнымъ цѣнамъ и сбыту, *даже высокія цѣны на товаръ* (высокія сравнительно съ эпохою до войны или только высокія сравнительно съ каждымъ предыдущимъ временемъ) могли и должны были оказаться губительными для производителей и торговцевъ. Для промышленности и торговли какія бы то ни было цѣны сами по себѣ ничего не значать, для нихъ важны (выгодны или невыгодны) только колебанія цѣвъ и взаимныя отношенія цѣвъ на разные предметы. Единственно на этихъ

колебаніяхъ основаны всѣ разчеты спекуляціи; характеръ этихъ колебаній во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ товаровъ, на которыя съ особенною алчностью бросилась наша спекуляція, именно долженъ былъ сдѣлаться для нея раззорительнымъ. Спекуляція не только закупаетъ единственно въ надеждѣ на возвышеніе цѣнъ, но она не боится даже сама произвести вздорожаніе товара, своими покупками и заказами, считывая на еще большее возвышеніе цѣнъ; поэтому спекуляція раззоряется не только при малѣйшей остановкѣ въ дальнѣйшемъ возвышеніи цѣнъ, а даже при нѣкоторомъ возвышеніи ихъ, но возвышеніи, отставшемъ отъ ожидавшагося. Для спекуляціи, дѣйствующей преимущественно на счетъ кредита, какъ всегда бываетъ въ эпохи напряженнаго оживленія рынковъ, самая незначительная копѣйка различія дѣйствительныхъ цѣнъ отъ цѣнъ ожидавшихся и баснословно выросавшихъ въ разгоряченномъ воображеніи спекулянта, дѣлается причиной неизбежнаго банкротства. Въ эпохи всеобщаго возбужденія рынковъ воображеніе бываетъ болѣзненно настроено къ ожиданію возвышенія цѣнъ; это настроеніе свирѣпствуетъ эпидемически, и ожидаемыя цѣны достигаютъ размѣровъ, никогда невозможныхъ въ дѣйствительности. При малѣйшей же наклонности дѣлъ къ перелому, малѣйшее, даже только кажущееся потрясеніе не только въ оборотахъ спекулянта, а въ его предполагаемыхъ ожиданіяхъ, быстро прекращаетъ возобновленіе кредитовъ, и банкротство можетъ объявиться наканунѣ самаго счастливаго исхода операціи.

Все нами сказанное о колебаніяхъ цѣнъ на разные товары поореди движенія общей дороговизны мы должны окончательно пояснить тѣмъ заключеніемъ, что въ общей дороговизнѣ движеніе цѣнъ происходило подѣ влияніемъ удешевленія денегъ, а въ колебаніяхъ цѣнъ, движеніе цѣнъ, то-есть вздорожаніе и удешевленіе товаровъ, зависѣло отъ условій, принадлежавшихъ самимъ товарамъ, отъ взаимныхъ отношеній спроса и предложенія товаровъ. Но и къ этимъ условіямъ присоединились обстоятельства, созданныя денежнымъ же обращеніемъ; какъ мы уже говорили, нѣкоторыя отрасли производства и торговли были сильнѣе возбуждены выпусками бумажныхъ денегъ сравнительно съ другими отраслями или сравнительно съ упадкомъ производства во многихъ иныхъ отрасляхъ; сюда относятся колебанія цѣнъ на мануфактурные товары и

предметы роскоши, сравнительно съ сырыми продуктами и рабочими руками. Затѣмъ нѣкоторыя колебанія цѣнъ посреди всеобщей дороговизны происходили отъ причинъ совершенно чуждыхъ денежному обращенію и общему характеру времени, какъ напримѣръ колебанія въ цѣнахъ на хлѣбъ отъ дѣйствія урожая и неурожая, вздорожаніе бумажныхъ издѣлій въ послѣднее время отъ американскихъ событій и т. д.

Теперь объясняется само собою, почему накопленія нѣкоторыхъ товаровъ не произвели у насъ дешевизны ихъ, дешевизны, которою обнаруживаются обыкновенные коммерческіе кризисы въ Европѣ и которою они собственно разрѣшаются?

Въ отрасляхъ производства, подвергшихся особенному возбужденію и спекуляціи, накопленіе товаровъ возымѣло и у насъ свое дѣйствіе; среди общаго движенія дороговизны, цѣны на эти товары, сравнительно съ другими товарами и съ прежними своими цѣнами, остановились, а эта остановка равнозначительна паденію цѣнъ во всѣхъ коммерческихъ кризисахъ. Такой оборотъ въ цѣнахъ повелъ и у насъ къ перелому въ дѣлахъ, но этотъ переломъ, при обстоятельствахъ произведшихъ всѣ наши потрясенія, не могъ быстро возстановить положеніе дѣлъ, нарушенное не однимъ только возбужденіемъ производства и спекуляціи въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, а глубокими потрясеніями во всѣхъ безъ изъятія частяхъ народнаго хозяйства, послѣдовавшими за восточною войною и разстройствомъ денежнаго обращенія. Ходъ нашего кризиса осложнился.

Избытокъ денежнаго обращенія, также нерѣдко сопровождающій коммерческіе кризисы, при неумѣренныхъ выпускахъ банковыхъ билетовъ (какъ было не разъ въ Америкѣ), не могъ у насъ сократиться при поворотѣ въ дѣлахъ, такъ какъ наши бумажныя деньги не были размѣнны, подобно банковымъ билетамъ, а съ другой стороны не подверглись и обезцѣненію подобно билетамъ австрійскаго банка или ассигнаціямъ французской революціи. Съ 1854 г. по 1857 г. приливъ ихъ къ размѣннымъ кассамъ былъ всячески стѣсняемъ, притомъ взаимнъ кредитныхъ билетовъ поступавшихъ въ кассы выпускались новые, а съ 1857 г. сокращеніе денежнаго обращенія путемъ размѣна было безусловно невозможно. Такимъ образомъ та быстрая реакція въ коммерческихъ оборотахъ, какую мы видимъ въ кризисахъ странъ, гдѣ существуетъ банковая система бумажнаго денежнаго обращенія, реакція

идущая рука объ руку съ уменьшеніемъ денежнаго обращенія, сокращеніемъ учета векселей, выпусковъ новыхъ билетовъ и всѣхъ новыхъ кредитовъ и съ возвратнымъ поступленіемъ билетовъ въ банки по векселямъ и всѣмъ кредитнымъ полученіямъ вслѣдъ за обнаружившимся кризисомъ, такая реакція, быстро сжимающая коммерческіе обороты и производящая быстрое разрѣшеніе кризиса, была у насъ невозможностью. Число кредитныхъ билетовъ находившихся въ обращеніи, оставалось одно и то же до середины 1862 г. или почти до 1863 г., такъ какъ временное его сокращеніе въ 1858 (сожженіемъ 60 милл. кредитныхъ билетовъ) было возмѣщено съ слѣдующаго же года новыми выпусками. Вместе съ тѣмъ, у насъ невозможны были и тѣ пособія, какія почерпаетъ торговля въ банковомъ кредитѣ послѣ серіозной минуты кризиса, когда уже пронеслась буря и очистился воздухъ. Эти отношенія торговли къ банковымъ операціямъ занимаютъ весьма важное мѣсто въ эпохи, подобныя нашей; мы ихъ ближе разсмотримъ въ послѣдствіи¹. Хотя колебанія цѣвъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности были для производителей равносильны паденію цѣвъ, но вслѣдствіе избытка неразмѣрныхъ денежныхъ знаковъ *общій уровень цѣвъ*, или дороговизна жизни, нисколько при этомъ не могъ понизиться. Этотъ высокій уровень, или всеобщая дешевизна денегъ, относительно товаровъ, т.-е. всего того что вымѣнивается на деньги, высокій уровень сравнительно съ періодомъ до восточной войны, происходилъ отъ общаго отношенія количества денегъ въ обращеніи къ количеству денежныхъ оборотовъ. Здѣсь въ связи со всѣмъ предыдущимъ должно замѣтить, что дешевизна у насъ денегъ въ обращеніи кажется между прочимъ сомнительною еще потому, что она далеко не вполне проявилась въ дешевизнѣ бумажныхъ денегъ сравнительно съ звонкою монетою или со всемірнымъ представителемъ денежной цѣнности, или другими словами, что она не проявилась въ полной *депрещіаціи* (обезцѣненіи) кредитныхъ билетовъ; это обезцѣненіе было, какъ мы уже знаемъ изъ первой главы, ничтожно въ сравненіи съ общею дороговизною, т.-е., съ паденіемъ цѣнности кредитныхъ билетовъ въ обмѣнѣ на всѣ товары, исключая звонкую монету. Но именно вслѣдствіе сравнительно слабого паденія кредитныхъ билетовъ относительно звонкой монеты, вслѣд-

¹ Этой стороной денежнаго обращенія будетъ спеціально посвящена III глава настоящаго труда.

ствіе всѣхъ условій, изложенныхъ нами въ I главѣ, искусственно поддерживавшихъ хожденіе кредитныхъ билетовъ, они не имѣли выхода изъ обращенія и обнаруживали свой избытокъ сравнительно съ періодомъ до войны лишь высокими цѣнами товаровъ.

Только бумажные знаки *неразмѣнные* могутъ быть выпущены, и оставаться въ обращеніи въ такомъ излишествѣ какъ были выпущены наши кредитные билеты, и только денежные знаки, которымъ присвоенъ принудительный курсъ и которыхъ принудительный курсъ поддерживается даже для иностранцевъ вліяемъ на вексельный курсъ, могутъ при излишествѣ своемъ производить всѣ тѣ явленія, которыхъ мы были свидѣтелями.

Дешевизна и избытокъ денегъ подвергаются однако сомнѣнію преимущественно вслѣдствіе всеміи ощущаемаго въ послѣднее время *безденежья*, то-есть недостатка въ деньгахъ. Это послѣднее явленіе сдѣлалось, во второмъ періодѣ нашихъ экономическихъ обстоятельствъ послѣ войны, преобладающимъ и главнымъ, наружнымъ, для всѣхъ видимыхъ, затрудненіемъ во всѣхъ дѣлахъ и въ жизни каждаго. Объясненіемъ смысла этого явленія, причинъ его и связи со всеміи явленіями, уже объясненными, мы можемъ дополнить сдѣланное нами изложеніе затрудненій, встрѣченныя торговлею и промышленностью во второмъ періодѣ, а также и выяснитъ одно изъ важнѣйшихъ противорѣчій и недоразумѣній, возбуждаемыхъ нашимъ экономическимъ положеніемъ. При этомъ однако не забудемъ, что это *безденежье* мы называемъ явленіемъ лишь въ видѣ уступки общепотребительному способу выражаться: оно само по себѣ не явленіе, а только ощущеніе всѣхъ описанныхъ нами явленій.

Безденежье было именно то болѣзненное ощущеніе, какимъ сопровождалась всѣ экономическія затрудненія послѣдняго времени. Поэтому анализъ тѣхъ фактовъ, которые подвоятся подъ общее названіе безденежья, весьма для насъ важенъ. Мы не можемъ и намъ нѣтъ надобности перечислять все то, что въ публикѣ называется безденежествомъ; на чрезвычайное безденежье жалуются и человекъ въ пухъ промотавшійся, и купецъ, которому никто не довѣряетъ ни одной копейки, но всѣ мы очень хорошо знаемъ, что подобное безденежье могло быть и дѣйствительно было во всякое время и можетъ зависѣть единственно отъ личности мота и потерявшаго всякій кредитъ купца, а нисколько не отъ окружа-

ющихъ ихъ обстоятельствъ времени или бѣльшаго или меньшаго количества денегъ въ карманахъ людей подлѣ нихъ живущихъ. Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ неизчислимо разнообразныхъ частныхъ случаяхъ, которые подводятся по вкусу каждаго человѣка, претерпѣвающаго какое-нибудь расстройство въ своемъ хозяйствѣ, подѣ одну общую жалобу на безденежье, подобно тому, какъ въ эпохи распространенія тифозныхъ горячекъ, каждый больной, хотя и страдающій расстройствомъ пищеваренія или простудною лихорадкой, непременно, и по собственному убѣжденію, а иногда и по убѣжденію врача, страдаетъ тифомъ, болѣзнію времени. Мы возьмемъ двѣ главныя группы явленій, называемыхъ безденежьемъ, или двѣ главныя его вида, подѣ которые болѣе или менѣе подходятъ всѣ отдѣльные случаи, вызывающіе жалобы на безденежье. Подѣ нихъ подойдутъ даже тѣ случаи частнаго или случайнаго безденежья, о которыхъ мы сейчасъ упомянули. Мы знаемъ, что хотя злостные и несчастные моты и банкроты, могутъ быть всегда и вездѣ, но въ извѣстныхъ эпохи ихъ бываетъ особенно много; также точно мы знаемъ, что хотя люди могутъ простудиться и расстроить желудки всегда и вездѣ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ климата и пищи, но въ извѣстныхъ эпохи и въ извѣстныхъ мѣстностяхъ бываетъ особенно много случаевъ простуды и желудочнаго расстройства.

Необходимо прежде всего различить два совершенно различные рода случаевъ, въ которыхъ мы привыкли слышать жалобы на безденежье: *вопервыхъ* при недостаткѣ собственныхъ *наличныхъ* денегъ у лица, которому нужны деньги для покрытія своихъ расходовъ, *вовторыхъ* при трудности отысканія денегъ въ *кредитѣ*. То и другое можетъ относиться къ расходамъ жизни, къ способамъ содержанія каждаго отдѣльнаго лица, то-есть, вообще къ потребленію, или къ промышленнымъ и коммерческимъ оборотамъ, то-есть вообще къ производству. Разсмотрѣвъ отношеніе какое всѣ эти различные случаи, заставляющіе жаловаться у насъ на *безденежье*, имѣютъ къ количеству денегъ въ обращеніи, мы можемъ отдать себѣ ясный отчетъ въ смыслѣ этого явленія, и убѣдиться въ какой степени оно можетъ свидѣтельствовать о дѣйствительномъ недостаткѣ у насъ денегъ въ публичномъ обращеніи, недостатокѣ, который многіе съ необычайнымъ упрямствомъ хотятъ видѣть во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ.

Въ бюджетъ каждаго частнаго хозяйства ощущается у насъ въ послѣднее время какъ бы *дефицитъ* сравнительно съ предыдущимъ временемъ. Характеръ дефицитовъ въ частныхъ бюджетахъ, а потому и причины каждаго изъ нихъ столько же различны, какъ источники и способы содержанія каждаго лица. Мы постараемся взять то, что есть, въ ощущаемыхъ дефицитахъ, наиболѣе общаго и наиболѣе близкаго обстоятельствамъ всего нашего народнаго хозяйства.

Дефицитъ есть недочетъ въ доходахъ сравнительно съ расходами. Онъ зависитъ не отъ одной цифры доходовъ, а отъ ея отношенія къ цифрѣ расходовъ. Такъ при одинаковомъ доходѣ какъ прежде, и даже при доходѣ увеличившемся противъ прежняго, можетъ оказаться дефицитъ, если увеличилась сумма потребная на расходы. У насъ дефициты стали происходить отъ усиленія расходовъ, а не отъ пониженія доходовъ. Въ большей части случаевъ цифры доходовъ увеличились; это произошло отъ того, что доходы опредѣляются рублями, а рубль сталъ дешевле противъ прежняго. Цѣнность денежной единицы уменьшилась, а потому доходы весьма многихъ лицъ, которыя извлекаютъ свои способы жизни изъ своего труда или изъ своихъ промысловъ, должны были въ общей сложности выражаться въ большемъ количествѣ денежныхъ единицъ, но цѣнность этого количества для покрытія расходовъ жизни осталась въ общей сложности та же самая какая была и при гораздо меньшемъ количествѣ денежныхъ единицъ, выражавшемъ тѣ же доходы. Это ясно, но это еще не привело бы къ дефицитамъ: доходъ возросъ въ точности соразмѣрно возрастанію расхода; слѣдовательно отношеніе дохода къ расходу осталось то же самое, какое было прежде. Если дороговизна стала ощущаться, и дефициты стали оказываться въ хозяйствѣ лицъ, доходы которыхъ увеличились, этому причиной было то направленіе, которое, какъ мы видѣли, приняла дороговизна. Не всѣ предметы вздорожали равномѣрно, развилось потребленіе, и вообще увеличились расходы. Доходъ увеличился номинально, — по счету денежныхъ единицъ, а въ сущности былъ тотъ же самый какъ прежде; расходъ же увеличился не только номинально, но и въ сущности. Всякій могъ замѣтить, что со времени войны увеличилась роскошь и расточительность. Всѣ стали жить шире, а между тѣмъ возросшее денежное обращеніе стремилось къ равновѣсію съ цѣнами товаровъ, и

это-то стремленіе должно было отзываться для каждаго отдѣльнаго лица какъ бы уменьшеніемъ его денежныхъ способовъ; каждый невольно сравнивалъ свой бюджетъ со вчерашнимъ днемъ и не могъ не замѣтить что онъ имѣетъ меньше денегъ на свои расходы. Сравненіе каждаго отдѣльнаго бюджета съ періодомъ до войны привело бы къ иному результату; но воспоминанія о томъ богатствѣ, какимъ каждый болѣе или менѣе располагалъ тотчасъ послѣ войны, сдѣлались у насъ преобладающими при сравненіи съ противоположными ощущеніями послѣдующей эпохи. Что касается до всѣхъ лицъ получающихъ доходы въ размѣрахъ опредѣленныхъ до войны, каковы напримѣръ содержаніе по государственной службѣ или проценты по долговымъ обязательствамъ, по старымъ штатамъ и контрактамъ, то очевидно, что они безусловно имѣютъ менѣе денежныхъ способовъ; избытокъ денежнаго обращенія отражается только въ расходахъ ихъ, а не въ доходахъ. Доходъ ихъ не увеличился даже и номинально, а расходъ увеличился даже въ томъ случаѣ, если они не увлекались общимъ потокомъ и не начинали жить шире прежняго. Эти лица должны были всѣхъ болѣе жаловаться на безденежье. У нихъ въ шкатулкѣ стало оказываться гораздо меньше денегъ чѣмъ прежде, и каждый изъ нихъ, судя по своему личному опыту и по всеобщимъ жалобамъ на безденежье, приходилъ къ заключенію, что въ цѣломъ государствѣ стало меньше денегъ. Само собою однако разумѣется, что та или другая доля общей массы денегъ находящейся въ народномъ обращеніи, проходящая черезъ руки того или другаго лица, еще ничего не доказываетъ относительно всей этой массы. Понятія людей объ этой массѣ, составившіяся лишь на основаніи тѣхъ или другихъ суммъ денегъ, вчера и сегодня имъ лично принадлежавшихъ, не могутъ имѣть здѣсь никакого значенія. А между тѣмъ такими понятіями, заимствованными изъ личныхъ обстоятельствъ, люди безпрестанно руководствуются въ своихъ сужденіяхъ по общимъ вопросамъ. Людей же склонныхъ заключать по дефициту своихъ денежныхъ способовъ о недостаткѣ денегъ вообще для потребностей обращенія развелось у насъ весьма много вслѣдствіе того всеобщаго потрясенія въ частныхъ хозяйствахъ и имуществвахъ и въ обычномъ, исторически сложившемся распредѣленіи богатства, т.-е. вслѣдствіе перемѣненія и непродуцательнаго уничтоженія капиталовъ, которое произошло у насъ

послѣ усиленныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. Къ этимъ потрясеніямъ присоединились многія другія уже не экономическія, но общественныя и политическія событія послѣдняго времени, которыя причинили значительное измѣненіе въ средствахъ всѣхъ классовъ нашего общества, въ относительномъ распредѣленіи между ними богатства, въ способахъ извѣченія доходовъ изъ разныхъ имуществъ, въ способахъ приложенія каждаго личнаго труда, въ относительной цѣнности разнаго рода дѣятельности. Тѣ которые были прежде богаты сдѣлались теперь бѣдны, то дѣло которое было прежде выгоднымъ стало теперь раззорительнымъ и на оборотъ. Главное мѣсто въ событіяхъ, производящихъ этотъ экономическій переворотъ, занимаетъ конечно упраздненіе крѣпостнаго состоянія. Не останавливаясь однако на всѣхъ этихъ явленіяхъ или лучше *ощущеніяхъ* такъ-называемаго безденежья въ наличныхъ способахъ жизни разныхъ группъ русскаго общества или *потребителей*,—можно кажется сказать, что во всѣхъ этихъ ощущеніяхъ преобладаетъ одно явленіе — *ощущеніе дороговизны* постепенно болѣе и болѣе парализовавшей ощущеніе избытка денежнаго обращенія каждой предыдущей минуты. Это ощущеніе, повторимъ, есть послѣдствіе того всеобщаго экономическаго процесса, въ которомъ излишнее количество денежнаго обращенія приходило въ равновѣсіе съ количествомъ капиталовъ, подвергшихся у насъ быстрому перемѣненію и въ общей сложности (какъ мы видѣли) уничтоженію; другими словами, это явленіе есть ближайшее послѣдствіе общаго кореннаго явленія, — движенія къ равновѣсію между потребленіемъ излишне расширившимся и производствомъ отставшамъ отъ потребленія.

Количество средствъ, которое *представляла* собою, для каждаго обладавшаго имъ лица, извѣстная *нарицательная масса* капитала, находившагося въ его распоряженіи, ежедневно уменьшалось вслѣдствіе дороговизны, т. е. уменьшался дѣйствительный капиталъ, которому этотъ чисто нарицательный капиталъ соответствовалъ, и такимъ образомъ можно сказать, что количество денегъ дѣлалось меньше въ смыслѣ уменьшенія дѣйствительной цѣнности нарицательнаго капитала представляемаго денежными знаками и на нихъ надписаннаго. Если наставшее для всѣхъ безденежье, въ способахъ жизни что-нибудь означаетъ, такъ оно означаетъ это,

т. е. *дороговизну капиталовъ сравнительно съ дешевизной денегъ.*

Мы говорили до сихъ поръ о безденежѣ, какъ объ ощущеніи *потребителей*; то же самое явленіе происходитъ и въ томъ наличномъ безденежѣ, которое стало угнетать всѣ промышленныя и коммерческія обороты и на которое жалуются уже *производители*, а не потребители. Очевидно, съ возрастающею дороговизною каждое промышленное предпріятіе требуетъ бѣльшаго количества денегъ для своего совершенія, и количество денежныхъ единицъ представляющихъ собою оборотный капиталъ предпріятія ежедневно становится менѣе и менѣе достаточнымъ для покрытія всѣхъ расходовъ производства. Но при обыкновенной, всеобщей дороговизнѣ возрастаніемъ продажныхъ цѣнъ уравновѣшивается возрастаніе покупныхъ цѣнъ или расходовъ производства и потому въ окончательномъ результатѣ всѣхъ операций не должна чувствоваться убыль въ деньгахъ. У насъ же было иначе, а почему было иначе, это должно быть ясно изъ всего того, что мы говорили о движеніи цѣнъ.

Что заставляетъ фабрикантовъ жаловаться на безденежье? Что какъ не сокращеніе сбыта во всѣхъ чрезмѣрно ожившихся отрасляхъ промышленности и торговли, накопленіе товаровъ, остановка въ превращеніи ихъ въ деньги, и вмѣстѣ съ тѣмъ кажущійся, при этомъ упадкѣ сбыта, недостатокъ наличныхъ денегъ у потребителей и покупателей, а потому и у продавцовъ? Но мы уже знаемъ, что всѣ эти признаки безденежья доказываютъ только поворотъ въ направленіи денегъ отъ однихъ товаровъ къ другимъ, сокращеніе чрезмѣрно расширившагося потребленія предметовъ роскоши и прихоти, отчасти перемѣщеніе денегъ въ распредѣленіи ихъ между потребителями; все это, конечно, ни мало не доказываетъ недостаточнаго количества денегъ въ обращеніи. Слабость сбыта замѣчается, между прочимъ, въ особенноти, въ такъ-называемыхъ во внутренней торговлѣ *панскихъ товарахъ*; было бы несправедливо объяснять ее исключительно реформой крестьянскаго быта: она произошла отъ реакціи, естественно послѣдовавшей за неправильнымъ расширеніемъ потребленія предметовъ роскоши, случившимся именно въ то время, когда мы въ дѣйствительности, вслѣдствіе войны, стали бѣднѣе. При нормальномъ ходѣ дѣлъ, потребленіе должно бы сократиться во время войны, а у насъ, благодаря бумажнымъ деньгамъ, оно именно во время войны чрезвы-

чайно расширилось. Мудрено ли, что сила вещей взяла свое, и что мы принуждены были наконецъ сократить наше расточительное потребленіе? Это произошло бы и безъ крестьянской реформы, которая могла только ускорить ходъ дѣла.

Далѣе, сильное побужденіе къ жалобамъ на безденежье, особенно въ промышленномъ и коммерческомъ классѣ, заключается въ трудности отысканія денегъ *въ кредитъ*, то-есть во второй изъ двухъ категорій, на которыя мы раздѣлили ощущенія *безденежья*. Чрезвычайный упадокъ предложенія кредитныхъ денежныхъ капиталовъ сравнительно съ спросомъ на нихъ заставляетъ всего болѣе отрицать излишество денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи; многіе начинаютъ сомнѣваться даже въ достаточности денежныхъ знаковъ обращающихся у насъ и желаютъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ.

Представленное нами описаніе хода нашихъ дѣлъ съ конца восточной войны, дѣлаетъ, кажется, очевидными какъ несостоятельность общаго движенія, возбужденнаго въ первомъ періодѣ выпускомъ кредитныхъ билетовъ, такъ и въ частности несостоятельность промышленной и коммерческой дѣятельности въ нѣкоторыхъ, особенно оживившихся, отрасляхъ и въ особенности во всѣхъ предпріятіяхъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ единственно этой искусственной возбужденности эпохи. Изложенныя нами экономическія условія, посреди которыхъ, возникло это промышленное оживленіе, достаточно объясняютъ такую несостоятельность. Первые неудачи въ промышленныхъ и коммерческихъ операціяхъ въ особенности быстро и сильно должны были подействовать на *кредитныя сдѣлки*. Элементъ кредита или довѣрія въ общемъ смыслѣ этого слова занимаетъ важное мѣсто въ хозяйствѣ всякаго сколько-нибудь образованнаго народа и обуславливаетъ собою, невидимымъ образомъ, всякое движеніе каждаго участника промышленности и торговли; этотъ элементъ довѣрія удивительнымъ образомъ растетъ въ цвѣтуція эпохи и улетучивается въ эпохи упадка. Точно также и кредитныя сдѣлки въ тѣсномъ смыслѣ этого слова или всякаго рода операціи и условія на срокъ во всякое время и вездѣ весьма многочисленны, а при сколько-нибудь благоприятныхъ обстоятельствахъ способны къ чрезвычайному расширенію и размноженію. Мы уже сказали, что онѣ получили у насъ небывалые размѣры въ періодъ

промышленнаго возбужденія. При первыхъ явныхъ признакахъ общей остановки въ дѣлахъ, при первыхъ частныхъ случаяхъ неоправданія кредита, которымъ воспользовалось къ тому же множество недостойныхъ и неспособныхъ лицъ,—кредитъ началъ быстро *сжиматься*. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ кредитныхъ сдѣлкахъ разъ начавшаяся остановка способна къ несравненно болѣе быстрому распространенію нежели остановка въ наличныхъ сдѣлкахъ, ибо каждая кредитная сдѣлка непременно находится въ связи съ какими-нибудь другими ею произведенными (по крайней мѣрѣ съ одною), между тѣмъ какъ сдѣлка на наличныя есть операція сама въ себѣ законченная и не связанная непременно съ другою. Страшное паденіе кредита въ послѣднее время есть, впрочемъ, фактъ всѣми признаваемый, и намъ остается только сказать почему этотъ фактъ самъ по себѣ способенъ производить въ людяхъ, отъ него страдающихъ, ощущеніе *безденежья*, и почему онъ въ то же время нисколько не можетъ свидѣтельствовать о дѣйствительности безденежья, то-есть о недостаткѣ денегъ въ обращеніи. Прежде всего припомнимъ, что при всемъ чрезвычайномъ возрастаніи предложенія денежныхъ капиталовъ въ кредитъ (послѣ выпусковъ кредитныхъ билетовъ), спросъ на кредитъ и въ особенности надежда и расчетъ на него, подѣ влияніемъ спекуляціи и промышленнаго напряженія, возросли гораздо выше предложенія денежныхъ капиталовъ; усиленные выпуски бумажныхъ денегъ или искусственное увеличеніе представителей денежныхъ капиталовъ на рынкѣ, способны при благоприятныхъ обстоятельствахъ дать еще болѣе обширное развитіе кредитнымъ сдѣлкамъ нежели наличнымъ. Когда являются на рынкѣ деньги для покупки какого-нибудь товара, то соискателями этихъ денегъ будутъ только люди имѣющіе этотъ товаръ, а когда предлагаются деньги въ кредитъ, то кто же не является соискателемъ? Такъ было и у насъ. Не только съжатіемъ кредита, но и гораздо раньше, нашлось достаточно предпріятій и людей, которыхъ виды и расчеты на пользованіе кредитомъ выходили изъ всякихъ границъ возможнаго; весьма естественно, что въ неудовлетвореніи своихъ желаній они отчасти искренно видятъ, отчасти только обвиняютъ недостатокъ денегъ въ обращеніи, тѣмъ болѣе что они помнятъ какъ первоначальное чрезмѣрное изобиліе денежныхъ знаковъ, послѣ ихъ выпуска, облегчило всѣ кредитныя

сдѣлки и какъ множество людей, не болѣе ихъ достойныхъ кредита, широко воспользовались имъ. Далѣе въ эпоху возбужденія промышленности и кредита, сопровождавшую выпускъ кредитныхъ билетовъ, масса людей, участвующихъ въ промышленныхъ и коммерческихъ операціяхъ, дѣйствительно воспользовалась кредитомъ въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ кредитъ, послѣ прекращенія выпусковъ, сдѣлался для однихъ очень труденъ, для другихъ же сталъ вовсе недоступенъ. Далѣе чрезвычайное развитіе нѣкоторыхъ отраслей промышленности и торговли, и возникновеніе совершенно новыхъ въ эпоху возбужденія, сопряжено въ общей сложности съ возрастаніемъ въ странѣ требованія на кредитъ, которымъ исключительно нѣкоторыя предпріятія силились и сияются держаться и отсрочить обнаруженіе своей несостоятельности. Далѣе, всеобщая дороговизна, какъ мы уже сказали, требовала, въ одно время съ сжатіемъ кредита, все большей и большей нарицательной денежной суммы кредита для каждаго предпріятія. Что касается до кредитовъ, которыми пользовались потребители отъ продавцовъ, то эти кредиты вслѣдствіе потрясенія оборотовъ у продавцовъ, а также потрясенія всѣхъ имуществъ у потребителей, въ особенности сократились. Ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, прогрессивно развивавшимся въ періодъ прекращенія выпусковъ бумажныхъ денегъ, обстоятельствамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, которыми сопровождался выпускъ, и потому весьма естественно связывавшимся въ воображеніи массы людей съ понятіемъ о недостаточности денежнаго обращенія, ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ должно присоединить одно и едва ли не самое важное здѣсь обстоятельство, заставляющее, для увеличенія кредита, желать увеличенія денежнаго обращенія. При всеобщемъ сокращеніи кредита, для каждой промышленной и коммерческой операціи требуется гораздо болѣе *наличныхъ денегъ* въ оборотъ, нежели до сокращенія кредита, а въ особенности болѣе нежели въ эпоху промышленнаго и кредитнаго возбужденія, ибо тѣ самыя сдѣлки, которыя совершались прежде съ помощію кредита, производятся теперь наличными деньгами, то-есть количество денежныхъ платежей чрезвычайно возрастаетъ. Поэтому-то въ эпоху обнаруженія кризисовъ всегда слышится со всѣхъ сторонъ жалоба, что денегъ мало, деньги рѣдки, даже когда количество денежнаго обращенія вовсе не умнь-

шилось. Уменьшился кредитъ, сократилось количество кредитныхъ сдѣлокъ, увеличилось число сдѣлокъ на наличныя деньги, количество денежныхъ знаковъ могло остаться то же. Наконецъ, какъ съ одной стороны, въ эпохи сжатія кредита, количество наличныхъ денегъ необходимыхъ для платежей возрастаетъ, такъ съ другой стороны, въ тѣ же самыя эпохи возрастаетъ у всѣхъ людей потребность и желаніе хранить въ своихъ кассахъ и не пускать въ оборотъ большія суммы наличныхъ денегъ; послѣднее происходитъ какъ изъ необходимости имѣть значительные резервы для непредвидѣнныхъ случаевъ, чаще встрѣчающихся въ эпохи кризисовъ, такъ и изъ страха пускаться въ новые обороты. Такимъ образомъ во время кризиса причиненнаго избыткомъ денежныхъ знаковъ, должно непремѣнно чувствоваться, что ихъ очень мало.

Повторимъ еще разъ сущность сказаннаго. Впервыя, увеличеніе бумажныхъ денегъ въ обращеніи способствуетъ на первыхъ порахъ умноженію кредитныхъ сдѣлокъ въ странѣ. Мы въ этомъ могли убѣдиться по опыту, и опытъ этотъ не есть случайность, ибо быстрое увеличеніе наличныхъ денежныхъ способовъ у каждаго, увеличиваетъ его кредитъ не только на сумму увеличенія ихъ, но еще на сумму гораздо большую. Въмѣстѣ съ тѣмъ, мы также по опыту знаемъ, что такое развитіе кредита нисколько не соразмѣрилось ни въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, ни въ общей сложности, съ достоинствами и способностями каждаго кредитовавшагося, что за подобнымъ возбужденіемъ кредита быстро слѣдуетъ реакція, и что въ окончательномъ результатѣ такое явленіе не есть успѣхъ и усиленіе кредита въ странѣ, а лишь временное напряженіе, влекущее за собою упадокъ кредита, даже ниже его прежняго уровня, существовавшаго до выпуска бумажныхъ денегъ. Независимо отъ опыта, намъ достаточно знать самыя способы, которыми кредитныя билеты выпускались въ обращеніе чтобъ убѣдиться, что они не поступали изъ государственнаго казначейства въ руки именно тѣхъ лицъ, которые по коммерческимъ и промышленнымъ своимъ обстоятельствамъ, именно нуждались бы въ усиленіи своего кредита и заслуживали бы его. Здѣсь мы опять наталкиваемся на весьма важный вопросъ въ денежномъ обращеніи, до сихъ поръ нами лишь слегка затронутый и предназначенный нами для особой слѣдующей статьи, на вопросъ о системѣ выпуска

нашихъ бумажныхъ денегъ въ обращеніе и о послѣдствіяхъ этой системы. Не вдаваясь пока въ разсмотрѣніе этого вопроса, мы, впрочемъ, можемъ убѣдиться, что хотя возбужденіе кредита значительно обязано своимъ происхожденіемъ возрастанію денежнаго обращенія, тѣмъ не менѣе сжатіе кредита никакъ не могло произойти вслѣдствіе недостаточности денегъ въ обращеніи, или недостаточности орудій кредита, ибо для совершенія кредитныхъ сдѣлокъ, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ, нѣтъ никакой необходимости въ денежныхъ знакахъ. Таковы всѣ кредиты по счетамъ и по купеческимъ книгамъ, кредиты по товарнымъ векселямъ и роспискамъ въ отпускъ товаровъ, наконецъ, выдачи векселей и переводовъ, благодаря которымъ производится множество операций безъ употребленія денегъ. Всѣ эти кредитныя сдѣлки въ эпоху промышленнаго возбужденія чрезвычайно усилились; мы можемъ сказать безъ всякаго преувеличенія, и не по одному только предположенію, но на основаніи свѣдѣній собранныхъ нами въ разныхъ мѣстахъ, что бѣольшая часть сдѣлокъ, въ которыхъ выражалось развитіе кредита въ первомъ періодѣ, были именно сдѣлки этого рода, и тугость и остановка въ этихъ именно сдѣлкахъ составляетъ предметъ повсемѣстныхъ жалобъ на сокращеніе кредита. Кредитъ, и именно въ той средѣ своей, которая наименѣе можетъ злоупотребить имъ, самъ создаетъ свои орудія и оборотныя знаки. Эти кредитныя бумаги, векселя, переводы, росписки, обращаясь между коммерческими людьми посредствомъ бланковыхъ надписей, въ коммерческихъ оборотахъ исполняютъ ту же самую роль, какъ и деньги. Такъ было и у насъ съ векселями и переводами многихъ коммерческихъ домовъ: напр., тратты Савгушко, Яхненко и пр., ходившія въ Украинѣ наравнѣ съ чистыми деньгами.

Потому въ крайнемъ случаѣ, кредитные, промышленные и коммерческіе обороты, могутъ для своего совершенія вовсе обойтись безъ денежныхъ знаковъ или же могутъ сами создавать свои орудія,—а крайнимъ упадкомъ и потрясеніемъ такихъ именно оборотовъ и страдаетъ наша современная торговля. Но недостаточно этого только отрицательнаго доказательства, что *сокращеніе кредита происходитъ не отъ недостатка денежныхъ знаковъ* мы имѣемъ, еще другія, болѣе рѣшительныя, въ этомъ смыслѣ, указанія. Въ то самое время, когда раздаются, съ одной стороны, жалобы на

невозможность совершенія кредитныхъ сдѣлокъ, вслѣдствіе недостаточности денежнаго обращенія, мы видимъ съ другой стороны, кредитныя операціи, привлекающія къ себѣ огромное количество денежныхъ капиталовъ. Таковы, между прочимъ, выпуски 4% металлическихъ билетовъ дошедшіе до 47 милл., таковы значительные выпуски серій, одinvъ за другими слѣдующіе, билеты С.-Петербургскаго кредитнаго общества, до 18 милл. руб., наконецъ, процентныя вклады, постоянно возрастающіе въ государственномъ банкѣ и его конторахъ и въ общей совокупности составляющіе нынѣ до 250 милл. руб. Всѣ эти операціи положительно доказываютъ, что если другія кредитныя операціи не удаются, то собственно не отъ недостатка денежныхъ знаковъ въ обращеніи, а отъ недостатка самого кредита или довѣрія. Наконецъ послѣднее еще болѣе подтверждается жалобами на высокій дисконтъ, въ коммерческомъ мірѣ, въ то самое время какъ кредитныя операціи (напр. вышепоименованныя), заключающія въ себѣ вѣрныя процентныя помѣщенія, совершаются при сравнительно гораздо меньшей высотѣ процентовъ. Вѣрныхъ процентныхъ помѣщеній капиталы стали у насъ искать въ послѣднее время даже съ особенною настойчивостью и къ нимъ устремились капиталы и новыя сбереженія изъ промышленныхъ и коммерческихъ оборотовъ. Итакъ кредитное *безденежье*, если что нибудь доказываетъ, то прежде всего упадокъ кредита, или довѣрія, какъ въ промышленномъ и коммерческомъ мірѣ, такъ и во всѣхъ нашихъ дѣлахъ, послѣ чрезвычайнаго возбужденія послѣдовавшаго за войной, и доказываетъ лишь дороговизну капиталовъ, подобно безденежью въ наличныхъ оборотныхъ способахъ.

Какъ мало масса денегъ сама по себѣ способна увеличить кредитъ, доказывается краснорѣчивымъ примѣромъ Калифорніи, гдѣ при избыткѣ денегъ и даже металлическихъ, дисконтъ не бываетъ менѣе 12% и доходить до 48%.

Чего же, послѣ этого, могли бы мы достигнуть новымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ въ угоду нѣкоторымъ торговымъ людямъ, обремененнымъ долгами? Что касается собственно до кредитнаго безденежья, или недостатка въ коммерческомъ и промышленномъ мірѣ оборотныхъ способовъ почерпаемыхъ въ кредитъ, то выпуски кредитныхъ билетовъ сами по себѣ нисколько не могутъ поддержать кредитъ. Послѣдній, если заимствуетъ свои пособія въ увеличеніи оборотныхъ

денежныхъ знаковъ, то лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ эти знаки являются на рынкѣ *орудіями кредита*; въ этомъ смыслѣ, то-есть открывая кредитъ людямъ, заслуживающимъ довѣрія и потрясеннымъ общими коммерческими затрудненіями, банки дѣйствительно оказываютъ выпусками билетовъ содѣйствіе торговцѣмъ въ эпохи кризисовъ. Недостатокъ этого содѣйствія при слабомъ развитіи у насъ банковаго кредита весьма чувствителенъ для нашего коммерческаго міра, но увеличеніе массы денежныхъ знаковъ въ обращеніи само по себѣ не можетъ устранить этого зла. И въ экономическихъ, какъ въ физическихъ болѣзняхъ, лѣченіе должно быть направлено противъ корня и причинъ недуга, а не противъ его вѣшнихъ признаковъ. Упадку кредита могутъ противодѣйствовать лишь мѣры дѣйствующія собственно на кредитъ. Эти мѣры, которыя возможны безъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ и настоятельности которыхъ мы нисколько не отрицаемъ, безъ сомнѣнія находятся въ тѣсной связи со всею системой нашего денежнаго обращенія и съ будущими ея преобразованіями. Здѣсь мы касаемся этой стороны нашего предмета только мимоходомъ, предоставляя себѣ подробно рассмотреть ее въ будущей главѣ.

Теперь мы переходимъ къ послѣднему и заключительному вопросу: можно ли вообще признавать, что при многихъ измѣнившихся обстоятельствахъ, количество кредитныхъ билетовъ находящихся въ обращеніи превышаетъ потребности обращенія?

Мы сами указывали на обстоятельства, уменьшившія у насъ количество оборотныхъ и платежныхъ знаковъ и съ другой стороны, потребовавшія большихъ запасовъ наличныхъ денегъ: таково сокращеніе кредита уменьшившее обращеніе разныхъ коммерческихъ кредитныхъ бумагъ и вмѣстѣ съ тѣмъ потребовавшее большаго количества наличныхъ денегъ для платежей, производившихся прежде путемъ кредита, таково же дѣйствіе всѣхъ коммерческихъ и кредитныхъ затрудненій заставляющихъ хранить большіе запасы наличныхъ денегъ и вообще имѣть болѣе значительныя оборотныя кассы. Но зачѣмъ ограничиваться этими обстоятельствами, противодѣйствовавшими избытку денежнаго обращенія и парализовавшими его дѣйствіе? Мы можемъ пойти гораздо даѣе и найти въ описанныхъ нами фактахъ гораздо болѣе обстоя-

тельство, дѣйствовавшихъ въ томъ же направленіи и даже еще съ большею силой.

Не таково ли дѣйствіе принудительнаго курса кредитныхъ билетовъ, съ одной стороны, вытѣснившаго изъ народнаго обращенія всю массу звонкой монеты, и съ другой стороны, не воспрепятствовавшего тому, что вся обращающаяся масса кредитныхъ билетовъ, несмотря на всѣ мѣры принятыя для поддержки курса, упала сравнительно съ иностранными деньгами на 14—15% (стало-быть относительно всемірной металлической разчетной единицы или собственно для международныхъ отношеній и коммерческихъ оборотовъ, съ которыми внутреннее денежное обращеніе находится въ непрерывной связи, вся масса этого обращенія составляла въ 1862 г. уже не 700 мил. р., а собственно только 600 м.); не таково ли также дѣйствіе самаго крупнаго факта во всѣхъ послѣдствіяхъ возростанія денежнаго обращенія, дѣйствіе *дороговизны*, обезцѣнившей и потому уменьшившей всю массу кредитныхъ билетовъ относительно товаровъ еще въ гораздо сильнѣйшей пропорціи нежели принудительный курсъ возвысилъ цѣну звонкой монеты? Не таково ли далѣе дѣйствіе дорогаго кредита или дорогаго найма капиталовъ, не низвело ли оно цѣнность нарицательнаго представительства капиталовъ, заключающагося въ массѣ бумажныхъ денегъ, на уровень массы дѣйствительныхъ капиталовъ? Не таково ли, кромѣ того, отвлеченіе денегъ отъ промышленныхъ и коммерческихъ оборотовъ къ процентнымъ помѣщеніямъ, уменьшившее количество денегъ въ обращеніи на товарныхъ рынкахъ въ пользу рынка процентныхъ бумагъ, преимущественно государственныхъ?¹ Наконецъ, не таково ли дѣйствіе всѣхъ обстоятельствъ, входящихъ въ совокупное явленіе *застоя въ дѣлахъ*, уменьшающаго вообще быстроту обращенія денегъ при томъ же количествѣ товаровъ и капиталовъ и потому заставляющаго народное обращеніе вбирать въ себя большее количество денегъ, чѣмъ въ эпоху возбужденія промышленныхъ коммерческихъ и кредитныхъ оборотовъ?

Но что же изъ всего этого слѣдуетъ? Очевидно то, что масса бумажныхъ денежныхъ знаковъ, превышая нормальныя потребности народнаго обращенія и бывъ безвыходно запер-

¹ Нельзя не отличать этого рынка (называемаго Англичанами loan market) отъ товарнаго.

въ немъ неразмѣнностью знаковъ и ихъ принудительнымъ курсомъ, вступила въ борьбу съ этими *нормальными потребностями обращенія*, и въ этой борьбѣ возникли внутреннія экономическія силы, которыя проявились во всѣхъ указанныхъ обстоятельствахъ. и пытались привести массу денежныхъ знаковъ въ *равновѣсіе съ потребностями обращенія*. Сперва избытокъ бумажныхъ денегъ, при обстоятельствахъ времени благоприятствовавшихъ возбужденію духа предприимчивости и спекуляціи, искусственнымъ образомъ увеличилъ самыя потребности обращенія, или количество всѣхъ товарныхъ оборотовъ и денежныхъ операцій, непомерно раздулъ обороты съ акціями и биржевой ажіотажемъ, потомъ дороговизной товаровъ и паденіемъ металлической цѣнности кредитныхъ билетовъ уменьшилъ цѣнность, а слѣдовательно и излишество денежныхъ знаковъ, какъ орудій мѣны на внутреннихъ и международныхъ рынкахъ, вытѣснилъ откуда только могъ звонкую монету, сократилъ дѣйствіе кредита, обращеніе всякихъ цѣныхъ оборотныхъ кредитныхъ знаковъ, замѣстилъ кредитъ въ коммерческихъ оборотахъ наличными бумажными деньгами, и занялъ ими всѣ мѣста въ денежномъ обращеніи опустошенныя упадкомъ кредита, наконецъ сталъ выбрасывать свои послѣдніе остатки отъ этой ожесточенной борьбы, вызванной стремленіемъ къ равновѣсію, на безопасный берегъ вѣрныхъ процентныхъ помѣщеній, каковы въ особенноти процентные вклады государственнаго банка. Что эта борьба за равновѣсіе, которое во чтѣ бы то ни стало всегда должно установиться между количествомъ денегъ, пущенныхъ въ обращеніе, и потребностями обращенія, обошлась не дешево нашему народному хозяйству, что дѣйствіе всѣхъ этихъ внутреннихъ экономическихъ усилій, возстановляющихъ равновѣсіе, породило недуги, не скоро излѣчимые, во всемъ этомъ кажется не можетъ быть никакого сомнѣнія: и описанные нами факты, и всѣ испытанія послѣдьяго времени, слишкомъ для всѣхъ чувствительныя, кажется, достаточно громко въ этомъ свидѣтельствуютъ.

Но могутъ сказать: какою бы то ни было дорогою цѣною, равновѣсіе между количествомъ денежныхъ знаковъ и потребностями народнаго обращенія, во всякомъ случаѣ, все-таки возстановилось и объ *избыткѣ* денежныхъ знаковъ или кредитныхъ билетовъ въ обращеніи теперь не можетъ быть рѣчи. Конечно такъ, но въ такомъ случаѣ избытка денегъ въ

обращеніи, въ прямомъ смыслѣ этого слова (то-есть, не иначе какъ въ самый моментъ выпуска), никогда не можетъ быть, исключая развѣ, когда внутренняя цѣнность бумажныхъ знаковъ, выпущенныхъ въ качествѣ денегъ, падаетъ до нуля, какъ было съ ассигнаціями французской революціи. Въ этомъ смыслѣ до тѣхъ поръ пока бумажные денежные знаки сохраняютъ какую-нибудь цѣнность, хотя одной копѣйки на рубль, пока есть какое-нибудь къ нимъ довѣріе, пока они употребляются какъ орудіе мѣны и остаются такъ или иначе въ обращеніи, а не разрываются публикою на куски, какъ ни на что негодная ветошь, до тѣхъ поръ, пожалуй, никогда не можетъ быть рѣчи объ избыткѣ денежнаго обращенія. Равновѣсіе всегда, въ силу непреложныхъ экономическихъ законовъ, должно установиться. Спрашивается только, можетъ ли такое равновѣсіе удержаться навсегда, нормальны ли отправленія всего организма народнаго хозяйства, съ которыми сопряжено такое равновѣсіе, не должны ли эти уравновѣшивающія условія измѣниться, и тогда не должно ли пошатнуться самое равновѣсіе? Словомъ, можно ли назвать подобное равновѣсіе нормальнымъ? Этотъ вопросъ совершенно тождественъ съ вопросомъ: можно ли признать состояніе желудка у человѣка, страдающаго отъ расстройства желудка, засорившаго свой желудокъ и сидящаго на строгой діетѣ, состояніемъ нормальнымъ и здоровымъ, лишь потому что болѣзненное состояніе и діета содержать въ равновѣсіи отправленія желудка съ пищею?

Рѣшительно таковъ же и вопросъ о равновѣсіи количества нашихъ денежныхъ знаковъ съ потребностями обращенія *въ настоящее время*. Здоровы ли и нормальны ли всѣ современныя отправленія нашего народнаго хозяйства, и неужели оно не нуждается въ полномъ выздоровленіи и не стремится къ нему? А при малѣйшихъ движеніяхъ къ выздоровленію, должно нарушиться равновѣсіе. Если же этому нарушенію равновѣсія, или обнаруженію избытка кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, будутъ поставлены искусственныя преграды, то невозможно будетъ и выздоровленіе. Примѣръ этому мы уже имѣемъ въ нѣкоторыхъ фактахъ самаго послѣдняго времени.

Ближе вникая во всѣ указанныя выше условія, уравновѣживающія избытокъ денежнаго обращенія, мы легко убѣдимся, что всѣ они могутъ и должны измѣниться при возвращеніи нашего народнаго хозяйства къ нормальной дѣятельности.

Такъ возстановленіе металлической монетной единицы и

предпріятое вмѣстѣ съ тѣмъ постепенное возвышеніе цѣнности кредитныхъ билетовъ разомъ увеличило дѣйствительную цѣнность всей массы денежныхъ знаковъ въ обращеніи. Возвышеніе размѣнной цѣны кредитныхъ билетовъ само по себѣ равносильно съ увеличеніемъ массы кредитныхъ билетовъ, относительно всемірной денежной единицы. Причиненный размѣномъ, или лучше, вслѣдствіе размѣна оказавшійся избытокъ кредитныхъ билетовъ уже заявилъ себя перевѣсомъ выдачи звонкой монеты изъ государственнаго банка надъ выдачею кредитныхъ билетовъ въ обмѣнъ на монету и драгоцѣнные металлы. Въ теченіе одного съ небольшимъ года дѣйствія размѣна, масса кредитныхъ билетовъ въ обращеніи вынуждена была уменьшиться приблизительно на 60 милліоновъ. Такое уменьшеніе денежнаго обращенія, совокупно съ возвышеніемъ металлической цѣнности кредитныхъ билетовъ,—хотя и вліяющимъ пока преимущественно на международныя коммерческія операціи, но по связи ихъ съ внутренними оборотами, необходимо отзывающимся и на послѣднихъ, такое уменьшеніе денежнаго обращенія уже отразилось на цѣнахъ, которыя, въ 1863 г., положительно, и для всѣхъ ощутительнымъ образомъ, упали по многимъ категоріямъ товаровъ. Далѣе, цѣны могутъ измѣняться сами по себѣ, подъ вліяніемъ причинъ, постороннихъ количеству денежнаго обращенія и зависящихъ исключительно отъ предложенія и спроса товаровъ; къ тому же всѣ промышленныя коммерческія обстоятельства послѣдняго времени именно способны, независимо отъ количества денежнаго обращенія, произвести удешевленіе товаровъ, по крайней мѣрѣ въ отрасляхъ, страдающихъ отъ ихъ накопленія и отъ недостатка сбыта. А удешевленіе товаровъ не можетъ въ свою очередь не уменьшить количества денегъ, потребнаго для оборотовъ, и излишнія деньги, выдѣляющіяся изъ оборотовъ, въ видѣ сбереженій, не находящихъ для себя помѣщенія въ новыхъ оборотахъ, будутъ искать исхода изъ обращенія, и какъ мы уже видѣли, ищутъ его въ процентныхъ помѣщеніяхъ и вкладахъ. Съ другой стороны, не желательна ли удешевленіе нашихъ товаровъ, не только для удешевленія жизни внутри Россіи, но и для усиленія вывоза нашихъ товаровъ въ другія страны? Тутъ успѣхъ всмнужемо ведетъ къ обнаруженію избытка въ бумажныхъ деньгахъ. Также точно болѣе быстрое и оживленное обращеніе денегъ, разнаго рода усовершенствованія въ способахъ

и механизмъ платежей (таковы—чеки, переводы, всякія облегченія въ пересылкѣ денегъ и проч.), при томъ же самомъ количествѣ капиталовъ и товаровъ въ странѣ, не должны ли уменьшить нужное для обращенія количество денегъ? То же самое послѣдствіе можетъ имѣть и всякое оживленіе денежныхъ операцій. Столь желательное и столь всѣми коммерческими людьми ожидаемое развитіе банковаго кредита и нормальное возрастаніе учетныхъ банковыхъ операцій невозможно, какъ мы увидимъ, при избыткѣ денежнаго обращенія; представимъ себѣ появленіе у насъ новыхъ оборотныхъ знаковъ, какъ орудій банковаго или коммерческаго кредита,—обращеніе ихъ должно было бы сейчасъ отозваться излишкомъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ. Въ дѣйствительности это могло бы обнаружиться сравнительно бóльшими удобствами кредита въ разныхъ мѣстныхъ и частныхъ банкахъ, и сокращеніемъ учетныхъ операцій государственнаго банка, путемъ которыхъ собирающіеся въ немъ въ видѣ вкладовъ денежные знаки вновь возвращаются въ обращеніе. При этомъ процентные вклады банка должны были бы немѣрно возрасти, а въ случаѣ консолидированія ихъ,—опять тождественнаго съ уменьшеніемъ количества обращающихся кредитныхъ билетовъ,—не могли бы найти для себя другаго употребленія какъ развѣ въ ссудахъ государственному казначейству. Наконецъ, эти вклады, которые служатъ, между прочимъ, также каналами для истока избытковъ денежнаго обращенія, и потому, при нынѣшнемъ положеніи его, совершенно необходимы, отвлекаютъ капиталы отъ промышленныхъ помѣщеній и коммерческихъ оборотовъ; приостаиваніе пріема вкладовъ въ государственномъ банкѣ, или насильственное изгнаніе ихъ, произвело бы дѣйствіе подобное пониженію вкладныхъ процентовъ въ 1857 г. и могло бы болѣе или менѣе снова придать возбужденіе промышленности и торговли. Но тогда опять неминуемо обнаружился бы избытокъ кредитныхъ билетовъ, и причиненное ими возбужденіе промышленности и торговли непременно оказалось бы лихорадочнымъ возбужденіемъ.

Итакъ, всѣ эти условія, удерживающія денежное обращеніе въ равновѣсіи, болѣе или менѣе неразрывно связаны съ болѣзненнымъ экономическимъ состояніемъ страны и не соответствуютъ нормальному положенію народнаго хозяйства. Во всякомъ случаѣ, они нисколько не благоприятны для его

условія; притомъ нѣкоторыя изъ этихъ условій могутъ сами собою измѣниться, устраненіе другихъ облегчило бы многія важнѣйшія и необходимыя преобразованія въ нашемъ экономическомъ бытѣ и въ нашихъ государственныхъ финансахъ,—преобразованія невозможныя при этихъ условіяхъ. Такимъ образомъ, съ малѣйшимъ измѣненіемъ всѣхъ этихъ условій, равновѣсіе денежнаго обращенія можетъ быть нарушено. Отъ безчисленнаго множества обстоятельствъ—внѣшнихъ и внутреннихъ, промышленныхъ, коммерческихъ и финансовыхъ обстоятельствъ, отчасти зависящихъ, отчасти независящихъ отъ воли людей, отъ обстоятельствъ, которыхъ разнообразныя сочетанія и сплетенія трудно и даже невозможно предвидѣть,—зависитъ проявленіе избытковъ денежнаго обращенія, тѣмъ или другимъ путемъ, въ тотъ или другой моментъ времени, съ большею или меньшею стремительностію. Но что такія проявленія будутъ и что они заявятъ себя въ единственномъ открытомъ пока прямо для нихъ каналѣ—размѣнѣ билетовъ на звонкую монету, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. На это мы имѣемъ положительныя указанія въ ходѣ дѣлъ самаго послѣдняго времени. Если наше народное хозяйство не будетъ подвержено никакимъ исключительнымъ потрясеніямъ, то съ вѣроятностію можно предвидѣть, что избытки денежнаго обращенія будутъ выдѣляться изъ коммерческихъ и промышленныхъ оборотовъ не быстро, а постепенно, въ видѣ сбереженій, которыя будутъ производить напоръ на пути ими уже отчасти прежде избранномъ, то-есть къ процентнымъ помѣщеніямъ и размѣну; но если когда-нибудь трудно пророчествовать, то въ минуты, нами теперь переживаемыя.... Предусмотрительность въ финансовыхъ операціяхъ, относящихся къ регулированію денежнаго обращенія, чуткость къ настроенію и потребностямъ времени, можетъ отклонить нѣкоторыя затрудненія и предупредить саишкомъ бурныя потрясенія въ ходѣ нашихъ промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ. Но эти потрясенія столько же возможны при быстромъ и насильственномъ расширеніи денежнаго обращенія, какъ и при подобномъ же его сокращеніи. Мы надѣемся, что въ предусмотрительности у насъ не будетъ недостатка. Больше теперь ничего сказать нельзя.

Оканчивая наше и безъ того слишкомъ длинное изложеніе послѣдствій чрезвычайнаго возрастанія денежнаго обращенія въ эпоху 1853—1857 г., мы считаемъ не лишнимъ соединить

эти послѣдствія въ нѣсколькихъ выводахъ. Эти послѣдствія главнѣйше заключались въ слѣдующемъ:

1) Искусственное возбужденіе промышленнаго духа, предпріимчивости и спекуляціи вслѣдъ за восточною войной.

2) Чрезвычайное усиленіе непроеводительнаго потребленія капиталовъ.

3) Оживленіе отечественнаго производства и ввоза товаровъ по нѣкоторымъ отраслямъ въ пропорціи несоотвѣтствовавшей остальнымъ отраслямъ.

4) Нарушеніе какъ общаго равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ страны, такъ и во взаимныхъ отношеніяхъ производства въ разныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства.

5) Всеобщее возрастаніе дороговизны товаровъ и капиталовъ, или дешевизны денегъ, связанное съ неравномѣрными потрясеніями во всѣхъ цѣнахъ.

6) Отсюда всеобщая дороговизна жизни, обрушившаяся преимущественно на людей, живущихъ на счетъ постоянныхъ окладовъ, и кризисъ въ разныхъ, преимущественно оживившихся отрасляхъ промышленности и торговли.

7) За несостоятельностью какъ общаго оживленія промышленной предпріимчивости, такъ и въ особенности по всѣмъ операціямъ, порожденнымъ спекуляціей, разстройство въ дѣлахъ и застои въ оборотахъ.

8) Потрясеніе и сокращеніе кредита, послѣ чрезмѣрнаго его расширенія.

9) Искусственно-вызванное перемѣщеніе капиталовъ и труда изъ одной области народнаго хозяйства въ другую.

10) Чрезмѣрное возрастаніе основныхъ капиталовъ на счетъ оборотныхъ.

11) Потрясеніе во всѣхъ имущественныхъ отношеніяхъ, и привычки роскоши во всемъ обществѣ, искусственно привитыя временнымъ возбужденіемъ потребленія.

12) Ощущенія безденежья, происходящія отъ дороговизны капиталовъ и сжатія кредита, или отъ движенія денежнаго обращенія къ равновѣсію между количествомъ денегъ и потребностями обращенія, ощущенія въ особенности рѣзкія послѣ недавнихъ рѣзкихъ ощущеній избытка денежныхъ знаковъ.

Полагаемъ, что въ совокупности этихъ явленій заключаются важнѣйшія общія затрудненія, испытываемыя нашимъ

народнымъ хозяйствомъ въ послѣднее время. Во всѣхъ этихъ затрудненіяхъ участвовали усиленные выпуски кредитныхъ билетовъ въ 1853—1857 г., увеличившіе массу нашего денежнаго обращенія болѣе чѣмъ на 120%.

Мы нисколько не отрицаемъ дѣйствія иныхъ причинъ, сверхъ избытка кредитныхъ билетовъ; мы сами не разъ вынуждены были касаться и этихъ причинъ, хотя болѣею частію мимоходомъ. Припоминая однако весь ходъ нашей общественной и государственной жизни съ восточной войны, мы легко убѣдимся, что обстоятельства послѣдняго времени не только не могли парализовать дѣйствіе главной причины нашихъ экономическихъ затрудненій, а напротивъ должны были значительно усилить его. Таковы въ первомъ періодѣ: послѣ ожесточенной войны, и при всеобщемъ сознаніи несостоятельности стараго порядка вещей, надежды, возлагавшіяся на вождѣльный миръ и новое царствованіе, надежды всегда сами по себѣ благоприятныя для возбужденія духа предприимчивости и промышленной отваги; нѣкоторыя фактическія облегченія и льготы, тотчасъ наступившія съ новымъ царствованіемъ, благодусіе внезапно разлившееся во всей нравственной атмосферѣ государства и всюду во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ распространившееся чаяніе новой политической и гражданской жизни, освобожденіе международныхъ сношеній и торговли и общественной предприимчивости отъ разныхъ стѣснительныхъ формальностей; пріѣздъ иностранцевъ и ожиданія прилива огромныхъ иностранныхъ капиталовъ; наконецъ какія-то темныя, инстинктивные стремленія, во всѣхъ слояхъ русскаго общества, къ обновленію, объявшія Россію и давшія умамъ сангвиническое направленіе. Все это было конечно почвою весьма благоприятною для дѣйствія массы новыхъ денежныхъ знаковъ. Съ 1857 г., съ ожиданіями упраздненія крѣпостнаго состоянія, начинаются нѣкоторые признаки новаго періода дѣйствительнаго вступленія Россіи на путь реформы и встрѣчи неясно-сознанныхъ предчувствій и чаяній съ дѣломъ, съ жизнью. Но пока общество еще полно отваги и бодрости передъ этою встрѣчей, оно видитъ только розовыя стороны дѣла. Вытѣсненіе вкладовъ изъ банковъ, т.-е. тотъ же выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ, и открывшаяся свобода къ образованію компанейскихъ предпріятій, съ нѣкоторымъ даже

официальнымъ къ нимъ поощреніемъ, поддали еще болѣе жара промышленному и спекулятивному возбужденію; появляется биржевой ажіотажъ. Съ 1858 г. однако начинаются со всѣхъ сторонъ и въ официальномъ и въ частномъ мѣрѣ рѣшительные приступы къ дѣлу и по необходимости связанныя съ нимъ, послѣ всякаго сангвиническаго настроенія, разочарованія. Ожиданія перерожденія Россіи посредствомъ акціонерныхъ компаній начинаютъ давать чувствовать свою несостоятельность; количество дѣйствительныхъ умственныхъ и нравственныхъ капиталовъ, знаніе промышленнаго дѣла и добросовѣстность оказываются неизмѣримо ниже предъявленныхъ на нихъ требованій и бумажнаго ихъ представительства. Между тѣмъ съ 1859 г. все государственное знаніе начинаетъ перестраиваться; совѣтчики этого дѣла воодушевлены самыми противоположными наклонностями и только въ одномъ всего болѣе сходятся,—въ уничтоженіи всего стараго, каково бы оно ни было. Но вотъ приближается самый коренной переворотъ въ жизни нашего общества, разрѣшеніе крестьянскаго вопроса; воображеніе людей, знакомыхъ съ тревогами политической жизни лишь изъ легкаго чтенія журналовъ, людей, издавна привыкшихъ легкомысленно обо всемъ рѣшить и судить и въ канцеляріяхъ и въ салонахъ и въ своихъ барскихъ захолустьяхъ, людей издавна отученныхъ отъ всякой самоличной дѣятельности, отъ стоянія на собственныхъ ногахъ, воображеніе всѣхъ этихъ людей настраивается въ направленіи совершенно противоположномъ прежнимъ сангвиническимъ надеждамъ. Коммерческій и промышленный мѣръ, и безъ того недоувѣрчивый ко всякимъ государственнымъ реформамъ, подпадаетъ вліянію этихъ созданныхъ воображенія, и не мало капиталовъ бѣжитъ за границу. Въ 1859 г. система нашихъ государственныхъ кредитныхъ установленій идетъ быстрыми шагами къ несостоятельности; энергическія мѣры принятыя правительствомъ, производятъ крутой переворотъ во всѣхъ привычкахъ кредита, связанныхъ съ столѣтнимъ существованіемъ казенныхъ банковъ; частный кредитъ, и безъ того пошатнувшійся отъ начавшагося поворота въ дѣлахъ, вступаетъ въ страшную конкуренцію съ государственнымъ кредитомъ, рѣшившимся на всякія жертвы для спасенія себя отъ кризиса; консолидація вкладовъ отнимаетъ послѣднія надежды на позаимствование недостающихъ оборотныхъ капиталовъ изъ кредитныхъ установленій.

Прегражденіе ссудъ изъ банковъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ стѣсняетъ денежные способы и кредитъ главныхъ нашихъ потребителей; возмѣненіе старыхъ банковъ никакою новою системою кредита ставитъ сельское хозяйство въ затруднительное положеніе именно въ эпоху разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Наконецъ, перестройка всей податной системы, такъ близко обуславливающей собою всѣ промышленныя и коммерческія обороты; наконецъ вступленіе крестьянской реформы въ дѣйствіе и по необходимости сопряженное съ нею на первое время уменьшеніе народнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ и нѣкоторый упадокъ духа въ высшемъ и самомъ образованномъ нашемъ сословіи...

Вся совокупность этихъ событій такова, что они должны были могущественно усилить реакцію возникшую въ промышленномъ мірѣ послѣ первоначальнаго періода возбужденія; съ одной стороны, потрясено было довѣріе къ продолженію сложившагося строя жизни, а съ другой стороны, потребовались чрезвычайное напряженіе и трата силъ къ довершенію начатыхъ преобразованій, обещающихъ положительныя плоды для народнаго благосостоянія лишь въ будущемъ. Наши государственныя реформы также болѣе или менѣе заключаютъ въ себѣ затраты умственныхъ и матеріальныхъ капиталовъ на счетъ оборотныхъ силъ страны, затраты, долженствующія сдѣлаться производительными не въ скоромъ времени; для настоящей минуты онѣ всѣ повернулись лишь стороною жертвъ и лишеній.

Совершенно благополучный въ политическомъ отношеніи ходъ крестьянскаго вопроса долженъ былъ разсѣять много недовѣрія къ будущему; съ нынѣшнимъ годомъ благоприятное положеніе крестьянскаго вопроса могло сдѣлаться первымъ началомъ для измѣненія въ дѣлахъ къ лучшему... Тутъ открылась старая рана,—польскій вопросъ, заговорившій громче всякихъ иныхъ недуговъ....

ВЛАДИМИРЪ БЕЗОБРАЗОВЪ.

МАГДАЛИНА

ПОВѢСТЬ.

I.

Уже за полночь. Природа давно дремлетъ въ сумракѣ ночи; одно море шумитъ, стараясь разбить свое скалистое ложе, да звѣзды мерцаютъ на темной синевѣ неба.

Среди высокихъ горъ и темнаго лѣса свѣтится огонекъ. Запоздалый и суетливый путникъ, пробираясь прибрежною тропинкой, пожалуй, подумаетъ, что это какой-нибудь кладъ даетъ себя знать; но, подойдя поближе, онъ различитъ отлогую поляну, среди горъ, покрытыхъ лѣсомъ; ему послышится журчанье быстрого ручья и немного поодаль предъ нимъ заблѣзаетъ домикъ, окруженный кипарисами, лаврами, магноліями, рамнусами и другими вѣчно-зелеными деревьями и кустарниками. Изъ этого-то домика и свѣтится таинственный огонекъ.

Въ домикъ все тихо, все спитъ; свѣтъ выходитъ изъ одной только комнаты.

Въ большомъ креслѣ, обложенная подушками, сидитъ жен-

щина дѣтъ сорока; на ея блѣдномъ лицѣ видны слѣды страдавій. Она такъ слаба, что не имѣеть силъ поднять головы и, кажется, дремлетъ; блѣдная прозрачная рука ея опустилась на одѣяло, которымъ укутаны ея колѣни. Комната, гдѣ сидитъ больная, убрана просто, но съ особеннымъ тицаніемъ: на окнахъ цвѣты, всюду покойная и красивая мебель на, этажеркахъ книги, въ углубленіи кровать съ темно-зеленымъ пологомъ. Войдя въ эту комнату сейчасъ замѣтите, что ея хозяйка привыкла къ удобствамъ.

За письменнымъ столомъ, освѣщеннымъ только одною свѣчой, подъ зеленымъ абажуромъ, сидитъ дѣвушка, дѣтъ двадцати. Темное, суконное платье съ высокимъ лифомъ обрисовываетъ ея стройный, роскошно-развитой станъ. Густые волосы ея зачесаны назадъ. Правильная, тонкія черты лица ея имѣють строгое и не по лѣтамъ серіозное выраженіе. Тонкія брови ея немного наморщены; одною рукою она подпираетъ голову, а другою быстро перевертываетъ листы лежащей передъ нею книги. Зеленоватый свѣтъ изъ-подъ абажура дѣлаетъ еще болѣе блѣднымъ строгое лице дѣвушки, на которомъ въ эту минуту замѣтно сильное волненіе. Всѣ линіи этого молодого лица такъ правильно очерчены, что могли бы служить художнику моделью для строго-дѣвственнаго изображенія лица Діаны.

Найдя наконецъ въ книгѣ, что ей было нужно, она начала читать съ напряженнымъ вниманіемъ. Прочитавъ нѣсколько разъ одну и ту же страницу, дѣвушка встала и тихо подойдя къ больной, коснулась ея руки своими тонкими пальцами, и со вниманіемъ стала считать пульсъ. Потомъ нагнулась къ ея груди, прислушиваясь къ неровному дыханію. Сильный кашель прервалъ дремоту больной. Дѣвушка схватила ее обѣими руками и прижала къ себѣ.

— Сильно болитъ у тебя бокъ, мама, когда ты кашляешь? спросила она.

Больная хотѣла отвѣчать, но опять закашлялась, и на губахъ ея показалась кровь.

„Это точно воспаленіе!“ прошептала дѣвушка: „нужно пустить кровь и какъ можно скорѣе: до утра ждать невозможно. Но кто здѣсь сумѣетъ это сдѣлать? За докторомъ посылать далеко, да и поѣдетъ ли докторъ? Дороги теперь такъ дурны!“

Она стала на колѣни передъ больною, и съ невыразимою лѣтностью и сожалѣнiемъ, глядя ей въ лицо, спросила:

— Позволишь ты мнѣ пустить тебѣ кровь, моя дорогая мама? У тебя воспаленiе, это необходимо.

— Да, едва слышно отвѣчала больная,—а развѣ ты сумѣешь?

— Я видѣла, какъ отецъ пускалъ кровь; я увѣрена, что сумѣю это сдѣлать.

— Хорошо, мое бѣдное дитя! Да поможетъ тебѣ Богъ! прошептала опять больная, и голова ея опустилась на подушки.

Дѣвушка поцѣловала ея руку и вышла въ другую комнату. Здѣсь былъ затопленъ каминъ, передъ которымъ на полу сидѣла дѣвочка, лѣтъ тринадцати, бѣленькая, розовая, съ открытымъ и веселымъ выраженiемъ лица. Прислонившись головкой къ стѣнѣ, она сладко дремала.

— Зоя! съ упрекомъ сказала старшая сестра:—мама такъ больна, а ты дремлешь и забыла о тепломъ питьѣ для нее.

Зоя вскочила, протерла сонные глазки и наклонилась къ камину, гдѣ грѣлось питье.

— Куда же ты, Лиана? спросила она, замѣтивъ, что сестра хочетъ идти изъ комнаты и зажигаетъ свѣчу у камина. Питье готово; я боюсь, мама раскашляется безъ тебя.

— Ты ее поддержишь; ты ужь не маленькая теперь. Иди же къ ней, я сейчасъ вернусь.

Лиана вышла въ темныя сѣни. Она отворила дверь направо, и очутилась въ большой комнатѣ, давно ужь, какъ видно, не обитаемой. Входившаго въ нее обдавало запахомъ сырости; мебель была покрыта пылью, ставни у оконъ заперты.

Лиана подошла къ письменному столу, заваленному книгами, отворила одинъ изъ ящичковъ, и порывшись въ немъ довольно долго, нашла ящичекъ съ хирургическими инструментами, вынула изъ него ланцетъ и поглядѣла, остеръ ли онъ.

Потомъ она отворила одинъ изъ шкафовъ, которыми были уставлены всѣ стѣны комнаты, выбрала между безчисленнымъ множествомъ склянокъ, баночекъ и пузырьковъ съ ярлыками, одну, которая ей была нужна, и вернулась къ матери. Больная въ это время опять сильно кашляла; маленькая Зоя поддерживала ее.

— Ужели я слаба до того, что силы измѣнять мнѣ въ рѣшительную минуту? прошептала Лиана, обнявъ руку матери,

которая, съ грустью и съ какимъ-то невольнымъ чувствомъ уваженія, смотрѣла на дочь.

— Что ты хочешь дѣлать? спросила Золя, увидѣвъ ланцетъ въ рукахъ сестры. Но та, вмѣсто отвѣта, велѣла ей держать свѣчу и тарелку, стаяла руку больной, оцупала артерію и смѣло открыла ее. Кровь брызнула въ лицо испуганной Зою; дѣвочка поблѣднѣла и взглянула на сестру. Послѣ кровопусканія, больную уложили на кровать; Луна дала ей лѣкарства, и она уснула.

Утренняя заря едва начинала золотить поверхность моря. Горы были еще покрыты ночнымъ туманомъ.

Луна вышла на балконъ, чтобъ освѣжиться. Уже двое сутокъ не смыкала она глазъ. Она была очень блѣдна, но утомленіи не было видно въ ея большихъ темныхъ глазахъ. Она оперлась на перила балкона, склонила голову къ деревянной колонкѣ, удитой паукомъ, и устремила задумчивый взоръ въ синюю даль.

Прозрачный ручей, катившійся съ шумомъ по камнямъ, начиналъ серебриться отъ зардѣвшейся на востокѣ зари; птички защебетали въ темныхъ кипарисахъ. Была осень. Въ лѣсу желтые, красные и кое-гдѣ еще зеленые листья деревъ окрасились золотистымъ отбѣскомъ восходящаго солнца. На горѣ, вправо отъ дома, зашевелилась пестрая отара. Чобаны подымались съ ночлега; костеръ, разведенный ими съ вечера, едва дымился. Слышалось блеяніе овецъ и сердитый лай сторожевой собаки.

Но Луна не обращала вниманіе на окружавшіе предметы. Она была занята своими мыслями.

„Ей теперь будетъ лучше, думала она, надо давать лѣкарство какъ можно аккуратное и беречь ее. Я одна, одна, спасу ее, безъ посторонней помощи, безъ доктора.“

И на лицѣ ея показалась самодовольная улыбка; она гордо подняла голову.

„Наконецъ и я что-нибудь да сдѣлала!“ продолжала она: „я была полезна моей блѣдной матери и буду ей полезна всю жизнь. Кто безъ меня поддержалъ бы ея слабое существованіе? Кто доставилъ бы ей всѣ необходимыя удобства? Кто сталь бы такъ нѣжить ее, какъ я? Вѣдь я нужна и Зою. Кто окончитъ ея воспитаніе? Мать не имѣетъ силы учить ее сама всему, а для того чтобы нанять гувернантку, у насъ нѣтъ состоянія. Матап говоритъ, что надо выйдти замужъ,

что назначеніе женщины быть матерью; но развѣ любовью мужчины можетъ дать счастье женщинѣ, особенно маѣ? Когда отецъ мой, благородный отецъ, прибавила она со вздохомъ, умный, образованный человекъ, съ теплымъ сердцемъ, не сумѣлъ оцѣнить моей кроткой матери, не могъ понять ея любящаго сердца, кто же оцѣнить меня? Я скорѣе брошусь въ море съ перваго утеса чѣмъ заключу себя въ тѣсный и душный кругъ супружеской жизни.“

И Лина опять склонила свою гордую голову къ зеленой колонокѣ. Листья пающа смѣшались съ ея волосами. Она была чудно хороша въ эту минуту! Глаза ея нѣсколько минутъ блуждали безъ цѣли. Утренняя свѣжесть охватила ее. Она вздрогнула, еще разъ посмотрѣла въ дадь и вернулась въ комнату.

Въ гостиной, на диванѣ, совсѣмъ одѣтая, спала Зоя. Длинные косы ея свѣсилась почти до полу. Магдалина прошла мимо ея и тихонько отворила дверь къ матери. Большая отдышалась покойно.

Успокоенная этимъ, Лина сѣла въ кресло, взяла книгу и начала читать. Но книга скоро выпала у нея изъ рукъ и тихо скатилась на коверъ. Магдалина уснула. Солнце взошло и, врываясь яркими лучами своими сквозь щели оконныхъ занавѣсокъ, играло на блѣдномъ лицѣ спящей дѣвушки. Она не чувствовала этого; она не чувствовала также, какъ проснулась ея мать и съ какою любовью смотрѣла на свою милую Лину. Тяжело и грустно было бѣдной матери глядѣть на это прекрасное, молодое существо, такъ богато развившееся въ полномъ цвѣтѣ красоты и здоровья, лишенное всѣхъ удовольствій, которыя такъ свойственны молодости. вмѣсто жизни веселой и беззаботной, ея Лина обрекла себя на трудъ не по лѣтамъ и, быть-можетъ, не по силамъ.

Долго смотрѣла она на дочь, и мысли какъ-то неволью унесли ее далеко, въ ея прошлую жизнь, къ невозвратимому прошедшему. Ей представилось время, когда она была еще сама молода и прекрасна; вспомнила она, какъ вышла изъ института и пріѣхала съ матерью въ Крымъ съ цѣлью пользоваться морскими купаньями; какъ она встрѣтила здѣсь молодого доктора, Француза, умнаго, красиваго, и полюбила его со всею горячностью невинной, молодой души. Она припоминала счастливые годы своего супружества, а потомъ наступившее разочарованіе, первая слезы, измѣну мужа,

ласки и улыбку старшей дочери, которая отдыхала теперь протисъ нея послѣ нѣсколькихъ безсонныхъ ночей и дней, проведенныхъ въ заботѣ и трудахъ!

Все прошлое промелькнуло въ воспоминаніи бѣдной Елены Сергѣевны, и на глазахъ ея навернулись горячія слезы.

Мужъ Елены Сергѣевны, Эрнестъ Жербе, былъ человѣкъ весьма не глупый и хорошо образованный, но легкій и измѣнчивый, какъ Французъ. Онъ пріѣхалъ, въ качествѣ медика, въ Россію, надѣясь сдѣлать себѣ здѣсь карьеру, влюбился въ Елену Сергѣевну, и зная что она имѣетъ порядочное состояніе, женился на ней. Женившись, онъ пересталъ заниматься медициной и лѣчилъ только свое семейство.

Жена ему скоро наскучила; онъ не старался скрывать отъ нея этого. Замѣчая на глазахъ ея слезы, онъ сердился, и часто бывалъ съ нею даже грубъ въ обращеніи.

Купивъ клочокъ земли на южномъ берегу Крыма, онъ засадилъ его виноградникомъ, развелъ небольшой фруктовой садъ, построилъ хорошенькій домикъ, мебелировалъ его со вкусомъ, окружилъ цвѣтниками, оранжереями и разными затѣями, находя въ этомъ занятіи для себя развлеченіе. Но и это скоро надоѣло ему. Ему нужна была жизнь въ большомъ обществѣ и удовольствія свѣта. Чтобы пользоваться ими, онъ сталъ часто ѣздить то въ Петербургъ, то въ Одессу. Ведя разсѣянную жизнь, Жербе промоталъ все состояніе жены, и потомъ дѣлалъ долги, чтобы только весело пожить.

Во время осады Севастополя, онъ поступилъ на службу медикомъ, трудился усердно, и еще до окончанія войны, умеръ отъ тифозной горячки. Послѣ его смерти, женѣ и двумъ дочерямъ его осталось только небольшое имѣніе въ Крыму и порядочное количество долговъ.

Елена Сергѣевна не переставала горячо любить мужа, несмотря на его пустую и вѣтрную жизнь, на его дурное съ нею обращеніе. Его смерть сильно потрясла уже и безъ того разстроенное здоровье ея. А тутъ еще она узнала, что все ея состояніе исчезло, что мужъ оставилъ ей только долги.

Она продала всѣ свои брилліанты и драгоценности, которые ей достались отъ матери, но этого было недостаточно для уплаты даже и части долговъ мужа.

Магдалинѣ уже было восемнадцать лѣтъ, когда умеръ отецъ ея. Она сейчасъ же хотѣла искать мѣсто гувернантки

съ тѣмъ, чтобы жалованьемъ своимъ уплачивать долгъ отца, и уже твердо рѣшилась было на это; но слезы и мольбы матери поколебали ее и заставили отказаться отъ такого намѣренія; за то она уговорила мать отпустить всю женскую и даже лишнюю мужскую прислугу и оставить только старую Марю, которая нянчила всѣхъ дѣтей Елены Сергѣевны, да еще старика садовника, добросовѣстнаго и трудолюбиваго Нвнца.

Елена Сергѣевна покорилась желанію дочери, но она съ грустью видѣла, какъ много приходилось Магдалинѣ трудиться и работать. Она часто помогала Марѣ въ ея занятіяхъ на кухнѣ, присматривала за всѣми работами въ виноградникѣ и обо всемъ въ домѣ должна была заботиться сама. Елена Сергѣевна понимала необходимость всего этого, и страдала тѣмъ болѣе, что ея слабое здоровье не позволяло ей ни въ чемъ помогать дочери. Она чувствовала однако, какъ нужна была она своимъ дѣтямъ если не трудами, не матеріальною помощью, то любовью своею и тѣми нѣжными заботами о нихъ, какими только мать можетъ окружать дѣтей своихъ. И потому она еще болѣе берегла себя. Она знала, что Магдалина, при сильной волѣ и энергіи своего характера, была еще слишкомъ молода, и нуждалась въ нравственной опорѣ матери. Какъ испугалась бѣдная Елена Сергѣевна, когда, вслѣдствіе легкой простуды, она опасно занемогла, и съ какимъ умиленіемъ благодарила она теперь Создателя и молила Его подкрѣпить ея хрупкое существованіе, необходимое для дѣтей ея. Вблизи не было доктора, и самъ Богъ внушилъ ея дочери мысль дѣлать мать по книгамъ, оставшимся отъ отца. Но Елену Сергѣевну также сильно беспокоили самонадѣянность и рѣшимость характера Магдалины. Молодая дѣвушка слишкомъ много брала на себя, слишкомъ надѣялась на свои силы. Ея стремленію къ дѣятельности, ея желанію приносить пользу не было предѣловъ; она лишала себя всѣхъ удобствъ, всякаго удовольствія; совершенно забывала о себѣ; готова была трудиться и физически и морально до крайняго изнеможенія.

Первымъ учителемъ Магдалины была мать ея; но въ послѣдніе годы своей жизни, Жербе сталъ самъ, когда только бывалъ дома, заниматься старшею дочерью. Образованный во французской псевдо-классической школѣ, онъ былъ страстнымъ поклонникомъ древности, и свое поклоненіе полубогамъ

и героямъ Греціи и Рима старался внушить и своей дочери. Онъ давалъ ей читать древнихъ историковъ и поэтовъ, развивалъ въ ней вкусъ ко всему классическому, принимая это слово въ томъ значеніи, какое придаютъ ему Французы, и успѣлъ внушить дѣвущкѣ любовь ко всемъ Леонидамъ и Курціямъ. Молодая Дана восхищалась поступкомъ Лукреціи и превозносила самоубійства Катона и Брута, хотѣла подражать въ храбрости амазонкамъ, въ твердости женамъ Спарты и т. п. Нужно замѣтить, что Жербо, сдѣлавшись равнодушнымъ къ женѣ, не переставалъ любить дѣтей и былъ для нихъ добрымъ отцомъ и заботливымъ на сколько позволяло свойство его легкаго характера.

Магдалина любила мать свою, но какою-то снисходительною любовью, болѣе близкою къ чувству состраданія, и тому участію, какое мы обыкновенно принимаемъ въ существахъ слабыхъ. Магдалина заботилась о ней, ухаживала за нею, какъ ухаживала бы мать за слабымъ ребенкомъ своимъ; но она не уважала ни мѣтніи матери, ни ея взглядовъ на жизнь, и ни въ чемъ не хотѣла походить на нея, ни въ чемъ не старалась подражать ей; она скрывала отъ нея свои мысли и желанія, и никогда почти не была съ нею откровенна.

Отца она любила можетъ-быть и менѣе, часто бывала имъ недовольна, особенно, когда онъ грубо обходился съ матерью; но ей было съ нимъ весело, она любила говорить съ нимъ, любила слушать его. Она принимала его за ученаго и глубокомысленнаго человѣка, уважала въ немъ его образованность и свято вѣрила въ его умъ.

Особенно восхищалась она отцомъ и видѣла великій подвигъ самоотверженія съ его стороны, когда онъ вступилъ въ службу во время войны, и потомъ умеръ отъ заразной болѣзни, спасая другихъ. Такая смерть заставила ее забыть обо всѣхъ недостаткахъ отца и свято чтить его память.

Еще при жизни отца, у Магдалины зародились стремленія стать чѣмъ-то особеннымъ, не походить на прочихъ женщинъ, и жить не такъ какъ большая часть ихъ живетъ. Но при первомъ столкновеніи съ жизнью, она увидѣла, что поле дѣятельности, созданной ея воображеніемъ, для женщины закрыто, что общество рѣзко ограничило полетъ ея стремленій тѣмъ положеніемъ, какое оно создало для женщины; и потому Магдалина, увидѣвъ, что не можетъ достигнуть той

цѣли, которую себѣ предполагала, стала считать свое существованіе бесполезнымъ, жизнь свою не нужною ни для кого; ею овладѣла апатія; она желала и даже искала смерти.

Купаясь въ морѣ и плывая очень искусно, она часто уплывала далеко отъ берега съ рѣшительнымъ намѣреніемъ не возвратиться. Но ей тогда неволью представлялся образъ ея кроткой матери, и она возвращалась къ берегу, утомленная и грустная.

Жербье любилъ женщинъ, какъ любятъ ихъ большая часть Французовъ. Онъ служилъ ему потѣхой и игрушкой въ жизни, но онъ не уважалъ ни одной.

Часто выражалъ онъ предъ Магдалиной сожалѣніе, что она не родилась мужчиной. Это сожалѣніе, это неуваженіе къ женщинамъ и легкость сужденій о нихъ отца сильно дѣйствовали на впечатлительную душу молодой дѣвушки. Она какъ бы стыдилась своего пола, и утѣшала себя только тѣмъ, что она никогда не войдетъ въ обыкновенную колею, что она изберетъ для себя иную долю, иной родъ жизни, жизни дѣятельной и полезной, подобно жизни мужчины.

Отецъ часто повторялъ, что женщины существа слабыя и ничтожныя, что онъ способенъ нравиться мужчинамъ только своею красотой, что цѣль женщины служить забавой для мужчины. И хотя слова эти глубоко возмущали Магдалину, но она не могла не повѣрить имъ, видя, что ее мать, при всемъ своемъ умѣ и образованіи, не умѣла внушить мужу уваженія къ себѣ и служила только предметомъ для его напѣшекъ, была мебелью въ домѣ, какъ Жербье называлъ жену.

Эти рѣзкія сужденія заставили Магдалину удалиться отъ мужчинъ; она рѣшилась никогда не выходить замужъ, не желая быть ни въ чьемъ домѣ мебелью.

Отецъ говорилъ ей часто въ утѣшеніе, что если ужъ природа и создала ее женщиною, то она должна сдѣлаться женщиною Спартаккой, и съ этимъ намѣреніемъ онъ, при воспитаніи дочери, обратилъ особенное вниманіе на развитіе ея физическихъ силъ, училъ ее безстрашно скакать на конѣ, стрѣлять изъ пистолета, прыгать черезъ пропасти и т. п.

Елена Сергѣевна съ ужасомъ глядѣла на все это, но она не имѣла никакого голоса въ домѣ мужа, и потому, скрывъ сердце, молчала.

По смерти отца, Магдалина сама оставила все это без-

полезныя упражненія, занявшись хозяйствомъ, въ ожиданіи поприща болѣе обширнаго для ея дѣятельности.

Пытливый умъ Магдалины постоянно работалъ. Все прочитанное она хотѣла сначала переработать собственною мыслию, провѣрить на самой себѣ и всегда долго обдумывала, сомнѣвалась, мучилась, прежде нежели усвоивала себѣ какое-либо новое убѣжденіе.

Постоянная забота ея заключалась въ томъ, чтобы становиться лучше и совершеннѣе. Она безпрестанно порицала себя, хотя ея самолюбіе и твердило ей, что она лучше другихъ женщинъ. Магдалина не прощала себѣ ни одной ошибки, ни одного лишняго слова и постоянно наблюдала за собою. Мать Магдалины, женщина любящая и религіозная, старалась и дочери внушить любовь къ Богу. Но религіозность жены всегда служила для Жербые только поводомъ къ насмѣшкамъ надъ нею; вслѣдствіе этого, мысли Магдалины перепутались: она не вѣрила ни отцу, ни матери, добивалась истины, хотѣла дойти до нея собственнымъ размышленіемъ, много читала, много думала и, обуреваемая сомнѣніями, глубоко страдала въ своихъ тщетныхъ попыткахъ. За отца говорилъ ея умъ, а за мать сердце.

Съ какимъ жаромъ ухватилась Магдалина за мысль—трудиться, приносить пользу, занять въ домѣ мѣсто отца и плодами трудовъ своихъ загладить его вину, передъ женою и меньшою дочерью!

Магдалина глубоко огорчалась, когда Елена Сергѣевна выражала опасенія насчетъ ея здоровья, замѣчая иногда усталость на лицѣ дочери. Въ такихъ случаяхъ Магдалина всегда старалась скрывать отъ матери свое утомленіе или нездоровье. Но Еленѣ Сергѣевнѣ большѣе всего было видѣть то, что ея дочь не понимаетъ, какъ она сама дорога для матери. Ея скрытность, ея отдаленіе отъ матери глубоко огорчали бѣдную Елену Сергѣевну.

Въ самомъ дѣлѣ между матерью и дочерью замѣтна была какая-то холодность, которая мучила Елену Сергѣевну и была тяжела для самой Магдалины. Мать часто боялась приласкать дочь свою, не зная, какъ она это приметъ.

Солнце взошло высоко надъ домомъ, когда Магдалина открыла глаза и встрѣтила кроткую улыбку матери. Въ это время въ комнату вошла Зоя. Она протирала свои сонные глазки, по лицу ея катились слезы. Увидѣвъ, что мать улыбается,

дѣвочка съ грозкими рыданіями бросилась къ ней и, вскрипывая, стала разказывать, какъ ей приснилось, что мать умерла.

— Не плачь, Зоя! Ты видишь, мама улыбается; ей лучше; ты ее безпокоишь, замѣтила Магдалина.

— Нѣтъ, нѣтъ, Линочка, ничего, слабымъ голосомъ сказала Елена Сергѣевна.— Не надо плакать, моя милая малютка! продолжала больная, глядя головку дѣвочки.— Я не покину васъ, я такъ горячо молилась во время всей моей болѣзни, и Богъ услышалъ мои молитвы. Онъ видитъ, какъ мы всѣ трое нужны другъ другу. Онъ не разлучитъ насъ, Онъ внушилъ сестрѣ твоей мысль взяться самой помочь мнѣ и укрѣпилъ ея руку.

— Теперь ты будешь здорова, я увѣрена, сказала Магдалина, которая не видѣла вліянія особенной помощи Божіей въ томъ, что она помогла матери. Она вѣрила въ свою собственную силу, въ свое твердое намѣреніе помочь матери.— Я буду давать тебѣ, милая мама, продолжала она,— то самое лѣкарство, о которомъ сказано въ книгѣ. Я нашла это лѣкарство въ аптекѣ отца. Если сегодня тебѣ будетъ еще не хорошо, то я знаю что дѣлать. Не дѣлаи черезъ двѣ ты начнешь ходить, я увѣрена.

— Я также увѣрена, что Богъ не оставитъ насъ, отвѣчала Елена Сергѣевна.

И она не ошиблась. При слабой помощи Магдалины, она начинала оправляться и скоро подвигалась съ постели.

II.

Зима прошла тихо и однообразно въ уединенномъ домицѣ Жербы. Елена Сергѣевна все время не выходила изъ комнаты. Магдалина дѣлала свои заботы между хозяйственными обязанностями и уроками сестры; при этомъ она успѣвала помогать Марѣ на кухнѣ, и вмѣстѣ съ Зоей ухаживать за ихъ маленькою оранжереей, устроенною покойнымъ отцомъ.

По вечерамъ Зоя читала вслухъ, Магдалина шила, слабая Елена Сергѣевна вязала, и такъ проходили у нихъ дни за днями, и наступила наконецъ цвѣтущая весна, а съ нею возстановилось вполнѣ здоровье Елены Сергѣевны и возвратилась веселость ея дочерей. Даже Магдалина нерѣдко шутила и смѣялась, довольная и счастливая сознаниемъ, что

безъ нея, безъ ея помощи не поправилась бы мать ея, и садъ ихъ не находился бы въ такомъ порядкѣ и не обѣщала бы привести хорошій доходъ, какъ теперь.

Зоя менѣе училась весной; она много гуляла, бѣгала по горамъ, собирая полевые цвѣты и наполняя ими комнаты матери и сестры.

Въ одинъ вечеръ, Магдалина пѣшкомъ возвращалась домой отъ одной своей старой сосѣдки и спускалась довольно быстро по узкой крутой тропинкѣ среди лѣса.

Замѣтивъ на скатѣ горы распутившійся кустъ вероники, она своротила въ чащу надъ дорожкой. Трескъ сухихъ вѣтвей заставилъ ее поднять голову.

На тропинкѣ стоялъ мужчина, лѣтъ двадцати шести, въ сѣрой блузѣ и соломенной шляпѣ. Черная италіянская борода и усы придавали его молодому, красивому, но блѣдному лицу, довольно серіозный видъ. Онъ держалъ подъ устцы лошадь. Магдалина сорвала цвѣты и хотѣла идти далѣе; но незнакомецъ снялъ шляпу и подойдя къ ней спросилъ:

— Вы, вѣроятно, здѣшняя жительница; позвольте спросить, куда выходитъ эта тропинка? Я попалъ въ такую чащу, что долженъ былъ сойти съ лошади и не знаю теперь какъ спуститься къ морю.

Магдалина внимательно посмотрѣла на него.

— Это, кажется, совсѣмъ не трудно, отвѣчала она, — море у васъ передъ глазами, а вы спрашиваете какъ до него дойти.

— Да, я вижу его; но признаюсь, не знаю какъ до него добраться. Тамъ, вправо, я нашелъ тропинку, которая вывела меня къ такому крутому обрыву, что я одинъ еще сумѣлъ бы спуститься, но съ лошадью не рѣшился.

Магдалина засмѣялась.

— Вы вѣрно здѣсь недавно и не привыкли къ нашимъ горамъ. Не угодно ли вамъ идти за мною, я вамъ укажу дорогу къ морю.

Она молча пошла впередъ. Незнакомецъ послѣдовалъ за нею и безпрестанно зацѣплялся за колючіе кустарники.

— Нужно много искусства, чтобы ходить здѣсь по горамъ, заговорилъ онъ, — безпрестанныя преграды, я сегодня исколody себѣ всѣ руки и изодралъ платье.

Магдалина взглянула на своего спутника и въ самомъ дѣлѣ замѣтила, что лицо и руки его были во многихъ мѣстахъ ццарапаны, блуза порвана.

— Какъ видно, смѣясь сказала она,—прогулка не обошлась вамъ даромъ; впередъ берите провожатаго.

— Лучше быть издарапаннымъ нежели ѣздить съ челоуѣкомъ, который не-хотя, по обязанности только или за плату, будетъ повсюду слѣдовать за мною. Одна эта мысль уже отниметь у моей прогулки много удовольствія.

— Въ такомъ случаѣ не прогибывайтесь. Здѣсь не паркъ, а дикій лѣсъ. Дорожекъ у насъ не расчищаютъ и не посыпаютъ пескомъ. Кто хочетъ углубляться въ горы, не долженъ думать о своемъ платьѣ.

— Но какъ же вы ходите, скажите ради Бога! Я шелъ за вами нѣсколько минутъ, пока вы меня не замѣтили, и видѣлъ какъ ваше легкое платье не задѣло ни одного изъ этихъ ужасныхъ кустовъ, за которые моя грубая блуза цѣпляется безпрестанно. Или кустарники эти знаютъ своихъ и не смѣютъ ихъ трогать

— Кустарники наши со всѣми обращаются одинаково и большаго искусства не нужно, чтобы ходить по нашимъ лѣсамъ; нужна только привычка.

Она спустилась съ горы и вышла на поляну, прямо противъ домика Жербые.

Зоя увидѣвъ сестру, выбѣжала къ ней на встрѣчу, но замѣтивъ съ нею незнакомца, остановилась въ недоумѣннн.

— Теперь вы дойдете до моря безъ затрудненій, сказала Магдалина, указывая на дорогу.

Онъ поблагодарилъ ее, и повернувъ за стоявшнй тутъ раскидистый букъ, нѣсколько минутъ наблюдалъ за движеніями молодой дѣвушки, которая вмѣстѣ съ сестрой быстро вбѣгала на гору, къ дому.

— Кто это? спросила Зоя.

— Право не знаю. Кажется, не здѣшннй, потому что не знаетъ мѣстности. Я указала ему дорогу.

— И не спросила кто онъ? замѣтила Зоя.

— Я не такая любопытная, какъ моя сестрица, отвѣчала Магдалина, поднимаясь на лѣстницу.

III.

Нѣсколько дней спустя, къ балкону домика Жербые подѣхала щегольски одѣтая амазонка, въ сопровожденнн строй-

наго всадника. Изъ-подъ красивой, соломенной шляпки глядѣло свѣженькое, молодое личико съ свѣтлыми локонами.

Елена Сергѣевна хоть и радушно, но съ нѣкоторымъ удивленіемъ приняла гостей.

— Я Нилова, оказала молодая дама,—пріѣхала сюда дѣлаться, и сосѣдка ваша по дачѣ; а это братъ мой, прибавила она, указывая на своего спутника.—Мы позволили себѣ посѣтить васъ, потому что покойница матушка еще такъ не задолго до смерти говорила о васъ...—И при этомъ лицо молодой женщины подернулось грустію.

— Ваша матушка? повторила Елена Сергѣевна.

— Анна Николаевна Вельяминова! подхватила Нилова.

Жербѣе пришла въ восторгъ, услышавъ, что это дѣти подружки ея дѣтства.

— Ваше имя, моя милая! говорила она, беря молодую гостью за обѣ руки и цѣлуя ее.

— Надежда Петровна.

— А брата вашего?

— Валеріанъ Петровичъ.

Въ это время вбѣжала Зоя.

— Вотъ дочь моя, сказала Елена Сергѣевна,—полюбите ее, какъ ваша матушка любила меня.

Нилова расцѣловала дѣвочку.

— У васъ только одна дочь? спросила она, замѣчая, что братъ ея посматривалъ на дверь въ какомъ-то тревожномъ ожиданіи.

— Нѣтъ, у меня двѣ дочери, отвѣчала Елена Сергѣевна.—Старшая занята гдѣ-то по хозяйству; послѣ смерти отца она ведетъ хозяйство. Сама я слишкомъ слаба здоровьемъ.

— Вы надолго пріѣхали въ Крымъ? спросила Елена Сергѣевна.

— Думаю на все лѣто купаться и вѣтъ виноградъ, а брату здѣсь такъ понравилось, что онъ хочетъ совсѣмъ остаться....

— Надѣюсь, отвеслась къ Вельяминову Елена Сергѣевна,—что если вы останетесь въ Крыму, то вѣрно иногда будете навѣщать подружку вашей матери.

— Для меня это будетъ большимъ счастьемъ, если позволите: я никогда не расставаюсь съ родными, и мнѣ будетъ тяжело жить одному. Послѣ смерти матушки, я постоянно жилъ съ сестрой; но по окончаніи университетскаго курса,

здоровье мое такъ разстроилось, что мнѣ посоветовали жить гдѣ-нибудь на югѣ.

— А меня послали сюда купаться въ морѣ: я все хворала послѣ родовъ. Мужъ мой въ Москвѣ на службѣ, не могъ ѣхать со мной. При этихъ словахъ она вздохнула. — А такъ какъ Валерьяну тоже нужно было поправить свое здоровье, то насъ и послали вдвоемъ... то-есть, втроемъ, прибавила она съ самодовольною улыбкой. Со мною мой сынъ.

У дверей балкона показалась Магдалина. Она очень серьезно поклонилась незнакомымъ гостямъ.

— Вотъ моя старшая дочь, сказала Елена Сергѣевна.

Нилова подбѣжала къ дѣвушкамъ и дружески поцѣловала ее.

Магдалину нѣсколько удивила ласка незнакомки. Но мать успѣшила объяснить ей, что это дѣти подруги ея дѣтства, о которой она такъ часто разказывала дочерямъ.

— Вы не узнаете, кажется, моего брата? спросила Нилова.

Магдалина внимательно взглянула на Веньяминова и узнала въ немъ молодого человѣка, съ которымъ встрѣтилась не задолго передъ тѣмъ въ лѣсу.

— Я точно не узнала васъ, сказала дѣвушка.

— Я тогда былъ въ какомъ-то разбойничьемъ костюмѣ, замѣтилъ Веньяминовъ. — Весь изодранъ, израненъ; вы вѣрно испугались меня?

Лина отвѣчала только улыбкой, но въ разговоръ вмѣшалась Зоя.

— А я такъ немножко испугалась васъ.

— Чего жъ вы испугались? спросилъ ее Веньяминовъ.

— Да вы съ бородой и въ изорванной блузѣ были. Я думала, что вы какой-нибудь злой человѣкъ, но какъ рассмотрѣла ваше лицо, такъ вижу, что вы добрый.

— А у меня не злое лицо? спросила ее Надежда Петровна.

— О, нѣтъ! Ваше лицо такъ и говоритъ: „любите меня“.

— Такъ вы будете меня любить?

— Очень. Вѣдь, ваша матушка любила нашу маман.

— Итакъ, дружбу между нами скрѣпила Зоя, замѣтила Елена Сергѣевна. — Вы живете отъ насъ такъ недалеко, что я надѣюсь мы будемъ часто видѣться.

— Съ большимъ удовольствіемъ, если только вы позволите привозить къ вамъ моего сына. Я боюсь оставлять его одного съ няней. У васъ такъ хорошо, такъ много цвѣтовъ. Мой Деля будетъ здѣсь блаженствовать; онъ ужъ начинаетъ

ходить; я надѣюсь, что Зоя возьметъ его подъ свое покровительство.

— О, да! Онъ, вѣдь, вѣрно хорошевыій, похожъ на васъ?

— Вы постоянно живете въ этомъ прекрасномъ уголкѣ? спросилъ Веньяминовъ, обращаясь къ Магдалинѣ.

— Теперь постоянно, отвѣчала она.—Прежде, при жизни отца, мы чаще жили въ Одессѣ. Но со времени войны, мы не выѣзжаемъ отсюда.

— И вы не боитесь оставаться здѣсь? Говорятъ, во время войны всѣ жители, имѣвшіе возможность, уѣзжали изъ Крыма.

— Да, многіе уѣзжали; но мы полагали, что ведемъ, вѣдь, не съ дикими варварами войну, и потому оставались здѣсь.

— Но, скажите, вы не скучаете здѣсь, когда зимою все мертво, все покрывается снѣгомъ?

— Впервыѣхъ, снѣгу у насъ бываетъ мало. Да притомъ намъ и скучать некогда, всегда есть дѣло...

— Матушка ваша говорила, вы сами занимаетесь хозяйствомъ.

— Да, я дѣлаю по хозяйству чтò могу; но пока очень еще немного.

— Вѣрно много читаете, много ѣздите верхомъ.

— Отецъ оставилъ послѣ себя довольно хорошую библіотеку, а верхомъ я ѣзжу очень рѣдко.

— Ахъ, не желаете ли вы быть нашею спутницей? вступилась Нилова, которая, разговаривая съ Еленой Сергѣевной, вслушивалась въ разговоръ брата съ Магдалиною.—У насъ есть планы дѣлать прогулки верхомъ; я ужь достала себѣ лошадь. Матушка ваша такъ добра, что позволяетъ мнѣ привозить къ вамъ моего сына. Не правда ли, вы будете ѣздить съ нами?

— Когда будетъ можно, я охотно буду служить вамъ провожатымъ, прибавила она, смѣясь.

— Съ вами я буду гораздо смѣлѣе. Я большая трусиха, надо признаться откровенно. Мнѣ страшно ѣздить по крутымъ горамъ. Познакомившись покороче, я надѣюсь, мы будемъ друзьями, не правда ли?—И она протянула руку Магдалинѣ, которая ласково улыбнулась ей.

Старая Мареза, опрятно одѣтая, подала чай на балконъ. Зоя помогала ей.

Въ этомъ маленькомъ обществѣ всѣ разговаривали такъ дружно и весело, какъ давно знакомые.

— Намъ про васъ разказалъ одинъ здѣшній господинъ, начала Нилова, обращаясь къ Еленѣ Сергѣевнѣ.—Такой молодецкій, толстенъкій, большой говорунъ.

— Это вѣрно Камси! сказала съ улыбкою Магдалина.

— Это газета здѣшняя! подхватила Зоя.—Онъ обыкновенно вѣдѣть знакомитъ и можетъ, говорятъ, кого угодно женить и замужъ выдать.

— Онъ намъ разказалъ, продолжала Нилова,—еще про одного тоже хорошаго нашего знакомаго Сребринскаго, который прїѣхалъ сюда и непременно хочетъ быть у насъ и у васъ.

Старуха Жербье и Магдалина ничего на это не сказали.

— А кто это такой Сребринскій? спросила, съ любопытствомъ, Зоя.

— Одинъ, душечка, очень богатый женихъ, отвѣчала ей Нилова,—чрезвычайно гостеприимный, любитъ весело пожить, но больше всего въ мирѣ любитъ лошадей. Говорили, что когда умерла его жена, онъ съ горя легъ спать, а когда умерла его любимая лошадь, онъ плакалъ по ней и всю ночь не могъ уснуть.

— Ну, можетъ-быть, лошадь господина Сребринскаго была лучше его жены, замѣтила очень серьезно Лина.

— Очень можетъ-быть, сказали, смѣясь, Веньяминовъ.

— Ахъ! я забыла спросить у васъ, опять начала Нилова:— Не знаете ли вы, что за существо живетъ выше насъ на горѣ, въ домикѣ съ плоскою крышею?.. Онъ весь спрятался въ темной зелени, и скорѣе походитъ на орлиное гнѣздо чѣмъ на жилище человѣка. Какъ только подуетъ вѣтеръ съ горъ, мнѣ такъ и кажется, что домикъ этотъ слетитъ внизъ. Я вижу иногда, какъ движется около домика какая-то высокая фигура, нельзя разобрать муштина это или женщина. Лица я не могла разглядѣть. Она мнѣ почему-то напоминаетъ Мегъ Мерилисъ изъ романа Вальтеръ-Скотта. Такой у нея странный костюмъ.

— Женщина эта чрезвычайно заняла меня, хотя я съ нею говорилъ мало, вступился Веньяминовъ.—Ея костюмъ дѣйствительно странный, но живописный. Въ молодости она, должно-быть, была необыкновенная красавица.

— Братъ мой влюбился въ эту Мегъ Мерилисъ, замѣтила Нилова.

— Такъ она вамъ понравилась? съ живостію спросила Маг-

далина, ласково взглянувъ на Веньяминова.—Это замѣчательная женщина, хоть немного и странная....

— Я нѣсколько разъ замѣчалъ ее когда, рано утромъ, выходилъ на охоту. Она всегда сидитъ въ это время на утесѣ, передъ своимъ домикомъ, и пристально глядитъ на море. Я разъ подошелъ къ ней поближе, и слышалъ какъ она напѣвала какую-то пѣсню слабымъ, но еще пріятнымъ голосомъ. Она мнѣ показалась помѣшанною, такъ дикъ былъ ея взглядъ; но на дняхъ я встрѣтилъ ее въ деревнѣ. Я хотѣлъ попросить у Татарина, съ которымъ она говорила, огня; но съ трудомъ могъ объяснить ему свое желаніе. Замѣтивъ мое затрудненіе, она вынула изъ кармана спички и подала мнѣ. Мы разговорились, и я нашелъ въ ней не только не сумашедшую, но какъ мнѣ показалось, весьма умную и замѣчательно образованную женщину. Хотя она говорила по-русски очень хорошо; но по произношенію видно, что она иностранка. Я замѣтилъ ей это. Она отвѣчала, что живя съ Татарами, она и сама отатарилась.

— Она Италіянка, но живетъ въ Россіи уже давно, лѣтъ двадцать пять и болѣе, возразила Елена Сергѣевна:—я помню ее, когда она была удивительною красавицей. Теперь ей лѣтъ пятьдесятъ. Она много испытала въ жизни горя....

— Ну, сегодня братъ не будетъ спать всю ночь и, пожалуй, пойдетъ бродить ночью около дома этой таинственной героини, сказала Нилова.—Но намъ пора: мой Деля вѣрно соскучился. Такъ вы позволите намъ навѣщать васъ почаще, Елена Сергѣевна?

— Я бы хотѣла васъ очень, очень часто видѣть, милая Надежда Петровна! Вы такъ напоминаете мнѣ свою мать, ужь одно это привязываетъ меня къ вамъ.

— Въ память матери не называйте меня такъ, зовите меня просто Надей, мнѣ будетъ казаться, что я слышу ея голосъ.

— Привезите же мнѣ своего Делю, милая Наденька, сказала Елена Сергѣевна, цѣлуя Нилову.—Какъ я счастлива, что встрѣтила дѣтей моей бѣдной подруги, продолжала она, когда молодые люди скрылись изъ виду.—Какіе они оба милые и, должно-быть, добрые!

— А знаешь ли, Лина? прибавила Зоя, послѣ нѣкотораго молчанія:—я нахожу, что тебѣ другаго жениха не надо, какъ Веньяминовъ, и я много брата не хотѣла бы имѣть... Еслибы ты вышла за него замужъ, я бы очень любила его.

— Какія глупости ты говоришь, Зоя!.. Развѣ я тебѣ наскутила, что ты жениха мнѣ ищешь? съ упрекомъ отвѣчала Магдалина.

— Не говори такъ, Липочка! А то я буду плакать. Но вѣдь надо же тебѣ будетъ выйти замужъ; а я хочу чтобы твой мужъ былъ хорошенькій и добрый. Веняминовъ очень красивъ, какіе у него прекрасные глаза! Я его все разглядывала, и все думала какъ бы было хорошо, еслибы ты вышла за него, Липа.

— Я только тогда выйду замужъ, когда мама и ты разлюбите меня, и я ни на что не буду нужна вамъ.

— Ты всегда такъ говоришь, Липочка! Какъ будто это можетъ быть!

— Ну, такъ не говори мнѣ о женихахъ. Не правда ли, малая мама, ты не хочешь удалить меня отъ себя? прибавила Магдалина, обращаясь къ матери.—Вѣдь ты, я знаю, не изъ тѣхъ матерей, которыя смотрятъ на дочерей какъ на товаръ и ждутъ только купца, чтобы сбыть ихъ.

— Я думаю, дитя мое, отвѣчала Елена Сергѣевна,—что каждая мать желаетъ только счастья своему дѣтямъ, и если желаетъ выдать дочь замужъ, то въ надеждѣ, что дочь будетъ счастлива. Я не думаю, что въ богатствѣ можетъ состоять все счастье, и всегда предпочту, чтобы дочь моя вышла за человѣка бѣднаго, но котораго бы она любила и который былъ бы достоинъ ея. Еслибы случилось, что ты вздумала бы выйти за богатаго, но не достойнаго тебя человѣка, я бы первая всѣми силами старалась отклонить тебя.

— А я не хочу выходить ни за богача, ни за бѣдняка, какъ бы онъ ни былъ меня достоинъ. Мнѣ хорошо у тебя, мнѣ хорошо жить такъ, какъ я живу теперь, и я только такъ могу быть счастлива. Не будемъ же говорить о женихахъ. И тебя, моя маленькая Зоя, прошу не искать мнѣ жениховъ между нашими старыми и новыми знакомыми.

Дня черезъ два г-жа Жербоѣ, при всей своей слабости, сѣла на смирную лошадку, и отправилась навѣстить своихъ новыхъ знакомыхъ. Она хотѣла имъ доказать, какъ пріятно ей видѣть дѣтей своей подруги. Послѣ обѣда Веняминовъ поѣхалъ провожать Елену Сергѣевну, и цѣлый вечеръ просидѣлъ у нихъ. Нилова встрѣтила брата вечеромъ и замѣтила, что онъ былъ какъ-то задумчивѣе обыкновеннаго. Онъ вообще все это время былъ очень разсѣянъ.

Прекрасное и умное лицо Магдалины произвело глубокое впечатлѣніе на Веньяминова. И чѣмъ чаще онъ видѣлъ ее, чѣмъ болѣе говорилъ съ нею, тѣмъ глубже западало чувство любви въ его еще чистое, не испорченное жизнью сердце. Надежда Петровна замѣчала это, и сама счастливая любовью мужа, хотѣла поскорѣе видѣть счастье горячо любимаго брата. Она ободряла его выборъ. Ей нравилась Магдалина, и она начала думать только о томъ, какъ бы поскорѣе породниться съ семействомъ Жербье. Она уже мечтала при этомъ, какъ упросить мужа купить въ Крыму небольшое имѣнье по сосѣдству, какъ заставить его перейти въ Крымъ на службу и какъ счастливо будутъ всѣ они жить, составляя одну дружную семью. Мечты эти очень улыбались Надеждѣ Петровнѣ, но ее постоянно беспокоило ровное и нѣсколько холодное обращеніе Магдалины съ Валерьяномъ Петровичемъ. Видѣлись они часто, почти каждый день. Елену Сергѣевну она полюбила какъ вторую мать, съ Магдалиной и Зоей обходилась какъ съ сестрами, хотя первой она какъ бы побаивалась, замѣчая въ ея характерѣ вѣчную сдержанность и нѣкоторую скрытность, что составляло совершенную противоположность съ самою Ниловой, вся душа которой была въ ея взглядѣ и словахъ. Она всеми силами старалась о сближеніи брата съ Магдалиной, и радовалась, когда Елена Сергѣевна требовала, чтобы Веньяминовъ называлъ дочерей ея просто по имени, какъ сестеръ. Она надѣялась, что такая короткость еще болѣе сблизитъ ихъ, но Магдалина или не замѣчала всѣхъ этихъ стараній Ниловой, или не хотѣла ничего замѣчать. Такъ прошло нѣсколько времени.

IV.

Солнце скрывалось еще въ синихъ волнахъ Чернаго Моря, только одна окраина неба на востокѣ покрылась огненною полосой. Ночь смѣнилась сумерками утра. Природа полудремала. Только слышалось тамъ и сямъ журчаніе горнаго ручейка, да море мѣрно и лѣживо плескалось о берегъ. Но вотъ вдали, надъ обрывистымъ сѣрымъ утесомъ, въ уединенномъ татарскомъ домикѣ, стоящемъ одиноко посреди печальныхъ кипарисовъ, взвился изъ трубы синій прозрачный дымокъ.

отворилась дверь и на порогъ показалась высокая фигура пожилой женщины, одѣтой въ платье полумужское, полуженское. Темная короткая блуза ея широкими складками спускалась немного ниже коленъ, широкіе татарскіе шаравары закрывали ея узкую, красивую ногу, черные, короткіе волосы, съ легкой сѣдиной, вились вокругъ головы. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она сѣла на камень, опустила голову на руку и тихимъ голосомъ запѣла свою утреннюю молитву. Голосъ ея не былъ свѣжъ и звученъ, какъ голосъ вылетающій изъ молодой груди, но онъ и не дребезжалъ, какъ разбитый голосъ старухи. Ея пѣснь болѣе напоминала тихія рыданія страждущей души.

Уже около получаса сидѣла она въ такомъ положеніи на камнѣ, и не замѣчала какъ вѣuvo отъ ея домика, по узкой тропинкѣ, проложенной между утесами и низкими кустарниками, быстро пробиралась молодая дѣвушка. Солнце поднялось надъ моремъ, заискрилось въ его синей глубинѣ и ярко освѣтило молившуюся женщину. Дѣвушка взбѣжала на утесъ. Молившаяся все еще не замѣчала ея. Душа ея унеслась далеко отъ земли. Взглядъ ея сіялъ такимъ огнемъ, какъ будто она видѣла предметы, ей одной доступные. Она можетъ-быть еще долго оставалась бы въ такомъ положеніи, еслибы подошедшая дѣвушка не сѣла подѣ нея и не склонивъ своей головы на ея колѣни. Молившаяся опустила обѣ руки на ея голову, какъ бы призывая на нее благословеніе небесъ и потомъ сказала:

— Какъ ты давно не была у меня! Я соскучилась по тебѣ, Луна.

— Я была занята все это время; некогда было.

— Знаю, что ты трудишься; да поможетъ тебѣ, Богъ. Здорова ли мать твоя? Я обо всѣхъ васъ соскучилась и давно собиралась къ вамъ, но у меня тоже было дѣло.

— Мать здорова и даже весела; Зоя прыгаетъ и поетъ. А мнѣ было грустно, что я васъ такъ давно не видала. Вѣдь недѣли три будетъ, какъ я не была у васъ.

— Да, должно-быть будетъ; я времени не считаю. Но тебѣ жарко, Луна, прибавила она, поднимая голову дѣвушки.

Они вошли въ довольно большую комнату, съ небольшими, но свѣтлыми окнами; полы были устланы тонкими цыновками, уже очень потертыми отъ времени; вокругъ стѣнъ стояли турецкіе диваны, покрытые дорогою матеріей, но такія

потертою и поднялаю. Подлѣ дивановъ стояло нѣсколько низенькихъ круглыхъ столиковъ изъ орѣховаго дерева, обдѣланнаго перламутромъ.

Тереза отворила дверь и вышла на небольшой дворикъ, обнесенный плетнемъ, который весь увить былъ цвѣтущимъ шиповникомъ. Здѣсь, подъ навѣсомъ, стояла пестрая корова и доѣдала принесенную ей траву. Около полудюжины собаченокъ, большею частію очень не красивыхъ, съ визгомъ и лаемъ бросались къ хозяйкѣ. Тереза собирала къ себѣ всѣхъ бездомныхъ, брошенныхъ животныхъ. Она налила въ большую чашку кислаго молока, покрошила туда хлѣба и поставила собакамъ, потомъ отвязала корову и, отпуская ее въ лѣсъ, сказала:

— Смотрите, синьора, возвращайтесь домой вечеромъ, а то я буду безъ ужина. Ну, теперь, Лунета, подумаемъ и о себѣ; ты вѣрно ушла изъ дому безъ завтрака. Я также еще ничего не ѣла. Возьми эти два хлѣбца, а я понесу молоко и орѣхи.

Онѣ вышли изъ дому и уѣхали на мягкую траву подъ орѣховымъ деревомъ.

За ними выбѣжало нѣсколько кошекъ съ котятами, также спасенныя Терезой отъ смерти или голода. Мяукаяемъ своимъ они просили ѣсть. Тереза всѣхъ ихъ надѣляла хлѣбомъ и молокомъ.

— А ты знаешь, что тамъ, подъ горой, у меня есть сосѣди: братъ съ сестрой, сказала старуха, раскалывая орѣхи.— Вчера я въ первый разъ встрѣтила ее; такая свѣженькая птичка. Я шла вонъ по той тропинкѣ, вечеромъ, а она возвращалась домой на лошади и посмотрѣла на меня своими свѣтленькими глазками.

— Да, мы съ ними уже знакомы, это дѣти подруги моей матери, отвѣчала Луна.— Они были у насъ, и мать ихъ очень полюбила и очень довольна, что познакомилась съ ними.

— Ну, а ты довольна ли своими новыми друзьями? спросила Тереза.

— Я не могу назвать ихъ друзьями, хотя и вижу ихъ каждый день. Мать даже пожелала, чтобы мы называли другъ друга, просто, по имени. Хотя, правду сказать, такая короткость мнѣ не слишкомъ нравится. Мнѣ каждый разъ бываетъ досадно, когда онъ скажетъ мнѣ—Магдалина.

Тереза улыбнулась и посмотрѣла прямо въ лицо молодой дѣвушкѣ.

— Ты очень строга. Можетъ-быть, онъ не случайно приѣхалъ сюда; можетъ-быть, это именно тотъ, кто назначенъ тебѣ свыше?

— Оставьте это, Тереза! Не сердите меня! Я не вѣрю всѣмъ этимъ предназначеніямъ. Я любить не хочу, тѣмъ болѣе я не люблю этого человѣка, съ которымъ меня такъ насильно сближаютъ и, кажется, уже помышляютъ о томъ, чтобы сдѣлать изъ меня мебель для его дома: отецъ мой иначе и не называлъ женъ!

Въ это время послышался лай собаки. Магдалина оглянулась. По дорогѣ, около плетня Терезинаго виноградника, шелъ Веньяминовъ, что-то насвистывая; за плечами его висѣло ружье; впереди бѣжала лягавая собака и лаяла на какой-то невидимый предметъ. Вдругъ она остановилась, стала прислушиваться и, перепрыгнувъ черезъ плетень, бросилась на гору. Веньяминовъ остановился.

Тереза и Лина пришли въ ужасъ, увидѣвъ, что собака понеслась за однимъ изъ котятъ, который, играя, забѣжалъ далеко отъ другихъ. Обѣ онѣ вскрикнули. Веньяминовъ, услышавъ крикъ ихъ, также перескочилъ черезъ плетень, и не зная въ чемъ дѣло, изъ всѣхъ силъ сталъ звать свою собаку и побѣжалъ за ней на гору. Тереза между тѣмъ успѣла спасти испуганнаго котенка и шла на встрѣчу охотнику.

— Что такое случилось? спрашивалъ онъ торопливо. — Не укусила ли кого-нибудь моя собака?

— Нѣтъ; но имѣла намѣреніе разорвать это маленькое животное, сказала Тереза, указывая на котенка, который вцѣпился въ нее когтями и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Она приняла его за зайца. Глупая собака! Простите, ради Бога! Я не стану болѣе брать ее съ собой.

— Научите ее не ошибаться впередъ. А пока зайдите ко мнѣ; вы совсѣмъ запыхались, такъ бѣжали на гору.

— Я услышалъ крикъ и вообразилъ, что собака моя бросилась на какого-нибудь ребенка, хотя она никогда этого не дѣлала: она смиренное и доброе животное.

— Но кровожадное. Однако идите сюда и посидите съ нами, пока пройдетъ ваша усталость.

Веньяминовъ пошелъ за Терезой, и, увидѣвъ Магдалину вскрикнулъ отъ удовольствія.

— Вотъ не ожидалъ я здѣсь встрѣтить васъ сегодня! И еще такъ рано! проговорилъ онъ съ замѣтною радостью.

— Я всегда прихожу рано къ Терезѣ Карловнѣ, отвѣчала Магдалина.

— Садитесь вотъ сюда! говорила Тереза, указывая Веньяминову на траву противъ себя:—здѣсь тѣнь, прохладно. Мы ужь не разъ видались съ вами. Я рада возобновить знакомство.

Веньяминовъ, сконфузившись, помѣстился не вдалекѣ отъ Магдалины.

— И вы живете здѣсь совсѣмъ однѣ и не боитесь? спросилъ онъ, обращаясь къ Терезѣ.

— Кого же бояться? Я окружена добрыми людьми. Да и кто тронетъ беззащитную старуху? Я, точно, живу одна, даже безъ слуги.

— Я бы, кажется, умеръ съ тоски въ такомъ одиночествѣ. Какъ не имѣть подаѣ себя живаго существа, съ которымъ бы можно было помѣняться словомъ?

— Вы молоды, и вамъ кажется это страннымъ; въ мои же годы одиночество не только не томительно, но отраднo, отвѣчала Тереза.—Притомъ же я всегда могу видѣть тѣхъ, кого желаю. У меня много друзей. Но еслибы мнѣ вздумалось совершенно удалиться отъ общества человѣческаго, я все-таки не осталась бы одна, безъ живыхъ существъ, прибавила она, улыбаясь:—у меня, какъ вы видите, есть кошки, есть собаки, корова; это, вѣдь, живыя существа, одаренныя чувствомъ. А эти кипарисы? развѣ они не живутъ, не чувствуютъ? Люди еще мало знаютъ о жизни растеній, какъ и о жизни вообще.

Веньяминовъ улыбнулся.

— Я допускаю, что и въ растеніяхъ есть жизнь, какъ она есть во всемъ, возразила Луна.—Но чтобы въ нихъ было чувство, это мудро предполагать.

— Ты очень ошибаешься! перебила ее Магдалина:—присмотришься-ка поближе къ природѣ, наблюдай, всмотришься въ жизнь цвѣтовъ, и ты увидишь, что они истинно живутъ, дышать и даже любить. Что такое по твоему благоуханіе цвѣтовъ, какъ не выраженіе ихъ чувства, ихъ любви?

— Однако нѣкоторыя растенія чрезвычайно неблаговожно выражаютъ любовь свою, напримѣръ лукъ и чеснокъ, смѣясь, сказалъ Веньяминовъ.

— Тереза вводитъ насъ въ міръ поэзіи, а вы напоминаете такую ужасную прозу! улыбаясь, замѣтила Луна.

— Вкусы вѣдь различны, возразила Тереза.— Спросите у Татаръ: они находятъ, что запахъ чеснока очень пріятенъ и ѣдятъ чеснокъ съ наслажденіемъ.

— Кстату о Татарахъ, подхватилъ Веньяминовъ: — я не встрѣчалъ между вами ни одного нищаго? Неужели между вами нѣтъ ихъ?

— Почти нѣтъ. Ихъ нельзя всѣхъ назвать богатыми, но за то нѣтъ и совершенно бѣдныхъ. О Татарахъ составилось вообще мнѣніе очень ошибочное, ихъ считаютъ лѣнивыми до крайности; но я знаю Татаръ хорошо, и никакъ не стану подтверждать это мнѣніе. Они не прихотливы, правда; довольствуются малымъ; любятъ повѣжиться, полежать въ свободное время, покуривая трубочку либо папироску. Но когда у Татарина работа на рукахъ, и притомъ работа прибыльная, онъ бываетъ очень дѣятелемъ и трудится охотно и много. Надо отдать Татарамъ справедливость также въ томъ, что они очень трезвы и честны: на Татарина, за немногими исключеніями, почти всегда можно положиться.

— Но главное, что нѣтъ нищихъ между вами, повторилъ опять Веньяминовъ. — Для меня бываетъ всегда возмутительно видѣть нищаго. Какъ-то совѣстно и за него и за себя, когда подаешь ему милостыню.

— Я совершенно съ вами согласна, замѣтила Лива.— Я повтому городъ не люблю, что тамъ встрѣчаешь на каждой почти улицѣ нищаго. Невольно приходитъ на мысль: чѣмъ лучше а этого несчастнаго? Тогда какъ я имѣю все что нужно, часто имѣю излишекъ; а онъ благодаритъ меня, когда я брошу ему ненужный мѣ грошъ.

— Между нищими есть много негодяевъ, отвѣчалъ Веньяминовъ,— нищенство входитъ имъ въ привычку. Но тѣмъ не менѣе, тяжело и больно ихъ видѣть.

— Но почему же люди допускаютъ такое униженіе человеческого достоинства въ себѣ подобныхъ? Какъ помочь этому? спросила Лива.— Зачѣмъ это страшное неравенство между людьми?

— Вопросъ о бѣдныхъ, Магдалина, жгучій вопросъ нашего времени. Для него ужъ отчасти сдѣлано кое-что; въ будущемъ ожидается еще болѣе.

— Но Боже мой! Все это идетъ такъ медленно. Страданія людей отъ бѣдности такъ страшны, ихъ такъ много еще оказала Магдалина.

— Устройство человеческих обществ — это такая сложная машина, надъ которою работами цѣлые вѣка и завѣщали свою работу новымъ посѣдующимъ вѣкамъ. Еще много нужно сыгрываться, пока этотъ сложный инструментъ станетъ издавать согласные звуки. Въ массѣ народа не только у насъ, но и вездѣ еще скудно разлито образованіе. Нужно возвысить земледѣльца и работника въ его собственныхъ глазахъ, нужно заставить его уважать самого себя и свое занятіе.

— Но когда же все это будетъ? опять спросила Лина:— вѣдь ждать такъ тяжело!

— Что же дѣлать! Наша Россія, можетъ-быть, одною изъ первыхъ выйдетъ на эту дорогу, несмотря на то, что еще такъ недавно сбросила съ себя пеленки и только что начинаетъ ходить. Силы наши еще свѣжи, молоды; мышцы наши крѣпки. Тотъ не достоинъ назваться Русскимъ, кто не вѣритъ въ мощь русскаго духа.

Веньяминовъ говорилъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ, какъ говорятъ вообще въ его годы. Магдалина устремила на него свои большіе, прекрасные глаза, и лицо ея также разгорѣлось румянцемъ. Она воображала, какъ и она приметъ участіе въ развитіи своей страны, какъ будетъ способствовать ея благу, какъ будетъ возбуждать энергію въ слабыхъ и нерѣшительныхъ, какая представится блестящая будущность для ея дѣятельной, сильной натуры.

— Все это такъ, заговорила вдругъ Тереза, которая со вниманіемъ слушала своего гостя.— Но пока люди не узнаютъ Бога, пока не полюбятъ его всею душою, не совершится и то о чемъ вы теперь говорите. Безъ Бога, безъ любви и вѣры въ него, не сокрушите вы ни пороковъ, ни предрасудковъ людей; ваши мыслители толкуютъ, что вѣра препятствуетъ проявленію истины и справедливости на землѣ? Но кто же вложилъ въ человѣка это постоянное стремленіе къ справедливости и къ истинѣ, какъ не Тотъ, кто самъ есть величайшая истина? Человѣкъ начинаетъ сознать Бога только тогда, когда ему становится тяжело, когда онъ чувствуетъ что ему нужна чья-то помощь, что самъ онъ не поможетъ себѣ. Но вселите ему эту вѣру съ дѣтства, положите ее въ основаніе образованія, и если вы хотите, чтобы Русскій народъ опередилъ другихъ въ совершенствованіи.... Человѣкъ, полный любви, говорить, сильнѣе Сам-

сома, и этою силой, силой самого Бога, надѣлите человѣка вмѣстѣ съ образованіемъ. Я знаю Русскихъ хорошо, хотя я сама и не Русская; въ нихъ болѣе суевѣрія чѣмъ вѣры. Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ. Эту-то любовь дайте народу, если хотите ему счастья.

Тереза замолчала и задумалась.

Долго сидѣли всѣ они молча. Каждый погруженъ былъ въ свои мысли. Магдалина заговорила первая; она повернулась къ Терезѣ, протянула ей руку и тихо прошептала.

— Благодарю васъ, Тереза, мнѣ тепло теперь. Отчего, не разберу сама.

Веньяминовъ не слышалъ словъ ея; но онъ видѣлъ ея оживленный взглядъ.

— Какъ поздно! сказала Тереза, взглянувъ на небо:—солнце ужь очень высоко, скоро полдень; а мнѣ нужно еще въ деревню. Идите, дѣти мои, съ Богомъ, прибавила она, и надѣла шляпку на голову Магдалины.

Веньяминовъ всталъ.

— Когда вамъ вздумается, приходите ко мнѣ, прибавила Тереза, обращаясь къ нему,—если не боитесь ооскучиться съ полоумною старухой.

И она протянула ему руку, которую тотъ почтительно поцѣловалъ.

— Вы мнѣ позволите проводить васъ до дому, Магдалина? спросилъ Валерьянъ Петровичъ.

Лина, или не слышала его вопроса, или не хотѣла на него отвѣтить, только она обратилась къ Терезѣ:

— Я приду къ вамъ скоро опять, сказала она.

— Приходи, я сама вскорѣ побываю у васъ.

Магдалина начала спускаться съ горы, оглядываясь и кивая головой Терезѣ, которая провожала ихъ глазами.

— Вы не разсердитесь, если я провожу васъ, Магдалина? Я спрашивалъ у васъ позволенія, но вы мнѣ не отвѣчали, и я принялъ ваше молчаніе за согласіе, сказалъ Веньяминовъ.

— Мнѣ казалось, что я вамъ отвѣчала, но какъ я запоздала сегодня! Меня давно ждутъ дома.

— А я все-таки хотѣлъ бы знать, продолжалъ Веньяминовъ:—какой отвѣтъ былъ въ вашихъ мысляхъ на мой вопросъ: согласіе, или нѣтъ?

— Почему же нѣтъ? Ваша сестра ужь вѣрно у насъ.

Они прошли нѣсколько минутъ молча.

Луна начала врать цвѣты, которые росли надъ дорогою.

Солнце перешло за полдень. Тишина знойнаго дня тяготѣла надъ землею; даже птицы замолкли въ кустахъ; горы покрылись прозрачнымъ паромъ; вдали все горѣло на солнцѣ; море, казалось, дремало подъ палящими лучами. Вокругъ все безмолвствовало; слышна была только однообразная трель кузнечиковъ, да кое-гдѣ, въ кустахъ, шелестъ змѣи или пестрой ящерицы.

— Теперь я совершенно понимаю, почему вы такъ любите Терезу, заговорилъ, наконецъ, Веньяминовъ.

— Ее всѣ любятъ, отвѣчала Луна. — Вы еще не знаете, сколько она дѣлаетъ добра. Она ходитъ по деревнямъ, несмотря ни на какую погоду и ходитъ иногда очень далеко, лѣчить больныхъ, просиживаетъ у нихъ по цѣлымъ ночамъ, и попеченіями своими многихъ спасаетъ отъ смерти. У кого неурожай, кто потеряетъ вола или корову, кто нуждается въ деньгахъ, она поможетъ всякому. Она получаетъ немного отъ своего сада, но для себя почти ничего не тратитъ, и питается одними плодами, молокомъ и хлѣбомъ. А еслибы вы видѣли ее во время войны! Она жила тогда въ городѣ, и цѣлые дни проводила около раненыхъ, напутствовала умирающихъ; мой отецъ умеръ на ея рукахъ. Рѣдкую ночь спала она спокойно во все это ужасное время.

— Жить такъ, какъ живетъ Тереза Карловна, замѣтилъ Веньяминовъ,—можетъ только тотъ, кому не для чего дорожить своею жизнію.

— Да для чего же такъ ужъ и беречь ее? Мнѣ кажется, только тогда человѣкъ и можетъ быть доволенъ собою и своимъ положеніемъ, когда онъ живетъ съ пользою для другихъ.

— Но заботясь о другихъ, не нужно забывать и о собственномъ счастьѣ: я не говорю теперь о Терезѣ Карловнѣ; вы сказали, что она всего лишилась, что было ей дорого; ея жизнь кончена, я говорю о людяхъ вообще. Хорошо жить для пользы ближняго, иначе человѣкъ былъ бы недостойнъ пользоваться благами природы, но душа человѣка проситъ жизни и для себя, хочетъ своего счастья. Мы вѣдь знаемъ, что на свѣтѣ много голодныхъ, и если мы отдадимъ весь хлѣбъ свой, не оставивъ себѣ ни крохи, то умремъ съ голоду. Что же тутъ хорошаго?

— А что же тутъ и дурнаго? Развѣ не отрадно умереть съ увѣренностію, что смерть наша принесла пользу другимъ?

— Жертвовать своею жизнью—можно и должно въ извѣстныхъ случаяхъ. Но человѣкъ при жизни можетъ принести гораздо болѣе добра и пользы, если только онъ этого пожелаетъ.

— Положимъ что такъ; но развѣ вы не удивляетесь, не благоговѣете предъ тѣми людьми, которые добровольно обрекали себя на смерть, для блага отечества на примѣръ?

— Оставимъ, ради Бога, разговоръ о смерти. Вы еще такъ молоды, такъ прекрасны, Магдалина! прибавилъ онъ съ увлеченіемъ:—это слово тяжело отъ васъ слышать.

Дѣвушка холодно взглянула на него.

— Что за малодушіе! возразила она.—Развѣ вы боитесь смерти, или вы суевѣрны?

— Ни то, ни другое. Но, ради Бога, оставимъ этотъ разговоръ.

— Какой вы нервный! возразила, съ насмѣшкой, Магдалина.

— Нѣтъ! нервы у меня крѣпки. Но нашъ разговоръ навелъ на меня невольную тоску. Мнѣ страшно стало,— за васъ, хотѣлъ онъ сказать, но не рѣшился и прибавилъ: — Жизнь такъ прекрасна! Посмотрите, какъ хорошо въ вашихъ горахъ! Здѣсь одна природа ужъ сколько наслажденій обѣщаетъ человѣку! Здѣсь не хочется умирать, и еслибы теперь вамъ вздумалось, Магдалина, потребовать, чтобъ я бросился съ этой скалы, такъ, для вашего удовольствія, какъ бы мнѣ ни было прискорбно лишиться васъ такой забавы, но я бы ни за что этого не сдѣлалъ, особенно сегодня. Я бы убѣждалъ какъ можно дальше отъ этой ужасной пропасти, чтобы даже нечаянно не поскользнуться и не упасть въ нее. Сегодня жить какъ-то особенно хорошо, прибавилъ онъ, глядя на дѣвушку.

— Не беспокойтесь! Идите смѣло. У меня не явится такой дикой фантазіи.

— А пожалѣли бы вы меня, Магдалина, спросилъ Веньяминовъ, послѣ нѣкотораго молчанія:—еслибы я вдругъ упалъ съ этой скалы и разбился?

— Я бы постаралась удержать васъ; у меня, я думаю, достало бы на то довольно силы, отвѣчала она съ улыбкой.

Веньяминовъ хотѣлъ что-то сказать, но удержался.

Они подходили къ дому. Зоя, завидѣвъ ихъ съ балкона, выскочила на встрѣчу сестрѣ.

— Какъ ты долго ходила, Линочка! Мама ужъ начинала беспокоиться.

— Да, я запоздала сегодня, заговорила съ Терезой. Вотъ я нарвала тебѣ цвѣтовъ дорогой, прибавила Луна, и подавая Зоя букетъ, она уронила одинъ цвѣтокъ.

Веньяминовъ поспѣшно поднялъ его и хотѣлъ спрятать. Зоя между тѣмъ убѣжала впередъ, чтобы скорѣе поставить въ воду немного поблекшій отъ жару букетъ.

Магдалина, замѣтивъ движеніе Веньяминова, сказала:

— Я люблю, чтобы всѣ вещи назначенныя мною для кого-нибудь, доходили по назначенію: эти цвѣты я нарвала для Зою, и вы не должны брать себѣ ни одного изъ нихъ.—И она взяла изъ рукъ его цвѣтокъ.

— Вы уронили его, Магдалина.

— Все равно.—И она смяла и бросила несчастный цвѣтокъ въ кусты.

Веньяминовъ замолчалъ; но досада замѣтно изобразилась на его лицѣ.

Пока Магдалина поднималась на гору, къ дому, онъ остановился и началъ рыться въ кустахъ; скоро нашелъ онъ бѣдный, поблекшій цвѣтокъ, спряталъ его и бѣгомъ догналъ Магдалину.

— Что вы такъ искали въ кустахъ? кричала ему Зоя, которая съ балкона все видѣла.

— Я обронилъ свой дорнетъ, отвѣчалъ, смѣясь, Веньяминовъ: — а у васъ зоркіе глазки, Зоя.

— Какъ же это вы его обронили, когда онъ виситъ у васъ на шеѣ?

Магдалина оглянулась.

— Ты не знаешь, чего Валерьянъ Петровичъ искалъ въ кустахъ? спросила ее Зоя.

Магдалина догадалась, чего искалъ тамъ Веньяминовъ, но не сказала ничего и подошла къ матери. Когда Магдалина вышла, чтобы переодѣться и заняться урокомъ Зою, Елена Сергѣевна разговорилась о своей старой знакомой, Терезѣ Карловнѣ.

— Я рада, что наша пріятельница такъ вамъ понравилась, сказала Елена Сергѣевна:—мнѣ всегда бываетъ больно, когда ее называютъ сумашедшею.

— Вы говорили, возразилъ Веньяминовъ,—что у Терезы Карловны было много горя въ жизни, что она много страдала, но она такъ еще добра, что этого вельзя и подумать.

— Да, она много, бѣдная, страдала, отвѣчала со вздохомъ Елена Сергѣевна:—она родомъ Италіанка, и принадлежитъ къ одной изъ извѣстныхъ, по своей гордости, аристократическихъ фамилій въ Италіи. Она полюбила молодаго человѣка, политическаго изгнанника. Онъ просилъ руки дѣвушки у ея родителей, но тѣ отказали ему даже отъ дому. Тереза бѣжала съ нимъ, и нѣкоторое время они еще оставались въ Италіи, надѣясь, что родные Терезы одумаются и простятъ ее, но напрасно. Молодые люди покинули Италію; они вели кочевую жизнь, прожили нѣкоторое время во Франціи, потомъ въ Швейцаріи, гдѣ пристаали къ какой-то религіозной или политической, не умѣю вамъ сказать, сектѣ, и оттуда Тереза вынесла всѣ свои идеи. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ страннической жизни, они вернулись опять въ Италію, надѣясь, что время успѣло укротить гнѣвъ родителей Терезы; но узнали, что мать ея умерла, проклявши дочь, а отецъ не хотѣлъ ихъ видѣть. Бѣдная женщина была глубоко потрясена такимъ ожесточеніемъ. Она заболѣла, мужъ опять увезъ ее изъ родины, и тогда-то они объѣхали почти всю Европу, жили нѣсколько лѣтъ внутри Россіи и, наконецъ, пріѣхали въ Крымъ, въ одно время съ моимъ мужемъ, который зналъ друга Терезы еще во Франціи. Имъ наскучила странническая жизнь; южный берегъ Крыма имъ очень понравился. Они пріобрѣли здѣсь участокъ земли, построили домикъ, въ которомъ она теперь живетъ, устроили его на восточный ладъ, стали учиться по-татарски, желая сблизиться съ жителями. Оба они были молоды, веселы и беззаботны, какъ птицы небесныя. Только иногда омрачалось лицо Терезы, когда заходила рѣчь о ея родныхъ. Дѣтей у нихъ не было, и они очень сожалѣли о томъ. Но и это желаніе ихъ исполнилось. Тереза родила сына. Вдругъ они получили изъ Италіи, отъ отца, письмо, въ которомъ старикъ объявлялъ имъ свое прощеніе, звалъ къ себѣ, желая благословить передъ смертью, и передать имъ все свое состояніе. Эта вѣсть пришла зимою; море было бурно, сухимъ путемъ также трудно было пуститься въ дорогу вмѣстѣ съ малюшкой. Они не знали на что рѣшиться, хотѣли отложить повѣзку до лѣта; но отецъ такъ настоятельно просилъ ихъ пріѣхать поскорѣе, чтобы застать его въ живыхъ, такъ раскаивался въ своемъ прежнемъ ожесточеніи, что они рѣшились ѣхать. Въ то время не ходили пароходы зимою, и они

отправились на купеческомъ суднѣ. Въ первую же ночь по ихъ отплытіи поднялась страшная буря, судно разбилось невдалекѣ отъ Илты. Мужъ Терезы погибъ въ водахъ, а она съ ребенкомъ была спасена. Когда она пришла въ себя и узнала о своемъ несчастіи, молоко бросилось ей въ голову и она сошла съ ума. Ребенокъ ея также заболѣлъ. Мужъ мой привезъ ихъ сюда и лѣчилъ обоихъ. Ребенокъ умеръ; при видѣ его мертвымъ, умъ Терезы возвратился; но у нея сдѣлалась горячка, и она долго была безъ всякой надежды на выздоровленіе. Но мужу моему удалось вырвать ее у смерти. По выздоровленіи она нѣсколько мѣсяцевъ не выходила изъ своего дома и никого не впускала къ себѣ; но потомъ мало-по-малу стала успокаиваться. Теперь она живетъ покойно, но живетъ исключительно для другихъ, въ ожиданіи смерти.

V.

Спустя нѣсколько дней, Нилова съ утра пріѣхала съ сыномъ своимъ къ г-жѣ Жербѣе, и вмѣстѣ съ Магдалиной сидѣла послѣ обѣда за рукодѣльемъ. Маленькій Леля игралъ на коврѣ у ихъ ногъ, а Елса Сергѣевна давала Зоѣ урокъ музыки.

У Надежды Петровны, кажется, было что-то такое на умѣ.

— Скажите Магдалина, вы никогда еще не были влюблены, спросила, наконецъ, она.

— Надѣюсь, что никогда и не буду, довольно холодно отвѣчала Лина.

Надежда Петровна подняла свою хорошенькую головку и пытливо посмотрѣла на дѣвушку.

— Отчего же это такое отвращеніе?

— Оттого отвѣчала Лина,—что мнѣ кажется любовь должна сдѣлать меня эгоисткой, а я этого не хочу.

— Ну, та снѣге, какой вздоръ вы говорите, эгоисткой! Напротивъ, кто любитъ и любимъ, тотъ счастливъ; а кто счастливъ, тотъ не можетъ быть эгоистомъ. Я стала гораздо добрѣе съ тѣхъ поръ, какъ полюбила.

— Не думаю, чтобы любовь сдѣлала меня счастливѣе и добрѣе. У васъ совсѣмъ другой характеръ.

— Характеръ тутъ ничего не значитъ.

— Можетъ-быть, я не знаю, можетъ-быть я и ошибаюсь; но только я совершенно увѣрена въ томъ, что любить я не буду и не хочу.

— Я не вѣрю; это вамъ такъ кажется.

— Можетъ-быть.

— Но еслибы васъ полюбилъ, напримѣръ, человекъ прекрасный, достойный васъ, и полюбилъ бы страстно, до безумія. Неужели вы бы не были тронуты такою любовью?

— Я постараюсь никому не внушить подобнаго чувства.

— Я тутъ ничего не понимаю! И еще менѣе понимаю, почему говорите вы, что можете сдѣлаться эгоисткой, полюбивъ кого-нибудь.

— Мнѣ такъ кажется. Я вамъ откровенно скажу, что я перестала бы уважать себя, еслибы позволила себя полюбить.

— Вотъ новость! Это ужъ изъ рукъ вонъ, вскричала Нилова, озираясь кругомъ, какъ будто ища разгадки словамъ Лины.

— У насъ совсѣмъ различный взглядъ на вещи, милая Надя! Отчего васъ такъ огорчаютъ мои слова? Намъ никогда не слѣдуетъ говорить объ этомъ.

— Ахъ, Лина, Лина! Какіе тутъ различные взгляды? сказала чуть не сквозь слезы Надежда Петровна.—А вы смотрите когда-нибудь въ зеркало? спросила она быстро.

— Всегда, когда одѣваюсь, отвѣчала Лина, смѣясь:—но что же изъ этого?

— Такъ вы должны бы знать, что вы удивительно хороши, и еслибъ я была мужчиной, я бы сошла съ ума отъ любви къ вамъ.

Лина расхохоталась.

— Слава Богу, что вы не мужчина, сказала она, вставая и поднимая съ полу маленькаго Лелю:—а прелестная маменька этого хорошенькаго ребенка.—И она посадила мальчика къ себѣ на колѣни, и начала забавлять его.

— Вы любите дѣтей? спросила опять Нилова.

— Да, очень.

— Но если вы не хотите любить, то вамъ никогда не будетъ знакомо чувство материнской любви.

— Я могу нѣжно любить не однихъ собственныхъ дѣтей, и при случаѣ могу быть полезною и чужимъ дѣтямъ.

— Я ужъ не первый разъ слышу отъ васъ это выраженіе: быть полезною; но развѣ женщина мать, жена—мало полезны?

— Я этого не говорю; но видите ли, милая Надя, для меня этого мало.

— Что же? Вамъ бы хотѣлось попасть въ какія-нибудь героиши исторіи. Вы хотѣли бы играть роль Іоанны д'Аркъ, или что-нибудь въ родѣ этого?

— Можетъ-быть, смѣясь отвѣчала Магдалина.

— Я васъ не понимаю, проговорила съ досадою Надя.

— А вотъ и бѣдный братъ мой! прибавила она потомъ вдругъ.

Молодая дѣвушка, услышавъ эти слова, вопросительно и очень серьезно взглянула на Нилову; а потомъ, посадивъ Лелю на полъ, пошла сказать матери, которая окончила урокъ съ Зоей, о прїѣздѣ Валерьяна Петровича.

— Чтѣ жъ ты не сходишь съ лошади? спрашивала Нилова брата.

— Я не смѣю войти; видишь я въ блузѣ.

Елена Сергѣевна вышла на балконъ и наклонилась къ периламъ.

— Идите же навверхъ, сказала она:—или вы намѣрены тамъ оставаться? Сейчасъ подадутъ чай.

— Я не такъ одѣтъ, Елена Сергѣевна, чтобы показаться въ вашемъ обществѣ. Я захвалъ только отдать этихъ двухъ зайцевъ.

— Благодарю васъ за вашихъ зайцевъ, но вы все-таки должны сойти съ лошади, и сами отдать ихъ Марѣ. Слѣзайте же скорѣе, съ друзьями не чинятся; притомъ же вамъ блуза очень къ лицу.

Веньяминовъ соскочилъ съ лошади и скоро явился на балконъ.

— Вы меня простите, что я явился въ такомъ костюмѣ, сказалъ онъ Магдалинѣ:—матушка ваша позволила.

— Я уже видѣла васъ въ этомъ нарядѣ, отвѣчала Лина, да еще, кажется, въ изорванномъ. Теперь, какъ видно, вы искуснѣе путешествуете въ горахъ?

— Я намѣренъ здѣсь поселиться и стараюсь быть ловче, учусь у Татаръ, которые, какъ козы, ходятъ по горамъ, не скользя и не зацѣпляясь. Я вамъ привезъ, Магдалина, букетъ незабудокъ, нарвалъ ихъ на той скалѣ, съ которой виденъ вашъ домикъ, какъ на ладони. Вы, кажется, говорили, что очень любите эти цвѣты.

— Благодарю васъ, они здѣсь рѣдкость, потому что растутъ только на высотахъ, а здѣсь, ближе къ берегу, ихъ нѣтъ.

Говоря это, Магдалина, взяла букетъ, и первымъ движеніемъ ея было—отнести его въ свою комнату; но вдругъ какая-то мысль промелькнула въ ея головкѣ, она отдала цвѣты стрѣ, и очень равнодушно сказала:

— Поставь ихъ, Зоя, мамѣ въ комнату; она любитъ ихъ.

— Я привезъ ихъ для васъ, тихо сказалъ Веньяминовъ.

— Я вамъ очень благодарна, холодно отвѣчала она.

Зоя вернулась на балконъ, уже безъ цвѣтовъ, и сказала:

— Я цвѣты поставила въ твою комнату, Лина; ты ихъ больше любишь нежели мама.

Магдалина показала видъ, что не слышала словъ сестры.

Облако грусти пронеслось, по веселому, до того, лицу Валерьяна Петровича; но онъ скоро оправился и старался быть разговорчивымъ и шутивымъ попрежнему.

— Знаешь, Надя, кого я сегодня встрѣтилъ, когда переѣзжалъ большую дорогу? Угадай!

— Зайца, вѣрно, отвѣчала Нилова.

— Зайца, пожалуй, но двуногого.

— Я здѣсь такихъ не знаю.

— Этого знаешь.

— Ну кого же, говори, произнесла ужь съ досадою Надежда Петровна.

— Эраста Ивановича Сребринскаго; онъ такъ мчался по большой дорогѣ, въ великолѣпномъ фаятонѣ, что чуть не сблизъ съ ногою мою лошадь. Онъ узналъ меня, остановился, наговорилъ кучу любезностей, сказалъ, что узналъ о твоёмъ приѣздѣ, и давно хотѣлъ быть у тебя.

— Что жь, онъ все такой же или похорошѣлъ?

— Онъ не дурень и попрежнему смотритъ добрымъ малымъ. Онъ говорилъ мнѣ что-то слышкомъ много, да я спѣшилъ на охоту и не очень вслушивался.

— Когда же онъ къ намъ пожалуетъ? Я бы хотѣла его видѣть.

— Онъ, кажется, сказалъ мнѣ когда, да я забылъ, право.

— Ахъ, какой же ты!

Въ это время разговоръ сдѣлался общимъ. Маленькій Леза задремалъ на колѣняхъ у матери, и она, легонько качая его, шутила и болтала безъ умолку.

— Кто это ѣдетъ? вскричала Зоя, выскакивая изъ-за стола, и подбѣгая къ периламъ:—это къ намъ. Одного-то я вѣдь хорошо знаю, вотъ его свѣренькій сюртучокъ, рыженькая лошадка и его шляпа; но съ нимъ еще два, одинъ ѣдетъ на чудесной вороной лошаdkѣ. Вотъ прелесть! посмотри, мама!—И дѣвочка взлѣзла на перила, чтобы лучше разсмотрѣть приѣзжихъ гостей.

— Ты шалишь, Зоя, сказала ей мать,—и перевернешься такъ внизъ головой. Но кто же это къ намъ ѣдетъ? По описанію Зои, одинъ долженъ быть Камси.

Веньяминовъ всталъ и подошелъ къ Зоѣ.

— Это Сребринскій! вскричалъ онъ.—Ну, Елена Сергѣевна, я не виноватъ; вы его не желали принять, а онъ, видно, услышалъ или почувствовалъ желаніе Зои и самъ явился.

Зоя соскочила съ перилъ и запрыгала на балконѣ.

— Именно, именно, я очень рада, очень рада! повторяла она, хлопая въ ладоши, а потомъ, подбѣжавъ къ матери, сказала:

— Я тебѣ принесу шаль, мама! Ты будешь нарядаѣе.

— Юнь на дворѣ, а ты хочешь, чтобъ я надѣла шаль.

— Нѣтъ, маман, этого богатаго господина надобно принять какъ можно приличнѣе, проговорила она, и подбѣжавъ къ Ниловой, поправила на ней воротничокъ, взглянула на сестру, и вѣрно осталась ею довольна, потому что ничего не поправила въ ея нарядѣ.

— Она насъ, какъ на смотръ всѣхъ готовить! смѣясь, замѣтила Нилова.—Что жъ вы не наряжаете сестру, Зоя?

— Она хороша во всякомъ нарядѣ, отвѣчала дѣвочка.

— А мною вы довольны, Зоя? спросилъ Веньяминовъ.

— Не совсѣмъ, вы въ блузѣ, но вы мущина; это ничего.

— Сребринскій большой поклонникъ прекраснаго пола. Смотрите, Лина, онъ влюбится въ васъ, замѣтила Нилова.

— Не думаю.

— А если?

— Я постараюсь, чтобы съ нимъ такого несчастья не случилось, смѣясь отвѣчала дѣвушка.

— Вѣдь, у него сто тысячъ годоваго дохода, говорятъ.

— Мнѣ, право, все равно.

Эрастъ Ивановичъ Сребринскій былъ средняго росту, съ рыжевато-русыми волосами, небольшими темносѣрыми глазами, которые глядѣли чрезвычайно добродушно. Онъ былъ хорошо сложенъ, довольно строенъ, но немного прихрамывалъ: у него была когда-то переломлена нога. Эрастъ Ивановичъ находилъ однако, что это прихрамыванье придавало ему еще болѣе интереса въ глазахъ женщины, напоминая физическій недостатокъ Байрона, котораго Эрастъ Ивановичъ, никогда не читалъ, но слышалъ о немъ. На видъ Сребринскому казалось лѣтъ не болѣе тридцати или тридцати двухъ, хотя онъ оканчивалъ свой четвертый десятокъ. Беззаботная

жизнь не старить людей; а у Эраста Ивановича только и было заботы, гдѣ бы весело провести вечеръ, гдѣ бы приволкнуться за хорошенькою женщиной; ну и въ этомъ, конечно, онъ большихъ затрудненій не встрѣчалъ. Одѣвался Эрастъ Ивановичъ всегда по модѣ, хотя немного пестро; на рукахъ его и на груди сіяли драгоценныя камни, и на часовой цѣпочкѣ болталась куча дорогихъ побрякушекъ, которыми онъ всегда игралъ, разговаривая съ дамами.

Взойдя на балконъ, въ сопровожденіи Эпаминонда Семистокловича Камси, онъ окинулъ глазами все общество, и замѣтивъ двухъ хорошенькихъ женщинъ, самодовольно улыбнулся и просилъ Камси представить его хозяйкѣ дома, что тотъ и исполнилъ съ особеннымъ удовольствіемъ и гордостью.

Послѣ первыхъ привѣтствій Эрастъ Ивановичъ обратился къ Ниловой.

— Я только что отъ васъ, Надежда Петровна, оказалъ онъ:—я уже нѣсколько разъ проѣзжалъ мимо вашей дачи спрашивалъ о васъ, но ни разу не имѣлъ счастья застать васъ дома. Можетъ-быть, вы не хотѣли принять меня; можетъ-быть, вдали отъ вашего мужа вы живете отшельницей.

— Нѣтъ, отшельничество не въ моемъ вкусѣ, отвѣчала Надежда Петровна:—я точно рѣдко бываю дома, почти цѣлые дни провожу здѣсь, у Елены Сергѣевны.

Серебрянскій обратился къ г-жѣ Жербье.

— Я давно готовилъ себѣ удовольствіе познакомиться съ вами, Елена Сергѣевна, и просилъ Эпаминонда Семистокловича показать мнѣ вашъ хорошенькій домикъ, но все еще не успѣлъ устроиться у себя, да и лошади, которыхъ мнѣ привели изъ Россіи, были утомлены дорогой, и трудно привыкаютъ здѣсь къ горамъ. Господинъ Камси былъ такъ любезенъ, что купилъ мнѣ здѣсь двухъ отличныхъ крымскихъ иноходцевъ.

— Вы все такой же страстный любитель лошадей? спросилъ Веньяминовъ:—У васъ въ Москвѣ, прошлую зиму, были первые рысаки.

— Да, рысаки мои были довольно хороши, отвѣчалъ Серебрянскій:—страсть эту я наслѣдовалъ отъ отца; его конюшня всегда служила образцомъ для всей губерніи. Покойная моя матушка говорила, что еще на рукахъ у кормилицы я кричалъ отъ радости, когда увижу, бывало, красиваго коня. Но

я и поплатился за свою страсть, я сломалъ себѣ ногу, когда еще былъ мальчишкою, и до сихъ поръ хромаю немного.

— И этимъ напоминаете Байрона, лукаво замѣтилъ Веньяминовъ.

Сребринскій скромно улыбулся.

— Я собственно, продолжалъ оны:—любю только кровныхъ лошадей; у меня есть англійскія и арабскія лошади, бѣгуны кабардинцы, маленькія шотландки, пони и все это pure sang; помѣсей я ненавижу.

— Какое это, должно-быть, пріятное зрѣлище! Хоть разъ бы въ жизни довелось мнѣ посмотрѣть на ваши табуны, Эрастъ Ивановичъ! сказалъ Камси, умильно поглядывая на Креза.

— Пріѣзжайте ко мнѣ, я буду очень радъ. Я покажу вамъ кстату всѣ свои новоустроенныя фабрики. Вы тоже, я слышала отъ Эпаміонда Θεμιστοκловича, занимаетесь хозяйствомъ? обратился онъ къ Магдалинѣ.

Она въ отвѣтъ кивнула ему молча головой.

— Это чрезвычайно развлекаетъ въ уединеніи. Мнѣ часто случалось проводить зиму въ деревнѣ, и я иногда бывалъ такъ занятъ, что цѣлый мѣсяцъ просиживалъ дома, не вида никого.

— Чтò жъ вы дѣлали? спросилъ его Веньяминовъ.

— Я устроилъ у себя фабрики на англійскій манеръ, выписалъ изъ-за границы много различныхъ машинъ, всѣмъ этимъ нужно было заняться, установить, дать ходъ. Выписанное изъ Англіи мнѣ обошлось очень дешево, и было доставлено такъ скоро. Теперь сообщенія чрезвычайно легки.

— Вы вѣрно уже нѣсколько разъ были за границей? спросила Елена Сергѣевна.

— Увы, нѣтъ!... Устройство моихъ имѣній, разныя домашнія обстоятельства не позволяли мнѣ удовлетворить моему давнишнему желанію. Но эту зиму я хочу начать свое странствованіе. Долго собираться теперь и припасать много денегъ не нужно; все такъ недорого. Удивительное изобрѣтеніе—пароходы и желѣзныя дороги! Изъ Одессы въ Крымъ прилетишь какъ на крыльяхъ. Я нахожу, что пароходы это такое же великое изобрѣтеніе какъ и книгопечатаніе.

— Почта также очень великое изобрѣтеніе, замѣтилъ Веньяминовъ весьма серіозно.

Зоя подошла къ Валерьяну Петровичу и шепнула ему на ухо.

— Скольکو великихъ открытій сдѣлалъ Сребринскій! Надо ему поставить памятникъ.

— Конечно, и почта великое изобрѣтеніе, продолжалъ Сребринскій:—не правда ли, вы это находите, Надежда Петровна? Вы вѣрно каждую почту получаете предлинная посылка отъ Платона Семеновича. Но какъ это мужъ вашъ рѣшился разстаться съ вами, я не понимаю; я бы на его мѣстѣ не былъ способенъ на такое самоотверженіе.

— Мнѣ было необходимо морское купанье; да притомъ въ августѣ мужъ мой самъ долженъ ко мнѣ пріѣхать.

— Онъ, вѣдь, и ревнивъ страшно, я знаю его. Впрочемъ это такъ понятно. А вы, я слышалъ, сдѣлались здѣсь отважною наѣздницей. Въ Москвѣ вы боялись ѣздить верхомъ; я нѣсколько разъ предлагалъ вамъ моихъ лошадей, но вы всегда отказывались.

— Здѣсь поневолѣ выучишься, отвѣчала Нилова.

— Позвольте хоть здѣсь въ такомъ случаѣ сопровождать васъ иногда въ вашихъ прогулкахъ, если мнѣ не удалось имѣть этого удовольствія въ Москвѣ. Позвольте предложить вамъ лошадь, у меня есть прекрасный пони.

— Благодарю за вниманіе, но у меня ужь есть крымская лошадка и очень смиренная.

— Вы вѣрно превосходно ѣздите верхомъ, спросилъ Сребринскій, обращаясь къ Магдалинѣ.—Вы мнѣ не откажете въ счастіи быть иногда вашимъ спутникомъ въ прогулкахъ? Здѣсь можно устроить очаровательную *partie de plaisir* въ горы куда-нибудь, гдѣ насъ будетъ ожидать чай и мороженое. Позвольте мнѣ, *m-le Жербье*, прислать вамъ своего вороняго иноходца, чудный шагъ. Не откажите мнѣ въ этомъ, *mesdames*. Крымъ какъ ни очарователенъ, но безъ дамскаго общества всюду мрачно и пусто.

— Я рѣдко ѣзжу верхомъ, отвѣчала Магдалина,—но у меня есть своя горская лошадь, выѣзженная моимъ отцомъ.

— Вы очень хорошо сдѣлаете, сказала Нилова,—если устроите прогулку въ горы, гдѣ можно будетъ напиться чаю, и Клавдія Ивановна вѣрно тоже будетъ съ нами?

— Сестра ужасная трусиха, но я надѣюсь на Эпаминонда Семистокловича, онъ уговоритъ ее, она къ нему не равнодушна.

— Клавдія Ивановна такъ милостивы ко всѣмъ, вступилась Камси.

— Да, да, а къ вамъ въ особенности, смѣясь, сказалъ Сребринскій.—Сестра не можетъ жить безъ общества, а пока она здѣсь еще мало съ кѣмъ знакома, такъ и прибрана къ себѣ Эпаминонда Фемистокловича. Вы мнѣ поможете, почтеннѣйшій уговорить ее сѣсть на лошадь. Я надѣюсь развеселить немного здѣшнее общество: всѣ живутъ здѣсь такими затворниками на своихъ дачахъ и вѣздятъ только купаться. Я въ восторгѣ Надежда Петровна, что вы позволили мнѣ надѣяться угостить васъ въ какомъ-нибудь поэтическомъ уголкѣ, въ горахъ, на берегу ручья, подъ навѣсомъ дикаго утеса, обросшаго мохомъ и окруженнаго вѣковыми деревьями, въ сосѣдствѣ лѣсныхъ духовъ,—не правда ли, какъ это прекрасно?

— Вы стали повѣтомъ, съ легкою усмѣшкой замѣтилъ Веньяминовъ.—Такъ живописно рисуете мѣстности.

— Я обожаю картины природы и всегда люблю поэзію.

— Еще сходство съ Батрономъ, сказалъ Валерьянъ Петровичъ, скручивая папироску.

— Во имя поэзіи, продолжалъ Сребринскій,—прошу васъ, Надежда Петровна, уговорите друзей вашихъ, и онъ обратился къ Еленѣ Сергѣевнѣ и ея дочерямъ.—Для васъ онъ вѣрно не откажутъ мнѣ.—И онъ сталъ описывать свои подвиги по части *parties de plaisir*.

Эпаминондъ Фемистокловичъ слушалъ съ подобострастіемъ разказы богача.

Послѣ чаю Сребринскій опять заговорилъ о любимомъ своемъ предметѣ — лошадяхъ, и предложилъ Веньяминову посмотрѣть на его новыхъ иноходцевъ.

— Она восхитительна, сказалъ Эрастъ Ивановичъ, когда остался одинъ съ Валерьяномъ Петровичемъ.

— Ваша лошадь? лукаво спросилъ тотъ.—Да, она очень красива.

— Я не про лошадь, *mon cher*, а про эту дѣвушку говорю, дочь Мме Жербье—*une délicieuse créature*; только скажите, ради Бога, фамилія ихъ французская, а онъ такъ отлично говорятъ по-русски.

— Онъ всѣ Русскія; г. Жербье былъ Французъ, но обручился на Руси. А Елена Сергѣевна московская уроженка.

— Вотъ чтѣ! И вы еще не влюбились въ *mlle Madelaine*?

— *Mlle Жербье* точно хороша собою, но неужели нельзя видѣть красивой женщины безъ того чтобы не влюбиться въ нее?

— Разумѣется, нельзя. Женщины на то и созданы, чтобы влюблять въ себя, а мы для того, чтобы въ нихъ влюбляться. Я по крайней мѣрѣ не могу видѣть равнодушно хорошенькой женщины; а было хотѣлъ влюбиться въ вашу сестру; она очень занимала меня, но она такъ занята своимъ мужемъ, что никого другаго и не замѣчаетъ.

— Вы любите хорошенькихъ женщинъ, точно также какъ и красивыхъ лошадей.

— Ну, вѣтъ, между лошадыю и женщиной есть разница, лошадь создана для насъ, а мы созданы для женщины. Цѣль нашей жизни, любезный Валерьянъ Петровичъ, заключается въ томъ, чтобы наслаждаться и искать удовольствій всюду, гдѣ ихъ можно встрѣтить. А гдѣ же больше удовольствій какъ не между прекрасными женщинами? Но съ вами не сговорись, вы, вѣдь, ученый, человекъ новаго времени, либераль. Какъ мы однако ни расходимся, а я все-таки васъ люблю и уважаю,—и онъ протянулъ ему руку.

— Только не знаю чѣмъ я заслужилъ это! замѣтилъ Веньяминовъ.

Они вернулись къ обществу. Эрастъ Ивановичъ еще много говорилъ о Москвѣ, о Петербургѣ, о своемъ проектѣ ѣхать за границу, безпрестанно обращался къ Лидѣ и спрашивалъ ея мнѣнйя. Увѣжая, онъ просилъ позволенія у Елены Сергѣевны бывать у нихъ.

— *Parce s'ire*, проговорилъ Веньяминовъ, вслѣдъ удаляющемуся Крезу.

— *Ce n'est pas lui, qui a inventé la poudre, pas même la romnade*, сказала Надежда Петровна, слыша замѣчанія брата,—*mais c'est un brave homme, tout de même*. И мнѣ онъ нравится, потому что всегда веселъ, охотно веселится самъ и заботится о весельи другихъ.

— Можетъ-быть онъ дѣйствительно не гений, замѣтила и Елена Сергѣевна,—но человекъ онъ долженъ быть хорошій.

— Чтò же, Зоя, вы присмирѣли и не высказываете своего мнѣнйя? спросилъ Веньяминовъ.

— Я нахожу, что онъ достойный другъ ЭпаминондаThemistocloевича; онъ Орестъ, а Камси—Паладь.

— Этимъ сравненіемъ Зоя вполне охарактеризовала Сребринскаго, сказалъ Веньяминовъ, цѣлуя хорошенькую ручку Зои.—Итакъ, еслибъ Орестъ попросилъ вашей руки, Зоя, чтò бы вы сказали ему?

— Я еще слишком мала, чтобы думать объ этомъ; но еслибы мнѣ было двадцать лѣтъ, какъ Лина, и онъ посватался за меня, я бы предложила ему не думать о женитьбѣ, а оставаться вѣрнымъ своему Пилладу; онъ совсѣмъ не похожъ на жениха.

— А каковъ же долженъ быть женихъ по вашему?

— Вотъ хоть такой какъ вы; но меня больше всего раздражило то, что онъ каждую минуту посматривалъ на Лину.

— О, да какъ она наблюдательна! замѣтила Нилова.

— Тереза научила меня всматриваться въ новыя лица; она говоритъ, что по лицу всегда можно судить о человѣкѣ и узнать, добръ онъ или вѣтъ, и это справедливо. Я только рѣдко могу узнать, когда моя учительница, Лина, бываетъ на меня сердита. Когда я дурно говорю ей урокъ, она сдѣлаетъ такое серьезное лицо, и мнѣ тогда хочется знать, точно ли Лина на меня сердится или хочетъ только испугать меня.

— Разумѣется, очень сержусь, сказала Лина, цѣлуя сестру въ ея свѣтлыя глазки.

— А часто бываетъ, что Зоя не знаетъ своего урока? спросилъ Валерьянъ Петровичъ.

— Ахъ часто! отвѣчала со вздохомъ Зоя, особенно весной. Весна такъ и манитъ въ лѣсъ, ей нужно каждый вечеръ говорить: „не вводи меня во искушеніе“.

СОСНОГОРОВЪ.

(До слѣд. №)

РОБКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ

О Ч Е Р К Ъ .

Юноша я былъ застѣнчивый до нельзя. Читатель, можетъ-быть, даже не повѣритъ, что я конфузился иногда самого себя; лежишь, напримѣръ, на диванѣ, и захочется тебѣ какую-нибудь штуку развязную выкинуть: ногу на ногу положить, руки за голову закинуть, или подмигнуть нимфѣ, расчесывающей на картинкѣ пышную косу на берегу Эгейскаго моря; выкинешь да и самъ не радъ: покраснѣешь какъ ракъ, растеряешься!.. А то вынешь изъ *Отечественныхъ Записокъ* картинку парижскихъ модъ, прижмешь парижскую бумажную даму съ вѣромъ въ рукѣ къ сердцу, да такъ и зардѣешь отъ волненія. Я конфузился даже голубей, прилетавшихъ на мое окно и застававшихъ меня въ хахатѣ и въ мечтательномъ расположеніи духа! Изъ этого можно заключить, какъ я боялся молодыхъ женщинъ. Самая робкая муха на свѣтѣ не боится, кажется, такъ паука, какъ я ихъ боялся; взглянешь, бывало, на дѣвушку или молодую даму и покраснѣешь, а сердце такъ

и застучить какъ кузнецикъ! Вечеромъ, если въ комнагѣ не очень свѣтло, еще туда и сюда; но днемъ, и если хорошенькая женщина заговорить со мной — просто жизни не радъ! Подколки затрасутся, сморкаешься, откашливаешься и даже кабакомъ рыкнешь иногда ударить объ полъ — ничего не помогаетъ. Такую чушь занесешь, что хоть уши зажимай.

Поступивъ въ университетъ, я задумалъ нѣсколько перевоспитать себя, то-есть, выльчиться отъ мучившей меня застѣчивости. Но какъ? Гдѣ взять средствъ? Жилъ я у тетушки, которая хотя кормила и одѣвала меня и даже давала иногда въ ненастную погоду по гривеннику на извощика, но больше ждать отъ нея было нечего. Случай однако мнѣ помогъ. Рядомъ со мной, на университетской лавкѣ, садился постоянно одинъ очень скромный и застѣчивый студентъ. Я съ нимъ познакомился и сошелся. Мы по-явля другъ друга; я не посоветился открыться ему въ своей болѣзни и попросилъ совѣта насчетъ задуманнаго мной лѣченія. Онъ выслушалъ меня съ участіемъ, вздохнулъ и признался, что самъ тѣмъ же страдаетъ.

— Какъ же быть то? Неужели нельзя помочь? спросилъ я его.

— Можно, отвѣтилъ онъ и развилъ ту мысль, что самый дѣйствительный и радикальный въ этомъ случаѣ способъ лѣченія—танцы.

— Танцы?!—Я посмотрѣлъ на него съ сильнымъ недоумѣніемъ.

— Да, танцы, — повторилъ онъ съ увѣренностью.—Конечно, прибавилъ онъ, полезно бы соединить ихъ съ верховой, напимѣръ, ѣздой; но это очень дорого будетъ стоить... и вслѣдъ затѣмъ онъ сталъ доказывать, что такой сильный недугъ, какъ мой, требуетъ лѣкарствъ сильныхъ, и что если онъ застарѣетъ, тогда его ужъ ничѣмъ не выживешь.

— Не круто ли?.. Не лучше ли попробовать сперва что-нибудь полегче? началъ было я упрашивать его; но онъ былъ непоколебимъ. Тогда я признался ему, что это лѣченіе мнѣ не по средствамъ. Онъ это зналъ и, такъ какъ онъ былъ чловѣкъ со средствами, то далъ мнѣ на выучку тридцать рублей, взявъ съ меня слово, что я съ слѣдующей же недѣли непременно буду брать танцевальныя уроки. Весь этотъ день я былъ въ сильнѣйшемъ смущеніи духа, не зная на что рѣшиться: и танцевать-то мнѣ хотѣлось да и боялся. „Сохрани Богъ, тетушка, священникъ вашъ, родные, товарищи узнаютъ! А тамъ еще, пожа-

луй, исторія какая-нибудь выйдетъ: дамъ подошь оторвешь, мозоль разбередешь, слово какое-нибудь не въ попадъ скажешь! обидятся, пойдутъ жаловаться, къ инспектору позовутъ А, другъ любезный, скажетъ инспекторъ, такъ-то! а еще въ образцовые студенты ставилъ, передъ начальствомъ хвалилъ! Но авось до этого не дойдетъ! Можетъ-быть, и такъ уа-дится какъ-нибудь!“ ободрялъ я себя; къ тому же деньги взяты, слово дано, пятиться было совѣстно. Выписавъ изъ *Полудейскихъ Вѣдомостей* адресъ танцовальнаго учителя, я съ твердостью рѣшился ждать завтрашняго дня. Наступило роковое утро. Я приѣхалъ, припомнилъ, прошелъ разъ сто по комнатѣ, столько же разъ посмотрѣлся въ зеркало, и хотя чувствовалъ сильнѣйшее смущеніе духа, но чувствовалъ также и то, что я ужъ рѣшился и рѣшился окончателъно. Я подвязалъ шпагу, надѣлъ треуголку, даже на одной ногѣ повернулся для смѣлости и вышелъ изъ комнаты... „Была ли была!“ подумалъ я вслухъ, захопывая за собой калитку и плюнулъ съ досадою въ морду собакѣ, смотрѣвшей съ удивленіемъ на мою необычайную развязность. Дошелъ я наконецъ до танцмейстерскаго крыльца, поднялся на высокую каменную лѣстницу, взялся ужъ за сурокъ звонка да такъ тутъ и поджалъ хвостъ: стоялъ, стоялъ передъ дверью, не могу дернуть за сурокъ. И лѣвою-то, и правою рукою принимался вертѣть, и откашливаться пробовалъ, даже нахмурился, чтобы не казаться легкомысленнымъ, не беретъ, хотъ зарѣжь!

„Дѣло-то скверно! не до завтраго ли отложить? День-то завтра посвободнѣй, ну да наконецъ и не сразу же вѣдь!“ раздумывалъ я, дергая тихонько сурокъ. Наконецъ мнѣ захотѣлось испробовать послѣднее средство: постучать въ дверь. И постучалъ я—и странная вещь: даже муха, заснувшая на двери, не пошевельнулась. „До завтраго такъ до завтраго,“ рѣшилъ я, вздохнувъ, и пошелъ прочь.

Наступило слѣдующее утро. Я выпилъ для храбрости порюмки водки и опять побрелъ къ танцмейстерской двери. На этотъ разъ счастье мнѣ возло: дверь была отперта. Я чуть чуть пріотворилъ ее и заглянулъ въ щелку. Представилась мнѣ большая комната, и въ ней такое множество всякаго народа, и мушкетъ, и женщинъ, что даже въ глазахъ зарябило, и все это топотало, вертѣлось, и мчалось куда-то

съ ужасающею быстротой подъ пронзительное взвизгиванье скрипокъ.

„Э, братъ, такъ-то!“ прошепталъ я; но, собравшись съ духомъ, заглянулъ еще разъ въ щелку; теперь я разглядѣлъ, что народу было вовсе не такъ много, какъ показалось мнѣ съ перваго раза: мушьявъ всего пять, а изъ женщиной одна. Пересчиталъ я и во второй разъ, вышло и во второй разъ все тоже число шесть.

„Ну шесть-то еще ничего!“ подумалъ я и вздохнулъ легче. Обдернулъ сюртукъ, поправилъ волосы, шпагу и съ рѣшительностью взялся за привинченное къ двери колечко. А ну какъ скажутъ: „Ты, сударь, зачѣмъ пожаловать изволилъ?“ Да и давай тузить! опять было струсилъ; однако scomандовалъ себя: разъ, два, три! и, размахнувъ дверь настежь, вошелъ въ танцмейстерскую комнату.

— Чтѣ, братъ, попался! сказалъ мнѣ кто-то, а можетъ-быть и почудилось, навѣрное не знаю. Шумъ, движеніе, отчаянное взвизгиванье скрипки немощко меня ободрили; я подошелъ къ скрипачу и спросилъ, какую онъ пѣсню играетъ. Скрипачъ взглянулъ на меня какъ-то странно, покоса, и сказалъ, что онъ играетъ пѣсню, подъ которую пьяныя гапки дерутся. Отвѣтъ былъ немного дерзокъ, я чувствовалъ это, но тѣмъ не менѣе замѣтилъ ему: „что зала низка“, и сѣлъ на окно. Черезъ минуту танцы кончились, народъ угомонился, и ко мнѣ подошелъ господинъ во фракѣ и съ новымъ платкомъ въ рукѣ, которымъ обтиралъ потъ съ лица.

— Чтѣ вамъ угодно-съ? спросилъ онъ меня съ любезнѣйшею улыбкой.

Я всталъ и сказалъ, что угодно учиться танцовать. Мы сговорились въ цѣнѣ и въ часахъ занятій. Учитель пожалъ мнѣ руку и пригласилъ выпить чашку чая для знакомства. Я торжествовалъ. О такомъ блистательномъ дебютѣ мнѣ даже и не грезилось. Послѣ чая учитель опять подошелъ ко мнѣ и предложилъ, не теряя времени, начать урокъ сейчасъ же. Я согласился. Онъ поставилъ меня между двумя стульями и велѣлъ поднимать ногу. Поднимать ногу?! Когда тутъ же, въ одной комнатѣ, въ двухъ шагахъ отъ меня, присутствовала дама?! Я пожалъ мысленно плечами и взглянулъ подозрительно на учителя.

— Ну-съ! повторилъ онъ.

Я сказалъ, что я готовъ, пожалуй, поднять ногу, но что... тутъ... присутствуетъ дама... Какъ бы она не разсердилась.

Учитель не то кашлянулъ, не то чихнулъ, поднесъ платокъ къ носу и спросилъ объ этомъ предметъ мнѣнія у дамы, сѣдѣвшей на окнѣ съ поставленными на стулъ ножками и пускавшей изо рта маленькіе кружки дыма отъ куримой ею папироски. Она въ отвѣтъ усмѣхнулась и кинула на меня убійственный взглядъ.

„Что будетъ, то будетъ,“ подумалъ я и поднялъ по указанію учителя ногу разъ, два, десять; наконецъ объявилъ, что я усталъ. Учитель отпустилъ меня и я сѣлъ на окно въ сильнѣйшемъ смущеніи. Вслѣдъ затѣмъ начали другіе танцовать: дама, какъ нарочно, танцовала около меня и безпрестанно задѣвала меня платьемъ. Я бросалъ украдкой смущенные взоры то на носикъ ея ботинки, то на кончикъ оборки, которою былъ отороченъ подолъ ея кисейнаго платья и только разъ взглянулъ на ея распущенный вѣрзь; взглянулъ и увидалъ осязательной бѣлизны локоть, сквозившій въ дымчатый, летавшій во всѣ стороны греческій рукавъ. По всему тѣлу моему забѣгали какъ будто холодныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пріятныя мурашки. Наконецъ кадрили кончилась. Я простился съ учителемъ до завтра, и пустился съ лѣстницы бѣгомъ, въ припрыжку, какъ будто вырвался изъ кѣлетки, въ которой десять дней сидѣлъ.

Прошло съ мѣсяць. Я посѣщалъ танцевальныя уроки усердно и выучился танцовать не только кадрили и галопъ, но даже отчасти и вальсъ.

Танцы дѣйствительно нѣсколько помогли мнѣ. Я сталъ крошечку какъ-будто поразвязнѣй: возымѣлъ смѣлость гулять по бульварамъ, и хотя при встрѣчѣ съ дамами сильно трусилъ, но не кидался ужъ отъ нихъ въ сторону какъ прежде. Съ теченіемъ времени я сталъ наконецъ показывать въ Великобританію чай пить, и въ картшки кой-когда перекидывался съ товарищами, отростилъ себѣ волосы, ноготь на лѣвомъ мизинцѣ и купилъ гитару.

Около этого же времени я воспыдалъ нѣжнѣйшею дружбой къ одному изъ своихъ товарищей. Это былъ маленькій, скромный, ласковый, умный и прехорошенькій студентикъ. Недоставало ему только длинныхъ кудрей до плечъ, бѣлоснѣжной до коленъ сорочки, да лебединыхъ крыльевъ, чтобъ походить, какъ капи дѣвъ воды, на ангела. Едва ли самъ Поль любилъ

такъ Виргинію, какъ я полюбилъ Михайлова. Привязался я къ нему не вдругъ: сперва онъ мнѣ нравился, какъ многіе нравились, потомъ я сталъ замѣчать, что мнѣ какъ будто недоставало чего-то безъ него, наконецъ я началъ рѣшительно тосковать, когда не видѣлъ его. Я былъ веселъ, когда онъ смѣялся, скучалъ когда онъ былъ скученъ, упивался счастьемъ, когда сидѣлъ рядомъ съ нимъ; я отдалъ бы все на свѣтъ, чтобы дышать тѣмъ воздухомъ, которымъ онъ дышалъ; думать и чувствовать тогда только, когда онъ думалъ и чувствовалъ и непременно такъ какъ онъ; болѣть когда онъ былъ боленъ и непременно тѣмъ же чѣмъ онъ болѣлъ.

Михайловъ, кажется, замѣтилъ мою дружбу и сталъ со мною ласковѣй, чѣмъ съ другими. Однажды С. П. Шевыревъ читалъ намъ прощальную лекцію, говорилъ о гуманизмѣ университетскаго образованія, о нравственномъ долгѣ, о святости духовной связи, соединяющей профессора съ студентами, и въ заключеніе воскликнулъ:

— Гдѣ бы ни были вы, я всегда съ вами; разлука физическая не ослабитъ общенія духовнаго: духъ выше матеріи...

Михайловъ, сидѣвшій противъ меня на передней лавкѣ, обернулся ко мнѣ и спросилъ:

— Гдѣ бы я ни былъ, вы всегда со мною?

— Гдѣ бы вы ни были, я всегда съ вами, повторилъ я профессорскія слова.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ онъ, улыбувшись.

О, эта была блаженнѣйшая минута въ моей жизни!

— Да отвѣчалъ я, дрожа отъ счастья; но оно тутъ же и кончилось.

Михайловъ былъ богатый аристократъ, я голый простолудинъ; онъ былъ свѣтскій юноша, я дикій бирюкъ; онъ былъ уменъ, я не совсѣмъ-таки, по крайней мѣрѣ я считалъ его гораздо умнѣе себя; къ тому же, что всего главнѣй, я былъ такъ смѣшновъ! Могъ ли онъ хоть въ душѣ не смѣяться надо мною, когда я самъ смѣялся надъ собой! „И такъ, разсудилъ я, дружба между нами невозможна; не сегодня такъ завтра, не завтра такъ послѣ-завтра, она должна же кончиться;“ а потому я рѣшился не сближаться съ нимъ, держать себя отъ него въ сторонѣ и любить его только издалека. Но на дѣлѣ это оказалось не такъ легко; я готовъ былъ тысячу разъ измѣнить свое

рѣшеніе и раскаяться передъ нимъ въ недовѣріи; но боязнь быть сѣвнымъ въ глазахъ любимаго человѣка пересилила: я вынесъ всѣ искушенія и удался таки отъ него. Прошла недѣля, наши отношенія были самыя холодныя, мы не только не сажались рядомъ, какъ прежде, но даже словомъ не обмѣнивались по цѣлымъ днямъ. Вскорѣ послѣ того разнесся слухъ, что Михайловъ заболѣлъ тяжкою горячкою. Проболѣлъ онъ всего одну недѣлю и умеръ.

Сначала я былъ почти радъ, что Богъ взялъ его на небо такимъ безгрѣшнымъ. Я мечталъ о томъ, какъ ангелы вынутъ изъ него маленькую душку, взовьются съ ней на небо, надѣнутъ на ея крошечную головку вѣнокъ изъ душистыхъ цвѣточковъ, представятъ ее самому Господу и потомъ отвесутъ въ то райское мѣсто, гдѣ она будетъ блаженствовать. Потомъ я сталъ молиться за моего умершаго друга. „О, не оставьте его!“ умолялъ я ангеловъ, „вѣдь онъ теперь сиротка кругамъ! Если вы покинете его, кто жь за него заступится? Приласкайте его; онъ такой смиреннѣйшій, самъ за себя ни за что не попроситъ! Я его хорошо знаю. Не забудьте о немъ, милые мои! Накройте его вашими крылышками святыми!“

Многіе конечно не повѣрятъ, чтобы семнадцатилѣтній студентъ былъ такимъ ребенкомъ; но я дѣйствительно былъ таковъ и молился въ этихъ самыхъ словахъ, я ихъ очень хорошо помню. Впрочемъ я зналъ, что молился плохо, что слова у меня выходятъ очень ужь просты и что они, можетъ-быть, не понравятся; но что жь дѣлать? Лучше я не умѣлъ.

Таково было первое мое впечатлѣніе, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше я чувствовалъ чего лишился. По цѣлымъ часамъ я на взрыдъ плакалъ, спрятавъ, голову въ подушку. Не разъ я ставился ночью на колѣни передъ своею постелью, воображая на ней Михайлова лежащимъ съ сложенными на крестъ ручками, съ вытянутыми ножками, съ яснымъ и спокойнымъ лицомъ, съ закрытыми глазами и въ бумажномъ вѣничкѣ на кудрявой головкѣ. Я впивался въ его блѣдныя губки, видалъ его кудри, поднималъ его вѣки и, смотря въ его голубые, тусклые, какъ стекло, глаза, звалъ его: „Михайловъ! Михайловъ! Я здѣсь! Полно тебѣ! Да ну же! Проснись, голубчикъ мой, хоть на минутку!“ Но непрежнему безжизненно смотрѣли глаза его. и холодны были руки его, какъ горячо не дышалъ я на нихъ.

А то иногда, тоже ночью, сяду на окошко въ садъ и подъ

плачевные аккорды своей гитары напѣваю по цѣлымъ часамъ: „Разъ земля перевернется на оси, другой разъ, третій, десятый и сто первый разъ; и цвѣточки распустятся, и будутъ облетать и еще разъ и сто тысячь разъ, а онъ бѣднѣшка все-то будетъ въ своей студеной и темной могилкѣ лежать! И такъ безконечно!“ Слово, безконечно, я сопровождалъ обыкновенно разсыпнымъ аккордомъ по всѣмъ струнамъ. „А что такое безконечность?“ спрашивалъ я себя и принимался считать звѣзды, чтобы составить себѣ хоть приблизительное понятіе о безконечности. Досчитывался иногда до сотни, до полутора ста, и видѣлъ съ горестью, что только крошечный клочокъ неба отсчиталъ. Вслѣдъ за тѣмъ я самъ себѣ сталъ представляться такою ничтожною пылинкой, что обо мнѣ и думать никому не стоило. Мнѣ досадно становилось на свое ничтожество; я затворялъ окно и спускалъ гардину.

„А можетъ-быть и здѣсь душа его летаетъ?“ думалъ я однажды, лежа на окнѣ и грустя о суетѣ человѣческой подѣ меланхолическіе звуки гитары. Дѣло было весной, ночь была лунная, въ саду и въ домѣ тишина мертвая. Я лѣзливо перебиралъ струны гитары и, глядя на тускло горѣвшія кой-гдѣ звѣзды, задумался о Михайловѣ: весело ли ему тамъ, вспоминаетъ ли онъ обо мнѣ. Вдругъ что-то шелестнуло въ черемушной вѣткѣ. Я вздрогнулъ и, притаивъ дыханіе, ждалъ что дальше будетъ. Шелестнуло еще разъ, я подался впередъ и, не спуская глазъ съ загадочной вѣтки, съ замираніемъ сердца ждалъ что еще будетъ. Прошло нѣсколько минутъ; все было тихо. Но вотъ листочки опять затрепетали и вслѣдъ затѣмъ кто-то тихимъ мелодичнымъ голоскомъ назвалъ меня по имени. Я задрожалъ, бросилъ гитару на полъ и спрыгнулъ въ садъ. Зовъ повторился. „Михайловъ, это ты?“ прошепталъ я, мѣня отъ счастья и протянулъ ужь руки, чтобы прижать съ вѣтки; но тамъ что-то спорхнуло и зова больше не было. Я осмотрѣлъ всѣ вѣтки, даже на заборъ заглянулъ, но ничего не было. Тѣмъ не менѣе я воротился въ свою комнату съ облегченнымъ сердцемъ и благодарилъ Бога, что онъ позволилъ мнѣ хоть услышать голосъ Михайлова. Вслѣдствіе подобнаго настроенія, я бросилъ, разумеется, трактиры, товарищей, карты, бросилъ все на свѣтѣ и отдался набожности. Переходъ этотъ былъ естественный: любимаго чловѣка ужь не было въ живыхъ; мои помыслы

и желанія должны были перенестись за нимъ въ тотъ таинственный мѣръ, о которомъ я зналъ не много. Мѣръское ужь не привлекало меня; я мечталъ о томъ незримомъ, заоблачномъ мѣрѣ, гдѣ только чистыя души живутъ; я мечталъ какъ бы попасть туда, гдѣ бы Господь сподобилъ меня хоть изрѣдка, хоть издали, любоваться на моего милаго юношу. Я сталъ ходить по церквамъ, молился дома, приваясь читать Библию, Четьи-Миней, Святцы; читалъ утромъ, вечеромъ и ночью. Я рѣшился, умерщвлять плоть и грѣховныя порывы духа, помышлять ежеминутно о загробной жизни, о страшномъ судѣ, слѣдить за каждою своею мыслію, за каждымъ желаніемъ, за каждымъ словомъ и направлять ихъ на путь спасенія: дать мнѣ, бывало, тетушка гривенникъ на извожника, я опушу его въ церковную кружку или нищему отдамъ; захочется полежать, я ходить стану; захочется помечтать о хорошенькой дѣвочкѣ, я стану босикомъ на гвозди да и считаю до тысячи и больше, даже до трехъ тысячъ досчитывалъ: часто я ходилъ вокругъ ограды Страшнаго Монастыря и подъ минутный бой монастырскихъ часовъ размышлялъ о скоротечности жизни человѣческой, о томъ, что каждый ударъ колокола приближаетъ насъ къ смерти, что нѣтъ и не было, за самыми ничтожными исключеніями, да по всей вѣроятности и не будетъ никогда человѣка, который бы избавился отъ смерти. Налагалъ я на себя обѣты и такого рода: пить чай съ солью одинъ мѣсяць, съ перцемъ другой, съ саломъ третій, жечься кипяткомъ четвертый. да еще не поморщась; а если поморщусь, или очень ужь разошлю стану приставать соблазнительныя видѣнія; въ особенности одно изъ нихъ было неотвязчиво, въ видѣ молодой дамы *decolté*, которую я видѣлъ въ театрѣ: тогда бичевалъ себя гитарнымъ баскомъ по ногамъ. „Все это, утѣшалъ я себя, когда очень ужь становилось больно, пустяки передъ вѣчнымъ блаженствомъ!“ Впрочемъ, совѣсть моя была неспокойна; мнѣ казалось не совсемъ-то честнымъ служить Христу изъ практическихъ цѣлей. „Орденка, мѣстечка теплаго добывается, червякъ!“ упрекалъ я себя, стараясь преодолѣть свои практическія наклонности.

Не знаю, долго ли продолжалась бы эта исторія, еслибы не новое знакомство: у тетушки снималъ квартиру, а иногда и заходилъ къ ней учитель гимназіи, ученый Нѣмецъ изъ Лейпцига. Я давно замѣтилъ, что ему хотѣлось познакомиться со

мною: онъ заговаривалъ со мною, смотрѣлъ на меня ласково, крѣпко руку жалъ и упрасивалъ зайдти къ нему чайку напиться; но я, по своей застѣнчивости и сознанию своей необразованности, боялся къ нему идти. Наконецъ, онъ почти насильно затащилъ меня къ себѣ показать заграничныя гравюры съ средневѣковыхъ памятниковъ готической архитектуры. Я вошелъ въ его кабинетъ, сѣлъ на диванъ и вздохнулъ.

— О чемъ это вы все вздыхаете да задумываетесь? Я давно замѣчалъ, что у васъ что-то тяжелое на душѣ, сказалъ онъ мнѣ, подсѣвъ ко мнѣ на диванъ и взявъ мою руку въ обѣ свои.

Дружба его меня тронула; къ тому же мнѣ сильно хотѣлось отвести душу и съ кѣмъ-нибудь поговорить, не краснѣя о моемъ взглядѣ на жизнь и на обязанности чловѣка; товарищамъ довѣриться я не рѣшался, боясь ихъ насмѣшекъ, но Нѣмцу разказалъ все; онъ выслушалъ мою исповѣдь съ участіемъ, налилъ себѣ въ стаканъ съ чаемъ рому, понюхалъ табаку, откашлянулся и сталъ излагать свой образъ мыслей насчетъ значенія чловѣка вообще и христіянина въ частности. Говорилъ онъ долго и понятно. Я слушалъ его съ величайшимъ вниманіемъ: столько новаго и какъ будто умнаго было въ его словахъ. Возражать ему, по своей робости, я конечно не рѣшился. Но съ теченіемъ времени я мало-по-малу привыкъ къ нему и не только слушалъ его, но даже горячо спорилъ, отстаивалъ свои убѣжденія, и конечно Нѣмецъ разбивалъ меня на каждомъ словѣ. Такъ прошло съ мѣсяць. Бесѣды эти хоть и принесли мнѣ пользу въ томъ отношеніи что спасли мое тѣло; но за то заронили въ меня новую искру страданій, искру скептицизма. Я продалъ всѣ свои гимназическія книги, заложилъ часы и даже отцовскую саблю и купилъ цѣлый коробъ французскихъ и нѣмецкихъ богословскихъ книгъ по указанію Нѣмца. При моей неразвитости, трудъ предстоялъ мнѣ страшный; но я рѣшился во что бы то ни стало, добиться толка и составить себѣ твердыя убѣжденія. „Смерть или истина!“ восклицалъ я, надрываясь надъ нѣмецкою мудростью и почесывая въ затылкѣ, чтобы лучше возбудить мозговыя способности. Я почти по цѣлымъ суткамъ не выпускалъ книги изъ рукъ: спалъ и обѣдалъ съ книгой. Даже во снѣ не покидали меня не разрѣшенные, но страстно томившіе меня

вопросы. Заснешь, бывало, да вдругъ словно кто въ бокъ толкнетъ; вскочишь, схватишь книгу и къ лампадкѣ—дай пережевывать въ сотый разъ непонятную страницу. Жуешь, жуешь, все не пережевывается; кинешь съ досады книгу на полъ, плюнешь на нее и бросишься на кровать, проклиная свою глупость, и нѣмецкую мудрость, и даже пріятеля Нѣмца. А лампадка передъ иконостасомъ горитъ въ ночной темнотѣ такъ таинственно, и лики святыхъ изъ иконостаса глядятъ такъ грозно! Я поворачиваюсь въ ужасѣ къ стѣнѣ и закрываюсь одѣяломъ съ головой. Но страшныя видѣнія и тутъ не оставляли меня: то подѣзжалъ ко мнѣ на креслѣ Вольтеръ въ колпакѣ, съ свисткомъ въ губахъ; то падалъ передо мной Юлианъ Отступникъ съ воплемъ: *vicisti Galilae!* То являлся Лютеръ съ своею флейтой или съ стаканомъ вина въ рукѣ; то худой и блѣдный, какъ мертвецъ, схимникъ Бераюковской пустыни съ костылемъ, весь въ бѣлыхъ крестахъ на черной рясѣ; то бѣсъ съ хвостикомъ, загнутымъ колечкомъ, отплясывающій трепака подъ самымъ моимъ носомъ...

— Гдѣ же истина? Гдѣ истина? Силы небесныя, помогите мнѣ! Я съ ума сойду! стопаля я, метаясь какъ въ жару, по постелѣ, а лики угодниковъ смотрѣли еще грознѣй, и лампадка теплилась такъ же спокойно какъ и прежде.

Въ подобныхъ страданіяхъ провелъ я не мало времени. Нѣмецъ уѣхалъ уже въ Ригу. Съ университетской каѳедры ждать мнѣ было нечего,—я былъ студентомъ въ самое мрачное время нашего университета. Съ умными товарищами сблизиться я не умѣлъ, и такимъ образомъ былъ предоставленъ самому себѣ.

Но время шло. Молодая кровь начинала во мнѣ кипѣть, и въ душѣ моей, незамѣтно для меня самого, сдѣлался поворотъ въ другую сторону; — вмѣсто грозныхъ образовъ меня сталъ посѣщать женскій призракъ одной удивительной красавицы съ такими томными глазками, съ такими наивными къ подѣлаю губками, съ такими бѣлыми, наливными пальчиками и роскошными формами тѣла. И какъ она меня любила! Какъ жалостно глядѣла на меня, улыбалась мнѣ и перебирала своими крошечными пальчиками мои дивныя, взъерошенныя космы! Эта красавица такъ привязалась ко мнѣ, что по цѣлымъ часамъ не отходила отъ меня. Иногда она безъ церемоніи, взявъ у меня изъ рукъ книгу,

швыряла ее объ полъ и, сбѣвъ ко мнѣ на колѣни, клала на мое плечо свою милую, легкую, какъ перышко, головку. Совѣсть моя сильно вопіяла противъ всѣхъ этихъ ласкъ, но я все-таки влюбился въ свою красавицу и влюбился очень сильно. Да не подумаетъ читатель, что эта милая дѣвушка была въ самомъ дѣлѣ какое-нибудь дѣйствительное существо—напротивъ, это была чистѣйшая мечта. Я даже не гнался за тѣмъ, чтобъ она въ дѣйствительности существовала; для меня было довольно и того, что было; куда мнѣ было справиться съ живою женщиной!

Наступило лѣто. Тетущка для поправленія моего здоровья перѣехала, по совѣту лѣкаря, на дачу. Рядомъ съ нашею избой, въ весьма ветхой, смазанной глиной и подпертой колыями дачѣ поселилась, на другой день по нашемъ пріѣздѣ, старушка съ тремя взрослыми дочерьми дворянскаго происхожденія, изъ которыхъ старшая, лѣтъ девятнадцати, была очень смазливенькая особа. Старушка-сосѣдка и моя тетущка скоро познакомились. Волей-неволей я долженъ былъ кланяться съ сосѣдкой, и хотя знакомства съ ней, а тѣмъ болѣе съ ея дочерьми, избѣгалъ, однако получилъ отъ нея приглашеніе на чашку кофеа. Не идти къ ней значило бы оскорбить тетущку, которой очень нравилось ея новое знакомство, и показаться невѣжей въ глазахъ сосѣдок; идти было тоже не на радость.

А вѣдь любопытно было бы, подмывалъ меня лукавый, посмотреть какія это такія барышни и какъ онѣ обращаются; да опять не весь же вѣкъ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ, надо и къ людямъ привыкать.

Скрѣпя сердце, я отправился съ тетущкой къ сосѣдкамъ. Сосѣдка-мать приняла меня очень ласково; дочки ея были тоже милы со мной; кухарка принесла на подносѣ чашки съ кофеемъ, всѣ сѣли по мѣстамъ и началась разговоръ. Но до разговора ли мнѣ было? Я сидѣлъ какъ въ лихорадкѣ, чашка дрожала у меня въ рукахъ, языкъ словно клеємъ смазали, такъ и прилипалъ на каждомъ словѣ. Я бросалъ, вѣроятно, очень дикіе взгляды, потому что барышни ко мнѣ ужъ и не приставали. Послѣ кофеа къ сосѣдкамъ пріѣхалъ ихъ родственникъ, молодой, развязный франтъ и, послѣ краткаго, но развязнаго разговора со всѣми вообще дамами и съ каждой въ особености, предложилъ пройтись въ роу.

Я съ ужасомъ предчувствовала, что и меня пригасятъ. Меня дѣйствительно пригасили. Я взялъ фуражку и мы отправились впятеромъ въ роццу.... О, еслибы вы знали, что дѣлалось въ сердцѣ моемъ, когда я очутился съ молодыми дѣвицами въ лѣсу! Хуже этого положенія я вообразить ничего не могу!

Родственникъ взялъ двухъ барышень подъ руку и пошелъ впереди; на мою долю осталась третья, самая дурная барышня. Я зналъ, что, по законамъ вѣжливости, мнѣ слѣдовало предложить оставшейся барышнѣ руку, но въ томъ-то и штука, какъ это было сдѣлать? Ну какъ она да того?... Что того? На этотъ вопросъ я рѣшительно не въ состоянiи какъ отвѣчать. Хоть бы звѣрь какой выбѣжалъ на дорогу, авось тогда удалось бы улепетнуть подъ предлогомъ преслѣдованія. Но звѣря никакого не выбѣгало, кругомъ зловѣщая тишина, и барышня впереди,—ужасное положеніе! Шли мы такимъ образомъ не мало времени; она спереди, я сзади; она молчала, и я молчалъ. Пробовалъ было я, для развязности и для того чтобы показать хоть какое-нибудь обращеніе, ластыя съ деревьевъ хлыстикомъ сбивать,— все ничего не выходило. Даже поскользнулся нарочно, будто въ прудъ падаю, и тутъ ничего не вышло. Идетъ барышня подъ зонтикомъ да ухмыляется, или остановится, покажетъ зонтикомъ на прудъ, и скажетъ:

— Посмотрите, какъ гуси-то плывутъ!

Ну что сказать на это? Взгляну я на прудъ и вижу, что гуси плывутъ, какъ слѣдуетъ гусямъ, какъ всякіе гуси плаваютъ, взгляну и промолчу.

А то показала разъ пальцемъ въ бирюзовомъ колечкѣ на облако и сказала, вздохнувъ:

— Какое милое облачко! точно сѣренькая лодочка плыветъ.

И я на облако взглянулъ и увидалъ, что облако дѣйствительно словно сѣренькая лодочка. Хоть бы на смѣхъ было не сѣренькое или не лодочка, тогда бы все-таки можно было разговоръ завести; а то все въ восклицательномъ родѣ, ни одного вопроса не предложила! Мнѣ стало наконецъ не въ терпѣжь. Собрался я съ духомъ, поднимая тяжелый булыжникъ, да какъ булыкну его въ прудъ! Авось, думаю, хоть теперь-то поддержитъ меня барышня! Не тутъ-то было! Только и сказала:—Какъ брызнуло! и опять замолчала.

„Когда ты не хочешь понять меня, пускай такъ и останется!“ подумалъ я и рѣшился ничего ужъ больше не пред-

принимать. Вошли мы въ барскій садъ все въ томъ же порядкѣ; вдругъ сосѣдкинъ родственникъ обернулся и говоритъ моей дамѣ:

— Вы, Софья Ивановна, все вздыхаете. Вѣрно о своемъ кавалерѣ?

„Подлецъ“ подумалъ я, чувствуя, что исторія начинается принимать все болѣе и болѣе скверный характеръ.

— Дачная жизнь, продолжалъ онъ между тѣмъ:—сближаетъ сочувственныя сердца, дѣло извѣстное; къ тому же, такое близкое сосѣдство...

„Мерзавецъ!“ думалось мнѣ.

— Вы-съ, кажется, считаете меня за... началъ было я, дрожа всѣмъ тѣломъ; но на этихъ же словахъ и оборвался.

— За кого я васъ считаю? спросилъ онъ меня очень спокойно.

Я взглянулъ на него, взглянулъ и на бурнусы дамскіе и сказалъ: „извините-съ!“ Кавалеръ захохоталъ, и барышни, вѣроятно, тоже..... впрочемъ не знаю: я шелъ какъ ошеломленный. О, въ эту минуту я ненавиждѣлъ людей!

— Въ чемъ же вы извиняетесь? Развѣ вы насъ обидѣли? домучивалъ меня мой мучитель.

Это было ужъ слишкомъ, чаша переполнилась; я юркнулъ въ кусты и бросился бѣжать сломя голову домой. Добѣжавъ до своей избы, я заперъ на крючокъ дверь и кинулся на постель; къ сердцу прихлынули всѣ прежнія невзгоды мои, вспомнилась и гимназическая жизнь съ насмѣшками товарищей, вспомнилась и студенческая безотрадная жизнь, почувствовалъ я свое горькое одиночество и зарыдалъ, какъ рыдаетъ только несчастный, всѣми презираемый юноша. „За что же, за что же? Неужели все еще мало?“ стоналъ я, захлебываясь слезами.

На слѣдующее утро проснулся я раненько и побрелъ въ роу. Легъ я подъ березой и задумался. Думалось мнѣ объ одинокой кельѣ монастырской въ глухомъ лѣсу, о голомъ утесѣ на краю свѣта, гдѣ одни орлы гнѣзда вьютъ, и о безлюдномъ островѣ на бурномъ морѣ, и о сосѣдкиномъ родственникѣ, и о монашеской власяницѣ, и о пустынѣ Сахарѣ, гдѣ такой страшный зной, что яицы безъ огня варятся въ смятку и цѣлые караваны гибнутъ подѣ песчаными ураганами. „А барышня-то не дурна, вѣдь!“ подшепнулъ мнѣ лукавый. Конечно не дурна! подумалъ я и,

повернувшись на спину, увидалъ надъ собой молоденькую крапивенку, прыгавшую съ вѣтки на вѣтку и валявшую во все свое крошечное горлышко развеселую пѣсенку. „Птичка ты, птичка! Все-то веселье у тебя на умѣ! Не чувствовать твоему капельному птичьему сердечку во вѣки вѣковъ того что чувствуетъ теперь мое сердце!“

Вслѣдъ за тѣмъ я повернулся ужъ на бокъ. Смотрю, не-далекъ, между деревьями, мелькнуло бѣлое платье, за нимъ другое, тамъ третье. Узналъ я эти платья и притворился спящимъ. Платья приблизились ко мнѣ, и я услышалъ слѣдующій разговоръ:

— Притворился будто спитъ! сказала хорошенькая сосѣдка.

— А, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ спитъ, возразила другая.

— Пустяки, развѣ такъ спать! продолжала первая:—Какъ онъ, должно-быть, злится на этого комара!

Положеніе мое, въ самомъ дѣлѣ, было незавидное! Меня жестоко кусалъ комаръ, но согнать его я не смѣлъ.

— Нечего дѣлать, надо оказать человѣколюбіе, сказала дѣвушка и ударила тихонько по моему носу цвѣткомъ. Надо было проснуться. Я открылъ глаза и хотѣлъ было ужъ для естественности зѣвнуть, но сосѣдки захихикали и юркнули въ кусты. Всталъ я, осмотрѣлся — все было тихо, ни признака человѣческаго присутствія! Подошелъ я къ кустамъ, еще разъ прислушался и еще разъ осмотрѣлся, все было тихо попрежнему: сосѣдки исчезли.

„Такъ вотъ оно что!“ подумалъ, я и мнѣ сдѣлалось какъ-то жутко, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пріятно. Я почти забылъ свои житейскія невзгоды, насадилъ основную шашку на хлыстикъ и, размахнувшись, запустилъ ее, что было мочи, за самую высокую сосну и опять попался: изъ кустовъ съ противоположной стороны послышался мнѣ знакомый смѣхъ; ясно что за мной слѣдили. Я бросилъ хлыстикъ съ досады и скрылся поскорѣй за деревьями. Съ этого дня сердце мое было покойно. Хорошенькая сосѣдка рѣшительно не выходила у меня изъ головы. Я то и дѣло садился къ окну, ложился въ палисадникъ на траву, ходилъ съ книжкой къ сосѣдскому паятью и на прудъ, даже черезъ два дня осмѣлился заглянуть въ предательскую рощу; но сосѣдокъ рѣшительно нигдѣ не показывалось. Такъ прошло съ недѣлю. Случился ненастный день, читать не хотѣлось, спать тоже; дай, думаю себѣ,

пойду съ горя грибовъ поискать. Надѣлъ на руку корзинку, взялъ хлыстикъ и пошелъ въ рощу. Грибовъ было много. Я набралъ полную корзинку и поворотилъ уже на тропинку домой, какъ услышалъ въ трехъ шагахъ отъ себя тоненькій женскій голосокъ:

— Ахъ, Боже мой, спасите!

Я обернулся: передо мной стояла въ свромъ бурнусъ хорошенькая сосѣдка и въ ужаснѣйшемъ испугѣ трясла корзинкой съ грибами. Она была одна. Я подошелъ къ ней, приподнял козырекъ и спросилъ что съ ней.

— Спасите, спасите! умоляла она, стараясь что-то стряхнуть съ корзинки.

— Да что съ вами? повторилъ я, все еще не догадываясь въ чемъ дѣло.

— Развѣ не видите: какой паукъ! воскликнула она, съ ужасомъ показывая на корзинку, на которой дѣйствительно сидѣлъ паукъ.

— Да вы бросьте кошолку! сказалъ я, не рѣшаясь снять паука, потому что самъ боялся.

— А грибы?

— Грибы можно собрать.

— Съ пескомъ-то?

— Ихъ можно вымыть потомъ.

— Ахъ, ахъ, ахъ, на меня лѣзетъ! кричала она, кидая на меня умоляющіе взоры.

Нечего было дѣлать, я взялъ прутикъ и снялъ паука съ тюлевого рукавчика сосѣдки, изъ котораго сквозилъ полный, бѣлый локоть ея. Паука я бросилъ и раздавилъ.

— Ахъ, какой вы безжалостный! Зачѣмъ вы раздавили его, бѣдняжку? Значить, я не ошиблась, думая, что у васъ холодное, какъ ледъ, сердце! Помогите мнѣ грибовъ поискать; или, можетъ-быть, вы домой спѣшите? прибавила она, уже съ лукавымъ видомъ.

Я отвѣчалъ, что не спѣшу и пошелъ за ней. Она первая нашла грибокъ, сорвала съ него шляпку и спросила:

— Для чего на этихъ грибахъ такія длинныя шляпки?

— Чтобы не загорѣть, рѣшился я состричь, чувствуя, что мы одни.

— А ихъ ѣдятъ?

— Ыдятъ, отвѣчалъ я, поглядывая на нее искоса.

— И вкусны они?

— Вкусны.

— А вы часто ходите за грибами?

— Часто.

— Каждый день?

— Да, отвѣтилъ я и покраснѣлъ, потому что солгалъ.

— Неправда! возразила она, не глядя на меня и, вѣроятно, замѣтивъ мое замѣшательство.

— Неправда, повторилъ я, потупившись, какъ кающійся грѣшникъ.

— Вы все по утрамъ гуляете? продолжала она, копая вѣткой траву и не глядя на меня.

— Нѣтъ, иногда гуляю и не по утрамъ, отвѣчалъ я, рѣшившись говорить ей одну правду.

— Вамъ вѣдь скучно одному! сказала она такимъ голосомъ, который отдался въ моему сердцу.

— Да, отвѣтилъ я и почувствовалъ, что у меня слезы навертываются. Она замолчала. Мы повернули на дорогу въ деревню.

— Посмотрите, сказала она, остановившись у опушки рощи,—какъ коршунъ высоко вьется!

— Гдѣ? спросилъ я, хотя очень хорошо видѣлъ коршуна.

— А вонъ, надъ сосной! И она показала своимъ пальчикомъ на высокую сосну, надъ которою вился коршунъ. Тюлевый греческій рукавъ ея спустился до самаго локтя, и я увидалъ—о, Боже мой, какъ сердце мое затрепетало въ эту минуту!—я увидалъ бѣлоснѣжную, полную, необыкновенно схожую съ новыми кеглями, голую ручку ея до самаго локтя; увидалъ и обомлѣлъ отъ страсти; молодую живую женскую ручку я въ первый разъ еще видѣлъ до самаго локтя.

— Должно-быть добычу завидѣлъ, сказала она, улыбнувшись.

— Не знаю, отвѣчалъ я.

— Не знаете? спросила она и взглянула прямо мнѣ въ глаза, и какъ взглянула!

— Ничего я не знаю! прошепталъ я, мнѣ отъ близкаго присутствія очаровательной дѣвушки. О, еслибы не проклятая робость, ты узнала бы, люблю ли я тебя! подумалъ я, и чортъ знаетъ зачѣмъ подалъ ей изъ своего лукошка бѣлый грибъ.

Она даже не улыбнулась, взяла его молча, погладила по шляпкѣ и пошла по дорожкѣ. Я торжествовалъ, счастье само лѣзло въ ротъ. Такимъ образомъ дошли мы до деревни; она все молчала, а я и подавно: до разговоровъ ли мнѣ было!

Былъ ужъ поздній вечеръ; на одной сторонѣ неба, переи-
ваясь слабыми тѣнми, потухала заря; на другой зажигались
кой-гдѣ звѣзды; природа дремала; мужики тоже дремали, сидя
на завалинкахъ въ тулупахъ и безъ тулуповъ, бабы таскали
крынки въ погреба; слышалось мычаніе коровъ въ загонѣ,
и трещали кузнечики изо всѣхъ силъ въ травѣ. Я шелъ
рядомъ съ сосѣдкой, платье ея почти касалось меня; я
видѣлъ ея резиновые калоши, разглядѣлъ сзади до мельчай-
шихъ подробностей ея бѣлую шею, оттѣненную черною ко-
сой, завитою въ кружокъ. Я почти былъ увѣренъ, что нра-
вился ей, и все-таки счастливъ не былъ. Мнѣ хотѣлось
упасть передъ ней на колѣни, сжать въ жгучихъ объятіяхъ
ея ножки; мнѣ хотѣлось броситься за нее въ бездну и раз-
биться въ мельчайшія дребезги; но я зналъ, что этого я ни
за что въ свѣтѣ не одѣлаю, что, люби я ее во сто разъ больше,
и тогда бы она не дождалась отъ меня ни одного слова о
любви, а куда ужъ тутъ на колѣни падать! Между тѣмъ мы
подошли къ дачамъ; барышня поблагодарила меня за ком-
панію и ушла въ калитку,

Съ этого вечера сосѣдка еще болѣе запала въ мое сердце.
Напрасно я пробовалъ книги читать,—я не могъ добраться даже
до второй строчки; напрасно принимался писать замѣтки о де-
ревенской жизни, но вмѣсто замѣтокъ рисовались обнаженные
по локоть руки въ греческомъ рукавѣ съ паукомъ и безъ па-
ука, остренькія ножки, выглядывавшія изъ-подъ платья, гри-
бы въ длинныхъ шляпкахъ, еловые шишки, заставы съ опу-
щенными шлагбаумами, сердца соединившіяся заостренными
кончиками, гуси въ тростникѣ или профили хорошенькихъ
женщинъ. Пробовалъ я и рыбу удить, но вмѣсто пруда попа-
далъ въ рощу, и какъ разъ на то самое мѣсто, гдѣ грибы съ
сосѣдкой искалъ. А сосѣдка вела себя между тѣмъ непро-
ститительно жестоко: то присылала мнѣ тетради переводовъ
для поправки, то сушеныхъ бабочекъ и червяковъ, прося
объяснить ихъ названія, образъ жизни и поведенія. Я хотя
и встрѣчался съ ней, но она была постоянно не одна. Однаж-
ды возвращаясь вечеромъ съ прогулки домой, я рискнулъ
пройти мимо ея дачи. Она сидѣла на завалинкѣ и кормила
чернымъ хлѣбомъ барашка. Я поклонился ей и пошелъ было
прочъ, какъ она назвала меня по имени и отчеству, взяла за
мордочку барашка, повернула ее ко мнѣ и спросила, какого

я мнѣнія объ его способностяхъ. Я отвѣчалъ, что онъ, вѣроятно, не глупый барашекъ.

— Да. Только ужасный дикарь. Кормлю его каждый день, даже проборъ ему расчесала на головѣ, а все изподлобья смотритъ! Такъ и коровитъ боднуть! сказала она.

Я стоялъ и, по своему обыкновенію, молчалъ, смотря тоже изподлобья конечно не на нее, а на барашка, котораго она ласкала. Вдругъ она взглянула на меня и спросила:

— Вы умѣете ловить рыбу?

— Да, отвѣчалъ я и осмѣлился взглянуть на нее. Взоры наши встрѣтились, сдержанная страсть прорвалась наконецъ, я уж не владѣлъ собою. Еще, еще секунда! Вотъ такъ! умолялъ я ее, конечно не вслухъ, впиваясь въ ея большіе, страстные глаза и дрожа съ головы до ногъ.

— Я ужасно люблю... ловить рыбу, сказала она съ маленькою паузой, тихимъ, дрожавшимъ голосомъ, привлекая барашка къ своему лицу, по которому разлился легкій румянецъ.—Только не знаю мѣста. Принесите завтра удочку; вы намъ укажете мѣсто. Придете? спросила она, отдавая меня жгучимъ взглядомъ.

— Да!

— Такъ я буду ждать васъ завтра утромъ! сказала она, поцѣловала бодливаго барашка въ мордочку и встала съ завалилки. Я поклонился ей и пошелъ прочь.

„Ничего, братъ, не выйдетъ!“ подумалъ я, и подъ вліяніемъ горькаго предчувствія покосился на сосѣдку завалинку, Сосѣдка все еще стояла на прежнемъ мѣстѣ и глядѣла на меня. Когда я возвратился домой, въ комнатѣ мнѣ показалось душно, тѣсно; душа томилась, мнѣ хотѣлось простора, приволья; я взялъ подушку, надѣлъ халатъ и туфли, выйдъвъ въ окно и растянулся на завалинкѣ. Былъ первый часъ теплой юньской ночи; безоблачное небо горѣло миллиардами звѣздъ; всюду царили спокойствіе и тишина, нарушаемая только трескомъ кузнечиковъ, да какими-то далекими, невнятными звуками; съ луговъ тянуло свѣжимъ запахомъ сѣна; внизу, подъ горкой, свѣтилась зеркальная плоскость пруда съ группами тополей на плоскихъ берегахъ. Я развѣвился, душѣ моей стало немного повеселѣть, явились и мысли мечтательнаго свойства....

— Эхъ-ма, крылья-то подшибены! Ничего не подѣлаешь! „И прикованъ къ землѣ, на землѣ я лежу, Соколиный полетъ толь-

ко взоромъ слѣжу!“ воскликнулъ я, вздохнувъ и ударивъ съ досады кулакомъ объ стѣну. Смотрю: по сосѣднему овину, выстроенному на противоположной сторонѣ деревни, протянулась полоса свѣта. Свѣтъ этотъ выходилъ изъ сосѣдкаго окна. Я всталъ, сбросилъ туфли, чтобы не шлепали, и подкрался къ сосѣдкиной избушкѣ; крайнее окно было освѣщено и штора спущена только до половины окна. „А хорошо бы, чортъ возьми, заглянуть...“ подумалъ я и полкрался на цыпочкахъ къ окну, осмотрѣлся, присѣлъ на корточки и, притаивъ дыханіе, приплюснулъ носъ къ стеклу и что же увидалъ? Она, сама сидѣла въ шлафрокъ на кровати, поджавъ подъ себя ноги по-турецки и . . . . и . . . . дайте перевести духъ, при одномъ воспоминаніи дрожить перо въ рукахъ! Она сидѣла въ ночномъ чепцѣ съ подобранными подъ себя ножками на кровати, съ дремавшимъ котенкомъ на голомъ плечѣ и штопала чулокъ. Да, штопала, и такъ усердно штопала, что не видала, какъ и сальная свѣча плыла въ мѣдномъ подсвѣчникѣ. „Анна, Анна, славная моя!“ шепталъ я, какъ пилигримъ въ набожномъ экстазѣ передъ статуей мадонны, приплюснувъ носъ еще крѣпче къ стеклу, и не зная куда смотрѣть: на бѣлые ли ея пальцы, въ которыхъ сновала съ невѣроятною быстротой длиннѣйшая штопальная игла, или на ея голыя, полныя бѣлыя плечи, оттѣвенныя выпавшими изъ-подъ чепца черными, какъ смоль, роскошными прядями волосъ? „Еслибы ты знала, рукодѣльница моя!“ подумалъ я громче прежняго, такъ громко, что самъ испугался, и отпрыгнувъ отъ окна, спрятался за уголъ избы; но въ окнѣ никакой перемѣны не произошло. Я опять подошелъ на цыпочкахъ къ стеклу и опять вонзилъ въ него жадные взоры. Анна—такъ я ее звалъ теперь—доштопала чулокъ, сложила его пополамъ и повѣсила на перильцо своей кровати, потомъ воткнула иглу въ швейную коробку, сняла котенка съ плеча, почесала ему за ухомъ и положила на кровать, потомъ откинула волосы за ухо и загасила свѣчу. „Хороша!“ подумалъ я, и пошелъ домой, позабывъ туфли на улицѣ.

Душа моя тосковала; я чувствовалъ, что изъ любви моей прока не выйдетъ, что сосѣдка, узнавъ меня покорооче, будетъ въ душѣ смѣяться надо мной и, рано ли, поздно ли, а оттолкнетъ меня. Я былъ убѣжденъ, что не для меня любовь создана, что судьба готовитъ изъ меня стойка, а не эпикурейца, и что природы своей видно ужъ не передѣлаешь: мало

ли я работааъ надъ собой? А все такой же смѣшной бирюкѣ, какъ и прежде. „Ну и буду стоикомъ, не привыкать стать! Не все еще потеряно, пока книги есть на свѣтѣ! Учиться и учиться, вотъ твое призваніе! А тамъ пускай счастливицы пьютъ изъ чаши любви! Не для насъ она, такъ и наплевать! И безъ нея обойдемся! Будетъ себя морочить-то!“ разсуждалъ я, ворочаясь до разсвѣта на постелѣ, и послѣ долгихъ, но мучительныхъ колебаній рѣшилъ съ этого же самаго дня быть стоикомъ, то-есть, не ходить къ сосѣдкѣ съ удочкой, а если пришьеть за мной, сказаться больнымъ. Наступило утро. Я напился чаю и сѣлъ къ окну въ очень мрачномъ состояніи духа. Вдругъ откуда ни возьмись пѣтухъ взлетѣлъ на кадку противъ самаго моего окна и давай горлавить. Пѣтушиного крика я терпѣть не могъ, поэтому пѣтуха я пугнулъ. Пѣтухъ загорлавилъ еще громче. Я бросилъ въ него хлѣбнымъ шарикомъ, пѣтухъ перелетѣлъ на другую кадку и опять заоралъ. Я вынулъ удочку, привязалъ къ концу лѣсы кусокъ сахара и закинулъ въ пѣтуха; пѣтухъ слетѣлъ на траву и давай орать благимъ матомъ.

— Что это вы, сосѣдъ? Пѣтуха, сахаромъ ловите? спросилъ меня женскій голосъ.

Я поплася; голосъ принадлежалъ хорошенькой сосѣдкѣ. Нечего дѣлать, я высунулся изъ окна и пробормоталъ что-то ей, тоже высунувшейся изъ окна.

— Вы не забыли вчерашняго слова? спросила она меня.

— Какого? спросилъ я ее, хотя очень хорошо зналъ о чемъ шло дѣло.

— Какого?! повторила она съ удивленіемъ.

— Именно, подсказалъ мнѣ какой-нибудь, вѣроятно, насмѣшливый чертенокъ; я и сказалъ: „именно!“ хоть и спохватился, что этого не слѣдовало сказать, но было ужь поздно.

— Гм! выпустила она въ свой крошечный носикъ, и надувъ губки, отвернулась.

Я подождалъ немного; она молчала.

„Должно-быть обидѣлась!“ подумалъ я, и захлопнулъ окно.

Но совѣсть меня грызла; я чувствовалъ, что поступилъ скверно и что надо, во что бы то ни стало, поправиться. А поправиться было одно средство: идти къ сосѣдкѣ и пригласить ее на рыбную ловлю. Я такъ и сдѣлалъ; накопалъ червей въ пузырькѣ, приодѣлся, взялъ пару удочекъ, буракъ и пошелъ съ замираніемъ сердца на новое испытаніе. Во-

шелъ въ сосѣдскую избу и ужаснулся: передо мною, во всей красотѣ своей, стояла передъ зеркаломъ обворожительная сосѣдка и расчесывала свою великолѣпную косу; по правую руку двѣ ея сестры за пальцами сидѣли, а по лѣвую—мать со старухою сестрою полоскала чайныя чашки. Красавица скользяща въ дверь, и я остался какъ ракъ на меду: съ ней мнѣ было все-таки легче, она какъ-то умѣла выводить меня изъ затруднительнаго положенія. Первая заговорила со мною мать.

— Вы на рыбную ловлю собрались? спросила она меня, обтирая чашку и благосклонно улыбаясь.

Я что-то пробормоталъ, должно-быть некстати потому, что дочки ея такъ и фыркнули въ пальцы. Я до того растерялся, что подошелъ къ чайному столу, за которымъ сидѣла мать, и сунулъ ей баночку съ червями, а самъ гляжу ей въ глаза дуракъ-дуракомъ.

— Видите, сколько вы червячковъ накопили! сказала она, улыбаясь и разсматривая пузырекъ съ червями; а я хоть бы слово: повернулся къ ней бокомъ, и смотрю на дверь, куда дочь ея ушла.

— Моя дочь сейчасъ выйдетъ, сказала она.

— А какъ не выйдетъ? спросилъ я и почувствовалъ, какъ будто холодною водою меня облили. Дочки ея вторично фыркнули и убѣжали изъ комнаты.

— Выйдетъ! успокоила меня мать, и дѣйствительно она вышла. Я немного ожилъ. Она обмѣнилась со мною двумя, тремя словами, накинула теткѣ тальму на плечи, поцѣловала у матери руку, взяла со стола пузырекъ съ червями и сказала мнѣ:

— Пойдемте!

Мы пошли: она, я и тетка ея.

„Что-то будетъ?“ думалъ я, чувствуя неодолимое смущеніе духа, безпрестанно краснѣя и спотыкаясь о корни, о камни, даже о свою собственную ногу. Наконецъ, мы пришли къ берегу. Я развязалъ лѣсы, насадилъ на крючки червячковъ, подалъ барышнямъ удочку, взглянулъ тоскливо на воду и сѣлъ. Старуха вынула чулокъ и тоже сѣла. Барышня стояла. Мы закинули удочки и стали ждять, рыба клевала плохо и шла все мелкая. „Не перейдти ли намъ на плотъ, тамъ глубже?“ спросила меня барышня. Я отвѣтилъ, что можно, пожалуй, и на плотъ перейти, но что....

— Что? подхватила она.

А то, что для того чтобы перебраться на плоть, надо было подать ей руку, потому что этого [требовала вѣжливость; но подать руку молодой, хорошенькой барышня, да еще при посторонних! Пожалуй, пойдутъ пересуды, клеузы; донесутъ матери, узнаетъ тетушка, деревня вся заговорить, вѣтъ, ни за чтò! рѣшилъ я и стоялъ, какъ вкопанный.

— Или вы боитесь утонути? И васъ спасу, сказала она совершенно серьезно и взяла меня за руку.

Я не трогался съ мѣста, ни живъ ни мертвъ, дыханіе замерло, предсмертный холодъ леденилъ тѣло.

— Не хотите? спросила она чуть слышно такимъ голосомъ, что до сихъ поръ не могу его забыть.

Я молчалъ.

— Нѣтъ? повторила она еще тише и выпустила мою руку.

— Нѣтъ! отвѣтилъ я, и съ радостью бросился бы въ эту минуту въ пасть акулы или провалился бы сквозь землю. Барышня отдала мнѣ молча удочку и пошла къ старухѣ, сидѣвшей на прежнемъ мѣстѣ и вязавшей чулокъ. Я тоже побрелъ куда-то, куда и самъ не зналъ. Только что отошелъ отъ берега, смотрю: изъ роуца выходитъ сосѣдкинъ родственникъ съ двумя барышнями подъ руку. Сомнѣнія больше нѣтъ, я пойманъ, насъ подстерегли. Я бросился въ кусты и побѣжалъ сломя голову чрезъ овраги, пашню, ручейки; вбѣжалъ въ свою комнату, заперся на крюкъ, затворилъ окно, опустил гардину и кинулся на постель. „Что, дружокъ, поджалъ хвостъ? Ловеласничать! Погоди, вотъ мы тебя!“ слышалось мнѣ изъ окна, изъ двери, изъ шкапа, отовсюду. Мнѣ чудилось, будто лѣзутъ на меня изъ стѣны, изъ пола, изъ потолка голыя, коренастыя ноги, сжатые кулаки, помела, лопаты, палки, лохматыя хари съ страшными зубами и все это пыряетъ, кидаетъ въ меня грязью, харкаетъ мнѣ въ лицо, тащитъ меня съ кровати. „Не буду, виноваты!“ умолялъ я, упираясь руками и ногами въ стѣну. „Дуаки, брать! Вотъ мы тебя! Бей, лупи его, каналью!“ орали во всю глотку хари подъ предводительствомъ самого сосѣдкина родственника, съ веревочною петлей въ рукахъ. Я очень хорошо зналъ, что все это вздоръ, что этого ничего не было и быть не могло; тѣмъ не менѣе все это видѣлось и слышалось мнѣ какъ будто и въ самомъ дѣлѣ было. Такъ, а съ ум

сошелъ бы, есдибы меня одного заперли въ церковь съ покойникомъ, хотя увѣреть какъ нельзя больше, что громаднѣйшій покойникъ безопаснѣе самаго маленькаго живаго чловѣка.

Дня черезъ два тетушка переѣхала по моей просьбѣ въ Москву.

„Баба! Зюзя! Эээ! расхныкался, сердечный! По головкѣ, что ли, погладить?! А туда же! Въ стоики лѣзеть! Ужь не совалясь бѣ лучше!“ ругалъ я себя, трясясь на ломовомъ извозчикѣ, на которомъ перевозилъ тетушкино имущество въ Москву съ дачи, и утирая кулакомъ глаза, мокрые отъ слезъ.

Въ Москвѣ я принялся съ новымъ жаромъ за ученіе и снова повелъ свою прежнюю, затворническую жизнь; но совѣдкинь упрекъ: „не хотите? нѣтъ?“ долго еще звучалъ въ моихъ ушахъ, и долго еще мерещились мнѣ черные глаза, голыя, полныя плечи и бѣлый, какъ слоновою кегля, локоть ея, и долго еще манила меня жизнь къ себѣ. Видно, стоикомъ не такъ-то легко быть, какъ я думалъ прежде! Да и куда мнѣ быть стоикомъ!

Г...

ПЕРЕПИСКА

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

СЪ ГР. Н. И. ПАНИНЫМЪ

Во второй книгѣ *Чтеній въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей*, за нынѣшній годъ, напечатано слишкомъ 400 писемъ и записокъ Екатерины II къ графу Никитѣ Ивановичу Панину и нѣсколько его писемъ къ ней. Большею частію они состоятъ лишь изъ нѣсколькихъ строкъ; содержаніе нѣкоторыхъ писемъ относится къ такимъ обстоятельствамъ, которыхъ мы теперь не знаемъ, въ иныхъ есть только намеки на какія-нибудь бывшія передъ тѣмъ словесныя объясненія; но не взирая на все это, нельзя не считать напечатанія названной переписки очень любопытнымъ матеріаломъ для объясненія Екатерининской эпохи, этой любопытнѣйшей эпохи нашей исторіи, съ которою пора наконецъ намъ немножко познакомиться и перестать повторять о ней съ чужаго голоса.

Прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе общій тонъ этихъ писемъ или, правильнѣе, этихъ коротенькихъ записочекъ, этихъ летучихъ замѣтокъ, набросанныхъ по прочтеніи какой-нибудь депеши, черезъ полчаса послѣ доклада, при которомъ упущено было какое-нибудь обстоятельство: эти клочки бумаги летали, какъ видно по числамъ, по нѣскольку разъ въ день.

Очевидно, въ корреспонденці такого рода нечего искать очень крупныхъ фактовъ, разрѣшенія великихъ государственныхъ вопросовъ; изъ все это можно, однако, найдти указанія, и нерѣдко указанія очень интересныя, обнаруживающія какъ слагалась мысль, выразившаяся потомъ въ какомъ-нибудь манифестѣ или указѣ. Но не въ этомъ, повторяю, главный интересъ лежащей передъ нами переписки: она раскрываетъ отношенія разныхъ лицъ тогдашняго времени между собою, и самое главное, она разоблачаетъ замѣчательную историческую личность, снимаетъ съ ея лика двойную штукатурку ласкательства и клеветы, сводитъ ее съ пьедестала и даетъ намъ возможность всмотрѣться въ нее на близкомъ разстояніи.

Должно признаться, что эта личность ни мало не теряетъ отъ близкаго съ нею знакомства. Напротивъ, читая эти часто шаловливыя, иногда серіозныя, всегда безцеремонныя и писанныя безъ всякихъ претензій записки Екатерины, понимаешь то обаяніе, которое это женщина распространяла вокругъ себя, независимо отъ своего сана, еще въ то время, когда ея положеніе при дворѣ было очень сомнительно, когда едва ли кто могъ предвидѣть въ ней будущую императрицу,—обаяніе, которое доставило ей горячихъ приверженцевъ и, наконецъ, возвело ее на престолъ.

Вотъ, напримѣръ, ея письмо (на французскомъ языкѣ) къ Павину, съ описаніемъ неудачнаго смотра, произведеннаго балтійскому флоту: „Мы имѣемъ корабли и множество народу на нихъ, но не имѣемъ ни флота, ни моряковъ. Когда я подняла штандартъ, и корабли, проходя, салютовали, два изъ нихъ чуть не погибли по неискусству своихъ капитановъ: одинъ запутался кормою въ такелажъ другаго въ какихъ-нибудь ста саженахъ отъ меня; они съ полчаса возились, прежде чѣмъ успѣли распутаться. Потомъ адмиралъ приказалъ всему флоту вытянуться въ линію, но ни одинъ корабль не умѣлъ занять своего мѣста, хотя погода была прекрасная. Наконецъ, въ 5 по полудни, подошли къ берегу, чтобы начать бомбардированіе предполагаемаго города; поставили бомбардирное судно (*bateau à bombes*); когда же захотѣли поставить и другое, то едва его наши, потому что никто не оказался на своемъ мѣстѣ. Начали стрѣлять бомбами и ядрами, но все мимо, и продолжали такимъ образомъ до 9 часовъ вечера, пока, наконецъ, утомленная и оглушенная всѣмъ

этимъ трескомъ, столько же бесполезнымъ, сколько и смѣшнымъ, я не пригласила на свой корабль адмирала и не распрощалась съ нимъ, прося его не настаивать на окончательномъ сожженіи того что еще оставалось отъ мнимаго города....“ „Вотъ что я должна сообщить вамъ, одному вамъ“, пишетъ государыня въ началѣ письма: „мы пріѣхали благополучно на слѣдующее утро по выѣздѣ изъ Петербурга; вотъ что вы можете сказать генераль-адмиралу, и увѣрить его въ моемъ расположеніи (ma tendresse).“

Флотъ нашъ, какъ извѣстно, улучшился, вписалъ въ исторію имя Чесмы, а между тѣмъ не было ни распеканій, ни крику, ни ломки людей и учреждений!

Екатерина была гуманна не въ одномъ своемъ *Наказѣ*, а въ самой дѣйствительности; это видно во многихъ мѣстахъ ея переписки съ Панинымъ. „Я весьма господину Кашкину рекомендовала, пишетъ она по поводу Мировичевой продѣлки, чтобы безъ крайности не прибѣгнуть къ строгости.“ Точно также, получивъ извѣстіе о какомъ-то мошенничествѣ происшедшемъ въ банкѣ, она замѣчаетъ: „позвольте чтобы я, въ крайней откровенности, вамъ повѣрила мои сумнѣнія: не замѣшанъ ли съ Гомомъ какъ-нибудь Глѣбовъ (бывшій при Петрѣ III генераль-прокуроромъ и дѣлавшій большія злоупотребленія), о чемъ прошу тебя исподоволь предостеречь и не сдѣлать иного употребленія о семъ, какъ сколько ваша осторожность дозволить, дабы иного невиннаго не поклепать.“¹

Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что эти строки были написаны въ такое время, когда было еще не мало людей и даже женщинъ съ урѣзанными въ предшествующія царствованія языками, когда еще живы были представители иныхъ взглядовъ на правосудіе—Биронъ и Минихъ.

Съ тѣхъ поръ какъ безуставная кибитка Петра Великаго перестала носиться по Россіи, народъ русскій не видалъ царей своихъ. На эктеняхъ смѣнялось имя Екатерины I именемъ Петра II; имя Анны—именемъ Иоанна; но боги не сходили съ своего Олимпа и не показывались простымъ смертнымъ. Самая популярная изъ царствовавшихъ особъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, Елисавета, совершила поѣздку въ

¹ Въ этихъ строкахъ уже слышится слово *Наказа*: лучше простать десять виновныхъ чѣмъ казнить одного безвиннаго.

Кіевъ—и только. Екатерина, напротивъ, объѣхала всю почти Россію, и вотъ, конечно, одна изъ причинъ той огромной популярности, которою она до сего времени пользуется; вотъ почему какой-нибудь полтавскій крестьянинъ, еще въ тридцатыхъ годахъ вышшаго вѣка, къ каждому своему разказу приплетаетъ слова: „Когда, блаженныя памяти, государыня изволила проѣзжать чрезъ нашу губернію, я будучи еще парвишкою....“¹ Народъ толпами сбѣгался въ города и на станціи гдѣ она останавливалась, и ея поѣздка имѣла дѣйствительно видъ триумфальнаго шествія. „Народъ здѣшній, пишетъ она изъ Риги, ждалъ моего пріѣзда изъ Митавы до перваго часа за полночь, и какъ увидѣлъ мою карету, то съ виватомъ проводилъ меня до моего дома. Je vous écris ceci, прибавляетъ она, pour vous montrer, que les Livoniens commencent à avoir des influences de leurs conquérans.“

Черезъ три года послѣ поѣздки въ Остзейскія провинціи, Екатерина отпрадилась внизъ по Волгѣ. Въ Твери она сѣла на галеры вмѣстѣ съ многочисленною свитою и дипломатическимъ корпусомъ. Эта поѣздка была вполнѣ торжествомъ. Изъ Костромы Екатерина пишетъ Павину: „Завтра поѣду отсель, а *иноплемениковъ* (дипломатическій корпусъ) отпущу къ Москвѣ. Они вамъ скажутъ какъ здѣсь я принята была. Я ихъ не однажды видѣла въ слезахъ отъ народной радости.“ „Пріемъ мнѣ отиѣнный, пишетъ она изъ Казани;—намъ отиѣнно (ымъ) онъ кажется четвертую недѣлю: видимъ вездѣ равную радость, а здѣсь еще отличнѣ.“

Города устраивали триумфальныя арки; дворянство съѣзжалось изъ своихъ деревень чтобъ ей представиться; Орловы, Бибиковы, Петръ Павинъ устраивали праздники въ своихъ нижегородскихъ и симбирскихъ помѣстьяхъ. Дѣти и дряхлые старики выѣзжали ей на встрѣчу. „Скажите брату вашему, пишетъ Екатерина Павину изъ Казани, что вчерась я была въ здѣшнемъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ у воротъ встрѣтилъ меня его дѣдушка, Кудравцевъ, и такъ мнѣ обрадовался, что почти говорить не могъ; я остановилась и съ нимъ начала говорить, и онъ мнѣ сказывалъ, что онъ очень слабъ и почти слѣпъ, и какъ онъ головою все подвигался, чтобы меня видѣть, такъ я гораздо къ нему подвинулась, чѣмъ

¹ Вечера на зупортъ близъ Дуканьки.

онъ казался весьма довольнымъ. Онъ уже ни ходить, ни одѣваться не можетъ; его водятъ.“

Этотъ „безсмертный“ Кудрявцевъ, какъ его шутя называла императрица, подарилъ ей цугъ вороныхъ коней.

Эти простодушные подарки, эти радостныя встрѣчи лакали ея сердце. Она, вмѣстѣ съ тѣмъ, понимала какой великій политическій рычагъ эта народная преданность. Отпустивъ *иноплеменниковъ*, она нѣсколько разъ потомъ требовала отъ Панина извѣстій, что они говорятъ: „Скажите мнѣ, что министры вамъ скажутъ о ихъ съ нами путешествіи?“ „Любопытна я знать что въ перлюстраціи о томъ будетъ?“ Скажутъ, можетъ-быть, что эти вопросы продиктованы самолюбіемъ: можетъ-быть; человѣческія чувства не математическія формулы, и всякій ихъ понимаетъ по своему.

Несомнѣнно, что поѣздка 1767 года была очень пріятна для Екатерины. „Ничего пріятнѣе быть не можетъ, какъ воляжировать безъ усталы, цѣлымъ домомъ.“ По не въ этомъ, однакожь, состояло удовольствіе настоящаго путешествія. Екатерина видѣла вокругъ себя прекрасный край — плодородный, изобильный: „Хлѣбъ всякаго рода такъ здѣсь хорошъ, пишетъ она изъ Казанской губерніи,—какъ еще не видала; по лѣсамъ же вездѣ вишни и розыны дикіе, и лѣса много нѣтъ, какъ дубъ и липа; земля такая черная, какъ въ другихъ мѣстахъ въ садахъ на грядахъ не видать. Однигъ словомъ, сіи люди Богомъ избалованы. Я отроду такихъ рыбъ вкусомъ не видала, какъ здѣсь; и все въ изобиліи, что себѣ представить можешь, и не знаю въ чемъ бы они имѣли нужду: все есть и все дешево.“

Нужды края, однакожь, не замедлили открыться. Вотъ что читаемъ мы въ запискѣ изъ Симбирска: „Городъ самый скаредный, и всѣ дома, кромѣ того въ которомъ стою, въ конфискаціи, и такъ мой городъ у меня же. Я не очень знаю, схоже ли то съ здравымъ разсужденіемъ, и не полезнѣе ли повернуть людямъ ихъ дома нежели сіи лучинки имѣть въ странной собственности, изъ которой ни коронныя деньги, ни люди не сохранены въ цѣлости. Я теперь здѣсь упражняюсь сыскать способы, чтобы деньги были возвращены, дома попустому не упали и люди не приведены были вовсе въ истребленіе, а недоимки писали и вину — только сто семь тысячъ рублей, къ чему послужила (чему причиною) какъ кража, такъ и разныя несчастныя прикаюченія.“ „Отсеятъ

выдѣхать нельзя, находимъ мы въ одномъ письмѣ изъ Казани:— столько разныхъ объектовъ, достойныхъ взгляду, idées же на десять дѣтъ здѣсь собрать можно; c'est un Empire à part, et il n'y a qu'ici, où l'on peut voir ce que c'est que l'immense entreprise de nos loies, et combien celles d'aprèsent sont peu conformes à l'état de l'Empire en général.“

Послѣднія строки этого письма (1767) имѣютъ очевидную связь съ учрежденіемъ Комиссіи Уложенія и съ тою формою, которая была дана этой комиссіи.

Переписка съ Панинымъ обнаруживаетъ, какова была доля личнаго участія Екатерины въ дѣлахъ правленія и затѣмъ, каково было въ немъ участіе ея приближенныхъ совѣтниковъ. Намъ извѣстно, что весьма многіе указы, инструкции и манифесты были писаны рукою самой императрицы; намъ случалось видѣть въ архивахъ собственноручныя ея приказанія незначительнымъ военнымъ начальникамъ, которыя она пересылала черезъ военную коллегію; но все-таки мы должны сказать, что она далеко не принимала такого обширнаго, всесторонняго и непосредственнаго участія въ дѣлахъ управленія, какъ Петръ I. Петръ былъ не только первый министръ своей администраціи, къ которому сходились всѣ важнѣйшія дѣла, онъ нерѣдко входилъ въ мельчайшія подробности управленія, какія по нынѣшнимъ понятіямъ не должны бы восходить даже къ министру. Онъ иногда совѣщался съ своими приближенными, но почти всегда рѣшалъ самъ. Въ большей части случаевъ сенатъ только изготовлялъ ему доклады: онъ писалъ резолюціи противъ представляемыхъ ему пунктовъ. Екатерина дѣйствовала иначе: общее направленіе давала она, но и то большею частію по совѣщаніямъ съ своими министрами; исполненіе же вполнѣ имъ предоставлялось. На это мы находимъ множество указаній въ перепискѣ ея съ Панинымъ. „Faites-moi un mot de réponse, si vous êtes de mon avis.“ „Пожалуй прочтите приложенныя піесы и посмотрите, что складнѣе дѣлать надлежитъ...“ „Dites-moi votre avis afin de finir au plutôt cette affaire.“ Нерѣдко случалось, что Екатерина сама, по природной своей пылкости, брала перо и писала отвѣтъ на какую-нибудь депешу; но потомъ отсылала свой отвѣтъ къ Панину съ такою, напримѣръ, запиской: „Si vous trouvez ma réponse mal, rapportez-la moi demain...“ или: „Si cette lettre aura l'honneur de vous plaire, envoyez-la au comte

Koumianzoff...“ ила: „Прикажете копію снать съ письма къ Кейзерлингу, если вы имъ довольны.“ Особенно любопытно въ этомъ отношеніи то письмо государыни (французское), которое касается собственноручнаго письма короля Станислава къ Фридриху, вскорѣ послѣ вступленія перваго на польскій престолъ. „Признаюсь, писала она по его прочтеніи, я была испугана пылкостью перваго параграфа этого письма. Оно, конечно, очень остроумно, но вовсе не прилично... *о, какъ бы вы разобрали меня, еслибъ я написала письмо такое блестящее, но которое было бы такъ вредно моимъ интересамъ!*“ Изъ этого письма очевиднымъ дѣлается, что личная переписка государыни по дипломатическимъ дѣламъ, проходила черезъ руки Панина. „Графъ Никита Ивановичъ, пишетъ она ему во время начинавшихся съ Швеціей недоразумѣній, — не полезно ли было (бы), чтобъ я написала собственноручное письмо къ королю шведскому, въ коемъ бы я ему, какъ ближняя родственница, открыла свое мнѣніе о его поступкѣ?...“ „*Ne serait ce pas le moment de l'emporter en Suède sur la France, en faisant espérer à la première le payement de l'argent qu'ils nous demandent?...*“

Такой холодный умъ, такая флегматическая натура какъ Панинъ, былъ необходимъ, чтобъ удерживать слѣшкомъ непосредственныя движенія государыни. Чувства радости или досады при полученіи извѣстій благоприятныхъ или неблагоприятныхъ выражались въ ней чрезвычайно сильно. Узнавъ о смерти Августа III (польскаго), она вскочила со стула: „Не смѣйте мнѣ, что я со стула вскочила, какъ получила извѣстіе о кончинѣ короля польскаго; король прусскій изъ за стола вскочилъ, какъ услышалъ!“ Вотъ что написала она, получивъ донесеніе о заключеніи Обрезкова, — нашего посланника при Портѣ, — въ Семибашенный замокъ и о разрывѣ съ Турціей: „*Faites dire à ce bavard de pascha s'il en est temps encore, que si on relâchera Obreskoff, qu'on mettera aux Sept-Tours à sa place l'ambassadeur de France¹, qu'on punira le vizir qui a arrêté Obreskoff et qu'on m'enverra faire des excuses — la guerre pourra encore s'arreter et la paix exister.*“

Разумѣется, этотъ взрывъ оскорбленнаго самолюбія необходимо было успокоить хладнокровному Панину, — но нельзя не

¹ Графъ Вержамъ дѣйствительно сильно интриговалъ въ Константинополѣ противъ Россіи и ея представителя.

видѣть въ этомъ примѣрѣ какъ глубоко чувствовала Екатерина оскорбленіе наносимое національною гордостью: въ подобныхъ случаяхъ вопросъ государственный, дѣло народное становилось для нея дѣломъ личнымъ. Другой случай: австрійское правительство, по своей всегдашней системѣ, пожелало вмѣшаться въ переговоры, нѣсколько разъ, какъ извѣстно, начинавшіеся между воюющими сторонами во время турецкой войны. Повидимому отъ князя Кауница было получено предложеніе о посредничествѣ,—и вотъ что написала Екатерина по прочтеніи вѣнскихъ предложеній: „M. le comte Panin, je vous prie de me faire une copie de ces mémorables papiers dans lesquels il y a *du tout*. Il y a apparences que Leurs Majestés Impériales n'ont pas les nerfs bien flexibles pour la guerre, mais M. le prince Kaunitz est père peut-être que le temps amenera de façon ou d'autre les choses au but où il les désire. Dictier la paix, c'est ce qui l'accommoderait beaucoup. Mais les *Dictateurs* n'ont point usé de leur pouvoir en Russie du temps de l'ancienne Rome. J'espère qu'à présent aussi nous ne leur donneront pas place si aisément“.

Любопытно слѣдуетъ эти несомнѣнные выраженія образа мыслей Екатерины, а слѣдовательно отчасти и правительства русскаго, съ оцѣнкою дѣлаемою имъ иностранными дипломатами, особенно французскими. Мы находимъ въ такъ-называемомъ Тургеневскомъ сборникѣ (хранящемся въ государственномъ архивѣ) слѣдующія слова барона Бретеля, считавшагося однимъ изъ самыхъ проницательныхъ дипломатовъ своего времени: „я знаю, какъ боится Россія разсориться съ Турціей“... Въ томъ же сборникѣ находится донесеніе второстепеннаго французскаго агента въ Петербургъ, Россиньола, въ которомъ говорится между прочимъ: „Россія предлагаетъ Турціи всевозможныя удовлетворенія.“ Мы видѣли какія удовлетворенія Екатерина предлагала Турціи!

Внутренніе раздоры, тайная ненависть противъ правительства, безденежье,—вотъ извѣстія, которыми французскіе дипломаты въ Россіи тѣшили самолюбіе своего разрушавшагося короля и односторонность своего министра. За то прочитавъ одну изъ французскихъ депешъ, касавшуюся внутренняго состоянія Россіи, Екатерина написала къ Панину: „Куда-ста какъ Шуазель знающъ о нашемъ положеніи!“

Мы видѣли, какъ живо и съ какою силою Екатерина принимала впечатлѣнія, и что ея первое движеніе было въ пользу быстрыхъ и энергическихъ мѣръ. Энергія, отвага, геройство,

всегда увлекали ее даже и во врагахъ: „Какъ я весьма любопытна видѣть господина Левашова, пишетъ она Панину во время Барской конфедераціи, то прошу его прислать къ обѣду. Весьма я желаю знать, какимъ образомъ Огинскому удалось такого знатнаго корпуса разбить? Я заключаю, что былъ окруженъ, онъ искалъ продраться, и сіе всегда удавалось на войнѣ; и если бы Петръ Великій то же сдѣлалъ, то бы Прутскій миръ не состоялся.“

Таковы любопытныя извѣстія почерпаемыя въ письмахъ Екатерины къ Панину. Но вышенаведенными замѣтками интересъ ихъ далеко еще не исчерпывается. Мы находимъ въ нихъ несомнѣнныя доказательства, что въ это время, по крайней мѣрѣ, между государыней и великимъ княземъ существовали весьма добрыя отношенія. Правда, какъ замѣчаетъ г. Лебедевъ въ любопытной брошюрѣ своей: *Графы Никита и Петръ Панины*,—она предоставила воспитателю полную свободу въ дѣлѣ воспитанія, и во всѣхъ четырехъстахъ лежащихъ передъ нами письмахъ ея мы не находимъ почти ни слова относящагося къ этому предмету, но взаимныя добрыя отношенія матери и сына доказываются ими несомнѣнно. Панинъ едва ли не каждый день обязанъ былъ доносить о состояніи здоровья своего питомца; въ отвѣтныхъ же письмахъ государыни нерѣдко проглядываетъ даже нѣжность; выраженія: „сыну моему скажите мое благословеніе; радуюсь что онъ здоровъ и веселъ“, встрѣчаются очень часто. Приглашая его къ себѣ въ Петергофъ, она пишетъ Панину: „Изволь смѣло перѣѣхать сюда; дни должны быть красныя, ибо Петровки; только велите великаго князя шубы класть поближе, ибо дорогою найдете на одинъ день десять годовъ разныхъ.“ За нѣсколько дней до празднованія своего вступленія на престолъ, государыня получила извѣстіе, что великій князь не совсѣмъ здоровъ: „Не лучше ли будетъ, пишетъ она изъ Петергофа, чѣмъ рисковать его въ слабости перевозить, чтобъ я въ городъ пріѣхала для праздника? Мнѣ отселѣ гораздо свободнѣе подняться нежели вамъ сюда безъ поврежденія здоровья сына моего.“

Надобно притомъ замѣтить, что въ эпоху, къ которой относится настоящая переписка, великому князю было 12—14 лѣтъ,—возрастъ, когда между ребенкомъ и матерью, не занимающею непосредственно его воспитаніемъ, особенной близости быть не можетъ; обмѣна мыслей между ними еще не было,

характеръ еще не обнаружился, однимъ словомъ, еще не было того что составляетъ основу привязанности въ людяхъ постоянно занятыхъ важными общими вопросами. Случилось однакожь, что однажды (1769) великій князь написалъ къ императрицѣ письмо, которое глубоко обрадовало ее: „Графъ Никита Ивановичъ, пишетъ она, прочитавъ его, — письмо великаго князя очень меня обрадовало; voilà une lettre éloquentе, mâle, d'un style noble et rempli des sentimens que je souhaite qu'il aie de toute façon. J'en'ose assez me persuader qu'il l'aie écrit tout seul; c'est presque trop pour son age“... Около того же времени, нѣсколько раньше, государыня захворала, будучи въ Петергофѣ, гдѣ гостилъ у нея великій князь безъ своего воспитателя; „онъ просидѣлъ у моей постели какъ старичокъ“, пишетъ Панину государыня: „и я ввѣрила ему секретъ, который онъ теперь весьма хранить“.

Г. Лебедевъ замѣтилъ, что охлажденіе между великимъ княземъ и государыней началось послѣ поѣздки его за границу; это весьма можетъ быть; во всякомъ случаѣ, въ эпоху, къ которой относится напечатанная переписка, повторяю, отношенія между матерью и сыномъ были очень хорошія.

Г. Лебедевъ говоритъ также о двусмысленномъ отношеніи обоеихъ братьевъ Паниныхъ къ государынѣ. Мы знаемъ, что они не принадлежали къ числу ближайшихъ ея друзей, ни до вступленія, ни по вступленіи ея на престолъ; знаемъ также, что старшій изъ этихъ братьевъ, въ минуту отреченія императора Петра III, имѣлъ виды не совершенно сходныя съ видами Екатерины; но передъ нами несомнѣныя доказательства, что довѣріе государыни къ министру иностранныхъ дѣлъ было весьма велико. Позволительно думать, что эта гордая, знавшая себѣ цѣну женщина, не всякому, даже приближенному своему, посылала свои письма и указы на предварительный просмотръ. Но этого мало. Во всей приведенной перепискѣ, мы находимъ только одобреніе его дѣйствій. Можетъ-быть, напечатанныя теперь письма нарочно съ этою цѣлю подобраны? Но въ одномъ изъ первыхъ же, относящемся къ дѣлу Мировича, мы читаемъ: „...надѣюсь, уже усмотрѣли изъ писемъ моихъ мое удовольствіе о всѣхъ вашихъ по сему дѣлу взятыхъ мѣрахъ; однакоже услыша вышесказанное, не хотѣла оставить вамъ повторить, что не токмо весьма довольна, но призываюсь,

что лучше сдѣлать не можно было.“ Ужь одно то обстоятельство, что дѣло о Мировичѣ, столь щекотливое и важное, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, было поручено Панину, не доказываетъ ли большаго къ нему довѣрія? Въ дальнѣйшихъ письмахъ своихъ, государыня шутила съ нимъ, весела, откровенна, называетъ Миниха „врагемъ“, „godeur.“ Получивъ однажды, во время доклада Елагина, письмо отъ Панина, она приказала ему написать отвѣтъ, а внизу приписала: „канцлеръ господина Елагина, Екатерина“. Оканчивая одно довольно длинное письмо къ нему, она приписываетъ: „Vous direz: знатно ей досугъ писать, а мнѣ право не досугъ читать.“ Въ двухъ мѣстахъ переписки, она называетъ его даже mon ami. Изъ записокъ Державина мы знаемъ, что Екатерина была иногда нетерпѣлива и даже вспыльчива съ своими докладчиками; но въ отношеніи къ Панину она постоянно снисходительна, и самымъ любезнымъ образомъ напоминала ему, что онъ мѣшкотенъ и разсѣянъ: „Je suis si discrète que vous m'envoyez vos billets-doux et que je vous les renvoie sans les lire, et puis vous venez me dire que ce sont des lettres de famille....“ Одинъ разъ только она дала ему почувствовать, чуть замѣтнымъ отгѣнкомъ, неудовольствіе на его неповоротливость: „Пожалуй, старайтесь пріѣхать поранѣе, а не во второмъ часу, дабы можно было дѣло дѣлать, а не проводить утро въ ожиданіи.“ Нетерпѣвіе здѣсь замѣтно, но въ какой сдержанной, можно сказать, гуманной формѣ!

О графѣ Петрѣ Панинѣ упоминается въ этихъ письмахъ мало. Онъ сопровождалъ государыню въ ея поѣздкѣ по Волгѣ и въ это время принадлежалъ къ ея интимному кружку. Потомъ онъ былъ въ арміи (противъ Турокъ), откуда переѣхалъ въ Москву, и сталъ во главѣ тамошнихъ „недовольныхъ“. Затѣмъ, когда разыгралось возстаніе на Волгѣ, и государыня объявила совѣту о намѣреніи самой идти противъ Пугачева, канцлеръ Панинъ замѣтилъ ей, что это будетъ излишне, и что братъ его не откажется принять на себя усмиреніе мятежа. Такъ рассказываетъ Баятышъ-Каменскій, прибавляя, что глава московской оппозиціи еще передъ тѣмъ вооружилъ многочисленную свою дворню, и собираясь съ нею противъ Пугачева, совѣтовалъ своимъ пріятелямъ, сдѣлать то же самое. Г. Лебедевъ представляетъ дѣло совершенно въ другомъ видѣ. Онъ отчасти высказываетъ,

а еще болѣе даетъ чувствовать, что оба брата Панины были постоянными врагами Екатерины, что, въ отноше-
 нии одного изъ нихъ по крайней мѣрѣ, достаточно опро-
 вергается вышеприведенными письмами. Повидимому, эта переписка была направлена г. Лебедеву, и онъ былъ наведенъ на ложный путь нѣсколькими открытыми или документами, а еще болѣе, кажется, сплетнями иностранныхъ дипломатовъ при тогдашнемъ нашемъ дворѣ. Далѣе, развивая свою тему, г. Лебедевъ говоритъ, что въ минуту весьма критическую для Россіи, когда кипѣла еще война на Дунаѣ, на Воагъ бушевало возстаніе, въ Москвѣ свирѣпствовала чума и народъ волновался, Панины вели явную интригу противъ государыни. Г. Лебедевъ взводитъ на Паниныхъ важное обвиненіе, потому что заводить въ такое время интригу значило идти не только противъ императрицы, но и противъ Россіи. Чѣмъ же однако доказываетъ онъ такое сѣбное положеніе? Прежде всего тѣмъ, что одинъ изъ нихъ былъ не доволенъ наградою, полученною за взятіе Бендеръ, удалился въ станъ „недовольныхъ“, и въ ихъ кругу позволялъ себѣ рѣзко говорить о государыняхъ, которая въ свою очередь называла его „врагемъ“ и „персональнымъ оскорбителемъ“. Названіе „врага,“ было повидимому довольно обыкновеннымъ въ устахъ Екатерины и имѣло очень серьезное значеніе только въ отноше-
 нии къ одному Арсенію Магдвевичу; что же касается до выраженія „персональный оскорбитель“, то это, правда, сильно. Но все же это не болѣе какъ слово, которымъ Екатерина мстила за слова же ворчливаго вельможи, — слово, конечно, доказывающее нерасположеніе, но не обнаруживающее преслѣдованія, точно также какъ слова Панина въ кругу московской оппозиціи далеко не доказываютъ его преступныхъ дѣяній. Замѣтимъ, что люди и особенно вельможи Екатерининскаго времени часто и много ворчали, но они чувствовали что между словами и дѣломъ—дѣлая бездна. Вибиковъ пропѣлъ, по словамъ Державина, самой государыни пѣсенку о „сарафанчикѣ“, который, когда не нуженъ, то *подъ лавкою валяется*, а между тѣмъ *вертѣтко и пригождается*: пропѣлъ—и поѣхалъ противъ того же самаго Пугачева. Кутузовъ, послѣдній изъ Екатерининскихъ людей, тоже дулся послѣ Аустерлица, однакожь поѣхалъ спасать Россію въ двѣнадцатомъ году. Что жъ удивительнаго если и Панины

сдѣлать то же самое? Развѣ не душой и не ворчали при Екатеринѣ Алексѣевѣ и даже Григорій Орловъ, а при Петрѣ Яковѣ Долгоруковѣ и Анраксизъ, а между тѣмъ преданность этихъ людей особѣ монарховъ мудро замечать. Г. Лебедевъ предполагаетъ совѣтъ Нахичы Панина назначить его брата главнокомандующимъ противъ Пугачева какъ ловушку, чтобы, такъ сказать, навязать его Екатеринѣ; такое толкованіе очень произвольно. Онъ упоминаетъ (въ выноскѣ) о какомъ-то показаніи, будто Петръ Панинъ мучилъ народъ въ Москвѣ во время чумы: но объ этомъ важнѣмъ обстоятельстве, слѣдовало распространиться чтобы дать ему значеніе; надо было бы привести все показаніе Маріи Пассекъ и объяснить кто была эта Марія Пассекъ и въ какой степени она заслуживаетъ довѣрія: безъ этого же я не думаю чтобы сложившееся мнѣніе о Петрѣ Панинѣ могло быть поколеблено. Г. Лебедевъ ставитъ восклицательные знаки по поводу обширныхъ правъ и полномочій исходатайствованныхъ себѣ Панинымъ въ приволжскихъ губерніяхъ: это однакожь было дѣломъ весьма естественнымъ съ его стороны и едва ли кто-нибудь на его мѣстѣ поступилъ бы иначе; у человѣка въ его положеніи необходимо должны быть развязаны руки. Затѣмъ, когда мятежъ былъ усмиренъ и край успокоенъ, очень естественно, что государыня не желала оставлять за нимъ чрезвычайныхъ правъ и исключительнаго положенія; она щедро наградила его отъ имени отечества за заслугу оказанную отечеству, а вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнила, что онъ „персональный ея оскорбитель“, также точно, какъ вѣроятно и онъ почувствовалъ, что его *драгителъственная* роль окончена и что ему пора перейти въ *оплошную*. Что жъ тутъ преступнаго или даже несбытаго? Поведеніе П. Панина, можетъ-быть, не совсѣмъ согласно съ правами дворовъ, но оно не лишено нѣкотораго величія.

Г. Лебедевъ представляетъ Потемкина какъ будто спасителемъ Екатерины и разрушителемъ ковоу разстаченныхъ ей Паниными. Тутъ есть конечно доля правды, но есть и огромная доля преувеличенія. Что Потемкинъ былъ несравненно болѣе преданъ лично государынѣ чѣмъ Панины, и особенно Петръ, это несомнѣнно; но, такъ какъ намъ кажется что не было никакихъ ковоу со стороны Паниныхъ, то мы не можемъ допустить и снисанія. Притомъ же изъ сличенія чиселъ, приводимыхъ самимъ почтеннымъ авторомъ,

оказывается, что Потемкинъ былъ уже въ Петербургѣ и занималъ мѣсто вице-президента военной коллегіи, когда послѣдовало назначеніе Петра Панина въ приволжскія губерніи¹; стало-быть, или назначеніе это было сдѣлано безъ вѣдома Потемкина, и сѣдовѣтельно онъ не игралъ еще роли „спасителя,“ или, что вѣроятнѣе, онъ самъ согласился на это назначеніе, которое, охотно допускаемъ, какъ ему, такъ и государынь было не совсѣмъ пріятно. Но развѣ подобныя назначенія не имѣли примѣровъ и прежде, и послѣ? Развѣ государи всегда могутъ руководствоваться своими личными симпатіями при раздачѣ государственныхъ должностей? Я думаю, что такихъ примѣровъ очень много и что нѣтъ никакого повода придавать имъ какое-то чрезвычайное значеніе.

Вообще, если можно такъ выразиться, г. Лебедевъ въ этомъ отношеніи ходитъ около правды, но не попадаетъ въ нее. Панины никогда не принадлежали къ числу короткихъ друзей Екатерины, но не изъ чего не видно, что бѣ они были ея врагами. Старшій изъ нихъ долго, и послѣ удаленія отъ дѣлъ своего брата, сохранялъ преобладающее вліяніе на дѣла вѣншей политики; извѣстно, что „вооруженный нейтралитетъ“ былъ его дѣломъ, что договоры до него относящіеся подписаны въ 1780 году. Это была, впрочемъ, его лебединая пѣснь. Потемкинъ, вмѣстѣ съ англійскимъ посланникомъ Гаррасомъ (въ послѣдствіи лордомъ Мальмобери), давно подкапывались подъ него, а между тѣмъ выдвигался способный, ловкій Безбородко. Можетъ-быть, прояска этихъ людей были не единственными причинами того, что канцлеръ потерялъ значеніе; можетъ-быть, эта потеря значенія находится въ связи съ бракомъ великаго князя, съ его путешествіемъ, какъ намекаетъ г. Лебедевъ, и въ такомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что зависяція или независяція отъ автора причины не дозволили ему обставить это обстоятельство осязательными фактами. Весьма жаль также, что напечатанная въ *Чтеніяхъ* переписка не захватываетъ этой эпохи....

Въ заключеніи позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о самомъ изданіи этой переписки. Оно сдѣлано далеко не столь тщательно, какъ того заслуживаетъ и какъ болѣею частію

¹ На стр. 96 брошюры г. Лебедева сказано, что указъ о назначеніи П. Панина подписанъ 29 іюля 1774 года, а на стр. 111. что Потемкинъ прибылъ изъ-подъ Силестріи въ январѣ того же года.

издаются матеріалы въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества*. Что можно понять, напримеръ, изъ этой буквально переписанной нами фразы: „Il est à present, du moins dit il être, à croire dans le pays des Grisons“? Или: „Также кажется, Штакельбергъ уже начинаетъ быть лишнимъ въ *Гимназіи*“? И подобныхъ недосмотровъ множество; напримеръ „...les beaux yeux de sa dame.“ Въ изданіи подобнаго *Чтенія* такіа ошибки не должны имѣть мѣста; это не журналъ, не литературный сборникъ, а ученое изданіе, собраніе историческихъ матеріаловъ, которыми должеиъ запасаться всякій занимающийся отечественною исторіей въ надеждѣ съ полною довѣренностію на нихъ сосылаться и ихъ цитировать. А для того матеріалы эти должны были изъяты отъ типографскихъ ошибокъ. Мало этого: желательно чтобъ они издавались со всею ученою обстановкой, даже съ прилчачаніями. Въ одномъ изъ вышеприведенныхъ писемъ можно было бы безъ особенныхъ изысканій объяснить при какомъ случаѣ Огинскому удалось „такого знатнаго корпуса разбить“, и кто былъ этотъ Огинскій? Мы находимъ въ одномъ письмѣ между прочимъ слѣдующее: „Что касается до зависти Полаковъ въ разсужденіи *Стол*“ Ученая редакція могла и должна была бы оговорить, что здѣсь подразумѣвается *стольмикъ* литовскій, будущій король Польши. Точно также она должна была бы подобрать письма по хронологическому порядку, а тѣ изъ нихъ, надъ которыми не выставлено числа, размѣстить согласно указаніямъ, которыя даетъ самое содержаніе писемъ. Къ сожалѣнію, наши ученые относятся съ гораздо большаго уваженіемъ къ пыльной древности нежели къ ближайшимъ эпохамъ, между тѣмъ какъ основательное изученіе послѣднихъ едва ли еще не важнѣе чѣмъ изученіе первыхъ, и во всякомъ случаѣ гораздо менѣе у насъ распространено.

П. ЦЕВАЛЬСКІЙ.

ПОСОШКОВЪ

ПО ВНОВЬ ОТКРЫТЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ.

Въ 1842 году, я имѣлъ счастье узнать и огласить сочиненіе славнаго крестьянина Петровыхъ временъ, *Ивана Посошкова*, извѣстное до тѣхъ поръ въ литературѣ только по заглавію: „*О скудости и богатствѣ*.“ Я удивился вѣрности его взгляда, дѣльности указаній, обширности соображеній и разныхъ правительственныхъ мѣръ, которыя только теперь, чрезъ полтора ста почти лѣтъ, начинаютъ приводиться въ исполненіе, напримѣръ, о кодификаціи, о размежеваніи, о кадастрѣ, о цѣнности денегъ, о содѣйствіи духовному образованію, торговлѣ, промышленности, земледѣлію, военному искусству. Посошковъ представился мнѣ геніальнымъ государственнымъ, русскимъ, по преимуществу, умомъ, толковымъ, пронизательнымъ, спокойнымъ, преданнымъ церкви, государю и отечеству.

Драгоценное открытіе встрѣчено было сомнѣніями, отрицаніями и насмѣшками. Самое существованіе Посошкова заподозрѣно, хотя еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія была напечатана записка его: *О ратномъ пѣвденіи, Наставленіе сыну, и Домсненіе митрополиту Стефану Яворскому*. Противники мои пустили въ оборотъ мнѣніе, что вѣдь открытое сочиненіе подложное, что Посошковъ есть миезъ, и

что подъ его именемъ писалъ какой-то вельможа времямъ императрицы Елисаветы или Екатерины. Нѣкоторые мои пріятеля, изъ самыхъ образованныхъ людей, вознегодовали на меня и на Посоткова за его мысли о крестьянахъ, объ отношеніи ихъ къ помещикамъ, и о необходимости опредѣлить ихъ судьбу. (Крестьянскій вопросъ, поднятый за сто с лишкомъ лѣтъ!) Другіе завидовали открытію и старались уменьшить его достоинства. Третьи отзывались неблагопріятно вслѣдствіе старой литературной вражды. Споры на первыхъ порахъ причиняли мнѣ много досады, и я помню живо одинъ четверговой вечеръ у бывшаго нашего градоначальника, князя Д. В. Голицына: съ какими усиліями долженъ я былъ отстаивать своего героя, „вводимого мною“, какъ сказалъ тогда, „въ Пантеонъ Русской Исторіи“, отъ безотчетныхъ нареканій. Въ этомъ расположеніи я заключалъ свое изслѣдованіе о жизни и сочиненіяхъ Посоткова, предпославное изданію перваго тома, стихами Пушкина:

О люди, жакій родъ, достойный слезъ и смѣха:
 Жрецы минутлаго, поклоумика успѣха.
 Какъ часто мимо васъ проходитъ человекъ,
 Надъ кѣмъ ругается сѣной и буйнымъ вѣкъ,
 Но чей высокій лукъ въ грядущемъ поколѣньѣ
 Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленья.

Надо было издать „Посоткова.“ Это соединялось въ тогдѣшнее время съ большими затрудненіями, по причинѣ многихъ свободныхъ мыслей стариннаго крестьянина, которыя современнымъ цензорамъ могли показаться не только не позволительными, но и опасными; присоединялись и другія противныя обстоятельства. Наконецъ, послѣ многихъ попытокъ и неудачъ, которымъ нынѣ и повѣрить трудно, покойный министръ Уваровъ, принявъ „Посоткова“ представленнаго ему съ изслѣдованіемъ, подъ свое покровительство, и чрезъ нѣсколько времени прислалъ мнѣ рукопись, подписанную тогдашнимъ лучшимъ цензоромъ, Керсаковымъ. Это было однимъ изъ счастливыхъ случаевъ въ моей литературной жизни и первыхъ одолженій для меня со стороны Уварова, которому я обязанъ былъ горячею благодарностію.

Между тѣмъ я друстрастился къ Посоткову, и старался всѣми силами отыскивать свѣдѣнія о жизни этого примѣчательнаго человекѣ, просилъ своихъ знакомыхъ, начальниковъ архивныхъ, охотниковъ занимающихся старинною, писалъ въ

разные города, и долгое время понапраску: ничего почти не находилось. Я терялъ всякую надежду узнать что-нибудь болѣе о своемъ героѣ. Но чрезъ десять лѣтъ, одно за другимъ, начались открытія, благодаря разрѣшенію для нѣкоторыхъ ученыхъ рыться въ архивахъ. Гг. Ивановъ (П. И.), Куприловъ, Аксаковъ (К. С.), Устряловъ, Есиповъ, Соловьевъ, Самаринъ и Пекарскій сообщили печатно и письменно найденныя ими любопытныя свѣдѣнія.

Вопервыхъ существованіе Посомкова утвердилось, и вотъ какимъ образомъ:

Профессоръ Устряловъ пріѣхалъ въ Москву въ пятидесятыхъ годахъ за матеріалами для исторіи Петра Великаго, посѣтилъ меня и просилъ показать ему, что имѣю для его предмета. Я началъ показывать ему всѣ свои рукописи. Чередъ дошелъ до тетрадки въ осьмушку, на простой сѣрой бумагѣ, заключающей въ себѣ донесеніе о ратномъ поведеніи, напечатанное Θ . Розановымъ въ 1801 году, и перепечатанное мною въ изданіи 1842 года. „Ба! воскликнулъ профессоръ Устряловъ. Это рука Головина,“ — и показалъ мнѣ помѣтку на тетрадкѣ: подавъ Посомковъ въ 1701 году. Я такъ и обмеръ отъ радости, бросился тотчасъ къ своему историческому альбому, гдѣ есть почеркъ Головина, — случили, такъ точно! Мы удостовѣрились, такимъ образомъ, что это есть подлинное донесеніе Посомкова, поднесенное Головину, имъ принятое и помѣченное. Догадка моя, выраженная въ изданіи 1842 года, не есть ли оно собственноручное, получила подтвержденіе (которое въ 1861 году утверждено совершенно слѣдующими словами г. Есипова, имѣвшаго въ своихъ рукахъ многія собственноручныя бумаги Посомкова: „считаемъ долгомъ присовокупить, что при сличеніи подлинныхъ бумагъ съ fac-simile, приложенномъ къ изданію, оказывается, что № 3¹ действительно писанъ рукою Посомкова).

¹ Не описался ли впрочемъ г. Есиповъ: не о 4 ли номерѣ онъ хотѣлъ замѣтить? А въ 3 номерѣ не было никакого сомнѣнія, потому что онъ сохранился въ подлинникѣ въ московской библиотекѣ синодальной типографіи.

Кстати замѣчу здѣсь, что при собираніи древностей и достопримѣчательностей русскихъ, я пользовался какимъ-то особеннымъ, спеціальнымъ счастьемъ: ну какъ безъ такого счастья могла бы въ продолженіи ста слишкомъ лѣтъ сохраниться маленькая тетрадка, безъ переплета, ветхая, на простой дряблой бумагѣ, не интереснаго вообще содержанія, и попасться именно мнѣ въ руки? И принесъ мнѣ ее, я помню, не букинистъ, не записной антикварій, а такъ какой-то прохожій, и я, взглянувъ мелькомъ, между другими рукописями, на тетрадку, не подорожилъ ею, потому что она заключала извѣстное печатное сочиненіе, а взялъ такъ, для стараго почерка, за рубль, кажется, серебромъ. И лежала она у меня лѣтъ десять, въ небреженіи, какъ вдругъ случайно оказалось, что это есть драгоцѣннѣйшій автографъ.¹

Это было радостное открытіе о жизни Посошкова, а вотъ тяжелое, грустное:

Въ прошломъ году я узналъ, что мой любезный Посошковъ умеръ, умеръ въ темницѣ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ, умеръ черезъ годъ почти послѣ смерти Петра I и чрезъ два по окончаніи имъ своего сочиненія „О Скудости и Богатствѣ“, 1726 года, февраля 1 дня, по полудни въ девятомъ часу, заключенный чуть ли именно не за свой безсмертный трудъ, потому что около этого же времени одинъ подъячій былъ допрашиваемъ, въ тайной канцеляріи, не было ли у него этого сочиненія Посошкова. Не могу выразить, какую скорбію поразило меня это извѣстіе, когда привелъ я себѣ на память всѣ государственныя благотворныя мысли Посошкова, вмѣстѣ съ просьбою къ Петру I, содержать ихъ въ тайнѣ, „дабы имя мое сокровенно отъ сильныхъ лицъ было, паче же отъ нелюбящихъ правды.“ („Ежелибъ желаніе мое въ дѣло произвелось, много ничего не требую, такмо да не явится мое имя ненавистливымъ и завистливымъ людямъ, паче же ябедникамъ и обидникамъ, и любителямъ неправды.“ Эти слова нашлись вновь въ черновой просьбѣ Посошкова къ Петру I, при представленіи сочиненія о скудости и богатствѣ.) Нѣтъ, не укрылось видно это имя отъ сильныхъ лицъ, не любящихъ правды, отъ

¹ Она поступила вмѣстѣ со всеми моими рукописями въ Петербургскую публичную библиотеку.

ненавидимыхъ и завистливыхъ людей, и нашли они въ безсмертномъ сочиненіи уголовныя преступленія, и заключили они гонимого мыслителя, почтеннаго гражданина, за его общепользныя предложенія, въ крѣпость, и надѣли ему на руки и на ноги тяжелыя кандалы, и умеръ несчастный вдали отъ семьи и отъ людей, съ цѣпами на рукахъ и на ногахъ, на днѣ подземной или подводной темницы. Тайная канцелярія распорядилась похоронить Посошкова у церкви Самсонія отраннопримца, на Васильевскомъ острову.

Въ нынѣшнемъ году, бывъ въ Петербургѣ, я отправился къ Самсонію. Никакихъ свѣдѣній при церкви не оказалось. Я отслужилъ панихиду по рабѣ Божиему Иванѣ, и попросилъ священника совершить литургію заупокойную, въ день кончины страдальца, 1 февраля. Печальный, мрачный стоялъ я въ церкви, слѣдуя мыслію за священными молитвами объ упокоеніи души, о царствіи небесномъ, о вѣчной памяти, и думая о томъ, что раздаются онѣ здѣсь въ первый разъ чрезъ полтораста почти лѣтъ по смерти замѣчательнаго русскаго челоука, павшаго жертвою своей ревности къ общему благу, вслѣдствіе козней отъ невѣжъ, не умѣвшихъ понять его мыслей и оцѣнить его заслугъ. Не поняли его современники, осудили его на мучительную, позорную смерть, позабыли холодные неблагодарные потомки, и даже усомнились въ его существованіи, сочи миеомъ! И пріятна была моему самолюбію, сознаюсь, мысль, что меня Богъ привелъ помянуть добромъ страдальца, и исторгнуть славное русское имя изъ забвенія.

А какъ я узналъ объ этой смерти Посошкова? Изъ отиска статьи, напечатанной г. Брикнеромъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Ригѣ, въ Балтійскомъ журналѣ, (*Baltische Monatschrift*), которую получилъ я отъ академика Куника.

Въ статьѣ находится ссылка на статью г. Есипова, помѣщенную за два года въ *Русскомъ Словѣ*, о коей незадолго предъ тѣмъ услышалъ я, впрочемъ только вскользь, плывя по Камѣ, отъ г. Бѣлова. Ясное доказательство, что мы вообще мало дорожимъ подобными свѣдѣніями. Я не слѣдилъ за этимъ журналомъ, но никто изъ знакомыхъ и не сказалъ мнѣ о этихъ статьяхъ, значитъ въ оборотъ онѣ не попали, а казалось онѣ должны бы были возбудить общее участіе!

Кромѣ этихъ свѣдѣній нашлось послѣ моего изданія еще такое, которое тяжело мнѣ было обнародовать. Покойный К. С. Аксаковъ доставилъ мнѣ слѣдующую выписку, появившуюся ему въ подлгомъ собраніи законовъ:

Въ докладныхъ пунктахъ князя Меншикова съ высочайшими резолюціями (помѣщенныхъ въ IV томѣ Полнаго Собр. Русс. Законовъ подъ 2194 на стр. 406) марта 21, 1708 года напечатано:

„Для строенія въ С.-Петербургѣ и въ другихъ Ингерманландской губерніи городахъ водокъ, желаетъ служить изъ жалованья, изъ Московичъ Иванъ Посомковъ, который до вывѣшняго года былъ у такого водочнаго строенія на Москвѣ на Каменномъ мосту, а вывѣ свободенъ: оного брать ли? И буде онъ у тѣхъ дѣлъ быть годенъ, какое жалованье учинить, или изъ другихъ кому, понеже безъ такого человѣка быть невозможно.“

„Резолюція. Посомковъ приличенъ въ ратушѣ въ воровствѣ, того ради выбрать къ тому иного, кого пристойно.“

Это мѣсто рѣшительно доказывало историческое существованіе Посомкова, но долго колебался я оглашать его, чтобы не бросить на любезное для меня имя Посомкова такой темной тѣни, можетъ-быть понапрасну. Я объяснял себѣ резолюцію навѣтами зложелательныхъ лицъ, которыхъ всегда бываетъ много, которые терпѣть не могутъ такъ-называемыхъ ими выскочекъ, и стараются вредить имъ на всѣхъ путяхъ ихъ. Я вспоминалъ себѣ жалобы Посомкова на временщиковъ. Съ другой стороны такой обвинитель, такой судія, какъ Петръ I, имѣлъ полное право на довѣріе. Не можетъ быть, чтобы онъ безъ достаточной причины отвергнулъ такого способнаго и умнаго человѣка, и не разузналъ дѣла,—и я оставался въ тѣлостномъ недоумѣніи.

Черезъ нѣсколько лѣтъ уже *Исторія Петра I* г. Устрялова, вывела меня изъ этого недоумѣнія и къ совершенному удовольствію: резолюцію, смущавшую меня столько, наложилъ не Петръ I, а Меншиковъ, которому представлялъ Посомкова московскій ландрихтеръ Корсаковъ.

Полное Собраніе Законовъ назвало Петра вмѣсто Меншикова, вѣроятно, по ошибкѣ. Г. Устряловъ ссылается на подлинные „докладные пункты ландрихтера Корсакова, рѣшенные княземъ Меншиковымъ въ Могилевѣ, 21 марта, 1708

года. Хранятся въ сенатскомъ архивѣ.“ См. предисловіе къ Исторіи Петра Великаго, стр. LX.

Видъ дѣла измѣняется: къ безпристрастію Меншикова можно не имѣть такой довѣренности, какъ къ Петру I. Самъ онъ былъ на руку не чистъ, могъ не любить Посошкова, какъ чловѣка безпокойнаго, за его проекты, которыми можетъ - быть былъ задѣваемъ, или вслѣдствіе какихъ-нибудь столкновеній; можетъ - быть не хотѣлъ допустить его до встрѣчи съ Петромъ I, въ Петербургѣ, и проч. (Вѣроятно, Меншиковъ участвовалъ и въ конечномъ заключеніи Посошкова, по смерти Петра I, потому что онъ тогда былъ всемогущъ, и безъ его вѣдома не дѣлалось ничего. Г. Есиповъ предполагаетъ также нерасположеніе Меншикова къ Посошкову.)

Наконецъ, въ отстраненіе обвиненія Меншикова можно привести то, что Посошковъ былъ вскорѣ опредѣленъ на службу, и по документамъ оказывается въ Новгородѣ водочныхъ дѣлъ мастеромъ уже въ 1710 году, гдѣ съ тѣхъ поръ не былъ даже считанъ въ продолженіе шестнадцати лѣтъ. (См. ниже.)

Сочиненіе свое „О Скудости и Богатствѣ“ Посошковъ представлялъ государю, и въ заключительномъ его обращеніи, (равно какъ и во вступительномъ, недавно также найденномъ), нѣтъ ни малѣйшаго повода думать, чтобъ онъ былъ у государя на дурномъ счету. Вѣроятно, въ такомъ случаѣ, онъ и не осмѣлился бы въ нему обращаться.

Касательно добрыхъ качествъ Посошкова нашелся свидѣтель благонадежный, новгородскій митрополитъ Іовъ (котораго обстоятельная біографія и нужна, и желательна). Онъ писалъ къ князю Я. Ѡ. Долгорукому о Посошковѣ:

„Превосходительнѣйшему господину нашему, въ Божѣ три-святемъ сыну прелюбезнѣйшему и благодѣтелю великому, благороднѣйшему боярину князю Якову Ѡеодоровичу и всему благословенному дому, благословеніе отъ живоначальныя, и богоначальныя, и всеначальныя Троицы, и всѣхъ благихъ мирныхъ и премирныхъ, смиренный архіерей и дневощный вельможности вашей богомолецъ Іовъ митрополитъ вседушно желаетъ и присно молить.

„Кая когда тако благодѣтельная душа въ мірѣ явится, якоже

ваше благородство, повеже ко всѣмъ жаждущимъ, наипаче же намъ недостойнымъ, чрезъ молитвенная прошенія наша, премногія благодати отъ святыхъ и боголюбивыхъ твоея души, яко отъ источника истекша и истекають. Сего ради и нынѣ моляще пречестѣйшее господское лицо ваше о явленіи милости ко вручителю сего писанія господину Посомкову въ требованіяхъ его, просимъ усердно, за которыя твоя къ намъ милостивыя добродѣтели даруетъ вашему благородству Вседержитель Богъ протаводостойную мзду, здѣ многолѣтство, а онамо въ небесныхъ безконечно.

„Иовъ митрополитъ, предреченныхъ благъ желая, миръ Божій и духовное апостольское благословеніе препосылаетъ.

„Лѣта 1713, февруарія дне 24, отдаю Посомкову.“

Иовъ, сколько мы его знаемъ, былъ человекъ въ высшей степени достопочтенный: онъ не сталъ бы ходатайствовать за человека сомнительной нравственности, и предъ кѣмъ? предъ княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ. Да и Посомковъ, зная за собою что-нибудь не хорошее, не осмѣлился бы искать случая, чтобы представиться такому строгому блюстителю справедливости, какъ князь Яковъ Ѳедоровичъ.

Происхожденіе Посомкова и первое появленіе его на поприщѣ гражданской жизни получило также нѣкоторыя поясненія. Онъ называлъ себя въ донземліи митрополиту Стефану Яворскому крестьяниномъ села Покровскаго (см. ч. I, с. 317). Въ изслѣдованіи своемъ о жизни Посомкова, я не опредѣлилъ точнѣе этого села. Теперь скажу, что это вѣрно есть то Покровское, которое подъ этимъ именемъ составляетъ часть Москвы, называлось прежде Рубцовымъ, и принадлежало царю Михайлу Ѳедоровичу. Объ немъ есть еще и пѣсня, до сихъ поръ поемая:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой.

Почему я предполагаю это Покровское родиною Посомкова, сказано будетъ ниже.

А первое появленіе Посомкова было вотъ какое:

По вступленіи въ правленіе императора Петра I, при всеобщемъ неудовольствіи на молодого царя за его якшаніе съ Нѣмцами и прочими иноземцами, за его военныя потѣхи,

стоившія многимъ жизни, вообще за его разгульную жизнь, угрожавшую отечеству бѣдствіями, строитель московскаго Андреевскаго монастыря, Авраамій, бывшій прежде келаремъ въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, подалъ царю въ 1697 году записку о гибельномъ положеніи отечества.

Молодой Царь вознегодовалъ. Авраамій былъ посаженъ въ темницу и преданъ пыткамъ; его допрашивали о его знакомыхъ; онъ объявилъ, что друзья ему и хлѣбодцы давніе, подъячіе—Крелевъ, Бубновъ, Рудневъ и крестьяне села Покровскаго Ивашко да Ромашко Посомковы.

Вотъ, гдѣ и какъ въ первый разъ встрѣчается имя Посомкова—въ тюрьмѣ! Въ тюрьмѣ встрѣчается оно, по остроумному замѣчанію Брикнера, и въ послѣдній разъ, при смерти, а въ промежуткѣ сіяетъ книга „О Скудости и Богатствѣ“!

Посомковъ отвѣчалъ по слѣдствію, что Авраамій знакомецъ ему учившійся третій годъ; призвалъ онъ его Ивашку къ себѣ для дѣла денежнаго стану, который дѣлалъ на образецъ въ поднось къ великому государю, и онъ Ивашка никакихъ словъ, что въ тетрадахъ написано, не говаривалъ.

Авраамій объявилъ, что Посомковъ дѣйствительно ничего не говорилъ, вслѣдствіе чего Посомковъ избѣгнулъ наказанія, постигнаго его знакомыхъ.

Мы узнаемъ теперь изъ одного случайно-найденнаго документа, гдѣ и жилъ Посомковъ, узнаемъ родовой его домъ: За Язую, въ приходѣ Николая Чудотворца, въ Котельникахъ.

Читатели понимаютъ, какъ любопытны были для меня всѣ мелочи, касающіяся нашего примѣчательнаго самородка! Надѣюсь, что и всѣ образованные люди примутъ съ такимъ же удовольствіемъ новыя находки.

Домъ принадлежалъ дѣду Посомкова съ матерней стороны, и былъ заложенъ сытнаго двора стряпчему Савину Ивлеву Чулкову, которому вслѣдствіе неплатежа и достался во владѣніе. Въ 1692 (7200) году Посомковы два брата, Иванъ и Романъ, съ матерью Улитой Михайловной, домъ выкупили, долгъ заплатили и получили отъ Чулкова записку, вслѣдствіе чего просили дать имъ на то свидѣтельство изъ земскаго приказа; вотъ ихъ просьба:

„Сего сентября 3 дня (206 г.) били челомъ села Покровскаго оброчный крестьянинъ Ивашко Посомковъ: въ прошлыхъ де годехъ поступались мать ихъ вдова Улита Михай-

дова дочь, и братъ его родной Ромашко, и онъ Ивашко, за долгъ, мать ихъ отцовскимъ, а они Ивашко и Ромашко дворовскимъ дворомъ, на бѣлой землѣ, за Язую, въ приходѣ у церкви Николаа Чудотворца въ Котельникахъ, сытнаго двора стряпчему Савину Іевлеву сыну Чуакову. И онъ де Савинъ по той ихъ поступкѣ тотъ ихъ дворъ за собою справилъ, и выписъ на тотъ дворъ изъ земскаго приказа взялъ. И въ прошломъ де въ 200 году они съ матерью своею за тотъ дворъ прежніе свои долговые деньги ему Савину заплатили, и онъ Савинъ на тотъ дворъ далъ имъ свою выписъ, почему ему было владѣть, а на поступную прежнюю ихъ далъ давную, и тотъ дворъ ихъ противъ его выписки и давной за ними не правленъ... а онъ Савинъ нынѣ на Москвѣ, и великій государь пожаловалъ бы его велѣлъ Савина Чуакова въ земскомъ приказѣ допросить: прежній ихъ дворъ у нихъ взялъ ли, и прежнимъ ихъ дворомъ назадъ поступилъ ли, и по допросу его велѣлъ бы тотъ прежній дворъ ихъ за ними справить, и дать имъ на тотъ дворъ выписъ, почему имъ тѣмъ дворомъ впредь владѣть.“

Выше мы предложили догадку о селѣ Покровскомъ: Язуа протекаетъ по этому бывшему селу; въ сосѣдствѣ за Язую былъ и домъ ихъ дѣда, доставшійся по наслѣдству ихъ матери съ ними.

Просьба Посожковыми подана была въ 1698 г. Черезъ два года подаетъ Иванъ записку боярину Головину „о ратномъ поведеніи“, въ коей упоминаетъ о прежней запискѣ самому государю, „о денежномъ дѣлѣ.“

Къ 1703 году относится донесеніе его митрополиту Стефану Яворскому, духовно-нравственнаго содержанія,—два сочиненія, напечатанныя въ первомъ томѣ.

Тѣперь открывается новое сочиненіе Посожкова, принадлежащее, судя по надписи одного списка, къ 1709 году: „Зерцало суемудрія раскольнича.“

Это сочиненіе, въ духовно-церковномъ отношеніи, для своего времени имѣло такое же великое значеніе, какъ въ правительственно-гражданскомъ „О Скудости и Богатствѣ.“

Сочиненіе это имѣлъ я въ двухъ спискахъ: одинъ достался мнѣ въ бібліотекѣ П. М. Строева, безъ заглавнаго листа, и нѣсколькихъ страницъ предисловія. Другой списокъ полный съ эпиграфами стихотворными. Оба безъ имени сочинителя.

Ю. О. Самарину, лѣтъ десять тому назадъ, въ Костромскомъ Бѣлбажскомъ монастырѣ, попалось это сочиненіе, съ надписью въ концѣ: „Иванъ Тихоновичъ Посошковъ, творецъ книжицы сей, 1709 г.“ Г. Самаринъ сообщилъ мнѣ извѣстіе, которому я очень обрадовался, какъ доказательству начитанности Посошкова, его образа мыслей и вмѣстѣ живаго участія во всѣхъ важнѣйшихъ современныхъ дѣлахъ. Я принялся тотчасъ за изученіе сочиненія, которое дотолѣ оставалось въ пренебреженіи, и на первыхъ страницахъ увидѣлъ тотъ же здравый смыслъ, тотъ же ясный взглядъ, тотъ же твердый убѣдительный языкъ, который былъ мнѣ сапшкомъ хорошо знакомъ, по первымъ его сочиненіямъ.

Посошковъ является здѣсь горячимъ ревнителемъ православной вѣры; мы удостовѣряемся, что онъ старался всѣми силами доискаться истины во всемъ, касающемся до догматовъ и обрядовъ, прилежно изучалъ священное писаніе, сравнивалъ иностранные переводы съ нашимъ, знакомъ былъ съ постановленіями соборовъ и св. отцевъ, тщательно изслѣдовалъ причины и поводы расколовъ, имѣлъ много бесѣдъ и преній съ ихъ послѣдователями, старался привести убѣдительнѣйшія противъ нихъ доказательства, переписывался съ ними, вызывалъ на совѣщанія. Въ длинномъ предисловіи онъ выражаетъ свои мысли о жизни и ея двухъ путяхъ, широкомъ и тѣсномъ, описываетъ ихъ признаки и свойства, изображаетъ конечныя ихъ послѣдствія. Любимѣйшій писатель его есть св. Іоаннъ Златоустый. Мы получаемъ здѣсь вѣсколько новыхъ извѣстій объ его жизни, объ его образѣ мыслей, кои и приведемъ подлинными его словами, чтобы познакомить вмѣстѣ читателей и съ его слогомъ.

„Азъ бо аще и грѣшенъ есмь паче всѣхъ человекъ обаче любитель есмь правды, и видя правду отверженну, возжелалъ тую объявить, елико ми Богъ даровалъ есть. Азъ бо и самъ изначала хромалъ недугомъ раскольничьимъ: и крестихоя двоперстнымъ сложеніемъ, и мнѣхъ то древнее преданіе быти. Но Богъ не остави мя въ невѣденіи быти. Нѣкогда бо по смотрѣнію Его Божію Вологжевизъ посадскій человекъ, житія своего имый вѣцши 60 лѣтъ, до мороваго повѣтріа родившійся лѣтъ за двадесять и вѣцши, зовомый Сергій по врозванію Патреквевъ, рече: яко азъ на своемъ роду въ сложеніи перстовъ нажилъ третію перемѣну: изъ младенства де моего отецъ мой и мати моя учили мя креститиуса тремя

персты; а не за долгое де до мороваго повѣтрія, стали меня учить креститися двѣма персты; а нынѣ де паки по прежнему велеть тремя же персты креститися. И яко то слово слышавъ, велии утвердился, яко то есть правда. Понеже той человекъ бѣ не книгочей, и не спорникъ, и самой правдивой мужъ, и ни отъ кого о семъ глаголъ не наученный; но отъ самаго простаго сердца ту истину изъяви. И мнѣ велии слово его имовѣрно бысть. И не по мнѣозѣ учинился у меня о сложеніи перстовъ разговоръ: и сталъ я сказывать, еже отъ Вологжанина слышалъ, и новгородецъ посадскій же человекъ, нарицаемы Ѳедоръ, по прозванію Ташыковъ, имый лѣтъ вѣцши 70, то слово слышавъ, рече: то де правда, и мы де со младенчества учены были креститися тремя же персты. И я наипаче увѣрихся, яко то есть самая правда: а по Господню словеси двумъ свидѣтелямъ нельзя не вѣрить, а бесѣда съ ними была у меня не нынѣ, но тому боаши пятнадесяти лѣтъ“ (с. 216).

„Я и самъ есть человекъ неученный, говоритъ Посопковъ, обращаясь къ своимъ противникамъ, но токмо въ нарѣчїи Божїимъ дарованїемъ отчасти знаю. Обаче васъ многократно вѣцши въ Писанїи Божїимъ откровенїемъ разумью, и учителей вашихъ, кои ведутъ въ погибель, вопрошивахъ о книжномъ разумѣ, и ни единъ и мнѣ, а не то чтобъ ученому, отвѣту чистаго ни о чемъ не учинилъ, тоако и разума, тѣмъ и утверждаютъ: тѣ книги правы, кои до Никона печатаны, а кои при немъ и по немъ, тѣ всѣ перепорчены“ (с. 194).

„Я аще и неукъ есмь, обаче въ Библии много позналъ неправостей, не по наукѣ какой, но токмо по разуму рѣчей позналъ, яко не право переведены и напечатаны. И ради свидѣтельства со иноязычными Библии случалъ, и тамъ явились правѣе и приличнѣе тѣ глаголы, по разуму надлежащаго глагола, и того ради безъ ума нечего много отъ безумства своего претися.“ (с. 205).

„Православный читателю, такъ говоритъ онъ въ заключенїи своего сочиненїя, аще узриши въ сіемъ зеркалѣ не вся роскошница блядословія очерненїя изъясненна, не гнѣвайтесь на мя за недостатокъ мой, ибо елико изъ устъ учителей ихъ блядословныхъ слышахъ, тоако и изъявихъ. Вѣмъ бо и азъ, яко не вся суть очерненїя ихъ сѣмо внесена суть, елико бо отъ устъ ихъ слышахъ, на та очерненїя и писахъ обличенїя; а многихъ ихъ блядей не писахъ того ради, за веже вси учи-

теіе ихъ престаша мя учити, и ко своему злочестію призывать, но вси отъ мене удалишася, и ходитъ ко мнѣ престаша, и близко годищнаго времени ни въ какая разглагоства уже со мною не входятъ, вси бо скрышася подспудъ. Азъ бо и вынѣ много ихъ призывахъ, и писанія къ нимъ посылаехъ, да вси единодушно устремшася въ погибель вѣчную, а свѣтъ истины не восхотѣша не токмо видѣти, но ниже слышати. Азъ бо всячески увѣщавахъ ихъ, дабы со мною хотя не о большихъ вещахъ побесѣдовали, да ни единъ ко мнѣ нейдетъ, и мнѣ, не разглагоствуя съ ними о иныхъ очерченіяхъ, достоверно написать невозможно, а всѣхъ ихъ очерченій не возможно и изобрѣсти, повеже безчисленни суть. И сего ради сократихъ е; и вѣмъ, аще оно и кратко есть, обаче разумному и хотящему своего спасенія довольно оно будетъ (с. 260).

„Моленіемъ молю всѣхъ васъ, и колѣнъ вашихъ ся касаю: Господа ради, помогшаго ми зеркало сіе сочинити, не возгнѣшайтесь имъ, но съ любовію и воглубленіемъ во сердце свое прочитайте его. Не хитрости бо ради каковыя начахъ е строити и соорудихъ, но отъ самыя любве побожныя потрудихся ради общія ползы, како отпадшимъ, тако и не отпадшимъ, да въ него поглядяюще, познавають своя очерченія, и не киченія ради какова, или самохвальства. И аще кіи глаголы узрѣши, якобы и уничижителни, но они не ради уничиженія, но ради востягновенія положени суть. И аще кому узрится что и не право написано, о томъ на мя не гнѣвайтесь, ревность бо моя, еже по благовѣрїи, подвиже мя на такое жестокословіе. Вы не на суровость словесъ смотрите, но зрите разума тѣхъ словесъ, и внятнѣ имъ внимайте. Положихъ бо въ въ зеркалѣ семь явные доводы отъ божественнаго писанія, елика могохъ; не солгахъ бо на васъ ни единого словесе, но еже слысахъ отъ устъ лжеучителей, на та словеса доводы и толкованія сотворихъ. А идѣже яко человекъ погрѣшихъ, простите ми, и тая моя погрѣшенія мнѣ обявите. И аще вы не тако умствуете, несумѣнно обявлю вамъ. А аще жъ совершенно погрѣшихъ въ чемъ, и о томъ погрѣшенїи предъ Богомъ готовъ каятися, а предъ обличившими мя готовъ кланятися, повеже человекъ есмь многосуетный. Не можно бо и праведнику безъ порока, ниже мудрому безъ погрѣшенія быти. А азъ что есмь? Во грѣхахъ преизлишно грѣшенъ есмь, въ разумѣ младенецъ, въ жествѣ младенецъ, въ чинѣ земледѣлецъ. И книжныя пре-

мудрости не наученъ есмь, но токмо видя отъ невѣденія своего погибающихъ людей Божіихъ, жалихся о нихъ. И елико ми Богъ подаде уразумѣть, толико и написахъ. А еже простедъ есмь, то всѣмъ мочно познать мя, по сложенію сего книги. Обаче мню, яко простымъ людемъ будетъ оно воемно; понеже отъ простаго разума сочинися оно. И сего ради усугубляя молю, Господа ради не гнушайтеса сіимъ простосложнымъ зеркаломъ. Можете бо имъ пользоваться, и очерченія своя, иже отъ расколннча блядословія приапнутав, познати“ (271).

Ревность увлекаетъ иногда Посошкова за предѣлы благоразумія. Нѣкоторыя слишкомъ рѣзкія выраженія и слишкомъ крутыя мѣры должно отнести къ грубости тогдашнихъ нравовъ, къ той непреклонной буквѣ и нетерпимости, которая не допускаетъ никакихъ сдѣлокъ, уступокъ или послабленій, не даетъ никому никакой пощады. Иногда Посошковъ бранится жестоко: слышится современникъ, ратующій за истину, на первыхъ порахъ ея нарушенія и оскорбленія.

Печатать вновь найденное сочиненіе нельзя было тогда и подумать, по правиламъ и духу цензуры. Куда я ни обращался, какія ни принималъ мѣры, все напрасно. Лишь только теперь, благодаря новому направленію, получилъ я эту возможность.

Къ знаменитому сочиненію „О Скюдости и Богатствѣ“ нашаь черновая просьба, при которой Посошковъ представилъ или намѣренъ былъ представить свое сочиненіе:

„Въ російскомъ народѣ, присмотрѣхъ отчасти, яко во владущихъ судіяхъ, тако и въ подвластныхъ, многое множество содѣвающихся неправды и всякихъ несправностей. Того ради я возжелахъ предъ очи твоего императорскаго величества, о достовѣрныхъ и слышанныхъ и о мнимыхъ дѣлахъ предложить по мнѣнію своему изъявленіе. И на оныя неправды и несправности, елико ми Богъ даровалъ, мнѣнія своего изложеніе ко исправности тѣхъ неправостей и несправностей трикратное трекратіе предлагаю, а имено: первое трекратіе: о несправѣ и поправѣ духовенства, воиства и правосудія. Второе трекратіе: о несправѣ и поправѣ купечества, художествъ и разбойниковъ съ бѣглецами. Третіе трекратіе: о несправѣ и поправѣ, яко во крестья-

нѣхъ, тако и во владѣніи земли безобидномъ и о собраніи царскаго интереса много гобзовитаго.

„И на тое тречисліе написахъ трелѣтнимъ своимъ трудомъ книжицу, и нарекохъ ю: *Книга скудости и богатства*, понеже имѣеть о себѣ изъясненіе, отчего содѣвается напрасная скудость, и отчего умножится можетъ изобильное богатство, и притомъ предложихъ мнѣніемъ своимъ, какъ бы истребити изъ народа неправду и неисправности и какъ бы насадити прямую правду, и во всякихъ дѣлѣхъ исправленіе, и какъ бы водрузити любовь и безпечное житіе народное.

„И тако мнѣніе мое о помянутыхъ дѣлѣхъ лежитъ. Аще Богъ милостиво призритъ на не, и ваше императорское величество по настоящему царскаго правленія благоволите вступить въ ня, то я безъ всякаго сумнѣнія могу рещи: еже на кійждой годъ при нынѣшнихъ сборѣхъ, на малой примѣрь лишніа казны въ царскія сокровища милліона по три приходитъ будетъ.... (Здѣсь одимъ уголь доношенія сгнать, и можно прочесть только сѣдующее:)... устоять тая новая распоряженія, то легко будетъ собиратися безъ уятія предъ.... то будетъ собиратися миліоновъ и по десяти или и болши на всякой годъ.... Когда измѣненія тѣмъ новорасположеннымъ дѣламъ не будетъ, то годъ отъ году.... яко царское, тако и всенародное умножатися будетъ.... И обиды вси истребятца, и надѣюсь на всецедраго Бога, что аще волею.... обаче разные чины, яко военные офицеры съ простымъ народомъ судуть.... высоко мнѣимые дворяне могутъ претворитися въ кроткіе.... любовь и съ простымъ народомъ: понеже вси единныа державы люди есмь.... любовь въ людяхъ утвердится, то мочно разумѣть, что Богъ на всѣхъ.... призывніемъ и прославить насъ во весь свѣтъ славою.... яко воззоощеть, понеже вся слава и богатство въ его суть рудѣ Божіей.

„Прошеніе же мое величеству твоему предлагаю. Ежебъ желаніе мое въ дѣло произвелось, иногожъ ничесого не требую, токмо да не явится мое имя ненавистливымъ и завистливымъ людямъ: паче же ябедникамъ и обидникамъ и любителямъ неправды. Понеже не похлѣбуя имъ писахъ, а аще увѣдать о моей мизирности: то не попустятъ меня на свѣтъ ни малаго времени жити, но прекратятъ животь мой. Обаче буди въ томъ воля Бога моего и воля твоего императорскаго величества. Яко ти Богъ Всевидящее око во сердце положить, и Духъ Святыи наставитъ тя, такъ и да будетъ. Вѣдаетъ про

то Богъ, что не себя ради потрудишься въ немъ: но только отъ вложенія въ мя отъ Бога ревности потрудишься.“

„Доносить о семъ величества вашего всенижайшій рабъ Иванъ Посошковъ, пиша своеручно.“

Подъ сочиненіемъ подписано 24 февраля 1724 года. Императоръ Петръ I скончался чрезъ одиннадцать мѣсяцевъ, 1725 года, января 28. Не извѣстно, успѣлъ ли Посошковъ представить свой трудъ Государю, или онъ остался въ его бумажникахъ, былъ доставленъ кому-нибудь частнымъ образомъ.

Кажется, при кончинѣ Петра Посошковъ оставался въ прежнемъ положеніи, занимаясь своими дѣлами по промышленности. Къ этому именно времени относится слѣдующая просьба Посошкова—о позволеніи учредить ему въ Новгородѣ фабрику для полотняныхъ, шерстяныхъ, шелковыхъ и смѣшанныхъ издѣлій, и предоставить ему для того нѣкоторыя права“.

„Въ государственную мануфактуръ-коллегію

Доношеніе.

„Санктпетербургскаго и новгородскаго жителя, водочнаго мастера Ивана Посошкова, а о чемъ, тому слѣдуютъ нижеписанные пункты:

1.

По указу блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорскаго Величества и Ея Величества всепресвѣтлѣйшей и державнѣйшей великой Государыни Императрицы и самодержицы Всероссійской Екатерины Алексѣевны, въ Россійской имперіи всякаго рода народа и чина людямъ по ихъ желанію дано позволеніе строить заводы, кто гдѣ похочетъ, и производить разные мануфактуры и фабрики, а кто въ оныя вступилъ и такимъ компанейщикамъ, нѣсколькимъ человекамъ, пожалованы милостивѣйше привилегіи за подписаніемъ собственныя Его Императорскаго Величества руки; къ тому же онымъ компанейщикамъ на вспоможеніе и размноженіе тѣхъ заводовъ, для перваго случая удовольствованы нововыѣзжими изъ другихъ государствъ мастеровыми и обучеными россійскими людьми съ казенныхъ мануфактуръ и фабрикъ. Такожъ денежною суммою и матеріалами и инструментами казенными награждены и отъ службъ и солдатскихъ постоевъ уволены и судомъ и расправою вѣдомы они и отъ всякихъ налоговъ и обидъ защищеніе имѣютъ въ государственной мануфактуръ-коллегіи; да онымъ же фабричнымъ компанейщикамъ съ тѣхъ новозаведенныхъ заво-

довъ въ продажѣ ихъ сдѣланныхъ товаровъ и въ покупкѣ къ тому пристойныхъ матеріаловъ и инструментовъ на нѣсколь-ко лѣтъ указомъ опредѣлено безошачно, да сверхъ того за такое ихъ искусство и охоту въ разныхъ мѣстахъ гото-вые казенные заводы со всѣми и вотчины и деревни, также въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ и въ другихъ городахъ дво-ры съ каменнымъ и деревяннымъ строеніемъ ихъ и на раз-ныхъ рѣкахъ пожалованы и потомкамъ ихъ вѣчно безденежно.

2.

А я нижайшій опредѣляю указомъ въ великомъ Новгоро-дѣ водочнымъ мастеромъ изъ жалованья, а другихъ, кромѣ купельныхъ, своихъ деревень никакихъ у себя не имѣю, а нынѣ желаю завести вновь коломинковую и полотняную фабрику, и производить оныя въ Новѣ городѣ своимъ коштомъ, полот-няныхъ пять становъ, коломинковыхъ три (въ другомъ спи-скѣ пять) стана, и буду дѣлать коломенки травчатые..... и стофы шерстяные и камлоты и стамеды и прочія шер-стяныя дѣла, какія могутъ изъ шерсти строитися, так-же и пополамъ съ шолкомъ мѣшанья, а подотна широ-кіе, гладкіе и узорчатые и пестреди и тыки¹ скатерти и салфетки такимъ манеромъ, каковымъ нынѣ производятся при С.-Петербургѣ, на екатерингофской мануфактурѣ, ежели о томъ указомъ позволеніе дано будетъ, не требуя изъ казны на вспоможеніе денежной суммы, токмо для перваго уста-новленія, дондеже сдѣланы будутъ свои станы и инструмен-ты, чтобъ дати мнѣ по оцѣнкѣ изъ коломинковой мануфак-туры одинъ станъ травчатой, да одинъ станъ гладкой и для крученья гарусовъ одну мѣльницу со всѣми инструментами, чтобъ можно на тѣхъ станахъ ткать противъ нѣмецкихъ безъ запинки.

3.

И на строеніе того заводу въ Новгородскомъ уѣздѣ сосно-вой и еловой лѣсѣ хоромной повелѣно бы рубити безошачно; также и на инструменты угодной лѣсѣ дубовой и кле-новой повелѣно бы рубить безопасно; какъ бы возможно было тѣ станы и всѣ инструменты въ совершенное управле-ніе привести.

4.

А для того заводу и обученія собственныхъ моихъ людей и крестьянскихъ дѣтей и ради размноженія оныхъ фабрикъ

¹ Г. Есиповъ ставитъ здѣсь знакъ вопроса. Это такъ, извѣстная бу-мажная матерія.

повелѣно бѣ было на первый случай изъ русскихъ мастеровыхъ людей съ Екатеринбургской мануфактуры обоимъ мастерствѣ по одному человѣку, которые къ такому художеству гораздо заобычайны, отдать мнѣ на нѣсколько лѣтъ, а именно: Коломикова дѣла мастера Бориса Шаплевскаго, съ которымъ и договоръ возымѣлъ я, а изъ полотняной ткача, и за труды ихъ по договору платить буду безъ волокиты.

5.

Дворъ въ Новѣ городѣ имѣю на торговой сторонѣ съ деревяннымъ строеніемъ не весьма пространенъ и такова заводъ построить мнѣ на немъ невозможно; и на той же торговой сторонѣ есть дворъ, на которомъ прежде сего было сѣдельные мастера дѣлали драгунскія сѣдла, а нынѣ того сѣдельнаго дѣла на немъ нѣтъ, лѣтъ съ пять и больше сѣдельнаго дѣла на немъ нѣтъ, стоитъ порожей и никому ан..... отдать. А къ произведенію такихъ фабрикъ весьма пристоеетъ, а другамъ..... для фабричнаго исправленія въ Москвѣ дома даваны.

6.

А ежели государственная мануфактуръ-коллегія повелитъ такіа фабрики производить мнѣ по сему моему объявленію и желанію и вышеупомянутой дворъ по оцѣнкѣ отдастца мнѣ въ вѣчное владѣніе, и я желаю со охотою моею безъ всякаго подлога оную размножить по возможности моеи и въ покупки и въ продажѣ пристойныхъ матеріаловъ и инструментовъ и сдѣланныхъ моихъ товаровъ безпопачнаго увольненія прошу на десять лѣтъ, такожъ какъ въ Санктъ-Петербургѣ, такъ и въ Новѣ городѣ для заведенія оныхъ фабрикъ на собственныхъ моихъ дворянъ, противъ другихъ, такихъ же компанейщиковъ постою ставить не велѣтъ, и о вышесказанномъ о всемъ указомъ опредѣлить и куда надлежитъ послать премоеріи, а мнѣ дать милостивую привилегію.

Къ этому же времени, то-есть тотчасъ послѣ кончины императора Петра I, отвоятся еще два предложенія Посошкова, которыя нашлись также безъ имени сочинителя слѣдующимъ образомъ:

Отъ 17 августа, 1854 г., г. Купріяновъ, учитель новгородской гимназіи, оказавшій столько важныхъ услугъ русской исторіи своими розысканіями и открытіями, увѣдомилъ меня, что ояъ „нашелъ въ Софійской библіотекѣ рукопись, принадлежащую Θεофану Прокоповичу, въ коей, подъ страннымъ заглавіемъ *Заповѣдей Господнихъ*, помѣщены два любопытныхъ проекта: „о релігіозно-нравственномъ образованіи

народа“ и „объ умноженіи народнаго богатства.“ Всю рукопись я описалъ и намѣренъ послать въ вашъ журналъ (*Москвитянинъ*).“

Отъ 1 сентября г. Купріяновъ написалъ ко мнѣ: „*Феофановы* (вѣроятно) проекты будутъ доставлены къ вамъ, и я думаю, не приворовить ли ихъ къ январской книгѣ *Москвитянина*.“

Отъ 1 декабря: „Для № 1 *Москвитянина* 1855 г. препровождаю обѣщанные проекты.“

Я увидѣлъ тотчасъ, что проекты принадлежатъ Посошкову, и сообщилъ свои причины г. Купріянову, который, отъ 16 апрѣля 1855 г., ко мнѣ написалъ: „Не отрицаю, что проекты, мною вамъ доставленные, написаны Посошковымъ. Такимъ образомъ, къ прежней славѣ нашего народнаго подитюка и писателя, вѣзвѣстнаго и не оцѣненнаго современниками, и дажѣ до сихъ поръ по достоинству, но единственно вами вызваннаго на жизнь въ потомствѣ, мнѣ посчастливилось присоединить еще кое-что, чему я душевно радъ.“

На основаніи этихъ давныхъ предисловіе г. Купріянова къ запискѣ Посошкова, намечатанной въ *Отечественныхъ Запискахъ* (въ мартѣ 1856 г.), должно быть исправлено.

Изъ записки мы видимъ, что Посошковъ, тотчасъ по кончинѣ Петра I, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, рѣшился на новую попытку, представить правительству свое мнѣніе о необходимыхъ мѣрахъ для управленія. Мнѣніе свое раздѣляетъ онъ на двѣ части на основаніи двухъ главныхъ заповѣдей: о любви Бога и любви ближняго. Въ первой части доказываетъ онъ необходимость духовно-нравственнаго наставленія народу. „Въ началѣ всего, говоритъ онъ, есть дѣло вужайшее государству, дабы весь народъ обучити заповѣдемъ Христовымъ и церковнымъ, чтобъ ихъ не токмо духовные, но и вси знали совершенно, понеже ни отъ чего такъ въ людехъ имѣется великая злоба, и праздность, и злая зависть и многія свары, ненависти, коварства, убійства, татьбы, разбои и прочія злокравія и всякая злоба, что отъ неученія и незнанія о заповѣдехъ Божіихъ и церковныхъ“.

Всѣдствие чего Посошковъ считаетъ необходимымъ дѣятельное участіе и вмѣшательство правительства: должно сочинить и напечатать тетрадку для общаго употребленія, подъ надзоромъ избранныхъ по тысячамъ дворовъ управителей въ городахъ, и старостъ въ селахъ и деревняхъ. Гдѣ были бы

объяснены общедоступнымъ образомъ заповѣди христіанскія, и блаженства евангельскія, въ противоположность заповѣдямъ вѣтхозавѣтнымъ.

Онъ предлагаетъ и образчики подобныхъ толкованій.

„Для наилучшаго жь въ семь дѣлъ разсужденія и утвержденія“, заключаетъ Посошковъ эту часть своей записки, „добро быть во имя Христово полному духовному собору, понеже безъ него ничто право утвердиться можетъ“.

„(Покойный государь) разсудилъ оныя дѣла за самыя нужнѣйшія въ государствѣ, и желалъ всѣ церковныя и гражданскія права и уставы соборнымъ совѣтомъ право исправить и утвердить; но Господь судьбами своими намѣреніе его величества принялъ, а окончать того ему не изволилъ, а до правленія вашего оставилъ. Посему же и въ гражданскомъ правленіи трудиться въ сочиненіи государственнаго уложенія, чтобы въ немъ правы и уставы всѣ были чисты жь, и полны, съ разумомъ церковнымъ согласны, и всѣ указы привести и впередъ сочинять въ согласіи тѣхъ же правилъ, и о наилучшемъ государственномъ управленіи писать въ докладъ своя согласныя предложенія, и чему быть Господь Богъ изволилъ, утверждать оное съ благословеніемъ святѣйшаго патріарха.“

Званіе патріарха Посошковъ считалъ нужнымъ возстановить.

Многія частныя мѣры, по этому поводу, предлагаемыя Посошковымъ, очень примѣчательны: напримѣръ о мѣстныхъ ежегодныхъ соборахъ, объ исправленіи священныхъ книгъ, о приуготовленіи духовенства къ исполненію его высокихъ обязанностей, объ устройствѣ училищъ низшихъ и высшихъ для чтенія и перевода всѣхъ великихъ учителей церкви, объ испытаніяхъ, объ изданіи книгъ, объ умноженіи типографій, объ исправленіи монашества и священства, о заведеніи больницъ и богадѣленъ и вспомогательныхъ мѣстъ.

Посошковъ совѣтуетъ перевести діалектику и богословію, и совѣтуетъ симъ (науками), „остроумнѣйшихъ юношъ велѣть обучать, и пока основанія совершеннаго не уразумѣютъ отъ чтенія книгъ святыхъ отецъ и толкованія учителей богодуховенныхъ, то завѣщавать имъ, юношамъ, никакоже дерзати чести еретическія книги, а не искуснымъ бы отнюдь нечести“.

Во второй части записки заключаются финансовыя соображенія.

И вотъ, среди этихъ-то почтенныхъ трудовъ и заботъ— съ одной стороны, дѣловой, объ учрежденіи полотня-

ной, шерстяной и шелковой фабрики; съ другой стороны, духовной, о распространеніи въ народѣ образованія посредствомъ грамотности и сообщенія полезныхъ свѣдѣній, о содѣйствіи его благосостоянію посредствомъ финансовыхъ мѣръ, вдругъ разразился надъ Посошковымъ страшный ударъ: онъ схваченъ по пріѣздѣ съ семействомъ въ Петербургъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость по „важной криминальной винѣ.“ Оставимъ говорить г. Есипова, нашедшаго эти печальныя подробности въ дѣлахъ государственнаго архива.

„1725 г. августа въ 26 день, въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ взять подъ караулъ водочнаго дѣла мастеръ Иванъ Посошковъ, а сынъ его малолѣтній Николай въ домѣ его Ивановомъ подъ карауломъ, и письма изъ того дому взяты въ помянутую канцелярію и разбираемы; при взятѣхъ писемъ были: канцеляристъ Семенъ Шурловъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка караульный первой роты капраль Яковъ Яновскій, солдатъ 4 человекъ.“

Бумага подписана собственною рукою извѣстнаго господина Андрея Ивановича Ушакова.

За что былъ арестованъ несчастный Посошковъ—въ дѣлахъ нѣтъ никакого указанія. Одно обстоятельство, впрочемъ, приводитъ къ подозрѣнію, что онъ былъ арестованъ за его сочиненіе. Черезъ три дня послѣ его ареста, именно 29 августа 1725 г., одного подъячаго, замѣшаннаго въ дѣлѣ новгородскаго архіепископа⁹ Θεодосія, допрашивали въ тайной канцеляріи: имѣеть ли онъ у себя, бывшаго новгородскаго архіерея Θεодосія какія книги, *въ томъ числѣ книгу изданія Ивана Посошкова, зовомую Скудость съ Богатствомъ?* Подобные вопросы въ тайной канцеляріи, сколько по сообщенію съ другими дѣлами судить можно, дѣлались только въ такомъ случаѣ, если какое-нибудь сочиненіе подвергалось преслѣдованію канцеляріи. Шшшкинъ отвѣчалъ: „*Θεодосіевыхъ книгъ у него Шшшкина, въ томъ числѣ и помянутой книги Скудости съ Богатствомъ, никогда не было и нынѣ нѣтъ.*“ Тѣмъ и покончили. Шшшкина отпустили изъ-подъ ареста, а Посошковъ все сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1725 года, къ тюремному заключенію присоединилось для Посошкова еще новое горе.

Зять его, полковникъ кievскаго гарнизона, по фамиліи Роде, подалъ императрицѣ Екатерианѣ жалобу на Посошкова, что

онъ обѣщалъ выдать дочери своей Пелагеѣ, при замужествѣ ея, въ награжденіе 1.000 руб. деньгами, да деревню, да приданого на 300 руб. Но за то, что мужъ не *россійской націи* и приказныхъ дѣлъ не знаетъ, Пососшковъ будто бы не исполнялъ обѣщанія.

11-го октября подалъ Роде прошеніе, и въ тотъ же день Пососшкова привели изъ тюрьмы скованнаго, къ допросу въ тайную канцелярію.

Пососшковъ началъ съ того, что разказалъ обстоятельно, когда приобрѣлъ онъ дома и деревни покупкою и отъ кого именно.¹ Потомъ объяснилъ Андрею Ивановичу Ушакову, присутствовавшему въ тайной канцеляріи, что дочь его Пелагея была сперва за мужемъ за подполковникомъ воронежскаго гарнизона Барыковымъ, и что онъ ей отдалъ въ приданое все сполна что обѣщалъ. Барыковъ умеръ въ 1723 г. и послѣ того онъ ни 1.000 р., ни деревень, ни чего прочаго дочери не обѣщанъ давать; а дочь его за полковника Роде вышла замужъ въ апрѣль 1725 года *безъ его вѣдома*, и полковнику Роде давать ничего не обѣщанъ.² Его отвели опять въ крѣпость, а между тѣмъ, 16-го ноября, изъ тайной канцеляріи сообщили вотчинной коллегіи, чтобы недвижимаго имѣнія Ивана Пососшкова по купчимъ и по закладнымъ отъ его Иванова имени и отъ прочихъ его фамиліи впредь ни за кѣмъ не записывать, также и купчихъ и закладныхъ на оныя имѣнія у крѣпостныхъ дѣлъ не писать, понеже онъ Пососшковъ явился *въ важной криминальной винѣ*.³

¹ Смотри ниже.

² Не покиаю, на какомъ основаніи г. Устряловъ, упоминая кратко объ этихъ событіяхъ изъ жизни Пососшкова, говорить: „Въ послѣдствіи (то-есть послѣ отстраненія Меньшиковыхъ отъ должности водочнаго мастера въ Петербургѣ) П. обзавелся значительнымъ имѣніемъ, и выдалъ дочь свою, Пелагею, за подполковника Барыкова, а по смерти за полковника и гвардіи капитана Петра Роде; обманулъ, однакожъ, перваго зятя приданнымъ, разсорился по тому же поводу со вторымъ; наконецъ, по какому-то важному секретному государственному дѣлу, попалъ въ тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію, гдѣ содержался въ началѣ 1726 года.“

Изъ разказа г. Есипова и сказанныхъ документовъ отнюдь не видно ничего о обманѣ Пососшковымъ Барыкова, а еще менѣе Роде. Просимъ, что можеть, разъяснить эти противорѣчія: такіе люди, какъ Пососшковъ, имѣютъ полное право на внимательное и точное изслѣдованіе.

9-го января, 1726 г., просьбу Роде, съ подробными справками о всѣхъ недвижимыхъ имѣніяхъ, доложили Екатеринѣ, и она указала: „То недвижимое имѣніе, кромѣ дворовъ — петербургскаго и новгородскаго, отдать дочери Посошкова, жень полковника Роде, Пелагеѣ, въ награжденье.“

Не долго послѣ этого томился въ Петропавловекѣй крѣпости сочинитель *Скудости и Богатства*. Силы несчастнаго истощились, онъ почувствовалъ приближеніе смерти и хотѣлъ исполнить послѣдній долгъ христіанина. Сообщаю любопытное извѣстіе доставленное мнѣ П. П. Пекарскимъ :

„1726 г. января въ 26-й день въ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи содержащейся колодникъ Иванъ Посошковъ, по исповѣди, просилъ чрезъ отца духовнаго исакиевскаго протопопа Алексѣя Васильева, кому онъ чѣмъ долженъ, дабы записать. И оное его требованіе велѣно учинить, на что онъ Посошковъ сказалъ:

„По крѣпостямъ и по письмамъ домовнымъ и по роспискамъ его, Ивановымъ, и жены его Софьи, Родионовой дочери, и племянника его Александра Михайлова, имѣеть онъ, Посошковъ, на себѣ долгу, котораго не платилъ въ Москвѣ, какъ былъ на Каменномъ мосту у водошнаго сидѣнія доимки двѣсти рублевъ, полковника (а котораго полку не помнитъ) Дорооеа Аванасьева сына Трувихта пятьсотъ рублевъ, въ слободѣ иноземца Ивана Иванова сына Вреля пятьсотъ рублевъ, Новгородца Ивана Васильева сына Киселева двѣсти рублевъ; да еще у негожь, Киселева, челоуѣкъ его Посошкова Алексѣй Соколовъ хлѣбомъ и деньгами забралъ, а колико—онъ, Иванъ, не помнитъ; Новгородца Ивана Батурина двѣсти рублевъ Новгородца Ивана Наумова пятьдесятъ рублевъ, Новгородца Никиты Дергусева сорокъ рублевъ, Новгородца Максима Мошенникова пятьдесятъ рублевъ, кашинскаго помѣщика Ивана Матвѣева сына Еремѣева пятьдесятъ рублевъ, доимочнаго вина съ заводовъ устрѣдкихъ триста ведръ, Новгородца Даріона Гаврилова сына Бакулы шестьдесятъ рублевъ; да когда въ 722 году въ Новгородѣ былъ пожаръ большой, тогда въ небытность его Иванову водки сгорѣло на гостивомъ дворѣ въ полатахъ коликое число не помнитъ, а явствуетъ о томъ книга. Онъ же Посошковъ какъ былъ у водошнаго сидѣнья, въ шестнадцать годѣхъ не считая, о чемъ явлено въ каморѣ коллегіи. Жены его Софьи приданаго взялъ денегъ

триста рублей, да его, **Иванова**, долгу дому ея Императорскаго Величества на слугителя **Артемья Остафьева** денегъ съ триста рублей, а явно о томъ по росписи его, **Ивановой**, руки, какова имѣется въ письмахъ его въ тайной канцеляріи; на переводчикъ **Михаилъ Баутинъ** тридцать рублей. (Подлинная подписана дрожащею рукою). **Иванъ Посомковъ** руку приложилъ.“

Чрезъ пять дней, 1-го февраля 1726 г., пополудни въ девятomъ часу, **Посомковъ** умеръ и погребенъ, по распоряженію тайной канцеляріи, у церкви **Самсона Страннопримца**.

Приложимъ здѣсь показаніе **Посомкова** о его состояніи, упомянутое выше въ разказѣ г. **Есипова**, и сообщенное мнѣ также г. **Пекарскимъ** въ подлинной копіи.

„И октября 11-го дня въ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи содержавшейся колодникъ **Иванъ Посомковъ** допрашиванъ, имѣеть ли онъ за собою недвижимое имѣніе, и гдѣ, и по какимъ крѣпостямъ владѣеть?“

„А въ допросѣ сказалъ: недвижимаго у него, **Ивана**, имѣнія въ **Санктъ-питербурхѣ** на **санктъ-питербургскомъ острову**, въ **Малой Никольской улицѣ** дворъ его въ приходѣ церкви **Успенія Пресвятыя Богородицы съ деревяннымъ строеніемъ**, который онъ, **Иванъ**, на свое имя купилъ въ прошлыхъ 716 или 717 году генерала-фельдмаршала кавалера свѣтлѣйшаго князя **Александра Даниловича Меньшикова** у подъячихъ **Ивана да Семена Ждановыхъ**, далъ четыреста рублей и взялъ у нихъ купчую крѣпостныхъ дѣлъ и о запискѣ того двора за собою билъ челомъ и пошлины платилъ въ **санктъ-питербурхской губернской канцеляріи**. И та подлинная купчая нынѣ имѣется у подъячего **Ивана Бушуева** въ **Новгородѣ** у церкви **Всемилоствяга Спаса**. Дворъ его съ деревяннымъ строеніемъ купленъ лѣтъ съ пять у **Новгородца купецкаго человека**, а какъ зовутъ—не помнитъ, данъ пятьдесятъ рублей. Другой дворъ у той же церкви съ деревяннымъ строеніемъ купленъ у подъячего **Степана Сорокина** года съ четыре—данъ полтораста рублей. А подлинныя купчія на тѣ дворы имѣются въ письмахъ его, **Ивановыхъ**, взятыхъ въ тайную канцелярію. Въ **Новгородскомъ уѣздѣ**, въ **Бѣжецкой пятинѣ**, въ **Устрицкомъ погостѣ** полъдеревни **Закарасеве** крестьянъ мужеска полу душъ съ двадцать; да къ той же деревни три пустоши—какъ зовутъ и что четвертой пашни, не помнитъ—купилъ онъ, **Иванъ**, на свое имя лѣтъ съ восемь у дворянина **Льва Обросимова сына Завалишина**, далъ двѣсти рублей. Въ томъ же погостѣ деревня **Матвѣева** мужеска полу-душъ.....“

Сверхъ того сохранился еще послѣдній листокъ купчей крѣпости на продажу дворяниномъ Давилою Леонтьевымъ сыномъ Унскимъ „водочному и фонтанному мастеру Ивану Тихонову Посошкову“ пустоши за двадцать за пять руб. Купчая явлена у крѣпостныхъ дѣлъ 24-го сентября 1724 г. въ Новгородѣ.

Сверхъ винокуреннаго дѣла, Посошковъ, какъ видно изъ купчей на сельцо Марьино, зналъ еще „фантальное производство.“ Вотъ какъ сказано въ сохранившейся купчей: „1719 г., октября въ 16-й день. Дьякъ Иванъ Степановъ, сынъ Степановъ, продалъ я Иванъ Санктпетербургской губерніи, новгородскаго водошнаго строенія фантальнаго дѣла мастеру Ивану Тихонову, сыну Посошкову“ и проч. Названіе фантальныхъ дѣлъ мастера, вмѣстѣ съ водошнымъ, повторяется и въ другихъ купчихъ 1721, 1723, 1724 и 1725 годовъ.

Наконецъ, вотъ еще двѣ бумаги Посошкова; изъ первой видно, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ семействомъ, не чуя надъ собою грозы, въ первыхъ числахъ іюня (26-го августа онъ былъ уже въ крѣпости).

Писано собственноручно.

„Въ главную полиціймейстерскую канцелярію, доноситъ санктпетербургской и новгородской житель водочной мастеръ Иванъ Посошковъ, а о чемъ, слѣдуютъ пункты:

1. Имѣю я дворъ свой на Санктъ-Петербургскомъ острову виже кронъ верха въ улицѣ отъ мытнаго двора, и въ нынѣшнемъ іюнѣ мѣсяцѣ въ первыхъ числахъ прибылъ сюда съ женою своею и съ сыномъ, и при насъ крѣпостный нашъ людъ, мужеска и женска полу, въ томъ числѣ челоуѣкъ мой Семень Кисловъ двадцати трехъ лѣтъ, росту средняго, въ лицѣ худощавъ, волосомъ бѣлорусъ, на немъ платье кафтанъ сѣрой россійскаго деревенскаго цвѣта камзолъ и штаны..... лазореваго..... да сестра онаго дѣтины..... дѣвка Ав...лова.“

Изъ второй бумаги, обращенной къ Артемію Ивановичу (не къ Волинскому ли?) мы видимъ о многообразной дѣятельности Посошкова, равно какъ и о торговлѣ разными товарами. Замѣтимъ, что этотъ Артеміи Ивановичъ обѣщалъ Посошкову выводить кормовыя деньги за сто рублей. Значитъ, что этихъ кормовыхъ денегъ было много, то-есть, за долговременную службу, есая даже за исходатайствование ихъ обѣщано было сто рублей.

„Въ бытіе мое с.-петербургское занялъ у меня займомъ Артемей Ивановичъ 50 руб. и я далъ ихъ безъ письма, да

за привозной изъ Новагорода запасъ, за соленое мясо, и за бѣлую капусту, и за масло коровье, и за медъ, и за огурцы, и за свѣчи салныя въ два года, накопилось 68 руб. да на поѣздѣ оставилъ я двупудовой якорь и съ подоломъ данъ 2 руб. 25 алт. 4 ден., да оставилъ я у ней же въ кладовомъ анбарѣ для обереженья песцовый черевій мѣхъ, данъ 14 руб. 16 алт. 4 д. да у милости же вашей остался мѣдный котелъ вѣсомъ пудъ шесть фунтовъ цѣна 11 руб. съ полтиною, мѣдный кувшинъ вѣсомъ 8 фунтовъ цѣна 3 руб. 2 гривны, хмѣлю кипа-цѣна 30 руб. итого 190 руб. 31 алт. 4 денъги; да въ домѣ моемъ было оставлено кубикъ двуведерный съ трубноцею, да мѣдѣникъ вѣсу въ нихъ больше полпуда было, и дѣтина мой сказывалъ, что взяла ихъ Анна Ивановна, да четыре сулец, двѣ ведерныя, другія двѣ полувѣдерныя цѣна 2 руб. да у жены моей Анна Ивановна взяла нѣмецкихъ кружевъ бѣлыхъ по цѣнѣ на 65 руб. да милость твоя общался кормовья мои деньги выводить и я общалъ тебѣ, за тотъ твой трудъ сто рублей, и Анна Ивановна въ тотъ платежъ взяла алмазный крестъ сквозной, сталъ онъ на Москвѣ 80 руб., а дѣла того не изволилъ милость твоя и начала учинить, которую я до твоего ходатайства выпуску сдѣлалъ, та и теперь въ лицахъ и отъ жены моей зашло за вашу милость 145 руб. и обоего будетъ 335 руб. 31 алт. 4 д. уплачено..... 50 руб. и за тѣмъ 386 руб. да прислала жена моя безъ милости твоей и безъ меня къ Аннѣ Ивановнѣ бѣлыхъ кружевъ нѣмецкихъ, да серегъ серебряныхъ, по цѣнѣ на 75 руб. на 20 алт. а именно, что чему цѣна, у всякаго кружева и у серегъ привязаны ярлычки, а привезъ тѣ кружева и серги князя Юрья Яковлевича Хилкова человекъ. да я оставилъ у ней же Анны Ивановны витяныхъ же кружевъ по цѣнѣ на 18 руб. да....стовъ и запанокъ новоманерныхъ а именно: 2 креста съ лазоревымъ камнемъ, да крестъ съ зеленымъ камнемъ, да двѣ петлицы, а цѣна крестамъ и петлицамъ по два рубля, итого 10 руб., двои серги золотыя цѣна по 3 руб. съ полтиною серги итого 7 руб. (225 руб. 20 алт.) ....(469 руб. 20 алт.) въ уплату принялъ я у милости твоей алмазныхъ и съ коронъ четыре.... безъ четверти, цѣною за пятьдесятъ рублей, да перевелъ было на Нечаевыхъ взять, а письма ихъ у Кошница не взялъ и намъ не далъ, и они сказали: деньги де за нами такіе есть, только де безъ письма платитъ не будемъ.

И за уплатою надлежитъ довать 360 алт. руб. 20 кромѣ прежнихъ 25 рублей ¹.

¹ Полуотставшія бумаги, касающіяся Посомкова и хранящіяся нынѣ въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, поступили сюда въ числѣ прочихъ неразобранныхъ и подмоченныхъ книгъ изъ архива старыхъ дѣлъ при сенатѣ, гдѣ они хранились въ подвалахъ до

Гонение на Посошкова не прекратилось съ его смертію. Черезъ десять лѣтъ доправлялась съ наслѣдниковъ недоимка въ 1076 руб. 46 коп. по откупному дѣлу, между тѣмъ какъ ему казна оставалась должною за поставленное вино 805 руб., такъ что недоимки на немъ оставалось только 271 руб. 46 коп. На уплату были отписаны нѣкоторыя имѣнія и оцѣнены съ наддачею въ 450 руб. Велѣно было оныя продать, но лишнія деньги наслѣдникамъ не отдавать, пока не соберутся справки о поставленномъ винѣ на 805 руб.

„По указу ея императорскаго величества правительствующій сенатъ, слушавъ доимочнаго приказа Выпуски, о доимкѣ на бывшемъ водочнаго строенія мастеръ Иванъ Посошковъ, за отдаваемые ему на откупъ изъ бывшей новгородской камерирской конторы, въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Бѣжецкой пятинѣ, устрѣцкаго таможеннаго мѣлочнаго збору, винной, пивной, медовой и водочной продажи, съ 721 году по 724 годъ, за которые сборы за платежемъ по 727 годъ, имѣлось на немъ недоимки тысяча семьдесятъ шесть рублевъ сорокъ шесть копѣекъ, и оной Посошковъ, не заплатя той доимки, умре. А апрѣля 20 числа того жъ 727 году, по челобитію поручиковъ его Посошкова, а по приговору за забрѣною бывшаго въ Новгородской губерніи камерира Семена Линева, въ показанную доимку зачтена, за поставленное онымъ Посошковымъ, по подряду 720 году, на новгородской отдаточной дворъ, и въ прочіе мѣста, простое вино, за три тысячи за шесть сотъ за двадцать за пять ведръ, за которое же дачи денегъ ему не было восемьсотъ пять рублевъ, за тѣмъ на немъ осталось въ доимкѣ двѣсти семьдесятъ одинъ рубль, сорокъ шесть копѣекъ, въ которую оставшаго его Посошкова имѣнія въ Новгородѣ, дворъ съ пожитки, а въ новгородскомъ уѣздѣ пахотной земли съ людьми и со крестьяны, отписано и оцѣнено съ наддачею на четыреста на пятьдесятъ рублевъ, по мѣрѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника господина Маслова, приказали: въ показанную на немъ Посошковъ доимку, въ двѣсти въ семьдесятъ въ одинъ рубль, въ сорокъ въ шесть копѣекъ, изъ вышеписаннаго отписанаго и оцѣненнаго его имѣнія продать канцеляріи конфискацій, по своей инструкціи, на толикое число, сколько той доимки на немъ взыскать надлежитъ, а о поставочномъ имѣ Посошковымъ въ 720 году, въ Новгородѣ, и въ прочія мѣста винъ, по цѣнѣ на восемьсотъ на пять рублевъ, за которое въ вышеписанную доимку учиненъ зачетъ однимъ камериромъ Линевымъ, доимочному приказу

своей передачи ихъ въ государственный архивъ. Здѣсь бумаги о Посошковѣ по реестрамъ записаны: Дѣла полуогласившія тайлой канцеляріи 1687—1717 гг. № 9; дѣла 1718—1725 гг. № 84; дѣла 1726 г. № 2.

освидѣтельствовать подлинно ль то вино онъ Посошковъ съ какимъ договоромъ, и подлинно ль то число сполна поставилъ и кто принималъ, и для чего ему тѣхъ денегъ долго-временно было не выдано, и буде по свидѣтельству явитца истина, то оной зачетъ тогда утвердить надлежитъ и въ сенатъ о томъ писать, а покажеть тотъ зачетъ освидѣтельствовавъ и утвержденъ будетъ, оставшихъ за продажею его Посошкова имѣннѣвъ наследникомъ его изъ отписки не отдавать, и о томъ въ Доимочной приказъ и въ канцелярію конфискацій послать указы.

Князь Иванъ Трубецкой, Андрей Ушаковъ, князь Ю. Трубецкой, Баронъ Петръ Шафировъ, Александръ Нарышкинъ, оберъ-секретарь Дмитрій Невѣжинъ, секретарь Алексѣй Федоровъ. Подписана ноября 20 дня 1735 года.“

Миръ твоему праху, страдалецъ! Трудамъ твоимъ, усердію, уму, воздается принадлежащая имъ честь, имя твое вносится въ отечественную лѣтопись, какъ имя почтеннаго гражданина, замѣчательнаго политическаго писателя,—и русская наука будетъ всегда вспоминать о тебѣ съ уваженіемъ и благодарностію!

М. ПОГОДИНЪ.

О ЛИТЕРАТУРНОМЪ ЯЗЫКѢ У СЛАВЯНЪ

Lipa, Národní Zábavník. Redactor a vydavatel Iosef Victorin. Pest. 1862.

Съ самыхъ отдаленныхъ временъ и до конца прошлаго столѣтія, литературный языкъ Чеховъ, Мораванъ и Словаковъ былъ одинъ и тотъ же, и къ какому бы изъ трехъ племенъ ни принадлежалъ авторъ, произведение его становилось общимъ достояніемъ всѣхъ ихъ: единеніе умственное тѣмъ болѣе замѣчательное, что политическое положеніе Словаковъ нисколько не благоприятствовало такому единству, а скорѣе вело къ его расторженію. По паденіи Велико-Моравскаго княжества, въ началѣ X столѣтія, Словаки вошли въ составъ ново-образовавшагося королевства Венгерскаго. Утративъ самостоятельность, они принуждены были или уединяться въ поляхъ и въ лѣсахъ, подобно индійскимъ паріямъ, или же перемѣнять народность, какъ скоро у кого зарождалось стремленіе подняться надъ уровнемъ отсюда сдвинутаго престоноародья. Въ администраціи у Словаковъ, какъ и по всему королевству, принятъ былъ латинскій языкъ; онъ же употреблялся въ наукѣ и въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Кромѣ этого обстоятельства, къ отчужденію Словаковъ отъ Чеховъ и Моравовъ не мало способствовало то, что отношенія Венгерскаго королевства къ Чешско-Моравскому очень не рѣдко принимали характеръ рѣзко враждебный. И

несмотря, однакожь, на все это, умственная связь между тремя племенами не прерывалась. Эту связь, выразившуюся въ общемъ письменномъ языкѣ, мы позволяемъ считать однимъ изъ величайшихъ благодѣяній для Словаковъ; ей слѣдуетъ приписать самое сохраненіе этого племени подъ наплывомъ чужой народности. Едва ли иначе могли бы уцѣлѣть Словаки, когда и собственные ихъ высшіе представители постоянно перераждались въ Мадыаровъ и питали полное равнодушіе, если не враждебность, къ своей коренной національности.

Сочиненія чешскія, сначала въ рукописяхъ, потомъ и въ печати, поддерживали въ Словакахъ духъ народный, пробуждали въ нихъ любовь къ отечественной старинѣ и вызывали реакцію противъ вторгавшихся чуждыхъ элементовъ; нѣтъ надобности говорить, что они были и единственнымъ проводникомъ образованія народнаго. Уже и въ древнее время, въ ряду писателей на чешскомъ языкѣ, встрѣчается не мало Словаковъ, и сочиненія ихъ безъ различія входятъ въ составъ общей литературы чешско-славянской. Какъ уже и въ старое время жива была литературная связь между Словаками и Чехами и какъ безразлично пользовались они однимъ и тѣмъ же языкомъ, всего яснѣе открывается изъ исторіи распространенія Гуссова ученія. Дѣйствительно, обильная, хотя и односторонняя, письменность гусситовъ съ быстротою распространилась не только въ Чехію, но и въ сѣверной Венгрію. Когда въ Чехію ученіе таборитовъ, особаго толка развившагося изъ ученія Гуссова, въ половинѣ XV столѣтія, подверглось преслѣдованію, оно нашло себѣ спокойное пристанище у Словаковъ, гдѣ вслѣдствіе этого непоятное народу латинское богослуженіе не замедлило смѣниться чешскимъ. Это еще болѣе укрѣпилось въ XVI вѣкѣ, когда гусситизмъ слился съ протестантизмомъ Лютера, установившимъ въ богослуженіи также употребленіе роднаго языка. И не въ одномъ богослуженіи и церковной письменности, общій чешско-славянскій языкъ находилъ себѣ тогда у Словаковъ право гражданства. Какъ ни сильно было господство латинизма, во дворяне венгерскіе, въ сношеніяхъ своихъ съ словацкими городами, зачастую прибѣгали къ языку чешскому, даже въ XV столѣтіи. Архивы словацкіе, къ сожалѣнію, доселѣ не обнародованные, хранятъ въ изобиліи акты и грамоты выходявшіе на чешскомъ языкѣ даже изъ королевской канцеля-

риі. ¹ У Словаковъ не замедлили появиться и особенныя типографіи, откуда печатныя книги расходились по всему міру чешско-славянскому. Такъ, въ первыхъ годахъ XVII вѣка, извѣстны были типографіи въ Бардіовѣ, въ Левочи, въ Кошицахъ и др. Когда, послѣ Бѣлогорской битвы, въ самой Чехіи не только остановилась дальнѣйшая литературная дѣятельность, но и съ ожесточеніемъ истреблялось все что оставалось отъ прежнихъ вѣковъ, значительная часть Чеховъ удалилась къ родственнымъ Словакамъ; здѣсь-то нашла прибѣжище и гонимая ихъ литература. Организовались типографіи въ Жилинѣ, Тренчинѣ, въ Търнавѣ, Пресбургѣ и др. Габсбурги еще не рѣшились дать волю своему католическому фанатизму на почвѣ конституціонной Венгріи. Изъ слѣдующихъ словъ предисловія къ чешско-славянской грамматикѣ Долежала, вышедшей въ 1746 году, можно составить себѣ опредѣленное понятіе о томъ, въ какой степени распространенъ былъ у Словаковъ литературный чешскій языкъ, и какимъ онъ пользовался уваженіемъ. „Чехи, поселившись въ Венгріи, по окончаніи гусситскихъ войнъ, блистательно украсили и развили словенскій языкъ. Благодаря этому, въ настоящее время занимаются словенскимъ языкомъ и обогащаютъ его не только люди ученые какъ Михаличи, Керманы и др., но и многіе изъ вельможъ и дворянъ, какъ Турцы, Острожиты, Зафи, Судовчи, Ревайи, Беничи и иные, проживающіе въ городахъ, гдѣ этотъ языкъ въ общемъ употребленіи. Языкъ чешско-словенскій красотою своими не только равняется остальнымъ языкамъ Европы, но еще и превосходитъ ихъ, владѣя вполне важностію и возвышенностію языка испанскаго, вѣжливостію и легкостію французскаго, серіозностію и силою англійскаго, обиліемъ и выразительностію нѣмецкаго и нѣжностію италянскаго.“

Въ продолженіи всего XVII вѣка и въ первой XVIII, литература чешская почти исключительно сосредоточена была въ Словацкой землѣ. Въ то время, когда въ самой Чехіи только начиналось литературное движеніе Добровскимъ и Крамеріемъ,—когда самые горячіе и образованные патриоты еще не отучились смотрѣть на свой родной языкъ, какъ на мертвый, не способный уже воскреснуть для литературы, — когда

¹ Šembera, II, I, стр. 14.

даже въ сочиненіяхъ о чешской старинѣ прибѣгаю они къ языку нѣмецкому,—среди Словаковъ еще продолжалась литературная жизнь, и чешскій языкъ не выходилъ изъ числа предметовъ обученія. Въ 1783 году, Словакъ Стефанъ Лешка, издаетъ чешско-словацкія газеты; профессоръ гимназіи въ Штявницѣ, Ройко, преподаетъ чешскій языкъ; Богуславъ Табицъ учреждаетъ въ Зволенскѣ ученое чешско-словацкое общество, а Юрію Палковичу удалось даже учредить кафедру чешскаго языка въ столичномъ венгерскомъ университетѣ (въ Пресбургѣ, 1803). Потомъ по мѣрѣ возрожденія народной жизни и литературы у Чеховъ, усиливалась письменная дѣятельность и у Словаковъ. И Словаки отблагодарили Чеховъ за прежнія ихъ услуги въ распространеніи родной образованности. Изъ Словаковъ вышли два славныя дѣятеля, которые были главными пробудителями чешской народности: Колляръ и Шафарикъ. Но именно, въ то самое время, когда эти писатели, которые, казалось бы, должны были еще прочѣе скрѣпить связь между двумя родственными племенами приготовляясь выступить на литературное поприщѣ, между Словаками послышались голоса о необходимости своей отдѣльной литературы, съ особымъ языкомъ. Слабы были эти голоса, и еще слабѣе оказались первыя попытки осуществить задуманный литературный расколъ; но ни тѣ, ни другія не прекращались, и несмотря на неудачи и на несочувствіе большинства, продолжаютъ даже до настоящихъ дней. Странно: единство между поколѣніями славянскими какъ будто находится подъ какимъ-то проклятіемъ даже тамъ, гдѣ оно требуется и многовѣковой исторіей, и мѣстными условіями, и самымъ существомъ народности. Какъ будто какой-то фатализмъ ведетъ Славянь къ раздробленію даже того что крѣпко соединено самою природою и что въ раздробленіи угрожаетъ только однимъ бѣдствіемъ и зломъ! Стоитъ мимоходомъ взглянуть на отношенія словацкаго нарѣчія къ чешскому и на поразительное разнообразіе въ мѣстныхъ оттѣнкахъ перваго, чтобы убѣдиться въ естественномъ и коренномъ единствѣ обоихъ и въ бесплодности попытокъ образовать изъ разрозненныхъ провинціализмовъ что-либо цѣльное, прочное и соответствующее современнымъ духовнымъ требованіямъ.

Словацкое нарѣчіе, по общему типу въ звукахъ и формахъ, принадлежитъ къ западному отдѣлу языка славянскаго, вмѣстѣ съ чешскимъ, польскимъ и лужицкимъ нарѣчіями. По

частнымъ особенностямъ въ звуковыхъ видоизмѣненіяхъ, и по системѣ флексій, оно стоитъ въ ближайшей связи съ нарѣчіемъ чешскимъ. Отдѣлявъ умственно отличія мѣстныхъ говоровъ, принявъ во вниманіе только общія всѣмъ имъ свойства, взявъ за образецъ, пожалуй даже новообразуемый литературный языкъ Словаковъ, мы безъ труда замѣтимъ сколь велика близость его къ чешскому и сколь ничтожны и новы его отличія отъ этого послѣдняго. Оба эти нарѣчія мы можемъ разсматривать какъ два ручья которыя не только до того близки другъ къ другу, что не рѣдко сливаются въ одномъ руслѣ, но которыя носятъ на себѣ всѣ признаки едва лишь обнаруживающагося раздѣленія, такъ что стоитъ сдѣлать нѣсколько шаговъ вверхъ ихъ теченія, чтобы встрѣтить одну широкую рѣчку. Самый поверхностный взглядъ на исторію этихъ нарѣчій, дѣйствительно, убѣждаетъ изслѣдователя въ ихъ недавнемъ единствѣ. Въ чешской старой литературѣ и въ нѣкоторыхъ памятникахъ XV и XVI столѣтій, весьма часто встрѣчаемъ то, что теперь признается за провинциализмъ собственно словацкій,—ясное доказательство, что говоръ Чеховъ и Словаковъ былъ тогда одинъ и тотъ же. Словаки, по самому положенію своему, на которое осудила ихъ исторія, разобщенные отъ своихъ единоплеменныхъ сосѣдей, разобщенные и между собою гористою мѣстностью и чуждою колонизаціей, естественно должны были удержать въ говорѣ много такихъ идиотизмовъ, которые въ чешскомъ народѣ, никогда не терявшемъ взаимнаго общенія и не дробившемся на отдѣльные куски, сгладились сами собою. Этимъ всего лучше объясняется теперешнее различіе двухъ нарѣчій. И тогда какъ чешскій языкъ не представляетъ замѣчательныхъ поднарѣчій, словацкій, напротивъ, отличается такимъ разнообразіемъ говоровъ, какого не встрѣчается еще ни въ одномъ изъ остальныхъ поколѣній славянскихъ, за исключеніемъ развѣ Хорутанъ, испытавшихъ почти одинаковую историческую участь съ Словаками. Едва ли будетъ пустою догадкой предположеніе, что еслибы политическія условія Словаковъ въ прежнее время были болѣе благоприятны, то ихъ нарѣчіе далеко не представляло бы своего нынѣшняго разнообразія въ говорахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не представляло бы и тѣхъ отличій отъ чешскаго языка, которыя подали мысль къ образованію особенной словацкой литературы. Но самое это разнообразіе говоровъ именно и

служить въ то же время непреодолимымъ препятствіемъ къ осуществленію мечтаемой литературной самостоятельности. Количество ихъ поразительно. Западъ, востокъ, сѣверъ, югъ, далеко недостаточныя основанія для опредѣленія мѣстностей отличающихся лингвистическими отгѣнками, хотя и подобаго дѣленія, повидимому, должно бы быть слишкомъ довольно, если принять въ соображеніе малочисленность племени и незначительность обитаемаго имъ пространства. Въ каждомъ изъ этихъ общихъ отдѣловъ могутъ быть указаны еще болѣе частныя подраздѣленія. На основаніи изслѣдованій г. Срезневскаго, внимательно изучившаго эти говоры на мѣстѣ, мы вправѣ считать ихъ до десятка. Къ этому должно добавить, что изобиліе ихъ взаимныхъ отличій такъ велико, что въ иныхъ случаяхъ гораздо очевиднѣе ихъ общее родство съ литературнымъ языкомъ чѣмъ взаимная ихъ близость между собою. Это и естественно, если примемъ въ соображеніе разнообразныя вліанія, какимъ съ разныхъ сторонъ подвергалось словацкое племя, подпадавшее съ одной стороны вліанію Поляковъ, съ другой вліанію Русиновъ, не упоминая уже о Мадырахъ, Румунахъ, и отчасти Сербяхъ. Нѣкоторые говоры словацкіе до того проникнуты свойствами нарѣчія польскаго, что съ перваго раза трудно бываетъ отличить народность говорящихъ. Конечно, изъ столь многочисленныхъ и разнообразныхъ говоровъ не легко выдѣлать тотъ, который въ одно и то же время и соответствовалъ бы нуждамъ литературы, и выражалъ бы въ себѣ чисто словацкую народность. Нельзя отрицать, что чрезъ нѣсколько лѣтъ можетъ явиться, пожалуй, такой патріотъ, которому покажется цѣлесообразнѣйшимъ воспользоваться, для литературнаго языка, говоромъ сѣвернымъ, пропитаннымъ польскими элементами. Но такое чисто-случайное предпочтеніе нарѣчія ограниченнаго самою мелкою мѣстностью, явившагося въ очень позднюю пору и при томъ подъ вліаніемъ другой народности, не было ли бы въ прямой ущербъ тому самому, чего желаютъ достигнуть отдѣленіемъ словацкой литературы отъ чешской, то-есть въ ущербъ самобытности словацкаго народа? Однимъ словомъ, намѣреніе организовать въ литературѣ особый словацкій языкъ, само въ себѣ неисполнимо. Лучшимъ доказательствомъ тому самая исторія отдѣльной письменности словацкой, ограничивающаяся только поисками за воображаемымъ языкомъ и поперебными попытками взять за основаніе то одно,

то другой изъ разнообразныхъ жѣтвыхъ говоровъ. Мы представляемъ краткій очеркъ этой исторіи, чтобы нагляднѣе показать всю безнадѣжность подобныхъ попытокъ и въ будущемъ.

Первая мысль объ особомъ литературномъ языкѣ пробуждена была у Словаковъ, еще въ первой половинѣ прошлаго вѣка, Алексѣемъ Мачаемъ. Будучи родомъ изъ Терновскаго комитата, онъ употреблялъ въ своихъ сочиненіяхъ свое родное нарѣчіе. Замѣтимъ кстати, что какъ самъ Мачай, такъ и всѣ его посядователи были католики, и что вообще главнѣйшими представителями самобытной словацкой литературы до сего времени остаются большею частію католики и при томъ изъ духовенства. Нововведеніе Мачая, впрочемъ, въ свое время прошло почти вовсе незамѣченнымъ: количество произведеній, которыя оно породило было слишкомъ незначительно, и самое ихъ достоинство было болѣе нежели посредственно. Только уже въ концѣ прошлаго вѣка и особенно въ началѣ нынѣшняго, Словаки начинаютъ обращать на себя вниманіе благодаря появленію двухъ дѣятелей на этомъ поприщѣ: Антонина Бернолака и Яна Голаго (оба католическіе священники). Первый написалъ разсужденіе объ азбукѣ терновско-словацкой и издалъ грамматику терновскаго говора, подъ заглавіемъ *Grammatica Slavica*. Этими сочиненіями онъ думалъ дать какъ бы норму, съ которою слѣдовало справляться литераторамъ-Словакамъ. И дѣйствительно, подъ перомъ Голаго, даровитаго поэта, теоретическія положенія Бернолака нашли практическое примѣненіе. Обширный кругъ читателей Голаго, повидимому, упрочивалъ дальнѣйшій успѣхъ словацко-терновскаго нарѣчія въ литературѣ. Но тѣмъ не менѣе, достаточно было умереть поэту, чтобы съ нимъ вмѣстѣ замолокло въ литературѣ и терновское нарѣчіе. Самыя произведенія Голаго пользовались популярностію единственно по патріотическому чувству, съ какимъ воспѣвалъ онъ событія древней словацкой исторіи, вниманіе къ которой было уже въ то время сильно напряжено. Да притомъ, поэтъ и самъ далеко не строго держался терновскаго діалекта, и вѣроятно, еслибъ онъ еще менѣе уклонялся отъ общаго литературнаго языка, то поэмы его: *Svatopluk*, *Slava*, *Cyrill* приобрѣли бы еще болѣе читателей.

Въ числѣ писателей на терновскомъ діалектѣ, кромѣ Бернолака и Голаго, можно упомянуть еще развѣ о Юріи Пал-

колич, который призналъ на себя трудъ перенести на это нарѣчіе, съ обще-литературнаго языка, Священное Писаніе. Но еще до смерти Голаго (1849), начала распространяться мысль, что терновское поднарѣчіе неспособно быть органомъ словацкой литературы. Явились двое новыхъ писателей, уже изъ протестантовъ, Іосифъ Гурбанъ и Людевитъ Штура, поставившіе себѣ задачею выдѣлать для литературнаго употребленія другой словацкій говоръ, именно тренчинско-нитранскій, который былъ роднымъ для нихъ обоихъ. И въ этомъ случаѣ, точно также какъ при введеніи терновскимъ, прежде всего приступлено было къ ученому изслѣдованію языка. Плодомъ этого изслѣдованія явилось разсужденіе Штура, гдѣ представляемы были основанія нарѣчія тренчинско-нитранскаго. Сообразно съ этими основаніями на тренчинско-нитранскомъ нарѣчій издаваемы были Штуромъ (1845 — 47) политическіе органы: *Noviny politicke* и *Oral Tatransky*, и Гурбаномъ журналъ *Sohlady* (1844 — 1851 г.) Приверженцы новаго направленія были исключительно протестанты. Впрочемъ, не долго удержалось единство и между защитниками новаго поднарѣчія. Одинъ изъ талантливыхъ литераторовъ, Ходжа, какъ уроженецъ липтовскій, намѣлъ различнымъ дать участіе въ составѣ новаго языка и своему родному говору, и соображенія свои объ этомъ изложилъ онъ въ особомъ латинскомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ *Epigenies Slovenicus*. вмѣстѣ съ тѣмъ, лѣтъ черезъ восемь послѣ первой попытки возвести тренчинское поднарѣчіе на степень литературнаго языка приверженцы его стали охладѣвать къ нему все болѣе и болѣе, такъ что приходилось или возвратиться къ общему литературному органу, которымъ продолжали пользоваться съ громаднымъ успѣхомъ Шафарикъ и Коляръ, или попытаться еще удачи въ новыхъ поискахъ.

Недостатка въ искателяхъ не было. Съ паденіемъ терновскаго нарѣчія, католики никакъ не хотѣли примкнуть къ литературному языку придуманному протестантами. И вотъ причина, почему въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Мартынь Гаттала, теперешій пражскій профессоръ церковно-славянскаго языка, а тогда простой священникъ небольшого словацкаго городка, намѣлъ способнѣйшимъ для литературнаго употребленія нарѣчіе своей родины, именно *моленское*. Эту мысль онъ и принялъ за основаніе, при составленіи словацкой грамматики, вышедшей, въ первый разъ, на латинскомъ

языкъ, подъ заглавіемъ: *Grammatica linguae slovenicae* (1850), а черезъ два года переведенной на словацкій, подъ именемъ: *Krátka Mluvnica Slovenská*. Католическіе священники, приняли мысль Гаттаалы, и *зволенича* стала новымъ любимымъ нарѣчіемъ словацкой литературы. Эту любовь разделяютъ пока всѣ нынѣшніе писатели словацкіе, такъ какъ почти всѣ они принадлежатъ къ католическому исповѣданію. На сторону Гаттаалы перешли даже такіе люди, которые, какъ Радлицкій (священникъ въ Пештѣ), еще недавно были горячими защитниками идей Штура. Центромъ литературной дѣятельности сдѣлался Пешть, а самое видное участіе въ этой дѣятельности принадлежитъ священнику, Палярику, бывшему редактору *Церковной газеты*, а теперь одному изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ въ превосходной политической газетѣ: *Пештбудимскія Вѣдомости*, и Викторину, тоже священнику, автору словацкой грамматики на нѣмецкомъ языкѣ и издателю новѣйшихъ альманаховъ *Конкордіи* и *Луны*. Оба эти писатели отличаются основательнымъ образованіемъ. Тѣмъ грустнѣе видѣть ихъ во главѣ литературнаго сепаратизма.

Такимъ образомъ въ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ Словаки перепробовали, въ своихъ попыткахъ создать отдѣльную литературу, четыре провинціальные говора: терновскій, нитранско-тренчинскій, липтовскій и, наконецъ, zvolenскій. Остановаются ли они на этомъ? Трудно ручаться за это, такъ какъ до сихъ поръ всѣ ограничивались только пространствомъ на западѣ; не тронуты ни средина словацкой земли, ни восточная ея часть, еще болѣе богатая разнообразіемъ диалектическихъ особенностей. Между тѣмъ каждая новая попытка неизбѣжно повлечетъ за собою ту же остановку въ дальнѣйшемъ развитіи литературы, а съ нею и просвѣщенія народнаго, какая замѣчалась и прежде, при смѣнѣ одного говора другимъ; литературныя занятія попрежнему ограничатся бесплодными трактатами о преимуществахъ того или другаго говора. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не предвидѣть дурныхъ послѣдствій и для нравственнаго расположенія народа. Подобными попытками питается и отчасти даже вызывается въ народѣ чувство вражды къ ближайшимъ братьямъ. Смысла такого чувства Словаковъ къ Чехамъ уже брошено и растеть, какъ, повидимому, ни стараются задержать его сами свѣатели, невольно въ свою очередь проникающіеся имъ въ

борьбѣ за кажущуюся правоту своихъ убѣжденій. Какъ спокойно доказываютъ Чехи своимъ литературнымъ сепаратистамъ всю несостоятельность ихъ затѣй, такъ раздражительны, напротивъ, нововводители. Эта раздражительность не замедляетъ являться и въ ихъ произведеніяхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ дѣйствовать и на кругъ читателей. Мировлюбіе не отличаетъ сепаратистовъ даже когда они сами между собой спорятъ о преимуществахъ того или другаго словацкаго говора. Осязательнымъ примѣромъ можетъ служить г. Радаицкій. До 1848 года, ревностный поклонникъ Штура, онъ послѣ того уже дважды перемѣнялъ лагери и каждый разъ являлся полемизаторомъ не слишкомъ спускательнымъ къ противоположному направленію, которое было нѣкогда и его собственнымъ. Не будетъ ничего удивительнаго, если онъ и еще разъ измѣнитъ свои взгляды, и начнетъ горячо осуждать свои теперешнія воззрѣнія; не будетъ также ничего удивительнаго, если еще какой-нибудь провинціализмъ будетъ возведенъ на степень словацкаго языка: въ этомъ отношеніи они всѣ равны, то-есть одинаково неспособны быть органомъ образованной литературы.

Но допустимъ, наконецъ, что Словаки рано или поздно примирятся на какомъ-либо одномъ провинціальномъ говорѣ, единодушно признаютъ его исключительнымъ орудіемъ своей письменности, общими силами постараются обработать, развить и усовершенствовать его для выраженія тѣхъ идей, и чувствъ, которыя составляютъ достоинствіе современнаго образованія. Допустимъ эту весьма не легкую возможность соглашенія тамъ, гдѣ рѣшительно нѣтъ поводовъ къ предпочтенію одного говора передъ другимъ и гдѣ, съ другой стороны, не прекратится никогда вліяніе общаго литературнаго языка имѣющаго за себя и исторію, и доказанное вѣками совершенство, и свойства одинаково родственныя для всѣхъ Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ. Чтò же, спрашиваемъ, выиграютъ Словаки? Да и возможенъ ли еще какой бы то ни было тутъ выигрышъ. Не бросается ли ярко въ глаза положительный ущербъ отъ ослабленія письменности, ущербъ столь существенный, что можно только дивиться охотѣ умныхъ людей предпринимать подобныя затѣи?

Право того или другаго языка быть органомъ литературы стоитъ въ тѣсной связи съ исторіей просвѣщенія народа.

Переходя изъ простонароднаго говора въ письменность, съ первыми зачатками литературнаго образованія, языкъ тотчасъ же пріобрѣтаетъ особенности, необходимыя для новыхъ его цѣлей и новаго употребленія. Какъ ни близко еще бываетъ онъ на этой ступени къ первоначальной своей сферѣ, сохраняя тѣ же звуки и тѣ же формы, которыя звучатъ и въ устахъ простолюдина, но уже въ немъ появляются особыя условія ясности, опредѣленности и выразительности, особый складъ въ разстановкѣ словъ и въ устройствѣ періодовъ, въ силу именно того, что мысль устанавливается, сосредоточивается на предметъ, обдуманно ищетъ себѣ соразмѣрнаго выраженія. И эти особенности тѣмъ рѣзче, чѣмъ умственнѣе выше и развитѣе первоначальные двигатели письменности, выдѣлившіеся изъ общей народной массы. Слѣдующее поколѣніе литературныхъ дѣятелей само воспитывается къ дѣятельности уже посредствомъ этого обработаннаго органа, усвоивая себѣ пріемы и особенности, которыя дѣлаютъ его органомъ высшихъ понятій. Однимъ словомъ, языкъ письменный есть проводникъ народнаго просвѣщенія, которое, отыскивая себѣ письменнаго выраженія, съ каждымъ шагомъ своимъ придаетъ языку новыя особенности и ведетъ его къ новому успѣху; отсюда, и наоборотъ, степенью совершенства, до какого достигъ литературный языкъ, можно измѣрять и степень самого просвѣщенія въ народѣ.

Совсѣмъ другимъ условіямъ подчинено развитіе говора простонароднаго. Этотъ говоръ могъ бы быть тождественъ съ усовершенствованнымъ литературнымъ языкомъ лишь тогда, когда бы въ литературѣ, съ самаго перваго ея появленія, участвовалъ весь народъ наравнѣ съ передовыми своими людьми; но этого не бываетъ. Простонародный говоръ, при своемъ историческомъ движеніи, измѣняется по преимуществу со стороны внѣшней, пріобрѣтаетъ новыя звуковыя свойства, или новыя флексическія формы; появляются въ немъ новыя особенности и въ синтаксисѣ, но уже гораздо рѣже и слабѣе; языкъ письменный напротивъ измѣняется главнѣйшимъ образомъ именно во внутреннемъ своемъ строеніи, и отъ обогащенія новыми идеями, пріобрѣтаетъ себѣ новыя средства силы, выразительности. Конечно, какъ органъ живаго народа, литературный языкъ не остается неизмѣннымъ, и со внѣшней стороны подчиняется движенію, которое испытываетъ языкъ въ устахъ народныхъ, но подчиняется мед-

ленно и неохотно: усваиваетъ себѣ новыя формы только тогда, когда онѣ охватили уже всю массу народа, сдѣлались общими его достоинствомъ и когда старыя формы окончательно вымерли, утративъ совершенно всякій смыслъ для народа. Это совершается не скоро. Народъ, по мѣрѣ своего размноженія и расселенія, теряетъ обыкновенно первоначальную тѣсную связь своихъ составныхъ частей; неодинаковость общества, неодинаковость почвы и климата неизбежно производятъ въ немъ разнообразіе, и вслѣдствіе того, смотря по различнымъ мѣстностямъ, въ известной части народа долго сохраняются старыя формы языка, которыя воздѣ уже вымерли, а въ другихъ частяхъ напротивъ появляются несыханныя дотоле формы, которыя въ свою очередь переходятъ не скоро, или даже никогда не переходятъ въ общее употребленіе. Помянуто, что при этомъ литературный языкъ, съ одной стороны туго поддается нововведеніямъ, которыя притомъ и не всегда имѣютъ разумное основаніе, а съ другой долѣе хранитъ въ себѣ архаизмы уже освященные употребленіемъ при выраженіи высшей мысли.

Языкъ литературный и языкъ простонародный, такимъ образомъ, постоянно стоятъ другъ отъ друга въ нѣкоторомъ отдаленіи и становятся, съ теченіемъ времени, предметомъ обоюднаго изученія и взаимнаго пополненія. При правильномъ ходѣ просвѣщенія, простонародный говоръ стремится постоянно возвыситься до языка литературнаго; языкъ литературный постоянно черпаетъ новыя себѣ средства изъ говора простонароднаго; но полное совпаденіе ихъ никогда не достигается. Позволительно мечтать о распространеніи высшаго образованія въ самой народной массѣ; позволительно мечтать, что то или другое провинціальное варьѣе сдѣлается когда-нибудь самостоятельнымъ орудіемъ просвѣщенія; но отъ мечтаній до осуществленія ихъ въ самой жизни далеко. Жизнь не подчиняется желаніямъ и надеждамъ небольшого кружка, хотя бы эти желанія были или казались патріотическими; жизнь идетъ своимъ путемъ, нерѣдко медленно, съ перерывами и уклоненіями, но всегда твердо, не отрываясь отъ исторической почвы. Въ этомъ отношеніи, общее чувство самого народа гораздо справедливѣе и согласнѣе съ народными пользами нежели глубокомысленныя соображенія увлекающихся теоретиковъ. Изъ побужденій односторонней любви къ исключительной народности они могутъ желать такого

литературнаго языка, который бы ничѣмъ не отдѣлялся отъ живого говора; но они забываютъ, что итъ для этого придется либо отказаться отъ сокровищъ образованія, либо создать искусственный языкъ, въ которомъ будетъ все условно, и который повому будетъ тѣмъ рѣзче отдѣляться отъ народнаго разумія, чѣмъ менше будетъ имѣть опоры въ исторіи и чѣмъ болѣе будетъ зависть отъ воли писателей, занимающихся его организаціей. Неприготовленность народнаго говора къ выраженію современнаго образованія такъ ясна, что нѣтъ нужды доказывать справедливость этихъ выводовъ. Простонародный говоръ неизбежно долженъ ограничиваться въ литературѣ выраженіемъ только крайне оруднаго простецка, которое успѣло кое-какъ отрывками проникнуть въ высшіе слои. Все остальное, еще чуждое массѣ или должно быть отброшено, или передаваемо условными знаками, изученіе которыхъ потребуетъ особеннаго труда.

При возрожденіи чешской литературы, въ концѣ прошлаго вѣка, сами Чехи первоначально думали было обратитъ для литературнаго употребленія языкъ простонародный. Это было и естественно, потому что въ продолженіе болѣе нежели полутора-стлѣтнихъ фанатическихъ пресѣдованій чешской народности, высшія сословія давно уже отнѣмались, и чешскій языкъ остался въ исключительномъ употребленіи простонародія. Тѣмъ не менше, однакоже, вкорѣ оказалась совершенная непригодность этого языка, къ тому, чтобы служить орудіемъ литературы. Дошло до того, что самые горячіе патріоты, стоявшіе почти во главѣ возрождавшейся народной образованности, начинали выражать убѣжденіе въ невозможности воскресить чешскій языкъ для литературы. И трудно было бы спорить противъ основательности этого убѣжденія, еслибы продолжали искать орудій къ письменному выраженію исключительно въ современномъ народномъ говорѣ. Но чешскую литературу, а вмѣстѣ съ нею и чешскій народъ спасла исторія. Занятіе стариною чешскаго народа, съ чѣмъ не разлучно было связано знакомство и со старинными памятниками чешской письменности, не замедлило вскрыть богатства и обработанность стараго языка, и способность его къ передачѣ такихъ понятій, какихъ нельзя было найти среди современнаго простонародья. Этимъ-то языкомъ, отступавшимъ, конечно, отъ народнаго говора, и рѣшились воспользоваться къ возрожденію чешской народности и литературы. Онъ былъ

положенъ въ основу словарей и грамматикъ, по которымъ стало учится молодое поколѣнiе. Послѣ этого, нового удивительнаго быстрого, съ какою етапа развивался новая литература Чеховъ; поманымъ богатство, сила, и выразительность поэзи Кедлера и Чомаковскаго, неувидительно и появленiе на языкѣ чешскомъ спеціальнаго-учебныхъ изсѣдованiй по разнымъ наукамъ и даже философскихъ трактатовъ. Воинъ этимъ обязанъ Чехи именно тому, что органомъ просвѣщенiя принять былъ языкъ, уже воплощенный въ себѣ многовѣковую образованность народа.

Указанъ и вредная непрактичность взгляда преобразовательной простонародныхъ диалектовъ въ органы письменной литературы разоблачаются еще очевиднѣе, если обратить вниманiе, самое бѣглое, на исторiю и способъ развитiя этихъ диалектовъ. До настоящаго времени, исторiя народовъ указываетъ намъ пока на одну только сторону: на постепенное и не прерывное образованiе говоровъ; изъ многовѣковой жизни народовъ, мы до сихъ поръ въ состоянiи уловить лишь востанное дробленiе не только языка на нарѣчiя, но и послѣднихъ на мелкiя разнорѣчiя: противоположнаго явленiя — сглаженiя разнорѣчiй и подведенiя ихъ подъ единый говоръ, а разныхъ говоровъ въ единый языкъ, общiй для цѣлаго народа, — еще не оказалось нигдѣ, даже и среди тѣхъ нацiй, которыя издавна гордятся единствомъ и богатствомъ своей литературы, а съ нею письменнаго языка. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить Германiя, гдѣ три съ половиною вѣка господствуетъ единство литературное, гдѣ образованность успѣла давно уже спуститься въ самыя низшия слои народа и гдѣ, однакоже, обилiе мѣстныхъ нарѣчiй и рѣзкость различiя между ними до того поразительна, что справедливо приводятъ въ удивленiе самыхъ образованныхъ Нѣмцевъ нерѣдко вынужденныхъ сознаться въ непониманiи говора своихъ единоземцевъ, часто вовсе не отдѣленныхъ отъ нихъ огромностию разстоянiя и не отрѣзанныхъ какими-либо естественными рѣзкими границами. И не одна широкая рамки по странамъ свѣта опредѣляютъ количество и качество разнообразныхъ провинциализмовъ въ языкѣ нѣмецкомъ: востокъ и западъ, сѣверъ и югъ имѣютъ множество мелкихъ подраздѣленiй, выдѣляющихъ иногда говоръ одной деревни отъ говора другой сосѣдей. Многимъ ли крупнѣе границы раздѣла мѣстныхъ оттѣнковъ и въ языкѣ

Франція? А и въ послѣдней, подобно Д'ерсманіи, литература одиетвами своимъ не переставала и не перестаетъ обращать вниманіе ея жителей въ одну осмы.

Вообще, отождествленіе литературнаго языка съ простонароднымъ есть неосуществимая утопія. Еслибъ и удалось преодолѣть затрудненія, которыя представляетъ такая попытка въ началѣ, дѣло въ послѣдствіи все-таки пришло бы къ тому, что вѣроятно съ развитіемъ литературы, языкъ ея отдѣлился бы отъ простонароднаго употребленія. Ужели же въ такомъ случаѣ снова начинать Сизифову работу? Сила и богатство народнаго образованія, а следовательно и литературы народной, обуславливаются крѣпостью основаній, которыя заложены еще въ самомъ отдаленномъ періодѣ народнаго дѣтства; отащайте эти основанія, эту историческую почву, и народное образованіе осудится на безплодіе. Ошибочная мысль, о возможности отождествить литературный языкъ съ простонароднымъ, основывается болѣе всего на неправильномъ понятіи о значеніи самой литературы. Говорятъ, что литература есть выраженіе народнаго развитія, и следовательно можетъ и должна оставаться на той духовной степені, на какой стоитъ самъ народъ. Опредѣленіе это справедливо, но односторонне. Литература есть не только страдательный органъ готовой народнои образованности, но и дѣятельное орудіе къ ея дальнѣйшему совершенствованію посредствомъ общенія съ образованіемъ общечеловѣческимъ; она есть проводникъ, посредствомъ котораго входитъ въ народъ плоды умственнаго развитія всѣхъ странъ и временъ; и это послѣднее дѣятельное ея значеніе почти заставляетъ забыть о ея значеніи страдательномъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стороны ни помотришь на жизнь общественную, со всѣми ея улучшениями, всюду придешь къ заключенію, что не столько литература отражаетъ въ себѣ исключительную національность, сколько, напротивъ, сама исключительная національность возвышается и очищается подъ вліаніемъ литературы. Одни изъ самыхъ свѣжихъ примѣровъ такого значенія литературы представляютъ намъ опять тѣ же Чехи. Не болѣе полуиѣка прошло со времени ихъ возрожденія, а между тѣмъ, какими результатами на общественной жизни отразилась ихъ литература! Трудно указать въ цѣлой Европѣ народъ, который бы такъ быстро подымался умственно во всей своей

марокъ, и этия обязанности Чехи именно своей литературѣ, и отчасти именно тому, что она въ время противостала искушенію ограничиться въ литературѣ исключительными употребленіемъ простонароднаго языка.

Съ этой точки зрѣнія, для успѣховъ литературы весьма важно и то, чтобы языкъ, употребляемый ею, не былъ исключительнымъ органомъ мѣстности слишкомъ ограниченной или населенія слишкомъ малочисленнаго. Небольшой народъ, или точнѣе народецъ, размѣщенный въ тѣсныхъ предѣлахъ, отрѣзанный языкомъ отъ окружающихъ сосѣдей, всегда страдаетъ извѣстною узкостью воззрѣній, доходящею иногда до жалкой исключительности. Эта узкость, эта исключительность естественно не можетъ не отразиться и на самой литературѣ, и следовательно на образованіи. Здѣсь невольно приходится на память слова одного изъ замѣчательнѣйшихъ славянскихъ дѣятелей. По справедливому замѣчанію Коллара „и образованіе и литература совершенствуются тѣмъ быстрее и успѣшнѣе, чѣмъ обширнѣе ихъ область, чѣмъ свободнѣе могутъ вымахивать они своими крыльями и далеко и широко, по горамъ и землямъ; въ такомъ положеніи и образованіе, и литература встрѣчаютъ не только сильное возбужденіе и podporу, но и усвоиваютъ разносторонній, возвышенный, чисто-человѣчскій характеръ, отражая въ себѣ не одну деревню, мѣстечки, цѣли, а цѣлыя земли, народы, даже все челоуѣчество.“ Самъ славянскій міръ служить лучшимъ подтвержденіемъ этихъ словъ. Взгляните, напримеръ, на Лужичанъ. Нельзя, конечно, не удивляться ихъ стойкой ревности о поддержаніи своей народности; нельзя не уважать представителей ихъ за безкорыстіе и горячія усилія упрочить едва возникшую литературу: но никто не предкажетъ особенныхъ успѣховъ ихъ младенческой литературѣ, пока, съ перемѣною обстоятельствъ, не возстановится для нихъ прерванное политическое общеніе, а вмѣстѣ и умственная связь съ другими славянскими племенами. То же должно сказать и о другомъ народцѣ—Хорутанамъ. Въ ихъ литературѣ такъ рѣзко отражается вся несостоятельность ея отдаленности, что начинаетъ уже возникать сознаніе необходимости примкнуть къ сосѣдней, родственной литературѣ—хорватской. И ежели суждено Хорутанамъ жить въ славянской жизни, если литературѣ ихъ послѣ этого нельзя уже будетъ ограничиваться грамматиками, словарями, патріотическими стихами и тому

подобными, прикованными къ тѣсной мѣстности и тѣсному быту, произведеніями, то оліяніе ея съ литературою хорватской также неизбежно и желательно, какъ неизбежна связь политическая, и только въ такой связи литературной и политической возможно для него спасеніе отъ конечнаго осужденія. Такихъ примѣровъ можно было бы привести и еще нѣсколько въ славянскомъ мірѣ.

Численность народа и объемъ пространства, имъ занимаемаго, не ограничивается вліяніемъ только на внутреннее достоинство литературы, на богатство или бѣдность ея содержанія, на широту или исключительность ея возрѣвій. Для процвѣтанія литературы важны, между прочимъ, матеріальныя условія, которыя стоятъ въ прямой зависимости отъ численности народа. Количество и качество литературныхъ произведеній зависятъ отъ количества запроса на книги. Трудъ и время затраченные на литературную работу не могутъ довольствоваться одною духовною наградою, удовлетвореніемъ нравственной потребности писателя. Мало людей, которые были бы на столько обезпечены въ матеріальныхъ средствахъ, чтобъ имѣть возможность вполнѣ свободно располагать для литературы временемъ и трудомъ безъ расчета на постороннюю поддержку. И конечно такихъ людей тѣмъ меньше чѣмъ малочисленнѣе народъ. Отсутствіе вознагражденія, даже недостаточность его постоянно будутъ крѣпкими заградками, замыкающими кругъ дѣятелей литературныхъ немногими единицами. Литературная дѣятельность сведется исключительно къ элементарнымъ учебникамъ, да къ простонароднымъ разказамъ, которые могутъ быть окупаемы копѣчнымъ сборомъ съ поселянъ. Все это можно видѣть на Лужицанахъ, литература которыхъ ограничивается грамматиками, сказочками да простонародною газетою, и даже въ этомъ видѣ держится единственно безкорыстными усиліями трехъ-четырехъ патріотовъ. То же и съ Хорутанами. Даже въ самой Чехіи, гдѣ совокупно съ Моравіей, число жителей доходитъ до пяти милліоновъ, литература до настоящей минуты держится главнѣйшимъ образомъ все еще даровыми вкладчиками. Несмотря на удивительную распространенность чтенія у Чеховъ и Моравянъ, ихъ число все-таки недостаточно для того чтобы вполнѣ окупить литературный трудъ. Этому обстоятельству главнымъ образомъ и должно приписать въ чешской литературѣ недостатокъ того разнообразія,

которымъ отличаются литературы другихъ, болѣе многочисленныхъ народовъ. Чешская литература на большую половину состоитъ все-таки изъ сочиненій чисто-ученыхъ, такъ какъ большинство писателей чешскихъ принуждены искать главной поддержки своего существованія собственно не въ литературныхъ занятіяхъ, а въ службѣ, по вѣдомству народнаго просвѣщенія.

Примѣръ славянскаго же народа, Хорватовъ, показываетъ, какой огромный ущербъ для распространенности письменныхъ произведеній причиняетъ сепаратизмъ не только въ языкѣ, но даже въ азбукѣ. При полномъ единствѣ литературнаго языка у Хорватовъ и Сербовъ, первые теряютъ по крайней мѣрѣ цѣлую половину читателей единственно потому, что употребляютъ не славянскую азбуку, а латинскую. И конечно, никто изъ Хорватовъ не вправѣ винить за это Сербовъ. Тѣмъ менѣе вправѣ Словаки жаловаться на кого-либо за малое вниманіе къ ихъ особенной литературѣ. Такого рода жалобы высказываетъ между прочимъ почтенный г. Викторивъ, по поводу того, что изъ сосѣднихъ, и ближайше-родственныхъ Словакамъ Чеховъ и Мораванъ, не нашлось ни одного подписчика на издаваемую имъ *Лилу*. Жалоба вповнѣ не основательная, по нашему мнѣнію. У Чеховъ едва хватаетъ средствъ для поддержки и собственной литературы, превосходство которой и несравненно большую пользу для народа, конечно, не рѣшится оспаривать и самъ издатель *Лилы*. Предположимъ, что подобно Словакамъ задумаютъ организовать особую литературу еще и Мораване, говоры которыхъ мѣстами отстаютъ отъ письменнаго языка Чеховъ гораздо далѣе нежели словацкіе: ужели и тогда нравственная обязанность поддерживать новую литературу будетъ лежать на всѣхъ трехъ племенахъ,—не только на самихъ Мораваняхъ, но и на Чехахъ и даже на Словакахъ. Но въ такомъ случаѣ, за самой *Лилой* едва ли бы осталась и тотъ скудный перечень подписчиковъ, какой приложенъ въ концѣ второй ея книжки.

А перечень подписчиковъ, дѣйствительно, заслуживаетъ вниманія и приводитъ къ различнымъ заключеніямъ, только никакъ не въ пользу сепаратистовъ. Изъ него видно, во-первыхъ, что подписчиковъ всего 355 человекъ, притомъ исключительно Словаковъ; да и это ограниченное число набрано почти со всего земнаго шара, такъ что масса словацкаго

народа осталась вовсе безучастною къ изданію г. Викторина. Всего 355 человекъ, при всей искусственной поддержкѣ! Но много результата трудно конечно и ожидать для словацкой литературы, ежели она упорно станетъ держаться своей отрѣженности отъ чешской и моравской. Современнымъ вожатамъ Словаковъ не мѣшаетъ какъ можно чаще вспоминать слова безсмертнаго ихъ поэта: „доколѣ отдѣльныя (мелкія) славянскія поколѣнія будутъ оставаться въ отчужденіи и въ литературной взаимности другъ съ другомъ, никогда не будутъ они имѣть цѣлостной и прочной литературы, потому что послѣдняя можетъ существовать только тамъ, гдѣ много покупателей книгъ и читателей, а читателей много только тамъ, гдѣ много народу, а много народу лишь тамъ, гдѣ существуетъ обширная нація, состоящая изъ элементовъ сговорчивыхъ, взаимно цѣнящихся и любящихся другъ друга.“¹

Исторія уже на столько разъяснила судьбы народовъ славянскихъ, что имъ слѣдуетъ искать средствъ не къ большому взаимному отчужденію одного племени отъ другаго, но напротивъ къ тѣснѣйшему ихъ соединенію. Дѣйствительно, съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе чувствуется въ западномъ славянствѣ необходимость такого элемента, который бы сплачивалъ въ одно цѣлое всё его раздробленныя части; отсутствіе подобнаго элемента даетъ себя чувствовать невыгоднымъ образомъ при всякомъ случаѣ какъ только наступаетъ возможность добиваться народной самостоятельности. Что можетъ-быть такимъ элементомъ? Что могло бы говорить разрозненнымъ теперь народамъ о единствѣ ихъ интересовъ и видимо свидѣтельствовать имъ о народномъ тождествѣ? Религіею Славяне раздѣлены; слѣдовательно она не можетъ служить для нихъ связующимъ началомъ. Остается только возможность общей литературы. Въ общей литературѣ, слѣдовательно и въ общемъ литературномъ языкѣ, каждая часть славянства чувствовала бы свою неразрывность съ цѣлымъ и чрезъ это получила бы возможность дѣятельно участвовать въ общихъ интересахъ. Въ этомъ отношеніи, славянскимъ народамъ можно было бы взять примѣръ съ Нѣмцевъ. Въдъ и у Нѣмцевъ не всегда было теперешнее единство литературнаго языка. А между тѣмъ какое они

¹ *Ueber die liter. Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten d. slawisch. Nation.* Kollár. Pest. 1837. Колларъ подъ націею понималъ совокупность малыхъ племенъ.

даютъ блистательное доказательство того, что объединеніе литературное влечетъ за собою объединеніе народное, что единство литературнаго языка ни чуть не уничтожаетъ провинціальныхъ отгѣнковъ ни въ бытѣ, ни въ говорѣ, и что литературное единство способно вести литературу по всемъ ея отраслямъ къ самому роскошному развитію! На всемъ громадномъ пространствѣ нѣмецкой территоріи, и даже въ отдаленнѣйшихъ колоніяхъ, среди чуждыхъ народностей, Нѣмецъ, въ силу этого единства, чувствуетъ себя членомъ одного и того же народа, и признаетъ интересъ каждой отдѣльной его частицы за свой соботвенный. Западнымъ Славянамъ значеніе національнаго единства у Нѣмцевъ должно быть знакомо болѣе чѣмъ кому-либо: имъ стоить только взглянуть на свою исторію, чтобъ убѣдиться, чѣмъ отозвалось для нихъ самихъ это единство нѣмецкой національности.

Передовые люди славянства не прочь говорить о необходимости взаимной связи и сочувствія между отдѣльными славянскими племенами. Но слова, какъ бы ни были краснорѣчивы и какъ бы искренно и торжественно ни высказывались, останутся *только словами*, если не будутъ скрѣпляться дѣломъ и самою жизнію. Родственность, единство, братство и т. п. симпатическія выраженія, не лишены смысла подъ перомъ высоко-образованныхъ людей, но въ понятіи народа, они будутъ только тогда имѣть полный вѣсъ, когда за ними слѣдуетъ вѣднѣе, видимое подтвержденіе. И немного можно ожидать серіознаго вниманія къ нимъ отъ народа, когда въ то же время стараются поселить въ немъ недо-вѣрчивость, и даже до извѣстной степени враждебность къ родственнымъ племенамъ посредствомъ литературнаго обособленія. Напрасно усиливался бы кто доказать возможность подобнаго обособленія безъ антагонизма: и здравый смыслъ, и опытъ ясно говорятъ противное. Антагонизмъ племень служитъ непремѣнною закваскою ново-образующейся литературы, и немного требуется внимательности, чтобы подмѣтить въ главныхъ вождаяхъ духъ недовольства, подозрительности, враждебности, сообщаемый тѣмъ легче читателямъ, чѣмъ постояннѣе и неумолимѣе руководятся имъ писатели. И вотъ причина почему разбиваются въ дребезги всѣ громкія фразы о любви, единствѣ и братствѣ, какъ скоро наступаетъ пора осуществить эти слова на дѣлѣ.

Только этия антагонизмы можно объяснить рѣзкое недовольство выраженное не очень давно Словаками противъ Чеховъ за то, что послѣдніе наши умѣстнымъ особенно почтить мадьярскаго музыканта Ременія, восхищавшаго нѣсколько времени пражскую публику. Этотъ поступокъ Пражанъ показался Словакамъ демонстраціей противъ нихъ, Словаковъ, такъ какъ музыкантъ былъ съ враждебною имъ политической стороны. Недавно также Сербы, на славянскомъ концертѣ въ Вѣнѣ, никакъ не хотѣли стать подъ общую рубрику Юго-Славянъ, вмѣстѣ съ Хорватами и Хорутанами, и настояли на участіи въ концертѣ непременно подъ особеннымъ отдѣломъ Сербовъ. Русскому читателю могутъ показаться подобныя явленія слѣшкомъ ничтожными, и скорѣе шутовскими чѣмъ серьезными. Но на мѣстѣ оны имѣютъ важное значеніе. А давно ли раздавались братскіе поцѣлуи между Сербами и Хорватами, давно ли рассыпались горячія увѣренія во взаимной любви и въ готовности согласныхъ дѣйствій? Давно ли являлось множество сербо-хорватскихъ стихотвореній съ подобными изліяніями чувствъ? Еще и теперь отдаются въ ухахъ моихъ восторженные и полныя „здравіцы“ (тосты), выпивавшіяся въ знакъ братства и единодушія. Нѣтъ сомнѣнія, что придирки и неосновательныя подозрѣнія, подобныя упомянутымъ, не были бы возможны при существованіи объединяющаго духовнаго органа. Литературное единство неизбѣжно вело бы къ обобщенію цѣлей и задачъ всей народной жизни, подобно тому какъ это замѣчается у Французовъ, Англичанъ, Нѣмцевъ, и даже Итальянцевъ. Литературное общеніе, не касаясь частныхъ свойствъ мѣстнаго быта, сгладило бы, наконецъ, ту политическую рознь, которая дѣлаетъ теперь пока изъ Славянъ бессильную жертву чуждыхъ національностей, и въ тоже время способствовало бы большому развитію ихъ просвѣщенія. Мы далеки отъ мысли о возможности общаго литературнаго языка для всѣхъ Славянъ. Стремленіе къ созданію такого языка было бы бессмысленно и неосуществимо; это значило бы, ни болѣе, ни менѣе, какъ стараться уничтожить плоды исторической жизни цѣлыхъ народовъ. Исторія выработала уже въ Славянствѣ четыре литературы. Было бы смѣшно, чтобы не сказать болѣе, требовать, чтобы народы владѣющіе этими историческими литературами отказались отъ нихъ въ пользу какой-то условной литературы. Ни

литература *русская*, восходящая чуть не до времени первого государственнаго объединенія русскихъ Славянъ; и литература *чешская*, памятники которой идутъ отъ самой олдой старины; и литература *польская*, съ золотымъ своимъ вѣкомъ; и литература *сербо-хорватская*, съ своею мелодическою поэзiей не могутъ, конечно, пожертвовать собою изъ неясныхъ стремленiй къ искусственному единству. Но ежели бессмысленно желать искусственнаго соединенiя этихъ четырехъ литературъ, то нѣтъ ни смысла, ни повода создавать кромѣ ихъ еще новыя литературы. Остальныя славянскiя племена, съ незапамятныхъ поръ, жила и развивались въ неразрывной связи съ которыми-нибудь изъ четырехъ главныхъ славянскихъ народовъ; и каждая-нибудь изъ четырехъ историческихъ литературъ непременно составляетъ для нихъ такую же собственность, какъ и для народовъ, именами которыхъ онѣ обозначены? И что за перспектива предвидится отъ новаго дробленiя литературъ? Если различныя нарѣчiя позволяютъ себѣ отдѣленiе, то нѣтъ причинъ чтобы дробленiе остановилось на этомъ. Въ силу той же логики и различные говоры заявятъ свои права. Допустимъ же, что не только Словаки, Хорутане, Сербы, Южно-Руссы отрѣшатся отъ общей письменности, но, во имя той же мѣстной самостоятельности, каждая изъ четырехъ историческихъ литературъ и каждая изъ новыхъ распадется еще на двѣ, на три и болѣе. Тогда чешская литература распадется на чешскую и моравскую, послѣдняя на западную и восточную; сѣверную и южную (свѣдѣнiе различiя говоровъ моравскихъ); польская на мазурскую, силезскую, кашубскую (почему же и не на кашубскую? Зачѣмъ же обидѣть триста, четыреста тысячъ Кашубовъ, отрѣзанныхъ отъ польскаго центра . и лишить ихъ права на исключительную народность въ письменности); лужицкая на верхнюю и нижнюю, изъ которыхъ первая будетъ поддерживаться 67-ю тысячами душъ, послѣдняя не многими болѣе того; сѣвернорусская на множество своихъ говоровъ, которые едва не приходится опредѣлять количествомъ губернiй; южно-русская на украинскую и заднѣпровскую, потомъ на галицкую; да, наконецъ нельзя забыть и полумилліона венгерскихъ Русиновъ, говоръ которыхъ не мало отличается отъ галицкаго; хорватская раздѣлилась бы на штоковскую, кайкавскую и чакавскую,—послѣдняя будетъ уже настоятельно необходима, такъ какъ

чакавскій говоръ, сохраняемый сотнею тысячъ душъ, весьма рѣзкими чертами отдѣляется отъ первыхъ двухъ; сербская на собственно сербскую, боснійскую, герцеговинскую да не забудемъ и Черногорья; хорутанская, наконецъ, на множество литературъ, сообразно множеству говорозъ,—штирійскую, краинскую, каринтійскую, резіанскую, фриульскую, и т. д. (о различіи провинціализмовъ словацкихъ я уже говорилъ). Какая, въ самомъ дѣлѣ, готовится блистательная будущность для славянской литературы, какой громаднѣйшій міръ новыхъ идей внесетъ она въ общечеловѣческое образованіе при такомъ микроскопическомъ дробленіи!

Недавно вышедшій въ Пештѣ альманахъ *Луна*, послужившій поводомъ къ этой статьѣ, представляетъ одно изъ лучшихъ подтвержденій высказанной нами мысли о бесплодности попытокъ создать особую словацкую литературу. Прошло болѣе полугодя со дня обнародованія книги,—и что же? она до сихъ поръ остается совершенно чуждою славянскому міру. То же самое невниманіе сопровождало выходъ и двухъ предшествовавшихъ альманаховъ, *Конкордию*, и первой книги *Луны*. Невниманіе—вполнѣ оправдываемое особенностями языка изданій, затрудняющими свободное чтеніе даже для того, кто знакомъ съ сосѣднимъ чешскимъ нарѣчіемъ и не чуждъ еще и польскаго. А нельзя сказать чтобы, по крайней мѣрѣ послѣдняя, книга вовсе лишена была интереса. Значительную часть ея составляетъ стихотворная поэма, которая могла бы занять видное мѣсто во всякой литературѣ. Это — поэма покойнаго словацкаго поэта Желло, подъ заглавіемъ: *Паденіе Миладухи*. Какъ видно изъ названія, событіе взято изъ исторіи сѣверо-западныхъ Славянъ, потерявшихъ нѣкогда свою независимость въ борьбѣ съ нѣмецкою народностію. Въ поэмѣ удачно изображенъ бытъ древнихъ Славянъ, и авторъ превосходно проводитъ свою основную мысль—гибель Славянъ отъ разъединенія. Нѣтъ сомнѣнія, что судьба поэмы была бы совершенно иная, еслибы вышла въ той одеждѣ, въ какой вылилась впервые изъ-подъ пера поэта. Желло написалъ ее по-чешски,—и можно смѣло сказать, что переводъ на словацкое нарѣчіе, какъ ни тщательно оный составленъ, не обошелся безъ ущерба оригиналу. Замѣтна шероховатость, неточность, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ усиленный подборъ словъ,—естественныя послѣдствія неготовности словацкаго нарѣчія быть органомъ образованной литературы. Не безъ

удовольствія можно было бы прочесть драму *Обжигки*. Впрочемъ эта драма опять есть не болѣе какъ передѣлка польской драмы Корженевокаго, только примѣненная къ словацкому быту и къ международнымъ отношеніямъ Словаковъ и Мадьяровъ. Изъ прочихъ статей одна переводная, а остальные имѣютъ интересъ исключительно мѣстный.

Было бы очень прискорбно, еслибы издатель, а съ нимъ и участники въ изданіи, приписали наше мнѣніе о *Дилѣ* недостатку вниманія. Мы искренно уважаемъ издателя, цѣнимъ его познанія, трудолюбіе и безкорыстную любовь къ родинѣ; также думаемъ мы и о нѣкоторыхъ изъ его соучастниковъ, съ которыми въ свое время имѣли пріятный случай сойтись хотя на короткое время. Но при всемъ личномъ уваженіи къ ихъ чувствамъ и заслугамъ, мы не можемъ скрыть убѣжденія, что ихъ литературный сепаратизмъ не можетъ ничего принести народу, кромѣ вреда. Какъ, скажутъ намъ, ужели же провинціализмъ долженъ ограничиться исключительно устною бесѣдою неграмотнаго или малограмотнаго народа? Отвѣтимъ на это словами, знакомаго Словакамъ, моравскаго писателя, г. Шемберы. Вотъ что говорить этотъ профессоръ Вѣнскаго университета, въ своей *Исторіи языка и литературы чешско-словацкой*.¹ „Если по многимъ и весьма важнымъ причинамъ не сочувствуемъ мы желанію Словаковъ отдѣлаться отъ общаго языка, просимъ не дѣлать отсюда заключенія, будто мы не любимъ словацкаго нарѣчія, или діалектовъ вообще, будто мы желаемъ, чтобы никто не писалъ на этихъ діалектахъ. Въ народныхъ пѣсняхъ и разказахъ, въ пословицахъ, въ бытѣ, въ мѣстныхъ сценическихъ произведеніяхъ и т. п., безъ всякаго препятствія, можетъ быть употребляемъ говоръ того края, которому принадлежитъ та или другая пѣсня, тотъ или другой разказъ. Но въ сочиненіяхъ юридическихъ, религіозныхъ, беллетристическихъ и другихъ, долженствующихъ быть достояніемъ цѣлаго народа (какъ, напримѣръ, поэмы Голага), а равно и въ журналахъ, должно непремѣнно пользоваться общимъ литературнымъ языкомъ, болѣе образованнымъ чѣмъ частные діалекты. Такъ дѣлается у всѣхъ народовъ!“ Тѣмъ настоятельнѣе потребность для Славянъ поступать такимъ образомъ, дополнимъ мы. Раздѣленные политически и

¹ 1861 г., стр. 116.

религіозно, въ чемъ другомъ могутъ отыскать они взаимно-связующій ихъ цементъ, кромѣ литературы? Въ чемъ, кромѣ единенія литературнаго, могутъ они положительно и фактически заявить права свои на значеніе въ исторіи европейскаго просвѣщенія, на свою неотъемлемую долю участія въ судьбахъ образованныхъ народовъ? Только на этомъ пути возможно, по нашему мнѣнію, истребленіе съ корнемъ развѣдающаго Славянъ взаимнаго недоувѣрія, обоюдной, часто между ближайшими поколѣніями, холодности и даже недоброжелательства. Пускай самозванные вождатаи народностей, не испытавшихъ бѣдствій чужеземнаго господства, тратятъ попусту силы свои въ бесплодныхъ усиліяхъ создать искусственную отдѣльную литературу. На людей, увлекающихся напускною модой, не способныхъ понимать истинныя нужды и потребности своего народа, не въ силахъ дѣйствовать съѣзты здраваго смысла и разносторонней опытности; но странно видѣть подобныя стремленія со стороны Словаковъ испытавшихъ такъ много несчастій, среди нѣмецкой и мадыарской національностей, не избавившихся и до сего дня отъ старыхъ и *дѣйствительныхъ*, а не напускныхъ опасеній за цѣлость своей народности.

Основательнѣе Словаковъ и, прибавимъ, основательнѣе нашихъ доморощенныхъ украинофиловъ, разсуждаютъ объ этомъ предметѣ венгерскіе Руссы. Вотъ замѣчаніе одного изъ нихъ, приводимое мною безъ всякаго измѣненія, совершенно такъ какъ оно напечатано въ № 20 львовской газеты *Слово*, за 1862 годъ, стр. 79. Какъ увидитъ читатель, языкъ, которымъ пишетъ этотъ Русскій изъ-за Карпаты, отличается отъ обще-литературнаго языка русскаго, почти только употребленіемъ нарѣчія *акъ*, вмѣсто *какъ*, да окончаніемъ неопредѣленнаго наклоненія на *ти*, вмѣсто *тъ*.

„Мы не противны тому, что галицкіе Русины-писатели, удовлетворяя потребѣ народа, въ предметахъ популярнаго употребляютъ выраженія популярнаго, но жаль, что они—хоть бы уже въ статьяхъ высшаго слога,—опускаютъ изъ виду насъ, родовитыхъ за-Карпатскихъ братій. Мы стремимся къ соединенію русской литературы,—и то есть у насъ цѣль наивысшая. Провинціализмы и уклоненія отъ первобытныхъ грамматическихъ формъ, акіи тутъ и тамъ различительнымъ видомъ въ народѣ существуютъ, допустимы суть, по нашему мнѣнію, въ такихъ сочиненіяхъ, которыя

собственно опредѣлены для простонародія одной коей-либо области Малой Руси, но въ дѣлахъ такого рода, которыми распространеніе назначено козь возможно на всѣ области русскія, мы благоразумно, съ уступкою нашего областнаго въ пользу цѣлости, стараемся писати такъ, чтобы поняли насъ даже тѣ всѣ, которыя кириллицю читати знаютъ. Тутъ нашъ взглядъ становится обширнѣйшій, ибо наши русскія книги прочитаетъ и удобнѣ пойметъ огромное большинство міра славянскаго, чѣмъ и наполняется великая задача: уступчивостію въ маломъ причиняться къ литературному единенію разрозненныхъ доселѣ и отъ того доселѣ больно недугующихъ племенъ славянскихъ. Прекрасна та задача, цѣль то высокая, и мы бы радовались много, еслибы Мало-Русины, Прозиднѣемъ поставлены въ самъ осередокъ Славянщины, въ се время новой свободнѣйшей жизни, не упустили изъ виду оную важную точку своего назначенія въ славянствѣ. Наши угро-русскія писатели* поступаютъ тутъ согласно съ симъ высокимъ назначеніемъ, и для того въ статьяхъ книжнаго слога избѣгаютъ таковыхъ формъ, на которыхъ не стоитъ спеціальнаго патріотизма Мало-Русиновъ, ниже полагаются спасеніе человечества. Вѣдь и Мазуры говорятъ: *byw, znow, chodziw, kochaŃ, wzion, wziena*, однакожь польскіи писатели пишутъ: *był, znał, chodził, kochał, wziął, wziął*, ибо ученые писатели должны испорченную въ устахъ простолюдина бесѣду направляти, гладити. Правда, что народъ есть источникомъ, рудникомъ словесности, но ученые суть майстрами, которыя золоту должны дати красный видъ. Съ правилами украинскихъ братій мы не можемъ соглашаться, и не будемъ вѣсколько чужихъ словъ, чужими буквами писати, якъ *дуть, данокъ, дазда, даздня, дубаня*. Буквы *ы, ъ*, суть для насъ необходимы, якъ у галицкихъ, такъ и угорскихъ Русиновъ (*быти—бити, выти—вити, ты, мы, вы, было—было, вѣра, мѣра, вѣкъ...*).“

Л—Й П.

15-го іюня 1862 года.

СОВРЕМЕННЫЕ РЫЦАРИ

I.

БЕЗКОРЫСТНЫЙ РЕФОРМАТОРЪ.

Въ Москвѣ было душно и жарко,
Марія на дачѣ жила;
Я жилъ близъ Петровскаго парка,
А въ паркѣ ихъ дача была.
Сочелся я съ ней подъ Всесвятскимъ.
Она какъ-то сбилась съ пути,
Взялся я съ участіемъ братскимъ
Съ ней до дому вмѣстѣ дойти.
Съ тѣхъ поръ каждый день мы видались,
И вздумалось мнѣ той порой
Поднять философскій анализъ
Въ головкѣ ея молодой.
Огромный талантъ педагога
Въ себѣ я внезапно открылъ,
И планъ воспитанія строга
Въ двѣнадцать минутъ обсудилъ.
Сей планъ изложу я вамъ вкратцѣ:
Вопервыхъ я съ разу постигъ,
Что дѣвушкѣ, вѣрящей въ святцы,
Нельзя все сказать на прямикъ
И міра открыть вдругъ изнанку,—

И прямо, безъ каверзъ и штукъ,
 Впихнуть молодую дворянку
 Въ тайникъ философскихъ наукъ.
 Такимъ откровеннымъ приѣмомъ
 Лечь можно ее запугать;
 Ужь лучше обухомъ или ломомъ
 Ей просто затрещину дать.
 Притомъ же она перескажетъ
 Все матери дурѣ, а мать
 Сейчасъ же лакеямъ прикажетъ
 Философа въ часть отослать.
 Итакъ я рѣшился на штуки—
 Рѣшился съ Маріей хитрить,
 И въ храмъ нашей постной науки
 Конфеткой ее заманить:—
 Сначала въ ней къ чтенью охоту
 Посредствомъ романовъ развить,
 Задать ей мозгу работу,
 И только тогда къ Мошоту
 Открытымъ путемъ приступить,
 Когда подо всѣ тѣ ученья,
 Чтò съ дѣтства внушаетъ намъ попѣ,
 При помощи легкаго чтенья,
 Я вырою тайный подкопъ
 Въ головкѣ ея полудикой,
 И въ душу къ ней вкрадусь, какъ тать...
 И съ этою цѣлью великой
 Я сталъ ей романы читать.
 Извѣстный романъ „Наканунъ“
 Въ одинъ я присѣсть отмахалъ;
 Вспотѣлъ я какъ лошадь, но втугѣ
 Священный мой потъ не пропалъ.
 Съ достоинствомъ, точно Юнона,
 Сначала внимала она,
 Полна родового аплона,

И дѣвушка лучшаго тона
 Была въ ней до пятокъ видна:—
 Какъ свѣдуетъ свѣтской дѣвицѣ,
 Внимающей русскій романъ,
 Сидѣла, не двинувъ рѣсницей,
 Она, какъ какой истуканъ;
 Во взорѣ ни тѣни вниманья,
 Лишь гордость, презрѣнье и лѣнь,
 Какъ будто бы все мірозданье
 Для ней ни почемъ, дребедень.
 Но послѣ, когда за живое
 Елена ее забрала
 И вспыхнуло въ ней ретивое,—
 Она точно вдругъ ожгла.
 Когда жь прочиталъ я то мѣсто,
 Гдѣ, долга сознаваемъ полна,
 Имсарова просить невеста
 Ее подучить всю сполна.
 Она на меня устрѣмля
 Взоръ полный любви и огня
 И съ хохотомъ нервнымъ спросила:
 Что значить „возьми всю меня“.
 Я обмеръ, какъ будто обухомъ
 Меня угодили въ високъ;
 И долго собирая я съ духомъ,
 Чтобъ ей отвѣчать, но не могъ.
 Молчу, все лицо покраснѣло
 Дрожу, словно пойманный воръ;
 Она же въ меня очень смѣло
 Вонзила насмѣшливый взоръ....
 И чувствовалъ я.... но словами
 Тѣхъ чувствъ передать не могу....
 „Monsieur Вознесенскій, что съ вами?“
 Спросила, блистая глазами,
 Марія. Но я ни гу-гу!

„Что съ вами?“ она повторила,
И снова насмѣшливый взглядъ
Въ меня, какъ иголку, вонзала,
И съ хохотомъ окрылася въ садъ.

Оставшись одинъ, я невольно
Себя обругалъ дуракомъ,
И въ собственный лобъ очень больно
Съ досады хватилъ кулакомъ.
Вѣдь дѣвка-то бой, я воскликнулъ
Какого же маху я далъ!
Какъ мало въ природу я вникнулъ,
Хоть Бюхнера много читалъ.
Увѣренъ я былъ, что Марія
Еще предрасудковъ полна;
Готовъ бы держать былъ пари я,
Что вѣрить доселѣ она,
Какъ вѣрить любая дѣвица
Ея воспитанья и лѣтъ,
Что племя людское родится
Изъ бѣлой капусты на свѣтъ.
Воспитанъ по старой методѣ,
Вѣдь вѣрилъ я самъ съ годъ назадъ,
Что будто меня въ огородѣ
Мамаша нашла между грядъ.
Но этотъ смѣшной, идеальный,
Отсталый, мистическій взглядъ
Во мнѣ истребилъ радикально
Наукой своей либеральной
Философовъ новыхъ отрядъ,
Когда Молешотъ съ Фейербахомъ
Сорвали съ природы покровъ,—
Во мнѣ разлетѣлся прахомъ
Всѣ догматы среднихъ вѣковъ;
Къ тому же и лекціи Коха
Я въ прошломъ году посѣщалъ,

А прежде я какъ-то все плохо
 Природу вещей постигалъ.
 Марія же отроду въ руки
 Ученыхъ брошюръ не брала,
 Жила въ сторонѣ отъ науки
 И съ самаго дѣтства росла
 Въ оковахъ желѣзныхъ преданья,
 Идей современныхъ чужда...
 Откуда же эти познанья
 Она почерпнула? Когда?
 Ужели она инстинктивно—
 Посредствомъ догадокъ простыхъ
 Своею головкой наивной
 Дошла до познаній такихъ?
 Ее я считалъ прежде душой,
 Но вижу теперь, что она
 Почти гениальной натурой
 И быстрымъ умомъ снабжена;
 Она совершенно созрѣла
 Для самыхъ серьезныхъ идей,—
 И можно открыто и смѣло
 Начать пропаганду надъ ней.

И вотъ началась пропаганда.
 Чтобъ дать ей взглядамъ просторъ,
 Я ей прочиталъ Жоржа Санда,
 Записки Селестъ Могадоръ,
 Густава Надо, Беранжера,—
 И мало-по-малу предъ ней
 Открылася новая сфера,
 Открылася изнанка вещей.
 Марія прилежно внимала
 Съ участіемъ страстно-нѣмымъ
 И, кажется, все понимала
 Инстинктомъ природнымъ своимъ.
 И часто, когда мнѣ случалось

Прочешь ей пикантный куплетъ,
 То грудь ея бурно вздымалась,
 И такъ ея кровь волновалась
 Что лопнулъ однажды корсетъ.

Марія совсѣмъ измѣнилась
 Отъ чтенья порядочныхъ книгъ:—
 Со мной какъ съ сестрой обходилась
 Ни въ чемъ никогда не стыдилась,
 Какъ будто ужъ былъ я старикъ,
 Свободно и смѣло, безъ краски
 Въ лицѣ, скидывала батмакъ,
 При мнѣ поправляла подвязки.
 А я? Я краснѣлъ какъ дуракъ!
 Краснѣлъ я, но въ эти минуты
 Я въ вѣдрахъ души ликовалъ,
 Что свѣтскихъ обычаевъ путы
 На юной душѣ развязалъ.

Но ты усмѣхнулся лукаво
 Читатель и молвилъ: „хе, хе!...
 „Онъ малый не промахъ!“ Но право,
 Меня обвинилъ ты неправо
 Ловкачества во мнѣмъ грѣхѣ.
 Ей Богу, на дѣвушку эту
 Я видовъ совсѣмъ не имѣлъ:
 На пользу отчизнѣ и свѣту
 Развить я Марію хотѣлъ.
 Клянуся, и правую руку
 Я съ чувствомъ на сердце кладу,
 Что только прогрессъ и науку
 Имѣлъ я при этомъ въ виду.
 По мнѣ, господа, что мущина
 Что дама все это равно,
 И страстной любви чертовщина
 Есть вздоръ, пустословье одно.
 Что мнѣ красоты обаянье!

Я такъ отъ природы сложенъ,
 Что даже лишень обоянья
 И въ кушаньяхъ вкусу лишень.
 Ни страсти, ни нѣжныя чувства,
 Души не смущаютъ моей;
 Терпѣть не могу я искусства,
 Природы, собакъ и дѣтей;
 Противны мнѣ музыка, пѣнье;
 Вино и табакъ не терплю.
 Я знаю лишь два наслажденья:
 Люблю я читать разсужденья
 И мыслить ужасно люблю.
 Фрагтить не люблю,—одѣваюсь
 Я только, чтобъ тѣло прикрыть,
 И чѣмъ ни попало питаюсь,
 Чтобъ только голоднымъ не быть;
 И чуждый мірскому веселью,
 Я мрачнымъ аскетомъ слыву:
 И тѣмъ я съ ученою цѣлью,
 И съ этой же цѣлью живу:—
 Вѣдь жить для того я желаю,
 Чтобъ умныя книги читать,
 А умныя книги читаю,
 Чтобъ послѣ людей просвѣщать...

Но я возвращаюсь къ Маріи.
 Любовью къ наукѣ полна,
 Въ познаньяхъ успѣхи большіе
 При мнѣ оказала она.
 Всего протекло три недѣли
 Какъ сталъ я ее развивать,
 Но близокъ ужъ былъ я отъ цѣли:
 Уже помышлялъ я начать
 Знакомить ее съ Луи Бланомъ
 Съ Пруденомъ, Бланки и Кабе,
 Но это осталось лишь пляномъ,

(Такъ было угодно судьбѣ!)
 Вдругъ осень нагрѣнула. Холодъ
 Сталъ въ дачи ходить по ночамъ,
 И бросились дачники въ городъ
 Къ окошкамъ двойнымъ и печамъ.
 Прощаясь со мною, Марія
 Была и грустна, и блѣдна...
 „Прошли наши дни золотые“,
 Вздохнувъ, прошептала она,
 И съ чувствомъ мнѣ руку пожала,
 И, томно склоняясь головой,
 Почти со слезами сказала:
 „Я знаю, вамъ скучно со мной:
 Вы такъ и умны, и учены,
 И столько читали вы книгъ
 Что знаете все: и... законы...
 И... этотъ... латинскій языкъ...
 И химию... знаете даже,
 Что въ мозгъ намъ кладется фосфоръ
 Что всякая собственность—кража,
 Что бракъ и Юркевичъ—все вздоръ.
 Вы такъ говорите прекрасно!...
 И въ Зыковской рощѣ вчера
 Вы такъ доказали мнѣ ясно,
 Что нѣту ни зла, ни добра,
 Что въ людяхъ нѣтъ вовсе... экстаза,
 А сдѣлана наша душа
 Изъ угля прокислаго, газа,
 И... какъ бишь его?... поташа,
 По-русски сказать аммоньяка,—
 Что, свѣдственно, нѣту грѣха
 Любить иногда и безъ брака,
 И ѣздить на балы безъ фрака,
 И выбрать въ мужья настуха,
 Что можно курить за обѣдомъ,

Бѣлья никогда не мѣнять,
Что можно Финляндію Шведамъ,
А Польшу Замоискимъ отдать;
Велѣть всѣмъ губерніямъ нашимъ
Жаргоны свои развивать,
Велѣть и Мордвѣ и Чувашамъ
Словесность родную создать;
Что можно порядочнымъ дамамъ
Въ квартальныхъ служить, какъ мужьямъ;
Что не было Евы съ Адамомъ;
Что міръ вашъ вдругъ сдѣлался самъ;
Что можно родиться изъ пыли;
Что люди въ старинные дни,
Сперва обезьянами были
И фла легюмы одни,
Но стали читать и учиться,
И сдѣлались тотчасъ людьми,—
Что, слѣдственно, стыдно гордиться
И носъ подымать предъ звѣрыми,
А надо открыть имъ объятъя:
Всѣ птицы, всѣ даже скоты
По крови намъ меньшіе братья,
Но мало еще развиты.
Когда же придетъ просвѣщенье
И люди прогрессъ заведутъ,
И всѣ эти.... тамъ... учрежденья
Совсѣмъ наконецъ упадутъ,
И будетъ порядокъ разрушенъ,
И люди скотовъ разовьютъ,—
То лошади всѣ изъ конюшенъ,
И изъ лѣсу волки уйдутъ,
Отъ матокъ отдѣлятся пчелы,
И свиньи сломаютъ хлѣва,
И бросившись съ жадностью въ школы,
Получать на службѣ права;

И будетъ у насъ все прекрасно,
 И такъ хорошо будетъ всѣмъ,
 И будетъ все дѣлаться гласно,
 И просто наступитъ эдемъ:
 Пройдутъ у людей всѣ пороки
 И страсти: крестьяне тогда
 Платить перестанутъ оброки,
 Не будетъ судей и суда;
 Дадимъ мы всѣмъ нищимъ богатство,
 На выборахъ—всѣмъ голоса,—
 И будетъ вдругъ равенство, братство,
 Свобода, любовь... et... tout... ça!...“

„И много вы мнѣ говорили
 Хорошихъ и умныхъ вещей;
 Но больше всего поразили
 Вы фразой одною своею....
 Сказали вы: есаибъ аптека
 Была подъ рукою у васъ,
 Вы сдѣлать могли бъ человѣка
 По химіи вашей сейчасъ....
 И вѣрю я вамъ—вы философъ....
 Вы химикъ и физикъ такой,
 И столько рѣшили вопросовъ,
 Что право.... вамъ скучно со мной
 Вѣдь я.... Я глупа. Убѣдилась
 Я въ этомъ недавно сама:
 Хоть въ дѣтствѣ я много училась,
 Но въ памяти лишь сохранилось:
 J'aimeis, tu aimeis, il aimeis.
 Но ежели жаль хоть немного
 Вамъ душой меня оставлять,
 То я васъ прошу, ради Бога,
 Меня и въ Москвѣ.... развивать.“

Я принявъ ея предложенье
И былъ такъ глубоко счастливъ,
Что тотчасъ со мной отъ волнения
Ужаснѣйшій сдѣлался тифъ.
Я утромъ съ Маріей разстался,
А къ вечеру слегъ ужъ въ постель;
Въ постели же я провалялся
Ровнехонько восемь недѣль.
И, лежа, горѣлъ я желаньемъ
Скорѣе оставить кровать,
Чтобъ снова и съ вѣщимъ стараньемъ
Марію начать развивать.
И только что я убѣдился,
Что въ силахъ ногами владѣть,
Сю же минуту рѣшился
Къ прекрасной адепткѣ летѣть.
Надѣвъ панталоны, манишку,
И прочій бессмысленный вздоръ,
И взявъ восемь томовъ подъ мышку,
Во весь я помчался опоръ
На ванькѣ несчастномъ къ Маріи,
Везя ей духовный обѣдъ.
Дорогой сажилъ я по хриу
Ей краткій и сильный привѣтъ.
У нихъ былъ свой домъ близъ Мясницкой,
Огромнѣйшій каменный домъ,
Гдѣ, комфортъ любя сибаритскій,
Мать съ дочерью жили вдвоемъ.
Когда предо мною открылся
Его мрачно-гордый фасадъ,
Я вдругъ почему-то смутился
И думалъ ужъ ѣхать назадъ.
Но ванька мой, мысли быстрѣе,
Къ подъѣзду меня подкатилъ;
Швейцаръ въ темносиней ливреѣ

Съ почтеньемъ мнѣ дверь отворилъ.
Я вдругъ очутился въ швейцарской
Межъ мраморныхъ статуй и вазъ,
И обмеръ: мой взоръ семинарскій
Такой обстановки боярской
Во свѣ не видалъ отродясь.
Я назвалъ себя,—и раздался
Зачѣмъ-то на лѣстницѣ звонъ,—
И тутъ я совсѣмъ растерялся,
Явленьемъ такимъ пораженъ.
(Доселѣ считалъ ужъ бонтономъ
Я домъ, гдѣ у двери звонокъ,
Но право же лѣстницѣ со звономъ
Себѣ и представить не могъ.)
Явился слуга трехъаршинный,
Потомъ обо мнѣ доложилъ,
И мигомъ по лѣстницѣ длинной
Меня онъ на верхъ протащилъ.
И вотъ прохожу я съ смущеньемъ
Гостинныхъ безчисленныхъ рядъ;
Со стѣнъ на меня съ удивленьемъ
Фамильные рожи глядятъ.
Иду и въ душѣ ощущаю
Какой-то панической страхъ,
Ногами совсѣмъ утопаю
Въ безсовѣстно-мягкихъ коврахъ:
И поступью глупо-веселой
Достигъ я до комнаты той,
Гдѣ Марья Петровна сидѣла,—
И ожилъ заранѣ душой.
Вошелъ... и сробѣлъ совершенно
И бросило тѣло все въ жаръ:—
Предъ ней возсѣдалъ пренадменно
Огромный... гвардейскій гусаръ.
Взглянулъ на Марію тогда я

И право насиду узналъ,
 Холодность и важность такая—
 Ну просто—что твой генералъ!
 Она мнѣ кивнула головкой,
 И этотъ небрежный кивокъ
 Былъ сдѣланъ такъ жмло и ловко,
 Былъ такъ граціозно легкоъ,
 И былъ онъ такъ вѣжливъ жестоко,
 Презрительно ласковъ такъ былъ,
 Что я, оскорбленный глубоко,
 Невольно глаза опустилъ;
 Глаза опустивши, впервые
 Тутъ только замѣтилъ я вдругъ
 Свои сапожищи худые
 И пухомъ покрытый сюртукъ.
 Я вздрогнулъ, и вдругъ изъ-подъ мышки,
 Какъ бы къ довершею бѣдъ,
 Посыпались умныя книжки,
 Какъ бомбы, на звонкій паркетъ.
 Марія чуть-чуть улыбнулась,
 Взглянувши на книги мои,
 Но эта улыбка воткнулась
 Мнѣ въ сердце, какъ жало змѣи.
 Мнѣ было бы легче разъ во сто,
 Когда бъ, при пассажѣ такомъ,
 Она разсмѣялась бы просто,
 Какъ пьяный мужикъ—на весь домъ.
 Но былъ такъ обидно спокоенъ
 Характеръ улыбки у ней,
 Какъ будто ужъ я не достоинъ
 И громкаго смѣха—ей, ей!
 И взглядъ ея въ это мгновенье
 Такъ мягко въ себѣ отражалъ
 Такое ко мнѣ снисхожденье,—
 Что я... я сейчасъ убѣждалъ.

Вскипѣвъ я безмѣрною заботой
 Къ адепткѣ бездушной моей
 И собственной жалкой особой
 Гнушался четырнадцать дней,
 И билъ себя съ яростью въ темя
 И плакалъ, и громко вопилъ:
 „Зачѣмъ я безцѣнное время
 Для этой дѣвчонки губилъ!?
 Зачѣмъ подѣвъ Зыкова въ роуцѣ,
 Краснѣя, ее развивалъ!?
 Ахъ, лучше бъ я дѣйствовалъ прощел!...
 И бисеръ предѣвъ ней не металъ.
 Тогда бъ я имѣлъ утѣшенье,
 Что ей напередѣ отомстилъ
 За гордый приѣмъ и презрѣнье:—
 Что въ глупомъ общественномъ мнѣнью
 Навѣки ее погубилъ.“
 Такъ гордости раненой муки
 Я самъ предѣвъ собой изливалъ,
 И съ горя прогрессъ, и науки,
 И Фогта, и всѣхъ проклиналъ
 И думать о нихъ не хотѣлось,
 Противенъ мнѣ былъ Фейербахъ....
 Въ мечтахъ все Марія вертѣлась,
 Съ улыбкой на тонкихъ губахъ,
 И каждую ночь мнѣ являлась
 Во снѣ, и какъ будто дразня,
 Съ вопросомъ ко мнѣ обращалась:
 „Что значить возьми всю меня?“
 И съ нѣжностью истинно женской,
 Присѣвши ко мнѣ на диванъ,
 Шептала: „Monsieur Вознесенскій,
 Вѣдь вы совершенный болванъ,
 Съ большимъ убѣжденьемъ и жаромъ,
 Громите вы сильныхъ земли,
 Но лишь повстрѣчались съ гусаромъ,—
 И къ полу сейчасъ приросли.“

Б. АДАМАНТОВЪ.

О НАРОДНОЙ ГРАМОТНОСТИ

и

РАСПРОСТРАНЕНИИ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ НАРОДѢ

I.

Въ ежегодныхъ нашихъ повѣдкахъ по Россіи, съ цѣлью, по преимуществу, изученія устной народной словесности, мы наблюдали условія простонароднаго образованія въ разныхъ мѣстностяхъ, и убѣдились между прочимъ, что только чрезъ всестороннее и разномѣстное изученіе можно органически и естественно развивать, направлять его, содѣйствовать ему, со стороны администраціи... *И всего лучше, съ этой стороны, ограничиться единственно тѣмъ, чтобы содѣйствовать, помогать и облегчать пути его.*

Одинъ изъ проектовъ объ устройствѣ народныхъ училищъ былъ превосходно разобранъ въ извѣстныхъ московскихъ періодическихъ изданіяхъ, и послужилъ къ обнаруженію всей вопіющей невозможности относиться бюрократически къ жизни народной, при совершенномъ незнаніи ея разномѣстныхъ условій, или исходить къ ней отъ заграничныхъ теорій и разныхъ нѣмецкихъ примѣровъ, безъ изученія своей страны и народа.

Правда, хорошо устроены школы въ нѣмецкомъ народѣ и по нѣмецкому народу; но тѣ, которые устраивали ихъ, знали

свою страну и народъ, творили самостоятельно, въ духѣ и условіяхъ своего народа.

Грамотность въ настоящее время сильно распространяется у насъ въ народѣ, разными путями, разумеется *пока еще не считавшемъ въ это дѣло общія, типичныя образцы и не наложивши на народную гражданность формальной регламентаціи.*

Задумали у насъ *учительскіе институты*. Въ какіе-нибудь два года, у насъ открыто епархіальными вѣдомствами до *двадцати тысячъ* школъ: такъ можно ли будетъ удовлетворить потребностямъ многочисленныхъ сельскихъ школъ горстью учителей, которые будутъ выходить изъ учительскихъ институтовъ? Мы не говоримъ уже тутъ о разныхъ экономическихъ условіяхъ этихъ учрежденій и о духѣ нашихъ *городскихъ* учебныхъ заведеній, съ ихъ обстановкою, которая вообще „претать“ духу народному.

Изъ учительскихъ институтовъ, положимъ, будутъ выходить, окончивъ курсъ, мальчики лѣтъ семнадцати, восемнадцати; но они въ глазахъ мужика не болѣе какъ *молокососы*. У него степенство и мудрость, присущія понятію объ учителѣ, предполагаются не иначе какъ опущенныя бородами.

Какъ же мы хотимъ, чтобы мужики доверяли своихъ дѣтей нашимъ *мальчишкамъ*, да еще воспитаннымъ *не народно*, въ *городскихъ* институтахъ?...

Но вѣдь наши мальчики получаютъ понятія и о природѣ, и о объ исторіи, и о томъ, и о семъ „*пользительномъ*“, и будутъ передавать ихъ въ свою очередь.

Народу на первыхъ порахъ нужна пока хоть одна только грамотность, а владѣя этимъ орудіемъ, онъ самъ дойдетъ въ послѣдствіи до всего что ему нужно въ духовно-нравственномъ и практическомъ отношеніи, и со временемъ представитъ возможность развитія школъ на болѣе широкихъ и рациональныхъ основаніяхъ.

Чтобы показать чего еще у насъ до поры до времени не достаетъ въ народѣ, чего еще у насъ народъ не знаетъ, вотъ вамъ молитвы, которыми молится народъ, принимая ихъ за каноническія....

Въ Юрьевъ-Польскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, въ одномъ селѣ, я спросилъ у деревенскихъ мальчиковъ:

— Какія вы знаете молитвы?

— Да мы знаемъ всего-то одну молитву, отвѣчали они.

— А какую?

— Да „Богородицу“.

— А прочитай-ка мнѣ эту молитву, сказалъ я одному изъ нихъ, думая, что онъ мнѣ начнетъ читать: „*Богородица, дѣво, радуйся.*“ Но мальчикъ, крестясь, прочиталъ мнѣ свою молитву такъ:

Пресвятая Богородица!
Гдѣ ты спала, почивала?
— Въ городѣ Ерусалимѣ,
За Божиимъ престоломъ,
Гдѣ Иисусъ Христосъ
Несетъ сосуды:
Кровь и руда льется
И смется (sic), и вьется....
Кто эту молитву знаетъ,
Трижды въ день читаетъ,
Спасамъ бываетъ.

и проч.

— Эту молитву, можетъ-быть, читаютъ только мальчики?

— Нѣтъ, у насъ всѣ мужики читаютъ ее.... Батюшка съ матушкой меня ей научили.

Этотъ мальчикъ былъ сынъ одного штукатура и лѣпщика, ходящаго лѣтомъ на работу въ Москву. Онъ же показалъ мнѣ еще и „дѣвку съ гусемъ“, по его выраженію, вынесши съ чердака избы барельефъ Леды, скульптурное произведеніе отца его.

Теперь возьмемъ мѣстоность верстъ за 800 или больше отъ этой. Въ Гдовскомъ уѣздѣ, Петербургской губерніи (!), въ одной деревнѣ вотъ какъ народъ молится Богу, вотъ его молитвы повседневныя:

I.

„Пресвятая Богородица, дѣва Марія, прійми мою молитву, спаси своему сыну и Богу нашему, самому Христу небѣсному.“

II.

„Михайла архангелъ отъ Господа Бога, отъ небеснова воеводы, спаси и сохрани отъ лютова звѣра и отъ лихой лихорадки“.

III.

„Хрѣсть—хряститель, Хрѣсть—благословитель, Хрясту—Андила, Хрясту—Богослову, другу Христову, всѣмъ церквамъ, слава Господу.“

IV.

„Господи, благослови меня переговорить твою молитву!

„Въ городѣ, во Ерусалимѣ, въ соборной церкви, *уже лси на правомъ крылоси*, стояли два ангела: одинъ ангелъ Михаилъ, другой ангелъ Гавриилъ, сувѣтъ сувѣтовали, Божью книжку читали:—али ты вдова, али ты мужняя жена?... Отъ цевжа ты родила: отъ паода, алы отъ Божьяго рода? — Бабушка Соломоида Христа на бѣвьяя руки привимала, на рѣку Ярдонь бѣжала.“¹

Итакъ, вотъ прежде всего что нужно народу, и вотъ почему привиться къ нему можетъ только грамотность распространяемая естественнымъ и своеобразнымъ путемъ, въ многообразныхъ мѣстностяхъ, и съ соображеніемъ условій каждой изъ этихъ мѣстностей, а отнюдь не посредствомъ бюрократическихъ регламентацій и общихъ формулъ заимствованныхъ изъ чужихъ краевъ.

Синодальная типографія въ Москвѣ не успѣваетъ готовить букварей, четій-миалей, твореній святыхъ отцовъ и вообще книгъ духовнаго содержанія: такъ громады на нихъ требованія отъ простонародья въ посаданіе полтора, два года, чего до этихъ поръ никогда еще не было.

Итакъ, еще разъ, если примемъ въ разсужденіе этотъ многознаменательный фактъ и припомнимъ духовные стихи каликъ переходихъ, вошедшіе въ молитвы народныя, то увидимъ, какимъ вѣтромъ вѣетъ отъ народа; и, можетъ-быть, поставивъ по немъ паруса нашего распространенія грамотности, мы вѣрнѣе достигнемъ желаемой цѣли, чѣмъ, основываясь на томъ что вычитано нами гдѣ-либо, положимъ, хоть о сельскихъ школахъ въ какомъ-нибудь Шварцбургъ-Зондерсгаузенѣ.

Но возвратимся опять къ вышеупомянутому „проекту“ и предположенію учредить учительскіе институты.

Въ проектѣ говорится, что въ народныхъ школахъ должно учить церковному пѣнію. Это такъ, и возразить противъ этого никоимъ образомъ невозможно: оно прививается въ школахъ и принимается народомъ какъ нельзя лучше; во

¹ Очевидно, что подобныя молитвы заимствованы изъ апокрифическихъ сочиненій, заговоровъ и изъ *духовныхъ стиховъ* каликъ переходихъ, стиховъ *перевёрнутыхъ по своему* народомъ, или навѣяны ими.

тутъ же сказано еще, что *въ школахъ могутъ пѣть и свѣтскія пѣсни.*

Русскій мужикъ считаетъ школу дѣломъ солиднымъ, въ высшей степени серьезнымъ, даже учрежденіемъ священнымъ, гдѣ учать „отъ Писанія“¹. Школа у народа имѣеть, прежде всего, религиозный смыслъ своего рода... И вдругъ,—какой соблазнъ,—степенные отцы учениковъ услышатъ изъ оконъ школы вылетающіе рефрены:

Ой, диди-ли казюлька моя,
Въ саду ягода, маляулька моя!

или:

То-то люли, то-то люли,
То-то люшеньки мои!

Какимъ же доврѣемъ отъ міра будетъ пользоваться такая школа?... „Это, подумаютъ мужики, скорѣе кабакъ или хоро-водъ, а не школа; тамъ только ребятъ балуютъ да портятъ.“

Въ одной деревнѣ, верстахъ въ двадцати пяти отъ Москвы, я встрѣтилъ на сѣнокосѣ толпу отдыхающихъ бабъ, и разговорившись съ ними, спросилъ: есть ли у нихъ въ селѣ такія женщины, которыя знали бы много пѣсень. Я ихъ записываю со словъ и плачу за это.

— Эхъ, родимый! мы къ Божьему туги, а къ дьявольскому куда легки: чего добраго, а пѣсень-то мы знаемъ много... Вотъ въ первый праздникъ насажемъ ихъ тебѣ съ три короба, пѣсень-то.

Въ Германіи, въ сельскихъ школахъ, поются школьниками, между прочимъ, собственно для нихъ *сочиненныя* пѣсни: не отъ того ли свѣтскія пѣсни попали и въ нашъ русскій „проектъ“?

Въ послѣднее время заговорили о *національномъ началѣ* въ воспитаніи и образованіи, котораго у насъ не достаетъ къ несчастію. Но его должно прилагать къ воспитанію нашихъ барченковъ или городскихъ сословій вообще, а народъ и безъ того очень *народенъ*.

Если народные учителя будутъ учиться въ городахъ, въ

¹ Въ губерніяхъ чисто-промысловыхъ, поволжскихъ и вообще по воднымъ системамъ лежащихъ, гдѣ находятся судорабочіе люди разнаго рода, грамота имѣеть на столько же *практическое*, на сколько религиозное значеніе.

прогимназіяхъ, то, вкусивъ разъ городской жизни и учебно-воспитательной казенщины, они уже нечувствительно пойдутъ въ разладъ съ деревенскимъ бытомъ. Они будутъ воспитаны въ извѣстныхъ условіяхъ и средѣ городского казеннаго учебнаго заведенія, *городскими, казенными учителями...* И кажется пустяки — могутъ, между прочимъ, приучиться вѣтъ скоромное по постамя.

Мужики тотчасъ стануть во враждебное отношеніе къ такому наставнику, который позволялъ бы себѣ по середямъ и пятницамъ вѣтъ скоромное или даже хотъ разъ когда-нибудь оскоромиться. Это было бы деревенскимъ скандаломъ или отличительнымъ признакомъ барства въ глазахъ мужиковъ.

Иной же учитель, вошедши въ городскіе обычаи и приучившись къ мясу и сколько-нибудь лучшей пищѣ, вовсе можетъ не найти даже возможности имѣть мясо въ той деревнѣ, гдѣ онъ будетъ школьнымъ учителемъ. Когда же, въ большей части нашихъ деревень, вѣдятъ или видятъ мясо? Развѣ два-три раза въ годъ, во время розговѣнья.

Такой учитель, разумѣется, будетъ стараться какъ-нибудь увильнуть изъ деревни. Да и охотно ли стануть мужики отдавать дѣтей своихъ въ учителя: они, во первыхъ, спросятъ, какія *деньги* они будутъ получать, какой доходъ они будутъ имѣть, чѣмъ обезпечивается ихъ старость, и намъ ли молъ быть *казенщиною, казенными учителями*.

Если сельскія школы подчинить казенному учебному управленію, то-есть директорамъ гимназій или прогимназій и т. п., такъ сказать, учебно-административнымъ *чиновникамъ* министерства народнаго просвѣщенія, то наѣзды этихъ чиновниковъ для надзора и контроля народъ, по старой привычкѣ своей, обыкновенно поставитъ въ категорію наѣздовъ тѣхъ же становыхъ и окружныхъ, но только по учебной части. Всего офиціального, вицмундирнаго, формалистическаго, городского, онъ боится, или это ему просто приходится не по нутру¹. Между тѣмъ есть возможность установить и просвѣщенную администрацію, и контроль по части просто-

¹ Учрежденіе школъ съ казеннымъ начальствомъ мужики всего легче могутъ заподозрить; они легко могутъ подумать, что тутъ есть подвохъ, и правительство желаетъ такимъ образомъ готовить для себя заранее грамотныхъ, чтобы брать ихъ потомъ въ солдаты или въ другую службу.

народнаго образованія, но только пока въ болѣе близкой къ народу, въ простой и, такъ сказать, въ патріархальной и обычной ему формѣ. Но объ этомъ мы скажемъ ниже.

Грамотность вообще пользуется въ народѣ почетною довѣренностію. Въ одной деревнѣ туго шло составленіе уставной грамоты. Пришелъ туда умный, хорошо грамотный мужикъ, на побывку, прочиталъ внимательно „Положенія,“ растолковалъ ихъ языкомъ и приемами обычной народу логики—и грамота была немедленно подписана.

Грамотность сама собою входитъ въ народъ, различными путями, и ученіе въ народѣ представляется разнообразно въ разныхъ видахъ и условіяхъ.

Вотъ на то нѣсколько указаній:

Въ одной деревнѣ Любимскаго уѣзда, Ярославской губерніи, старикъ Яковъ Мигачовъ учитъ грамотѣ уже лѣтъ съ тридцать, и многіе изъ учениковъ его—сидѣльцами въ лавкахъ или буфетчиками и половыми по трактирамъ въ Петербургѣ. Грамотѣ онъ выучиваетъ въ двѣ зимы или, лучше сказать, въ одну зиму: ибо другую зиму онъ ихъ собственно только *поправляетъ* (техническій терминъ той мѣстности), то-есть, опять учитъ ихъ тому же, чему они учились прошлую зиму, чтобъ окончателно утвердить въ нихъ знаніе грамотѣ этимъ повтореніемъ. Такимъ образомъ оканчивается тамъ курсъ грамотности, и мальчики выходятъ умѣющіе свободно читать и писать. Въ зиму онъ беретъ за ученіе по 3½ рубля серебромъ, а на другую зиму, за „поправку,“ ужъ ничего не беретъ; итого, полный курсъ грамотѣ обходится по 3½ рубля¹. Благодарные ученики его, ходя, разъ въ годъ, на побывку въ деревню, привозятъ Мигачову подарки, что-нибудь петербургское. Эти ученики Мигачова, особенно половые, интересуются газетами и журналами, и хоть урывками да читаютъ ихъ. Намъ разъ случилось подарить нѣсколько книгъ этимъ выученикамъ Мигачова, книгъ, составленныхъ собственно для народа, между которыми были занимательныя повѣсти, рассказы, и брошюрка, подъ названіемъ: *О землѣ, солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ*. Черезъ нѣсколько времени я спросилъ ихъ, какая изъ моихъ книгъ имъ болѣе понравилась и какую

¹ А какъ дорого правительству обходится каждый ученикъ въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ, стобитъ заглянуть въ таблицы И. П. Корнилова. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1862 г.)

они прежде всего начали читать? Оказалось, что прежде всего они принялись за чтение брошюрки: *О землю, солнцу, луну и звѣздахъ*, и что она показалась имъ „заявѣнѣе и позывательнѣе“ всѣхъ другихъ книгъ, давныхъ имъ мною. Одинъ изъ читателей выразился: „Кто хоть немножко понималъ ариеметику, такъ эта книжка понятна и ясна, какъ день.“ Оно и выходитъ, что Яковъ Мигачовъ научилъ ихъ, просто, одной только грамотѣ, а знаніе грамотѣ, при извѣстныхъ условіяхъ и случаяхъ, повело ихъ къ дальнѣйшимъ умственнымъ интересамъ. И это стоить замѣтить.

Школа Мигачова частная, начальствомъ незнаемая. Она патриархально учитъ у себя на дому азъ-буки-вѣди, часовнику и письму; въ двѣ зимы у него мальчишки дѣлаются вполне грамотными, *чѣмъ всежь-таки достигается цѣль*. Учениковъ у него бываетъ до двѣнадцати. И такихъ учителей довольно въ деревенской Руси, особенно въ промысловыхъ мѣстностяхъ; даже иногда образуется что-то въ родѣ сельскихъ педіоговъ. Въ одной деревнѣ, напримѣръ, живетъ мужикъ-учитель; у него учатся дѣти изъ другихъ, соседнихъ деревень, а иногда бываетъ, что отдають къ нему въ ученье дѣтей изъ деревень, отстоящихъ верстъ за тридцать отъ той. Да и изъ самыхъ ближнихъ деревень ходигъ дѣтямъ въ школу невозможно; потому они и живутъ въ избѣ учителя. Родители учениковъ доставляютъ ему муку, крупу, капусту, на харчъ своимъ дѣтямъ, и платятъ самую бездѣлицу за выучку.

Зимой у нихъ начинается ученье съ 6-ти часовъ утра, потомъ дѣти обѣдаютъ и отдыхаютъ вмѣстѣ съ учителемъ. Послѣ игръ, ужъ во время спокойнаго отдыха, учитель, какъ бы шутя, старается ихъ учить.—Ну, сложи мнѣ, Ванюша, печь, говоритъ, положимъ, учитель съ печи.—А сложи-ка мнѣ, Митя, *потолокъ*, говоритъ учитель глядя въ потолокъ. Тутъ начинается складыванье, и съ нимъ поправки, шутки, а подъ часъ остроты. Таковы педагогическіе приемы въ нѣкоторыхъ нашихъ деревняхъ, во время рекреаций; это то что называется учиться играя, забавляясь, отдыхая. Но во время самого класса дѣло идетъ, такъ-сказать, офиціально и солидно.

Эти учителя бываютъ разные люди. Вотъ, напримѣръ, пошелъ кто-нибудь по трактирной части въ Питеръ, да оказался уваженъ, неспособнымъ къ должности полового; пришелъ назадъ къ себѣ въ деревню, и въ послѣдствіи сбѣжался учителемъ. Иной какъ-нибудь свихнулся въ Петербургъ,

любилъ испить и долженъ былъ отправиться къ себѣ въ деревню. Тамъ, со временемъ, остепенившись и вошедши въ лѣта, сталъ учителемъ и зарабатываетъ себѣ этимъ ремесломъ кусокъ хлѣба. „Всяко бываетъ“ что называется.

Бываютъ между учителями и отставные солдаты, и отставные, по старости, лакеи, иногда конторщики сельскихъ помѣщичьихъ конторъ (какъ напримѣръ Нижегородской губерніи, въ селѣ Веняевѣ и Голядкинѣ, гдѣ всѣ почти крестьяне грамотные), пожилыя дѣвушки читающія по покойникамъ псалтырь, и проч. Но большею частію учать *церковники*, что искони обычно и народно на Руси. Сколько намъ приходилось наблюдать, городскія, офиціальныя школы гораздо болѣе пугаютъ мальчиковъ чѣмъ ученье у дьячковъ, пономарей или „мастеровъ“ подобныхъ Якову Мигачову — и это оттого что у нихъ ученье идетъ семейнымъ, патриархальнымъ образомъ, въ обычаяхъ простонародья. Ученикъ учителю и воды, и дровъ привесетъ, когда нужно, что онъ дѣлаетъ и у себя дома. А насчетъ „битія“, что называется, то въ школѣ его бываетъ меньше чѣмъ иногда въ родительскомъ домѣ. Когда учащіе, священникъ, дьячокъ или пономарь, выходятъ изъ дому, по требамъ или по хозяйству, то ихъ мѣсто въ ученіи замѣняютъ на это время ихъ жены или взрослые дочери. Впрочемъ „всяко бываетъ“, и разнообразную, разноусловную Русь не уловишь въ какую бы то ни было общую формулу. Мы обыкновенно ошибаемся тѣмъ, что изъ многихъ или даже немногихъ частныхъ случаевъ и фактовъ составляемъ себѣ общее представленіе, общій выводъ, общую характеристику. Россія для изученія не легко дается; она, въ этомъ отношеніи, неисходимое море.

Въ одномъ селѣ Ярославской губерніи, Углицкаго уѣзда прежде бывшемъ помѣщичьемъ, крестьяне котораго потомъ перешли въ свободные хлѣбопашцы, платящіе оброки въ пользу Демидовскаго лицея, давно уже когда-то учреждена самими крестьянами школа на мірскія деньги. Крестьяне разъ прибавили, по подушной раскладкѣ, къ податямъ своимъ известную небольшую сумму, на содержаніе школы. Эта сумма такъ слилась у нихъ съ податями, что они уже какъ бы и забыли, что тутъ идетъ и на школу. Имѣть школу вошло у нихъ въ обычай, въ привычку. Учитъ въ ней издавна семинаристъ, оставшійся въ свѣтскомъ званіи, вѣроятно за неимѣніемъ дьяконской или другой вакансіи, а можетъ-быть и

потому, что это занятіе удобнѣе для него и ему по душѣ, и что имъ довольновы мужику того села.

Одному изъ бывшихъ учениковъ этой школы, отставному гвардейскому унтеръ-офицеру, отцу большаго семейства, было подарено нѣсколько книгъ въ разныхъ родахъ. Изъ нихъ онъ обратилъ болѣе всего вниманіе на *Краткое объясненіе мистургій*. Прочитавъ эту книжку нѣсколько разъ, онъ оказалъ намъ: — „Вотъ книга, такъ книга! Прочитавши ее, станешь истиннымъ христіаниномъ. Узнаешь все что къ чему идетъ, къ чему клонится въ церковной службѣ.... А не такъ зря слушаешь, какъ бывало прежде.“

Владимірской губерніи, въ Юрьевъ-Польскомъ уѣздѣ, въ одномъ помѣщичьемъ имѣніи, частную школу держитъ у себя дьяконъ, и школа его полна учениками. Помѣщикъ ничѣмъ не помогалъ школѣ. Отцы платятъ за дѣтей своихъ, разумѣется, весьма умѣренную плату, и дьяконъ занимается школою соп амого. Школа его полна, несмотря на то что дьяконъ учить не *азъ-буки-вѣди*, но *а-бе-ве*, то-есть, по новой методѣ, и что казалось бы не совсѣмъ по сердцу народу, въ которомъ глубоко живутъ консервативное начало и обычай праотцевъ. А это оттого что дьяконъ „излюбилъ“ свою школу, міръ его „излюбилъ“. Прочитаемъ юридическіе акты до-петровской Руси, и мы увидимъ, что многое у насъ въ жизни искони было основано на „излюбленномъ“ началѣ.

Въ другомъ своемъ имѣніи, Владимірской губерніи, Покровскаго уѣзда, тотъ же помѣщикъ платилъ отъ себя священнику за учениковъ, покупалъ имъ на свой счетъ учебныя пособія, и мальчиковъ въ школѣ было мало, и то по принужденію. Мужики тотчасъ заподозрили помѣщика, не хочетъ ли онъ чрезъ школу образоватъ для себя лакеевъ и дворовыхъ людей: имъ было непонятно, немислимо, зачѣмъ бы ему содержать школу для нихъ на свой собственный счетъ, не имѣя на это никакихъ своекорыстныхъ видовъ. Это, молъ, не разчетъ. Даровое ученье не пользуется обыкновенно въ народѣ довѣріемъ: что даровое, то должно быть дрянъ, а за что платятся деньги, то должно быть хорошо, думаютъ въ народѣ, и думаютъ не безъ основанія.

Священникъ этотъ, любя сельское хозяйство, занимался имъ по преимуществу, часто отрываясь отъ учебныхъ занятій, и предоставлялъ учениковъ своимъ домашнимъ, и это было еще одною изъ причинъ, что школа мало-по-малу ступше-

вазась. Мальчики иногда у своего учителя обворовывали огородъ или что другое.

Въ одномъ помѣщичьемъ имѣніи¹ заведена была школа, гдѣ учила, по призванію, сама помѣщица, женщина съ прекрасныхъ образованіемъ. Когда крестьянскихъ дѣтей брали въ школу, то начальнымъ дѣломъ было обмыть ихъ, надѣть на нихъ чистыя *куртки* и бѣлье, остричь ихъ грязные, включенные, спавшіеся волосы. Во время стрижки волосъ, матери этихъ дѣтей выли и причитали какъ по покойникамъ. Бабы собрали волосы своихъ дѣтей, зашили ихъ въ ладонки и повѣсили себѣ на шею. Мальчики, окончивъ курсъ въ школѣ, чрезъ два-три года носивъ этого, стали получать у купцовъ въ Москвѣ рублей 200 серебромъ жалованья. Отцы ихъ изъявили искреннюю благодарность помѣщицѣ, что она осчастливила ихъ и дѣтей ихъ. Словомъ, признательности не было конца... Но случилось—загорѣлся домъ, гдѣ помѣщались школа, и на приказаніе старосты, чтобы бабы помогали тушить огонь, неся воду, бабы отвѣчали: „Пусть горитъ проклятая! Она мучила нашихъ ребятъ.“

Въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губерніи мнѣ случилось быть прошлымъ лѣтомъ въ одномъ помѣщичьемъ селѣ. Тамъ зимою и лѣтомъ учатъ, частнымъ образомъ, дьячокъ² и пономарь церковной и гражданской грамотъ. За выучку берутъ они рублей до девяти. Выучиваютъ грамотъ большею частію

¹ Московской губерніи.

² Въ Романо-Борисоглебскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи, дьячокъ Е. Г. Любомудровъ, бывшій при Казанской ружной церкви помѣщицы Зацѣпной, а нынѣ состоящій при Ильинской сельской церкви, выпустилъ, въ продолженіе 40 лѣтъ, болѣе 500 человекъ хорошо грамотныхъ людей изъ своей школы. Нѣкоторые изъ учениковъ его теперь содержатели трактирныхъ заведеній въ столицахъ и лавочки. Бѣдныхъ мальчиковъ онъ училъ *безвозмездно*, оставался даже за штатомъ, самъ въ крайней бѣдности, да вообще и съ зажиточныхъ бралъ кто что положить, не назначая цѣны за ученье. Онъ учитъ по душевной ласковости къ этому дѣлу, по внутреннему призванію, и пользуется народнымъ уваженіемъ и любовью всего околота. Подобныя свѣтлыя личности стоили бы вниманія и поощренія. Нѣкоторые изъ бывшихъ учениковъ Любомудрова разумнымъ истолкованіемъ мужикамъ истиннаго смысла извѣстныхъ *Положеній* содѣйствовали, незамѣтнымъ образомъ, къ скорѣйшему подписанію уставныхъ грамотъ. Въ Могилевской губерніи исключительно и болѣе всего распространяютъ грамотность въ простонародь причетники.

въ одинъ годъ, равнѣ какой тушаца попадется, такъ проучится два года. Дѣти зажиточныхъ крестьянъ учатся и лѣтомъ. Ученики иногда саяга, по домашнему обиходу, что-нибудь и работаютъ на своихъ учителей—принесутъ воды, дровъ и т. п., что впрочемъ, въ обычаѣ и не считается малѣйшею тяготой.

На каникулы дѣти священника и причетниковъ пришли изъ Москвы домой. Мнѣ оказался нужнымъ переписчикъ. Нѣсколько деревенскихъ мальчиковъ и съ ними пономарскій сынъ ловили на плотинѣ рыбу. Я спросилъ у него, не возьмется ли онъ переписывать?

— Нѣтъ, я еще малъ на это дѣло: всего-то изъ синтаксиса... А вотъ здѣсь у насъ есть философъ и риторъ: тѣ, а чай, горазды.

- Гдѣ жь этотъ философъ?
- Философъ теперь сѣмю сгребаетъ.
- А гдѣ найдти мнѣ ритора?
- Риторъ навозъ возить.
- Попросите ихъ ко мнѣ.
- Я уже къ вамъ ихъ пришлю.

Философъ здѣсь значитъ ученикъ семинаріи, изъ класса философіи, а риторъ—изъ класса словесности.

Вечеромъ, по окончаніи полевыхъ работъ, пришли ко мнѣ эти молодые люди, прилично одѣтые, вѣжливые и даже по наружности благовоспитанные, на сколько возможно при ихъ средствахъ и обстановкѣ.

Дѣти нашего духовенства воспитываются съ народомъ и почти въ такихъ же условіяхъ какъ народъ. Священники знаютъ народъ какъ никто. Ихъ внутренній и вѣншній бытъ съ нимъ въ неразрывной и повседневной связи. Самая исповѣдь даетъ имъ широкую возможность знать все задушевное въ народѣ.

Надлежащіе учителя для сельскихъ народныхъ школъ могутъ быть только изъ людей знающихъ народъ и живущихъ съ нимъ вмѣстѣ, въ одинаковыхъ условіяхъ и обстановкѣ, людей, воспитавшихся съ народомъ сызмала.

Народъ инстинктивно самъ понялъ это, и часто беретъ учителей изъ семинаристовъ. Изъ семинарій ежегодно выходитъ множество молодыхъ людей: не всѣмъ находятъ приходы; иные ждуть ихъ лѣтъ по шести... Куда же бы имъ, при такихъ обстоятельствахъ, лучше всего пристраиваться, какъ не поступать въ сельскіе учителя? Это было бы для нихъ лучшимъ исходомъ. А то они стараются опредѣлиться,

попасть какъ-нибудь въ приказные, въ чиновники уѣздныхъ и губернскихъ городовъ, въ которыхъ государство уже не только не нуждается, но которыми начинается уже значительно тяготиться, тѣмъ болѣе что и университеты представляютъ изъ себя щедрую Цереру, изъ рога изобилія которой сыплются на Россію разные губернскіе и коллежскіе секретари. И такъ юридическіе факультеты и естественныя отдѣленія, то-есть, *легкіе* отдѣлы университетовъ биткомъ набиты студентами, будущими чиновниками, съ прогрессивнымъ переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее и съ содержаніемъ на счетъ государства.

Дайте семинаристамъ обезпечивающее содержаніе въ сельскихъ училищахъ, и они не будутъ наполнять собою присутственныя мѣста. Быть народными сельскими учителями весьма пригодны не только окончившіе полный курсъ, но и вышедшіе изъ средняго отдѣленія семинаріи, тѣмъ болѣе что теперь пошло дѣло какъ объ улучшеніи быта сельскаго духовенства вообще, такъ и объ улучшеніи духовно-учебнаго и воспитательнаго быта и обстановки.

Намъ возразятъ, можетъ-быть: Развѣ вы не знаете что говорить и пишутъ о семинарскомъ воспитаніи и образованіи? Мы отвѣтимъ на это тоже вопросомъ: А развѣ вы довольны воспитаніемъ и образованіемъ гимназическимъ, при теперешнемъ его устройствѣ?.. Такъ и выйдетъ одно на другое. Семинаристамъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, можно опереться на свое воспитаніе съ народомъ и знаніе народа. Большая часть недостатковъ семинаристовъ происходитъ отъ крайней бѣдности; то же относится и къ большинству сельскихъ священниковъ.

Бѣдный сельскій священникъ, дяконъ или причетникъ отдаетъ дѣтей своихъ въ городское духовное училище; нанимаетъ имъ квартиру со столомъ за два и много за три рубля въ мѣсяцъ, отчего эти дѣти не могутъ иначе жить, какъ въ сырыхъ, грязныхъ вертепахъ. Они не доѣдаютъ, сколько нужно, даже куска черстваго хлѣба, окружены, въ своемъ логовищѣ, пьяницами, уличными мошенниками, развратными людьми, нищими всякаго рода, всеми нагноеніями бѣдности. Во всемъ они терпятъ недостатки, все ихъ давитъ, въ самомъ ихъ цвѣтущемъ возрастѣ... Какая жь натура въ состояніи устоять противъ такого подавляющаго напора!

— А тѣ изъ семинаристовъ, которые поступаютъ на казенное содержаніе?

— Какое жь содержаніе можетъ быть въ бурсы? Изъ чего держать сытно, сколько-нибудь чисто и по-человѣчески несчастныхъ бурсаковъ? ¹... Вѣрно содержаніе какой-нибудь казенной конюшни стоитъ гораздо дороже чѣмъ самой большой семинаріи. Человѣкъ, у котораго голодъ постоянно бьетъ набатомъ въ желудкѣ, холодъ постоянно барабанить по членамъ, человѣкъ окруженный всею нечистотой бѣдности, какъ дикарь, *невольно* даетъ преимущественное значеніе матеріальнымъ потребностямъ жизни и вѣшнымъ, узкокорыстнымъ видамъ, ибо онъ постоянно и настоятельно убѣждался въ ихъ первостепенной, необходимой важности въ жизни... Человѣку съ состояніемъ, а тѣмъ болѣе богачу, легко быть гуманнымъ, чистымъ, строго-правственнымъ, духовно-развитымъ, сердечно-мягкимъ: все грубо-чувственное, грязное жалкой обиходной повседневности, бѣдность и нужда ожесточаютъ сердце.

Хорошо еще семинаристу, у котораго есть родственники въ городѣ, или отецъ котораго священникъ съ какими-нибудь средствами: онъ можетъ еще помѣстить своего сына прилично въ квартирѣ. Мнѣ иногда приходилось видѣть такихъ семинаристовъ, и они всегда казались мнѣ весьма порядочными людьми, а иные даже весьма отрадными личностями.

Могутъ, пожалуй, указать на лютеранскихъ пасторовъ русскихъ областей, проводя параллель съ нашими сельскими священниками.... Но надо взять въ соображеніе какова ихъ обстановка сравнительно съ нашими. Сельскій пасторъ, положимъ, въ Курляндской губерніи, въ Финляндіи, по средствамъ и обстановкѣ своей, то же что русскій зажиточный помѣщикъ средней руки. Онъ ни о чемъ матеріальномъ не ²хлопочетъ, и прихожане сами доставляютъ ему, въ положенные сроки, по верушиму обычаю, и мясо, и рыбу, и яйца, и ветчину, и хлѣбъ, и овощи. Да кромѣ того, за погребеніе отца или матери тягловаго семейства, крестьянскіе обязаны дать пастору корову; да еще платится и известная сумма денегъ... Тутъ легко заниматься одними духовно-правственными дѣлами и быть безукоризненнымъ. А нашъ сельскій священникъ

¹ Нужно оговориться, что мы здѣсь не касаемся внутреннихъ сторонъ семинарскаго воспитанія и образованія.

² При киркахъ еще находится церковная земля, которую арендуютъ крестьяне, какъ фермеры.

хорошо еще если получить за отправленіе погребенія 25 копѣекъ. Онъ собираетъ, съ причтомъ, по мѣднымъ грошамъ, ходя изъ избы въ избу, какъ какой-нибудь парія, и иногда зависить въ деревнѣ отъ мужика-самодура или міроѣда. Какая жь ему есть, послѣ этого, возможность всесторонне отдаться чисто-духовному своему призванію, когда каждая минута напоминаетъ ему о кускѣ насущнаго хлѣба, о его бѣдствующихъ дѣтяхъ? Онъ-таки учился чему-нибудь—и изящной словесности и философіи (какая бы она тамъ ни была и какъ бы онъ тамъ ни учился); а жить долженъ какъ всякій безграмотный мужикъ, по своей обстановкѣ и внѣшнимъ средствамъ. Стоить только сообразить всю перспективу и слѣдствія подобныхъ несчастныхъ обстоятельствъ... Собирая отъ народа по копѣйкамъ, какъ попрошайка, и завися такимъ образомъ, экономически, отъ милости прихожанъ, какое духовно-нравственное вліяніе можетъ имѣть нашъ сельскій священникъ на народъ: вѣдь для вліянія должно имѣть самостоятельность, независимость, силу, хорошую обстановку... И за всѣмъ тѣмъ—сельскимъ духовенствомъ открыто двадцать тысячъ школъ въ два года.

Впрочемъ, мы здѣсь необходимо должны оговориться: такъ какъ школы учредились по *административнымъ предложеніямъ* или *распоряженіямъ* епархіальныхъ вѣдомствъ, то изъ этого числа школъ можно признать *настоящими* школами развѣ только половину, то-есть десять тысячъ, а остальные школы существуютъ не болѣе какъ *по имени, для счета, для удовлетворенія администраціи*, какъ это у насъ обычно вездѣ, во всѣхъ сферахъ.

По доходящимъ до столицъ слухамъ, между людьми не бывшими въ сельской Россіи, постоянно процвѣтающими въ Петербургѣ и смотрящими въ стеклышки извѣстнаго цвѣта, составилось мнѣніе, огуломъ, зря, исключительно не въ пользу духовнаго сословія.

Одинъ сельскій священникъ говорилъ мнѣ: „У насъ въ духовное званіе поступить можетъ всякій, да только никто не идетъ въ него... Значить, такъ сладко намъ существовать, такъ хороша наша обстановка! Купецъ старается провести своихъ дѣтей въ офицеры, и не щадитъ ничего для этого; мѣщанинъ чрезъ университетъ пробивается въ гражданскіе чиновники: кто жь стремится сдѣлаться священникомъ, а тѣмъ болѣе сельскимъ? Священники, съ своей стороны,

рады если дѣти ихъ выйдутъ изъ духовнаго званія и поступятъ въ гражданскую службу.“

Положительно можно сказать, что наше духовенство несравненно бѣднѣ матеріальными средствами и обстановкой жизни чѣмъ духовенство всѣхъ другихъ странъ... А бѣдность кого, подчасъ, не сломитъ?

Хорошо намъ здѣсь въ столицахъ разсуждать о вопиющихъ недостаткахъ нашего сельскаго духовенства и семинарскаго воспитанія. Поставить бы насъ на мѣстѣ этихъ бѣдныхъ труженниковъ... Чтѣ бы изъ насъ вышло съ нашею дешевокупленной гуманностью, съ неумытнымъ безкорыстіемъ, съ нашимъ духовно-нравственнымъ развитіемъ, безъ труда и печали?

Отрадно, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, слышать, что есть люди изъ молодаго поколѣнія, удалившіеся отъ столичныхъ тумановъ въ провинцію, или всегда жившіе тамъ, люди, здраво сознающіе какъ должно обращаться съ народомъ, въ видахъ возможнаго его образованія.

Вотъ чтѣ говоритъ извѣстный собиратель памятниковъ народной словесности, П. Н. Рыбниковъ, въ письмѣ своемъ въ газету *День* (1862), изъ Олонецкой губерніи:

„Надо носить въ себѣ уваженіе къ самостоятельности религиозныхъ вѣрованій народа, къ особенностямъ его быта, къ тяжкому труду землепашца-работника и ремесленника и отбросить въ сторону нѣкоторые кабинетные предразсудки и барскія замашки.“

По строгому и разностороннему соображенію всего этого и при разномѣствомъ изученіи нашего сельскаго народонаселенія, какимъ чуждымъ жизни явленіемъ должны представляться наши столичные комитеты грамотности, съ ихъ облачными опредѣленіями, съ ихъ наивнымъ незнаніемъ своей страны и народа!

Мы щеголяли въ столицахъ тѣмъ, что говорили съ въ простонародныхъ школахъ... Какой утонченный гуманизмъ!

Мы сказали, что наше духовенство ближе всѣхъ сословій къ народу и непосредственно съ нимъ связано. Въ до-петровской Руси оно было единственнымъ образующимъ органомъ въ народѣ, и до нашихъ дней сохранилось въ немъ это преемство въ обученіи грамотѣ церковниками. Стоитъ, въ этомъ отношеніи, обратить вниманіе на громаднѣйшій спросъ на книги выходящія изъ синодальной типографіи, и еще на тотъ

фактъ, что нѣкоторые московскіе купцы, какъ люди вышедшіе изъ народа и живущіе въ его обычаяхъ, заговорили объ учрежденіи своей гимназіи, болѣе пригодной для ихъ сословія—гимназіи подлѣ начальствомъ избраннаго священника.

Одному изъ священниковъ, пользующихся особеннымъ довѣріемъ, сказалъ купецъ: „Ради Бога, возьмите нашихъ дѣтей къ себѣ въ науку; мы увѣрены, что вы имъ зла не пожелаете и ихъ не испортите.“

Считаемъ великимъ сообщити здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія объ одной *школѣ епархіальнаго ведомства*, находящейся въ Богородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи... И опять должны тоже оговориться, что у насъ ничего нельзя взять за общее мѣрло, что у насъ во всемъ разнообразіе, зависящее отъ разныхъ условій быта, средствъ, самой *личности* человѣка, заправляющаго какимъ-либо общественнымъ дѣломъ и пр., Здѣсь, положимъ, школа хороша, а по сосѣдству плоха; здѣсь одни средства, а у сосѣдей другія; даже въ одномъ и томъ же мѣстѣ или округѣ попадаются иногда противоположности. Въ Любимскомъ уѣздѣ, на примѣръ, вы увидите въ праздникъ, въ хороводѣ, сельскихъ женщннъ одѣтыхъ „по-нѣмецки“. У иныхъ модное платье стѣитъ иногда рублей до 60 серебромъ, что имъ доставляютъ мужья изъ Питера. Живутъ нѣкоторые изъ нихъ не иначе, какъ въ нитяныхъ перчаткахъ своего издѣлія; въ хороводѣ и въ церкви вы ихъ увидите уже въ лайковыхъ перчаткахъ: а тутъ же, въ томъ же округѣ, по близости, есть мѣстность называемая Карега, гдѣ и мелкопомѣстныя барыни ходятъ въ лаптяхъ, и вообще дичь непроходимая... Можно ли послѣ этого мѣрять все на общую мѣрку и, положивъ общую формулу, регламентировать ее на всю Россію; потому-то и нѣтъ другаго выхода, какъ устроить по разнымъ мѣстамъ *земское* завѣдываніе, давъ ему большую свободу мѣстныхъ соображеній и дѣйствій. Но объ этомъ мы скажемъ ниже.

Сельское училище, о которомъ мы упомянули, существуетъ уже 22 года. Главный начальникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наставникъ его—мѣстный приходскій священникъ. Дѣятельный помощникъ священника—окончившій курсъ воспитанникъ семинаріи. Училище раздѣлено на два отдѣленія: низшее и высшее. Въ низшемъ учить первоначалу грамоты дѣячокъ, въ отдѣлѣ такъ-называемыхъ „азбучниковъ“. Какъ въ высшемъ, такъ и въ низшемъ отдѣленіяхъ, обучаются и дѣвочки. Мальчики изъ

дальнѣе деревень остаются зимою вочевать въ училищѣ, запасшись предварительно пищею; для ночлега же имѣются въ училищѣ войлоки и подушки.

Преподаваніе состоитъ въ чтеніи книгъ церковной и гражданской печати, въ законѣ Божіемъ, священнои исторіи, начертаніи и выговариваніи цифръ, выкладкѣ на счетахъ и чистописаніи. Кроме этого, многіе учатся главнымъ дѣйствіямъ ариеметики, русской грамматики, исключительно въ практическомъ примѣненіи ея къ правописанію. Учатъ также писать дѣловыя письма, письма къ знакомымъ, и т. п.

Въ училищѣ этомъ пишутъ и собственно „сочиненія“,—но какого рода, какимъ образомъ? Учитель разказываетъ ученикамъ какую-либо священную исторію, потомъ заставляетъ ихъ пересказывать свой разказъ, поправляя ихъ ошибки. Когда кончатся эти повторенія разказа учениками, учитель вновь разказываетъ ту же священную исторію. Въ послѣ-обѣденный классъ того дня, лучшіе ученики и ученицы пишутъ на бумагѣ, каждый по своему, въ своемъ изложеніи, эту священную исторію, и такимъ образомъ учитель видитъ какъ каждый ученикъ воспріялъ по своимъ способностямъ разказъ его, какъ усвоилъ и въ какой формѣ передалъ.

Наказанія избираются большею частію возбуждающія стыдъ¹ и раскаяніе. Оставить безъ обѣда, или поставить на колѣни принадлежитъ уже къ большимъ наказаніямъ. За лѣность и мелкія шалости надѣваютъ на виновнаго смѣшной колпакъ. Дѣвочкамъ же развѣ ужъ за большой проступокъ надѣвнутъ этотъ колпакъ. Наказаніе розгами не употребляется въ училищѣ, и еслибъ учитель рѣшился когда-либо употребить его, то развѣ за наглое воровство или подобный поступокъ, чего, впрочемъ, не случалось, да, вѣроятно, и не случится въ училищѣ. Словомъ, здѣсь наказанія строго соображаются со степенью, отгѣнками и нравственнымъ смысломъ проступка.

Для возможнаго избѣжанія и этихъ наказаній, училище придумало другія средства исправлять лѣнтяевъ: это—*судельскыя акты училища*, на которыхъ могутъ присутствовать родители учениковъ и постороннія лица. На актахъ читаются списки лѣнтяевъ и прилежныхъ учени-

¹ Что впрочемъ никакъ нельзя одобрить. Ред.

ковъ. Многие изъ лѣнливыхъ, по чувству самолюбія и соревнованія, стараются попасть къ сѣдующему акту въ списокъ лучшихъ учениковъ по успѣхамъ и поведенію. Хорошій же ученикъ старается постоянно держать себя въ этомъ спискѣ, болей выскочити какъ-нибудь въ другой списокъ, въ сѣдующемъ актѣ, и такимъ образомъ принять публичную укоризну.

Библіотека приходской церкви выдаетъ для чтенія книги и духовные журналы какъ ученикамъ, такъ и вышедшимъ уже изъ училища своимъ прихожанамъ....

Вотъ что пишеть, между прочимъ, учитель этой сельской епархіальной школы, окончившій курсъ воспитанникъ семинаріи, находящійся въ сѣтскомъ званіи.

„Какъ основатель училища, приходскій священникъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, главный начальникъ и наставникъ училища. Все училище зависитъ отъ него, и потому все, что онъ считаетъ лучшимъ, онъ можетъ ввести въ свое училище, не испрашивая ни у кого разрѣшенія.... Таковы ли сельскія училища министерства государственныхъ имуществъ? Если учителю вздумается что-либо исправить въ своемъ училищѣ или ввести что-нибудь новое, и еслибы это нововведеніе имѣло несчастіе не понравиться почему-либо волостному писарю, а тѣмъ болѣе головъ, то какъ бы ни было хорошо, удобно и полезно задуманное учителемъ—будьте увѣрены, оно навсегда останется только въ его желаніи, и всѣ настоянія его будутъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Нечего уже говорить о мелочахъ: напримеръ, если окажется настоятельная потребность прибавить число столовъ, поправить полъ, вставить стекло, учитель пишеть отношеніе въ волостное правленіе—и бѣда ему, когда онъ не изъ дружескихъ отношеній съ этимъ правленіемъ.... А чтобы коротко познакомиться съ нимъ, надобно *угостить* и голову, и писаря,—а изъ какихъ доходовъ? Правда, и въ нашемъ училищѣ невелико жалованье учителю, но все-таки при 70 рубляхъ и при готовомъ продовольствіи онъ можетъ жить безбѣдно. Прибавьте къ тому увѣренность учителя, что послѣ священника онъ главный хозяинъ въ училищѣ, что, кромѣ епархіальнаго начальства, у него нѣтъ болѣе начальниковъ, что никакой волостной писарь не будетъ у него требовать отчета объ училищѣ.“

Училище, о которомъ мы говоримъ, кромѣ матеріальныхъ и внѣшнихъ польвъ и выгодъ въ практической жизни отъ

знанія грамоты, имѣть въ виду главнѣйшимъ образомъ религиозное и вообще духовно-нравственное развитіе своихъ питомцевъ.

Доброе вліяніе училища на народъ той мѣстности очень значительно. Уголовныхъ преступленій, со времени учрежденія школы, не случается. Сосѣдство раскольниковъ не имѣть ровно никакого вліянія.... Надо видѣть восхищеніе мужиковъ, когда идутъ въ церковь дѣти ихъ попарно, стройною вереницей, въ сопровожденіи учителя. Въ церкви они слушаютъ богослуженіе благоговѣнно и съ сознаниемъ смысла богослужебныхъ дѣйствій. Нѣкоторые изъ учениковъ, постарше и хорошо грамотные, читаютъ въ церкви, что служить предметомъ гордости ихъ отцамъ; другіе составляютъ правый и лѣвый хоръ пѣвчихъ, къ немалому удовольствію прихожанъ.

Недавно окончила курсъ въ училищѣ дочь одного неграмотнаго торговца, и теперь завѣдываетъ у него всею счетною частію и другими дѣлами по торговлѣ. Одинъ изъ бывшихъ учениковъ поступилъ на сосѣднюю фабрику приказникомъ и содержитъ все семейство своего отца.

Дѣти бѣдныхъ родителей и взрослые люди, для которыхъ свободно отъ работы одно только воскресенье, приходятъ учиться въ эту школу по воскресеньямъ, гдѣ открыты для нихъ въ этотъ день классы.... Такимъ образомъ, при постоянной училищѣ, сама собою образовалась и *воскресная школа* въ деревнѣ. Изъ этого можно вывести, что при большей части сельскихъ училищъ могутъ быть и *воскресныя школы*. Бываетъ еще и такъ, что ученикъ, вышедшій изъ училища, обучаетъ у себя на дому, между работою, своихъ сестеръ и братьевъ, которымъ, по бѣдности, или по чему-либо другому, несручно ходить въ школу.

Одинъ ребенокъ, лѣтъ шести, былъ приведенъ въ училище, и не учась еще азбукѣ, зналъ уже наизусть символъ вѣры, десять заповѣдей и много разныхъ молитвъ, говорилъ ихъ правильно и даже, по его лѣтамъ, довольно сознательно умѣлъ объяснить ихъ: оказалось, что крестьянка, мать этого мальчика, была ученицею той же школы и окончила курсъ назадъ тому лѣтъ десять.

Раздаваніе аттестатовъ, за церковною печатью, окончившимъ полный курсъ ученія въ школѣ, имѣетъ большое

значеніе въ глазахъ мужиковъ и ихъ дѣтей, побуждая родителей не брать изъ школы дѣтей раньше окончанія положеннаго курса, хотя бы дѣти ихъ были уже достаточно грамотны для житейскаго обихода, такъ какъ, по положенію училища, не окончившіе полнаго курса не имѣютъ права на полученіе аттестатовъ.

Въ первой половинѣ 1862 года въ училище *снова поступило*:

Учениковъ	15.
Ученицъ	2.
<i>Обучалось въ теченіе года:</i>	
Учениковъ	90.
Ученицъ	18.
<i>Окончили полный курсъ ученія:</i>	
Учениковъ	18.
Ученицъ	11.
<i>Осталось въ училищѣ:</i>	
Учениковъ	70.
Ученицъ	18.

Для нѣкотораго подтвержденія нашего краткаго описанія этой школы епархіальнаго вѣдомства (основанной, какъ упоминаютъ, безъ всякихъ административныхъ распоряженій и двадцать два года тому назадъ), нелишне сослаться на статью объ этомъ родѣ училищахъ, помѣщенную въ *Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника*, томъ XXVIII. 1860 года. Въ ней, съ осмысленными доводами, на основаніи фактовъ, дается предпочтеніе епархіальнымъ сельскимъ училищамъ передъ школами министерства народнаго просвѣщенія и другихъ вѣдомствъ, и указывается на ихъ существенное различіе. Отсутствіе лишнихъ опекуновъ и отношеній, отсутствіе бюрократической отчетности, учебнаго чиновничества, *городскаго* пошиба, учителя въ духѣ народа, взросліе на его почвѣ, воспитанные въ деревенской средѣ, въ народныхъ нуждахъ и тяготахъ, даютъ подобнымъ школамъ преимущество въ чисто-практическомъ и народномъ смыслѣ.

Мы сказали, что грамотность входитъ въ народъ съ разныхъ сторонъ и разными путями, и что народъ къ ней весьма расположенъ: все-таки довольно выходить грамотныхъ изъ

школъ министерства народнаго просвѣщенія, министерства государственныхъ имуществъ (каковы бы онѣ тамъ ни были),¹ удѣльнаго и епархіальнаго вѣдомствъ, изъ частныхъ домашнихъ школъ, содержимыхъ по деревнямъ церковными причетниками, сельскими мужиками-грамотниками, иногда не отставными солдатами, отставными дворовыми людьми и т. д.

Ботати о солдатахъ какъ о новыхъ дѣтеляхъ въ распространеніи грамотности.

Извѣстно, что въ послѣдніе годы, въ роткахъ, батальонкахъ, эскадронахъ, устроились постоянныя школы грамотности, подъ руководствомъ офицеровъ. Къ этому добавимъ, что уже нѣсколько лѣтъ издается, съ вѣроятнаго соизволенія, журналъ подъ названіемъ: *Чтеніе для солдатъ*, гдѣ помѣщаются статьи по закону Божію, священнои церковной исторіи, естествознанію, русской исторіи, изящной словесности — и этотъ журналъ расходуется въ огромномъ числѣ экземпляровъ. Намъ приходится видѣть, что въ иномъ гарнизонномъ батальонѣ получается его до десяти экземпляровъ... Могутъ возразить, что это вѣдь подписка обязательная, слѣдовательно и не можетъ служить мѣриломъ успѣха журнала между солдатами. Да, обязательная на одинъ экземпляръ, но въ количествѣ десяти экземпляровъ является уже свободною и допускаетъ существенную потребность въ чтеніи. Намъ извѣстно, что солдаты читаютъ этотъ журналъ съ величайшею охотою.

Кромѣ указаннаго рода статей, въ *Чтеніи для солдатъ* помѣщаются и солдатскія сочиненія беллетристическаго содержанія, написанныя грамотно, умно и пріятно...

Неужели, послѣ этого, люди, постоянно читающіе въ своемъ журналѣ статьи такого разнообразнаго содержанія и пишущіе иногда сами, не могутъ быть школьными учителями по селамъ и деревнямъ, во время отставки или безвочнаго отпуска?

¹ У меня, въ послѣднее время, были переписчиками изъ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства, учившіеся въ удѣльной школѣ: одинъ изъ нихъ лакей, а другой шорникъ, оставившій мѣсто въ шорномъ заведеніи; онъ, будучи безъ мѣста по прямому своему ремеслу, взялся переписывать мнѣ рукописи, чтобы чѣмъ-нибудь пробавляться, пока не найдетъ мѣста шорнаго работника.

Зачѣмъ же учреждать еще особые учительскіе институты, особенно при нынѣшнемъ нашемъ скудномъ финансовомъ состояніи, или брать деньги за эти учрежденія отъ сельскаго міра, съ котораго и безъ того много разныхъ поборовъ, да еще навязывать народу людей обученныхъ въ учебно-бюрократической средѣ, въ городѣ, что такъ „претить“ сельскому быту?

Что же касается до *новыхъ методовъ* обученія, то они со временемъ могутъ привиться въ народѣ сами собою, естественнымъ процессомъ, черезъ солдатъ, которые уже учатся по новымъ методамъ, и чрезъ семинаристовъ, если будетъ введено въ семинарію, хоть въ теченіи одного годичнаго курса, преподаваніе главныхъ основаній педагогики и дидактики. Все-таки выходитъ, что пока еще *излишни* учительскіе институты, особенно при нынѣшнемъ государственномъ безденежьи и при бѣдныхъ *внутреннихъ* средствахъ нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній.

Солдаты, будучи сначала самъ мужикомъ, возвращаясь въ деревню къ своимъ землякамъ, скоро обрасываетъ съ себя солдатскую муштру и городской глянецъ, становится обычнымъ сельскимъ жителемъ, чего требуютъ даже и его интересы. Намъ часто случалось видѣть такихъ солдатъ на полевыхъ работахъ; въ деревнѣ у нихъ все заодно съ мужикомъ, а особенно при нынѣшнихъ новыхъ распоряженіяхъ.

Солдатамъ, оказавшимъ значительныя усилія въ грамотности и хорошія способности, идущимъ въ безсрочный отпускъ или въ отставку, можно было бы *проникнуться* между прочимъ въ билетъ отпуска или въ видѣ отставки, что они могутъ быть и сельскими учителями¹, съ согласія міра и вообще, гдѣ представится случай и потребность. Вотъ и еще новая струя распространенія грамотности, истекающая сама собою изъ данныхъ современной дѣятельности, безъ всякихъ новыхъ учрежденій, стоящихъ лишнимъ издержекъ правительству или обществу... Какъ ею не воспользоваться!

Не мѣшаетъ также принять къ свѣдѣнію, что на основаніи приказа по гвардіи состоявшагося въ 1861 году, ни одинъ

¹ Въ родѣ этого уже сдѣлано постановленіе военнымъ министерствомъ.

солдаты не могутъ быть произведены въ унтеръ-офицеры, не выдержавъ экзамена изъ закона Божіа, арифметики и болѣе или менѣе грамматически-правильнаго письма, при безукоризненномъ поведеніи. И вотъ еще учителя грамотности, могущіе разойтись всюду по Россіи, чрезъ извѣстное время.

Этимъ лѣтомъ, въ деревнѣ, я зашелъ однажды, по дѣлу, въ избу одного отставнаго солдата, находящагося въ отставкѣ уже лѣтъ 15. Зимой онъ учитъ крестьянскихъ дѣтей, лѣтомъ пишетъ образа или точаетъ сапоги. Жена его и дочь торгуютъ овощами, ягодами и разными щепотьемъ. Живетъ онъ совершенно въ крестьянскихъ обычаяхъ, но только гораздо вощище, поспративе, поворлодочиве, и пользуется любовью поселянъ, какъ свой братъ. Онъ былъ односельчанинъ, взятый по очереди въ солдаты.

Что народная грамотность уже довольно распространена въ разныхъ мѣстностяхъ, доказываютъ питомцы Московскаго Воспитательнаго Дома, воспитывающіеся у деревенскихъ мужиковъ. Изъ 30 воспитанниковъ, представленныхъ мужиками, въ прошломъ году, въ фельдшерскую школу Московскаго Воспитательнаго Дома, оказалось только 12 не грамотныхъ. Мужики выучили ихъ грамотѣ на средства представляемыхъ околоткомъ. Замѣтимъ, что доставившій въ Воспитательный Домъ воспитанника грамотнымъ, получаетъ вознагражденія 7 рублей серебромъ. Тутъ грамота обходится, какъ видите, дешево, а правительству она стоила бы не въ примѣръ дороже на каждаго ученика.

Эти мальчики оказываютъ быстрые успѣхи въ фельдшерской школѣ, и въ три года выучиваются десмургіи, отчасти фармаціи и нѣкоторымъ другимъ медицинскимъ наукамъ, и бывають въ послѣдствіи весьма искусны въ такъ-называемой малой хирургіи.

Мы убѣждены, что не бюрократическое, регламентированное, но патріархальное, своенародное и разнообразное по *мѣстностямъ* устройство простонароднаго образованія—вотъ основа и условіе органическаго и быстрого распространенія грамотности, а съ ней и возможнаго просвѣщенія въ нашемъ простонародіѣ, какъ по отношенію къ его нравственному развитію, такъ и по отношенію къ улучшенію его матеріальнаго быта.

II.

Предполагаемая правительствомъ новыя *земскія* выборы, уѣздныя и губернскія, *учрежденія* могутъ заключать въ себѣ, между прочимъ, и органы распространенія грамотности и просвѣщенія въ народѣ.

На выборахъ въ разныя должности *уѣздныхъ земскихъ собраний*¹, изъ мѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, было бы полезно избирать и въ должности *земскихъ блюстителей* (сельскихъ) *училищъ* и ихъ *товарищей*, изъ лицъ принадлежащихъ къ уѣзду и извѣстныхъ поселянамъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ находятся школы.

Такимъ образомъ устранилось бы въ селахъ *чиновничье начало* по народному образованію, и слѣдовательно, народъ видѣлъ бы не пришлыхъ изъ городовъ *чиновниковъ*, но тѣхъ людей, къ которымъ давно приглядѣлся и которыхъ знаетъ какъ обычныхъ своихъ сосѣдей, имѣющихъ съ нимъ полную солидарность въ экономическомъ и другихъ отношеніяхъ, которая представляется теперь, по отнятіи крѣпостнаго права, совершенно иною чѣмъ была прежде.

Это ужъ будутъ не становые пристава и не окружные начальники министерства народнаго просвѣщенія, могущіе навѣзжать для осмотра сельскихъ школъ изъ городовъ, въ лицѣ, положимъ, директоровъ гимназій.

Самый характеръ *блюстителей* и ихъ *товарищей*, содѣятельный, помогающій, попечительный, ходатайственный, совѣтный, но не бюрократическій и административно-начальнический, отдалитъ бы отъ нихъ какой бы то ни было *чиновничій типъ* въ глазахъ народа.

Избираться въ эти должности могли бы люди свыше двад-

---

¹ Учрежденіе *губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраний* и таковыхъ же *управъ* уже объявлено правительствомъ, какъ предположеніе имѣющее осуществиться.

пяти-пяти лѣтъ (ибо очень молодымъ народъ плохо довѣряетъ), образованные, пользующіеся прилежнымъ чувствомъ въ простонародіи своего околотка, люди, по возможности, установившіеся въ своихъ убѣжденіяхъ, чуждые разныхъ заоблачныхъ теорій и мечтаній не имѣющихъ корней въ нашей народной почвѣ, уважающіе вѣрованія и исконные обычаи народа.

Конечно, это еще пока не болѣе, какъ *ria desideria*; но и теперь, безъ сомнѣнія, найдутся люди болѣе или менѣе приближающіеся къ этимъ требованіямъ.

Подобное учрежденіе было бы полезно еще тѣмъ, что и съ своей стороны нравственно облизало бы между собой землевладѣльцевъ съ земледѣльцами, эти два класса земцевъ.

Въ простонародіи всѣ до единого сознаютъ, что дворянство просвѣщеннѣе мужиковъ: а кто мастеръ какого дѣла, тому и книги въ руки, по народной логикѣ. Народу понятно, что подобныя должности идутъ болѣе всего къ ихъ особнякамъ - дворянамъ, землевладѣльцамъ, тѣмъ болѣе что эти должности не носилъ бы на себѣ нисколько начальственнаго характера. Можно надѣяться, что взглядъ помещиковъ вполнѣ оправдаетъ учрежденіе *блюстителей сельскихъ училищъ*.

Такіе *блюстители* и ихъ *товарищи* пребывая, на жительствѣ постоянно въ своихъ деревняхъ, отправляли бы въ своемъ околоткѣ обязанности *государственной службы*, пользуясь ея правами и преимуществами. Охотниковъ на эти мѣста нашлось бы много; стоить только взять въ соображеніе какъ усердно добиваются помѣщики должностей почетныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ или попечителей гимназій, несмотря на то что эти должности не только безъ жалованья, но еще со вѣсомъ ежегодно извѣстной суммы денегъ къ пользу училищъ.

Къ епархіальнымъ школамъ *блюстители* и ихъ *товарищи* должны относиться исключительно только со стороны содѣйствія, *вспомоществованія*, ходатайства (по желанію священниковъ). Это ограниченіе должно быть сдѣлано въ видахъ утратенія разныхъ замѣшательствъ и непріятностей, могущихъ произойти отъ столкновенія двухъ разныхъ вѣдомствъ.

Приходскіе священники сообщаютъ, съ своей стороны,

блюстителамъ, разъ въ годъ, *въдолжсти* о своей школѣ, гдѣ между прочимъ заявляютъ свои нужды и желанія, но единственно только для занесенія ихъ, на сѣздѣ *блюстителей* и *товарищевъ*, въ общій по всей губерніи *отчетъ* министру народнаго просвѣщенія—для *свѣдѣнія* министерству.

Такимъ образомъ, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія сосредоточатся свѣдѣнія о сельскихъ школахъ всякаго рода разбѣянныхъ по всей Россіи. Оно изъ этого источника можетъ правильно и практически содѣйствовать, устроить и облегчать пути грамотности, поощрять дѣятелей по этой части всѣхъ сословій и званій, и будетъ знать разномѣстныя нужды и условія этой сферы на Руси.

Блюститель и *товарищи* его должны, какъ уже сказано, пользоваться правами и преимуществами государственной службы, подобно почетнымъ смотрителямъ *уѣздныхъ* училищъ, но не должны получать жалованья.

Грамотные люди изъ простонародья, при всемъ ихъ желаніи и средствахъ, часто вовсе не знаютъ, откуда получить или какъ выписывать книги, и какія книги хороши. Въ этомъ случаѣ *блюстители* и ихъ *товарищи* могутъ содѣйствовать народу.

Разъ въ годъ, во время засѣданій губернскаго земскаго собранія, могъ бы быть и общій сѣздъ, со всѣхъ *уѣздовъ* той губерніи, *блюстителей* и *товарищевъ* ихъ, совокупность которыхъ составляетъ *комитетъ грамотности* данной губерніи.

Занятія этого *сѣзда* или *комитета* могутъ заключаться: а) въ совѣщаніяхъ о мѣрахъ къ улучшенію школъ и къ распространенію грамотности вообще въ губерніи; б) въ составленіи общаго отчета по своей губерніи.

Дѣйствія *блюстителей* и ихъ *товарищевъ* должны находиться подъ наблюденіемъ губернскаго земскаго собранія—*уѣздныхъ* и губернскаго предводителей дворянства. Учебное начальство губерніи и учебный округъ не должны имѣть никакого прямаго отношенія къ этимъ учрежденіямъ.

Казнѣ и земству учрежденіе *земскихъ блюстителей сельскихъ училищъ* и ихъ *товарищевъ* не стоило бы никакихъ издержекъ.

Изъ общаго смысла того, что нами здѣсь изложено, можно усмотрѣть, что мы старались относиться къ дѣлу практически

не упуская изъ виду данныхъ современной русской действительности, каковы бы тамъ они ни были. Мы старались не ограничиваться одними отрицаніями, а высказать что-нибудь положительное, хотя и знаемъ, что, какъ однажды сказано въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, на отрицаніи у насъ легко сойдутся всѣ до единого, а на чемъ-нибудь положительномъ не помирить и двухъ-трехъ человекъ.

Н. ЩЕРБИНА.

OCT 4 - 1950

